

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ десятый. СЕНТЯБРЬ. 1879 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Объявленія: 1) О выходѣ 1-го декабря 1879 г. обзора и систематическаго оглавленія къ «Русской Старинѣ» за первое десятилѣтіе (1870—1879 г.), и 2) О подпискѣ на «Русскую Старину» над. 1880 г. (одиннадцатый годъ). I—X.		
II. Мысли Василія Дамасковича Тагичева о горнозаводской промышленности, 1735—1738 гг. Сообщ. Д. Лисенко	35	
III. Арсеній Шацковичъ, митрополитъ Ростовскій. Историко-биографическій очеркъ. Состав. профессоръ В. С. Иконниковъ. Главы VI—VII.	1	
IV. Польское возстаніе въ 1863—1864 гг. — Записки Н. В. Берга. Глава VIII. Ванды, преслѣдованіе и битвы съ ними; — висельники; — дошудцы; — усильки и неудачи. — Жиржинскій бой	59	
V. Воспоминанія В. А. Дзобенино. Полулѣтняя гражданская служба за Кавказомъ, 1829—1876 гг. Главы V—VII (Окончаніе)	43	
VI. Моменты, архіепископъ Херсонскій и Таврическій. Запѣтки и объясненія его, 1852 г. Сообщ.		
		и напечатано съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича 137
VII. Очерки, историческіе разсказы, анекдоты и запѣтки: 1) Водвореніе картофеля въ Архангельской губ. въ 1780—1860 гг. (84). 2) Попытка къ освѣщенію города Архангельска въ 1780 г. Сообщ. А. Подымсоцкій (101). 3) Разсказъ изъ Записокъ Богуславскаго (103). 4) Каракальское дѣло 20 мая 1854 г. Сообщ. А. А. Вязмитиновъ (125). 5) Запѣтки Гордона и кн. Н. Н. Голицына (159) 6) Раскольниковы стихи. Сообщ. А. Монжаровскаго (163) 7) Горнозаводчикъ Яковлевъ въ 1827 г. Сообщ. В. Н. Ведерниковъ (169). 8) Къ генеалогіи Ланскихъ и Бычковыхъ (151 и 162). 9) Рецепты въ холеру 1831 г. (168). 10) Портретъ Гоголя 1834 г. Запѣтка П. А. Ефремова (172).		
VIII. Библиографическій списокъ. Состав. профес. В. С. Иконниковъ (на оборотѣ).		

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Николая Васильевича Гоголя, 1834 г., подлинникъ рис. съ натуры Акад. Венеціановъ, рисоваль на деревѣ К. О. Врожь съ весьма рѣдкой литографіи изъ собранія П. А. Ефремова; гравироваль въ Ниццѣ академикъ Л. А. Сѣряковъ.

Можно получить «Русскую Старину» 1870 г., 1876 г., 1877 г., 1878 г. и 1879 г., цѣна по восемь руб. съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.

1879.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Спб. 1878 г., т. XXIV, стр. XXV—586, и т. XXV, стр. XL—516.

Материалы XXIV тома посвящены исключительно сношеніямъ Голландіи съ Россією за 1615—1616 гг. (посольство Бредероде, Басса и Иоахима). Представителямъ Голландскихъ Штатовъ поручено было устроить миръ между Россією и Швецією, котораго желали оба стороны. Въ качествѣ посредниковъ они принимали участіе въ предварительныхъ переговорахъ о мирѣ, подготовившихъ Столбовскій договоръ, хотя послѣдній и не былъ заключенъ въ такомъ видѣ, какъ былъ проектированъ ими. Весь интересъ настоящихъ документовъ сосредоточивается на означенныхъ переговорахъ, хотя уполномоченнымъ поручено было хлопотать и объ интересахъ голландской торговли въ Россіи и Швеціи, но то безпристрастіе, съ которымъ они относились къ обѣимъ сторонамъ, а равно и невозможность личнаго присутствія въ Москвѣ не утѣчали на этотъ разъ желанія голландцевъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что представитель соперницы штатовъ—Англіи, Джонъ Мерикъ, явно держалъ сторону русскихъ. Отчеты пословъ писаны на голланд. языкѣ; другіе документы (грамматы, письма и пр.), по переговорамъ между обѣими сторонами и уполномоченными, на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ. Впрочемъ, материалы эти вездѣ сопровождаются русскимъ переводомъ. Настоящимъ томомъ открывается голландская серія извѣстій о Россіи, присланная еще въ 1645 г. въ подарокъ королевою нидерландскою Анною Павловною покойному императору Николаю Павловичу, представляющая копію съ оригинальныхъ донесеній голландскихъ резидентовъ (за 1615—1780 гг.). Въ 1860 г. коллекція эта была передана въ акад. наукъ и приведена въ порядокъ акад. Кунникомъ; изданіемъ же настоящаго тома заведывалъ быв. директ. госуд. архива А. Х. Бегъ. Замѣтимъ еще, что голландскія донесенія о Россіи печатались также въ «Вѣсти. Европы» 1868 года.

Въ XXV томѣ Сборника, подъ наблюде-

ніемъ графа С. Д. Шереметева, напечатаны документы, относящіеся къ дѣятельности фельдмарш. гр. В. П. Шереметева съ 1704—1722 г., извлеченные изъ архива артв. музея, импер. Публ. Библиотеки, моск. архива главнаго штаба, сенатскаго архива, Румянцевскаго музея, архива морскаго министерства и семейныхъ бумагъ гр. Шереметева. Главный интересъ этихъ бумагъ сосредоточивается на военныхъ дѣйствіяхъ въ цар. Петра I-го. Въ сборникѣ помѣщенъ портретъ Петра Великаго, гравированный акад. В. А. Бобровымъ съ портрета, находящагося въ портретной галлерей, собранной гр. П. В. Шереметевымъ.

Къ исторіи права русскихъ инородцевъ. Древній монголо-калмыцкій или ойратскій уставъ взысканій. Ѳ. И. Леонтовича. Одесса, 1879. 282. Ц. 2 р.

Настоящее изданіе дополняетъ недавно появившіеся труды по части общаго права русскихъ инородцевъ: мы разумѣемъ извѣстную книгу проф. Самоковскаго (Сборникъ общаго права сибирскихъ инородцевъ. Варшава, 1876 г.) и изданіе Географическаго общества: Записки по отдѣленію этнографіи, т. VIII, въ которомъ помѣщено три статьи объ обычаяхъ инородцевъ: юридическіе обычай лопарей, кереловъ и самоѣдовъ Архангельской губерніи, А. Я. Еоименко; заѣтчи о киргизскомъ судѣ, И. И. Ибрагимова; юридическіе обычай якутовъ, князя Н. А. Кострова (1—299 стр.), извѣстнаго, кромѣ того, многими статьями по быту инородцевъ. Трудъ Ѳ. И. Леонтовича былъ первоначально помѣщенъ въ Запискахъ Новорос. университета, гл. XXVIII и XXIX. Ойратскій уставъ принадлежитъ къ числу весьма немногихъ, оенціально признанныхъ сборниковъ инородческихъ племенныхъ законовъ, дѣйствовавшихъ на юго-восточныхъ окраинахъ Россіи. Овъ былъ составленъ въ 1640 г. въ древней Зюнгариі, на общемъ съѣздѣ монгольскихъ и ойратскихъ вождей, а со времени подчиненія калмыковъ русской власти и до послѣдняго времени удерживаетъ, въ некоторыхъ своихъ частяхъ, значеніе мѣстныхъ зако-

1-го декабря 1879-го года выйдет СТО ДВАДЦАТАЯ книга „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ и ею закончится ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ этого изданія.

Съ 1-го января 1880-го года «РУССКАЯ СТАРИНА» вступаетъ во второе десятилѣтіе.

Въ виду значительнаго числа вышедшихъ книгъ этого изданія и въ особенности въ виду чрезвычайнаго разнообразія представленнаго на его страницахъ историческаго матеріала—въ Запискахъ, Воспоминаніяхъ, Исслѣдованіяхъ, Біографіяхъ, Историческихъ Очеркахъ, Разказахъ, Замѣткахъ, Актахъ, Письмахъ и проч. проч.—является настоятельная необходимость—представить возможно полное, систематическое, обстоятельное и сколь возможно удобнѣйшее для различныхъ справокъ оглавленіе къ первымъ ста двадцати книгамъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»—изданій 1870—1879 годовъ.

Таковой обзоръ и оглавленіе—съ нѣкоторыми приложеніями—приготавливается къ печати и выйдетъ въ свѣтъ отдѣльною книгою 1-го декабря 1879 г.

Цѣна книги: ОДИНЪ РУБЛЬ съ пересылкою.

Примѣчаніе. Книга выйдетъ подъ такимъ заглавіемъ: «Русская Старина»—ежегодное историческое изданіе въ первое его десятилѣтіе, 1870—1879 гг.) Предполагается напечатать эту книгу значительно въ меньшемъ количествѣ экземпляровъ, противу общаго числа вашихъ подписчиковъ, а потому тѣ изъ нихъ, которые пожелаютъ имѣть обзоръ и оглавленіе десятилѣтія «Русской Старины»—благоволятъ выслать одинъ рубль—не позже 25-го ноября 1879-го г.

ВЪ КОНТОРАХЪ ЖУРНАЛА «РУССКАЯ СТАРИНА» МОЖНО ПОЛУЧИТЬ
КНИГИ:

„РУССКАЯ РОДОСЛОВНАЯ КНИГА“

ИЗД. РЕД. «РУССКОЙ СТАРИНЫ», ДВА ТОМА.

цѣна за оба тома 5 руб. съ пересылкою.

(имѣется обѣихъ томовъ всего 123 экз.).

Въ два тома этого труда, составленнаго подъ редакціей князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, вошло до двухъ сотъ шестидесяти родословій русскихъ титулованныхъ и не титулованныхъ дворянскихъ фамилій.

Родословія всѣхъ этихъ фамилій или вовсе до сихъ поръ не были изданы, или же были напечатаны не вполне и не исправно.

Первый томъ—въ 8-ю д. 350 стр. Цѣна 3 руб.

Второй томъ—въ 8-ю д. 222 стр. Цѣна 2 руб.

Для продолженія изданія «Русской Родословной книги», редація «Русской Старины» имѣетъ множество родословій, сообщенныхъ кн. А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ, еписк. Леонидомъ,—Г. И. Студенянымъ,—М. Ѡ. Бородиннымъ,—бар. Румелемъ, г. Болычевымъ,—г. Ниловымъ,—А. Н. Вульфомъ,—г. Селивановымъ и нѣкоторыми другими лицами. Редація «Русской Старины» предполагала помѣщать ихъ въ приложеніи къ своему изданію, но это оказалось неудобнымъ, такъ какъ отняло-бы въ журналѣ мѣсто, столь необходимое для матеріаловъ, имѣющихъ болѣе общій интересъ. Въ виду этого третій выпускъ «Русской родословной книги», когда то окажется благовременнымъ, выйдетъ особою книгою.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ
ЖУРНАЛЬ, ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

изд. 1880 г.

одиннадцатый годъ изданія.

«Русская Старина» будетъ выходить въ 1880 году въ томъ-же объёмѣ, по той же программѣ, въ тѣже сроки (1-го числа каждаго мѣсяца) и съ портретами, столь-же художественно выполненными академикомъ Л. А. Сѣряковичемъ, — какъ выходила и выходитъ въ теченіе перваго десятилѣтія 1870—1879 гг.

Между нѣкоторыми другими историческими изслѣдованіями, очерками и статьями—какъ изъ отечественной исторіи, такъ и изъ исторіи литературы, искусствъ и художествъ въ Россіи,—въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ», въ 1880-мъ году, будутъ помѣщены: обширныя Записки бывшаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи Дн. Ив. Ростиславова—составителя весьма замѣчательныхъ трудовъ «о черномъ и бѣломъ духовенствѣ въ Россіи», «опытъ изслѣдованія о богатствѣ монастырей въ Россіи» и пр. (умеръ въ 1877 г.);—Записки А. И. Вѣляева—(одного изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ декабристовъ);—Петербургское общество въ 1826-мъ году, по донесеніямъ фонъ-Фока;—Записки бывшаго жандармскаго штабъ-офицера С. Р. Барановича;—Записки князя Яшвиля;—Письма севастопольца А. П. Хрущева;—Записки (въ письмахъ) одной изъ сестеръ милосердія;—Записки сельскаго священника (авторъ статей о колоніяхъ изъ питомцевъ Воспитательнаго Дома, напечатанныхъ въ «РУССКОЙ

СТАРИНѢ» изд. 1879 года);—Неизданныя обширныя Записки московскаго митрополита Филарета по нѣкоторымъ церковнымъ вопросамъ;—Биографія, по неизданнымъ матеріаламъ, протоіерея Герасима Петровича Павскаго;—Князь Суворовъ и гр. Ростовчинъ;—Кн. Паскевичъ и кн. Горчаковъ въ Царствѣ Польскомъ— въ 1833—1853 гг.;—Кн. И. О. Паскевичъ въ Венгріи въ 1849 г.

Разсказы изъ исторіи Тайной Канцеляріи;—Пугачевцы—разсказы изъ розыскныхъ дѣлъ;—Расколъ и раскольники;—Русскіе писатели и артисты въ неизданныхъ письмахъ и матеріалахъ для ихъ біографій: Асенкова, Г. С. Ватенковъ,—Батюшковъ,—Вестужевы,—Грибоѣдовъ,—Даль,—А. М. Колосова и Катенинъ,—Кюхельбекеръ,—Ленскій,—Милоновъ,—Озеровъ (авторъ-трагедій), кн. Одоевскій,—А. С. Пушкинъ,—Сосницкій,—А. С. и Дм. Ив. Хвостовы,—Шевыревъ,—М. С. Щенкинъ и друг.

Цѣна «РУССКОЙ СТАРИНЫ» въ 1880-мъ году остается прежняя. А именно: за двѣнадцать книгъ, составляющихъ три тома, при чемъ каждый томъ не менѣе сорока печатныхъ листовъ, всего же въ годъ—болѣе 2000 страницъ, съ гравированными портретами и снимками

цѣна ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ съ пересылкою.

Иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, д. № 7.

Городскіе подписчики обращаются въ конторы редакціи: въ С.-Петербургѣ магазинъ Мамонтова (Невскій проспектъ, д. № 46); въ Москвѣ, въ книжныя магазины Соловьева и Мамонтова.

Изд.-ред. М. И. Семевскій.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦІИ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1870 г.

третье изданіе „Русской Старины“, годъ **первый**, 1870 г., **двѣнадцать** книгъ, въ **трехъ** томахъ.

Въ третьемъ изданіи „Русской Старины“ 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генераль-фельдмаршала кн. Н. Ю. Трубецкаго;— Записки историографа кн. М. М. Щербатова о поврежденіи нравовъ въ Россіи;— сенатора П. С. Рунича о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ;— Записки придворнаго бриллианщика Позже (1729—1764 гг.);—Отчеты Лагарпа о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей;— Петербургъ въ 1781 году, замѣтки **Ижара**;—Записки Михаила Александровича Вестужева (1824—1826 гг.);—Рассказъ очевидца о 14-мъ декабря 1825 г.;—Записки творца русской оперы Михаила Иван. Глинки (1804—1854 гг.);—Записки императора Николая Павловича о прусскихъ дѣлахъ (1848 г.);—Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г., записки Я. П. Вакланова;—Оборона Камчатки въ 1854 г., рассказъ контръ-адмирала Арбузова, и проч. и проч.—Болѣе сотни сообщеній: рассказовъ, статей, замѣтокъ, собраній писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII-го вѣка, біографическіе очерки П. Ѳ. Карабанова.—Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣва, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вигеля, Я. И. Ростовцева и другихъ.

Приложеніе къ третьему изданію „Русской Старины“ 1870 г. составляетъ первый томъ Записокъ Волотова, вновь пересмотрѣнный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвированныхъ академикомъ Л. А. Сѣрявовымъ рисунками.

Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.

[Въ хорошемъ переплетѣ 11 руб.].

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦІИ:

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1876 г.

съ портретами Лжедмитрія I, Михельсона, кн. Платона Зубова, Ермолова—всѣ эти гравюры на мѣди исполнены акад. И. П. Пожалостинымъ. Портреты Екатерины II и графа Аракчеева — гелиографическіе снимки. Портреты — Емельяна Пугачева, Клугенау и В. Г. Бѣлинскаго—гравюры акад. Л. А. Сѣрякова.—Снимокъ съ указа о смерти Петра Великаго, 1725 г.

Содержаніе: Записки Гарновскаго, одного изъ ближайшихъ лицъ къ кн. Потемкину-Таврическому: дворъ императрицы Екатерины II въ 1786—1790 гг.—Подлинная переписка Екатерины II съ кн. Потемкинымъ, 1782—1791 гг.—Бесѣды Екатерины II о дѣлахъ государственныхъ, 1772—1777 гг.—Домашній памятникъ, т. е. Записки Н. Г. Левшина о событіяхъ начала царствования Александра I.—Записки А. С. Стурдзы о судьбѣ православной церкви русской въ царствованіе Александра I.—Автобіографія и переписка академика А. Л. Витберга, строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.—Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ: очеркъ жизни московскаго общества и университетской молодежи, 1835—1842 гг.—Записки Ивана Степановича Жиркевича: порядки военнаго управленія, 1827—1837 гг.—Моя жизнь и художественно-археологическіе труды, разсказъ профес. Федора Григорьевича Солнцева: академія художествъ до 1820-хъ гг.; поѣздки по Россіи съ археологическою цѣлью; возстановленіе древностей въ кievскихъ соборахъ; посѣщенія кievскихъ святыхъ императоромъ Николаемъ I; разсказы о нѣкоторыхъ іерархахъ; разсказы о художникахъ (К. П. Брюлловъ) и проч. дѣтеляхъ.—Воспоминанія артиста П. А. Каратыгина, вдовы адмирала Д. И. Рикордъ и друг.—Митрополитъ Ростовскій Арсевій Мацѣевичъ—историческій очеркъ профес. Н. И. Барсова.—Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II, очеркъ изъ историческаго изслѣдованія В. И. Семеваго.—Бунтъ Беневскаго въ Камчаткѣ въ 1771 г.—Москва въ 1770—1771 гг.—статья академика С. М. Соловьева.—Павелъ Полуботокъ—статья Н. И. Костомарова.—Главные пособники Емельяна Пугачева—въ ихъ собственныхъ показаніяхъ на судѣ (по подлинному о нихъ дѣлу).—Михельсонъ, побѣдитель Пугачева—біографическій очеркъ.—Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ (1767—1822 гг.)—историко-біографическій очеркъ.—Самсонъ-ханъ Макинцевъ и русскіе бѣглецы въ Персію въ 1806—1855 гг.—статья Ад. П. Барже.—Профессоръ Илья Васильевичъ Бузльскій, его біографія, составленная профес. Я. А. Чистовичемъ.—Т. О. Осиповскій, ректоръ Харьковскаго университета.—Холерный бунтъ въ 1831 г., разсказъ очевидца.—Артемій Волинскій, М. М. Сперанскій, А. П. Ермоловъ, М. И. Глинка, архимандритъ Новгородскаго Юрьева монастыря Фотій, протоіерей Самборскій, А. С. Грибоѣдовъ—въ ихъ неизданныхъ, вновь открытыхъ, письмахъ. Письма, планы и предначертанія императора Николая Павловича, а также записки и донесенія кн. М. Д. Горчакова и кн. И. Ѳ. Паскевича о войнѣ съ Турціей въ 1853—1854 гг.—Кромѣ перечисленныхъ статей и матеріаловъ—въ «Русской Старинѣ» 1876 г. помѣщено до 100 историческихъ разсказовъ, анекдотовъ, біографическихъ и генеалогическихъ замѣтокъ.—По исторіи отечественной словесности—«Русская Старина» 1876 г. представила новыя данныя о В. Г. Бѣлинскомъ (двѣ большія статьи); Н. В. Гоголь—по неизданнымъ письмамъ (1827—1828 гг.) и проч. и проч.

Цѣна „Русской Старины“ 1876 г., 12 книгъ съ портретами,
8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦИИ:

12 КНИГЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ ИЗД. 1877 Г.

съ портретами: Кн. Е. Дашкова, графъ А. Мамоновъ, кн. Голеніщевъ-Бутузовъ-Смоленскій, московскій митрополитъ Филаретъ, М. О. Орловъ, княгиня Жаннета Ловичъ—супруга цесаревича Константина Павловича, кавказскій имамъ Шамиль, Н. Н. Муравьевъ (Карскій), К. В. Чевингъ, И. А. Яковлевъ.—Рисунки: галера императрицы Еватеринны II и памятникъ Архипу Осипову. Снимки съ рѣдкихъ медалей и снимокъ съ подлиннаго письма императора Александра I, 1812 г.

Въ 12-ти книгахъ «Русской Старины» за 1877-й, восьмой годъ издавія, между многими другими статьями напечатаны: Турецкая революція—историческій очеркъ.—Крѣпостные крестьяне при Еватеринѣ II.—Сельскій священникъ въ Россіи въ половинѣ XVIII-го вѣка.—Россія сто лѣтъ назадъ—путешествіе англійскаго историка Кокса.—Записки берлинскаго профес. академика Тьбе о встрѣчахъ и знакомствахъ съ замѣчательными русскими людьми въ 1766—1786 гг.—Герцогиня Кингстонъ въ Россіи.—Бракоравное дѣло Евдеи Гаммбаль.—Еватерина II и Густавъ III.—Новѣсти цесаревича Павла Петровича.—Русское войско въ царствованіе Павла Петровича.—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—историко-біографическій очеркъ.—Отечественная война 1812 года—историко-критическое изслѣдованіе по новымъ источникамъ.—Посольство Ермолова въ Персію въ 1817 году.—Записки Шуазель-Гуфье—объ императорѣ Александрѣ I и его времени.—Уничтоженіе масонскихъ ложъ въ Россіи—по вновь открытымъ материаламъ.—Россія, Австрія и Англія во время движеній 1848—1849 гг.—Записки П. А. Маратыгина.—Воспоминанія Т. П. Пассова.—Дневникъ барона А. П. Мюллера: война Россіи съ Венгріей въ 1849 г.—Кн. Момшиловъ въ Крымскую войну, по рассказамъ его адъютанта А. А. Панаева.—Воспоминаніе о Т. Н. Грановскомъ—Селиванова, одного изъ товарищей его по воспитанію, и проч.—Россія и Турція въ 1863—1865 гг.: письма императора Николая Павловича и донесенія его полководцевъ.—Федоръ Карловичъ Зитлеръ, біографическій очеркъ и переписка.—Воспоминанія о Восточной войнѣ, 1853—1856 гг., доктора А. Генрици.—Шамиль и его семья въ Калугѣ, записки пристава при имамѣ въ 1862—1865 гг., полковника П. Г. Пржевальскаго.—И. В. Чевингъ: первыя главы его біографіи и проч. Вообще въ двѣнадцати книгахъ издавія «Русской Старины» 1877 г., между многими другими статьями, напечатаны: изслѣдованія, очерки и статьи: профес. Н. И. Барсова, Ад. П. Берге, Ш. М. Богдановича, проф. М. И. Горчакова, акад. Я. Н. Грета, М. Е. Забѣлина, профес. В. С. Илюминкова, Д. М. Иловайскаго, Е. П. Карновича, Н. М. Костомарова, П. А. Кушля, П. С. Лебедева, И. М. Ореуса, А. Н. Попова, Д. Д. Рабиновича, В. И. Соколовскаго, проф. В. И. Сергѣевича, акад. С. М. Соловьева, В. В. Стасова, А. Н. Строва, И. М. Шамшова, Н. К. Шильдера и многихъ другихъ.

Цѣна „Русской Старины“ 1877 г., 12 книгъ съ портретами,—
8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦИИ:

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1878 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: Александръ I; пасторъ Зейдеръ; казненные въ 1739 г. князья Долгорукие—Василій Лукичъ и Иванъ Алексѣевичъ; Г. В. Новицкій. Хромофотографированный (отпечатанный красками) портретъ Н. В. Гоголя (съ подлиннаго живописнаго портрета, писаннаго въ Римѣ А. А. Ивановымъ). Снимокъ съ автографа И. А. Крылова.

Въ 12-ти книгахъ «Русской Старины» за 1878-й годъ, девятый годъ изданія, между многими другими статьями напечатаны: Журналъ В. И. Змилова.— Записки акад. Губо.— Записки пастора Зейдера: его страданія, казнь и ссылка въ 1800 г.—Послѣдніе дни жизни Александра I-го и императрицы Маріи Феодоровны.— Записки кн. З. А. Волконской и И. Чернышевой.— Кн. Ксаверій Друцкій-Любецкій— очеркъ его государственной дѣятельности.— Записки артистки Л. П. Минулиной-Носицкой.— Записки доктора Генрици: война 1853—1855 гг.— Записки А. Е. Полова—начальника Севастопольскаго гарнизона съ 1-го октября по 1-е декабря 1854 г.—Воспоминанія Т. П. Пассона.— Шамилъ въ Налугѣ—записки пристава.— Жизнь и сорока-двухъ-лѣтняя художественная дѣятельность П. И. Айвазовскаго (автобіографія).— Записки солдата Назарова, 1792—1839 гг.— Записки протоіерея І. Виноградова, 1800—1836 гг.— Дневникъ пастора Губера: холера въ 1830 г.— Воспоминанія всендза прелата Бутковича: возстаніе въ Польшѣ въ 1830—1831 гг.— Записки И. С. Мирковича: въ Петербургѣ и Симбирскѣ 1834—1835 гг.— Очерки и рассказы Э. И. Стогова: смѣльно-каторжные въ восточной Сибири.— Сперанскій и Трескинъ въ Иркутскѣ.— На посту жандармскаго штаб-офицера въ Симбирскѣ: бунты крестьянъ, борьба дворянства съ губернаторами,—провинціальныя романы,—пріѣздъ императора Николая и проч.— Изъ дневника Варгата фонъ-Зисе, 1845—1849 гг.— Инокентій, архіепископъ Херсонскій и Тавричскій.— М. В. Чевкинъ и управленіе имъ путями сообщеній.— Братья Грузиновы: военно-судное дѣло въ Черкасскѣ въ 1800 г.— Венеціановъ— первый бытовой живописецъ.— Его біографія.— Рассказъ лейбъ-казака И. И. Шамшова.— «Вѣчный Жидъ»—поэма въ стихахъ В. И. Кюхельбекера (декабриста).— Родословная царствующаго дома Романовыхъ.— Балзедское славное сидѣнье съ 5-го по 28-е июня 1877 г.—рассказъ вѣстника, посланнаго отъ осажденныхъ къ генералу Тергукасову за помощью.— Царь-горохъ—шутка-сатира.— «Митюха Валдайскій», зрѣлище въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ.— Тропарь на день Преображенія Господня, соч. Филарета, митрополита московскаго, и проч. и проч.

Цѣна «Русской Старины» 1878 г.—12 книгъ съ портретами—
8 рублей съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦИИ:

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ ИЗД. 1879 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: императора Іоанна Антоновича; митрополита Ростовскаго Арсенія Мацѣевича (въ темницѣ, при X-й кн.); Иннокентія—архіепископа Херсонскаго и Таврическаго; графа Федора Петровича Толстаго—вице-президента Академіи Художествъ;—Александра Сергѣевича Пушкинна—въ 1812 и 1827 гг. (два точныхъ снимка съ гравюръ того времени);—Н. В. Гоголя—въ 1834 г.—гравюра съ весьма рѣдкаго портрета, писаннаго Акад. Венеціановымъ,—изображающаго великаго писателя въ самые первые годы его творчества;—статсъ-секретаря С. М. Жуковскаго (одного изъ главнѣйшихъ участниковъ въ великой реформѣ 19-го февраля 1861 г.), профессора Осипа Максимовича Водянскаго;—персидскаго принца Хосров-Мирзы.—Снимки: съ подлинныхъ писемъ Петра Великаго и Александра Сергѣевича Пушкинна (при XI кн.).

Въ вышедшихъ книгахъ «Русской Старины» за 1879-й, десятый, годъ издавія,—между другими статьями, напечатаны: Журналъ путешествія по Европѣ въ 1697—1699 га.—кн. Б. И. Мурашина;—Петербургъ въ 1720 г. по запискамъ поляка-очевидца;—Воспоминанія А. М. Веригина; М. А. Варуль-Секрета, Л. И. Ричардъ, В. А. Дюбонно.—Жизнь бывшаго крѣпостнаго крестьянина, нынѣ археолога М. А. Голышева (1838—1878 гг.);—Очерки и рассказы Э. М. Стегова.—Дневникъ А. И. Храловицкаго—инспектора репертура русскаго театра въ 1829—1839 гг.—Записки Я. А. Маратыгина: русскій театръ въ Петербургѣ въ 1838—1858 гг.—Нѣсколько вѣдѣль при русскомъ дворѣ въ 1846 г.—Выдержки изъ дневниковъ Бартагева фонъ-Зисе (1850—1851 гг.);—Мои сношенія съ Я. М. Ростовцевымъ—воспоминанія А. Д. Галахова (1850—1858 гг.);—Воспоминанія М. И. Венюкова о заселеніи Амурса;—Польское возстаніе въ 1863—1864 гг.—записки Н. В. Берга;—Историческія изслѣдованія: Д. М. Мисайскаго; В. И. Семовскаго;—Н. Мизно;—г. Тальберга;—г. Лессю;—г. Подысоцкаго;—проф. В. С. Мисюкова: Арсеній Мацѣевичъ—митрополитъ Ростовскій;—Императоръ Іоаннъ Антоновичъ—по вновь открытымъ матеріаламъ;—И. М. Восточова: Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.—Письма архіеп. Иннокентія къ Великому князю Константину Николаевичу (1852);—Бн. М. С. Голыцынъ: П. Д. Киселевъ и управленіе имъ Валахіей и Молдавіей въ 1829—1834 гг.;—Колонія въ Смоленской и Саратовской губерніяхъ изъ питомцевъ Воспитательнаго Дома—сказаніе очевидца.—Хосров-мирза, персидскій принцъ, 1813—1875 гг.—черезъ Ад. П. Верже;—Бн. А. И. Барятинскій—изъ Записокъ М. Я. Ольшескаго;—А. С. Пушкинъ—черезъ жизни и его письма.—Предсмертная поѣздка М. Ю. Лермонтова въ Пятигорскъ;—Бунтъ архіепископа Иринія въ Иркутскѣ въ 1831 г., воспоминанія и рассказы изъ его жизни.—Историческіе рассказы и анекдоты изъ собранія Богуславскаго и др.

Письма, замѣтки, документы, рассказы и прочіе матеріалы,—всего болѣе сотни различныхъ сообщеній.

Цѣна «Русской Старины» 1879 г.,—12 книгъ съ 12-ю портретами,— 8 руб. съ пересыкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

РОССІЙСКАЯ БИБЛЮГРАФІЯ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

ВѢСТНИКЪ РУССКОЙ ПЕЧАТИ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ НОВЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ, УЧЕНЫХЪ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ:

I. Всѣ русскія и польскія изданія.—Важнѣйшія изданія на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Географическія карты, Эстампы, Музыкальныя сочиненія, учебныя пособия, Образовательныя игры, Периодическія изданія и т. п.

II. Хроника печати: Правительственныя распоряженія и сообщенія по дѣламъ печати.—Литературное обозрѣніе.—Отзывы о новыхъ книгахъ.—Книжное дѣло въ Россіи.—Книжное дѣло за границею.—Графическія искусства.—Біографіи и некрологи.—Объявленія и отчеты о конкурсахъ на ученія и художественныя произведенія.—Отзывы Императорской Академіи Наукъ или ученыхъ обществъ о нѣкоторыхъ произведеніяхъ печати.—Разныя извѣстія.—Книжная статистика и т. п. III. Объявленія о новыхъ изданіяхъ. Объявленія гг. авторовъ, издателей, типографовъ и т. п. Систематическіе каталоги.

Адресоваться въ книжный складъ «Россійской Библіографіи» (Э. Гартле), Большая Конюшенная, № 6, въ С.-Пб. Цѣна «Россійск. библіографіи»—8 руб. съ пересылкою.

Въ Петербургѣ въ магазинѣ Анисимова (Большая Садовая), поступила въ продажу новая книга: **СВОРНИКЪ ЗАКОНОВЪ И ПОСТАНОВЛЕНІЙ ДЛЯ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ И СЕЛЬСКИХЪ ХОЗЯЕВЪ.** Состав. В. И. Вешняковъ. Спб. 1879 г., въ 8 д. стр. LXIII и 560. Цѣна 3 рубля.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1879.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ XXVI.
1879.

В. ВОЛКОВЪ
УМЯТОВЪ
СКОБЕЛЪ
БОРТИНЪ
ДЕРЖАВИНЪ
КУЛИБИНЪ
КАКУТОВЪ

САТОВЪ
ШЕЛЮГЪ
ИВАНОВЪ
БОЛТИНЪ
ВИЗИНЪ

СПЕРАНСКІЙ
БОРАКИНЪ
МОРОЗОВЪ
А. РЫКОВЪ
ЕРМОЛОВЪ
А. РИЗОВЪ
ПУШКИНЪ

ЗЕМЛИ ДВОРЪ ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТИСТВО ВЪ 1753 Г.

Состав. А. Шараман.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ
въ 1834 году.

Рисована Витцманомъ.

Гравир. Влад. А. В. Сфракози.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1879 г.

ОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 16 АВГ. 1879 г.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

АРСЕНІЙ МАЦѢВИЧЪ.

Историко-біографическій очеркъ.

VI ¹⁾.

Программа, данная комисіи о церковныхъ имуществѣхъ, не могла удовлетворить той партіи въ духовной іерархіи, которая ждала безповоротнаго закрѣпленія имуществъ за духовенствомъ и монастырями. Но мы знаемъ уже, что Арсеній выступалъ однажды ходатаемъ за это дѣло передъ сильнымъ Бестужевымъ, и на него возлагали свои надежды защитники имущественныхъ правъ церкви. Они звали его въ Москву, чтобы онъ принялъ тамъ участіе въ разрѣшеніи столь важнаго для церкви вопроса. Но ихъ ожиданія не сбылись. Арсеній не былъ вызванъ туда, а это еще болѣе раздосадовало его. До насъ дошла его переписка съ директоромъ одного присутственнаго мѣста въ Москвѣ, Ярославцевымъ, происходившая въ январѣ и февралѣ 1763 г., въ которой, въ числѣ разныхъ слуховъ и новостей (и болѣе всего о герцогѣ Биронѣ и его дѣйствіяхъ въ Москвѣ, съ которымъ Арсеній сблизился во время пребыванія послѣдняго въ Ярославлѣ, и теперь получалъ отъ него даже поклонны), встрѣчаются намеки на отношенія къ Арсенію нѣкоторыхъ членовъ синода. Арсеній, по этому поводу, писалъ Ярославцеву: «По какой причинѣ искали моей присяги, нынѣ отчасти открылося: надѣялись, что я во время коронаціи въ Москвѣ буду, и хотѣли въ синодъ до присутствія не допустить ²⁾. И такъ-то потому явилось ихъ во мнѣ

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1879 г., т. XXIV, стр. 731—752; т. XXV, стр. 1—34, 577—608.

²⁾ Арсеній продолжалъ считаться синодальнымъ членомъ.

В. И.

довольное доброхотство». На это Ярославцевъ отвѣчалъ: «Сколько времени злоба торжествовала! И мнѣ бы не прилично злобу простирать, а святымъ людямъ и мыслить не довлѣть. Развѣ кому мѣста жаль, тѣ старались не допустить. Да разумно, что и не поѣхали (т. е. Арсеній, въ Москву). Богъ съ ними!» Затѣмъ вниманіе ихъ обоихъ сосредоточивается на отправкѣ изъ Москвы, въ Ростовъ, серебряной раки для мощей Димитрія Ростовскаго, причемъ Ярославцевъ сообщалъ, какъ слухъ, что дѣлаются уже необходимыя приготовления къ поѣздкѣ императрицы въ Ростовъ предстоящимъ постомъ; но Арсеній сомнѣвался въ этомъ. «Что касается о прибытія въ Ростовъ ея величества,—писалъ онъ,—то развѣ весною или лѣтомъ надѣяться, а теперь въ постъ и неизвѣстно, и ненадежно». Между тѣмъ Екатерина сама осматривала раку, и рѣшила отправиться въ Ростовъ (письмо 6-го февраля 1763) ¹⁾. Рѣшеніе ея вполнѣ понятно по тому значенію, какимъ пользовался въ народѣ Димитрій Ростовскій, а торжество, устроенное въ честь его, давало Екатеринѣ возможность снова выказать свое благочестіе, въ противоположность недавно павшему правительству. Такимъ образомъ, волею-неволею Екатеринѣ предстояло теперь встрѣтиться съ самимъ Арсеніемъ, и нѣтъ сомнѣнія, что она прекрасно знала о поступкахъ послѣдняго въ царствованіе Елисаветы Петровны; но ей также была извѣстна и недавняя попытка Арсенія—оказать свое вліяніе на рѣшеніе вопроса о монастырскихъ имуществвахъ черезъ Бестужева-Рюмина. Такъ, немного спустя, Бестужевъ долженъ былъ объясняться передъ императрицею по поводу своихъ хлопотъ объ Арсеніѣ, и при этомъ онъ заявлялъ Екатеринѣ, что «прежде за ростовскаго архіерея никогда не заступалъ, но паче присланную отъ него въ С.-Петербургъ цедулку представилъ съ своимъ примѣчаніемъ» ²⁾; а отсюда становится понятнымъ, почему такъ интересовались теперь извѣстною присягою Арсенія, въ разысканіи которой онъ напрасно подозрѣвалъ однихъ членовъ синода. Къ этому присое-

¹⁾ Переписка Арсенія съ Ярославцевымъ, въ «Днѣ» 1864 г., № 39.

²⁾ Сообщено С. М. Соловьевымъ въ «День» 1862, № 16, и перепеч. въ «Чтен. Моск. Общ. исторіи», 1862, III, 191.

дннлась поѣздка въ Москву, въ январѣ 1763 г., ярославскаго воеводы Протасьева ¹⁾, такъ ревностно принявшагося, было, за опись церковныхъ имуществъ въ ростовской епархіи, и объ удаленіи котораго ходатайствовалъ Арсеній у Бестужева. Вотъ источникъ болѣе точныхъ свѣдѣній объ Арсеніѣ, какія могла получить Екатерина.

Но вскорѣ затѣмъ произошли событія, вполне подтвердившія опасенія послѣдней. Рядъ новыхъ постановленій, вызванныхъ дѣятельностью комиссіи, могъ убѣдить, что право пользованія церковными имѣніями будетъ значительно ограничено, и самый вопросъ рѣшится далеко не въ томъ смыслѣ, какъ ожидало духовенство ²⁾. Все это вызвало новыя неудовольствія и движеніе въ средѣ высшаго духовенства. Тотъ же переяславскій епископъ Сильвестръ склонялъ Арсенія написать протестъ противъ предполагавшагося рѣшенія комиссіи и даже нарочно пріѣзжалъ для этого въ Ростовъ, что вполне согласно съ прежними мнѣніями и послѣдующими заявленіями Сильвестра по церковнымъ вопросамъ ³⁾. При свиданіи же съ Арсеніемъ Сильвестръ вручилъ ему «инструкцію комиссіи», копію съ которой Арсеній отправилъ къ востромскому епископу Дамаскину, прося «имѣть оную въ секретности», потому что самъ переяславскій архіерей говорилъ ему, что «нарочнымъ повелѣніемъ въ укрѣпленности оную содержать приказано». Отъ себя Арсеній прибавлялъ: «а въ какихъ она комиссія обстоятельствахъ дѣйствіе свое начинаетъ и производить будетъ, о томъ самъ онъ, преосвященный востром-

¹⁾ «День» 1864, № 39, стр. 9.

²⁾ По инструкціи 29-го ноября, комиссія распорядилась отправить по уѣздамъ оберъ-офицеровъ изъ дворянъ, знакомыхъ съ сельскою экономіею, для описи имуществъ, и составила особныя формы описей, утвержденныя императрицею 29-го января 1763 г. Полн. Собр. Зак., XVI, 11,745.

Далѣе, именнымъ указомъ отъ 5-го февраля, повелѣно было разослать, въ теченіе іюля и августа, во всѣ епархіи и монастыри шнуровыя книги для введенія въ нихъ приходовъ и расходовъ, по сочиненнымъ комиссіею формамъ, для поправки которыхъ предписано было учредить при комиссіи счетную экспедицію. Ibid., № 11,747.

³⁾ Сильвестръ Старогородскій (Ист. Спб. Дух. Акад., Чистовица, 37, и Списки Ю. Толстаго, 15), а не епископъ старогородскій, какъ пишетъ г. Барсовъ («Рус. Стар.» 1876, томъ XV, стр. 737; или С. Старогородскій, «Христ. Чт.», 1873, № 2). Онъ былъ крестникъ великой княжны (императрицы) Елисаветы Петровны.

свой, изъ оной инструкціи довольно усмотрѣть изволить, и ту-де инструкцію Теплоу сочинялъ, и она-де еще не въ законъ высочайшимъ намѣреніемъ утверждена. Что же послѣ воспослѣдуетъ, судьбы Божіи не знаю, а намъ только надлежитъ Богу молиться, дабы церковь свою помиловалъ, якоже миловалъ во время Алексѣя св., митрополита московскаго, за татарскую державу, по писанному въ прологу февраля 12-го, въ словѣ о житіи св. Алексѣя¹⁾. Переписка Арсенія съ Дамаскиномъ, захваченная послѣ его ареста, проливаетъ свѣтъ на окончательную развязку дѣла Арсенія. Уже 6-го февраля 1763 г. Дамаскинъ извѣщалъ послѣдняго о полученіи отъ него исправленнаго чиноположенія въ недѣлю православія и заявлялъ, что онъ будетъ совершать этотъ обрядъ по новому чину. Дамаскинъ говоритъ о присланныхъ въ нему Арсеніемъ толкованіяхъ на псалмы, въ которыхъ слѣдователи нашли намеки на современные обстоятельства. Вотъ одно мѣсто изъ него: «Богъ милостивъ, не оставитъ уповающихъ на него. Пусть противники дышутъ, однако столпъ и утверженіе истины адскаго ихъ ни мало боится дыханія». Но Дамаскинъ желалъ скорѣйшаго прибытія императрицы въ мощамъ Дмитрія Ростовскаго и посѣщенія ею Арсенія, надеясь, конечно, на успѣхъ вліянія послѣдняго.

Въ третьемъ письмѣ, по поводу введенія въ семинаріи нѣкоторыхъ свѣтскихъ наукъ, Дамаскинъ писалъ: «Мудріи наши поны и причетники будутъ, только опасно, чтобъ за математикою и астрономіею и тѣмъ мудрованіемъ въ собственной невѣждами не остались, а паче отъ оныхъ не заняли бы въ голову. Я вашего держуся мнѣнія. Довольно того, что и регламентомъ означено; да и того за бѣдностью совершенно исправить неудобно. А то-де наипаче затѣваемъ странное оное ученіе, и кто съ духовныхъ въ комисіи, не знаю». Нельзя не замѣтить здѣсь сходства мнѣнія Дамаскина съ доношеніемъ Арсенія въ синодъ. Въ заключеніе онъ проситъ Арсенія прислать дальнѣйшія толкованія на псалмы, прибавляя: «кромѣ тѣхъ, которыя я отъ васъ въ проѣздъ мой получилъ»²⁾. Эта переписка и посѣщенія Арсенія лицами, заинтересованными въ извѣстномъ рѣ-

¹⁾ «День», 1864, № 39 (письмо отъ 12-го февраля 1763 года).

²⁾ «День», 1864, № 39, стр. 8. Ср. «Рус. Старину» 1876, томъ XV, стр. 741.

шеніи разсматриваемаго вопроса, вполнѣ обрисовываютъ предъ нами роль Арсенія въ настоящемъ дѣлѣ. Однако, по показанію лицъ, служившихъ съ Дамаскиномъ въ недѣлю православія, чинъ послѣдняго онъ совершалъ по общему церковному обряду ¹⁾. Иначе поступилъ Арсеній. Во время слѣдствія, въ Ростовѣ были найдены три древнихъ чиноположенія этого обряда: одно печатное съ письменнымъ дополненіемъ и два рукописныя, а также одно новое, по которому былъ совершенъ этотъ обрядъ въ 1763 г. (9-го февраля). Оказывается, что въ письменномъ древнемъ экземплярѣ (1642 г.) были уже прибавки, которыхъ нѣтъ въ печатномъ; но Арсеній сдѣлалъ къ нимъ еще новыя дополненія, по которымъ былъ совершенъ обрядъ православія, въ ростовскомъ соборѣ, въ 1763 году ²⁾. Прибавки эти состояли изъ двухъ статей, направленныхъ противъ похитителей церковныхъ имуществъ. Приводимъ ихъ здѣсь, отмѣчая разрядкой дополненія Арсенія:

«1. Иже кто встанетъ на церкви Божіи, на храмы и мѣста святыя, зліи крамольніцы и совѣтницы ихъ: да будутъ прокляты.

«2. Все насильствующіи и обидящіи святыя Божіи церкви и монастыри, отнимающе у нихъ данныя тѣмъ, отъ древнихъ

¹⁾ «День», *ibid.*

²⁾ Впервые анаематствованіе, за прикосновеніе къ церковнымъ имуществамъ, въ чинѣ православія встрѣчается послѣ вторичнаго отобранія земель у новгородскаго духовенства, до собора 1503 г., а примѣру Новгорода послѣдовали потомъ и другія епархіи. Анаематствованіе это было заимствовано изъ подложнаго правила литаго вселенскаго собора, на которое ссылается соборъ 1503 г.; и въ нѣкоторыхъ синодикахъ его вовсе нѣтъ (напр. въ синод. моск. Успен. собора, «Древ. Рос. Вивл.», VI). Но въ рукописномъ ростовскомъ синодикѣ (моск. типограф. библ.) 1642 г., противъ анаемы «на обидящихъ святыя Божіи церкви и монастыри», сдѣлана еще особая замѣтка для протодіакона: «возгласи ведемъ!».

«Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи», А. Павлова, 50—51. Авторъ этой монографіи говоритъ, что Арсеній совершалъ въ 1763 г. обрядъ православія по такому синодику, но это не вполне точно. Арсеній, съ своей стороны, сдѣлалъ также прибавленія, отмѣченныя нами въ текстѣ, а потому синодъ, въ своемъ представленіи императрицѣ, обвинялъ Арсенія не только въ совершеніи означеннаго чина по рукописному, а не печатному экземпляру, но и за то, что онъ «сверхъ того и другія перемѣны и прибавки, по своему мудрствованію, въ томъ чиноположеніи учинилъ безъ вѣдома синода». «День» 1864, № 39, стр. 6.

боголюбцовъ и монарховъ благочестивыхъ имѣнія и чрезъ то, воплощенія Христова дѣло безкровную жертву истребляющіи, еще не останутся отъ сего же такового начинанія, но и еще помышляти будутъ таковое злодѣйство, яко Ананія и Сапфира и яко крайніи врази Божіи, да будутъ прокляти ¹⁾».

До сихъ поръ Арсеній ни разу не совершалъ этого обряда въ своей епархіи, но теперь онъ задумалъ придать ему торжественную обстановку. Все духовенство Ростова должно было принять въ ней участіе; а идя въ алтарь, Арсеній громогласно возносилъ молитву, въ которой просилъ небо—отвратить хищниковъ отъ исполненія ихъ намѣреній; но если они воспротивятся тому, то чтобы память ихъ погибла съ шумомъ и имя ихъ было истреблено въ книгѣ живыхъ ²⁾. Конечно, эти выходы не могли остаться тайною для Екатерины, жившей тогда въ Москвѣ, чѣмъ и объясняются отзывы ея объ Арсеніѣ въ письмахъ ея къ статсъ-секретарю Олсуфьеву, отъ 28-го февраля.

«Адамъ Васильевичъ!—пишетъ она.—Понеже я знаю властолюбія и бѣшенства ростовскаго владыки, я умираю—боюсь, чтобы онъ не поставилъ рака (подлин.—рака) Дмитрія Ростовскаго безъ меня; извѣстите меня, какъ вы ее отправили, съ какимъ приказаніемъ, и подъ чьимъ смотрѣніемъ (подлин.—подъ чей смотрѣніи) она находится; и если не взяты, то возьмите всѣ осторожности, чтобы оная рака безъ меня отнюдь не была поставлена». Въ отвѣтъ на это Олсуфьевъ тогда же писалъ Екатеринѣ: «Для лучшаго и точнѣйшаго вашего величества изъясненія, на какомъ основаніи рака въ Ростовъ отправлена,

¹⁾ «День», 1864 г., № 39.

²⁾ Въ «выпискѣ изъ послѣдовавшихъ въ вышшемъ году случившихся повѣстей» («Чтенія Моск. Общ. исторіи», 1862, II, смѣсь, 15—18) означенное событіе отнесено къ 1762 г., причемъ сообщается, что вслѣдъ затѣмъ Арсеній отправилъ два прошенія—одно Петру III, а другое Екатеринѣ II, по вступленіи ея на престолъ. Но это не вѣрно. Арсеній дѣйствительно послалъ два «доношенія» въ синодъ, но оба—въ 1763 г. Изъ слѣдственнаго же дѣла видно, что Арсеній во все время своего архіерейства («какъ предъ собраніемъ словесно объявлялъ») «церемоніи оной никогда не чинилъ, а только въ семь году отправлялъ»; почему синодъ сдѣлалъ заключеніе, что «включенная въ ономъ церемоніалѣ клятва ни къ чему оному клонится, какъ и его вышеозначенныя два доношенія»... «День», 1864 г., № 39, стр. 6. В. И.

подношу при семъ черновой отпускъ письма моего къ митрополиту, по которому такого дерзновенія, кажется, чаять не можно. Приказано поставить впрядь до указу въ особомъ мѣстѣ, по близости отъ церкви; сказано, что приложена печать кабинетная и что для охраненія поставлены будутъ солдаты, да и маіору Шадену, который съ нею поѣхалъ, извѣстно, что ваше величество намѣрены поставить раву въ собственномъ своемъ присутствіи; слѣдовательно, надѣюсь, что до самовольства и онъ не допуститъ. Il faudrait, que son Eminence fut d'une hardiesse inconcevable pour oser y mettre les doigts». Тѣмъ не менѣе, Екатерина всегач помѣтила на письмѣ: «Худо бы подтвердить, чтобы безъ меня отнюдъ не поставили раки» (рава) ¹⁾. Между тѣмъ Арсеній, крайне возбужденный недавними распоряженіями комисіи, заставившими его сдѣлать рѣшительный шагъ, и, быть можетъ, вновь обиженный отношеніемъ къ нему Екатерины, рѣшился вступить въ открытую борьбу за поправныя, по его мнѣнію, церковныя права. Подъ тавими впечатлѣніями написано было первое доношеніе Арсенія въ синодъ, отъ 6-го марта 1763 г.

Основываясь на манифестъ Екатерины II, отъ 12-го августа 1762 г., который возвращалъ церковныя имущества въ вѣденіе архіереевъ и монастырей, Арсеній находитъ противорѣчіе тому въ распоряженіи синода о внесеніи въ шнуrowыя книги, разосланныя (9-го октября) при особомъ указѣ, всѣхъ приходоу и расходоу по архіерейскому дому, «которое одолженіе,—говоритъ онъ,—присланныхъ ко мнѣ книгъ кажется сану архіерейскому не безъ уничтоженія: понеже въ той силѣ имѣются, яко бы архіерей о пользѣ церкви вси нестаратели, и въ подозрѣніи нестарательства и пренебреженія, что не по большой ли части изыщется на свѣтскихъ, нежели на духовныхъ», и въ примѣръ этого онъ представляетъ нестройство Александро-Невскаго монастыря, находившагося въ вѣденіи свѣтскихъ лицъ. «Присланныя отъ святѣйшаго синода книги къ архіереямъ и монастырскимъ настоятелямъ,—продолжаетъ онъ,—аки бы къ

¹⁾ Сообщены Лонгиновымъ въ «День», 1862, № 17; перепечатаны въ «Чтен. Моск. Общ. исторія», 1862, III, 192.

прикащикамъ, тяжесть не только архіереямъ, но и всему духовному чину несносная и никогда же неслыханная, еще же слову Божію и закону не очень сходственная». Онъ напоминаетъ обѣщаніе, данное Еватериною въ манифестѣ 6-го іюля, и обстоятельства восшествія ея на престолъ, въ которыхъ было заявлено рѣшительное намѣреніе правительства «поднять скипетръ въ соблюденіе нашего православнаго закона». Далѣе, сославшись на слова Духовнаго Регламентъ о согласіи церковнаго управленія съ закономъ Божіимъ, Арсеній дѣлаетъ отсюда своеобразный выводъ: «Слѣдовательно и Регламентъ, подчиняясь въ своихъ опредѣленіяхъ слову Божію и закону, надлежитъ въ той силѣ принимать, доколе онъ согласенъ слову Божію и закону, понеже всегда тому больше надлежитъ внимать, что власть Божія глаголетъ и повелѣваетъ, царями обладающая и всякому дыханію и души владычествующая, нежели власть человѣческая». Послѣ такого вступленія Арсеній переходитъ къ вопросу о церковныхъ имуществвахъ.

Приводя доказательства, что еще во времена апостоловъ «были имѣнія церковныя, никому не подчиненныя, токмо единымъ апостоламъ, а послѣ апостоловъ архіереямъ, на единую волю и разсмотрѣніе архіереевъ оставлены, яко Богу данныя и посвященныя» — доказательства, основанныя на апостольскихъ писаніяхъ и правилахъ апостоловъ и вселенскихъ соборовъ, — Арсеній заключаетъ: «отъ сего является, яко не токмо епископы въ своихъ епархіяхъ, но и игумены въ своихъ монастыряхъ, властелины церковнаго имѣнія свободныя, токмо подъ властію архіерейскою состоящіе; подъ страхомъ же отлученія отъ церкви никто не долженъ имѣнія отъ нихъ отбирать и на свое употреблять, отобранное же непременно долженъ возвратить. А нынѣ не только не думаютъ возвращать, но и до послѣдняго взять, какъ уже сдѣлалось въ бывшее предъ симъ правленіе, отъ чего (!), по писанному въ манифестѣ ея величества, состоявшемся іюня 28-го дня 1762 г., законъ нашъ православный греческій первѣе всего возчувствовалъ свое потрясеніе и истребленіе своихъ преданій церковныхъ, такъ что церковь наша греческая крайне уже подвержена оставалася послѣдней своей опасности перемѣною древняго въ Россіи пра-

вославія и принятіемъ иновѣрнаго закона»¹⁾). Указавъ затѣмъ на «перваго отнимателя церковныхъ имѣній Юліана отступника», Арсеній приводитъ, какъ бы въ противоположность ему, русскихъ князей, всегда дѣйствовавшихъ на пользу церкви, забывая, такимъ образомъ, весьма рѣшительныя попытки ограниченія имущественныхъ правъ церкви, заявленныя въ Россіи еще въ XV—XVI вѣкахъ. Впрочемъ, упомянувъ вскользь объ этомъ, онъ спѣшитъ перейти къ тому, дѣйствительно, замѣчательному явленію, что «и во время татарскія державы церковь имѣла свободныя имѣнія, въ первоначальной власти архіерейской содержащіяся», причѣмъ ссылается на житія митрополита Алексѣя и царевича Петра. Такъ было, по словамъ Арсенія, «до временъ Мусинь-Пушкиновыхъ», который, вопреки волѣ Петра Великаго, «не токмо противу турка заопредѣлилъ, но еще и превосходитѣ, и турокъ бо нашихъ алтарныхъ денегъ не знаетъ, и не касается; а Мусинь-Пушкинъ и сущія наши алтарныя архіерейскія деньги, сирѣчь вѣчныя и данныя церковныя, едино то оставилъ, ежели кто что дастъ на поминованіе и литургію архіерею, что въ епархіяхъ рѣдко случается, а по большей части и не бываетъ». Онъ приравниваетъ распоряженіе Мусина-Пушкина къ дѣйствіямъ «царей римскихъ идолослужительныхъ», въ подтвержденіе чего ссылается на слова «Камня Вѣры»: «архіерей и священницы ветхозавѣтные доходы истинныя имѣяху, наши же новозавѣтные, служащіи истинѣ, доходъ имуть сѣновный». Взявши свое, турокъ не истязуетъ, куда дѣвалось остальное, «а нынѣ, когда даже о томъ, что дано на содержаніе, стало быть истязаніе, дѣломъ производимое, то уже архіерейство бѣдное съ чѣмъ стало верстаться? Узникъ и послѣдній богадѣленный лучший и счастливѣйшій, понеже что кто ему дастъ, свободенъ въ томъ имѣется..... какъ же не воздыхать при самой безкровной жертвѣ отъ такого ига мучительнаго и паче турковъ лютейшаго, которое иго ея величеству представили и на насъ возложили, дабы мы, архіерей всякія науки содержали и снабдѣвали, т. е. философскія, богословскія, математическія и астрономическія... Но

¹⁾ Буквальная выписка, см. маниф. Екатерины II, «XVIII вѣкъ», IV, 216.
В. И.

«чтобъ академіи заводить, того нигдѣ не обрѣтаемъ, и еслибы того не было противно, то чѣмъ и какимъ изживеніемъ заводить, когда послѣднее пропитаніе и содержаніе отъ архіереевъ и отъ монастырей отъемлется. Да и приходскіе священники по большей части въ крайней бѣдности находятся, податями государевыми не меньше мужиковъ обложены, обдѣлывая землю къ своему пропитанію: ежели будетъ богословъ или астрономъ, то больше ничего не получить»¹⁾. Арсеній стоялъ за необходимость «для духовенства однѣхъ элементарныхъ церковныхъ школъ при архіерейскихъ домахъ». «Нужны и школы, и академіи, но надлежащимъ порядкомъ; какъ издревле бывало въ Греціи, а теперь на западѣ, по мѣстамъ знатнымъ, въ царствующихъ городахъ, на коштѣ государевомъ, въ коихъ академіяхъ и св. Василій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ училися: знаемъ бо вси, яко ученіе свѣтъ, а неученіе тьма... какъ то и Духовный Регламентъ, ежели его внятно, въ тонкость прочесть, повелѣваетъ академіямъ и семинаріямъ быть при синодѣ, на государственномъ коштѣ, и учившихся тамъ присылать къ архіереямъ, дабы ихъ производить на власти духовныя, до какихъ они будутъ способны». «Для священниковъ, по мнѣнію Арсенія, школы при архіереяхъ должны быть русскія, какія уже есть; такъ какъ въ церквахъ у насъ не полатыни и не другими иностранными языками читается и поется и служба совершается; при чемъ, дабы силу знали чтенія и званія своего, вмѣсто книги, показанной въ Духовномъ Регламентѣ, которая не бывала и быть не должна, толкуется имъ книжица «православныя вѣры исповѣданіе» (т. е. соч. Петра Могилы), отъ святѣйшихъ патріарховъ апробованная... слѣдовательно въ уразумѣнію священниковъ болѣе нужнѣйшая, нежели философія и другія академическія книги, а наиболѣе по деревнямъ, гдѣ непремѣнно работать на хлѣбъ надлежитъ, а не работая безъ пропитанія быть». Онъ не забываетъ даже напомнить, что еслибы пришлось умножить число такихъ проповѣдниковъ, какъ бывшій противникъ

¹⁾ Это, случайно брошенное, замѣчаніе не доказываетъ особенной заботливости Арсенія о бѣломъ духовенствѣ. Онъ и ему подобныя защитники церковныхъ правъ думали только о себѣ и монастыряхъ, а это забываютъ тѣ, которые въ протестахъ Арсенія желаютъ видѣть строгую выдержанность каноническаго принципа!

его, Владиміръ Каллиграфъ, распространявшій въ Москвѣ лютерскія, кальвинскія и жидовскія ереси, — то лучше совсѣмъ остаться безъ проповѣдниковъ, а довольствоваться готовыми словами и поученіями, и, кромѣ архіереевъ, никому не позволять проповѣдывать наизусть.

Сдѣлавъ это отступленіе, направленное противъ извѣстной уже намъ комисіи о духовныхъ училищахъ, преобразование которыхъ должно было совершиться на средства монастырей и архіерейскихъ домовъ, Арсеній снова обращается къ главному вопросу своей темы. Онъ жалуется на равнодушіе современниковъ къ духовному дѣлу. «У насъ же нынѣшняго вѣка такой плодъ почти въ душу не приходитъ, когда многіе позволяютъ лучше кормить собакъ, нежели священниковъ, церковниковъ и монаховъ». Онъ возражаетъ противъ всякаго посягательства на правословіе къ церковнымъ имуществамъ и установленіе штатовъ, въ подтвержденіе чего указываетъ на «многіе народы въ нашемъ государствѣ, которые къ своимъ идоламъ тоже доброхотствуютъ, и, сколько могутъ, обогащаютъ ихъ привѣсами и деньгами всякими, а также кунцами, соболями, лисицами и т. п., но штаты къ обогащенію и умноженію ихъ не дѣлаютъ». Сославшись затѣмъ на грозныя слова пророка Аггея о запускѣніи храмовъ, Арсеній съ негодованіемъ заявляетъ, что «теперь уже не только настоятели, но и сами архіереи хуже наемниковъ имѣются, такъ какъ отъ нихъ «до послѣдняго куска» требуютъ отвѣта, а власти ихъ апостольской и дѣль, душевному спасенію нужныхъ, и въ полушву не ставятъ». Онъ приводитъ примѣры изъ ветхаго завѣта—какъ ограждались священническія имѣнія отъ всякаго посягательства даже во время голода и плѣна, и изъ Баронія—какъ духовенство отстаивало на соборахъ свои права противъ французскихъ королей. Наконецъ, согласно съ Іосифомъ Волоцкимъ, мнѣнія котораго о преслѣдованіи еретиковъ всецѣло усвоилъ Арсеній,—онъ ставитъ въ зависимость отъ имущества существованіе самихъ монастырей, безъ которыхъ не откуда будетъ взять архіереевъ. «Сохрани Боже такого случая,—говоритъ Арсеній,—дабы нашему государствѣ быть безъ архіереевъ; тогда возымѣтся нужда быть прежде поповщинѣ, а послѣ безпоповщинѣ. И такъ нашему государствѣ придется, не только со всѣми академіями, но и съ чинами, обра-

тятся въ раскольническое, лютеранское, кальвинское или атеистское государство, и въ таковомъ, сохрани Богъ, случаѣ познается, какъ то истинствуетъ слово апостольское: «прилагаемому священству по нуждѣ, и закону премѣненіе бываетъ». Но здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, Арсеній немедленно сходитъ съ общей точки зрѣнія на частную, преслѣдуя, главнымъ образомъ, свои невзгоды и печали. Такъ, онъ указываетъ на обязанность монастырей содержать инвалидовъ, которыхъ стали назначать въ монастыри не только на вакансіи, но даже на монашескія порціи, вслѣдствіе чего стало невозможнымъ содержать самихъ монаховъ¹⁾. Арсеній полагалъ, что эта повинность должна падать не только на монастыри, но и на мірскихъ людей. Заклучая свое доношеніе, Арсеній заявляетъ, что написать послѣднее побудила его ревность къ закону Божію, изображенная въ манифестахъ императрицы, подъ которыми онъ конечно разумѣлъ тѣ торжественныя обѣщанія о соблюденіи интересовъ церкви, на которыя не покупились Екатерина II, при вступленіи своемъ на престолъ²⁾.

Но, для своего протеста противъ нарушенія этихъ обѣщаній, которое Арсеній видѣлъ въ дѣйствіяхъ комиссіи, онъ могъ найти опору въ неменѣ энергическомъ приговорѣ по тому же вопросу самого Дмитрія Ростовскаго, занесенномъ въ его «Келейный Лѣтописецъ»³⁾.

Первое донесеніе Арсенія въ синодъ было отправлено имъ 10-го марта⁴⁾, и въ тотъ же день онъ написалъ два письма—одно къ графу Бестужеву-Рюмину, а другое къ духовнику императрицы, прот. Ѳеодору Дубянскому, въ которыхъ выражалъ желаніе, чтобы его мнѣніе о монастырскихъ имуществвахъ сдѣлалось извѣстнымъ всѣмъ, интересующимся этимъ дѣломъ, и про-

¹⁾ Въ примѣръ того, какъ отбывается эта повинность, Арсеній ставитъ Спасо-Ярославскій монастырь, обладавшій 14.000 душъ крестьянъ, съ которыхъ въ экономическую канцелярію платилось 3.000 р., на монаховъ и монастырь шло 900 р., а на 71 чел. инвалидовъ 786 р. и 240 четвертей хлѣба.

²⁾ «Чтенія Моск. Общ. исторіи» 1862, II, 25—89.

³⁾ Выписка изъ «Келейнаго Лѣтописца» Дим. Ростовскаго, по рукописи Моск. Дух. Акад., № 71, листъ 36—137; «Чтенія Моск. Общ. ист.», *ibid.*, 40—44.

⁴⁾ «Сборникъ русскаго историческаго общества», VII, второе письмо къ Бестужеву, стр. 270.

силѣ у нихъ защиты отъ нападений противниковъ церкви ¹⁾. Къ своимъ письмамъ Арсеній присоединилъ и копии ²⁾ съ мнѣнія. Графу Бестужеву онъ писалъ: «По ревности моей о законѣ нашемъ православно-греко-россійскомъ и церкви Божіей, до чего нынѣ оныя пришли и приходятъ, отъ крайней моей горести и сожалѣнія послалъ я въ святѣйшій синодъ доношеніе, а дабы о томъ и ваше сіятельство были извѣстны и по ревности своей къ защищенію нашего православнаго закона о освобожденіи церкви Божіей отъ причиняемаго нынѣ крайняго утѣсненія возъмѣли милостивое свое стараніе, того ради съ онаго доношенія копию вашему сіятельству при семъ сообщаю и прошу оную всю прочитать и прочимъ, кому благоволите показать, изъ чего можно всякому о законѣ нашемъ православномъ въ чемъ оной есть (!!) обстоятельно видѣть» и т. п. (марта 10-го, Ростовъ, 1763 г.). Арсеній желалъ, чтобы его мнѣніе было передано императрицѣ вмѣстѣ съ представленіемъ синода по дѣлу о церковныхъ имуществвахъ. Но при этомъ, въ особой запискѣ, Арсеній напоминалъ Бестужеву, что «пора бы великому князю учителя о законѣ присказать», для какой цѣли онъ предлагалъ «пригласить архимандрита Волоколамскаго монастыря Адриана» — «не безъизвѣстнаго вашему сіятельству» — прибавляетъ онъ ³⁾.

Какъ видно, Арсеній еще не чувствовалъ собравшейся надъ нимъ грозы: такъ, спустя нѣсколько дней (14-го марта), онъ извѣщалъ Бестужева, что уже 11-го марта онъ получилъ инструкціи для описи церковныхъ имуществъ, данныя отправляющимся отъ комисіи оберъ-офицерамъ, и формы вѣдомостей, для разсылки ихъ по всемъ монастырямъ; вслѣдствіе чего рѣшился отправить въ синодъ новое «доношеніе», копию съ котораго также сообщаетъ Бестужеву, прося его «разсмотрѣть и сколько возможно церковь Божию отъ слѣдующаго ей гоненія защитить и стараніемъ своимъ не оставить» ⁴⁾. Другая

¹⁾ «День», 1864 г., № 39, стр. 4.

²⁾ «Сборникъ, русскаго историч. общ.», т. VII, стр. 269—270; «День», *ibid.*

³⁾ «Сборникъ», *ibid.*

⁴⁾ «Сборникъ», VII, 270.

копія того же доношенія, съ письмомъ при ней, снова предназначалась для прот. Дубянского ¹⁾).

Коснувшись, въ началѣ втораго донесенія, составленія подробныхъ описей церковныхъ и монастырскихъ вещей, Арсеній замѣчаетъ: «И такъ по сему слѣдуетъ непремѣнно показаннымъ офицерамъ въ алтарь входить и иногда священныхъ сосудовъ касаться, чего намъ православный законъ издревле, исключивши царскихъ персонъ, правилами и узаконеніями церковными запрещаетъ...» — и приводитъ въ примѣръ: Зана или Оза (12-я книга Царствъ, глава VI), который, «будучи левитомъ, за прикосновеніе къ кивоту былъ пораженъ смертію»; византійскаго императора Льва IV, прельстившагося въ св. Софіи драгоценнымъ вѣнцомъ, усѣянномъ карбункулами, — который, «надѣвъ его на свою главу, подвергся жестокой болѣзни отъ язвъ, усѣявшихъ его чело (карбункуловъ), отъ чего и умеръ». Сославшись еще на отзывъ Соломона о войнахъ, которые «не успутъ, если зла не сотворятъ», Арсеній замѣчаетъ: «отъ таковыхъ свойствъ, какъ древнихъ воиновъ, такъ и нынѣшнихъ, а наипаче нашихъ, нельзя выключать, а если и не во всѣхъ такіа свойства признавать, однако, надежатъ засвидѣтельствовать, что стоитъ только дать имъ власть, то они готовы и Спаса и Богородицу ободрать ²⁾, какъ видно на самомъ дѣлѣ отъ бывшей коллегіи экономіи, во время генерала Волкова, которая, въ началѣ моей бытности въ Ростовѣ, опредѣлила было офицеровъ въ Спасо-Ярославскій монастырь переписывать евангелія, кресты и прочія, въ ризницѣ, утвари, и на то уже указъ дала монастырскимъ властямъ, просителямъ денегъ, на починку монастыря; которое дѣло я тогда оспорилъ и такъ оно отмѣнилось. А послѣ, по особенному разсмотрѣнію и на церковь призрѣнію блаженной памяти Елисаветы Петровны, коллегія совсѣмъ упразднилась и, какъ экономическая канцелярія, синоду была подчинена».

Такого исхода этого дѣла желалъ и теперь Арсеній. Онъ просилъ синодъ войти съ представленіемъ къ императрицѣ, такъ какъ «церковь отъ недавно бывшаго удара и раззоренія еще не

¹⁾ «День» 1864, № 39, стр. 4.

²⁾ Арсеній здѣсь забываетъ, что «обдирали», на примѣръ, и такіа лица, какъ новгородскій архіепископъ Феодосій Яновскій и т. п. др. В. И.

отдохнула и въ чувства не пришла», а между тѣмъ снова поднялись на нее «навѣты и нападенія, и таковыя подлоги, дабы ей со временемъ въ конецъ истребиться». Онъ видѣлъ одни раззоренія отъ присланныхъ офицеровъ и грозилъ правительству непослушаніемъ крестьянъ (!), если имъ будутъ отведены назначенныя земли (какъ было положено при Петрѣ ІІІ): «тогда,—говорить онъ,—они не будутъ и не захотятъ, хоть душу изъ нихъ возьми (хорошее средство!), платить оброчовъ, и такъ дома архіерейскіе и монастырскіе, не только безъ дровъ, но и безъ хлѣба, и безъ денегъ, и безъ водовоза, послѣдняго работника, останутся ¹⁾. А если бы такого случая не послѣдовало, то у насъ не Англія, едиными деньгами жить и пробиваться, а наипаче монастырямъ и домамъ архіерейскимъ, на которыхъ работать мужику сходнѣе и способнѣе, нежели деньги давать, которыми если бы онъ и изобилывалъ, то лучше ему умереть, нежели съ ними разстаться (!)». Арсенію представляется, что, при такомъ порядкѣ вещей, архіереямъ и монастырямъ придется просить и умолять крестьянъ не отказываться отъ работы, какихъ бы денегъ это ни стоило; а крестьяне даже за малое дѣло будутъ вдвое и втрое требовать; о благолѣпнѣ же церковномъ нечего и говорить.

Взглядъ Арсенія и его единомышленниковъ на имущественныя права церкви нисколько не разнится отъ мнѣнія самыхъ крайнихъ защитниковъ ерѣвостнаго права того времени. Здѣсь все размѣрено и рассчитано на одинъ прибытокъ и личное обезпеченіе; о правѣ же личности съ религіозной точки зрѣнія, какая проявлялась иногда у представителей этого направленія въ прежнее время, нѣтъ и помину. Поэтому толковать о существованіи въ протестѣ Арсенія какаго-то высшаго духовнаго воззрѣнія, какъ это дѣлаютъ его защитники, значить вовсе не понимать историческихъ явленій. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, разнится взглядъ Арсенія на личность человѣка отъ воззрѣній на нее защитниковъ ерѣвостнаго права? Вотъ что говоритъ, напримѣръ,

¹⁾ Въ этомъ случаѣ представитель аскетизма забывалъ, что такъ собственно и должно было бы быть! Такъ и думали Нилъ Сорскій, Артемій, Максимъ Грекъ и т. п. блюстители нестяжанія, поднявшіе свой голосъ противъ идей Арсенія еще въ XVI вѣкѣ; но онъ ихъ обходитъ и помнитъ одного Іосифа Волоцкаго!

извѣстный Сумароковъ, въ своихъ замѣчаніяхъ на Наказъ Екваторны II:

«Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя: скудные люди ни повара, ни вучера, ни лакея имѣть не будутъ и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повиனுющихся имъ крестьянъ; и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиками и крестьянами, ради усмиренія которыхъ потребны будутъ многіе полки и непрестанная будетъ въ государствѣ междуособная брань, и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ, вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища, ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ.... Помѣщики крестьянъ, а крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, а нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ» ¹⁾. Такъ рассуждали Арсеній и Сумароковъ, увѣрявшіе въ благополучіи своихъ крестьянъ, несмотря на открытыя возстанія преимущественно монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ ²⁾. Разница въ отношеніяхъ обѣихъ сторонъ къ данному вопросу лишь та, что духовенство претендовало на насильственные захваты помѣщиками церковныхъ земель и крестьянъ ³⁾, а дворянство заявляло, что дѣйствія правительства относительно церковныхъ имуществъ вполне законны, и что право владѣть вотчинами принадлежитъ не духовенству, а исключительно дворянству ⁴⁾. Очевидно, что мотивы угрозъ обѣихъ сторонъ одинаковы.... Второе донесеніе Арсенія заканчивается грознымъ предсказаніемъ о судьбѣ церкви въ Россіи, если осуществятся намѣренія комиссіи: «и

¹⁾ Замѣчанія А. П. Сумарокова на Наказъ, въ «Сборн. русск. истор. общества», X, 85—86.

²⁾ Второе доношеніе Арсенія напечатано было въ «Чтен. Моск. Общ. ист.» 1862, III, 158—162, и Н. И. Барсовымъ въ «Русской Старинѣ» 1876, томъ XV, 742.

³⁾ Доношеніе Арсенія, *ibid.*

⁴⁾ Письмо Ярославцева, «Русская Старина», *ibid.*, 730. Авторъ статьи, помѣщенной здѣсь, видитъ въ корреспондентѣ Арсенія—человѣка очень либеральнаго образа мыслей, потому что онъ высказался противъ дворянства: «необузданное дворянство забыло, что умереть, а помнить, что надлежитъ править и владѣть вотчинами не духовенству, а дворянству»—сомнительный либерализмъ, если онъ допускаетъ обратное.

такъ,—пешеть онъ,—за малое время можетъ благочестіе все у насъ перевестися и слѣда ему неостаться, развѣ только въ памяти многихъ будетъ и въ сожалѣніи, что въ толь древнемъ и благочестивомъ государствѣ, на весь свѣтъ славномъ и знатномъ, вдругъ не отъ татаръ и ниже отъ иностранныхъ непріятелей, но отъ своихъ домашнихъ, благочестивыми и сынами церкви называющихся, церковь и благочестіе истребились». Вполнѣ понятно, что о судьбѣ послѣдней въ Россіи, Арсеній плачетъ плачемъ Іереміи ¹⁾.

Показанія лицъ, служившихъ въ ростовской консисторіи, убѣдили, что они неоднократно заявляли Арсенію, по поводу его донесеній, что на именныя указы представленій чинить не слѣдуетъ; но Арсеній ихъ не слушалъ, а объявлялъ только, сердясь: «то не ваше дѣло, а надлежитъ оному быть непремѣнно». Доношенія не были скрѣплены и занесены въ книгу, а отправлены въ синодъ самимъ Арсеніемъ ²⁾; что же касается писемъ къ Бестужеву, то прежде, чѣмъ они успѣли дойти до Москвы, Арсеній былъ уже взятъ изъ Ростова, а потому они были доставлены по назначенію только 30-го марта, по вторичному распоряженію Арсенія ³⁾.

Судя по быстрому теченію дальнѣйшихъ событій, мнѣнія Арсенія сильно смутили синодъ и правительство. Такъ, уже 12-го марта состоялся докладъ синода императрицѣ о первомъ его донесеніи, что оно «клонится въ оскорбленію ея императорскаго величества, за что Арсеній подлежитъ великому сужденію, но безъ вѣдома государыни синодъ приступить къ тому не смѣетъ и предаетъ на ея усмотрѣніе». Безъ сомнѣнія, главнымъ дѣятелемъ въ синодѣ былъ Димитрій Свѣченъ; прочіе члены или склонились на сторону послѣдняго, или не смѣли противорѣчить ему, хотя и сочувствовали мнѣніямъ Арсенія. Прочитавъ донесеніе послѣдняго, Екаѳерина II нашла въ немъ «превратныя и возмутительныя толкованія св. писанія», а въ дѣйствіяхъ Арсенія «посыгательство на спокійствіе подданныхъ», и поспѣшила предать его суду синода, предоставивъ себѣ лишь право смягченія его

¹⁾ Второе донесеніе помѣчено 15-мъ марта.

²⁾ «День», 1864, № 39, стр. 4—5.

³⁾ «Сборникъ русск. историч. общ.», VII, 270.

участи. Вслѣдствіе этого рѣшенія, уже 14-го марта синодъ опредѣлилъ послать за Арсеніемъ оберъ-офицера съ командою, который долженъ былъ привезти Арсенія, опечатать его бумаги и письма, и доставить ихъ въ синодъ, а его самого помѣстить подъ карауломъ въ Симоновомъ монастырѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, приступлено было къ собранію церковныхъ правилъ, необходимыхъ для предстоящаго суда, и постановлено производить все дѣло въ секретѣ. Между тѣмъ, Арсеній отправилъ въ синодъ (15-го марта) второе донесеніе, которое могло только усилить неудовольствіе противъ него ¹⁾. Впрочемъ, въ это время онъ рѣшился уже на все и потому не велѣлъ запираеть монастырскихъ воротъ, объявивъ, что скоро будутъ гости, а въ ночь на 16-е марта дѣйствительно явился за нимъ капитанъ-поручикъ гвардіи Дурново съ военною командою ²⁾.

17-го марта Арсеній и чиновники его консисторіи были доставлены въ Москву, а сочиненія и письма Арсенія, найденныя въ консисторіи, опечатаны и представлены въ синодъ. Однако, увидя, что дѣло его принимаетъ опасный поворотъ, Арсеній, по-прежнему, сталъ проситься на покой въ Спасскій Новгородскъ-верскій монастырь, ссылаясь на свою просьбу, поданную имъ въ царствованіе Елисаветы Петровны; но на это не обратили теперь даже вниманія ³⁾.

По случаю пріѣзда Арсенія въ Москву, Екатерина писала генераль-прокурору Глѣбову: «Александръ Ивановичъ! Нынѣшнюю ночь привезли врата, котораго исповѣдывать должно; пріѣжайте уже ко мнѣ, онъ здѣсь во дворцѣ будетъ» ⁴⁾. Говорятъ, что эта исповѣдь состоялась въ присутствіи императрицы, гр. Орлова, Глѣбова и Шешковскаго, причемъ Арсеній былъ до того откровененъ, что императрица зажала себѣ уши, а ему зажали ротъ ⁵⁾. Къ этому времени относится переписка Екате-

¹⁾ «День», 1864, № 39, 3—4.

²⁾ «Русскія достопамятности», выпускъ IV, Арсеній Мацѣвичъ, Москва, 1862, стр. 21.

³⁾ «День», 1864, № 39, стр. 3.

⁴⁾ Ibid., 1862, № 25, стр. 6.

⁵⁾ «Русскія достопамят.», IV, 22. Кляпъ—baillon, которымъ заграждали уста опаснымъ арестантамъ, и вынимали его тогда, когда давалась пища.

рины съ Бестужевымъ, объясняющая намъ, какъ смотрѣла на это дѣло сама императрица задолго до рѣшенія суда. Только 30-го марта канцеляристъ архіерейскаго дома (Крыловъ) представилъ письма Арсенія къ Бестужеву, не дошедшія къ нему по случаю совершившейся катастрофы. Но Бестужевъ опять представилъ письма Арсенія императрицѣ съ собственнымъ объясненіемъ и приложениями ¹⁾ (копій съ доношеній Арсенія). Съ своей стороны, онъ признавалъ, что письма и мнѣнія Арсенія «наполнены не только дерзостями, но и чувствительнѣйшими оскорбленіями, за которыя императрица справедливо на него прогнѣвана». Отъазываясь же при этомъ отъ всякаго заступленія за Арсенія, онъ рѣшался, однако, «по долгу къ ближнему, въ преступленіе впадшему, рабски просить о показаніи ему монаршаго и матернаго милосердія въ томъ приговорѣ, который по суду, конечно, ему тягостенъ будетъ». Бестужевъ просилъ также: «не соизволить-ли ея величество въ явномъ и никакого уже изслѣдованія не требующемъ преступленіи скорѣе сентенцію на монаршую конфирмацію учинить и тѣмъ кончить это дѣло, въ предупрежденіе разныхъ и безъ того въ публикѣ происходящихъ толкованій» (31-го марта 1763). Отвѣтомъ на это было слѣдующее, весьма характеристичное, письмо Екатерины:

«Я чаю не при которомъ государѣ столько заступленія не было за оскорбителя величества, какъ нынѣ за арестованнаго всѣмъ синодомъ митрополита ростовскаго, и не знаю, какую я-бъ причину подала сумнѣваться о моемъ милосердіи и челоуѣколюбіи. Прежде сего и безъ всякой церемоніи и формы по не столь еще важнымъ дѣламъ преосвященнымъ головы сѣкали, и не знаю, какъ бы я могла содержать и укрѣпить тишину и благоденствіе народа (умолча о защищеніи и сохраненіи мнѣ отъ Бога данной власти), еслибы возмутители не были наказаны» ²⁾.

¹⁾ Подобная предупредительность Бестужева не была-ли вызвана возможными противъ него подозрѣніями? Есть собственноручная записка Екатерины II къ нему (12-го февраля 1763 г.) съ увѣреніемъ о нераспечатываніи писемъ. («Сборн. русск. истор. общ.», VII, 233).

²⁾ «Сборникъ русск. ист. общ.», VII, 269—270. Прежде того, письмо Екатерины II было помѣщено въ «Дѣлѣ» 1862 г., № 16, и «Чтеніяхъ Моск. Общ. ист.» 1862 г., III, 192.

Такое внушеніе сильно обезпонило Бестужева, и онъ поспѣшилъ напомнить императрицѣ, какъ поступилъ онъ съ первымъ письмомъ Арсенія, оправдываясь, что новыя хлопоты его о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла Арсенія имѣютъ цѣлью только одно—желаніе: «пресѣчь излишнія толкованія и разсужденія въ народѣ, который о точности дѣла не вѣдаетъ; но ежели въ чемъ старикъ погрѣшилъ,—заключаетъ онъ,—то только отъ одного усердія, чѣмъ теперь отъ неповинности своей и сокрушается». Екатерина приписала на той же запискѣ: «Сожалѣю, что сокрушается: я писала съ тѣмъ, чтобы вы имѣли, что отвѣтствовать тѣмъ, кто васъ просьбою мучить. Желаю вамъ спокойной опочивать»¹⁾.

На другой день (1-го апрѣля) открылся судъ надъ Арсеніемъ.

VII.

Мы знаемъ уже содержаніе переписки Арсенія. Она давала право заключать о значеніи Арсенія въ кружѣ недовольныхъ іерарховъ, въ которомъ на долю его выпала весьма видная роль²⁾. Ему повѣряли они свои скорби по поводу новыхъ церковныхъ порядковъ; къ нему обращались они за совѣтомъ, побуждали его къ предстоящей борьбѣ, для которой признавали его наиболѣе способнымъ и готовымъ. Двое изъ нихъ (Сильвестръ и Дамаскинъ) лично посѣтили Арсенія въ это время. Члены синода Тимоѣей и Амвросій легко могли оправдаться въ своихъ сношеніяхъ съ Арсеніемъ, но Дамаскинъ не могъ избѣжать опасности: онъ переписывался съ Арсеніемъ о чинѣ отлученія, измѣненіе котораго вполне одобрялъ; онъ примѣнялъ толкованія псалмовъ Арсенія къ современнымъ событіямъ. Вслѣдствіе этого Дамаскинъ былъ вызванъ въ Москву подъ вонвоемъ. Въ своихъ отвѣтахъ онъ объяснялъ, что его письмо «исторично писано»; «толкованія на псалмы просилъ прислать для прочтенія; подѣ против-

¹⁾ «Сборникъ русск. истор. общ.», VII, 271—272.

²⁾ Латинскія выраженія въ письмахъ Щербачкаго къ Арсенію поручено было перевести Григорію Полежаеву (синод. переводчику). «Русская Старина» 1876 г., томъ XV.

никами церкви разумѣлъ раскольниковъ; инструкцію просилъ у Арсенія по любопытству, а чинъ отлученія въ недѣлю православія совершалъ по установленному обряду». Но такъ какъ онъ имѣлъ у себя неправильное чиноположеніе и не донесъ объ этомъ заблаговременно, то синодъ постановилъ учинить ему въ своемъ собраніи «репримандъ» и отпустить въ епархію, отдавъ на его совѣсть представленныя имъ объясненія. Императрица утвердила этотъ докладъ, но съ тѣмъ, чтобы выговоръ Дамаскину былъ сдѣланъ посредствомъ указа, который и отослать въ Кострому. Сильвестръ, по рѣшеніи дѣла Арсенія, также получилъ выговоръ ¹⁾).

Сочиненія Арсенія были подвергнуты просмотру; а его переписка съ Дамаскиномъ заставила синодъ обратить вниманіе на болѣе важный вопросъ—на чинъ отлученія, всѣ экземпляры котораго, находившіеся въ Ростовѣ, были также доставлены въ Москву.

Между тѣмъ начались допросы Арсенія. На первомъ мѣстѣ здѣсь стояли, конечно, его донесенія въ синодъ. Арсенія спрашивали: «съ какого предирія и умыслу сочинить и въ св. синодъ прислать отважился онъ? не было ли съ кѣмъ сношеній и совѣта о томъ? не разглашалъ ли Арсеній о нихъ письменно или словесно? какъ онъ дерзалъ писать въ своихъ донесеніяхъ возраженія на указы—и термины, оскорбительные для ея величества, о чиноположеніи отлученія?». Арсеній отвѣчалъ, что все онъ писалъ «по ревности и совѣсти, чтобы не быть двоедушнымъ; совѣтовъ и сношеній ни съ кѣмъ не имѣлъ(?); разглашеній не дѣлалъ; въ донесеніяхъ имѣлъ въ виду не указы ея величества, а комиссію ²⁾); чинъ православія исправилъ по древнимъ спискамъ, гдѣ также внесены «грабители церковные». О толкованіяхъ на псалмы, отосланныхъ къ Дамаскину, онъ отозвался, что «въ нихъ, кромѣ духовныхъ наставленій, ничего до вышеозначенной матеріи не имѣется». 1-го и 2-го апрѣля сдѣланы были допросы лицамъ, служившимъ при Арсеніѣ, о его сношеніяхъ и пе-

¹⁾ «День», 1864 г., № 39. Выписка изъ дѣла.

²⁾ Отвѣты Арсенія писаны не имъ самимъ—онъ только подписался; во въ этомъ мѣстѣ сдѣлана имъ собственноручная приписка: «что разумѣется на представленіе комиссіи».

репискѣ, показаніями которыхъ мы воспользовались выше. Съ другой стороны, синодъ выслушалъ выписку изъ церковныхъ правилъ и гражданскихъ законовъ относительно винъ Арсенія, причемъ въ основаніе его приговора было принято дѣло архіепископа Θεодосія Яновскаго, осужденнаго при Еватеринѣ I «за противленіе высочайшей власти». Такимъ образомъ давалась соотвѣтственная окраска поступкамъ Арсенія; но синодъ припомнилъ также старую вину Арсенія, а именно, что онъ отказался при Елисаветѣ Петровнѣ принять присягу на званіе синодальнаго члена и не присутствовалъ въ синодѣ, хотя писался синодальнымъ членомъ. На основаніи этихъ данныхъ, синодъ опредѣлилъ, было, лишить Арсенія архіерейства и монашества; но—такъ какъ Арсеній заслуживалъ, по гражданскимъ законамъ, «жесточайшаго наказанія», а императрица пожелала, чтобы мнѣніе синода было представлено на ея усмотрѣніе,—то синодъ не сдѣлалъ окончательнаго постановленія. Въ дальнѣйшихъ его засѣданіяхъ (4—7-го апрѣля) продолжалось обсужденіе проступковъ Арсенія (сношенія его съ гр. Бестужевымъ и Дубянскимъ, измѣненіе чина православія), и вновь прибавлена статья о ссылке Арсенія подъ крѣпкій надзоръ, въ отдаленный монастырь, лишивъ его при этомъ права пользоваться чернилами и бумагою, т. е. писать.

Въ длинномъ приговорѣ синода, составленномъ по всѣмъ правиламъ тогдашней канцелярской риторики, девять первыхъ пунктовъ прямо относятся къ донесеніямъ Арсенія и представляютъ извлеченія изъ нихъ; затѣмъ идутъ статьи объ отлученіи и присягѣ при Елисаветѣ Петровнѣ, причемъ напоминаетъ, что уже тогда онъ былъ призванъ въ Москву, въ синодальную контору, въ которой, въ собраніи многихъ духовныхъ персонъ, ему былъ данъ письменный выговоръ съ подтвержденіемъ, чтобы онъ впредь воздержался «отъ подобныхъ продержостей», а иначе, какъ помѣла общаго повоая и противникъ ея величества, будетъ лишенъ сана и монашества, въ чемъ Арсеній тогда же росписался. Выслушавъ этотъ приговоръ, Еватерина прибавила, чтобы, по старости лѣтъ, оставить Арсенію монашескій чинъ; отъ гражданского суда и истязанія освободить, а послать его въ отдаленный монастырь, съ тѣмъ чтобы онъ не могъ развращать тамъ никого ни письменно, ни словесно, о чемъ сообщить во всѣ епархіи для свѣдѣнія духовенству.

12-го апрѣля конфирмація была объявлена въ собраніи синода, въ присутствіи другихъ архіереевъ, бывшихъ въ Москвѣ (Тихона Воронежскаго и Сильвестра Переяславскаго), и архимандритовъ ставропигіальныхъ монастырей ¹⁾; послѣ чего съ Арсенія были торжественно сняты всѣ принадлежности его сана, а онъ далъ подписку, что впредь не будетъ именоваться, или дѣйствовать, ни митрополитомъ, ни архіереемъ, ни въ другомъ духовномъ санѣ. Синодъ полагалъ сначала отправить его въ Оеропонтову пустынь, Вологодской губерніи, въ которой былъ нѣкогда заточенъ патріархъ Никонъ; но 15-го апрѣля перемѣнилъ свое распоряженіе, назначивъ ему мѣстомъ ссылки Николаевскій Корельской монастырь, куда былъ сосланъ Θεодосій Яновскій. На мѣсто ссылки Арсенія велѣно было везти на Бѣло-озеро и Угличъ, подъ стражею, никого не допуская къ нему; но ему позволено было оставить при себѣ прежнихъ слугъ, и на содержаніе его въ монастырѣ было назначено по 50 к. въ день.

Нѣтъ сомнѣнія, что отношенія Арсенія къ членамъ синода въ извѣстной степени вліяли на ходъ его дѣла; иначе невѣроятно было припоминать старыя дѣла и заранѣе разъяскивать его присягу. Но мы далеки отъ мысли полагать, что еслибы не существовали эти отношенія, то одно разсмотрѣніе доношеній его, съ точки зрѣнія каноническаго права о владѣніи церковными имуществомъ, могло бы имѣть для него другія послѣдствія. Думать, что прежнія его дѣйствія помѣшали синоду спокойно взвѣснить силу его доводовъ, — едвали вѣрно ²⁾. Но въ этомъ дѣлѣ есть и другая сторона. Въ своихъ мнѣніяхъ онъ ясно поставилъ вопросъ объ отношеніяхъ двухъ властей, а произнесеннымъ отлученіемъ отрѣзалъ для себя возможность выхода. Екатерина II постоянно смотрѣла на дѣло Арсенія съ политической точки зрѣнія. Мы знаемъ уже ея отзывъ объ Арсеніѣ Вольтеру. И въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1763 г., 15 апрѣля), правительство поспѣшило заявить предъ публикою, что доношенія Арсенія «отъ начала до конца наполнены ядомъ оскорбленія ея величества» ³⁾.

¹⁾ Въ Крестовыхъ патріаршихъ палатахъ, при огромномъ стеченіи народа, окружавшаго синодальный дворъ. «Русскія достопамятности», Снегирева, 23.

²⁾ «Русская Старина» 1876 г., томъ XV, 750, 752—753.

³⁾ «Русскія достопамят.», стр. 20.

Заслуживаетъ также вниманія, что въ проектѣ указа о винахъ Арсенія сначала былъ внесенъ пунктъ о ближайшемъ поводѣ его протеста («превратно понявъ и толкуя вознамѣренное нынѣ полезнѣйшее распредѣленіе церковнаго имѣнія»), но затѣмъ этотъ пунктъ былъ исключенъ, а самое осужденіе Арсенія поставлено въ связи съ «письменными, крайне укорительными и злословными представленіями синоду, въ которомъ ея величество президентомъ быть изводитъ». Въ этомъ актѣ инициатива приговора приписывается синоду, а объ участіи императрицы замѣчено, что она «по своему природному великодушію, милосердію и человеколюбію, освободивъ его отъ гражданскаго суда», повелѣла только, согласно съ синодскою сентенціею, по лишеніи сана, сослать въ отдаленный монастырь съ пристойнымъ пропитаніемъ»¹⁾.

Уже впослѣдствіи, подъ вліяніемъ возникшаго благоговѣнія въ личности Арсенія, сложились рассказы о пророчествахъ Арсенія насчетъ нѣкоторыхъ изъ его судей. Такъ, говорятъ, будто Дмитрію Сѣченову онъ сказалъ, что тотъ задохнется своимъ языкомъ (онъ умеръ въ 1767 г. отъ апоплексическаго удара), Амвросію Зертисъ-Каменскому—что его убьютъ какъ вола (онъ убитъ во время московской чумы), Гедеону Псковскому—что онъ не увидитъ своей епархіи (онъ, будучи удаленъ изъ Москвы, не доѣхалъ до Пскова и умеръ въ дорогѣ)²⁾. Но подобные раз-

¹⁾ «Сборникъ русскаго историческаго общества», VII, 271.

На личный характеръ отношенія Екатерины къ Арсенію есть указаніе въ послѣдующемъ его дѣлѣ, возникшемъ въ 1767 г. «Монахъ-де Арсеній,—читаемъ тамъ,—говаривалъ слова такіа: «я-де величество наша не природная, и она-де не твердая въ законѣ нашемъ и не надлежало-де ей Россійскаго престола принимать, а слѣдовало Ивану Антоновичу, или лучше бы было, кабы ея величество за него вступила въ супружество». На погѣ противъ этого мѣста Екатерина замѣтила: «Син слова Арсеній говорилъ и въ 1762 г. (sic!) капитану Дурново, когда сей послѣдній пріѣзжалъ его брать въ синодъ, и такъ Алексѣевскій то не выдумалъ». «Чтен. Моск. Общ. ист.» 1862, III, 165.

Слѣдовательно, эти слова Екатерина хорошо знала въ 1763 году, а извѣстно, какъ равноо относилась она къ сомнѣніямъ въ ея правахъ на престолъ, даже въ пользу ея сына.

Впрочемъ, говорятъ, Дурново отрицалъ потомъ, передъ почитателемъ Арсенія, И. В. Лопухинымъ, и свое показаніе, и слова Арсенія. «Чтен. Моск. Общ. ист.» 1862, III, 138.

²⁾ «Рус. достопамят.». Биографія Арсенія, Ив. Снегирева, 24. В. И.

сказы не могут имѣть мѣста въ исторіи и ровно ничего не прибавляютъ въ защиту лица, о которомъ передаются, хотя любители подобнаго матеріала хотятъ найти въ немъ именно это достоинство.

По окончаніи дѣла Арсенія, Екатерина исполнила свое намѣреніе — отправиться въ Ростовъ — въ концѣ мая 1763 года; но все время она была тамъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа, навѣянномъ на нее извѣстнымъ дѣломъ Хитрова, возникшимъ по поводу предполагавшагося брака императрицы съ Григоріемъ Орловымъ, — въ которое были замѣшаны и многіе изъ ея приближенныхъ ¹⁾. Арсенія не было болѣе въ Ростовѣ, но опасенія не оставляли Еватерины. Оттуда она писала Н. И. Панину: «Завтра будетъ перенесеніе мощей св. Димитрія; вчерашній день еще чудеса были, женщина одна испѣлилась, а преосвященный Сѣченой хочетъ запечатывать раку, дабы мощей не украли; однако я просила, дабы подлый народъ не подумалъ, что мощи отъ меня скрылись, оставить ихъ еще нѣсколько времени снаружи» ²⁾.

Ровно мѣсяць спустя послѣ рѣшенія участи Арсенія, судьба церковныхъ имуществъ была покончена... 12-го мая 1763 года состоялось учрежденіе коллегіи Экономіи духовныхъ имѣній, президентомъ которой былъ назначенъ князь Борисъ Куракинъ, а членами ея шесть свѣтскихъ лицъ ³⁾. По инструкціи, данной ей (6-го іюня), она была подчинена непосредственно сенату и императрицѣ — и только по духовнымъ дѣламъ — синоду ⁴⁾. Затѣмъ коллегіи поручено было отправить въ церковныя вотчины оберъ-офицеровъ для описи имуществъ ⁵⁾. Впрочемъ, только въ началѣ 1764 г. это дѣло было приведено къ концу, на основаніи указа отъ 26-го февраля, который составляетъ самую важную эпоху въ исторіи церковныхъ имуществъ ⁶⁾. И въ то время, какъ рѣ-

¹⁾ «Сборникъ историч. общ.», VII, 287—294.

²⁾ Ibid., 288.

³⁾ Полн. Собр. Закон., XVI, 11,814.

⁴⁾ Ibid., № 11,844.

⁵⁾ Ibid., № 11,864.

⁶⁾ Ibid., № 12,000 съ книгою штатовъ.

шался этотъ вопросъ, гр. Потемкинъ былъ опредѣленъ за обер-прокурорскій столъ, съ весьма широкими полномочіями ¹⁾.

На основаніи закона 26-го февраля, всѣ вотчины архіерейскихъ домовъ, монастырей и церквей, въ которыхъ числилось, по этому акту, до 910,866 душъ ²⁾, переданы были окончательно въ вѣдѣніе коллегіи экономіи, а духовныя власти освобождены были отъ управленія ими. Въмѣсто всѣхъ прежнихъ оброковъ и работы, крестьяне были обложены (съ 1-го января 1764 г.) 1½-рублевымъ сборомъ, который долженъ былъ ежегодно доставлять 1.366,299 р. На содержаніе духовныхъ властей и учреждений опредѣлено было отпускать жалованье, по вповѣ составленнымъ штатамъ, для чего всѣ епархіи и монастыри были раздѣлены на три класса. По этому разсчету на архіерейскіе дома было положено 149,586 р. 65 к.; на великорусскіе мужскіе монастыри 174,750 р. 40 к., и женскіе—33,000 р. Тѣ монастыри и пустыни, которые не владѣли вотчинами, были оставлены на своемъ содержаніи, а несостоятельные изъ нихъ предполагалось присоединить къ другимъ монастырямъ, или обратитъ въ приходскія церкви. Число служителей при монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ было ограничено; но допускалось оставить за послѣдними и двумя лаврами (Троицкой и Александро-Невской) опредѣленное количество земли, садовъ, огородовъ и т. п. Для соборовъ и церквей также были установлены штаты. При архіерейскихъ домахъ опредѣлено было содержать богадѣльни, а именно въ 26-ти епархіяхъ на 765 человекъ съ назначеніемъ для нихъ 3,825 р. Разсылка преступниковъ по монастырямъ была прекращена, а содержаніе инвалидовъ натурою замѣнено взносомъ въ 115,000 р. ³⁾.

¹⁾ «Сбора. рус. истор. общ.», VII, 316—317. Лебедевъ, графы Панины, 106—106. Потемкинъ числился въ синодѣ и въ 1765 г. «Рус. Ар.» 1866, 183.

²⁾ Въ дѣйствительности ихъ было болѣе, а именно 1,069,711 душъ (включая и югозападные монастыри). Дѣлая разсчетъ на основаніи этой цифры, полагаютъ, что всей земли въ это время за духовенствомъ числилось 8,557,688 десятинъ, которая, будучи отчѣнена по позднѣйшей (средней) продажной цѣнѣ, дала бы весьма крупную сумму—въ 213,942,200 р. См. Нѣсколько цифръ изъ статистики русской церкви съ 1742—1786 годъ. О. «Труды Кіев. Дух. Акад.» 1867, июнь, 482—502.

³⁾ Въ какомъ положеніи находились въ это время инвалиды въ монастыряхъ, видно изъ слѣдующей секретной (собственноручной) инструкции, данной императрицею тому же капит.-поруч. Дурново: В. И.

Коллегія должна была принять на себя содержание семинарій и духовных училищъ, подробный штатъ которыхъ предполагалось выработать современемъ. Впрочемъ, самая коллегія существовала только до 1786 г., когда всё ея дѣла велѣно было сдать въ архивъ, а имѣнія духовенства слились съ общемою массою казенныхъ имуществъ и поступили въ завѣдываніе казенныхъ палатъ и директоровъ домоводства ¹⁾. Въ томъ же году эти постановленія были распространены на Малороссію ²⁾; а черезъ два года и на духовенство губерній Харьковской, Екатеринославской, Курской и Воронежской ³⁾.

Разрѣшеніе этого вопроса не обошлось однако безъ новыхъ жертвъ. Мѣсто Арсенія занялъ въ Ростовѣ (съ 26-го мая 1763 г.) епископъ тверской Аѳанасій Вольховскій ⁴⁾, заявившій себя въ началѣ царствованія Екатерины II мнѣніемъ въ пользу сохраненія церковныхъ имуществъ за духовенствомъ. Поэтому, понят-

«1) Брать вамъ надлежитъ отсезѣ въ Москву.

«2) Приѣхавъ туда, навѣдываться вамъ подъ руку, есть ли на Москвѣ остаточные сверхъ опредѣленія въ инвалиды отставныхъ солдатъ, прежде при монастыряхъ живущихъ. Здѣсь слухъ носится, будто комиссія духовная меньше положила инвалидовъ, нежели при монастыряхъ солдатъ было, и многія сотни остались безъ хлѣба и по-міру по Москвѣ будто шатаются, почему отъ меня гр. Салтыкову писано, и отъ него ко мнѣ писавъ репортъ, изъ котораго противное значить; однакожь какъ Мих. Баскаковъ самъ таковыхъ милостыни просящихъ видѣлъ, то нынѣ васъ посылаю, чтобъ вы истину узнали, и, сколько возможно, именно ихъ переписывали и обнадеживали ихъ, что они мною не оставлены будутъ, а ко мнѣ пришлите роспись и подайте такую же гр. Салтыкову, которому уже отъ меня приказано, на первый случай, выдать по два рубля на человѣка... Все сіе вы прежде гр. Салтыкову не объявите и приложенныя письма ему не вручите, пока вы не свѣдаете истинныхъ слуховъ.

«3) Изъ Москвы поѣдите въ Александрову слободу подъ видомъ богомольства, гдѣ вамъ провѣдывать, много ли старицъ сверхъ штатныхъ, сколько имъ дается и въ чемъ ихъ нужды состоятъ, и, обнадеживая ихъ немедленнымъ мнѣмъ о томъ разсмотрѣнемъ, приѣжайте обратно сюда съ сими извѣстіямъ, которыхъ отъ васъ ждать буду». «Сборн. рус. ист. общ.», VII, 394—395.

¹⁾ Полн. Собр. Закон., XXII, № 16,399; 16,358 и 16,359.

²⁾ Ibid., XXII, № 16,375.

³⁾ Ibid., 16,649 и 16,650.

⁴⁾ Списки архіереевъ, Юрія Толстаго, № 93, и «Чтенія Моск. Общ. ист.», годъ III, кв. 2-я, стр. 79. Онъ былъ также южнорусскъ и состоялъ учителемъ сначала въ харьковскомъ коллегіумѣ, а потомъ въ Троицкой семинаріи.

В. И.

но, какъ долженъ былъ относиться онъ къ своему предшественнику, и онъ опасался, чтобы не впуталъ его въ свое дѣло угличскій архимандритъ Геннадій, сторонникъ Арсенія. Дѣло послѣдняго возникло въ концѣ 1764 г., по доносу казначея монастыря Иллариона, изъ котораго оказалось, что Геннадій распорядился, во время службы, читать молитвы объ умереніи церквей во время гоненія, а въ навечеріе богоявленія запретилъ, вопреки церковному чиноположенію, читать молитвы за императорскую фамилію. Дѣло его также рассматривалось въ синодѣ, причемъ велѣно было присутствовать Григорію Теплому. Виновный былъ привезенъ въ Петербургъ; но отвѣты его оказались неудовлетворительными. Такъ, во время слѣдствія, было обнаружено, что онъ, въ разговорахъ съ монахами, по поводу послѣдняго распоряженія, отвѣчалъ: «я это дѣло благопотребно дѣлаю, ревнуя Арсенію митрополиту, а я его ученикъ имѣюся—извольте доносить». Синодъ, въ докладѣ императрицѣ (въ іюнѣ 1765 г.), опредѣлялъ—лишить Геннадія сана и монашества и предать его гражданскому суду; но императрица отъ гражданского суда освободила и повелѣла сослать его въ Соловецкій монастырь и содержать тамъ подъ карауломъ, «не выпуская нивуда кромѣ церкви»¹⁾.

Дѣло Геннадія разыгралось въ самый моментъ отобранія имущества; въ этомъ и состояла благовременность его ревности въ духѣ Арсенія; но подобные факты только могли побудить Екатерину къ болѣе рѣшительному шагу въ дѣлѣ секуляризаціи. Къ этому же времени относится рѣчь ея, обращенная къ синоду, которая, по своему общему характеру и способу выраженія, напоминаетъ подобное же обращеніе къ духовенству Ивана IV Грознаго, находящееся въ запискахъ Горсея, и нисколько не уступаетъ приведенному нами выше обращенію Петра III къ синоду. Эти сближенія лучше всего показываютъ, какъ послѣдствіемъ были заключенія Екатерины II о церковной реформѣ Петра III. Впрочемъ, рѣчь Екатерины II передана въ такой формѣ, что за подлинность ея нельзя вполне ручаться. Вотъ она:

¹⁾ «Сборникъ рус. истор. общ.», VII, 397—399.

«Если спрошу васъ, кто вы и какое ваше званіе, то вы вѣрно дадите отвѣтъ, что вы государственныя особы, состоящія подъ властью монарха и законовъ евангельскихъ, призванныя на проповѣдываніе истинъ религіи и наставленія въ законѣ, служащемъ правиломъ нравовъ. Власть ваша есть власть людей просвѣщенныхъ, наставленныхъ въ истинахъ христіанской религіи. Всѣ увѣрены, что вы соблюли при изслѣдованіи ихъ праводушіе и безпристрастіе, нужныя въ предохраненію себя отъ заблужденій. Всѣ ваши права и обязанности состоятъ въ ясномъ предложеніи догматовъ вѣры, въ убѣдительномъ истолкованіи ихъ доказательствами, а не спорами... Существенная ваша обязанность состоитъ въ управленіи церквами, въ совершеніи таинъ, въ проповѣдываніи слова Божія, въ защищеніи вѣры, въ молитвахъ и воздержаніи. Для этого нужны: чистая вѣра, непоколебимое благочестіе и всеобщая любовь. Сіи три добродѣтели составляютъ должность вашего званія: безъ нихъ или забываютъ, или оскорбляютъ Бога. Учитель вѣры долженъ убѣждать, а не раздражать; проповѣдникъ трогать, а не восхищать; священникъ—наставлять на путь истины, а не подавать повода къ соблазну. Я отдаю справедливость вашему свѣдѣнію: вы люди просвѣщенные. Но отчего происходитъ, что вы равнодушно смотрите на безчисленныя богатства, которыми обладаете и которыя даютъ вамъ способы жить въ преизбыточествѣ благъ земныхъ, что совершенно противно вашему званію? Вы преемники апостоловъ, которымъ повелѣлъ Богъ внушать людямъ презрѣніе къ богатствамъ, и которые были очень бѣдны. Царство ихъ было—не отъ міра сего: вы меня понимаете? Я слышала эту истину изъ устъ вашихъ. Какъ можете вы, какъ дерзаете, не нарушая должности званія своего и не терзаясь въ совѣсти, обладать безчисленными богатствами, имѣть безпредѣльныя владѣнія, которыя дѣлаютъ васъ въ могуществѣ равными царямъ? У васъ много подвластныхъ. Вы просвѣщены: вы не можете не видѣть, что всѣ сіи имѣнія похищены у государства; вы не можете владѣть ими, не будучи несправедливы къ нему. Вы должны чувствовать, что вамъ болѣе всѣхъ надлежитъ наблюдать справедливость; но когда нарушаете ее, то тѣмъ болѣе виновны, потому что поставлены въ должностяхъ званія своего. Если вы повинуетесь законамъ, если

вы вѣрнѣйшіе мои подданные, то не уедлите возвратить государству все то, чѣмъ вы неправильнымъ образомъ обладаете¹⁾.

Въ связи съ названными протестами противъ отобранія церковныхъ имуществъ, нельзя не упомянуть объ участи, постигшей, около этого времени, другаго единомышленника Арсенія — Павла Конюскевича, митрополита тобольскаго (съ мая 1758 по январь 1768 г.). Близкій Арсенію по своему происхожденію (онъ былъ родомъ изъ Галиціи) и воспитанію (онъ учился въ кievской академіи, гдѣ и преподавалъ пштыку), — Павелъ Конюскевичъ напоминаетъ его и по своему нраву, и по своимъ мнѣніямъ. Аббать Шаппъ, бывшій въ 1761 г. въ Тобольскѣ для наблюденія прохожденія Венеры, отзывается о Павлѣ какъ о человѣкѣ, исполненномъ нравственности, хорошемъ латинистѣ, вѣжливымъ въ обращеніи, и пріятномъ собесѣдникѣ, но какъ о не вѣрившемъ въ движеніе земли около солнца и фанатикѣ въ своихъ отношеніяхъ къ язычникамъ, магометанамъ и раскольникамъ.

Возражая, на всякомъ шагѣ, Шаппу (въ «Антидотѣ»), Екатерина подтверждаетъ однако этотъ отзывъ своего противника²⁾. Къ этому прибавляютъ обыкновенно, что, послѣ выхода штатовъ для духовенства, лишившихъ архіерейскій домъ и сибирскіе монастыри 16,628 душъ крестьянъ, Павелъ Конюскевичъ подалъ въ синодъ смѣлый протестъ по поводу этого распоряженія. Его вытребовали въ отвѣтъ, а синодъ приговорилъ къ лишенію сана; но императрица отправила его на жительство въ Киево-печерскую лавру, гдѣ онъ скончался въ 1770 г.³⁾ Слагатели религіозныхъ легендъ, по поводу опалы митрополита Павла, рассказываютъ о его появленіи во снѣ Дмитрію Сѣченову и предсказаніи ему злой кончины; но грозныя слова, вложенныя въ уста

¹⁾ Рѣчь импер. Екатерины II, говоренная ею къ синоду, по случаю отчужденія церков. имуществъ въ Россіи. «Чтенія Моск. Общ. ист.» 1862, II, смѣсь, 187—188.

²⁾ «Антидотъ» Екатерины II въ «XVIII вѣкѣ», изд. Бартезевымъ, VI, стр. 342—349, 352—354, 376, 384.

³⁾ «Чтен. Моск. Общ. исторіи» 1870, II, 158—168, статья Абрамова. «Павель, митр. тоб. и сибир.», гр. М. В. Толстаго, «Стравынскъ» 1868, № 11; 59—77. «Чтенія по рус. церковн. исторіи за время Екатерины II», Знаменскаго, въ «Православ. Собесѣд.» 1875 г. В. И.

Павлу, вѣроятно, представляютъ вариантъ известнаго разсказа объ обращеніи въ Дмитрію Сѣчену—Арсенія Мацѣвича, свидѣтельствующій развѣ о томъ, какъ долго въ известной средѣ держались мнѣнія Арсенія Мацѣвича и Павла Тобольскаго ¹⁾).

Павелъ Конюсевичъ, подобно Арсенію Мацѣвичу, отличался крутымъ нравомъ. Подчиненное ему духовенство, учителя и ученики семинаріи, за свои проступки, отсылались въ черныя работы и подвергались наказаніямъ плетью. Такихъ жалобъ, въ теченіе 9-ти-лѣтняго управленія Павла, накопилося въ синодѣ до 30 ²⁾. Въ то же время до Екатерины стали доходить слухи о неудовольствіи архіерейскихъ крестьянъ на жестокое управленіе митрополита Павла и особенно эконома архіерейскаго дома—архимандрита Іакинна, называемаго въ жалобахъ «кровожажущимъ». Въ интересной собственноручной запискѣ Екатерины, писанной къ новгородскому митрополиту Дмитрію Сѣчену, читаемъ: «Сіи слухи подтверждены и отъ губернатора Соймонова съ прибавленіемъ еще многихъ дѣлъ, въ коихъ, по совѣтамъ эконома, архіерей беззаконно поступалъ. Его преосвященство показался имъ таковымъ, какъ его почти всѣ въ Тобольской (губерніи) разумѣютъ, то есть: мало достойнымъ его званія, а дѣла его, сколько изъ разговоровъ съ губернаторомъ и прочими примѣтить было можно, великой хулы достойны. За малые, но по его, или совѣтниковъ его (коиъ онъ всѣмъ безъ изъятія вѣрилъ), мнѣнію—великіе, проступки—наказывалъ отлученіемъ отъ церкви; въ тому же великія принужденія дѣлаеть въ пострѣженіи въ монахи своимъ подчиненнымъ, употребляя къ тому тѣлесныя наказанія, и все дѣлаеть, какъ ему нравится, хотя то

¹⁾ Вотъ его слова, сообщаемыя митр. Евгеніемъ: «Quandoquidem patres nostri, e numero quorum quidam sancti, varia bona terrena Ecclesiae dederunt, anathematis omnibus detractoribus istorum bonorum, etiam ego, homo peccator et Ecclesiae Christi Episcopus indignus, non meo quidem ore, sed ore meorum patrum, tibi, detractori Ecclesiasticorum bonorum, anathema et inopinatam mortem profero». «Чтенія Моск. Общ. ист.» 1870, кн. III, смѣсь.

²⁾ Сообщеніе г. Терновскаго, на основ. документ. синод. архива въ кiev. историч. обществѣ, см. «Чтенія въ историч. общ. Нестора Лѣт.», I, 1879 г., стр. 204.

и законамъ противно» ¹⁾. Свѣдѣнія, полученныя Екатериною II отъ одного изъ лицъ, отправленныхъ въ Китай, подтверждаются другими официальными данными. Такъ, тотъ же Іакинѣвъ, своимъ управленіемъ въ монастырскихъ вотчинахъ, вызвалъ бунтъ крестьянъ, для подавленія котораго пришлось употребить въ дѣло военную силу. По словамъ «солнцамскаго лѣтописца», онъ былъ «нрава жестокаго» и любилъ прибираться къ монастырямъ со сѣдня угодья, не забывая при этомъ и себя. Плетни и кровавыя расправы были обыкновенными явленіями въ его отношеніяхъ къ подчиненному духовенству. Слухи объ этомъ доходили до Петербурга, но, замѣчательно, что, несмотря на удаленіе отъ туда митрополита Павла, которому онъ много повредилъ, самъ Іакинѣвъ оставался долго еще нетронутымъ, а слѣдствія, назначшіяся надъ его дѣйствіями, обыкновенно оканчивались въ его пользу, пока онъ не погибъ (въ 1793 году) отъ рукъ крестьянъ, при содѣйствіи монаховъ ²⁾. Послѣ такихъ фактовъ трудно согласиться съ мнѣніемъ преосвященнаго Филарета (ист. церкви) объ особенно мягкихъ отношеніяхъ духовныхъ правителей къ ихъ крестьянамъ, которыя будто-бы способствовало ихъ благосостоянію, сравнительно съ крестьянами другихъ вѣдомствъ ³⁾.

Къ довершенію бѣдъ митрополита Павла присоединились жалобы на жестокія насилія и злоупотребленія въ Сибири при обращеніи язычниковъ въ христіанство. Обращеніе ихъ, по большей части, было только номинальное; но оно сопровождалось частыми наѣздами миссіонеровъ, спаваньемъ, чрезвычайными поборами и умышленнымъ обвиненіемъ новокрещенныхъ въ отпаденія отъ церкви; напимѣръ, имъ подбрасывали посуду, намазанную молокомъ

¹⁾ «Сборникъ рус. истор. общ.», X, стр. 276—276.

²⁾ «Пермскій Сборникъ», II, Архимандритъ Іакинѣвъ, стр. 23—35. Жизнь архим. Іакинѣа Кашперова, іер. Макарія, «Москвит.» 1852, III. Онъ былъ игуменомъ разныхъ монастырей, а въ послѣднее время—архим. Далматовскаго и Солнцамскаго-Пыскорскаго, въ которомъ оставался до смерти.

³⁾ Сравни, напимѣръ, интересный указъ верх. тайн. сов. 1727 г. рязан. воеводѣ Борису Перову съ повелѣніемъ принять надлежащія мѣры противъ отягощенія архіерейскихъ крестьянъ, дозволяемаго себѣ рязан. архіар. Гавріиломъ (извѣстный сотрудникъ Петра Великаго—Г. Бужинскій). Барановъ, архивъ правит. сената, II, 96.

или масломъ, лошадиныя кости, или ставили въ потаенныхъ мѣстахъ болвановъ, а потомъ розыскивали за это. Въ такомъ видѣ представлялъ, въ своемъ донесеніи, положеніе миссіонерскаго дѣла въ Сибири губернаторъ Чичеринъ, который заявлялъ, что «подобный безпорядокъ можетъ быть пресѣченъ только опредѣленіемъ въ сибирскую митрополию человѣка, который могъ бы въ эти дѣла благоразумно вникать». Вслѣдствіе его донесенія была составлена коммисія, въ которой участвовали Д. Свѣченковъ и Тепловъ ¹⁾; она рѣшила смѣнить митрополита Павла, а на будущее время дать инструкцію миссіонерамъ, въ которой имъ предлагалось уже дѣйствовать не насиліемъ, а мѣрами кротости («учить, увѣщевать, напоминать»); новообращенныхъ не принуждать къ такимъ преданіямъ церковнымъ, которыя могутъ быть неудобноносимы для непривычныхъ; проповѣдникъ, по мнѣнію коммисіи, долженъ имѣть видъ человѣка, не по указу присланнаго, но добровольно пришедшаго; проповѣдники отнюдь не должны прямою вѣрой пополнять суевѣріемъ, рассказами о ложныхъ чудесахъ и откровеніяхъ. Теперь предполагалось новообращенныхъ брать въ семинаріи, но съ тѣмъ, «чтобы они своего языка не забывали», и завести ученіе инородческихъ языковъ ²⁾.

Однако, два указа были посланы съ вызовомъ митрополита Павла изъ Тобольска, а онъ не спѣшилъ выѣздомъ ³⁾. Тогда оберъ-прокуроръ синода Мелиссино отправилъ ему подтвержденіе съ приказаніемъ о выѣздѣ въ одну недѣлю, а тобольскому губернатору предписывалось даже употребить административныя мѣры, въ случаѣ неисполненія этого требованія, которыхъ не

¹⁾ Прежнія дѣйствія Дмитрія Свѣченкова въ этомъ отношеніи лучше всего показываютъ, насколько онъ подчинился теперь духу времени или болѣе удобному теченію.

²⁾ Дѣло объ этомъ въ госуд. архивѣ; см. Соловьевъ, XXVII, 158—160. Впрочемъ еще въ 1761 г. сибирскому губерн. начальству было предписано защищать сибирскихъ и оренбургскихъ жителей отъ притѣсненій, чинимыхъ командами, которыя посылались отъ раскольнической коммисіи, учрежденной митр. Павломъ. Отъ этихъ командъ дважды, въ 1759 г., предали себя сожженію 150 чел. муж. и женск. пола; а обращеніе инородцевъ было усилено также при митр. Павлѣ. См. статью гр. Толстаго, 162—163.

³⁾ Въ одной изъ жалобъ говорится «о произношеніи архіереемъ о синодѣ непристойныхъ поносительныхъ словъ». «Чтен. въ ист. общ. Нест. Лѣт.», 204. В. И.

пришлось примѣнить, такъ какъ 11-го января митрополитъ Павелъ выѣхалъ уже изъ Tobольска ¹⁾. Такимъ образомъ, онъ напрасно представляется жертвою протеста по поводу секуляризаціи церковныхъ имуществъ ²⁾. Впослѣдствіи Екаторина, въ своихъ «возраженіяхъ» аббату Шапну, объ этомъ случаѣ отзывалась такъ: «Вотъ прекрасный образецъ, предлагаемый аббатомъ для подражанія: невѣжа и фанатикъ; таковыми-то, г. Шаппъ, вамъ хотѣлось бы видѣть епископовъ! Этотъ прелатъ, кромѣ того, былъ гордъ и мстителенъ— пороки, за которые онъ недавно былъ вынужденъ оставить свою епархію» ³⁾.

Кіевъ.

В. С. Иконниковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Замѣтка о портретѣ Арсенія Мацѣвича.

Портретъ представляетъ Арсенія въ темницѣ; а съ правой стороны на стѣнѣ помѣщенъ его же портретъ въ архіерейскомъ облаченіи, — рисовалъ А. Ковальковъ, гравировалъ А. Осиповъ. Подлинникъ въ Саввиномъ монастырѣ; копія же въ уменьшенномъ видѣ, гравированная Ф. Алексѣевымъ, помѣщена была въ изданіи: «Портреты именитыхъ мужей россійской церкви», М. 1844, составленномъ П. П. Бекетовымъ, но вышедшемъ послѣ его смерти. См. «Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», Д. А. Ровянскаго, въ Сборникѣ Академіи Наукъ, т. X, стр. 11 и 18.

Литографированные весьма неудовлетворительные и неточные снимки портрета находятся въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. ист.» 1862, II, и «Рус. достопамят.», Снегирева, в. IV (біографія Арсенія Мацѣвича).

Приложенный къ настоящему XXVI-му тому «Русской Старины» портретъ Мацѣвича есть наивозможно точный снимокъ, воспроизведенный нѣсколько въ уменьшенномъ видѣ съ поманутой выше гравюры А. Осипова. Прекрасный экземпляръ этой гравюры сообщенъ «Русской Старинѣ» П. А. Ефремовымъ; рисунокъ на деревѣ принадлежитъ К. О. Брожу, гравировалъ въ Ниццѣ академикъ Л. А. Сѣряковъ.

В. И.

¹⁾ Сообщеніе г. Терновскаго, loc. cit., стр. 8—9.

²⁾ «Чтенія Моск. Общ. ист.» 1870, II, Павелъ, митр. тоб.

³⁾ «Антидотъ», стр. 334.

В. И.

МЫСЛИ В. Н. ТАТИЩЕВА

О РАЗВИТИИ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

1735—1738 г.

Передъ нами лежатъ весьма интересныя документы, относящіяся до открытія на Уралѣ, въ 1735 г., первоначальной развѣдки и разработки горы Благодати, знаменитой нынѣ неисчерпаемымъ богатствомъ магнитныхъ желѣзныхъ рудъ. Въ нихъ ярко выступаетъ тотъ живой интересъ къ новооткрытому мѣсторожденію желѣзной руды, который охватилъ мѣстное горное управленіе и частныхъ заводчиковъ, и та живая дѣятельность, которую они проявили со дня полученія извѣстія о его замѣчательномъ богатствѣ. Въ этихъ документахъ наши предки, люди прошлаго вѣка, занимавшіеся горнымъ промысломъ, какъ живые встаютъ передъ нами, ихъ потомками, и выражаютъ свои мысли, чувства и желанія, съ которыми стремились развить горнозаводскую промышленность въ одномъ изъ уголковъ обширнаго отечества, пустыннымъ и дикомъ, съ суровымъ климатомъ. Особенно замѣчательны, въ этомъ отношеніи, мысли, чувства и желанія бывшего тогда главнымъ начальникомъ сибирскихъ и казанскихъ заводовъ, тайнаго совѣтника Татищева, жившаго въ то время въ городѣ Екатеринбургѣ. Несмотря на то, что онъ высказалъ ихъ 140 лѣтъ тому назадъ, они до сихъ поръ еще не утратили современнаго значенія. Еслибы они были примѣнены къ дѣлу въ его время, то въ наше—производительность горныхъ заводовъ не отстала бы далеко отъ современной производительности заводовъ иностранныхъ государствъ. Поэтому знакомство съ ними и съ обстоятельствами, давшими поводъ Татищеву высказать ихъ, не лишено интереса; оно поможетъ намъ яснѣе видѣть тотъ путь, по которому онъ желалъ направить къ преуспѣянію заводскую промышленность.

Къ сѣверу отъ Нижнетагильскаго завода Демидова, почти до самаго города Верхотурья, Пермской губерніи, и очень далеко по обѣ стороны отъ этой линіи,—до 1735 г. не существовало ни одного селенія. Все это громадное пространство было покрыто сплошнымъ, густымъ сосновымъ, еловымъ, кедровымъ и другимъ лѣсомъ. Только быстрыя горныя рѣчки и рѣчки прорѣзали этотъ лѣсъ; въ большинствѣ изъ нихъ текла такая чистая, прозрачная вода, что свободно

можно было видѣть все, что лежало на ихъ днѣ. Дорогъ здѣсь не было: онѣ никому не были нужны; существовали только тропы, выбитыя копытами стада лосей, отъ становища къ водопою. Но зато лѣсъ былъ изобильно населенъ множествомъ разныхъ породъ птицъ и млекопитающихъ, за которыми охотились кочевавшіе въ немъ вогулы, небольшія партіи которыхъ переходили съ мѣста на мѣсто, гоняясь за дичью или звѣремъ, рогатымъ сохатымъ (лосемъ), оленемъ, соболемъ и друг. Они ежедневно стремились къ единственной цѣли своей жизни: какъ можно болѣе убить птицъ и звѣрей для пищи и ясака (подати), который вносили въ казну натурою—звѣринными шкурами. Въ лѣсѣ, какъ строевомъ матеріалѣ, вогулы вовсе не нуждались, а какъ въ горючемъ—весьма мало, и рубили, и жгли его только тогда, когда имъ надо было согрѣть свое тѣло, изжарить на вертелѣ или сварить въ котлѣ себѣ пищу. На почву, землю—они не обращали никакого вниманія, не копали ея для посадки овощей, не пахали для посѣва хлѣба, не рыли для добычи какого-либо полезнаго продукта и, даже, въ большинствѣ случаевъ, для погребенія своихъ мертвецовъ, которыхъ они подымали и клали на вѣтви деревьевъ; они какъ-будто избѣгали имѣть какое-либо дѣло съ землей. Ее только нюхалъ на бѣгу кровожадный звѣрь, искавшій потерянный имъ слѣдъ скрывшейся отъ его глазъ быстрогой жертвы, да травоядное животное, наклонясь, щипало растущую на ней траву, да бурый, или черный, медвѣдь рылъ въ ней себѣ берлогу на зиму. Словомъ, этотъ уголокъ Пермской губерніи, до сентября 1735 г., жилъ тою жизнью, какая, по словамъ писанія, существовала въ седьмой день сотворенія земли. Русскіе, жившіе въ Тагильскомъ заводѣ, рѣдко посѣщали окрестные лѣса и, по всей вѣроятности, не углублялись въ нихъ далеко, иначе трудно понять, почему посланные ранѣе, до 1735 г., Никитою Демидовымъ рудоискатели не нашли—издалека очень замѣтной и лежащей всего въ 50-ти верстахъ къ сѣверу отъ завода—горы Благодати, на вершинѣ которой выступала наружу руда большими, высокими сопками ¹⁾. Вогулы же, кочевавшіе вблизи этого завода, напротивъ, часто сходились съ жившими тамъ русскими и иногда такъ близко, что отрекались отъ своихъ боговъ-идоловъ, принимали христіанскую вѣру, крестились.

Одинъ изъ такихъ новокрещенныхъ вогуличей, по имени Степанъ Чумпинъ, явился, въ маѣ 1735 года, къ бергмейстеру Ярцеву ²⁾, осматривавшему въ то время лѣса въ окрестностяхъ Нижнетагильскаго завода, и просилъ его заявить Татищеву, что

¹⁾ Эти сопки видны на сохранившемся древнемъ чертежѣ горы Благодати.

²⁾ Отцу Ярцева, бывшаго въ 1798 г. главнымъ начальникомъ. Д. Д.

недалеко отъ рѣчекъ Кушвы и Туры лежитъ большая гора, богатая желѣзной рудой. Вѣроятно, Чумпинъ такъ много насаждалъ о богатствѣ найденной имъ горы, что Ярцевъ, по прїѣздѣ въ городъ Екатеринбургъ, повторяя его слова, возбудилъ въ Татищевѣ сильное желаніе лично видѣть открытое Чумпиннымъ богатство, несмотря на то, что, для этого, ему приходилось ѣхать въ дикую мѣстность. И вотъ, 5-го сентября 1735 г., эта страна впервые была пробуждена отъ вѣковаго сна къ новой, дѣятельной жизни. Въ этотъ, достопамятный для нея, день, маститый русскій вельможа, Татищевъ, всходилъ на одну изъ ея горъ. Поднимаясь на нее, онъ видѣлъ, что склонами ея владѣеть преимущественно сосновый лѣсъ, что ему подчинены еловый, что мѣстами выглядывали береза, липа и осина, а мѣстами выступалъ величественный кедръ и одиноко стояла стройная лиственница. На вершинѣ горы Татищева встрѣтила руда, «изъ горы вверхъ столбами торчащая»¹⁾. Покопавъ вокругъ этихъ столбовъ почву, по длинѣ горы на 200, а поперекъ на 60 саж., Татищевъ нашелъ, что все это пространство занято «сливною, однимъ камнемъ въ глубину идущею рудою», точно такъ, какъ «въ славной шведской даннеморфѣ» и въ Тагилѣ у Демидова; что качество руды точно такое же, какъ и въ этихъ рудникахъ; что гора такъ высока, что можно видѣть окрестности далѣе чѣмъ на 100 верстъ; что до дна залеганія руды потомки не дойдутъ во многіе годы; что руда дастъ болѣе 50% чугуна. Увидавъ все это, Татищевъ и его свита единогласно назвали эту гору «Благодатью», «ибо», по ихъ словамъ, «такое великое сокровище на счастье ея императорскаго величества, по благости Божіей, открылось». Это сокровище такъ сильно возбудило Татищева, что онъ, сойдя съ горы, поспѣшилъ отправиться на рѣчки Кушву и Туру искать тамъ мѣста, удобныя для постройки сразу двухъ заводовъ, и, найдя таковыя, приказалъ тотчасъ же расчищать ихъ, «потребныя дома и магазины построить, припасы заготовить и, излишнихъ на другихъ заводахъ, людей перевести сюда»; а въ концѣ 1736 г. и началъ 1737 г.; для скорѣйшаго развитія горнаго промысла въ этой мѣстности, отвѣлъ мѣста для постройки заводовъ четырехъ заводчикамъ, объявивъ, «что, по примѣру шведскому, руды изъ той же горы Благодати имъ даваны будутъ», и указалъ мѣсто въ этой горѣ, откуда будетъ добываться для нихъ руда²⁾.

Такимъ образомъ гора Благодать получила громкую извѣстность. Явились желающіе пользоваться ея богатствомъ всецѣло, безъ раздѣла съ другими. Въ сентябрѣ 1737 г., «балахонецъ купецкой челоуѣкъ

¹⁾ Столбы—вышеупомянутыя сопки.

²⁾ Мѣсто это показано на томъ же чертежѣ.

и мѣднаго и желѣзнаго заводоу заводчикъ Петръ Игнатьевъ сынъ Осокинъ», тотъ самый, которому Татищевъ еще въ 1735 г. дозволилъ добывать руду изъ горы Благодати, а въ 1736 г. отвелъ мѣсто на рѣкѣ Салдѣ для постройки завода, билъ челомъ, «дабы указомъ ея императорскаго величества повелѣно было, для ея императорскаго величества и всей ея императорскаго величества фамилии многолѣтняго здравія и ради государственной славы и интересной прибили и всероссийской пользы, явить къ нему, низайшему, ея императорскаго величества высочайшее материнское милосердіе и приврѣніе, и повелѣтъ вновь присканную, близъ рѣкѣ Кушвы и Туры, гору, называемую Благодать, съ желѣзными въ ней имѣющимися рудами и съ опредѣленными подъ казенные заводы мѣстами и съ мастеровыми, опредѣленными и поселившимися людьми и впредь кто изъ мастеровыхъ людей понадобится къ тѣмъ заводамъ и съ приписными отдать ему и наслѣдникомъ его въ вѣчное владѣніе», на слѣдующихъ условіяхъ:

Въ счетъ суммы денегъ, слѣдующей за строеніе и припасы, находящіяся на горѣ Благодати и на мѣстахъ строящихся заводоу, онъ поставитъ въ казну 50,000 пуд. якорей и 400,000 пуд. сортоваго желѣза, съ уступкою, противъ цѣны Демидова, съ якорей по 10 к., а съ желѣза по пяти коп. съ пуда.

Деньги за строеніе и припасы удержать изъ слѣдующей ему суммы за доставленные якоря и желѣзо, не въ одинъ годъ, а, по разсчету, въ нѣсколько лѣтъ.

Поставку якорей и желѣза онъ начнетъ по истеченіи трехъ лѣтъ, со дня отдачи ему горы Благодати съ заводами, и кончатъ въ теченіе десяти лѣтъ.

За поставленные имъ якоря и желѣзо не брать съ него никакихъ пошлинъ.

Приписать къ каждой домнѣ по 150 и къ каждому молоту по 30 дворовъ крестьянъ, считая во дворѣ по четыре души.

Взять у него 5,000 пуд. мѣди и, передѣлавъ въ деньги и полшки, отдать ихъ ему, «низайшему и съ прибылью», удержавъ плату за передѣлъ мѣди въ монету.

Избавить его, на десять лѣтъ, отъ платежа десятины.

Не брать съ него, тоже въ теченіе десяти лѣтъ, пошлинъ съ продажнаго желѣза и «сдѣланныхъ и литыхъ припасовъ».

Кабинетъ ея величества поручилъ генераль-бергъ-директоріуму рассмотреть прошеніе Осокина, вмѣстѣ съ Татищевымъ, и доложить со своимъ мнѣніемъ.

15-го февраля 1738 г., Татищевъ отправилъ изъ г. Уфы въ Петербургъ слѣдующее возраженіе на прошеніе Осокина.

Хотя Осокины ему известны как самые дѣятельные заводчики, болѣе другихъ стремящіеся размножать горные заводы, въ чемъ онъ помогалъ имъ наставленіями, совѣтами и казенными деньгами, и—о поощреніи такого похвальнаго съ ихъ стороны рвенія къ развитію горнаго промысла—всеподданнѣйше представлялъ ея императорскому величеству,—но, несмотря на это, отдавать имъ гору Благодать и заводы не слѣдуетъ, по многимъ причинамъ. Еще прежде Осокина, многіе заводчики просили отдать имъ гору Благодать, но когда онъ, не желая поступить «противно своей должности и государственной пользы», въ просьбѣ имъ отказалъ, «то принужденъ былъ слышать заочныя на него поношенія, смѣшанныя съ клеветой.... и мню,—говоритъ Татищевъ,—что онъ, Осокинъ, или безъ ума будучи, или отъ кого другаго неразумнаго, или безсовѣстнаго.... прельщенъ, дерзнулъ просить—отдать ему гору Благодать и заводы. Известно,—продолжаетъ далѣе Татищевъ,—что въ Россіи ни одинъ заводчикъ самостоятельно не построилъ ни одного завода, но всегда и вездѣ сначала были построены казенные заводы, а впослѣдствіи, при помощи казенныхъ, начинали строить заводы частныя лица, или, покупая нѣкоторые казенные заводы, вмѣстѣ съ тѣмъ, строили новыя, или развивали старыя, ими купленныя. Такимъ образомъ, размножались частныя заводы, и развивалась горнозаводская промышленность. Точно такое же значеніе для развитія этой промышленности, въ новой, отдаленной мѣстности, имѣютъ вновь строящіеся казенные заводы у горы Благодати. Хотя многимъ заводчикамъ, недалеко отъ этой горы, отведены уже мѣста для постройки заводовъ, но они, начавъ постройку фабрикъ, окончаніе ихъ остановили до полученія отъ строящихся казенныхъ заводовъ, по дѣйствительной стоимости, безъ наложенія процентовъ, разныхъ припасовъ и машинъ, возить которыя изъ другихъ отдаленныхъ, тоже казенныхъ, заводовъ—имъ невыгодно, а изъ Нижнетагильскаго завода Демидовъ ничего имъ не отпускаетъ, ни за какую цѣну, потому что не желаетъ имѣть сосѣдей-конкурентовъ. Если гора Благодать и заводы будутъ отданы Осокину, то съ этими заводчиками онъ поступитъ такъ же, какъ поступилъ съ ними теперь Демидовъ: не дастъ имъ ни припасовъ чугунныхъ, ни машинъ, ни, тѣмъ болѣе, руды, которая имъ уже обѣщана. Тогда они принуждены будутъ, бросивъ начатая постройки и напрасно потерпѣвъ убытки, вовсе отказаться отъ постройки заводовъ на отведенныхъ имъ мѣстахъ ¹⁾. Вмѣстѣ съ ними потерпѣтъ и казна, потому что заводовъ будетъ меньше, и меньше поступитъ отъ нихъ въ казну пошлинъ. Кромѣ этого, если Осокину и будетъ дано все имъ просимое,

¹⁾ Это смысль.

то и тогда онъ не кончитъ постройку заводовъ даже въ теченіе десяти лѣтъ, потому что на достройку ихъ нужны 50,000 руб., которыхъ у него нѣтъ, и занять которыхъ онъ скоро не можетъ. Такимъ образомъ, обѣщанная имъ прибыль много лѣтъ будетъ существовать только на бумагѣ; тогда какъ, по убѣжденію собраннаго Татищевымъ совѣта начальниковъ казенныхъ заводовъ,—вновь строящихся заводы у горы Благодати, чрезъ три года, ежегодно будутъ давать по меньшей мѣрѣ, 50,000 руб. чистой прибыли. Если, несмотря на это, ея императорское величество пожелаетъ отдать гору Благодать съ заводами частному лицу, то тогда строить казенные заводы вовсе не слѣдуетъ, потому что, въ подобныхъ случаяхъ, они не будутъ служить къ размноженію частныхъ. Но это противно интересамъ государства. Если казна не будетъ строить заводы, то, во многихъ отдаленныхъ мѣстахъ, природное богатство, несмотря на то, что тамъ живутъ многіе богатые люди, будетъ туе лежать въ нѣдрахъ земли, потому что никто изъ нихъ, по своему незнанію, за постройку заводовъ не возьмется. Если и этотъ доводъ не заслужитъ вниманія, и ея императорское величество всетаки повелитъ отдать гору Благодать съ заводами въ частныя руки, то, въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ спросить всѣхъ заводчиковъ, не пожелаетъ-ли кто изъ нихъ взять гору и заводы на условіяхъ болѣе выгодныхъ, чѣмъ условія, предложенныя Осокинымъ. Если желающихъ не окажется, то тогда гору Благодать и заводы слѣдуетъ отдать Никитѣ Демидову, который, одинъ изъ всѣхъ заводчиковъ, посылалъ въ ту мѣстность, гдѣ находится эта гора, людей искать руду, и прежде, чѣмъ что-либо было затрачено казною на устройство тамъ заводовъ, просилъ отдать ему гору Благодать, а сынъ его предлагалъ за это въ подарокъ 3,000 рублей. «Но токмо»,—говоритъ Татищевъ,—«помятуя мою должность и храня честь мою, я тѣмъ подаркомъ не предъстился, но, по разсужденію въ собраніи, оное челобитіе отрѣшили.... Сихъ ради и другихъ обстоятельствъ, бояся отъ Бога и отъ ея императорскаго величества наказанія, никакъ объ отдачѣ ему, Осокину, горы Благодати и заводовъ совѣта дать не могу, зане все его, Осокина, прошеніе почитаю за непристойное и неправильное».

Чѣмъ отдавать гору Благодать и заводы,—говоритъ Татищевъ,—лучше прямо помочь Осокинымъ—и, во-1-хъ, приписать крестьянъ къ ихъ заводамъ, для постройки которыхъ отведены имъ мѣста на рѣчкахъ Салдѣ и Ису; во-2-хъ, дать имъ по одному мѣховому и якорному мастеру и по одному доменному подмастеру съ ученикомъ; въ-3-хъ, чугунные и прочіе припасы и машины отпустить имъ изъ казенныхъ заводовъ, по дѣйствительной ихъ стоимости, безъ нало-

женія процентовъ, но съ разсрочкою уплаты за нихъ денегъ на десять лѣтъ; въ-4-хъ, вмѣсто передѣла для нихъ ихъ мѣди въ монету, ссудить просто деньгами до 10,000 руб., которыя они должны возвратить чрезъ пять лѣтъ, послѣ постройки заводовъ, желѣзомъ, въ Петербургѣ, съ уступкою 5 коп. съ пуда, противъ цѣны Демидова. «Хотя и возмнится сіе награжденіе много, но,—увѣряетъ Татищевъ,—оное все въ прибыль, ибо чрезъ то скорѣе заводы ихъ построятся, десятиною и пошлиною все оное вскорости сугубо наградится».

Спустя годъ, Татищевъ узналъ результатъ своего донесенія. Онъ получилъ указъ, отъ 27-го марта 1739 г., которымъ повелѣвалось гору Благодать съ заводами и со всѣмъ прочимъ отдать генераль-бергъ-директору, фонъ-Шембергу, съ тѣмъ лишь единственнымъ условіемъ, что г. Шембергъ обязанъ заплатить казнѣ, къ концу 1739 г., только все ею затраченное на постройку заводовъ около горы Благодати и добычу изъ нея руды.

Легко представить то тяжелое, горькое впечатлѣніе, которое произвело на Татищева извѣстіе объ отдачѣ горы Благодати одному фонъ-Шембергу. На эту гору Татищевъ смотрѣлъ какъ на источникъ общаго благосостоянія, которымъ, какъ государственнымъ имуществомъ, не имѣетъ права пользоваться одно какое-либо лицо; а на казенные заводы—какъ на дѣятельныхъ помощниковъ частныхъ лицъ въ стремленіи ихъ къ развитію горнозаводской промышленности. Доходъ, получаемый казною отъ нихъ, въ глазахъ Татищева имѣлъ второстепенное значеніе. Казенные заводы, по его мнѣнію, должны, всѣми мѣрами и средствами, больше помогать частнымъ, чѣмъ заботиться о своихъ прибыляхъ. Происходящій, повидимому, отъ ссуды частныхъ заводчиковъ—припасами, машинами и деньгами, безъ процентовъ,—убытокъ онъ считалъ мнимымъ, потому что вновь построенные ими заводы съ избыткомъ вознаграждать такую временную потерю процентовъ, десятиною и другою пошлиною. На казенные заводы Татищевъ смотрѣлъ какъ на пионеровъ, которые должны водворять заводскую промышленность тамъ, гдѣ, почему бы то ни было, ее основать не могутъ частныя лица,—и всѣми мѣрами стараться увлечь ихъ за собою, вселяя въ нихъ полную надежду на солидную, въ нуждѣ, помощь до тѣхъ поръ, пока они въ ней будутъ нуждаться. Въ такомъ назначеніи казенныхъ горныхъ заводовъ, а не въ степени ихъ доходности, Татищевъ видѣлъ дѣйствительную государственную пользу, и никакъ не предполагалъ, что высчитанная имъ прибыль отъ заводовъ у горы Благодати дастъ главѣ горнаго управленія, генераль-бергъ-директору, поводъ предпочесть свою личную выгоду государственной пользѣ. Еслибы этого не случилось, то, вѣроятно, горнозаводская про-

мышленность края, въ которомъ лежитъ гора Благодать, не находилась бы теперь въ состояніи застоя. Около этой горы, вмѣстѣ съ казенными, существовало бы теперь нѣсколько частныхъ заводовъ. Но такъ какъ ихъ теперь тамъ нѣтъ, то, слѣдовательно, неожиданный ударъ, нанесенный Татищеву извѣстіемъ объ отдачѣ горы Благодати Шембергу, придавилъ и горнозаводскую промышленность края такъ сильно, что она до сихъ поръ не можетъ подняться во весь свой ростъ. Какъ глубоко и горько страдалъ бы въ настоящую минуту Татищевъ, еслибы, вставъ изъ гроба, увидалъ, что гора Благодать обложена желѣзными рельсами, приготовленными не изъ ея рудъ, а изъ англійскихъ, потому что русскіе заводы, несмотря на богатство своихъ лѣсовъ и, въ особенности, такихъ рудниковъ, какъ гора Благодать, до сихъ поръ такъ мало развились, что, даже въ мѣстѣ своего существованія, цѣною своихъ произведеній не могутъ конкурировать съ англійскими, находящимися далеко, за моремъ, и, въ этомъ случаѣ, смѣющимися надъ нашей пословицей: «за моремъ телушка—полушка, да провозъ рубль».

Существующіе казенные горные заводы на Уралѣ въ настоящее время не имѣютъ указаннаго Татищевымъ значенія. Они не снабжаютъ уже частныя заводы ни свѣдущими мастерами, ни припасами, ни машинами; напротивъ, сами пріобрѣтаютъ у нихъ нѣкоторыя вещи; произведенія ихъ дороги; работаютъ они мало, потому что военныя вѣдомства болъшую часть своихъ издѣлій (даже артиллерійскіе снаряды) покупаютъ у частныхъ лицъ и получаютъ съ своихъ заводовъ. Они могутъ быть проданы или отданы въ аренду какъ оброчная статья, напримѣръ, какъ казенныя мукомольныя мельницы, и при этомъ приносить дохода болѣе, чѣмъ теперь, уже по тому одному обстоятельству, что, съ отдачею ихъ въ аренду, сократится расходъ на содержаніе многочисленнаго личнаго состава мѣстнаго горнаго управленія; военныя вѣдомства не почувствуютъ отъ этого никакого неудобства,—даже не замѣтятъ перехода казенныхъ горныхъ заводовъ въ частныя руки: такъ они мало въ нихъ нуждаются.

Въ виду такого положенія уральскихъ казенныхъ горныхъ заводовъ и поднятія частной производительности на Уралѣ, согласно съ мнѣніемъ Татищева, слѣдуетъ предоставить частнымъ заводчикамъ право пользованія рудами горы Благодати, при соблюденіи извѣстныхъ правилъ, подобно тому какъ частныя лица пользуются казеннымъ лѣсомъ, вырубая его по указанію специалиста,—отвести желаемымъ мѣста для постройки, недалеко отъ этой горы, заводовъ, или продать имъ существующіе тамъ казенные заводы, или отдать имъ ихъ въ аренду.

Д. Лесенко.

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ДЗЮБЕНКО.

Полувѣковая служба за Кавказомъ.

1829—1876.*

V¹⁾.

Н. Н. Муравьевъ.—Докладъ въ банѣ.—Князь А. И. Барятинскій.—В. А. Инсарскій.—Дѣятельность князя.—Пять департаментовъ.—Н. П. Колюбакинъ.—Разбойникъ Кочо.—Прибытіе на Кавказъ Великаго Князя Михаила Николаевича.

1855—1863.

Нигдѣ, какъ извѣстно, не обходится безъ разныхъ, болѣе или менѣе пустыхъ толковъ, при каждой перемѣнѣ въ высшей правительственной сферѣ. За Кавказомъ эти толки распространяются и растутъ съ необыкновенною быстротой и отличаются невѣроятными измышленіями и нелѣпостями. Но, съ назначеніемъ генерала Муравьева, неумолкаемому хабару (мѣстное выраженіе для означенія слова новость), догадкамъ и хитросплетеніямъ не было границъ. Одни считали его нелюдимымъ, какинъ-то пугаломъ, чуть не людоедомъ; другіе—человѣкомъ съ закаленнымъ сердцемъ, лишеннымъ всякихъ добрыхъ чувствъ; а иные—просто устарѣлымъ, грубымъ, не обладающимъ современными взглядами, необходимыми для высшей административной дѣятельности, хотя нечуждымъ высшаго образованія.

И тѣ, и другіе, и третьи—ошиблись, какъ мы увидимъ да-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXV, стр. 637—670.

лѣе. Приѣздъ Муравьева, дѣйствительно, навелъ общее смущеніе, не столько, впрочемъ, угрюмымъ его видомъ и предшествовавшими толками, сколько внезапнымъ событіемъ, а именно, привезеннымъ имъ печальнымъ извѣстіемъ—о кончинѣ государя императора Николая Павловича.

На другой день по приѣздѣ въ Тифлисъ, именно, утромъ, 1-го марта 1855 года, Муравьевъ, въ личномъ своемъ присутствіи, на Александровской площади (теперь уже не существующей; на мѣстѣ ея, по распоряженію князя А. И. Барятинскаго, разведенъ прекрасный общественный садъ, названный Александровскимъ), приведя къ присягѣ всѣ наличныя войска и всѣхъ чиновъ разныхъ вѣдомствъ, вмѣстѣ съ городскимъ населеніемъ, на вѣрность нынѣ благополучно царствующему Императору Александру Николаевичу, не замедлилъ сдѣлать приемъ у себя, на которомъ, нѣкоторыми остроумными разговорами и замѣчаніями, на многихъ произвелъ пріятное впечатлѣніе. Впечатлѣніе это еще больше утвердилось, когда послѣ того было распространено въ городѣ письмо генерала Муравьева къ Алексѣю Петровичу Ермолову, хотя также быстро ослабѣло, вслѣдствіе появившагося анонимнаго возраженія, не безъ достоинства написаннаго, противъ замѣчаній Муравьева ¹⁾).

Впослѣдствіи стало ясно, что генеральъ Муравьевъ несомнѣнно человекъ способный, суровый только по наружному виду, а въ сущности не злой, но характера мнительнаго, недовѣрчиваго, своеобразнаго и невыносимо-тяжелаго, отчего, во время его управленія краемъ, произошелъ большой застой въ дѣлахъ и значительное накопленіе ихъ по всѣмъ частямъ обширной администраціи. Обращался онъ со всѣми безъ раздраженія и безъ изысканныхъ тонкостей, просто, иногда не безъ остроты; кому хотѣлъ дать почувствовать какое-нибудь упущеніе, поступалъ, по временамъ, довольно оригинально. Такъ, на примѣръ, однажды, по какому-то случаю, остался онъ недоволенъ комендантомъ и полиціймейстеромъ. Объявивъ первому изъ нихъ, въ 9 часовъ утра, о намѣреніи своемъ сейчасъ посѣтить главную гауптвахту, учтиво поручилъ находиться тамъ до его прихода; а послѣд-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1872 г., т. VI, стр. 542—546.

нему приказалъ явиться къ нему съ рапортомъ въ 9 часовъ вечера. Все было исполнено въ точности; но—что же изъ этого вышло? Коменданту, продежурившему на гауптвахтѣ до 10-ти часовъ вечера, т. е. болѣе полусутокъ, дано было знать, что генераль отиѣнилъ свое посѣщеніе до другаго времени; а полиціймейстеръ былъ позванъ въ русскую парную баню, гдѣ Муравьевъ въ то время находился и, во время рапорта, лежа на банномъ полѣ, поминутно приказывалъ поддать пару, такъ что бѣдный полиціймейстеръ, полковникъ Сивериковъ, будучи въ полной формѣ, вышелъ оттуда, минутъ чрезъ 10, распаренный до костей, измоченный и похожій на мокрую курицу (все это мнѣ извѣстно со словъ самого Сиверикова).

Въ короткое время управленія генерала Муравьева ничего не измѣнилось и ничего ни интереснаго, ни замѣчательнаго не произошло, кромѣ общей печали о неудавшемся штурмѣ крѣпости Карса, что всѣхъ насъ тогда очень занимало и возмущало значительнымъ кровопролитіемъ. Мое положеніе оставалось въ томъ же видѣ, какъ и прежде, до назначенія намѣстникомъ кавказскимъ генераль-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинскаго, что послѣдовало въ іюлѣ мѣсяцѣ 1856 года.

Русскій бояринъ въ полномъ смыслѣ слова, стройный, представительный, остроумный, чрезвычайно симпатичный, деликатный, съ широко-тароватою натурою и съ прямымъ характеромъ—вотъ слабый портретъ князя Александра Ивановича Барятинскаго. Я несказанно обрадовался неожиданному назначенію его; не менѣе меня торжествовало и все Закавказье, которому, какъ и мнѣ, князь былъ уже хорошо извѣстенъ по долговременному пребыванію его тамъ на службѣ. Будучи въ то время въ городѣ Полтавѣ, въ отпуску, я немедленно отправился въ Москву, столько же изъ желанія быть свидѣтелемъ предстоявшаго тамъ торжества царскаго коронованія, сколько и затѣмъ, чтобы представиться главному своему начальнику, находившемуся уже въ Москвѣ.

Дождавшись здѣсь удобнаго случая, я явился къ нему, и былъ принятъ такъ любезно, какъ не могъ ожидать. У меня была одна только просьба къ нему на счетъ помѣщенія въ учебное заведеніе дѣтей моихъ; но, когда князь, между прочимъ, спросилъ меня, не имѣю-ли я еще въ чемъ-нибудь нужды,—то я

рѣшился дополнить мою просьбу о содѣйствіи перейти мнѣ на службу во внутреннія губерніи, чтобы избѣгнуть того безъисходнаго положенія, въ которомъ я находился уже около 9-ти лѣтъ, вынося тяжелые труды. Князь оказалъ мнѣ милость въ отношеніи первой просьбы, что-же касается меня самого, то князь выразилъ желаніе, чтобы я возвратился въ Закавказье. Ободренный такимъ благопріятнымъ исходомъ моихъ служебныхъ дѣлъ, я возвратился въ Тифлисъ, куда мѣсяца черезъ два прибылъ и князь Александръ Ивановичъ. Восторгамъ и оваціямъ со стороны населенія края—не было конца: все ликовало и праздновало его пріѣздъ искренно, неподдѣльно.

Изъ окружавшихъ князя, во все время управленія, упомяну о Василіѣ Антоновичѣ Инсарскомъ, очень ему преданномъ, котораго всѣ любили за его правдивость, честность и многія другія достоинства. Но, прежде пріѣзда Инсарскаго, былъ уже княземъ избранъ ближайшимъ себѣ помощникомъ, въ званіи начальника гражданскаго управленія, Алексѣй Ѳеодоровичъ Крузенштернъ, когда-то—мой сослуживецъ, человекъ очень добрый, образованный и всегда доступный, но, къ сожалѣнію, слишкомъ довѣрчивый и неосторожный въ той средѣ или въ той сферѣ, гдѣ нужно было, какъ говорится, держать ухо остро; это много вредило и ему лично, и самому дѣлу. Однакожь, дѣла не останавливались, хотя самъ князь былъ крайне занятъ борьбою съ горцами и ихъ имамомъ Шамилемъ. Поддерживая тѣ же общія идеи, по всѣмъ отраслямъ управленія, каковымъ слѣдовалъ князь Воронцовъ, князь Барятинскій весьма бѣгло обнималъ самые сложные предметы и часто удивлялъ богатыми и полезными своими соображеніями, которыя оставалось только разработать,—и выходило дѣло въ шляпѣ. Такимъ образомъ были затронуты и осуществлены самые насущные вопросы, напримѣръ: имъ создана необходимая земская стража, съ цѣлью уничтоженія увеличившихся повсемѣстно разбоевъ; обезпечена Военно-грузинская дорога удобными, хотя дорого стоимыми помѣщеніями для проѣзжающихъ; приведены въ лучшее состояніе станціонные дома по всему краю и проѣзжія дороги, съ значительными на это расходами; возведенъ въ Тифлисъ прекрасный Александровскій садъ на обширномъ пустырьѣ около Александровской площади и частію на самой площади, гдѣ выбрасывались всевозможныя не-

чистоты, а теперь представляется для городского населенія единственное пріятное развлеченіе и отдохновеніе.

Всѣ эти мѣры вызвали безусловно общую признательность князю Барятинскому. Но было бы несправедливо, если бы я сталъ утверждать, что эта признательность не уменьшилась и тогда, когда неожиданно, какъ снѣгъ на голову, явилось въ Тифлисѣ пять департаментовъ: судебный, финансовый, общихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и даже контрольный (ихъ тотчасъ стали называть пятью новорожденными младенцами), съ весьма значительными расходами. Нѣтъ сомнѣнія, что эти большие младенцы (теперь уже умершіе, кромѣ одного) придуманы были въ той средѣ, о которой сказано выше, съ цѣлью вѣрнѣйшаго обезпеченія каждымъ изъ дѣятелей собственнаго служебнаго положенія, какъ это и случилось въ дѣйствительности....

Занятый постоянно громаднымъ поступленіемъ въ губернское правленіе дѣлъ, я не терялъ, однакожь, надежды на перемѣну тяжелаго своего положенія. И дѣйствительно, въ первой половинѣ 1860 года, эриванскій военный губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Николай Петровичъ Колюбакинъ ¹⁾ (да будетъ ему вѣчная память), пригласилъ меня занять мѣсто вице-губернатора въ Эриванской губерніи. Онъ слылъ за человѣка весьма умнаго, честнаго, высоко-справедливаго и трудолюбиваго, но въ высшей степени вспыльчиваго и раздражительнаго, иногда до самозабвенія (поэтому и названъ былъ немирнымъ). Признаюсь, это нѣсколько беспокоило меня, особенно послѣ того, какъ и самъ князь Александръ Ивановичъ сдѣлалъ мнѣ вопросъ, сумѣю-ли я сойтись съ Колюбакинымъ при его характерѣ? Тѣмъ не менѣе, отступить мнѣ не приходилось по всѣмъ соображеніямъ, и потому назначеніе мое состоялось. По прибытіи моемъ въ Эривань (это было въ маѣ 1860 года), Николай Петровичъ Колюбакинъ принялъ меня какъ роднаго брата, даже приютилъ въ своемъ огромномъ помѣщеніи. Нужно знать его хорошо, чтобы судить о немъ безошибочно: это была натура въ высшей степени благородная, даровитая и сознательная даже въ собственныхъ уклоненіяхъ. При всемъ своемъ самолюбіи, онъ никогда не пренебрегалъ ни

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., т. XVII, стр. 317—342.

хорошими совѣтами, ни разумными мѣрными; слѣдовало только умѣть вести съ нимъ рѣчь. Пова я не понималъ его, у него иногда проявлялись вспышки, а потомъ, кромѣ полнаго расположенія и довѣрія, нивогда ничего подобнаго между нами не происходило.

Чтобы дать понятіе о томъ, до какой степени онъ былъ сознательнъ въ своихъ ошибкахъ, расскажу два случая. Однажды супруга его, преумная и премилая особа, сдѣлала ему въ обществѣ какое-то неумышленное замѣчаніе; онъ вспыхнулъ и наговорилъ ей много неприятныхъ словъ, но потомъ самъ созналъ свою опрометчивость... и какъ же поступилъ? Утромъ, на другой день, легъ на голый полъ при самомъ входѣ въ кабинетъ, а когда явился полиціймейстеръ съ рапортомъ, то онъ, несмотря на уклоненіе сего послѣдняго, приказалъ непремѣнно перепрыгнуть черезъ себя, и потомъ, поднявшись, сказалъ: «тебя это удивляетъ, а меня нисколько; я, братецъ, вчера невинно огорчилъ свою жену, а такъ какъ она не въ силахъ ничего мнѣ сдѣлать, то я самъ опредѣлилъ себѣ такую унизительную мѣру наказанія». Это я говорю какъ анекдотъ, по общимъ разсказамъ, не ручаясь, впрочемъ, за его точность. Вотъ чтѣ случилось со мной лично, во время лѣтнаго пребыванія въ Дарачичагѣ. Въ одно воскресное утро вздумалось мнѣ зайти къ Николаю Петровичу съ почтеніемъ. Какъ только отворилъ я съ балкона дверь и вошелъ въ комнату, гдѣ находились уже губернской прокуроръ и человѣкъ пять мѣстныхъ жителей, въ томъ числѣ одна изъ почетныхъ личностей, Арсенъ Султанъ Кегамовъ,—Николай Петровичъ тотчасъ обратился ко мнѣ: «А! встати, отыщите, пожалуйста, законъ и докажите прокурору, что онъ ошибается, будто бы губернаторъ не въ правѣ самостоятельно распоряжаться ни опекунами, ни сиротскими имѣніями», причемъ передалъ мнѣ X-й т. Св. Зак. Не заглядывая въ книгу, я отозвался, что такого закона нѣтъ, и къ этому неосторожно добавилъ, что и быть не можетъ при существованіи спеціальнаго учрежденія. Громъ и молнія разразились... «Такъ — я дуракъ!», закричалъ онъ, и пошелъ, и пошелъ, и пошелъ... пова я не удалился, давъ ему замѣтить мое огорченіе. Не прошло и получаса, какъ онъ опомнился, созналъ себя неправымъ, самъ отыскалъ меня и, извиняясь, искренно сжалъ въ своихъ объятіяхъ. Съ тѣхъ поръ мы были всегда въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, а при выѣздѣ его на

новое назначеніе—въ Кутансъ—генераль-губернаторомъ, я провожалъ его со слезами на глазахъ, какъ-бы предчувствуя будущія свои невзгоды. Почти годъ исправлялъ я, послѣ него, должность губернатора. Въ теченіе этого времени, я обревизовалъ и направилъ въ порядку всѣ учрежденія въ губерніи; обоарѣлъ турецкую и персидскую границы, съ цѣлью ознакомленія и улучшения существующихъ тамъ кордонныхъ и таможенныхъ постовъ; доказалъ бесполезность и несбыточность проектированной на 50-тиверстное протяженіе Занъской водопроводной канавы, на которую было уже потрачено немало суммъ и рабочихъ рувъ, почему она и закрыта навсегда; всего же важнѣе—успѣлъ наловить одного знаменитаго разбойника изъ армянъ. Этотъ разбойникъ, страшными грабежами, наводилъ ужась на всю губернію—однимъ своимъ именемъ: Кочо. Изъ опасенія мщенія и кровавыхъ послѣдствій (хотя они рѣдко случались), ему безпрекословно вездѣ, даже въ г. Эривани, не только оказывалось потворство, но предоставлялся и самый пріютъ. О поимѣ его, или объ указаніи мѣста нахождения, никто не допускалъ даже мысли. Чтобы судить объ отчаянныхъ дѣйствіяхъ этого разбойника, приведу рассказъ объ одномъ изъ многихъ его подвиговъ.

Въ первой половинѣ 1861 года, на двухъ почтовыхъ тройкахъ, нагруженныхъ цѣнными товарами, возвращались изъ Тифлиса два акулисснихъ армянина, съ такимъ же числомъ прислуги, вооруженные, какъ говорится, съ ногъ до головы, кинжалами, пашками и ружьями. Среди дня, не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Эривани, встрѣтилъ ихъ, одиночно, Кочо и грозно закричалъ: «стой, я Кочо!». Въ моментъ вооруженнаго рукоприкладства армянъ опустили, тройки остановились; Кочо велѣлъ повернуть ихъ въ сторону, въ оврагу. Осмотрѣвъ тамъ, безъ малѣйшаго сопротивленія, тюки и взявъ у армянъ только 1,000 червонцевъ, оказавшихся въ особомъ мѣшкѣ, онъ учтиво попрощался и спокойно отправился въ дальнѣйшій путь, а обиженные во весь карьеръ пріѣхали въ Эривань, дотога испуганные, что съ трудомъ могли объяснить происшествіе. Тотчасъ я отправилъ конную команду во всѣ стороны для поимки разбойника; но, пока команда его разыскивала, дня чрезъ три, Кочо, на отличной арабской лошади, появился въ самомъ городѣ, съ такою дерзкою увѣренностію въ своей безопасности, что часовъ

въ 9 утра, на площади, около самой крѣпости, сталъ забавлять собравшуюся толпу ловкими прыжками своей лошади. По полученіи объ этомъ донесенія, я въ ту же минуту призвалъ известнаго своею расторопностью и смѣлостью полицейскаго офицера изъ мусульманъ (не помню хорошо, кажется—Шерифъ-бека), съ тѣмъ чтобы онъ, подъ опасеніемъ изгнанія изъ службы, непременно въ тотъ же день доставилъ мнѣ разбойника—живаго или мертваго. Послѣ небольшого колебанія, офицеръ, взявъ приличное число всадниковъ изъ земской стражи, отправился къ указанному мѣсту, но, не найдя уже тамъ Кочо, весьма удачно сообразилъ, по какой дорогѣ онъ долженъ былъ слѣдовать, перейдя черезъ мостъ на правую сторону рѣки Занги. Слѣдуя этому соображенію и зная хорошо мѣстность, онъ кратчайшимъ путемъ успѣлъ перерѣзать ему дорогу верстъ за 7 отъ Эривани, и не ошибся. Какъ-только онъ поставилъ команду въ удобномъ мѣстѣ, показался съ противоположной стороны и самъ Кочо, который, увидѣвъ направленную противъ него силу, стрѣлой бросился на всадниковъ, сдѣлалъ выстрѣлъ, потомъ другой и наконецъ обнажилъ шашку съ намѣреніемъ рубить направо и налѣво,—но тутъ раздался залпъ, а вслѣдъ затѣмъ другой, а Кочо, громадною своею массою, повалился съ лошади, обогранный потоками крови. Когда, по моему приказанію, трупъ разбойника былъ привезенъ въ Эривань, то буквально все населеніе смотрѣло на него какъ на чудовище. Всадники и офицеръ награждены, а мнѣ было сказано неофициальнымъ путемъ, что такая мѣра истребленія разбойниковъ не можетъ не быть прискорбна. Я до сихъ поръ не могу объяснить себѣ этого прискорбія.

Такимъ образомъ все шло удовлетворительно до конца 1861 года, когда былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ генералъ-маіоръ Щербовъ-Нефидовичъ, человекъ мягкій, смиренный, но очень слабый, совершенно неопытный, столько же легковѣрный и мнительный. На него, съ цѣлью достиженія своихъ видовъ, легко вліяли многія недобросовѣстныя личности, его окружавшія и къ нему пресмыкавшіяся; онъ завелъ противъ меня подпольныя интриги, продолжавшіяся до самаго назначенія и прибытія на Кавказъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, именно до 1863 года, и даже весь 1863-й годъ, въ концѣ котораго я просилъ о сложеніи съ меня должности вице-гу-

бернатора и о причисленіи къ главному управленію намѣстника, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе 19-го января 1864 года; вслѣдъ затѣмъ отчисленъ былъ отъ должности военнаго губернатора и Щербовъ-Нефидовичъ.

VI.

Ю. О. Витте.—Баронъ А. П. Николаи.—Служебная моя дѣятельность.—Пребываніе въ г. Шушѣ.—Преобразованія и усовершенствованія.—Заключеніе.

1864—1876.

И такъ, послѣ четырехлѣтней, безъ малаго, службы въ Эриванской губерніи, я получилъ назначеніе состоять при главномъ управленіи намѣстника кавказскаго — и успокоился, освободившись отъ всевозможныхъ провинціальныхъ міазмъ. Здѣсь очень полюбился мнѣ директоръ департамента, Юлій Федоровичъ Витте, и какъ человѣкъ съ теплою, правдивою душою, и какъ неутомимый честный и дѣльный труженикъ, которому я охотно и съ удовольствіемъ помогалъ, особенно по дѣламъ аграрнаго содержанія, до самой его вончины, послѣдовавшей въ маѣ мѣсяцѣ 1868 года. Постъ начальника главнаго управленія занималъ тогда баронъ Александръ Павловичъ Николаи, человѣкъ чуждый всякаго лицепріятія, весьма разумный, опытный, знавшій хорошо край и лицъ, служившихъ подъ его начальствомъ. Что наиболѣе всѣмъ нравилось въ немъ — это стойкость въ своихъ мнѣніяхъ и неуклонная исполнительность даннаго слова. У него въ назначенные дни былъ свободный доступъ каждому; онъ терпѣливо выслушивалъ всякія просьбы, обдумывалъ ихъ и повѣрялъ, и если скажетъ: «этого нельзя», или «не могу сдѣлать», то и не повторяй уже домогательства, потому что никакія убѣжденія на него не подѣйствуютъ. Если же скажетъ: «хорошо, можно сдѣлать», то навѣрное будетъ сдѣлано и безъ новыхъ напоминаній.

По приказанію Великаго Князя, сначала возложено было на меня составленіе соображеній по дѣлу о беспорядкахъ по расходованію значительныхъ казенныхъ суммъ на содержаніе почтовыхъ станцій во время бывшей въ 1853—1856 годахъ турецкой войны; потомъ поручено предсѣдательствованіе въ комисіи по опре-

дѣленію границъ Самурскаго округа, страны лезгинъ ¹⁾ и Нухинскаго уѣзда; а наконецъ послѣдовало назначеніе предсѣдателемъ въ комиссію о разсмотрѣніи личныхъ правъ разнаго званія лицъ Шупинскаго и Нухинскаго уѣздовъ, съ обязанностію, въ качествѣ члена, имѣть занятіе въ особой комисіи о разсмотрѣніи поземельныхъ правъ хановъ, бековъ, мельниковъ и агаларовъ мусульманскихъ провинцій. Первые два порученія были исполнены своевременно,

¹⁾ Лезгинны обитаютъ по обѣимъ сторонамъ Кавказскаго хребта юго-восточной группы, въ мѣстностяхъ чрезвычайной здоровыхъ и плодородныхъ. Они всѣ мусульмане суннитскаго толка, довольно зажиточны и весьма исполнительны въ распоряженіяхъ начальства, когда къ нимъ не провикаетъ пропаганда. У нихъ не существуетъ письменности и, слѣдовательно, никакихъ формальностей въ отношеніи обязательствъ. Данное слово имѣетъ важное значеніе и исполняется неуклонно. Адатъ, или законъ, основанный на древнемъ обычаѣ, играетъ важную роль. Лезгинъ никогда не откажетъ никому въ пріютѣ, ни въ гостепримствѣ, если кто явится въ его жилище. Пока вы находитесь у него, считается его кунакомъ и охраняетесь хозяиномъ отъ всякихъ непріятностей, а когда съ нимъ разстанетесь, то нельзя поручиться ни за какія послѣдствія, даже отъ самого бывшаго кунака. Въ 1865 году мнѣ случилось быть около самаго хребта Кавказскихъ горъ, къ сторонѣ укрѣпленія Ахты, въ лезгинской деревнѣ, кажется—Фій. Собираюсь спать, и увидѣлъ, что хозяинъ-лезгинъ зарядилъ ружье, надѣлъ бурку и сѣлъ около входной двери моего незатѣйливаго помѣщенія. На вопросъ, чрезъ переводчика, зачѣмъ онъ беспокоится, когда у меня есть охрана изъ казаковъ и полиціи:—«Нельзя, ага» (ага значитъ—господинъ),—отвѣчалъ онъ,—«ты мой кунакъ, и я, по адату, отвѣчаю за тебя предъ цѣлымъ обществомъ»;—такъ и просидѣлъ всю ночь. Замѣчательно, какъ между ними быстро и безопасно разбираются дѣла. Приведу два случая, бывшіе при мнѣ. Одинъ лезгинъ заявилъ окружному начальнику, что такой-то соседъ его занялъ у него 4 руб. и не возвращаетъ. Позванный должникъ сталъ отпѣкиваться, говоря, что онъ уже рассчитался съ нимъ не деньгами, а продуктами. Тотчасъ явился молла, открылъ Коранъ и хотѣлъ привести должника къ присягѣ, но послѣдній поколебался, и, вынувъ деньги, тотчасъ же заплатилъ. Вслѣдъ затѣмъ явился другой лезгинъ съ жалобою, что у него сгорѣла мельница, и что онъ подозрѣваетъ въ поджогѣ ея такого-то односельца своего, какъ состоящаго съ нимъ во враждѣ. Обвиняемый былъ призванъ, не сознался и охотно принялъ присягу въ своей невинности. Тогда жалобщикъ, считая себя виновнымъ въ клеветѣ, самъ просилъ опредѣлить ему за это мѣру наказанія, которое было немедленно назначено, и со всею покорностію выполнено трехдневнымъ арестомъ. Не правда ли—судъ скорый и правый? Къ сожалѣнію, однакожъ, тѣже лезгинны, но проживая въ Ахтахъ, ознакомившіеся съ нашими порядками, далеко отступили отъ своего природнаго адата, и есть полная надежда, что не въ далекомъ будущемъ сдѣлаются такими же сутягами, какъ и въ мѣстностяхъ богѣе или менѣе цивилизованныхъ на европейскій ладъ.

В. Д.

а послѣднее, по сложности его и многимъ затрудненіямъ, продолжалось довольно долго; оно, между прочимъ, требовало собранія на мѣстѣ какъ отъ самихъ жителей многочисленныхъ деревень, такъ и отъ привилегированныхъ классовъ—письменныхъ документовъ и другихъ справокъ о принадлежности имъ, или казнѣ, состоящихъ въ ихъ пользованіи земель. Съ этою цѣлью, я былъ командированъ въ уѣзды: Шупшинскій, Нухинскій, Шемахинскій и Ленкоранскій. Подобнаго рода порученія, въ средѣ восточнаго населенія, рѣдко проходятъ безъ важныхъ недоразумѣній въ простомъ народѣ. Такъ случилось и здѣсь. Когда я прибылъ въ городъ Шушу¹⁾, то ко мнѣ нахлынула масса народа, вооруженнаго винжалами, съ рѣшительнымъ заявленіемъ:—такъ какъ имъ извѣстно, что, съ прїѣздомъ моимъ, они должны быть свободны отъ всякой зависимости землевладѣльцевъ, то и не будутъ уже платить багры (доходъ съ произведеній) за пользованіе землями; съ своей стороны, при такомъ же вооруженіи, явились всѣ ханы, беки и другіе собственники, съ жалобой, что уклоненіе жителей отъ своихъ обязанностей можетъ повести ихъ къ раззоренію и къ значительнымъ беспорядкамъ. Возникли общія пререканія, до того прискорбныя, что на всякій случай я рѣшился имѣть негласно въ готовности воинскую команду. Надо было имѣть немало терпѣнія, чтобы убѣдить полудикое населеніе въ неосновательности ихъ предположеній. Долго разъяснял я, въ чемъ именно суть дѣла, наконецъ, съ большимъ трудомъ, едва успѣлъ вразумить и успокоить обѣ стороны, примиривъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и многочисленную ханскую фамилію, съ давняго времени раздѣлившуюся на два враждебные лагеря. Это произвело на нихъ такое пріятное впечатлѣніе, что они, при выѣздѣ моемъ изъ Шуши,

¹⁾ Городъ Шуша, здоровый по климатическимъ условіямъ, расположенъ близъ персидской границы, на самой вершинѣ чрезвычайно высокой и крутой горы, имѣющей протяженія болѣе 5-ти верстъ, въ крѣпости, знаменитой по своей защитѣ, въ 1827-мъ году, отъ нашествія болѣе ста тысячъ персовъ. Шупшинскій уѣздъ замѣчательнъ своими конскими заводами и производствомъ шерстяныхъ ковровъ и шелковыхъ матерій, какъ-то: банаусовъ, термалами и проч., а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—и самага шелка. Но большинство населенія занимается хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ; послѣднимъ—въ особенности народъ кочевой, довольно зажиточный, даже сравнительно-богатый, но крайне невѣжественный.

послѣ даннаго обѣда, вынесли меня на рукахъ до самаго экипажа. По окончаніи же порученія и всего дѣла, я удостоился лично отъ Великаго Князя самой лестной благодарности, при общемъ приѣмѣ, а вскорѣ затѣмъ, именно 1-го января 1868 года, былъ опредѣленъ управляющимъ государственными имуществами Тифлисской губерніи.

Еслибы я заблаговременно могъ знать предстоявшее по этой должности значеніе, то, конечно, устранилъ бы даже мысль объ ней; но я уже взялся за дѣло, и самолюбіе требовало подчиниться выжидательному терпѣнію. При такомъ соображеніи начались мои занятія. Со дня вступленія моего въ должность, я встрѣтилъ весьма важныя неудобства по занятому мною мѣсту: не было ни приличнаго помѣщенія для канцеляріи, ни каталоговъ для плановъ, ни инвентарныхъ описаній казеннымъ имуществамъ, ни свѣдѣній о недоимкахъ и взыскаціяхъ, ни достаточнаго числа канцелярскихъ рабочихъ рукъ; а дѣлъ было слишкомъ много: сравнительно по количеству имуществъ столько, сколько находилось въ совокупности во всѣхъ остальныхъ четырехъ управленіяхъ, именно: зриванскаго, елисаветпольскаго, бакинскаго и кутанскаго; почти ежедневно передавались, и даже на повозкахъ перевозились, изъ центрального управленія накопившіяся тамъ, въ хаотическомъ безпорядкѣ, нерѣшенные дѣла и бумаги стараго времени, часто такія, которыя вовсе не относились къ моей обязанности; счетоводство было совершенно запущено. Затруднительность моего положенія увеличивалась еще тѣмъ, во первыхъ, что, при недостаткѣ рукъ, рѣдко поступало изъ центрального управленія дѣло, чтобы не было потребовано мнѣнія, или соображенія, тогда какъ стоило только дѣлопроизводителю заглянуть въ самое дѣло, а потомъ въ Сводъ Законовъ, и предметъ легко разрѣшался; но, видно, для труда легче, когда другіе укажутъ сущность дѣла и статью закона, а это всегда отнимало много времени, особенно при составленіи подробныхъ докладовъ. Во вторыхъ, я не имѣлъ никакой самостоятельности, а была двойственная зависимость, съ одной стороны—отъ губернатора, а съ другой—отъ особаго учрежденія по части государственныхъ имуществъ при главномъ управленіи, нерѣдко весьма своевольнаго, что ставило меня въ такое неудобное положеніе, что иногда я старался, но не могъ объяснить себѣ, кого мнѣ

должно слушать. Этого мало: въ непосредственномъ мнѣ подчиненіи находилось 15 лѣсничествъ, на пространствѣ одного милліона десятины лѣсовъ; но меня никогда не спрашивали ни при опредѣленіи лѣсничихъ, иногда полуграмотныхъ и неспособныхъ, ни при увольненіи ихъ, ни при перемѣщеніи отъ должности, ни при представленіи къ наградамъ, ни даже при распределеніи между ними отчисляемаго отъ общихъ доходовъ $\frac{1}{10}$,—причемъ всегда львиная доля доставалась въ руки того, кому ни служебное положеніе, ни размѣръ трудовъ, ни совѣсть—не позволяли даже думать о томъ. Все это, къ прискорбію, дѣлалось безъ всякихъ соображеній, по степени вліянія различныхъ случайностей, или кумовства. Вынужденный очевидными неудобствами, а иногда и нарушеніемъ чрезъ это, со стороны подчиненныхъ мнѣ лицъ, ихъ обязанностей,—я неоднократно и лично, и чрезъ губернатора возбуждалъ вопросъ объ измѣненіи такого неудобнаго порядка и объ улучшеніи матеріальныхъ средствъ, поощренный къ этому вновь объявленною мнѣ благодарностію Великаго Князя за значительное увеличеніе лѣсныхъ доходовъ (приказъ 26 мая 1872 г., № 21); но это вызвало одно лишь неудовольствіе тѣхъ, отъ кого зависѣло ближайшее ходатайство по сему предмету. Тотъ изъ чиновниковъ, N. N., къ кому, по его спеціальности, относилось попеченіе о культурѣ и о сбереженіи лѣсовъ, доходившихъ до значительнаго упадка, во всю свою многолѣтнюю службу не создалъ и не могъ создать, по своей отсталости, лѣни и служебной небрежности, ни одного руководящаго правила, или хотя какаго-нибудь полезнаго наставленія; онъ занимался только псовой охотой, сплетнями, чтеніемъ пикантныхъ романовъ, косметическихъ и поварскихъ книжекъ, обжорствомъ, гаданьемъ, картежною игрою и забавою на скрипкѣ.

Не безъ грустнаго чувства вспомнился мнѣ столь присорбный фактъ, составлявшій впрочемъ явленіе исключительное, и изъ него, ни въ какомъ случаѣ, не слѣдуетъ выводить заключенія—въ ущербъ общаго строя кавказской администраціи; напротивъ, можно и должно отдать полную справедливость тѣмъ реформамъ и улучшеніямъ, по многимъ отраслямъ обширнаго управленія, которыя послѣдовали со времени начальствованія тамъ Августѣйшаго намѣстника, какъ это видно будетъ изъ слѣдующихъ указаній.

Въ Тифлисѣ, съ незапамятныхъ временъ, утвердился и существовалъ обычай, на основаніи котораго всякая промышленность, или ремесленная дѣятельность, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и самая торговля, какъ на примѣръ: хлѣбники, водовозы, каменьщики, башмачники, шорники, портные, зеленъщики, виноторговцы, плотники и даже цирюльники,—составляли отдѣльныя спеціальныя амкарства, въ видѣ цеховъ, подъ вѣдѣніемъ особаго въ каждой ассоціаціи старшины, или амкара, избираемаго своимъ обществомъ. Эти амкары пользовались огромнымъ значеніемъ и вліяніемъ: они устанавливали цѣны на всѣ предметы потребленія по своему произволу; опредѣляли взыскапія и штрафы съ непослушныхъ членовъ амкарства; распоряджались общими амкарскими суммами; опредѣляли различные запреты, на примѣръ: если амкарамъ не угодно было, по какимъ-нибудь соображеніямъ, чтобы у такого-то владѣльца была нанята лавка, или у такого то садовода покупались фрукты и зелень, или чтобы такой-то субъектъ не пользовался услугами цирюльника или водовоза,—то это буквально, въ точности, выполнялось, въ крайнему стѣсненію нуждавшихся, пока не послѣдуетъ разрѣшеніе амкара. Бывали даже такіе случаи, что когда амкары признавали необходимымъ оказать кому-нибудь презрѣніе, то тому никто не отвѣчалъ на поклонъ и никто не смѣлъ съ нимъ ни о чемъ разговаривать; а иногда, по одному слову амкаровъ, закрывались всѣ городскія лавки, прекращалась всякая торговля, возникали противодѣйствія правительственнымъ мѣрамъ и самыя беспорядки, иногда доходившіе до кровавыхъ послѣдствій¹⁾. Не правда ли—установленіе дикое, безобразное? Оно, однакожъ, оставалось неизмѣннымъ какъ хроническая язва въ здоровомъ тѣлѣ, пока Великій Князь не употребилъ радикальныхъ средствъ, поставивъ всѣ амкарства въ болѣе благовидныя и цѣлесообразныя условія, въ каковыхъ они и теперь находятся.

Это одинъ изъ весьма многихъ примѣровъ полезной дѣятель-

¹⁾ Ссылаюсь на послѣднее происшествіе 1865-го года, о которомъ было обширное слѣдственное производство, и которое не обошлось безъ участія войска и безъ нѣкоторыхъ жертвъ.

ности управления Кавказомъ, со времени начальствованія вѣраемъ Великаго Князя. Тѣмъ временемъ, подъ ближайшимъ руководствомъ Его Высочества, все, признанное по опыту бесполезнымъ, упразднено, въ томъ числѣ и департаменты; двѣ изъ важнѣйшихъ реформъ, именно, крестьянская—о крѣпостномъ правѣ—и судебная, введены безъ малѣйшаго затрудненія; почтовые дороги и телеграфныя сообщенія доведены до возможно-лучшаго положенія; часть учебная значительно расширена и поставлена прочно, а при содѣйствіи Августѣйшей Великой Княгини Ольги Θεодоровны, и многочисленныя женскія учебныя заведенія получили основательное направленіе; самый жгучій вопросъ о личныхъ и поземельныхъ правахъ разныхъ лицъ равномерно получилъ должное движеніе; всѣ города, Тифлисъ въ особенности, приняли иной характеръ, при своемъ развитіи и улучшеніи. Словомъ, еслибы хотя послѣдній грузинскій царь Георгій явился изъ загробной жизни, то навѣрное сказалъ бы: «Нѣтъ, это не Грузія, это не Тифлисъ! гдѣ же наши сабли и дарбазы? гдѣ мои тавады и азнауры? ¹⁾ гдѣ наши чадры, прикрывавшія съ ногъ до головы прекрасный полъ отъ нескромныхъ глазъ? гдѣ тѣ дряблыя, съ земляными крышами, лавченки, вмѣсто которыхъ представляются огромныя магазины и караванъ-сарай? гдѣ, наконецъ, пустыри и смрадные овраги, на мѣстахъ которыхъ явились проспекты и скверы, со всякими приспособленіями, даже съ патріархальнымъ «Тифлисскимъ Вѣстникомъ?». «Нѣтъ, это Тифлисъ—не Тифлисъ»,—повторилъ бы царь....

Закавказье, или, по прежнему названію—Грузія,—великолѣпный край и по своей богатой природѣ, и по производительной силѣ, и по разнообразію народностей. Въ немъ все есть для того, чтобы достигнуть благопріятныхъ результатовъ; надобно только терпѣніе, знаніе и неуклонное преслѣдованіе правды и справедливости.

Излагая мои воспоминанія, по крайнему разумѣнію, я не имѣлъ въ виду касаться историческихъ и этнографическихъ подробностей закавказскихъ народовъ, какъ достаточно разработанныхъ «кавказскою археографическою комиссіею», руководимую ея просвѣщеннымъ и необыкновенно трудолюбивымъ предсѣдате-

¹⁾ Тавады называли князьями, а азнауры дворянами. Тава по-грузински значить «голова».

лемъ ученымъ ориенталистомъ Ад. П. Берже, оказавшимъ громадныя заслуги въ дѣлѣ историческаго изученія Кавказа; но не могу не сказать въ общихъ выраженіяхъ, что эти народы, несмотря на блистательныя исключенія, заражены множествомъ религіозныхъ, племенныхъ и сословныхъ предубѣжденій, которыя немало препятствуютъ скорому и правильному развитію ихъ богатой природы, и что, поэтому, далеко еще не могутъ стать на ряду народовъ просвѣщенныхъ. Какъ бы то ни было, однакожъ, у меня навсегда останется пріятное воспоминаніе не только о краѣ, гдѣ я провелъ лучшіе годы моей жизни, но и о нѣкоторыхъ личностяхъ, достойныхъ полного уваженія.

5-го іюня 1876 г. я оставилъ службу.

С.-Петербургъ.

В. А. Дзюбенко.

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ

въ 1863—1864 гг.

Записки Н. В. Берга.

VIII ¹⁾.

Военныя дѣйствія въ Плодской, Варшавской, Радомской и Люблинской губерніяхъ. — Жлржинскій бой.

Военныя дѣйствія продолжались въ разныхъ пунктахъ Царства. Разбитая 1-го мая ст. ст. при м. Чижевѣ, Остроленскаго уѣзда, Плодской губерніи, отрядомъ свиты его величества генераль-маіора графа Толля, банда Мыстковскаго ²⁾ (который при этомъ убитъ) поступила подъ начальство помѣщика Ржемпеловскаго, носившаго имя Фриче и имѣвшаго свою собственную банду кракусовъ 5-го островскаго полка ³⁾, такъ что теперь, съ бандой Мыстковскаго, у него оказалось всего-на-все: батальонъ косинеровъ, человекъ въ 700, 8 взводовъ стрѣлковъ, по 25-ти человекъ каждый (200 человекъ), и эскадронъ уланъ въ 80 человекъ. Всѣ эти люди имѣли однообразное вооруженіе.

10-го мая ст. ст. сказанная банда Фриче понесла поражение, при встрѣчѣ съ отрядомъ полковника Эммануэля, въ три роты, эскадронъ гусаръ и 30 казаковъ, подъ деревней Осухой, Остроленскаго уѣзда (на границѣ Пултускаго). Здѣсь захваченъ бѣжавшій наканунѣ изъ

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1879 г., т. XXIV, стр. 179—246; 397—428; 589—620; т. XXV, стр. 55—88; 515—566, 707—728.

²⁾ Называлась «первымъ польскимъ полкомъ». Подробности въ дополненіи къ «Журналу военныхъ дѣйствій», № 22.

³⁾ Формировалась въ м. Островѣ и деревняхъ: Шумовѣ, Вонсевѣ и Гороховѣ. **Н. В.**

Нижегородскаго пѣхотнаго полка поручикъ Дроздовскій и разстрѣлявъ въ Пултускѣ. Самъ начальникъ банды, Фриче, убитъ. Остатки банды распались на двѣ половины: одна прикнула къ партіи Домбковскаго ¹⁾, а другая къ партіи Ясинскаго. Обѣ эти партіи дѣйствовали нѣкоторое время нераздѣльно. 22-го мая ст. ст., съ присоединеніемъ къ нимъ партіи Лютынскаго, причеиъ составилаь масса въ 2,700 человекъ, Ясинскій и Домбковскій приняли бой съ отрядомъ маіора Сухотина, подъ деревней Негашево, кончившійся ихъ отступленіемъ къ деревнѣ Бранцикъ, Пултускаго уѣзда; послѣ чего они думали перебраться черезъ Бугъ, но ихъ, какъ кажется, удержало отъ этого опасное положеніе повстанскаго депо Плоцкой губерніи, устроеннаго въ глухихъ дѣбряхъ Праснышскаго уѣзда, на острову, который образовался запрудомъ рѣчки Омужева ²⁾, близъ деревни Дронжева. Это депо, съ лагеремъ на мѣстности, называемой Пласка-Гура, было устроено во второй половинѣ мая по ст. ст. бывшими офицерами Нижегородскаго пѣхотнаго полка, поручикомъ Тромпчинскимъ и прапорщикомъ Новицкимъ. Доступъ къ Плаской-Гурѣ, окруженной на огромное пространство болотами, былъ крайне затруднителенъ: туда можно было проникнуть только по одной тропинкѣ, извѣстной немногимъ проводникамъ, и то не иначе какъ по-колѣно въ водѣ.

Первый, получившій свѣдѣнія объ этомъ таинственномъ депо, былъ подполковникъ Нижегородскаго п. п. Горѣловъ, начальникъ праснышскаго отдѣла, бродившій поминутно въ тѣхъ мѣстахъ съ отрядомъ. Съ трудомъ доставъ проводника изъ колонистовъ нѣмецкаго происхожденія, Горѣловъ достигъ Плаской-Гуры, въ первой половинѣ іюня по ст. ст., и нашелъ тамъ завалы въ три яруса, которые были, послѣ непродолжительнаго боя, взяты, а банда, защищавшая ихъ, перебѣглась, въ главной своей массѣ (человекъ 200), на островъ, оставя на материкѣ только 40 человекъ, какъ бы въ прикрытіе заваловъ. Это прикрытіе немедля захвачено, а завалы разрушены. Тамъ найдены запасы человекъ на 400. Они состояли изъ двухъ живыхъ воловъ и большаго количества крупы, муки, хлѣба, сала, соли. Сверхъ того, былъ запасъ патроновъ, пороху, свинцу и оружейныхъ инструментовъ, съ незначительнымъ количествомъ холоднаго оружія.

Преслѣдованіе той части банды, которая скрылась на островъ, для Горѣлова было невозможно, и онъ отступилъ.

¹⁾ Образовалась съ самаго начала возстанія, въ Остроленскомъ уѣздѣ, имѣла нѣсколько сотъ человекъ. По словамъ полковника Эммануэля, находилась также въ битвѣ подъ Осухой.

²⁾ На картахъ Оржицъ (Orzyc). Плоцкій воевода Падлевскій одно время держался въ этихъ мѣстахъ (Глава XI, стр. 39).

Спустя нѣсколько дней послѣ этого, на островъ наткнулся отрядъ изъ одной роты и 30 казаковъ, подъ начальствомъ полковника Рѣдичкина. Осмотрѣвъ подробно мѣстность, онъ не рѣшился вести атаку собственными средствами, и послалъ за помощью въ Праснышъ, откуда прибыло, 15-го іюня ст. ст., двѣ роты, 60 казаковъ и 2 орудія, подъ начальствомъ маіора Моллеріуса, и затѣмъ, 16-го іюня, изъ Остроленки, 2 роты, эскадронъ гусаръ и 2 орудія. Принявъ надъ ними начальство, полковникъ Рѣдичкинъ приступилъ немедленно къ приготовительнымъ работамъ для осады острова.

Необходимо было сдѣлать нѣсколько просѣкъ въ лѣсу, чтобы подвести орудія, потомъ спустили воду разрушеніемъ плотины и уничтоженіемъ плывовъ. Это заняло войска до 18-го іюня ст. ст., послѣ чего приступлено къ осадѣ. Солдаты пошли раздѣвшись, по-колѣно въ тнѣ, и скоро выстрѣляли всѣ патроны... Между тѣмъ Тромпчинскій, игравшій на островѣ роль главнаго начальника, далъ знать объ опасности своего положенія ближайшимъ бандамъ, коими оказались недавно-упомянутыя нами банды Ясинскаго и Домбковского, стоявшія за Наревомъ ¹⁾.

Они двинулись и прибыли къ острову въ то время, когда грянули первые выстрѣлы изъ орудій въ отрядъ Рѣдичкина и солдаты пошли на приступъ. Узнавъ, что противъ него идутъ большія массы повстанцевъ, полковникъ успѣшилъ отступить.

Прибывшій на его мѣсто свѣжій отрядъ изъ Плонска, подъ начальствомъ полковника Валуева, не нашелъ уже на островѣ никого: банда Тромпчинскаго и Новицкаго ушла лѣсами, въ направленіи къ мѣст. Рожанъ, гдѣ соединилась съ бандами Вавра ²⁾. Ясинскій и Домбковский перешли въ Ломжинскій уѣздъ и раздѣлились на двѣ части. Ясинскій имѣлъ серьезное столкновеніе съ отрядомъ маіора Колоколова, въ двѣ роты Таврическаго гренадерскаго полка, 25-го іюня ст. ст., между Зомбковымъ и Ломжею (что повстанцы считаютъ

¹⁾ Такъ по словамъ офицеровъ плоцкаго отдѣла. Въ «Журналѣ военныхъ дѣйствій» (къ № 30, стр. 13) одна изъ бандъ была Тиссона (Гостковскаго), адъютанта Замечка (Цихорскаго). То же показалъ праснышскій секвестраторъ Гожиискій, который находился при Ясинскомъ. Онъ опредѣляетъ объ банды, Ясинскаго и Домбковского, въ 1,500 человекъ. О походеніяхъ Владислава-Романа Цихорскаго-Замечка можно узнать изъ книги: *Rocznik Tow. historyczno-literackiego w Paryżu. Poznań, 1879 г., томъ II, стр. 256—258.* Цихорскій умеръ 8-го іюня в. ст. 1876 г.

²⁾ Въ главѣ XI, стр. 614, было сказано, что Вавръ, въ апрѣлѣ 1863 г., перешелъ въ плоцкое воеводство. Гдѣ онъ бродилъ около двухъ мѣсяцевъ—неизвѣстно.

побѣдой), затѣмъ соединился съ партіей Скаржинскаго, и оба они пристали къ Вавра, въ болотистой мѣстности Гронды-Вонцеко.

Яснскій напелъ у Вавра Домбковскаго (съ которымъ незадолго передъ тѣмъ разлучился), Гостковскаго и Гржималу—предводителей довольно большихъ партій, такъ что всего, подъ начальствомъ Вавра, собралось болѣе 2,000 повстанцевъ. Нечего говорить, что эти двѣ съ тѣмъ-то тысячи человекъ выросли, въ разсказахъ «Пантофлевой почты», вчетверо. О нихъ начали трубить вездѣ, даже въ Варшавѣ, вслѣдствіе чего двинуты изъ варшавскаго гарнизона два большихъ отряда: одинъ—генераль-маіора Карцева:—въ три пѣхотныхъ роты, эскадронъ уланъ, сотню казаковъ, два орудія и два ракетныхъ станка; другой—генераль-маіора Ралля:—въ пять пѣхотныхъ ротъ, 2 орудія и полсотни казаковъ. Одновременно съ этими отрядами посланы, для совокупнаго съ ними дѣйствія: отрядъ начальника бромбергской желѣзной дороги, генераль-маіора графа Толля—въ двѣ роты и сотню казаковъ, и другой отрядъ изъ города Пултуска—въ три роты, эскадронъ гусаръ и 20 казаковъ, подъ начальствомъ полковника Эммануэля. Наконецъ, изъ Плонска: двѣ роты и сотня казаковъ, подъ начальствомъ полковника Валуева. Всего-на-все—шесть отрядовъ, силою въ 2,500 человекъ (1,950 человекъ пѣхоты и 542 человека кавалеріи). Всѣ они, кромѣ отряда генераль-маіора Ралля, присоединившагося послѣ, сошлись въ м. Брокахъ, 29-го іюня ст. ст. и тамъ ночевали.

На другой день, генераль-маіоръ Толль направился къ желѣзной дорогѣ. Остальныя войска поступили подъ начальство генераль-маіора Карцева и, по собраніи свѣдѣній о мѣстѣ пребыванія бандъ (отъ языка, которому дано 36 пагаекъ), двинулись къ деревнѣ Бялеблото. Здѣсь, послѣ непродолжительнаго привала, генераль-маіоръ Карцевъ раздѣлилъ свои войска на три части. 4 роты, эскадронъ уланъ и взводъ артиллеріи—составили середину, чтобы идти на поиски въ направленіи къ деревнямъ Пробуты, Паникѣвы и Бржесно (при этомъ отрядѣ находился и самъ генераль Карцевъ). Направо оттуда, къ деревнямъ Вульки, Брудки и Вонсево, имѣлъ дѣйствовать полковникъ Валуевъ, съ отрядомъ въ 50 охотниковъ Прускаго полка и двѣ сотни казаковъ, при полувзводѣ ракетной батареи. А влево, черезъ деревни Гронды и Борки, къ Шавину,—полковникъ Эммануэль, съ отрядомъ въ 3 роты, эскадронъ гусаръ, 15 казаковъ и полуввода ракетной батареи.

Передъ разсвѣтомъ 1-го іюля ст. ст. Валуевъ первый наткнулся, близъ деревни Брудки, на пикетъ тѣхъ соединенныхъ бандъ, о которыхъ мы только-что разсказали. Извѣстно, что у всякаго рус-

скаго командира отдѣльной части является, при подобныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находился Валуевъ, неудержимая охота—броситься впередъ одному, не дожидаясь товарищей, и «раскачать!». Пришла такая же охота и Валуеву, одному изъ главныхъ героевъ плохого отдѣла, привыкшему распорядиться тамъ самостоятельно, по своимъ собственнымъ соображеніямъ. Его стѣсняло прибытіе въ его владѣнія чужихъ генераловъ, которымъ, по чину, онъ долженъ былъ естественно подчиняться, и потому онъ былъ очень радъ представившемуся случаю вступить съ неприятелемъ въ отдѣльный бой, никому не подчиняясь въ своихъ распоряженіяхъ. Онъ бросился впередъ.... Манера Вавра «не столько биться, сколько уходить и утомлять врага» и, вмѣстѣ, близость ночи—спасли полковника отъ бѣды....

Еъ ночи подошелъ Карцевъ. Отыскивая общими силами Вавра, оба отряда прошли версты пять и расположились бивакомъ. Потомъ генералъ Карцевъ послалъ Валуева, съ ротой Прусскаго полка и сотней казаковъ, на дальнѣйшіе поиски, съ тѣмъ однако, что если будетъ открытъ неприятель, то дѣла, до соединенія отрядовъ, не начинать. Пройдя нѣсколько верстъ лѣсами къ западу, Валуевъ захватилъ двѣ повстанскія фурманки, отъ которыхъ узналъ, что банды неочень далеко; вслѣдствіе чего послалъ ту же минуту къ Карцеву донесеніе, съ двумя казаками (которые оба достигли до мѣста назначенія), а самъ продолжалъ двигаться впередъ. Пойманныя вновь двѣ повстанскія фурманки и при нихъ проводникъ показали, что банды расположились бивакомъ, всего-на-все верстахъ въ четырехъ, и готовятъ пищу. Валуевъ отправилъ еще нѣсколько казаковъ къ генералу Карцеву, но они вскорѣ воротились, донося, что дорога занята неприятелемъ и отступление отрѣзано. Валуевъ послалъ полсотни казаковъ открыть сообщеніе съ Карцевымъ, но и они воротились съ извѣстіемъ, что дорога завалена деревьями, которыя мѣстами зажжены.

Въ такомъ критическомъ положеніи Валуеву ничего не оставалось больше дѣлать, какъ броситься лѣсами въ сторону, на Малыхъ-Паникѣвн, гдѣ стоялъ обозъ съ отрядомъ полковника Эммануэля. Кромѣ того, Валуеву нужно было накормить людей, не ѣвшихъ ничего съ вечера наканунѣ. Съ тою же цѣлью прибылъ къ обозу и генералъ Карцевъ. Выслушавъ донесеніе объ открытыхъ Валуевымъ баядахъ, генералъ далъ ему еще роту Прусскаго и роту Нивовскаго полковъ, польскадрона уланъ, двѣ сотни казаковъ, взводъ ракетъ и предоставилъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

Въ 10 часовъ утра, 2-го іюля ст. ст., Валуевъ выступилъ изъ Малыхъ-Паникѣвн и на седьмой верстѣ открылъ слѣды какой-то

банды, которая (какъ оказалось послѣ) шла по слѣдамъ Карцева, между нимъ и Вагуевымъ.

Вагуевъ пошелъ впередъ, рассчитывая вскорѣ имѣть дѣло какъ независимый отрядный начальникъ, но, пройдя пять верстъ, столкнулся съ отрядомъ генерала Ралля, который, какъ равный чиномъ Карцеву, избѣгалъ совокупныхъ съ нимъ дѣйствій и все искалъ банды. Онъ обрадовался извѣстію объ открытіи Вагуевымъ банды, подчинилъ его отрядъ себѣ и велѣлъ ему переправиться за Наревъ, чтобы помѣшать всякой переправѣ бандъ черезъ эту рѣку. Но Вагуевъ не послушался этого приказанія и сталъ бивакомъ на мѣстѣ своей встрѣчи съ генераломъ Раллемъ, который пошелъ тѣмъ временемъ искать банду—и, дѣйствительно, открылъ ее въ углу, недалеко отъ слитія Буга съ Наревомъ. Это былъ Вавръ съ Гостковскимъ и Ясинскимъ. Ралль атаковалъ ихъ, при помощи подошедшаго на встрѣчу отряда полковника Эммануала, но банды углубились въ лѣсъ.... темнота ночи и утомленіе солдатъ дѣлали преслѣдованіе непріятеля невозможнымъ.

На слѣдующій день, 3-го іюля ст. ст., Ралль съ Эммануалемъ отправились въ Пултускъ, гдѣ послѣдній остался какъ въ своемъ постоянномъ мѣстопребываніи, а Ралль слѣдовалъ далѣе, на Варшаву, куда и прибылъ 5-го іюля ст. ст. Тогда же воротился въ Варшаву и генералъ Карцевъ ¹⁾).

Вагуевъ нѣкоторое время не зналъ, что онъ остался одинъ. Ему воображалось, что банды, загнанныя въ уголокъ при слитіи двухъ большихъ рѣкъ, вернутся по необходимости назадъ и станутъ между двухъ огней—между нимъ и Раллемъ. Банды точно двинулись къ Нареву, только уже по уходѣ Ралля. Посланные Вагуевымъ развѣдчи донесли, что главныя массы переправились, 4-го іюля ст. ст., черезъ Наревъ, при деревнѣ Дзбондзѣ, и оттуда пошли въ направленіи къ лѣсу, прилегающему къ м. Рожанъ. Вслѣдствіе этого Вагуевъ также переправился на другую сторону рѣки и пошелъ бандамъ наперерѣзъ, дабы не допустить ихъ до лѣсу; но онъ уже успѣли туда про-

¹⁾ Графъ Бергъ, входя болѣе и болѣе въ роль помощника высшей власти края, пригласилъ къ себѣ обоихъ генераловъ и потребовалъ отъ нихъ отчета, почему они воротились, ничего не сдѣлавъ. Они отвѣчали, что были вызваны приказомъ начальника гарнизона, генералъ-адъютанта Корфа. «Мало-ли что пишутъ иногда эти начальники, не зная хорошо положенія дѣлъ въ этомъ или другомъ отрядѣ,—возразилъ Бергъ:—когда я находился въ Киргизскихъ степяхъ, меня неразъ вызывали подобными приказами изъ Оренбурга, но я ихъ постоянно рвалъ, и вамъ то же слѣдовало сдѣлать».

никнуть—и повалились отъ изнеможенія на землю ¹⁾). Вдругъ въ это время явилась передъ Валуевымъ новая банда: это былъ Тромпчинскій, бѣжавшій съ острова. Къ нему пристали по дорогѣ три партіи: Кольбе 2-го, Дунина и Бржозовскаго ²⁾).

Всѣ эти банды засѣли въ лѣсу, направо отъ Рожана и отъ того лѣса, гдѣ скрывался Вавръ, если стать задомъ къ шоссе. Подойдя къ этому пункту, Валуевъ зналъ уже, что онъ—одинъ и что положеніе его опасно. Но больше ничего не оставалось, какъ идти впередъ и биться: тутъ еще были кое-какіе шансы успѣха, тогда какъ отступление грозило неизбежной гибелью всему отряду.

Пѣхота Валуева, рассыпавшись въ цѣпь, двинулась впередъ по полю, засѣянному рожью, и на разстояніи 800 шаговъ отъ опушки лѣса открыла огонь. Повстанцы отвѣчали тѣмъ же. Такая перестрѣлка продолжалась около часу, послѣ чего наши солдаты бросились въ штыки и отгѣснили повстанцевъ внутрь лѣса. Но вдругъ показавшаяся со стороны густая колонна косинеровъ измѣнила ходъ дѣла, заставивъ нашихъ податься назадъ. Тогда Валуевъ пустилъ въ атаку эскадронъ уланъ, подъ начальствомъ поручика Оффенберга: косинеры смѣшались и побѣжали. Это обстоятельство разстроило всю банду Тромпчинскаго: она стала отступать вразсыпную, сперва лѣсомъ, а потомъ полями. Наши преслѣдовали... По счастью, Вавръ, находившійся весьма недалеко съ большою бандой, не могъ вступить въ дѣло, по причинѣ крайняго утомленія своихъ солдатъ, которые спали мертвецкимъ сномъ: поднять ихъ на ноги массой и заставить драться съ одушевленіемъ—не сдумѣлъ бы ни одинъ любимый вождь. Поэтому преслѣдованіе нами Тромпчинскаго, Кольбе, Дунина и Бржозовскаго продолжалось спокойно до тѣхъ поръ, пока Валуевъ, по собственной неосторожности, черезъ-чуръ зарвавшись впередъ, не былъ раненъ однимъ косинеромъ въ голову. Тогда преслѣдованіе прекратилось; войска направились къ Остроленкѣ, откуда посланъ свѣжій отрядъ: три роты Низовскаго пѣхотнаго полка и эскадронъ гусаръ, при двухъ орудіяхъ, подъ начальствомъ маіора Боргстрема, по

¹⁾ Послѣ было узнано отъ нѣкоторыхъ, что эти банды, завура артистически между четырьмя нашими отрядами, четверо сутокъ ничего не ѣли, кромѣ ягодъ, и почти не спали.

²⁾ Кольбе 2-й—псевдонимъ нѣкоего Витковскаго, бывшаго передъ тѣмъ писаремъ у регента въ Плонскѣ. Онъ принялъ банду отъ Кольбе 1-го, по смерти его, и потому назвался также Кольбе. О Кольбе 1-мъ см. выше.

Дунина—псевдонимъ Вольскаго 2-го. Онъ собралъ свою банду въ окрестностяхъ деревень: Осека, Посвѣтно, Скоршина и Нацпольска (Плонскаго уѣзда, Плонской губерніи). Вольскій 1-й разстрѣлявъ въ Новогеоргиевскѣ.

Н. В.

онъ не нашелъ повстанцевъ нигдѣ, послѣ довольно продолжительныхъ поисковъ, и воротился въ Остроленку.

Главнаго предводителя бандъ, съ которыми бился Валуевъ, Тромбинскаго, тогда уже не было въ живыхъ: еще во время преслѣдованія его нашими войсками, онъ долженъ былъ остаться, тяжело-раненный, на хуторѣ одного помѣщика, и, услыжавъ, что «его ищутъ», схватить револьверъ и застрѣлился.

А Вавръ перешелъ со своею бандою снова въ августовское воеводство и—вскорѣ затѣмъ, разубѣдившись въ возможности успѣшнаго продолженія борьбы, торжественно простился со своими солдатами и уѣхалъ въ Парижъ.

Жюндъ народовой отдалъ его подъ судъ ¹⁾.

Банда Кольбе 2-го, такъ называемая «Плонская банда», была на нѣсколько дней распущена по квартирамъ, а потомъ собрана опять, и, соединясь съ бандою Дунина, бродила по Млавскому уѣзду. Онѣ наткнулись на двѣ партіи: Мейера, подъ именемъ Палацека, и Гастофта, прозывавшагося «Французомъ» ²⁾. Составивъ вмѣстѣ отрядъ человекъ въ 500, онѣ избрали себѣ предводителемъ какого-то Навонье, который былъ разбитъ, 17-го іюля ст. ст., близъ деревни Дзиво, отрядомъ штабсъ-капитана Рутковскаго, состоявшимъ изъ одной стрѣлковой роты Муромскаго полка и 30 казаковъ.

Послѣ этого, тѣ же самыя банды, укомплектовавшись новобранцами въ Бѣжунскихъ и Стржеговскихъ лѣсахъ, Млавскаго уѣзда, въ Липновскомъ уѣздѣ и въ Пруссіи, а также поглотивъ въ себя остатки нѣсколькихъ мелкихъ бандъ, собрались въ окрестностяхъ деревни Хромаково, Млавскаго уѣзда, подъ общимъ начальствомъ офицера австрійскихъ войскъ, кроата Шмейса, съ цѣлью уничтожить русскій отрядъ, стоявшій въ этой деревнѣ, подъ командой есаула Дукмасова.

Такъ какъ до Млавы было довольно далеко (слишкомъ 40 верстъ) и помощи оттуда Хромаковскій отрядъ ожидать не могъ, то повстанцы рассчитывали на вѣрную побѣду и говорили, что «ни одинъ москаль живымъ изъ бою не выйдетъ».

28-го іюля ст. ст. банды двинулись противъ Дукмасова съ четырехъ сторонъ. Самыя сильныя партіи шли отъ Бѣжуна, именно: Шмейсъ, Палацекъ и Орликъ.

¹⁾ Гиллеръ, I, 207.

²⁾ Первая собрана въ послѣднихъ числахъ мая, близъ м. Серпца, Млавскаго уѣзда, а вторая, тогда же, близъ деревни Мостово, Млавскаго же уѣзда.

Дукмасовъ, у котораго было всего-на-все полторы роты пѣхоты (230 человекъ), 60 казаковъ и 25 объѣздчиковъ, повелъ пѣхоту противъ этихъ партій, пославъ половину казаковъ отразить кавалерію, несущуюся слѣва, намъ во флангъ. Кавалерія была разстроена, а стрѣлки и косиеры подались къ лѣсу, близъ деревни Іонне.

Въ это время Кольбе и Гастофтъ показали съ тылу нашего отряда, отъ Понятовскаго лѣса. Дукмасовъ отправилъ противъ нихъ взводъ, подъ командою прапорщика Бобровникова, но послѣдній, съ такими малыми силами, ничего сдѣлать не могъ. Онъ едва-едва держался, рассыпавъ всю ввѣренную ему часть въ цѣпь и дѣйствуя штуцернымъ огнемъ изъ-за разныхъ прикрытій.

Положеніе Дукмасова было критическое. Банды, оттѣсненные имъ къ Іонненскому лѣсу, намѣревались, повидимому, броситься въ атаку. Необходимо было ихъ предупредить, ибо отъ того, кто пойдетъ въ отчаянную атаку первый, зависѣлъ успѣхъ дѣла. Но чтобы ударить, съ какимъ-нибудь шансомъ на выигрышъ, Дукмасову нуженъ былъ весь отрядъ, а потому онъ приказалъ Бобровникову отступить къ близъ-лежащей роцѣ и скрытымъ образомъ приближать, со всѣмъ взводомъ, къ главному отряду бѣгомъ. Когда это было сдѣлано, а тылъ защищенъ посланнымъ вновь къ Понятовскому лѣсу полувзводомъ, которому приказано держаться до послѣдней крайности, — Дукмасовъ и Бобровниковъ повели пѣхоту противъ центра бандъ, сидѣвшихъ въ Іонненскомъ лѣсу (т. е. противъ стрѣлковъ), а казаковъ пустили противъ фланговъ, занятыхъ косинерами. Между тѣмъ банды Понятовскаго лѣса, подвинувшись впередъ по уходѣ Бобровникова, были встрѣчены у деревни Сѣроцка вновь посланнымъ полувзводомъ, и, считая его за другой отрядъ, пріостановились. Этого мгновенія, этой остановки было достаточно для выигрыша нами дѣла: Дукмасовъ съ Бобровниковымъ опрокинули банды Іонненскаго лѣса и преслѣдовали ихъ нѣсколько верстъ. Когда же тѣ, что были задержаны полувзводомъ у Сѣроцка, оправались и перешли въ наступленіе, — было уже поздно: противъ нихъ шелъ самъ Дукмасовъ.

Сѣроцкія банды (Кольбе и Гастофтъ) были также разбиты (впрочемъ, послѣ самаго упорнаго боя) и преслѣдуемы до фольварка Якубово, гдѣ засѣли опять и снова выбиты. Когда же очутились въ открытомъ полѣ, то были безъ труда разбѣяны кавалерією. Позже онѣ собрались, подъ предводительствомъ Кольбе, у Рацѣнжа. Тѣ же, которыя были отброшены отъ лѣса Іонне, двинулись къ Бѣжуню. Потомъ ихъ слѣдъ пропадаетъ... Главный ихъ начальникъ, Шмейсъ,

былъ раненъ въ бою подъ Іонне двумя пулями и долго лечился отъ этихъ ранъ въ Пруссіи ¹⁾.

Въ теченіе этого времени въ Варшавской губерніи было преслѣдовано разными нашими отрядами нѣсколько бандъ, изъ которыхъ считаются самыми большими банды: Оборскаго, Владка и Шумлянскаго, заключавшія въ себѣ до трехъ тысячъ человекъ. Онѣ разбиты, 20-го мая ст. ст., отрядами полковника Бремзена и Гагемейстера.

Въ Радомской губерніи, вскорѣ послѣ паденія диктатуры Лангевича, генераль Ченгери предпринялъ поиски въ лѣсахъ Опатовскаго уѣзда, всѣми 16-ю ротами, которыя составляли кѣлецкій отрядъ, и еще отрядомъ изъ Радома, подъ начальствомъ полковника Эррота, дабы открыть банду, которую онъ видѣлъ подъ деревней Ксенжъ-Велькій, возвращаясь изъ-подъ Гроховицкъ; но ничего не было найдено, кромѣ нѣсколькихъ бродягъ ²⁾.

Гдѣ скрывался энергическій Чаховскій—неизвѣстно. Можно думать, что онъ забился въ непроходимую чащу, въ родѣ мѣстности Пекло, близъ д. Мостико, въ Опочинскомъ уѣздѣ, Радомской губерніи, гдѣ крутояръ на крутояръ, съ дремучими вѣковыми лѣсами и съ мелкимъ частымъ кустарникомъ, дѣлали совершенно невозможными движенія массъ, съ артиллеріей, обозами и другими тяжестями. Только черезъ двѣ недѣли послѣ сказанныхъ поисковъ генерала Ченгери разнеслись слухи о появленіи Чаховскаго въ сѣверной части Опатовскаго уѣзда, вслѣдствіе чего были снова двинуты изъ Радома и Кѣльцъ на поиски три отряда, но имъ также не посчастливилось: Чаховскій опять куда-то скрылся ³⁾. Тогда начальникъ радомскаго военного отдѣла приказалъ образовать нѣсколько малыхъ отрядовъ и направить ихъ въ разныя стороны для отысканія и истребленія бандъ. Поиски ихъ были напрасны, исключая отряда майора Клевцова, который наткнулся, 15-го апрѣля ст. ст., въ Островецкихъ лѣсахъ, Опатовскаго уѣзда, на небольшую банду Грелинскаго и разбилъ ее. А майоръ Донецъ-Хмѣльницкій, съ отрядомъ въ 180 человекъ пѣхоты, самъ попалъ въ засаду Чаховскаго, въ Неклановскихъ лѣсахъ, Опочинскаго уѣзда, близъ деревень Стефанково и Скгоды, и былъ разбитъ, 10-го апрѣля ст. ст., на-голову. Кромѣ 30-ти человекъ убитыми и 20-ти тяжело-ранеными, мы потеряли 6 человекъ нижнихъ чиновъ и капи-

¹⁾ Разсказы офицеровъ плочкаго военного отдѣла, дополненные официальными свѣдѣніями.

²⁾ «Журналъ военныхъ дѣйствій», № 16, стр. 3, 4.

³⁾ «Журналъ военныхъ дѣйствій», № 18, стр. 2.

тана Никифорова — безъ вѣсти пропавшими. Позже оказалось, что они были мученически повѣшены повстанцами на горѣ Пекло ¹⁾).

Съ остальными маіоръ Хмѣльницкій отступилъ въ безпорядкѣ къ мѣст. Присухѣ, будучи все время преслѣдуемъ бандой Чаховскаго, которая потомъ перебралась въ Островецкіе лѣса и заняла пересѣченную мѣстность между деревнями Рудой-Костельной и Балтовымъ (на купеческомъ трактѣ изъ м. Ожарова въ м. Сѣнно). Туда же перешла разбитая Клевцовымъ, 15-го апрѣля, банда Грелинскаго.

Противъ этихъ бандъ (какъ-только были собраны точныя свѣдѣнія объ ихъ мѣстопробываніи) двинуты одновременно четыре отряда: изъ Бродъ, изъ Сандомира, Завихоста и Опатова, всего-на-все—8 ротъ, подъ начальствомъ маіоровъ: Клевцова, Чеславскаго, Насѣкина и Непѣнина. Первый, наткнувшійся на повстанцевъ близъ д. Борія, на правомъ берегу рѣки Камѣнной, былъ Клевцовъ. Чаховскій, зная, что съ противоположной стороны двигаются къ тому же пункту еще три отряда (чего Клевцовъ не зналъ), обошелъ послѣдняго ночью, 21-го апрѣля ст. ст., и переправился на лѣвый берегъ рѣки Камѣнной и тѣмъ избавилъ себя отъ опасности очутиться между двухъ огней.

Клевцовъ, получивъ извѣстіе о переправѣ Чаховскаго, сдѣлалъ то же самое и ударилъ на повстанцевъ, неслишкомъ соображаясь со своими силами. Банды нѣкоторое время отступали въ лѣсъ и потомъ вдругъ перешли въ наступленіе. Первая пуля, пущенная съ ихъ стороны, положила Клевцова, который шелъ напередѣ своихъ солдатъ. Затѣмъ отрядъ былъ окруженъ большими массами, и началась страшная свалка. Драгуны, находившіеся при отрядѣ, сѣшились, и, держа

¹⁾ Подробный рассказъ, какъ вѣшали капитана Никифорова и солдатъ, находится въ приложеніи къ № 36 «Журнала военныхъ дѣйствій».

Въ брошюрѣ «Wspomnienia Kapitana Wojsk Polskich» Lipsk, 1866, стр. 14—15, говорится, что, «когда одинъ подѣскій отрядъ, выступивъ изъ Ойдова, 16-го февраля н. ст., пошелъ густыми лѣсами на Великую-Вѣсь, Олькушъ, Вольбромъ и Порембу, дабы избѣжать встрѣчи съ русскими войсками,—командовавшій этимъ отрядомъ Игнатій Добрскій, не бывавшій никогда въ подобныхъ обстоятельствахъ, притомъ человекъ не-военный, растерялся, и начальство надъ отрядомъ принявъ явившійся откуда-то русскій офицеръ Никифоровъ—Moskal godem, Polak sersem, но вдругъ ночью куда-то исчезъ, и мѣсто его заступилъ Новакъ. Не этотъ-ли Никифоровъ, попавши послѣ въ руки повстанцевъ, былъ узникомъ и повѣшенъ, какъ измѣнникъ или шпионъ? Въ № 20 «Журнала военныхъ дѣйствій», стр. 6, сообщается, что, близъ того же времени, наши войска, слѣдуя отъ Мнева къ Неславамъ, наткнулись въ лѣсу, недалеко отъ сел. Красно, на цѣлую кучу крестьянъ, повѣшенныхъ на одномъ деревѣ, лицомъ къ лицу, съ заложеными другъ на друга руками, какъ-будто бы они обнимались. Солдаты наши, смотря на это отвратительное зрѣлище, сказали: «ну, теперь павшихъ не будетъ!».

одной рукой въ поводу лошадей, а другою защищаясь, двигались вмѣстѣ съ пѣхотой, густыми лѣсами, съ 8-ми часовъ утра до 3-хъ пополудни, и наконецъ, измученные до-нелзя и потерявъ много людей, достигли м. Островца, гдѣ и остановились, а Чаховскій отошелъ къ деревнѣ Балтовъ. Въ это время три упомянутые выше отряда, ничего не зная ни о Чаховскомъ, ни о Клевцовѣ, подошли къ м. Ожарову, Сандомірскаго уѣзда, Радомской губерніи, отстоявшему отъ мѣста боя на 9 верстѣ. Въ Ожаровѣ ими были собраны кое-какія свѣдѣнія о мѣстопребываніи Чаховскаго, вслѣдствіе чего, утромъ 23-го апрѣля ст. ст., отряды направились къ д. Балтову, но Чаховскій, извѣщенный объ ихъ выступленіи, двинулся къ м. Сѣнно. Въ четырехъ верстахъ отъ послѣдняго онъ былъ однакоже настигнутъ и разбитъ. Часть банды его, преимущественно крестьяне, принужденные служить силою, разбѣжались. Съ нимъ остались только помѣщики и «пулавики» съ молодежью разныхъ другихъ учебныхъ заведеній, человекъ всего-навсего 200: они бросились въ Свентокршискія горы, гдѣ слѣдъ ихъ на время теряется. Впрочемъ, въ «Журналѣ военныхъ дѣйствій» разсказывается о столкновеніи съ Чаховскимъ, 14-го мая ст. ст., близъ д. Буковно, отряда полковника Булатовича ¹⁾).

Краковская повстанская организація выслала за это время въ Царство нѣсколько небольшихъ бандъ, сформированныхъ при особыхъ условіяхъ, съ участіемъ иностранцевъ, между которыми наиболѣе извѣстенъ гарибальдіецъ Нулло, погибшій въ дѣлѣ подъ м. Малобондзь, 23-го апрѣля ст. ст. ²⁾).

Тогда же обращала на себя вниманіе радомскаго отдѣла банда отставнаго подполковника кавказской арміи, Кононовича, имѣвшая еще въ мартѣ мѣсяцѣ столкновеніе съ отрядомъ подполковника Устюжанина, въ три роты Могилевскаго п. п., эскадронъ драгунъ и 25 казаковъ, подъ д. Хиновымъ, причемъ наши отступили къ Радому, не нанеся повстанцамъ никакого вреда ³⁾).

Скитаясь послѣ этого въ окрестностяхъ деревень Едльни, Бржузы, Рычивола и Рознишева (на сѣверо-востокъ отъ Радома), среди дремучихъ лѣсовъ, Кононовичъ усилилъ свои ряды новобранцами и цѣлою бандой Янковскаго, прибывшаго изъ-подъ Варшавы, такъ что всего-навсего подъ его командой собралось около двухъ тысячъ человекъ. Противъ этихъ силъ отправленъ изъ Радома полковникъ генеральнаго штаба Эрнротъ, тоже кавказецъ, съ одной ротой 2-го сапернаго батальона и тремя ротами Могилевскаго п. полка.

¹⁾ № 24, стр. 2.

²⁾ Ibidem, № 21, стр. 8, 9, 10, 11.

³⁾ № 14, стр. 6—7.

Послѣ небольшой стычки въ лѣсу, около д. Рознишева, 2-го мая ст. ст., полковникъ Эрпротъ сталъ на одной полянѣ считать плѣнныхъ..... вдругъ, отступившіе въ глубину лѣса повстанцы ударили на нашихъ вновь: отрядомъ Эрпрота овладѣла такая паника, что часть солдатъ пустилась бѣжать вразсыпную, и полковнику стоило немовѣрнаго труда, употребивъ самыя энергическія мѣры ¹⁾, восстановить въ своемъ отрядѣ кое-какой порядокъ и отступить къ Радому.

Тогда начальникъ радомскаго военнаго отдѣла, съ цѣлю уничтожить, во что бы то ни стало, банду Кононовича (которому значительно покровительствовала мѣстность: дремучіе лѣса двухъ губерній, Радомской и Варшавской, гдѣ онъ держался, на 20 верстѣ въ длину и на столько же въ ширину), рѣшился попросить помощи у Варшавы. Къ нему посланъ, 18-го мая ст. ст., отрядъ въ двѣ колонны, подъ начальствомъ генералъ-маіора Меллеръ-Закомельскаго, соединенно съ коимъ двинуты изъ Радомы три отряда, нѣсколькими колоннами: черезъ Гуру-Кальварію на Мнишевъ, черезъ м. Гроець на м. Варку и съ Бялобжегъ на д. Стронецъ. Такимъ маневромъ мы занимали всѣ дороги вдругъ, запирая Кононовича съ Янковскимъ въ стѣны живаго многоугольника, который, служиваясь болѣе и болѣе, ставилъ обѣ банды въ крайне-критическое положеніе. Кононовичъ очень скоро увидѣлъ, что биться нельзя: закопалъ оружіе и распустилъ банду, а самъ, въ телѣгѣ, съ двумя адъютантами, Садовскимъ и Лабенскимъ, пустился на-утѣкъ, куда глаза глядятъ, но попалъ на отрядъ полковника Эрпрота, и взятъ въ плѣнъ, 21-го мая ст. ст. На другой день, всѣхъ ихъ разстрѣляли въ м. Варкахъ ²⁾. А Янковскій, не распуская банды, пробрался кое-какъ, лѣсными тропками, въ Опатовскій уѣздъ и далъ знать о себѣ Чаховскому, въ Свентокршискія горы: Чаховскій вылѣзъ изъ своихъ норъ и двинулся навстрѣчу Янковскаго. Объ этомъ сейчасъ же узнали два отряда: подполковника Голубева, въ Опатовѣ, и подполковника Сухонина, близъ д. Бродъ ³⁾. Оба пустились его преслѣдовать, только Голубевъ почему-то скоро воротился назадъ, а Сухонинъ продолжалъ преслѣдованіе въ направленіи къ м. Едльнѣ, откуда извѣстилъ начальника радомскаго военнаго отдѣла, что Чаховскій идетъ, повидимому, на м. Единскъ. Вслѣдствіе этого, изъ Радомы двинуть новый отрядъ, маіора Протопопова, на-перерѣзъ Чаховскому; но послѣд-

¹⁾ Между прочимъ бѣгущихъ солдатъ рубили посланные вслѣдъ за ними казаки шашками. (Разсказъ самого Эрпрота).

²⁾ На югѣ Варшавскаго уѣзда, въ 70-ти верстахъ отъ Варшавы. Подробности въ «Журналѣ военныхъ дѣйствій», № 24, стр. 3, 8.

³⁾ На сѣверъ отъ Опатова верстѣ 30 съ небольшимъ.

ній повернулъ назадъ и при д. Русиновѣ столкнулся съ Сухониннымъ; 28-го мая ст. ст. произошла небольшая стычка, послѣ которой Чаховскій отступилъ лѣсами на западъ, къ д. Русскій-Бродъ, гдѣ взялъ у крестьянъ подводъ и сдѣлалъ быстро нѣсколько большихъ переходовъ на югъ, въ надеждѣ уйти отъ преслѣдованія; но неутомимый Сухонинъ все время былъ у него на хвосту.

Въ деревнѣ Новыи-Заклады ¹⁾, имѣвшей исключительную, самой природой и разными постройками укрѣпленную мѣстность, Чаховскій остановился и, расположивъ свою банду и прибывшія къ нему на помощь изъ Варшавской губерніи двѣ партіи, подъ начальствомъ Рагуйскаго и Морковскаго, за различными прикрытіями, сталъ ожидать Сухонина. Тѣмъ временемъ генералъ Ченгери, узнавъ въ Кѣльцахъ о критическомъ положеніи отряда Сухонина и никакъ не думая, что онъ рѣшится со своими маленькими силами штурмовать Новыи-Заклады (гдѣ было 800 человекъ повстанскихъ стрѣлковъ и полтораста конныхъ Морковскаго), отправилъ къ нему подкрѣпленіе, подъ начальствомъ полковника Таубе, который незадолго передъ тѣмъ гонялся за бандой Чаховскаго въ Свентокршинскомъ лѣсу, на югѣ Опочинскаго уѣзда, но потерялъ ее изъ виду. Прибывъ теперь къ Новымъ-Закладамъ, Таубе нашелъ уже дѣло оконченнымъ. Повстанцы поспѣшно отступали. Чаховскій, раненый, скрылся за границу ²⁾.

Въ то время, какъ все это происходило въ сѣверной половѣ Радомской губерніи, стали формироваться банды въ юго-западной ея части, у верховьевъ р. Пилицы, подъ главнымъ руководствомъ помѣщика Оксинскаго. Ему помогали иностранцы Литтихъ и Делакруа, съ нѣсколькими другими лицами, которыхъ имена остались неизвѣстны. Скоро дѣло дошло до того, что эти банды стали жить на берегахъ Пилицы съ такимъ же комфортомъ, какъ нѣкогда Здановичъ въ Кавиміръжѣ, или Лангевичъ въ Вонходкѣ—и съ каждымъ часомъ росли больше и больше и лучше вооружались.

Генералъ Ченгери отправилъ въ ту сторону отрядъ изъ Кѣльць, подъ командой маіора Бентковскаго, который нашелъ, 13-го мая ст. ст., банду Оксинскаго засѣвшею въ каменныхъ строеніяхъ Концеполя ³⁾, на лѣвомъ берегу Пилицы, тогда какъ мы были на правомъ. Пришлось двинуться въ бродъ и по мосту одновременно, дабы

¹⁾ На самомъ югѣ Опочинскаго уѣзда.

²⁾ Дополненіе къ № 25 «Журн. в. д.», рапортъ генерала Ушакова отъ 31-го мая, за № 3,014.

³⁾ На самомъ югѣ Петроковскаго уѣзда, Варш. губ., гдѣ она граничитъ съ Радомской губерніей.

ударить на повстанцевъ массою и выбить ихъ изъ строеній. Майоръ Бентковскій первый подалъ примѣръ, бросившись въ воду; за нимъ пошли и солдаты, весьма его любившіе. Банда держалась недолго. Куда дѣвался Оксинскій со своими людьми — неизвѣстно, но партіи Литгиа и Делакура, состоявшія подъ его командой, пошли сначала къ Ченстокову, а потомъ вдругъ поворотили на сѣверо-востокъ губерніи, къ Новымъ-Закладамъ. Тутъ слѣдъ ихъ теряется.....

Послѣ этого въ Радомской губерніи довольно долго не было слышно ни о какихъ крупныхъ бандахъ, но стали формироваться мелкія конныя партіи, такъ называемой, «народовой стражи», которая, сверхъ веденія обыкновенной партизанской войны, занималась вербовкою рекрутъ и наблюденіемъ за разными властями городовъ и мѣстечекъ войтами гминь, бурмистрами и т. п., — такъ-ли они исполняютъ свои обязанности въ отношеніи къ возстанію, какъ это предписывалось жондомъ народовымъ, и не служатъ-ли въ то-же время русскому правительству? Это были тѣ жандармы, которые входили въ уставъ Бобровскаго, начавшій тогда дѣйствовать.

Въ числѣ такихъ партій, разсѣявшихся въ началѣ преимущественно по югу Радомской губерніи, въ уѣздахъ: Мѣховскомъ, Олькушскомъ, Стопницкомъ и частію Кѣлецкомъ, были наиболѣе замѣчательны двѣ: Богдана Бончи (псевдонимъ Конрада Влацинскаго)¹⁾, коней въ полтораста, гдѣ служили болѣею частію краковскіе помѣщики и гдѣ непремѣннымъ условіемъ для поступленія былъ нѣкоторый достатокъ и надежное здоровье; другая — плотника м. Ястрембовъ, Опочинскаго уѣзда, Висневскаго²⁾.

Первая партія держалась на югѣ губерніи, неподалеку отъ границы. Другая въ Опочинскомъ, въ южной части Радомскаго уѣзда. Обѣ имѣли темносиній мундиръ, съ малиновымъ прикладомъ. На головахъ — малиновыя кепи. Вооруженіе ихъ состояло изъ пика, сабли и пистолета. Для уничтоженія этихъ партій были принимаемы разныя мѣры въ теченіе цѣлаго мая мѣсяца, но совершенно безуспѣшно. Народовая стража Бончи и Висневскаго уходила отъ нашихъ отрядовъ и скрывалась въ такихъ лѣсныхъ и горныхъ трупцабахъ, куда безъ специальныхъ проводниковъ проникнуть было невозможно.

Въ самомъ началѣ іюня по ст. ст., энергическій командиръ 3-й

¹⁾ Того самаго, что дѣйствовалъ, въ Плоцкой губерніи, подъ именемъ Конрада Томашевскаго.

²⁾ Сформирована первоначально въ маѣ мѣсяцѣ 1863 г., въ деревнѣ Гозлпковѣ, имѣніи помѣщика Турскаго, недалеко отъ мѣстечка Присухъ, Опочинскаго уѣзда.

стрѣлковой роты Галицкаго пѣхотнаго полка, поручикъ Плескачевскій, долго слѣдившій за всѣми движеніями Бончи, узнавъ, что его ожидаютъ на фольваркѣ Гуры, Мѣховскаго уѣзда, къ утру 6 іюня ст. ст.,—и устроилъ тамъ засаду изъ пѣхоты и конницы; но повстанцы, подъѣхавъ къ фольварку на нѣкоторое разстояніе, вдругъ (вѣроятно, по данному жителями остерегающему знаку) повернули въ сторону, къ лѣсу. Тогда, дѣлать нечего, Плескачевскій бросился ихъ преслѣдовать и настигъ банду только у самой опушки лѣса. Въ происшедшей при этомъ жаркой схваткѣ, Бонча палъ, израненный пиками и штыками; а партія его пустилась на уходъ лѣсами, захвативъ съ собою едва живаго начальника, который былъ затѣмъ помѣщенъ въ домѣ одного обывателя, въ ближайшемъ мѣстечкѣ, и, несмотря на помощь нѣсколькихъ докторовъ, прибывшихъ изъ Кракова, умеръ 7 іюня ст. ст. На другой день, 8 іюня, въ мѣстномъ парафіальномъ костелѣ, отслужена панихида восемью ксѣвдами, а вечеромъ того-же дня прибыло, на выносъ тѣла, еще 14 ксѣвдовъ, и собралось до 500 человекъ разнаго народа. Гробъ, покрытый вѣнками и цвѣтами, несли на рукахъ, при факелахъ и свѣчахъ, до кладбища, отстоявшаго отъ мѣстечка на полмили. Въ толпѣ видѣли много евреевъ, на которыхъ раввинъ мѣстечка наложилъ потомъ четырехдневный трауръ ¹⁾.

Банда Бончи перешла послѣ этого подъ команду какого-то Богуща, называемаго иными Дзялотомъ, который былъ разбитъ окончательно въ началѣ іюля по ст. ст. ²⁾.

Висневскій уничтоженъ въ лѣсахъ Опочинскаго уѣзда, близъ д. Говзвикова, 8 іюня ст. ст., партизанскимъ отрядомъ въ 40 драгунъ Екатеринославскаго полка, подъ начальствомъ прапорщика Шмита. Самъ Висневскій взятъ при этомъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ.

Близъ того-же времени получено въ Радомѣ извѣстіе, что банда въ 600 человекъ, хорошо вооруженныхъ и обмундированныхъ, намѣрена перейти, подъ начальствомъ Іордана ³⁾, Вислу, при деревняхъ Комаровѣ и Жабцѣ. Сейчасъ-же двинута къ этому пункту рота Галицкаго пѣхотнаго полка на подводахъ изъ Мѣхова. Она застала переправу еще неконченной и засѣла за валомъ, оберегающимъ страну отъ наводненія. Банда, переправясь, пошла противъ нашихъ въ атаку съ двухъ сторонъ (7 іюня ст. ст.), но была отражена. Спустя нѣкоторое время,

¹⁾ Доволеніе въ № 27 «Журн. военныхъ дѣйствій». Рапортъ генерала Ушакова отъ 10 іюня 1863 г.—«Часть» 1863 г., № 144.

²⁾ «Журналъ военныхъ дѣйствій», № 35, стр. 3.

³⁾ Того самаго, о которомъ уже упоминалось въ одной изъ предыдущихъ главъ.

атака возобновилась, но такъ же безуспѣшно. Наши держались за валомъ въ теченіе двухъ часовъ, пока не подошелъ изъ Стопницы маіоръ Ракуза, съ эскадрономъ Новороссійскихъ драгунъ. Тогда мы перешли въ наступленіе и прогнали банду къ рошѣ, лежавшей оттуда въ полуверстѣ. Тутъ банда получила вдругъ подкрѣпленіе въ 200 человекъ, переправившихся черезъ Вислу у деревни Лубницы, 2 версты ниже Комарова. Однако пѣхота Ракузы выбила повстанцевъ изъ роши, всѣхъ до одного, и драгуны ударили на нихъ на полянѣ и многихъ перетопили въ Вислѣ. Уцѣлѣвшая часть банды скрылась куда-то безъ слѣда. Мы взяли при этой стычкѣ 104 человекъ плѣнными и 320 хорошихъ штуцеровъ ¹⁾.

Во второй половинѣ іюня по ст. ст., были предприняты дѣйствія противъ нѣсколькихъ бандъ вдругъ, появившихся въ юго-западной части Радомской губерніи, куда онѣ перешли изъ Варшавской губерніи, тѣснимыя отрядами тамошняго отдѣла, которые были посланы вслѣдствіе слуховъ о безпорядкахъ на варшавско-вѣнской желѣзной дорогѣ.

Одна изъ ротъ Бѣлозерскаго пѣхотнаго полка, ходившая на поиски, расположилась, 24 іюня ст. ст., бивакомъ въ м. Яновѣ, Олькушскаго уѣзда, на лѣвомъ берегу Варты. Солдаты стали купаться. Вдругъ съ противоположнаго берега засвистали пули—и вслѣдъ затѣмъ показались густыя толпы повстанцевъ передъ самымъ мѣстечкомъ. Рота завязала съ ними перестрѣлку....

Выпедшій незадолго передъ тѣмъ изъ Ченстохова ²⁾ отрядъ полковника Эрнрота, получивъ свѣдѣніе о критическомъ положеніи упомянутой сейчасъ роты, двинулся поспѣшно ей на помощь, но нашелъ ее уже отступившею въ Пршировъ ³⁾.

Одновременно съ Эрнротомъ пришелъ туда-же отрядъ изъ Петрокова. Принявъ надъ всѣми этими войсками начальство, Эрнротъ двинулся, ночью съ 25 на 26 іюня ст. ст., къ Янову и на пути туда, въ мѣсту, близъ деревни Златаго-Потока, столкнулся съ бандою. Произошла упорная битва, тянувшаяся часа два, послѣ чего повстанцы, какъ кажется, подъ начальствомъ Хмѣленскаго, отступили. Намъ достался большой обозъ, нѣсколько человекъ плѣнныхъ и полтораста хорошихъ штуцеровъ.

28-го іюня ст. ст. было жаркое дѣло на границѣ Равскаго уѣзда, Варшавской губерніи, и Опочинскаго, Радомской, близъ мѣстечка Ино-

¹⁾ Прибавленіе къ № 27 «Журн. воен. дѣйствій», стр. 2, 3.

²⁾ Ченстоховъ отъ Янова около 20 версты.

³⁾ 6 версты отъ Янова на сѣверъ, въ Петроковскомъ уѣздѣ, Варшавской губерніи.

влодзи, между партіей Владислава Грабовскаго ¹⁾ и отрядомъ маіора Шокальскаго, кончившееся отступленіемъ повстанцевъ къ мѣстечку Томашову, Варшавской губерніи, Равскаго уѣзда ²⁾.

Всѣ эти и другія, менѣе значительныя дѣла, занимая главнѣйшимъ образомъ Варшаву и тѣхъ отрядныхъ начальниковъ, которые въ нихъ отличались или терпѣли поражение,—извѣстны были во всѣхъ подробностяхъ (зачастую для насъ довольно печальныхъ) весьма немногимъ лицамъ. Замокъ зная эти подробности не всегда. а Петербургъ и вся Россія никогда ничего подробно не знали,—по крайней мѣрѣ, официальнымъ путемъ, или черезъ органы печати. Въ «Журналѣ военныхъ дѣйствій», который выходилъ при штабѣ варшавскаго военнаго округа аккуратно, номеръ за номеромъ,—все надлежащимъ образомъ округлялось и въ такомъ округленномъ видѣ попадало уже на страницы «Русскаго Инвалида», или еще округленнѣе—и такъ доставалось читающей публикѣ. Приходили, пожалуй, кое-когда, въ обѣ наши столицы, разные туманные рассказы, что все въ Царствѣ идетъ неладно; сердца патриотовъ сжимались.... но такъ какъ эти рассказы не имѣли въ себѣ ничего опредѣленнаго и вполне достовѣрнаго, то и не могли дѣйствовать сильно на массу. Насъ не всегда растолкаешь даже и самымъ яркимъ и несомнѣннымъ фактомъ, не только рассказами сомнительнаго свойства.... вдругъ грянулъ бой, до такой степени для насъ невыгодный, бросавшій такую мрачную тѣнь на всю громадную армію (которая возилась съ кучкой косарей уже полгода и никакъ не могла ихъ одолѣть)—что всѣ, узнавъ объ этомъ, встрепенулись; а не узнать было нельзя: никакія округленія тутъ уже не помогали и не годились.

Расскажемъ объ этомъ боѣ все, что намъ извѣстно.

Начальникъ замосьско-грубешовскаго отдѣла, полковникъ М ѣ д-

¹⁾ Этотъ Грабовскій, съ тогдашнимъ начальникомъ военныхъ силъ мазовецкаго воеводства, полковникомъ Калье, бродилъ объ эту пору по всему мазовецкому воеводству, стараясь оживлять разные отряды и уничтожая, гдѣ можно, знаки русской власти. Въ дер. Грабовѣ (Варшавской губ., Варшавскаго уѣзда) жители загля въ честь Калье иллюминацію, а въ Мшоновѣ (также Варшавской губерніи и уѣзда) жители встрѣтили повстанцевъ музыкой.

Калье постоянно просился у жонда въ отставку, наконецъ получилъ ее 6 августа н. ст. 1863 г., простился съ солдатами и уѣхалъ въ Парижъ (Гиллеръ, II, 270—274).

²⁾ Калье, рассказывая разнымъ знакомымъ объ этомъ боѣ, хвалилъ расторопность Жихлинскаго. Вообще же говорилъ, что «офицеры бѣгутъ первые». (Гиллеръ, II, 281).

никовъ, ходилъ, во второй половинѣ юля мѣсяца по ст. ст., на поискъ бандъ, съ отрядомъ изъ 6 ротъ, близъ границы Люблинскаго уѣзда, съ Яновскимъ,—какъ вдругъ, 23 юля ст. ст., былъ атакованъ, подъ деревней Хруслиной, чрезвычайно превосходящими его отрядъ силами повстанцевъ—и отступилъ къ мѣстечку Краснику.

Это были новыя, заграничныя банды, сформировавшіяся во время застоя повстанскихъ дѣлъ, послѣ юнскаго Coup d'Etat, сокрушившаго жондъ 3-го состава, и тихо проникшія въ Царство, едва-только новый могущественный жондъ подалъ о себѣ голосъ—и послалъ во всѣ стороны предписанія и деньги для закупки оружія и аммуниціи ¹⁾.

Начальникъ люблинскаго военнаго отдѣла, генер.-лейт. Хрущевъ, былъ въ то время тоже на поискахъ, съ отрядомъ изъ нѣсколькихъ ротъ, идя по направленію отъ мѣстечка Красника черезъ Яновъ, Замосць и Томашевъ, а потомъ обратно на Красникъ и Люблинъ; причѣмъ, во второе посѣщеніе Красника, узналъ о дѣлѣ полковника Баумгартена, около деревни Ченсто-Боровице, съ бандою человекъ въ 500. Но о большихъ бандахъ, явившихся подъ Хруслиной, Хрущевъ не зналъ въ это время ничего.

Воротаясь въ Люблинъ, онъ всетаки считъ необходимымъ отправить къ тѣмъ мѣстамъ отрядъ въ 6 ротъ, подъ начальствомъ полковника Цвѣтинскаго, который вечеромъ того дня (23 юля ст. ст.), когда Мѣдниковъ встрѣтилъ большую банду, прибылъ въ мѣстечко Уржен-

¹⁾ Въ это время жондъ намѣренъ былъ двинуть нѣсколько большихъ отрядовъ съ разныхъ сторонъ въ Россію и въ Польшу. Сигизмундъ Милковскій долженъ былъ явиться на помощь Ружицкому черезъ Бессарабію, съ отрядомъ, который онъ сформировалъ въ Турціи, но его остановили и обезоружили, послѣ жаркой схватки, румынскія войска. Тутъ бился между прочимъ майоръ Ягминъ въ послѣдствіи начальникъ польскаго легіона въ Турціи, умершій отъ ранъ 15 сентября н. ст. 1877 г. (Dziennik Pozn., 1877, № 222).

Менотти Гарибальди предполагалъ высадиться съ итальянскимъ легіономъ въ Одессѣ, на чѣдъ, сверхъ сбора денегъ въ Италію, получилъ отъ жонда-136,000 франковъ; но не могъ сладить съ этимъ дѣломъ, и, осевию 1863 г., возвратилъ жонду взятую у него сумму.

Какой-то итальянецъ Скарпа сформировалъ, отъ имени старика-Гарибальди, итальянско-французскій легіонъ въ западной Галиціи, но и это дѣло не кончилось ничѣмъ, и Скарпа уѣхалъ въ Италію. (Гиллеръ, I, 7—8, примѣчаніе). Повезло только бандамъ, о которыхъ мы рассказываемъ.

Старикъ-Гарибальди, сверхъ участія въ основаніи польской военной школы въ Генуѣ, постоянно сносился съ польскими повстанцами и всячески ободрялъ ихъ. Это видно изъ писемъ его къ Мирославскому и къ Сѣраковскому. Въ первомъ письмѣ къ Мирославскому онъ выражается о полякахъ: «наши герои поляки».

Н. В.

довъ, а оттуда перешелъ къ утру слѣдующаго дня, въ Красникъ— и тутъ увидѣлся съ отступившимъ Мѣдниковымъ.

Вмѣсто того, чтобы соединиться и преслѣдовать повстанцевъ, отряды Мѣдникова и Цвѣдвинскаго разошлись почему-то врознь. Мѣдниковъ направился къ Янову, а Цвѣдвинскій пошелъ въ сторону Казиміръжа, выпросивъ только у Мѣдникова, въ усиленіе своихъ 6 ротъ, еще три.

Въ это время должна была выступить изъ Варшавы военная почта съ большою суммою денегъ. Само собою разумѣется, что всѣ денежные почты ходили тогда подъ прикрытіемъ конвоевъ. Точныхъ правилъ относительно числа людей въ конвоѣ установлено не было. Обыкновенно почта, слѣдовавшая изъ Варшавы на Люблинъ и Радомъ, получала конвой изъ варшавскаго военнаго отдѣла до мѣстечка Гарволина. Здѣсь давался новый конвой, по распоряженію мѣстныхъ властей, уже изъ люблинскаго отдѣла, до Ивангорода, и т. д.

Въ первыхъ числахъ іюля по ст. ст., намѣстникъ счелъ нужнымъ это урегулировать: постановить для конвоевъ точныя правила—и отдалъ приказъ, чтобы «денежныя почты были отправляемы черезъ поименованные сейчасъ пункты и далѣе не иначе, какъ подъ прикрытіемъ двухъ ротъ и сотни казаковъ». Тутъ же были расписаны и дни, на цѣлый годъ впередъ, когда именно пойдутъ изъ Варшавы денежные почты.

Варшавскій окружный штабъ заготовилъ соответственные предписанія для трехъ лицъ: ивангородскаго коменданта и начальниковъ радомскаго и люблинскаго военныхъ отдѣловъ. Случилось, что ни одна изъ этихъ бумагъ (по причинѣ, какъ говорятъ, простой канцелярской небрежности) не дошла по назначенію.

Бумага къ ивангородскому коменданту не пошла даже и съ той денежной почтой, о которой сказано выше, и она, выступивъ изъ Варшавы 22 іюля ст. ст., подъ прикрытіемъ трехъ ротъ варшавскаго военнаго отдѣла, смѣненныхъ въ Гарволинѣ другимъ отрядомъ той-же силы, достигла благополучно Ивангородской крѣпости 25 іюля ст. ст.¹⁾

Въ тотъ-же день прибылъ въ крѣпость изъ Радома этапъ, въ 79 человекъ, подлежащій, какъ и самая почта, отправленію въ Люблинъ. Затѣмъ, на другой день, 26 іюля ст. ст., пришло въ Ивангородъ слѣдующее предписаніе начальника люблинскаго военнаго отдѣла коменданту:

«Вечеромъ сего числа придетъ отрядъ въ мѣстечко Куровъ, а потому ваше превосходительство можете отправить 27 іюля прибывшій изъ Радома этапъ въ 79 человекъ».

¹⁾ Разстояніе отъ Варшавы до Ивангорода 94 версты.

«Примѣчаніе. Сейчасъ получено мною увѣдомленіе отъ начальника гарволынскаго отряда, что онъ, 24-го іюля, выступилъ въ Ивангородъ, конвоируя прибывшую изъ Варшавы военную почту (два фургона)... полагая, что гарволынский отрядъ прибылъ съ военной почтой во вѣренную вамъ крѣпость вчерашній день, прошу васъ направить въ Куровъ вмѣстѣ какъ военную почту, такъ и этапъ изъ 79 человекъ, 27-го іюля».

Ни о какихъ большихъ бандахъ, бродившихъ въ тѣхъ мѣстахъ, ни ивангородскій комендантъ, ни начальникъ люблинскаго военного отдѣла—еще не знали въ ту минуту ровно ничего. Но лишь-только послѣдній, т. е. генералъ Хрущевъ, отправилъ свое предписаніе коменданту Ивангородской крѣпости, какъ получено въ Люблинѣ донесеніе отъ полковника Мѣдникава, воротившагося въ Яновъ, о дѣлѣхъ подъ Хруслиной, а отъ Цвѣцискаго—что онъ «слѣдуетъ за большими бандами». Тогда генералъ Хрущевъ поспѣшилъ, того же 26-го іюля, послать въ крѣпость шифрованную депешу, съ приказаніемъ «остановиться отправленіемъ почты». Депеша эта перехвачена. Но ивангородскій комендантъ и безъ того не отправилъ бы почты, имѣя онъ только новое предписаніе намѣстника о конвоѣ: у него не было требуемаго этимъ предписаніемъ количества казаковъ—ихъ находилось въ крѣпости всего-на-все 35 человекъ, а нужна была сотня.

Эта бумага, какъ мы уже сказали, гдѣ-то затерялась и не пришла своевременно ни въ Люблинъ, ни въ Радомъ, ни въ Ивангородъ. Словомъ, все устроилось такъ, что почта выступила изъ крѣпости 27-го іюля ст. ст. (собственно въ ночь, съ 27-го на 28-е): два фургона, съ суммою слишкомъ въ 200 тысячъ рублей, и этапъ, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ: одной—2-го стрѣлковаго батальона, а другой—ивангородскаго крѣпостнаго батальона; двухъ орудій батареевой № 4-й батареи 5-й артиллерійской бригады и 14-ти казаковъ. Командованіе отрядомъ ввѣрено храброму и способному, но мало-опытному поручику Лявданскому. Тутъ опять роковая случайность: старше его на ту пору, между строевыми офицерами крѣпости, никого не было. Могшій его замѣнить младшій штабъ-офицеръ ивангородскаго крѣпостнаго батальона—находился тогда въ отлучкѣ, въ дер. Козеницѣ, откуда прибылъ обратно въ крѣпость только 29-го іюля ст. ст. Между тѣмъ большія банды, о которыхъ сказано выше, шли себѣ на сѣверъ съ самыми неопредѣленными намѣреніями. Имъ нельзя было повернуть назадъ и ударить на Цвѣцискаго, по той простой причинѣ, что у нихъ была крайняя недостаца въ боевыхъ патронахъ; особенно мало было пистоновъ. Но силы ихъ были значительны, именно: конная банда генерала Крука ¹⁾ въ 200 человекъ; банда

¹⁾ Офицеръ нашего генеральнаго штаба Михайло Гейденрейхъ, арестованный въ ноябрѣ 1862 г. и потомъ скорѣй выпущенный. Онъ назывался у по-

Гржималы въ 500 человекъ, Янковскаго—въ 800; затѣмъ банды разныхъ силъ: Рущкаго ¹⁾, Лютынскаго, Вагнера, Крысинскаго и Вержбицкаго, всего-на-все: стрѣлковъ, косинеровъ и кавалеріи—до трехъ тысячъ человекъ слишкомъ.

Недостатокъ снарядовъ приводитъ Крука въ отчаяніе, и онъ думалъ уже распустить пѣхоту по домамъ, а съ кавалеріей пробиться въ Галицію—и никто изъ начальниковъ бандъ противъ этого не возражалъ ²⁾. Но вдругъ они узнали о выходѣ изъ Варшавы большой денежной почты: тогда нѣкоторые предводители бандъ, въ особенности Гржимала и Янковскій, стали просить Крука повременить рашпущеніемъ отряда до тѣхъ поръ, пока не будутъ испытаны послѣднія энергическія мѣры относительно приобрѣтенія снарядовъ.

Существуетъ рассказъ, будто бы богатый помѣщикъ м. Ополя, Выдрикевичъ, бывшій въ то время въ бандѣ Крука, поскакалъ немедленно въ Люблинъ и тамъ добылъ, черезъ жидовъ, разумѣется, за

встанцевъ «генераломъ», потому что былъ воеводой двухъ воеводствъ и командовалъ большими силами, но собственно произведенъ въ генералы приказомъ жонда отъ 10-го (22-го) августа 1863 г.

Цифры людей въ бандахъ взяты нами изъ рапорта полковника Мѣднкова начальнику люблинскаго военнаго отдѣла, отъ 26-го іюля 1863 г., за № 2,184. Тамъ сказано, что банды Янковскаго и Зелинскаго получили нарѣзное оружіе въ Гутѣ-Крешовской, свезенное въ тѣхъ изъ Галиціи евреями. А банда Гржималы—въ сел. Бобахъ, оружіе, доставленное изъ Галиціи въ ящичкахъ. За болѣзнію Вержбицкаго, по рапорту Мѣднкова, командовалъ Яродкій; по польскимъ источникамъ—Вагнеръ, и онъ стоитъ на повстанскомъ плацѣ боя, бывшемъ въ рукахъ автора. Настоящая фамилія Вагнера—Карлъ Румецкій. Ивангородскій комендантъ, въ рапортѣ своемъ начальнику штаба, отъ 27-го августа 1863 г., за № 2,557, показываетъ общее число людей въ сказанныхъ бандахъ въ три тысячи человекъ. Крукъ въ рапортѣ жонду говорить, что у нихъ было 3,200 человекъ.

¹⁾ Иосифъ-Владиславъ Рущкій служилъ подъ начальствомъ Бема въ венгерскую кампанію 1849 года и послѣ написалъ брошюру: «Wem w Siedmiogrodzie i w Wapacie». Его банда и банда Крысинскаго состояли, по замѣчанію Гиллера, преимущественно изъ хлопковъ. (II, 223). Повстанскую карьеру 1863 г. Рущкій началъ въ бандѣ полковника Леона Чеховскаго, у котораго состоялъ адъютантомъ. Потомъ самъ сталъ формировать банды по предложенію Лелевеля-Бореловскаго, когда послѣдній назначенъ былъ начальникомъ люблинскаго воеводства.

Крысинскій былъ прежде всего адъютантомъ у полковника Валентина Левандовскаго, въ битвѣ подъ Сѣмятичами (25-го января н. ст., 1863). Потомъ сформировалъ свою банду. Это былъ молодой, пріятный въ обращеніи и смѣхивающій на студента человекъ; но умѣлъ заставить себя повиноваться и имѣлъ несомнѣнный военный талантъ. (Гиллертъ, II, 250).

²⁾ Показаніе нашего инженернаго офицера, Владислава Рудницкаго, бывшаго тогда въ бандѣ у Крука.

Н. В.

большую цѣну, въ войскахъ люблинскаго гарнизона, значительное количество снарядовъ и пистоновъ (цифра послѣднихъ показывается въ 15,000) и съ ними прибылъ въ лагерь Крука всего за три часа до боя ¹⁾.

Если это правда (а кажется—правда), то выйдетъ, что мы были разбиты собственными нашими снарядами!...

Но откуда бы снаряды ни пришли, только пришли — и съ этой минуты банды уже не думали расходиться, а напротивъ устремили всѣ свои мысли къ тому, какъ бы лучше и вѣрнѣе подсадить почту, и выбрали для этого гѣсикстую мѣстность подъ станцію Жиржинимъ ²⁾, устроили тамъ завалы и залегли за ними.

Отряды: полковника Цвѣцинскаго, въ 9 ротъ, и майора Лебединскаго, въ 2 роты, хоть и были оттуда недалеко, но не казались бандамъ Крука серьезной помѣхой ³⁾. За всѣмъ тѣмъ положено было однако ждать почти только до пяти часовъ утра, 28-го іюля ст. ст. ⁴⁾.

Поручикъ Лявданскій ⁵⁾, отойдя, съ извѣстнымъ читателю отрядомъ, отъ крѣпости Ивангорода верстъ 18, захватилъ двухъ вооруженныхъ повстанцевъ, куда-то спѣшно ѣхавшихъ въ телѣгѣ. На предложенный имъ вопросъ: «куда они ѣдутъ?»—они отвѣчали: «въ банду Янковскаго, которая прошла на зарѣ въ м. Барановъ» ⁶⁾.

Лявданскому пришла естественно въ голову мысль, что «можетъ

¹⁾ Привлеченный послѣ къ отвѣту, Выдрикевичъ оправдался, или, точнѣе сказать, при помощи какихъ-то слѣзъ, оставленъ безъ всякаго преслѣдованія. Что онъ находился въ сношеніяхъ съ Крукомъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Нашъ казакъ-дезертиръ, Подхалюзинъ, служившій въ кавалеріи Крука, выдалъ тамъ Выдрикевича неразъ и засвидѣтельствовалъ это въ варшавской слѣдственной комиссіи, при очной секретной ставкѣ съ Выдрикевичемъ. Кромѣ того самъ Выдрикевичъ рассказывалъ начальнику люблинскаго военнаго отряда, генералу Хрущеву, что Крукъ, послѣ Жиржинскаго боя, былъ у него въ Ополѣ, обрлся, и потомъ оба они выѣхали секретно за границу. Хрущевъ, сообщая объ этомъ автору, увѣрялъ, что онъ употреблялъ Выдрикевича какъ военнаго шпіона, и весьма сомнѣвается, чтобы онъ могъ намъ измѣнить. А председатель слѣдственной комиссіи, генералъ Тухолка, говорилъ автору, что «хотя Выдрикевичъ и вышелъ сухъ изъ воды, но онъ считаетъ его, по вѣкоторымъ соображеніямъ, виноватымъ».

²⁾ Собственно между станціями Мощанской и Жиржинимъ. Жиржинъ лежитъ отъ Ивангорода, въ прямомъ направленіи, верстахъ въ 15-ти, отъ Люблина—въ 43.

³⁾ Цвѣцинскій стоялъ оттуда въ 24 верстахъ, Лебединскій—въ 13.

⁴⁾ Показанія Рудницкаго.

⁵⁾ Всѣ свѣдѣнія ниже взяты, преимущественно, изъ рапорта этого лица и другихъ донесеній въ «слѣдственномъ дѣлѣ о разбитіи отряда, конвоированнаго изъ крѣпости Ивангорода въ м. Куровъ денежную почту и этапъ».

⁶⁾ 7 верстъ отъ пункта, гдѣ ихъ взяли.

Н. В.

быть, эти господа его обманываютъ» (что такъ и было: они ѣхали къ Круку); что «банда Янковскаго, которую они показывали въ 250 человекъ, вовсе не Янковскаго, а чья-нибудь другая и гораздо больше» — и онъ хотѣлъ было остановить отрядъ и собрать точныя свѣдѣнія о сказанной бандѣ посредствомъ казачьихъ разъѣздовъ, а тѣмъ временемъ дать знать въ крѣпость; но другая мысль, пришедшая ему тогда же на умъ, что онъ — «полякъ», что — «задержи онъ отрядъ въ виду непріятеля — солдаты сейчасъ же заподозрятъ его въ измѣнѣ» — эта мысль заставила его поступить вопреки здравому смыслу и всякимъ соображеніямъ: онъ построилъ отрядъ въ боевой порядокъ — и пошелъ впередъ.

Это была послѣдняя роковая случайность.

Когда Лявданскій сталъ приближаться къ засадѣ, было болѣе пяти часовъ утра. Въ бандахъ, положившихъ дожидаться нашего отряда только до пяти часовъ, обнаружилось безпокойство. Онъ порывался уйти, и начальникамъ стоило немалого труда, чтобы задержать людей на мѣстѣ, въ нѣкоторомъ порядкѣ, еще часъ или полтора. Наконецъ отрядъ показался...

Лишь-только фургоны и артиллерія очутились передъ завалами, засѣвшіе тамъ повстанцы открыли убійственный огонь, вследствие чего почти всѣ артиллерійскія лошади, а также и подъ фургонами, — были перебиты. Отрядъ остановился. Приказавъ орудіямъ сняться съ передковъ и направля дула ихъ въ ту сторону, откуда наиболѣе стрѣляли, — Лявданскій, со взводомъ саперной роты и съ отдѣленіемъ ивангородскаго батальона, разсыпался въ цѣпь направо, а другая такая же цѣпь разсыпалась по шоссе налѣво, подъ командой прапорщика Толля.

Остальнымъ войскамъ поручено охранять фургоны и орудія, но эти войска (новобранцы ивангородскаго батальона) залегли за канавы шоссе, и никакія угрозы не въ силахъ были ихъ оттуда выгнать. Маіоръ Семеновъ, начальствовавшій надъ этапомъ, пробовалъ выгонять ихъ саблѣй¹⁾; одинъ казакъ билъ ихъ нагайкой; самъ Лявданскій угрожалъ имъ штыками²⁾: ничто не подѣйствовало! Только небольшая часть приняла участіе въ отбитіи непріятельской цѣпи, да и тѣ такъ растерялись, что иные изъ нихъ загоняли зарядъ въ дуло пулей напередъ и такимъ образомъ обратили ружья въ палки³⁾.

¹⁾ Показаніе многихъ изъ отряда, между прочимъ — фейерверкера Девятова.

²⁾ Показаніе рядоваго Парфена Смирнова.

³⁾ Въ такомъ видѣ найдено довольно много ружей по возвращеніи отряда въ Ивангородскую крѣпость. Показанія уцѣлѣвшихъ артиллеристовъ и того же фейерверкера Девятова.

Что же касается артиллеристовъ и саперъ, они вели себя молодцами. Послѣ первыхъ выстрѣловъ изъ орудій, массы повстанцевъ подались немного назадъ. Это дало возможность Лявданскому перейти на короткое время въ наступленіе тою частію отряда, которая находилась подъ его непосредственной командой, т. е. правымъ флангомъ. Но лѣвый сильно терпѣлъ отъ непріятельскихъ штуцеровъ, и командовавшій имъ прапорщикъ Толль—паль. Замѣтивъ это и видя, что орудія и фургоны совершенно брошены прикрывавшими ихъ ивангородцами, Лявданскій оставилъ всякую мысль движенія впередъ и сосредоточилъ послѣпно все свои силы у фургоновъ. Здѣсь онъ выдержалъ восемь яростныхъ атакъ повстанческой пѣхоты.

Быль 10-я часть дня. Солдаты объявили, что все патроны выпущены (по 60-ти на ружье). Орудія сдѣлали 140 выстрѣловъ: далѣе вѣчьмъ было заряжать¹⁾. Лявданскій увидѣлъ, что вся надежда осталась на штыки: приказалъ заклепать орудія, и, произнеся къ солдатамъ нѣсколько одушевляющихъ словъ, повелъ ихъ сквозь густыя массы повстанцевъ и пробился на куровскій отрядъ Лебединскаго. Выступившій съ мѣста, изъ Курова, только въ 10 часовъ, тогда какъ онъ могъ бы выступить въ 7, при первыхъ пушечныхъ выстрѣлахъ Лявданскаго, которые въ Куровѣ были хорошо слышны, и солдаты Лебединскаго просились «на подмогу товарищамъ»²⁾.

На оставленные нами фургоны накинулась прежде всего банда Крысинскаго. Когда прибылъ къ фургонамъ Крукъ, Крысинскій объявилъ ему, что «деньги у него, что ихъ всего 140 тысячъ».

Крукъ приказалъ передать ихъ помѣщикамъ Густаву Закршев-

¹⁾ Послѣдніе заряды посылалъ офицеръ, прапорщикъ Никольскій, такъ какъ 3-й номеръ, исполнявшій это, былъ убитъ.

²⁾ Это видно изъ «заключенія» слѣдователя въ докладѣ полевого аудиторіата войскъ въ Царствѣ Польскомъ, отъ 28-го октября 1863 года, № 1,598:

«Начальнику куровскаго отряда, состоявшаго изъ двухъ ротъ и казаковъ, майору Лебединскому, надлежало, при первыхъ выстрѣлахъ, сдѣланныхъ въ Жиржинскомъ лѣсу, которые были слышны, по показанію солдатъ его отряда, въ Куровѣ въ 7 часовъ утра,—сейчасъ же выступить: тогда бы онъ могъ быть на мѣстѣ, въ Жиржинскомъ лѣсу, самое позднее, въ 9 часовъ утра, потому что отъ станціи Куровъ до Жиржина всего 13 верстъ. Онъ зашелъ бы тогда бандамъ въ тылъ, въ срединѣ горячаго боя, и спасъ бы орудія и деньги».

«Поляки, зная о преслѣдованіи ихъ полковникомъ Цвѣцинскимъ, побоялись бы принять бой со свѣжами войсками, а если бы и приняли, то, во время этого вторичнаго боя, подошелъ бы Цвѣцинскій, который, услыхавъ первыя выстрѣлы, будучи въ Казиміръжѣ, тотчасъ выступилъ на Пулавы и, не заставъ тамъ бандъ, отправился въ Жиржинъ, куда и прибылъ 28-го юля, въ 12 часовъ утра, сдѣлавъ 25 верстъ».

Н. В.

скому и Дескуру, которые собирались ѣхать во Львовъ. Крысинскій передалъ, и сказанная сумма скоро очутилась во Львовѣ и поступила въ распоряженіе Крука. Всѣ бумажки были сильно измяты и подмочены. «Мы достали,—разсказываетъ Рудницкій,—нѣсколько утюговъ и въ квартирѣ купца Шварца, подлѣ кафедральнаго костела, разглаживали измятыя бумажки цѣлыя двое сутокъ сряду. Вышли хуже всего десятирублевныя, такъ-что львовскіе купцы отказывались брать ихъ. Нужно было все вліяніе Крука, чтобы пустить въ ходъ нѣкоторую часть этихъ бумажекъ. Крукъ далъ изъ этихъ денегъ Рудницкому и Валигурскому по 30-ти тысячъ рублей, на формировавіе бандъ, и 36 тысячъ Владиславу Маевскому, на закупку оружія, а 32 тысячи удержалъ на расходы, о которыхъ никому не говорилъ подробно». Что касается бандъ, принимавшихъ участіе въ дѣлѣ подлѣ Жиржинимъ, часть ихъ (Гржимала, Янковскій и Зелинскій) двинулись на сѣверъ, въ Сѣдецкій уѣздъ, Люблинской губерніи, а потомъ перобрались въ Варшавскую губернію. Другая часть (Крукъ, Рудницкій, Крысинскій) потянулись черезъ Любартовскіе лѣса, къ м. Радзыну.

Повстанцы находились въ хорошемъ расположеніи духа, шутили съ плѣнными и потомъ ихъ всѣхъ отпустили. Одинъ повстанскій офицеръ подошелъ къ телѣгѣ, на которой сидѣлъ плѣнный поручикъ Константинъ вичъ, и сказалъ: «что, теперъ будете кричать: вторая рота впередъ!».

Потерю нашу Крукъ, въ рапортѣ жонду народовому, показываетъ такъ: «убитыхъ 181, раненыхъ 132, взято въ плѣнъ 150».

Въ томъ же рапортѣ онъ замѣчаетъ: «мы остались послѣ этой побѣды почти безъ зарядовъ, вслѣдствіе чего пропускаю сегодня другой случай разбить москалей».

О деньгахъ, отбитыхъ у насъ, Крукъ выражается такъ: «намъ досталось по меньшей мѣрѣ 140 тысячъ рублей, а 60 тысячъ я считаю утерянными¹⁾».

Н. В. Вергъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ «Часъ» 1863 г., № 186.

Вся дорога отъ Жиржина къ Баранову, куда первоначально отступили повстанцы, была покрыта конвертами о пяти печатяхъ и выброшеннымъ изъ нихъ писемъ. По этому слѣду легко было бы настичъ банды. Начальникъ штаба люблинскаго военнаго отдѣла, полковникъ Соллогубъ, завѣрялъ автора, что «по его глубочайшему убѣжденію: деньги и орудія могли быть отбиты у повстанцевъ отрядами Цвѣцинскаго и Лебединскаго, если не въ тотъ же день, 28-го іюля ст. ст., то на слѣдующій».

Н. В.

ВОДВОРЕНІЕ И РАСПРОСТРАНЕНІЕ КАРТОФЕЛЯ

ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ

ВЪ 1765—1865 ГГ.

(Составлено на основаніи хранящихся въ архивѣ архангельскаго губернскаго правленія подлинныхъ документовъ).

Сто лѣтъ съ небольшимъ прошло со времени первой попытки правительства ввести въ общее употребленіе неизвѣстный дотогѣ въ Россіи овощъ «земляные яблоки, называемые въ Англіи потетесъ¹⁾, а въ иныхъ мѣстахъ земляными грушами, тартуфелями и картофелями», и хотя въ Петербургѣ «партикулярными людьми» (по всему вѣроятію, иностранцами и лицами высшихъ сословій) картофель былъ разводимъ въ достаточномъ количествѣ уже въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія,—однако, въ остальныхъ мѣстностяхъ имперіи къ этому «иноземному нововведенію» относились съ недоверіемъ и суевѣрнымъ предубѣжденіемъ еще даже и въ первой половинѣ XIX-го столѣтія.

Починъ предпринятаго въ царствованіе императрицы Екатерины II повсемѣстнаго разведенія картофеля въ Россіи принадлежалъ, какъ извѣстно, государственной медицинской коллегіи, президентомъ которой былъ въ то время человекъ, пользовавшійся большимъ вниманіемъ государыни,—баронъ Александръ Черкасовъ. Дѣло шло первоначально объ изысканіи средствъ помочь «безъ большаго изживенія» голодавшимъ крестьянамъ Финляндіи, вслѣдствіе чего медицинская коллегія рапортовала сенату, въ началѣ 1765 года, что лучший способъ къ предотвращенію этого бѣдствія «состоитъ въ тѣхъ земляныхъ яблокахъ, кои въ Англіи называются потетесъ». Тогда же, по соображенію полезныхъ качествъ и удобообразовимости картофеля, было, по повелѣнію императрицы, разслано отъ правитель-

¹⁾ Potatoes—по-англійски—картофель.

ствующаго сената во всѣ мѣста имперіи подробное наставленіе о разведеніи картофеля; и, независимо отъ того, указомъ правительствующаго сената, 8-го февраля 1765 года, «сей представленный отъ медицинской коллегіи способъ порученъ попеченію всѣхъ губернаторовъ».

Губернатору Архангелогородской губерніи ¹⁾, генераль-маіору Головцину, случилось вскорѣ послѣ этого, въ апрѣлѣ 1765 года, быть въ Петербургѣ, и онъ, воспользовавшись этимъ, прислалъ оттуда, въ архангелогородскую губернскую канцелярію, «въ сумкѣ за своею печатью нѣкоторое число земляныхъ яблоковъ, кои въ Англіи называются потетесъ, съ надписью того, какимъ образомъ и на какой землѣ оны садить и сохранять». Надпись эта была наставленіе подъ заглавіемъ: «описаніе какъ земляные яблоки садить слѣдуетъ», на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Доставилъ же картофель въ Архангельскъ архангелогородскаго гарнизона сержантъ Загоскинъ, командированный незадолго передъ тѣмъ въ столицу «съ живыми мушелями и устерцами для высочайшаго двора» ²⁾,—и надо полагать, что картофеля было въ сумкѣ очень немного, такъ какъ розданъ онъ былъ губернскою канцеляріею «для сѣянія, саженія и размноженія» только пяти лицамъ: жившему Двинскаго уѣзда при рѣкѣ Ядѣ иноземцу Виллиму Шигу, Заостровской—сотскому Герасиму Вешнякову, Лисестровской волости сотскому Матвѣю Тороканову, Кегостровской волости сотскому Михаилу Коржавину и той же волости крестьянину Ивану Невѣрову.

Вслѣдъ затѣмъ, при указѣ правительствующаго сената, 31-го мая 1765 года, препровождены къ губернатору Головцину 525 экземпляровъ «сочиненнаго въ медицинской коллегіи о разводѣ и употребле-

¹⁾ Въ составъ Архангелогородской губерніи входили тогда четыре провинціи: Архангельская (Двина или Холмогоры, городъ Архангельской, Вага или Шенкурскъ, Кевроль, Мезень, Пустозерскій острогъ и Кольскій острогъ), Вологодская (Вологда и Тотьма), Устюжская (Устюгъ Великій, Яренскъ и Соль Вычегодская), Галицкая (Галичъ, Чухлома, Соль Галицкая, Парфентьевъ, Кологривъ, Унга и Судай).

²⁾ Эти мушеля и устерцы (устрицы) были въ то время ловимы въ Кемскомъ заливѣ и Мезенской губѣ. Въ августѣ 1764 года, императрица Екатерина всемилостивѣйше изволила указать Архангелогородской губерніи губернатору, генераль-маіору Головцину, подлежащимъ отъ города Архангельскаго приморскимъ берегамъ прислывать устерцовъ, чрезъ знающихъ оны ловить, и по уловѣ присылать въ С.-Петербургъ въ высочайшему ея императорскаго величества двору. Въ 1766 году, указомъ изъ главной дворцовой канцеляріи, отъ 31-го октября, предписано архангелогородской губернской канцеляріи, на уловъ и отправленіе впредь къ высочайшему ея императорскаго величества двору мушелей, отпускать денегъ двѣсти рублей, пачъ собираемыхъ съ шенкурскихъ крестьянъ дворцовыхъ доходовъ.

ни земляныхъ яблоковъ, потетесь называемыхъ, наставленія, для раздачи оныхъ дворянству и прочимъ въ губерніи и провинціяхъ обывателямъ».

Наконецъ, въ томъ же году, медицинская коллегія распорядилась отправкою во всѣ губерніи имперіи земляныхъ яблоковъ на рас-плодъ, и хотя на долю Архангелогородской губерніи было назначено первоначально сорокъ четыре пуда, «но за разсылкою оныхъ въ прочія губерніи отправлять сполна было не изъ чего», а потому приславо въ Архангельскъ, въ февраль 1766 года, только двадцать четыре пуда «въ шести боченкахъ, въсомъ въ каждомъ по четыре пуда».

Изъ этого количества, въ мартъ того же года, архангелогородская губернская канцелярія отправила съ четырьмя нарочными (однимъ сержантомъ и тремя рядовыми губернской роты архангелогородскаго гарнизона) въ Вологду, Галичь и Вагу девять пудовъ, въ Устюгъ два пуда, въ Кевроль, Мезень и Пустозерскъ два пуда, въ Кюлу и поморскія Двинскаго уѣзда отдаленныя волости три пуда, а остальные восемь пудовъ оставлены для города Архангельскаго и розданы живущимъ въ городѣ и околородныхъ волостяхъ обывателямъ. Нарочные были снабжены письменными инструкціями отъ губернатора, въ которыхъ приказывалось имъ, между прочимъ: пунктомъ 2-мъ «оныя посланные яблоки въ дорогѣ тебѣ беречь и прилежное смотрѣніе имѣть, дабы оныя отъ морозовъ или отъ чего другаго позабынутъ или повредиться не могли; и для того, какимъ образомъ наилучше въ сбереженіи оныхъ тебѣ поступать. приложено при семъ печатное наставленіе»; пунктомъ 4-мъ «будучи въ пути и на мѣстѣ, обывателямъ никому никакихъ обидъ и налоговъ не чинить, харчей и ничего безденежно отнюдь ни у кого не брать и ко взяткамъ не касаться, но паче прилежнѣйше во всемъ наблюдать свою должность, какъ доброму человѣку подлежить, подъ опасеніемъ за малѣйшее преступленіе воинскаго суда и жесточайшаго по законамъ штрафа».

Разосланный по уѣздамъ картофель былъ распредѣляемъ между всѣми населенными мѣстностями соразмѣрно числу жителей въ нихъ, въ количествѣ, среднимъ числомъ, по одному фунту на сто ревизскихъ душъ; мѣстности же съ населеніемъ менѣе 100 душъ получили по $\frac{1}{2}$ и даже по $\frac{1}{4}$ фунта. Провинціальнымъ и воеводскимъ канцеляріямъ было виѣнено въ обязанность строжайшее наблюденіе за посѣвомъ и воздѣлываніемъ картофеля, и даже сельскимъ сотскимъ было предписано доносить непосредственно отъ себя губернатору о ходѣ и успѣхѣ дѣла. Все это, однако, не обезпечивало удачи пред-

пріятія, которому мало сочувствовала масса населенія. Какъ ни хлопотали власти, а все же, по рапортамъ сотскихъ, результатъ былъ тотъ, что или «онихъ яблоковъ въ появѣ вовсе не было», или «по Божескому изволенію ни единого яблока урожаю не оказалось». Такъ, доносили губернатору: Двинскаго уѣзда Алексѣева стана сотскій Петръ Амосовъ (отъ 12-го декабря 1766 года)—что «онихъ яблоковъ не токмо произращенія и приплоду, но и того, что было посажено въ землѣ, не обыскалось»; того же уѣзда Куроостровской волости сотскій Семень Зеленковъ (отъ 4-го августа 1766 года)—что «изъ посаженныхъ восьми фунтовъ земляныхъ яблоковъ, по волѣ всемогущаго Бога, ни одинъ не родился»; того же уѣзда Николаевской Матигорской волости сотскій Иванъ Окуловъ (отъ 3-го августа 1766 года),—что «изъ посаженныхъ пяти фунтовъ токмо отъ плоду въ появѣ было отъ трехъ яблоковъ поверхъ земли появилась трава вверхъ верхка четыре, а прошедшаго іюля къ 29-му числу вноче и по утру отъ морозу оная трава вся повредилась и почернѣла, и свалилась на землю». Посланный же въ мезенскую воеводскую канцелярію картофель весь перемерзъ еще до посѣва его, за что воеводѣ съ товарищемъ губернской канцелярію предписанъ «крѣпкій выговоръ». Эти первые неудачные опыты, при суровости климата и неблагоприятной почвѣ земли, не безъ вліянія, конечно, и суевѣрнаго предразсудка, повидимому, не слишкомъ заохочивали жителей, такъ что, и по прошествіи трехъ лѣтъ, разведеніе картофеля подвинулось очень слабо, какъ это видно изъ слѣдующей официальной вѣдомости объ одномъ изъ южныхъ уѣздовъ губерніи, Важскомъ (нынѣ Шенкурскій).

Вѣдомость, учиненная въ Важской воеводской канцеляріи за 1769 г. о посѣвѣ и урожаѣ земляныхъ яблоковъ.

	Въ посѣвѣ.		Въ урожаѣ.	
	Пуд.	фунт.	Пуд.	фунт.
Въ городѣ Вагѣ, Шенкурскѣ тожъ:				
На огородничныхъ земляхъ отъ канцеляріи.	1	19	4	20
При партикулярныхъ домахъ:				
У секретаря Левачева.	—	6	—	3
Съ приписью у Федора Рѣзакова	—	8	—	10
У подканцеляриста Якова Пищалева.	—	1/2	—	3/4
— кописта Ивана Важнова	—	3	—	3 1/4
— кописта Ивана Кочина.	—	1/2	погнили въ землѣ.	
Здѣшной канцеляріи у вольнаго писца Матвѣя Зелкова.	—	4	—	11
Въ посадахъ:				
Въ Шенкурскомъ.	—	6	—	10
— Верховажскомъ	—	13	—	13 1/2
— Вельскомъ	—	25	—	19 1/2

Въ Важскомъ уѣздѣ, въ дворцо-выхъ волостяхъ Шенкурской половинн:		пуд.	фунт.	пуд.	фунт.
Въ Шенкурскомъ стану	—	2 ¹ / ₄	—	6 ¹ / ₄	
— Ровдинскомъ	—	3	—	4	
— Лецкомъ	—	1 ³ / ₄	—	9	
— верхней и средней третяхъ	—	32	1	37 ¹ / ₄	
— нижней	—	2 ³ / ₄	—	4	
Верховажской половинн:					
Въ Верховажскомъ и Шелюцкомъ станахъ.	—	37 ¹ / ₄	1	24	
— Тавренскомъ	1	19 ¹ / ₄	5	17 ¹ / ₄	
— Слободкомъ и Вельскомъ	2	36 ³ / ₄	4	2 ³ / ₄	
— Кулуйскомъ	1	10 ¹ / ₄	1	23 ³ / ₄	
— Спаскомъ	—	4 ¹ / ₂	—	7 ¹ / ₂	
— Ромашенскомъ	—	15 ¹ / ₂	—	29	
Въ экономическихъ волостяхъ:					
Въ Уздренской	—	1 ¹ / ₂	—	1 ¹ / ₂	
— Моркушевской.	}	1 ¹ / ₄	—	2 ¹ / ₂	
— Печенской.					
— Дружининѣ.					

Еще хуже пошло дѣло въ послѣдующіе годы, такъ что когда прошло сорокъ лѣтъ со времени появленія картофеля въ Архангельской губерніи, то новый овощъ не только не прививался, но едва ли и вовсе не былъ забытъ. Со стороны мѣстной администраціи никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ не предпринималось, а у крестьянъ не было семянъ на посѣвъ, и притомъ, не умѣя взяться за дѣло, они не вѣрили въ успѣхъ его. Наконецъ, въ 1806 году, гражданскій губернаторъ, баронъ Ашъ, строго предписалъ земскимъ исправникамъ: «внушать благоразумнымъ совѣтомъ крестьянамъ распространить и умножить до возможной степени посѣвъ картофеля», и представлять донесенія о количествѣ его посѣва и урожая. Изъ первыхъ же полученныхъ свѣдѣній оказалось, что распространеніе новаго овоща скорѣе приостанавливалось, нежели увеличивалось. Такъ, шенкурскій исправникъ донесъ губернатору (отъ 4-го сентября 1806 года), что «сколько я ни старался экономическихъ и чернососныхъ селеній крестьянъ склонять къ разведенію картофеля, но успѣть въ томъ не могъ по причинѣ, что крестьяне таковыхъ семянъ достать не могли». Во всемъ Онежскомъ уѣздѣ было посѣяно въ 1806 году картофеля, «за неимѣніемъ на розсѣвъ, а достать было не возможно», только 1 четверть, 5 четвериковъ, 1¹/₂ гарнца (снято 10 четвертей, 7 четвериковъ, 6 гарнцевъ). Въ Пинежскомъ уѣздѣ «крестьяне, бывъ въ началѣ только 1806 года внушены о пользѣ картофеля, не успѣли, по неудобности времени, получить достаточно картофельныхъ семянъ, и потому, мало ихъ посѣявъ, по

урожаю собрали ихъ не болѣе 20 четвертей». Въ Мезенскомъ уѣздѣ было посѣяно картофеля въ 1806 году 2 четверика, а снято около 2 четвертей, «и сіе послѣдовало отъ недостатка семянъ, а сверхъ того и отъ непривычки поселянъ къ произвожденію обстоятельно сего продукта». Въ Холмогорскомъ уѣздѣ изъявили въ 1806 году желаніе сѣять картофель 365 поселянъ; посажено ими 35 четвертей 2 четверика; снято 75 четвертей 7 четвериковъ, изъ которыхъ употреблено въ пищу только 8 четвертей 5 четвериковъ, а прочее оставлено на посѣвъ будущаго года. Въ Комскомъ уѣздѣ въ 1806 году посѣяно 7 четвериковъ; снято 3 четверти, 9 четвериковъ, изъ которыхъ употреблено въ пищу 2 четверти, 5 четвериковъ.

Такой неуспѣшный ходъ картофельнаго дѣла обратилъ наконецъ вниманіе министерства, и министръ внутреннихъ дѣлъ, Ководавлевъ, предложилъ архангельскому гражданскому губернатору Перфильеву вновь обнародовать въ Архангельской губерніи публикованное правительственнымъ сенатомъ въ 1765 году наставленіе о разведеніи картофеля. Но и отъ этого дѣло не поправилось: въ ближайшемъ, напримѣръ, къ Архангельску Холмогорскомъ уѣздѣ занимались въ 1809 году разведеніемъ картофеля, вмѣсто прежнихъ 365 поселянъ, только 14, и картофеля посѣяно 11 четвертей, а снято 37; въ Онежскомъ же уѣздѣ, хотя въ 1809 году и снято изъ 9-ти посѣянныхъ четвертей слишкомъ 53, но въ слѣдующемъ 1810 году отъ посѣянаго картофеля «урожаю оной, по состоянію въ теченіи года по лѣту холоднаго времени, нисколько не было».

Нельзя было, конечно, и ожидать успѣха въ дѣлѣ, по введеніи котораго почти ничего, въ продолженіе слишкомъ сорока пяти лѣтъ, не предпринималось къ устраненію препятствовавшихъ ему обстоятельствъ: недостатка картофеля на семена, практическаго знанія приемовъ ухода за нимъ, и, наконецъ, все еще продолжавшагося предубѣжденія противъ этого овоща. На это именно и обратилъ вниманіе смѣнившій въ 1811 году адмирала фонъ-Девена архангельскій военный губернаторъ, адмиралъ Спиридовъ. Въ представленіи своемъ (отъ 28 сентября того же года) къ министру полиціи, генералъ-адъютанту Балашову¹⁾, онъ признавалъ необходимымъ раздать по волостямъ достаточное количество картофеля на посѣвъ, полагая примѣрно по 1,500 четвериковъ на уѣздъ,—и при этомъ прибавилъ: «но какъ крестьяне здѣшной губерніи, не привыкшіе къ посаженію

¹⁾ Хозяйственный департаментъ входилъ тогда въ составъ министерства полиціи, а въ 1812 году отомелъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, подъ названіемъ департамента государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій.

картофеля, и имѣя отвращеніе ко всякому новому заведенію, хотя оно для нихъ впредь будетъ полезно, стануть вынѣ отрекаться какъ отъ покупки картофеля, такъ и за неумѣніемъ какъ его садить, и что для покупки и разведенія картофеля нужно будетъ сдѣлать имъ принужденіе, то въ семь случаевъ я представляю къ вашему высокопревосходительству на благоусмотрѣніе и разрѣшеніе отъ его императорскаго величества, дабы сіе заведеніе не сочтено было съ моей стороны крестьянамъ притѣсненіемъ».

Это новое предположеніе было тогда же одобрено императоромъ Александромъ I, и затѣмъ, по соглашеніи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ Балашовъ препроводилъ (1-го декабря 1811 года) на заключеніе адмирала Спиридова предъявленную тремя жительствовавшими въ окрестностяхъ Петербурга нѣмецкими колонистами условія, на которыхъ соглашались они отправиться въ Архангельскую губернію, для разведенія картофеля и обученія тому мѣстныхъ жителей. Условія колонистовъ (они были: Тобіасъ Шеферъ изъ Новосаратовской колоніи и Михель Бендеръ и Христофъ Флейшманъ изъ Изорской) состояли въ слѣдующемъ: проѣздъ изъ Петербурга въ Архангельскъ и обратно на казенный счетъ, казенная квартира съ отопленіемъ и освѣщеніемъ и на счетъ казны для каждаго: телѣга, сани и необходимыя, по указанію ихъ, пахотныя и земледѣльческія орудія; а жалованья: первому 500 рублей въ годъ и одновременно 150 рублей на зимнюю одежду, а двумъ другимъ по 1,000 рублей въ годъ.

Адмиралъ Спиридовъ сообщилъ министру полиціи, что онъ, по совмѣстномъ съ гражданскимъ губернаторомъ и вице-губернаторомъ разсужденіи, считаетъ присылку колонистовъ необходимою, но съ тѣмъ вмѣстѣ ходатайствовалъ о разрѣшеніи учредить во всей губерніи, на покрытіе надержекъ по этому предмету, сборъ по 8 копѣекъ съ каждой крестьянской души мужскаго пола въ продолженіе трехъ лѣтъ. Однако императоръ на этотъ налогъ не согласился, повелѣвъ (5-го февраля 1812 года) «предположеніе о разведеніи картофеля привести въ исполненіе, съ выдачею потребной суммы отъ казны, если на сей случай пожертвованій добровольныхъ не будетъ».

Официальнаго распоряженія о сборѣ добровольныхъ пожертвованій военный губернаторъ не дѣлалъ, а принялъ на себя починъ этого дѣла архангельскій губернский прокуроръ, статскій совѣтникъ Максимовъ, представившій, 23-го марта 1812 года, адмиралу Спиридову слѣдующее письмо, съ приложеніемъ воззванія къ благотворителямъ и собранной по подпискѣ суммы 1,150 рублей.

«Алексѣй Григорьевичъ. Въ чувствахъ душевной благодарности

къ тому попеченію, которымъ ваше высокопревосходительство усердствуете облегчить нужды бѣдными людьми терпимыя,—я, будучи довольно давнымъ жителемъ здѣшней губерніи, и зная, что неурожай хлѣба во многихъ селеніяхъ замѣненъ быть можетъ картофелемъ, къ разведенію которой ваше высокопревосходительство изволили обратиться начальственное свое попеченіе,—искреннимъ удовольствіемъ себѣ поставилъ въ благодѣтельномъ дѣлѣ семъ поусердствовать малымъ моимъ содѣйствіемъ. Написавъ бумагу и, по мѣрѣ возможности, приложивъ денежное пожертвованіе, къ которому присоединя усердіе другихъ, составилось теперь на первый случай тысячу сто пятьдесятъ рублей».

«Оные деньги и самую ту бумагу поднося при семъ въ благотворительное ваше распоряженіе, съ истиннымъ моимъ высокопочтительнымъ и совершенною преданностью пребыть честь имѣю навсегда, и проч. Иванъ Максимовъ».

«23-го марта 1812 г.».

«Чувствительнымъ сердцамъ, къ благотворенію расположеннымъ, представляется слѣдующее:

«Кому изъ насъ, милостивые государи, неизвѣстно то бѣдное, горестное состояніе, въ которомъ находятся добрые поселяне, въ безплодномъ краѣ живущіе и, по неурожаю черезъ нѣсколько сряду годовъ хлѣба, принуждены терпѣть несносный голодь. А голодь, о Боже! до чего онъ доводитъ! Многія семейства, желая поддержать жалкую жизнь свою, принуждены употреблять въ пищу древесную кору, листья и солому. Извѣстно, что слѣдствіемъ сей пищи есть крайняя слабость и опухоль, преждевременно жизнь сокращающія».

«Кого изъ людей, достойныхъ своего имени, не тронетъ толь горестное положеніе, въ которомъ подобные ему страдаютъ. Вѣрно каждый изъ насъ, по святой вѣрѣ и натуральнымъ чувствованіямъ челоуѣка, имѣетъ къ нимъ сожалѣніе. Но что въ одномъ нашемъ сожалѣніи, ежели не употребимъ дѣйствительныхъ средствъ, необходимо нужныхъ на помощь бѣднымъ нашимъ собратіямъ, подъягостію голода истаявающимъ?»

«Смотря душевными глазами въ толь жалкое положеніе многихъ семействъ, должны мы, въ честь христіанскаго нашего имени, восхититься тѣмъ священнымъ удовольствіемъ, которое къ вѣрному нашему же благополучію состоитъ въ томъ, чтобы благотворить ближнему и во время горестной нужды усердно отирать слезы рукою милосердія».

«И такъ, въ чувствахъ священной сеи обязанности, мы, любезные сограждане, порекуемъ попеченіямъ правительства, объ отвращеніи

нужды пекушагося. Оно обѣщаетъ доставить сюда знающихъ колонистовъ для надежнаго изученія разводить картофель».

«Пренаянное желаніе! чтобы тамъ, гдѣ суровость климата и неудобство земли отказываетъ въ урожаѣ хлѣба, наградить питательнѣйшимъ растѣніемъ, польза котораго во всѣхъ прочихъ мѣстахъ извѣстна».

«Колонисты всѣмъ бѣднымъ нашимъ поселянамъ покажутъ вѣрный способъ: какъ съ картофелью обращаться, на какую землю садить и проч. Поселяне, въ первый разъ увидя отъ того желаемые плоды, введутъ въ обычайное употребленіе и, при недостаткѣ, безъ нужды питаться онымъ будутъ, не бродя по міру и не умножая число нищихъ, которыхъ безъ сожалѣнія встрѣчать и оставлять мы не можемъ. А посему весьма нужно и пріятно уменьшить нищету симъ спасительнымъ средствомъ пропитанія».

«Почтенные господа! Богъ благословилъ насъ всѣмъ, и попеченія нашего монарха умножаютъ способы къ увеличенію нашего благосостоянія, среди котораго не поскупимся мы отъ избытковъ своихъ удѣлить для помощи бѣднымъ крестьянскимъ селеніямъ на покупку имъ, подъ распоряженіемъ благодѣтельнаго нашего начальника, необходимо нужныхъ картофельныхъ семянъ, также на содержаніе обѣщанныхъ колонистовъ, покуда наши добрые бѣдные поселяне къ собственной и общей нашей пользѣ научатся разводить оный сами».

«Сумма на сіе благодѣтельное дѣло, нужная въ добромъ человѣческомъ расположеніи, вѣрно ни для кого не покажется чувствительною, но польза, коей мы сами и потомство наше будутъ свидѣтелями, отъ усерднаго нашего приношенія не на суетность, а въ даръ человечеству, вѣрно наградитъ насъ благополучнѣйшимъ удовольствіемъ. Тысячи вдовъ и сиротъ проліютъ за васъ, яко человеколюбивыхъ гражданъ, благодарныя молитвы къ милосердному Творцу, который и благопоспѣшитъ во всѣхъ вашихъ намѣреніяхъ и предпріятіяхъ».

«Къ сему и пріятнѣйшему событію представляется и настоящій случай. Любезные друзья! Да не поскупимся удовлетворить онаго въ честь добраго нашего имени, которымъ собственно для насъ и для дѣтей нашихъ хвалиться намъ должно и полезно».

Въ концѣ этого воззванія сдѣланы слѣдующія собственноручныя подписки жертвователей:

«И. М.—въ къ произвожденію помощи бѣднымъ нужной усердствую и при семъ прилагаю сто рублей. Да благословитъ Богъ сильное сіе приношеніе умножить общимъ усерднымъ вспоможеніемъ».

«Генералъ-маіоръ баронъ Герздорфъ сто рублей. Василій Поповъ триста рублей. Стефанъ Митрополовъ сто рублей. Афанасій Амосовъ

сто рублей. Афанасій Машковцовъ сто рублей. Карлъ Амбургеръ сто рублей. Вильгельмъ Брантъ сто рублей. Федотъ Фигуринъ сто пятидесяти рублей».

Между тѣмъ, однако, надежды на колонистовъ не осуществились. Они отказались отъ своихъ первыхъ условій и предъявили новыя, болѣе выгодныя для нихъ, которыя министръ внутреннихъ дѣлъ не только призналъ неумѣранными, но даже полагалъ, «что люди сіи едва ли могутъ доставить ожидаемую пользу, ибо успѣхъ всякаго новаго введенія между поселянъ весьма много зависитъ отъ надлежащаго внушенія выгодъ онаго, и наставленія вразумительнаго для нихъ, чего нельзя ожидать отъ иностранцовъ, противу которыхъ, можетъ быть, поселяне въ отдаленномъ отъ столицы краѣ особенное предубѣжденіе имѣть будутъ». Поэтому, для обученія разведенію картофеля въ Архангельской губерніи, былъ командированъ, съ высочайшаго разрѣшенія, въ мартѣ 1812 года, надворный совѣтникъ Козловъ, учившійся земледѣлію въ Англіи, а потомъ состоявшій адъюнктомъ земледѣлія, помощникомъ директора экономіи и преподавателемъ практическаго сельскаго хозяйства въ школахъ земледѣлія. Жалованья ему было положено 1000 рублей, на развѣзды и содержаніе рабочихъ 2000 рублей въ годъ¹⁾, и, сверхъ того, 500 рублей одновременно на покупку и доставленіе въ Архангельскъ семеннаго картофеля²⁾. Въ данной ему отъ министерства инструкціи было, между прочимъ, сказано: «во всѣхъ распоряженіяхъ по должности вашей надлежитъ вамъ какъ можно избѣгать дѣлать поселянамъ какое либо принужденіе и не употреблять ничего, что бы могло ихъ отвратить отъ сего полезнаго для нихъ предпріятія,—но однимъ убѣжденіемъ, примѣрами и ласковостью внушать поселянамъ, сколь разведеніе картофеля можетъ быть для нихъ важно, дабы они сами, сознавъ пользу сего овоща, съ усердіемъ и охотою приступали къ сей новой для нихъ отрасли хозяйства».

¹⁾ Козловъ привезъ съ собою двухъ огородниковъ, крестьянъ Ростовскаго уѣзда Ярославской губерніи: Никифора Алексѣева и Петра Федорова, условившись по контракту платить имъ жалованья съ 20-го марта по 1-е октября того же года—первому 450, а второму 350 рублей. Но имъ архангельская сторона не полюбилась даже и при такой высокой платѣ: когда кончился срокъ ихъ контракта, и преемникъ Козлова, Селезневъ, уговаривалъ ихъ остаться въ Архангельскѣ, они отвѣчали: «разсчитайте насъ только достальными деньгами, а мы здѣсь и минуты не останемся».

²⁾ По высочайшему повелѣнію, опытъ разведенія на счетъ казны картофеля въ Архангельской губерніи учрежденъ на три года: 1812, 1813 и 1814, съ отпускомъ изъ суммъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ первый годъ 3500, а въ остальные два года по 3000 рублей.

И на этотъ разъ картофельное дѣло встрѣтило неожиданное препятствіе, такъ какъ Козловъ, заболѣвши на пути къ Архангельску, умеръ вскорѣ по прибытіи въ этотъ городъ (28-го апрѣля 1812 года). На его мѣсто былъ присланъ изъ Петербурга, въ іюлѣ того же года, городской секретарь Селезневъ, поступившій въ распоряженіе учрежденнаго тогда комитета о продовольствіи жителей Архангельской губерніи; но онъ не могъ уже въ томъ году приступить къ посадкѣ картофеля, и только успѣлъ объѣхать до наступленія зимы три уѣзда: Холмогорскій, Пинежскій и Мезенскій, для осмотра и отвода удобныхъ подъ картофель земель. Затѣмъ необходимо было запастись къ веснѣ 1813 года семенной картофелю для трехъ упомянутыхъ уѣздовъ, такъ какъ, отъ выпавшаго внезапно, 8-го сентября 1812 года, большаго снѣга и наступившихъ вскорѣ сильныхъ морозовъ, весь небольшой урожай картофеля въ Архангельской губерніи былъ истребленъ, и только на казенномъ огородѣ въ городѣ Архангельскѣ было собрано 10 четвертей, да и тотъ оказался нѣсколько промерзлымъ, и потому разрѣшено продать его въ пищу (въ то время, въ видахъ сбереженія семянъ, строго запрещалось употреблять въ пищу здоровый картофель). Поэтому, въ январѣ 1813 года, продовольственный комитетъ командировалъ Селезнева въ Вологду, для покупки 25-ти четвертей картофеля на посѣвъ; но тамъ успѣлъ онъ достать только 7 четвертей, остальное же количество съ большимъ трудомъ приобрѣлъ въ уѣздахъ Грязовецкомъ, Череповскомъ и Ростовскомъ, заплативъ по 5-ти рублей за четверть, да за доставку водою до Усть-Пинеги (25-ти четвертей, 5-ти четвериковъ) 100 рублей.

При первомъ же объѣздѣ Селезевымъ трехъ уѣздовъ Архангельской губерніи было предписано всѣмъ мѣстнымъ начальствамъ оказывать ему всякое содѣйствіе, давать рабочихъ, распорядиться вспаханіемъ указанныхъ подъ посѣвъ картофеля земель и т. п., и хотя со стороны сельскихъ жителей нигдѣ не встрѣчено противудѣйствія этому распоряженію, но въ двухъ городахъ, Холмогорахъ и Пинегѣ, была попытка воспротивиться непрощенному нововведенію. Въ Холмогорахъ градская общая дума передала предъявленное ей городничимъ требованіе на обсужденіе гражданъ, которые: «не почитая заведенія сего полезнымъ и яко вовсе ненужное, не согласились оное исполнить», вслѣдствіе чего дума писала въ комитетъ о продовольствіи жителей Архангельской губерніи, «что разведенія въ здѣшнемъ городѣ Холмогорахъ картофеля граждане не могутъ почитать для себя необходимымъ, а потому представляетъ на разсмотрѣніе: не благоудно-ли будетъ разведеніе здѣсь картофельнаго растенія приказать оставить, такъ какъ общество отъ того не предвидитъ для

себя пользы, кромѣ единственно отягощенія». Въ городѣ же Пинегѣ дума отказалась исполнить требованіе начальства о принятіи на сохраненіе до весны собраннаго осенью картофеля. Въ обоихъ случаяхъ, однако, дѣло было улажено разьясненіемъ неумѣстности противудѣйствовать мѣрѣ, вводимой по высочайшему повелѣнію.

Селезневъ пробылъ въ Архангельскѣ до начала 1815 года, «велъ себя при занятіи по сему порученію», какъ значилось въ выданномъ ему аттестатѣ, «добропорядочно и какъ долгъ благороднаго человека требовалъ», и, въ продолженіе двухъ лѣтъ, развелъ въ губерніи 34 четверти картофеля ¹⁾, которыя обошлись казнѣ тысячъ въ восемь съ половиною рублей; вся же вообще картофельная операція, въ продолженіе трехъ лѣтъ—въ 9,500 рублей. Между тѣмъ, съ наступленіемъ 1815 года, окончился трехгодичный срокъ участія казны въ этомъ дѣлѣ, и такъ какъ на запросъ генерала отъ артиллеріи, графа Аракчеева: до какой степени доведено въ Архангельской губерніи разведеніе картофеля, военный губернаторъ (контръ-адмиралъ Клокачовъ) отозвался, что «опытъ двухъ годовъ занятій чиновника Селезнева ничего не произвелъ», а въ то же время и министръ внутреннихъ дѣлъ потребовалъ отъ военнаго губернатора заключенія о дальнѣйшихъ мѣрахъ по этому дѣлу (по дошедшему до министерства свѣдѣнію, «что въ Архангельской губерніи носится мнѣніе, якобы въ предпріятіи къ разведенію тамъ картофеля, по суровости климата, не предвидится никакого успѣха»),—то было рѣшено не держать болѣе чиновника для наставленія жителей въ разведеніи картофеля, а предоставить наблюденіе за этимъ продовольственному комитету.

Въ распоряженіе продовольственнаго комитета были предоставлены пожертвованные въ 1812 году старшіемъ прокурора Максимова 1,150 рублей, съ которыми удалось комитету подвинуть дѣло настолько, что въ 1824 году было посажено уже 382 четверти картофеля, а снято 1,154 ²⁾, и такимъ образомъ губернія была, по крайней мѣрѣ, обеспечена собственными семенами этого овоща. Но такъ какъ въ сущности успѣхъ былъ далеко еще не удовлетворительный, потому что картофель разводился только въ части уѣздовъ Архангельскаго, Холмогорскаго, Онежскаго и Шенкурскаго, а въ уѣздахъ

¹⁾ Въ 1813 году посажено 28 четвертей, снято 77; въ 1814 году посажено 52 четверти, снято 34.

²⁾ Въ продолженіе девяти предшествовавшихъ лѣтъ комитетскаго управленія было снято картофеля: въ 1815 году 73 четверти, въ 1816—152, въ 1817—264, въ 1818—136, въ 1819—325, въ 1820—338, въ 1821—419, въ 1822—835, въ 1823—599 четвертей.

Пинежскомъ, Мезенскомъ, Кемскомъ и Кольскомъ его вовсе не воздѣлывали,—то въ томъ же 1824 году комитетъ распорядился черезъ городничихъ и исправниковъ, чтобы въ городахъ и селеніяхъ непремѣнно каждый домохозяинъ сѣялъ у себя картофель, а у кого не было, обращался бы за нимъ въ комитетъ, и чтобы выдаваемый на семена картофель отнюдь не былъ употребляемъ въ пищу ¹⁾. Мѣра эта была дѣятельно поддерживаема и въ послѣдующіе годы, и комитетъ, несмотря на дороговизну еще въ то время картофеля ²⁾, не скупился даровою раздачею его на посѣвъ. Независимо отъ этого, изыскивая средства къ восполненію постоянного недостатка хлѣба у крестьянъ, комитетъ обратилъ вниманіе на разведеніе мало еще въ то время извѣстныхъ въ Архангельской губерніи: капусты, моркови, свеклы, луку и чесноку, и, закупивъ въ Ригѣ семянъ этихъ овощей, роздалъ ихъ безденежно во всѣ волости, вмѣстѣ съ печатными наставленіями не только объ уходѣ за ними, но и о врачебныхъ свойствахъ ихъ. Къ чести крестьянъ Архангельской губерніи надо сказать, что во всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ продовольственнаго комитета, не лишенныхъ отчасти и принудительнаго характера, никогда не было со стороны ихъ выказываемо того невѣжественнаго противудѣйствія, какое даже гораздо позже встрѣчалось между жителями другихъ губерній, и, по необходимости, вызвало крутыя мѣры со стороны правительства ³⁾. Только одинъ уѣздъ въ губерніи, Пинежскій, оказался въ этомъ случаѣ болѣе отстающимъ, вслѣдствіе чего продовольственный комитетъ признавалъ необходимымъ учредить тамъ въ 1826 году особаго наставника, въ лицѣ «знающаго сельское хо-

¹⁾ Городничій города Пинеги выказалъ въ этомъ случаѣ даже особенное усердіе, отобравъ отъ гражданъ подписку въ исполненіи распоряженія начальства: «1825 года мая 10-го дня, мы нижеподписавшіеся, жители города Пинеги, обязаны сею подпискою въ томъ, что розданную намъ картофель три четверти для саженія въ огороды, а отнюдь ее не сѣяли и нѣкуда въ другія мѣста не утратили, въ чемъ и подписуемся».

²⁾ Распорядившійся покупкою и разсылкою по уѣздамъ картофеля—членъ продовольственнаго комитета, губернский прокуроръ Забѣлинъ, платилъ крестьянамъ Архангельскаго и Онежскаго уѣздовъ за четверть: въ 1825 году по 8 рублей, а въ 1826—по 6 руб. 40 коп.

³⁾ Въ 1841 году, по всеподданнѣйшему докладу государю императору объ ослушаніи, оказанномъ нѣкоторыми казенными крестьянами, по случаю посѣва картофеля, его величество высочайше повелѣть соизволилъ: виновныхъ въ ослушаніи, годныхъ отдавать въ рекруты, а неспособныхъ отправить на опредѣленное время въ крѣпостную работу въ Бобруйскъ, распространявъ сіе и на другія мѣста, гдѣ только могло бы возникнуть подобное ослушаніе. (Циркулярное предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ, графа Строганова, губернаторамъ отъ 25-го августа 1841 года, № 2700).

А. П.

зайство» отставнаго поручика Коха ¹⁾, съ платою ему 150 рублей за лѣто.

И на этотъ разъ старанія комитета имѣли хорошій успѣхъ, такъ какъ производительность картофеля сразу удвоилась: въ 1825 году снято его 2,229 четвертей, а въ 1826—4,356. Но комитетъ не увлеклся такимъ первымъ результатомъ, зная на дѣлѣ, что крестьяне далеко еще не освоились съ новымъ овощемъ, не приобрѣли еще повсемѣстно опыта въ водѣлываніи его, а главное, что, въ случаѣ столь частыхъ въ Архангельской губерніи климатическихъ невзгодъ, могли и вовсе отъ него отвратиться. Поэтому и имѣя въ виду, что отъ пожертвованныхъ въ 1812 году денегъ оставалось уже немного, продовольственный комитетъ просилъ, въ 1827 году, у архангельскаго генераль-губернатора, генераль-маіора Миницкаго, разрѣшенія на отчисленіе въ продолженіе десяти лѣтъ по 1,500 рублей изъ 3,000 рублей, ассигновавшихся ежегодно на канцелярію комитета и починку хлѣбныхъ магазиновъ (такъ какъ сумма эта не расходовалась и въ половинѣ), съ тѣмъ, чтобы изъ этихъ денегъ 300 рублей платять опытному въ хозяйствѣ лицу за общее наблюденіе по огородничеству въ губерніи, 300 рублей въ годъ обращать на покупку картофеля и другихъ огородныхъ семянъ и на развозку ихъ по уѣздамъ для раздачи бѣднымъ крестьянамъ, а остальные 900 рублей откладывать для образованія, вмѣстѣ съ процентами, постоянного капитала на поддержку огородничества въ губерніи. Но генераль-губернаторъ отозвался на это, «что какъ на разведеніе картофеля и прежде казна пожертвовала не малыми суммами, и какъ предполагать надлежитъ, что жители удостовѣрены уже въ пользѣ разведенія картофеля, то потребно только, чтобы городничіе, городскіе головы, земскіе

¹⁾ Этотъ Ко хъ обратилъ, между прочимъ, вниманіе на крайнюю бѣдность между крестьянами Пинежскаго уѣзда, въ отвращеніе чего указывалъ на возможность разводить тамъ ленъ и пеньку, устроить смолокуреніе, выдѣлку поташа и даже солевареніе (въ Сульской волости, гдѣ, по его донесенію, былъ въ то время соляной ключъ); но, повидимому, встрѣтилъ противника въ лицѣ мѣстнаго исправника Болотниова, который, опровергая проекты Коха, писалъ въ продовольственный комитетъ: «а по моему замѣчанію способъ къ исправленію крестьянъ есть единственный, который въ скоромъ времени можетъ исправить ихнее состояніе—отыскать средство къ воздержанію ихъ отъ пьянства, ибо извѣстно, что крестьянинъ чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ болѣе предасть въ пьянству, а потому заключаю, что ежели крестьянинъ имѣеть способъ достать деньги на вино, то на государственныя подати и на хлѣбъ себѣ болѣе имѣть будетъ способу» (Рапортъ пинежскаго исправника въ продовольственный комитетъ отъ 21-го декабря 1826 года, № 28).

исправники и засѣдатели не ослабѣвали въ исполненіи прежде данныхъ имъ по сей части предписаній, и нѣтъ прямой надобности подвергать на сей предметъ казну издержкамъ совершенно напраснымъ. Относительно же наблюденія за успѣхами огородничества, генераль-губернаторъ замѣтилъ, «что ежели комитетъ увѣренъ въ истинной пользѣ мѣнія поручика Коха, то можетъ отнестись въ губернское правленіе объ опредѣленіи его, Коха, засѣдателемъ въ пинежскій земскій судъ, при каковой должности находясь, можетъ онъ служить крестьянамъ и совѣтомъ своимъ на счетъ разведенія картофеля и другихъ растений, свойственныхъ тамошнему климату».

Съ той поры въ продолженіе 15-ти лѣтъ картофельная производительность въ Архангельской губерніи находилась въ совершенномъ застоѣ, такъ что общее количество посѣва этого овоща не превосходило пяти тысячъ съ небольшимъ четвертей. Въ частности же по уѣздамъ дѣло даже ухудшилось, потому что дѣйствительное разведеніе картофеля продолжалось только въ двухъ уѣздахъ, Архангельскомъ и Онежскомъ, въ прочихъ же почти прекратилось, и, наконецъ, дошло до того, что въ 1836 году въ самомъ южномъ уѣздѣ губерніи, Шенкурскомъ, было собрано картофеля только 10 четвертей. По этому поводу возникъ съ того же года и продолжался болѣе двухъ лѣтъ длинный рядъ настояній со стороны архангельскаго генераль-губернатора, вице-адмирала Сулимы, и оборонительной канцелярской отписки со стороны продовольственнаго комитета. Были пущены въ ходъ и остальные деньги, до 400 рублей, изъ пожертвованій 1812 года, но дѣло, какъ говорится, не спорилось; деньги были израсходованы безъ пользы, такъ какъ семенной картофель доставлялся на мѣста или несвоевременно, или проросшимъ, и, въ концѣ концовъ, продовольственный комитетъ, видимо уже тяготившійся этимъ дѣломъ, отдѣлался отъ него передачей всѣхъ заботъ по части картофеля ново-учрежденной палатѣ государ. имуществъ.

Новое министерство имѣло въ своемъ распоряженіи значительныя средства, и дѣло разведенія картофеля было едвали не изъ первыхъ, на которое обратило оно самое энергическое вниманіе, тѣмъ болѣе въ Архангельской губерніи, населенной, за исключеніемъ части Шенкурскаго уѣзда, исключительно государственными крестьянами. Не только былъ раздаваемъ крестьянамъ безденежно, или за весьма дешевую цѣну, картофель на посѣвъ, но за успѣшное разведеніе его въ мѣстахъ, гдѣ до того не воздѣлывался, жаловались денежныя награды отъ 10-ти до 100 рублей (изъ ассигнованной въ распоряженіе министерства, въ 1840 году, на три года суммы по 25,000 рублей

въ годъ), а также почетные похвальные листы и медали ¹⁾. При такихъ мѣрахъ успѣхъ былъ совершенный и, при климатическихъ условіяхъ Архангельской губерніи, даже необыкновенно быстрый. Уже въ 1842 году было снято изъ посаженныхъ 6,612 четвертей картофеля 25,089 четвертей, то есть почти достигнута норма нынѣшней, въ средней сложности, производительности. Тридцатилѣтній опытъ съ тѣхъ поръ показываетъ, что количество посѣва и урожая картофеля и всякой другой искусственной растительности въ Архангельской губерніи зависитъ безусловно, во-первыхъ, отъ свойственныхъ тамошнему климату неожиданно-рѣзкихъ переиѣнъ въ воздухѣ, а во-вторыхъ, отъ повторяющихся тамъ періодическихъ неурожаевъ. Слѣдствіемъ этого, цифра годоваго посѣва картофеля колеблется между 6,000 и даже до 11,000 четвертей, а урожая—между 25,000 и 40,000 четвертей, и весьма рѣдко нѣсколько болѣе. Такъ, напримѣръ, въ продолженіе тридцати послѣднихъ лѣтъ, количество посѣва было: въ 1858 и 1859 годахъ отъ 6 до 7 тысячъ четвертей, затѣмъ въ большинствѣ годовъ отъ 7 до 8 тысячъ, въ одномъ году (1855) до 10,000 и въ двухъ (1850 и 1871) до 11,000; урожая же: въ 1858—съ небольшимъ 25,000 четвертей, въ большинствѣ годовъ съ небольшимъ 30,000, въ продолженіе трехъ лѣтъ—слишкомъ по 40,000, и только въ одномъ году (1850) слишкомъ 58,000.

Архангельскъ.

Состав. п сообщ. въ 1874 г. А. С. Подвысоцкій.

¹⁾ Первая награда въ Архангельской губерніи—деньги 14 рублей 85 коп. и похвальный листъ—была выдана въ 1843 году, Кемскаго уѣзда, Потоской волости, деревни Подужемской, крестьянину Ивану Семенову, за посадку шести четвертвовъ картофеля въ мѣстности, гдѣ ее дотолѣ не сажали (какъ видно изъ дѣлъ, по тайнымъ просякамъ раскольниковъ). Согласно предписанію палаты государственныхъ имуществъ, выдача этой награды была произведена съ возможною торжественностью лично окружнымъ начальникомъ, при собраніи общества и всего сельскаго начальства, причемъ окружный начальникъ объявилъ и поцѣловалъ Семенова.

А. П.

ПОПЫТКА ОСВѢЩЕНІЯ УЛИЦЪ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКѢ

въ 1767—1768 гг.

Лѣтъ сто тому назадъ, благодумствуя подъ сѣнію добрыхъ старыхъ порядковъ городского хованства, граждане Архангельска еще не были изнуряемы прихотливыми затѣями такъ называемаго общественнаго благоустройства, не соблазнались раззорительною роскошью уличнаго освѣщенія и не считали особеннымъ неудобствомъ, даже и того, если, благодаря непроглядной темнотѣ осеннихъ ночей, ихъ грабили, а подъ часъ и рѣзали, среди города, лихіе, недобрые люди. Былъ, правда, какъ-то возбужденъ вопросъ о необходимости, хотя осенью, освѣщать фонарями улицы въ городѣ; но граждане не кинулись зря на нововведеніе, а обсудили «зрѣло» такое несмысленное нововведеніе, и порѣшили на томъ, что такъ какъ фонари должны быть освѣщаемы огнемъ, то городу предстоитъ большая опасность отъ зажигательства, нежели отъ грабительства, и, слѣдовательно, освѣщать улицъ не слѣдуетъ.

Дѣло началось съ того, что архангельскій губернскій прокуроръ Нарышкинъ, предложеніемъ 7-го сентября 1767 года, просилъ губернскую канцелярію согласить гражданъ Архангельска освѣщать улицы города фонарями, хотя бы лишь въ осеннее время, «такъ какъ ночи столь темны бываютъ, что человѣку человѣка видѣть не можно, и нерѣдко случаются по ночамъ не только воровства, но и смертоубійства, а въ недавнихъ годахъ въ такое осеннее время было и зажигательство».

Вотъ это-то «зажигательство» и стало «тормазомъ» всему дѣлу. Задумалась надъ нимъ прежде всего администрація, а затѣмъ всецѣло воспользовался магистратъ города Архангельска, лишь бы только отбиться отъ нововведенія.

Губернская канцелярія признала предложеніе прокурора «за резонное», но, имѣя въ виду, что наставленіемъ, даннымъ господамъ губернаторамъ въ 1764 году, «должность всѣ вредности искоренять и благосостояніе насаждать» возложена на нихъ, губернаторовъ,—сочла нужнымъ испросить по этому предмету резолюцію его превосходительства архангелогородскаго губернатора, генераль-маіора Головцина. Но губернаторъ, предложеніемъ 29-го ноября того же 1767 года, передалъ это дѣло обратно въ губернскую канцелярію и предложилъ ей: «освидѣтельствовать чрезъ кого пристойно, ежели такіе по улицамъ фонари съ огнемъ при обывательскихъ домахъ опредѣлено бу-

деть имѣть, то можно-ли къ недопущенію такихъ злодѣйствъ, отъ которыхъ бы не воспослѣдовали чрезъ тотъ имѣющийся въ фонаряхъ огонь зажигательства, стоящимъ у рогатокъ караульнымъ тѣ фонари и идущихъ противъ оныхъ людей видѣть; равновѣрно жъ и отъ подлежащихъ мѣстъ истребовать извѣстіе, когда тѣ фонари съ огнемъ при домахъ будутъ, то граждане согласны-ль будутъ содержать оные, а притомъ канцеляріи рассмотреть и то, чтобы вмѣсто того отвращенія опасности не послѣдуетъ-ли отъ того зажигательства».

Ни одного изъ этихъ вопросовъ губернская канцелярія не рассматривала, а только затребовала по нимъ свѣдѣнія отъ магистрата, полицеймейстера, городского инженеръ-поручика Вахтена, оберъ-коменданта Ганзера и иностраннаго купечества старосты Фонбринна. Свѣдѣній, однако, никто не доставилъ, а за всѣхъ отвѣтилъ магистратъ, промеморіею отъ 4-го февраля 1768 года, за подписью бургомистра Андрея Дудина. Оказалось, что городское общество поставило вопросъ въ видѣ дилеммы: безъ фонарей опасность отъ грабительства, съ фонарями—отъ зажигательства, и разрѣшило ее слѣдующимъ образомъ:

«Архангельскаго посада отъ старостъ и гражданства объявлено, что де прописанная въ магистратскомъ указѣ, предложенная отъ его превосходительства господина архангелогородскаго губернатора опасность, чтобъ отъ ночныхъ на столбахъ по улицамъ фонарей бѣдствие всему городу злодѣи зажигатели не причинили, признается въ архангелогородскомъ посадѣ болѣею, нежели чаемая тѣми фонарями для дракъ предосторожность, ибо на нынѣшнихъ годахъ въ болѣе страхъ весь здѣшній городъ отъ зажигателей находился, а менѣе подвержены почитай той опасности, коя устранила бы городскихъ жителей злодѣйскими устремленіями на ихъ здравіе и жизнь при проходѣ въ темныя ночи по улицамъ города Архангельскаго, гдѣ смертоубійствъ и дракъ смертельныхъ, соблюдающему Господу, по ночамъ почитай не слышно. Того ради архангелогородское гражданство, въ многомъ недостаточное и по разнымъ обстоятельствамъ изнуряемое, употреблять свое иждивеніе на оные фонари не признаваетъ дѣломъ для общей безопасности необходимымъ».

Противъ такихъ крѣпкихъ доводовъ возражать было трудно, и, на тотъ разъ, дѣйствительно никто не возражалъ.

Архангельскъ.

Сообщ. въ 1874 г. А. О. Подвысоцкій.

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И АНЕКДОТЫ,

ШУТКИ, ОСТРОТЫ, ЗАМѢТКИ, МЕЛОЧИ.

[Записки Богуславскаго.]

Подъ выписаннымъ заглавіемъ, въ теченіе перваго десятилѣтія изданія «Русской Старины», помѣщено на ея страницахъ нѣсколько собраній рассказовъ и анекдотовъ о весьма многихъ историческихъ и общественныхъ дѣятеляхъ на различныхъ поприщахъ въ русской протекшей жизни. Особенно замѣчательно—по полнотѣ, разнообразію и интересу—собраніе П. Θ. Карбанова, весьма извѣстнаго въ свое время археолога, любителя отечественной исторіи и неутомимаго собирателя памятниковъ родной старины. Драгоцѣнное собраніе П. Θ. Карбанова было сообщено «Русской Старинѣ» кн. А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ, вмѣстѣ съ весьма обстоятельными примѣчаніями этого просвѣщеннаго любителя и знатока отечественной исторіи.

Мы неоднократно высказывали, какъ надо смотрѣть на рассказы, подобныя собраніемъ Карбановымъ, и какое значеніе ихъ въ общемъ матеріалѣ къ отечественной исторіи, исторіи литературы и русскаго общества. Это далеко не матеріалъ, на который можно полагаться; гдѣ всего чаще встрѣчаются неточности хронологическія и другія—такъ это въ подобныхъ рассказахъ, переходящихъ изъ устъ въ уста, дополняемыхъ и измѣняемыхъ, по волѣ и капризу лица, его передающаго, до тѣхъ поръ, пока кому-нибудь вздумается закрѣпить таковой рассказъ изложеніемъ его на бумагу. Тѣмъ не менѣе, въ этихъ рассказахъ и анекдотахъ зачастую сохраняются столь драгоцѣнныя черты для характеристики того или другаго изъ историческихъ лицъ, или просто черты нравовъ, общественныхъ воззрѣній на событіе или лицо историческое,—столь, повторяемъ, драгоцѣнныя черты, что оставить ихъ безъ вниманія, особенно въ изданіи, какъ «Русская Старина», посвященномъ сохраненію матеріаловъ къ изученію прошлой жизни нашего отечества въ самомъ обширномъ смыслѣ этой задачи,—было бы болѣе нежели странно.

Все это однако не устраняетъ необходимости со стороны издателя столь возможно осторожнѣе относиться къ подобнаго рода «памятникамъ». Прежде всего необходимо, чтобы собиратель, по своему общественному положенію, по близости къ тѣмъ лицамъ, со словъ которыхъ записываетъ тотъ или другой рассказъ, а тѣ лица, по близости къ самому событію или историческому дѣятели—внушали бы довѣріе въ возможной точности рассказаннаго и ими записаннаго. Въ этомъ отношеніи, напримѣръ, покойный П. Ѳ. Каробановъ внушалъ полнѣйшее довѣріе. По фамильнымъ связямъ, высокому образованію и общественному положенію онъ принадлежалъ къ самому именитому кругу московскаго общества, постоянно встрѣчался и велъ знакомство съ людьми, занимавшими въ свое время высокіе посты въ государственной службѣ или при дворѣ, а потому видѣвшими, либо слышавшими изъ первыхъ источниковъ, либо, даже участвовавшими въ тѣхъ событіяхъ, о которыхъ передавали рассказы трудолюбивому и любознательному собирателю.....

Весьма многое изъ рассказовъ, записанныхъ П. Ѳ. Каробановымъ, вполне подтверждается несомнѣнными историческими документами....

Изъ матеріаловъ этого рода, имѣющихся въ собраніи рукописей редакціи «Русской Старины», приводимъ вышѣ «Записки Богуславскаго». Богуславскій, именъ покойный, былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, служилъ въ 1840-хъ годахъ прокуроромъ въ судебныхъ учрежденіяхъ въ С.-Петербургѣ и постоянно принадлежалъ къ болѣе или менѣе высшему чиновному кругу столицы, въ средѣ котораго и почерпалъ, верѣдко, какъ надо думать, изъ первыхъ рукъ, т. е. отъ очевидцевъ или участниковъ въ событіяхъ, тѣ рассказы, анекдоты, шутки, остроловія, которые онъ заносилъ въ свое собраніе, очевидно, не предназначавшееся имъ къ печати.

«Записки Богуславскаго» написаны начерно, со многими помарками, на восьмидесяти полулистахъ (in folio), разнаго цвѣта бумаги, верѣдко въ два столбца, со многими вставками, примѣчаніями, дополненіями, неразборчиво, очевидно, наскоро. На оберткѣ надпись:

«Записки».

«Отцы и братья! Иже гдѣ переписалъ или не дописалъ, чтите исправляя, Бога для, а не вляните».

«Несторъ.»

«Начатъ 1841 года».

Изъ текста Записокъ видно, что онѣ велись урывками съ 1841-го года по 1853-й годъ включительно. Въ Запискахъ вовсе незамѣтна личность ихъ составителя. Это не болѣе—не менѣе какъ—рассказы, анекдоты, остроловія, шутки и замѣтки, слышанные г. Богуславскимъ и относящіяся до тѣхъ или другихъ изъ высокопоставленныхъ почти всегда его време ни лицъ. За исключеніемъ двадцати рассказовъ, относящихся къ царствованію императора Александра I-го, всѣ остальные шестьдесятъ относятся къ эпохѣ императора Николая Павловича, именно къ тридцатымъ и сороковымъ годамъ.

Представляя это собраніе на страницахъ «Русской Старины», считаемъ необходимымъ оговориться, что мы привели эти рассказы въ нѣкоторый порядокъ, частью хронологическій, частью по группамъ, по отношенію къ тому или другому лицу, въ которому они относятся. Такимъ образомъ, все, что относится къ графу Е. Ф. Кавкериу, или къ А. С. Меншикову, и что было разбросано въ Запискахъ на разныхъ листахъ, мы собрали въ одну группу. Затѣмъ, нѣкоторые рассказы, небогѣе впрочемъ десяти, мы опустили въ печати; наконецъ нѣкоторые рассказы, какъ, напримѣръ, шутки и остроты къ А. С. Меншикова, были уже напечатаны на стр. «Русской Старины» изъ другихъ собраній, но здѣсь вновь воспроизводятся, въ виду нѣкоторой разницы въ ихъ изложеніи. Наконецъ, мы должны замѣтить, что всѣ выраженія, въ которыхъ высказывается взглядъ собирателя на то или другое лицо, какъ бы ни былъ ошибоченъ этотъ взглядъ, мы вполне сохранили, не считая себя, какъ и всегда, вправе, чѣмъ бы то ни было, искажать мнѣній и выводовъ лица, Записки котораго мы печатаемъ. Отсюда читатель съ удивленіемъ увидитъ самыя странныя выходки со стороны Богуславскаго противъ графа П. Д. Киселева, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей эпохи императора Николая Павловича, а также противъ малѣйшаго намёка необходимости освобожденія крестьянъ.... Но Богуславскій—человѣкъ своего времени, выразитель мыслей и предубѣжденій богѣе или менѣе значительнаго кружка въ современной ему бюрократіи, а потому и его возрѣнія имѣютъ интересъ и значеніе. Въ заключеніе замѣтимъ, что мы не считаемъ необходимымъ исправлять хронологическія, біографическія и другія погрѣшности, неизбежныя въ подобныхъ рассказахъ—перекодированныхъ въ свое время, изъ устъ въ уста. Дѣло писателя, берущаго во вниманіе таковой «материалъ», отвѣстись къ нему съ особенною осторожностью, вполне критически, и, возвысивъ его значеніе для своего труда сопоставить съ подлинными несомнѣнными документами, его исправляющими и дополняющими.

Ред.

Петръ Великій.

Петра Великаго просили дозволить сдѣлать съ него, по его кончинѣ, статую, «дабы потомство, взирая на нее, и по смерти ему удивлялось». Тутъ же предложили: «чтобы статуя имѣла движеніе и могла подниматься».

— «Подниматься!»—возгласилъ удивленный Петръ,—«для кого?»... Потомъ сказалъ съ видомъ кроткимъ:—«не лучше ли, друзья мои, оставить ее въ покоѣ, понеже подлинникъ во всю жизнь безпокоился»...

Въ 1814 г.

Въ 1814 г., вскорѣ послѣ взятія Парижа, Окуневъ, свитскій поручикъ гвардейскаго штаба, съ однимъ изъ пріятелей своихъ, кавал-

хергардскимъ поручикомъ Шереметевымъ, зашли въ ресторацію въ Вере, гдѣ встрѣтили нѣсколько французскихъ офицеровъ-бонапартистовъ. Эти офицеры, разгорячившись шампанскимъ, лишь-только увидѣли двухъ русскихъ, то немедленно поднесли имъ бокалы вина и просили, съ угрожающимъ видомъ, выпить вмѣстѣ съ ними за здоровье Наполеона.

Окуневъ, нимало не смѣшавшись, взялъ бокалъ и съ твердымъ видомъ сказалъ французамъ:

— Mrs, il faut être un Jean f... pour boire à présent à la santé de Napoléon; il fallait mourir en le defendant à présence.

Эта смѣлая выходка поразила французовъ, они закричали:—bravo! bravo! Mr l'officier Russe! Allons, buvons à la santé de l'empereur Alexandre!—чокнулись, и пошла потѣха.

Графъ М. А. Милорадовичъ.

Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ, сподвижникъ Суворова въ Италіи, спаситель Бухареста и герой войны 1812, 1813 и 1814 годовъ, въ 1817 г. былъ сдѣланъ с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. Отличный авангардный генералъ, храбрѣйшій изъ храбрыхъ въ сраженіяхъ, Милорадовичъ въ мирное время славился умѣньемъ прекрасно рисовать и ловко танцовать мазурку—и необыкновеннымъ искусствомъ проматывать деньги. Военная служба во время мира ему не нравилась, и онъ, бывши въ 1815 и 1816 годахъ командующимъ гвардейскимъ корпусомъ, терпѣть не могъ заниматься утонченостями фронтовой службы или ефрейторствомъ. Разъ, дѣлая полковое ученье лейбъ-гвардіи Павловскому полку, онъ заставилъ его пройти мимо себя церемональнымъ маршемъ, имѣя ружья на руку.

— Такъ лучше,—сказалъ онъ, обращаясь къ окружавшимъ его, —я привыкъ видѣть павловцевъ, идущихъ въ штыки на непріятеля!

Офицеры и солдаты очень любили Милорадовича, какъ начальника отличнаго, добраго, готоваго раздѣлить съ подчиненными своими послѣднюю копѣйку.

Впослѣдствіи, кажется, въ 1820 г., Милорадовичу былъ порученъ главный надзоръ надъ петербургскими театрами. Это порученіе было совершенно въ его вкусъ, и онъ принялся съ необыкновеннымъ рвеніемъ за исполненіе его вообще и за образованіе молоденькихъ и хорошенькихъ актрисъ въ особенности. Любимцами его были А. Дюрова и К. Телешова. Онъ ничего не щадилъ для ихъ костюмовъ и очень часто лично возилъ въ магазины заказывать модные уборы.

Но... bonny soit, qui mal у pense. Въ то время храбрый ветеранъ былъ, какъ говорится: *moralement très physique, mais physiquement très moral*, и все ограничивалось однимъ платонизмомъ.

Я помню объ немъ слѣдующіе, нигдѣ не напечатанные анекдоты:

Отецъ Милорадовича, генералъ-поручикъ и намѣстникъ черниговскій, былъ человекъ нрава крутого и суроваго. Мотовство сына, въ то время уже капитана гвардіи, сильно огорчало его. Всѣ увѣщанія и угрозы старика были тщетны: сынокъ кутялъ, какъ говорится, на-пропагую. Наконецъ, промотавшись въ пухъ, пріѣхалъ въ отпускъ. Отецъ при постороннихъ принималъ его съ распростертыми объятіями, но потомъ повелъ въ свой кабинетъ и тамъ высѣкъ, говоря, что онъ наказываетъ не капитана гвардіи императрицы, а своего блуднаго сына.

Въ 1816 г. государь Александръ Павловичъ пожаловалъ графу Милорадовичу 300 т. на уплату его долговъ, о чемъ высочайшее повелѣніе министру финансовъ долженъ былъ объявить графъ Аракчеевъ. Но онъ, не любя дѣлать добро, медлил исполненіемъ. Милорадовичъ лично пріѣхалъ къ нему просить объ ускореніи этого дѣла. Аракчеевъ, выслушавъ просьбу, сказалъ ему:

— Вотъ то-то, графъ, государь нашъ очень добръ и слишкомъ много раздастъ денегъ.

Милорадовичъ выслушалъ и отвѣчалъ временщику:

— «Это вы оттого такъ рассуждаете, что, сидя дома, только льете пули, а ваше сіятельство заговорили бы иначе, еслибы, по-нашему, встрѣчали ихъ въ погѣ.

Извѣстно, что графъ Аракчеевъ не славился храбростію.

Въ 1820 г. загорѣлся царскосельскій дворецъ. Пожаръ, какъ оказалось по слѣдствію, произошелъ отъ неосторожности мастеровыхъ, чинившихъ куполь дворцовой церкви и оставившихъ на подмосткахъ жаровню съ огнемъ. Пожаръ усиливался, и для погашенія его дѣйствія тамошней полиціи оказались недостаточными.

Государь послалъ съ фельдъегеремъ повелѣніе с.-петербургскому военному генералъ-губернатору Милорадовичу—какъ можно поспѣшнѣе явиться въ Царское-Село съ пожарной командою. Черезъ часъ Милорадовичъ уже дѣйствовалъ съ нею у объятаго пламенемъ дворца. Быстрота неимовѣрная: пожарная команда проскакала въ три четверти часа пространство въ 22 версты отъ московской заставы Петербурга до дворца Царскаго-Села! Усердіе и искусство пожарной команды наконецъ восторжествовали надъ огненною стихіею, и половина дворца

уцѣляла отъ разрушительнаго ея дѣйствія. Государь, за это и за отличныя дѣйствія во время пожара, произвелъ брандтъ-маіора Добрончеева въ статскіе совѣтники и двухъ сыновей его помѣстилъ въ лицей.

Пожаръ прекратился уже поздно ночью, и Милорадовичъ остался почевать въ Царскомъ-Селѣ. На другой день, по аванію генералъ-губернатора, онъ долженъ былъ идти къ государю съ утреннимъ рапортомъ. Взамѣнъ сапогъ своихъ, изорванныхъ на пожарѣ, Милорадовичъ надѣлъ сапоги Штесселя, полковаго командира императора Австрійскаго полка, извѣстнаго профессора ружистики, шатистики и востоватики.

Войдя въ комнату государя, графъ спросилъ камердинера:

— Что государь?

— Очень огорченъ,—отвѣчалъ тотъ.

Милорадовичъ велѣлъ о себѣ доложить, и былъ принятъ. Только что онъ вошелъ въ комнату, гдѣ сидѣлъ задумавшійся государь,—какъ вдругъ, будто бы увлеченный какою-то постороннею силою, сталъ вытягивать ногу учебнымъ шагомъ.

— Чтò это значить?—спросилъ съ удивленіемъ государь.

— Виновать, в. в.,—отвѣчалъ пресерьезно графъ,—надѣлъ сапоги полковника Штесселя, а они насильно такъ и тянутъ ноги учебнымъ шагомъ.

Государь засмѣялся—и, ставъ повеселѣе, занялся съ графомъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Эта шутка понравилась государю, но онъ былъ весьма недоволенъ каламбуромъ, сказаннымъ Александромъ Львовичемъ Нарышкинымъ, въ то время, когда оказался недостатокъ въ заливныхъ трубахъ для тушенія пожара:

— Sire, je vous ai parlé plusieurs fois, que la cour sans pompe (роскошь) et pompés (пожарныя трубы) ne vaut rien du tout.

На это ему отвѣчалъ государь:

— Il faut choisir mieux son temps pour les plaisanteries.

Графъ Милорадовичъ, несмотря на то, что находился болѣе нежели въ 50-ти сраженіяхъ, всегда впереди и тамъ, гдѣ больше предстояло опасности, раненымъ никогда не былъ. Судьба опредѣлила ему, какъ извѣстно, быть убитымъ русскою пулею въ Петербургѣ, на Петровской площади. Его застрѣлили Баховской, во время возмущенія 14-го декабря 1825 г., въ то время, когда Милорадовичъ уговаривалъ обманутыхъ солдатъ образумиться и присяг-

нуть законному императору. Для перевязки Милорадовича отнесли въ домъ Лобанова, какъ ближайшій отъ мѣста кроваваго происшествія.

Первый вопросъ графа, когда онъ пришелъ въ чувство, былъ—не знаютъ ли, кто выстрѣлилъ въ него? Ему отвѣчали, что какой-то неизвестный бунтовщикъ Февраль (впоследствии оказалось, что убійца былъ Каховскій).

— Слава Богу,—сказалъ графъ,—теперь я умру покойно, зная, что убить не рукою русскаго солдата.

Черезъ нѣсколько времени онъ обратился къ кому-то изъ знакомыхъ, улыбнулся и сказалъ:

— Ну, кажется, теперь я расквитаюсь со всѣми моими долгами.

Вотъ еще черта изъ жизни Милорадовича, показывающая, какую любовь и довѣренность имѣли къ нему солдаты. Два артельщика одного гвардейскаго полка были посланы размѣнять довольно значительную сумму денегъ ассигнаціями на мелочь, нужную для раздачи солдатамъ жалованья. Артельщики имѣли несчастье обронить ввѣренную имъ сумму; они были въ отчаяніи, зная отвѣтственность, ожидающую ихъ за эту потерю. Наконецъ, одному изъ нихъ пришла въ голову мысль—идти къ графу Милорадовичу, какъ ихъ корпусному командиру, рассказать ему свою бѣду и просить о пособіи. Вадумано и сдѣлано. Графъ принялъ ихъ очень милостиво и, выслушавъ просьбу и потрепавъ одного изъ нихъ по плечу, сказалъ:

— Спасибо, братцы, за довѣренность; вотъ вамъ деньги,—ступайте съ Богомъ.

— Еще одна просьба, ваше сіятельство!

— Какая?

— Не погубите насъ, не рассказывайте объ этомъ никому.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ засмѣявшись графъ,—даю честное слово, что не выдамъ васъ.

Впоследствии, уже спустя нѣсколько лѣтъ, артельщики рассказали это происшествіе.

Графъ Ѧ. В. Ростопчинъ.

Когда императоромъ Александромъ I-мъ былъ учрежденъ, по проекту Сперанскаго, государственный совѣтъ, то назначенные въ него члены, въ томъ числѣ и гр. Ростопчинъ, уговорились меблировать на свой счетъ залу присутствія. Ростопчинъ прислалъ образъ въ богатомъ окладѣ, изображающій распятіе Спасителя, съ надписью: «Отче, отпусти имъ согрѣшенія ихъ, не вѣдаютъ бо, что творять».

Однажды за обѣдомъ у государя, на которомъ также былъ и генераль-губернаторъ Сибири Пестель, разговорились—какое изъ пяти чувствъ въ человѣкѣ сильнѣе.

— Я полагаю, что зрѣніе, — сказалъ Ростопчинъ, — вотъ, напримѣръ, графъ Пестель живетъ постоянно въ Петербургѣ, а хорошо видитъ, что дѣлается за нѣсколько тысячъ верстъ въ Сибири.

Это напоминаетъ анекдотъ про нынѣшняго ¹⁾ императора австрійскаго, Фердинанда I-го. Когда онъ былъ еще наслѣдникомъ престола, то при немъ зашелъ разговоръ—какой изъ человѣческихъ членовъ крѣпче?

— Я думаю, — сказалъ Фердинандъ, — что носъ; вотъ уже болѣе 30-ти лѣтъ какъ Меттернихъ водить за носъ моего отца, но носу ничего не дѣлается.

Франгузы пожаръ Москвы и всѣ гибельныя его послѣдствія для великой арміи приписывали, какъ извѣстно, варварству графа Ростопчина. Въ Парижѣ нарисовали и выгравировали его портретъ, на которомъ онъ былъ изображенъ какимъ-то чудовищемъ, съ длинною, всклокоченною бородою. Ростопчинъ, оставивъ службу, пріѣхалъ жить въ Парижъ. Изъ любопытства пошелъ онъ въ картинную лавку посмотреть на дивное свое изображеніе.

— Есть у васъ портретъ Ростопчина? — спросилъ онъ купца.

— Есть, вотъ онъ.

— Похожъ ли на подлинникъ?

— О! какъ двѣ капли воды! въ этомъ я могу васъ увѣрить моею честію.

— Хорошо, я покупаю 10 экземпляровъ; только совѣтую вамъ болѣе дорожить вашею честію, потому что подлинникъ этого портрета передъ вами: да, я самъ графъ Ростопчинъ.

Можно вообразить удивленіе купца.

Сынъ графа Ростопчина, сильно мотая въ Парижѣ, задолжалъ значительныя суммы денегъ. Кредиторы, зная, что у него нѣтъ нисколько собственнаго имѣнія, съ требованіемъ объ уплатѣ обратились къ отцу. Старикъ рѣшительно отказался платить долги за сына, предоставивъ кредиторамъ поступить съ нимъ по законамъ. Молодаго Ростопчина, по приговору суда, не замедлили заключить на нѣсколько лѣтъ въ тюрьму, гдѣ онъ и высидѣлъ все опредѣленное время. По окончаніи срока Ростопчина выпустили, и онъ, по законамъ Франціи, не

¹⁾ Писано въ 1841-мъ г.

подлежалъ уже болѣе преслѣдованію своихъ кредиторовъ. Послѣ этого старикъ Ростопчинъ немедленно пригласилъ къ себѣ всѣхъ кредиторовъ и, къ крайнему ихъ удивленію, заплатилъ каждому должную сумму. Причемъ сказалъ:

— Я и прежде могъ бы это сдѣлать, но хотѣлъ проучить молодого человѣка; а то вы сами знаете, что русскіе не любятъ быть въ долгу у французовъ.

— Я пріѣхалъ во Францію, — говоритъ графъ Ростопчинъ, — чтобы лично опѣнить истинныя достоинства трехъ знаменитыхъ людей: герцога Оранскаго, князя Тайлера и актера Готье, и *il n'y a que ce dernier, qui me semble, au niveau de sa réputation.*

Однажды императоръ Павелъ I-й, бывши въ многочисленномъ собраніи, гдѣ находились многіе русскіе князья и графъ Ростопчинъ, вдругъ спросилъ послѣдняго:

— Скажи пожалуйста мнѣ, отчего и ты не князь?

— Позвольте ли, ваше величество, — отвѣчалъ графъ, — доложить вамъ настоящую этому причину?

— Безъ сомнѣнія.

— Это оттого, что предокъ мой, переселившійся изъ Орды въ Россію, переѣхалъ туда зимою.

— Что жъ изъ этого? — сказалъ государь.

— То, ваше величество, что тогда, при первомъ представленіи ко двору татарскаго вельможи, царь давалъ ему на выборъ получить титулъ князя, или почетную шубу. Въ тотъ годъ зима была прежде-сткая, и предокъ мой заблагоразсудилъ избрать — шубу.

Государь много смѣялся этому отвѣту и, обратясь къ находящимся тутъ князьямъ, сказалъ:

— Порадуйтесь, господа, что ваши предки пріѣхали въ Россію не зимою.

Одна дама сказала однажды графу, что ему надобно издать въ свѣтъ свои записки (*mémoires*). На другой день Ростопчинъ прислалъ ей маленькій свертокъ бумаги.

— Что это? — спросила дама.

— Я исполнилъ ваше приказаніе и составилъ свои записки. Вотъ онѣ.

Дама весьма удивилась такому скорому составленію и никакъ не ожидала въ этомъ маленькомъ сочиненіи найти столько остроумнаго, напоминающаго перо Вольтера.

Баронетъ Я. В. Виллье.

Баронетъ Яковъ Васильевичъ Виллье, дѣйствительный тайный совѣтникъ и главный инспекторъ по медицинской части, достигъ всѣхъ этихъ высокихъ почестей не личными своими достоинствами, но привязанностью къ нему покойнаго императора Александра Павловича, котораго онъ былъ врачомъ. Зато Виллье такъ дорожилъ послѣднею, что, покровительствуя всѣмъ лекарямъ обыкновеннаго разряда, не давалъ ходу тѣмъ, которые становились извѣстными. Вотъ одинъ изъ многихъ тому примѣровъ:

Пикулинъ, молодой врачъ, ловкій и съ познаніями, занимая должность секретаря при Виллье, сопровождалъ его во всѣхъ путешествіяхъ съ государемъ.

Черезъ это императоръ узналъ Пикулина и, разговаривая съ нимъ, всегда оставался доволенъ его свѣдѣніями. Однажды государь занемогъ. вмѣсто Виллье, не случившагося тогда дома, призвали Пикулина, и онъ такъ былъ счастливъ, что весьма скоро помогъ августѣйшему больному. Это обстоятельство утвердило государя въ хорошемъ мнѣніи о Пикулинѣ, и онъ велѣлъ ему ходить къ себѣ. Виллье видѣлъ, что онъ скоро будетъ имѣть опаснаго соперника, и рѣшился, во что бы то ни стало, удалить его. Вскорѣ онъ назначилъ Пикулина главнымъ докторомъ въ корпусъ графа Воронцова, тогда находившійся во Франціи. Пикулинъ догадался, что значитъ эта милость, и просилъ государя поговорить Виллье объ оставленіи его при прежней должности. Государь это выполнилъ; но Виллье представлялъ: что назначить главнымъ докторомъ въ корпусъ, стоявшій во Франціи, не иначе можно, какъ медика съ большими свѣдѣніями и знаніемъ французскаго языка, чтобы онъ съ честію могъ быть тамъ представителемъ русскихъ врачей, и что онъ для этого, кромѣ Пикулина, никого болѣе въ виду не имѣетъ; и такъ убѣдилъ государя, что тотъ наконецъ согласился на это назначеніе. Пикулинъ на своемъ новомъ почетномъ мѣстѣ пробылъ недолго: Виллье придрался къ какимъ-то его упущеніямъ по службѣ и далъ отставку.

Бѣдный Пикулинъ, съ годъ проживъ за границею, возвратился въ Петербургъ и, по-необходимости имѣть хоть какое-нибудь мѣсто, явился съ покорностію къ Виллье.

— Хорошо,—сказалъ ему прежній покровитель,—я дамъ тебѣ мѣсто, только не здѣсь и съ тѣмъ, чтобы ты никогда не смѣлъ приближаться къ государю.

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько дней, Пикулинъ былъ назначенъ ученымъ секретаремъ въ медицинскую академію.

Виллье, страстный охотникъ до собакъ, вывелъ въ люди лекаря Ш. за то только, что тотъ былъ мастеръ выучивать собакъ.

Митрополитъ Михаилъ Десницкій.

С.-петербургскій митрополитъ Михаилъ былъ весьма любимъ и уважаемъ своею паствою. Но министръ духовныхъ дѣлъ, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, неслишкомъ-то къ нему благоволилъ. Sans doute, par jalousie du metier. Однажды, если не ошибаюсь, въ 1823 г., преосвященный Михаилъ, по представленію начальства новгородскихъ поселеній, разрѣшилъ, по случаю неблагоприятной погоды, отправлять тамъ молебствія. Князь Голицынъ, узнавъ объ этомъ разрѣшеніи, тотчасъ отнесся съ официальною бумагою къ митрополиту съ требованіемъ увѣдомить: по какому праву онъ, не спрося дозволенія его, какъ министра духовныхъ дѣлъ, разрѣшилъ отправленіе этихъ молебствій? Эта, можно сказать, грубая бумага сильно оскорбила преосвященнаго Михаила, и онъ со слезами сказалъ:

— Какой же я святитель, когда во ввѣренныхъ мнѣ епархіяхъ не имѣю даже власти разрѣшать служеніе самыхъ обыкновенныхъ молебствій? Притомъ, если уже Голицынъ хочетъ лишить меня этой власти, то зачѣмъ писать это такъ публично: онъ бы могъ предупредить меня объ этомъ колейно, тогда бы мы двое только знали, что я митрополитъ лишь по имени, а не по власти; теперь же послѣдній монастырскій служка знаетъ объ униженіи моего сана.

Эта мысль такъ сильно огорчила митрополита, что онъ занемогъ и вскорѣ умеръ.

Общественное мнѣніе Петербурга возстало на князя Голицына за смерть Михаила; кричали—какъ неприлично мірянину управлять дѣлами церкви и какому еще мірянину! Придворному, мистику, и проч.;—что это поруганіе святни, насмѣшка надъ святѣйшимъ и правительствующимъ синодомъ!—Этотъ общій говоръ дошелъ до государя, бывшаго тогда на Верронскомъ конгрессѣ, и онъ, по возвращеніи въ Петербургъ, немедленно уволилъ Голицына отъ званія министра духовныхъ дѣлъ и даже уничтожилъ самое министерство.

Князь А. Н. Голицынъ, взамѣнъ этого, былъ сдѣланъ главнымъ начальствующимъ надъ почтовою частію и, вполнѣдствіи, канцлеромъ россійскихъ и царскихъ орденовъ. Онъ всегда пользовался особеннымъ расположеніемъ какъ императора Александра Павловича, такъ и императора Николая; послѣдній всегда называлъ его «другомъ своего дома».

Духовная Александра I была писана рукою Голицына.—Вообще

онъ былъ человекъ умный и добрый и, съ тѣмъ вмѣстѣ, придворный по превосходству. Для подчиненныхъ начальникъ самый внимательный и снисходительный; отъ этого, несмотря на то, что почтовая часть была въ большомъ запущеніи, нигдѣ чиновники не были такъ щедро награждаемы, какъ подъ начальствомъ кн. А. Н. Голыцына.

Онъ любилъ носить сѣрый фракъ, отчего и звали его въ Петербургѣ: «сѣрымъ мужичкомъ» и «l'éminence grise».

К р и д н е р ь .

Les gens médiocres craignent l'exaltation parce qu'on leur a dit qu'elle pouvait avoir des suites nuisibles; cependant c'est une maladie qu'on ne peut pas leur donner.

Il y a des gens qui ont eu presque de l'amour, presque de la gloire et presque du bonheur.

On cherche tout hors de soi dans la première jeunesse; nous faisons alors des appels de bonheur à tout ce qui existe autour de nous; et tout nous envoie au dedans de nous-mêmes peu à peu.

Les âmes froides n'ont que de la mémoire; les âmes tendres ont des souvenirs et le passé pour elles n'est pas mort, il n'est qu'absent.

Les âmes fortes aiment, les âmes faibles désirent.

La vie ressemble à la mer, qui doit ses plus beaux effets aux orages.

C'est un bel éloge à faire de quelqu'un au milieu de la corruption du monde, que de le croire digne d'être appelé romanesque. Ce sont des titres de chevalerie où chacun ne fera pas facilement ses épreuves.

Il y a des femmes qui traversent la vie comme ces souffles du printemps qui vivifient tout sur leur passage.

Вотъ мысли знаменитой г-жи Криднеръ, рожденной Фитингофъ, внучки фельдмаршала графа Миниха. Она была въ свое время красавица, въ молодости имѣла много обожателей, потомъ сдѣлалась писательницей, прославившейся своимъ романомъ «Valérie»; подъ старость впала въ мистицизмъ и думала, что имѣетъ даръ пророчества. Она имѣла, въ послѣднее десятилѣтіе царствованія императора Александра I, сильное на него вліяніе, такъ какъ извѣстно, что онъ тоже сильно былъ преданъ ученію мистиковъ. Къ г-жѣ Криднеръ можно отнести эти слова: Les dames galantes qui se donnent à Dieu, lui donnent ordinairement une âme inutile qui cherche de l'occupation et leur dévotion se peut nommer une passion

nouvelle, où un cœur tendre qui croit être repentent ne fait que changer l'objet de son amour.

La patience a-t-on dit est l'art d'espérer. L'art du bonheur dans la dévotion et de se donner une dernière illusion plus longue que la vie et dont on ne puisse se détromper avant la mort.

Г-жѣ Криднеръ шель пятый десятокъ—лѣта неблагодарныя для женщины,—когда она обратилась къ набожности: съ ея утонченнымъ вкусомъ, съ сложеніемъ сентиментальнымъ и мистическимъ, что ей было избрать лучшаго? Съ той особенно поры, когда она открыла въ себѣ удивительную способность проповѣдничества, которая могла доставить ей вліяніе и дѣятельность—все было кончено: она имѣла занятіе для души и для своего таланта; ея новое призваніе было найдено. Она никогда не была слишкомъ предана чувственности, она имѣла только трезвость (?) сердца и тщеславіе ума. Ей было необходимо, чтобы свѣтъ занимался ею, и эта необходимость, совершенно неожиданно, была удовлетворена. Она любила говорить о любви; это любимое слово теперь съ избыткомъ вылетало изъ ея устъ, и толпы снова стекались къ ея ногамъ. Самолюбіе было главнымъ двигателемъ всѣхъ дѣйствій ея жизни; все зависѣло отъ сонетки, дергавшей ея «я». Криднеръ въ двадцатыхъ годахъ жила въ Петербургѣ и, пользуясь вліяніемъ своимъ на императора Александра Павловича, играла въ гостинныхъ важную роль. Портреты ея продавались во многихъ магазинахъ съ сіяніемъ вокругъ головы, какъ у святой.

Беданкуръ.

Управлявшій путями сообщеній, генераль-лейтенантъ Беданкуръ, сказалъ однажды Н. И. Гречу, извѣстному литератору:

— У насъ публика требуетъ большаго совершенства въ нашихъ путяхъ сообщенія, безпрестанно указывая на Англію, а того не размыслить, что вся Англія менѣе нашей Новгородской губерніи.

Замѣчательнѣе также отвѣтъ его одному французу, требовавшему награды за изобрѣтенную имъ гидравлическую известь, подобную называвшейся у древнихъ Putzolano; разумѣется это изобрѣтеніе оказалось шарлатанствомъ, и Беданкуръ, разсматривая образчикъ этой мнимой Putzolano, сказалъ:

— C'est du Putzolano, du Putzolano... Mon cher, cela ressemble au Putzolano comme monc... au ciel.

А. П. Ермоловъ.

Ермоловъ въ концѣ 1841 года занемогъ и послалъ за годовымъ

своимъ докторомъ Высотскимъ. Разбогатѣвъ въ Москвѣ отъ огромной своей практики, докторъ, какъ водится, не обращалъ уже большаго вниманія на своихъ пациентовъ; онъ только на другой день вечеромъ собрался навѣстить больнаго. Между тѣмъ Алексѣй Петровичъ, потерявъ терпѣніе и оскорбясь небрежностію своего доктора, взялъ другаго врача. Когда пріѣхалъ Высотскій и доложили о его пріѣздѣ, то Ермоловъ велѣлъ ему сказать, что онъ—«болѣнь и потому принять его теперь не можетъ».

Достойно замѣчанія, что Алексѣй Петровичъ, несмотря на ограниченное свое состояніе, въ продолженіе всей службы никогда не просилъ и оттого не получалъ—не только денежныхъ награжденій и арендъ, но даже и подарковъ.

По назначеніи Ермолова членомъ государственнаго совѣта, князь Любецкій писалъ къ нему въ Москву, чтобы онъ поспѣшилъ пріѣздомъ въ Петербургъ, гдѣ въ совѣтъ скоро будетъ предложенъ для обсужденія вопросъ: «полезно ли въ теперешнемъ составѣ учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ.» Ермоловъ отвѣчалъ, что онъ впередъ объявляетъ свое мнѣніе о пользѣ этого учрежденія, въ томъ вниманіи, что, съ тѣхъ поръ какъ оно образовалось, между крестьянами этого вѣдомства было 42 бунта, прекращенныхъ только силою оружія; а какъ Россія давно уже пользуется миромъ, то войска, сражаясь съ крестьянами, будутъ приучаться къ войнѣ.

Императоръ Николай Павловичъ.

Замѣчательна собственноручная революція императора Николая Павловича, данная въ началѣ его царствованія, на просьбу одного дворянина, просившаго объ усыновленіи незаконно-прижитаго имъ сына:

— «Разврата не терплю и незаконнаго законнымъ сдѣлать не могу».

Рахмановъ, владѣлецъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, окончивъ службу въ столицѣ, пріѣхалъ отдохнуть въ свои богатя помѣстья. Радужно и ласково принималъ онъ сосѣднихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, тотчасъ явившихся къ нему съ низжайшимъ почтеніемъ, и очень скоро поѣхалъ самъ навѣстить ихъ. На все судьба! У одного изъ сосѣдей, бѣднаго дворянина, Рахмановъ увидѣлъ дочь, прелестную

шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, и страстно въ нее влюбился. Несмотря на то, что эта дѣвушка была уже помолвлена за другаго, избраннаго ею и отцемъ и взаимно обожавшаго ее — Рахмановъ сдѣлалъ родителямъ ея предложеніе о намѣреніи своемъ на ней жениться. Тѣ были въ восторгѣ отъ такого неожиданнаго счастья. Дочь сначала заплакала, но потомъ, плѣнившись блестящею будущагою богатой и знатной помѣщицы, согласилась. Пржнему жениху послали вѣжливый отказъ, къ которому, въ родѣ утѣшенія, Рахмановъ приложилъ въ подарокъ банковный билетъ въ 10 т. руб. Сыграли свадьбу; пирамъ и праздникамъ не было конца. Казалось, что всѣ были довольны.

Въ первые три года послѣ брака, Рахманова родила двухъ сыновей; потомъ занемогла трудно и продолжительно и, по выздоровленіи, больше дѣтей уже не имѣла. Время текло. Оба сына Рахманова были уже на службѣ, а самъ онъ, разбитый параличемъ, дряхлѣлъ замѣтно. Но, какъ бы въ утѣшеніе его старости, сверхъ всякаго чаянія, у него еще родился сынъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, старикъ умеръ, оставивъ капиталъ своей женѣ. Имѣніе слѣдовало по праву сыновьямъ его.

Двое старшихъ, едва узнали о смерти отца, какъ объявили, что они не признаютъ меньшаго законнаго брата своимъ, потому что рожденіе его послѣдовало тогда, когда родитель ихъ былъ болѣнъ и дряхлъ. Оскорбленная мать съ презрѣніемъ отвергла наглое подозрѣніе сыновей своихъ, основанное на корыстолюбивыхъ видахъ—воспользоваться только вдвоемъ оставшимся имѣніемъ. Завязалось дѣло и, наконецъ, постепенно дошло до общаго собранія сената. Рахманова просила позволенія предстать лично въ это верховное судилище для открытія истины. Дозволили. И вотъ она въ сенатѣ объявила слѣдующее:

— «Выйдя замужъ противъ влеченія сердца за Рахманова, я, первые годы моего супружества, была въ преступной связи съ прежнимъ женихомъ своимъ, и оба старшіе сына были плодомъ этой любви. Тяжелая болѣзнь постигла меня; я, считая ее праведнымъ возмездіемъ за нарушеніе супружеской вѣрности, дала Богу обѣтъ, по выздоровленіи, открыть преступленіе свое мужу, на колѣняхъ выпросить его прощеніе и потомъ быть достойною любви и привязанности моего мужа. Милосердый Богъ внялъ молитвѣ моей, я встала съ постели и тотчасъ бросилась въ ноги покойному мужу. Полное и искреннее признаніе облегчало душу мою, а прощеніе супруга возстановило совершенно истощенныя тяжелою болѣзнію силы. Съ этихъ поръ я посвятила себя совершенно на услуги покойному мужу, уже

драхлѣвшему отъ лѣтъ. Послѣдній сынъ—есть единственный его законный сынъ. Вотъ актъ, подписанный покойнымъ Рахмановымъ и засвидѣтельствованный общимъ духовникомъ нашимъ, удостоверяющій въ истинѣ всего мною сказаннаго. Эта тайна должна бы сойти со мною въ могилу, и только безпримѣрная наглость сыновей моихъ заставила открыть ее и такъ торжественно».

Это признаніе оскорбленной матери довели до свѣдѣнія государя императора Николая Павловича, и вотъ собственноручная резолюція Его Величества:

— «Въ этомъ дѣлѣ, кромѣ достовѣрнаго акта, подписаннаго самимъ Рахмановымъ, достаточно бы было и одного признанія матери; а потому старшихъ сыновей, какъ прижитыхъ незаконно, слѣдовало бы лишить дворянскаго званія. Но, какъ они, находясь на службѣ, уже собственными заслугами приобрѣли права дворянства, то ихъ оставить въ семь званіи. Мать Рахмановыхъ, за нарушеніе супружеской вѣрности, должно бы подвергнута суду церковному; но, какъ она уже прощена своимъ мужемъ и, впоследствии, примѣрною жизнью загладила заблужденіе молодости, то ее болѣе никакому взысканію не подвергать. Что же касается имѣнія Рахманова, то отдать оное единственному его законному наслѣднику, не отнимая однакожь у матери права, современемъ, если старшіе сыновья заслужатъ ея прощеніе, наградить и ихъ частями изъ оставшагося послѣ покойнаго—имѣнія, по собственному ея усмотрѣнію».

Однажды, утромъ, государь Николай Павловичъ пошелъ гулять по саду съ флигель-адъютантомъ Астафьевымъ. Подходя къ одной куртінѣ, Государь услышалъ голоса мужской и женскій, разговаривавшіе по-нѣмецки. Послѣдній жалобно упрашивалъ уйти оттуда и не подвергать себя опасности, но мужской отвѣчалъ грубо, что онъ уже рѣшился и низачто не уйдетъ, не поговоривъ съ императоромъ. Государь, одѣтый въ сюртукъ и даже безъ эполетъ, въ ту же минуту подошелъ къ разговаривавшимъ нѣмцамъ, мужчинѣ и женщинѣ, и спросилъ, кто они и что имъ надобно? Нѣмецъ, не зная государя, отвѣчалъ, что онъ, пріѣзжій изъ Гамбурга мастеровой, выдумалъ проектъ, какъ дѣлать дешево и прочно для арміи сапожныя подошвы, и хочетъ проектъ свой представить императору.

— Это дѣло недурное,—сказалъ Государь,—но почему же ты хочешь прямо говорить съ государемъ, а не довелъ объ этомъ до его свѣдѣнія чрезъ посредство кого-либо изъ близкихъ къ нему?

— Я и хотѣлъ, было, такъ сдѣлать,—возразилъ нѣмецъ,—и просилъ объ этомъ оберъ-полицеймейстера, ну, да правитель его канцелярии запросилъ съ меня 300 р., а я человѣкъ бѣдный—не могъ удовлетворить его требованія.

— Ну, такъ ты бы попросилъ военнаго генераль-губернатора.

— А у него развѣ нѣтъ тоже секретаря?—Этотъ запросилъ ужъ съ меня не 300, а 500 р.

Государь улыбнулся и сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ, ты бы съ просьбою своею явился къ великому князю Михаилу Павловичу.

— Что?!... чтобъ я пошелъ къ великому князю, этому мучителю солдатъ—ни за что на свѣтѣ!...

— Ну, любезный, если ты, кромѣ государя, ни съ кѣмъ не хочешь имѣть дѣла, такъ говори—я государь!

Эта неожиданность такъ поразила нѣмца, что онъ, задрожавъ, упалъ на колѣна и, снимая шляпу, отъ-страха уронилъ ее. Въ ту же минуту бывший съ государемъ любимый его пудель подхватилъ шляпу бѣднаго нѣмца и сталъ ее тормошить. Государь смѣясь кинулся къ пуделю, отнял шляпу и, подавая ее съ улыбкою нѣмцу, сказалъ:

— Не бойся, мой другъ, подай свой проектъ; я велю его рассмотреть, а, между тѣмъ, приходи во дворецъ, тамъ дадутъ тебѣ денегъ въ вознагражденіе за твой испугъ.

На другой день, возвратившись въ Петербургъ, Государь пригласилъ къ обѣду великаго князя Михаила Павловича, военнаго губернатора, графа Эссена, и оберъ-полицеймейстера Кокоскина. За столомъ Государь сталъ рассказывать вчерашнее свое приключеніе съ нѣмцемъ, и, когда дошелъ до правителя канцелярии оберъ-полицеймейстера, Кокоскинъ сконфузился и потупилъ глаза; а Великій Князь и Эссенъ засмѣялись.

— Погодите, господа, смѣяться,—сказалъ Государь,—еще не все.

Потомъ рассказалъ о секретарѣ генераль-губернатора; Эссенъ, въ свою очередь, покраснѣлъ и смѣшался, а Великій Князь захохоталъ.

— Тише, ваше высочество,—смѣясь продолжалъ Государь,—и до вась дойдетъ чередъ,—и потомъ докончилъ рассказъ о свиданіи своемъ съ нѣмцемъ. Разумѣется, великій князь, при отзывѣ о немъ нѣмца, пересталъ уже смѣяться.

Тѣмъ кончилось это приключеніе... Нѣмецъ впоследствии сошелъ съ ума. Государь очень сожалѣлъ о бѣднягѣ—и далъ пенсію его семейству.

При объявленіи войны Турціи въ 1828 г., солдаты говорили другому:

— Знаешь, землякъ, мы идемъ войною на турка... Слышь, ихъ султанъ прислалъ къ нашему батюшкѣ-царю мѣшокъ маку и велѣлъ сказать ему: «сочи: сколько зеренъ—столько у меня тысячъ войска!». А нашъ царь отослалъ къ бусурману горсть зернистаго перцу и приказалъ сказать: «хоть немного, да раскуси!».

29-го іюля, послѣ продолжительной грудной болѣзни, скончалась въ Царскомъ-Селѣ великая княгиня Александра Николаевна, въ февралѣ только вышедшая замужъ за принца гессенъ-кассельскаго. Съ очаровательною наружностью соединяя душу кроткую, нѣжную и характеръ веселый, открытый, она была любима всѣми, и потеря ея была горемъ общимъ. Манифестъ о кончинѣ былъ написанъ просто, но прекрасно и трогательно въ окончаніи: «Въ глубокой печали, но съ благоговѣніемъ покоряясь таинственной волѣ небеснаго промысла, мы не сомнѣваемся, что всѣ вѣрные наши подданные, столь недавно еще принимавшіе усердное участіе въ нашей радости при бракосочетаніи сей любезной нашей дочери, соединятся съ нами и нынѣ въ чувствахъ скорби и въ теплыхъ молитвахъ ко Всевышнему о успокоеніи кроткой и нѣжной души ея въ вѣчномъ жилищѣ добродѣтельныхъ!».

Подданные оправдали ожиданіе царя—Петербургъ плакалъ; вся Россія сожалѣла, и государь, въ собственноручномъ рескриптѣ, писанномъ 2-го августа въ два часа пополудни, на имя с.-петербургскаго военнаго губернатора, такъ выразилъ благодарность свою жителямъ столицы:

— «Проводивъ тѣло покойной моей дочери до послѣдняго ея жилища, первую потребностью моего сердца поручить вамъ возвѣстить жителей столицы, сколь глубоко душевно тронуты мы всѣ всеобщимъ участіемъ, оказаннымъ намъ, какъ во время продолжительной смертельной болѣзни усопшей нашей любезной дочери, такъ и при кончинѣ ея, и, наконецъ, въ сію же ночь. Не новы для меня подобныя изъявленія всеобщихъ чувствъ; доселѣ они оказывались въ дни радостей; когда же Богу угодно было испытать насъ самымъ чувствительнымъ ударомъ, смирясь передъ несповѣдимой волей,—что можетъ быть утѣшительнѣе для нашихъ родительскихъ сердецъ, какъ видѣть столь разительно, столь умилительно, что горе наше—горе общее, горе всей семьи народной, Богомъ мнѣ врученной; благодаримъ отповски за сыновнюю любовь. Въ сей любви наше утѣшеніе. моя сила—подвизаться на тяжеломъ поприщѣ».

«Да будутъ сѣи взаимныя чувства залогомъ и впрѣдъ счастья Россіи».

Въ статьѣ «Сѣверной Пчелы», извѣщающей объ этомъ печальномъ событіи, несмотря на нѣсколько семинарскій слогъ въ цѣломъ, окончаніе прекрасно; вотъ оно: «У Бога мертвыхъ нѣтъ. У нихъ стало—дщерью, у насъ—царевною мѣтѣ: у Бога—ангеломъ болѣе».

Графиня Анна Алексѣевна Орлова - Чесменская, по желанію духовника и наставника своего, знаменитаго во-время-одно Фотія, употребила милліоны на украшеніе Юрьева мужскаго монастыря, подлѣ котораго она выстроила для себя домъ, въ которомъ до сихъ поръ живетъ постоянно ¹⁾. Ей хотѣлось не въ дальнемъ оттуда разстояніи основать женскую обитель, на что и просила лично дозволенія у государя Николая Павловича.

— Согласенъ,—шутливо отвѣчалъ Государь,—но съ тѣмъ, чтобы между этими монастырями устроить также и воспитательный домъ.

Люди близко и коротко знающіе графиню Орлову утверждаютъ, что она, для искупленія души отца своего, съ давняго времени ведетъ жизнь отшельницы, непрерывно постится, молится и носитъ желѣзныя вериги.

Въ нынѣшнемъ 1845-мъ году она все огромное имѣніе свое продала въ казну, какъ говорятъ, за 30 милліоновъ.

Въ 1836 и 1837 гг. Государь дѣлалъ за Кронштадтомъ маневры балтійскому флоту. Они были произведены отличнымъ образомъ. По окончаніи, Государь, обратясь къ англійскому посланнику, сказалъ:

— Не правда-ли, такой флотъ не стыдно показать пріятелямъ?

— Ваше величество,—отвѣчалъ посланникъ,—этотъ флотъ не только пріятелямъ, но со славою можно показать и непріятелямъ.

Императоръ Александръ Павловичъ, во все время царствованія, былъ настоящимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Россіи. Въ дипломатическомъ искусствѣ онъ не уступалъ ни Тайлерану, ни Меттерниху; недаромъ Наполеонъ называлъ его: «*l'œil grec du bas Empire*».

Государь Николай Павловичъ тоже, большею частію, самъ занимался дипломатіей, и часто вице-канцлеръ не зналъ о его распоряженіяхъ. Вотъ одинъ примѣръ изъ многихъ:

Въ Парижѣ кто-то сочинилъ піесу подъ заглавіемъ: «Екатерина II

¹⁾ Писано въ 1845-мъ году.

и ея фавориты», гдѣ эта великая государыня была представлена въ самомъ черномъ видѣ. Эту піесу давали на театрахъ. Только-что Государь узналъ объ этомъ, какъ въ ту же минуту написалъ собственноручно слѣдующее повелѣніе нашему послу при французскомъ дворѣ, графу Палену:

— «Съ полученіемъ, въ какое-бы то время ни было, нисколько не медля, явитесь къ королю французовъ и объявите ему мою волю, чтобы всѣ печатные экземпляры піесы «Екатерина II» были тотчасъ же конфискованы и представленія запрещены на всѣхъ парижскихъ театрахъ; если же король на это не согласится, то потребуйте выдачи вашихъ кредитивныхъ грамотъ и въ 24 часа выѣзжайте изъ Парижа въ Россію. За послѣдствія я отвѣчаю».

Курьеръ, лично отправленный Государемъ съ этимъ повелѣніемъ, заставъ въ Парижѣ посланника за королевскимъ обѣдомъ, тотчасъ же вызвалъ его и вручилъ депешу. Прочитавъ ее, графъ Паленъ смутился; однакожъ надобно было исполнить это повелѣніе. Онъ возвратился въ столовую, подошелъ къ королю и объявилъ, что, по повелѣнію императора, просить сію же минуту дать ему аудіенцію. Эта поспѣшность удивила короля.

— Нельзя-ли,—сказалъ онъ,—по крайней мѣрѣ, отсрочить до послѣ-обѣда.

— Нѣтъ, ваше величество,—отвѣчалъ посолъ,—повелѣнія моего Государя такъ строги, что я долженъ сію же минуту объяснить вамъ—въ чемъ дѣло.

Король всталъ и пошелъ съ посланникомъ въ другую комнату, гдѣ тотъ и вручилъ ему депешу.

Рѣзкій тонъ ея и скорость, съ которою требовалось дать удовлетвореніе, поразили короля Людовика-Филиппа.

— Помилуйте, графъ,—сказалъ онъ Палену,—воля вашего императора можетъ быть закономъ для васъ, но не для меня, короля французовъ; притомъ-же вы сами очень хорошо знаете, что во Франціи конституція и свобода книгопечатанія, а потому, и при самомъ желаніи, я въ совершенной невозможности исполнить требованіе вашего государя.

— Если это окончательный отвѣтъ вашего величества,—сказалъ Паленъ;—то, въ такомъ случаѣ, прикажите выдать мнѣ мои кредитивныя грамоты.

— Но вѣдь это будетъ знакомъ объявленія войны?

— Можетъ быть; но вы сами знаете, что императоръ отвѣчаетъ за послѣдствія.

— По крайней мѣрѣ, дайте мнѣ время посоветоваться съ министрами.

— Двадцать четыре часа я буду ждать, но потомъ долженъ непремѣнно виѣхать.

Кончилось тѣмъ, что, чрезъ нѣсколько часовъ послѣ этого разговора, французское правительство запретило давать эту пьесу на театрахъ и конфисковало все печатные экземпляры. Разумѣется, что графъ Паленъ остался послѣ этого по-прежнему въ Парижѣ.

Въ 1844 г., вышла въ Парижѣ вновь пьеса «Императоръ Павелъ», которую хотѣли дать на сценѣ. Узнавъ объ этомъ, Государь написалъ королю французамъ, что «если не конфискуютъ этой пьесы и не запретятъ ей представленіе на сценѣ»—то онъ «пришлетъ миллионъ зрителей, которые ее освищутъ».

Въ 1843-мъ году, въ первыхъ числахъ сентября, Государь былъ въ Берлинѣ, гдѣ присутствовалъ на маневрахъ прусскихъ войскъ. На возвратномъ пути въ Варшаву, Государь долженъ былъ, 7-го сентября, проѣзжать Познань, гдѣ въ это время готовились похороны прусскому генералу отъ инфантеріи Грольшану. Императоръ захотѣлъ отдать послѣднюю честь этому заслуженному ветерану 1813 и 1814 годовъ; а запасная его коляска, вмѣстѣ съ правителемъ походной канцеляріи, Суковкинмъ, поѣхала чрезъ Познань. Суковкинъ остановился въ одномъ трактирѣ, чтобы напиться чаю; туда пришелъ къ нему какой-то неизвѣстный человѣкъ и спрашивалъ, гдѣ Государь и когда онъ пріѣдетъ?

— Не знаю,—отвѣчалъ Суковкинъ.

— Хороши вы, Господа русскіе, путешествующіе въ свитѣ своего царя,—сказалъ съ насмѣшкою незнакомецъ,—даже не знаете, гдѣ онъ.

Эта выходка удивила Суковкина, а, между тѣмъ, замѣтивъ, что бывшіе въ трактирѣ поляки, равно и собравшіеся на улицѣ жители Познани—оказывали весьма явно непріязненное расположеніе свое къ русскимъ, онъ поспѣшно сѣлъ въ коляску и поѣхалъ изъ города. Вслѣдъ ему посыпались насмѣшки и даже угрозы. По выѣздѣ Суковкина изъ Познани—это было уже ночью—при спускѣ экипажей съ горы, въ мѣстѣ, называемомъ Palishi, раздался выстрѣлъ, и нѣсколько пуль попали въ коляску, изъ которыхъ одною ранило сидѣвшаго рядомъ съ Суковкинмъ писаря. Въ ту же минуту нѣсколько человѣкъ съ фонарями выскочили изъ-подъ моста и, увидѣвъ, что государя тутъ не было, вскрикнули съ досадою: «oncore se n'est pas lui!» и скрылись въ темнотѣ. Между тѣмъ государь, вѣроятно предувѣдомленный, что въ Познани готовится противъ него злой умыселъ, объѣхалъ дру-

гою дорогою и, 8-го сентября, благополучно прибылъ въ Варшаву. Во всемъ этомъ происшествіи дѣйствія прусскаго правительства весьма загадочны; оно не могло не знать, что познанскіе жители враждебно расположены къ русскому царю, а зная—почему не приняло мѣръ къ обузданію этой сволочи, или, по крайней мѣрѣ, не предупредило объ этомъ императора. Сколько можно судить по газетамъ, преслѣдованіе злоумышленниковъ было весьма слабо, и слѣдовъ ихъ до сихъ поръ ¹⁾ еще не открыто. Вообще всѣ иностранныя газеты, органы своихъ правительствъ, чрезвычайно холодно выражались объ этомъ важномъ событіи, такъ какъ будто-бы онѣ сомнѣвались, дѣйствительно ли оно было; я не говорю уже про наши русскія:—онѣ, бѣдняжки, молчали по-невогѣ. Время откроетъ тайныя пружины этого адскаго заговора а мы, русскіе, скажемъ отъ чистаго сердца: «Великъ російскій Богъ».

9-го ноябрю 1843-го года хоронили генераль-адъютанта, генераль отъ кавалеріи, графа Голенищева-Кутузова; послѣ отпѣванія, когда вся печальная процессія двинулась изъ церкви, весь стоявшій на улицѣ народъ снялъ шляпы, но купеческій сынъ Дмитріевъ, франтъ, съ козлиною бородкою, остался въ шляпѣ. Государь, провожавшій гробъ сего заслуженнаго мужа, какъ-скоро замѣтилъ это невѣжество и пренебреженіе къ святымъ церемоніи, въ ту же минуту велѣлъ оберъ-полицеймейстеру взять Дмитріева и посадить на десять дней на хлѣбъ и на воду въ управѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ приказалъ въ тотъ же день собрать въ думу все петербургское купечество и, чрезъ градскаго голову, внушить ему, чтобы оно болѣе обращало вниманія на религиозное образованіе своихъ сыновей.

Графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, шефъ жандармовъ, человекъ отлично-добрый и благонамѣренный, въ 183.... г. сильно занемогъ. Государь навѣщалъ его по-нѣскольку разъ въ день. Однажды, когда болѣзнь дошла до высокой степени ожесточенія, Императоръ, со слезами на глазахъ, вышелъ изъ комнаты больного и, обращаясь къ предстоявшимъ, сказалъ:

— «Бенкендорфу узнають цѣну, когда его не будетъ: онъ со многими меня помирилъ, и ни съ кѣмъ еще не поссорилъ».

Сообщ. Д. М. Сердюкова.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

¹⁾ Писано въ 1845-мъ году.

КАРАКАЛЬСКОЕ ДѢЛО

16-го мая 1854 г.

Въ «Русской Старинѣ», изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 193—216, помѣщена статья г. Вистенгофа: «Андрей Николаевичъ Карамзинъ въ дѣлѣ 16-го мая 1854 года». Эта статья переполнена сознательными и несознательными ошибками и извращеніемъ фактовъ. Къ замѣткамъ, восстанавливающимъ истину, съ обычнымъ безпристрастіемъ напечатаннымъ уже редакціею «Русской Старины» и принадлежащимъ К. Е. Диву и покойному князю В. И. Васильчикову («Рус. Ст.» изд. 1878 г. т. XXIII, стр. 155 и 710), считаю вполне необходимымъ присоединить слѣдующій разсказъ о Каракальскомъ дѣлѣ, 16-го мая 1854 г.,—изложивъ его какъ участникъ этого дѣла.

Ранѣе, нежели я укажу на наиболѣе грубыя невѣрности въ статьѣ г. Вистенгофа, я скажу нѣсколько словъ о личности А. Н. Карамзина и о его отношеніяхъ къ офицерамъ полка. Серіозная и изящная наружность покойнаго Андрея Николаевича и его прекрасныя нравственныя качества, обнаруживавшіяся при первомъ же знакомствѣ съ нимъ, дѣлали его чрезвычайно для всѣхъ симпатичнымъ. Не отрицаю, что на его поступленіе въ полкъ офицеры сначала смотрѣли восо, какъ это всегда бывало и бываетъ, при поступленіи старшаго въ чинѣ офицера въ любой изъ полковъ. Мы тѣмъ съ большою искренностію можемъ сознаться въ этомъ, что я убѣжденъ, что нѣтъ полка, свободнаго отъ этого служебнаго первороднаго грѣха. Но скорѣй ровный и симпатичный характеръ Андрея Николаевича заставилъ офицеровъ забыть, что онъ намъ сѣлъ на шею; между нимъ и нами начали устанавливаться товарищескія отношенія и та интимность, для установленія которой нужны годы въ обыкновенное время, но которая соврѣвается быстро въ лагерѣ и на биву-

авѣ. Въ дѣло же мы гораздо охотнѣе пошли бы съ Карамзинымъ, нежели съ командиромъ полка, графомъ Алопеусомъ. Гр. Алопеусъ былъ храбръ и хладнокровенъ, но у него была нестерпимая для насъ особенность: онъ не только былъ хладнокровенъ, но и рисовался своимъ хладнокровіемъ, и не переставалъ рисоваться даже тогда, когда не мѣшало бы обнаружить побольше пылкости. Вслѣдствіе этого напуска хладнокровія, мы пороку упускали случая имѣть удачныя дѣла.

Описывая назначеніе и прибытіе въ полкъ Карамзина, г. Вистенгофъ говоритъ, что большинство офицеровъ полка состояло въ то время изъ поляковъ. Поляки далеко не составляли большинства, но необходимо признать, что, дѣйствительно, ихъ, все-таки, было слишкомъ много,—что имъ чуждо было духовное единеніе съ тѣмъ народомъ, въ войскѣ котораго они служили,—что они были провинуты духомъ, нѣсколько напоминающимъ старопольскія времена, къ которымъ относится хроника Козьмана, и что они имѣли большое вліяніе на графа Алопеуса, бывшаго, вообще, склоннымъ поддаваться вліянію лести и старательно выказываемыхъ знаковъ личной къ нему преданности.

Во всей статьѣ г. Вистенгофа вѣрно только описаніе рекогносцировки генерала Салькова къ Каракалу. Знаніе подробностей этой рекогносцировки объясняетъ многое въ ходѣ несчастнаго дѣла 16-го мая. Бывъ свидѣтелемъ, что нерѣшительность генерала Салькова и принятіе имъ вовсе излишнихъ мѣръ предосторожности дали возможность небольшому турецкому отряду безнаказанно уйти отъ насъ,—Карамзинъ, возмущаясь такою нераспорядительностію и опасаясь впасть въ подобную же оплошность, вдался въ другую крайность—былъ ужъ слишкомъ рѣшителенъ и пренебрегъ предосторожностями необходимыми.

Но, рассказавъ, безъ искаженія и противорѣчій, о рекогносцировкѣ генерала Салькова, г. Вистенгофъ спѣшитъ вознаградить себя рядомъ вымысловъ, не прерывающихся уже до конца статьи.

Въ запискѣ къ г. Вистенгофу, Сухотинъ будто-бы пишетъ: «Мы долго толковали, и онъ (Карамзинъ) порѣшилъ, что, при его отношеніяхъ въ полку, около него непремѣнно долженъ быть благонадежный и близкій къ нему человекъ; поэтому то онъ и назначаетъ тебя ординарцемъ въ себѣ». Что же это обозначаетъ? то ли, что Карамзинъ допускалъ вѣроятность, что другой офи-

церь, не умудрившійся, въ теченіе трехъ-или четырехнедѣльнаго пребыванія въ полку Карамзина, стать ему близкимъ, предасть его туркамъ,—или нарочно введеть его въ гибельную ошибку? Допущеніе возможности такого недостойнаго предположенія было бы оскорбленіемъ памяти покойнаго Андрея Николаевича; какъ тогда, вслѣдъ за его смертію, такъ и теперь, по прошествіи двадцати-пяти лѣтъ, его личность остается свѣтлою и любимую, въ воспоминаніи всѣхъ насъ, оставшихся въ живыхъ участниковъ Караваляскаго дѣла, хотя никто изъ насъ не муссируетъ отношеній нашихъ къ нему, считая, что въ три-четыре недѣли могла обнаружиться нарождающаяся симпатія, но этого времени было слишкомъ недостаточно для установленія близости. Въ особенности же никто изъ насъ заднимъ числомъ не зачисляетъ себя въ близкіе къ Карамзину люди.

Далѣе, Сухотинъ будто-бы рассказываетъ г. Вистенгофу, какъ, передъ выступленіемъ полка, офицеры, собравшись въ кружокъ передъ фронтомъ, громко роптали на назначеніе Карамзина начальникомъ отряда, причемъ занѣвалами ропота были дивизионеры, подполковники Дика и Бантышъ, будто-бы озлобленный слишкомъ долговременнымъ пребываніемъ въ чинѣ подполковника. Намъ, уже не одинъ десятокъ лѣтъ знакомымъ съ постоянною молчаливостію и сдержанностію Козьмы Егоровича Дика ¹⁾, и смѣшно, и противно видѣть его изображеннымъ интриганомъ, въ гасконской позѣ и въ присутствіи солдатъ кричащимъ о непригодности начальника, которому поручено было вести ихъ на непріятеля. Уже болѣе полустолѣтія има Дика стоитъ въ спискахъ полка, и въ теченіе своей долгой службы Козьма Егоровичъ не могъ не проникнуться духомъ дисциплины, исключаяющимъ возможность волонтерскихъ выходовъ. Бантыша же не могло озлобить пребываніе въ чинѣ подполковника, такъ какъ онъ получилъ его менѣе двухъ мѣсяцевъ передъ тѣмъ, именно 19 марта того же 1854 года. Громкаго ропота собравшихся передъ фронтомъ офицеровъ быть не могло, потому что, какъ я сказалъ выше, всѣ офицеры-не-поляки были рады назначенію Карамзина начальникомъ отряда, а поляки не посмѣли бы одни громко высказывать неудовольствіе. Сомнѣваюсь и даже,

¹⁾ Въ настоящее время генераль-лейтенантъ, состоящій въ запасныхъ войскахъ.

просто, не вѣрю, чтобы Сухотинъ рассказывалъ все это г. Вистенгофу. Къ сожалѣнiю, Александръ Николаевичъ Сухотинъ ни подтвердить, ни опровергнуть ссылки на него не можетъ: его уже нѣтъ въ живыхъ.

Отрядъ нашъ изъ Слатины вышелъ рано утромъ; не доходя до рѣки Ольтець, мы встрѣтили молдаванскiй обозъ, вышедшiй наканунѣ изъ Каракала. Возчики намъ сказали, что видѣли тамъ четыреста человекъ турецкой кавалерiи, присовокупивъ определенно, что двѣсти кавалеристовъ были съ пиками и двѣсти—безъ пикъ. Передъ мостомъ черезъ Ольтець мы сдѣлали привалъ. Г. Вистенгофъ пишетъ, что Карамзинъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ на закуску, «но многiе отказались и, отдѣлившись, громко смѣялись, шумѣли и кричали на польскомъ нарѣчiи». На закускѣ у Карамзина я не былъ по весьма простой причинѣ: о его приглашенiи я узналъ только теперь, изъ статьи г. Вистенгофа. Я служилъ въ то время въ 1-мъ эскадронѣ, въ которомъ польскому элементу хода не было. Офицеры прилегли около своихъ эскадроновъ, и, по обыкновенiю, закусили тѣмъ, что было съ собою захвачено вѣстовыми эскадронныхъ командировъ. Я помню, что вѣстовой нашего эскадроннаго командира, ротмистра Лангеншельда, забылъ захватить вина, и Лангеншельдъ послалъ его въ близъ-стоящую корчму; но тамъ сноснаго вина не нашлось, и никто изъ насъ не выпилъ ни одного глотка вина. Я упоминаю объ этомъ потому, что потомъ былъ слухъ, что мы на этомъ привалѣ кутили и спьянъ наравались на непомятно превосходившаго насъ числомъ непрiателя. По инструкци, данной Карамзину, съ этого именно мѣста долженъ былъ быть отправленъ впередъ бывший съ нами офицеръ генеральнаго штаба, съ казаками; отряду же предписывалось дѣйствовать сообразно съ донесенiемъ, которое получилось бы отъ этого офицера. Дѣйствительно, М. Г. Черняевъ ¹⁾ пошелъ впередъ, съ казаками; но едвали прошло и полчаса послѣ его ухода, какъ отряду было приказано мундштучить, и мы пошли впередъ прибавленною рысью. Рысь, которою шелъ головной эскадронъ, была такъ велика, что эскадроны, не успѣвая, растянулись, и заднiя отдѣленiя шли галопомъ. Черезъ нѣсколько верстъ мы до-

¹⁾ М. Г. Черняевъ, впоследствии главнокомандующiй въ Сербiи, былъ въ то время штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба. А. В.

гнали Чернышева; онъ былъ очень удивленъ преждевременнымъ движеніемъ отряда и примкнулъ къ намъ, съ своими казаками. Тѣмъ же усиленнымъ аллюромъ мы дошли до Тазлуя, узкой рѣчки, съ тонкими берегами. Орудія и нѣкоторые эскадроны перешли перекинутый чрезъ Тазлуй мостъ, на высокихъ сваяхъ, узкій и безъ перилъ; другіе же эскадроны перешли рѣчку въ бродъ, правѣе моста. Отъ моста шель очень отлогій подъемъ, поднявшись на который—мы увидѣли боевую линію турецкаго кавалерійскаго отряда, стоящую впереди Каракала, тыломъ къ городу. Г. Вистенгофъ пишетъ, что турки стояли въ четырехъ колоннахъ, человекъ по пятьсотъ каждая. Еслибы ихъ было, дѣйствительно, не болѣе двухъ тысячъ, то весьма вѣроятно, что нашъ семисотенный отрядъ дружнымъ натискомъ опрокинулъ бы ихъ; но—ни тогда, ни теперь никто изъ насъ не опредѣлялъ численность турокъ менѣе четырехъ тысячъ. Увидѣвъ такое численное превосходство турокъ, Карамзинъ спросилъ дивизионеровъ: на что нужно рѣшиться? Дика и Бантышъ, бывавшіе во многихъ дѣлахъ, совѣтовали не начинать дѣла, и Карамзинъ, повидимому, рѣшился послѣдовать ихъ совѣту. Въ это время подсказалъ къ нему командиръ конно-артиллерійскаго дивизиона, штабсъ-капитанъ Малиновскій, съ просьбою позволить ему выпустить по туркамъ тѣ снаряды, которыми орудія уже были заряжены. Послѣ нѣкотораго колебанія Карамзинъ согласился. До сихъ поръ турки стояли неподвижно, но первые артиллерійскіе выстрѣлы были какъ-бы сигналомъ къ началу наступленія неприятельской линіи. Развернувшись турецкіе полки начали быстро наступать на наши фланги. Командиръ 8-го эскадрона, маіоръ Раздеришинъ, храбрый офицеръ, но не имѣвшій никакой боевой опытности, просилъ разрѣшенія Карамзина атаковать подвигавшихся на его эскадронъ турокъ. Карамзинъ разрѣшилъ—и это было послѣднимъ его распоряженіемъ: съ момента атаки 8-го эскадрона и до конца дѣла мы не получали никакого общаго приказанія, и каждый дивизионеръ дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію.

Степень моего участія въ дѣлѣ лишаетъ меня возможности составить его общее описаніе, по моимъ личнымъ наблюденіямъ. Для этого нужно было бы смотрѣть на дѣло издали; я же все время участвовалъ въ ожесточенной рукопашной схваткѣ и могъ

видѣть только происходившее непосредственно вокругъ меня, или, по крайней мѣрѣ, близъ меня. Поэтому, какъ очевидецъ, я могу разсказать только то, что дѣлалось 1-мъ эскадрономъ, а еще лучше—охотниками 1-го эскадрона, которыхъ я водилъ впередъ, и нѣсколько правѣ нашего праваго фланга. О дѣйствіяхъ другихъ эскадроновъ я узналъ непосредственно послѣ дѣла, изъ разсказовъ офицеровъ. Но разсказъ г. Вистенгофа совершенно вымышленъ и до того неискусно, что можно, и не будучи стороннимъ наблюдателемъ дѣла, ясно видѣть вымыселъ. Напримѣръ, можно, и не видя орудій, знать: дѣйствуютъ ли, они или молчатъ. «Артиллерія, по неизвѣстной причинѣ, вдругъ, безъ приказанія, прекратила огонь. Карамзинъ поблѣднѣлъ какъ полотно, но скрылъ свой ужасъ и не потерялся. Гусары видимо оробѣли. Турки ободрились. Тогда Карамзинъ приказалъ ударить (?) сигналъ «въ атаку». Начать долженъ былъ 8-й эскадронъ» и проч.—повѣствуетъ г. Вистенгофъ. «Есть подозрѣніе, что зарядовъ, по оплошности, взято было въ крайне ограниченномъ числѣ, и ихъ не хватило»—прибавляетъ онъ. Еслибы я писалъ съ предвзятою цѣлью снять отвѣтственность съ полка, во что бы то ни стало, то мнѣ было бы весьма удобно не опровергать измышленій Вистенгофа, что артиллерія, будто-бы безъ приказанія, преждевременно прекратила огонь, и этимъ взвалить на нее часть вины въ нашемъ поражениіи. Но, говоря истину, артиллерія храбро поддерживала насъ почти до конца дѣла и даже поддерживала болѣе, нежели было бы желательно: еслибы орудія прекратили огонь получасомъ раньше и отошли за мостъ, когда мы еще были въ силахъ отбиваться и не были кругомъ обойдены,—то они не были бы захвачены турками. Но распорядиться своевременнымъ отводомъ за мостъ орудій было некому: командиръ конно-артиллерійскаго дивизиона былъ раненъ въ голову, а отъ Карамзина, какъ я выше сказалъ, не исходило ни одного распоряженія. Артиллерія, дѣйствительно, превратила огонь «безъ приказанія», по той весьма простой причинѣ, что, послѣ полуторачасовой пальбы, выпустила свои послѣдніе снаряды. Что они взяты были въ недостаточномъ количествѣ—совершенно ложно: въ передкахъ и ящикахъ былъ надлежащій комплектъ зарядовъ; иначе, ихъ не хватило бы, для полуторачасоваго непрерывнаго дѣйствія. Нагляднымъ доказательствомъ того, что взяты были полный комплектъ зарядовъ, служить то, что одно изъ орудій свой

последній выстрѣлъ сдѣлало свѣтящимся ядромъ: еслибы оставлено было въ Слатинѣ нѣкоторое количество снарядовъ, то скорѣе всего были бы оставлены свѣтящіяся ядра—снарядъ, употребившійся полевой артиллеріею въ исключительныхъ случаяхъ и крайне рѣдко.—Послѣ прекращенія артиллерійскаго огня, «гусары видимо оробѣли» — повѣствуетъ г. Вистенгофъ. Но вѣдь изъ его же дальнѣйшихъ словъ видно, что запальчивая и молодецкая атака 8-го эскадрона была уже послѣ этого «оробѣнія»¹⁾.

Еще атака 8-го эскадрона не была отбита, когда командиръ 1-го дивизиона, подполковникъ Дика, подѣхалъ въ 1-му эскадрону и, указывая на развѣвавшіяся турецкія знамена, сказалъ:

— Видите, ребята, эти знамена — будутъ наши?

— Будутъ, будутъ наши! — восторженно крикнули солдаты.

— Охотники, впередъ! — командовалъ Дика.

Почти весь эскадронъ вынулъ впередъ, такъ что пришлось осадить три-четверти вывавшихся. Такъ ли проявляется оробѣлость?

Я выѣхалъ съ охотниками. Впереди нашего фронта турки наседали на отстрѣливавшихся казаковъ. Дика приказалъ мнѣ вырвать казаковъ. Я повелъ охотниковъ съ мѣста въ карьеръ; они бросились, съ крикомъ, гоня передъ собою турокъ, которыхъ было, по крайней мѣрѣ, втрое болѣе насъ. Замѣтивъ правѣе насъ толпу турокъ, нѣсколько отдѣлившуюся отъ своихъ, мы бросились вправо, чтобы ее отрѣзать. Въ завязавшей тутъ рукопашной свалкѣ, скакавшій мимо меня аскеръ хотѣлъ, какъ кажется, круто повернуть лошадь, но она споткнулась, и онъ слетѣлъ на землю. Едва онъ сталъ подыматься, какъ я прынулъ его въ лѣвую часть спины, и онъ снова упалъ грудью на землю. Вслѣдъ затѣмъ передо мною очутился огромный низамъ, на вы-

¹⁾ Описывая атаку 8-го эскадрона, г. Вистенгофъ говоритъ, что командиръ эскадрона, Винкъ, спасая своего вахмистра, былъ взрубленъ, и что это сильно подѣйствовало на солдатъ, на которыхъ Винкъ будто-бы имѣлъ большое вліяніе. Дѣйствительно, при спасеніи вахмистра, Винкъ былъ убитъ пулею въ високъ; но командиромъ эскадрона онъ вовсе не былъ, а былъ субалтернъ-офицеромъ, который только во фронтѣ становится передъ эскадрономъ, какъ иногда передъ взводами, по недостатку офицеровъ, ѣздить унтеръ-офицеры, не становящіеся черезъ это взводными командирами. Настоящимъ же командиромъ 8-го эскадрона былъ майоръ Раздеришинъ, тоже временно, во фронтѣ, становившійся передъ 4-мъ дивизиономъ, за богузію подполковника Хрущевскаго. Е. И. Винкъ былъ храбрый офицеръ и хорошій человекъ, но неспособный имѣть вліяніе на кого бы то ни было

сокой соловой лошади. Я хотѣлъ ударить его по головѣ, но попалъ по плечу и, притомъ, ударилъ частью сабли, близъ самаго эфеса; конечно, сила удара была ничтожная. Но турокъ не сумѣлъ воспользоваться моимъ промахомъ и убить меня: онъ тоже промахнулся, и сабля его свиснула надъ моею головою, безъ вреда для меня. Онъ замахнулся снова, но изъ разрубленной мною кисти его правой руки сабля вывалилась, а подскакавшій къ нему рядовой Любарскій раскроилъ ему голову. Впрочемъ, слово «раскроилъ» едвали имѣетъ мѣсто, когда говорятъ о сабельныхъ ударахъ нашихъ солдатъ: они такъ небрежны къ остротѣ своихъ сабель, что онѣ не разсѣкаютъ членовъ, а раздробляютъ ихъ; на черепахъ, пораженныхъ саблями нашихъ солдатъ, раны имѣютъ видъ не узенькихъ кровавыхъ полосокъ, а широкихъ полосъ, съ вдавленными краями, какъ послѣ удара дубины.

Я не понимаю, почему турки сразу не затоптали моихъ охотниковъ, вмѣстѣ съ присоединившимися къ намъ казаками, а около часа дали намъ возможность дѣйствовать правѣ нашего 1-го дивизиона. Правда, что, въ трудные для насъ моменты, насъ поддерживали атаки 1-го и 2-го эскадроновъ; но турокъ было столько, что они имѣли возможность сразу опровергнуть весь дивизионъ. Нерѣшительность ихъ можно только объяснить тѣмъ, что они весь нашъ отрядъ сочли за авангардъ значительнаго отряда.

Уже около часа прошло съ вызова охотниковъ изъ 1-го эскадрона, и уже не одинъ разъ мы рвались впередъ и потомъ снова были отбрасываемы. Разъ, когда мы потѣснили турокъ, и они, отступая, отстрѣливались, одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ въ скакавшаго около меня казака; пуля минула казака, а мой конь спотынулся: у него перешиблена была нога. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня скакало двое турокъ, но мнѣ невозможно было къ нимъ двинуться. Я вынулъ изъ кабуры пистолетъ и выстрѣлилъ въ нихъ, но промахнулся. Въ это время рядовой Семехинъ, увидя, что мой «Персикъ» стоитъ раненый, опустивъ голову, — подвелъ ко мнѣ пойманную имъ турецкую лошадь. Но такъ какъ она была слишкомъ мала для меня, а подъ Семехина годилась, то онъ пересѣлъ на нее, а я сѣлъ на его лошадь «Арабъ». Едва я успѣлъ пересѣсть, какъ турки наперли на насъ по всей линіи. Вотъ тутъ то смолкли орудія, выпустивъ послѣдніе заряды; тѣ орудія, лошади которыхъ не были перебиты, взяты были на задки и поскакали къ мосту. Въ это мгновеніе вся линія

была опровергнута и принята къ рѣкѣ; люди разныхъ эскадроновъ перемѣшались; у моста на Таазуѣ, нашего единственнаго пути отступленія, уже стояли обошедшіе насъ турки, вѣроятно перешедшіе Таазуѣ въ бродъ, гдѣ-нибудь выше моста. Къ счастью, они успѣли переправиться черезъ Таазуѣ лишь въ небольшомъ количествѣ, что дало намъ возможность пробиться. Но въ произошедшей при этомъ отчаянной свалкѣ погибли подекававшія къ мосту орудія; одно изъ нихъ, на моихъ глазахъ, попало въ рѣку и завязло въ тинѣ; говорили, что и другое погибло такимъ же образомъ, но я этого самъ не видѣлъ. За рѣкою, на протяженіи двухъ-трехъ верстъ, турки горячо преслѣдовали насъ, но преслѣдующихъ было весьма немного, и когда мы, за деревнею Доброславени, остановились, рѣшившись еще разъ дать отпоръ, то они повернули и поспѣшили присоединиться къ своимъ главнымъ силамъ. Тутъ у нѣкоторыхъ изъ насъ, сгорая, явилась мысль—попытаться обратно отбить орудія, но мысль эта тотчасъ же была оставлена, какъ безусловно-неисполнимая ¹⁾ Отсюда отрядъ отступалъ, не преслѣдуемый болѣе турками. Но, пройдя нѣсколько верстъ, мы увидѣли влѣво отъ себя густую пыль; предположивъ, что это турецкій отрядъ, направленный изъ Балаша намъ наперерѣзъ, мы прошли нѣсколько верстъ рысью, чтобы успѣть пройти мостъ на Ольтецѣ, около деревни, гдѣ мы утромъ дѣлали привалъ. Была ли видѣвшаяся пыль, дѣйствительно, произведена движеніемъ непріятельскаго отряда, или она поднялась отъ какой-нибудь другой причины—я не знаю.

Вотъ все, что я могу рассказать о дѣлѣ, чему былъ очевидцемъ и въ чемъ непосредственно участвовалъ. Но, какъ ни лично изложенныя мною воспоминанія о Каракальскомъ боѣ,—изъ нихъ можно сдѣлать тотъ существенный, для составленія понятія объ этомъ дѣлѣ, выводъ, что оно длилось довольно долго, а не было мгновенно отброшеннымъ налетомъ, какъ нужно было бы заключить изъ статьи г. Вистенгофа. А большая или меньшая продолжительность жаркаго боя, при огромномъ неравенствѣ силъ

¹⁾ Дѣйствительно, еслибы туркамъ почему-либо пришла фантазія добровольно возвратитъ намъ тѣ два орудія, которыя мы потеряли послѣдними, то намъ невозможно было бы этимъ воспользоваться: носился слухъ, что турки только на другой день вытаскивали ихъ изъ болота, обвязавъ канатами и припрятавши къ протянутымъ на берегъ концамъ этихъ канатовъ по нѣскольку паръ воловъ.

противниковъ, даетъ возможность сдѣлать оцѣнку поведенія въ бою слабѣйшаго изъ нихъ.

Описаніе дѣла г. Вистенгофомъ оставляетъ по себѣ слѣдующее впечатлѣніе: полкъ прискакалъ, бросился на непріятеля не посмѣлъ, несмотря на всѣ команды Карамзина и сигналы, и послѣ кратковременной схватки съ турками, усекалъ, оставя въ ихъ рукахъ орудія, успѣвшія до того сдѣлать лишь по нѣсколькѣ выстрѣловъ. Изъ рассказаннаго же мною видно, что мы бились болѣе полутора часа, и солдаты дрались храбро; артиллерія же во все время дѣйствовала непрерывно. Рассказы моихъ товарищей, слышанные мною какъ немедленно послѣ дѣла, такъ и впослѣдствіи, можно резюмировать такъ: послѣ отбитія атаки 8-го эскадрона, ему на помощь пошелъ 7-й эскадронъ, и люди обоихъ эскадроновъ смѣшались; затѣмъ пошли атаки другихъ эскадроновъ—атака за атакой; невозможно опредѣлить, въ какомъ порядкѣ онѣ слѣдовали одна за другою, такъ какъ каждый эскадронный командиръ атаковалъ, когда находилъ нужнымъ, то есть, когда турки сильнѣе напирали на его эскадронъ; никакого общаго распоряженія не было, равно какъ и какого-то сигнала въ «общей атакѣ», о которомъ рассказываетъ г. Вистенгофъ; по крайней мѣрѣ, никакого сигнала не слышали даже тѣ эскадроны, которые находились близъ начальника отряда.

Быть можетъ, какой-либо сигналъ и былъ поданъ, но уже тогда, когда эскадроны, одинъ за другимъ, втянулись въ рукопашный бой и когда запоздалый сигналъ могъ быть нигдѣмъ не замѣченъ. Впрочемъ, весьма мало вѣроятія, чтобы, вообще, поданъ былъ какой-либо сигналъ: о немъ, безъ сомнѣнія, рассказалъ бы оставшійся въ живыхъ трубачъ, бывший при Карамзинѣ.

По статьѣ г. Вистенгофа, дѣло 16-го мая 1854 г. представляется въ одномъ свѣтѣ; по моему разсказу—въ другомъ; кто жъ—третій разъяснить читателямъ «Русской Старины»: кому изъ насъ можно вѣрить, мнѣ, или г. Вистенгофу? Этимъ третьимъ лицомъ могъ бы быть Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ; но на него самого сыпалось въ недавнее время столько клеветы и ложныхъ обвиненій, что ему едва-ли до клеветы, падающей на другихъ. Постараемся же указать въ самой статьѣ г. Вистенгофа—такія ошибки, какія подрываютъ довѣріе ко всему его разсказу.

Исчисляя потери полка, въ дѣлѣ 16-го мая, г. Вистенгофъ говоритъ: «гусаровъ нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя убитыми и

ранеными двадцать человекъ». Еслибы полкъ, при такой ничтожной потерѣ, былъ опровергнутъ и лишился своихъ орудій—онъ вполне заслуживалъ бы, чтобы его расформировали, и опозоренное его имя было навсегда вычеркнуто изъ списка полковъ русской арміи. Въ дѣйствительности, у насъ осталось на мѣстѣ нижнихъ чиновъ 56. Вотъ ихъ именной списокъ, списанный съ приказовъ по полку:

Унтеръ-офицеры: Петръ Голицынъ, Власть Пожарскій, Вильгельмъ Ганъ; рядовые: Степанъ Анкифевъ, Тимофей Птицынъ, Селантій Гропоговъ, Терентій Попацевъ, Иванъ Дзехановскій, Павелъ Шашъ, Степанъ Самойленко, Григорій Фоменко, Петръ Страшный, Сафроній Квѣтинъ, Каръ Черепашинъ, Осипъ Рынкевичъ, Степанъ Никитинъ, Никита Безпорушный, Яковъ Минковъ, Василій Мартыновъ, Александръ Заллава, Федоръ Бородинъ, Федоръ Дегтяревъ, Антонъ Николаичукъ, Макаръ Просляниковъ, Степанъ Ильинъ, Яковъ Гоморуха, Никита Бородинскій, Павелъ Штоперунъ, Парфентій Полосухинъ, Теофілъ Туаторичъ, Семенъ Ицловичъ, Юна Прошинъ, Антонъ Люборецкій, Филиппъ Лаптуненко, Сергій Стремоноговъ, Никита Евсѣевъ, Семенъ Довець, Степанъ Власенко, Осипъ Лукинъ, Андрей Юрченко, Сергій Сычевой, Иванъ Шумильскій, Иванъ Шаповаловъ, Филиппъ Башкиръ, Петръ Яковлевъ, Ефимъ Красношмыкъ, Иванъ Евсѣевъ, Тимофей Добровозный, Антонъ Николаевъ, Корней Бурка, Семенъ Шевчукъ, Харлампій Сладковъ, Василій Чушка, Онуфрій Булавскій, Никифоръ Стегій и Кирило Сперсенецъ.

Общаго числа раненыхъ я, съ увѣренностію, не помню, да и трудно его точно опредѣлить, потому что многіе легко-раненные остались въ эскадронахъ, гдѣ полковой врачъ дѣлалъ имъ перевязку. Знаю только достоверно, что, изъ числа раненыхъ, въ первые четыре-пять дней послѣ сраженія, умерли: Николай Содомацевъ, Семенъ Таница и Павелъ Роторъ. Одинъ изъ оставшихся до сихъ поръ въ живыхъ участниковъ этого дѣла, И. И. Гольмбергъ, припоминаетъ, что общее число раненыхъ было 102, что должно признать цифрою—весьма близкою къ дѣйствительности, такъ какъ обыкновенно число раненыхъ превышаетъ число убитыхъ не менѣе, нежели въ полтора или два раза; иногда же число раненыхъ относится къ числу убитыхъ, какъ пять къ одному. Допустимъ, что 16-го мая таковое отношеніе почему-либо нарушилось, что раненыхъ было не 102; а почти столько же, сколько убитыхъ, и что общая цифра потери въ Александрийскомъ полку не превышала 120 ¹⁾. Двадцать и сто двадцать! Неумышленное смѣшеніе этихъ двухъ цифръ невѣроятно. Можно ошибочно сказать двадцать—вмѣсто тридцати: допустимъ, что можно ошибочно сказать двадцать—вмѣсто сорока, то есть умень-

¹⁾ Принявъ во вниманіе несчастный исходъ дѣла, надо сознаться, что потеря въ 120 человекъ (изъ 600) чрезвычайно мала; но это объясняется просто: наибольшія потери развитый отрядъ несетъ, обыкновенно, при преслѣдованіи неприятелемъ, а турки насъ почти не преслѣдовали; несомнѣнно, они приняли насъ не за самостоятельный отрядъ, осмѣлившійся увлечься такъ далеко отъ своего баяса, а зарвавшійся авангардъ довольно значительнаго отряда. А. В.

шить цифру вдвое; но уменьшить ее вшестеро—можно только преднамѣренно. Это явно-неслучайное искаженіе, въ соединеніи съ тономъ, въ какомъ написана статья, достаточно освѣщаютъ отношенія ея автора къ полку и къ постигнутому его несчастью. При присущей русскимъ офицерамъ горячей привязанности къ своимъ полкамъ, естественно было бы ожидать, что въ воспоминаніи бывшаго офицера полка о грустномъ эпизодѣ въ его исторіи будетъ просвѣчивать скорбь; въ статьѣ же г. Вистенгофа, въ его описаніи дѣла и возвращенія остатковъ полка въ Слатину и, въ особенности, въ описаніи полковаго лагеря, послѣ дѣла, видно нескрываемое злорадство. Съ какимъ глумленіемъ авторъ пишетъ: «многіе были слегка ранены, оцарапаны; иные, познакомившись съ силою турецкихъ фухтелей, лежали съ черными пятнами на спинѣ и стонали; другіе ворчали объ утратѣ своихъ часовъ и полуимперіаловъ и немилосердно все зло и вину взваливали на мертваго Карамзина». Это турки-то, обычные звѣрства которыхъ надъ ранеными почти выходятъ изъ предѣловъ правдоподобнаго,—турки, которые въ Плевнѣ живьемъ зарывали русскихъ плѣнныхъ,—въ Каракальскомъ дѣлѣ были почему-то въ такомъ добродушно-шутливомъ настроеніи, что забавлялись фухтеляніемъ, когда могли бы рубить и убивать!

Впрочемъ, удивительно ли, что г. Вистенгофъ могъ видѣть то, что никогда не происходило, если ужъ у него есть способность слышать то, что никогда не было сказано. Онъ рассказываетъ, напримѣръ, что слышалъ, какъ князь Васильчиковъ, по порученію начальника Маловалахскаго отряда, генерала Липранди, уговаривалъ Карамзина не отказываться отъ принятія командованія легучимъ отрядомъ. Да вѣдь какъ отчетливо г. Вистенгофъ слышалъ эти убѣжденія и какъ подробно передаетъ каждое слово князя Васильчикова и его восторгъ, вызванный согласіемъ Карамзина, даннымъ послѣ нѣкотораго колебанія! Между тѣмъ—нынѣ покойный—князь В. И. Васильчиковъ, на страницахъ «Русской Старины», положительно заявилъ, что генералъ Липранди никакого порученія къ Карамзину ему не давалъ, и что онъ, князь Васильчиковъ, дѣйствительно убѣждалъ Карамзина—но не ѣхать, а остаться дома; желаніемъ же Карамзина—вести легучій отрядъ—не только не былъ приведенъ въ восторгъ, а напротивъ, весьма неприятно былъ изумленъ.

С. Магъево, 29-го мая 1879 г.

А. Васильчиковъ.

ИННОКЕНТІЙ,

Архієпископъ Херсонскій и Таврическій ¹⁾.

Приложеніе къ письму къ Его Императорскому Высочеству Государю Великому
Князю Константину Николаевичу.

1852 г.

[Изъ Одессы, 30-го іюля].

Выписки изъ Молитвенника, напечатаннаго въ Мисѣ 1850-го года.

— Стр. 297. Прокоре всеблаженне хлѣбы сущиши отъ вѣліи и солию отъ пепела препитавши.

Объясненіе: Биліе—вообще трава, въ настоящемъ мѣстѣ—лебеда. Блаженный Прокоръ, во время голода, питалъ нищихъ хлѣбомъ пшѣ лебеды, употребляя вмѣсто соли золу, которая, бывъ принята изъ рукъ его, принимала соляной вкусъ.

— 226. Богоотець убо Давидъ, предъ сѣннымъ ковчегомъ.

Объясненіе: Сѣнный, сѣновный—отъ сѣнь, стѣнь—преобразовательный, предзнаменующій собою что-либо. Ковчегъ завѣта, при торжественномъ перенесеніи его изъ Вавилона въ Иерусалимъ, Святій Давидъ, отъ избытка духовнаго восторга, пѣлъ и скакалъ,—былъ прообразомъ Іисуса Христа—Его естества Божественнаго и человѣческаго; потому и названъ въ настоящей пѣснѣ сѣннымъ или преобразовательнымъ.

— 341. Оле страшнаго таинства! оле благоутробія Божія!

Объясненіе: Оле—то же что О!—«о страшнаго таинства! о Божественнаго благоутробія!»

— 342. И чаша твоя уповающе, яко держава.

Объясненіе: Яко сильна и вѣрна.

— 343. Возмите врата князи ваша, и возмитеся врата вѣчная.

Объясненіе: Князь—верхняя перекладина въ дверяхъ или въ кровлѣ. Посему надобно понимать сѣи слова такъ: врата! возвысьте верхи ваши, возвысьтесь двери вѣчныя! Царь славы входитъ!

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1878 г., т. XXI и XXIII; изд. 1879 г. т. XXIV; т. XXV, стр. 199—204; 367—370.

— Стр. 349. Горганобѣсіе.

Объясненіе: Отрижка и нѣкота отъ пресмщенія и обжорства.

— 351. Малакіи, скоктанія.

Объясненіе: Малакія—ованизмъ; скоктаніе—любострастное щелоктаніе въкоторыхъ частей тѣла.

— 364. Разбойничю покаянiе рай ограде.

Объясненіе: Покаянiе разбойнига похитило (ограде) рай, который, то есть, не могъ никакъ по праву принадлежать разбойнику, достойному ада, но какъ-бы насильно захвачеъ имъ, по прежней привычкѣ къ усвоенію чужаго,—необыкновеннымъ подвигомъ покаянiа на крестѣ.

— 373. Отпустительные тропари и кондаки.

Объясненіе: Тропари и кондаки, поемые предъ отпусками, или окончаніемъ Богослуженія: вечерняго—послѣ: нѣмѣ отпущаещи..., утреннаго—послѣ: благо есть исповѣдатися Господевн.

Въ чемъ состоятъ разица нѣнеслѣдующихъ разрядовъ святыхъ:

— Мученикъ.

Объясненіе: Мучениками въ православной церкви называются тѣ изъ святыхъ, кои пострадали и умерли за исповѣданіе вѣры христіанской.

— Священномученикъ.

Объясненіе: Это пастыри церкви, то есть епископы и пресвитеры, положившіе мученически животъ свой за пастыреначальника своего, Исуса Христа.

— Великомученикъ.

Объясненіе: Это мученики, кои за святую вѣру претерпѣли множество великихъ и разнообразныхъ страданій, какимъ подвергались не всѣ изъ мучениковъ.

— Преподобномученикъ.

Объясненіе: Это мученики—изъ иноковъ.

— Исповѣдникъ.

Объясненіе: Кто во время гоненій, за исповѣданіе вѣры, подвергался разнымъ страданіямъ и лишеніямъ (потерѣ имущества, темницѣ, ссылкѣ, лишенію глазъ, языка и пр.), но остался въ живыхъ.

— Преподобный.

Объясненіе: Святый—изъ иноческаго званія.

— Первострадальный.

Объясненіе: Первый по времени, въ цѣломъ христіанствѣ, или какой-либо странѣ,—мученикъ, напр., Стефанъ, архидіаконъ и первомученикъ; Фегела, первомученица, и пр.

— Праведный.

Объясненіе: Это святые Ветхаго и Новаго Завѣта, кои жили въ мирѣ, занимали общественныя должности, вступали въ бракъ; но, при всѣхъ обстоятельствахъ жизни своей, поступали по закону Божію и правдѣ. Таковы праведные изъ Ветхаго Завѣта: Іовъ, Авраамъ, Лотъ, Исаакъ, Іаковъ и другіе; изъ Новаго: благовѣрные князья и княгини россійскіе, прославленные церковно за ихъ примѣрно добродѣтельную жизнь и благочестіе.

— Честный.

Объясненіе: То есть, достойный особенной чести и уваженія.

— Богоносный.

Объяснение: Тамъ называютъ тѣ изъ святыхъ, кои носили Бога въ умѣ и сердцѣ своемъ, ходя выну въ Его невидимомъ присутствіи, какъ-то: Антоній и Феодосій Печерскіе, Сергій Радонежскій и пр. Изъ древнихъ—святому Игнатію Богопесцу преимущественно усвоится это названіе, потому что онъ, какъ говорятъ предавіе, находился въ числѣ тѣхъ дѣтей, коихъ матери приводили на благословеніе къ Спасителю, и былъ взятъ Имъ на свои божественныя руки.

— Всехвальный.

Объяснение: Достоинъ славимый повсюду, отъ всѣхъ и за все.

— Трѣблаженный.

Объяснение: То есть, блаженный въ высшей степени.

— Требогатый.

Объяснение: То есть, весьма богатый (духовно).

— Апостоле Святый Кюдрате. Почему Кюдратъ называется апостоломъ?

Объяснение: Святый Кюдратъ «бѣ въ числѣ семидесяти апостоловъ» (Чет. Мн., сент. 21-го дня). Кромѣ дванадцати извѣстныхъ апостоловъ, у Спасителя было еще «иныхъ семдесятъ».

— И правомъ причастникъ.

Объяснение: И въ правахъ твоихъ и духовныхъ расположеніяхъ ты былъ общникъ апостоловъ, то есть, мыслилъ, чувствовалъ и дѣйствовалъ подобно имъ.

— Сергій чудотворца, иже въ Маковцѣ? Живоначальныя Троицы.

Объяснение: Маковецъ — урочище близъ Сергіевои Лавры, въ которомъ первоначально подвизался преподобный Сергій,—кромѣ сего не имѣющее никакой географической извѣстности.

— Почему св. Симеонъ дивногорецъ?

Объяснение: Дивногорцемъ св. Симеонъ названъ отъ горы сего имени, находящейся близъ Антиохіи, въ которой (горѣ) подвизался онъ 45 лѣтъ, на столпѣ въ 60 футовъ вышиною, и которую своими подвигами необыкновенными и чудесами сдѣлалъ для всѣхъ еще болѣе дивною.

— Святый Романъ сладкопѣвецъ?

Объяснение: Романъ, клирикъ константинопольскій, названъ сладкопѣвцемъ отъ слѣдующаго случая. За свою малограмотность и простоту терпя отъ своихъ сослуживцевъ дерзкихъ разныя укоризны и обиды, онъ съ живою вѣрою и молитвою обратился къ Пресвятой Богородицѣ за помощію, которая и была ниспослана ему дивнымъ образомъ. Исполненный внезапно духа разумннн и вѣтійства, св. Романъ, въ праздникъ Рождества Христова, во время всеобщаго бѣннн, въ положенное для бѣннн время, вдругъ восходить на амвонъ и, къ стыду многихъ, къ пумленію всѣхъ, начинаетъ пѣть по вдохновенію сладкимъ голосомъ новосоставленный имъ въ ту же минуту кондакъ: Дѣва днесъ пресущественнаго рождаетъ!...

Въ Молитвенникѣ, изданномъ въ Москѣ 1850 года, на стр. 418.

— «Пристеженіе: знаменуй».

Объяснение: Пристеженіе то же, что прибавленіе; знаменуй—замѣть, обрати вниманіе.

— Тамъ же: «поется и возсгѣдованіе».

Объяснение: Возсгѣдованіе—то есть, служба въ честь и память свя-

таго вселенскаго седмаго собора, иже въ Никей, какъ это видно изъ послѣдующихъ за тѣмъ словъ.

— Почему св. Босма святогорець и отче требогате?

Объясненіе: Не святогорець, а святоградецъ. Такъ названъ св. Коама потому, что поставленъ въ Маіумъ епископомъ отъ святаго града Іерусалима, среди коего онъ имѣлъ долговременное пребываніе. О словѣ требогаты ѱ—зри выше.

— Почему Тотемскій монастырь называется Спасо-Суморинъ?

Объясненіе: Спасовымъ называется онъ отъ своего главнаго храмоваго праздника—Преображенія Господня, а Суморинымъ отъ своего основателя, преподобнаго Θεодосія, по фамиліи Суморина. Этотъ заштатный, но знаменитый по находящимся въ немъ мощамъ преподобнаго Θεодосія, монастырь находится въ Вологодской губерніи, въ двухъ верстахъ отъ уѣзднаго города Тотмы, при рѣчкѣ Песей деньгъ.

— 16-го октября, въ день Димитрія Мироточца, совершается воспоминаніе великаго и страшнаго трясенія; гдѣ и когда было это землетрасеніе?

Объясненіе: Константинопольская церковь установила воспоминаніе съ благодарностію Господу Богу 26-ое октября, по случаю прекращенія въ этотъ день страшнаго землетрасенія въ Константинополѣ и окрестностяхъ его, въ 740 году, въ царствованіе Льва Исавра. Мироточцами называются тѣ изъ святыхъ, коихъ св. мощи источаютъ чудесно миро цѣлебное.

— Почему мученица Параскева именуется Пятницей?

Объясненіе: Параскева именуется пятницей потому, что она родилась въ день пятницы, который благочестивые родители ея всегда проводили въ постѣ, молитвахъ и дѣлахъ благотворенія, ради воспоминанія въ сей день церковію страданій и крестной смерти Господа нашего Іисуса Христа.

— Почему св. Ерасть, Олимпъ и Родіонъ называются апостолами?

Объясненіе: Потому что они изъ числа семидесяти апостоловъ, кои послѣ дванадцати были избраны Іисусомъ Христомъ изъ своихъ учениковъ и посланы на проповѣдь Евангелія.

— Въ тропарѣ св. Филиппу сказано: «тѣмъ дерзновенно варятъ Еѳіопская рука къ Богу»; что это значить?

Объясненіе: Варятъ—спѣшить, упреждать, ускорять рѣчью, или приходомъ. Рука Еѳіопская поставлена здѣсь вмѣсто страны Еѳіопской, по извѣстной риторической фигурѣ. Мысль та, что Еѳіопія, озаренная свѣтомъ проповѣди Евангельской отъ ап. Филиппа, смѣло возносить руки свои къ Богу отъ молитвою. Примѣръ такового дерзновенія показали еще прїѣзжавшіи въ Іерусалимъ на богомолье одинъ изъ царедворцевъ Еѳіопской владѣтельницы, когда, при встрѣчѣ съ Филиппомъ, на пути, послѣ краткой бесѣды, тотчасъ потребовать отъ него крещенія. (Дѣян., VIII, 27—39).

— Въ кондахъ Клементу и Петру говорится: «церкви недвижимы и божественны Пургове».

Объясненіе: Пургове—вооруженныя башни, твердыни.

— Отдается праздникъ. Отданіе праздника.

Объясненіе: Великіе Господни и Богородичныя праздники, подобно празднествамъ ветхозавѣтнымъ, имѣютъ каждый свое препразднество и по-празднество, съ отданіемъ празднику. Препразднество есть предварительное, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, празднованіе въ маломъ видѣ, ради приближающагося праздника, состоящее изъ нѣсколькихъ въ честь его каждый

день пѣснощный при богослуженіяхъ. Попрасидество есть продолженіе въ честь прошедшаго праздника, на нѣсколько дней—въ маломъ видѣ—пѣснощный праздничныхъ. Въ послѣдній день попрасидества, повторяется почти вся служба празднику отъ нѣкоторымъ сопрасиденіемъ, что и называется отданіемъ празднику.

— Въ кондакѣ св. Павлу: «отъ юности мудре еже паче смысла вождѣль еси мужески, мірскій митежъ оставилъ есп».

Объясненіе: Отъ юности мудрый, ты еще въ раннихъ лѣтахъ яко мужъ возжелалъ того, что превыше разума, оставилъ митежъ мірскій.

— Въ кондакѣ св. Вонифатію: «священіе непорочное самовольнѣ тебе привель еси, иже отъ Дѣвы тебе ради родитися хоташему, святе вѣщевосоче, премудре Вонифатіе!».

Объясненіе: Святе вѣщевосоче! Премудре Вонифатіе, ты добровольно посвятилъ себя на непорочное служеніе тому, иже тебе ради (равно какъ и ради спасенія всѣхъ людей) желалъ родитися отъ Дѣвы.

— Что значить препрасидество?

Объясненіе: Зри выше отданіе празднику.

— Въ кондакѣ Игнатію: «сего бо жаждей отъ любви насладитися, потщался еси отъ звѣрей свидѣнь быти, сего ради Богоносецъ нареклся еси Игнатіе всемудре».

Объясненіе: Желая насладитися отъ Его (Исуса Христа) любви, ты потщался быть свидѣннымъ отъ звѣрей, почему и названъ Богоносцемъ, премудре Игнатіе! Когда св. Игнатій былъ приведенъ во узакъ въ Римъ и осужденъ на растерзаніе звѣрами, то, въ ожиданіи мученичества, онъ молился ко Господу между прочимъ о томъ, чтобы звѣри не пощадилъ какъ-нибудь его, а растерзали такъ же, какъ растерзываютъ другихъ. Въ растерзанномъ звѣрми сердцѣ его; по свидѣтельству преданія, звѣрушіе принѣтили отвѣтливнымъ имя Божіе; почему онъ и названъ Богоносецъ.

— Великомученица Анастасія, фармаколитрія, еже есть узорѣшительница.

Объясненіе: Великомученица сія особенно любила служить и помогать гонимымъ за вѣру Христову. Проходя для сего изъ страны въ страну, она посѣщала темницы, въ конхъ содержалась христіане; доставляла имъ отъ нуждства своего пищу, одежду, врачевства и пр.; деньгами покупала у стражей для нихъ облегченіе, а у судей—иногда и свободу; отчего и названа узорѣшительницею.

— Рождество Спасителя нашего Исуса Христа. Пасха: праздникъ триндневный и разрѣшеніе на вся. Подобнѣ и двадцатодневное разрѣшеніе на вся в упраздненіе междочасій.

Объясненіе: Пасха—съ еврейскаго—перехожденіе. Праздникъ Рождества Христова называется Пасхою, потому что Сынъ Божій пришелъ на землю и воплотился для того, чтобы весь родъ человѣчскій извести изъ области грѣха и сѣни смертнѣй и ввести въ царство благодати и славы. Торжественно празднуется Рождество Христово три дня; затѣмъ въ продолженіе двѣнадцати дней до навечерія Крещенія, въ знакъ радости, позволяется мірянамъ—въ среды и пятки—вкушать мясо, а монахамъ—масло и молоко. По той же причинѣ упраздняются, то есть оставляются и не читаются (я всегда впрочемъ читаемыя въ однихъ монастыряхъ) междочасія, т. е. три псалма съ молитвою, печатаемыя между часамп.

— И преподобнаго отца нашего Исповѣдника Феодора начертаннаго и брата Теофана Творца.

Объясненіе: Св. Феодоръ съ братомъ Теофаномъ, сочинителемъ каноновъ, весьма много страдали за иконопочитаніе въ VIII-мъ вѣкѣ отъ злочестьваго царя Теофила, который, кромѣ прочихъ жестокостей надъ ними, повелѣлъ: «да начертаются лица ихъ», то есть, чтобы на лицахъ ихъ вышлейменово было нѣсколько словъ въ ихъ, какъ думаетъ онъ, посрамленіе; почему они и названы начертанными. Теофанъ называется творцемъ, то есть сочинителемъ, потому что слагалъ разные каноны и пѣснопѣвія церковныя.

— И преподобнаго Маркелла, игумена обители неусыпаемыхъ. Гдѣ эта обитель и почему такъ называется?

Объясненіе: Первая обитель неусыпаемыхъ создана была въ V-мъ вѣкѣ, на берегахъ рѣки Евфрата, преподобнымъ Александромъ. По примѣру его, преподобный Маркелъ устроилъ такую же обитель въ Константинополѣ. Неусыпаемыхъ обителию она названа потому, что живущая въ ней братія день и ночь, неумокая, читали поочередно псалмы Давидовы. Подобный уставъ выполняется и нынѣ въ обителяхъ святой горы Афонской и въ нѣкоторыхъ русскихъ монастыряхъ, наир., на Валаамѣ, въ Саровской Пустыни, въ скитѣ Геосинавскомъ, чтѣ близъ Сергіевой Лавры, и проч.

— 30-го декабря поется же и вослѣдованіе св. Меланія, за еже отдается праздникъ Рождества Христова въ 31-й день.

Объясненіе: Память св. Меланія принадлежитъ собственно 31-му числу декабря, но служба ей поется вмѣстѣ со службою св. Анисія, 30-го числа, потому что 31-го числа совершается отданіе праздника Рождества Христова, причеиъ служба святимъ не поется.

— Въ кондакѣ святому Подіевкту: «Спасу преклоншу во Іорданѣ главу, сокрушишася змѣиъ главы, Подіевктова же глава отсѣвшася лѣстываго посрами.

Объясненіе: Когда преклонилась глава Спасителя во Іорданѣ, тогда сокрушились главы драконовъ; а отсѣченная глава Подіевктова посрамила лѣстца. Этотъ лѣстецъ былъ—собственная жена Подіевктова, которая, сопровождая его на мѣсто казни, слезами и воплемъ убѣждала его отстать отъ исповѣданія вѣры и мученичества.

— 3-го января, Маркіана, пресвитера и эконома великія церкви.

Объясненіе: То есть, главвой церкви въ Константинополѣ. Эконому поручалось въ наблюденіе все церковное имущество, которое въ сей церкви было весьма значительно и разнообразно.

— И преподобнаго Павла Комельскаго, иже на Обнорѣ рѣцѣ; гдѣ эта рѣка?

Объясненіе: Обнора—незначительная рѣчка Вологодской губерніи, которая начинается въ Грязовецкомъ уѣздѣ, и, протекая верстъ 80, впадаетъ въ Волгу.

— 13-го января, въ сей день поется и вослѣдованіе св. отецъ, за еже въ 14-й день отдается праздникъ свят. богоявленій.

Объясненіе: 13-го января поется церковная служба не только воспоминаемимъ въ сей день святимъ мученикамъ, но и преподобнымъ отцамъ, конхъ память 14-го января, потому что 14-го января творится отданіе празднику Богоявленія, при каковыхъ случаяхъ оставляется служба дневнымъ святимъ.

— Въ кондакъ мученику Трифону: тройческою (?) твердостію многобожіе разрушилъ еси отъ конецъ, всеславне!

Объясненіе: Тройческою твердостію, то есть, отъ живой и несомнѣнной вѣры во Святую Троицу происходящую, твердостію духа и пр.

— 4-го февраля преподобнаго отца нашего Исидора Пелусіотскаго? аще иѣсть четырдесятница возслѣдованіе праздника и святаго.

Объясненіе: Пелусіотомъ называется святыи Исидоръ отъ горы Пелуса, въ коей онъ жительствовалъ и спасался. Аще иѣсть четырдесятница возслѣдованіе праздника и святаго. Это значить, что празднику (Срѣтенію) и св. Исидору поется только въ такомъ случаѣ, если не наступила еще четырдесятница; ибо въ первую недѣлю ея, дагѣе коей не можетъ приходиться память сего святаго,—служба не только рядовымъ святымъ, но и празднику Срѣтенія Господня никогда не поется, а совершается прежде на Сырной седмицѣ.

— 8-го февраля, святаго Пророка Захаріи Серповидца (почему Серповидца?).

Объясненіе: По видѣнію въ однои изъ пророческихъ откровеній летящаго серпа, который былъ символомъ золь и бѣдствій, грядущихъ на вселенную (смотри. Захар., V гл.).

— 21-го февраля, преподобнаго отца нашего Тимофея, иже въ символѣхъ.

Объясненіе: «При горѣ Олимпійстѣй бѣ иѣкое пустынное мѣсто, символъ прозываемое». (Чет. Мни., 21-го февраля).

— Въ кондакъ преподобному Феодору (21-го апр.) «власяными рубы измѣнны, паче царскихъ сокровищъ лже на земли».

Объясненіе: «Рубища власяныя предпочелъ царскимъ драгоценнымъ одеждамъ». Преподобный Феодоръ, по фамилиі Трихина, Константинопольскій уроженецъ, имѣлъ весьма богатыхъ родителей, но ради Господа проводилъ жизнь въ такой нищетѣ, что зимой среди стужи довольствовался одной, и то ветхой, власяною ризою.

— Въ тропарѣ св. Іову (7-го мая): «богатство видѣвъ добродѣтелей Іовлихъ украсти козничество праведныхъ врагъ, и растерзавъ столпъ тѣлаесе, сокровищъ не украде духа».

Объясненіе: Види богатство Іовлихъ добродѣтелей, врагъ праведниковъ употреблялъ всѣ козни для его похищенія; но, сокрушивъ столпъ тѣла (Іовлева), не успѣлъ похитить сокровищъ его духа.

— Въ кондакъ св. Николаю (9-го мая): «насъ бо дѣла, явился еси чудотворецъ взящивый, предивный и милостивый».

Объясненіе: Нашъ бо дѣла, то же что для насъ: старинный предлогъ славянскій.

— Въ кондакъ св. Димитрію (15-го мая): «яко бо доброрасленный грѣзнь прозлабъ еси».

Объясненіе: Грѣзнь — виноградная кисть; доброрасленный — отлично растущій. Ты прозрасъ, какъ тучная виноградная кисть.

— Въ тропарѣ преподобному Сампсову (27-го іюня): «въ молитвахъ непрестанно терпѣвый, нищія возлюбивый и сія удовливый».

Объясненіе: Удовливый — доставившій имъ довольство.

— Того же числа кондакъ: «на смиренныи презираяи, иже не далъ еси вепру отъ дубравы озобати и уединенному дивіему поюсти винограда твоего».

Объясненіе: Вебрь — дикая свинья; дубрава — густыи дремучій лѣсъ;

озобать—оголдать кожу съ дерева.—Ты не допустишь дикаго венгри отъ дубравы (Карла XII) изгрысть, я дикому пустынному звѣрю (Мазенѣ) пожрать виноградъ твой (Православную Россію).

— Почему св. Киръ и Іоаннъ называются безсребренниками?

Объясненіе: Св. врачъ и мученикъ III-го вѣка, Киръ и Іоаннъ, называются безсребренниками за то, что они, занимаясь о имени Христовомъ врачеваніемъ всякаго рода недуговъ, не принимали за то никакой мзды.

— 28-го іюня, трюварь: «вся яже въ немъ, яко не судая преобидивше любви ради Христовы».

Объясненіе: Преподобный Сергій и Германъ отъ великой любви ко Христу, ни во что вѣдѣвши міръ и все, что въ немъ, и этимъ нанесли ему какъ-бы нѣкую обиду (преобидивше), не воздавъ, то есть, благамъ его той цѣны, которую отдають имъ всѣ миролюбцы.

— Почему преподобный Сисой называется великимъ?

Объясненіе: По величію его иноческихъ подвиговъ и дарованій духовныхъ.

— Какаѣ различія въ лѣтосчисленіи на основаніи нашего перевода Библии и переводами иностранными, и почему есть различія?

Объясненіе: Наша Славянская Библия слѣдуетъ лѣтосчисленію Греческаго перевода 70-ти толковниковъ, а во всѣхъ иностранныхъ Библияхъ употребляется хронологія нынѣшняго еврейскаго кодекса. По хронологіи еврейской, коею держатся Западныя церкви, отъ сотворенія міра до Рождества Христова протекло 4000 лѣтъ или 4004, а по нашей—Греческой—5508. Разница въ 1508 или 1512 годахъ. Касательно происхожденія сей разности, думать: 1-е. Якобы евреи (именно, знаменитый раввинъ Акибу въ III-мъ вѣкѣ) злонамеренно измѣнили лѣтосчисленіе своего древняго кодекса, не имѣя возможности иначе отвѣчать на удѣлу христіанъ, что по сей хронологіи время пришествія Мессіи уже прошло. 2-е. Будто 70 толковниковъ годы жизни патриарховъ, которые у евреевъ яко-бы числились и писались сокращенно, какъ у насъ вмѣсто 1852 года говорятъ иногда 52-го,—перевели пространно и раздѣльно; вслѣдствіе чего каждому изъ патриарховъ, кромѣ Ноа, до рожденія имъ сына, прибавлено по 100 лѣтъ, и проч. 3-е. Будто начальники синагоги, замѣчая разногласіе въ лѣтосчисленіи различныхъ кодексовъ Еврейской Библии, рѣшились установить одно лѣтосчисленіе,—то самое, которое находится въ ихъ нынѣшнемъ кодексѣ.—Какъ бы то ни было, но то несомнѣнно, что лѣтосчисленіе 70-ти толковниковъ, принятое и содержимое нашею церковію, имѣетъ неоспоримое преимущество предъ прочими. Ибо: 1-е. Годы дѣтства допотопныхъ патриарховъ по сему лѣтосчисленію находятъ въ самой естественной соразимѣрности съ числомъ лѣтъ всей ихъ жизни. 2-е. Въ опредѣленіи послѣдотопнаго періода греческая хронологія несравненно болѣе согласуется съ ходомъ и продолженіемъ событій, наполняющихъ этотъ періодъ. Напр., по еврейской хронологіи, до столпотворенія и раздѣлія народовъ не болѣе ста лѣтъ, въ каковое краткое время не могло народиться столько народа, чтобы образоватъ изъ себя племена и царства. По хронологіи греческой, время сіе продолжается болѣе 580-ти лѣтъ. 3-е. Іосифъ Флавій, еврейскій историкъ I-го вѣка, въ исторіи своей постоянно согласенъ съ греческимъ лѣтосчисленіемъ; а въ рукахъ его былъ лучший современный еврейскій кодексъ, подаренный ему Веспасіаномъ, а сямъ—взятый въ храмѣ, при завоеваніи Іерусалима. 4-е. Греческая хронологія гораздо болѣе еврейской согласуется съ по-

вѣствованіями языческихъ писателей, какъ объ историческомъ началѣ древнѣйшихъ восточныхъ государствъ, такъ и о многихъ частныхъ событіяхъ языческаго міра. (См. «Христ. Чт.» 1844 г., часть 3).

— Въ какомъ году и кѣмъ была издана Коричая Книга, что именно въ ней заключается, имѣетъ ли она и нынѣ и въ какой степени обязательную силу?

Объясненіе: Коричая Книга есть ничто иное, какъ греческій Номоканонъ, принятый въ Россіи отъ грековъ вмѣстѣ съ вѣрою христіанскою. Въ первый разъ эта книга издана у насъ при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, по повелѣнію патриарха Никона, въ 1653 году. Въ первой части Коричей помѣщены правила апостольскія, соборныя и отеческія; во второй—нѣсколько собраній законовъ царей греческихъ и другія разныя статьи историко-каноническія, вѣроятно болгарскаго происхожденія. Первая часть Коричей въ 1839 году издана отъ св. Синода съ греческимъ подлинникомъ и новымъ славяно-россійскимъ переводомъ, который отличается примѣрно вѣрностію подлиннику. Общее право церкви, заключающееся въ первой части Коричей, по самому свойству своему, должно было сохранять и сохранило у насъ всю свою силу, въ управленіи нашей православной церкви, не только по дѣламъ собственно церковнымъ, но и въ приложеніи къ нѣкоторымъ случаямъ гражданскимъ, напр. къ бракамъ, подлежа впрочемъ съ продолженіемъ времени неважнымъ измѣненіямъ,—по требованію нужды народныхъ обстоятельствъ, времени: напр., въ 1811 году сокращены степени родства, въ конехъ не позволялось прежде вступать въ бракъ. Что касается до приложенія у насъ къ дѣлу церковно-гражданскихъ мѣстныхъ византійскихъ законовъ, то очевидно, что оно не могло имѣть у насъ такой силы и такого употребленія, какъ въ Греціи; почему въ новомъ изданіи Коричей, 1839 и 1843 годовъ, часть сія и опущена, хотя и къ ней въ случаяхъ, не опредѣленныхъ нашими законами, обращаются иногда за справками. (См. Описаніе Кіево-Софійскаго собора, прибавленіе, стр. 235—244, Евгенія, митрополита кіевскаго).

— Въ чемъ состоитъ курсъ преподаванія въ семинаріяхъ, какихъ дѣтъ туда поступаютъ, долго ли остаются, живутъ ли тамъ воспитанники, или только приходятъ? Вообще желательнѣе бы получить подробное изложеніе устройства этихъ заведеній съ указаніемъ ихъ достоинствъ и недостатковъ?

Объясненіе: Три рода у насъ духовно-учебныхъ заведеній: академія, семинарія и училища. Семинарія занимаетъ средину, и главнымъ образомъ должна готовить воспитанниковъ къ должностямъ приходскихъ священниковъ; почему вліяніе ея на епархію весьма важно. Отличныя изъ семинарскихъ воспитанниковъ (отъ двухъ—до четырехъ) высылаются, по требованію духовно-учебнаго управленія, въ академію, ковъ готовятъ наставниковъ для семинарій, законоучителей для свѣтскихъ учебныхъ заведеній и священниковъ для другихъ почетнѣйшихъ мѣстъ по епархіямъ.

Въ семинаріяхъ преподаются слѣдующія науки:

1. Духовныя.

- а) Богословіе Догматическое.
- б) Богословіе Нравственное.
- в) Ученіе о вѣроисповѣданіяхъ.
- г) Церковное краснорѣчіе.
- д) Церковно-Библейская исторія.

- е) Наука о Священномъ писаніи.
- ж) Церковное законовѣденіе.
- з) Наука о писаніяхъ отцевъ церкви.
- и) Наука о церковномъ Богослуженіи.
- і) Священная герменевтика.
- к) Исторія Русской Церкви.

2. Свѣтскія:

- а) Логика и психологія.
- б) Русская словесность.
- в) Всеобщая гражданская исторія.
- г) Русская гражданская исторія.
- д) Алгебра.
- е) Геометрія и топографія.
- ж) Физика.
- з) Естественная исторія.
- и) Сельское хозяйство.
- і) Народная медицина.

3. Языки:

Для всѣхъ: греческій и латинскій.

Для желающихъ: еврейскій, французскій и нѣмецкій.

Кромѣ сего преподаются въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ такъ называемыя мѣстные языки, напр., въ Херсонской семинаріи—ново-греческій и крымско-татарскій, въ Петербургской—финскій и латышскій, въ Вологодской—зырянскій, и проч.

Полный курсъ семинарскаго ученія, состоя изъ шести лѣтъ, дѣлится на три отдѣленія: высшее (богословское), среднее (философское), и низшее (словесное). Воспитанники поступаютъ въ семинаріи отъ 15-ти до 17-ти лѣтъ, уже по окончаніи курса въ уѣздныхъ духовныхъ училищахъ.

Въ экономическомъ отношеніи ученики семинаріи составляютъ три разряда: 1) Своекостные—дѣти имѣющие достаточныхъ родителей и живущіе въ частныхъ квартирахъ у обывателей. 2) Полнокостные—сироты священно- и церковнослужителей. Они живутъ въ казенномъ семинарскомъ корпусѣ, пользуются казенной пищей, одеждой и учебными пособиями. 3) Полукоштные—по бѣдности родителей пользуются только казенной квартирой и столомъ.

Семинаріи имѣютъ правленія, состояща изъ ректора, инспектора и эконома, подъ главнымъ завѣдываніемъ епархіальнаго преосвященнаго. Ректоръ семинаріи есть главный непосредственный ея начальникъ, на отвѣтственности коего преимущественно вся учебная часть; смотрѣніе за нравственностію воспитанниковъ принадлежитъ особенно инспектору семинаріи; за экономіею смотритъ экономъ; въ правленіи есть секретарь и канцелярія.

Каждая семинарія имѣетъ бібліотеку, состоящую изъ сочиненій, какъ на древнемъ, такъ и на новѣйшихъ языкахъ, особенно на отечественномъ. Нѣкоторыя изъ таковыхъ бібліотекъ довольно богаты книгами, относящимися къ духовному образованію, особенно древними авторами, напримѣръ, Новгородская, Харьвовская и Воронежская.

Семинарии постепенно снабжаются отъ духовно-учебнаго управленія и физическими кабинетами и геодезическими инструментами, для практики по геометріи.

Подъ руководствомъ наставниковъ сельскаго хозяйства, составляются коллекціи минераловъ, мѣстныхъ почвъ и растений.

Главный недостатокъ семинарій, изъ всего пронстекають неотразимо всё прочіе, состоитъ въ томъ, что воспитанники, по недостатку помѣщеній казенныхъ, не могутъ быть собраны на жительство въ одномъ мѣстѣ. Квартиры разбѣяно, болѣею частію у бѣдныхъ и отдаленныхъ отъ центра города обывателей,—дабы не платить дорого за квартиру,—они не могутъ быть объяти всё хорошимъ надзоромъ за ихъ поведеніемъ, а между тѣмъ часто видятъ и слышатъ многое худое и соблазнительное, что все неблагопріятно дѣйствуетъ на нравственность. Это же самое мѣшаетъ и успѣхамъ въ ученіи: ибо по квартирамъ нѣтъ для нихъ удобности для занятій; кромѣ того немало времени тратится на переходъ въ семинарію и обратно, каковыя переходы и неудобность въ помѣщеніяхъ дѣйствуютъ зловредно и на состояніе ихъ здоровья, особенно осенью и весной.

Касательно самаго состава и образа преподаванія наукъ въ семинаріяхъ, и особенно въ уѣздныхъ училищахъ, хотя онъ значительно очищенъ отъ прежней схоластики, нельзя однакоже не примѣтить, что немало времени, труда и способности иждивается напрасно на изученіе греческаго и латинскаго языковъ. Они нужны для тѣхъ, кои идутъ выше и дагѣ семинарій; а для приходскихъ священниковъ, особенно сельскихъ, какъ показываетъ повсемѣстный опытъ, вовсе бесполезны уже потому, что при церквахъ нигдѣ нѣтъ для чтенія книгъ греческихъ и латинскихъ; да еслибъ и были, то священнослужителю, хотябы онъ и способенъ былъ читать эти книги (чего нельзя сказать почти ни объ одномъ),—некогда заниматься подобнымъ чтеніемъ; между тѣмъ время, тратимое на изученіе ненужныхъ языковъ, могло бы съ болѣею пользою быть употреблено на приобрѣтеніе познаній существенно необходимыхъ для будущихъ священнослужителей и причетниковъ.

Съ недавняго времени обращено вниманіе и на этотъ предметъ, и предначаты нѣкоторыя въ составѣ ученія перемѣны, но все еще не въ той мѣрѣ какъ бы вужно было.

— Въ поведѣльникѣ первая седмица въ послѣдованіи утрени читается: «въ конецъ ідіоуму пѣснь Давиду».

Объясненіе: Это надпись 38-го псалма; въ еврейскомъ подлинникѣ она читается такъ: «начальнику хора Идиоуму псаломъ Давидовъ». Идиоумъ былъ правителемъ хора при скинии свидѣнія, и самъ слагалъ иногда священные пѣснопѣнія. (1 Парал., XVI. 41, 42).

— Тамъ же: «се ядн (?) положилъ еси дни моя, и составъ мой, яко ничтоже предъ тобою».

Объясненіе: Съ еврейскаго—се ты далъ мнѣ дни какъ ядн (то есть весьма краткіе), и вѣкъ мой яко ничто предъ тобою.

— Псаломъ 40: «ибо человекъ мпра моего (?) на него же уповахъ, яднй хлѣбъ моя возведича на мя заппаніе?»

Объясненіе: Даже человекъ мира моего, который, то есть, постоянно

жалъ со мною въ согласіи и дружбѣ, на котораго я во всемъ полагаюся, который ѣлъ хлѣбъ мой,—и тотъ поднялъ на меня пята!

— Псаломъ 44: «въ конецъ о измѣняемыхъ сыновъ кореевыхъ, въ разумъ, пѣснь о возлюбленнѣхъ».

Объясненіе: Съ еврейскаго: начальнику хора. На музыкальномъ орудіи шопанъ (шестиструнный) Кореевыхъ сыновъ ученіе. Пѣснь любви.

— Тамъ же: «красотою своею и добротою своею, и на-а-а-а-а».

Объясненіе: Псаломъ сей есть восторженная пѣснь любви, обращенная къ лицу царя, псаломника Божія. Подъ царемъ снѣз можно отчасти разумѣть сына Давидова Соломона; но всецѣло слова псалма сего могутъ причастствовать только Единородному Сыну Божію, Превѣчному царю, и Его Пресвятой Матери. О сынахъ Кореевыхъ упоминается здѣсь вѣроатно потому, что въ ихъ рукахъ были тѣ инструменты, на коихъ должно было играть этотъ псаломъ.—Наляцы—натани луть свой.

— Смирна и стакти и кассія.

Объясненіе: Смирна—смолистое вещество, употребляемое для куренія; стакти—благонный сокъ древесный; кассія—ароматическое дерево, котораго корень весьма пахучъ.

— «Вмѣсто одець твоихъ быша сынове твои, поставивши я князи по всей землѣ».

Объясненіе: Вмѣсто патриарховъ и пророковъ, отъ которыхъ Ты (Иисусъ Христосъ) произошелъ по плоти. Словомъ и благодатію Духа Ты породилъ апостоловъ и ихъ преемниковъ—пастырей и учителей, кои, какъ нѣкіе духовные князи и владыки, до вѣка будутъ управлять церковію, находящеюся по всей вселенной.

— Псаломъ 45: «въ конецъ о сынѣхъ Кореевыхъ—о тайныхъ».

Объясненіе: Въ подлинникѣ: начальнику хора. Кореевыхъ сыновъ на музыкальномъ орудіи Аламовъ. Пѣснь.—О сынахъ Кореевыхъ упоминается здѣсь по той же причинѣ, что и выше.

— «Благословите сланы и снѣзи, нощи и днѣ Господа, пойте и превозносите Его во вѣки».

Объясненіе: Слана—смерзшійся ѣвей, гололедица.

— «Поста день, отложеніе грѣха, да будетъ ти душе, и къ Богу маніе вкупе и присвоеніе».

Объясненіе: День поста да будетъ для тебя, душе, отложеніемъ грѣха, стремленіемъ и пареніемъ къ Богу.

— Богородичевъ: «Богъ есть содѣявый, не взыскуй отъ мене; еже како».

Объясненіе: Самъ Богъ устроилъ сіе, почему не допытывайся, какимъ образомъ (устроено).

— «Ико приде кротость на ны и накажемся». (Часть первый, понедѣльника первой седмицы).

Объясненіе: Въ еврейскомъ подлинникѣ: «протекаютъ быстро дни наши и мы улетаемъ». А по переводу семидесати толковниковъ выходитъ та мысль, что кратковременность жизни, среди болѣзней и недуговъ, служить у Промысла Божія средствомъ къ нашему исправленію и наученію.

— Псаломъ 47: «горы сіонскія, ребра сѣверова».

Объясненіе: Съ подлинника: прекрасная высота, утѣха всей земли, гора Сіонъ; на сѣверной странѣ ея градъ царя великаго (Іерусалимъ).

— Псаломъ 48: «Отверзу въ Псалтири гаваніе мое».

Объяснение: Ганавіе — загадочное сказаніе; съ подлинника: «на гусляхъ вложу мою загадку».

— Часъ 6-й, въ понедѣльникъ первыя седмицы: «Ты же, Боже, низведеша и въ студенець истлѣнія, — мужіе кровей и лъсти не преполовятъ дней своихъ».

Объяснение: Съ еврейскаго: Ты, Боже, низведеша ихъ въ ровъ погибели; кровопійцы и коварные не достигнуть и половины дней своихъ.

— Въ ковецъ о людяхъ, отъ святыхъ удаленныхъ Давиду въ столпописаніе.

Объяснение: Съ подлинника еврейскаго: начальнику хора, о голубицѣ безгласной въ удивленіи. Писаніе Давида, когда филистимляне захватили (семеіство) его въ Геѣѣ. Псаломъ сей, какъ видно изъ самыхъ словъ заглавія, написавъ Давидомъ во утѣшеніе себѣ и воинамъ своимъ, въ то время, какъ онъ, избѣгая гоненій отъ Саула, находился около двухъ лѣтъ у Анхуса, царя Геѣскаго, и особенно въ тѣ злочастныя для него дни, когда — въ его отсутствіе, на мѣстопробываніе его — Сивелага напали филистимляне, разграбили домъ его, плѣнили женъ и дѣтей, и увели всѣхъ, кто оставался дома, въ плѣнъ. (1 Цар., XXX., 8—20). Безгласною голубицею въ удивленіи святой Давидъ называетъ себя потому, что, въ тогдашнемъ положеніи его, онъ не имѣлъ ни предъ кѣмъ своего голоса, былъ гонимъ и беззащитенъ. Въ столпописаніи — то есть, псаломъ такъ выразителенъ, что достоинъ быть написаннымъ на столпѣ и выставленнымъ на общественныхъ мѣстахъ. Семдесятъ толковниковъ въ надписаніи псалма выразили не букву, а смыслъ словъ: ибо и Давидъ въ его тогдашнемъ положеніи, находясь въ странѣ иноплеменной, былъ удаленъ отъ святыни Израилевой, то есть, скинии свидѣнія.

— «Иже не услышитъ гласа обавяющихъ, обаваемъ обавается отъ премудра».

Объяснение: Обавать — колдовать, ворожить, заговаривать; съ подлинника: «который не слышитъ словъ обаятеля, заклинателя, искуснаго въ заклинаніяхъ».

— Псаломъ 59: «Богъ возглагола во святѣмъ своемъ: возрадуюся и раздѣлю спящиму и юдолю жилищъ разиѣрю. — Моавъ кондбѣ упованія моего».

Объяснение: Съ подлинника: Богъ во святилицѣ своемъ сказалъ: восторжествую, раздѣлю Сихемъ (городъ въ колѣнѣ Еуфремовомъ) и долину Сокховѣ (долину кушей, названную такъ потому, что въ ней вѣкогда праотець Іаковъ ставилъ свои шатры) разиѣрю. Моавъ — умывальная чаша моя (такъ названъ здѣсь народъ Моавитскій, для показанія низкихъ службъ и черныхъ работъ, кои онъ долженъ былъ исправлять въ народѣ Еврейскомъ, по покореніи его Давидомъ).

— Пѣснь степеней: «уши мѣя яко пришельствіе мое продолжися, вселихся въ селеніи кидарскими».

Объяснение: Пѣснь восхожденія: такъ подписаны 15 псалмовъ (119—134), какъ думаютъ нѣкоторые, потому, что пѣть ихъ надлежало голосомъ возвышеннымъ, и на каждомъ изъ 15 ступеней входа въ храмъ; вѣроятнѣе же потому, что псалмы сіи составлены по случаю возвращенія израилтянъ изъ плѣна Вавилонскаго — для воссозданія Іерусалима.

— «Возврати Господи плѣненіе наше, аки потокъ югомъ».

Объяснение: То есть, возврати насъ изъ плѣна такъ скоро, и съ такою полнотою, какъ начинаютъ течъ съ покрытыхъ снѣгомъ горъ потоки, когда подуетъ на нихъ южный вѣтеръ.

— «Господи не вознесеса сердце мое, ниже вознесостеса очи мои; и ниже ходихъ въ великихъ, ниже въ дивныхъ паче мене».

Объясненіе: Господи, не надмевается сердце мое, и не возносятся очи мои; я я не вхожу въ великое, и въ то, что выше меня.

— «Аще дамъ сонъ очима моима, и покой скрания моима».

Объясненіе: Скрація—високъ. «Не дамъ сна глазамъ моимъ, и покоя вискамъ моимъ».

— «На горѣ спасайся, душе, якоже Лотъ оный, и въ сигорѣ угонзай».

Объясненіе: Угонзать—убѣгать.—«Слѣши укрыться въ Сигорѣ». (Быт., XIX, 32).

— На великомъ повечеріи: «Саулъ иногда погуби отца своего душе ослѣта внезапно царство обрѣте къ прослутію».

Объясненіе: Нѣкогда Саулъ, душа, потерявши ослѣтъ отца своего, съ извѣстіемъ объ нихъ получилъ сверхъ ожиданія (къ прослутію) и царство. Саулъ, какъ извѣстно, будучи отправленъ отцемъ своимъ для отысканія заблудившихъ ослѣвъ, на пути, былъ срѣтенъ пророкомъ Самуиломъ и помазанъ имъ на царство Израильское. (1 Цар., IX, 20; X, 10).

— «Гезіевъ подражала еси окаянная разумъ скверный всегда, душе, его же сребролюбіе отложи понѣ на старость».

Объясненіе: Бѣдная душа, ты не оставляешь подражать пагубному нраву Гезія (1 Цар., V, 22). Отрывъ его сребролюбіе хотя въ старости.

(1852 г.).

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Ульяна Ланская

1784 г.

Въ дополненіе къ родословной графовъ и дворянъ Ланскихъ, помѣщенной въ первомъ томѣ «Русской Родословной книги» изданія «Русской Старины», представляю здѣсь письмо императрицы Екатерины II къ матери (она въ родословной не помѣщена) извѣстнаго любимца императрицы, генералъ-адъютанта Александра Дмитріевича Ланскаго, по поводу его смерти. Письмо это извлечено мною изъ нашего семейнаго архива:

«Ульяна Яковлевна!»

«Вчера къ крайнему моему прискорбію Александръ Дмитріевичъ, по пятидневной жестокой болѣзни, скончался; зная, сколько поразить васъ сіе приключеніе, я желаю, чтобъ Богъ помогъ вамъ крепостію перенести печаль сію, и сохранилъ-бы васъ безъ вредныхъ ко утешенію всего дома вашего. Будьте увѣрены, что помня незабвенно его ко мнѣ усердіе и преданность, сохраню на всегда мое истинное доброхотство къ вамъ и ко всѣмъ тѣмъ, кто ему принадлежатъ, пребывая вамъ благосклонная Екатерина».

«Въ Царскомъ Селѣ, іюня 25-го дня 1784 г.»

На оборотѣ адресъ: «Милостивой государынѣ Ульянѣ Яковлевнѣ Ланской».

Сообщ. Э. Вычкова.

Графъ Сергій Степановичъ Ланской¹⁾.

Полагаемъ, что біографическія замѣтки о лицахъ съ такою значительною и долговременною дѣятельностью, какая выпала на долю графа С. С. Ланскаго, должны имѣть цѣлью не только прославленіе или порицаніе извѣстной личности, но и, главное,—слу-

¹⁾ Настоящія біографическія замѣтки написаны по поводу воспоминаній П. И. Мельникова, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Архивѣ», 1879 г., тетрадь вторая: «Воспомнанія о графѣ С. С. Ланскомъ».

Ч.

жить пригоднымъ матеріаломъ для безпристрастнаго изображенія порядковъ и нравовъ общественнаго строя ихъ времени. Можетъ статья, такимъ матеріаломъ окажутся и наши воспоминанія о графѣ С. С. Ланскомъ, относящіяся къ его, такъ сказать, педагогической дѣятельности, въ качествѣ начальника воспитательныхъ заведеній.

Несмотря на полное желаніе быть вполне безпристрастнымъ, какъ изъ личныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ случайныхъ служебныхъ сношеній съ С. С. Ланскимъ, такъ изъ того, что приходилось слышать о немъ отъ нашихъ сослуживцевъ, представляется образъ С. С. Ланскаго въ совершенно иномъ видѣ, чѣмъ тотъ, въ которомъ представилъ его нашъ талантливый беллетристъ. Считаемо также великимъ замѣтить, что наши личные непріятныя соприкосновенія съ графомъ Ланскимъ не имѣли ни малѣйшаго вліянія на нашу служебную карьеру и не могли затронуть какіе-либо изъ личныхъ интересовъ пишущаго эти строки. Что касается до уязвленнаго въ нѣкоторой степени самолюбія, то это чувство въ продолженіе почти 25-ти лѣтъ времени уже давно успѣло улетучиться.

Не можетъ быть также нашей задачей опроверженіе тѣхъ восторженныхъ отзывовъ автора «Воспоминанія о графѣ Ланскомъ», которые всецѣло относятся къ его дѣятельности, какъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Безличность и метаморфозы въ убѣжденіяхъ въ нашихъ общественныхъ дѣятеляхъ принадлежать у насъ, къ сожалѣнію, къ весьма обычнымъ явленіямъ, и, чѣмъ выше находится сфера ихъ, тѣмъ болѣе бросаются въ глаза эти гражданскіе недостатки. Намъ лично, напримѣръ, нисколько не удивляетъ, что люди съ закаломъ прошлой эпохи, то есть 1840-хъ и начала 1850-хъ гг., люди мало или вовсе не подготовленные наукою къ ихъ специальной задачѣ, къ каковымъ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ и графъ Ланской,—внезапно отказывались отъ своихъ прежнихъ воззрѣній и превращались въ искреннихъ дѣятелей по крестьянской реформѣ. Въ этомъ отношеніи гораздо интереснѣйшую проблему представляетъ одинъ изъ извѣстныхъ литературныхъ дѣятелей, авторъ сочиненія о землевладѣніи, чловѣкъ съ университетскимъ образованіемъ и независимымъ общественнымъ положеніемъ: несмотря на всѣ эти условія для здраваго и независимаго взгляда на вопросъ объ эмансипаціи, онъ даже въ началѣ нынѣшняго царствованія, когда этотъ вопросъ былъ уже въ принятии рѣшенъ, являлся яркимъ защитникомъ крѣпостнаго права.

Иные, можетъ быть, считаютъ такую шаткость убѣжденій въ нашихъ образованныхъ людяхъ драгоцѣнною способностью русскаго чловѣка приспособляться къ современнымъ обстоятельствамъ,—не от-

ставать отъ вѣка; но мы полагаемъ, что недостатокъ стойкихъ убѣжденій въ нашихъ общественныхъ дѣтеляхъ можно сравнить только съ неустойчивой почвой, на которой невозможно возвести прочнаго зданія. Наконецъ, за человѣка, въ зрѣлыхъ лѣтахъ и съ достаточною опытностью, выпадающаго относительно своихъ убѣжденій въ противоположныя крайности, нельзя поручиться, чтобы онъ столь же неожиданно не переѣнилъ вновь своихъ убѣжденій. Вотъ главная причина, почему не могутъ съ успѣхомъ выработаться въ нашей общественной средѣ ни полезныя традиціи, ни уваженіе къ заслуженнымъ авторитетамъ, ни прочная связь между старымъ и новымъ поколѣніями. Тамъ, гдѣ не существуютъ твердые принципы, тамъ могутъ быть только порывы и скачки то впередъ, то назадъ, и неправильное и непрерывное стремленіе къ прогрессу....

Наши личныя наблюденія дѣятельности С. С. Ланскаго, какъ управляющаго заведеніями, подвѣдомными с.-петербургскому Опекунскому Совѣту, восходятъ до 40-хъ годовъ и простираются вплоть до назначенія его министромъ. Мы должны сознаться, что насъ немало удивили эпитеты «добрый, справедливый, пріятный въ отношеніяхъ къ подчиненнымъ и недоступный интригамъ», которые мы встрѣтили въ статьѣ П. И. Мельникова. Было бы, конечно, очень естественно, еслибы бывшій масонъ ¹⁾ обладалъ этими прекрасными качествами; къ сожалѣнію, было незамѣтно, чтобы они примѣнялись въ отношеніяхъ Ланскаго съ подчиненными ему наставниками юношества, по крайней мѣрѣ, въ ту пору его дѣятельности. Приведемъ нѣсколько случаевъ объ этихъ «пріятныхъ» отношеніяхъ,—случаевъ, самихъ по себѣ неважныхъ, но весьма характеристическихъ.

«Завѣдуя учебною частью въ Н. институтѣ,—разсказывалъ намъ одинъ изъ нашихъ сослуживцевъ,—мнѣ предстояла необходимость посѣщать оный ежедневно три раза въ различное время дня. Для добросовѣстнаго исполненія моихъ обязанностей и чтобы не терять времени на проѣзды взадъ и впередъ, мнѣ необходимо было нанимать квартиру поблизости института, что поглощало почти половину всего моего жалованья, такъ какъ институтъ находился въ самой дорогой части города. Болѣе десятиа чиновниковъ различныхъ должностей пользовались казеннымъ помѣщеніемъ въ самомъ заведеніи, между прочимъ и архитекторъ, служебныя занятія котораго по институту могли быть только временными. Я подумалъ, почему бы и мнѣ также не похлопотать о казенной квартиркѣ, тѣмъ болѣе, что одна изъ нихъ, по какому-то слу-

¹⁾ Изъ записокъ Ви геля извѣстно, что Ланской передъ закрытіемъ у насъ масонскихъ ложъ былъ начальникомъ одной изъ нихъ. Ч.

чаю, стояла незанятою. Такъ какъ Ланской былъ только временнымъ моимъ начальникомъ, то до того времени я никакихъ дѣлъ съ нимъ не имѣлъ, но, будучи наслышанъ о его строгости и непривѣтливости, отправился къ нему, не ожидая большого успѣха, а такъ, болѣе ради того, чтобы впослѣдствіи не упрекать себя за упущенный случай улучшить свое матеріальное положеніе. Вижу передъ собой рослаго старца, нѣсколько сутуловатаго, въ черномъ какъ смоль парикѣ, съ изрытыми осною круглыми, женственными чертами лица, съ черными на выкатѣ глазами. Изложивъ передъ нимъ тѣ мотивы, которые заставляли меня утруждать его моею просьбою въ данный моментъ, я былъ какъ холодною водою облить его коротко отрѣзаннымъ отвѣтомъ, не допускавшимъ ни малѣйшаго возраженія, и который вполне оправдалъ мои опасенія: «предоставьте судить о томъ начальству, — молвилъ грозный савонникъ, — кому слѣдуетъ имѣть помѣщеніе при институтѣ». Конечно, можно было на это возразить: дитя не плачетъ — мать не разумѣетъ, но, замѣтивъ, что мое искательство поперечило какимъ-то его планамъ, я предпочелъ поклониться и скорѣе уйти. Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послѣ этой неприятной сцены, въѣхалъ въ просимую мною квартиру какой-то совершенно посторонній институту чиновникъ».

Въ то время, рѣзкая манера отвѣта С. С. Ланскаго, конечно, никого не могла удивить. Употребленная имъ начальническая фраза была стереотипною во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. Намъ самимъ пришлось выслушать нѣчто подобное, по поводу жалобы на нарушенное право. Вслѣдствіе ошибки въ послужномъ спискѣ, не были мы представлены къ слѣдующему чину. Кажется, всего проще было успокоить обиженнаго претендента словами: «прикажу рассмотреть» и т. д.; но нравы бюрократическіе того времени не дозволяли сознаться министру, что его столоначальникъ могъ впасть въ ошибку, и вотъ пришлось выслушать въ отвѣтъ банальную и необдуманную фразу: «предоставить начальству вѣдать о томъ, кого слѣдуетъ, или нѣтъ, представлять къ чинамъ». Какъ-будто бы вопросъ шелъ о наградѣ за отличіе, а не за выслугу лѣтъ! Мы назвали отвѣтъ либеральнаго министра необдуманнымъ, потому что онъ вскорѣ послѣ того всетаки вынужденъ былъ подписать представленіе о чинѣ.

Насколько графъ С. С. Ланской, какъ почетный опекунъ, былъ далекъ отъ «благодушія и доброжелательства къ своимъ подчиненнымъ», свидѣтельствуетъ, также слѣдующій рассказъ одного педагога. Не болѣе какъ за три года до періода, описываемаго П. И. Мельниковымъ, умеръ въ одномъ учебномъ заведеніи, временнымъ начальникомъ котораго состоялъ Ланской, — инспекторъ классовъ. Помощникъ

последняго, назначенный исправлять его должность, приѣхавъ изъ отпуска—время было каникулярное—является къ почетному опекуну за приказаніями. Что же? вмѣсто того, чтобы разспросить у явившагося о положеніи дѣлъ въ заведеніи, гдѣ съ начатіемъ курса предстояло ввести важныя преобразованія, Ланской встрѣтилъ озадаченнаго педагога отрывистымъ и строгимъ вопросомъ: «кто вамъ позволилъ отлучаться изъ Петербурга?», и этими словами ограничился весь разговоръ. Вопросъ былъ—чтобы не сказать болѣе—весьма необдуманнѣйшій, ибо само собою разумѣлось, что чиновникъ отлучился изъ города не безъ вида, слѣдовательно, съ разрѣшенія своего начальства; притомъ же на такое время, когда занятія инспекторовъ въ заведеніи прекращались. Но всего рельефнѣе выставляются передъ нами «пріятныя отношенія» между Ланскимъ и его подчиненными въ слѣдующемъ крайне неделикатномъ его поступкѣ съ нашимъ знаменитымъ педагогомъ К. Д. Ушинскимъ, бывшимъ въ то время инспекторомъ классовъ въ гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ. Ушинскому пришлось, по какому то случаю, исправлять должность директора этого заведенія. Не зналъ ли онъ о заведенныхъ тамъ странныхъ порядкахъ, или въ видахъ протеста противъ нихъ, только, принявъ свои новыя обязанности слишкомъ au sérieux, поѣхалъ онъ къ Ланскому въ Петербургъ съ какимъ-то докладомъ. Тотъ, не развернувъ даже поданной ему бумаги, разорвалъ ее и бросилъ на полъ, какъ бы желая тѣмъ сказать: «не за свое дѣло ты, братецъ, взялся, и моихъ порядковъ не смѣй нарушать!». Порядокъ же въ институтѣ былъ заведенъ такой: не непосредственный его начальникъ директоръ, а одинъ изъ комнатныхъ надзирателей, А., ѣздилъ съ докладами къ управляющему институтомъ,—на томъ основаніи, что этотъ же самый надзиратель завѣдывалъ частными дѣлами графа Ланскаго. Изъ всего видно, что этотъ alter ego г. управляющаго распоряжался въ институтѣ какъ настоящій его хозяинъ. Намъ, по крайней мѣрѣ, рассказывали нѣсколько лицъ, что опредѣленіе на всѣ должности, не только по хозяйственной, но и по учебной части, происходило черезъ него и не иначе, какъ со внесеніемъ известной установленной таксы. Неудивительно, что при существованіи такихъ порядковъ, гатчинскій институтъ, обладая почти неограниченными матеріальными средствами и имѣя во главѣ учебной части такихъ выдающихся педагоговъ какъ Гугель, Гурьевъ и К. Д. Ушинскій, во все время завѣдыванія имъ Ланскимъ, время довольно продолжительное,—никогда не могъ подняться выше уравни самой обыкновенной посредственности.

Нельзя послѣ этого не пожалѣть, что сфера тѣхъ «пріятныхъ отношеній» между начальникомъ и подчиненными, которыми такъ востор-

гается почтенный авторъ «Воспоминанія», бывшій чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ,—ограничивалась, повидимому, только названнымъ министерствомъ, а на долю прочихъ подчиненныхъ Ланскаго выпадали только одни непріятныя отношенія! Что, впрочемъ, С. С. Ланской умѣлъ быть ласковъ и привѣтливъ и съ педагогами, опытность и знанія которыхъ нужны были ему для его дѣлей, о томъ извѣстенъ намъ не одинъ примѣръ! Онъ имѣлъ обыкновение поручать составленіе нужныхъ ему проектовъ, программъ и т. п. лицамъ постороннимъ, ему неподначальнымъ, которыя, слѣдовательно, трудились для него, какъ говорится, изъ одной чести, pour le roi de Prusse.

Повторяемъ, предлагая читателямъ настоящія замѣтки о С. С. Ланскомъ, мы имѣемъ въ виду не столько дополненіе біографіи этого сановика, сколько изображеніе типа начальника учебнаго заведенія прошлаго времени. Такіе начальники, какъ Ланской, встрѣчались сплошь и рядомъ, хотя и въ другихъ болѣе или менѣе грубоватыхъ формахъ. Вотъ еще другой типъ управляющаго учебно-воспитательнымъ заведеніемъ, который относился къ своимъ обязанностямъ, можетъ быть, еще съ болѣшимъ цинизмомъ. Манера обращаться съ людьми, сообразно тому, были ли эти люди ему подначальны, или нужны были,—у этого господина выработана еще болѣе тщательно, чѣмъ у Ланскаго. Обязанности директора по хозяйственной части одного института требовали, чтобы тотъ являлся съ докладомъ разъ или два въ недѣлю къ управляющему этого института, графу В. Весь трудъ этого сановника ограничивался обыкновенно механическимъ подписываніемъ бумагъ, такъ какъ мысли сіятельнаго виртуоза въ продолженіе доклада, витая въ другихъ болѣе поэтическихъ сферахъ, были заняты какимъ-либо свѣжимъ мотивомъ итальянской оперы, или собственными композиціями (графъ долгое время сочинялъ оперу, кажется, «Цыгане»), и трудно имъ было сосредоточиваться на какихъ-нибудь чулкахъ или башмакахъ для институтокъ. Но и такое, хотя весьма несложное, но крайне прозаическое исполненіе своихъ обязанностей приходилось не въ мочь нашему сановнику-артисту, и онъ подымался на разныя хитрости, чтобы отдѣлаться отъ скучныхъ докладовъ директора. Бывало, директоръ, ветеранъ 12-го года, человекъ въ почтенныхъ лѣтахъ и крупномъ чинѣ, стоитъ и ждетъ приѣма, а его сіятельство, чтобы не встрѣчаться съ нимъ, уже давно другимъ ходомъ шмыгнуло со двора. Проходило иногда болѣе часу времени, пока какой-нибудь случайно проходящій камердинеръ извѣститъ несчастнаго чиновника о бесполезности его ожиданія. Почитатели графа В. старались извинить такую крайнюю безцеремонность въ обращеніи съ подчиненными его артисти-

ческою разсѣянностію; признаемся, намъ эта разсѣянность, à propos, — съ расчетомъ, всегда казалась нѣсколько подозрительною. Такъ, на- примѣръ, рассказывали о случаяхъ, когда сановный артистъ являлся въ криво-надѣтомъ парикѣ съ единственною цѣлью насмѣшить вы- сокопоставленныхъ лицъ. Ужели только разсѣянностію можно объ- яснить невнимательность къ дѣламъ и заслугамъ лицъ, которыя на своихъ плечахъ выносили сибаритствующаго начальника, и за труды которыхъ снисались на него награды и отличія? Эта невниматель- ность доходила до того, что графъ не замѣчалъ, какъ, на примѣръ, инспекторъ классовъ, профессоръ и личность съ авторитетомъ, бе- сѣдуетъ съ нимъ стоя, въ то время какъ какой-нибудь учитель му- зыки, разумѣется изъ иностранцевъ, изъ того же учебнаго заведенія, слѣдовательно, подчиненный инспектора, — сидитъ развалившись на ди- ванѣ. Но такая свобода въ обращеніи допускалась также не безъ извѣстнаго расчета: учитель музыки былъ необходимъ для музы- кальныхъ вечеровъ, составлявшихся у графа довольно часто. Однажды нашъ покровитель всѣхъ заѣзжихъ виртуозовъ, не только музыкантовъ, но и хорошихъ игроковъ на бильярдѣ ¹⁾, пригласилъ на такой вечеръ одну заѣзжую знаменитость на скрипкѣ. Когда избалован- ный иностранецъ, воображавшій, что его приглашали ради одной бе- сѣды съ нимъ, явился на вечеръ не во всеоружіи своего таланта, то былъ встрѣченъ вопросомъ разсѣяннаго и безцеремоннаго хозяина: «а гдѣ же вашъ инструментъ? прошу васъ, пошлите за нимъ тотчасъ же!».

Подчасъ это покровительство иностранцамъ отзывалось очень не- выгодно на матеріальныхъ средствахъ учебнаго заведенія, имѣв- шаго такого управляющаго. Разсматривая какъ-то институтскую бібліотеку, мы были поражены лежащими на полу въ неразвязан- ныхъ кипахъ французскими изданіями. Оказалось, что это были фран- цузскіе романы Шатобріана, В. Гюго и др., въ сотняхъ экземпля- ровъ одного и того же названія, купленные, по распоряженію графа, у какого-то раззорившагося французскаго книгопродавца на средства, которыя отпускаясь на учебныя книги и пособія. Воспитанницамъ, конечно, романы для чтенія не давались, а вслѣдствіе умаленія классныхъ средствъ — выдавались учебники не всѣмъ имъ, но по эк- земпляру на нѣсколькихъ. Пожалуй и подобныя распоряженія, кло- нящіяся въ явный ущербъ заведенія, управляемаго начальникомъ- артистомъ, пожелаютъ объяснить его крайнею разсѣянностію.

Любопытно, что объ личности, случайно сдѣлавшіяся предметомъ

¹⁾ Приключенія лпфлянда въ Спб. «Рус. Архивъ» 1878 г., тетрадь шестая.

настоящей замѣтки, принадлежали, такъ сказать, къ послѣднимъ могиканамъ русскаго масонства. Читатель видѣлъ, какъ своеобразно понимали они гуманныя правила этого тайнаго общества, проповѣдываваго «уваженіе къ человѣческому достоинству, стремленіе къ облагороженію человѣчества словомъ и дѣйствіемъ, обузданіе эгоизма любовью къ ближнему и уваженіемъ его человѣческихъ правъ». Позволительно думать, что съ уничтоженіемъ масонства заглохли въ сердцахъ его передовыхъ дѣятелей и лучшіе идеалы этого общества. Но, что всего болѣе поражаетъ—это то, что изображенныя здѣсь личности, будучи начальниками воспитательныхъ заведеній, имѣющихъ счастье состоять подъ покровительствомъ высочайшихъ особъ, и имѣя передъ собою высокіе образцы милостиваго вниманія и уваженія, съ которыми высочайшіе покровители постоянно относились къ наставникамъ и наставницамъ юношества, — что эти начальники, повидимому, нимало не старались проникнуться этими гуманными, преподаанными имъ свыше принципами. Жизнь императрицы Маріи Феодоровны изобилуетъ подобными высокими примѣрами, и рассказы о нихъ передаются изъ рода въ родъ въ учрежденіяхъ ея имени ¹⁾. Но не всѣмъ извѣстна, полагаемъ мы, напримѣръ, слѣдующая характеристическая черта Императора Николая Павловича, переданная воспитателемъ великихъ князей Гриммомъ въ его недавно-изданныхъ интересныхъ Запискахъ ²⁾. Императоръ, — рассказываетъ авторъ, — любилъ иногда принимать участіе въ ужинѣ своихъ сыновей и сидѣлъ тогда за однимъ столомъ съ ихъ гражданскими и военными наставниками и руководителями. Къ столу приглашались также нѣкоторые изъ присутствующихъ высшихъ придворныхъ чиновъ. Одному изъ нихъ какъ-то невпопадъ пришлось замѣтить, что педагогамъ, какъ людямъ не имѣющимъ одинаковаго съ нимъ званія (*nicht eben bürtig*), не подобало-бы сидѣть за общимъ столомъ. Услышавъ такія слова, Государь тотчасъ всталъ изъ-за стола и удалился, а гордый своимъ саномъ царедво-

¹⁾ См., между прочимъ, превосходное, роскошное изданіе: «Исторія и описаніе Павловска» — изданіе Его Императорскаго Высочества, Государя Великаго Князя Константина Николаевича. Въ этой, вполнѣ интересной, книгѣ много драгоцѣнныхъ данныхъ въ жизнеописанію незабвенной благотворительницы государыни Маріи Феодоровны.

²⁾ Дѣйств. стат. сов. Гриммъ, съ 1836 по 1847 г. — былъ воспитателемъ великаго князя Константина Николаевича, а съ 1847 по 1852 г. — великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей. Въ 1858 г. онъ удалился за границу, но былъ вновь вызванъ для воспитанія цесаревича Николая Александровича. Въ 1860 г. онъ окончательно оставилъ Россію и умеръ въ Висбаденѣ 28-го октября 1878 г.

рець смекнулъ, что ему ничего болѣе не остается, какъ подать въ отставку, что онъ и успѣшилъ исполнить на другой же день. Увидя его, разгнѣванный Императоръ сказалъ: «хорошо, что ты самъ пришелъ, а то я услабъ-бы тебя туда, гдѣ жизнь не очень-то бы тебѣ понравилась».

А. Ч.

Лебензонъ и Левинзонъ.

З а м ѣ т к а.

По поводу замѣтки П. В. Алабина въ XXV-мъ томѣ «Русской Старины» (стр. 223), въ разъясненіе его недоумѣнія, считаю долгомъ пояснить, что Исаакъ Беръ Левензонъ (вѣрнѣе: Левинзонъ) и Авраамъ Беръ Лебензонъ (а не: Левензонъ)—двѣ разныя личности. Первый, знаменитый г. Алабина, умеръ въ Кременцѣ еще зимою 1869 — 60 г. Біографія его на русскомъ языкѣ появилась въ издававшемся въ 1862 году въ Одессѣ журналѣ «Сіонъ». Полное собраніе его сочиненій издается теперь Б. Натансономъ (въ Варшавѣ), который и написалъ полную біографію автора на еврейскомъ языкѣ. По этимъ источникамъ можно было пополнить интересный очеркъ П. В. Алабина, который однакожъ страдаетъ нѣкоторыми неточностями. И. Б. Левинзонъ извѣстенъ какъ критикъ и изслѣдователь еврейской исторіи и старины. Поэтому его называть нельзя, хотя онъ и написалъ нѣсколько рюемованныхъ гимновъ. Точно также не вѣрно, будто И. Б. Левинзонъ владѣлъ въ совершенствѣ арабскимъ и греческимъ языками. И. Б. Левинзонъ былъ историкъ-философъ. Сила его состояла въ умѣнн правильно освѣтять историческія событія и положенія современной жизни евреевъ, и своими многочисленными сочиненіями онъ первый вызвалъ движеніе къ прогрессу и современному образованію среди русскихъ евреевъ, которые смотрятъ на него какъ на своего Мендельсона.

Не менѣе извѣстенъ въ ново-еврейской литературѣ и не меньше пользы дѣлу преобразования евреевъ въ Россіи принесъ А. Б. Лебензонъ, умершій въ Вильнѣ 8-го ноября 1878 года. Онъ былъ извѣстенъ какъ первый гебраистъ своего времени, отличился своими комментаріями къ св. писанію, а какъ поэтъ на древне-еврейскомъ языкѣ онъ не имѣлъ себѣ подобнаго въ Россіи. Біографическія свѣдѣнія о немъ напечатаны въ одномъ изъ номеровъ «Виленскаго Вѣстника» за ноябрь 1878 г. Пишущій эти строки составилъ объ А. Б. Лебензонѣ особую монографію, которая была читана 31-го декабря 1878 г. въ общемъ собраніи членовъ «общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи» и должна была появиться въ отчетѣ этого общества за 1878 г.

Левъ Гордонъ.

Пудожъ, Олонецкой губ., 20-го мая 1879 г.

З а м ѣ т к и.

I.

И. Ѳ. Горбуновъ напечаталъ, по вновь открытому списку, «Журналъ путевой 1697—1699 гг.» Въ предисловіи высказано предположеніе, что журналъ этотъ написанъ княземъ Борисомъ Ивановичемъ Куракинымъ («Русская Старина», томъ XXV, стр. 104). Я имѣлъ въ рукахъ собственноручный дневникъ князя Куракина¹⁾, веденный имъ впоследствии въ Парижѣ, въ бытность его тамъ русскимъ посломъ, и вполне раздѣляю это мнѣніе. Можно признать даже одинаковый слогъ и систему изложенія.

II.

Въ выдержкѣ изъ дневника П. В. Алабина («Р. С.», т. XXV, стр. 223—230) напечатаны интересныя воспоминанія объ ученомъ еврей Левинзонѣ (Кременецкомъ). Онъ умеръ зимою 1859—1860 гг. въ Кременцѣ, гдѣ прожилъ всю жизнь; извѣстіе же о смерти (1878 г.) ученаго, но главнымъ образомъ—еврейскаго поэта Левинзона (носившаго почти созвучную фамилію), относится къ совершенно другому лицу, оставившему по себѣ, между прочимъ, память издаваемъ мендельсоновской библии (Микрѡд-Кодешъ), вмѣстѣ съ ученымъ Бень-Янубомъ.

Левинзонъ Кременецкій—достаточно извѣстная личность для всякаго, интересующагося еврейскими вопросамъ и еврейскою наукою; но къ дѣятельности его, однако, нельзя не относиться критически. Трудно не заподозрить неискренность всѣхъ многочисленныхъ проектовъ, которые онъ представлялъ правительству для пересозданія евреевъ и нравственнаго ихъ обновленія. Происходя по рожденію изъ темной среды еврейской черни, ему слѣшкомъ хорошо и сознательно была извѣстна вся непригодность попытокъ привлеченія евреевъ къ земледѣлію—о чемъ онъ преимущественно хлопоталъ, и притомъ такъ усердно, что, при содѣйствіи его нравственнаго авторитета, правительствомъ сдѣланъ былъ по этому дѣлу начинъ въ широкихъ размѣрахъ;—починъ, поглотившій сотни тысячъ и не приведшій ни къ какому полезному результату. Или же, если привелъ онъ къ результату, то къ безусловно отрицательному, т. е. къ убѣжденію, что подобныя попытки бездѣльны и что такіе проекты (которые опять начинаютъ теперь возникать со стороны Alliance Israélite Universelle)—не принесутъ никогда практической пользы. Въ этомъ отношеніи Левинзонъ слѣдовалъ, кажется, той лукавой еврейской политикѣ, которая содѣйствовала правительству и поддерживала мѣры и систему, кончившіяся полнымъ fiasco, и все прежнее оставалось по старому, а между тѣмъ, пока мѣры проводились и наступала минута разочарованія, проходили десятии гдѣтъ, проведенныхъ еврействомъ въ прежней архаической неподвижности (Zeit gewonnen—Alles gewonnen!). Такова, напримѣръ, была судьба уваровской учебной реформы между евреями и переводъ (скорѣе передѣлка) Маймонида (Jad hagkazakah — «Крѣпкая Рука») на нѣмецкій языкъ, въ

¹⁾ Въ семейномъ архивѣ князей Куракиныхъ.

качествѣ педагогическаго релігіознаго руководства ¹⁾. Все это одобрялось въ угоду правительству еврейскими авторитетами-патріархами, вродѣ Левинзона, бердичевскаго миллионера Гальперіна и друг., какъ-бы умышленно, съ полнымъ сознаніемъ, что изъ всего этого ничего не выйдетъ, и что пока, во внутренней жизни еврейства, все останется по старому. Дѣйствительно, учебная еврейская реформа не привилась и не принесла никакихъ результатовъ; учебныя же изданія разошлись обязательно только въ нѣсколькихъ сотняхъ экземпляровъ, и десятки тысячъ ихъ гниютъ до сего времени въ подвалахъ учебныхъ дирекцій Западнаго края. Для правильной оцѣнки заслугъ Левинзона, слѣдуетъ поэтому, кажется, не придавать почти никакого значенія реформаторской его дѣятельности въ средѣ еврейства,—дѣятельности, которая сдѣлала его наиболѣе извѣстнымъ въ Россіи и доставила ему, если не ошибаемся, пожизненную пенсію.

П. В. Алабинъ употребляетъ весьма часто выраженіе «гебройскій языкъ». Не желалъ-ли авторъ сказать — гебранческій, древне-еврейскій, т. е. библейскій?

III.

Въ перепискѣ покойнаго архіепископа Иннокентія съ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ помѣщены (см. «Русская Старина», изд. 1879 г., т. XXV, стр. 194—204) разъясненія многихъ малопонятныхъ по языку и переводу мѣстъ въ нашихъ молитвословіяхъ и наиболѣе употребительныхъ акаѳестахъ и канонахъ. Нѣкоторые объясненія нашего златоустаго витія могутъ вызвать возраженія. Укажу на толкованіе по поводу слова (въ акаѳестѣ Пресв. Богородицѣ): «Радуйся, божественная ручко манны». По толкованію Иннокентія, это значитъ: «Радуйся, божественная рукоятъ манны». Не говоря о томъ, что выраженіе «рукоятъ манны»—едва ли осмысленно,—тутъ прямая ошибка:

«Ручка»—слово, встречающееся только въ древнѣйшей русской письменности (житіяхъ и сказаніяхъ), означаетъ—сосудъ, и въ данномъ случаѣ—«сосудъ манны».

IV.

Въ біографическомъ очеркѣ О. М. Бодянскаго («Русская Старина», т. XXV, стр. 205), не упомянуто о прекрасныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ всегда между нимъ, какъ профессоромъ, и студентами. Подъ жесткой, суровой наружностью, въ немъ было доброе-предоброе сердце. Это былъ чело-вѣкъ глубокой прямоты души, непоколебимой твердости, и полный той безграничной честности, которая, кажется, была достоинствомъ только прежняго времени. Кто изъ насъ, студентовъ (выпусковъ конца 1860-хъ годовъ), не сблизался съ нимъ, тотъ, все-таки, не могъ не уважать его; кто-же зналъ его, для того извѣстіе о его кончинѣ было навѣстіемъ о потерѣ чего-то очень

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ докладѣ моемъ: «о необходимости и возможности еврейской реформы въ Россіи» (Спб. 1876 г., тип. Мин. Вн. Дѣл., in fol., всего 25 экз.). Одинъ экземпляръ—въ Имп. Публ. Библіотекѣ, въ Спб. Н. Г.

близкаго и приснаго. Считаю долгомъ мимоходомъ упомянуть объ этихъ чувствахъ одного изъ старыхъ студентовъ московскаго университета, изъ которыхъ до сихъ поръ, кажется, никто еще не имѣлъ случая сказать два слова въ печати о Бодянскомъ, какъ о человѣкѣ, какъ о честномъ руководителѣ молодежи и—въ сущности—добрѣйшемъ изъ найдобрѣйшихъ людей на свѣтѣ.

Варшава.

Князь Н. Н. Голицынъ.

Князья и дворяне Бычковы-Ростовскіе.

Во второмъ томѣ «Русской Родословной книги», изданной редакціей «Русской Старины», въ росписи князей Бычковыхъ-Ростовскихъ, послѣднимъ представителемъ этого рода поставленъ князь Андрей Матвѣевичъ Бычковъ-Ростовскій, умершій, судя по росписи, бездѣтнымъ. Между тѣмъ изъ старинныхъ бумагъ, относящихся до этого рода и хранящихся у меня въ моемъ имѣніи (многія бумаги перешли къ намъ, такъ какъ нѣсколько членовъ нашего рода находились въ родственныхъ отношеніяхъ съ князьями и дворянами Бычковыми), видно, что князь Андрей имѣлъ двухъ сыновей и дочь, князю Марию, бывшую въ замужствѣ за Юріемъ Апраксинымъ (умершимъ бездѣтнымъ). Изъ этихъ же бумагъ видно, что родъ этотъ не прекратился, но пересталъ только носить княжескій титулъ. Изъ нетитулованныхъ представителей этого рода извѣстны: Игнатій Бычковъ, у коего была дочь Марья за Апраксинымъ, и невѣстка Софія Григорьевна, рожденная Мусинъ-Пушкина. Яковъ Петровичъ, женатый на Пелагѣ Александровѣ Пушкиной († 1687); у нихъ былъ сынъ Григорій, ушедшій на Донъ и имѣвшій отъ брака съ Любовью Михайловной Збарецкой сына Захара (казака) и дочь Марию за Иловайскимъ. Фиделль Бычковъ, воевода, женатый на Карамзиной. Владиміръ Кирилловичъ, женатый на княжнѣ Ольгѣ Ивановнѣ Львовой (ум. въ 1741 г.), и имѣвшій родную сестру, Анастасію, за княземъ Лукомскимъ (ум. въ 1753 г.), и племянницу Дарью, которую онъ выдалъ замужъ за Алексѣя Петрово-Соловово. Надежда Петровна Бычкова, вдова (въ 1742 г.), рожденная княжна Сивилёва.

Представителями этого рода въ настоящее время являются дворяне Бычковы, землевладѣльцы въ разныхъ губерніяхъ. Родъ этотъ раздѣлился на нѣсколько вѣтвей, и намъ неизвѣстно, къ какой именно принадлежать слѣдующія лица этого рода: Михаилъ Николаевичъ Бычковъ, женатый на княжнѣ Татьянѣ Сергѣевнѣ Гагариной. Мать его была рожденная Торماسова; онъ имѣетъ единственную дочь Елену Михайловну за княземъ Кирилломъ Юрьевичемъ Оболенскимъ и живетъ за границей. Ольга Владиміровна Бычкова замужемъ за французскимъ герцогомъ де-Лоржъ (de Lorgues), съ 1877 г. 15-го (27-го) марта. Извѣстный нашъ археологъ и ученый, академикъ Аванасій Феодоровичъ Бычковъ, женатый на сестрѣ героя прошлой турецкой войны, генералъ-адъютанта Н. Н. Обручева. Александръ Львовичъ Бычковъ (ум. въ 1879 г.), имѣвшій отъ брака съ О. М. Семякою дочь Людмилу Александровну, вдовѣ вдову Н. И. Поливанова.

Андрей Апраксинъ.

Остигъ нѣкоего человека о измѣненіи предѣлъ его.

Братіе воините, ,
 Все друзья мои
 Вдѣльно приклоните
 Ушеса свои:
 Я хвалимку вамъ спую
 Про судьбѣнку про свою,
 Про житіе жестоко
 Про младше лѣта.

* * *

Въ 18-мъ лѣтѣ жизни своей
 Въ ювошескомъ цвѣтѣ отъ души всея
 Возгнущался я всему міру
 И послѣдовалъ въ пустыню,
 Желая спастись; съ суетой протислся.

* * *

Младня тамъ лѣта
 Я мирно провождалъ,
 Суеты навета вовсе я не зналъ,
 Отъ печали былъ свободенъ
 И худѣйшими доволенъ:
 Въ пищи и одеждѣ—въ потребахъ тѣлесныхъ.

* * *

Вѣрою ограждаясь
 Въ нуждахъ и скорбѣхъ,
 Любовію цвѣталъ
 Съ надеждой терпѣлъ.

* * *

Не роскошно тамъ я жилъ:
 Болотную воду пилъ
 И хлѣбъ ѣлъ ячменной
 Иногда съ корою.

* * *

Кушалъ безъ роштанья
 Отъ грапези той,
 Не имѣлъ страданья,
 Веселясь душой;
 Книгъ во чтеніи упражнялся,
 Отъ прелестей отвращался;
 Видѣ ямѣлъ степенной
 И взоръ былъ умильной.

* * *

Воздыхалъ сердечно
 Въ юной жизни той

И думалъ такъ вѣчно
 Прожить безъ страстей.
 Лѣта младыя мпновались,
 Совершенныя настали;
 Сталъ я немощень,
 Гораздо слабѣя.

* *

Почувствовалъ страсти,
 Сталъ объ нихъ страдать,
 Грѣховныя сласти
 Началъ помышлять.
 Сталъ я духомъ колебаться,
 По немножку уклоняться
 Отъ поста и молитвы
 Отъ пустынной жизни.

* *

Случно ва единѣ!
 Безмолвная жизньъ въ дикой во пустынѣ
 Наскучила мнѣ.
 Я съ пустыней распростылся,
 Въ мѣръ мятежный уклонился;
 Обязался мечтою
 Мѣрской суетою:
 Чего я гнушался—
 Случилось со мной,
 Чего отвращался—
 Вижу надъ собой.
 Сталъ по чаще умываться,
 Въ кафтанъ синій одѣваться;
 Лѣстовку оставилъ
 На крючокъ повѣсилъ.

* *

Братіе явите милости своя
 Меня не блазните зря грѣхи моя.
 Прошу въ прочемъ извинить,
 Что горелочку сталъ пить;
 Я вѣдь не допьяна,
 Только для здоровья.
 Пьянъ не напиваюсь,
 Свой законъ храню
 Трезвости: веселія
 Ради разгуляюсь я.

* *

Еще больше что случится
 Во всемъ должно извиниться:
 Я вѣдь не архангелъ,
 Я вѣдь не безплотный.

* *

А кто подозрѣваетъ
 Брату своему,
 Меня осуждаетъ
 Я тому скажу:
 Прошу честно самимъ жить,
 Мнѣ за всѣхъ не умолить;
 На меня не надѣйтесь—
 Я вамъ не ходатай.

Этотъ стихъ находится въ рукописномъ стихотворномъ сборникѣ, отобранномъ у раскольника деревни Монастырки, Балахнинскаго уѣзда, и переданномъ нижегородскою консисторіею въ семинарскую бібліотеку, при отношеніи отъ 30-го октября 1878 г., за № 7650. Самый сборникъ состоитъ изъ 6¼ листовъ въ 8 д. обыкновенной бумаги (7 № Говарда и Раванцевыхъ) и заключаетъ кромѣ этого стиха (начальнаго л. 1—5) еще 12 статей, преимущественно софисто-бѣгунскаго содержанія; писанъ по уставному обыкновеннымъ чернилами; заглавія же статей и начальныя буквы стиховъ—киноварью.

Сообщ. Апологонъ Момаровскій.

Нижній-Новгородъ.

Стихъ брачный ¹⁾.

Богъ творецъ всесильный
 Создалъ человѣка:
 Самовластвомъ почитая
 И свою милость являя
 Адаму и Евѣ—
 И всей съ ними тваря.
 Адаму вѣщаетъ,
 Потомъ же и Нюу:
 Вы раститесь, умножайтесь,
 И всю землю наполняйте,
 Господствуйте всѣми
 Созданными тварьми.
 Въ Канѣ Галилейстей
 На бракъ Спасъ приходитъ,
 Перво чудо сотворяя,—
 Воду въ вино претворяя,
 Славу показуя
 Божества своего.
 Бракъ благословляя,
 И самъ почитая,
 Яко тайну толь пречестную

1) Стихъ этотъ взятъ изъ раскольниковъ рукописи: «О законномъ и правильномъ бракосочетаніи», по времени написанія относящейся къ первому десятилѣтію настоящаго вѣка.

И его церкви полезну,
И многими вѣки
Тако предпочтенну.

Мы же восклицаемъ,
Бога прославляемъ:
Яко тайна есть велика,
Юже самъ Господь уставилъ,
Милость всѣмъ являя,
Себе прославляя.
Любители браковъ
Съ веселиемъ зрите:
Торжество днесь цѣломудро,
Какъ Богъ хочетъ сочетати
Двоухъ въ плоть одну
Вѣчно, нераздѣльно.

Бракъ имѣть законный
Вѣримъ есть полезно:
Въ любви кунно пребывать,
И другъ другу угождати
Честно и похвально,
И Богу пріятно.

Апостолъ великій
Тако возглашаетъ:
Жену лучше есть имѣти,
Нежели жити беззаконно,
Понеже бракъ честенъ
И Богу пріятенъ.

Молчите, презлобнии,
Хулители браковъ!
Вы уста своя стѣсните,
И языкъ удержите—
Хулы износити
На тайну велику.

Бракъ тайна велика,
И во всѣхъ почтенна.
Такъ апостолъ научаетъ:
Во образъ Христа и церкви
Вѣчно то пребудеть
Въ вѣрныхъ человѣцѣхъ.

Дѣвство есть прекрасно,
И Богу пріятно:
Когда истинно сіяетъ,
Чистотою такъ блистаетъ,
Какъ луча пресвѣтла

Прекраснаго солнца.

Дѣвство предпочтено
Въ небесныхъ жилищахъ:
Съ Христомъ кунно обитаетъ,
Со Ангелы воспѣваетъ

Пресладкія пѣсни

Богу преблагому.

Дѣвство есть пречестно,
 Но многимъ не вмѣстно.
 Такъ бракъ Богъ самъ оставилъ,
 И свою власть въ немъ прославилъ
 Въ пользу челоуѣкомъ

На вѣчные роды.

Дѣвы ликовствуйте,
 Жены ликовствуйте,
 Мужи купно возгласите,
 И творца вси восхваляйте,
 Бракъ честенъ оставыша

Людемъ во спасенье.

Мы же хрстіанскія
 Бракъ вси почитаемъ:
 Отбѣгаемъ сопротивныхъ,
 Не приедемъ и всѣхъ живыхъ.
 Хвалимъ вси согласно
 Дѣвственно живущихъ.
 Гдѣ любовь витаеть,
 Тамъ Богъ пребываетъ.
 Всѣ вражды оны прогоняетъ
 И миръ вѣчный тамъ вседлетъ,
 Крѣпко утверждая

Житіе законно.

Гдѣ Богъ сочетается,
 Кто тѣхъ разлучаетъ?
 Той есть Богу сопротивникъ,
 Хульникъ Божиихъ законовъ,
 Лести утвердитель,
 И врагъ и губитель.

Вѣрніи Хрстіане
 Снѣ вы не внимайте,
 Но священному писанью
 Токмо вѣру вы имѣйте;
 Враговъ отговяйте,
 Сущихъ враждотворцевъ.

Имѣйте вы двое
 Любовь другъ ко другу;
 Ложе чисто соблюдайте,
 Безъ порока и соблазна,
 Да будетъ отъ Бога
 Награда вамъ многа.

А мы Бога хвалимъ,
 Васъ же поздравляемъ,
 И вси купно вамъ желаемъ
 Благочестно въ мирѣ жити,
 Богу угождати

На многая глѣта.

Г. Нѣжинъ.

Сообщ. М. И. Дилеевъ.

Два рецепта.

Представляю два любопытные рецепта, найденные мною въ домашнемъ архивѣ, въ деревнѣ у одного помѣщика, Старобѣльскаго уѣзда (Харьк. губ.). Относятся они, по всей вѣроятности, ко времени первой холеры 1831 г. Передаю съ буквальной точностью. Г. Ч.

1.

ХОЛЕРНОЕ ЛЕКАРСТВО.

- 1 золотн. нашатырю.
- 1 золотн. камфоры.
- 1 золотн. острой воды.
- 1 золотн. нефти бѣлой.
- 1 золотн. скандару краснаго.
- 1 красный стручокъ.
- $\frac{1}{2}$ ставана ренскаго уксусу.
- $\frac{1}{2}$ штофа пѣвной воды.

Все это смѣшать вмѣстѣ и поставить гдѣ-нибудь въ теплѣ, въ комнатѣ, три дня перебалтывая.

2.

РЕЦЕПТЪ ОТЪ ХОЛЕРЫ.

- Возьми разсудку 10 лотовъ,
- 7 грановъ травки доброты,
- 12 драхмъ составъ покою,
- 100 унцій сердца чистоты;
- Сотри все это камнемъ вѣры,
- И порошокъ сей отъ холеры
- Сквозь сито совѣсти просѣй,
- Да капель 100 терибнѣя соку
- И въ чашу мудрости глубокую
- На спецію сію налей;
- Накрой надеждой Провидѣнья.
- Молитвой пламенной согрѣй,
- Слезамъ чиста умаленья
- Смѣшай все это поскорѣй;
- Затѣмъ предъ зеркаломъ природы
- Сочти дѣла свои и годы
- И по числу ихъ капли лей,—
- И въ семь чудесномъ элексиръ
- Найдешь все то, что служить въ мирѣ
- Отъ бѣды защитой для людей.

Заводовладѣлецъ Александръ Яковлевъ.

Письмо къ управителю ¹⁾.

«Павелъ Митюнинъ! Съ чувствительнымъ прискорбіемъ изъ репортѣи за 13-е Маія вижу, что ты решительно Климковской Домни Дѣйствіе употребленіемъ вместо Сока руды располагаешься закончить. Смотри, Митюнинъ, я тебе решительно Скажу: береги Свою голову и действуй не интригою, злобою или мщеніемъ къ Лютикову ²⁾, а иди прямой Дорогой, ибо ты ни ему по оставшій Домни сделаешь зло вестерпимо, а мнѣ будешь убійцомъ, а за такоевое ты публично на площади nebudeшь пощаденъ, и для того, глупейшая скотыня, ты Долженъ всякое обстоятельство заблаговременно предусматривать и объ экстренности мне личностію доносить, упущеніе же, по вышеназложенному предмету, будетъ Для тебя темъ памятно; что ты до новыхъ венжковъ не забудешь. Послезавтра, какъ Скоро отецъ твой на Климковку явится, имѣешь ты, с..... с...., ко мне явиться; я съ тобой переговорю о чемъ следуетъ, какъ должно; Симъ же тебе, с..... с...., Строжайше предписываю, съ полученія Сего, тотчасъ, извергъ, съ благонадежнымъ Служителемъ отправь въ Старой баркѣ, которая теперъ напристаня, людей на встречу отправленной отъ сюда барки съ сокомъ; да и самъ, мерзавецъ, на означенную барку отправься и поспешнейшимъ образомъ оную на пристань доставь и сокъ въ самоскорейшимъ образомъ на Климковской, заводъ перевози. Сыпь по Климковской Домне держи, с..... с....; до доставленія Соку на 22 пудахъ, колошъ мерзавецъ, содержи на 65 колошахъ; Сыпь руды 16, а Соку 8 пудъ, и при такомъ содержаніи, подмецъ, будетъ то и Другое сохрарено; не забудь, гнусный человекъ, что за похищеніе здоровья моего всѣ вы, гнусные твари, слишкомъ дорого заплатите. Барку третью, которую ты съ железомъ будешь отправлять, решительно чтобъ она окончательной извозъ железа съ Червохолуницкаго завода доставляла. Еслили потребуетъ означенная барка дополненія чугуна дополни, но какъ выше сказано, чтобъ оная все железо Сюда Червохолуницкое доставляла. Александръ Яковлевъ.

14 Маія 1828 г.

Сообщ. въ 1878 г. В. Ведеркиновъ.

(Изъ Слободскаго уѣзда, Ватской губ.).

¹⁾ Приводимъ этотъ документъ, одинъ изъ множества подобныхъ, какъ образчикъ отношеній, въ коихъ находилса польза тому назадъ, одинъ изъ богатѣйшихъ въ Россіи заводовладѣльцевъ въ своимъ управителемъ, которые, въ свою очередь, были рѣшителями судебъ многихъ тысячъ управляемыхъ ими крестьянъ. Письмо печатаемъ съ буквальною точностію, разставя лишь знаки препинанія.

²⁾ Вывшему управляющему заводамъ.

В.

Молитва Сопьлковца-бѣгуна.

Создатель нашъ Царь небесный,
 Сотворитель Ты намъ сокровенный,
 Ты намъ грѣшнымъ всѣмъ спаситель
 Во всѣхъ скорбѣхъ защититель;
 Ты насъ ради воплотился
 Сущій человекъ явился;
 Отъ Ирода устрашися
 Въ Внолгеѣмъ уклонися
 Путь намъ грѣшнымъ показавый
 Во Египетъ самъ бѣжавый.
 О Владыко, Царь небесный,
 Буди спутникъ намъ неслестный;
 Вѣру нашу Ты самъ зриши
 Въ пути насъ грѣшныхъ храниши.
 Вся надежда наша къ Тебѣ—
 Ты спаси насъ живый въ небѣ.
 Съ града грядемъ вѣры ради
 Самъ Владыко намъ отрада
 Выше силъ намъ не впасти
 Въ странствѣ и бѣды и напасти
 Дабы вѣру сохранить
 Тебѣ, Христе, послужити
 Тебѣ вся можно явити
 И языки сократити.
 Тебе ради нашъ Владыко
 Отечество оставляемъ,
 Камо грядемъ—мы не знаемъ,
 Вѣрно на Тя уповаемъ
 Что желаемъ—постигаемъ,
 Уповаемъ въ той надеждѣ,
 Что Ты насъ хранилъ и прежде:
 Довлеть бы намъ умерети
 Избавлялъ насъ много смерти.
 Тѣ щедроты предваряють
 Странствовать насъ понуждають.
 Страхъ и нужду отречаемъ
 На Ти Христе уповаемъ,
 Въ страны такъ желаемъ
 И въ нихъ вѣрно бити чаемъ
 Грѣхъ ради ся потрудити
 Въ покаяніи пребыти
 Царстія грады оставляемъ
 Горь и холмовъ зрѣть желаемъ
 Отъ горнихъ водъ хоцемъ пити
 Такъ отъ очей слезъ точити
 Грѣхи моя омывати
 Бога въ милость приклонити.

Того хошу азъ искати
 Скорбинъ нужды злострадати,
 Труды многи положити
 Токмо въ странствѣ намъ пребыти,
 Ни что же можетъ воспретити
 Отъ странства мя отлучити.
 Пищи тако не алкаю
 Странствовать ся понуждаю;
 Не такъ жажду смущаюсь
 Скитатися понуждаюсь.
 Всему міру въ смѣхъ явлюся
 Токмо странства не лишуся.
 Бѣжи душе вавилона
 Постигни слѣшно Сіона;
 Тебя путемъ къ горню граду
 Тамо получиши отраду.
 Плачи душе о томъ времѣ
 О грѣховномъ бремѣ:
 Како буду отвѣщати
 На судѣ страшнемъ предстати.
 Уже часъ дне сокращаетъ
 Смертнѣй часъ мнѣ приближаетъ,
 Душе бодрствуй и страшися
 Тщися къ гробу и спѣши ся,
 Будь готовъ къ часу смертну
 Гряди душе въ жизнь безсмертну;
 Богомъ тако сотворися
 На безсмертіе родися.
 Возвръни на святые мужи
 Примемъ всякія нужи:
 Они вся тако пожиша
 Странствомъ вси себе смириша,
 На едино то взирали
 О вѣчномъ вси помышляли:
 Гдѣ вѣчно имъ пребывати
 На страшнемъ судѣ предстати,
 Да тѣмъ можемъ ся смирити
 Грѣхъ ради слезы точити.
 Возопіемъ нынѣ къ Богу
 Да подастъ намъ помощь многу
 Въ семъ вѣцѣ грѣшнемъ пожити
 Отъ злыхъ дѣлъ ся отворотити
 Въ покаяніи пребыти
 И вѣчныхъ мукъ намъ избыти.

Этотъ бѣгунскій псалмъ находится въ томъ же указанномъ выше сборникѣ,
 гдѣ и стихъ расколника-размника, на лист. 28—34. (См. выше «Русская
 Старина», стр. 163—165).

Сообщ. Апологистъ Можаровскій.

Нижній-Новгородъ.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ.

его портреть, писанный въ 1834 г. Акад. Венеціановымъ.

Въ статьѣ моей о портретахъ Гоголя и рисункахъ къ его сочиненіямъ, напечатанной въ «Русской Старинѣ» 1878 г., (т. XXII, стр. 156), я ограничился описаніемъ только тѣхъ портретовъ и рисунковъ, которые были изданы для публики—въ гравюрахъ, литографіяхъ и политипажахъ. Всего-же неизданнаго, хранящагося у разныхъ лицъ, и потому въ большинствѣ случаевъ неизвѣстнаго, я касался только мимоходомъ, на сколько это относилось до изданнаго и, главное—на сколько было извѣстно въ печати что нибудь объ этомъ неизданномъ. Къ числу такихъ неизданныхъ портретовъ мной былъ отнесенъ и портреть Гоголя, упоминаемый въ «Воспоминаніяхъ» С. Т. Аксакова. «Въ 1839 году,—говоритъ Аксаковъ,—Гоголь воротился уже совсѣмъ не тѣмъ франтикомъ, какимъ уѣхалъ за границу въ 1836 г. и какимъ изображенъ на портреть, рисованномъ Венеціановымъ. Наружность Гоголя такъ перемѣнилась, что его можно было не узнать. Прекрасные бѣлокурные густые волосы лежали у него почти по плечи, красивые усы, эспаньолка—довершали перемѣну. Черты лица получили совсѣмъ другое значеніе» (Записки о жизни Гоголя, Кулиша. Спб. 1856, ч. I, стр. 252).

Всѣ мои розыски въ печатныхъ указаніяхъ о Гоголѣ и Венеціановѣ, къ сожалѣнію, не могли тогда указать не только на то, былъ ли изданъ этотъ портреть Гоголя, но и на то, когда именно и какъ, т. е. живописью, или карандашомъ, или какъ нибудь иначе, былъ сдѣланъ этотъ портреть Венеціановымъ. Нельзя не пожалѣть, что, не смотря на высокій талантъ этого художника и на значительное число оставленныхъ имъ прекрасныхъ произведеній, въ нашей литературѣ до сихъ поръ нѣтъ ни обстоятельной его біографіи, ни даже полнаго списка его работъ. Даже специальная, довольно обширная статья Аполлона Мокрицкаго, напечатанная въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1857 г. (№ 11, стр. 81—102): «Воспоминаніе объ А. Г. Венеціановѣ и ученикахъ его»—даетъ только крайне скудныя данныя для біографіи, а изъ произведеній его указываетъ одно¹⁾.

Розыскивавшійся мною портреть Гоголя нашелся наконецъ. но совершенно случайно.

¹⁾ Въ «Русской Старинѣ» изд. 1878-го года, томъ XXIII, стр. 266 и 457—появилось начало обстоятельной статьи П. Н. Петрова о Венеціановѣ, ограничивающееся пока только началомъ его художественной дѣятельности; окончаніе труда находится въ распоряженіи редакціи и будетъ напечатано въ нашемъ изданіи.

По смерти Н. А. Некрасова, супруга его подарила мнѣ, на память о покойномъ, три портрета, которые постоянно стояли въ кабинетѣ поэта, на его рабочемъ столѣ. Это были: портретъ Бѣлинскаго, рисованный карандашомъ г-жою Лыковой, въ 1848 г., не задолго до смерти нашего знаменитаго критика; портретъ Грановскаго, рисованный и литографированный въ 1843 г. К. А. Горбуновымъ, и, наконецъ, литографированный портретъ, съ обратно отпечатанною подъ нимъ подписью (т. е. справа влѣво): «Венеціановъ. 1834». Сначала я принялъ этотъ портретъ за изображение самого Венеціанова, но когда розысканія указали, что съ Венеціанова портрета издано не было, подпись обратилась тѣмъ самымъ въ указаніе, что портретъ только работы Венеціанова. Тогда самъ собою представился вопросъ: не искомый ли это портретъ Гоголя, чему отчасти подтвержденіемъ служило и мѣсто его помѣщенія — на рабочемъ столѣ Некрасова, и подпись «1834 г.», почти совпадающая съ указаніемъ Аксакова. Многие, видѣвшіе у меня этотъ портретъ, находили, что онъ схожъ съ Гоголемъ, но положительнаго тождества опредѣлить было невозможно, не имѣя въ виду никакого точнаго указанія, почему портретъ и оставался у меня въ числѣ «неизвѣстныхъ».

Между тѣмъ, въ началѣ сентября 1878-го года, почтенный ветеранъ нашей сцены П. А. Каратыгинъ, посѣтивъ меня и разговорившись между прочимъ о Гоголѣ, замѣтилъ, что онъ уже не знаетъ его такимъ, какимъ Гоголь изображенъ на портретѣ Иванова, хромотографированный снимокъ съ котораго приложенъ къ «Русской Старинѣ» (т. XXII, изд. 1878 г.) «А вотъ какимъ я его хорошо зналъ», — прибавилъ Петръ Андреевичъ, указывая на висѣвшій въ моемъ кабинетѣ на стѣнѣ Венеціановскій портретъ. — Послѣ такого положительнаго указанія, сдѣланнаго даже безъ вопроса о сомнительномъ портретѣ, конечно, должно было уничтожиться всякое недоразумѣніе.

Этотъ-то портретъ, снятый съ Гоголя знаменитымъ Венеціановымъ, вскорѣ по выходѣ «Вечеровъ на хуторѣ», сдѣлавшихъ извѣстнымъ всей читающей Россіи имя молодаго писателя, мы и предлагаемъ теперь читателямъ «Русской Старины» въ точной копіи, исполненной нашимъ талантливымъ художникомъ Академикомъ Л. А. Сѣряковымъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ указать гдѣ находится самый подлинникъ, дѣланый Венеціановымъ, а также не могли доискаться, кѣмъ этотъ портретъ былъ нарисованъ на камнѣ и отлитографированъ. То обстоятельство, что въ теченіе нашего многолѣтняго собиранія портретовъ русскихъ людей, и преимущественно писателей, мы не встрѣтили ни разу этого портрета въ продажѣ или въ коллекціяхъ любителей, кажется, можетъ служить указаніемъ, что онъ былъ налитографированъ въ

крайне ограниченномъ числѣ экземпляровъ и, можетъ быть, даже только для самыхъ близкихъ знакомыхъ и друзей Гоголя, какъ, напримеръ, дѣлались и всѣ литографіи Б. А. Горбунова, указанныя нами въ статьѣ: «О портретахъ Гоголя».

Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы пополнить эту статью новыми указаніями.

1) Съ Моллеровскаго типа портретовъ Гоголя (см. «Рус. Стар.» 1878 г., т. XXII, стр. 160—163) еще сдѣлана новая гравюра, изданная во 2-мъ томѣ «Русскихъ бывшихъ дѣятелей», Баумана (Спб. 1878 г.), но кѣмъ и гдѣ она исполнена—указаній на ней нѣтъ; по видимому же, сдѣлана въ Лейпцигѣ, у Брокгауза.

2) Изъ портретовъ съ «неизвѣстныхъ» оригиналовъ, должно упомянуть вышедшій вскорѣ послѣ кончины Гоголя огромный листъ, но крайне плохой, несхожій, работы того же «Theod. Andreëff», который изобразилъ Гоголя во гробѣ (см. ту же статью, стр. 164).

3) Къ числу портретовъ надо отнести и карикатуру въ изданіи Неваховича «Ералашъ» (1846 г., листъ 24): Шествіе въ храмъ славы, гдѣ Гоголь изображенъ заснувшимъ на 2-мъ томѣ «Мертвыхъ Душъ».

Изъ рисунковъ къ произведеніямъ Гоголя намъ удалось, наконецъ, съ большимъ трудомъ, достать полныя изданія къ «Ревизору» и къ «Носу», указанныя нами въ первой статьѣ (стр. 166). Вотъ эти изданія:

4) «Галерея Гоголевскихъ типовъ, нарисованныхъ Боклевскимъ. Выпускъ 1. Ревизоръ (14 листовъ). Москва. 1858. На камнѣ рисовалъ В. Пуговишниковъ». На оборотной сторонѣ обложки напечатано: «Это изданіе имѣетъ цѣлю, по возможности, передать созданныя Гоголемъ типы. По мѣрѣ исполненія рисунковъ на камняхъ, будетъ выходить въ свѣтъ коллекція около 15 листовъ.— Цѣна каждой 5 р., съ пересылкою 6 р. сер., а внизу помѣта: «печатать позволяется. М. 7-го марта 1858 г. Ценсоръ В. Флеровъ.— Печатано въ тип. И. Чуксина». Эта указаніе на тип. Чуксина относится, вѣроятно, только къ обложкѣ, потому что подъ самыми рисунками вездѣ встрѣчается только одна подпись: «печ. въ лит. В. Бахманъ, въ Москвѣ». Второго выпуска такъ и не вышло, а на 14-ти изданныхъ листахъ перваго изображены: 1) И. А. Хлестаковъ, 2) Осипъ, слуга Хлестакова, 3) Половой слуга въ трактирѣ, 4) Бобчинскій и Добчинскій Петры Ивановичи, 5) А. Ѳ. Тяпкинъ-Ляпкинъ, судья, 6) Купцы съ приношеніемъ, 7) Слесарша и унтеръ-офицерша, 8) Городничиха съ дочкой, 9) А. А. Сквозникъ-Дмухановскій, городничій, 10) А. Ф. Земляника, попечитель богоугодныхъ заведеній, 11) Полиція съ поздра-

влеченіемъ, 12) Хлоповъ, смотритель училищъ, съ женою, 13) Сосѣди съ поздравленіемъ (Гибнеръ, Растаковскій, Коробкинъ и др.) и 14) И. К. Шпекинъ, почтмейстеръ. Подъ большою частію рисунковъ сдѣланы выписки соответствующихъ мѣстъ пьесъ.

5) «Картины къ повѣсти Н. В. Гоголя «Носъ». Изданіе Э. Лилъе. Печатано въ лито-типографіи А. Ерина, на Варваркѣ. Въ Москвѣ. Выпускъ I-й. Годъ изданія не означенъ, но онъ видѣнъ изъ ценсурной помѣты на самыхъ рисункахъ: «печ. дозв. ценсурой 2-го апрѣля 1858 г. Москва». Второго выпуска тоже не выходило, а въ первомъ помѣщены 4 рисунка: 1) Цырюльникъ Иванъ Яковлевъ находитъ носъ въ печеномъ хлѣбѣ, 2) Угрозы квартальнаго надзирателя Ивану Яковлевичу, 3) Пропажа носа маіора Ковалева и 4) Ковалевъ встрѣчаетъ свой носъ въ видѣ статскаго совѣтника.—Изданіе это по формату немного меньше предыдущаго, величиною побольше полулиста писчей бумаги, но оно гораздо художественнѣе и несравненно умнѣе предыдущаго, крайне каррикатурнаго.

6) Къ Тарасу Бульбѣ (стр. 166-я первой статьи)—изданъ въ Москвѣ листъ полу-лубочный, или такъ называемый народный, «въ литографіи Д. А. Руднева, на Никольской улицѣ, въ домѣ Шереметева, въ Москвѣ»; ценсурное дозволеніе помѣчено 12-мъ мая 1878 г. Большой листъ, около $\frac{3}{4}$ арш. въ ширину и болѣе $\frac{1}{2}$ арш. въ вышину, раздѣленъ на 12 квадратовъ, въ которыхъ изображены сцены изъ Тараса Бульбы, но не тождественныя съ указанными въ первой статьѣ изданія П. Соколова. Немногіе остальные экземпляры этого изданія (замѣтимъ для любителей) теперь находятся въ эстампномъ магазинѣ Фельтена.—Внизу Рудневскаго листа выписаны изъ повѣсти поясненія къ каждой картинѣ, а на 8-й изъ нихъ видна подпись: «В. Малышевъ»—вѣроятно, имя рисовавшаго.

7) Къ «Миргороду», кромѣ указанныхъ нами въ первой статьѣ рисунковъ М. Микѣшина (стр. 167), вышло еще два рисунка въ Вію, помѣщенные первоначально въ «Пчелѣ», а потомъ въ «Художественномъ альбомѣ Пчелы»¹⁾. Что же касается до изданія г. Голяшкина, специально посвященнаго «Вечерамъ на хуторѣ» и слегка только упомянутаго въ первой статьѣ, то мы считаемъ не лишнимъ

¹⁾ Александръ Петровъ, изъ Ельца, въ поправку нашей первой статьи, сообщаетъ, что нами не указано три рисунка къ Вію: 1) заглавный листъ къ иллюстраціи Вія, помѣщенный въ № 28 «Пчелы» 1876 г., съ подписью: «М. Микѣшинъ. 4-го апрѣля 1876», гравир. М. Хелмицимъ.—2) Дѣйствующіи лица (?) повѣсти Вія, съ подписью: «Микѣшинъ. 1876», гравир. Смитономъ и Тили, въ Парижѣ.—3) Халява и Брутъ въ степи, съ подп. «Миша М.»—Кромѣ того, въ послѣднихъ №№ «Пчелы» 1878 г. помѣчено два рисунка Боклевскаго къ повѣсти «Шинель».

остановиться на немъ подробнѣе. Изданія этого вышло 4 выпуска, оваглавленные такимъ образомъ:

«Н. Гоголь. Вечера на хуторѣ близъ Диканьки». (Затѣмъ слѣдуетъ посвященіе Государю Наслѣднику). Иллюстрированное изданіе А. Н. Голяшкина. Выпускъ 1-й, Пропавшая грамота (Москва. 1874 г.). Въ этомъ выпускѣ помѣщены заглавный листъ М. Н. Чичагова и 6 литографій: К. А. Трутовскаго, В. Е. Маковскаго (2) и И. М. Прянишникова (3). Выпускъ 2-й, Страшная мѣсть (Москва. 1874 г.), съ заглавнымъ листомъ того же Чичагова и 11 литографій: Трутовскаго (2), Маковскаго (3), К. Е. Маковскаго, Прянишникова (2), И. Н. Крамскаго (2) и Д. Н. Чичагова. Выпускъ 3-й, Сорочинская ярмарка (Москва. 1876 г.): заглавный листъ того же художника и 8 литографій: Трутовскаго (3) и В. Маковскаго (5). Выпускъ 4-й, Вечеръ наканунѣ Ивана Купала (Москва. 1876 г.): заглавный листъ М. Чичагова и семь литографій: Трутовскаго (4), В. Маковскаго (2) и М. Чичагова. Кромѣ того, при 1-мъ выпускѣ былъ приложенъ текстъ повѣсти Гоголя; первые 3 выпуска исполнены въ литографіи академика Маковскаго, а послѣдній у Чуланова. Нельзя не пожалѣть, что это прекрасное изданіе приостановилось, вѣроятно, отъ равнодушія публики, между тѣмъ, какъ, не говоря уже о прекрасномъ исполненіи, оно и по цѣнѣ не могло считаться дорогимъ: только 2-й выпускъ продавался по 7 р., а остальные три по 5 р., и за такую цѣну получался альбомъ превосходныхъ литографій съ тонами, отъ 7-ми до 11-ти листовъ, чуть не въ аршинъ длиною и четверти въ три шириною, такъ что, собственно говоря, каждый листъ почти стоитъ цѣны, назначавшейся за весь выпускъ отъ 7-ми до 11-ти листовъ.

П. А. Шфремовъ.

О портретѣ Мацѣвича и о Пушкинѣ.

Портретъ митрополита Ростовскаго Арсенія Мацѣвича, — который предположено было помѣстить при этой книгѣ «Русской Старины» (см. выше, стр. 34), будетъ помѣщенъ при этомъ же, XXVI-мъ томѣ, но при десятой, октябрьской, книгѣ нашего изданія 1879 г.

Въ той же, октябрьской, книгѣ будетъ продолженіе писемъ и очерка жизни А. С. Пушкина; печатаніе этихъ послѣднихъ матеріаловъ замедлилось вслѣдствіе нѣкоторыхъ справокъ и розысканій, для полноты и точности нашего собранія необходимыхъ.

Ред.

ковъ русскихъ калмыковъ. Первый русский переводъ ихъ появился въ 1776 г. въ «Опытъ трудовъ вольнаго рос. собранія» т. III; затѣмъ они были напечатаны, въ 1828 г., въ «Сѣверномъ Архивѣ» и «Смѣхъ Отечества», но отличаются въ редакціи отъ перваго изданія. Также разнятся отъ нихъ и списки Палласа, напечатанный имъ по нѣмецки въ *Sammlungen Historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften* (Spt. 1776, I), впрочемъ считающійся лучшимъ по своему переводу. Новый списокъ его, о которомъ идетъ рѣчь, напечатанъ по рукописи, принадлежащей Новорос. университету и ничѣмъ со спискомъ Палласа и отличается съ помѣщеннымъ въ «Сѣв. Архивѣ». Есть еще рукописные списки, принадлежащіе Моск. Юрид. общ. и редакціи Журн. мин. юстиціи. Г. Леонтовичъ прибавилъ свой трудъ введеніемъ, въ которомъ возложилъ исторію устава и литературы (русскую и иностранную) о калмыкахъ, въ концѣ приложилъ указатель предметовъ и обширныя прилѣжанія по разнымъ вопросамъ монгольскаго права. Для насъ имѣетъ интересъ изслѣдованіе автора о монгольскихъ вліяніяхъ въ древнемъ правѣ монгольскихъ данниковъ (238—273), такъ какъ оно цѣлкомъ относится къ исторіи Россіи въ періодъ монгольскаго владычества и времени, непосредственно предшествовавшему за нимъ.

Авторъ говоритъ: «Русскіе памятники монгольской и московской эпохи, раскрыли слѣды многихъ институтовъ монгольскаго права, занесенныхъ въ старыи русский бытъ, служить такимъ же важнымъ пособіемъ при изученіи монгольскаго права, какъ и памятники послѣдняго при изученіи древняго русскаго права... Монгольское иго или, лучше сказать, древніе ойратскіе уставы монголовъ представляютъ собою двухъязыковую мостъ, который выросъ изъ пропасти между старымъ русскимъ строемъ, землей, и позднѣйшимъ московскимъ государствомъ, и перешагнувъ который русское общество перешло изъ міра въ государство и занесло изъ него съ собою многое, взятое на пути по этому монголь-

скому мосту». Ойратскіе уставы и даютъ, по мнѣнію автора, матеріалъ для оцѣнки такого вліянія. Слѣды его авторъ указываетъ въ администраціи (приказамъ, сходные по устройству съ монгольскими палатами, личный характеръ должностей) и въ общественной жизни: тарханство, закрѣпленіе всѣхъ сословій, даже мѣстничество, разбору котораго авторъ посвящаетъ нѣсколько небезъинтересныхъ страницъ. Далѣе онъ отмѣчаетъ, что съ монгольскаго ига «посоха» начинаетъ уступать мѣсто численной (подушной) и затѣмъ подворной подати, развивается система вотчинныхъ кормленій, издавна практиковавшихся у монголовъ, и промысловыхъ regalій (такъ наз. «путей»), и дальшій рядъ чисто монгольскихъ институтовъ, какъ откупная система податныхъ сборовъ, ясная гонба, таможенные сборы и пр.; наконецъ, на русской администраціи не могъ не отразиться строго-хищнической характеръ монгольскихъ порядковъ. Не имѣя сильное вліяніе монголовъ авторъ видитъ въ русскомъ уголовномъ правѣ; но за то онъ отвергаетъ возможность вліянія въ затворничествѣ женщинъ, въ имущественномъ и хозяйственномъ бытѣ населенія, принимая однако, что монголы ввели въ сознаніе своихъ данниковъ идею о правахъ своего вождя (хана), какъ верховнаго вотчинника всей занятой ими земли, откуда ведетъ начало обезземеленіе населенія, въ юридическомъ смыслѣ, а послѣ сверженія ига князья могли перенести на себя верховную власть хана, почему вся земля стала считаться собственностью князей. Обезземеленіе населенія, вмѣстѣ съ его укрѣпленіемъ, было первымъ и главнымъ результатомъ монгольскаго ига.

Такимъ главные выводы автора. Если не во всемъ можно согласиться съ нимъ, то нельзя не сказать, что основная мысль автора выражена ясно и проведена строго до конца. Не имѣя возможности касаться здѣсь всѣхъ частностей его труда, мы рекомендуемъ читателю обратиться къ самому изслѣдованію, заслуживающему, во всякомъ случаѣ, вниманія.

В. И.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1880 г.

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цена за 12 книгъ, три большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, также со снимками **ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины“, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, при книжномъ магазинѣ Николая **Ив. Мамонтова**, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **Ижк. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Изгородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—IV. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—V. Библиографическія замѣтки о рус.-исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы, преданія и анекдоты.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовныя и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовныя и сектанскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ и повѣрьяхъ русскаго народа.—VIII. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣд. изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 порт., 8 руб.

Издат.-редакторъ **М. И. Семевскій**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ десятый.

ОКТАВРЬ.

1879 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Арсений Мацѣевичъ, митрополитъ Ростовскій. Историко-биографическій очеркъ. Состав. профессоръ В. С. Иконниковъ. Главы VIII—IX (окончание)	177	горскій. — Ссора съ отцомъ. — Письма къ брату, Жуковскому, Плетневу. — А. Н. Вульфъ. — Анна Петровна Керъ. — Любовь и поэзія	291
II. Милъ Монастырниковъ Боснякъ, комендантъ города Саратова, въ 1774 г. Общ. Н. Н. Селифонтовъ	199	VI. Семнадцать стихотвореній М. Ю. Лермонтова. Переводъ съ нѣмецкаго, изъ Боденштедта. Пав. А. Висновскій	353
III. Воспоминанія Татьяны Петровны Пассемъ. Глава XXXVI. Въ Англіи, 1861 г.	241	VII. Очерки историческихъ разсказы, письма, анекдоты и замѣтки. 1. Молитва воиновъ поляковъ въ Хѣвѣ (340). 2. Императрица Анна Ивановна и ея поговорки (335). 3. Число монастырскихъ крестьянъ въ 1730-хъ гг. (335). 4. Самоожигатели и самоуопленники въ 1782 г. (336). 5. Письма Іосифа, палатина Венгерскаго, къ императору Павлу Петровичу, 1801 г. (329). 6. А. 6. Мерзляковъ (349). 7. Ген. Кавелинъ (352). 8. Минимы поджигатели въ 1847 г. (341). 9. Дочны и атаманъ Комутовъ (347). 10. Разсказы, анекдоты, шутки, мелочи (103). 11. Историческія пѣсни (351).	
IV. Польское возстаніе въ 1863 г. Записки Н. В. Верга. Глава IX. Увольненіе Велопольскаго. — Гр. Бергъ. — Ожесточеніе красныхъ. — Хивинскій. — Соур d'Etat. — Жондъ изъ красныхъ. — Покушеніе на жизнь гр. Верга. — Разгромъ. — Убійства и приготовленія новыхъ ужасовъ. — Казнь пяти убійцъ на пяти площадяхъ. — Докторъ Германи. — Убійство его. — Казнь Годановскаго. — Покушенія противъ разныхъ лицъ. — Ромуальдъ Траугутъ	259	VIII. Библиографическій листокъ. Состав. профес. В. С. Иконниковъ (на оборотѣ).	
V. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ 1824—1825 гг.: Домосъ гр. М. С. Воронцова. — Перехваченное письмо. — Высылка изъ Одессы. — Въ Михайловскомъ и Три-			

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ митрополита Ростовскаго Арсенія Мацѣевича, — умеръ въ Ревелѣ, 1772 г., — рисовалъ на деревѣ съ весьма рѣдкой гравюры, принадлежащей къ собранію П. А. Ефремова, художникъ К. О. Брожъ; гравировалъ въ Ниццѣ академикъ Л. А. Сѣраковъ.

Можно получить «Русскую Старину» 1870 г., 1876 г., 1877 г., 1878 г. и 1879 г., цѣна по шестидесяти руб. съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскихъ и Маріинскихъ мостами, № 90—1.

1879.

Х-я книжка „Русской Старины“ вышла 1-го октября.

Хивинскій походъ. Альбомъ хромо-литографій, исполненныхъ заведеніемъ Винкельманъ и Штейнбогъ въ Берлинѣ по оригинальнымъ акварельнымъ рисункамъ Н. Н. Каравина. Цѣна безъ пересылки 18 руб., съ пересылкою 20 руб. (Главный складъ въ квартирѣ художника: въ Спб., Кабинетская, домъ № 6, кв. № 4; продается также въ Спб. въ эстампныхъ магазинахъ: Бегрова, Фельтена, Риппа и Даціаро; въ Москвѣ— у Даціаро).

Это роскошный альбомъ въ громадный листъ бумаги—состоитъ изъ превосходно исполненныхъ и хромо-литографически отпечатанныхъ двѣнадцати картинъ, на семи листахъ, могущихъ составить отличное украшеніе стѣнъ кабинета и вообще драгоценный подарокъ для частн. и обществен. библиотекъ.

На первомъ листѣ три рисунка: 1. «Ночлегъ въ кибиткахъ аймой».—2. «Выступленіе Казалинскаго отряда».—3. «Переходъ по замерзшимъ солончавкамъ»—последній рисунокъ особенно хорошо исполненъ и чрезвычайно характеристиченъ.—На второмъ листѣ также три рисунка: 4. «Ночной ураганъ и тревога на стоянкѣ Хала-Ата».—5. «Стычка полковника Иванова съ Туркменами».—6. «Сорванная вихремъ палатка».—Третій листъ: 7. «Укрѣпленіе Благовѣщенское: еортъ Иркибай. Парадъ при поднятіи флага».—Четвертый листъ: 8. «Переходъ Туркестанскаго отряда сыпучими песками отъ Адамъ-Брыганъ къ колодцамъ Алты-Будукъ».—Пятый листъ: 9 и 10, два превосходнѣйшихъ рисунка: «Перевалъ артиллеріи и верблюжьяго обоза черезъ горы Аристанъ-Бельтау».—Шестой листъ: 11. «Въ Хивѣ. Парадъ передъ воротами дворца Хивинскаго Хана»—картина залитая солнцемъ, чрезвычайно эффектно исполненная, и Седьмой листъ: 12. «Сраженіе подъ Чандыромъ 16-го іюня 1873-го года»—рисунокъ менѣе другихъ удачный.

Русское общество мало привыкло къ художественнымъ изданіямъ, столь роскошно и артистически исполненнымъ, какъ этотъ альбомъ достопамятнаго Хивинскаго похода. Рисунки принадлежать бойкой, талантливой кисти—Н. Н. Каравина, изданіе же выполнено на средства того самаго лица, перу котораго принадлежитъ рядъ весьма полезныхъ изысканій и из-

слѣдовавій по вопросамъ выясняющимъ настоящія и будущія задачи отечества нашего въ Средней Азій. С.

Архивъ князя Воронцова. Книга XIII, 507; книга XIV, 528. М. 1879 г. Ц. 3 р. за книгу.

Собраніе материаловъ, выходящихъ подъ этия заглавіемъ, внесло къ нашу историческую литературу немало цѣнныхъ данныхъ по исторіи Россіи второй половины XVIII и начала XIX вѣка. Состоит главнымъ образомъ изъ дипломатической и частной переписки лицъ, близко стоявшихъ къ политическимъ отношеніямъ и внутреннимъ дѣламъ, означенные матеріалы представляютъ массу характеристикъ и интимныхъ подробностей, нѣрѣдко освѣщающихъ мало извѣстные или лишенные подробностей факты... Содержаніе новыхъ двухъ томовъ этого собранія составляютъ письма: кн. А. А. Безбородки къ гр. Роману Дарионовичу, Семену и Александру Романовичамъ Воронцовымъ, и переписка съ ними князя Кочубя, гр. Моркова, кн. А. И. Вяземскаго, П. А. Левашева и П. В. Стрхова. Они обнимають періодъ съ 1776—1812 гг., касаясь преимущественно отношеній Россіи къ Турціи, Польшѣ, Пруссіи, Австріи, Англии и Франціи. Значительная часть въ этой перепискѣ посвящена раздѣлу Польши и представляетъ интересную характеристику взглядовъ современниковъ на этотъ вопросъ; не менѣе заслуживаютъ вниманія взгляды на революціонное движеніе во Франціи, отзывы объ энциклопедистахъ, и литературные интересы, вызванные этимъ движеніемъ. Переписка знакомитъ также съ общественною жизнью въ Петербургѣ, Парижѣ и Лондонѣ; съ положеніемъ придворныхъ партій при Екатеринѣ II и Павлѣ I; съ перемириями, происшедшими при Александрѣ I. Кромя лицъ, къ которымъ относятся переписка, въ ней встрѣчается рядъ характеристикъ о современныхъ дѣятеляхъ, въ числѣ которыхъ болѣе подробные отзывы касаются Потемкина, Румянцевыхъ, Завадовскаго, Зубовыхъ, Троицкаго, Суворова, Паниныхъ, Ростопчина, Екатерины II, Юсифа II, Талейрана и мн. др. Есть два письма, относящіяся къ дѣлу Радищева, изъ которыхъ видно (они помѣчены 27-мъ іюня 1790 г.), что сначала предполагалось по возможности смягчить его участь, но потомъ это

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫИ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ,
ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Изд. 1880 г.

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

«Русская Старина» будетъ выходить въ 1880 году въ томъ-же объемѣ, по той же программѣ, въ тѣ же сроки (1-го числа каждаго мѣсяца) и съ портретами, столь-же художественно выполненными академикомъ Л. А. Сѣряковымъ, — какъ выходила и выходитъ въ теченіе перваго десятилѣтія 1870—1879 гг.

Между нѣкоторыми другими историческими изслѣдованіями, очерками и статьями—какъ изъ отечественной исторіи, такъ и изъ исторіи литературы, искусствъ и художествъ въ Россіи,—въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ», въ 1880-мъ году, будутъ помѣщены: обширныя Записки бывшаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи Дм. Ив. Ростиславова—составителя весьма замѣчательныхъ трудовъ «О черномъ и бѣломъ духовенствѣ въ Россіи», «Опытъ изслѣдованія о богатствѣ монастырей въ Россіи» и пр. (умеръ въ 1877 г.);—Записки А. И. Вѣляева—(одного изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ декабристовъ);—Петербургское общество въ 1826-мъ году, по донесеніямъ фонъ-Фона;—Записки бывшаго жандармскаго штабъ-офицера С. Р. Барановича;—Записки князя Яшвиля;—Письма севастопольца А. П. Хрущева;—Записки (въ письмахъ) одной изъ сестеръ милосердія;—Записки сельскаго священника (авторъ статей о колоніяхъ изъ питомцевъ Воспитательнаго Дома, напечатанныхъ въ «РУССКОЙ

СТАРИНѢ» изд. 1879 года);—Неизданныя обширныя Записки московскаго митрополита Филарета по нѣкоторымъ церковнымъ вопросамъ;—Биографія, по неизданнымъ матеріаламъ, протоіерея Герасима Петровича Павскаго;—Духовные подвиги и всѣ случаи жизни священника Феодосія Левицкаго — имъ самимъ описанные;—Князь Суворовъ и гр. Ростопчинъ;—Кн. Паскевичъ и кн. Горчаковъ въ Царствѣ Польскомъ—въ 1833—1853 гг.;—Кн. И. О. Паскевичъ въ Венгріи въ 1849 г.

Разсказы изъ исторіи Тайной Канцеляріи;—Пугачевцы—разсказы изъ розыскныхъ дѣлъ;—Расколъ и раскольники;—Русскіе писатели и артисты въ неизданныхъ письмахъ и матеріалахъ для ихъ біографій: Асенкова, Г. С. Батенковъ,—Батюшковъ,—Вестужевы,—Грибоѣдовъ,—Даль,—А. М. Колосова и Катенинъ,—Бюхельбекеръ,—Ленскій,—Милоновъ,—Озеровъ (авторъ трагедій),—кн. Одоевскій,—А. С. Пушкинъ,—Сосницкій,—А. С. и Дм. Ив. Хвостовы,—Шевыревъ,—М. С. Щепкинъ и друг.

Цѣна «РУССКОЙ СТАРИНЫ» въ 1880-мъ году остается прежняя. А именно: за двѣнадцать книгъ, составляющихъ три тома, при чемъ каждый томъ не менѣе сорока печатныхъ листовъ, всего же въ годъ—болѣе 2000 страницъ, съ гравированными портретами и снимками

цѣна **ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ** съ пересылкою.

Иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, д. № 7.

Городскіе подписчики обращаются въ конторы редакціи: въ С.-Петербургѣ магазинъ Мамонтова (Невскій проспектъ, д. № 46); въ Москвѣ, въ книжныя магазины Соловьева и Мамонтова.

Изд.-ред. **М. И. Семевскій.**

АРСЕНІЙ МАЦѢВИЧЪ

ВЪ РЕВЕЛѢ.

† 28 февраля 1772 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» 1879 г. ТОМЪ XXVI.

ДОВОДИМО ЦИСУРЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 16 АВГ. 1879 Г.

ВЕСЕДАНЦІА ЗАГOTOВЛЕНІА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

Библиотека "Руниверс"

АРСЕНІЙ МАЦѢВИЧЪ.

Историко-біографическій очеркъ.

VIII ¹⁾.

Напрасно Арсеній и его сторонники опасались, что секуляризація церковныхъ вотчинъ лишитъ владѣльцевъ ихъ послѣднихъ средствъ существованія, отчего произойдутъ неисчислимыя бѣдствія для церкви. Секуляризація недвижимыхъ имуществъ направила экономическую дѣятельность монастырей на пріобрѣтеніе движимой собственности, болѣе производительной въ наше время. Но примѣры, современные Арсенію, показываютъ, что онъ ошибался и въ частныхъ случаяхъ. Когда его корреспондентъ Ярославцевъ сообщилъ ему о смерти воронежскаго епископа, послѣ котораго осталось «разного сорту денегъ 8 тысячъ рублей», то и самъ Арсеній замѣтилъ на это: «о покойномъ Іоаннѣи разсуждаютъ, что надобно бы у него больше денегъ быть, только, надѣюсь, пошли по рукамъ и у людей остались» ²⁾. Послѣ катастрофы, постигшей въ 1771 г. Амвросія Зертиса-Каменскаго, въ его покоехъ, въ Чудовомъ монастырѣ, были расхищены: драгоценныя платья, картины, мѣха; разныя матеріи, бібліотека въ 2000 томовъ (латинскихъ, греческихъ, французскихъ и русскихъ книгъ въ золотыхъ переплетахъ), стоявшая по вѣдомости 6000 р.; на 12000 р. золотой и серебряной монеты (имперіаловъ, полу-

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1879 г., т. XXIV, стр. 731—752; т. XXV, стр. 1—34; 577—608; т. XXVI, стр. 1—34.

²⁾ «День» 1864 г., № 39, стр. 9.

В. И.

12

имперіаловъ и голландскихъ червонцевъ), 252 полотняныя тонкія рубахи, мраморныя столы, мебель чернаго и краснаго дерева, серебряная чернильница въ 1000 руб., двѣ золотыя табакерки по 450 р., фарфоровая подзорная труба, серебряный чайный и посудный приборы, 9 очковъ въ золотой оправѣ, большіе запасы самаго лучшаго венгерскаго вина, шампанскаго, бургонскаго краснаго рейнвейну, бѣлаго стараго французскаго, вагорскаго краснаго вина, англійскаго пива, запасъ заморскихъ водокъ и ливеровъ (семь погребцовъ, по 12 штофовъ каждый). Распространилась было молва, что въ числѣ похищеннаго имущества находилось много женскаго платья; но по разслѣдованіи оказалось, что оно принадлежало титулярному совѣтнику Паунцову (изъ плѣнныхъ турокъ), который оставилъ его въ Чудовѣ, съ разрѣшенія Амвросія, для лучшаго сбереженія ¹⁾. Пожертвованія, сдѣланныя въ настоящемъ столѣтіи графиней Орловой на Юрьевъ и другіе монастыри, также говорятъ противъ преувеличенныхъ опасеній Арсенія ²⁾.

Иное дѣло употребленіе самыхъ имуществъ, которое правительство нашло необходимымъ секуляризировать. Крестьяне были отобраны отъ монастырей не съ цѣлью освобожденія, подобіе котораго представляла собою мѣра Петра III—напротивъ, вскорѣ послѣ ихъ отобранія, ихъ стали раздавать десятками и сотнями тысячъ въ частное владѣніе. Вѣрный исполнитель воли Екатерины II, Дмитрій Сѣченовъ, еще прежде получилъ въ личную собственность 1000 душъ, что, конечно, шло въ разрѣзъ съ тѣмъ порядкомъ вещей, какой установился теперь, при его личномъ участіи и содѣйствіи. Между тѣмъ положеніе приходскаго духовенства вовсе не было обезпечено, а общаніе умножить и улучшить состояніе духовныхъ шло—далеко не было приведено въ исполненіе ³⁾. Такимъ образомъ, слова, обращенныя нѣкогда въ

¹⁾ «Исторія москов. епарх. управл. 1721—1821. Нив. Розанова. Томъ II, кн. 2, стр. 332—336, прим., 442, 450.

²⁾ См. книгу Р о с т и с л а в о в а: «Опытъ изслѣд. о богатствахъ монастырей»; см. также: архим. Фотій, «Русская Старина», изд. 1876 г., томъ XIII, и «Вѣст. Европы» 1878 г.

³⁾ См. замѣчанія Р. С. Т. по дѣлу Арсенія Мацѣвича, въ «Дѣлѣ 1861, № 16, стр. 3—5, и Знаменскаго, въ «Чтеніяхъ по ист. церкви въ царств. Екатерины II».

извѣстномъ манифестѣ Екваторины II, по поводу мѣръ Петра III, находятъ здѣсь полное подтвержденіе: «кажется надобность состояла, — читаемъ тамъ, — только въ томъ, чтобы отобрать у духовныхъ имѣнія, а чтобы осмотрительныя взять мѣры о порядочномъ и казѣ для церкви и духовнаго чина безобидномъ, такъ и для отечества полезномъ управленіи, о томъ и не думано». Тѣмъ не менѣе, никакъ нельзя согласиться со взглядомъ тѣхъ, которые противъ этой мѣры приводятъ такой аргументъ: «Вѣрное государственное право не отнимаетъ ни у кого правъ собственности ¹⁾». Съ такимъ аргументомъ немыслима никакая реформа, и государству, которое захотѣло бы слѣдовать ему въ настоящемъ случаѣ, пришлось бы навсегда остаться на степени развитія Среднихъ вѣковъ. Притомъ, защитники этого аргумента забываютъ, что то учрежденіе, которое они считаютъ необходимымъ оправдывать такими доводами, въ то время давно утратило уже свой первоначальный характеръ.

Но дѣло Арсенія имѣло и другое, важное послѣдствіе. Онъ былъ родомъ изъ польскаго края, учился въ Малороссіи, вступилъ на высшій іерархическій постъ въ Россіи, благодаря покровительству малороссійской партіи, господствовавшей тогда въ духовной іерархіи. Эта партія мечтала о возстановленіи патріаршества и не могла свынуться съ порядками Духовнаго Регламента. Понятно, что Екваторинѣ II, строгой блюстительницѣ авторитета свѣтской власти и политическаго единства Россіи ²⁾, не могли нравиться подобныя тенденціи. И вотъ, въ то время какъ Малороссія должна была лишиться своей автономіи въ лицѣ гетмана, императрица, въ инструкціи гр. П. А. Румянцеву, данной ему при назначеніи малороссійскимъ генераль-губернаторомъ, поручала: «искуснымъ образомъ присматривать за тамошними архіереями и ихъ подчиненными, дабы они, различными умозрѣніями завоснѣлаго въ нихъ властолюбія, не выступали изъ надлежащихъ предѣловъ сана своего, простирая

¹⁾ Обзоръ духов. литер. Филарета, кн. 2, стр. 90, — цитата у Н. И. Барсова, стр. 727, «Рус. Стар.» 1876, томъ XV.

²⁾ Интересны въ этомъ отношеніи ея мнѣнія о правахъ Остзейскаго края и Малороссіи, см. «Русскою Старину», изд. 1876 г., томъ XVII, стр. 1—20; «Сборн. Рус. ист. общ.», т. VII, 375—391; X, 272—274. В. И.

иногда власть свою духовную надъ мірскою, иногда же разсѣвая въ народѣ простомъ и суевѣрномъ разныя, ихъ на-мѣренія полезныя, общему же покою предупредительныя плевелы, подъ видомъ закона Божія и благочестія, какъ о томъ въ Духовномъ Регламентѣ упоминается..... Къ тому же небезъизвѣстно,—читаемъ далѣе,—что обучающіеся богословію и опредѣляющіе себя здѣсь къ чинамъ духовнымъ, какъ въ заграничныхъ польскихъ, такъ и въ малороссійскихъ училищахъ, по развратнымъ правиламъ римскаго духовенства, заражаются многими ненасытнаго властолюбія началами, котораго вредными слѣдствіями наполнены прошедшихъ временъ исторіи европейскія». На основаніи той же инструкціи Румянцевъ «долженъ былъ стараться узнать совершенно власть тамошняго духовенства по всѣмъ ея околичностямъ... И какъ по сему весьма нужно, чтобъ въ архіереи и архимандриты посвящаемы были такіе люди, отъ которыхъ бы, по настоящему смиренію и крѣпости духовной, резонабельныхъ сентиментовъ ожидать было можно, и не худо заранѣе таковыхъ знать»,—то Румянцеву давалось право представлять такихъ императрицѣ кандидатами на убыльня архимандричьи и архіерейскія мѣста, обозначая при этомъ: «искусство и образъ мыслей и житія ихъ»¹⁾. Мы видѣли, что уже въ началѣ своего царствованія Екатерина II старалась въ самомъ синодѣ усилить великорусскій элементъ, а 17-го февраля 1765 г. послѣдовалъ даже указъ синода, по которому епархіальные архіереи должны были на праздна мѣста монастырскихъ настоятелей представлять по два кандидата, съ неперемѣннымъ обозначеніемъ, кто какою націи, и съ этого времени число малоруссовъ начало быстро уменьшаться²⁾ въ великорусскихъ епархіяхъ.

Въ это время Екатерина занималась составленіемъ Наказа для будущей Коммисіи Уложенія, въ которомъ она старалась провести свои излюбленныя мысли о вѣротерпимости, о которой она такъ часто бесѣдовала съ Вольтеромъ. Наказъ почти совсѣмъ отвергалъ гражданскія наказанія за релігіозныя преступленія, о которыхъ онъ выражается: «Чтобы наказаніе за вышеописанныя

¹⁾ «Сборн. Рус. историч. общ.», VII, 378.

²⁾ Знаменскій, «Чтенія изъ истор. рус. церкви въ царств. Екатерины II» «Правосл. Собесѣд.» 1875, февр., 108—122.

святотатства производимо было изъ свойства самой вещи, должно оно состоять въ лишеніи всѣхъ выгодъ, (религіей) закономъ намъ даруемыхъ, какъ то: изгнаніе изъ храмовъ, исключеніе изъ собранія вѣрныхъ на время или навсегда, удаленіе отъ ихъ присутствія». Въ такомъ же родѣ мысли Екатерины и объ еретичествѣ (§§ 74 и 75). Предлагая Наказъ въ первоначальномъ видѣ на обсужденіе нѣкоторыхъ лицъ, она предоставила это право и духовнымъ особамъ; но это были уже люди, выдвинутые впередъ Екатериною, какъ Иннокентій Нечаевъ (епископъ псковской), Гавріилъ Петровъ (епископъ тверской) и Платонъ Левшинъ (тогда еще іеромонахъ); притомъ замѣчанія ихъ о противорѣчии Наказа общепринятымъ церковнымъ мнѣніямъ, хотя и были выражены въ самой мягкой формѣ, почти не повліяли на мнѣнія императрицы. Въ Комисіи Уложенія не было представителей отъ духовенства, какъ сословія, но синоду было предоставлено избрать депутата на ряду съ другими правительственными учрежденіями: такимъ членомъ въ Комисіи является сначала Димитрій Сѣменовъ, а потомъ тотъ же Гавріилъ. Никогда синодъ долженъ былъ вручить избранному депутату свой Наказъ, то оберъ-прокуроръ Мелиссино успѣшилъ внести отъ себя въ синодъ 18 пунктовъ, для руководства въ предстоящихъ преніяхъ по церковнымъ вопросамъ. Пункты эти были составлены въ духѣ Наказа Екатерины, и, безъ сомнѣнія, были написаны не безъ ея вѣдома. Въ этихъ пунктахъ мы встрѣчаемся съ весьма существенными вопросами изъ области церковныхъ отношеній, какъ, на примѣръ, о представленіи раскольникамъ свободнаго отправленія богослуженія, сокращеніе постовъ и церковныхъ службъ, изытіе изъ Кормчей нѣкоторыхъ дополненій, уночтоженіе суевѣрій, прекращенія содержанія монахамъ, которые «великаго бошта стоятъ, не принося пользы»; о дозволеніи выбрать изъ священниковъ на епископскія мѣста, о разрѣшеніи духовенству носить «пристойнѣйшее платье», объ отміѣнѣ поминанія умершихъ, объ облегченіи разводовъ и сокращеніи степеней родства при заключеніи бравовъ ¹⁾. Синодъ отклонилъ эти пункты, и они не подвергались даже обсужденію, хотя, кажется, не остались безъ вліянія на

¹⁾ «Чтенія Москов. общ. вст.» 1871, III, стр. 114—119.

депутатскій Наказъ, а въ вопросахъ о суевѣрїяхъ послѣдній постоянно ссылается на Духовный Регламентъ. Другіе пункты депутатскаго Наказа касались преимущественно церковнаго благочинія, расширенія правъ духовенства (напримѣръ прїобрѣтать крестьянъ бушлю), запрещенія православнымъ вступать въ другіе законы, постановленій о бравахъ, и т. п. ¹⁾ Кромѣ того, въ одной изъ частныхъ комиссій былъ поставленъ вопросъ, въ какому классу слѣдуетъ причислить духовенство. Коммисія касалась этого вопроса въ двухъ засѣданїяхъ (11-го марта и 22-го мая 1768 г.) и пришла къ заключенію, что духовенство должно быть отнесено «къ среднему роду людей». Болѣе другихъ говорилъ по этому вопросу извѣстный историкъ, князь М. М. Щербатовъ, приводившій, по своему обыкновенію, мѣста изъ исторіи Юма, и ему же поручено было составить записку о правахъ духовенства. Коммисія отнеслась съ похвалою къ его запискѣ, но въ дирекціонной комиссіи митрополитъ Гавріилъ сильно возсталъ противъ означеннаго мнѣнія и настоялъ на выдѣленіи духовенства въ самостоятельный привилегированный классъ въ государствѣ ²⁾.

¹⁾ Наказъ и пункты депутату отъ синода напеч. Е. Прилежаевымъ въ «Христ. Чтеніи» 1876, сент., октябрь, 223—265. В. И.

²⁾ Пекарскій, Дополн. къ ист. масон. въ Рос. въ XVIII стол., 17—20, въ «Сборн. Ак. Наукъ», VII, и Знаменскій, «Чтенія въ Правосл. Соб.» 1875, апр., 409—410. Сохранилось весьма интересное письмо крутиц. еп. Сильвестра (Старгородскаго), уже извѣстнаго намъ, къ митроп. Гавріилу, отъ 12-го апр. 1768, касающагося того же вопроса. Онъ пишетъ: «Получилъ я отъ вашего преем. сего апрѣля 2 дня письмо, въ которомъ стужительность мыслей вашихъ по извѣстнымъ обстоятельствамъ довольно изъясняется: то-то оно, про что въ Москвѣ неоднократно говаривано! Я плодъ почестей епископскихъ искусомъ дозналъ въ бытность мою при комиссіи, такъ что и при двойномъ теперь званіи, однако половинной мнѣ сносите: вы узрите какъ пояшутъ васъ и ведутъ аможе не хотите... Въ причисленіи къ мѣщанству духовенства, de quo olim obiter et raucis, труда много, чтобы отстоять; однако не будетъ ли годиться предложеніе такое, что мѣщанамъ дозволены способы многихъ выгодъ и корыстей, какъ то: торги, откупы и прочее, почему и государственныя тягости имъ сносны. А какъ духовные мѣщанскихъ выгодъ по указамъ не имѣютъ и имѣтъ правилами возбраняется, такъ и въ тягостяхъ общества, соучастны быть пни ex natura status sui не могутъ, какова поставка рекрутъ въ солдатово, складака рекрутская и пр. Или, и то могутъ vi facultatum suarum, отъ всего того по правиламъ и примѣру всѣхъ вѣковъ церкви, да и самихъ повѣрческихъ державъ свободны. А буде смѣшивать духовенство съ

Мнѣнія князя Щербатова о духовенствѣ основывались на возрѣвнѣяхъ общихъ эпохъ просвѣщенія. Вотъ весьма характерный отзывъ его о значеніи синода: «Въ немъ обрѣтается оберъ-прокуроръ,—говоритъ онъ,—особа, нужная въ семь мѣстѣ для недопущенія духовенству захватывать надъ гражданскими правами, къ чему они весьма склонны... Духовныя особы, присутствующія въ синодѣ, суть люди почтенные ихъ са- номъ, а часто и пронырствомъ, сочиняющіе корпусъ между собою, яко безпрестанно борющійся для приобрѣтенія себѣ больше силы, а въ сопротивленіе имъ посаженъ одинъ оберъ-прокуроръ, человекъ небольшого чина и, по большей части, несчастливый при государѣ, то можетъ-ли онъ единый силѣ ихъ сана, пронырствамъ и соединенію противиться? Правда, по нынѣ не видно еще, чтобы архіереи многое захватили, но постороннія тому обстоятельства противились. При Петрѣ Великомъ не смѣли ничего начать, императрица Екатерина I и Петръ II мало царствовали; императрица Анна Иоанновна имѣла при себѣ герцога курляндскаго, лютеранина, слѣдовательно, противнаго духовенству; императрица Елисавета мало по набожности своей не возобновила чинъ патриаршій, но временникъ ея Разумовскій, преданный духовенству, болѣе упражнялся съ ними пить, нежели въ честолюбивыхъ ихъ намѣреніяхъ имъ помогать; а потомъ ея временникъ И. И. Шуваловъ, человекъ разумный, и совсѣмъ ихъ прояскамъ путь пресѣкъ. Петръ III былъ внутренно лютеранинъ, а нынѣ царствующая императрица, послѣдовательница новой философіи, конечно, знаетъ, до коихъ мѣстѣ власть духовная должна простираться, и, конечно, изъ предѣловъ ее не выпуститъ. Но я впредь не

мѣщанствомъ, то надо дать ему и користей средства, чего однимъ дать не хочется, другимъ имѣть не можно: такъ останутся только тягости мѣщанскія на духовныхъ безвыгодно: «Христ. Чтен.» 1873, № 2, 340—341. Н. И. Барсовъ, коснувшись этого письма и означенной комисіи о правахъ духовенства, замѣчаетъ: «какъ единственный источникъ по этому предмету, какъ руководящая статья» читано было разсужденіе господина Гума (Юма, извѣстнаго писателя-мистика), приличное къ сей матеріи. Но въ подлинникѣ сказано: «разсужденіе изъ исторій г. Гума»... Юмъ—извѣстный историкъ и философъ эпохи просвѣщенія, а не мистикъ. Мистика здѣсь совершенно не при чемъ. В. И.

ручаюсь, чтобъ духовный чинъ, нашедъ удобный случай, не распростеръ свою власть» ¹⁾).

Съ этой именно стороны Екатерина II старалась представить передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, которымъ она такъ дорожила, свое отношеніе къ дѣлу Арсенія Мацѣвича. Вопросы о вѣротерпимости и отношеніяхъ свѣтской и духовной властей служили любимую темою въ перепискѣ ея съ Вольтеромъ; а имя Арсенія упоминается въ ней уже въ половинѣ 1765 г. (11-го августа), въ связи съ вопросомъ объ отобраніи церковныхъ имуществъ. Екатерина по этому поводу писала: «крестьяне, принадлежавшіе духовному вѣдомству, часто терпѣли тиранническія притесненія, чему еще болѣе способствовала частая перемѣна властей, почему они и взбунтовались въ концѣ царствованія императрицы Елисаветы, такъ что при моемъ вступленіи на престолъ ихъ было болѣе ста тысячъ, взявшихся за оружіе. Это побудило меня въ 1762 г. осуществить проектъ о совершенномъ измѣненіи въ управленіи духовными имуществами и опредѣлить доходы лицъ этого сословія. Арсеній, епископъ ростовскій, подвуженный нѣкоторыми изъ собратій своихъ, которые заблаторазсудили скрыть свои имена, возсталъ противъ этого. Онъ послалъ двѣ записки, въ которыхъ старался установить нелѣпное начало двоевластія. Подобное покушеніе онъ уже дѣлалъ при Елисаветѣ, но тогда удовольствовались тѣмъ, что принудили его къ молчанію, но такъ какъ его наглость и безуміе усилились, то онъ былъ судимъ новгородскимъ митрополитомъ (важная опора для Екатерины, такъ какъ Вольтеръ уже зналъ о Димитріѣ Свѣченѣ, по ея же письмамъ) и цѣлымъ синодомъ, и обвиненъ въ фанатизмъ и дѣйствіяхъ, противныхъ какъ православной вѣрѣ, такъ и самодержавной власти, почему лишенъ своего сана и священства и преданъ въ руки свѣтскаго начальства. Я его помиловала и удовольствовалась низложеніемъ въ монахи» ²⁾).

¹⁾ Статистика въ разсужденіи Россіи, соч. кн. Щербатова, въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. ист.». В. II.

²⁾ Этого мѣста нѣтъ въ черновомъ спискѣ письма, хранящемся въ госуд. архивѣ; но оно находится въ самомъ полномъ изданіи переписки Вольтера (pag

Спустя годъ (29-го іюня 1766 г.), Екатерина снова возвращается въ Арсенію, но уже въ связи съ вопросомъ о терпимости: «Всѣ, подобно Каласамъ и Сирвенамъ, вамъ должны всѣмъ,—пишетъ она Вольтеру.—Ничего не стоитъ дать нѣмного своему ближнему изъ того, что имѣется въ великомъ изобиліи, но дѣлается безсмертнымъ, когда становишься адвокатомъ за человѣчество, защитникомъ угнетенной невинности. Эти два дѣла привлекаютъ къ вамъ уваженіе, котораго заслуживаютъ такія чудеса. Здѣсь вы поражали соединенныхъ враговъ людей—суетворіе, фанатизмъ, невѣжество, вляузы, худыхъ судей и часть власти, находящейся въ рукахъ тѣхъ и другихъ. Надобно много доблести и достоинства, чтобы побороть эти препятствія. Вы показали, что обладаете ими—вы побѣдили». Изъявивъ готовность оказать вспомошествованіе пострадавшимъ семействамъ, Екатерина продолжаетъ: «Непріятное приключеніе съ ростовскимъ епископомъ было обсуждаемо гласно (?), и вы, государь мой, по своему усмотрѣнію, можете сообщить записку, какъ подлинную выписку, полученную вами вѣрнымъ путемъ». Затѣмъ, сообщая о предстоящихъ дѣйствіяхъ Комисіи Уложенія, она прилагаетъ къ письму извлеченіе изъ составленной ею инструкціи, въ которой говорится, что «въ великомъ государствѣ, владычество котораго распространяется на столько различныхъ народовъ, на сколько есть различныхъ вѣрованій у людей, будетъ самою вредною для покоя и тишины гражданъ ошибкою—нетерпимость въ ихъ различныхъ вѣрамъ. Только мудрая терпимость, одинаково признаваемая православною вѣрою и политикою, можетъ привести этихъ заблудшихъ овецъ къ истинному вѣрованію. Преслѣдованіе раздражаетъ умы, терпимость ихъ смягчаетъ и дѣлаетъ менѣе упорными, такъ какъ потушаетъ распри, которыя противны покою государства и союзу гражданъ». Но это письмо было только отвѣтомъ на благоговѣйное обращеніе Вольтера къ «Сѣверной звѣздѣ», съ просьбою о покровительствѣ Сирвенамъ,

M. Benchet, t. LXII, 411). Переводъ этого мѣста былъ сообщенъ уже въ 1872 г., въ X т. «Сборн. Русск. Истор. Общ.», стр. 37—38 (бумаги Екатерины II), затѣмъ вторично г. Гротомъ, съ французскимъ подлинникомъ, въ 1875 г., въ «Русской Старинѣ», томъ XIV, стр. 587—588. В. И.

послѣ тѣхъ благодѣяній, какими была осыпана семья Каласовъ. Вольтеръ просить императрицу даже умѣрнить ея доброту, но представить ему воспользоваться ея именемъ.

«Мы просимъ,—пишетъ онъ,—только чести помѣстить ваше августѣйшее имя во главѣ тѣхъ, которые помогаютъ намъ раздавить фанатизмъ и сдѣлать людей болѣе снисходительными и человѣчными. У меня есть просьба къ вашему величеству одругой милости,—продолжаетъ онъ,—это—дозволить, чтобы я сообщилъ записку, которую вы удостоили мнѣ передать на счетъ ростовскаго епископа, наказаннаго за то, что онъ воображилъ, что есть двѣ власти. Есть только одна, всемилостивѣйшая государыня, и это та, которая благодѣтельна»,—спѣшитъ прибавить фернейскій мудрецъ ¹⁾, такъ умѣвшій соединять философію съ политикою.

Понятно, почему обѣ стороны такъ хлопотали объ оправданіи въ глазахъ общества осужденія «фанатива». Для Екатерины, постоянно проповѣдывавшей о терпимости, важно было дать объясненіе своему поступку; для Вольтера, боровшагося противъ притѣсненій власти и въ то же время опиравшагося на авторитетъ Екатерины, не менѣе важно было найти оправданіе ея приговору въ настоящемъ случаѣ. Но участь Арсенія еще не была рѣшена окончательно. Вскорѣ послѣ обмѣна этихъ мыслей, обѣ стороны должны были снова встрѣтиться.

¹⁾ «Сборн. Русск. Истор. Общ.», X, 93—96. Письмо Вольтера впервые напечатано въ этомъ изданіи.

IX.

Въ заключеніи Арсеній пользовался бѣльшею свободою, чѣмъ было дозволено. Онъ собиралъ возлѣ себя монаховъ и караульныхъ солдатъ, съ которыми велъ бесѣды о современныхъ событіяхъ и дѣйствіяхъ враждебнаго ему правительства; онъ нерѣдко касался вопросовъ, имѣвшихъ отношеніе къ его собственному положенію. И вотъ, по доносу одного изъ монаховъ (въ сентябрѣ 1767 г.), возникаетъ новое дѣло объ Арсеніѣ ¹⁾. По слѣдствію обнаружилось, что Арсеній продолжалъ оспаривать права Екатерины на престолъ: порицалъ ея намѣреніе вступить въ бракъ съ графомъ Г. Г. Орловымъ; утверждалъ, что Мировичъ не могъ предпринять одиныхъ освобожденія Ивана Антоновича, «а конечно не было много и большихъ господъ согласниковъ», почему его слѣдовало пытать, да и бывшихъ у принца на караулѣ офицеровъ, которые его убили, надлежало казнить, «за пролитіе царской крови» ²⁾. Онъ дѣлалъ намеки по поводу болѣзни великаго князя Павла Петровича, о которомъ выражался: «у насъ-де въ Россіи непостоянны и не берегутъ настоящихъ наслед-

¹⁾ Оно производилось въ архангелогородской канцеляріи, при которой содержались теперь виновные: монахъ Арсеній, архимандритъ Антоній, подпрапорщикъ Алексѣевскій, монахи, солдаты, капитанъ Римскій-Корсаковъ, служившій въ архангелогородскомъ гарнизонѣ, но вступившій съ Арсеніемъ въ переписку, когда онъ находился въ Корельскомъ монастырѣ. («Чтенія Моск. Общ. ист.» 1862, III, 173, и «День» 1862, № 15). Предлагая произвести разслѣдованіе, кн. Вяземскій писалъ архангелогородскому прокурору, что такъ какъ по милосердію ея величества «никакія истязанія терпимы быть не могутъ, то чтобы по сему дѣлу отнюдь побоями никто истязанъ не былъ».

²⁾ По поводу чтенія житія Кирилла Бѣлозерскаго (такъ въ статьѣ г. Чистовича—«День», 1862 г., № 15, и въ подлинномъ предложеніи генераль-прокурора князя Вяземскаго—архангелогородской губерн. канц., сообщенномъ намъ редакціей «Русской Старины»); въ «запискѣ же о монахѣ Арсеніѣ», въ «Чтен. М. О. ист.» 1862, III, 167,—Кирилла Новозерскаго,—Арсеній пророчествовалъ, что «будетъ Россіи благополучіе: турка выгонять и возьмутъ Грецію, и нигдѣ, то врага приходитъ и будутъ-де царствовать двое: первый его высочество, а другой—принца Ивана братъ, Петръ, который-де содержится въ Холмогоряхъ, и ему уже лѣтъ съ патнадцать».

В. И.

никовъ»; утверждалъ, что Библія напечатана въ Россіи не-исправно и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ согласна съ жидами, а книжка исповѣданія—съ кальвиннами согласна, въ чемъ обвинялъ синодъ, и на допросѣ заявилъ, что готовъ свои слова подтвердить доказательствами. Но особенно подробны были разсужденія Арсенія относительно монастырскихъ имуществъ и его собственнаго положенія. «Нѣнѣ-де въ монастыряхъ,—говорилъ онъ,—и пива сварить не изъ чего; а первый-де императоръ, хотя и опредѣлилъ отъ монастырей вотчины отнять, но разсудилъ оставить; прежніе-де цари церковь награждали, а нынѣ всю разграбили, а въ его-де епархіи и сосуды обобрали ¹⁾; и такъ-де, что въ Россіи дѣлаютъ, того у турковъ нѣтъ; ибо-де, турки свои мечети награждаютъ, у насъ де, нынѣ Содомъ и Гоморъ. А еслибъ-де, нашихъ духовныхъ предателей, т. е новгородскаго и петербургскаго не было, то бѣ монастыри и церкви были въ прежнемъ состояніи. А дворянство-де, не смотря на предковъ своихъ, давно ужъ добиралось, чтобъ деревни отъ монастырей отобрать, и видя-де нынѣ государыню не твердо въ законѣ и російскихъ поведеній незнающую, удобное къ отнятію деревень время изыскали; ибо-де, ей, государынѣ, какъ доложили и что представили, то и подписала». Въ этомъ показаніи Арсеній признался; остальные пункты стоятъ въ близкой связи съ послѣднимъ. Такъ Арсеній «называлъ Сѣченова супостатомъ, а притомъ говорилъ, что еслибъ Сѣченовъ пропалъ, то-бѣ онъ, Арсеній, былъ свободенъ». Арсеній замѣтилъ, что «говорилъ такъ съ сердецовъ и синодскихъ членовъ бранилъ». Онъ сѣтовалъ, что «прежде архіереевъ цари почитали и во всемъ благословенія требовали у нихъ, то-де тогда,—замѣчалъ онъ,—наша братья смѣло ихъ въ духовныхъ дѣлахъ обличала; а я-де, какъ послалъ правильное доношеніе, такъ за мою правду и въ ссылку

¹⁾ Сначала Арсеній это показаніе отвергъ, но потомъ «о сосудахъ показалъ, что князь Куракинъ (предсѣд. коллегіи экон.о.) обобралъ, а вмѣсто того надѣлалъ оловянныхъ». Екатерина приписала: «о семъ изслѣдовать, гдѣ, когда и кѣмъ». И въ послѣдующей ея запискѣ, по этому дѣлу, прибавлено уже: «Но сіе по изслѣдованіи нашлось зло выдуманное—ложь». «Чтенія Моск. Общ. вст.» 1862, III, стр. 168, 171.

сослали». Арсеній въ этомъ сознался, оставаясь при своемъ мнѣніи, что «его за правильное доношеніе сослали, и будетъ-де судиться о томъ на страшномъ судѣ.... Златоустъ-де посланъ въ заточеніе отъ царицы, гдѣ и пострадалъ» — разсуждалъ Арсеній. Онъ осуждалъ ссылку архимандрита Геннадія за чтеніе молитвы о гонящихся церковь и на слѣдствіи заявилъ, что «онъ, Арсеній, думаетъ, что разстригъ архимандрита Свѣченоевъ по злобѣ на него, Арсенія, потому что оный архимандритъ былъ имъ посвященъ и опредѣленъ»¹⁾. Однако Арсеній и самъ совѣтовалъ архимандриту Корельскаго монастыря «читать на проскомидіи молитву о гонящихся церковь и часть вынимать, что и было, по приказанію архимандрита, исполняемо». Изъ этого видно, что Арсеній пользовался большимъ вліяніемъ въ монастырѣ. Тамъ, когда былъ полученъ тамъ указъ о поминаеніи императорской фамиліи, съ подробнымъ реестромъ, то архимандритъ замѣтилъ на это: «Пускай-де, тѣ въ положенныя по реестру числа поминають, кто больше жалованья беретъ, а мы-де будемъ поминать по прежнему»²⁾. На это Арсеній далъ такое объясненіе: «Подъ гонящими церковь разумѣлъ онъ предателя Димитрія новгородскаго и Гавриіла с.-петербургскаго, и всѣхъ нѣмецкихъ чиновъ, которые объ отнятій старались и въ комиссіи присутствовали»³⁾.

Арсеній слишкомъ вѣрилъ въ силу своихъ мнѣній и доводовъ, которымъ онъ остался вѣренъ до конца. Уже вскорѣ послѣ вторичнаго суда надъ нимъ (22-го октября), онъ обратился въ канцелярію съ просьбою «чтобы она записала его объявленіе и представила императрицѣ; онъ просилъ, чтобы императрица прочла подлинное его доношеніе, за которое онъ осужденъ, и изъ

¹⁾ Екатерина приписала: «О семъ изслѣдовать, имѣлъ-ли сношенія съ Геннадіемъ о чтаніи молитвы, и почему то знаетъ Арсеній, бывъ подъ вѣрными карауломъ».

²⁾ «Чтенія Московск. Общ. исторіи», 1862, III, смѣсь, дѣло объ Арсеніи Мацѣевичѣ, 165—170.

³⁾ «День», 1862, № 25, стр. 6. Екатерина сдѣлала замѣчаніе: «Смѣшная онъ, Арсеній, такимъ образомъ святая вѣра съ монаху непристойную корыстѣю, совѣтывалъ изъ злобы читать молитвы о гоненіи церкви». «Чтенія» 1862, III, 172. Въ заключеніи у Арсенія были найдены бумаги и молитвы о гонящихся церковь, выписанныя изъ печатнаго кievскаго служебника. «День», 1862 г., № 15, стр. 5, статья г. Чистовича. В. И.

котораго, конечно, соизволить увидѣть его правость». Въ подтвержденіе этого онъ ссылался на императрицу Елисавету Петровну, которая, находя, что онъ писалъ справедливо, подлиннаго доклада утвердить не согласилась, единственно послушавъ его письма, и сказала, что не подпишетъ: «какъ, де, послѣ смерти моей хотите». Онъ полагалъ, что «докладъ о немъ былъ сдѣланъ въ экстрактѣ и на словахъ; а еслибъ подлинное доношеніе ея величество изволила читать, то конечно онъ такъ наказанъ не былъ бы». И онъ утверждалъ, по-прежнему, что «деревень отъ церквей на основаніи резонновъ, прописанныхъ въ его доношеніи, отбирать не подлежало» ¹⁾.

Но Арсеній горько ошибался въ своемъ расчетѣ. Екатерина собственноручно отмѣтила обвинительные пункты противъ него, сама составила записку для указа о его винахъ, на основаніи которой указъ былъ написанъ генераль-прокуроромъ Вяземскимъ, а затѣмъ исправленъ и значительно смягченъ императрицею. Въ новомъ обвинительномъ актѣ на первомъ планѣ стоятъ уже пункты политическаго свойства, а именно, что Арсеній разсѣвалъ о наследникѣ россійскаго престола, великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, что въ немъ къ правленію престола надежды нѣтъ, и, ежели-де скончается, то не за кого больше приняться, какъ за братьевъ принца Іоанна, коихъ почитаетъ онъ за царское колѣно; ложно толковалъ житіе Кирилла, что въ Россіи будутъ царствовать двое юношей, чѣмъ старался колебать въ другихъ вѣрность къ самодержицѣ и наследнику престола; не устыдился причитать убійство принца Іоанна яко бы данной караульнымъ офицерамъ отъ императрицы Елисаветы инструкціи ²⁾, чѣмъ не только оказалъ къ ней свою благодарность, но и сдѣлался оскорбителемъ; ложно разсѣвалъ,

¹⁾ Соловьевъ, XXV, 255.

²⁾ Арсеній говорилъ, что эта инструкція «была дана для того, что если кто для взятія его приступать будетъ, то бѣ его живаго не отдавать, а умертвить, да конечно-де она забыла, а то бы, де, при кончинѣ ту инструкцію отобразя, затѣмъ, что бывшаго государя она не любила и не хотѣла, чтобъ онъ былъ послѣ ея преемникомъ престола, Ивана же Антоныча поближе и привезли для того, чтобъ онъ послѣ ея престолъ принялъ». Арсеній сознался, что онъ толковалъ объ этомъ на основаніи слуховъ. Стр. 166.

что будто бы императрица Елисавета намѣрена была возвести на престолъ, по своей кончинѣ, принца Петра; забывъ не только званіе монашеское, но и самое человѣчество, жаждалъ пролитія крови человѣческой и лишенія жизни людей; совсѣмъ неповинныхъ (по дѣлу Мировича). Вообще, Арсеній являлся теперь въ глазахъ императрицы человѣкомъ, возмущавшимъ «общественное спокойствіе» и «желавшимъ возбудить негодование на правительство». Его предсказанія были сочтены суевѣріемъ и святотатствомъ. Только послѣ этихъ обвиненій стоятъ уже пункты объ отобраніи церковныхъ имуществъ. Наконецъ Арсеній обвинялся въ томъ, что онъ, будучи лишенъ сана, осмѣлился въ монастырѣ сказывать проповѣди.

Поэтому онъ признанъ былъ достойнымъ истязанія и лишенія жизни, но, «по милосердію и человѣколюбію» императрицы приговоренъ къ разстриженію и вѣчному и неисходному содержанию въ Ревелѣ, въ казематѣ, подъ именемъ Андрея Врала (прозваніе, вездѣ прописанное рукою самой Екатерины), причемъ самый карауль велѣно было опредѣлить изъ состоящихъ тамъ иноземцевъ. Архимандритъ Корельскаго монастыря былъ сосланъ въ архангельскій монастырь подъ надзоръ; караульный офицеръ—лишенъ чиновъ и отправленъ въ дальній сибирскій острогъ на вѣчное житіе; лишенъ былъ чиновъ и капитанъ Римскій-Корсаковъ, который, изъ почтенія къ Арсенію, вступилъ съ нимъ въ переписку. Доносчики-монахи награждены по 100 рублей деньгами и переведены въ другіе монастыри, но и оттуда одинъ изъ нихъ продолжалъ писать новые доносы на Арсенія, которымъ однако приказано было болѣе не вѣрять ¹⁾.

Теперь составлены были три инструкціи: двѣ изъ нихъ офицерамъ, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ везти Арсенія, въ сопровожденіи команды, отъ Архангельска до Вологды, а другой—отъ Вологды

¹⁾ «День», 1861, №15, стр. 6—7. Проектъ указа съ поправками Екатерины II въ «Чтеніяхъ моск. общ. ист.» 1862, III, 173—180.

Предложеніе ген.-прок. Вяземскаго архангелогород. губери. канцл., съ подробнымъ изложеніемъ приговора, сообщено намъ редакціей «Русской Старины».

По рассказамъ почитателей Арсенія, виновника новыхъ бѣдъ его (арханг. прокур. В. В. Нарышкина) также постигли вары судьбы. «Чтенія» 1862, III, 137—138.

до Ревеля, и третья ревельскому коменданту Тизенгаузену. Онѣ были написаны кн. Вяземскимъ, но исправлены Екатериною. Въ инструкціяхъ офицерамъ Арсеній названъ «неизвѣстнымъ колодникомъ», а въ комендантской—«Мужикомъ Андреемъ Вралемъ» и «Бродягинымъ». Соблюденіе строгой тайны—было главнымъ условіемъ этихъ инструкцій; сопровождавшимъ Арсенія воспрещено было говорить съ нимъ, а въ случаѣ они услышать отъ него что-либо, то имъ приказывалось никому о томъ не рассказывать, а содержать во всю жизнь секретно, объявивъ одному князю Вяземскому. Въ инструкціи коменданту было прибавлено объ угрозахъ, въ случаѣ разговоровъ Арсенія, положить узнику въ ротъ вляпъ, однако приказывалось отнюдь этого не дѣлать, а «имѣть его въ карманѣ для одного страха, и въ случаѣ иногда его непослушанія, тотъ вляпъ ему и показать». На случай смерти, разрѣшено было похоронить Арсенія при русской церкви и позвать въ нему священника, но взявъ при этомъ съ попа подписку «подъ смертною казнію, что не скажетъ вѣкъ о томъ никому». Вся переписка объ Арсеніѣ должна была идти безыменно: «о секретномъ дѣлѣ» и отсылаться въ руки кн. Вяземскаго, безъ подписки котораго или самой императрицы, колодникъ не могъ быть выданъ никому. Послѣ втораго слѣдствія, образа, бывшіе у Арсенія, велѣно было скрыть; вещи продать, не называя чьи онѣ, а русскія книги отдать ему, но ему запрещено было держать въ карманѣ какой бы то ни было матеріалъ (даже бересту), годный для письма. Однако Екатерина подтвердила, чтобы съ Арсеніемъ обходились безъ грубости и чтобы онъ ни въ чемъ не терпѣлъ нужды.

Арсеній прибылъ въ Ревель 8-го января 1768 г. Когда онъ заболѣлъ, въ нему призвали доктора-нѣмца, но предварительно взяли съ него подписку въ томъ, что «подъ смертною казнію не будетъ спрашивать у больнаго о его имени и состояніи и никому до конца жизни не объявить о немъ ни въ разговорахъ, ни догадками, или какими-нибудь минами». Ежемѣсячно Тизенгаузенъ доносилъ объ Арсеніѣ въ Петербургъ. Въ 1769 г. ему увеличили содержаніе (вмѣсто 10 коп. по 15 коп. въ день), но это обнаружилось только тѣмъ, что ему сдѣлали бѣлье тоньше прежняго. Тѣмъ не менѣе, по смерти Тизенгаузе-

на (въ іюнѣ 1769 г.), императрица сочла нужнымъ сдѣлать новое напоминаніе кн. Вяземскому:

«Какъ Г. П. фонъ Бенкендорфъ нынѣ оберъ-комендантъ въ Ревель опредѣленъ,—писала она,—то не изволишь ли писать къ нему, чтобы онъ за Вралемъ имѣлъ смотрѣніе такое, какъ Тизенгаузенъ имѣлъ; а то боюсь, чтобы, не бывши ему порученъ, Враль не заводилъ въ междуцарствіи, свои какіе ни на есть штуки и чтобы не стали слабѣе за симъ звѣркомъ смотрѣть, а намъ отъ того не выливались новыя хлопоты» ¹⁾). Есть указаніе, что въ началѣ своего пребыванія въ Ревелѣ Арсеній искалъ случая, чтобы уйти на купеческомъ кораблѣ въ Англію ²⁾). Но ему пришлось остаться въ заключеніи до конца жизни. Онъ скончался 28-го февраля 1772 года, причемъ также съ священника и всей команды взяли подписку, что они, подъ смертною казнію, до конца жизни будутъ хранить полное молчаніе о всемъ случившемся ³⁾).

Тайнственность, соблюдавшаяся во время вторичной ссылки Арсенія, была причиною многихъ толковъ и неправильныхъ заключеній о немъ. Самое дѣло объ Арсеніѣ хранилось такъ секретно, что о существованіи его, кромѣ самыхъ близкихъ въ императрицѣ лицъ, никто не зналъ.

Такимъ образомъ вѣроятно возникъ и рассказъ И. В. Лопухина о существовавшемъ будто бы третьемъ дѣлѣ объ Арсеніѣ, вызванномъ нѣкоторыми фактами религіознаго почитанія къ нему, въ производствѣ котораго участвовалъ извѣстный Пешковскій, но которое было уничтожено; о свиданіи въ Москвѣ Арсенія съ Еватеріною, въ присутствіи графа Панина и графа Григорія Орлова, причемъ онъ заговорилъ въ такомъ тонѣ, что они должны были уйти, зажавши уши. Благодаря той же тайнственности, сложилось мнѣніе, что Арсеній былъ сосланъ не въ Ревель, а въ

¹⁾ Безъ сомнѣнія это письмо то же, которое передается въ рассказѣ И. В. Лопухина и другими словами, причемъ слово звѣрокъ замѣнено словомъ «птичкою». «Чтенія Моск. общ. истор.» 1862, III, 194 и II, 12. Инструкція и переписка объ Арсеніѣ въ «Чтеніяхъ» 1862, III, 181—194, и «День», 1862, № 15.

²⁾ Замѣтка Закревскаго, «Чтенія», II, 9.

³⁾ «День», 1862, № 15, стр. 6. Арсеній погребенъ при русской Никольской церкви.

Нерчинскъ, откуда переведенъ въ Селенгинскъ и умеръ на пути недалеко отъ Верхнеудинска, гдѣ и была устроена его почитателями часовня ¹⁾. Но по архивнымъ справкамъ оказалось, что около того же времени туда былъ сосланъ іеромонахъ нижегородскаго монастыря Арсеній, не имѣвшій ничего общаго съ Арсеніемъ Мацѣвичемъ ²⁾.

Екатерина опасалась, чтобы народъ не смотрѣлъ на Арсенія Мацѣвича, какъ на святаго и мученика, и потому въ своихъ отзывахъ о немъ старалась внушить, что онъ «доказанный клеветникъ, лжецъ и лицемеръ» ³⁾; но ей не удалось побороть народной молвы; а въ Сибири самое мѣсто предполагаемой могилы Арсенія считалось священнымъ ⁴⁾.

Въ 1771 г. подъ знаменемъ именно Арсенія выступилъ, съ рѣзкимъ протестомъ противъ Екатерины, за отобраніе монастырскихъ имуществъ, преслѣдованіе Арсенія, смерть Іоанна Антоновича, народныя тягости и отступленія отъ христіанскаго образа жизни—нѣкто Смолинъ. Екатерина и его признала фанатикомъ, заточила на пять лѣтъ въ шлиссельбургскую крѣпость, а потомъ разрѣшила ему принять монашество ⁵⁾.

Впрочемъ не одни «фанатики» чтили память Арсенія. И. В. Лопухинъ, извѣстный масонъ и филантропъ, тщательно сибиряв-

¹⁾ «Чтенія» 1862, II, 10—14. Говорятъ, что, узнавъ о вторичномъ рѣшеніи по своему дѣлу, Арсеній будто бы въ такомъ тонѣ выразился о жизни императрицы и пророчествовалъ о ея кончинѣ, что трудно передать въ печати; но это безъ сомнѣнія позднѣйшее изобрѣтеніе фантазіи его почитателей. См. Біографію Арсенія, Лейпцигъ, 1863, стр. 13. Одинъ изъ подобныхъ рассказовъ, именно какъ легенда, напечатанъ въ «Рус. Стар.» 1874, томъ X, 778. Болѣе подробное изложеніе этого разсказа, съ прибавленіемъ тенденціозныхъ аксессуаровъ, имѣется въ рукописяхъ, принадлежащихъ редакціи «Руской Старины».

Кажется, былъ пушечъ нарочно слухъ о ссылкѣ Арсенія въ Сибирь. «Чтенія моск. общ. ист.», III, 139—140. Въ спискѣхъ Ю. Толстаго замѣчено: «назначенъ въ ссылку «въ Камчадалы» въ Верхнеудинскій острогъ, но изъ Вологды отвезенъ въ Ревельскую крѣпость» (стр. 10).

²⁾ Доказательства этого въ статьѣ Діева, «Чтенія» 1862, II, 3—7; его же, въ «Чтен. моск. общ.» 1864, IV, 11—28. Документы о ссылкѣ іером. Арсенія въ статьѣ Баскина, «Чтенія», 1875, I, смѣсь, стр. 131—143.

³⁾ Чтенія 1862, III, 187.

⁴⁾ «Чтенія» 1864, IV, стр. 12.

⁵⁾ Подметное письмо Смолина и документы о немъ въ «Памятникахъ новой рус. исторіи», I, 123—138.

шій о немъ рассказы и едвали не первый близко познакомившійся съ этимъ дѣломъ, поступокъ Екатерины съ Арсеніемъ ставилъ наравнѣ съ дѣломъ Новикова, хотя многое извиняетъ ей ¹⁾, а въ своемъ орловскомъ имѣніи, селѣ Воскресенскомъ, онъ поставилъ Арсенію памятникъ, подобно тому какъ въ подмосковскомъ имѣніи онъ устроилъ Юнговъ островъ, хижину Руссо и мраморную урну въ честь Фенелона, съ изображеніями госпожи Гюйенъ и Руссо. Можно думать, что Лопухинъ почиталъ въ Арсеніѣ борца за независимость церкви и религиозныхъ убѣжденій, которой онъ самъ былъ поборникомъ, будучи также противникомъ вмѣшательства церкви въ дѣла государственныя и врагомъ всякаго рода гоненій и притѣсненій, каковымъ подвергся Арсеній Мацѣевичъ ²⁾.

Противъ Арсенія были другіе люди—это были противники независимости духовной власти и преобладающаго значенія монашества въ русской іерархіи. Извѣстный московскій протоіерей, Петръ Алексѣевъ, сообщившій въ письмѣ въ императору Павлу—рассказъ Петра Великаго о патріархѣ Никонѣ, съ тенденціозною цѣлью, вполне одобряетъ дѣйствія свѣтской власти противъ «бывшихъ у насъ замашекъ» и, сказавъ о подобныхъ попыткахъ, заключаетъ такъ: «Не упоминаю здѣсь о Θεодосіѣ, нескромномъ архіереѣ новгородскомъ (т. е. Яновскомъ) и Арсеніѣ ростовскомъ, мнимомъ святошѣ, кои, безъ титула патріаршаго, восхотѣли было власть его восхитить: явно противилися самодержцамъ всероссійскимъ, Еватеринѣ I и II, за что осуждены правильно и во изгнаніе сосланы, вмѣсто смертной казни, ими заслуженной по причинѣ важныхъ ихъ винъ, кои обнародованы въ свое время» ³⁾.

¹⁾ Записки, стр. 56.

²⁾ «Памятникъ Арсенію Мацѣевичу», статья М. Лонгинова, «День» 1862, № 19. Мы не считаемъ нужнымъ говорить о тѣхъ, которые, въ оправданіе Арсенія, приводятъ то, что самъ Шешковскій, почувствовавъ жестокость своихъ розысковъ, до самой смерти посылалъ въ Ревель на поминаеніе по Арсенію. «Рус. Достопамят.», 34. Гораздо интереснѣе сообщенное намъ редакціей «Русской Старины» «письмо неизвѣстнаго» о кончинѣ митр. Арсенія, помѣченное 23-мъ марта 1776 г. (!) и очевидно сочиненное въ XVIII-мъ вѣкѣ, но показывающее, какъ трудно было извѣстной партіи примириться съ совершившимся фактомъ. Большое мѣсто этого письма—отображеніе церковныхъ имуществъ. Мы помѣщаемъ его въ приложеніи.

³⁾ «Рус. Архивъ», 1863, 101.

Нѣтъ сомнѣнія, что приговоръ надъ Арсеніемъ представляется крайне жестокимъ, особенно въ началѣ царствованія Екаторины II, когда она писала Наказъ, созывала Коммисію Уложенія, мечтала съ философами о всеобщемъ человѣческомъ благѣ. Въ этомъ отношеніи недостаточно одного объясненія, что она смотрѣла въ настоящемъ дѣлѣ исключительно съ точки зрѣнія правъ свѣтской власти, въ которой она была вполне солидарна съ Вольтеромъ. Поэтому едвали можно сомнѣваться въ томъ, что мнѣнія, высказанныя Арсеніемъ на-счетъ ея собственныхъ правъ на престолъ—не могли остаться безъ вліянія на участь Арсенія.

Но нельзя также не признать, что Екаторина прекрасно поняла всю важность этой борьбы и указала ея настоящее значеніе. Въ этомъ виднѣнъ ея ясный умъ и историческій смыслъ. Оцѣнка этой борьбы была уже сдѣлана въ нашей литературѣ покойнымъ Певарскимъ, и намъ остается только привести его слова: «По направленію и убѣжденіямъ своимъ, Арсеній является поборникомъ началъ, съ которыми со временъ оставленія Никономъ патріаршаго престола до Екаторины II боролась свѣтская власть въ Россіи. Чтò бы ни говорили убѣжденные, что у насъ не было и не могло быть клерикаловъ въ русской исторіи конца XVII и XVIII столѣтій,—нельзя не замѣтить стремленія привилегированнаго сословія—удержать прежнее свое вліяніе, сохранить всѣ средства, которыя были въ рукахъ его по милости невѣжества и неразвитости массъ. Еслибы не было Петра Великаго, у насъ несомнѣнно явились бы клерикалы, и это доказываетъ Духовный Регламентомъ, гдѣ въ началѣ, послѣ напоминаній изъ византійской исторіи временъ Юстиніана, а изъ западной—папства, сказано: «да не вспомнутся подобные и у насъ бывшіе замахы!». Мацѣвичъ былъ послѣднимъ представителемъ защитниковъ старыхъ распоряжковъ, которыми Духовный Регламентъ Петра нанесъ рѣшительный ударъ и вмѣстѣ съ тѣмъ благотѣльный по своимъ послѣдствіямъ для русскаго просвѣщенія»¹⁾.

Кіевъ.

В. С. Иконниковъ.

¹⁾ Энциклопедич. Словарь, составл. Русскими учеными и литераторами. Спб. 1862, V, 460.

В. И.

Примѣчаніе. Во время печатанія нашего очерка объ Арсеніи Мацѣвичѣ, мы прочли въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ» 1879 г., № 3-й, замѣтку г. Юсковскаго, подъ заглавіемъ «Смыслъ протопопа», съ приложеніемъ указа 1751 г., относящуюся къ Дмитрію Сѣченову (см. «Русскую Старину», томъ XXV, стр. 33). Изъ послѣдняго видно, что священникъ Лутахинъ былъ заточенъ въ Зеленогорскій монастырь, на основаніи указа синода 1749 г., когда въ Нижнемъ Новгородѣ былъ уже епископомъ. Веніаминъ Пудекъ-Григоровичъ, а не Дмитрій Сѣченовъ, уволенный, по болѣзни, отъ епархіи въ 1748 г., и заточенъ былъ за «вины», о которыхъ не упоминается въ жалобѣ его сына. Но если это обстоятельство можетъ, до извѣстной степени, смягчить приговоръ объ отношеніи Дмитрія Сѣченова къ потерпѣвшему и указывать на другія причины его бѣдствія, кромѣ приведенной въ текстѣ (стр. 33), то нельзя не признать также, что ссылка потерпѣшаго въ 1749 году еще не значитъ, что приговоръ синода состоялся по докладу преемника Дмитрія Сѣченова, а не его самого; тѣмъ болѣе, что въ жалобѣ, поданной императрицѣ Елисаветѣ въ 1755 г., прямо указывается на послѣдняго, какъ на виновника печальной участи Лутахина. Точно также «вины», о которыхъ говорится въ указѣ, не исключаютъ самаго способа отношеній къ нему Дмитрія Сѣченова по другому поводу, о которомъ мы упомянули въ своемъ мѣстѣ, хотя, повторяемъ, эти «вины» могли дѣйствительно существовать.

В. И.

Выдуманное письмо о кончинѣ Арсенія Мацѣвича.

Письмо это поддѣльное, любопытно потому, что оно разошлось во многихъ спискахъ, что свидѣтельствуетъ о томъ живомъ интересѣ, который принималъ русскій народъ въ судьбѣ Мацѣвича.

«Ваше благородіе, милостивый государь, дражайшій родитель мой. Я нинѣ осмѣлюсь донести вашему благородію послѣдовавшія ужасныя обстоятельства, которыя я съ превеликою ужасностію и страхомъ самопичнымъ всему былъ свидѣтель, которыя новости, рѣдко слышанныя, снѣмъ, на разсужденіе ваше, предлагаю.

«Я отправленъ былъ съ монахомъ Арсеніемъ, который какъ черезъ одну недѣлю, подзававъ меня къ собѣ, просилъ меня, чтобъ я на прошеніе его склонился, чтобъ его допустить, гдѣ случится, во церкви, для принятія Святыхъ Таинъ, а что мѣсто было весьма степное, почему я отрекся; а онъ объявилъ чрезъ три дни, назначивъ село и часъ, въ который въ него вступимъ, и священника именемъ нарекъ. И какъ пришло самое то время, кое назначено, мы противъ онаго села явились въ самѣе тѣ часы и минута назначена, и такъ какъ просилъ меня, чтобъ позволено было въ церковь идти, объявилъ, что и священникъ уже въ церкви; потому, будучи въ церкви, иѣли тогда «Слава въ вышнихъ Богу», и по отпѣви просилъ онъ священника, чтобъ начиналъ литургію, и я въ томъ хотя и много препатствовалъ, однако склонился на его прошеніе, и какъ большой выходъ былъ, тогда видно было одѣяніе на немъ архіерейское и сакошь, а стоялъ онъ въ алтарѣ противъ сѣверныхъ вратъ, а я стоялъ у праваго крылоса, а команда моя у всѣхъ оконъ была разставлена; тогда, видѣвъ необычайное, въ великомъ былъ удивленіи, и какъ время пришло

святаго причастія, тогда священникъ, отдавъ ему поклонъ земной, и просилъ по обыкновенію ихъ прощенія и причастился онъ самъ такъ, какъ архіерею надлежитъ, а по прочтеніи заамьонной молитвы, вышелъ мало изъ алтаря, просилъ меня, чтобъ я шелъ къ священнику на обѣдъ, но я все дѣлалъ на прошеніе его какъ по неволѣ, а противорѣчить не смѣлъ, видя себѣ такое внезапное удивленіе; а священникъ, по окончаніи обѣдни, весьма просилъ меня прилежно; и такъ съ превеликою торопностію и пошли, а онъ (Арсеній) остался во святомъ алтарѣ, а такъ церковь была заперта, а караулъ вокругъ церкви былъ разставленъ. И весьма скоро по обѣдѣ возвратились для взятія его, однако царскія двери были растворены и онъ стоитъ среди оныхъ вратъ на колѣняхъ въ архіерейскомъ одѣяніи мертвъ. И, разсмотря его, дѣйствительно усмотрѣна въ рукахъ его хартія, чтобъ его во оной церкви погребсти, и просилъ у всѣхъ послѣдняго прощенія и поминновенія, а на концѣ того всѣмъ православнымъ царямъ, архіереямъ и іереямъ и всему православному собранію Божіе благословеніе, однако въ томъ прописалъ странное, аки провидя пророчески о Россіи:

— «Россія, рекъ, съ тобою гнѣвъ Божій не коснеть и погибель не дремлетъ: вси бо святія богозбранныя мѣста то рекутъ: мощи святыхъ презрѣны, церковное имѣніе отъято и вкладчики благовѣрные и христіюлюбивые, не щадя отчизнъ своихъ, отдавъ все свое недвижимое имѣніе, посвятивъ Богу и церкви святѣй, вопіють о отмщеніи своемъ! Видите, какъ благодать Божія умалаетъ! Смотрите себѣ плачевныхъ. Течеть едино по другомъ бѣдствія и все добро обращается зломъ, и естли всевидящее око не умилостивится на воздыханіе убогихъ, то отъ своя и своихъ истребленіемъ, другъ друга изгнетая, всѣ погибнуть, о чемъ царь и пророкъ, вопія въ Вышнему, когда положилъ о созданіи церкви Іерусалимской намѣреніе, вопіялъ ко Господу, обѣщаяся Богу Іаковлю: аще видю въ селеніе дому моего или изыду на одръ постели моея, сице дамъ сонъ очима моима и вѣждомъ моима дреманія и покою скраіама моима, дондеже обрящу мѣсто Господеви, селеніе Богу Іаковлю. Какое усердіе въ то время было! О тринпостасное Божество! влей въ нынѣшнее время въ сердцахъ ихъ раскаяніе о посвященномъ томъ имѣніи Твоему святому имени, вложенномъ о возвращеніи ко храму святому Твоему и отврати праведный свой гнѣвъ, яко благословенъ еси во вѣки. Аминь».

«Списано 23-го марта 1776 году».

Найдено въ бумагахъ А. П. Петрова, бывшаго учителя ярославскаго духовнаго училища, нынѣ умершаго, отецъ котораго, П. И. Алешковскій, родившійся въ 1767 г. въ Ростовскомъ уѣздѣ, былъ въ Ростовѣ городскимъ священникомъ съ 1792-го по 1814 годъ.

Сообщ. въ 1872 г. В. И. Лѣтвицынъ.

ИВАНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ БОШНЯКЪ,

КОМЕНДАНТЪ ГОРОДА САРАТОВА,

въ 1774 г.

I.

Въ 3-й тетради сборника «Др. и Нов. Россія» 1877 г. помѣщена интересная статья Я. К. Грота: «Эпизодъ изъ Пугачевщины», заключающая въ себѣ, между прочимъ, повѣренное по подлиннымъ документамъ описаніе бывшаго въ концѣ 1774 г. столкновенія или бывшихъ пререканій между гвардіи поручикомъ Гаврииломъ Романовичемъ Державинимъ и саратовскимъ комендантомъ, полковникомъ Иваномъ Константиновичемъ Бошнякомъ, по поводу защиты города Саратова отъ Пугачева.

Изъ статьи Я. К. Грота, изъ «Исторія Пугачевского бунта», составленной А. С. Пушкинымъ, а равно и изъ документовъ, касающихся пугачевской смуты, помѣщенныхъ въ V томѣ сочиненій Державина, изд. Императорской Академіи Наукъ 1869 г., мы знаемъ объ этихъ пререканіяхъ слѣдующее:

По принятіи генераль-аншефомъ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ главнаго начальства надъ губерніями, гдѣ свирѣпствовалъ возбужденный Пугачевымъ и его сообщниками мятежъ, и надъ войсками, туда посланными, и по занятіи мятежниками городовъ Курмыша, Саранска и Пензы,—Пугачевъ, поставивъ воеводою въ послѣднемъ городѣ господскаго мужава, пошелъ къ Саратову.

Саратовское начальство встрепенулось и стало готовиться къ возможному нашествію на городъ мятежниковъ.

Комендантомъ Саратова былъ полковникъ Иванъ Константиновичъ Бошнякъ, по словамъ Я. В. Грота, родомъ славянинъ изъ Македоніи ¹⁾, а главнымъ судьей конторы опекуства иностранныхъ колонистовъ—ст. совѣтникъ Лодыжинскій, по чину старше коменданта. Около половины іюля мѣсяца 1774 г., т. е. до занятія Пугачевымъ Курмыша, Саранска и Пензы, прибылъ въ Саратовъ отраженный еще въ мартѣ мѣсяцѣ ген.-аншефомъ Александромъ Ильичемъ Бабиковымъ въ селеніе Малыковку (что нынѣ г. Вольскъ) съ специальною цѣлю перехватить Пугачева въ случаѣ его набѣга на Иргизъ,—гвардіи Преображенскаго полка поручикъ, Гавріилъ Романовичъ Державинъ.

По словамъ Пушкина, чинъ гвардіи поручика, рѣзкій умъ и пылкій характеръ доставили Державину важное вліяніе на общее мнѣніе. Позволимъ себѣ въ этому прибавить, что и полное довѣріе въ Державину его начальниковъ: князя Щербатова, князя Голицына и Павла Потемкина, постоянно и особенно одобрявшихъ всѣ его распоряженія, могло много содѣйствовать къ упроченію авторитета его въ Саратовѣ. Немалое значеніе въ этомъ случаѣ могли имѣть и близкія, если не дружественныя отношенія Державина къ Лодыжинскому, которыя нетрудно уловить изъ характера и тона всей переписки, бывшей тогда между ними и помѣщенной въ V томѣ сочиненій Державина.

Астраханскій губернаторъ П. Н. Кречетниковъ, уѣзжая 25-го іюня изъ Саратова, поручилъ охраненіе города коменданту Бошняку, но съ тѣмъ, чтобы онъ совѣщался съ другими начальниками и дѣйствовалъ съ общаго согласія.

По полученіи извѣстія о раззореніи Казани, Лодыжинскій, по предложенію Державина, который смотрѣлъ на него какъ на старшее лицо въ городѣ, созвалъ совѣтъ для обсужденія мѣръ обороны города.

Приглашенный на совѣщаніе, бывшее 24-го іюля, комендантъ Бошнякъ былъ того мнѣнія, что надо укрѣпить городъ валомъ и дожидаться нападенія. Державинъ и другіе находили, что по

¹⁾ Сочиненія Державина, V томъ, стр. 143. Ниже мы помѣщаемъ достовѣрнаго свидѣнія о родѣ и происхожденіи саратовскаго коменданта И. В. Бошняка, вѣсколько несогласныя съ сдѣланнымъ здѣсь указаніемъ;—онъ происходилъ изъ греческихъ дворянъ.

обширности и положенію города укрѣпить его въ короткое время невозможно и нѣтъ въ достаточномъ количествѣ ни войска, ни артиллеріи, для занятія такого значительнаго пространства, какъ окружность города Саратова. Поэтому было положено, въ случаѣ приближенія мятежниковъ, идти къ нимъ навстрѣчу вооруженною силою, а чтобы укрѣпить казенныя деньги и безоружныхъ жителей, построить ретраншементъ близъ города, на берегу Волги, у конторскихъ магазиновъ и казармъ. Лодыжинскій, какъ бывшій инженеръ, составилъ и планъ укрѣпленія. Бошнякъ согласился дать рабочихъ и инструменты.

Державинъ на другой день поѣхалъ обратно въ с. Мальковоу, а Бошнякъ, получившій между тѣмъ отъ князя Щербатова извѣщеніе, что Саратовъ внѣ опасности, нашелъ въ этомъ предложѣ отступить отъ неохотно подписаннаго имъ постановленія бывшаго 24-го числа совѣщанія.

Отказъ коменданта дать рабочихъ побудилъ Лодыжинскаго и его сторонниковъ вызвать въ Саратовъ Державина, въ надеждѣ, что онъ нагонитъ страхъ, а на новомъ, при участіи купечества и членовъ низовой соляной конторы, совѣщаніи, бывшемъ 27-го іюля, первоначальное опредѣленіе было возобновлено, хотя его Бошнякъ не подписалъ. На средства купечества стали строить укрѣпленіе. Бошнякъ, при извѣстіи, что Пугачевъ уже въ Алатырѣ и направляется къ Саратову, согласился имѣть около провіантскихъ магазиновъ небольшое укрѣпленіе, но считалъ все-таки нужнымъ возобновить городской валъ, окружающій городъ, поставивъ на немъ батареи; Лодыжинскому же сообщилъ 28-го числа, что, какъ комендантъ, онъ не можетъ оставить города и церквей, остроговъ и складовъ вина на расхищеніе злодѣямъ, и затѣмъ, отказавшись отъ предположенія устроить укрѣпленіе около провіантскихъ магазиновъ, приступилъ къ работамъ по возобновленію вала и объявилъ полученный отъ Кречетникова ордеръ о подчиненіи ему, коменданту, всѣхъ жителей.

Раздраженный упорствомъ коменданта Державинъ, вернувшись въ Саратовъ 30-го іюля, написалъ заносчивое и язвительное письмо Бошняку отъ 31-го іюля (см. V томъ сочиненій Державина, № 151, и приложение 5-е «къ Исторіи Пугачевскаго бунта», А. С. Пушкина), доказывая, что комендантъ совершенно несвѣдуецъ въ инженерномъ дѣлѣ, и объявляя ему, что онъ, Державинъ, со всѣми под-

писавшими опредѣленіе, принимаетъ отвѣтственность въ принятомъ рѣшеніи. Не ограничиваясь этимъ, Державинъ внесъ 1-го августа предложеніе въ магистратъ объ устройствѣ укрѣпленія. Магистратъ поддержалъ домогательство Державина: укрѣпленіе начали строить; но комендантъ остановилъ работы и жаловался губернатору Кречетникову на своихъ противниковъ и въ томъ числѣ на Державина, который, по его словамъ, «поносилъ его, коменданта, ругательными и весьма безчестными словами и намѣревался арестовать».

Считаемъ лишнимъ подробно излагать дальнѣйшій ходъ событій въ Саратовѣ, вполне обстоятельно изложенный въ статьѣ Я. К. Грота; упомянемъ лишь вкратцѣ, что Державинъ, послѣ неудачнаго своего похода къ Петровску, озабоченный экстренными дѣлами, выбылъ 5-го августа въ Малыковку, а 6-го августа Саратовъ занятъ Пугачевымъ.

Храбрый комендантъ Бошнякъ, несмотря на измѣну казаковъ, гарнизона и самихъ жителей Саратова, не сдался, а съ оставшимися вѣрными долгу службы 60-ю офицерами и солдатами, съ оружіемъ въ рукахъ, пробрался сквозь толпы мятежниковъ къ Волгѣ, отправилъ казну и дѣла въ Астрахань, а самъ, 11-го августа, водою прибылъ въ Царицынъ.

Три лица, касавшіяся вышеприведеннаго эпизода, отозвались различно, одѣнивая поступки Державина и Бошняка.

А. С. Пушкинъ очевидно не одобряетъ образъ дѣйствія Державина въ Саратовѣ; онъ говоритъ: «Державинъ успѣлъ добраться (съ пути въ Петровскъ) до Саратова, а оттуда на другой день выѣхалъ вмѣстѣ съ Лодыжинскимъ, оставя защиту города на попеченіе осмѣяннаго имъ Бошняка» (стр. 196, т. VI сочин. Пушкина, изд. П. В. Анненкова, 1855 г.).

Графъ Саліасъ («поэтъ Державинъ, правитель намѣстничества», IX и X кн. «Русс. Вѣст.» 1876 года), говоря, что сдѣланное Державинимъ во время Пугачевщины не имѣло большого значенія, прибавляетъ: «Кромѣ смѣшнаго столкновенія съ комендантомъ города Саратова, Бошнякомъ, котораго онъ хотѣлъ заставить насильно возвести укрѣпленіе въ городѣ, не имѣя никого для ихъ защиты—мы не находимъ ничего интереснаго».

Я. К. Гротъ, въ статьѣ «Эпизодъ изъ Пугачевщины», не рѣшаетъ вопроса положительно о томъ, кто былъ правъ, кто виновать, но при этомъ говоритъ: «мы не знаемъ, чѣмъ кончилось

бы дѣло, еслибъ принято было предложеніе Державина идти навстрѣчу Пугачеву и сразиться съ нимъ въ полѣ, но знаемъ что послѣдствія не оправдали мнѣнія и поступка Бошняка: вмѣсто того, чтобы, по желанію самого губернатора, энергически дѣйствовать за-одно съ другими, комендантъ посылалъ за нѣскольکو сотъ верстъ просить разрѣшенія у своего начальника. Бошнякъ, благодаря Кречетникову, нашелъ сильнаго заступника въ графѣ П. И. Панинѣ, въ глазахъ котораго Державину сильно повредила его ссора съ комендантомъ. Князь Голицынъ, какъ и Потемкинъ, былъ совершенно на сторонѣ нашего поэта, но это тѣмъ болѣе вооружило противъ него Панина, нерасположеннаго къ обонимъ».

Навонецъ, въ V томѣ сочиненій Державина, на стр. 143, находимъ слѣдующее замѣчаніе Я. К. Грота: «Безпечность Бошняка сдѣлалась пагубною Саратову».

Мы весьма далеки отъ того, чтобы взять на себя произнесеніе суда надъ обѣими почтенными личностями, когда на это не рѣшился авторъ «Эпизода изъ Пугачевщины».

Скромная задача наша не выходитъ изъ предѣловъ желанія пополнить матеріалы, касающіеся приведеннаго эпизода, сопоставленіемъ нѣкоторыхъ фактовъ, уже извѣстныхъ читателямъ изъ напечатанныхъ документовъ и изслѣдованій, и помѣщеніемъ тѣхъ собственно документовъ, которыми особенно дорожилъ саратовскій комендантъ и которые хранятся въ семейномъ архивѣ его потомковъ.

Выполняя первую предположенную нами задачу, мы не можемъ обойти молчаніемъ слѣдующихъ обстоятельствъ.

Весь ходъ столкновеній и пререканій, бывшихъ между поручикомъ Державинимъ и саратовскимъ комендантомъ, показываетъ, что такое явленіе въ столь серьезную для правительства, и вообще всего народа, минуту могло имѣть мѣсто лишь при полнѣйшемъ отсутствіи мѣстнаго единовластія или единоначалія. И дѣйствительно, сколько мы ни вчитывались въ разные ордера и инструкціи, даже секретныя, данныя Державину, мы не могли ясно себѣ усвоить: какимъ образомъ молодой поручикъ Державинъ, имѣя порученіе стеречь побѣгъ Пугачева на Иргизъ, считалъ себя отдѣльнымъ начальникомъ, не подчиненнымъ ни мѣстному губернскому, ни мѣстному воинскому начальствамъ, и, какъ ка-

жется, имѣлъ нѣкоторое стремленіе считать себя неполнѣ подчиненнымъ даже самому главнокомандующему, графу П. И. Панину, ибо въ перепискѣ съ Бошнякомъ ссылался на то, что дѣйствуетъ по секретной комисіи, имѣющей порученія отъ самой императрицы, и что его требованія всѣ обязаны исполнять. Цемѣньшая неурядица царствовала и въ Саратовѣ, въ которомъ распоряжались двое: комендантъ, имѣвшій своего начальника въ астраханскомъ губернаторѣ, и Лодыжинскій, у котораго было свое особое начальство въ Петербургѣ.

Если Державина нельзя обвинять въ томъ, что его инструкціи были неполнѣ ясны и опредѣленны, равно какъ и его служебныя отношенія къ мѣстнымъ властямъ, нельзя того же сказать о его образѣ дѣйствія въ Саратовѣ. Изъ письма Державина въ Лодыжинскому, еще отъ 7-го іюля 1774 г. (№ 126, въ V томѣ сочиненій Державина), видно, что онъ, по выѣздѣ изъ Саратова губернатора Кречетникова, сталъ сноситься не случайно, а намѣренно, съ полнымъ сознаниемъ, не съ комендантомъ, а съ главноприсутствующимъ конторы опекунства иностранныхъ колонистовъ, статскимъ совѣтникомъ Лодыжинскимъ, поясняя, что онъ, Лодыжинскій, «въ городѣ особа всѣхъ старшая болѣе всѣхъ власти и команды имѣющая».

И такъ, если сѣмя раздора и починъ двоевластію еще прежде существовали въ г. Саратовѣ, то, во всякомъ случаѣ, нашъ высоко-развитый и даровитый поэтъ сѣмя этого раздора укрѣпилъ, а двоевластіе какъ-бы узаконилъ.

Далѣе, всякій согласится, что авторитетъ мѣстныхъ начальниковъ съ появленіемъ мятежниковъ падалъ ежеминутно и что это окончательно губило дѣло. Во все время пребыванія въ Саратовѣ, Державинъ, несмотря на высокое свое положеніе особо довѣреннаго лица и офицера гвардіи, авторитета законнаго начальника гор. Саратова ни въ чемъ не поддержалъ, а заручаясь протестами его противниковъ и горожанъ, значительно, если не окончательно, уронилъ. Могли ли довѣрять коменданту во время критической минуты жители г. Саратова и воинскія команды, когда за нѣсколько сутокъ передъ тѣмъ Державинъ, по донесенію Бошняка, всяческими «ругательными и весьма безчестными словами его поносилъ и бранилъ и намѣревался какъ осужденнаго арестовать».

Конечно трудно сказать, что случилось-бы, еслибы приняли предложеніе Державина относительно способа защиты города, такъ какъ изъ всей команды 700 человѣкъ—надежныхъ оказалось около 60. Быть можетъ, такая горсть людей не въ силахъ была бы устоять въ полѣ противъ толпы болѣе чѣмъ въ 10,000 человѣкъ и удержать ретраншементъ близъ казармъ точно такъ же, какъ они не устояли и за укрѣпленіями городскаго вала.

Далѣе, намъ говорятъ, что послѣдствія не оправдали мнѣнія и поступковъ Бошняка, но вѣдь тоже можно сказать, что послѣдствія не оправдали мнѣнія и поступковъ Державина. Послѣдній намѣревался арестовать коменданта какъ измѣнника. Бошнякъ, положимъ, если и могъ не быть стратегикомъ, но онъ не оказался измѣнникомъ, ниже трусомъ, чему несомнѣннымъ доказательствомъ служатъ какъ его геройское отступленіе и доставленіе казеннаго имущества въ Астрахань, такъ и приведеніе вѣрной команды въ Царицынъ, на который велъ свое наступленіе непріятель. Наконецъ, не меньшимъ подтвержденіемъ сему служатъ тѣ почести и награды, которыхъ удостоился комендантъ, защищавшій свой городъ. Принятіе такой мѣры, какъ арестованіе начальника города младшимъ по службѣ лицомъ и притомъ заѣзжимъ, могло бы найти себѣ оправданіе лишь только при очевидной измѣнѣ такого начальника.

Здѣсь мы не можемъ умолчать и о несправедливомъ укорѣ Державину, который проглядываетъ въ словахъ А. С. Пушкина, намекающихъ на постыдное какъ бы удаленіе его изъ Саратова 5-го августа, наканунѣ погрома города. Несомнѣнные документы, приводимые въ статьѣ Я. К. Грота, вполне, вѣжется, снимаютъ этотъ незаслуженный Державиннымъ укоръ.

Обращаемся ко второй нашей задачѣ.

II.

Въ числѣ документовъ, хранящихся, какъ мы выше сказали, въ семейномъ архивѣ потомковъ Ивана Константиновича Бошняка, собственно касающихся занимающаго насъ эпизода—пять, изъ которыхъ одинъ, а именно ордеръ графа П. И. Панина Державину, отъ 12-го октября 1744 г., былъ трижды напечатанъ, а именно: въ «Саратовскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» 1844, № 9, въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», томъ LXVIII, 1850, отд. VI, ст. 25, и въ V томѣ сочиненій Державина, за № 264, на стр. 251. Остальныхъ четырехъ документовъ мы въ печати нигдѣ не встрѣчали. Ордеръ отъ 12-го октября, по тѣсной связи его содержанія съ вопросами, въ настоящей статьѣ затронутыми, и по особенно любопытному вообще его содержанію, приводится нами въ настоящей статьѣ по тексту того самаго списка, который нами отысканъ въ бумагахъ саратовскаго коменданта.

I. Реляція гр. Петра Ивановича Панина.

19-го августа 1774 г., № 8.

«Державнѣйшая императрица, самодержица всероссійская, всемилостивѣйшая государыня! Полученные мною рапорты отъ полковника Михельсона и подполковника Муфеля, при выѣздѣ моемъ изъ Москвы, при семъ въ оригиналѣ всеподданнѣйше подношу, такъ какъ и копию съ рапорта Царыцынскаго Коменданта въ государственную военную коллегію писаннаго, съ которымъ курьеромъ я ночью ¹⁾ въ городѣ Коломнѣ повстрѣчась, должностію моею поставилъ распечатать, и снявъ копию у сего-жь В. И. В., по важности содержанія его, поднести. Соизволите высоч—ше В. И. В. усмотрѣть какъ о несчастливомъ похищеніи города Саратова, государственнымъ злодѣемъ, такъ особливо примѣтить, что во ономъ оказалось первоначальное измѣнническое предательство, не толь отъ козаковъ, но и отъ регулярныхъ войскъ В. И. В., какъ гарнизонныхъ, такъ паче и отъ полевой артиллерійской тамъ бывшей команды съ нѣкоторыми ихъ провѣянными офицерами. Въ семъ случаѣ, безпредѣльными мое въ В. И. В. вѣрность и усердіе объявъ меня разными пораженіями, первую мнѣ всеподданническую должностію внушили представить В. И. В., что время уже настало противу тѣхъ прещеній, которыми злодѣй достигаетъ, видно до уловленія посползованныхъ душъ и въ самыхъ регулярныхъ войскахъ и ихъ офицерахъ, оказующимъ противу сего злодѣя отличную въ В. И. В. и Государству службу и вѣрность не различать съ службами предъ В. И. В. противу вѣдшихъ непріателей и получившими за оную побудительные къ чести и славѣ отличные знаки монаршаго благоволенія, при

¹⁾ Т. е. въ послѣднюю ночь

Н. С.

чемъ дерзая напомянуть о деташаментѣ полковника Михельсона, котораго всё штабъ, оберъ-офицеры и рядовые гораздо больше десяти разъ злодѣя противу себя въ превосходительныхъ силахъ съ великимъ мужествомъ и неутомленіемъ, трудами разбивали, да и теперь главнѣйшую надежду на сей деташаментъ полагаю, ожидая о томъ ежеминутнаго извѣстія; а надѣюсь, что отъ сего деташаментнаго командира по прежней камаздѣ донесены В. И. В. были объ отличившихся съ нимъ въ храбрости и вѣрности штабъ и оберъ-офицеровъ и о многотрудностяхъ всѣхъ его подчиненныхъ, то хотя по всемілостивѣйше снабженной отъ В. И. В. мнѣ полной мочи и могу снѣмъ вѣкторыя поощренія сдѣлать, однакожъ не сравниваюся въ сердцахъ у поданныхъ съ пріобрѣтеными отъ монаршаго престола и благоволенія.

«Сейчасъ вступаю я отсель въ носительное продолженіе моего пути и завтра къ вечеру достигну до деташамента мною предводимаго. А нѣтъ уже рапорты, что съ деташаментами полковникъ Древинъ надѣюсь проинновалъ Шацкъ, а князь Голицынъ Сырвань, послѣшая все со всеудобозможными силами въ ту сторону, гдѣ самъ государственный злодѣй теперь обращеніе свое имѣетъ и усилялся; но при семъ положенія больше всего меня теперь беспокоитъ, всемілостивѣйшая государыня, что край бунтующихъ Башкирцевъ и другихъ съ ними народовъ, остался теперь отъ меня въ такой отдаленности, подъ надзираніемъ одного генераль-маіора Фреймана, ибо генераль-маіоръ Потемкинъ, котораго прозорливость въ военскомъ искусствѣ меня лучшебъ могла успокоивать и который полевою команду, хотя самовольно на себя принявъ, но опасаясь, что порученная ему секретная коммисія не допуститъ его отъ себя отдаляться и я того ему приказать не могъ. Въ разсужденія чего весьма-бъ не бесполезно было естли-бъ соизволили указать кого надежнѣйшаго изъ генераль-поручиковъ, избравъ къ главному въ томъ край надзиранію, до приближенія моего отправить на почтѣ. Всемілостивѣйшая государыня, В. И. В. всеподданнѣйшій рабъ. Графъ Петръ Панинъ. № 8. Августа 19 дня 1774 г.»

И. Ордеръ гр. Петра Ивановича Панина лейбъ-гвардіи поручику Дермазину.

Симбирскъ, октября 12-го числа 1774 г.

«Рапортъ вашего благородія ко мнѣ пущенной, отъ 5-го числа со всѣми предложеніями я получилъ.

«По весьма великой его подлинно обширности конечно имѣли вы настоящую причину подумать, что при моемъ нинѣшнемъ многозаботномъ Ея Императорскому Величеству служеніи можетъ онъ мнѣ представиться къ прочтенію великимъ обремененіемъ, но въ томъ и оправдало ваше обо мнѣ благое заключеніе. Я при полученіи его, что уже половину ночи въ дѣлахъ по моей службѣ упражнялся; но другую половину неоставилъ употребить въ самое вытное его прочтеніе.

«Къ сожалѣнію моему, потому чистосердечію, которое я непремѣннымъ себѣ закономъ особливо въ должностяхъ службы поставляю, принужденъ я вамъ снѣмъ открыться.

«Все оною пространство ничего во мнѣ другаго не произвело какъ примѣчаніе, что вы больше несчастливы, нежели украсительныя слова во ономъ рапортѣ вамъ послужили, потому что сколь подлинно, что они самыя выбранныя

и довольно краснорѣчиваго искусства въ себѣ имѣють, но и то неоспоримая правда, что сколь ваши намѣренія, которыя вы тѣмъ красноречіемъ изъяснили не были благи и усердны къ пользѣ отечества, но, по несчастію вашему, для чего вы ихъ употребляли, во всемъ томъ противное вамъ произошло, ибо злодѣй вами непониманъ и всѣ тѣ мѣста были темъ похищены и разорены, для соблюденія которыхъ преступали вы предѣлы и чина и власти вамъ порученной, вступаясь въ чужія и вамъ непринадлежащія должности, наставляя и предъ-осуждая людей, имѣющихъ чины выше вашего и практику въ настоящихъ дѣлахъ предъ вами превосходящую, отчего обыкновенно болѣе происходятъ поврежденія въ настоящихъ дѣлахъ, нежели поправленія оныхъ. Я по такому моему о всемъ томъ вниманію и по нежеланію отступить отъ употребляемыхъ мною всегда по службѣ должности моей частосердечію и откровенности, теперь и нахожу себя вынужденнымъ сказать вамъ сіе.

«Въ доказательство тому, что вы истинно желали положить и нещадить никакъ живота своего въ службѣ Е. И. В. вами воспріятою противъ врага Ея и всей Имперіи, будутъ служить только одни слова, а комендантъ Саратовской имѣеть то, что онъ непокидалъ своего города и защищалъ его нетокомо до самой послѣдней крайности, но и при сущей имѣній и предательствѣ къ злодѣю его подчиненныхъ, съ оставшими при немъ самыми верѣйшими и усердѣйшими къ Ея Императорскому Величеству изъ оныхъ рабами прошелъ съ оружіемъ въ рукахъ съвозъ всю стѣлю много ужасающую злодѣйскою толпу въ такую опять крѣпость, на которую злодѣй, по примѣчанію устремился жь (устремился же), а не туда, гдѣбы онъ безопасенъ былъ, почему и представляется мнѣ, что гораздо лутче сему коменданту предъ военной судъ явиться естлибъ обстоятельство того востребовало, нежели вамъ по изъявленію вами желанія военного суда, ибо регулы военные да и всѣ прочіе законы приѣмлютъ въ настоящее доказательство и вѣроятность болше существительна дѣйствія, нежели сокровенность человѣческихъ сердецъ, изъявляемыхъ словами, чего ради по истинному къ вамъ усердію совѣтую отложить желаніе ваше предстать предъ военной судъ.

«Притомъ рекомендую въ теперешнемъ моемъ начальствѣ надъ сдѣшными войсками и тремя губерніями не употреблять вамъ себе ни совѣтами, ни вещію ни вкани дѣла, которыя вамъ точно отъ мѣстъ и персонъ настоящую власть имѣющихъ препоручены не будутъ и пылкость смѣлости вашей убавить въ разсужденіяхъ, представленіяхъ и толкованіяхъ о дѣлахъ вашей должности неупрекоренныхъ и къ чинамъ и заслугамъ выше вашего настоящаго состоянія, увѣрася совершенно, что и при дарованія небесъ самого лучшаго разума, какъ къ краснорѣчію и представленію вещей въ хорошемъ видѣ, потребны токомо наука и выборъ словъ, такъ насупротивъ къ существительному произведенію безошибочно и съ вѣрностію дѣятъ надобно напередъ испытаніе себя самого въ существительнѣйшемъ же дѣйствіи, къ чему и руководствуетъ болѣе всего практика, а потому добродѣтель и благоразуміе научаетъ, чтобъ въ не-испытанныхъ собою дѣлахъ меньше или и вовсе на себя не надѣяться, но искать приобрѣсти слознаніе оныхъ чрезъ людей въ практикѣ упражняющихся.

«Впротчемъ будьте увѣрены, что все сіе изъ меня извлекло усердіе къ людямъ, имѣющимъ природныя дарованія, какими васъ Творецъ вселенной наградила, по истинному желанію обращать ихъ въ прямую пользу служенія владычющей нашей великой Государыни и отечеству и по той искренности съ которою я пребыть желаю, какъ теперъ съ почтеніемъ есмь. Октября 12 дня 1774 году. Сибирскъ».

III. Выписка изъ реляціи къ Императрицѣ Екатеринѣ II.

Октября отъ « » числа (1774 г.).

«Смѣю притомъ всеподданнѣйшая государыня ¹⁾ о семъ комендантѣ съ подчиненными ему офицерами, пробившимися сквозь злодѣя то присвокупить, что они въ точности исполнили и заслугу свою показали по настоящей своей В. И. В. присягѣ, гдѣ каждой обѣщается и долженъ, въ потребномъ случаѣ, нещадить своего живота, и гдѣ отъ всякаго требуется не виновтенныхъ словъ и вмѣшиванія въ чужія себѣ непринужденія и выше своего званія должности и дѣла, но существительныхъ всякого по своему званію дѣйствій и безмолвеннаго повиновенія одному другому по предписанному въ регулахъ порядку, отъ которыхъ кажется мнѣ при приближеніи злодѣя на Саратовъ далеко было отступлено собраніемъ совѣтовъ съ приглашеніемъ куучества. Усердіе мое по истинномъ соблюденіи установленныхъ отъ В. И. В. безмолвенныхъ повиновеній по формѣ правительства самодержавной власти и по чинамъ одного надъ другимъ установленными, не могъ я воздержатся, чтобъ Державину не сдѣлать такого предложенія, какое Вы изволите здѣсь въ кошіи усмотрѣть и Саратовскому коменданту дать повелѣніе, чтобъ онъ тамошнихъ куучовъ Кобякова и Протопопова прислалъ сюда скованныхъ, которыхъ неоставлю я распросить, для чего они дерзали послать къ злодѣю депутаціи, противурѣчить коменданту и неповноваться ему въ должностномъ безмолвіи: что они отвѣтствовать будутъ, принесу всеподданнѣйше къ В. И. В. и стану ожидать Манаршаго о нихъ повелѣнія».

IV. Реляціи къ Императрицѣ Екатеринѣ II.

Ноября 18-го дня 1774 г. № 29.

«Изъ прежнихъ моихъ всеподданнѣйшихъ донесеній В. И. В. извѣстно, происшедшая при нападеніи государственнымъ злодѣемъ на городъ Саратовъ отъ артиллерійской полевой команды измѣна и переходъ къ злодѣю съ нѣкоторыми ея офицерами, а о другихъ изъ оныхъ оставшихъ въ непреклонной вѣрности къ В. И. В. и проходившихъ съ оружіемъ въ рукахъ сквозь злодѣйскую толпу съ комендантомъ оного города Бошнякомъ; а тогда, когда изъ оныхъ измѣнниковъ оставшія въ живыхъ были приведены плѣнными, послѣ пороженія злодѣя подъ Чернымъ-Яромъ, приказалъ произвестъ надъ ними скорорѣшительной генеральной фергеръ и криксрехтъ генераль-майору и кавалеру тамъ случившемуся Мансурову, оной я всступилъ ко мнѣ нынѣ съ заключенною сентенціею. Я не приступая собственною моею по ней конфирмаціею какъ о происшедшемъ злодѣйствѣ двухъ цѣлыхъ ротъ полевыхъ войскъ В. И. В. состоящихъ по настоящей своей службѣ подъ особливымъ военна-начальникомъ равнаго жъ моему военнаго званія; для того при семъ державу препроводить во особливомъ кувертѣ оной криксрехтъ оригинально, а здѣсь всеподданнѣйше включаю мое должное мнѣніе на заключенную въ немъ сен-

¹⁾ Написано слово «государыня» подъ титломъ.

тенцію къ высочайшему монаршему усмотрѣнію и милосердію со всеподданѣйшимъ испрашиваніемъ В. И. В. повелѣнія мнѣ ли приказать въ рѣшеніе привести оную экзекуцію, или угодно будетъ повелѣть ту сентенцію, гдѣ въ другомъ мѣстѣ просмотрѣть и подтвердить, а мнѣ всемилостивѣйше преподать о томъ свидать, по содержанію между тѣмъ оныхъ преступниковъ подъ стражею войскъ въ моемъ вѣдѣніи теперь состоящихъ.

Рѣченной Саратовскій комендантъ Бошнякъ, о коемъ всеподданѣйше ссылаюсь на прежнія мои донесенія о проходѣ его съ ружьемъ сквозь злодѣя не въ иное какое отдаленное мѣсто, но въ ближайшій къ своему городъ Царицынъ, на которой злодѣи нападеніе свое явили, а и тамъ будучи противъ онаго сраженія и къ защищенію города вспомошествовать, возвратясь оттуда пріѣзжалъ ко мнѣ со испрашиваніемъ повелѣнія о себѣ; я по онымъ обстоятельствамъ непримѣчая въ нихъ его преступленія приказалъ ему возвратиться и вступить въ прежнюю свою комендантскую въ городъ Саратовъ должность, повергая впрочемъ всеподданѣйше его самого и обстоятельство съ нимъ случившееся въ высочайшее В. И. В. монаршее соизволеніе.

Пятый документъ—подлинное письмо графа Петра Ивановича Панина къ полковнику Бошняку за собственноручнымъ подписаніемъ графа Панина, отправленное изъ Москвы въ январѣ мѣсяцѣ 1775 года, полученное (вѣроятно, въ Саратовѣ) 12-го февраля. Изъ письма этого видно, что и сама Императрица посмотрѣла на поступокъ саратовскаго коменданта съ точки зрѣнія, выраженной графомъ Панинымъ въ приведенныхъ выше его реляціяхъ и ордерѣ поручику Г. Р. Державину.

Письмо это слѣдующаго содержанія ¹⁾.

«Государь мой Иванъ Константиновичъ! Усердіе мое къ воспоспѣшествованію на справедливое удовлетвореніе оказанной вашей весьма знаменитой заслуги къ Ея Императорскому Величеству и отечеству вѣрности и храбрости при супротивленіи противу бунтовщичьяго нападенія на городъ Саратовъ, заставило меня поспѣшить сказать вамъ здѣсь тѣ точныя слова, которыя я во вчерасъ полученномъ мною собственноручномъ Ея Императорскаго Величества писаніи съ высочайшими резолюціями на мои разныя приношенія, воспріять о васъ удостоился. Они состоятъ въ семъ: Саратовскому Коменданту Бошняку, я назначила дать деревни ²⁾, симъ поздравляю я васъ отъ всего сердца и съ тѣмъ моимъ расположеніемъ, что пребуду всегда съ почтеніемъ и искренностію, вашего высокоблагородія, государя моего, вѣрнымъ слугою Графъ Петръ Панинъ». «Генваря < > дня 1775 года. Москва».

Помѣта: «Получено Февраля 12 четвертокъ».

¹⁾ Какъ оригинальный документъ письмо это печатается буквально безъ исправленія описокъ, или какихъ другихъ поправокъ старинной орфографіи.

²⁾ Въ письмѣ изъ Саратова отъ 26-го марта 1775 г. премьеръ-маіоръ саратовскаго баталіона Зоргеръ сообщаетъ Державину, что императрица пожаловала Бошняку 370 душъ крестьянъ, а жезъ его 2,000 руб., ему за нападеніе на Саратовъ Пугачева, а ей—что лишилась имущества (стр. 264, V-го тома сочиненій Державина, № 276).

III.

Считаемъ излишнимъ привести нѣкоторыя свѣдѣнія о родо-
вомъ происхожденіи саратовскаго коменданта, полковника Ивана
Константиновича Бошняка, и о его потомкахъ, къ числу кото-
рыхъ принадлежалъ Константинъ Карловичъ Бошнякъ,—весьма
образованный и всѣми уважаемый въ Костромской губерніи пред-
водитель дворянства, сначала нерехтскій уѣздный (1832—1848),
а затѣмъ и губервскій (1848—1851 г.).

Свѣдѣнія о родѣ Бошняковъ извлечены изъ подлинныхъ доку-
ментовъ, хранящихся въ семейномъ архивѣ, какъ-то: грамотъ,
патентовъ на чины, копій съ послужныхъ списковъ, разныхъ
юридическихъ актовъ и т. п., и показываютъ, что вышеприве-
денное указаніе—что саратовскій комендантъ, полковникъ Иванъ
Константиновичъ Бошнякъ, былъ родомъ славянинъ изъ Маке-
доніи,—не вѣрно.

Подлинная грамота Молдавскаго господара, Александра Мавро-
вродата, выданная въ Яссахъ 4-го августа 1786 года на имя
полковника Ивана Бошняка (бывшаго саратовскаго коменданта),
удостоверяетъ, что родъ сего послѣдняго въ нѣсколькихъ уже
поколѣніяхъ дворянскій, а отецъ его, Константинъ, прибывшій
при Петрѣ Великомъ изъ Греціи съ княземъ Кантемиромъ для
службы русскому правительству, происходилъ изъ греческаго
дворянскаго рода Кондосколиди. Далѣе указывается въ той
же грамотѣ, что Константинъ Кондосколиди, вскорѣ по прибытіи
въ Россію, умеръ, оставивъ въ г. Нѣжинѣ двухъ сыновей, Ивана
и Николая, которые по семейнымъ причинамъ приняли фа-
милію ихъ крестнаго отца Бошняка.

Затѣмъ изъ прочихъ документовъ видно:

I. Константинъ Даниловичъ Кондосколиди выѣхалъ съ
княземъ Кантемиромъ къ Петру Великому на р. Прутъ и водво-
рился въ г. Нѣжинѣ; женатъ былъ на Дарьѣ Степановнѣ; умеръ
въ 1728 году; у него было два сына: Николай и Иванъ.

II. а) Николай имѣлъ двухъ дочерей и троихъ сыновей:
Григорія, Константина и Ивана.

б) Иванъ родился въ 1717 году. Въ службу вступилъ капра-
ломъ въ Сербскій гусарскій полкъ въ 1735 г. Произведенъ: въ

прапорщики въ 1739 г.; въ поручики въ 1741 г.; въ капитаны въ 1748 г.; въ премьерь-маіоры въ 1760 г.; въ подполковники въ 1763 г., и въ полковники въ 1770 г. Зная греческій языкъ, сопровождалъ въ Петербургъ, послѣ взятія Очакова и Хотина, Сераскиръ-пашу и Кончакъ-пашу. Съ 1771 по 1788 г. былъ саратовскимъ комендантомъ. Уволенъ отъ службы 6-го іюля 1788 г. Былъ въ походахъ: въ Турціи, Швеціи, Пруссіи и Польшѣ. Былъ женатъ на митавской уроженкѣ, Аннѣ Даниловнѣ фонъ-Шредерсъ, и имѣлъ отъ нея двухъ сыновей: Карла и Николая, и двухъ дочерей, Марію, замужемъ за морскимъ офицеромъ Карломъ Дункертомъ, и Софію, замужемъ за московскимъ комендантомъ, генераль-поручикомъ Христофоромъ Ивановичемъ Гейкингомъ. Имѣнія Ивана Константиновича значатся: въ Саратовскомъ уѣздѣ, деревня Озерокъ, и Полоцкаго намѣстничества, въ Себежскомъ уѣздѣ, въ Прихалпской части, нѣсколько деревень.

Оба брата, и Николай, и Иванъ Кондосколиди, остались послѣ смерти ихъ отца малолѣтними и были воспитаны ихъ крестнымъ отцемъ Бошнякомъ, который «ставилъ на русскую армію сунна изъ Турціи и получилъ великія выгоды и чины и грамоту отъ Петра Великаго». По крестному отцу братья Кондосколиди стали прозываться Бошняками.

Ш. а) Карлъ Ивановичъ Бошнякъ. Воспитывался въ Митавѣ (родина его матери фонъ-Шредерсъ) на счетъ герцога Бирона¹⁾. Вступилъ въ военную службу въ 1771 году—вахмистромъ въ Казанскій кирасирскій полкъ. Въ 1775 году опредѣленъ уѣзднымъ землемѣромъ въ Костромское намѣстничество. Былъ стряпчимъ въ ярославской верхней расправѣ, ассесоромъ ярославской палаты гражданскаго суда, засѣдателемъ ярославскаго верхняго земскаго суда. Въ 1794 г. изъ коллежскихъ ассесоровъ переименованъ въ премьерь-маіоры и опредѣленъ въ Херсонскій легко-воинный полкъ, откуда въ томъ же году за болѣзнь уволенъ и опредѣленъ въ статскимъ дѣламъ. Былъ въ числѣ кавалеровъ, сопровождавшихъ Брауншвейгскую фамилію въ Данію²⁾.

¹⁾ Эрнстъ-Іоганнъ Биронъ, курл. герцогъ, графъ Римской имперіи и регентъ, родился 23-го ноября 1690 г., умеръ 18-го декабря 1772 г. Н. С.

²⁾ Семейство Антона Ульриха, послѣ его смерти (1776 г.), было отправлено въ Данію изъ Холмогоръ на фрегатѣ «Полярная звѣзда», 30-го іюля 1780 г. («Русская Старина» 1873 г., томъ VII стр. 70). Въ 1780 году Карлъ Ивановичъ

Женатъ былъ на Надеждѣ Александровнѣ Аже, дочери эконо-
номъ директора—Александра Матвѣевича Аже (внука француз-
скаго эмигранта) и жены его, рожденной Арцыбашевой. Дѣтей
у Карла Ивановича было пятеро: двѣ дочери, Надежда—дѣвица
и Анна по замужеству—Дивари, и трое сыновей—Александръ,
Константины и Иванъ.

б) Николай Ивановичъ Бошнякъ. Служилъ въ военной
службѣ, въ чинѣ подполковника былъ городничимъ въ г. Полоцкѣ;
женатъ на Семеновѣ.

IV. а) Александръ Карловичъ. Родился въ 1787 г. и
еще въ дѣтствѣ вмѣстѣ съ братьями зачисленъ въ конный полкъ
въ 1793 г., въ которомъ и былъ вахмистромъ, а его братья вице-
вахмистрами. Учился въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ.
Въ 1799 году опредѣленъ юнкеромъ въ государственную кол-
легію иностранныхъ дѣлъ для занятій въ московскомъ архивѣ.
Въ 1807 г., въ чинѣ коллежскаго ассесора, состоялъ за майора
въ Вятскихъ стрѣльбахъ (земское ополченіе). Въ 1808 г. пере-
шелъ изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ во 2-ю
экспедицію департамента внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ въ Главное
Управленіе Мануфактуръ. Съ 1816—1820 г. былъ нерехтскимъ ¹⁾
уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Въ 1826 г. состоялъ при
генераль-лейтенантѣ графѣ Витте, который завѣдывалъ тогда
южными военными поселеніями. Въ 1829 г. былъ вице-президен-
томъ Молдаво-Валахскаго Дивана. Умеръ въ Подольской губерніи
въ 1831 году.

Александръ Карловичъ, судя по оставленнымъ имъ ученымъ
по ботаникѣ запискамъ и перепискѣ съ издателями ученыхъ
трудовъ, былъ человекъ весьма образованный и пользовался въ
этомъ отношеніи извѣстностью. (См. ниже, стр. 214—215).

б) Константинъ Карловичъ. Родился въ 1790 г. Съ трех-
лѣтняго возраста числился въ конномъ полку вице-вахмистромъ.
Съ 1800 года—пажъ. По разсказу самого покойнаго, нами лично

Бошнякъ, въ чинѣ титулярнаго совѣтника, былъ стряпчимъ въ ярославской
верхней расправѣ, а не лекаремъ, какъ онъ названъ на стр. 649, тома IV,
«Русской Старины», изд. 1874 г., въ предисловіи къ изслѣдованію В. А. По-
лѣнова объ «отправленіи Брауншвейгской фамилии изъ Холмогоръ въ Датскія
владѣнія». Бошнякомъ сданы слуготы дѣтей Антова Ульриха, изданные
при «Русской Старинѣ» изд. 1874 г.

¹⁾ Костромской губерніи.

слышанному, Константинъ Карловичъ былъ дежурнымъ пажемъ за ужиномъ, наканунѣ дня кончины императора Павла. Въ 1814 г. Константинъ Карловичъ Бошнякъ значится по документамъ ротмистромъ Польскаго уланскаго полка. Во взводѣ его, какъ самъ покойный Константинъ Карловичъ рассказывалъ и какъ это видно изъ книги г. Мордовцева (Русскія женщины XIX вѣка, стр. 113), служила извѣстная дѣвица-кавалеристъ Дурова или Александрова. Въ 1816 г. онъ вышелъ въ отставку. Съ 1832—1851 г. служилъ по выборамъ востромскаго дворянства, причемъ послѣдніе три года былъ губернскимъ предводителемъ. Умеръ въ 1863 г., 16-го ноября. Женатъ былъ на Екатеринѣ Дмитриевнѣ Черневой и имѣлъ трехъ сыновей: Александра, Николая и Василя, и трехъ дочерей: Надежду, Анну и Елисавету.

в) Иванъ Карловичъ. Съ дѣтства зачисленъ въ конный полкъ, питомецъ пажескаго корпуса. Служилъ въ Семеновскомъ полку въ чинѣ штабъ-капитана. Былъ женатъ на Арцыбашевой и умеръ еще въ молодости.

Г. Изъ сыновей Константина Карловича, которые всѣ нынѣ находятся въ живыхъ, — второй, отставной морской офицеръ, Николай Константиновичъ, принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ Амурской экспедиціи (1850—1855 г.) и извѣстенъ своими географическими изслѣдованіями Приамурскаго края; а старшій сынъ Александръ Константиновичъ, обязательно намъ сообщившій документы семейнаго его архива—состоитъ участковымъ мировымъ судьей перехтскаго судебного округа.

АЛЕКСАНДРЪ КАРЛОВИЧЪ ВОШНЯКЪ.

Приводимъ письмо Губарева изъ Кромъ, отъ 14-го апрѣля 1816 г., адресованное, судя по надписи на конвертѣ, на имя Александра Карловича Бошняка.

«Вообрази себѣ, милой и любезной другъ Александръ Карловичъ, что я письмо твое, писанное изъ подъ Москвы отъ 2-го ноября 1815 года, получилъ въ Кромахъ 9-го апрѣля 1816 года, слѣдовательно можешь судить о исправности того купца Лапина, которому ты отдалъ писаніе—со всѣмъ тѣмъ оно было для меня самымъ пріятнѣйшимъ подаркомъ къ празднику, тѣмъ болѣе, что ты льстишь меня надеждою захватъ ко мнѣ весной въ Кромъ.

«Будь увѣренъ, любезной другъ, что я всегда тебя люблю и любить буду, хотя очень давно съ тобою расстался, да и такъ давно, что ты меня считаешь

30-ти-лѣтнимъ ребенкомъ, когда судьбамъ угодно было позволить мнѣ тащить 35-й годъ довольно скучной жизни.—Очень грустно мнѣ вспомнить, что въ то время, когда ты писалъ письмо и думалъ, что я въ Бромахъ, а я былъ вмѣстѣ съ тобою въ Москвѣ и не видался; я жилъ въ Москвѣ съ октября по февраль и жилъ въ трактирѣ на Кузнецкомъ мосту; вотъ, любезной другъ, видно по-словница несправедлива, что суженаго и жонемъ не объѣдашь, а ты для сердца моего все останешься суженымъ, со всѣмъ тѣмъ я всякой день ѣздилъ по Москвѣ и не могъ съ тобою встрѣтиться.

«Теперь скажу тебѣ, что я не ѣздя далеко все испыталъ практически, что испытать и перенести можно:

1-го) J'avais la bêtise d'entretenir une très jolie fille—истекшу времени моей страсти, выдалъ ее замужъ.

2-го) Былъ влюбленъ до безумія въ замужнюю женщину, съ успѣхомъ и повѣренными страсти моей, или лучше сказать духовникомъ былъ кто? не угадаешь Жуковский.

3-го) Прострѣдальгъ себѣ руку и повредилъ пульсовую жилу у правой руки и отъ того остался съ изувѣченными пальцомъ, ему же имя рюсе.

4-го) Переломилъ себѣ правую ногу, которая въ узаконенный срокъ и срое-лась, такъ что я могу еще показаться на любовной смотрѣ.

5-го) J'ai été entretenu (или почти на это похожее) par une personne très laide et très riche; je viens de rompre avec NN, parce qu'elle vient de se marier.

«Вотъ тебѣ любезной краткое описаніе главнѣйшихъ эпохъ и періодовъ того времени, когда былъ съ тобою розно, жеза(ль) бы объ тебѣ услышать отъ тебя самаго, и тогда бы рассказали другъ другу безъ утайки все что съ нами случилось хорошаго и дурнаго».

«Очень радуюсь веснѣ, потом(у)о, что ты общаешься заѣхать ко мнѣ, а я все время оной и лѣто буду въ Бромахъ или только въ 12 верстахъ отъ оныхъ въ деревнѣ Ивана Влад. Лапухина, куда за мною тотъ часъ при-шлютъ какъ скоро ты приѣдешь, въ чемъ однакоже я сомнѣваюсь; тогда бы ты увидалъ истинно тебѣ любящаго и Philosophe malgré lui, т. е. меня».

«Скажу тебѣ, что я почти годъ былъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ, часто говорили про тебя и Жуковск. увѣренъ, что ты будешь Русскимъ Бюфеномъ».

«Есть ли не погнѣшился, то напиши мнѣ отвѣтъ на отвѣтъ мой и увѣдомъ или лучше сказать обрадуй вѣстію о будущемъ твоёмъ прибытіи».

«Отъ Жуковского имѣю пакетъ и письмо, вѣрно прислалъ экземпляръ своихъ сочиненій, адресовано было въ Болховъ, на имя Плещеева отъ того, что я былъ и вездѣ и нигдѣ, теперь же получилъ нѣкоторую осѣдлость, или лучше сказать, усталъ».

«Заключу письмо, любезной другъ признаніемъ, что я кажется все таковъ же повѣса хоть куда, смирился не много отъ того, что былъ боленъ произвольною болѣзнію, теперь выздоравливаю и хочу быть пакя Протеемъ естли только удастся».

«Прощай братъ, обнимаю тебя душевно и сердечно, весь я всегда твой Губаревъ».

«Р. С. Поцалуи за меня ручку у бабушки и скажи что я всегда помню ея ласку и одолженіи; ахъ кабы да намъ увидѣться. Пиши прямо Губареву въ Бромъ, а я отвѣчать не замедлю. 1816-го года».

«Кромъ 14-го апрѣля».

Второе письмо безъ года отъ 13-го апрѣля за подписью Бюффона, слѣдующаго содержанія.

«Monsieur. Vos recommandations valent mieux que des titres d'honneur ou des lettres de change, puisqu'elles me procurent en meme temps des éloges et de l'argent; quelque bonnes que soient ces deux choses, je vous proteste Monsieur que j'en suis encore moins flatté que des sentimens de bonté et d'estime, dont vous voulez bien m'honorer; et que je vous supplie de me conserver en faveur de mon très ancien attachement pour vous et pour toute votre maison. J'ai été enchanté du grand succès qu'a eu dans le public l'éloge de Monsieur votre pere. Si je connoissais moins votre noble modéstie j'oserais vous en dire d'avantage. C'est avec tout devouement et respect que j'ai l'honneur d'être, Monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur. Buffon. 13 Avril».

Изъ писемъ императрицы Екатерины къ Гриму («Русск. Архивъ» 1878 г., кн. № 9, стр. 77.) видно, что сынъ известнаго естествоиспытателя Бюффона жилъ въ С.-Петербургѣ въ 1782 году. Не зная, отъ какого года приведенное письмо, мы не беремъ на себя рѣшить вопроса, отъ кого это письмо: отъ отца, или отъ сына.

Н. Н. Селифоктовъ.

4-го ноября 1877-го года.
Село Семеновское,
Нерехтскаго уѣзда.

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И АНЕКДОТЫ,

ПУТКИ, ОСТРОТЫ, ЗАМѢТКИ, МЕЛОЧИ ¹⁾.

Тульское шоссе до такой степени было дурно устроено, что, черезъ годъ послѣ сдачи его въ губернское вѣдомство,—рушилось, и станціи принуждены были перевести на прежній трактъ. Произвели слѣдствіе, кто въ этомъ виновень, и отослали для разсмотрѣнія въ генераль-аудиторіатъ вѣдомства путей сообщенія. Рассмотрѣли, посудили и присудили: что шоссе въ свое время было устроено прочно и въ такомъ видѣ сдано губернскому начальству, которое, принявъ его въ свое завѣдываніе и не имѣя ни техническихъ свѣдѣній, ни денежныхъ средствъ къ его поддержанію, не можетъ отвѣтствовать за послѣдовавшую потомъ испорченность шоссе. На докладѣ, поднесенномъ съ этимъ рѣшеніемъ на высочайшее утвержденіе, Государь Николай Павловичъ написалъ:

— «Шоссе нѣтъ, денегъ нѣтъ и виноватыхъ нѣтъ; поневогѣ дѣло должно кончить, а шоссе снова строить».

Въ 1847-мъ году послѣдовало учрежденіе губернскихъ и уѣздныхъ ловчихъ; рассказывали, что къ этому послужилъ, слѣдующій случай:

Около Москвы появилось множество волковъ, забѣгавшихъ даже иногда въ улицы столицы. Генераль, князь Щербатовъ, извѣстный своей храбростью и, къ сожалѣнію, простотою, бывши въ то время тамошнимъ военнымъ генераль-губернаторомъ, донесъ объ этомъ Государю, испрашивая дозволенія: «учредить облавы для уничтоженія волковъ, или, по крайней мѣрѣ, для прогнанія ихъ въ другія смеж-

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1879 г., томъ XXVI, стр. 103—124.

ныя губерніи». Его величество, получивъ это оригинальное донесеніе, разсмѣялся и, сказавъ:—«Этакъ пожалуй онъ прогонитъ волковъ и въ Петербургъ»,—приказалъ учредить должности ловчихъ для истребленія хищныхъ звѣрей.

На дачѣ Купшелева-Безбородко, въ одно воскресенье, въ іюлѣ 1847-го года, во время разѣзда послѣ фейерверка, майоръ Кафка, бывши въ нетрезвомъ видѣ, далъ оплеуху надворному совѣтнику Гуципу, безо всякой причины. Генералъ-адъютантъ Анненковъ, докладывая объ этомъ Государю, представилъ Кафку предать суду, а Гущина уволить отъ службы. Вотъ резолюція Государя:

— «Кафку судить, а Гущина, какъ невинную жертву общественнаго предразсудка, беру подъ свое особенное покровительство и оставляю на службѣ, если только онъ совершенно правъ въ этомъ происшествіи».

Въ апрѣлѣ 1847-го года былъ учрежденъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Анненкова объ уничтоженіи гражданскихъ чиновъ. Графъ Клейнмихель доложилъ Государю, что товарищу его, генералъ-лейтенанту Рокасовскому, какъ старшему въ чинѣ, обидно находится подъ предсѣдательствомъ младшаго.

— Во первыхъ,—отвѣчалъ Государь,—никому нельзя обижаться, находясь подъ предсѣдательствомъ моего генералъ-адъютанта, а, во вторыхъ, странно то, что Рокасовскій вздумалъ чиниться въ комитетѣ объ уничтоженіи чиновъ.

Государю предлагали измѣнить военную форму и одѣть войска въ казакинъ и широкія шаровары.

— Все равно,—отвѣчалъ Государь,—еслибы я велѣлъ войску одѣться даже въ спокойные халаты, то и тогда это безпокойно бы многихъ потому только, что это форма.

Во время путешествія Государя императора, въ маѣ 1844-го года, въ Лондонъ, онъ, прибывъ неожиданно рано утромъ въ Берлинъ, проѣхалъ прямо въ домъ нашего посольства. Посланникъ нашъ, баронъ Мейндорфъ, не ожидая посѣщенія такого высокаго гостя, спалъ преспокойно. Его разбудили; онъ отъ удивленія нескоро могъ образумиться, а между тѣмъ Государь уже вошелъ къ нему въ спальню и, найдя его въ халатѣ, сказалъ съ пріятливою усмѣшкой:

— Извини, любезный Мейндорфъ, что я такъ рано помѣшалъ твоимъ дипломатическимъ занятіямъ.

Французскій посоль, графъ Ла-Ферронне (La Ferronne), послѣ аудиенціи своей у государя Николая Павловича, весьма справедливо сказалъ объ немъ:

— Je viens de voir Pierre le Grand civilisé.

Въ сентябрѣ 1847-го г. вышло въ свѣтъ сочиненіе профессора Устрялова: «Историческое обозрѣніе царствованія императора Николая Павловича». Сочиненіе это кромѣ цензуры было прежде напечатанія просматриваемо самимъ Государемъ, который вычеркнулъ и поправилъ многое; въ особенности то, что приправлено было пухлою лестію. Такъ, въ одномъ подобномъ мѣстѣ, Государь нарисовалъ ослиныя уши, а въ другомъ маску, дразнившуюся языкомъ. Въ такомъ видѣ это сочиненіе было возвращено въ цензурный комитетъ для храненія, но, недѣли черезъ двѣ, его потребовалъ къ себѣ обратно министръ двора. Въ этомъ сочиненіи, на стр. 35-й, Устряловъ, описывая затруднительное положеніе Закавказскаго края во время вторженія туда въ 1826 г. персіянъ, между прочимъ сказалъ: «Въ такихъ обстоятельствахъ генералъ Ермоловъ донесъ императору, что онъ не чувствуетъ въ себѣ силы начальствовать войсками въ подобное время, и просилъ присылки довѣреннаго лица. Государь послалъ къ нему генералъ-адъютанта Паскевича, а впоследствии графа Дибича». Ермоловъ, жившій въ Москвѣ, прочитавъ это, написалъ къ сочинителю 17-го сентября 1847 г. весьма замѣчательное письмо ...

(Письмо это напечатано въ «Русской Старинѣ», изд. 1872 г., томъ VI, стр. 290).

Въ этомъ сочиненіи Устряловъ, описывая всѣ улучшения и усовершенствованія, сдѣланныя императоромъ для образованія иношества всѣхъ сословій Россіи, весьма удачно и справедливо выразился, сказавъ: «всѣ учрежденія, въ совокупности съ прежними, осуществляютъ наконецъ мысль Бѣдкаго, плѣвившую своимъ величіемъ Екатерину II и устрашившую даже ее своею огромностью, мысль — создать новую породу людей со всѣми добрыми свойствами стараго поколѣнія, но безъ его недостатковъ и предрасудковъ».

На одной изъ гауптвахтъ Петербурга содержались подъ арестомъ два офицера: гвардейскій и морякъ, ластоваго экипажа. По вступленіи караула, которымъ начальствовалъ другъ и товарищъ гвардейца, онъ былъ отпущенъ на нѣсколько часовъ домой; морякъ, завидуя этому и недовольный обращеніемъ съ собою караульнаго офицера, сдѣлалъ объ отпускѣ арестанта доносъ. Обоихъ гвардейцевъ предали военному суду, который приговорилъ ихъ къ разжалованію въ солдаты; но Государь положилъ слѣдующую резолюцію:

— «Гвардейскихъ офицеровъ перевести въ армию, а морскому—за доносъ дать въ награду третное жалованье съ прописаніемъ въ формулярѣ, за что именно онъ эту награду получилъ».

По признаніи нашимъ дворомъ въ концѣ 1848 г. французской республики, отъ главы ихъ правительства, генерала Каваньяка, былъ присланъ посланникомъ дивизионный генералъ Лефло. Послѣ представленія его Государю, Его Величество прошелъ къ Императрицѣ, которая спросила:

— Eh bien, Le flot vous apporte la République?

— Et le flot qui l'apporte recule épouvanté ¹⁾,—сказала Государь.

Знаменитый романистъ Александръ Дюма весьма остроумно отвѣчалъ, когда при немъ изъявляли боязнь о появленіи холеры въ Парижѣ:

— Ne craignez-pas, le choléra ne viendra pas à Paris, parce qu'il aurait trop peur d'attraper la république rouge.

Бывшій въ 1849 г. французскій посланникъ, дивизионный генералъ Ламорисьеръ, получивъ извѣстіе, что его правительство остановило французскій флотъ, который вслѣдъ за англійскимъ шелъ въ Дарданеллы, по случаю возникшаго несогласія съ нашимъ дворомъ о занятіи войсками Молдавіи и Валахіи, сказалъ объ этомъ Государю.

— Donc la France n'est plus à la remorque de l'Angleterre,—отвѣчалъ ему Императоръ.

Въ 1848 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій, при докладѣ Государю о наградѣ предсѣдателя департамента управы благочинія, Клевенскаго, за отличіе чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, на возраженіе Его Величества: не рано-ли?—отвѣчалъ: «О нѣтъ, вѣдь это брилліантъ между чиновниками». Впослѣдствіи, когда открылось, что Клевенскій самымъ наглýmъ образомъ украсть въ управѣ 156,000 руб. сер., Государь сказалъ министру двора, показывавшему ему для выбора брилліанты, назначенные для невесты Великаго Князя Константина Николаевича:

— «Отошли ихъ прежде показать Перовскому—вѣдь онъ знатокъ въ брилліантахъ».

¹⁾ Извѣстный стихъ изъ «Федры», трагедіи Расина.

Однажды Государь, играя въ своемъ избранномъ кругу въ вистъ-преферансъ, объявилъ игру безъ козырей:

— Ваше величество конечно изволили забыть, что игры безкозырные запрещены,—сказалъ стоявшій подлѣ графъ Орловъ.

— Да,—отвѣчалъ Государь,—но вѣдь я самъ козыри!

Когда вмѣсто умершаго графа Толля назначили главноуправляющимъ путями сообщеній графа Клейнмихеля, то великій князь Михаилъ Павловичъ сказалъ:

— «Клейнмихель ist Toll geworden».

Въ Офицерской улицѣ ¹⁾, недалеко отъ Большаго театра, находится трактиръ «Hôtel du Nord», который существовалъ еще въ 1840-хъ годахъ, и здѣсь, по близости дома интендантства и комиссаріатской комиссіи съ огромными складами вещей, собирались чиновники, подрядчики и казначей, командированные за полученіемъ вещей и денегъ. Здѣсь совершались завтраки, угощенія и обѣды въ знакъ дружбы или благодарности.

Однажды императоръ Николай проѣзжалъ мимо этого трактира; направляясь отъ Театральной площади въ саняхъ въ одиночку, видѣть, что оттуда выходитъ офицеръ, довольно замѣтно пошатываясь. Государь велѣлъ остановиться и подозвалъ рукою офицера, который хотя и нетвердо, но быстро подбѣжалъ и приложилъ руку къ козырьку каски.

— Что бы ты сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ, еслибы встрѣтилъ офицера въ такомъ видѣ?

— Я, я бы, ваше императорское величество, съ подобною свиньей совсѣмъ бы не разговаривалъ.

— Возьми поскорѣй извозчика, поѣзжай домой и проспись,—сказалъ Государь улыбаясь.

Генералъ Л., передававшій анекдотъ, видѣлъ всю эту сцену изъ-за угла дома и, когда Государь уѣхалъ, пошелъ навстрѣчу офицеру и спросилъ—въ чемъ дѣло. Офицеръ, со слезами на глазахъ,

¹⁾ Этотъ и слѣдующіе десять рассказовъ вставлены въ это собраніе изъ сообщенія полковника И. П. Афанасьева, бывшаго въ сороковыхъ годахъ смотрителемъ конногвардейскаго госпиталя въ Петербургѣ, а потомъ смотрителемъ госпиталя въ Варшавѣ. Рукопись г. Афанасьева доставлена г. Масловымъ. Рассказы г. Афанасьева носятъ на себѣ характеръ нѣкоторой сочиненности и интересны лишь въ виду того, что они были очень распространены въ свое время.

разсказалъ, какъ милостиво, по-отечески, поступилъ съ нимъ Государь, и прибавилъ, что онъ первый годъ только избранъ обществомъ офицеровъ казначеемъ и сегодня, послѣ приѣмки вещей, былъ приглашенъ сдатчикомъ на завтракъ, за которымъ выпилъ два бокала шампанскаго почти натошакъ, а такъ какъ онъ никогда ничего не пилъ, то вдругъ и ошьянѣлъ.

Въ 1853 году, императоръ Николай, будучи въ Варшавѣ, посѣтилъ военный госпиталь, въ которомъ я состоялъ смотрителемъ по высочайшему повелѣнію ¹⁾. Обойдя палаты и попробовавъ хлѣбъ и пищу въ кухнѣ, Его Величество обратился къ сопровождавшему его князю Паскевичу:

— Иванъ Федоровичъ, пища такъ хороша, что намъ съ вами можно записаться на обѣдъ.

По окончаніи обзора, Императоръ направился къ выходу и въ сѣняхъ изволилъ надѣть шинель, поданную ему моимъ помощникомъ въ то время, какъ казакъ надѣвалъ шинель князю Паскевичу.

— Афанасьевъ, — изволилъ милостиво обратиться ко мнѣ Государь, — чья шинель лучше, моя или фельдмаршала?

Я отвѣчалъ, что у его свѣтлости шинель лучше.

— Это потому, — продолжалъ Государь, — что я меньше его получаю.

— Потому, ваше императорское величество, — замѣтилъ князь Паскевичъ, — что моя шинель только выслуживаетъ срокъ, а ваша уже выслужила.

Государь изволилъ милостиво благодарить меня, простился и уѣхалъ.

Императоръ Николай Павловичъ имѣлъ обыкновеніе прогуливаться рано утромъ и проходилъ по Адмиралтейскому бульвару, Английской набережной и Милліонной улицѣ. Однажды, въ пятницу на вербной недѣлѣ, онъ замѣтилъ впереди съ узелкомъ солдата, который быстро шмыгнулъ въ ворота. Государь поравнялся и своимъ могучимъ голосомъ сказалъ:

— Солдатъ, поди сюда!

Солдатъ немедленно появился предъ Государемъ и, какъ ни струсилъ, отдалъ подобающую честь.

— Кто ты такой?

¹⁾ Разсказываетъ И. П. Афанасьевъ.

— Безрочно-отпускной N—пѣхотнаго полка.

— Что ты несешь?

— Собственную работу, ваше императорское величество, продавать на вербу.

— Покажи.

Солдаты развязываетъ узелъ, въ которомъ находилось нѣсколько табакерокъ изъ пальемаше, съ разными изображеніями и рисунками, сдѣланными несовсѣмъ аляповато.

— Самъ дѣлалъ?

— Точно такъ, ваше императорское величество, собственное произведеніе.

Государь взялъ въ руки одну, на крышкѣ которой былъ нарисованъ портретъ Наполеона I-го.

— У тебя есть свой императоръ, почему же ты чужаго нарисовалъ?

— Своему здѣсь быть не годится, ваше императорское величество.

— Почему же?

Солдаты берутъ изъ узла еще подобную табакерку и начинаютъ объяснять:

— Когда желаютъ понюхать, сейчасъ французскаго короля по носу (солдаты стучатъ по крышкѣ двумя пальцами по обычаю табаконюховъ); а какъ понюхаютъ: чхи! (чихаетъ)—здравія желаю, ваше императорское величество!—извольте посмотрѣть.—И онъ показываетъ на внутренней сторонѣ крышки довольно схожій портретъ императора Николая Павловича.

Государь разсмѣялся, велѣлъ солдату отобрать ему три такихъ табакерки и, заплативъ за произведенія 50 руб., направился въ квартиру князя Паскевича, который былъ въ это время въ Петербургѣ. Князь Иванъ Федоровичъ еще спалъ.

— Вставай, отецъ командирь,—провозгласилъ Государь,—я тебѣ съ вербы подарокъ принесъ,—и Николай Павловичъ смѣясь рассказалъ объясненія солдата.

Въ другой разъ, во время севастопольской кампаніи, только-что Государь вышелъ на прогулку, — откуда ни возьмись два старика: упали на колѣна и держатъ вверхъ бумаги.

— Встаньте, о чемъ вы просите?—сказалъ императоръ Николай.

— Батюшка государь, у насъ сыновей неправильно взяли въ солдаты.

— Теперь не время наводить справки; я самъ послалъ на войну двухъ сыновей: надо родину защищать!

— Батюшка,—сказалъ одинъ прослезившись,—возьми у меня еще одного; малому только 20 годковъ, а парень-то ражій.

— Спасибо, старики, теперь пока еще не нужно,—и Государь изволилъ направиться дальше, а старики утѣшились и забыли о просьбѣ.

Любимою лѣтнею резиденціей императора Николая Павловича былъ Петергофъ, гдѣ онъ часто катался и гулялъ. Однажды онъ отправился на прогулку съ министромъ двора, княземъ П. М. Волконскимъ. Императоръ и министръ были одѣты запросто: въ сюртукахъ безъ эполетъ и въ фуражкахъ. Прогуливались они довольно долго и, разговаривая, зашли до отдаленной деревни; а когда повернули назадъ, то незамѣтно свернули съ прежней дороги, и на пути имъ встрѣтилось болото. Возвращаться было уже далеко, а обходить—большой крюкъ.

Между тѣмъ, Государь замѣтилъ въ полѣ здороваго молодого крестьянина, собиравшаго сѣно. Онъ подовалъ его къ себѣ и спросилъ:

— Можно-ли безопасно пройти черезъ болото?

— Да мы всѣ по немъ ходимъ,—отвѣчалъ мужикъ.

— Такъ не можешь-ли ты перенести меня на ту сторону болота — я тебѣ за это заплачу?

Крестьянинъ, вѣроятно, или не узналъ въ сумеркахъ, или никогда прежде не видалъ Государя:—принялъ его за генерала и, сообразивъ свои силы съ ростомъ императора, отвѣчалъ:

— Что же, очень можно, ваше превосходительство.

Потомъ онъ могучими руками обхватилъ ноги Государя, пошелъ по водѣ, которая на срединѣ болота была глубже, и благополучно доставилъ Императора на сухое мѣсто.

Князь Волконскій оставался на другомъ берегу и ожидалъ возвращенія крестьянина, чтобы и съ своей стороны воспользоваться его услугой. Государь далъ мужику 25 рублей и сказалъ, чтобы онъ какъ можно осторожнѣе несъ его товарища, какъ стараго генерала, и только бы слушалъ, что онъ будетъ ему говорить. Крестьянинъ, обрадованный необыкновеннымъ вознагражденіемъ, опрометью бросился черезъ болото обратно и принялъ на плечи князя П. М. Волконскаго. Когда крестьянинъ былъ среди болота, Государь закричалъ ему:

— Держи генерала крѣпче и остановись: ты несешь министра императорскаго двора.

Потомъ, когда крестьянинъ остановился, Императоръ обратился къ князю Волконскому:

— Князь, сколько ты дашь? Я далъ 25 рублей.

— Я дамъ столько же, сколько и вы,—отвѣчалъ тотъ.

— Нѣтъ,—возразилъ Государь,—ты долженъ дать больше, ты толще меня.

— Я дамъ 50 рублей,—закричалъ министр, чувствовавшій, что положеніе его становится критическимъ, потому что, или отъ утомленія, или начиная сознавать истину, крестьянинъ сталъ дрожать и подгибать колѣни.

— Хорошо,—сказалъ царь,—держи его крѣпче и неси бережно.

Цѣнный грузъ былъ доставленъ и крестьянинъ получилъ условленную плату, а когда онъ узналъ, что его сѣдоками были дѣйствительно царь Николай и его министр, онъ такъ растерялся, что сталъ, вмѣсто благодарности, креститься....

Посланный спѣшно по казенной надобности офицеръ, на одной почтовой станціи, долго не могъ получить лошадей и, для повѣрки словъ зрителя, что лошади всѣ въ разгонѣ, потребовалъ книгу, въ которую вносился расходъ лошадей. Но зритель, вмѣсто немедленнаго исполненія законнаго требованія проѣзжаго, съ дерзостью и ругательствомъ толкнулъ офицера; тотъ въ запальчивости выхватилъ бывшій при немъ пистолетъ и убилъ наповалъ зрителя; потомъ самъ же объявилъ о случившемся и отдался въ руки правосудія. Судъ приговорилъ его къ разжалованію и лишенію всѣхъ правъ состоянія. Но когда приговоръ былъ внесенъ на конфирмацію императора Николая Павловича и онъ выслушалъ обстоятельства дѣла, то спросилъ: «Почему ушучено изъ вида, что офицеръ совершилъ преступленіе неумышленно, схватилъ пистолетъ не сходя съ мѣста и наказалъ негодя за личное оскорбленіе и кровную обиду?» и написалъ резолюцію:

— «Офицера Н. Н. предать самому строгому церковному покаянію и обойти назначенный срокъ производствомъ въ слѣдующій чинъ».

Извѣстный артистъ Императорскихъ театровъ покойный А. Е. Мартыновъ ¹⁾, разстроивъ свое здоровье трудами на сценѣ и веселымъ образомъ жизни, обратился къ бывшему министру двора князю Волконскому съ просьбою отпустить его для излеченія за границу, съ выдачею денежнаго пособія. Но Волконскій ему отказалъ, объяснивъ и причину отказа. Мартыновъ на этомъ не остановился. Узнавъ, когда императоръ Николай Павловичъ запросто бываетъ у

¹⁾ „РУССКАЯ СТАРИНА“, ТОМЪ XXVI, 1879 Г., ОКТЯБРЬ.

министра двора, онъ явился къ этому времени въ приѣмную князя Волконскаго, не задолго предъ приходомъ государя.

— Зачѣмъ ты здѣсь, Мартыновъ?—спросилъ императоръ, проходя мимо артиста.

— Чтобъ повторить мою просьбу объ оказаніи мнѣ денежнаго пособія и объ отпускѣ за границу, ваше величество.

— Иди за мной, я буду просить за тебя министра.

Входя вмѣстѣ съ Мартыновымъ въ кабинетъ Волконскаго, государь сказалъ, обращаясь къ хозяину:

— Князь, я привелъ къ тебѣ просителя... Да—прежде (Государь обернулся къ Мартынову) ты долженъ представить меня министру.

Мартыновъ смутился и проговорилъ:

— Ваше императорское величество, не сумѣю этого сдѣлать, потому что никогда не дерзалъ даже помыслить, какъ мнѣ изобразить вашу особу.

— Вадоръ, какъ умѣешь, такъ и покажись, все останется между нами.

Нечего было дѣлать, Мартынову приходилось принять на себя царственную роль.

— Позвольте мнѣ имѣть каску вашего величества.

Государь разсмѣялся и подалъ актеру свою каску. Тутъ слѣдуетъ замѣтить для тѣхъ, кто не зналъ Мартынова, что онъ былъ довольно худъ, небольшого роста, и, слѣдовательно, царская каска была ему и широка и высока. Получивъ каску, Мартыновъ надѣлъ ее на себя, тотчасъ вытанулся, отставилъ правую ногу впередъ и, поднявъ голову, обратился къ министру двора, подражая голосу императора:

— А какъ, ваша свѣтлость, довольны-ли вы актеромъ Мартыновымъ?

Потомъ, не дожидаясь отвѣта, внезапно снялъ каску, сталъ передъ императоромъ въ позу министра и совершенно его голосомъ отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ:

— Очень доволенъ, ваше величество!

Во все время этой сцены Государь смѣялся.

Мартыновъ опять надѣлъ каску, принялъ царственный видъ и тономъ императора произнесъ:

— Если вы, князь, довольны Мартыновымъ, то выдайте ему скорѣй 1,000 руб. сер.

Снова снявъ каску и становясь въ почтительной позѣ министра, Мартыновъ отвѣчалъ смѣло и громко голосомъ князя Волконскаго:

— Тотчасъ будетъ исполнено, ваше величество.

Государь, не переставая смѣяться, сказалъ:

— Если Мартыновъ моимъ именемъ приказалъ выдать ему 1,000 руб., то и выдай ему поскорѣе. Онъ того стоитъ какъ совершенный комикъ! Спасибо, потѣшилъ насъ, да постарайся вести себя хорошенъко и береги свое здорювье.

Покойный Мартыновъ съ особеннымъ умилеиёмъ рассказывалъ объ этомъ случаѣ царской къ нему милости и великодушiя ¹⁾).

На встрѣчу императору Николаю Павловичу попадаетъ на улицѣ пьяный морякъ, изрядно пошатываясь и выписывая мыслете.

Государь останавливается и спрашиваетъ:

— Морякъ, что это ты дѣлаешь?

— Лавирую, ваше величество.

— Откуда держишь курсъ?

— Изъ-подъ Невскаго, ваше величество.

— Гдѣ гавань?

— Въ Адмиралтействѣ.

— Велика-ли качка?

— Надѣюсь, судно доставить благополучно, ваше величество.

— Ступай, да смотри, чтобы не бросило тебя на мель.

— Никакъ нѣтъ, ваше императорское величество, первый большой валъ миновалъ благополучно, а втораго ²⁾ надѣюсь не встрѣтить.

Тому же государю попадаетъ пьяный драгунъ, нижнiй чинъ, ѣхавшiй на извозикѣ. Въ то время это было большимъ проступкомъ противъ дисциплины и солдатъ, встрѣтивъ императора, нѣсколько струхнулъ, но вскорѣ оправился, вынулъ саблю изъ ноженъ и салютовалъ.

— Драгунъ, что ты дѣлаешь?—сказалъ Государь укоризненнымъ тономъ.

Драгунъ-малороссъ отвѣчалъ лаконически:

— Пьянаго драгуна на гауптвахту везу, ваше императорское величество.

Государь улыбнулся, далъ ему 5 рублей и приказалъ ѣхать домой.

Наградивъ за какое-то особое отличiе одного гвардейскаго офицера Аннинскимъ крестомъ, императоръ Николай Павловичъ, на разводѣ, увидѣвъ этого офицера, вспомнилъ и про отличiе и про награду.

¹⁾ Анекдотъ этотъ былъ, кажется, гдѣ-то помѣщенъ, но нѣтъ неправильной редакци, а здѣсь онъ записанъ со словъ самого артиста А. Е. Мартынова.

²⁾ Морякъ намекнулъ на великаго князя Михаила Павловича.

И. П. Афанасьевъ.

— Ну что, доволенъ-ли ты Анной?

— Покорнѣйше благодарю, ваше императорское величество, только....

— Что только?

— Она скучаетъ за Владиміромъ.

— Ну, пусть ее поскучаетъ, еще раненько ей думать о Владимірѣ.

Студентъ университета Т—й замѣшанъ былъ въ извѣстномъ дѣлѣ Петрашевскаго, и ему грозило тяжкое наказаніе. Сидя въ казематѣ и душевно томясь ожиданіемъ рѣшенія своей участи, ему пришла въ голову счастливая мысль написать государю письмо; въ письмѣ этомъ, изложивъ подробно всю жизнь свою отъ рожденія и вплоть сознаваясь въ своемъ заблужденіи, онъ просилъ государя только объ одномъ, чтобы онъ лично въ душѣ его простилъ. По докладу этого письма, императоръ Николай Павловичъ подписалъ на немъ:

«Во первыхъ, душевно прощаю, во вторыхъ, кто такъ чувствуетъ, тотъ заслуживаетъ прощеніе. Богъ съ нимъ, пусть заслужитъ противу непріятеля, опредѣлить его рядовымъ на Кавказъ».

Это было въ 1849 году, а въ 1857-мъ Т—й, подпоручикъ храбраго Кабардинскаго полка и украшенный Георгіевскимъ крестомъ, возвратился съ Кавказа.

Великій князь Михаилъ Павловичъ, присутствовавшій однажды въ засѣданіи правительствующаго сената, встрѣтилъ при входѣ молодого человѣка, очень бѣдно и даже неопратно одѣтаго, который, остановившись, почтительно поклонился его высочеству.

— Кто вы такой? — спрашиваетъ великій князь.

— Чиновникъ сената Б.

— Отчего такъ дурно и бѣдно одѣты?

— Получаю очень малый окладъ содержанія, а у меня на попеченіи мать и двѣ малолѣтнихъ сестры.

— Отправьтесь ко мнѣ во дворецъ и тамъ скажите полковнику Бибикову, что я приказалъ, чтобы мой портной васъ прилично одѣлъ.

Вслѣдъ за тѣмъ великій князь быстро вошелъ въ зданіе сената. Обрадованный бѣдный чиновникъ тотчасъ же отправился къ Бибикову и передалъ ему приказаніе Михаила Павловича. Бибиковъ написалъ портному записку:

«По повелѣнію его высочества, подателя, сенатскаго чиновника, одѣть прилично, а по окончаніи представить счетъ въ контору двора его высочества».

Чиновникъ широко воспользовался счастливымъ случаемъ и милостью великаго князя. Онъ заказалъ придворному портному не только все необходимое, но даже полный, приличный и отчасти франтовской гардеробъ. Приличная виѣшность молодого человѣка и участіе къ нему великаго князя вскорѣ обратили на него вниманіе начальства и онъ получилъ повышеніе по службѣ. Занятый новыми обязанностями и усиленными трудами, молодой человѣкъ со дня на день откладывалъ свою нравственную обязанность представиться его высочеству и поблагодарить за оказанное благодѣяніе, а можетъ быть, и не рѣшался на это. Между тѣмъ, портной представилъ въ придворную контору счетъ на сумму около 4,000 руб. асс. При докладѣ объ этомъ великому князю, Михайль Павловичъ пожелалъ видѣть экипированнаго имъ чиновника, который и явился на другой же день.

Великій князь, увидя передъ собой молодого человѣка, франтовски одѣтаго, не узналъ его и, по видимому, строго спросилъ: кто онъ такой. Назвавъ себя, чиновникъ, со слезами на глазахъ, началъ благодарить его высочество и просилъ извиненія, что позволилъ себѣ злоупотребить милостью и щедротами великаго князя, и заказалъ себѣ полный гардеробъ, но что онъ былъ въ такомъ положеніи, что еслибы портной могъ сдѣлать ему сапоги, то онъ и ихъ бы ему заказалъ.

— За то,—продолжалъ чиновникъ,—черезъ милость и вниманіе ко мнѣ вашего высочества я получилъ высшее назначеніе и прибавку жалованья, такъ что мнѣ остается теперь только трудиться, благословлять свою судьбу и, вмѣстѣ съ матерью и сестрами, молиться за благоденствіе вашего высочества.

— Подождите,—сказалъ великій князь.

По окончаніи представленій и аудіенціи, Михайль Павловичъ удалился въ кабинетъ и послалъ узнать, ожидаетъ ли его въ залѣ сенатскій чиновникъ, а когда доложили, что онъ здѣсь, великій князь вышелъ къ нему съ веселымъ видомъ и сказалъ:

— Очень, очень радъ, что мой портной исполнилъ всѣ ваши заказы, а вотъ вамъ и на сапоги.

Оказалось, что великій князь вручилъ ему 150 руб. асс.

Глубоко тронутый чиновникъ успѣлъ только поцѣловать руку его высочества, который сейчасъ же удалился. Не менѣе облагодѣтельствованнаго, по словамъ рассказчика, былъ тронутъ и самъ высокій благодѣтель. По возвращеніи въ кабинетъ, онъ сказалъ присутствующему:

— Слава Богу, все сдѣланное мною, кажется, досталось въ честныя и трудовыя руки; пока онъ устроенъ хорошо.

Потомъ тотчасъ же взялъ со стола счетъ портнаго и помѣтилъ на немъ «уплатить».

Великій князь Михайлъ Павловичъ благоволилъ къ офицеру Московскаго полка Булгакову, за остроуміе и находчивость прощалъ ему многія смѣлыя шалости и проступки. Въ то время существовалъ приказъ по арміи, чтобы офицеры не носили калошъ. Проѣзжая однажды по улицѣ, Михайлъ Павловичъ встрѣтилъ Булгакова въ калошахъ.

— Булгаковъ,—вскричалъ великій князь,—калоши... калоши... на гауптвахту!

Булгаковъ молча отдалъ подобающую честь, а великій князь уѣхалъ.

На другой день великій князь послалъ освободить Булгакова, думая, что онъ находится на гауптвахтѣ, но посланный доложилъ, что Булгаковъ былъ тамъ вчера и, по приказанію его высочества, оставилъ дежурному офицеру свои калоши, которыя и приняты новымъ дежурнымъ.

Великій князь вспомнилъ, въ какой формѣ онъ отдалъ приказъ Булгакову, улыбнулся и проговорилъ: «Вотъ я его!»

Извѣстная актриса** вышла замужъ за актера Sonnet ¹⁾.

— C'est fort bien,—сказалъ великій князь, узнавъ объ этой новости,—mais il ne faut pas qu'elle fasse des petits sans sonnet.

Однажды,—это было во время войны грековъ за свою независимость,—когда великій князь разговаривалъ съ государемъ во дворцѣ объ этомъ дѣлѣ, дверь въ комнатѣ отъ сквознаго вѣтра скрипѣла.

— Что это такое?—сказалъ Государь.

— C'est la porte, Sire,—отвѣчалъ Михайлъ Павловичъ,—qui demande la graisse.

На придворномъ балѣ офицеръ гвардейскихъ донскихъ казаковъ, танцуя съ фрейлиною, смѣшался отъ ея неожиданнаго умнаго вопроса. Великій князь Михайлъ Павловичъ, стоявшій сзади ихъ, тотчасъ подошелъ къ ловкой фрейлинѣ и сказалъ:

— Mlle, pardonnez-le; il a la parole du Don, mais pas le don de la parole.

¹⁾ Всѣ слѣдующіе разказы приводимъ изъ Записокъ Б-го

Зимній дворець, отъ трещины въ одной изъ дымовыхъ трубъ, сгорѣлъ въ 1837 году. Волею царя черезъ годъ онъ уже былъ отстроенъ, и царская фамилія снова жила въ немъ. Государь, за эту почти сказочную поспѣшность, осыпалъ наградами всѣхъ участвовавшихъ въ постройкѣ дворца и сверхъ того далъ медали на голубой лентѣ: князю Волконскому, князю Долгорукову и Клейнмихелю—золотныя, осыпанныя брилліантами; прочимъ—золотныя и серебряныя, по разрядамъ; причеиъ генераль-адъютантъ Клейнмихель, какъ главный распорядитель постройки, пожалованъ графомъ. Съ небольшимъ черезъ годъ послѣ этого и, кажется, 13-го іюня 1841 г., потолокъ огромной Георгіевской залы обрушился, отъ дурно расчитанной тяжести сводовъ. Государь очень огорчился этимъ происшествіемъ.

Черезъ нѣсколько времени, въ сопровожденіи великаго князя Михаила Павловича и графа Клейнмихеля, осматривая развалины этой залы, Государь сказалъ, обращаясь къ великому князю:

— *Comme c'est dommage; que des pertes!*

— *Oui, Sire, mais au reste le compte est déjà fait,*—отвѣчалъ Михаилъ Павловичъ, показывая на Клейнмихеля.

Государь, понявъ каламбуръ, улыбнулся и присовокупилъ:

— А я еще на медаляхъ велѣлъ выбить: «благодарю».

— Что же, ваше величество,—сказалъ великій князь,—теперь прикажите на другой сторонѣ выбить: «не стоитъ благодарности».

При нашемъ дворѣ говорили, что французы теперь не хотятъ ничего и никого слушать.

— *Mais c'est très juste,*—сказалъ в. кн. Михаилъ Павловичъ,—*comment voulez-vous qu'ils entendent s'ils ont perdu l'ouï (Louis)?*

Въ другой разъ при его высочествѣ разсуждали, что французы до сихъ поръ почти ничего не сдѣлали.

— Напротивъ, господа,—сказалъ его высочество,—*ils ont balayé la cour et les deux chambres.*

Когда пришло извѣстіе о происшествіяхъ въ Берлинѣ, гдѣ (покойный) король велъ себя неладно, и (былъ) извѣстенъ страстью своею къ вину вообще и шампанскому въ особенности, то в. кн. Михаилъ Павловичъ сказалъ:

— Вотъ два короля, погибающіе отъ женщинъ: баварскій—отъ испанки Монтесть, а прусскій—отъ вдовы Клико.

Въ эту же эпоху, кто-то весьма остроумно сказалъ:

— Les Français savent très bien faire des barricades, mais point mettre des barrières.

Когда кроатскій банъ Теллачичъ, принявъ сторону императора австрійскаго, со всѣмъ войскомъ двинулся на усмиреніе взбунтовавшейся Вѣны, то в. кн. Михайлъ Павловичъ сказалъ:

— Enfin l'empereur d'Autriche a trouvé un banc (Ban) pour se reposer.

Князь Остенъ-Сакенъ.

Князь Фабіенъ Вильгельмовичъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ, фельдмаршалъ и главнокомандующій 1-й арміи, имѣлъ въ продолженіе своей 85-ти-лѣтней жизни странныя противоположности: 1-е) Въ 1806 и 1807 годахъ, онъ, какъ военноплѣнный, жилъ въ Парижѣ не слишкомъ завидно; а въ 1814 г., въ томъ же Парижѣ, былъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, и получилъ отъ жителей, въ знакъ благодарности за справедливое и кроткое управленіе, шпагу, осыпанную брилліантами. 2-е) Въ 1810 г., Сакенъ, преданный суду, проживалъ въ Петербургѣ, терпѣлъ много неприятностей, а въ 1820 и 1821 годахъ, онъ жилъ тамъ, какъ главнокомандующій, и эта сибирская столица была его главною квартирою, и 3-е) Съ начала польской войны изъ арміи Сакена начали постепенно отдѣлять войска въ дѣйствующую армію. Наконецъ это дошло до того, что фельдмаршалъ, имѣя все еще громкое названіе главнокомандующаго, остался съ однимъ своимъ штабомъ вовсе безъ войска.

Князь Сакенъ былъ извѣстенъ за хорошаго генерала—въ нѣмецкомъ вкусѣ; особенно его прославилъ Каубакское сраженіе, выигранное имъ у французовъ въ 1813 году. Постоянно, до самой смерти, Фабіенъ Вильгельмовичъ любилъ вино и женщинъ; до послѣднихъ такой былъ охотникъ, что и корпусъ вѣрренной ему арміи не иначе ѣздилъ осматривать, какъ въ сопровожденіи, по крайней мѣрѣ, двухъ любовницъ. Онъ имѣлъ также одну странность: терпѣть не могъ, чтобы написанное или подписанное имъ было засыпано пескомъ. При докладѣ, обыкновенно, бумаги, имъ подписанныя, до просушки чернилъ раскладывали по столамъ, стульямъ и окошкамъ.

Сказываютъ, но врядъ-ли справедливо, что Сакенъ велъ на нѣмецкомъ языкѣ журналъ всей своей долголѣтней службы, и что въ этомъ журналѣ написаны по русски только слѣдующія слова:

— «Данилевскій, подлый холопъ фанфарона Чернышева».

Князь Паскевичъ.

Когда, послѣ взятія штурмомъ Варшавы и усмиренія Польши, князь Варшавскій прїѣхалъ въ Петербургъ, то Государь, по обыкновенію, пригласилъ его къ разводу.

Фельдмаршалъ въ назначенный часъ является въ Михайловскій манежъ, входитъ—и что же? Ему бьютъ полный походъ при крикахъ «ура!» гвардейскіе баталіоны салютуютъ знаменами и отдають честь, а самъ Императоръ идетъ на встрѣчу и, преклоняя предъ нимъ обнаженную шпагу, говоритъ:

— Князь Иванъ Ѳеодоровичъ, именемъ отечества благодарю васъ.

Паскевичъ, не ожидавшій такого торжественнаго приѣма, заплакалъ и упалъ на колѣна предъ Государемъ, который его поднялъ, обнял и три раза поцѣловалъ.

Вотъ, я думаю, самая высокая минута изъ всей жизни князя Варшавскаго.

Гр. Е. Ѳ. Канкринъ.

Графъ Канкринъ 21 годъ управлялъ министерствомъ финансовъ. Можно смѣло сказать, что Россія по этой важнѣйшей отрасли государственнаго управленія не имѣла и врядъ-ли скоро будетъ имѣть подобнаго ему министра, соединявшаго съ высокимъ умомъ глубокую ученость и практическія свѣдѣнія. Канкринъ, воспитывавшійся въ одномъ изъ германскихъ университетовъ, прїѣхалъ въ Россію въ первые годы царствованія императора Александра I и, съ чиномъ коллежскаго ассесора, опредѣленъ помощникомъ къ отцу своему, управлявшему старорусскими солянными промыслами, по смерти котораго заступилъ его должность и находился въ ней до упраздненія этого управленія. Въ продолженіе, кажется, этого времени, онъ имѣлъ случай сдѣлаться извѣстнымъ графу Аракчееву. Оставшись безъ службы, Канкринъ опредѣлился къ с.-петербургскому откупщику П*, управляющимъ питейною конторою. Здѣсь онъ изучилъ совершенно эту отрасль частной промышленности и источникъ значительныхъ государственныхъ доходовъ. По рекомендаціи Аракчеева, Канкринъ получилъ управленіе иностранными колоніями, состоящими подъ управленіемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Порядокъ, устройство и отчетность, введенные имъ въ этихъ колоніяхъ, скоро выказали и обширный умъ его, и другія способности для занятія высшихъ государственныхъ должностей. По открытіи войны 1812 года, онъ былъ назначенъ генералъ-интендантомъ арміи и—примѣръ небывалый—

въ концѣ этого года изъ статскаго совѣтника произведенъ въ генералъ-майора. Управление его интендантствомъ можно назвать вполне образцовымъ; трудно повѣрить, что кампаніи 1812, 1813 и 1814 годовъ стоили Россіи только 157 милл. ассиг., и даже изъ этого количества Канкринъ составилъ экономію въ 35 милліоновъ, и о движеніи всѣхъ суммъ съ самыми глубокими замѣчаніями на счетъ недостатковъ, не только въ учрежденіи нашего интендантства, но и по другимъ предметамъ военнаго устройства, представилъ самый вѣрный и подробный отчетъ къ 1-му марта 1815 года. Послѣ сего Канкрину поручено было произвести ликвидацію въ Австріи и Пруссіи; говорятъ, что за то, чтобы онъ принялъ къ уплатѣ всѣ росписки нашихъ войскъ, ему предлагали милліонъ рублей, но онъ съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе, и Россія, вмѣсто 100 милліоновъ, заплатила только 60 милліоновъ ликвидационныхъ суммъ. Послѣ этихъ дѣйствій Канкринъ сталъ высоко во мнѣніи императора Александра I и, по увольненіи графа Гурьева, былъ назначенъ министромъ финансовъ. Двадцать одинъ годъ управлялъ Канкринъ этою обширною и многотрудною частью; благоразумныя, направленныя ко благу государства дѣйствія съ каждымъ годомъ усиливали къ нему довѣренность государя, приобрѣтали новыя милости и, къ сожалѣнію, увеличивали число завистниковъ и враговъ. Въ послѣднее время его управленія финансами, главнѣйшими врагами его были: князья Меншиковъ, Любецкій, графы Киселевъ, Левашевъ и другіе. Эти люди, нападая открыто въ государственномъ совѣтѣ на всѣ предположенія и даже на самую систему финансовъ Канкрина, не упустили случая, по благородному правилу Don Basilio: «calomnions, calomnions, il en reste toujours quelque chose», часто, изъ-подтишка, клеветать на устарѣлаго тѣломъ, но не умомъ, министра ¹⁾). Такъ, однажды передали Государю, что Канкринъ нажилъ, разумѣется, непозволительнымъ образомъ, около восьми милліоновъ денегъ, хранящихся у него въ иностранныхъ банкахъ. Государь, при докладѣ, спросилъ его:

— Правда-ли, Егоръ Францовичъ, что у тебя есть восемь милліоновъ наличныхъ денегъ?

— Нѣтъ, ваше величество, не правда: у меня ихъ четырнадцать

¹⁾ Едва-ли выходка автора противъ этихъ достопамятныхъ лицъ основательна и справедлива. Такъ, напримѣръ, до сихъ поръ было много извѣстна объ открытой борьбѣ гр. Любецкаго съ гр. Канкринимъ, на аренѣ обсуждения финансовыхъ вопросовъ въ государственномъ совѣтѣ, но ничего подобнаго тому, о чемъ пишетъ разсказчикъ, не было слышно. См. біографію князя Ксаверія Друцкаго Любецкаго въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 625; т. XXII, стр. 67.

въ билетахъ разныхъ банковъ,—отвѣчалъ хладнокровно Канкринъ;—если угодно, то я покажу вамъ, какъ и составилаь эта сумма.

Въ самомъ дѣлѣ, на другой день, онъ принесть Государю отчетъ, въ которомъ подробно были означены всѣ денежные награды, данныя ему царями, и ежегодныя экономическія сбереженія отъ получаемого имъ огромнаго отъ казны содержанія—итогъ показывалъ вѣрно 14 милліоновъ.

Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ, министръ финансовъ, достигъ до этого званія единственно по своему уму и обширнымъ познаніямъ въ управленіи финансами. Онъ по службѣ прошелъ не только всѣ мелкія должности, но даже былъ бухгалтеромъ у извѣстнаго въ свое время откупщика П*. Опытъ и чтеніе всего, что только выходило въ Европѣ замѣчательнаго въ области наукъ, искусствъ и ремеслъ, сдѣлали гр. Канкринъ вполне государственнымъ человѣкомъ. Вотъ нѣкоторыя о немъ анекдоты.

Государь, по обыкновенію своему, заѣхавъ однажды нечаянно въ Горный корпусъ, нашелъ, что бѣлье на нѣкоторыхъ воспитанникахъ было несовсѣмъ чисто. Онъ послалъ флигель-адъютанта сказать объ этомъ графу Канкрину, съ тѣмъ, чтобы онъ немедленно принялъ мѣры къ отвращенію подобнаго безпорядка. Выслушавъ это отъ посланнаго, Канкринъ отвѣчалъ:

— И, батюшка, у министра финансовъ и такъ много важныхъ занятій, а бѣлье—дѣло прачки.

Говорить «батюшка» была привычка Канкринъ, и онъ величалъ этимъ именемъ всѣхъ безъ различія.

Однажды кто-то спросилъ его: знаетъ-ли онъ о новомъ открытіи по такой-то наукѣ?

— И, батюшка,—отвѣчалъ графъ,—вы лучше спросите, чего не знаетъ старый Канкринъ.

Въ началѣ 1841 года графъ давалъ первый великолѣпный балъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ назначенъ былъ министромъ. Вотъ какъ онъ дѣлалъ приглашеніе одному высокопоставленному лицу.

— Удостойте, вашество, пожаловать ко мнѣ на вечеръ.

— Что это значить? Это новость, графъ,—сказало приглашаемое лицо.

— Вотъ извольте видѣть, у меня есть двѣ дѣвки; такъ, говорятъ, чтобы ихъ скорѣе выдать замужъ, надобно давать балы, а потому я и хочу завтра попробовать одинъ.

Однажды графъ Канкринъ, бывши у Государя съ докладомъ, между прочимъ, замѣтилъ, что въ новомъ наказѣ губернаторамъ, въ положеніяхъ о дѣлахъ губернскаго правленія и земской полиціи, множество неудобствъ и несообразностей.

— Вотъ видишь-ли, графъ, — сказалъ Государь, — теперь ты это оуждаешь, а когда объ этомъ проектѣ было читано въ государственномъ совѣтѣ, то ты молчалъ и вмѣстѣ съ прочими подписалъ ихъ утверженіе.

— Ваше величество, — отвѣчалъ Канкринъ, — скорое чтеніе этихъ проектовъ было точно охота за бекасами: параграфы, какъ бекасы, летали быстро во всѣ стороны; которыхъ подмѣтилъ, тѣхъ на ходу и подстрѣлилъ на лету, ну, а прочіе — пролетѣли мимо.

По уничтоженіи лажа въ 1839 году, всѣмъ министрамъ велѣно было годовые бюджеты ихъ министерствъ переложить на серебро и представить на утвержденіе въ комитетъ министровъ, что и было исполнено. При разсмотрѣніи бюджета министерства внутреннихъ дѣлъ, графъ Канкринъ, найдя въ немъ нѣкоторыя неисправности, замѣтилъ объ этомъ, весьма вѣжливо, управляющему министерствомъ, генералъ-адъютанту графу NN. Этотъ, обидѣвшись замѣчаніемъ, отвѣчалъ:

— Не мудрено, Егоръ Францовичъ, вѣдь я никогда не былъ бухгалтеромъ.

— Ну, а я вамъ скажу на это, графъ, — сказалъ Канкринъ, — что я въ свою жизнь былъ и писцомъ, и комисіонеромъ, и казначеемъ, и бухгалтеромъ, а теперь, благодаря Бога и государя, и министр финансовъ, — только простакомъ никогда еще не бывалъ.

Въ государственномъ совѣтѣ уговаривали графа Канкринъ измѣнить запретительную систему тарифа, говоря, что торговля всѣхъ европейскихъ государствъ слишкомъ этимъ стѣснена, и кто-то присовокупилъ:

— Помилуйте, графъ, что скажетъ объ насъ Европа, если мы не измѣнимъ теперь тарифа?

— Вотъ то-то, господа, — отвѣчалъ Канкринъ, — вы всѣ только и твердите, что скажетъ Европа, а никто изъ васъ не подумаетъ, что станетъ говорить бѣдная Россія, если мы это сдѣлаемъ.

Министръ юстиціи, графъ Панинъ, представилъ комитету министровъ предположеніе о прибавкѣ въ помощь начальникамъ отдѣлений его министерства особыхъ редакторовъ, собственно для изложенія бу-

магъ. Это предположеніе было основано на томъ, что начальники отдѣленій, имѣя большую опытность въ дѣлахъ и бывъ, такъ сказать, живыми архивами, не имѣютъ того слога, который въ теперешнее время необходимъ для составленія министерскихъ бумагъ. Всѣ министры были согласны на принятіе этого предположенія графа Панина, вѣроятно, имѣя въ виду, что современемъ и они по сему примѣру опредѣлятъ въ свои министерства редакторовъ. Графъ Канкринъ былъ противнаго мнѣнія и говорилъ, что если начальники отдѣленій не имѣютъ хорошаго слога, то можно имъ дать другія, соответственныя ихъ службѣ мѣста, а вмѣсто ихъ ввѣрить отдѣленія тѣмъ, которые предназначаются быть редакторами. Всѣ министры возстали противъ этого, доказывая, что нельзя министерству лишиться опытныхъ и надежныхъ чиновниковъ.

— «Ну, господа, если вы всѣ этого хотите, то я и спорить не буду, только доложу вамъ, что эта мысль уже для меня не новая, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ покойный графъ Сперанскій имѣлъ это предположеніе для ввѣреннаго ему втораго отдѣленія собственной канцеляріи Государя Императора; но прежде нежели войти объ этомъ съ представленіемъ въ комитетъ, прислалъ проектъ на мое предварительное заключеніе, и я ему сдѣлалъ тѣ же самыя возраженія, какъ и вамъ. Графъ Сперанскій, какъ умный человекъ, согласился тогда со мною, ну, а вамъ, милостивые государи, какъ угодно».

Б.....въ, московскій вице-губернаторъ, въ 1828 г. имѣлъ любовную связь съ женою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Л., известнаго богача, который, заставъ ихъ на дѣлѣ, пошелъ жаловаться и просить объ разводѣ—графа Канкринна, какъ начальника Б..... в а.

—И, батюшка,—сказалъ Канкринъ,—это дѣло митрополита, а не министра финансовъ.

Графъ Е. Ф. Канкринъ, во многомъ схожій съ Кольбертомъ, министромъ Людовика XIV, основалъ въ Россіи выставки мануфактурной и фабричной промышленности. Эти выставки доказали, что у насъ можно выдѣлывать превосходно всѣ издѣлія для потребленія народонаселенія, но правдивый и мудрый графъ Канкринъ и самъ не обманывался, и никого не обманывалъ на счетъ успѣховъ нашей мануфактурной и фабричной промышленности, зная хорошо, что иначе выдѣлываютъ товары на показъ, и иначе для гуртовой продажи, и старался возбуждать въ фабрикантахъ и мануфактуристахъ благородное и похвальное честолюбіе наградами и отличіями.—

Не любя комплиментовъ, Канкринъ сказалъ однажды восхвалявшему возвеличенную имъ русскую промышленность:

— Теперь мы только съедемъ, и изъ иныхъ съмянъ видимъ цвѣтъ; но только третье поколѣнiе будетъ наслаждаться зрѣлыми плодами.

Въ 1842 г., по дурному состоянiю финансовъ, былъ учрежденъ особый комитетъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя, для повѣрки государственныхъ расходовъ и доходовъ и изысканiя средствъ для улучшенiя послѣднихъ. Въ этомъ комитетѣ такъ сильно напали на Канкринна, за неясность и неудовлетворительность отчета въ расходахъ, что онъ, при всемъ умѣ своемъ, замылся въ отвѣтахъ. Какое торжество для враговъ сбить Канкринна при лицѣ монарха! но онъ, подумавъ немного, взялъ листъ бумаги, написалъ что-то кругомъ и съ поклономъ подалъ Государю; тотъ прочиталъ и, положивъ бумагу въ карманъ, сказалъ присутствующимъ:

— Господа, я нахожу отчетъ удовлетворительнымъ, а потому и закрываю собранiе комитета.

Что такое было написано, такъ скоро и неожиданно убѣдившее Государя въ вѣрности отчета—остается до сихъ поръ тайною. Велико было довѣрiе къ Канкрину, но враги его не унывали; вскорѣ успѣли они убѣдить Государя въ дурной системѣ, существующей для заготовленiя вина для откуповъ, и, не смотря на всѣ убѣжденiя и противорѣчiя Канкринна, установили новую, предоставляющую право одной казнѣ покупать вино, и, мало того, поручили Канкрину привести ее въ исполненiе. Эта и подобныя неприятели усилили подагрическiе припадки и заставили Канкринна, для поправленiя здоровья, ѣхать за границу. Государь далъ ему для сего казенный пароходъ и отпустилъ съ нимъ старшаго его сына. За границею, во время самаго леченiя, Канкринъ, привыкшiй съ дѣтства къ труду и дѣятельности, не оставлялъ занятiй: онъ у тамошнихъ банкировъ сдѣлалъ выгодный для Россiи заемъ и, трудно повѣрить—написалъ на нѣмецкомъ языкѣ романъ! Тѣ, которые имѣли случай прочитать это чисто-литературное произведенiе, удивляются пылкости чувствъ и силѣ воображенiя 70-ти-лѣтняго министра. Теплый климатъ, воды, а главное, покойная жизнь—скоро возстановили силы Егора Францовича, и онъ, возвратясь осенью въ Петербургъ, вступилъ въ управленiе министерствомъ.

Канкрину, въ числѣ прочихъ наградъ, было пожаловано въ аренду на 15 лѣтъ Чигиринское староство, приносящее до 70-ти тысячъ серебромъ годового дохода; но заведенiемъ винокуреннаго и другихъ

заводовъ онъ возвысилъ доходы до 100 тысячъ. Канкринъ желалъ удержать эту аренду и послѣ назначеннаго срока, оканчивавшагося 8-го марта 1844 г. Въ сентябрѣ 1843 г. онъ просилъ объ этомъ Государя, объѣзжавшаго въ то время нѣкоторыя губерніи.

— Объ этомъ подумаемъ послѣ, а теперь еще рано,—былъ отвѣтъ.

Вдругъ, въ февралѣ 1844 г., графъ Киселевъ объявляетъ Канкрину высочайшій указъ, которымъ, вмѣсто аренды Чигиринской, поступающей въ казенное управленіе, Государь жалуетъ ему по смерти ежегодно по 30 т. р. серебромъ. Это неожиданное повелѣніе, безъ всякаго предварительнаго объясненія, объявленное алѣйшимъ его врагомъ (?), до такой степени огорчило и оскорбило заслуженнаго министра, что подагра поднялась и онъ впалъ въ тяжкую болѣзнь; въ бреду безпрестанно повторялъ слова: «Чигиринъ», «банкротъ»; доктора уже отчаялись въ выздоровленіи его, но на этотъ разъ жизнь одолѣла смерть, и графъ оправился, хотя и съ сильно расстроеными силами; онъ вскорѣ сталъ проситься въ отставку. Государь прислалъ къ нему нѣсколько разъ самыхъ близкихъ къ себѣ лицъ, пріѣзжалъ самъ уговаривать его остаться на службѣ, говоря, что ему нужно только имя его и иногда совѣты, а управлять уже министерствомъ будутъ другіе.

— «Нѣтъ, ваше величество,—отвѣчалъ оскорбленный графъ,—подъ моимъ именемъ и безъ того столько надѣлано глупостей, что мнѣ совѣстно давать его долге на посрамленіе»,—и рѣшительно просилъ своего увольненія.

Говорятъ, что одною изъ главнѣйшихъ причинъ этого отказа было настояніе жены его, рожденной Муравьевой, питавшей сильное неудовольствіе на дворъ вообще и на Государя въ особенности, за то, что ее не сдѣлали статсъ-дамою. Эта женщина, весьма своеобразная и въ 1843 году надѣлавшая такого шуму ссорю своею съ женою генераль-адъютанта Бибикова, доходившею до крайней степени, всегда имѣла сильное вліяніе на своего мужа.

Наконецъ, къ крайнему удовольствію враговъ Канкринна и вообще такъ называемой аристократической партіи, онъ, при дѣльномъ рескриптѣ отъ 1-го мая 1844 г., уволенъ отъ должности министра съ оставленіемъ званія члена государственнаго совѣта.

Много было толковъ и предположеній о томъ, кто займетъ это важное мѣсто; говорили, что Меншиковъ, Левашевъ, Любецкій, Бибиковъ и пр. искали замѣстить, но, конечно, не замѣнить, Канкринна; но, къ общему удивленію, управленіе этимъ министерствомъ было поручено дѣйствительному тайному совѣтнику Вронченко, служившему прежде, по избранію Канкринна, товарищемъ министра,—полу-

чившему въ то же время и званіе статсъ-секретаря. Для обсужденія же и разрѣшенія важныхъ финансовыхъ вопросовъ былъ учрежденъ особый комитетъ изъ кн. Меншикова, Любецкаго и графа Левашева.

Великій князь Михаилъ Павловичъ, узнавъ объ увольненіи Канкрива, назначенія на мѣсто его Вронченко и учрежденія комитета, сказалъ:

— Наконецъ-то удалось размѣнять Канкрива на мелочь.

А Меншиковъ къ этому прибавилъ:

— Да, по крайней мѣрѣ, теперь будемъ знать настоящую цѣнность нѣмца: въ Россіи онъ стоитъ двухъ русскихъ и одного поляка.

Вронченко.

Вронченко, человѣкъ съ характеромъ мнительнымъ, безъ особенныхъ способностей и свѣдѣній, былъ извѣстенъ, какъ самый отъявленный бульварный волокита.... Въ государственномъ совѣтѣ и комитетѣ министровъ съ нимъ обращались шутливо, потчивали табакомъ, трепали по плечу и разспрашивали о различныхъ шалостяхъ. Князь Меншиковъ, по случаю назначенія его управляющимъ министерствомъ финансовъ, рассказывалъ, что онъ, вечеромъ этого дня проѣзжая по нѣкоторымъ улицамъ, былъ удивленъ, видя во всѣхъ окнахъ блестящее освѣщеніе, но потомъ догадался, что, вѣроятно, обитательницы этихъ улицъ правдуютъ повышеніе общаго ихъ пріятеля и покровителя—Вронченко.

Что рѣшило выборъ этого человѣка для занятія важнѣйшаго въ государствѣ мѣста, до сихъ поръ неизвѣстно. Одни приписывали это угодливости, съ которою онъ исполнялъ требованія (министерствъ) на расходы денегъ, а другіе—интригъ либеральной (?) партіи, которая видѣла въ немъ тайное орудіе для достиженія своей преступной цѣли—революціи, посредствомъ растраты государственныхъ финансовъ. Увидимъ! ¹⁾.

¹⁾ Сохраняемъ это странное предположеніе автора Записокъ, какъ откликъ дикихъ толковъ, ходившихъ въ то время въ средѣ нѣкоторыхъ чиновныхъ и нѣятельныхъ кружковъ.

ВОСПОМИНАНІЯ Т. П. ПАСЕКЪ.

XXXVI ¹⁾.

Въ Англіи

1861.

1861-го года, въ первыхъ числахъ августа, поѣхала я въ Англію, съ сыномъ моимъ Владиміромъ и товарищемъ моихъ дѣтей, офицеромъ генеральнаго штаба г. Мезенцевымъ. Мы выѣхали изъ Парижа утромъ въ Булонь, а вечеромъ вошли на англійскій пароходъ. Ночь была темная, небо покрыто облаками; свистѣлъ порывистый вѣтеръ, волновалъ море и колебалъ пароходъ. Матросы, готовясь въ отплытію, торопливо ходили по палубѣ; капитанъ отдавалъ приказанія. Слышался языкъ только англійскій и изрѣдка французскія слова. Я спустилась въ дамскую каюту,—тамъ прислуга дѣлала приготовления, предвѣщавшія качку. Раздались слова команды, пароходъ шумно тронулся съ мѣста и, подъ сильнымъ вѣтромъ съ проливнымъ дождемъ, пошелъ при жестокой боковой качкѣ. Въ нашей каютѣ почти всѣ заболѣли и размѣстились по койкамъ. Казалось, пароходъ то катится съ горы, то взбирается на гору, ложится на одинъ бокъ, на другой, и снова летитъ въ бездну. Я страшно страдала и дошла до галлюцинацій,—мнѣ ярко представлялось, будто я въ Парижѣ, въ нашей диванной; на рас-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 805—852; томъ XVI, стр. 89—131; 309—350; 511—544; 649—670; томъ XXVII, стр. 537—579. Изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 665—682; томъ XIX, стр. 431—474; томъ XX, стр. 277—300. Изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 205—236; томъ XXII, стр. 93—116; 369—380.

крытыхъ окнахъ цвѣты, изъ-за нихъ выглядываетъ неизвѣстное мнѣ лицо; лицо это то вытягивается выше окна, то сжимается ниже цвѣтовъ, таетъ, таетъ... вотъ, думаю, пропадетъ, а оно снова тянется въ верху. Вижу дѣтей, домашнихъ, слышу ихъ голоса—вдругъ страшный толчокъ, трескъ и все куда-то проваливается. Я въ лихорадѣ раскрываю глаза—тѣсная каюта, тускло свѣтять свѣчи, свистить вѣтеръ, трещить паруходъ, крикъ боманды, суетливый топотъ матросовъ, стоны больныхъ. Я опять впадаю въ горячее забытѣе и грезится мнѣ родная сторона: вотъ они, близкія, знакомыя лица, а это шумитъ роща... Кто-то поетъ вдалекѣ... пѣсня русская... Мнѣ грустно, тяжелая плита давить грудь... Страшныя страданія будять изъ волшебнаго міра—и такъ вся ночь.

Рано утромъ я почувствовала себя свѣжѣе, нѣсколько образумилась, осмотрѣлась, но приподняться не смѣла.

Качки какъ будто не было. Однѣ изъ находившихся въ каютѣ еще лежали на койкахъ, другія умывались и одѣвались. Въ дверь къ намъ тихонько постучали, спрашивая позволенія войти. «Войдите», отвѣчали изъ каюты. Вошелъ мой сынъ. Онъ былъ еще блѣденъ, но очень веселъ.

— Что ты не встаешь, мама,—сказалъ онъ,—утро дивное, качки нѣтъ—мы вошли въ Темзу.

— Думаю,—отвѣчала я,—мнѣ не устоять на ногахъ, такъ я измучилась. Боюсь приподняться.

— Полно,—возразилъ онъ,—это тебѣ со страха кажется. Ты здорова, слабость на воздухѣ сейчасъ пройдетъ.

Я попробовала спуститься на полъ, и, въ удивленію своему, могла довольно твердо ходить.

Умывшись и одѣвшись, я пошла на палубу, но едва ступила на нее, и остановилась внѣ себя отъ восторга. Мнѣ открылось безграничное пространство воды, слившееся съ голубымъ пространствомъ неба, изъ глубины котораго, вдалекѣ, поднималось солнце, разсыпая огненные лучи по лазури, неподвижной какъ зеркало. Слуга принесъ на палубу столъ и стулья, накрылъ его чистою скатертью и подалъ чай, лимоны, бѣлый хлѣбъ, красное вино. Свѣжій утренній воздухъ и горячій чай съ виномъ совершенно возстановили мои силы.

Я придвинула стулъ къ периламъ, какъ очарованная смотрѣла

на величественную картину и отыскивала взорами Англию. Спустя немного времени, на горизонтѣ вырѣзалась узенькая темная черточка. «Англія!»—сказали мнѣ, указывая на нее. Черточка мало по малу превращалась въ берега, въ полувоздушныя очертанія котеджей, въ селенія съ красивыми домиками, потонувшими въ зелени, въ церкви, группы деревьевъ, въ ярко-зеленые дуга... Живописные, бѣльшую частью однообразные пейзажи выступали одни за другими. Берега обѣихъ сторонъ рѣки вырѣзывались яснѣй и яснѣй, сближались все тѣснѣе; суда встрѣчались чаще; пароходы, точно ласточки, искрещивали рѣку во всѣхъ направленіяхъ. Вотъ показался Гренвичъ, арсеналь Вульвичъ, лѣсъ мачтъ, съ флагами всѣхъ націй, сжатый въ широкое каналѣ, и развернулся необъятный Лондонъ. Сквозь распростравшійся надъ нимъ паръ, какъ бы сквозь выброшенную дымку, видѣлись зданія, перекинутые черезъ рѣку мосты, доки, церкви, монументальныя трубы фабрикъ. Вся эта поражающая смѣсь картинъ и ощущеній волновала душу и подавляла громадностью, сравнительно съ которою Парижъ представлялся въ памяти блестящею игрушкой.

Пароходъ остановился у пристани и мы вышли на берегъ Лондона. Это было воскресенье. Насъ встрѣтила тишина и малолюдство. Такая же тишина и малолюдство были и на улицахъ, по которымъ мы ѣхали до Реджентъ-Стритъ, гдѣ и остановились въ одномъ изъ пансіоновъ, рекомендованныхъ намъ еще въ Парижѣ. Мы заняли двѣ просторныя комнаты, комфортабельно убранныя, съ чистыми постелями. Г. Мезенцевъ взялъ себѣ отдѣльную комнату. Сверхъ того, въ общемъ распоряженіи постояльцевъ находилась прекрасная гостиная съ балкономъ на улицу. Устроившись у себя, я вышла на балконъ. Какая-то влажная теплота и запахъ каменнаго угля охватили меня. Сквозь тонкій паръ видѣлось блѣдно-голубое небо, нѣжное, палевое солнце, широкая улица, чуть не въ полъ-улицы тротуары и темнаго цвѣта дома. Темный колоритъ однообразно покрываетъ всѣ предметы въ Лондонѣ; это не тотъ мрачный цвѣтъ, который время набрасываетъ на зданія древнихъ и новыхъ вѣковъ, а точно какая-то неосязаемая свинцовая пыль, которая ко всему прилипаетъ, все проникаетъ, отъ которой нѣтъ спасенія.

Молодой слуга, съ приличными манерами образованнаго чело-

вѣжа, накрылъ въ нашей комнатѣ столъ передъ диваномъ скатертью блестящей бѣлизны и поставилъ на него на большомъ серебряномъ подносѣ чайникъ съ чаемъ, другой съ випятакомъ, сливки, масло, душистый прозрачный медъ, яйца въ смятку, сыръ, ломтики поджаренаго свиного сала и бѣлый хлѣбъ.

Такъ какъ онъ хорошо говорилъ не только по англійски, но по французски и по нѣмецки, то мы заинтересовались имъ и узнали отъ него, что онъ изъ Берлина, сынъ пастора, слушалъ лекціи въ университетѣ, по особымъ обстоятельствамъ не могъ окончить курса, терпѣлъ нужду и вздумалъ поискать счастья въ Лондонѣ, гдѣ, въ ожиданіи лучшаго, доволенъ занимаемою имъ должностію.

На сколько былъ хорошъ завтракъ, на столько обѣдъ неудовлетворителенъ, а, можетъ, мы находили его такимъ отъ непривычки къ англійскимъ блюдамъ. Супъ—какая-то жидкость изъ приностей—палила ротъ. Полусыраго окровавленнаго ростбифа я не могла проглотить куска и питалась больше картофелемъ и сыромъ. Иногда къ этому мени прибавлялся тяжелый мучной пудингъ. Всѣ блюда подавались подъ жестянымъ колпакомъ, чтобы не остыли, и хозяйка, приподнимая колпакъ, бросала на всѣхъ восхищенную улыбку.

Саша и Никъ жили тогда въ Лондонѣ вмѣстѣ. На другой день нашего приѣзда сынъ мой поѣхалъ къ нимъ.

Его встрѣтилъ находившійся у нихъ въ услуженіи старый гарибальдеецъ, который объявилъ ему, что Саша съ семействомъ переѣхалъ на дачу въ Торевэй, а Никъ на охотѣ и возвратится не прежде двухъ или трехъ дней.

Мы рѣшили эти три дня употребить на осмотръ Лондона.

Съ гидомъ въ рукахъ мы вышли изъ дома, раздумывая—съ чего начать путешествіе.

Вниманіе наше обратили широкіе, удобные тротуары, широкія улицы, политыя чуть не до грязи. По улицамъ неслись блестящіе экипажи, запряженные великолѣпными лошадьми. Кучера не кричали, слышался только топотъ лошадей и стукъ колесъ. На тротуарахъ не толкались, не было ни крика, ни давки. Видѣлось уваженіе къ общественному спокойствію и къ приличію.

Прочныя желѣзныя рѣшетки строгаго стиля передъ окнами нижнихъ этажей отдѣляли пѣшеходовъ отъ домашняго очага.

Намъ сказали, что въ нижнихъ этажахъ находятся: кухня, людскія и хозяйственныя принадлежности. Такъ какъ большая часть домовъ не имѣетъ ни двора, ни воротъ, то черезъ окна нижняго этажа передается провизія и хозяйственные запасы. Много было домовъ двухъ- и трехъ-этажныхъ, съ двумя и тремя окнами на улицу. Входная дверь выкрашена подъ дубъ и на ней мѣдная дощечка съ именемъ хозяина дома или жильца. Архитектура домовъ лордовъ и людей богатыхъ грандіозна, со множествомъ колоннъ, фронтоновъ, съ гербами владѣльцевъ.

Мы взяли экипажъ и поѣхали въ Реджентъ-паркъ. Изъ Реджентъ-парка Лондонъ представляется безконечнымъ собраніемъ городовъ, раздѣленныхъ парками. Осмотрѣвши въ паркѣ виллу и пасущееся стадо барановъ, прошли въ зоологическій садъ, гдѣ видѣли рѣдкіе экземпляры животныхъ.

Въ слѣдующіе дни мы посѣтили церковь св. Павла и Вестминстерское аббатство. Колоссальные размѣры этого величественнаго памятника былого, тѣсно связаннаго съ настоящимъ, его стрѣльчатая окна съ цвѣтными стеклами, мѣстами полумракъ и бѣзья мраморныя статуи великихъ людей въ нишахъ—производили сильное впечатлѣніе. Въ отдѣлѣ поѣтовъ остановились передъ памятниками Шекспира, Мильтона; въ капеллѣ Генриха VII—у гробницы малютокъ Ричарда и Эдуарда и Маріи Стюартъ.

Изъ Вестминстерскаго аббатства мы перешли въ парламентъ; отсюда въ Британскій музей съ колоссальнымъ собраніемъ древностей и мраморовъ. Видѣли небогатую картинную галерею, роскошные кабинеты естественныхъ произведеній и публичную бібліотеку.

На четвертый день нашего пребыванія въ Лондонѣ, утромъ рано, пріѣхалъ къ намъ Никъ. Мы обнялись въ слезахъ... какія это были слезы—радости или грусти—Богъ ихъ знаетъ. Мы плакали. Никъ только что возвратился съ охоты, и узнавши, что мы въ Лондонѣ, не отдохнувши поспѣшили видѣться съ нами. Онъ сказалъ намъ, что Саша въ Торевѣѣ, нездоровъ, и, вѣроятно, пріѣхать въ Лондонъ не можетъ, а будетъ звать насъ къ себѣ, и хотѣлъ тотчасъ писать ему о нашемъ пріѣздѣ въ Англію. Уходя, Никъ пригласилъ насъ къ себѣ вечеромъ.

Какъ только стемнѣло, мы съ съ Володей отправились къ Нику. Насъ встрѣтилъ у экипажа гарибальдіецъ съ привѣтливою

улыбкой стараго пріятеля. Помогая мнѣ выйти изъ коляски, онъ восторженно говорилъ:

— Allons, la voilà! c'est la chère cousine! que je la connais, que je la connais! Et nous vous attendions, comme nous vous attendions!

Бережно поддерживая, онъ ввелъ меня на невысокое крыльцо. Въ передней насъ встрѣтилъ Никъ. Мы вошли въ гостиную, освѣщенную лампами. Это была довольно большая, продолговатая комната въ три окна, съ которыхъ спускались до пола тяжелыя занавѣси. Хорошая мебель была разставлена въ артистическомъ беспорядкѣ. Налѣво вела дверь въ кабинетъ Саши. Никъ предложилъ намъ посмотрѣть его. Я вошла въ кабинетъ съ безотчетно-грустнымъ чувствомъ. Кабинетъ освѣщала одна лампа. Онъ былъ просторенъ и простъ, сколько помнится, въ два окна съ одной стороны и въ два—съ другой, съ опущенными на нихъ занавѣсами. Почти посреди комнаты, ближе въ двери, стоялъ большой письменный столъ, на немъ лежало много бумагъ, книги и листки газеты, издаваемой Сашей и Никомъ. У стѣны диванъ, нѣсколько креселъ, кресло передъ письменнымъ столомъ, шкафъ съ книгами—и никакихъ украшеній. Никъ обратилъ наше вниманіе на висѣвшую на стѣнѣ, около двери, большую картину, писанную масляными красками, содержанія, видимо, аллегорическаго, напомниваемаго мнѣ «Die Gloke» Шиллера. Никъ объяснилъ идею картины—она была многосложна, и сказала, что ее прислали Сашѣ изъ Россіи. Въ этомъ кабинетѣ въ памяти моей оживалъ другой кабинетъ,—маленькая комнатка въ Москвѣ,—учебный пріютъ нашихъ раннихъ лѣтъ; днемъ освѣщаетъ его полуденное солнце, вечеромъ въ единственное окно тихо свѣтитъ звездочка; ее замѣняетъ муромская сальная свѣча—покупки Шкуна. Муромскія сальные свѣчи освѣщаютъ и длинную амфиладу комнатъ, отрывающуюся изъ растворенныхъ дверей маленькаго кабинета; раскинутый ломберный столъ передъ турецкимъ диваномъ играетъ роль письменнаго стола; надъ диваномъ два гравированные портрета: Байронъ и Пушкинъ; у окна лимоннаго цвѣта столикъ, изрѣзанный перочиннымъ ножичкомъ, точно гіероглифами; шкафъ съ книгами; два плетеные стула и электрическая машина—любимая забава отрока съ раскинутымъ воротникомъ рубашки... и передо мной на чужбинѣ оживаетъ рядъ лицъ и картинъ «изъ дальнихъ лѣтъ».

Кромѣ насъ, Никъ пригласилъ къ себѣ на вечеръ нѣсколько близкихъ имъ людей. Мало по малу посѣтители собрались, большею частью тѣмъ или другимъ образомъ участники литературной дѣятельности Саши. Никъ всѣхъ представлялъ мнѣ,—всѣ имѣли обо мнѣ понятіе и отнеслись къ намъ чрезвычайно симпатично. Мнѣ какъ-то странно казалось видѣть себя въ этомъ кругу, гдѣ, не выдавши меня никогда, меня уже знали и желали видѣть, а между тѣмъ общаго между нами почти ничего не было.

Я стѣснялась—и, только присмотрѣвшись ко всему, сдѣлалась нѣсколько свободнѣе и стала принимать участіе въ общемъ разговорѣ. Иногда ко мнѣ обращались съ разспросами о дѣтствѣ и юности Саши, большею же частью разговоръ касался предметовъ мнѣ мало извѣстныхъ и чуждыхъ.

Никъ, какъ и въ прежнее время, тихій, скромный, оставался больше въ сторонѣ, слушалъ, молчалъ и задумывался. Въ сторонѣ отъ гостиной находилась столовая; Никъ пригласилъ всѣхъ туда, самъ разливалъ чай, угощалъ десертомъ и, въ первомъ часу, ужиномъ со множествомъ дорогихъ винъ. Предметы разговоровъ были до крайности разнообразны и живы, а послѣ ужина—перешли въ душевные. Мы уѣхали почти на разсвѣтѣ.

Нѣкоторые изъ бывшихъ у Ника просили позволенія на слѣдующій день быть у насъ вечеромъ, такъ какъ днемъ мы хотѣли еще посмотрѣть Лондонъ. Двое изъ самыхъ близкихъ Сашѣ предложили сопровождать насъ. Мы приняли съ благодарностью. Осматривая магазины, мы останавливались въ изумленіи передъ грудями великолѣпныхъ тканей, фарфора, хрустала, бронзы, серебра, драгоценныхъ камней. Богатство, роскошь, вкусъ—поражали и даже подавляли воображеніе.

Въ лавкахъ съ съѣстными припасами меня удивляло страшное количество и разнообразіе сортовъ круговъ сыра, чудовищной величины. Лавки ими были завалены. Смотри на изобиліе во всемъ, на роскошь, невольно думалось: отчего бы быть дороговизнѣ въ Лондонѣ? а между тѣмъ жизнь въ Лондонѣ чрезвычайно дорога.

При выходѣ изъ магазина стальныхъ вещей, мнѣ показалось, что что-то въ родѣ стѣны загородило свѣтъ. Противъ дверей стоялъ князь Г—нъ и такъ радостно смотрѣлъ на насъ, какъ будто увидалъ старыхъ друзей; онъ тотчасъ отрекомендовался намъ, назы-

вая меня корчевскою кузиной, другомъ дѣтскихъ лѣтъ Александра и вмѣстѣ съ нами двинулся на дальнѣйшій обзоръ Лондона.

Вечеромъ всѣ бывшіе у Нива пили у насъ чай. Человѣка два—три изъ нихъ до того сошлись съ нами, что рассказали не только настоящую жизнь свою, но и прошедшую, свои надежды, радости, свое горе, и до того расположились къ намъ, что пожелали проводить насъ на пароходъ, въ день отъѣзда нашего изъ Лондона.

Никъ привезъ мнѣ письмо отъ Саши; онъ писалъ, что нездоровъ, звалъ къ себѣ въ Торевэй, говорилъ, что ждетъ нетерпѣливо.

Утромъ Нивъ проводилъ меня на желѣзную дорогу (Волода съ г. Мезенцевымъ остались въ Лондонѣ), усадилъ покойно въ вагонъ и поручилъ ѣхавшимъ вмѣстѣ со мною какой-то дамѣ и ея мужу.

Поѣздъ шель чрезвычайно быстро. Замелькали миловидныя селенія, улыбающіеся луга и рощи. Чѣмъ ближе къ Торевэю, тѣмъ мѣстность гористѣй. Желѣзная дорога пошла берегомъ моря у самой воды, прерываемая туннелями.

Едва поѣздъ выбѣжитъ изъ туннеля, съ лѣвой стороны сверкнетъ море, позлащенное лучами солнца, съ правой—живописный ландшафтъ, какъ снова скрывается въ туннель, и снова выбѣгаетъ къ морю—и такъ туннель да море чуть не до Торевэя.

Внутри сѣвернаго мыса небольшой, глубокой бухты Торбэ, обрамленной горами, двѣ глубокия долины обнимаютъ городокъ Торевэй. Округлые холмы, покрытые изумрудною муравою, богатая поля и пажити, по которымъ пасется скотъ по колѣно въ травѣ, отвѣсно спускаются къ морю. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ утесистой набережной зеленѣютъ парки и фруктовые сады; ряды высокихъ вязовъ, склоняя вѣтви къ водяной окраинѣ, раздѣляютъ ихъ въ родѣ изгороди; тишина воздуха нарушается только морскими приливами. Волны, проникнутыя солнечнымъ свѣтомъ, орошаютъ алмазными брызгами всю растительность, которая едва знаетъ что такое снѣгъ и морозы, и цвѣты осени встрѣчаются съ цвѣтами весны.

Мягкій воздухъ, почва, вода—привлекаютъ въ Торевэй все больше и больше жителей, и, вѣроятно, въ непродолжительномъ времени этотъ городокъ охватитъ всѣ окрестныя селенія,—и теперь уже новыя зданія мѣшаются съ стариннымъ Торевэй-

скимъ аббатствомъ, основаннымъ въ 1196 году. А давно ли на мѣстѣ, гдѣ теперь цвѣтущій городъ, было только нѣсколько рыбацкихъ хижинъ, съ неустроенною пристанью, въ которой причаливали рыбаки и вытаскивали на берегъ свои лодки! Еще есть въ живыхъ люди, которые помнятъ тѣ времена.

По другой сторонѣ Торбѣ бѣлѣютъ дома Брикстама и виднѣтся замокъ сэра Гемфри, адмирала временъ Елисаветы.

Въ полумилѣ отъ Торвѣа къ сѣверу, мѣстечко Ковъ почти сливается съ мѣстечкомъ Крессентъ, а надъ ними простирается долина Доддэ-з-Холъ, обвивая плющемъ ближайшіе утесы.

Противоположно Кову, среди лѣсной мѣстности, деревня Баббиномъ окружаетъ берегъ другой прелестной бухты, соединяясь съ Торвѣемъ перешейкомъ. Мирты, алоэ, лимоны, фукціи, олеандры и другія экзотическія растенія цвѣтутъ, не заботясь ни объ уходѣ, ни о защитѣ отъ непогоды, и свѣжій плющъ вьется надъ увядающею розой.

Роскошь цвѣтовъ и лѣса раскидывается до окраинъ океана; между ними виднѣются сельскіе домики и мѣстами свозятъ сѣрья скалы.

Разнообразіе видовъ характеризуется оттѣнками листвы. Мѣстами она какъ бы исчезаетъ—отрывается море и снова скрывается за листвою.

По мѣрѣ приближенія къ Долишу, утесы сѣраго цвѣта смѣняются алыми и принимаютъ самыя причудливыя формы. Долишъ расположенъ въ центрѣ двухъ долинъ; отъ него во всѣ стороны до самаго моря разсыпаются прелестныя виллы. Пологій песчаный морской берегъ дѣлаетъ это мѣсто чрезвычайно удобнымъ для купанья.

Одинъ изъ медиковъ Девоншира написалъ поэтическое посланіе къ Долишу.

«Долишъ!—говоритъ онъ,—твоимъ чистымъ, нѣжно-объемлющимъ волнамъ я буду вѣрять и робкую дѣву, и больную мать съ слабымъ ребенкомъ: ты возродишь ихъ въ жизнь новую—здоровую и счастливую».

Внутри Торбѣ, на кожномъ мысу его, расположенъ Брикстамъ, укрытый отъ юго-западныхъ морскихъ вѣтровъ мѣстечкомъ Беррѣ-Хедъ. Брикстамъ считается однимъ изъ важныхъ рыболовныхъ мѣстъ Англіи. По прибытіи судовъ съ удачнымъ

ловомъ, отърывается аукціонъ на рыбу; купленная рыба тотчасъ укладывается и отправляется во внутренніе рынки мѣстными агентами.

Изъ Беррѣ-Хедъ взоръ далеко обнимаетъ широкое, голубое пространство водъ, и корабли, покойно стоящіе у его глубокихъ, утесистыхъ береговъ, защищены отъ яростныхъ бурь Атлантическаго океана. Беррѣ-Хедъ видѣлъ и слышалъ, какъ Наполеонъ, стоя на пшанцахъ «Беллерофона», воскликнулъ, овидывая взоромъ Торбѣ: «Какая прекрасная страна! какъ она похожа на Порто-Ферраіо!»

Саша ожидалъ меня на станціи желѣзной дороги и мы вмѣстѣ поѣхали къ нему на дачу. Разстояніе было небольшое. У крыльца насъ встрѣтили двѣ дочери Александра: Наташа и Олинъка, въ комнатахъ Н. А.—жена Нива съ двухлѣтнею дочерью—Лизой. Мы поднялись на лѣстницу въ приготовленную мнѣ комнату,—тамъ во всемъ замѣтна была дружеская заботливость. Пока я умывалась и перемѣняла платье, Александръ нѣсколько разъ освѣдомлялся у двери—можно ли войти. Войдя, онъ обнялъ меня и сказалъ: «Ну, вотъ, наконецъ ты у меня, я радъ сердечно; благодарю, что пріѣхала—будь же какъ у себя». Мы вдругъ почувствовали, что стали другъ къ другу ближе; какая-то свѣжесть, какая-то радость охватила насъ и, Богъ знаетъ, изъ какой-то дали прихлынула юность,—все озарила, на всемъ и на всѣхъ отразилась. Мы съ жаромъ вспоминали бывшее, говорили перебывая другъ друга, торопились высказываться,—я забывала усталость. Затѣмъ, Саша предложилъ осмотрѣть его жилище. «А завтра,—добавилъ онъ,—я покажу тебѣ здѣшнія прелестныя мѣста». Мы пошли осматривать его помещеніе. Изъ корридора, противъ двери въ мою комнату, была дверь въ довольно просторную комнату Александра. Въ концѣ корридора—комната Наташи и Олинки, все самое простое. Изъ оконъ ихъ комнаты виднѣлось море; оно было такъ близко, что онѣ купались въ немъ въ день два по два. Эта близость моря и низкій, песчаный берегъ, удобный для купанья, заставляютъ меня предполагать, что дача Саши находилась въ окрестности Долиша.

Въ нижнемъ этажѣ расположеніе комнатъ было такое же, какъ и наверху. Прямо изъ корридора небольшая комната, въ

которой стоялъ рояль Наташи. Налѣво кабинетъ Александра, въ немъ посрединѣ большой письменный столъ, заваленный бумагами и книгами, диванъ, небольшое кресло и, кажется, шкафъ или этажерка. Противоположная дверь вела въ гостиную, она же была и столовой; посреди стоялъ продолговатый обѣденный столъ. Стеклянная дверь отворялась въ садъ, съ ярко-зеленою лужайкой передъ домою. Дальше кусты миртъ, олеандровъ и другихъ нѣжныхъ растений. Вокругъ—родъ аллеи изъ молодыхъ деревьевъ. Вдали море. Мнѣ сказали, что здѣсь растенія теплаго климата зимуютъ не укрытыя и зима бываетъ едва замѣтна, такъ какъ вода въ морѣ, безпрестанно притекая къ берегамъ Африки, возвращается оттуда согрѣтою, что и поддерживаетъ въ этой мѣстности ровную, теплую температуру.

Вечеръ былъ тихій, прекрасный. Въ открытую дверь въ садъ свѣтилъ полный мѣсяцъ и доносился запахъ цвѣтовъ. Мы помѣщались кругомъ стола. Въ верхнемъ концѣ сидѣлъ Саша, съ правой руки отъ него—я, слѣва—Наташа и такъ далѣе. Малютка Лиза уже спала. Засвѣтили лампу и подали кипящій русскій самоваръ,—съ принадлежностями по англійски, между которыми находился бурачовъ зернистой икры. Н. А. Огарева разливала чай. «Видишь,—сказалъ Саша, обращаясь ко мнѣ,—мы живемъ совсѣмъ по русски, говоримъ и ѣдимъ по русски, каждый день получаемъ письма изъ Россіи—даже и излишнія». Говоря это, онъ взялъ лежавшія подлѣ него на столѣ только что поданныя ему письма, пробѣжалъ ихъ глазами, передалъ мнѣ довольно интересное содержаніе одного изъ этихъ писемъ, жалуюсь, что часто получаетъ невѣрныя свѣдѣнія, и добавилъ: «что за недобросовѣстность! и зачѣмъ!»

Угощая меня икрой, онъ сказалъ: «икра у меня не переводится,—друзья, зная, что я икру люблю, постоянно доставляютъ мнѣ ее изъ Россіи».

Задушевная бесѣда, болѣею частью о Россіи, продолжалась за полночь. Саша съ жаромъ говорилъ о своей любви къ родной сторонѣ, о своемъ страстномъ влеченіи къ ней. «Хотѣлось бы взглянуть еще на ея поля, на ея рощи, подышать роднымъ воздухомъ»,—говорилъ онъ.

Мы разошлись поздно. Наташа проводила меня въ мою комнату, сама раскрыла мнѣ постель; когда я легла, она помѣсти-

лась у меня въ ногахъ на кровати, и я ещё нѣсколько времени поговорила съ этою милою, исполненною благородства шестнадцатилѣтнею дѣвушкой.

Саша умѣлъ цѣнить нравственныя достоинства Наташи и смотрѣлъ на нее какъ на друга, способнаго понимать его.

Олинья болѣею частью жила розно съ семействомъ; находили, что для нея климатъ Англій вреденъ, поэтому она оставалась съ своею гувернанткой то во Франціи, то въ Италіи.

Двадцатилѣтній сынъ Саши—Александръ въ это время слушалъ лекціи въ бернскомъ университетѣ и жилъ въ домѣ профессора Фохта—отца извѣстнаго натуралиста Карла Фохта.

Проснувшись рано утромъ, я едва вѣрила сама себѣ, что нахожусь въ Девонширѣ и у Саши. Навинувши на себя блузу, я прошла въ комнату дѣтей; онѣ были уже вставши, и приготовленною водою подавали одна другой умываться,—дали умыться и мнѣ. Наташа помогла Олинькѣ одѣться, причесала ей волосы и предложила мнѣ идти съ нею купаться въ морѣ, указывая изъ окна—какъ это близко и у песчанаго берега совсѣмъ мелко. Я отказалась и осталась съ Олинькою, которая занялась уборкою вещей и постели. Горничной я не видала въ глаза. Все, что только возможно, онѣ дѣлали сами.

Саша рано утромъ уѣзжалъ въ городъ, гдѣ отправлялъ Нику въ Лондонъ бумаги и письмо, взявъ полученные на его имя журналы и возвратился на дачу, когда мы уже отпили чай; дѣти сидѣли на лужайкѣ противъ двери и играли съ маленькою Лизой, валявшеюся по травѣ, а мы съ Н. А. Огаревой ходили по аллеѣ и говорили о многомъ; но самый близкій для нея предметъ былъ обойденъ, хотя, по видимому, она и желала подѣлиться имъ со мною. Я поняла это впоследствии, но въ то время, не зная ничего,—не догадывалась и смотрѣла на все такъ, какъ этого желали.

Кромѣ писемъ и журналовъ, Саша привезъ Лизѣ игрушку—вудрявую собачку. Такъ артистически сдѣланныхъ игрушекъ, какъ въ Лондонѣ, я нигдѣ не видала. При видѣ этихъ изящныхъ игрушекъ, мнѣ вспомнились игрушки моего дѣтства, каменная утка, похожая на возла, и вообще звѣрки и птицы, походившіе на невѣдомыхъ животныхъ; а привезенная Сашей собака чуть не лаяла. Онѣ издали показали ее Лизѣ, и ребенокъ, смотря на

нее, пришелъ, по видимому, въ такой же восторгъ, какой производили во мнѣ каменная утка со свистулькой и змѣй трудовъ Володьки.

Послѣ завтрака Саша пригласилъ меня въ свой кабинетъ пить кофе. Тамъ онъ прочиталъ мнѣ нѣсколько статей, приготовленныхъ для его періодическаго изданія, и довольно обширную философскую статью—для отправки въ Россію.

Затѣмъ, разговоръ, переходя отъ предмета къ предмету, коснулся предполагаемаго мною изданія для отроческаго возраста, программа котораго была нѣкогда одобрена покойнымъ Т. Н. Грановскимъ, а по пріѣздѣ нашемъ въ чужіе края—послана была и Сашѣ.

— Планъ вашего изданія широкъ, —сказалъ Саша, —программѣ вашей я сочувствую вполне. Это систематическая живописная энциклопедія, цѣлое міровоззрѣніе; но есть-ли у васъ сотрудники, подобные Даламбертамъ и Дидеротамъ?

— Мы такъ высоко не заносимся, Саша, —отвѣчала я. —Зачѣмъ такія великія имена! Готоваго матеріала—роскошь, надобно умѣть воспользоваться имъ соотвѣтственно плану изданія. При этомъ два—три участника специалиста по входящимъ въ программу предметамъ наукъ—и достаточно.

— Я отъ всей души желаю обширнаго успѣха твоему изданію, и готовъ, сколько будетъ возможно мнѣ, въ немъ участвовать. Если выдержишь обѣщаемое въ программѣ, это будетъ полное зданіе, выражающее одну мысль.

Затѣмъ разговоръ перешелъ къ главной цѣли нашей поѣздки въ Англію. Кромѣ интереса, возбуждаемаго самою страной, мнѣ надобно было видѣться съ Александромъ по нашему личному дѣлу.

Вскорѣ послѣ нашего выѣзда за границу, братъ Василій Васильевичъ Пассекъ, завѣдывавшій нашимъ имѣніемъ въ Малороссіи—вмѣстѣ со своимъ,—помѣшался. Помѣшательство его развивалось постепенно, жилъ онъ вдалекѣ отъ родныхъ, въ своей деревнѣ, окруженный только прислугой, которая не замѣчала его положенія, а можетъ, и замѣчала, но находила выгоду въ этомъ молчать. Въ началѣ помѣшательства онъ продалъ шерсть своихъ и нашихъ овецъ, ягнятъ, сѣно, пшеницу и прочій хлѣбъ, и получилъ значительныя деньги. Когда же родные узнали о его болѣзненномъ состояніи, то приняли въ немъ участіе, но не на-

шли у него въ домѣ ни денегъ, ни бывшихъ у него цѣнныхъ вещей.

Вмѣсто ожидаемыхъ денегъ, мы получили письмо, въ которомъ все это намъ сообщали и совѣтовали ѣхать въ деревню, чтобы не допустить имѣнія до полного упадка, тѣмъ болѣе, что наше дѣло сошлось съ освобожденіемъ крестьянъ. Не получивши изъ имѣнія денегъ, мы не имѣли возможности и выѣхать. Видя въ этомъ необходимость, я написала Сашѣ и просила его дать намъ взаймы до весны 700 р. сер. Онъ отвѣчалъ, что желалъ бы повидаться со мною, и если мнѣ можно, то пріѣхала бы въ Лондонъ.

Переходя въ разговорѣ къ главной цѣли моего пріѣзда въ Англію, Саша сказалъ:

— Ты писала мнѣ, что имѣешь надобность въ 700 р.; по какому это случаю? и скоро-ли надобно? Не подумай, что я отъказываюсь,—но желалъ бы знать, чтѣ такое случилось?

Я рассказала ему о помѣшателствѣ брата. Онъ также напелъ, что ѣхать намъ въ Россію слѣдуетъ, и, не выходя изъ кабинета, далъ мнѣ записку на домъ Ротшильда въ Парижѣ на полученіе 700 руб. При этомъ сказалъ: «Ты писала, что уплатишь мнѣ весной,—этого ненадобно; 100 рублей прошу тебя дать изъ нихъ Вѣрѣ Артамоновнѣ, а остальные могутъ идти въ уплату нашего тебѣ долга. Вѣдь мы еще не сочлись за уступленную тобою твою часть въ Васильевскомъ, ради нашей пользы, втрое ниже стоимости. Остальное до свиданія—въ Россію».

Я молча вздохнула.

— Что-жъ ты грустна?

— Богъ знаетъ, увидимся-ли? Благодарю, Саша, я была увѣрена, что не откажешь. Зачѣмъ же ты звалъ меня въ Лондонъ, и даже дальше?

— А ты сожалѣешь?

— Нѣтъ. Я такъ спросила.

Послѣ обѣда Александръ поѣхалъ, со мной и дѣтьми, показать мнѣ нѣкоторыя красивыя окрестности и свое избранное мѣсто. Это была глубокая зеленая долина, мѣстами поросшая кустарникомъ и деревьями, съ которой видѣлось море. Оставивши коляску въ тѣни, мы пошли къ берегу и остановились на самой высокой окраинѣ. Подъ ногами у насъ громоздились скалы надъ скалами, а передъ нами синѣлъ Атлантическій океанъ. Изъ-подъ горизонта выплывалъ корабль. Вечеръ былъ восхитительный.

— Помнишь-ли ты,—сказалъ Сапа,—Васильевское, голубую лѣнту Москвы-рѣки, ея живописные берега, тихія, ясныя сумерки, и какъ находишь этотъ видъ?

— Тѣ виды сжились съ моею душой, тамъ я чувствую себя у себя; эта величественная картина прекрасна, но она почти угнетаетъ меня,—отвѣчала я.

Опершись на обломленное дерево, Сапа задумавшись смотрѣлъ на океанъ. Выраженіе лица его было печально.

Вблизи меня сидѣла Наташа. Лиза рѣзвилась у какого-то развѣсистаго дерева и громко смѣялась.

Мы возвратились домой поздно.

Я пробыла у Александра четыре дня. Рано утромъ онъ самъ отвезъ меня въ вокзалъ желѣзной дороги. У вокзала къ намъ подошелъ какой-то пожилой человѣкъ. Сапа отрекомендовалъ меня ему: «А, такъ вотъ она, кузина корчевская»,—сказалъ онъ по англійски, и широкою рукою вѣжливо пожалъ мнѣ руку. Мальчикъ предложилъ намъ купить виды Торевэа и его окрестностей; Сапа купилъ и отдалъ ихъ мнѣ, говоря: «вотъ тебѣ на память обо мнѣ». Виды Торевэа я сохраняю, они напоминаютъ мнѣ его. Это было наше послѣднее свиданіе.

Обнявши меня, Александръ сказалъ севозъ слезы: «Прощай, увидимся-ли еще! Половина жизни прошла въ боли и борьбѣ, вторая врядь-ли будетъ радостнѣй. Пойметъ-ли грядущее повольтѣніе всю трагическую сторону нашего существованія... Поймутъ-ли, отчего въ минуты восторга не забывали мы тоски? Вѣра въ будущее спасаетъ насъ отъ отчаянія. Пусть же они останутся съ мыслью и грустью передъ тѣми камнями, подъ которыми мы уснемъ»...

Т. П. Пассекъ.

Примѣчаніе. Помѣщенная выше глава заключаетъ рядъ очерковъ изъ «Воспоминаній Т. П. Пассекъ»,—напечатанныхъ въ послѣдніе три года изданія «Русской Старины». Всѣ эти главы вошли нынѣ во второй томъ: «Изъ дальнихъ лѣтъ, воспоминанія Т. П. Пассекъ»—вышедшій на-дняхъ отдѣльною книгою (въ 8-ю д. 495 стр.). Книга эта является прекраснымъ продолженіемъ перваго тома «Воспоминаній», съ столь живѣйшимъ сочувствіемъ встрѣченнаго обществомъ, раскуившимъ большую часть изданія, и всею, по-ложительно всею, періодическою русскою печатью. Во второмъ томѣ двадцать двѣ главы (XXV—XLVI). Онѣ объемлютъ пережитое, продуманное и перечувствованное талантливымъ авторомъ съ 1833-го по 1861-й годъ и заключаютъ его встрѣчи и знакомства—на прострaнствѣ всей Россіи и за рубежомъ родной страны... Главныя лица, вокругъ которыхъ группируются «Вос-

помянана—двоюродный братъ ея «Сапа», его другъ «Никъ», семейство Ивана Алексѣевича Яковлева, мужъ автора—извѣстный въ свое время писатель Вадимъ Пассекъ, художникъ-мистивъ А. Л. Витбергъ, профессоръ Т. Н. Грановскій, романистъ И. И. Лажениковъ, вице-президентъ академіи художествъ гр. Ѳ. П. Толстой, поэтъ Тарасъ Шевченко и нѣкоторые другіе. На ряду съ личностями, имѣвшими значеніе въ наукѣ, въ литературѣ, или въ области искусствъ, въ живыхъ и увлекательно набросанныхъ очеркахъ талантливой писательницы—проходятъ многочисленныя представители московскаго и провинціального русскаго общества изъ прошлаго времени, рѣзко отдѣленнаго отъ настоящаго не столько пережитыми десятилѣтіями, сколько великою реформою 19-го февраля 1861-го года, положившею грань между прошлою и настоящею жизнью Россіи...

Изъ двадцати двухъ главъ втораго тома шестнадцать были напечатаны въ «Русской Старинѣ»; шесть главъ являются въ свѣтъ впервые: въ этихъ шести обширныхъ главахъ читатель найдетъ поэтически набросанныя картины Украйны, Новороссіи и Тавриды, выдержки изъ писемъ и историко-этнографическихъ описаній Вадима Пассека, семейную хронику фамиліи Пассековъ, весьма своеобразную и интересную по совершенно исключительнымъ событіямъ, преимущественно изъ вѣка Екатерины.

Главныя достоинства книги — прекрасный языкъ, живость и поэзія описаній.

Достойно замѣчанія, что автору идетъ восьмой десятокъ лѣтъ; такимъ образомъ, это—старѣйшая изъ современныхъ русскихъ писательницъ, и «Русской Старинѣ» принадлежитъ честь вызова Татьяны Петровны взяться за перо: г-жа Пассекъ впервые выступила на поприще писательницы (какъ беллетристка) на страницахъ нашего изданія. Свѣжестью таланта, поэзіею, глубокимъ и искреннимъ чувствомъ проникнуты многія и многія страницы ея «Воспоминаній». Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести двѣ—три страницы изъ тѣхъ главъ, которыя нынѣ впервые явились во второмъ томѣ Записокъ Татьяны Петровны Пассекъ.

«28-го февраля 1836 года, въ 10 часовъ вечера, у насъ родился сынъ Александръ, здоровый, прелестный мальчикъ. Съ благодарною молитвою къ небу, со слезами радости, я благословляла новорожденнаго...

«Никакая музыка не можетъ доставить того наслажденія, какое даетъ матери первый крикъ ея ребенка. Младенческій голосъ, вдругъ раздавшійся среди жизни и смерти, отзывается до глубины души ея и заставляетъ позабыть все, кромѣ счастья, что она мать.

«Тотъ пойметъ что такое мать, кто видѣлъ первый, измученный взоръ матери, устремленный на новорожденнаго младенца; кто видѣлъ какъ она слѣдитъ за первыми шагами его; какъ вслушивается въ первые слова его; какія страшныя минуты переживаетъ у его болѣзненной постели; какъ принимаетъ послѣдній вздохъ своего дитяти. Время горе отца лечитъ,—мать время не лечитъ. На матери остается навсегда слѣдъ чего-то несправимо разбитаго.

«Любовь материнская рождается вдругъ во всей своей безконечности и переноситъ женщину за границы природы, превращая мученія въ радость, лишенія въ наслажденія. И это не случайно, не временно, а постоянно и безъ конца. Время этой любви не касается; оскорбленія не убиваютъ; старость не охлаждаетъ. Для этой любви нѣтъ ни прогресса, ни регресса. Она отъ перваго дня страданія матери и до ея послѣдняго дыханія—одна и та же. Ма-

теринская любовь женщину воспитываетъ и просвѣтляетъ. Любовь материнская—сердце всего человѣчества.

«Наука доказала физическое вліаніе матери на ребенка, нравственная роль поднимаетъ ее еще выше. Во всѣ времена, съ званіемъ матери женщины давалось больше правъ человѣческихъ, наконецъ допустили ее участвовать въ воспитаніи и въ устройствѣ судьбы дѣтей ея, не смотря на то, что противъ воспитанія дѣтей матерями долго и сильно возставали.

«Воспитаніе материнское доказало, что любовь помогаетъ понимать въ чемъ состоитъ дѣйствительное воспитаніе.

«Безкорыстная преданность матери стремится не подавить слабого, но сдѣлать его сильнымъ. Она, развивая въ немъ не только то, что ихъ сближаетъ, но и то, что ихъ различаетъ, инстинктивно хранитъ его своею образностью, вызывая къ жизни все, что природа дала ему на крестъ. Чужой пощадитъ ли то, что каждый приноситъ съ рожденіемъ, напротивъ, то, что дѣлаетъ человека не похожимъ на другихъ—колетъ глаза. Сохранить въ человѣкѣ святую искру своею образности возможно только Богу и матери. Въ этомъ мать сливается съ Богомъ.

«Когда дѣтя преждевременно разлучаютъ съ матерью, чтобы воспитывать вдали отъ нея, какъ она плачетъ! На это не смотреть. Въ этихъ слезахъ видятъ слабость—напрасно! Слезы эти показываютъ, что ребенокъ еще нуждается въ ней. Инстинктъ матери вѣренъ. Онъ заслуживаетъ уваженія.

«Напрасно боятся, что сынъ, оставаясь долго при матери, сдѣлается женоподобенъ. Мать принаровняется къ сыну, обновляется въ этой новой для нея жизни. Факты показали, какъ правильно, слѣдовательно, и законно, воспитаніе дѣтей матерью. Вотъ что сказалъ нашъ поэтъ, вспоминая мать свою:

И если я наполнилъ жизнь борьбою
За идеалъ добра и красоты,
И носить пѣснь, слагаемая мною,
Живой любви глубокія черты—
О, мать моя! подвигнуть я тобою!
Во мнѣ спасла живую душу ты...

«Великіе люди были воспитаны матерями.

«Пусть не повторяютъ истертаго проклятія ослѣпленію материнской нѣжности! Ничто такъ не зорко, какъ любовь матери. Она видитъ недостатки, но молчитъ и старается исправить.

«Пусть не говорятъ о материнской слабости! матери слабой нѣтъ. Слабость тамъ, гдѣ чувство мѣшается съ тщеславіемъ.

«Ребенокъ нуждается въ матери гораздо дольше, нежели думаютъ, и напрасно торопятся сокращать время отрочества и первой юности. Это лучшія эпохи жизни. Ребенокъ—свободный, подъ взоромъ матери—живетъ подъ благодатью. Духъ пробуетъ свои силы, купается въ любви и расправляетъ крылья для полета.

«Опасно вѣрять слабое, гибкое существо чуждому руководству. Лучшіе руководители, слишкомъ налегая, могутъ такъ согнуть его, что онъ никогда не выпрямится. Свѣтъ полонъ людей, на которыхъ невзглядимо легла печать рабства, оттого, что несли тяжесть не по силамъ.

«Приобрѣтеніе знаній не вознаграждаетъ утраченнаго; отъ слишкомъ ран-

ней массы вѣшняго приобрѣтенія—теряется внутреннее. Является математикъ, географъ, лингвистъ, а человѣкъ утрачивается.

«Мать человѣкомъ-то и дорожить въ ребенкѣ.

«Она какъ бы перестаетъ наблюдать и дѣйствовать, чтобы онъ дѣйствовалъ самостоятельно, а между тѣмъ невидимо окружаетъ его собой.

«Опасность въ одномъ—дѣтскій эгоизмъ можетъ принять за должное безграничное самоотверженіе любви и дѣйствовать тѣмъ меньше, чѣмъ больше дѣйствуютъ за него. Опасность эту перевѣшиваетъ горячее желаніе пользы и славы своему ребенку. Мать возлагаетъ безконечныя надежды на свое дитя и стремится осуществить ихъ. Она готова разстаться съ любимымъ сыномъ для его счастья, а сама остается въ тоскѣ и безпокойствѣ.

«Но вотъ онъ возвращается,—какая перемѣна! Гдѣ юноша, съ которымъ она разсталась рыдая? передъ ней самостоятельный мужчина. Онъ ищетъ любви, снѣшить жениться. Въ періодъ страсти мать въ сердцѣ дѣтей занимаетъ едва замѣтное мѣсто. А для нея дитя ея—все. Она любитъ то, что любить онъ, она счастлива его счастьемъ и хочетъ одного, чтобы не позабыли ее.

«Вліяніе матери не прекращается, хотя, повидимому, она и въ сторонѣ. Все посѣянное ею въ душѣ человѣка проникаетъ цѣлую жизнь его и связываетъ съ нею неразрывно. Нерѣдко взрослый сынъ приходитъ искать отдыха въ тѣхъ же объятіяхъ, въ которыхъ покоилось его дѣтство. Рука матери ласкаетъ взрослого дитя съ тою же вѣжностью, съ какою качала колыбель его. Успокоивая его, она говоритъ: «д и т я м о е»,—противоположность факта и слова глубоко трогательна. Мать возвращаетъ ему силу и бодрость, онъ идетъ отъ нея возрожденный.

«Чѣмъ дальше человѣкъ поступаетъ въ жизнь, тѣмъ больше и больше выступаютъ передъ нимъ давно забытыя слова, вѣжные совѣты, предупредительность. И какъ ни будутъ окружать человѣка: любовь, дружба, слава, восторги жизни, въ душѣ его съ каждымъ днемъ все живѣе и отраднѣе будетъ вставать образъ матери.

Великое чувство! его до конца
Мы живо въ душѣ сохраняемъ,
Мы любимъ сестру, и жену, и отца,
Но въ мукахъ мы мать вспоминаемъ.

«Цѣну матери вполне чувствуютъ тогда, когда ее теряютъ»

Т. П. Пасекъ соединила въ двухъ томахъ все то, что было разсѣяно ею въ «Русской Старинѣ», въ теченіе шести лѣтъ (именно, съ декабря 1872-го года), и издала все это съ значительными исправленіями и съ дополненіемъ совершенно новыхъ главъ.—Ея «Воспоминанія», какъ уже справедливо замѣчено во многихъ рецензіяхъ, въ высшей степени пріятный вкладъ въ отечественную литературу, и мы вполне увѣрены, что второй томъ, выйдя въ свѣтъ, будетъ встрѣченъ съ тѣмъ же всеобщимъ сочувствіемъ и живѣйшимъ интересомъ, съ какими встрѣченъ былъ первый томъ этого прекраснаго произведенія «Изъ дальнихъ лѣтъ»¹⁾.... Р е д .

¹⁾ Ко второму тому приложены портреты: гр. Ф. П. Толстого, гравюра Акад. Стрѣкова; А. Л. Витберга; рисунокъ храма Христа Спасителя, по проекту Витберга, и портретъ В. В. Пасекъ. Кромѣ послѣдняго, всѣ три приложенія сообщены редакціей изъ «Русской Старины».

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ

въ 1863—1864 гг.

Записки Н. В. Берга.

IX ¹⁾.

Увольнение Велепольскаго.—Первыя мѣропріятія новаго намѣстника гр. Берга.—Раздраженіе красныхъ.—Прибытіе изъ Кракова партіи Хмѣленскаго.—*Compté d'Etat*.—Террорическій жондъ.—Проектъ «уничтоженія графа Берга» всплываетъ опять наружу.—Покушеніе.—Перестройка повстанской полиціи.—Убіиства и приготовленія новыхъ ужасовъ.—Казнь пяти убійцъ на пяти площадяхъ Варшавы въ одно и то же время.—Прибытіе доктора Германи.—Убіиство его.—Казнь Ходановскаго.—Покушенія противъ разныхъ лицъ.—Ромуальдъ Траугутъ.

Велепольскій уволенъ въ просимый имъ отпускъ, 25-го іюня ст. ст. 1863 г., и выѣхалъ изъ Варшавы черезъ 9 дней послѣ этого: 4 іюля ст. ст. ²⁾.

Его Императорское Высочество выѣхалъ 13-го августа 1863 г. и, пробывъ въ Царскомъ Селѣ 10 дней, воротился въ Варшаву для

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1879 г., т. XXIV, стр. 179—246; 397—428; 589—620; т. XXV, стр. 55—88; 515—566; 707—728; т. XXVI, стр. 59—84.

²⁾ Велепольскій жилъ нѣкоторое время на островѣ Рюгенѣ, потомъ переехалъ въ Дрезденъ, гдѣ велъ самую уединенную жизнь, не принимая къ себѣ никого, кромѣ автора брошюры *Polska i Rosya*, Т. С. Кршивицкаго, но и тому были назначены опредѣленные часы: вечеръ до десяти. Когда къ Велепольскому пріѣхалъ графъ Андрей Замоискій, чувствовавшій потребность примиренія съ маркизомъ хоть подъ конецъ жизни, Велепольскій не принялъ его и велѣлъ сказать ему: «теперь ужъ поздно!». Смерть пришла 29-го декабря н. ст. 1877 г. вечеромъ, когда Велепольскому было 74 года. Въ слѣдующемъ, 1878 году, семья покойнаго передала нѣкому Лисицкому всѣ бумаги маркиза, и тотъ составилъ, по нимъ и разсказамъ дѣтей и знакомыхъ, довольно любопытное сочиненіе, въ четырехъ томахъ: «Alexander Wielopolski».

Н. В.

17*

сдачи дѣлѣ новому намѣстнику; ватѣмъ, 27-го августа ст. ст., отправился въ Крымъ черезъ Европу ¹⁾.

Началось управление графа Берга. Послѣ увольненія Велепольскаго, графъ Бергъ могъ заранѣе составить довольно точный и опредѣленный планъ для своихъ дѣйствій, по крайней мѣрѣ для дѣйствій на первыхъ порахъ. Легко понять, что въ основѣ этого плана лежала задача: выбивать клинъ клиномъ, другими словами: дѣлать то же, что дѣлалъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ Муравьевъ. Для этого новому намѣстнику, прежде всего, нужна была большая, честная и усердная полиція: вмѣсто четырехъ сотъ полицейскихъ чиновъ, между которыми находилось весьма неопредѣленное количество измѣнниковъ и взяточниковъ, требовались тысячи, гдѣ процентъ неразвращенныхъ значительно одолевалъ бы развращенныхъ. Откуда ихъ было взять? По совѣту одного очень ловкаго генерала изъ поляковъ, который въ одно и то же время служилъ и намъ, и своимъ до такой степени артистически-искусно, что и тѣ и другіе были имъ совершенно довольны,—намѣстникъ обратился за помощью къ мѣстнымъ войскамъ: нижніе чины новыхъ полицейскихъ тысячъ набраны были изъ среды нижнихъ же чиновъ стоявшихъ въ Варшавѣ гвардейскихъ и гренадерскихъ полковъ, а въ начальники имъ даны «охотники» изъ офицеровъ тѣхъ же полковъ.

Всѣхъ нижнихъ чиновъ въ новой варшавской полиціи оказалось около трехъ тысячъ человекъ, а новыхъ полицейскихъ офицеровъ (которые во все время пребыванія въ полиціи сохраняли свой полко-

¹⁾ Dziennik Powszechny, 1863 г., № 204. Увольненіе Великаго князя отъ обязанности намѣстника послѣдовало 19-го (31-го) октября 1863 г. приказомъ, отданнымъ въ Ливадію. См. Dziennik Powszechny, 1863 г., № 260. Рескриптъ Великому Князю, въ № 261.

Когда былъ назначенъ день отъѣзда намѣстника за границу, распространились слухи, будто-бы на него хочетъ напасть большая банда, около д. Пнева, Кутновскаго уѣзда, Варшавской губерніи, вслѣдствіе чего, въ 6 часовъ утра этого дня (27-го августа ст. ст.), отправленъ былъ по варшавской желѣзной дорогѣ отрядъ въ 3 роты л. г. Царскосельскаго стрѣлковаго батальона, эскадронъ гродненскихъ гусаръ, 76 линейныхъ казаковъ, подъ начальствомъ генералъ-майора Краснокутскаго, который около Пнева выждалъ проѣзда Великаго Князя и Княгини.

Сдѣланные послѣ поски открыли около д. Домбровки, того же Кутновскаго уѣзда, партію тысячи въ полторы человекъ, подъ начальствомъ Скворонскаго и Шумлянскаго; отрядъ преслѣдовалъ ее до Згѣржа и Ворковъ (мѣстечки Ленчицкаго уѣзда, Варшавской губерніи) и здѣсь имѣлъ съ нею столкновение, потерявъ довольно людей. Подробности можно видѣть въ «приложеніи» къ № 41 «Журн. Воен. Дѣйствій», стр. 9—10. Н. В.

вой мундиръ)—до шестидесяти ¹⁾). Намѣстникъ пригласилъ этихъ послѣднихъ къ себѣ въ замокъ и въ краткой рѣчи изобразилъ имъ критическое положеніе города, осажденнаго терроромъ.

— «Къ вашему мужеству, самоотверженію и чести, господа (сказалъ онъ имъ), прибѣгаетъ теперь высшая власть края. Городъ будетъ раздѣленъ на мелкіе участки, приблизительно отъ 8-ми до 10-ти домовъ въ каждомъ; офицеръ, завѣдующій участкомъ, долженъ знать, что дѣлается во всякомъ домѣ, кто входитъ, кто выходитъ. Онъ можетъ производить, когда ему угодно, въ любомъ часу дня и ночи, внезапныя ревизіи у всѣхъ живущихъ. Въ случаѣ малѣйшаго сопротивленія употребляетъ военную силу».

Офицеры слушали намѣстника съ подобающимъ вниманіемъ и, когда онъ умолокъ, выразили единогласно готовность повиноваться его приказаніямъ и не жалѣть трудовъ и силъ. На дѣлѣ однакожь оказалась между ними значительная разница: одни стали служить холодно, безъ увлеченія, какъ служили въ своихъ полкахъ, имѣя въ виду единственно какую-нибудь награду: повышеніе въ чинѣ, лишній орденъ, деньги. Нѣкоторымъ были даже непріятны новыя обязанности; иное исполнялось ими просто-за-просто съ отвращеніемъ. Зато другіе простерли свое рвеніе до самыхъ крайнихъ предѣловъ: съ удовольствіемъ не спали ночи, караула подозрительныя, по ихъ мнѣнію, личности, вторгаясь внезапно въ дома для обысковъ, гдѣ переворачивали все вверхъ ногами, пилили ножки столовъ, стульевъ, кроватей; рѣзали на мелкіе куски сигары, если такія попадались подъ руку; такъ что послѣ такой ревизіи казалось, что по дому прошелъ опустошительный ураганъ. Нашлись между такими ретивыми къ новой службѣ офицерами любители переодѣваться въ деньщиковъ, въ солдатъ, становиться на часы въ разныхъ пунктахъ города для наблюденія такого рода, гдѣ обыкновенные полиціанты не годились.

Кромѣ усиленія полиціи, новый намѣстникъ приказалъ разставлять ежедневно по тротуарамъ всего города, съ 6-ти часовъ вечера до 6-ти часовъ утра, около 30-ти тысячъ человѣкъ солдатъ ²⁾, съ заряженными ружьями, отчасти для охраненія русскихъ пѣшеходовъ отъ нападенія заговорщиковъ, отчасти для задержки всякихъ подозрительныхъ лицъ. Въ крайнемъ случаѣ солдаты эти могли стрѣлять

¹⁾ По крайней мѣрѣ, эту цифру сообщилъ автору намѣстникъ, выразившійся въ подобныхъ случаяхъ зачастую весьма приблизительно. Автору не случилось провѣрить этой цифры официальнымъ путемъ. Всѣ свѣдѣнія объ устройствѣ новой полиціи и о первыхъ ея дѣйствіяхъ—авторъ имѣлъ также отъ намѣстника.

²⁾ Цифра тоже не провѣренная официальнымъ путемъ. Н. В.

въ нарушителей порядка. Сверхъ того двигалось по улицамъ множество патрулей и разъѣздовъ, также имѣвшихъ право задерживать подозрительныхъ и отводить ихъ въ цыркуль, гдѣ ихъ подробно осматривали.

Всѣ двойныя ворота, калитки и даже лишнія наружныя двери въ домахъ были забиты, и ходъ черезъ нихъ прекращенъ. Такъ, перестали ходить: черезъ извѣстный всей Варшавѣ домъ Резлера, на Браковскомъ предмѣстьѣ; черезъ домъ Грабовскаго, между Медовой и Даниловичевской улицей; черезъ палацъ Дызманскихъ и домъ Мрозовскаго, между Медовой и Подваломъ; черезъ домъ Потканскихъ, на Долгой улицѣ, и многіе другіе. Дворникамъ приказано находиться постоянно при домахъ, на своемъ мѣстѣ, и мгновенно исполнять всѣ требованія полиціи. Нѣсколько дворниковъ бѣжало, но потомъ нашлись такіе, которые стали поступать согласно новымъ предписаніямъ.

Вездѣ, во всей сложной машинѣ управленія городомъ и краемъ сдѣланы перемѣны. Намѣстникъ входилъ рѣшительно во все. Съ 8-ми часовъ утра начинали къ нему являться съ рапортами и докладами разные чиновники и офицеры — прежде всего комендантъ города и оберъ-полицеймейстеръ, обыкновенно вмѣстѣ, почему ихъ прозвали аяксами. Потомъ директоръ его канцеляріи, предсѣдатель слѣдственной комиссіи, генераль-аудиторъ, начальникъ главнаго штаба, командующій войсками, и т. д., и т. д., до самаго обѣда.

Назначивъ кому-нибудь изъ частныхъ или должностныхъ лицъ свиданіе, намѣстникъ помнилъ это и въ извѣстную минуту высылалъ адъютанта узнать, тутъ ли такое-то лицо? Выходилъ къ нему, или приглашалъ къ себѣ въ кабинетъ, не то извинялся, что ему некогда, и назначалъ другой день и часъ. Если адъютантъ не находилъ требуемое лицо въ приемномъ покоѣ, намѣстникъ ждалъ еще четверть часа и потомъ посылалъ къ неявившемуся казака. Опоздавшій вбѣгалъ затѣмъ какъ сумасшедшій, произносилъ разныя извиненія. Бергъ кротко улыбался и говорилъ: «это бываетъ!».

По воскресеньямъ у Берга бывали довольно торжественныя выходы, на которые собиралось много всякаго народа, болѣе всего выпившихъ военныхъ чиновъ. Намѣстникъ выходилъ изъ кабинета аккуратно въ одинъ и тотъ же часъ (въ половинѣ одиннадцатаго; опоздыванія случались рѣдко) и, перебросивъ два-три слова съ тѣмъ или другимъ генераломъ, болѣею частію по-русски, кивнувъ тому-другому лицу головою, приглашалъ всѣхъ собравшихся отслушать съ нимъ обѣдню въ замковой церкви, причемъ самъ становился всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, впереди всѣхъ, по правую руку, на боль-

шомъ ковръ; стоялъ въ высшей степени спокойно и при выносѣ даровъ и чтеніи евангелія падалъ на одно колено и преклонялъ голову. Иногда крестился такъ неопредѣленно, что нельзя было разобратъ, какой это крестъ: православный, или какой другой. Подъ конецъ обѣдни намѣстникъ первый прикладывался ко кресту и становился подлѣ священника, по лѣвую его руку, наблюдать—какъ прикладываются другіе и всё ли соблюдаютъ этотъ обрядъ? Было завѣдено, что каждый, приложившійся ко кресту, отвѣщивалъ поклонъ намѣстнику, на что тотъ отвѣчалъ также легкимъ поклономъ. Не дозволялось только этого дѣлать нижнимъ чинамъ конвоя, кубанскимъ казакамъ: они (переодѣвшіеся снова изъ желтыхъ въ синіе кафтаны), приложась ко кресту, поворачивали на лѣво кругомъ и шли, одинъ за другимъ, въ глубину церкви, къ заднему выходу, который, замѣтимъ въ скобкахъ, постоянно бдительно охранялся, чтобы черезъ него не могло проникнуть въ церковь лишнее лицо.

Въ большіе праздники и въ царскіе дни, намѣстникъ отправлялся въ соборъ, въ полной парадной формѣ, со множествомъ регалій, и тамъ слушалъ литургію, съ тѣмъ же наружнымъ благоговѣніемъ, какъ вездѣ, гдѣ только приходилось ему являть образцоваго православнаго начальника, такъ что старуха Андро ¹⁾, жена бывшаго Горчаковского президента города, посѣщавшая всё замковыя и другія русскія обѣдни въ Варшавѣ, много хѣтъ сряду,—сказала, послѣ нѣсколькихъ наблюденій за поведеніемъ новаго намѣстника въ церкви:

— «Пережила я семь намѣстниковъ, а ни одинъ изъ нихъ не былъ такимъ православнымъ, какъ нѣмецъ Бергъ!»

Въ хорошіе дни намѣстникъ катался по городу, или Лазенковскому парку, въ открытой коляскѣ, съ адъютантомъ, при конвоѣ въ десять человекъ кубанцевъ; иной разъ посѣщалъ раненыхъ офицеровъ въ Уздовскомъ госпиталѣ, осматривалъ работы въ цитадели, не то на большомъ желѣзномъ мосту, чрезъ Вислу (который строился

¹⁾ Урожденная Оленина, когда-то извѣстная красавица, съ черными, выразительными глазами, которые воспѣлъ Пушкинъ:

Она мила, скажу межъ нами,
Придворныхъ лютявей гроза,
И можно съ южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ея черескіе глаза.
Она владѣть вни смѣло,
Они горятъ огни живѣй,
Но самъ сознайся, толи дѣло
Глаза Олениной моей!

Н. В.

тогда весьма поспѣшно: работали даже по ночамъ, при фонаряхъ); объѣзжалъ лагеря войскъ, производилъ маленькіе смотры на Саксонской площади, большіе на Уяздовской и Мокотовскомъ полгѣ; наконецъ ѣздилъ верхомъ за городъ; позже охотился съ борзыми и былъ при этомъ неутомимъ.

Время отъ времени назначались дни для стрижки. Бергъ говорилъ дежурному адъютанту: «сегодня въ такомъ то часу не принимать: будетъ стрижка!». Въ самомъ дѣлѣ являлся цирюльникъ и довольно долго чикалъ въ воздухъ ножницами, подравнивая десятокъ-другой волосковъ, вылѣзшихъ мѣстами изъ-подъ парика; послѣ чего уже самъ намѣстникъ бралъ въ руки ножницы и, глядя въ зеркало, тоже чикалъ нѣсколько минутъ около висковъ. Все это, начиная съ официальныхъ утреннихъ пріемовъ, выходовъ, обѣденъ—до прогулокъ по городу и за городомъ, смотровъ, охотъ и стрижки—производилось въ высшей степени аккуратно, шло одно за другимъ, какъ заведенные часы.

Спать новый намѣстникъ очень мало: часа 4—5, дополняя недостатокъ сна въ постелѣ поминутнымъ дреманіемъ въ креслахъ во время безчисленныхъ докладовъ и на засѣданіяхъ въ разныхъ совѣтахъ и комитетахъ; но нельзя было довѣрять этой дремотѣ, этому частому закрыванію маленькихъ черныхъ глазъ, и безъ того вѣчно прищуренныхъ и улыбающихся: это было, въ большинствѣ случаевъ, дреманіе старой лисицы подлѣ плескавшей въ озерѣ утки, или kota неподалеку отъ мыши, которую онъ же самъ и пускалъ погулять. Бергъ большею частію все тогда видѣлъ и слышалъ, и вверни докладывающій въ свой докладъ что-либо такое, что было неудобно намѣстнику, или пропусти иное слово, которое не слѣдовало пропускать: дремлющій котъ ту же минуту пробуждался, поглядывалъ строго кругомъ, иной разъ даже бурчалъ что-то сквозь свои небольшіе усы... и потомъ какъ бы опять закрывалъ глаза, но въ нихъ проявлялась скрытая жизнь, свѣтился въ узенькія щелки, между сомкнутыми вѣками, бѣгающій, подозрительный огонекъ....

Минуты дреманія на совѣтахъ, когда рѣшался какой-нибудь болѣе или менѣе серьезный вопросъ, были въ особенности подозрительны: намѣстникъ употреблялъ ихъ зачастую для выслушиванія различныхъ мнѣній, которыя высказывались собравшимися, взвѣшивалъ ихъ въ своихъ мысляхъ, слыхалъ одно мнѣніе съ другимъ, и, когда все было достаточно соображено, онъ пробуждался и подавалъ свой голосъ. Это бывало впрочемъ только въ дѣлахъ съ общимъ, безынтереснымъ для самого намѣстника содержаніемъ, гдѣ онъ былъ постороннимъ, холоднымъ судьей. Но коснись дѣло предмета, лично его интересова-

вшаго—тутъ ужъ онъ не спалъ, не взвѣшивалъ и не соображалъ ничего ровно, а высказывалъ сразу свой взглядъ, и сбить его было очень трудно, развѣ показывали высочайшее повелѣніе, но и тогда онъ придумывалъ разныя увертки, чтобы отложить рѣшеніе въ долгій ящикъ.

Недовѣріе намѣстника ко всѣмъ на свѣтѣ людямъ, особенно славянскаго происхожденія, не знало границы. Онъ ничему не вѣрилъ, никакимъ божбамъ и клятвамъ, а только своему собственному глазу и уху.

— Сдѣлали вы исправленіе въ такой-то бумагѣ?—спрашивалъ онъ иной разъ у кого-либо изъ своихъ чиновниковъ, являвшихся по утрамъ, съ докладами.

— Какъ же, ваше сіятельство, сдѣлалъ,—отвѣчалъ чиновникъ.

— А покажите!

Другой разъ, при докладѣ, кто-нибудь ссылаясь на тотъ или другой томъ, статью или параграфъ, извѣстныхъ узаконеній.

— А покажите!

И томъ развертывался, статья принскивалась и указывалась пальцемъ. Поэтому, всѣ необходимые для справокъ томы находились постоянно тутъ же, подъ рукою, на большомъ столѣ и на полкахъ низенькаго шкафа. Кромѣ того, въ обширномъ и удобномъ во всѣхъ отношеніяхъ кабинетѣ намѣстника ¹⁾, висѣли для разныхъ справокъ, двѣ огромныя карты: Варшавы и Царства. Въ углу, налѣво, къ окнамъ, въ двухъ шагахъ отъ всей этой прозы, выступала и поэзія: жардиньерки и вазоны, съ прекрасными цвѣтами, находившимися вѣчно въ необыкновенномъ, блестящемъ порядкѣ. Имъ производилась такая же аккуратная стрижка, какъ и парикъ намѣстника, или еще аккуратнѣе. Середину кабинета занимала разная необходимая мебель: два большихъ письменныхъ стола, нѣсколько кушетокъ, стульевъ, креселъ, дивановъ и диванчиковъ. Иное намѣстникъ любилъ самъ передвигать и перетаскивать съ мѣста на мѣсто и дѣлалъ это, болѣею частію, тогда, когда кто-нибудь входилъ въ комнату, чтобы видѣли, какъ намѣстникъ простъ въ своей жизни и привычкахъ, и сверхъ того, какъ бодръ и крѣпокъ.

Но, что бы тамъ кто ни подмѣчалъ въ новомъ намѣстникѣ, какія бы странности и недостатки въ немъ порою ни проявлялись: все-таки мгновенно почувствовалось всѣми, изъ конца въ конецъ Царства, и даже дальше, за границей, что въ бывшемъ королевскомъ замкѣ

¹⁾ Угловая комната на замковую площадь, та-же самая, гдѣ были кабинеты Паскевича и послѣдующихъ намѣстниковъ.

Варшавы поселился вполне строгій ховяинъ. Множество опасныя и безпокойныхъ личностей бѣжало въ Галицію и подняло тамъ страшные крики. Краковскіе анархисты встрепенулись. Нелѣпная брошюра «Wtył» («Назадъ»), вышедшая въ свѣтъ еще въ юнѣ мѣсяцѣ 1863 г. и заключающая въ себѣ совѣты, которыхъ тогда никто не намѣренъ былъ слушать, теперь вдругъ приобрѣла въ глазахъ очень многихъ поляковъ значеніе и силу. Ее стали читать безъ улыбокъ, какъ книгу серьезную, написанную человѣкомъ, который знаетъ, что надо дѣлать. Словомъ, съ этой брошюрой произошло то же, что произошло когда-то съ проектомъ полковника Заливскаго: пока все кругомъ было спокойно, этотъ проектъ считали бредомъ сумасшедшаго, а какъ-только всѣ раздражились, то и «пошла писать губернія!»¹⁾

Брошюра говорила, что прежде всего напрашиваются двѣ мѣры: «нужно, вопервыхъ, попятиться назадъ (Wtył)... предать всему краю повстанскій характеръ.... соединить съ воюющею русскою Польшею и нѣмецкіе захваты, только не дырявой солидарностью, а прочною, плотно съ Царствомъ и провинціями связанной организаціей. Пускай жондъ, рѣшительными мѣрами, гарантируетъ народу увѣренность въ томъ, что возстаніе ни прекращено, ни парализовано быть никакѣмъ не можетъ. Для этого нужно: чтобы народное правительство, какъ настоящее правительство, представило, черезъ своихъ уполномоченныхъ агентовъ, всѣмъ европейскимъ державамъ открытый манифестъ, что тутъ дѣло идетъ не объ уступкахъ и не о реформахъ, а бьемся-де мы изъ-за цѣлой, свободной и независимой Польши, и что прежде, чѣмъ достигнемъ цѣли, всякое сложеніе оружія считаемъ измѣной и самубійствомъ. Нужно потомъ, чтобы возникъ революціонный трибуналъ, стоящій выше жонда, какъ бы совѣсть народа и неумятная справедливость, правящій посредствомъ хорошо-устроенной партіи ножевниковъ (dobrze uorganizowanej kompanji nożowników)²⁾. Характеръ и потребность подобнаго учрежденія основываются на слѣдующемъ: несмотря на продолжающееся нѣсколько мѣсяцевъ возстаніе, народъ находится въ постоянной тревогѣ, боясь, чтобы какое-либо изъ первостепенныхъ государствъ, противоборствующихъ нашему дѣлу

¹⁾ «Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ», стр. 20.

²⁾ Вѣроятно Бобровскій, внося революціонный трибуналъ въ свой уставъ, до нѣкоторой степени раздѣлялъ воззрѣніе на этотъ предметъ брошюры Wtył, и можетъ быть бесѣдовалъ объ этомъ неразъ съ ея авторомъ, коего имя ни для кого въ Краковѣ не было тайной. Письмо народнаго правительства къ Лангевичу, писанное Бобровскимъ, было почему-то напечатано въ концѣ брошюры «Wtył».

по своей натурѣ, не сѣло намъ вдругъ на плечи. Это такъ просто Дипломатія мѣшать этому не станетъ. Развѣ-жъ не видѣли мы, какъ русскія войска переходили черезъ границу и возвращались оттуда съ музыкой. А якобы-либеральный первый министр якобы-либеральной Англїи не усматривалъ въ этомъ никакого нарушенія нейтралитета и правъ народныхъ. Останавливать подобные порывы можетъ единственно революціонный трибуналъ».

«Необходимо далѣе, чтобы въ край, въ виду противоборствующихъ партій, основанныхъ на безличности жонда, предотвратить всякую возможность дѣйствительнаго движенія назадъ.

. Необходимо убрать (Sprzątnąć) Великаго Князя Константина Николаевича, Велепольскаго, Муравьева, Анненкова, Назимова, Ченгери, Длотовскаго, Друцкаго и проч. и проч. и проч. Хотя бы пришлось пожертвовать единственно на это тысячу человекъ и сто тысячъ рублей».

Многіе читали это теперь съ большимъ удовольствіемъ и хотѣли бы примѣнить къ дѣлу. Только въ августѣ подставлялись конечно другія имена вмѣсто іюньскихъ. Маленькій польскій Маццини, никѣмъ невидимый и тайно двигающій все красное, Игнатій Хмѣленскій, кого никто и никогда не могъ поймать, несмотря на все желаніе: ни русскіе, ни австрійцы, ни прусаки, ни своя революціонная поляція, слыша отъ бѣглецовъ изъ варшавской организаціи объ ожидающихъ край перемѣнахъ, — составилъ, съ кучкой преданныхъ ему друзей, планъ различныхъ террорическихъ дѣйствій и перебрался секретнымъ образомъ въ Варшаву, около половины августа н. ст.; съ нимъ были: Эдуардъ Кокосинскій, Станиславъ Франковскій, Эдуардъ Лисикевичъ и нѣкоторые другіе такого-жъ характера люди. Они ровискали, ту же минуту, кучку недовольныхъ жондомъ (кого Авейде совѣтовалъ товарищамъ, при послѣднемъ Coup d'Etat, убрать энергическимъ способомъ). Къ этимъ присоединилась очень скоро еще такая же кучка. Въ самомъ жондѣ оказались измѣнники...

Жондъ узналъ о прибытіи въ Варшаву сказанныхъ лицъ, а также и то, что они, со всѣми недовольными, собираются чаще всего на Долгой, у Наржимскаго — и велѣлъ начальнику своей народной стражи, Павлу Ляндовскому, арестовать ихъ и посадить куда-нибудь, впредь до рѣшенія ихъ участи особой комиссіей.

Ляндовскій, взявъ съ собою достаточное количество надежныхъ стражниковъ, явился въ позднюю пору у дома, гдѣ жилъ Наржимскій, и, когда гости послѣдняго, наговорившись сколько душѣ угодно и покутивши, вышли несовѣмъ трезвой кучей на улицу, — окружилъ стражей и приказалъ имъ слѣдовать за собою.

«Забавнѣе всего было видѣть (говорить въ своихъ «Запискахъ» Ляндовскій), что правительственная полиція, стоявшая въ воротахъ цыркула ¹⁾, который помѣщался рядомъ съ домомъ, гдѣ жилъ Наржимскій, смотрѣла на всю эту сцену преспокойно и ничуть не мѣшалась въ дѣло, хотя было совершенно ясно, что такое происходитъ, и Кокосинскій сильно сопротивлялся».

Арестованныхъ отвели въ Баварскую гостинницу, что на Беднарской улицѣ, и помѣстили въ номеръ какого-то Чарковского. Конечно, позволительно спросить, отчего вела себя такимъ образомъ настоящая полиція и чего смотрѣли патрули, шмыгавшіе тогда поминутно во всѣхъ направленіяхъ по городу? Какъ случилось, что они не арестовали ватагу повстанцевъ, пробиравшихся съ Долгой на Беднарскую улицу довольно шумно? ²⁾ Полиція и патрули не сразу научились вести себя какъ слѣдуетъ.... Вспомнимъ, что рассказанная сцена арестованія повстанцевъ повстанцами происходила не позже какъ черезъ недѣлю послѣ вступленія гр. Берга въ должность намѣстника.

Жондъ народовый, на другой же день по арестованіи анархистовъ, нарядилъ комисію, состоявшую изъ директора военного департамента Качковскаго, коменданта города Козелло, организатора Лемпке и его помощника, Юсіфа Петровскаго, — и приказалъ имъ «разобрать дѣло арестованныхъ».

Петровскій, бывшій давно на сторонѣ недовольныхъ жондомъ, тотчасъ подалъ голосъ за обвиняемыхъ въ покушеніи испровергнуть народное правительство, говоря, что они, какъ революціонеры, совершенно правы, ибо народное правительство не дѣлаетъ того, что нужно, не распоряжается соотвѣтственно обстоятельствамъ; что противъ него въ городѣ все, и еслибы произошла усобица — его ратники были бы навѣрное побиты. Лемпке, старый врагъ лицъ, изъ которыхъ слагался жондъ четвертаго состава, поддержалъ Петровскаго. Остальные; директоръ войны и комендантъ, возражали слабо, такъ какъ они, хотя и не были ультра-красными, но считали ультра-красный элементъ въ управленіи краемъ въ то время совсѣмъ нелишнимъ.

Жондъ ³⁾, узнавъ о такомъ невыгодномъ для него рѣшеніи дѣла

¹⁾ III-й цыркуль, донинѣ находящійся въ томъ же самомъ пунктѣ на Долгой улицѣ.

²⁾ Отъ III-го цыркула до Баварской гостинницы около версты. Народная полиція искала в Хмѣленскаго, но не могла найти.

³⁾ Составъ его въ ту минуту у Гиллера означенъ такъ: К. М. (Karol Majewski), J. J. (Józef Janowski) і М. Ч. (Mieczysław Chwałibóg?). I, 225, примѣчаніе.

имъ же созданной комиссіей, сталъ-было готовиться къ борьбѣ, но потомъ, сообразивъ положеніе вещей, уступилъ мѣсто противникамъ безъ боя. Наибольше несогласные на уступки: Маевскій и Яновскій, едва не погибли...

Окончательная сдача всѣхъ суммъ, документовъ и печатей новому народному правительству (куда вошли членами: Игнатій Хмѣленскій, Станиславъ Франковскій, Эдуардъ Кокосинскій, Іосифъ Нарцидскій, Іосифъ Петровскій и Качковскій)¹⁾ послѣдовала только 5-го (17-го) сентября, хотя это народное правительство уже дѣйствовало съ недѣлю или съ полторы, открывъ свои засѣданія (въ концѣ августа по н. ст.) предложеніемъ самыхъ дерзкихъ и даже, болѣею частію, неисполнимыхъ проектовъ: «подорвать кредитъ русскаго правительства, выпускомъ значительнаго количества фальшивыхъ ассигнацій; подвести мины подъ всѣ русскія церкви; отравить солдатскіе котлы; бомбардировать цитадель и, наконецъ, убить намѣстника».

По части заготовленія фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, Хмѣленскій входилъ (какъ увѣрялъ товарищѣй) въ сношенія съ Лондономъ, бывши еще за границей; а для взрывовъ и минъ выписалъ тогда же изъ Парижа двухъ отчаянныхъ авантюристовъ, Ганье д'Альбена и Маньяна, которые прибыли въ Варшаву еще до переворота, въ половинѣ августа по н. ст., и остановились въ Европейской гостинницѣ, но Маньянъ запросилъ впередъ такую огромную сумму (два милліона золотыхъ, по-нашему 300 тысячъ рублей), какою жондъ не располагалъ, а можетъ и не хотѣлъ дать—и оба минера уѣхали обратно во Францію.

Хмѣленскій поручилъ послѣ этого веденіе всѣхъ этихъ дѣлъ какому-то доморощеннымъ минеромъ, между коими извѣстенъ только Бальцеръ, сосланный, въ февралѣ 1861 года, въ кронштадтскія арестантскія роты за наклеиваніе возмутительныхъ плакатовъ на дома и заборы Варшавы²⁾, а въ ноябрѣ 1862 года—помилованный и возвращенный въ край. Пока эти минеры придумывали способы, какъ исполнить мудреное порученіе своего страшнаго начальника, этотъ начальникъ совѣщался съ своими новыми товарищами по управленію Варшавой и краемъ, относительно мѣръ, могущихъ привести къ вѣрнѣйшему и скорѣйшему уничтоженію человѣка, который не сегодня-

¹⁾ Иные считаютъ очень близкими лицами къ жонду 5-го состава Войтъха Бѣхонскаго и Адама Асныка.

²⁾ Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ, стр. 182. Н. В.

завтра долженъ сдѣлаться намѣстникомъ Царства Польскаго. Это было какъ-равъ въ то время, когда Великій Князь находился въ Царскомъ Селѣ, по вызову Государя (между 13-мъ и 25-мъ августа 1863 г.), и всѣ знали, что Его Высочество къ прежнему посту уже не вернется).

27-го августа н. ст., въ квартирѣ Качковскаго (на углу Варецкой площади и Мазовецкой улицы, въ домѣ графа Станислава Островскаго, подъ № 1,552), новое народное правительство, съ участіемъ нѣсколькихъ лицъ изъ городской организаціи, разсматривало разные проекты «объ уничтоженіи графа Берга»¹⁾. Въ одномъ проектѣ совѣтовали «выстрѣлить изъ ружья картечью»; въ другомъ «бросить нѣсколько гранатъ подъ коляску». По обсужденіи дурныхъ и хорошихъ сторонъ этихъ проектовъ, рѣшено «соединить то и другое вмѣстѣ: картечь и гранаты». Потомъ прибавлено еще «разлитіе горячей жидкости по мостовой, гдѣ будетъ сдѣланъ выстрѣлъ и брошены гранаты, дабы огнемъ и удушающимъ дымомъ произвести болѣе переполоху между всѣми, кто прибудетъ къ жертвѣ на помощь».

Внимательный осмотръ отлитыхъ еще въ маѣ мѣсяцѣ гранатъ показавъ, что онѣ недостаточно практичны. Вслѣдствіе этого добыто гдѣ-то организаторомъ Лемпке нѣсколько штукъ новыхъ гранатъ, усѣянныхъ пистонами, на подобіе Орсиніевыхъ²⁾. Эти гранаты Лемпке передалъ повстанско-полицейскому чиновнику Павлу Эккерту, который помѣстилъ ихъ сперва у себя дома, на укусномъ заводѣ своего отца, а потомъ перенесъ на Электоральную улицу, въ домъ подъ № 787, на квартиру главноуправляющаго химическими заведеніями жонда, провизора Антона Шмита.

Въ одинъ изъ самыхъ послѣднихъ дней августа мѣсяца по н. ст. (30-го или 31-го), прибылъ къ Шмиту мастеровой съ фабрики накладнаго серебра Норблина, Брониславъ Яскульскій (въ организаціи Вгонек), зарядилъ 5 гранатъ, ввернулъ въ нихъ стержни и наложилъ пистоны. Ружье для выстрѣла взялся достать одинъ изъ повстанскихъ жандармовъ, юнкеръ Станиславъ Карвовскій³⁾, прозвищемъ фокусникъ (Kuglarz), а также Силезецъ (Słezak), и потребовалъ на это полтора ста рублей, которые и были ему немедля отпущены Качковскимъ, но онъ ихъ тутъ же пропилъ съ товарищами

¹⁾ Тогда же подписанъ декретъ, которымъ всѣ русскіе, живущіе въ Царствѣ, лишались покровительства законовъ (byli wujęci z-pod prawa).

²⁾ Изображеніе ихъ въ книгѣ Устимовича: «Заговоры и покушеніе на жизнь графа Берга», стр. 66. Изображеніе гранатъ Орсини въ Illustration, Journal universel, 1870 г., 7-го мая, № 1,419, стр. 344.

Н. В.

³⁾ Устимовичъ даетъ ему имя Юліанъ.

въ разныхъ погребкахъ, еще взялъ у Качковскаго 30 рублей — и тѣ пропилъ, а ружье досталъ просто-за-просто изъ повстанскаго ружейнаго склада, помѣщавшагося въ домѣ Грабовскаго, на Медовой. Это была старая охотничья двустволка. Карвовскій испробовалъ ее въ лѣсу, подѣ дер. Милосной, и снесъ на квартиру каменьщика Феликса Красускаго (тоже повстанскаго жандарма), въ домѣ Замойскаго, на Новомъ-Свѣтѣ, гдѣ была, въ одномъ изъ флигелей, жандармская канцелярія жонда.

Послѣ этого начальнику народной стражи, Ляндовскому, было поручено отыскать удобное и безопасное мѣсто для бросанія гранатъ.

Имѣлось въ виду нѣсколько пунктовъ на Краковскомъ предмѣстьѣ и Новомъ-Свѣтѣ, гдѣ графъ Бергъ, тогда уже намѣстникъ¹⁾, ѣздилъ ежедневно, и гдѣ можно было бросить гранаты и выстрѣлить. Главными изъ нихъ считались: полуразрушенные дома въ узкой части Краковскаго предмѣстья, гдѣ нынѣ скверъ, — и еще домъ графа Андрея Замойскаго, на Новомъ-Свѣтѣ. Но первый изъ этихъ пунктовъ признанъ неудобнымъ за отсутствіемъ въ близкомъ отсюда разстояніи заборовъ, садовъ и загромажденных разными мелкими постройками дворовъ, гдѣ бы исполнители проекта могли въ первыя минуты укрыться. Кромѣ того, въ одномъ изъ домовъ того же пункта, еще оставшемся цѣлымъ, жили офицеры прусскаго полка и помѣщался солдатскій караулъ, а въ домѣ Мальча, неподалеку оттуда, былъ Х дыркулъ, наполненный новыми полиціантами²⁾. Наиболѣе удобнымъ для исполненія проекта признанъ домъ графа Андрея Замойскаго. Осмотръ его показалъ, что лучше пункта и выдумать невозможно: внутри было нѣсколько дворовъ и строеній, а сзади тянулся огромный садъ, примыкавшій къ еще болѣе обширнымъ садамъ Свентокршискаго монастыря, куда стрѣлявшіе могли немедля укрыться и потомъ бѣжать на Мазовецкую улицу. Ворота дома смотрѣли крѣпостными: ихъ можно было запереть — и никакая на свѣтѣ воинская команда, хотя бы рота солдатъ, не въ состояніи была бы вскочить во дворъ ту же минуту послѣ выстрѣла и преслѣдовать уходящихъ. Возникъ только споръ о томъ,

¹⁾ Сталъ подписываться: «исправляющій должность намѣстника» съ 28-го августа ст. ст. 1863 г. См. № 206, Dziennika Powszechnego, 1863 г., стр. 827.

²⁾ Всѣ эти дома начали разрушать еще при Велепольскомъ, но жандармъ разогналъ рабочихъ (см. приказъ начальника города Варшавы, отъ 12-го апрѣля в. ст., за № 9, стр. 8). Солдаты употребляютъ на такія работы въ то время не хотѣли. Дома были снесены позже, при графѣ Бергѣ, солдатами, и на очищенномъ мѣстѣ, черезъ три года, явился скверъ (открытъ для публики въ концѣ іюля ст. ст. 1866 г.).

изъ какого этажа бросать гранаты и стрѣлять изъ ружья? Сначала предполагали сдѣлать это изъ бильярдной комнаты, надъ кондитерской Новацкивскаго, между партеромъ (нижнимъ этажомъ) и бельэтажомъ. Одинъ изъ подчиненныхъ Ляндовскому «стражниковъ», Ричардъ Рутковскій, говорилъ, что «оттуда можно, просто-за-просто, положить гранату въ коляску». Но въ бильярдной постоянно толклось множество всякаго народу и удалить его на нѣсколько часовъ, не возбуждая ни чьихъ подозрѣній, было трудно. Неизвѣстно было также, согласился-ли бы на это хозяинъ кондитерской и можно-ли ему ввѣрить тайну? Послѣ обхода всей фронтальной части дома, насколько это было возможно, выбранъ наконецъ 6-й номеръ (нынѣ 12-й)¹⁾, на 4-мъ этажѣ большого дома Замойскихъ (по нашему 5-й, подъ самой крышей), гдѣ былъ корридоръ во всю длину зданія, безъ всякихъ перерывовъ и дверей по серединѣ, позволявшій заговорщикамъ перебѣжать мгновенно съ одного конца на другой и спуститься по черной лѣстницѣ на задній дворъ, а оттуда перейти въ садъ. Въ этотъ номеръ снесены всѣ необходимыя для покушенія предметы: гранаты, порохъ, рубленый свинецъ, бутылки съ горючею жидкостью и ружье.

Послѣ разныхъ колебаній и отсрочекъ покушенія со стороны лицъ, изъявившихъ согласіе дѣйствовать непосредственно, назначенъ наконецъ день: 7-го (19-го) сентября, а часъ предположили выбрать, смотря по обстоятельствамъ, между 2 и 6 часами пополудни. Въ теченіе всего этого времени, съ 3-го по 7-е сентября ст. ст., заговорщики бродили по разнымъ погребкамъ и сильно кутили. Чаше всего бывали у Стоцкевича, на Медовой (гдѣ теперь Пурвинъ), и у Добрыча, на Краковскомъ предмѣстьѣ. Въ этихъ пунктахъ былъ составленъ подробный планъ нападенія, и розданы роли, что кому дѣлать.

Такъ какъ жондъ народовой обѣщалъ за удачное покушеніе 1,000 рублей, что объявлено было незадолго до назначеннаго срока, то исполнителей оказалось болѣе, чѣмъ нужно—и они другъ другу только мѣшали.

Утромъ 7-го (19-го) сентября всѣ участники въ покушеніи помѣстились въ сказанномъ номерѣ, имѣвшемъ двѣ комнаты и три окна²⁾. Тутъ были: начальникъ народовой стражи, Павелъ Ляндовскій; его товарищъ по воспитанію и пріятель Павелъ Эккертъ; рѣшникъ на

¹⁾ Навѣтъ Рутковскимъ у мѣстнаго управляющаго Леопольда Бучинскаго, 3-го (15-го) сентября 1863 г.

²⁾ Комната, откуда стрѣляли, — 7 шаговъ длиною и 6 шириною, въ два окна. Рядомъ комната въ 7 шаговъ длиною и 5 шириною, съ однимъ окномъ. Здѣсь лежали снаряды.

деревѣ, Ричардъ Рутковскій; сынъ уѣзднаго начальника Мариампольскаго уѣзда, Августовской губерніи, Владиславъ Внентовскій (въ организаціи Хромой, а также Косоватый Владекъ—*kulawy, zyzowaty Wladek*); Станиславъ Карвовскій; два брата каменьщики: Феликсъ и Доминикъ Красускіе, и сынъ мясника Альбертъ Кунке.

Нельзя сказать, чтобы все приготовляемое скрывалось въ глубокой тайнѣ: многіе изъ жителей Варшавы знали, что «какому-то высокопоставленному лицу угрожаетъ близкая опасность» ¹⁾, что «жондъ перестроился и затѣваетъ что-то рѣшительное противу всѣхъ русскихъ». Существовало даже секретное приказаніе жонда: «не толпиться на Новомъ-Свѣтѣ съ первыхъ чиселъ сентября по н. ст., между 2 и 6 часами пополудни».

Этого послѣдняго приказанія никто не слушался: жизнь въ эти дни текла въ Варшавѣ, во всѣхъ пунктахъ, обычнымъ порядкомъ.

Графъ Бергъ отправился, 7-го (19-го) сентября, въ 4-мъ часу передъ обѣдомъ, въ открытой коляскѣ, съ адъютантомъ, штабъ-ротмистромъ Валемъ, и въ сопровожденіи конвоя изъ десяти кубанскихъ казаковъ, въ Лазенки; посѣтилъ въ Сельце ²⁾ равенныхъ офицеровъ и въ шестомъ часу воротился въ городъ тѣми же улицами.

Когда коляска поравнялась съ большимъ домомъ Замоискихъ, изъ одного окна 4-го этажа ³⁾ грянулъ выстрѣлъ: картечь пробила воротникъ пальто, лежавшаго въ накидку на плечахъ графа, пройдя такъ близко около шеи, что графъ почувствовалъ сильный ударъ, какъ бы кулакомъ ⁴⁾, и не понимая, откуда стрѣляютъ, вскочилъ на ноги, вмѣстѣ съ бывшимъ подлѣ него адъютантомъ, и оба стали озираться направо и налево. Вдругъ послѣдовали взрывы пяти гранатъ, около коляски и между лошадей конвоя, причеиъ ранію осколками обѣихъ дышловыхъ лошадей и пять казачьихъ, а также трехъ казаковъ ⁵⁾.

¹⁾ Видно изъ разныхъ перехваченныхъ писемъ того времени.

²⁾ Прекрасный паркъ съ небольшимъ дворцомъ, верстахъ въ полтора отъ Лазенокъ, противъ загородной гостиницы Марцеллины.

³⁾ Одинадцатое окно, если считать слѣва направо отъ угла, примыкающаго къ малому дому Замоискихъ, гдѣ теперь Русскій клубъ.

⁴⁾ Самъ связывалъ автору. Ниже составлено все по его-же разсказамъ, съ добавленіемъ, гдѣ нужно, официальныхъ указаній. Н. В.

⁵⁾ Роли были розданы такъ: Карвовскій стрѣляетъ изъ ружья. Феликсъ и Доминикъ Красускіе бросаютъ по бутылкѣ съ горячею жидкостью. Они же потомъ, съ Внентовскимъ, Кунке и Рутковскимъ, бросаютъ гранаты.

Въ коляскѣ, по сдѣланному потомъ осмотру, оказалось 17 пробранъ. Двѣ казачьихъ лошади къ вечеру того-же дня пали. Рисовавшій картину этого со-

Одновременно съ гранатами легли на мостовую бутылки съ горючею жидкостью, которая разлилась по камнямъ и горѣла довольно долго, въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Дымъ отъ нея и отъ гранатъ наполнилъ всю улицу, между паладомъ Замоискихъ и домомъ, гдѣ теперь 1-я гимназія, и это обстоятельство помѣшало Карвовскому сдѣлать другой выстрѣлъ, и онъ, бросивъ ружье у дверей, бѣжалъ, со всѣми своими товарищами, тѣмъ путемъ, о которомъ было сказано: т. е. корридормомъ, черной лѣстницей, узкимъ дворомъ, по направленію къ конюшнямъ и саду, и, наконецъ, самымъ садомъ—на Мазовецкую улицу.

Намѣстникъ, послѣ первыхъ минутъ смущенія, приказалъ адъютанту взять четырехъ казаковъ изъ конвоя и проходившій мимо патруль изъ 5-ти солдатъ Прусскаго полка и отправиться въ домъ Замоискаго, на розыски виновныхъ по свѣжимъ слѣдамъ. Легко было это приказать, но нелегко исполнить: ворота и калитки въ обоихъ домахъ были заперты. Расположеніе дома и его лѣстницъ въ разныхъ этажахъ было неизвѣстно. Послѣ напрасныхъ усилій попасть въ домъ, обыкновеннымъ способомъ, черезъ ворота и калитки, Валь проникъ туда чрезъ кондитерскую и взбѣжалъ вверхъ, по одной изъ парадныхъ лѣстницъ фронтальной части зданія: оказалось, что она вела только до третьяго этажа! Пока отыскивали лѣстницу, ведущую прямо на четвертый этажъ (она была во дворѣ), прошло довольно времени: всѣ участвовавшіе въ покушеніи были тогда уже далеко ¹⁾.

бытія, профессоръ А. Шарлеманъ, сдѣлалъ въ первоначальномъ рисункѣ все, какъ было въ дѣйствительности: графъ стоитъ въ коляскѣ на ногахъ и осматривается. Послѣ приказано все это передѣлать: позѣ графа сообщено неестественное въ такую минуту спокойствіе. Валь также неестественно-спокойно докладываетъ о чемъ-то графу, держа руку подъ козырекъ. Маханіе платкомъ изъ окна въ бельэтажѣ, по лѣвую сторону палаца,—тоже чье-то изобрѣтеніе. На дѣлѣ никакого маханія не было.

Н. В.

¹⁾ Они укрывались сначала по разнымъ домамъ въ Варшавѣ, а потомъ на третій день послѣ покушенія, 9-го (21-го) сентября, въ 8 часовъ утра, сошлись всѣ въ виннобакалейномъ магазинѣ Добрича. Ляндовскій выразилъ имъ, отъ имени жовда, крайнее сожалѣніе, что покушеніе не удалось, и сказалъ, что это обстоятельство лишаетъ ихъ обѣщанной награды, т. е. 1,000 рублей. Послѣ чего далъ Карвовскому полтораста рублей, Внентовскому золотые часы и кусокъ шелковой матеріи, рублей въ 30, женѣ его на платье; Феликсу Красускому—75 рублей, а Доминику Красускому, Бунке и Рутковскому— по 60 рублей. Всѣ они шумѣли и были недовольны. Карвовскій и Внентовскій говорили, что имъ однимъ слѣдуетъ дать, по крайней мѣрѣ, по 200 рублей на брата.... Потомъ большинство ихъ скрылось изъ Варшавы. Рутковскій могъ быть взятъ, но его спасла старая полиція. Ляндовскій ушелъ, имѣя

Послѣ этого ничего не оставалось, какъ арестовать всѣхъ мужчинъ, какіе будутъ найдены въ домѣ, и отправить въ цитадель для разныхъ распросовъ. Арестовано 227 человекъ и помѣщено временно среди двора (гдѣ теперь небольшая аллея акацій, а тогда былъ скверъ), въ цѣли солдатъ. Между арестованными находился и тогдашній хозяинъ дома, графъ Станиславъ Замойскій, остановленный въ саду комендантомъ, княземъ Бебутовымъ въ то время, когда онъ хотѣлъ уйти черезъ калитку на Свентокршискую улицу,—и зять его, князь Тома Любомірскій. Многие изъ арестованныхъ, уставши стоять на ногахъ нѣсколько часовъ сряду (ихъ держали тамъ съ 6-ти часовъ вечера до 12-ти ночи), сѣли на камни, въ томъ числѣ и Замойскій—маленькій Марій на развалинахъ Кароагена! Чтò онъ чувствовалъ, чтò вращалось въ его мысляхъ, когда онъ—наслѣдникъ одного изъ самыхъ громкихъ именъ старой Польши, правнукъ великаго короннаго канцлера, Андрея Замойскаго, праправнукъ Тома Замойскаго, тоже великаго короннаго канцлера, и потомокъ великаго короннаго гетмана Яна Замойскаго,—сидѣлъ на камняхъ своего широкаго, барскаго двора, рядомъ съ кучерами, поварами и лакеями своихъ постояльцевъ и среди своей собственной прислуги!... Впрочемъ, на видъ онъ былъ очень спокоенъ ¹⁾. Когда офицеры, бывшіе при солдатахъ, стали повторять его имя, онъ сказалъ: «вамъ меня нужно—я Замойскій!». Зять его, Любомірскій, стоялъ все время на ногахъ—высокій и прямой, какъ колонна, въ маленькой фуражкѣ на головѣ, съ руками, сложенными крестъ-на-крестъ; былъ мраченъ и кидалъ кругомъ свирѣпыя взгляды....

Между тѣмъ домъ былъ окруженъ войсками. По точному смыслу

паспортъ на имя львовскаго купеческаго прикащика Фейнтуха, и въ октябрѣ мѣсяцѣ собралъ, въ мазовецкомъ воеводствѣ, банду, которою командовалъ недолго, подъ именемъ Косы, а послѣ соединился съ Жпхлинскимъ. Внентовскій оставался въ Варшавѣ, принявъ имя Понговскаго и сдѣлавшись сапожникомъ. Куда дѣвались остальные—въ точности неизвѣстно. Были слухи, что они бродили сначала вмѣстѣ со своимъ бывшимъ начальникомъ, Ляндовскимъ, по мазовецкому воеводству, а потомъ воротились въ Варшаву, за исключеніемъ Рутковскаго и Карвовскаго.

¹⁾ При немъ найдено послѣ 106,471 рубль 58^{1/2} копѣекъ въ русскихъ кредитныхъ билетахъ и монетѣ и около ста штукъ иностранной золотой монеты. Въ домѣ, гдѣ онъ жилъ (теперешній Русскій клубъ), найдено множество запрещенныхъ книгъ и газетъ, а на письменномъ столѣ замѣтны всунутую въ гусиное перо небольшую трубочку бумаги, какъ-бы разливѣванной голубыми чернилами: это была программа Мирославскаго, которая, будучи прочтена въ сильную лулу, составила брошюру въ нѣсколько страницъ. Ее можно видѣть въ № 278, Dziennika Powszechnego, 1863 г

Н. В.

приказа начальника варшавскаго гарнизона, генераль-адъютанта барона Корфа, отъ 16-го февраля ст. ст. 1863 г. ¹⁾, его слѣдовало разрушить артиллеріей—и она явилась и стала около статуи Коперника (4 орудія 6-й артиллерійской бригады, подъ командой капитана Навловскаго), но самое простое соображеніе говорило всякому изъ начальниковъ, собравшихся у дома въ значительномъ числѣ, что исполнить такой приказъ, среди большаго, населеннаго города—невозможно. Начальствующіе стали разсуждать: «что же такое сдѣлать, чтобы приказъ былъ исполненъ хотя до нѣкоторой степени, чтобы потомъ никто не могъ осуждать правительство и смѣяться надъ его безсиліемъ?»

Авторъ приказа, Корфъ, рѣшилъ вопросъ такимъ образомъ: ввелъ въ домъ двѣ роты солдатъ и велѣлъ имъ произвести разгромъ.... въ родѣ артиллерійскаго. Пошелъ необычайный трескъ и ломъ. Изъ выбитыхъ вмѣстѣ съ рамами оконъ бельэтажа и другихъ этажей полетѣли на тротуаръ и мостовую столы, диваны, стулья, даже грохнула историческая рояль, на которой игрывалъ вдохновенный Шопенъ и которую одинъ изъ жильцовъ втораго этажа хранилъ какъ зеницу ока; посыпались книги, бумаги, всевозможные предметы, что только попадалось подъ руку исполнителямъ повелѣнія Корфа. Все вмѣстѣ составило огромную грудю....

Кто-то догадался и доложилъ объ исполненіи приказа отъ 16-го февраля ²⁾ намѣстнику, приходившему въ себя въ квартирѣ коменданта, на углу Королевской улицы и Краковскаго предмѣстья: онъ приказалъ ту же минуту остановить разгромъ. Но куда было дѣть вещи, выброшенныя на улицу? Другое лицо рѣшило, что «лучше всего—сжечь, потому что иначе—разнесутъ все по казармамъ солдаты и послѣ стануть продавать, что породитъ въ городѣ невыгодные толки объ арміи».

И вотъ пламя запылало, озаривъ далеко улицу и всѣ окрестные дома. Естественно испугались, что эдакъ сдѣлаешь пожалуй искусственный пожаръ—и кликнули пожарныя трубы, которыя не безъ

¹⁾ Онъ выпущенъ въ свѣтъ по совѣту командира 6-й артиллерійской бригады, генераль-маіора Зайцева, который увѣрилъ всѣхъ (между прочимъ и автора), что употреблялъ подобныя приказы съ пользой, будучи военнымъ начальникомъ Калишскаго округа, а потомъ Ломжинско-Остроленскаго и Пултуско-Остроленскаго отдѣла. Послѣдніе годы жизни (1864—1876) Зайцевъ состоялъ комендантомъ Варшавской Александровской цитадели.

²⁾ Авторъ съ большимъ трудомъ отыскалъ впоследствии этотъ приказъ: во всѣхъ управленіяхъ Варшавскаго военнаго округа онъ оказался уничтоженнымъ.

труда залили широко-распространившійся по улицѣ огонь, питаемый сухими-пресухими досками и щепками разбитой въ дребезги мебели и грудями всякаго тряпья и бумагъ.

Такъ кончился этотъ трагическій день....

Отбитіе Ляндовскаго и еще нѣсколькихъ полицейскихъ повстанцевъ изъ Варшавы, съ добавленіемъ кое-какихъ другихъ обстоятельствъ, потребовало перестройки въ штатѣ революціонной полиціи.

Главнымъ начальникомъ, такъ сказать, повстанскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, былъ, по-прежнему, Иванъ Карловичъ (въ организаціи Янекъ Бялый), съ помощниками: Массономъ (въ организаціи Янекъ Чарный) и Стемповскимъ. Надзирателями (Dobrogujasemi siły wykopawczej) явились: въ 1-й части—сынъ столяра Эшриха, Эммануэль Шафарчикъ, по паспорту Янъ Каминскій, въ организаціи Александръ или «начальникъ безъ руки» (Naczelnik bez ręki)¹⁾. Во 2-й Альбертъ Кавецкій, въ организаціи Длугошъ, иначе Лангеръ (Langier). Въ 3-й: Петръ Конопацкій, потомъ Стемповскій, сдѣлавшійся подѣ концѣ помощникомъ Карловича.

У Шафарчика находились въ распоряженіи слѣдующіе полиціанты и вмѣстѣ штилетники: дружкарь Францискъ Тршаска; кучеръ Янъ Блашковскій, въ организаціи «Старый разбойникъ» или «кучеръ» (Stary Zbój, Stangret), Эдуардъ Гохгаузеръ, въ организаціи Сигизмундъ (Zygmunt); Антоній Новаковскій, Людвигъ Юнгманъ, Альбертъ Звѣржховскій и Карлъ Згарскій.

Всѣ они считались десятниками или офицерами. Каждый подбиралъ себѣ какихъ-умѣлъ помощниковъ. У Згарскаго извѣстны: Фридрихъ Фростъ, Владиславъ Требертъ, Викентій Броневскій, въ организаціи Хлопакъ; рѣзники: Карлъ Ридзикъ и Леонардъ Цѣхомскій. У Юнгмана: Войтѣхъ Коперскій, Игнатій Кафтавскій, Станиславъ Кобржинскій и Діонисій Костро.

У какого-то Бурка: рѣзникъ Яковъ и работникъ съ варшавско-вѣнской желѣзной дороги (Smagowóz) Будзиловичъ.

Никакихъ другихъ подробностей о тогдашней полиціи неизвѣстно.

Жалованья простымъ полиціантамъ полагалось въ сутки рубль серебромъ. Офицеры (десятники) брали по полтора рубля.

Каждый изъ надзирателей долженъ былъ видѣться съ начальни-

¹⁾ Онъ дѣйствительно не имѣлъ руки и носилъ подвязанную руку, въ перчаткѣ, съ вѣчно-закинутою на шею тростью.

комъ полиціи, Карловичемъ, три раза въ сутки: утромъ—въ кондитерской Капляци, на Краковской предмѣстьѣ; послѣ обѣда—въ ресторациіи Закршевскаго, на Театральной площади, и, наконецъ, вечеромъ—въ кондитерской Конти, на углу Европейской гостиницы, гдѣ теперь кондитерская Люрса. Во всѣхъ этихъ пунктахъ Карловичъ принималъ отъ своихъ подчиненныхъ рапорты и давалъ имъ различныя порученія, касавшіяся, главнѣйшимъ образомъ, убирания (Sprzątnięcia) вредныхъ для возстанія личностей.

Черезъ два дня послѣ покушенія противъ намѣстника, одинъ изъ самыхъ расторопныхъ штитетниковъ получилъ приказаніе убить помощника предсѣдателя слѣдственной комиссіи, полковника Гришина. Ему показали его нѣсколько разъ, но штитетникъ, должно быть, плохо всмотрѣлся въ его черты—и поразилъ совсѣмъ другаго человека: дежурнаго штабъ-офицера 11-го округа внутренней стражи (нынѣ упраздненнаго), полковника Любушина, когда онъ ѣхалъ въ дружкѣ по Краковскому предмѣстью, около обывательскаго клуба, въ 7-мъ часу утра. Полиціанты бросились вслѣдъ за убійцей, но онъ, оставя кинжалъ въ груди жертвы, скрылся при помощи толпы.

Такое дерзкое убійство, совершонное подъ покровительствомъ жителей города, къ тому же вслѣдъ за многими другими убійствами ¹⁾,

¹⁾ Вотъ оглашенныя газетами убійства и покушенія того времени:

26-го іюля (7-го августа) убитъ на Прагѣ Явз Словинскій.

27-го іюля (8-го августа) убиты на Свентокршиской улицѣ: обыватель Вихертъ, сестра его Анна и служанка Анна Ковальская.

5-го (17-го) августа раненъ въ лицо комиссаръ 1-го циркула Дроздовичъ

12-го (24-го) августа раненъ кинжаломъ въ животъ, на Подвальной улицѣ, полицейскій чиновникъ, Казиміръ Скворонскій.

Въ тотъ же самый день убитъ типографчикъ Наполеонъ Юзефовичъ.

15-го (27-го) августа убитъ чиновникъ Осипъ Краевскій.

19-го (31-го) августа убитъ судебный аликантъ Осипъ Босакевичъ.

23-го августа (4-го сентября) убитъ слесарь с.-петербургской желѣзной дороги, Эрнестъ Белгеръ.

24-го августа (5-го сентября) раненъ кинжаломъ докторъ Литовскаго полка Мессершмидтъ.

25-го августа (6-го сентября) убитъ дозорецъ Бляу.

31-го августа раненъ кинжаломъ чиновникъ Августъ Рихтеръ.

2-го (14-го) сентября убитъ чиновникъ Александръ Барановскій, и ранены его жена и дочь.

О Краевскомъ, убитомъ 15-го (27-го) августа, рассказываютъ слѣдующее: онъ участвовалъ въ заговорѣ 1846 г., былъ сосланъ въ каторжную работу и получилъ позволеніе воротиться въ край, по амнистіи 1856 года. Проѣзжая черезъ Петербургъ, въ 1860 году, и услышавъ, что поляки сочиняютъ новое возстаніе, въ которомъ принимаетъ участіе вся польская молодежь, онъ пожелалъ,

не могло остаться безъ наказанія, чувствительнаго для всѣхъ: потому намѣстникъ рѣшился наложить контрибуцію на весь городъ, сообразно съ доходами каждаго постоянного жителя, по книгамъ подымнаго сбора (podumne). Пошла объ этомъ переписка....

Подымныя книги хранились въ ратушѣ. Жюндъ народовой, узнавъ о такихъ намѣреніяхъ властей, постановилъ «не допускать контрибуцій, во что бы то ни стало» — и дабы лишить правительство возможности сдѣлать правильную раскладку денегъ по сказаннымъ книгамъ, рѣшилъ: «выкрасть ихъ изъ архива ратуши, а если это не удастся, — сжечь самую ратушу, причемъ, конечно, сгорятъ и книги».

Пошли къ тому приготовленія: прискивали надежныхъ людей, вели переговоры съ разными чиновниками и прислугой ратуши.

чтобы собрать нѣсколько выдающихся способностями студентовъ-поляковъ, съ цѣлю побесѣдовать съ ними о прошлыхъ дняхъ и дать имъ кое-какія наставленія. Собралось у одного студента около 50 человекъ товарищей его, студентовъ польскаго происхожденія, гдѣ было также человекъ 5 русскихъ студентовъ. Краевскій былъ смущенъ такимъ стеченіемъ народа, все собрался уйти, держа въ рукахъ шапку, но какъ-то остался и послѣ отрывочныхъ неважныхъ разсказовъ о житьѣ-бытьѣ его въ Сибири, сказалъ: «я былъ, господа, человекомъ съ нѣкоторыми способностями и могъ бы, думаю, кое-что сдѣлать, оставить по себѣ кое-какую память, еслибъ разныя обстоятельства не помекли меня въ заговоръ. Я сталъ горячимъ агитаторомъ, ѣздилъ изъ края въ край нѣсколько лѣтъ сряду и убилъ на это лучшее время жизни. Потомъ, какъ многіе, попалъ въ Сибирь — и изъ меня вышла развалина. Теперь, когда мнѣ остается уже не такъ много жить, я хотѣлъ бы передать вамъ все то, до чего я додумался въ теченіе столькихъ лѣтъ праздной агитаціи и страдальческой жизни въ Сибири. Скажу вамъ прямо и кратко: ничего нѣтъ безсмысленнѣе тѣхъ революціонныхъ работъ, которыя ведутся у насъ въ край. Заговоръ, растаутиый на многіе мѣсяцы или годы, гдѣ участвуютъ тысячи самыхъ разнообразныхъ и разнообразныхъ людей, и куда правительству ничего не значитъ втереть наблюдателей, — такой заговоръ неизбежно открывается. Масса здоровыхъ, свѣжихъ людей отрѣзана отъ него заранѣе; остальные — разбиты, если только рѣшаются взяться за оружіе. Въ результатъ — раззореніе края, потрясеніе быта многихъ семействъ на нѣсколько лѣтъ. Вы, господа, намѣрены повторить эту печальную исторію. Позвольте же мнѣ васъ предостеречь, повѣрьте слову человека, потерявшего изъ-за тѣхъ же самыхъ идей молодую силу и все, — повѣрьте: конецъ будетъ тотъ же самый, что и съ нами. Бросьте эти опасныя затѣи, пока еще не поздно. Если мое слово не пройдетъ даромъ хотя для немногихъ изъ слушающихъ меня молодыхъ людей, мнѣ будетъ умирать не такъ грустно. Значить и мой страданія, и горькіе опыты къ чему-нибудь да пригодятся. Впрочемъ — какъ хотите!»

Такия же рѣчи издумалъ Краевскій произносить передъ разной молодежью и по прибытіи въ Варшаву. Обыкновенные жюнды его терпѣли, но террорическій жюндъ Хиѣленскаго нашелъ пужающимъ его зрѣтища. Н. В.

Дѣло было страшное, а смѣлыхъ злодѣевъ становилось съ каждымъ часомъ меньше и меньше.

Тѣмъ временемъ замышлялись и другіе сюрпризы для русскихъ варшавянъ и правительства: химическая лабораторія жонда варила яды ¹⁾, которыми предполагалось смазывать зазубренные по остриямъ кинжалы, съ тѣмъ, чтобы ихъ раздавать разнымъ лицамъ въ городѣ, между прочимъ, публичнымъ женщинамъ ²⁾. На литейныхъ заводахъ отливались малыя гранаты ³⁾. Изъ Парижа прибыли образцы адскихъ машинъ, для взрыва кресель и стульевъ на русскихъ балахъ и въ театрѣ, гдѣ тогда бывали одни только русскіе. Жондъ говорилъ, что непременно устроить москалямъ на Рождество «Звѣздочку» (Gwiazdkę) ⁴⁾.

Намѣстнику было извѣстно кое-что объ этихъ предпріятіяхъ террора. Чтобы произвести на городъ сильное впечатлѣніе и остановить дерзкія шалости и беспорядки неслыханныхъ размѣровъ, онъ приказалъ разстрѣлять въ одно и то же время, на пяти площадяхъ, пятиерыхъ преступниковъ, которые попадутся съ оружіемъ въ рукахъ, или хоть будутъ устрашать имъ мирныхъ жителей ⁵⁾. Кромѣ того,

¹⁾ Между прочимъ варила какой-то удушающій яд кокодль (Kokodyl), который однажды едва не убилъ занимавшихся его приготовленіемъ студентовъ Главной Школы: Станислава Пршибылко и Николая Зволннскаго. По крайней мѣрѣ, такъ они рассказывали.

²⁾ Нѣсколько сотъ такихъ кинжаловъ найдено въ саду Бернардинскаго монастыря, въ первой половинѣ ноября 1863 г. по ст. ст. Изображеніе (впрочемъ плохое и невѣрное) можно видѣть въ № 272, Dziennika Powszechn., 1863.

³⁾ Взятый по причинѣ потухшаго фонаря и осмотрѣнный въ цыркулѣ работникъ съ желѣзно-литейнаго завода Эванса, Вильгельмъ Альгеръ, отказался объяснить, зачѣмъ имѣлъ при себѣ ручныя гранаты, равно, по чьему заказу, гдѣ и вѣмъ онѣ вылиты, и былъ разстрѣлянъ во дворѣ завода, въ присутствіи всѣхъ своихъ товарищей.

⁴⁾ Gwiazdka—неизбѣжное рождественское празднество. Дать кому что-либо «na gwiazdkę, urządzić gwiazdkę dla dzieci».

⁵⁾ Разстрѣляны, 18-го (30-го) сентября, въ 10 часовъ утра, на площадяхъ: Старога-мѣста, Новога-мѣста, Банковой, Грибовской и Александровской, слѣдующіе штилетники: Станиславъ Янишевскій, Тимофей Рачинскій, Юзефъ Рачинскій, Станиславъ Ягошевскій и Леопольдъ Зелнеръ,—всѣ до одного разные варшавскіе ремесленники.

Авторъ былъ на разстрѣляніи послѣдняго, на Новомъ-мѣстѣ. Это былъ рослый, здоровый блондинъ, лѣтъ 25-ти. Румяный цвѣтъ лица его не измѣнилъ ему до послѣдней минуты. Когда ему прочли приговоръ, онъ и тутъ же поблѣднѣлъ висколько и вообще смотрѣлъ очень синовьию. Два жандарма въ полной формѣ, въ мундирахъ, съ бѣлыми эполетами и эсесельбантами, и въ блестя-

онъ положилъ добаться, во что бы то ни стало, до самаго центра безпорядковъ, до жонда народоваго, и неразъ совѣтовался о мѣрахъ къ этому съ разными приближенными къ нему лицами, еще раньше изображаемыхъ событій. Начальникъ тайной полиціи, маркизъ Паулуччи, пришелъ, въ бесѣдахъ съ будущимъ намѣстникомъ, еще въ іюлѣ мѣсяцѣ 1863 г., къ остроумной мысли, что «можно поймать Варшавскій жондъ въ Краковѣ, гдѣ друзья и враги высшей власти заговора отличаются необыкновенною, можно сказать, дѣтскою болтливостью и притомъ очень страстны въ ненависти къ соперникамъ. У нихъ въ извѣстную, задорную минуту ничто не держится за зубами и нѣтъ ничего святаго».

Бергъ одобрилъ эту мысль маркиза и предложилъ ему «прискать для этого благонадежное лицо, хотя бы съ очень большими надержками».

Паулуччи нашелъ довольно скоро весьма ловкаго агента, за границей, какъ говорили: саксонскаго жида, Бертольда Германи ¹⁾, владѣвшаго многими языками, между прочимъ польскимъ и русскимъ. Говорили также, что онъ служилъ дѣсколькимъ правительствамъ и имѣлъ отъ нихъ ордена ²⁾.

Бертольдъ-Германи явился, въ августѣ мѣсяцѣ 1863 г., въ Краковѣ, подъ именемъ Матушевскаго — и сошелся съ красными разныхъ партій. Недѣли въ двѣ, въ три, онъ уже имѣлъ въ своихъ рукахъ кое-какія нити, по которымъ могъ идти дальше и, вѣроятно, дошелъ бы до конца, еслибъ только начальникъ повстанской полиціи въ Варшавѣ, Карловичъ, не началъ на его переписку съ маркизомъ Паулуччи. Это случилось такъ:

Карловичъ, весьма ловкій и расторопный полицейскій чиновникъ

шихъ каскахъ, привязали его къ столбу такъ крѣпко, что послѣ залпа онъ ничуть не опустился. Въ головѣ (завязанной, по принятому обычаю, трехугольнымъ кускомъ полотна) сохранялись долго легкія конвульсивныя движенія. Послѣ заключительнаго выстрѣла, который дѣлаетъ подходящій близко утѣрь-офицеръ въ-упоръ, разстрѣянный встряхнулъ головою, и она стала тихо подниматься къ небу. По толпѣ пробѣжало: «живъ еще!». Но онъ, разумѣется, уже не жилъ. Когда жандармъ перерубилъ топоромъ веревки сзади, трущъ упалъ ничкомъ, какъ срубленное дерево. Въ это время послышался на четвертомъ этажѣ одного дома произвѣтельный женскій крикъ...

¹⁾ Въ паспортѣ, съ которымъ онъ прибылъ въ Варшаву, стоить: Berthold-Nermann.

²⁾ Въ чемоданѣ его, послѣ смерти, найдены ордена: австрійскій, итальянскій и французскій.

жонда, умѣлъ входить секретно во всѣ дома, куда ему было нужно, отчасти посредствомъ денегъ, отчасти угрозою. Входилъ онъ и къ Паулуччи, при помощи какой-то старушки (а можетъ и не старушки), которая жила въ квартирѣ Паулуччи для наблюденія за его хозяйствомъ. Она отпирала Карловичу кабинетъ маркиза, когда послѣдняго не было дома, и начальникъ тайной и явной повстанской полиціи читалъ всякія письма и бумаги правительственнаго начальника тайной и явной полиціи при Горчаковѣ, а теперь одной тайной, — и дѣлалъ съ нѣкоторыхъ изъ нихъ копии.

«У членовъ жонда волосы встали дыбомъ, — говоритъ Авейде, — когда Карловичъ представилъ имъ переписку Паулуччи съ Матушевскимъ».

Сейчасъ же было дано знать въ Краковъ, съ приказаніемъ принять «надлежащія мѣры». Германи-Матушевскій былъ раненъ въ улицѣ Анны штилетомъ, но неопасно, — и бѣжалъ въ Берлинъ, а оттуда перебрался, 15-го сентября ст. ст., въ Варшаву, подъ именемъ доктора Германи, и остановился въ 42-мъ номерѣ втораго (нашего третьяго) этажа ¹⁾ Европейской гостиницы.

Онъ зналъ, конечно, что за нимъ въ Варшавѣ будутъ сильно слѣдить повстанскія полицейскія ищейки: чтобы болѣе или менѣе видѣть ихъ, онъ завелъ маленькую собачку, къ которой, во время прогулокъ своихъ по городу, безпрестанно оборачивался и ласкалъ ее, окидывая между тѣмъ взглядомъ значительное пространство сзади. Видяты эти люди всегда хорошо и далеко.

Жондѣ народовой послалъ, въ скоромъ времени, доктору предписаніе: «выѣхать туда, откуда пріѣхалъ».

Германи дѣйствительно сталъ собираться въ дорогу, но совсѣмъ не въ ту сторону, куда предписано было жондомъ: онъ взялъ паспортъ на Вильну, дабы передать кое-что лично Муравьеву. Жондъ узналъ объ этомъ, а также и то, что докторъ намѣренъ выѣхать «23-го сентября ст. ст., съ утреннимъ поѣздомъ». Тогда было отдано приказаніе Карловичу: «убить его гдѣ придется, нисколько не стѣсняясь мѣстомъ».

Расторопные штилетники, столяръ Діакевичъ и цирюльникъ Рудинскій, подъ руководствомъ десятника Новаковского, ходили за докторомъ слѣдъ въ слѣдъ цѣлыя сутки, дабы убить его гдѣ-нибудь на улицѣ, но это имъ не удалось, такъ какъ онъ былъ по-

¹⁾ Нынѣ № 150.

стоянно окруженъ разными лицами. Нечего дѣлать: рѣшено было убить его въ гостинницѣ.

Новаковскій подрезъ къ ней сказанныхъ шпиглетниковъ, въ 7 часовъ вечера, наканунѣ отъѣзда доктора въ Вильну (т. е. 22-го сентября ст. ст.), и велѣлъ имъ «отправиться въ 42-й номеръ и убить доктора, который тамъ живетъ: черный, курчавый, не такъ большого роста, съ собачкой».

Они пошли, но скоро воротились, сказавши, что «въ номерѣ никого нѣтъ, что онъ запертъ».

Собственно говоря, они тамъ не были: они чувствовали страхъ и нерасположеніе къ убійству. Новаковскій видѣлъ это по ихъ глазамъ, но не сказалъ ничего....

На другой день, утромъ, всѣ они подошли къ гостинницѣ снова. Новаковскій сказалъ, что «теперь ужъ какъ они хотятъ, а докторъ долженъ быть убитъ непременно: иначе ихъ самихъ выпшпиглетуютъ!».

Діакевичъ и Рудинскій зашагали по ступенямъ.

Это было время, когда докторъ, только-что проснувшійся, расплатился съ гостинницей и пилъ кофе, читая какую-то газету и ожидая съ минуты на минуту, что къ нему придутъ и скажутъ: «омнибусъ поданъ!». Казалось, всѣ опасности, всѣ варшавскіе шпиглеты остались гдѣ-то тамъ, въ разныхъ темныхъ, глухихъ переулкахъ.... Докторъ, въ мысляхъ своихъ, катилъ въ Вильну—и тамъ бесѣдовалъ съ Муравьевымъ....

Вдругъ собачка его тявкнула и поднялась на ноги: въ комнату вошли двѣ подозрительныя фигуры. Докторъ имѣлъ острый глазъ: онъ мгновенно сообразилъ, кто это, вскочилъ—и тутъ же былъ пораженъ четырьмя жестокими ударами кинжала въ шею и въ сердце и чѣмъ-то тупымъ (какъ бы рукояткой кинжала) въ голову. Затѣмъ шпиглетники выскочили и бросились первоначально по мраморной лѣстницѣ налѣво ¹⁾, добѣжали до низу и, найдя тамъ двери запертыми, поднялись въ 1-й этажъ, выбили тамъ стекло въ дверяхъ на черной лѣстницѣ и сбѣжали по ней во дворъ, не имѣвши никакихъ

¹⁾ На этой лѣстницѣ найдены были потоки кровавыя слѣды и два кинжала: одинъ небольшой, четверти въ полторы длиною, вмѣстѣ съ рукою, въ стальной оправѣ, весь въ крови; другой, длиною въ полъ аршина, отравленный, съ лезвиемъ больше чѣмъ до половинны сизаго цвѣта, безъ всякихъ кровавыхъ пятенъ; онъ оставленъ былъ, можетъ статься, для защиты въ крайнемъ случаѣ, во время бѣгства. Кромѣ кинжаловъ, на той же лѣстницѣ, найдена черная истасканная навивка, какія носятъ только рабочіе люди. Н. В.

перегородокъ, которыя теперь устроены,—а потомъ, черезъ такъ-называемыя ворота Герлаха ¹⁾, вышли на Краковское предмѣстье и углубились въ Карову улицу ²⁾.

Новаковскій слѣдилъ за своими молодцами, и, какъ наканунѣ угадалъ по ихъ фивіономіямъ, что они ничего не сдѣлали,—такъ теперь видѣлъ очень ясно, что все кончено, разспрашивать не о чемъ—и пошелъ спокойно домой.

А докторъ, несмотря на пять ужасныхъ ранъ, выскочилъ вслѣдъ за убійцами изъ номера и побѣжалъ по корридору направо, оглашая его пронзительными криками. Кровь изъ ранъ лилась ручьями. Живущіе въ номерахъ выглянули и опять попрятались. Люди гостиницы сдѣлали то же самое.

Пробѣжавъ 75 шаговъ, докторъ упалъ на сѣрую каменную лѣстницу, подлѣ 58-го номера (нынѣ 109-й)—и испустилъ духъ.

Когда стоявшія на Саксонской площади войска узнали о происшествіи въ гостинницѣ, домъ былъ окруженъ, и всѣ сколько-нибудь подозрительныя лица арестованы; между прочимъ захваченъ въ кондитерской Конти работникъ съ чьей-то конфектной фабрики, Юліанъ Ходановскій. Черезъ-чуръ спѣшный судъ (по волѣ гр. Берга, который положилъ себѣ: выбить, во что бы то ни стало, кливъ клиномъ) обвинилъ этого несчастнаго въ убійствѣ доктора, и онъ былъ повѣшенъ на площадкѣ, между Европейской гостинницей и комендантскимъ управленіемъ, 28-го ноября ст. ст., въ 10 часовъ утра ³⁾.

Когда, по принятой формѣ, ксендзъ подошелъ къ эшафоту прочесть въ лицо повѣшенному отходную молитву, веревка начала крутиться, и мертвый повернулся лицомъ въ противоположную сторону,

¹⁾ Ворота Герлаха были воротами старой Герлаховской гостинницы, гдѣ останавливался, между прочимъ, по приѣздѣ изъ Куфлева, Брониславъ Домбровскій, въ роковую для него минуту. «Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ», глава III. По открытіи Европейской гостинницы (1857), Герлахова гостинница упразднена и вмѣстала въ себѣ, въ некоторое время, выставку мѣстныхъ художественныхъ произведеній, а потомъ—разные магазины. Летомъ 1876 г. она разрушена, и тогда же началось достраиваніе Европейской гостинницы по первоначальному плану и окончено осенью 1877 г.

²⁾ Улица почти противъ Европейской гостинницы, только для однихъ пѣшеходовъ. Тутъ два фонтана и арка со статуей Сирены съ саблей—т. е. гербъ Варшавы, украшающій неизбѣжно всѣ варшавскіе «wodotzuki».

³⁾ Одинъ изъ членовъ варшавской слѣдственной комисіи увѣрялъ автора, что Ходановскій не принадлежалъ даже и къ повстанческой организаціи. Показанія его мѣстами представляютъ чисто-на-чисто горячешный бредъ. Н. В.

къ Саксонскому саду. Ксендзь остановился и послалъ кого-то на эшафотъ—вернуть трупъ какъ слѣдуетъ. Его повернули. Но едва ксендзь принялся снова читать, какъ веревка опять стала крутиться, и мертвый отвернулся отъ ксендза и отъ его молитвы, какъ бы хотѣлъ этимъ выразить, что вошіющую на небо несправедливость, сдѣланную съ нимъ (хотя и по ошибкѣ) людьми, ничѣмъ не зачитаешь и не замолишь....

Трупъ, въ бѣлой рубашкѣ, оставался на висѣлицѣ, для страха проходящимъ мимо повстанцамъ, дѣляя сутки, бѣлѣ издали, какъ мраморная кукла. Его сняли только на другой день, въ первомъ часу, и разобрали эшафотъ ¹⁾.

Терроръ продолжался. Было сдѣлано, въ началѣ октября по ст. ст., покушеніе противъ бывшаго президента города ²⁾, Сигизмунда Велепольскаго, людьми Шафарчика: Иваномъ Блашковскимъ и Альбертомъ Звѣржховскимъ, въ одеждѣ полиціантовъ, но не удалось потому, что Звѣржховскій струсилъ.

Другіе штилетники, также въ мундирахъ полиціантовъ, бродили ночью по улицамъ и нападали на всякаго русскаго и на поляковъ, служившихъ правительственнымъ интересамъ. Ими ранены, въ теченіе двухъ недѣль, въ октябрѣ, ревиоровые дозорцы: Иванъ Василевичъ, Игнатій Гучковскій и Мацѣевскій, и стражникъ, Аеанасій Филиповъ ³⁾.

Всѣ эти ужасы и приготовленія новыхъ убійствъ и всякаго рода крупныхъ безпорядковъ возбудили, наконецъ, въ организаціи ропотъ, отдавшійся и въ Европу. Все маломальски-разсудительное между поляками, сколько они ни были раздражены противъ новой высшей власти Царства Польскаго и рѣзкой перемѣны управленія, начало заявлять довольно громко, что Хмѣленскаго съ его жондомъ падо выгнать или убить, что иначе сочувствующія возстанію державы по-

¹⁾ Собственно не спинали, а когда начали ломать эшафотъ, столбы висѣлицы повалились вмѣстѣ съ трупомъ и прихлопнули его, какъ бы третій, безчувственный столбъ. Авторъ видѣлъ все описанное лично. Настоящіе убійцы отысканы были только черезъ два года и сосланы въ каторжную работу безъ срока.

²⁾ 16-го сентября н. ст. 1863 г., назначень цовый президентъ города, генералъ-маіоръ Вятковскій.

³⁾ О террорѣ внутри края за это время см. № 276, Dziennika Powszechnego 1863 г. и далѣе, до конца года. Н. В.

теряютъ къ Польшѣ всякое уваженіе, сочтя ее не воюющею противъ своихъ властителей страню, а вертепомъ разбойниковъ.

Не потерявшій еще окончательно надежды на европейское вмѣшательство, князь Владиславъ Чарторьскій, предвидя, что террорическій жондъ долго не удержится, что онъ самъ себя копаешь могилу, думая единственно о разныхъ безобразіяхъ и ни о чемъ больше; что подобное поведеніе есть ничто иное, какъ предсмертныя конвульси чудовища,—счелъ необходимымъ приготовить ему смѣну и послать въ Царство.

Онъ вошелъ въ сношенія съ находившимся тогда въ Парижѣ членомъ бывшаго жонда, 4-го состава, Вацлавомъ Пршибыльскимъ (который зналъ хорошо положеніе дѣлъ въ народной организаціи Царства и характеръ лицъ, занимавшихъ тамъ разныя высокія мѣста, а также и многихъ начальниковъ бандъ), и они, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими дѣятелями возстанія, укрывшимися въ Парижѣ, обратились съ просьбою къ бывшему начальнику одной изъ литовскихъ бандъ, когда-то подполковнику русской службы, человѣку съ хорошими способностями и самому испытанному польскому патриоту, Ромуальду Траугуту, случившемуся о ту пору также въ Парижѣ: «принять на себя завѣдываніе всѣмъ возстаніемъ въ Царствѣ, иначе сказать: сдѣлаться диктаторомъ и вести далѣе дѣло спасенія (!) Польши путемъ, какой признаетъ лучшимъ».

Траугуть былъ дворянинъ Гродненской губерніи. Онъ родился въ деревнѣ Шестаковѣ, Брестскаго уѣзда, въ 1826 году; значитъ: въ ту пору было ему 37 лѣтъ. По окончаніи гимназическаго курса въ г. Свислочь, Гродненской губерніи, Траугуть хотѣлъ поступить въ с.-петербургское инженерное училище, для чего сдѣлался пансіонеромъ одного изъ шести дежурныхъ офицеровъ училища, Степанова, который занимался приготовленіемъ туда разныхъ мальчиковъ. Пансіонеры Степанова, жившіе у него одновременно съ Траугутомъ (1844 г.), сообщаютъ о послѣднемъ такія подробности: это былъ тихій, скромный парень, равнодушный, повидимому, ко всему. Онъ рѣшительно ничѣмъ не возмущался: труни надъ нимъ сколько хочешь—стиснетъ зубы и упорно молчитъ. Онъ выносилъ даже довольно спокойно колотушки. Но если начинали подсмѣиваться надъ католической религіей, надъ папой, надъ ксендзами—тутъ оставляло Траугута обычное спокойствіе: онъ приходилъ въ бѣшенство, глаза его сверкали несвойственнымъ имъ дикимъ блескомъ. Можно было думать, что—попадись ему въ то время подъ руку ножъ—онъ пырнулъ бы неосторожнаго насмѣшника, нисколько не задумываясь. Необы-

чайная приверженность къ религiи составляла вообще исключительную черту въ характерѣ Траугута съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Товарищи его, по пансіону Степанова, видали всякій вечеръ, какъ онъ собирався спать, долго молился у своей кровати, на колѣняхъ, и билъ себя кулакомъ въ грудь, точно рисующійся передъ толпою трапистъ. Въ инженерное училище Траугуть, однакоже, по разнымъ обстоятельствамъ, не попалъ, а прямо опредѣлился (въ концѣ 1844 г.) юнкеромъ въ 3-й саперный батальонъ, стоявшій въ Желеховѣ (Луковскаго уѣзда, Люблинской губерніи), гдѣ дослужился до офицерскаго чина и продолжалъ службу до 1854 года. Въ этомъ году онъ попалъ, по протекціи разныхъ поляковъ, въ штабъ южной арміи—и тамъ былъ тѣмъ же таинственнымъ, глубокорелигіознымъ человѣкомъ, тѣмъ же тихимъ, упедшимъ въ себя жмотикомъ.

Когда штабъ южной арміи очутился, въ мартѣ 1855 года, подъ стѣнами Севастополя, Траугуть, старшій адъютантъ 4-го казначейскаго отдѣленія въ дежурствѣ арміи, смотрѣлъ на огонь осажденнаго войсками четырехъ державъ страдальческаго города, съ поразительнымъ для всякаго, сколько-нибудь внимательнаго наблюдателя, спокойствіемъ. Онъ не радовался, казалось, ничѣмъ побѣдамъ: ни нашимъ, ни союзнымъ. Когда другіе поляки, которыми переполненъ былъ штабъ южной арміи и войскъ въ Крыму, при каждомъ успѣхѣ нашего оружія, не выдерживали характера: безцеремонно забивались въ свои палатки и сидѣли тамъ насупясь, вслѣдствіе чего иные называли ихъ «термометрами нашихъ побѣдъ»; когда главный протекторъ Траугута, дежурный штабъ-офицеръ, подковникъ Антошевскій, не походилъ въ это время на себя и какъ-то особенно сердито насасывалъ у себя въ палаткѣ свой длинный чубукъ, стараясь, сколь возможно, ни на кого изъ русскихъ не взглядывать, ни съ кѣмъ изъ нихъ не разговаривать:—Траугуть былъ тогда неизмѣнно одинъ и тотъ же: невозмутимый, закупоренный въ себя, не улыбавшійся, не хмурившійся, не выразившій ни однимъ жестомъ—никакой мысли. Онъ спокойно ходилъ по лагерю штаба, вмѣстѣ съ офицерами русскаго происхожденія; а если забивался въ свою палатку ¹⁾ и долго изъ нея не выходилъ, такъ развѣ затѣмъ, чтобы тамъ уединенно помолиться (правда, Богъ-вѣсть о чемъ), или прочесть что-либо изъ Библіи. Что касается тогдашней физіономіи Траугута,—она была

¹⁾ Севастопольскій альбомъ автора, рисун. 13. Нагѣво, между двумя большими палатками, малая, съ фургонами подлѣ нея. Н. В.

очень невыразительна: узкое, длинное лицо, идущее немного въ губы; На глазахъ очки; низко-стриженные волосы стояли у него вѣчно копро-мъ; усы были едва видны. Въ цѣломъ усматривалось нѣчто вялое, сонное, ничего не обѣщающее. Глядя на него въ какую-угодно ми-нуту, меньше всего можно было придти къ мысли, что это—будущій, неутомимый, энергическій, исполненный несмысленнаго самоотверженія повстанскій диктаторъ Польши.

Никто изъ товарищей не подозрѣвалъ въ немъ ровно никакихъ страстей. Иные даже не подозрѣвали и ума: такъ это все было у него далеко запрятано и запечатано семью Соломоновыми печатами! Весь Траугутъ представлялъ изъ себя сѣрое, покрытое одноцвѣтными облаками небо, не предвѣщающими ни дождя, ни ясной погоды. Мо-жетъ, изрѣдка и рѣзала по этому небу легкая зарница—отраженіе далекихъ, Богъ-вѣсть за какими горами укрытыхъ молній, но этого никто не могъ путемъ подстеречь, а если кто и подстерегалъ, то не придавалъ этому никакого значенія.

Товарищи видали, что Траугутъ роется въ дѣлахъ такихъ отдѣ-леній дежурства, которыя не имѣли ничего общаго съ занимаемою имъ должностію. Въ особенности часто заглядывалъ онъ въ 3-е и 5-е отдѣленія (хозяйственное и госпитальное), которыхъ начальни-ками были также поляки. Весьма и весьма немногіе задавали себѣ вопросъ: «на чтѣ ему это?»... Большинство, избѣгавшее всякихъ лиш-нихъ занятій даже и по своимъ отдѣленіямъ, думало, глядя на его странныя и необъяснимыя занятія: «вотъ припала охота!».

Когда окончилась крымская кампанія и штабъ южной арміи пе-решелъ въ Харьковъ для завершения своихъ дѣлъ: Траугутъ сдѣ-ланъ былъ начальникомъ 4-го отдѣленія, иначе сказать—казначеемъ.

Послѣ того, оставшись (въ 1858 г.) со всѣми штабными за шта-томъ, съ полученіемъ послѣдняго своего содержанія въ теченіе двухъ лѣтъ, Траугутъ отправился въ С.-Петербургъ, и былъ вскорѣ при-командированъ къ такъ-называемой гальванической командѣ, состояв-шей изъ роты саперныхъ солдатъ (человѣкъ 200), подъ начальствомъ штабъ-офицера и нѣсколькихъ оберъ-офицеровъ. Начальникъ штаба инженернаго управленія, генералъ-маіоръ Кауфманъ, дѣлалъ ему лестныя предложенія... Во все это время, до 1860 года, Траугутъ не имѣлъ, можно сказать, ни одной свободной минуты: все что-ни-будь да дѣлалъ, ходилъ по разнымъ библіотекамъ, велъ какія-то записки, слушалъ въ пассажѣ лекціи профессоровъ химіи и физики: Ходнева и Ленца.... потомъ уѣхалъ на житье въ маленькое свое имѣніе, Островъ, Кобринскаго уѣзда, Гродненской губерніи, гдѣ

вскорѣ женился на дочери одного помѣщика, Костюшко, внучкѣ знаменитаго полководца.

Тутъ встали его демонстраціонные годы 1860—1862, безъ сомнѣнія, имъ предвидѣнные, такъ какъ онъ сносился въ Петербургѣ и на Литвѣ со многими лицами, принявшими потомъ дѣятельное участіе въ возстаніи. Но онъ довольно долго смотрѣлъ на все это, какъ нѣкогда на огонь Севастополя, повидимому, очень равнодушно,—и вдругъ, къ удивленію большей части своихъ сосѣдей, считавшихъ его за человѣка въ высшей степени спокойнаго и осторожнаго, —выступилъ, въ концѣ апрѣля по н. ст. 1863 г., начальникомъ банды въ 160 человѣкъ, собранной имъ секретно въ Кобринскомъ, Пружанскомъ и Брестскомъ уѣздахъ, Гродненской губерніи, изъ разныхъ элементовъ: помѣщиковъ, мелкихъ чиновниковъ и хлопцовъ,—выступилъ начальникомъ крутымъ, строгимъ, деспотическимъ. Плотина прорвалась, по польской пословицѣ: «*cicha woda zaszcęta gwał brzegi*»¹⁾.

Однажды съ нимъ заспорилъ офицеръ Квятковскій (бывшій причиною, что банда, по тревогѣ ночью, собралась не такъ проворно): Траугутъ вынулъ пистолеть и выстрѣлилъ... онъ говорилъ послѣ, что убійство совершилось нечаянно; что онъ этого не хотѣлъ... но тутъ же добавлялъ: «за то ужъ и слушались меня потомъ эти подлецы!».

Другой разъ онъ подписалъ смертный приговоръ офицеру Маковскому, но вслѣдствіе просьбы другихъ офицеровъ отмигнулъ.

Первая встрѣча съ русскими войсками (съ отрядомъ капитана Кершиновскаго, 17-го мая н. ст., близъ деревни Горки, на кобринско-пинской дорогѣ) обошлась для банды Траугута довольно благополучно: онъ сохранилъ свою позицію (весьма выгодную, въ густомъ лѣсу) и отбилъ у насъ около 100 штукъ разнаго оружія.

Посланный ватѣмъ небольшой отрядъ ничего не могъ сдѣлать Траугуту—и отступилъ, 21-го мая н. ст.

Тогда двинулся противъ него, съ тремя ротами Ревельскаго пѣхотнаго полка, генералъ Эггеръ — и разсѣялъ банду, 26-го мая н. ст.

Она собралась немного позже опять, въ Бѣлинскомъ лѣсу, куда прибылъ, съ сотней охотниковъ Брестскаго уѣзда, помѣщикъ Ваньковичъ (иначе Лелива), къ которому присоединились остатки банды Стасюкевича, сформированной изъ гродненскихъ литвинъ на Подлясѣ и разбитой нашими войсками, 27-го мая н. ст., подъ Черскомъ,

¹⁾ «Тихая вода начала рвать берега».

„РУССКАЯ СТАРИНА“, ТОМЪ XXVI, 1879 Г., ОКТЯБРЬ

Брестскаго уѣзда. Надъ всѣми этими силами принялъ начальство Траугутъ—и пошелъ сперва на м. Столинъ, а потомъ къ Волиню. Переправясь черезъ р. Горынь, онъ расположился въ Воронскомъ лѣсу и отразилъ нападеніе трехъ нашихъ ротъ; но нерасположеніе жителей Пинщизны къ возстанію заставило Траугута выбраться изъ тѣхъ мѣстъ ¹⁾).

Н. В. Бергъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

¹⁾ Тамъ же арестованъ Рогинскій, см. выше.

Н. В.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

1799—1837.

II 1).

Донось гр. Воронцова.—Высылка изъ Одессы.—Михайловское и Тригорское.—Семейство Прасковьи Александровны Осиповой.—Письма къ брату и Жуковскому.—Анна Петровна Кернъ.—Письма къ ней Пушкина.—Вызовъ въ Москву.—А. X. Бенкендорфъ.—Пять лѣтъ холостой жизни.—Женитьба.

1824—1831.

Предыдущую статью мы закончили выѣздомъ Пушкина изъ Одессы, о которомъ самъ онъ въ дневникѣ «Онѣгина» замѣтилъ:

А я отъ мыныхъ южныхъ дамъ,
Отъ жирныхъ устрицъ черноморскихъ,
Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ
И, слава Богу, отъ вельможъ—
Пріѣхалъ въ тѣнь лѣсовъ Тригорскихъ,
Въ далекій сѣверный уѣздъ,
И былъ печаленъ мой пріѣздъ.

Какъ ниже увидятъ читатели, пріѣздъ дѣйствительно былъ болѣе чѣмъ печаленъ, но и самый отъѣздъ состоялся не по волѣ Пушкина, а былъ вызванъ вдругъ двумя обрушившимися на голову поэта бѣдами: въ Одессѣ и въ Петербургѣ.

Графъ Воронцовъ, осерженный эпиграммами Пушкина, ходившими въ Одессѣ по рукамъ, а другіе увѣряютъ—по еще болѣе по личной неприязни, вызванной частными отношеніями Пушкина къ семейству графа, послалъ въ Петербургъ слѣдующее донесеніе гр. Нессельроде:

1) См. «Русскую Старину» изд. 1879 года, томъ XXV, стр. 371—388; 671—690.

Отъ гр. М. С. Воронцова къ графу Нессельроде.

(Съ французскаго).

Одесса.—28-го марта 1824 г.

«Графъ! Вашему сіятельству извѣстны причины, по которымъ, нѣсколько времени тому назадъ, молодой Пушкинъ былъ посланъ съ письмомъ отъ графа Капподистрія къ генералу Инзову. Во время моего пріѣзда сюда, генералъ Инзовъ предоставилъ его въ мое распоряженіе, и съ тѣхъ поръ онъ живетъ въ Одессѣ, гдѣ находился еще до моего пріѣзда, когда генералъ Инзовъ былъ въ Кишиневѣ. Я не могу пожаловаться на Пушкина за что либо, напротивъ, казалось, онъ сталъ гораздо сдержаннѣе и умѣреннѣе прежняго, но собственный интересъ молодаго человѣка, нелишеннаго дарованій, и котораго недостатки происходятъ скорѣе отъ ума, нежели отъ сердца, заставляетъ меня желать его удаленія изъ Одессы. Главный недостатокъ Пушкина—честолюбіе. Онъ прожилъ здѣсь сезонъ морскихъ купаній, и имѣетъ уже множество льстецовъ, хваланцкихъ его произведенія; это поддерживаетъ въ немъ вредное заблужденіе и кружить его голову тѣмъ, что онъ замѣчательный писатель, въ то время, какъ онъ только слабый подражатель писателя, въ пользу котораго можно сказать очень мало (лорда Байрона). Это обстоятельство отдаляетъ его отъ основательнаго изученія великихъ классическихъ поэтовъ, которые имѣли-бы хорошее вліяніе на его талантъ—въ чемъ ему нельзя отказать, и сдѣлали-бы изъ него со-временемъ замѣчательнаго писателя.

«Удаленіе его отсюда будетъ лучшая услуга для него. Я не думаю, что служба при генералѣ Инзовѣ поведетъ къ чему нибудь, потому что хотя онъ и не будетъ въ Одессѣ, но Кишиневъ такъ близокъ отсюда, что ничего не помѣшаетъ его почитателямъ поѣхать туда; да и наконецъ въ самомъ Кишиневѣ онъ найдетъ въ молодыхъ боярахъ и молодыхъ грекахъ скверное общество.

«По всѣмъ этимъ причинамъ я прошу ваше сіятельство довести объ этомъ дѣлѣ до свѣдѣнія Государя, и испросить его рѣшенія по оному. Если Пушкинъ будетъ жить въ другой губерніи, онъ найдетъ болѣе поощрителей къ занятіямъ и избѣжитъ адѣшняго опаснаго общества. Повторяю, графъ, что я прошу этого только ради него самого; надѣюсь, моя просьба не будетъ истолкована ему во вредъ, и вполне убѣжденъ, что, только согласившись со мною, ему можно будетъ дать болѣе средствъ обработать его рождающійся талантъ, удаливъ его въ то же время отъ того, что ему такъ вредно, отъ лести и столкновенія съ заблужденіями и опасными идеями. Имѣю честь пребыть и проч. Графъ Михайлъ Воронцовъ».

Но еще до полученія этого донесенія, весьма характернаго и крайне интереснаго по взгляду самого Воронцова на поэта, въ Петербургѣ уже завязалось дѣло о Пушкинѣ. На почтѣ было перехвачено его письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, писалъ:

«Читаю библію, святой духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. Ты хочешь узнать, что я дѣлаю?—Пишу пестрыя строфы романтической поэмы и беру уроки чистаго атеизма. Здѣсь англичанинъ, глухой философъ и единственный умный атей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ написалъ листовъ тысячу, чтобы доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent createur et regulateur, мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе чѣмъ правдоподобная».

Такія мысли не остались безъ вреднаго вліянія для писавшаго ихъ и гр. Нессельроде сообщилъ Воронцову слѣдующее:

Отъ гр. Нессельроде къ гр. М. С. Воронцову.

С.-Петербургъ.—11-го іюля 1824 г.

«Графы! Я подавалъ на разсмотрѣніе императора письма, которыя ваше сіятельство прислали мнѣ, по поводу коллежскаго секретаря Пушкина. Его величество вполнѣ согласился съ вашимъ предложеніемъ объ удаленіи его изъ Одессы, послѣ разсмотрѣнія тѣхъ основательныхъ доводовъ, на которыхъ вы основываете ваши предположенія, и подкрѣпленныхъ, въ это время, другими свѣдѣніями, полученными его величествомъ объ этомъ молодомъ человѣкѣ. Все доказываетъ, къ несчастію, что онъ слишкомъ проникся вредными началами, такъ пагубно выразившимися при первомъ вступленіи его на общественное поприще. Вы убѣдитесь въ этомъ изъ приложеннаго при семъ письма. Его величество поручилъ мнѣ переслать его вамъ; объ немъ узнала московская полиція, потому что оно ходило изъ рукъ въ руки и получило всеобщую извѣстность. Вслѣдствіе этого, его величество, въ видахъ законнаго наказанія, приказалъ мнѣ исключить его изъ списковъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ за дурное поведеніе; впрочемъ, его величество не соглашается оставить его совершенно безъ надзора, на томъ основаніи, что, пользуясь своимъ независимымъ положеніемъ, онъ будетъ, безъ сомнѣнія, все болѣе и болѣе распространять тѣ вредныя идеи, которыхъ онъ держится, и вынудитъ начальство употребить противъ него самыя строгія мѣры. Чтобы отдалить, по возможности, такія послѣдствія, императоръ думаетъ, что въ этомъ случаѣ нельзя ограничиться только

его отставкою, но находить необходимымъ удалить его въ имѣніе родителей, въ Псковскую губернію, подъ надзоръ мѣстнаго начальства.

«Ваше сіятельство не замедлитъ сообщить г. Пушкину это рѣшеніе, которое онъ долженъ выполнить въ точности, и отправить его безъ отлагательства въ Псковъ, снабдивъ прогонными деньгами. Примите увѣреніе и проч. Графъ Нессельроде.

Вслѣдствіе этого, Пушкинъ, по назначенному маршруту чрезъ Николаевъ, Елисаветградъ, Кременчугъ, Черниговъ и Витебскъ, отправился изъ Одессы 30-го іюля 1824 г., давъ подписку нигдѣ не останавливаться на пути по своему произволу и по прибытіи во Псковъ явиться къ гражданскому губернатору. Если бы на эту подписку онъ не согласился, то былъ бы отправленъ съ «надежнымъ чиновникомъ». Ему выдали прогоны на три лошади, на 1,621 версту 389 руб. 4 к., и изъ собственной канцеляріи генераль-губернатора 150 р. въ счетъ его бывшаго жалованья за майскую треть, которое высылалось изъ Петербурга въ эту канцелярію, но за послѣднюю треть еще не было выслано, и съ 1-го мая по 8-е іюля, т. е. по день увольненія, причиталось всего 128 руб. 97½ к.

Въ имѣніе отца, Михайловское, Пушкинъ прибылъ 9-го августа, т. е. былъ въ дорогѣ не болѣе десяти дней. Замѣтимъ въ заключеніе, что самъ гр. М. С. Воронцовъ исключилъ изъ маршрута Пушкина Кіевъ и назначилъ иной путь.

Въ деревнѣ поэтъ отданъ былъ подъ надзоръ губернатора, предводителя дворянства и архимандрита сосѣдняго имѣнію Пушкиныхъ Святогорскаго монастыря.

Семейство Сергѣя Львовича Пушкина еще находилось на мѣстѣ лѣтняго своего пребыванія, когда туда прибылъ Александръ Сергѣевичъ. Сестра, братъ и добрая няня Арина Родіоновна обрадовались возвращенію изгнанника; матушка Надежда Осиповна и на этотъ разъ, какъ всегда, особенно нѣжностью не отличилась.... что же касается до почтеннаго родителя, въ которомъ скупость поглотила всѣ человѣческія чувства—онъ отнесся къ пріѣзду сына съ возмутительною грубостью: по старческому малодушію, опасаясь подвергнуться отвѣтственности за шалости своего сына, Сергѣй Львовичъ накинулся на него съ упреками, чуть не съ проклятьями. Поэтъ, глубоко оскорбленный этими выходками, набросалъ къ псковскому губернатору, Борису Антоновичу Адеркасу, слѣдующее письмо, свидѣтельствующее о той страшной бурѣ которая кипѣла въ душѣ молодаго человѣка:

— «Милостивый государь Борисъ Александровичъ! Государь императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ родителей, думая тѣмъ облегчить ихъ горестъ и участь сына. Но важ-

ныя обвиненія правительства пали на сердце моего отца и раздражили мнительность, протительную старости и нѣжной любви его къ прочимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь для его спокойствія и своего собственнаго просить его императорское величество да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей. Ожидаю сей послѣдней милости отъ ходатайства вашего превосходительства».

Эта семейная драма тянулась три мѣсяца. Пушкинъ, выведенный изъ терпѣнія, рѣшился прибѣгнуть къ посредничеству благороднаго друга своего В. А. Жуковского, и вотъ что онъ писалъ ему подъ гнетомъ горя, казавшагося ему безысходнымъ:

— «Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положеніи! Приѣхавъ сюда, былъ я всѣми встрѣченъ какъ нельзя лучше; но скоро все переѣнилось. Отецъ, испуганный моею ссылкой, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та-же участь. Пещуровъ, назначенный за мною смотрѣть, имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче быть моимъ шпиономъ. Вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бумагу до меня касающуюся. Наконецъ, желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно—болѣе ни слова... Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повѣлѣваетъ ему не знаться авес се monstre, ce fils dénaturé (съ этимъ чудовищемъ, съ этимъ сыномъ-извергомъ). Жуковский, думай о моемъ положеніи и суди. Голова моя закипѣла, когда я узналъ все это. Иду къ отцу; нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что у меня было на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ... Отецъ мой воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ, и всему дому объявляетъ, что я его билъ!...: Потомъ, что хотѣлъ бить!...

«Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего-же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ обвиненіемъ?... Рудниковъ Сибирскихъ и лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что терпятъ за меня братъ и сестра. Еще разъ спаси меня.

« 31-го октября (1824 г.) А. П.

«Послѣдніе: обвиненіе отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не хочу объясняться. Дойдетъ до правительства; посуди, что будетъ. А на меня и суда нѣтъ. Я hors de loi (въѣ закона).

«P. S. Надобно тебѣ знать, что я уже писалъ бумагу къ губернатору, въ которой прошу его о крѣпости, умалчивая о причинахъ. П. А. Осипова, у которой пишу тебѣ эти строки, уговорила меня сдѣлать тебѣ и эту довѣренность. Признаюсь, мнѣ немного на себя досадно; да душа моя, голова кругомъ идетъ».

Жуковский по свойственному ему благодушію рѣшился вмѣшаться въ семейную ссору Пушкиныхъ, и дѣло наконецъ уладилось, къ обоюдному удовольствію враждовавшихъ сторонъ. Младшій братъ Пушкина, прѣхавшій изъ Михайловскаго въ Петербургъ, видѣлся съ Василіемъ Андреевичемъ и устными разказами о семейныхъ недоразумѣніяхъ дополнялъ письменное о нихъ сообщеніе своего брата.

Теперь обращаемся къ другой личности, принимавшей въ великомъ поэтѣ, съ самыхъ его юныхъ лѣтъ, вполне искреннее, истинно материнское участіе. Это была Прасковья Александровна Осипова, владѣтельница сосѣдняго Пушкинымъ села Тригорскаго, ихъ давняя пріятельница. Въ эпоху, нами описываемую, Прасковья Александровна было 44 года (она родилась въ 1780 г., скончалась въ 1859 году); семейство ея состояло изъ сына, двухъ дочерей—отъ перваго брака (съ г. Вульфомъ) и трехъ дочерей—отъ втораго. Алексѣй Николаевичъ Вульфъ, въ 1824 году студентъ дерптскаго университета, гостилъ въ Тригорскомъ на святкахъ и въ капикулярное время; сестры его: Анна и Евпраксія Николаевны Вульфъ (вторая впоследствии вышла замужъ за барона Б. А. Вревскаго); Катерина, Александра и Марія Ивановны—Осиповы, находясь безотлучно при матери, жили въ ея помѣстьи круглый годъ. Съ умомъ, довольно образованная, хотя и не безъ причудъ и странностей, владѣтельница Тригорскаго П. А. Осипова была исключеніемъ изъ сонма русскихъ помѣщицъ добраго стараго времени, т. е. тѣхъ нагнѣвившихся, полуграмотныхъ (зачастую—безграмотныхъ) барынь, умственная дѣятельность которыхъ ограничивалась кухней, кладовою, дѣвичью, разѣздами по сосѣдямъ и развозкою по нимъ сплетенъ и пересудовъ. Повторяемъ—П. А. Осипова составляла нѣкоторое изъятіе изъ общаго правила, и слѣдующія выдержки изъ ея писемъ къ Жуковскому (по поводу распри Пушкина отца съ сыномъ) могутъ служить свѣтлыми чертами для дополненія характеристики этой достойной женщины:

«Не дайте погибнуть сему молодому, но право хорошему любилицу мужъ. Помогите ему тамъ, гдѣ вы; а я, пользуясь нѣсколько его дружбою и довѣренностью, постараюсь, если не угаситъ вулканъ, по крайней мѣрѣ направить путь лавы безвредно для него.

«Желаю искренно, чтобъ совѣты ваши приняты были Сергѣемъ

Львовичемъ и исполнены. Мнѣ пріятно было замѣтить изъ письма вашего, что мы съ вами совершенно согласны въ мнѣніи на счетъ несогласія сихъ двухъ особъ, отца и сына. А причина сихъ вѣчныхъ между ними несогласій есть странная мысль, которая, не знаю отъ чего, вселилась съ обѣихъ сторонъ въ ихъ умы. Сергѣй Львовичъ думаетъ, и его ничѣмъ не можно разуверить, что сынъ его не любить, а Александръ увѣренъ, что отецъ къ нему равнодушенъ и будто-бы не имѣетъ попеченія о его благосостояніи. Отъ сего происходитъ, что они обоюдно толкуютъ каждый въ свою очередь поступки одинъ другаго ложно, а потому дѣйствуютъ равно ошибочно.

« Если Александръ долженъ будетъ оставаться здѣсь долго, то прощай для насъ Русскихъ его талантъ, его поэтической гоній и обвинить его не можно будетъ. Нашъ Псковъ хуже Сибири, а здѣсь пылкой головѣ не усидѣть ».

Въ прекрасномъ семействѣ П. А. Осиповой Пушкинъ нашелъ достойныхъ себѣ собесѣдниковъ. Алексѣй Николаевичъ Вульфъ—истый « буршъ » съ русскою душою, весельчакъ и умница, ловкій наѣздникъ, искусный стрѣлокъ,—бывалъ неразлученъ съ Пушкинымъ. Сестры его, Анна и, въ особенности, Евпраксія Николаевна были очень милыя, веселыя и любезныя дѣвицы; изъ трехъ сестеръ Осиповыхъ, Александра была прекрасная музыкантша. Библіотечка въ Тригорскомъ была подспорьемъ Пушкину при его литературныхъ занятіяхъ; превосходный садъ, живописныя окрестности береговъ Сороти—давали возможность михайловскому « анахорету » пользоваться прогулками и нерѣдко встрѣчать вдохновеніе въ блѣдныхъ красотахъ сѣверной природы. « Душа на Волховѣ, а сердце на Великой »—говаривали новгородцы, выражая свое сочувствіе псковичамъ; о Пушкинѣ можно было сказать, что душа его въ Михайловскомъ, а сердце было въ Тригорскомъ.

А. Н. Вульфъ познакомилъ Пушкина съ Николаемъ Михайловичемъ Языковымъ ¹⁾, своимъ товарищемъ по университету. Поэты поняли и одѣнили другъ друга: воспѣвая обитательницъ Тригорскаго, они читали имъ экспромпты; украшали альбомы милыхъ, пріятливыхъ барышень и самой П. А. Осиповой многими вдохновенными стихотвореніями. Подобно трубадурамъ рыцарскихъ временъ, Пушкинъ и Языковъ, питая нѣжную, платоническую склонность къ дѣвицамъ Вульфъ и Осиповымъ, состязались въ рѣчованныхъ любезностяхъ. Языковъ къ эротическому элементу своихъ стихотвореній примѣшалъ вакхическій. Въ послѣднемъ отношеніи образъ жизни Пушкина въ Михайловскомъ былъ небезупреченъ.

¹⁾ Родился 4-го марта 1803 г., умеръ 26-го декабря 1846 г.

Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ съ сестрою уѣхалъ въ Петербургъ въ исходѣ октября; за ними, черезъ недѣлю, послѣдовали отецъ и мать. Пушкинъ остался въ Михайловскомъ одинъ, въ тоскливую осеннюю пору, и могъ бы назваться сиротѣющимъ, еслибы въ двухъ верстахъ отъ него не находилось «роднаго» Тригорскаго.

(Послѣднія числа октября) 1824 г.

«Братъ, ты мнѣ пришлешь нѣмецкую критику на «Кавк. плѣн.»? (спросить у Греча) да книгъ, ради Бога книгъ. Если гг. издатели не захотятъ удостоить меня присылкою своихъ Альманаховъ, то скажи Слѣнину, чтобъ онъ мнѣ ихъ препроводилъ въ томъ числѣ и «Талию» Булгарина. Къ стати о талии: на дняхъ я мѣрядся поясомъ съ Евпр(аксією) и талии наши наплись одинаковы. Слѣдов. изъ двухъ одно: или я имѣю талью 15-ти-лѣтней дѣвушки, или она—талью 25-тилѣтн. мушны. Евпр. дуется и очень мила, съ Анеткою бранюсь, надоѣла! Еще комисіи: пришли мнѣ рукописную мою книгу, да портретъ Чадаева, да перстень—мнѣ грустно безъ него; рискни съ Михайломъ¹⁾. Надѣюсь, что разбойники тебя не ограбили. NB. Какъ можно ѣздить безъ оружія! Это и въ Азіи не дѣлается. Что «Онѣгнинъ»? Перемѣни стихъ: звонокъ раздался — поставь: «швейцара мимо онъ стрѣлой». Въ «Разг(оворѣ)» послѣ искалъ вниманіе красоты нужно непремѣнно:

Глаза прелестные читали
 Меня съ улыбкою любви,
 Уста волшебныя шептали
 Мнѣ звуки сладкіе мои!

Не забудь фонъ-Визина писать Фонвизинъ. Что онъ за нехристь? Онъ русской, изъ перерусскихъ русской. Здѣсь слышно будто губернаторъ приглашаетъ меня во Псковъ. Если не получу особеннаго повелѣнія, вѣрно я не тронусь съ мѣста. Развѣ выгонитъ меня отецъ и мать. Впрочемъ я всего ожидаю. Однако, поговори заступникъ мой съ Ж(уковскимъ) и Кар(амзиннымъ). Я не прошу отъ правительства полумилостей; это было бы полу-мѣра и самая жалкая. Пусть оставляютъ меня такъ, пока Царь не рѣшитъ моей участи. Зная его твердость и, если угодно, упрямство, я бы не надѣялся на перемѣну судьбы моей, но со мной онъ поступилъ не только строго, но и справедливо. Не надѣясь на его снисхожденіе, надѣюсь на спра-

¹⁾ Крѣпостной Пушкиныхъ Мих. Ив. Калашниковъ, былъ въ Михайловской дворѣ еще при «аралѣ», т. е. при Петрѣ Абрам. Ганнибалѣ, котораго хорошо помнилъ. Впослѣдствіи онъ управлялъ Михайловскимъ, а потомъ Болдинимъ. На старости «отлученный на волю», онъ умеръ въ бѣдности, въ Петербургѣ, осенью 1858 г., слишкомъ 90 лѣтъ отъ роду.

ведливость его. Какъ бы то ни было не желаю быть въ П. Б. и вѣрно нога моя дома уже не будетъ. Сестру цалую очень. Друзей моихъ также—тебя въ особенности. Стиховъ, стиховъ, стиховъ! les conversations de Byron! Walter Scott! это пища души. Знаешь ли мои занятія? до обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; посл(ѣ) об(ѣ)да ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки ¹⁾ — и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за предель эти сказки! каждая есть поэма! ахъ! Боже мой, чуть не забылъ! вотъ тебѣ задача: историческое, сухое извѣстіе о Сенькѣ Разинѣ, единственномъ поэтическомъ лицѣ рус(ской) ист(оріи) — Прощай, моя радость. Чтожъ чухонка Баратынскаго ²⁾? я жду.

(Тригорское, первыи числа ноября 1824 г.).

«Дѣла мои все въ томъ же порядкѣ, я въ Михайловскомъ рѣдко. Apette очень смѣшна; сестра разкажетъ тебѣ мои новыя фарсы. Всѣ тамъ о тебѣ сожалѣютъ; я ревную и браню тебя—скука смертная вездѣ.

Скажи отъ меня Жуковскому, чтобъ онъ помолчалъ о происшествіяхъ ему извѣстныхъ—я рѣшительно не хочу выносить сору изъ Михайловской избы—и ты, душа, держи языкъ на привязи.

Видѣлъ ли ты всѣхъ святыхъ? шумить ли Питеръ? что твой приѣздъ и что «Онѣгинъ»?

NB. Пришли мнѣ: 1) Oeuvres de Lebrun, odes, élégies etc. ³⁾ найдешь у St-Florent, 2) сѣрныя спички, 3) карты, т. е. картежныя (объ этомъ скажи Михайлѣ, пусть онъ ихъ и держитъ и продаетъ), 4) Жизнь Емельки Пугачева, Путешествіе по Тавридѣ, Муравьева, 5) горчицы и сыру; но это ты и самъ мнѣ привезешь. Что наши литературныя паны, и что сволочь.

Я тружусь во славу Корана ⁴⁾ и написалъ еще кое-что—дѣнь прислать.

Прощай, отвыкни современемъ отъ Нащокина, отъ Сабурова, отъ вина и отъ Воейковой—а то будешь un frêluquet ⁵⁾, что гораздо хуже чѣмъ Mirtil и godelureau dissolu ⁶⁾.

¹⁾ Разсказницею была няня Анна Родіоновна.

²⁾ Такъ называется Пушкинъ «Эду», поэму Баратынскаго.

³⁾ Сочиненія Лебрена: оды, элегіи и проч. Понсъ-Дени-Экушаръ Лебрентъ, въ свое время знаменитый французскій лирическій поэтъ, род. въ 1729†1807 г.

⁴⁾ Пушкинъ говоритъ о своихъ стихотворныхъ переложеніяхъ изъ Корана (изданіе Анненкова, томъ II, стр. 368—374: «Подраженіе Корану»). Эти девять стихотвореній были посвящены Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой. Шутливыя, не чуждыя напускнаго байронизма, отзывы Пушкина объ «Анетѣ» искупаются нѣсколькими прелестными стихотвореніями Пушкина, ей посвященными. См. изд. Аннен., томъ II, стр. 259. «Признаніе».

⁵⁾ Вертопрахъ, волокита. ⁶⁾ Вздыхатель; женскій угодникъ, распутный.

Языковъ будетъ въ Дерптѣ не прежде Января. Всѣмъ поклонѣ, пиши же живѣе.

(На оборотѣ: милостивому государю и братцу).

(Около половины ноября 1824 г.).

Скажи моему Генію-хранителю, моему Жуковскому, что слава Богу, все кончено. Письмо мое къ Адеркасу у меня; наши, думаю, доѣхали, а я живъ и здоровъ. Что это у васъ? Потопъ! ничто проклятому Петербургу! ¹⁾ voilà une belle occasion à nos dames de faire de b—t ²⁾ Жаль мнѣ «Цвѣтовъ» Дельвига; да надолго ли это его задержать въ тинѣ Петербургской. Что погреба? признаюсь, и по нихъ сердце болитъ. Не найдется ли между вами Ноя, для насажденія винограда? На святой Руси не шутка ходить нагишомъ, а хамы смѣются. Впрочемъ это все вздоръ. А вотъ важное: тетка ³⁾ умерла! Ёду завтра въ Св. Горы и велю отпѣть молебень, или панихиду, смотря по тому что дешевле. Думаю, что наши отправятся въ Москву; добрый путь! печатай, печатай «Онѣгина» и съ «разговоромъ»—обними Плетнева и Гнѣдича; обомъ буду писать на будущей почтѣ. Вотъ тебѣ А. Н. (Анна Николаевна Вульфъ) на тебя сердита. Рокотовъ пересказалъ П. А. (Прасковья Александровна) твои письма въ Лубны и къ матери. Опять слетни! и ты хорошъ. Все-таки она приказала тебя, пусти(ль)га разцеловать. Евпр(аксія) уморительно смѣшна, я предлагаю ей завести съ тобою философическую переписку. Она все завидуетъ сестрѣ, что та пишетъ и получаетъ письма. Отправь съ Михайломъ все, что уцѣлѣло отъ Александрійскаго пожара, да книги о которыхъ упоминаю въ письмѣ съ сестрой. Библию, библию! и французскую непременно. Образъ жизни моей все тотъ же, стиховъ не пишу, продолжаю свои записки, да читаю Кларису, моча нѣтъ какая скучная дурь! ⁴⁾ Жду твоихъ писемъ; что Всеволожск(ій), что моя рукопись, что письмо мое къ К. В. Ѳ. (князю Владиміру Ѳедоровичу Одоевскому ⁵⁾? Будетъ ли картинка у «Онѣгина»? Что дѣлаютъ Полярные господа? что Кюхля? ⁶⁾ Прощай душа моя, будь здоровъ и не напѣйся пьянъ, какъ Ной, послѣ своего потопа.

¹⁾ Пушкинъ говоритъ о наводненіи 7-го ноября 1824 года, которое впоследствии вдохновило его въ созданію «Мѣднаго Всадника».

²⁾ «Вотъ прекрасный случай нашимъ дамамъ»....

³⁾ Анна Львовна, сестра отца Пушкина.

⁴⁾ «Клариса Гарлоу», романъ Самуила Ричардсона (1689†1761) въ свое время знаменитость. Пушкинъ упоминаетъ о немъ въ «Онѣгинѣ» (глава II, строфа XXX; глава VII, строфа XLI).

⁵⁾ Князь В. Ѳ. Одоевскій вмѣстѣ съ В. К. Кюхельбекеромъ былъ тогда издателемъ «Мнемозины».

⁶⁾ Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣвъ и Александръ Александровичъ Бестужевъ—издатели «Полярной Звѣзды». Кюхля—Кюхельбекеръ.

«NB. Я очень радъ этому потоку, потому что золь. У насъ будетъ голодъ, слышишь-ли? торопи Дельвига, присылай мнѣ чухонку Баратынскаго, не то проклянута тебя. Скажи сестрѣ, что я получилъ письмо къ ней отъ милой кузины Гр. Ивл. ¹⁾ и распечаталъ, полагая, что оно столько-же отвѣтъ мнѣ какъ и ей. Объявленіе о потоцѣ, о Колосовой, умъ, любезность, и все тутъ. Поцалуй ее за меня т. е. сестру Ольгу—а Гр(афинѣ) Екат(еринѣ) дружеское рукопожатіе. Скажи Сабурову, чтобъ онъ не дурачился, усовѣсти его. Пиши же ко мнѣ.

«Ахъ, милый, богатая мысль! распечаталъ нарочно. Вѣрно есть бочки *per fas et nefas* продающіяся въ П. Б.—купи, что можно будетъ подешевле и получше. Этотъ потокъ—оказія».

(На оборотѣ: «Льву Сергѣевичу Пушкину въ собственныя лапки», а близъ печати у прорваннаго мѣста написано: «я расковырять»).

Семейная драма, которая разыгралась между Сергѣемъ Львовичемъ и его сыномъ, вскорѣ по возвращеніи послѣдняго изъ Одессы имѣла, какъ мы уже и упоминали выше, счастливую, почти комическую развязку. Въ послѣднихъ числахъ ноября Пушкинъ писалъ В. А. Жуковскому:

-24-го ноября (1824 г.).

«Мнѣ жаль, милый, почтенный другъ, что надѣлалъ эту всю тревогу; но что мнѣ было дѣлать! Я сосланъ за строчку глупаго письма. Что было-бы если бы правительство узнало обвиненіе отца? Отецъ говорилъ послѣ: Дуракъ! Въ чемъ оправдывается! Да я бы связать его велѣлъ! За чѣмъ же обвинять было сына? Да какъ онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, непристойно размахивать руками? Это дѣло десятое. Да онъ убилъ отца словами... каламбуръ и только. Воля твоя, тутъ и поэзія не поможетъ!

«Что жъ милый, будетъ ли что нибудь для моей маленькой Гречанки? ²⁾ Она въ жалкомъ положеніи, а будущее для нея и того жалче. Дочь героя, Жуковский! она родня поэтамъ по поэзіи. . .

Получилъ я вчера письмо отъ Вяземскаго уморительно смѣшное. Какъ могъ онъ на Руси сохранить свою веселость!

¹⁾ Графиня Екатерина Марковна Ивеличъ.

²⁾ Одновременно съ письмомъ о домашнихъ своихъ неудовольствіяхъ, Пушкинъ писалъ Жуковскому о восьмилѣтней гречанкѣ Родосѣ Сафіоновѣ, дочери грека, павшаго въ скуландской битвѣ. Дѣвочка воспитывалась въ Кишиневѣ, у жены бывшаго вице-губернатора Бессарабіи, К. Х. Крупянскои. Пушкинъ просилъ о покровительствѣ Родосѣ и о ея воспитаніи.

«Ты увидишь Карамзинныхъ. Тебя да ихъ люблю страстно; скажи имъ отъ меня, что хочешь.

(Адресъ: Его высокоблагородію и г. Василю Андреевичу Жуковскому. Въ С.-Петербургѣ. Въ Анничковомъ дворцѣ. Почтовый штампъ: Опочка, декабря 1824 г.).

(Декабрь 1824 г.).

Брату: Вульфъ здѣсь, я ему ничего еще не говорилъ, но жду тебя привъжай—хоть съ П. А. (П. А. Плетневъ) хоть съ Дельвигомъ; переговориться нужно непременно.

Съ Рокотовымъ я писалъ къ тебѣ получи это письмо непременно. Тутъ я по глупости прислалъ тебѣ—святочную пѣсенку ¹⁾. Вѣтренный юноша Р(окотовъ) можетъ письмо затерять—а ничуть не забавно мнѣ попасть въ крѣпость roug des chapons (ивъ-за пѣсень).

Христомъ Богомъ прошу скорѣе вытащить Онѣг. изъ подъ цензуры—слава..... ²⁾—деньги нужны. Долго не торгуйся за стихи—рѣжь, рви, крамсай, хоть всѣ 54 строфы, но денегъ, ради Бога, денегъ!—У меня съ Тригорскими завязалось дѣло презабавное—нѣкогда тебѣ рассказывать, а уморительно смѣшно. Благодарю тебя за книги да пришли же мнѣ всевозможные календари ³⁾, кромѣ придворнаго и академическаго. Къ стати—начало рѣчи старика Шишкова меня тронуло, да конецъ подгадилъ все. Что нынѣ цензура? Напиши мнѣ нѣчто:

о Карамзинѣ, ой, ихъ;
Жуковскомъ,
Тургеневѣ, А,
Сѣверинѣ,
Рылеевѣ и Бестужевѣ

и вообще о толкахъ публики—Насѣли ли на Воронцова? говорить бѣсится—за чтобы кажется, да люди таковы!

Пришли мнѣ бумаги почтовой и простой, если вина такъ и сыру, не забудь и (говоря по Делилевски) витую сталь пронзающую засмоленную главу (надписано надъ зачеркнутымъ: «пробку) бутылки, т. е. штопоръ.

Мнѣ дьявольски не нравятся П(етербургск)іе толки о моемъ побѣгѣ; За чѣмъ мнѣ бѣжать? здѣсь такъ хорошо! Когда ты будешь у

¹⁾ Noël—

²⁾ Непечатное слово.

³⁾ Пушкинъ говоритъ объ альманахахъ.

меня, то станемъ трактовать о банкирѣ, о перепискѣ, о мѣстѣ пребыванія Чедаева. Вотъ пункты о которыхъ можешь уже освѣдомиться.

Кто думаетъ нашихъ доѣхать? Избави меня

Отъ усыпителя глуца
Отъ пробудителя нахала!

Впрочемъ всѣмъ милости просимъ. Съ посланнымъ пошлай, что задумаешь. Addio.

Получилъ ли ты письмо мое о Потопѣ, гдѣ я говорю тебѣ *voilà une belle occasion pour nos dames de faire de 'b-t?*

NB. NB. Хотѣлъ послать тебѣ стиховъ, да лѣнь.

4-го декабря (1824 г.).

Не стыдно ли Кюхлѣ напечатать ошибочно моего «демона»! моего «демона»! послѣ этого онъ и вѣрую напечатаетъ ошибочно. Не давать ему за то ни «моря» ни капли стиховъ отъ меня. NB. Г. издатель Онѣгина!

Стихи для васъ одна забава
Не можно жъко стоять вамъ присѣсть!

Понимаете? да нельзя ли еще подѣ «разговоромъ» поставить число 1823 годъ? Стихъ: «вся жизнь, одна ли, двѣ ли ночи», надобно бы выкинуть, да жаль—хорошъ! Жаль еще, что Поэтъ не побранилъ потомства въ присутствіи своего книгопр(одавца). *Mes aggrégés-peveux me devoient cet ombrage* ¹⁾. Съ журналистами дѣлай, что угодно, дарю тебѣ мои мѣлочи на пряники; продавай, или дари что упомянешь, а переписывать мочи нѣтъ. Мих(айло) привезъ мнѣ все благополучно, а Библия нѣтъ. Библия для христіанина то же, что Исторія для народа. Этой фразой (на оборотъ) начиналось прежде предисловіе Ист(оріи) Кар(амзина). При мнѣ онъ ее и перемѣнилъ. Закрытие Театра и запрещеніе баловъ—мѣра благоразумная. Благопристойность того требовала. Конечно народъ не участвуетъ въ увеселеніяхъ высшаго класса, но во время общественнаго бѣдствія не должно дразнить его обидной роскошью. Лавочники видя освѣщеніе бельэтажа могли бы разбить зеркальныя окна и былъ бы убытокъ. Ты видишь, что я безпристрастенъ. Желалъ бы я похвалить и прочія мѣры прави-

¹⁾ Въ этомъ должны заподозреть меня мои правнуки.

тельства, да газеты говорятъ объ одномъ рожденномъ миллионѣ. Велико дѣло миллионъ, но соль, но хлѣбъ, но овесъ, но вино? объ этомъ вѣрно не грѣхъ бы подумать хоть въ одиночку, хоть комитетомъ. Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ, онъ вовсе не такъ забавенъ, какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ вздумается помочь какому нибудь несчастному, помогай изъ Онѣгинскихъ денегъ. Но прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго. Ни чуть не забавно стоять въ Инвалидѣ на ряду съ идиллическимъ коллежскимъ ассесоромъ Панаевымъ ¹⁾. Пришли же мнѣ «Эду» Баратынскую. Ахъ онъ, Чуховецъ! да если она милѣе моей Черкешенки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ и съ нимъ никогда знаться не буду ²⁾.

Приписка сестрѣ. Милая Оля, благодарю за письмо, ты очень мила, и я тебя очень люблю хотя этому ты и не вѣришь. Si ce que vous dites concernant le testament d'A. J. est vrai, c'est très joli de sa part. Au vrai j'ai toujours aimé ma pauvre tante et je suis fâché que Chalikof ait p—é sur son tombeau ³⁾. Няня исполнила твою комиссію, ѣздила въ Св. Горы и отправила панихиду, или что было нужно. Она целуетъ тебя, я также. Твои троюгорскія приятельницы несносны.... кромѣ матери. Я у нихъ рѣдко. Сижу дома да жду зимы.

Левъ! сожги письмо мое.

Приписки по сторонамъ письма: кланяйся В. В. Э. (?) и Гнѣдичу и Плетневу и Онѣгину и Слѣнину. Присылай мнѣ старину ⁴⁾; это приятная новость. Торопи Дельвига, надѣюсь что не претерпѣлъ онъ убытку. Что Козловъ слѣпой? ты читалъ ему Онѣгина?

(Адресъ: Ея сіятельству милостивой государынѣ Екатеринѣ Марковнѣ Ивеличевой, въ С.-Петербургѣ у Калнина мосту въ собственномъ домѣ. Пр(ому) дост(авить) брату Льву Серг. Почтовый штемпель: Опочка 1824 декабря 8).

¹⁾ Владиміръ Ивановичъ, авторъ множества «Идилій».

²⁾ Двѣ сосны на дорогѣ изъ Михайловскаго въ Тригорское.

³⁾ (Переводъ). «Если то, что ты говоришь относительно духовной Анны Львовны—справедливо, то это очень мило съ ея стороны. Сказать по правдѣ я всегда любилъ мою бѣдную тетунку и досадою, что Шаликовъ н...ъ на ея могилу». Анна Львовна раздѣлила свое имѣніе между двумя племянницами Солдцевыми и Ольгой Сергѣевной.

⁴⁾ Изданіе А. Корниловича: «Русская Старина», карманная книжка для любителей отечественнаго, на 1825 годъ.

(Декабрь, 1824 г.).

Братъ! здравствуй—писалъ тебѣ на дняхъ. Съ тебя довольно.— Поздравляю тебя съ рождествомъ Господа нашего и прошу поторопить Дельвига. Пришли мнѣ цвѣтовъ ¹⁾ да Эду, да поѣзжай къ Энгельгартову обѣду.—Кланяйся господину Жуковскому. Заѣзжай къ Пушину и Малиновскому. Попадутъ Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина.

На оборотѣ вдоль страницы: да пришли мнѣ кольцо, мой Лайонъ.

Наступилъ—1825-й годъ....

10-го или 11-го января, около восьми часовъ утра, къ дому Пушкиныхъ въ Михайловскомъ, гремя колокольчикомъ, подкатили дорожные сани и увязли въ снѣжномъ сугробѣ. Увидѣвъ приѣзжаго въ окно, Пушкинъ выбѣжалъ на крыльцо, и неожиданный, милый гость, заключивъ хозяина въ объятія, внесъ его въ комнаты. Этотъ дорогой гость былъ Иванъ Ивановичъ Пущинъ—лицейскій товарищъ Пушкина ²⁾.

¹⁾ «Сѣверные цвѣты» А. Дельвига.

²⁾ Иванъ Ивановичъ Пущинъ родился въ 1798 году; воспитывался въ Царскосельскомъ лицѣѣ, по выходѣ изъ котораго поступилъ въ гвардейскую конную артилерію. Перейдя въ гражданскую службу, опредѣлился судьей въ уголовный департаментъ московскаго уголовного суда. Принималъ дѣятельное участіе въ заговорѣ «Сѣвернаго общества», а 14-го декабря 1825 года находился на сенатской площади, причемъ однимъ изъ картечныхъ выстрѣловъ шуба его была прорвана въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Дальнѣйшія о немъ свѣдѣнія находимъ въ письмахъ Н. И. Горбачевскаго изъ Читы къ М. А. Бестужеву (Письма эти составляютъ собственность редакціи «Русской Старины»):

«Пущинъ (Иванъ) арестованъ 14-го декабря. Изъ Петербургской крѣпости отправленъ въ Шлиссельбургъ; оттуда въ Читу; въ 1830 г., со всѣми вмѣстѣ, въ Петровскій заводъ; въ 1839 году на поселеніе въ Тобольскую губернію; потомъ жилъ въ Ялуторовскѣ; возвратился послѣ амнистіи въ 1856 г. въ Россію. Тамъ женился на вдовѣ своего товарища фонъ-Визина; жилъ въ Московской губерніи, около Бронницъ, въ с. Марьянѣ—ямѣнн своей жены—гдѣ въ скорости умеръ и тамъ же похороненъ».—Иванъ Ивановичъ Пущинъ скончался 3-го апрѣля 1859 года. Начало любопытныхъ его записокъ было напечатано въ «Атенеѣ» на 1859 годъ.

Посѣщеніе Пущина изображено на картинѣ Н. Н. Ге, писанной масляными красками и принадлежавшей потомъ Н. А. Некрасову. Картина, впрочемъ весьма талантливаго художника, вышла не вполне удачная и особенно неудаченъ въ ней самъ Пушкинъ, изображенный въ необычной для него позѣ и гораздо выше ростомъ, чѣмъ былъ оригиналъ.

Бесѣда ихъ продолжалась непрерывно до трехъ часовъ ночи, и о многомъ переговорили они... Пуштинъ, членъ «Сѣвернаго общества», минуя вопросы политическіе, навелъ разговоръ на литературу: послѣ обѣда Пушкинъ читалъ вслухъ привезенную Пуштинимъ рукопись: «Горе отъ ума», прерывая чтеніе своими замѣчаніями и возраженіями; потомъ онъ диктовалъ отрывки изъ своихъ: «Цыганъ», предназначая ихъ для «Полярной Звѣзды» Рылѣева. Прося Пуштина крѣпко обнять Кондратія Фодоровича, поэтъ просилъ поблагодарить за его патріотическія Думы, хотя о нихъ же, черезъ четыре мѣсяца послѣ свиданія съ Пуштинимъ, Пушкинъ писалъ князю П. А. Вяземскому (25-го мая 1825 г.): «Думы—дрянь и названіе сіе происходитъ отъ нѣмецкаго dumst (глупый) а не отъ польскаго, какъ казалось съ перваго взгляда»... Но измѣнчивый въ своихъ взглядахъ на талантъ Рылѣева, Пушкинъ былъ неизмѣненъ въ чувствахъ пріязни и благодарности къ И. И. Пушнину до самой могилы: имя этого друга Пушкина, подобно именамъ Дельвига, Кюхельбекера и Языкова, неразлучно съ воспоминаніями Пушкина о счастливѣйшихъ дняхъ его молодости¹⁾.

(Брату.)

(Января 1825 г.)

Живъ, живъ курилка!

Какъ! живъ еще курилка журналистъ?
 — Живѣхонекъ! все также сухъ и скученъ,
 И грубъ, и глупъ, и завистью замученъ,
 Все тискаетъ въ свой непотребный листъ
 И старый вздоръ и вздорную новинку.
 — Фу! надобѣ курилка журналистъ!
 Какъ загасить воющую лучинку?
 Какъ уморить курилку моего?
 Дай мнѣ совѣтъ.—Даплюнуть на него!

Вотъ тебѣ требуемая эпиграмма на Каченовскаго, перешли ее Вяземскому. А между тѣмъ пришли мнѣ тотъ № В. Евр. (Вѣстника Европы) гдѣ напечатанъ 2-й разговоръ лже-Дмитріева; это мнѣ нужно для предисловія къ Бахч. фронт. Не худо бы мнѣ переслать и весь процессъ (и Вѣстника и Дамскій Журналъ)²⁾.

¹⁾ См. изданіе Авненкова, томъ II, стр. 394.

²⁾ Къ «Бахчисарайскому фонтану» князь Вяземскій напечаталъ: Въмѣсто предисловія. Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или Васильевскаго острова. Напечатанный въ отвѣтъ на него въ 5 № «Вѣстника Европы», «Второй разговоръ между классикомъ и издателемъ Бахчисарайскаго фонтана», вызвалъ возраженіе князя Ва-

Подпись слѣпаго поэта тронула меня несказанно. Повѣсть его прелестъ—сердись онъ, не сердись—а хотѣлъ простить—простить не могъ, достойно Байрона. Видѣніе, конецъ прекрасны.—Послание, можетъ быть, лучше поэмы—по крайней мѣрѣ ужасное мѣсто, гдѣ поэтъ описываетъ свое затмѣніе, останется вѣчнымъ образцомъ мучительной поэзіи ¹⁾. Хочется отвѣчать ему стихами, если успѣю, пошлю ихъ съ этимъ письмомъ ²⁾.

Гнѣдичъ не получилъ моего письма? жаль, оно, сколько помню, было очень забавно. Въ томъ-же пакетѣ находились два очень нужные—тебѣ и Плетневу.—Что Плетневъ умолкъ? Конечно бѣдный болень, или «Войнаровскимъ» не доволенъ—къ стати каковы мои замѣчанія? надѣюсь, не скажешь, что я ему кажу—а виновать, «Войн(аровскій)» мнѣ очень нравится. Мнѣ даже скучно, что его здѣсь нѣтъ у меня.

Если можно, пришли мнѣ послѣднюю Genlis—да Child-Harold—Lamartine (то-то чепуха должна быть!) да вообще чтонибудь новинькова да и старину. «Талию» получилъ и письмо отъ изд(ателя). Не успѣлъ еще пробѣжать: Ворожея ³⁾ показалась мнѣ du bon comique. А Хмѣльницкой моя старинная любовница—я къ нему имѣю такую слабость, что готовъ помѣстить въ честь его цѣлый куплетъ въ 1-ую пѣснь Онѣгина (да кой чертъ! говорятъ, онъ сердится, если объ немъ упоминаютъ, какъ о драмм. писателѣ). В(яземскій) правъ—а все таки на него сердить. Надѣюсь, что Дель(вигъ) и Бар(атынскій) привезутъ мнѣ и Анахарзиса Клоца, который вѣрно сердится на

земскаго, напечатанное въ «Дамскомъ Журналѣ». На это возраженіе г. М. Д и в-тріевъ, въ 8 № «Вѣстника», напечаталъ: «Возраженія на разборъ втораго разговора». На этомъ остановилось дальнѣйшее изъясненіе терпѣнія публики.

¹⁾ Пушкинъ говоритъ о поэмѣ И. И. Козлова «Чернецъ» и о его «Посланіи» къ В. А. Жуковскому (Собр. сочиненій И. Козлова, изд. 3-е, Спб. 1840 г. Часть I, стр. 22 и 33—50).

²⁾ Пушкинъ исполнилъ свое намѣреніе—и написалъ Козлову:

«Пѣвецъ, когда передъ тобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной,
Мгновенно твой проснулся гений:
На все минувшее воззрѣлъ
И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній
Онъ пѣсанъ дивныя запѣлъ!» и т. д.

См. изданіе Анненкова 1855 г. Томъ II, стр. 387—388.

³⁾ Комедія «водевилъ князя Шаховскаго «Ворожея, или танцы духовъ». Нѣсколько сценъ изъ нея и отрывки изъ комедій Хмѣльницкаго были напечатаны въ «Русской Талии», Булгарина, на 1825 годъ.

меня за то, что мнѣ не по нутру Рѣзвоскачущая кровь Гриб— а (Грибоѣдова) ¹⁾.

Дельвигу объятія мои отверсты. Жду отъ него писемъ изъ эгоизма, изъ Аневризма и проч.

Письмо Ж. (Жуковского) наконецъ я разобралъ. Что за прелесть чертовская его небесная душа! Онъ святой, хотя родился Романтикомъ, а не Грекомъ, и человѣкомъ, да какимъ еще?

Тиснуть Сарское село и съ Нотой—напрасно объявляли о Бр. Разб. (Братяхъ Разбойникахъ) яжъ бы можно напечатать и въ Разн. Стих. (Разныхъ стихотвореніяхъ). Богатая мысль напеч(атать) Нар (Наполеона), да цензура..... лучшія строфы потонуть.

(Январь 1825 г.)

«Получилъ, мой милый, милое письмо твое. Дельвига съ нетерпѣніемъ ожидаю. Жалѣю о строгихъ мѣрахъ принятыхъ въ твоемъ отношеніи.—Читалъ объявленіе объ «Онѣгинѣ» въ «Пчелѣ»; жду шума. Если изданіе раскупится—то приступи тотчасъ къ изданію другому, или условься съ какимъ нибудь книгопродавцемъ.—Отпиши о впечатлѣніи имъ произведенномъ.—У меня произошла перемѣна въ министерствѣ: Розу Григорьевну я принужденъ былъ выгнать за непристойное повѣденіе и слова, которыхъ не долженъ я былъ вынести. А то-бы она уморила няню, которая начала отъ нее худѣть. Я велѣлъ Розѣ подать мнѣ щеты. Она показала мнѣ, что за 2 года (1823 и 4) ей ничего не платили (?) и считаетъ по 200 р. на годъ, итого 400 рублей. По моему счету ей слѣдуетъ 100 руб. Наличныхъ денегъ у ней 300 р.; изъ оныхъ 100 выдамъ ей, а 200 переплю въ П. Б. Узнай и отпиши обстоятельно, сколько именно положено ей благодѣтели и заплачено-ли что нибудь въ эти 2 года. Я нарядилъ комитетъ, составленный изъ Василья, Архипа и Старосты—велѣлъ перемѣрить хлѣбъ, и открылъ нѣкоторыя злоупотребленія, т. е. нѣсколько утаенныхъ четвертей. Впрочемъ она мерзавка и воровка. Покамѣсть я принялъ бразды правленія.

Ты спрашиваешь: зачѣмъ пишу я Булгарину? по тому что онъ мнѣ другъ. Есть у меня еще друзья: Сабуровъ Яшка, Мухановъ, Да-

¹⁾ Намекъ на стихотворное письмо Кюхельбекера къ Грибоѣдову. А в а р з и с ъ К л о ц ъ—бѣдный, сумасшедшій демагогъ, погибшій на революціонной гильотинѣ въ 1794 году. Этимъ именемъ Пушкинъ шуточно называлъ Кюхельбекера.

видовъ и проч. Эти друзья не въ примѣръ хужѣ Булгарина.—Они на дняхъ меня зарѣжутъ.—Покажѣть я почтенному Фаддею Венедиктовичу послалъ 2 отрывка изъ «Онѣг.», которыхъ нѣтъ ни у Дельвига, ни у Бестужева не было и не будетъ... а кто виновать? все друзья, все треклятые друзья.

Кланяйся моему другу Воейкову. Надъ или Подъ «Моремъ и Землею» ¹⁾ должно было поставить: идиллія Моска.—Отъ этого я-бы не удавился—а Біонъ старикъ при своемъ остался-бъ. Тоже и объ Ив. Ив. Парни ²⁾—но тутъ я самъ виновать.

Если придетъ тебѣ пакетъ на имя Дельвига, то распечатай—позволяю. Плетнева цалую и буду писать.

Да пришлите-же мнѣ «Старину» и Талію, Господи помилуй! не допросишься. Здѣсь письмо къ изд(ателю) или..... Н. А. (Невскаго Альманаха), прочитай его да доставь. Онъ, каналья, жметъ на меня въ афишкахъ, да мнѣ присылаетъ свое вранье—добро! Начало Кота Измайлова очень мило ³⁾.

Р. С. Слѣпой попъ перевелъ Сираха (смотри. Инвалидъ № какой-то), издаетъ по подпискѣ—подпишись на нѣсколько экз. ●

(Въ исходѣ февраля 1825 г.).

Я съ тобою не бранюсь (хоть и хочется) по 18 причинамъ: 1 потому, что это было бы напрасно... Цыгановъ, нечего дѣлать, перепису, и пришлю къ вамъ, а вы ихъ тисните. Твои опасенія на счетъ приѣзда ко мнѣ вовсе несправедливы. Я не въ Шлиссельбургѣ, а при физической возможности свиданія лишитъ онаго двухъ братьевъ была бы жестокость безъ цѣли, слѣдств., вовсе не въ духѣ нашего времени, ни.....

Жду шуму отъ Онѣгина; покажѣть мнѣ довольно скучно; ты мнѣ не присылаешь conversations de Вугон, добро! но, милый мой, если только возможно, отъищи, купи выпроси, укради записки Фуше, и давай мнѣ ихъ сюда; за нихъ отдасть-бы я всего Шекспира; ты не воображаешь что такое Fouché! ⁴⁾ онъ, по мнѣ очаровательнѣе Бай-

¹⁾ Написано въ Кіевѣ, 8-го февраля 1821 года; напечатано было въ январской книжкѣ 1825 г. «Новостей Литературы».

²⁾ Парни (1753 † 1814), знаменитый французскій эротическій поэтъ.

³⁾ Басня Измайлова, «Черный котъ», см. «Невскій Альманахъ» на 1825 г., стр. 145.

⁴⁾ Жанъ Фуше, герцогъ Отрантскій, 1763 † 1820. По отзыву всѣхъ биографовъ, «гнуснѣйшая личность временъ республики и имперіи». Коммисаріатскій воръ и палачъ во время революціи, онъ, при Наполеонѣ I, былъ министромъ полиціи и на этомъ поприщѣ прославился какъ гениальный сыщикъ и шпионъ.

рона. Эти записки должны быть сто разъ поучительнѣе, занимательнѣе, ярче записокъ Наполеона, т. е. какъ политика, потому что въ Войнѣ я ни чорта не понимаю. На своей скалѣ (прости Боже мое согрѣшеніе!) Наполеонъ поглупѣлъ—во первыхъ лжетъ какъ ребенокъ ¹⁾, 2) судить о такомъ-то не какъ Наполеонъ, а какъ парижскій памфлетеръ, какойнибудь Прадтъ или Гиво. Мнѣ что-то очень, очень кажется, что Bertrand и Monthaulon ²⁾ подкуплены! Тѣмъ болѣе, что самыхъ важныхъ свѣдѣній нмѣнно и не находится. Читалъ ты записки Nap. (Napoléon). Если нѣтъ, такъ прочти. Это между прочимъ прекрасный романъ, mais tout ce qui est politique n'est fait que pour la canaille ³⁾.

Довольно о вадорѣ, поговоримъ о важномъ. Мой Коншинъ ⁴⁾ написалъ, ей-Богу, миленькую пьесу дѣв. влюбл. поэ.—кромѣ Авторами. А куда онъ Коншинъ! его элегія въ «цвѣтахъ» ⁵⁾ какова? Твое сужденіе о комедіи Грибоѣдова слишкомъ строго. Вестужову писалъ я объ ней подробно; онъ покажетъ тебѣ письмо мое.

По журналамъ вижу необыкновенное броженіе мыслей; это предвѣщаетъ перемѣну министерства на Парнасѣ. Я министръ иностранныхъ дѣлъ, и кажется дѣло до меня не касается. Если Палѣй пойдетъ какъ начать—Рылѣевъ будетъ министромъ. Плетневъ не осторожнымъ усердіемъ повредилъ Баратынскому; но Эда все исправить. Что Баратынскій?.. и мораль, долга-ль?... какъ узнать? Гдѣ вѣстникъ искупленъ? Бѣдный Баратынскій? какъ объ немъ подумаешь, такъ по неволѣ постыдишься унывать. Прощай, стиховъ новыхъ нѣтъ—пишу записки—но и презрѣнная проза мнѣ надоѣла.

Приѣхалъ гр. В(оронцовъ)? узнай и отпиши мнѣ какъ отозвался онъ обо мнѣ въ свѣтѣ—а о другомъ мнѣ и знать не нужно.

¹⁾ Т. е. замѣтно. Примѣчаніе Пушкина.

²⁾ Маршалы Наполеона, его спутники въ заточеніи на островѣ Св. Елены. Второе имя Пушкинъ написалъ ошибочно, оно пишется: Montholon.

³⁾ «Но все, что касается до политикъ, писано для сволочи».

⁴⁾ Такъ Пушкинъ называетъ Туманскаго.—Его стихотвореніе: «Дѣвушка влюбленному поэту» было напечатано въ «Новостяхъ литературы» (февраль 1825 г., стр. 95—96). Въ немъ есть стихъ:

«Начну-ль бесѣдовать я съ вами
«Какъ будто сидя съ Авторами».

⁵⁾ Элегія Туманскаго: «На скалы, на холмы глядѣть безъ наглядѣнья» была напечатана въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1825 годъ. Пушкинъ называетъ Туманскаго м о й Коншинъ, на-смѣхъ Плетневу, возмущеннаго тогда со своимъ Коншинымъ, плохимъ стихотворцемъ, котораго однако П. А. Плетневъ ставилъ влослѣдствіи выше Лермонтова.

Присовѣтуй Рылѣву въ новой его поэмѣ помѣстить въ свѣтъ Петра I нашего дѣдушку. Его арапская роза произведетъ странное дѣйствіе на всю картину Полтавской битвы.

Тригорское 14 марта 1825 г.

«Братъ, обнимаю тебя и падамъ до ногъ. Обнимаю также Алжирца Всеволожскаго. Перепши же мнѣ проклятую мою рукопись—и давай уничтожать, переписывать и издавать. Какъ жаль, что тебя со мною не будетъ! дѣло бы пошло скорѣе и лучше. Дельвига жду хоть онъ и не поможетъ. У него твой вкусъ да не твой почеркъ. Элегіи мои переписаны—по томъ посланія, по томъ смѣсь, по томъ благословясь и въ Цензуру.

Душа моя, горчицы, рому, что нибудь въ укусуѣ—да книгъ: *conversations de Byron, mémoires de Fouché, Таію, «Старину»* ¹⁾, да *Sismondi (littérature)* да *Schlegel (dramaturgie)* если есть у St.-Florent. Хотѣлъ-бы я также имѣть Новое издан. Собр. Рус. Стих. ²⁾ да дорого 75 р. я и за всю Русь столько не даю. Посмотри однако-жъ.

Каченовскій возсталъ на меня. Напиши мнѣ благопристоенъ-ли тонъ его критикъ—если нѣтъ—пришлю эпиграмму.

У васъ ересь. Говорятъ, что въ стихахъ—стихи не главное. Что же главное? проза? должно заранѣе истребить это гоненіемъ, кнутомъ, кольями, пѣснями на голосъ: одинъ сажу во компаніи и тому под.

Анна Николаевна (Вульфъ) тебѣ кланяется и очень жалѣетъ, что тебя здѣсь нѣтъ; потому что я влюбился и миртильничая. Знаешь ея кужну А. И. В.? *essou femina!* (вотъ женщина).

Мочи нѣтъ, хочется Дельвига. Писалъ я тебѣ о калошахъ? не надобно ихъ. Гнѣдича пѣсни получилъ. На дняхъ буду писать ему съ претензіями. Покамѣсть благодари его—думаю что экз. Онъ г. (экземпляръ Онѣгина) ты ему отъ меня поднесъ. Что касается до оныхъ дамъ, надѣюсь, что это шутка. А чего добраго! однакожъ это было бы мнѣ во всякомъ случаѣ очень неприятно.

(На оборотѣ): достань у Рылѣва или Бестужева мои мѣлкія

¹⁾ «Русская Старина», историческій сборникъ, изданный Борн и Ловичемъ, 1825 г., въ 16-ю д. л.

²⁾ Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ, въ стихахъ и въ прозѣ. Спб. 1822—1824. 12 частей.

стихотв(оренія) и перешли мнѣ скорѣе. Что-жъ ты общалъ мнѣ прислать Парни?

(Адресъ): Льву Сергѣвичу Пушкину. Подъ нимъ: J and my sister make you our compliments from our hearts and souls ¹⁾).

(Того-же числа, по полученіи рукописи).

«Напрасно воображаешь ты что я на тебя сержусь, и не думалъ. Нѣсколько разъ писалъ тебѣ, видно еще до тебя не дошло. Всеволожскій со мною шутить, я долженъ ему 1000 а не 5000; переговоры съ нимъ и благодари очень за рукопись. Онъ славный человекъ хоть и женится. Тотчасъ займусь новымъ собраніемъ и перешлю тебѣ.

Ради Бога, погоди въ разсужденіи отставки. Можетъ быть тебя притѣсняютъ безъ вѣдома..... Просьбу твою могутъ почестъ слѣдствіемъ моего внушенія etc. etc. etc.—Погоди хоть Дель(вига).

Увѣдомъ о Баратынскомъ—свѣчку поставлю за Закревскаго если онъ его выручить.

15 марта (1825 г.)

Братъ Левъ и братъ Плетневъ!

Третьяго дня получилъ я мою рукопись. Сегодня отсылаю всѣ мои новыя и старыя стихи. Я выстиралъ черное бѣлье на скоро, а новое спилъ на живую нитку. Но съ вашей помощію надѣюсь, что Барыня Публика меня по щекамъ не прибьетъ, какъ непотребную прачку.

Ошибки правописанія, зна(аки) прѣпинанія, безсмыслицы—прошу самимъ исправить—у меня на то глазъ не достанетъ. Въ порядкѣ піасъ держитесь также вашего благоусмотрѣнія. Только не подражайте изданію Батюшкова—исключайте, марайте съ плеча. Позволяю, прошу даже. Но для сего труда возьмите себѣ въ помощники Жуков(скаго) не во гнѣвъ Булгарину, и Гнѣдича не во гнѣвъ Грибоѣдову. Эпиграфа или не надобно, или изъ А. Chénier. Виньетку бы не худо; даже можно, даже нужно—даже ради Христа сдѣлайте; имянно: Психея которая задумалась надъ цвѣткомъ (къ стати: что прѣдестіе строфы Жуковскаго)—онъ мнилъ что вы съ нимъ

¹⁾ Я и сестра шлемъ тебѣ поклонъ отъ всего нашего сердца и души.

однородные и слѣдующей. Конца не люблю¹⁾. Что, еслибъ волшебная кисть *Θ. Толстова*.

Нѣтъ! слишкомъ дорога!
А ужась какъ мила!...²⁾

Къ тому же кромѣ Уткина ни чей рѣзецъ не достоинъ его карандаша. — Впрочемъ это все наружность. Иною прелестью плѣняется³⁾.

Переписавъ посылаемыя вамъ стихотворенія, нахожу 60 или около (ибо часть подземнымъ Богамъ невидима). Бируковъ человекъ просвѣщенный; кромѣ его я ни съ кѣмъ дѣла имѣть не хочу. Онъ и въ грозное время былъ милостивъ и жалостливъ. Нынѣ повинуюсь его приговорамъ безусловно.

Что сказать вамъ объ изданіи? печатайте каждую піесу на особенномъ листочкѣ, исправно, чисто, какъ послѣд. изд(аніе) *Жук(овскаго)* и пожалуйста безъ ~~~~~ и безъ ——— и безъ ————— вся эта пестрота безобразна и напоминаетъ Азію. Заглавіе крупными буквами и à la ligne. Но каждую штуку особенно — хоть-бы изъ 4 стиховъ состоящую — (развѣ изъ двухъ, такъ можно à la ligne и другую). 60 піесъ! довольно ли будетъ для 1 тома? Не прислать-ли вамъ для наполненія Ц. Никиту и 40 его дочерей?

Братъ Левъ! не серди журналистовъ! дурная привычка!

Братъ Плетневъ! не пиши добрыхъ критикъ! будь зубастъ и бойся приторности.

Простите, дѣти! я пьянъ.

(27 марта 1825 г.).

«Душа моя, что за прелесть бабушкинъ котъ!⁴⁾ я перечелъ два раза и однимъ духомъ всю повѣсть, теперь только и брежу *Ар. Фал. Мурлыкинымъ*⁵⁾. Выступаю плавно, зажмура глаза, повертывая го-

^{1) 2)} Стихотвореніе *Жуковскаго* «Мотылекъ и двѣтмъ», напечатанное въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1825 годъ.

²⁾ Стихъ изъ «Модной жены», *И. И. Дмитриева*.

³⁾ Пушкинъ говоритъ о повѣсти *Погорѣльскаго* (*А. А. Перовскій*, род. 1789 † 9 іюля 1836 г.): «*Лафертовская маковница*». Послѣдующими его произведеніями были: «*Черная вурда*», «*Монастырка*», «*Украинскіе вечера*». По поводу ихъ *Воейковъ* въ своемъ «*Домѣ сумашедшихъ*» сказалъ (см. «*Русская Старина*», изд. 1874 г., томъ IX, стр. 599):

Вотъ на лицахъ насѣдой
Сидя хлощетъ сумасбродь
И російскія заѣдки
Медовой овъ малъ жуеть...

⁵⁾ *Аристархъ Фалалѣичъ Мурлыкинъ*, герой повѣсти: «*Лафертовская маковница*».

лову и выгибая спину. Погорѣльскій вѣдь Перовскій—не правда-ли?

Объ Вяз(емскомъ) получилъ извѣстіе. Перешли ему, душа моя, все, что ты имѣешь на бумагѣ и въ памяти изъ моихъ новыхъ сочиненій. Этимъ очень обяжешь меня и загладишь пакости своего чтенъ-бѣсія.

Получилъ ли ты мои Стихотворенья? Вотъ въ чемъ должно состоять предисловіе: 1) Многія изъ сихъ стихотвореній—дрянь и недостойны вниманія Россійской Публики—но какъ они часто бывали печатаны Богъ вѣсть кѣмъ, чортъ знаетъ подъ какими заглавіями, съ поправками наборщика и съ ошибками издателя—такъ вотъ онѣ, извольте-съ кушать-съ, хоть это-съ г...-съ (сказать это помягче). 2) Мы (сирѣчь издатели) должны были изъ полнаго собранія выбросить многія штуки, которыя могли-бы показаться темными, будучи написаны въ обстоятельствахъ неизвѣстныхъ или малозанимательныхъ для почтеннѣйшей Публики (Росейской) или могущія быть занимательны единственно нѣкоторымъ частнымъ лицамъ (приписка сбоку: «или слишкомъ незрѣлыя, ибо Г. Пушкинъ изволилъ печатать свои стихи въ 1814 году, т. е. 14 лѣтъ») или какъ угодно. 3) Пожалуйста безъ малѣйшей похвалы мнѣ—это непристойность, и въ Бахч. Ф. (Бахчисарайскомъ Фонтанѣ) я забылъ замѣтить это Вяз(емскому). 4) Все это должно быть выражено Романтически, безъ буфонства. Напротивъ. Во всемъ этомъ полагаюсь на Плетнева. Если я скажу, что прова его лучше моей, вѣдь онъ не повѣритъ.—Ну покрайнѣй мѣрѣ столь-же хороша. Доволенъ-ли онъ—да перешли на всякой случай это предисловіе въ Мих(айловское), а я приплюю вамъ замѣчанья свои.

Когда пошлешь стихи мои В(яземскому)—напиши ему, чтобъ онъ никому не давалъ, потому, что эдакъ меня опять обокрадутъ—а у меня нѣтъ родительской деревни съ соловьями и съ медвѣдями—Прощай, сестру подалуй.

Великая пятница.

«Я «Телеграфомъ» ¹⁾ очень доволенъ—и мышлю или мысляю подержать его.—Скажи это и Ж(уковскому). Дельвига нѣтъ еще!

Такъ какъ Воейковъ ведетъ себя хорошо, то думаю прислать и ему стиховъ—толи дѣло не красть, не ругаться по матерну, не перепечатывать, писемъ не перехватывать и проч.—люди не осудятъ, а я скажу спасибо.

¹⁾ «Московскій телеграфъ» Н. А. Полеваго.

Тиснуть еще стихи К. Голицыной-Суворовой, возьми ихъ отъ нее. Думаю, что Посл. къ О(видію), Вчера былъ день, и Море могутъ быть, разнообразія ради, помѣщены въ Элегіяхъ—да и вообще можно перемѣнить весь порядокъ. R. S. V. P. (Retournez s'il vous plait: потрудитесь повернуть). Не напечатать-ли въ концѣ Воспоминанія въ Ц. С. (Царскомъ Селѣ) съ нотой что онѣ писаны мною 14 лѣтъ—и съ выпискою изъ моихъ Записокъ (объ Державинѣ) ась? (Эти строки зачеркнуты, подъ ними: «нѣтъ»). (Съ боку письма): да тиснуть еще мою Птичку—«да 4 стихи о дружбѣ «что дружба? легкій пылъ похмѣлья»¹⁾.

(Отрывокъ письма, безъ числа).

«Я-было послалъ это въ С. О. (Сынъ Отечества) да кажется журналъ сей противу меня возстанеть, судя по сухому объявленію Пчелы. Въ такомъ случаѣ мнѣ не годится тамъ явиться, какъ даннику Атамана Греча и Есаула Булгарина. Дарю отрывки тебѣ: печатай гдѣ хочешь.

17 апрѣля 1825 г.

Сейчасъ получилъ отъ тебя письмо и повѣстку, вѣроятно отъ Плетнева—письмо Аннѣ Николаевнѣ (Вульфѣ) отдалъ не прочитавъ и смѣлъ его тотчасъ (изъ опасенія—или изъ ревности, какъ хочешь). Она въ претензіи за твой нѣжности и за то что онѣ тебя усмирили. Полярн. (Полярную Звѣзду) еще не получалъ—Справься ради Бога объ Фонт. (Фонтанѣ). Семивановскій предлагаетъ мнѣ 12,000 р. а я долженъ отъ нихъ отказаться—эдакъ съ голоду умру—съ отцомъ да съ Ольдекопомъ—прощай, я бѣшенъ²⁾.

Благодарю очень за отр. изъ письма Бар. (Баратынскаго). Дельвига здѣсь еще нѣтъ. On vous permet d'ecrire des lettres, mais sous l'adresse de notre soeur (пойми!), c'est ainsi voyez-vous que j'ecris à Анна Ив. В., sous le nom d'Euphrosine—Господи Ісусе Христе! quelles misères... Цалуй Ольгу—quelle amabilité et dans quel humeur charmante est ceci!!! Comment osez-vous m'ecrire une lettre comme celui, c'est bien que votre frere a prit la peine de la bruler pour moi!

¹⁾ Слова въ кавычкахъ « » зачеркнуты.

²⁾ Ольдекопъ издавъ тогда въ Петербургъ переводъ Кавк. Пѣвнника, похвастивъ и русскій текстъ. Пушкинъ началъ-было преслѣдованіе за контрафакцію, но оказалось, что перепечатка дозволена отцомъ поэта.

Да еще смѣли прибавить прибавленіе объ ономъ въ письмѣ къ вашему брату!!!

Вотъ тебѣ мой вчерашній imp(г)romptu:

Семейственной любви и дружбы нѣжной ради,
Хвалю тебя сестра не спереди, а сзади.

Сожги же это, показавъ ей.

Variantes en l'honneur de M-lle NN:

Почтенія, любви и нѣжной дружбы ради,
Хвалю тебя, мой другъ, не спереди, а сзади.

M-lle NN. находить, что первый текстъ тебѣ приличенъ. Nonny soit etc.

Я заказалъ обѣдню за упокой души Байрона (сегодня день его смерти). Анна Николаевна также и въ обѣихъ церквахъ Триг(орскаго) и Вор(онича) производили молебствія—это немножко напоминаетъ la messe de Frédéric II pour le héros de l'âme de m-g de Voltaire ¹⁾. Вяземскому посылаю вынутую просвиру отцомъ Шкодой—за упокой поэта».

(На оборотѣ: Льву Сергѣевичу Пушкину.)

Наконецъ давно ожидаемый, любимѣйшій изъ лицейскихъ товарищей Пушкина—баронъ А. А. Дельвигъ—пріѣхалъ въ Михайловское и провелъ у Пушкина нѣсколько дней. Милыя хозяйки Тригорскаго радушно его приняли; Дельвигъ былъ любезенъ на сколько это было возможно съ его апатичнымъ нравомъ, составлявшимъ противоположность Пушкинскому:

Они сошлись: волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой!

При всемъ томъ, можетъ быть, даже именно вслѣдствіе этого несходства характеровъ, Пушкинъ питалъ къ Дельвигу нѣжнѣйшую пріязнь.

Обрадованный пріѣздомъ Дельвига Пушкинъ писалъ брату:

(22 апрѣля 1825 г.).

«Фуше, Oeuvres dram(atiques) de Schiller, Schlegel, Don Juan (последнія 6-я и пр. пѣсни) новыя Wal(ter) Scott, Сибирской Вѣстникъ весь—и все это чрезъ St.-Florent, а не чрезъ Слѣнина.—Вино, вино, ромъ (12 бут.) горчицы, Fleur d'Orange, чемоданъ дорожный. Сыру

¹⁾ Обѣдню Фридриха II за упокой души г. де-Вольтера.

лимбург. Книгу объ верховой ѣздѣ—хочу жеребцовъ выѣзжать: вольное подражаніе Alfieri и Байрону. Какъ я былъ радъ баронову приѣзду. Онъ очень милъ! Наши барышни всѣ въ него влюбилися— а онъ равнодушенъ какъ колода, любить лежать на постелѣ, восхищаясь Чигиринскимъ Старостою ¹⁾—приказываетъ тебѣ кланяться, мысленно тебя цалуя 100 разъ, желаетъ тебѣ 1000 хорошихъ вещей: (напримѣ. устриць).

23 (апрѣля). Сейчасъ получилъ письмо отъ тебя. Благодарю за обѣщаніе предисловія—Думаю, что можно начать благословясь.—О посл. къ Ч. (Посланія къ Чаадаеву) скажу тебѣ что пощечины повторять не нужно ²⁾. Толстой явится у меня во всемъ блескѣ въ 4-й пѣснѣ Онѣг. если его пасквиль этого стоитъ, и по сему попроси его эпиграмму и пр. отъ Вяземскаго (непремѣнно). Ты, голубчикъ, не находишь толку въ моей дунѣ—что-жъ дѣлать, а напечатай уже такъ. Если Сабуровъ не уѣхалъ еще въ Одессу, то попроси его обо мнѣ тамъ ничего нѣ врать. Жалѣю, что не могу быть увѣрену и въ твоей молчаливости. Скажи сестрѣ что я поссорилъ ее съ Анной Николаевной показавъ (вписано надъ строкою: и не читаю) нечаянно письмо, гдѣ она говоритъ: elle me boude, mais je m'en f.... (она на меня дуется, но я на это...) или подобное. Я Анету увѣрилъ, что сестра очень сердится на нее и все чер.....и сплетни.

des bretelles

des bottes (или не нужно).

(На оборотѣ) «Брату Плетневу поклонъ да пара словъ—на дняхъ къ нему пишу».

Въ іюнѣ 1825 года въ Тригорское приѣхала племянница П. А. Осиповой—Анна Петровна Кернъ, съ которою Пушкинъ впервые встрѣтился у Олениныхъ шесть лѣтъ тому назадъ, и которой красота произвела на него съ перваго же взгляда сильное, впечатлѣніе. На блестящемъ вечерѣ въ одной изъ первѣйшихъ гостинныхъ столицы, вниманіе Анны Петровны было слишкомъ развлечено присутствіемъ разныхъ сановниковъ, и она едва удостоила имъ юношу Пушкина. Но въ послѣдующіе шесть лѣтъ, когда этотъ юноша переросъ всѣхъ исполиновъ нашего Парнасса, когда имя его какъ поэтъ начало гремѣть по всей Россіи, когда онъ какъ и человѣкъ лучшіе годы молодости провелъ въ изгнаніи—личность его какъ поэта и человѣка

¹⁾ «Смерть Чигиринскаго старосты» (отрывокъ изъ поэмы: «Н а л и в а й к о», К. Ѡ. Рылѣва), въ «Полярной звѣздѣ».

²⁾ Въ печати дѣлая строфа выпущена.

возбудила въ Аннѣ Петровнѣ живѣйшее сочувствіе. Самые эти шесть лѣтъ немало повліяли на нравственный складъ г-жи Кернъ: покорить было невозможно; но умъ и чувства ея созрѣли до пониманія генія-поэта, а семейныя огорченія смягчили ея сердце...¹⁾ Приводимъ подлинный разсказъ современницы великаго поэта:

«Проживъ нѣсколько времени въ Дерптѣ, въ Ригѣ, въ Псковѣ, я возвратилась въ Полтавскую губернію къ моимъ родителямъ. Въ теченіе 6 лѣтъ я не видѣла Пушкина, но отъ многихъ слышала про него какъ про славнаго поэта, и съ жадностію читала: Кавказскій плѣнникъ, Бахчисарайскій фонтанъ, Братья-разбойники и 1-ю главу Онегина, которые доставлялъ мнѣ сосѣдъ нашъ Аркадій Гавриловичъ Родзянко, милый поэтъ, умный, любезный и весьма симпатичный человѣкъ. Онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ и имѣлъ счастье принимать его у себя въ деревнѣ (Полтавской губерніи, Хорольскаго уѣзда). Пушкинъ, возвращаясь съ Кавказа, прискакалъ къ нему съ ближайшей станціи, верхомъ, безъ сѣдла, на почтовой лошади въ хомутѣ...

«Во время пребыванія моего въ Полтавской губерніи я постоянно переписывалась съ двоюродною сестрою моею Анною Николаевною Вульфъ, жившею у матери своей въ Тригорскомъ, Псковской губерніи, Опочецкаго уѣзда, близъ деревни Пушкина—Михайловскаго.

«Она часто бывала въ домѣ Пушкина, говорила съ нимъ обо мнѣ и потомъ сообщала мнѣ въ своихъ письмахъ различныя его фразы; такъ, въ одномъ изъ нихъ она писала: *Vous avez produit une vive impression sur Pouchkine à votre rencontre chez Olenine; il dit partout: elle était trop brillante*²⁾. Въ одномъ изъ ея писемъ, Пушкинъ прислалъ съ боку изъ Байрона: *Une image qui a passé devant nous, que nous avons vue et que nous ne reverrons jamais!*³⁾. Когда же онъ узналъ, что я выдаюсь съ Родзянко, то переслалъ черезъ меня къ нему письмо, въ которомъ были разспросы обо мнѣ и стихи:

¹⁾ Мужъ Анны Петровны, Еромолай Федоровичъ Кернъ, былъ однимъ изъ героев XII-го года (портретъ его находится въ Военной галлерей Зимняго дворца)—п, съ тѣмъ вѣстѣ, типомъ генерала своего времени. Иныхъ объясненій не нужно; тѣмъ болѣе, что мы найдемъ ихъ въ письмахъ Пушкина, подлинныя которыхъ приобретены редакціей «Русской Старины» въ 1870 г. отъ самой Анны Петровны, по второму супружеству: Марк о в о й-В и н о г р а д с к о й. Ея воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ I были напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1870 г., изданіе третье, томъ I, стр. 230—243.

²⁾ (Переводъ) «Вы произвели глубокое впечатлѣніе на Пушкина при вашей встрѣчѣ у Олениныхъ; онъ всюду говоритъ: она была слишкомъ блестяща».

³⁾ «Видѣніе пронеслось мимо насъ, мы видѣли его и никогда опять не увидимъ».

«Наперсникъ Феба или Пріава,
Твоя соломенная шляпа
Завиднѣй, чѣмъ иной вѣнецъ,
Твоя деревня—Римъ, ты—папа,
Благослови-жь меня пѣвецъ!»

«Далѣе, въ томъ-же письмѣ онъ говоритъ: «Ты написалъ Хохлачку, Баратынскій—Чухонку, я—Цыганку; что скажетъ Аполлонъ?» и проч. и проч.: далѣе я не помню, а невѣрно цитировать не хочу. Послѣ этого мнѣ, съ Родзянко, вѣдунчалось полюбезничать съ Пушкинымъ, и мы вмѣстѣ написали ему шуточное посланіе въ стихахъ. Родзянко въ немъ упоминалъ о моемъ отъѣздѣ изъ Малороссіи и о несправедливости намековъ Пушкина на любовь ко мнѣ. Посланіе наше было очень длинно, но я помню только послѣдній стихъ:

«Прощайте, будьте въ дуракахъ!»

«Отвѣтомъ на это посланіе были слѣдующіе стихи, отданные мнѣ Пушкинымъ, когда я черезъ мѣсяць послѣ этого встрѣтилась съ нимъ въ Тригорскомъ.

«Ты обѣщала р романтизмъ...» и пр. ¹⁾»

«Восхищенная Пушкинымъ, я страстно хотѣла увидѣть его, и это желаніе исполнилось во время пребыванія моего въ домѣ тетки моей въ Тригорскомъ, въ 1825 году, въ юнѣ мѣсяцѣ. Вотъ, какъ это было: мы сидѣли за обѣдомъ и смѣялись надъ привычкою одного г-на Рокотова, повторяющаго безпрестанно: «pardonnez ma franchise» и «je tiens beaucoup à votre opinion» (простите мою откровенность—и—я очень дорожу вашими мнѣніемъ). Какъ вдругъ вошелъ Пушкинъ, съ большой толстой палкой въ рукахъ. Онъ послѣ часто къ намъ являлся во время обѣда, но не садился за столъ; онъ обѣдалъ у себя, гораздо раньше и ѣлъ очень мало. Приходилъ онъ всегда съ большими дворовыми собаками, chien-loup (волкодавы). Тетупка, подлѣ которой я сидѣла, мнѣ его представила; онъ очень низко поклонился, но не сказалъ ни слова: робость видна была въ его движеніяхъ. Я, тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили. Да и трудно было съ нимъ вдругъ сблизиться: онъ былъ очень неравенъ въ обращеніи: то шумно весель, то грустенъ, то робокъ, то дерзокъ, то нескончаемо любезенъ, то томительно скученъ — и нельзя было угадать, въ какомъ расположеніи духа онъ будетъ черезъ минуту. Разъ онъ былъ такъ нелюбезенъ, что самъ въ этомъ сознался сестрѣ, говоря: ai-je été assez vulgaire aujourd'hui?»

¹⁾ См. изд. Исакова 1870 г., т. I, стр. 334.

(достаточно-ли я былъ пошлъ сегодня?). Вообще же надо сказать, что онъ не умѣлъ скрывать своихъ чувствъ, выражалъ ихъ всегда искренно, и былъ неописанно хорошъ, когда что-нибудь пріятное волновало его.... Такъ, одинъ разъ, мы восхищались его тихою радостью, когда онъ получилъ отъ какого-то помѣщика, при любовномъ письмѣ, охотничій рогъ на бронзовой цѣпочкѣ, который ему нравился. Читая это письмо и любясь рогомъ, онъ сіялъ удовольствіемъ и повторялъ: *charmant! charmant!* (прелестно! прелестно!)—Когда-же онъ рѣшался быть любовнымъ, то ничто не могло сравниться съ блескомъ, острою и увлекательностію его рѣчи. Въ одномъ изъ такихъ настроеній, собравши насъ въ кружокъ, рассказалъ сказку про чорта, который ѣздилъ на извозникѣ на Васильевскій островъ. Эту сказку съ его-же словъ записалъ нѣкто Титовъ и помѣстилъ, кажется, въ «Подсѣзникѣ».

«Пушкинъ былъ невыразимо милъ, когда задавалъ себѣ тему, угощать и занимать общество. Однажды съ этою цѣлью явился онъ въ Тригорское со своею большою, черною книгою, на поляхъ которой были начерчены ножки и головки, и сказалъ, что онъ принесъ ее для меня. Вскорѣ мы усѣлись вокругъ него, и онъ прочиталъ намъ своихъ «Цыганъ». Впервые мы слышали эту чудную поэму, и я никогда не забуду того восторга, который охватилъ мою душу!... Я была въ упоеніи, какъ отъ текучихъ стиховъ этой чудной поэмы, такъ и отъ его чтенія, въ которомъ было столько музыкальности, что я истаявала отъ наслажденія; онъ имѣлъ голосъ пѣвучій, мелодическій, и, какъ онъ говоритъ про Овидія въ своихъ Цыганахъ: «И голосъ шуму водъ подобный»....

«Черезъ нѣсколько дней, послѣ этого чтенія, тетушка предложила намъ всѣмъ, послѣ ужина, прогулку въ Михайловское. Пушкинъ очень обрадовался этому, и мы поѣхали. Погода была чудесная: лунная июньская ночь дышала прохладой и ароматомъ полей. Мы ѣхали въ двухъ экипажахъ: тетушка съ сыномъ, въ одномъ; сестра, Пушкинъ и я, въ другомъ. Ни прежде, ни послѣ, я не видала его такъ добродушнымъ и любовнымъ. Онъ шутилъ безъ остроты и сарказмовъ; хвалилъ луну; не называлъ ее «глупою», а говорилъ: *J'aime la lune quand elle éclaire un beau visage* (люблю луну, когда она освѣщаетъ прелестное лицо); хвалилъ природу и говорилъ, что онъ торжествуетъ, воображая въ ту минуту, будто Александръ Полторацкій остался на крыльцѣ у Олениныхъ, а онъ уѣхалъ со мною: это былъ намекъ на то, какъ онъ завидовалъ при нашей первой встрѣчѣ А. Полторацкому, когда тотъ уѣхалъ со мною. Пріѣхавши въ Михайловское, мы не вошли въ домъ, а пошли прямо въ старый, запущенный садъ—

«Пріютъ задумчивыхъ дріадъ», съ длинными аллеями старыхъ деревъ, корни которыхъ, сплетаясь, велись по дорожкамъ, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вдрагивать. Тетупка, пріѣхавши туда вслѣдъ за нами, сказала: *Mon cher Pouchkine, faites les honneurs de votre jardin à madame* (Милый Пушкинъ, удостойте-же показать вашу садъ этой дамѣ). Онъ быстро подавъ мнѣ руку и побѣжалъ скоро, скоро, какъ ученикъ, неожиданно получившій позволеніе прогуляться. Подробностей разговора нашего не помню; онъ вспоминалъ нашу первую встрѣчу у Олениныхъ, выразался о ней увлекательно-восторженно и въ концѣ разговора сказалъ: *«vous aviez un air si virginal; n'est-ce pas que vous aviez sur vous quelque chose comme une stoix? (у васъ былъ такой дѣвственный видъ; неправда-ли, на васъ было надѣто что-то вродѣ крестика?)*

«На другой день я должна была уѣхать въ Ригу вмѣстѣ съ сестрою, Анною Николаевною Вульфъ. Онъ пришелъ рано утромъ и на прощанье принесъ мнѣ экземпляръ 2-й главы Онѣгина, въ неразрѣзанныхъ листкахъ, между которыхъ я нашла въ четверо сложенный почтовый листъ бумаги со стихами:

«Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ гений чистой красоты»—и т. д. ¹⁾

«Когда я собиралась спрятать въ шкатулку поэтической подарокъ, онъ долго на меня смотрѣлъ, потомъ судорожно выхватилъ и не хотѣлъ возвращать; насилу выпросила я ихъ опять; что у него промелькнуло тогда въ головѣ, не знаю. Стихи эти я сообщила тогда барону Дельвигу, который ихъ помѣстилъ въ своихъ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ». М. И. Глинка сдѣлалъ на нихъ прекрасную музыку и оставилъ ихъ у себя ²⁾.

«Во время пребыванія моего въ Тригорскомъ, я пѣла Пушкину стихи Козлова:

«Ночь весенняя дышала
Свѣтлоюжною красой,
Тихо Брента протекала
Серебряная луной»—и т. д. ³⁾

«Мы пѣли этотъ романсъ Козлова на голось: *Benedetta sia la madre*, баркаролы Венеціанской. Пушкинъ съ большимъ удовольствіемъ слу-

¹⁾ См. изданіе Анненкова 1855 г. Томъ II, стр. 389—390.

²⁾ См. «Сѣверные Цвѣты» на 1827 годъ. См. также «Записки М. И. Глинки» («Русская Старина» 1870 г., над. третье, томъ I, стр. 348, 360.

³⁾ Вслѣдствіи эти стихи были переложены на музыку М. И. Глинкою и Ѳ. М. Толстымъ (См. «Русская Старина» 1871 г. Томъ III, стр. 421—456).

шалъ эту музыку и писалъ въ это время Плетневу: «Скажи старцу Ковлову, что здѣсь есть одна прелесть, которая поетъ его ночь. Какъ жаль, что онъ ее не увидитъ! дай Богъ ему ее слышать!»

Второе полугодіе 1825 года было ознаменовано въ жизни Пушкина его кипучею литературною дѣятельностью; усиленною перепискою съ Плетневымъ, барономъ Дельвигомъ, княземъ Вяземскимъ, Жуковскимъ, А. Н. Вульфомъ, П. А. Осиповою и А. П. Кернъ; наконецъ однимъ любопытнымъ эпизодомъ, именно его попыткою вырваться на свободу изъ своего заточенія. Благовиднѣйшимъ къ тому предлогомъ показалаъ Пушкину его мнимая, или вымышленная болѣзнь—аневризмъ, требовавшая совѣщанія съ искусными врачами, или перемѣны мѣста жительства. Недолго думая, поэтъ набросалъ прошеніе на высочайшее имя ¹⁾:

— (Obligé de reconnaître l'indulgence de V. M. au moment même de ma disgrâce) je me (fer) serois fait un devoir de (la) supporter ma disgrâce dans un respectueux silence, si la nécessité (seule peut me contraindre) ne me contraignit à le rompre.

Ma santé a été fortement altérée dans ma première jeunesse; jusqu'à présent je n'ai pas eu le moyen de me traiter. Un anevrisme que j'ai depuis une dizaine d'années exigerait aussi une prompte opération. Il eut facile de s'assurer de la vérité de ce que j'avous.

On m'a reproché, Sire, d'avoir jadis compté sur la générosité de Votre caractère. J'avoue qu'aujourd'hui c'est à elle seule que j'ai recours. Je supplie Votre Majesté de me permettre de me retirer quelque part en Europe, où je ne serai pas dénué de tout secours.

Этотъ черновой набросокъ прошенія своего къ императору Пушкинъ переслалъ постоянному своему утѣшителю въ грустныхъ минуты жизни—Жуковскому, при слѣдующемъ письмѣ:

¹⁾ Закрытое въ подлинникѣ означено скобками.

Переводъ. «Обязанный признать снисходительность В. В.—ва въ самую минуту вашей ко мнѣ немилости), я долгомъ бы себѣ поставилъ переносить эту немилость въ почтительномъ молчаніи, еслибы необходимость (одна, можетъ меня побудить), не побуждала меня нарушить оное.

«Здоровье мое было сильно разстроено въ первой молодости; до сихъ поръ я не имѣлъ средствъ лечиться. Аневризмъ, которымъ я страдаю лѣтъ десять, требовалъ бы также безотлагательной операціи. Легко убѣдиться въ истинѣ моего заявленія.

«Меня укоряли, государь, въ томъ, что я когда-то полагался на великодушіе вашего права. Нынѣ сознаюсь, что единственно къ нему прибѣгаю. Умоляю Ваше Величество дозволить мнѣ удалиться куда-нибудь въ Европу, гдѣ я не буду лишень всякой помощи».

— «Вотъ тебѣ человѣческій отвѣтъ: мой аневриамъ носилъ я 10 лѣтъ и съ Божіею помощію могу проносить еще года три. Слѣдств. — дѣло не къ спѣху, но Михайловское душно для меня. Еслибъ Царь меня до излѣченія отпустилъ за границу, то это было бы благодареніе, за которое я-бы вѣчно былъ ему и друзьямъ моимъ благодаренъ. Вяземскій пишетъ мнѣ, что друзья мои въ отношеніи властей извѣрились во мнѣ: напрасно. Я общалъ Н. М. (Николаю Михайловичу Карамзину) два года ничего не писать противу правительства — и не писалъ. Книжка я не противъ правительства писалъ, и хоть стихи и не совсѣмъ чисты въ отношеніи слога, но намѣреніе въ нихъ безгрѣшно. Теперь же все это мнѣ надобно, и если меня оставятъ въ покоѣ, то вѣрно я буду думать объ однихъ пятистопныхъ безъ рифмъ. Смѣло полагаюсь на рѣшеніе твое, посылаю твое тебѣ черновое къ самому Бѣлому; кажется, подлости съ моей стороны, ни въ поступкѣ, ни въ выраженіи — нѣтъ. Пишу по французски, по тому что языкъ этотъ дѣловой и мнѣ болѣе по перу. Впрочемъ, да будетъ воля твоя; если покажется это непристойнымъ, то можно перевести, а братъ переписать и подпишетъ за меня.

«Все это тринь-трава. Ничего не говорилъ о твоихъ стихотвореніяхъ¹⁾. Зачѣмъ слушаешься ты маркиза Блудова? Пора бы тебѣ удостовѣриться въ односторонности его вкуса. Къ тому же не вижу въ немъ и безкорыстной любви къ твоей славі. Выбрасывая, уничтожая самовластно, онъ не исключилъ изъ собранія посланія къ нему произведенія конечно слабаго. Нѣтъ, Жуковскій,

Веселаго пути
Я Блудову желаю
Ко древнему Дунаю
И м.....

Надпись къ Гѣте, Ахъ, еслибъ мой милый, Генію — все это прелесть; а гдѣ они? Знаешь, что видеть? Послѣ твоей смерти все это напечатано съ ошибками и съ приобщеніемъ стиховъ Кюхельбекера. Подумать страшно! Дельвигъ расскажетъ тебѣ мои литературныя занятія. Жалѣю, что нѣтъ у меня твоихъ совѣтовъ — или хоть присутствія: оно вдохновеніе. Кончи ради Бога — Водолаза. Ты спрашиваешь, какаѣ цѣли у Цыгановъ? Вотъ на! Цѣль поэзіи — поэзія, какъ говоритъ Дельвигъ (если не укралъ этого). Думы Рылѣева и цѣлать, а все не впадать.

Отклонивъ Пушкина отъ его намѣренія писать государю, Жуковскій, тѣмъ не менѣе, принялъ самое доброе, отеческое участіе въ

¹⁾ Изданіе стихотвореній Жуковскаго 1824 года, 3 часть, въ б. 8 д. 1.

состояніи здоровья михайловско-тригорскаго затворника. Онъ спускался съ дальнимъ своимъ родственникомъ, дерптскимъ профессоромъ хирургіи, Иваномъ Филипповичемъ Мойеромъ¹⁾, приглашая его прійхать во Псковъ для операціи аневризма у Пушкина. Съ другой стороны, Прасковья Александровна Осипова, находясь въ Ригѣ, совѣщалась о томъ же съ тамошнимъ хирургомъ Руландомъ. Родители Пушкина послали во Псковъ коляску за Мойеромъ; по поводу этой коляски Пушкинъ (въ сентябрѣ 1825 г.) писалъ Алексѣю Николаевичу Вульфъ:

— «Друзья мои и родители, вѣчно со мною проказать; теперь послали мою коляску къ Моэру, съ тѣмъ, чтобъ онъ въ ней ко мнѣ прійхалъ и опять уѣхалъ, и опять отослалъ назадъ эту бѣдную коляску. — Вразумите его. — Дайте ему отъ меня честное слово, что я не хочу этой операціи, хотя бы и очень былъ радъ съ нимъ познакомиться. А о коляскѣ, сдѣлайте милость, напишите мнѣ два слова: что она? гдѣ она?»

Эта коляска сокрушала Пушкина не менѣе его призрочнаго аневризма; 10-го октября, онъ опять писалъ А. Н. Вульфъ:

«Милый Алексѣй Николаевичъ! Чувствительно благодарю васъ за дружеское исполненіе моихъ препорученій, и проч. Почтеннаго Моэра благодарю отъ сердца; вполне чувствую и цѣню его благосклонность и намѣреніе мнѣ помочь — но, повторяю рѣшительно: ни во Псковѣ, ни въ моей глуши лѣчиться я не намѣренъ. О коляскѣ моей осмѣливаюсь принести вамъ нижайшую просьбу. Если (что можетъ случиться) деньги у васъ есть, то прикажите, нанявъ лошадей, отправить ее въ Опочку; если же (что такъ-же случается) денегъ нѣтъ — то напишите сколько ихъ будетъ нужно. На всякой случай поспѣшимъ, пока дороги не испортились».

Эта исторія съ аневризмомъ и заботы объ освобожденіи тянулись съ іюля по октябрь 1825 г. Дѣло, наконецъ, дошло до того, что Пушкинъ сталъ сговариваться съ А. Н. Вульфомъ — бѣжать за границу. Эта романтическая фантазія — несбыточности которой они не могли не сознавать — чрезвычайно тѣшила молодыхъ людей. Вульфъ хотѣлъ хлопотать себѣ заграничный паспортъ и увести съ собою Пушкина подъ видомъ своего слуги. «Дошло-ли-бы у насъ дѣло до исполненія этого юношескаго проекта» — рассказывалъ впоследствии Алексѣй

¹⁾ И. Ф. Мойеръ былъ женатъ на Маріи Андреевнѣ Протасовой, къ которую страстно влюбленъ былъ самъ Жуковскій. (См. «Русская Старина», изд. 1874 г., томъ IX, стр. 624).

Николаевичъ—«не знаю; я думаю, что все кончилось бы на словахъ».

Одновременно съ письмами своими къ П. А. Осиповой, А. П. Кернъ и А. Н. Вульфъ—Пушкинъ писалъ брату:

28-го іюля (1825 г.).

«Еслибъ Плетневъ показалъ тебѣ мои письма, такъ ты-бы позналъ мое положеніе. Теперь пишу тебѣ изъ необходимости. Ты зналъ, что деньги мнѣ будутъ нужны. Я на тебя полагался, какъ на брата—между тѣмъ годъ прошелъ а у меня ни полушки. Еслибъ я имѣлъ дѣло съ одними книгопродавцами, то имѣлъ бы тысячъ 15.

Ты вьязь отъ Плетнева для выкупа моей рукописи 2,000 р. заплатилъ 500, доплатилъ-ли остальные 500 и осталось-ли, что нибудь отъ остальной тысячи?

Я отослалъ тебѣ мои рукописи въ Мартѣ—они еще не собраны, не цензурованы—ты читаешь ихъ своимъ приятелямъ до тѣхъ поръ, что они наизусть передаютъ ихъ Моск(овской) публикѣ. Благодарю.

Дельвига письма до меня не доходятъ—изданіе поэмъ моихъ не двинется никогда. Между тѣмъ я отказался отъ предложенія Заикина—теперь прошу, если возможно возобновить переговоры...

Словомъ мнѣ нужны деньги или удавиться. Ты зналъ это, ты обѣщалъ мнѣ капиталъ прежде году—а я на тебя полагался.

Упрекать тебя не стану—а благодарить ей Богу не за что.

При семъ письмо Заикина. Я не утруждаю тебя новыми хлопотами. Прошу единственно вполне истолковать Плетневу мои обстоятельства—полагаюсь на его дружбу—если же ты захочешь продиктовать «Цыгановъ» для отдачи въ Цензуру, покажѣсть не перешлю своего списка, а почту себя очень обязаннымъ.

(Приписка съ боку): Заплачены-ли Вяземскому 600 р.?—(На половинкѣ листка повидимому рукою Всеволожскаго). «Въ Февралѣ мѣсяцѣ братъ твой прислалъ свои сочиненія для переписки; въ концѣ Апрѣля мѣсяца онъ мнѣ даждь по особенной моей просьбѣ свою черную тетрадь. Думалъ-ли онъ, что ты долженъ будешь переписывать съ этой черной тетради, или нѣтъ?»

Житейская проза не могла отвлечь Пушкина отъ воспоминаній о недавней, красавицѣ гостѣ Тригорскаго и Михайловскаго. Ведя переписку съ П. А. Осиповою и ея семействомъ, онъ утѣшался мыслию, что письма его читаются вслухъ при А. П. Кернѣ...

«И такъ, я переѣхала въ Ригу, рассказывала г-жа Кернъ. Тутъ гостили у меня сестра, пріѣхавшая со мною, и тетушка со всѣмъ семействомъ. Пушкинъ писалъ изъ Михайловскаго къ нимъ обѣимъ; въ одномъ изъ своихъ писемъ тетушкѣ онъ очертилъ мой портретъ такъ:

«Voulez-vous savoir ce que c'est que m-me Kern? elle est souple, elle comprend tout; elle s'afflige facilement et se console de même; elle est timide dans les manières et hardie dans les actions; mais elle est bien attrayante!» ¹⁾.

Антъ Николаевъ Вульфъ.

Le 21 juillet (1825 г.).

«Je vous écris après m'être enivré bien tristement; vous voyez que je tiens parole.

Hé bien! êtes-vous à Riga? Avez-vous fait des conquêtes? Vous marierez-vous bientôt? Avez-vous trouvé des Houlans? mandez-moi tout cela dans le plus grand détail, car vous savez que malgré mes mauvaises plaisanteries, je m'intéresse véritablement à tout ce qui vous concerne. Je voulais vous gronder, mais je n'en ai pas le courage à une distance si respectueuse. Pour de la morale et des conseils, vous en aurez. Ecoutez bien 1) Au nom du ciel, ne soyez étourdie qu'avec vos amis (au masculin) ceux-ci n'en profiteront que pour leur propre compte, au lieu que les amies vous feront du tort; car mettez-vous dans la tête que toutes sont aussi vaines et aussi bavardes que vous-même. 2) Portez des robes courtes, car vous avez de très jolis pieds et ne vous ébouriffez pas les tempes, quand même ça serait la mode, puisque vous avez le malheur d'avoir une figure ronde. 3) Vous êtes devenue bien savante depuis quelque temps, mais n'en faites pas semblant, et si un houlan vous dit—что съ вами нездорово вальсировать, ne riez pas, ne minaudes pas, ne paraissez pas en être fière; mouchez-vous, détournez la tête et parlez d'autre chose. 4) N'oubliez pas la d(erni)ère éd(ition) de Byron.

Savez-vous pourquoi je voulais vous gronder? non? la fille perverse, sans sentiment et sans etc... et vos promesses donc, les avez-vous tenues? allons, je ne vous en parlerai plus et je vous pardonne, d'autant

¹⁾ (Переводъ). «Хотите-ли знать, что за женщина г-жа Кернъ? у нея глбкій умъ, она понимаетъ все; легко огорчается и утѣшается точно также; застѣнчива въ приемахъ, смѣла въ поступкахъ; но чудо, какъ привлекательна!»

plus que je ne m'en suis souvenu moi-même qu'après votre départ. C'est singulier—où donc avais-je ma tête? Sur ce parlons d'autres choses.

Tout Trigrorsky chante: не мила ей прелестъ ночи et cela me serre le cœur; hier m-r Alexis et moi nous avons parlé 4 heures de suite. Jamais nous n'avons eu une aussi longue conversation. Devinez ce qui nous a uni tout-à-coup? Ennui? conformité de sentiment? je n'en sais rien. Je me promène toutes les nuits dans mon jardin, je dis: <elle était-là, la pierre qu'elle a heurtée est sur ma table auprès d'une heliotrope fanée; j'écris beaucoup de vers—tout cela, si vous voulez, ressemble beaucoup à de l'amour, mais je vous jure qu'il n'en est rien. Si j'étais amoureux, j'aurais eu dimanche des convulsions de rage et de jalousie, et je n'ai été que piqué... Cependant l'idée que je ne suis rien pour elle, qu'après avoir éveillé, occupé son imagination, je n'ai qu'amusé sa curiosité, que mon souvenir ne la rendra pas un moment plus distraite au milieu des ses triomphes, ni plus sombre dans ses jours de tristesse que ses beaux yeux s'attacheront sur quelque fat de Riga avec la même expression déchirante et voluptueuse—non, cette idée m'est insupportable; dites-lui que j'en mourrai;—non, ne le lui dites pas; elle s'en moquerait, cette délicieuse créature! Mais dites-lui, que si son cœur n'a pas pour moi une tendresse secrète, un penchant mélancolique et mystérieux, je la méprise, entendez-vous? oui, je la méprise, malgré tout l'étonnement que doit lui causer un sentiment aussi nouveau.

Adieu m-lle la Baronne, recevez l'hommage de votre prosaïque adorateur.

21 juillet

P. S. Envoyez-moi la recette que vous m'avez promise, j'ai fait tant de farces que je n'en puis plus—maudite visite, maudit départ!

21-го июля (1825 г.)

(Переводъ). Пишу вамъ въ грустномъ омяненъи; видите—держу слово.

И такъ, доѣхали-ли вы до Риги? Одержали-ли побѣды? скоро-ли выйдете за-мужъ? нашли-ли улановъ? Увѣдомте меня обо всемъ этомъ въ величайшей подробности, ибо вы знаете, что, несмотря на мои злые шутки, я истинно интересуюсь тѣмъ, что до васъ касается. Хотѣлъ побранить васъ, да не хватаетъ духу при такомъ почтительномъ разстоянн—за то вамъ будутъ правоченія и совѣты. Извольте прислушать. 1) Ради Бога будьте вѣтрены лишь съ вашими друзьями (мужескаго рода), они воспользуются этой вѣтривностью лишь для самихъ себя, тогда какъ подруги повредятъ вамъ, ибо усвоите себѣ ту мысль, что всѣ онѣ такія же тщеславныя и говорливныя, какъ вы сами. 2) Носите короткія платья, ибо у васъ премиленькія ножки, да не растрепывайте височковъ, хотя бы это было и по модѣ, такъ какъ у васъ, въ несчастію, кругленькое личико. 3) Съ нѣкотораго времени вы стали очень ученныя, но учености

своей не выказывайте, я, если уланъ скажетъ вамъ, что «съ вами нездорово вальсировать», не смѣйтесь, не жеманьтесь, не показывайте виду, что этимъ чванитесь; поднесите платокъ къ носу, отвернитесь и заговорите о чемъ-нибудь другомъ. 4) Не забудьте послѣднее изданіе Байрона.

Знаете-ли за что я хотѣлъ васъ побранить? нѣтъ? Дѣвица непостоянная, безчувственная, безъ..... и т. д., и т. д., и т. д. А обѣщанія ваши, сдержали вы ихъ? Добро! говорить о нихъ больше не стану и прощаю васъ, тѣмъ болѣе, что и самъ объ этомъ вспомнилъ лишь послѣ вашего отъѣзда. Странно! гдѣ же у меня тогда была голова? Теперь поговоримъ о другомъ.

Все Тригорское поетъ: не мила ей прелесть ночи, а у меня сердце поетъ; вчера Алексѣй (Вульфъ) и я говорили битыхъ четыре часа. У насъ еще никогда не было такого продолжительнаго разговора. Угадайте, что насъ вдругъ такъ сблизило? Скука? Единство чувства? Ничего этого не знаю; я каждую ночь гуляю по саду и говорю: она была здѣсь; камень, о который она спотонулась, лежитъ у меня на столѣ подлѣ вѣтки поблеклаго геліотропа ¹⁾. Пишу много стиховъ—все это, если хотите, очень похоже на любовь, но, клянусь вамъ, что ничего этого нѣтъ. Еслибы я былъ влюбленъ, то въ воскресенье со мною сдѣлялись бы судороги отъ бѣшенства и ревности; мнѣ же оно было только немножко обидно ²⁾. Однако же мысль, что я для нея ничего не значу,—что, пробуждая и занявъ ея воображеніе, я только потѣшилъ ея любопытство; что воспоминавіе обо мнѣ ни на минуту не сбѣгаетъ ее разсѣяннѣе среди ея торжествъ, ни мрачитъ въ дни грусти; что ея прелестные глаза останавливаются на какомъ-нибудь рижскомъ вертопрахѣ съ тѣмъ же прозающимъ сердцемъ и сладостнымъ выраженіемъ—нѣтъ, эта мысль мнѣ несносна, скажите ей, что она убьетъ меня;—нѣтъ, не говорите ей этого, она насмѣется надъ этимъ, очаровательное созданіе! Но, скажите ей, что если въ ея сердцѣ нѣтъ на мою долю тайной нѣжности, если въ немъ нѣтъ таинственной, меланхолической во мнѣ склонности,—я презираю ее, слышите-ли? да, презираю, несмотря на все удивленіе, которое должно возбудиться въ ней этимъ столь новымъ чувствомъ.

Простите, баронесса, примите поклонъ вашего прозаическаго обожателя.

Р. С. Пришлите мнѣ обѣщанный вами рецептъ, я надѣлалъ столько глупостей, что мочи нѣтъ—проклятый пріѣздъ, проклятый отъѣздъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Примѣчаніе А. П. Кернъ. Никакого не было камня въ саду, а спотонулась я о переплетенные корни деревъ. Вѣточку геліотропа онъ, точно, выпросилъ у меня.

²⁾ Примѣчаніе. А. П. Кернъ. Ему досадно было, что братъ похкалъ провожать сестру свою и меня и сѣлъ вѣзетъ съ нами въ карету.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Письма къ императору Павлу Петровичу отъ эрцгерцога Иосифа австрійскаго, палатина венгерскаго, супруга великой княгини Александры Павловны.

1801 г.

На страницахъ «Русской Старины», изданія 1874 года, были напечатаны письма императрицы Екаторины II, цесаревича Павла Петровича и супруги его великой княгини Маріи Феодоровны, между прочимъ по дѣлу о сватовствѣ шведскаго короля Густава IV Адольфа за великую князю Александру Павловну. Письма эти сопровождалась небольшимъ биографическимъ очеркомъ, въ которомъ, на основаніи достовѣрнѣйшихъ данныхъ, рассказано было о дальнѣйшей печальной судьбѣ дочери императора Павла, о ея супружествѣ съ Иосифомъ, палатиномъ венгерскимъ, и страдальческой ея кончинѣ¹⁾. Письма, эти служатъ важнымъ дополненіемъ біографіи великой княгини Александры Павловны, а съ тѣмъ вмѣстѣ и матеріаломъ для исторіи политическихъ и родственныхъ сношеній Россіи съ Австріей.

Р е д.

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1874 года, томъ IX, стр. 277—300 и 473—512; также изд. 1876 г. томъ XVII, стр. 697—705.

I.

Буда.—14-го марта 1801 года.

Всемилоствѣннѣйшій Государь! Графъ Ростопчинъ передалъ мнѣ повелѣнїя вашего величества по поводу намѣренїя моего отправить къ вамъ моего адъютанта графа Бекерса съ извѣстіемъ о состоянїи здоровья моей жены, тотчасъ послѣ ея родовъ. Если-бъ я могъ предвидѣть, что предложеніе это вамъ не понравится, я не посмѣлъ бы его и сдѣлать, но мнѣ казалось, что я нарушу свой долгъ и лишусь вашего добраго расположенїя, если упущу это распоряженіе. Не смотря на огорченіе, причиненное мнѣ вашимъ отказомъ, я готовъ соображаться съ желанїемъ вашего величества, и потому настоящее письмо отправляю съ эстафетой, извѣщая васъ, что на четвертнй день послѣ родовъ жена моя заболѣла молочною лихорадкой, которая сегодня прекратилась, не оставивъ никакихъ опасныхъ слѣдovъ, кромѣ сыни, которая, надѣюсь, при тщательномъ уходѣ вскорѣ пропадетъ. Ваше величество изволите видѣть, что опасности нѣтъ и все идетъ своимъ порядкомъ. Прилагаю также нѣсколько строкъ руки моей жены; слабость не позволила ей написать больше того. Съ глубочайшимъ почтенїемъ имѣю честь быть вашего императорскаго величества покорнѣйшій слуга и сынъ, Іосифъ, палатинъ.

II.

Буда.—16-го марта 1801 года.

Всемилоствѣннѣйшій Государь! Трепетною рукой и исполненный горести доношу вашему императорскому величеству, что я имѣлъ неисправимое несчастіе потерять жену мою, 16-го сего марта въ 6 часовъ утра, вслѣдствїе обнаружившейся сыни, которую усложнили нервнїя судороги. Ея уже нѣтъ, и съ нею исчезло все мое благополучіе. Вашему величеству я обязанъ былъ моими семейными радостями, и воспоминанїя о нихъ неизгладимы во мнѣ. Взгляните съ состраданїемъ на вашего несчастнаго сына, и не откажите ему въ милости — дозволить ему и впредь называть васъ отцомъ. Пусть будетъ это нѣкоторымъ утѣшенїемъ для того, который, если ваше величество не оставите его вашими милостями и дозволите ему такъ

называться, не перестанетъ быть съ глубочайшимъ почтеніемъ вашего императорскаго величества покорнѣйшимъ слугою и сыномъ, Іосифъ, палатинъ.

III.

Вѣна.—20-го марта 1801 года.

Всемилоствѣйшій Государь! Какъ больно мнѣ возобновлять въ родительскомъ сердцѣ вашего величества воспоминаніе о горестной потерѣ моей жены; но ни рука моя, ни сердце не рѣшились бы на это, если-бъ не требовалъ отъ меня долгъ обратиться къ вашему величеству за приказаніями относительно двухъ предметовъ, по которымъ я не хотѣлъ ничего сдѣлать безъ предварительнаго рѣшенія вашего. Первый изъ нихъ касается мѣста погребенія усопшей. Я приготовилъ-было мѣсто въ склепѣ капуцинской церкви въ Будѣ, тамъ, гдѣ уже покоится мой несчастный младенецъ; между тѣмъ, здѣшній дворъ, по видимому, располагаетъ перенести тѣло въ императорскій фамильный склепъ въ Вѣнѣ; наконецъ, духовникъ покойницы не соглашается исполнять обрядъ погребенія въ католической церкви. Поэтому я покорнѣйше прошу ваше величество объявить мнѣ ваши приказанія на этотъ счетъ. Тѣло покойницы стоитъ покуда въ комнатѣ небольшого загороднаго дома, близъ Буды, подареннаго мною женѣ при жизни ея. Второй предметъ касается распоряженій по наслѣдству ея. Она оставила послѣ себя отрывокъ завѣщанія, писанный ея рукою, и проектъ завѣщанія, составленный, по ея указаніямъ, моимъ оберъ-гофмейстеромъ. Убѣдительно прошу ваше императорское величество всемилоствѣйше увѣдомить меня: доставить ли къ вамъ эти бумаги, или же какъ распорядиться наслѣдствомъ? Не признавая въ настоящее время болѣе священнаго долга, какъ соображаться съ волею вашего величества, я умоляю васъ вѣрить, что, не взирая на понесенную ужасную потерю мою, я не перестану быть признательнымъ вамъ и за то короткое счастье, какимъ вы меня подарили, и называться вашего императорскаго величества покорнѣйшимъ слугою и сыномъ, Іосифъ, палатинъ.

IV.

Вѣна.—26-го марта 1801 года.

Всемилоствѣйшій Государь! Въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ вашему императорскому величеству я имѣлъ честь донести, что между бумагами покойной жены моей найдены были отрывки завѣщанія и другой проектъ завѣщанія. Прилагаю при семъ копія съ этихъ двухъ

бумагъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ доставлены мнѣ изъ Буды; подлинныя были уже препровождены къ вашему императорскому величеству чрезъ г. Самборскаго. Всепокорнѣйше прошу васъ объявить мнѣ по этому предмету ваши повелѣнія, такъ какъ я вполне готовъ сообразаться во всемъ съ вашею волей. Не откажите, ваше величество, въ продолженіи вашихъ милостей ко мнѣ, такъ недавно еще обязанному вамъ всѣмъ счастьемъ своимъ, но и въ несчастіи признательному и съ глубочайшимъ почтеніемъ пребывающему вашего императорскаго величества покорнѣйшимъ слугою и сыномъ, Іосифъ, палатинъ.

Записка о погребеніи в. к. Александры Павловны.

Извѣстно, что наша августѣйшая и приснопамятная российская великая княгиня и австрійская эрцгерцогиня, ея императорско-королевское высочество Александра Павловна скончалась 16-го сего марта мѣсяца. Положено было похоронить ее въ Венгрію, въ католической церкви, въ склепѣ, назначенномъ для ихъ королевскихъ высочествъ эрцгерцоговъ австрійскихъ, и гдѣ уже покоится ребенокъ ея высочества. Но въ виду необходимости исполнить обрядъ погребенія по закону православной церкви, нижеподписавшійся испрашивалъ у русскаго императорскаго двора разрѣшенія на погребеніе усопшей въ католической церкви, соглашаясь обождать отвѣта, и вмѣстѣ съ тѣмъ почтительнѣйше представлялъ ихъ императорскимъ величествамъ какъ самое желаніе нашего двора, чтобы августѣйшее тѣло было похоронено въ римско-католической церкви, въ назначенномъ для двора склепѣ, такъ совершенно и весь порядокъ погребенія. На представленіе это отъ 18-го марта, до сихъ поръ—1-го мая, не послѣдовало ни отвѣта и никакого приказанія; изъ чего слѣдуетъ заключить, что ихъ величества всероссийскія согласны на погребеніе покойной эрцгерцогини въ римско-католической церкви. Къ истекшимъ уже шести недѣлямъ я прибавлю сроку еще двѣ недѣли; послѣ чего, если не будетъ никакого отвѣта, я уже не стану мѣшкать погребеніемъ, какъ во избѣжаніе народнаго ропота противъ такого безпорядка, такъ и изъ приличія, недопускающаго столь долго оставлять безъ погребенія тѣло особы такого августѣйшаго дома.

Нижеподписавшійся готовъ сдѣлать одну уступку, именно дать погребенію совершиться въ тишинѣ и негласно; до этого я подожду вашего рѣшенія, но не далѣе назначеннаго срока. Вѣна, 1-го мая 1801 г. Шапари (Szapary), оберъ-гофмейстеръ ея высочества эрцгерцога Іосифа.

Buda, ce 14 Mars 1801.

Sire! J'ai reçus les ordres que Votre Majesté Impériale m'a fait parvenir par le Comte Rastopchin par rapport à l'envoi de mon aide de camp d'insurrection Comte Beckers pour apporter à Votre Majesté Impériale des nouvelles de la santé de ma chère femme d'abord après ses couches. Si j'avais pu croire que cela pourrait déplaire à Votre Majesté Impériale, je n'aurais pas même osé Lui en faire la proposition, mais j'aurais cru manquer à mon devoir et mériter à juste titre de perdre Ses bonnes grâces si je n'avais pas fait ce pas. Pour prouver néanmoins à Votre Majesté Impériale combien je désire me conformer en tout à ses intentions, malgré la peine que le refus que Vous m'avez fait, Sire, m'a causée, je Lui expedie la présente par estafette, pour Vous informer, Sire, que ma chère femme a pris la fièvre de lait le 4-me jour après Ses couches, qui a cessée aujourd'hui sans aucun symptôme facheux. A cette fièvre a succédé depuis ce matin la pourpre blanche qui à ce que j'espère, étant bien soignée, n'aura aucune suite. Votre Majesté Impériale voit par là qu'il n'y a rien à craindre et que les choses vont bon train. Je joins à cette lettre quelques lignes de ma chère femme; c'est tout ce que sa faiblesse Lui a permis d'écrire. Je suis avec le plus profond respect

De Votre Majesté Impériale le très humble et très obéissant serviteur et fils—Joseph, Pal.

Buda, ce 16 Mars 1801.

Sire! Ce n'est qu'en tremblant, et avec la plus profonde douleur que je m'aquitte du devoir de rapporter à Votre Majesté Impériale que j'ai eu le malheur irréparable de perdre ma très chère femme le 16 de ce mois à 6 heures du matin, des suites de la pourpre blanche et d'une crampe des nerfs qui s'y était jointe. Elle n'est plus, et avec Elle tout mon bonheur s'est évanoui; c'est à Votre Majesté Impériale que je devais mon bonheur domestique, le souvenir m'en sera ineffaçable. Daignez, Sire, avoir compassion d'un fils malheureux et ayez la bonté de ne pas lui refuser la grâce de pouvoir porter ce titre, qui faisait son bonheur. Ce sera quelque consolation dans son état malheureux, si Vous daignez lui continuer, Sire, Ses bonnes grâces et si Votre Majesté lui permettra de se dire toujours avec le plus profond respect

De Votre Majesté Impériale le très humble et très obéissant serviteur et fils—Joseph, Pal.

Vienne, ce 20 Mars 1801.

Sire! Qu'il m'en conte, Sire, de renouveler dans le coeur paternel de Votre Majesté Impériale le souvenir d'un événement si funeste que celui de la perte de ma chère femme; ma main et mon coeur pénétré de la plus profonde douleur s'y refuseraient, si mon devoir n'exigeait pas de moi de prendre les ordres de Votre Majesté Impériale sur deux objets sur lesquels je n'ai rien voulu décider sans préalablement obtenir Sa décision. Le premier regarde l'endroit de la sépulture de ma très chère femme. J'avais fais préparer à cet effet un caveau dans l'église des capucins à Buda, où mon pauvre enfant se

trouve déjà; d'un autre côté il paraît que l'idée de la Cour d'ici est de faire transporter les restes de ma chère femme dans le caveau de la famille impériale à Vienne, enfin le père confesseur de ma chère femme ne voulant pas se charger de faire les cérémonies d'enterrement dans une église catholique, jé prie Votre Majesté Impériale de vouloir bien me faire connaître Ses intentions là-dessus. En attendant ma chère femme a été déposée dans un appartement d'une petite maison de campagne, que j'ai auprès de Bude et dont j'avais fais cadeau à ma chère femme. Le second objet regarde la disposition de l'héritage de ma chère femme. Elle n'a laissé après soi qu'un commencement de testament, écrit de sa propre main et un projet de dernière volonté, composé d'après ses ordres par mon Grand-Maitre. J'ose supplier Votre Majesté Impériale de vouloir bien me faire savoir si je dois Lui envoyer ces papiers, ou bien ce qu'il faut faire avec l'héritage. Ne connaissant dans ce moment de devoir plus sacré que celui de me conformer en tout aux volontés de Votre Majesté Impériale, j'ose La supplier d'être assurée que, malgré la perte irréparable que je viens d'essayer, ma reconnaissance pour le bonheur, malheureusement trop court que je Vous ai dû, Sire, sera éternelle et que je ne cesserai d'être

De Votre Majesté Impériale, le très humble et très obéissant serviteur et fils—Joseph, Pal.

Vienne, ce 26 Mars 1801.

Sire! Dans la dernière lettre que j'ai eu l'honneur d'écrire à Votre Majesté Impériale, je Lui ai rapporté que parmi les papiers de ma chère femme on avait trouvé un fragment de testament écrit de sa propre main, aussi qu'un projet de testament; je joins les copies de ces deux pièces comme on me les a envoyées de Bude, les originaux ayant déjà été transmis à Votre Majesté Impériale par M-r Sambourski. J'ose prier Votre Majesté de me faire parvenir là-dessus Ses ordres ne desirant que de me conformer en tout d'après Ses volontés. J'ose supplier Votre Majesté Impériale de conserver Ses bonnes grâces à un fils qui Lui devait tout son bonheur, et qui quoique bien malheureux ne cessera jamais d'être avec les sentiment de la plus vive reconnaissance et profond respect

De Votre Majesté Impériale, le très humble et très obéissant serviteur et fils—Joseph, Pal.

Note. Il est connu, que Notre Auguste et éternellement en mémoire A. I. B. Grande-Duchesse de Russie et Archi-Duchesse d'Autriche Alexandrine Paulowna est morte le 16-me du Mars. On l'a voulu enterrer dans l'église catholique au catacombe érigé pour LL. AA. RR. AA. DD. d'Autriche établi en Hongrie, ou l'enfant d'elle existe déjà; mais à cause des fonctions nécessaires selon le rite de sa religion, qui se doivent faire pendant six semaines, et pour s'avoir les ordres précises de la Cour imp. de toute la Russie, si Elle y consentirait à son enterrement dans une, église catholique, le soussigné a accordé de vouloir attendre cette reponse et a très-humblement représenté à LL. MM. II. de toute la Russie la méthode et le desir de mettre l'Auguste corps dans l'église catholique romaine au tombeau érigé pour la Cour, ou l'Auguste enfant nouveau né existé déjà, et cette représentation fut expédiée le 18 Mars. Maintenant nous avons le 1-er de Mai, aucune résolution, aucun ordre est venu: il paraît donc que LL. MM. de

toute la Russie sont d'accord, que S. A. I. et R. peut être librement enterré dans une église catholique romaine. Je joint encore à ces six semaines deux semaines, mais si aucune réponse ne viendrait à ce temps là, je ne peux pas attendre plus longtemps avec l'enterrement, tant à cause des murmures que la populace pourrait entamer contre ce désordre, qu'à cause de l'inconvenance, qu'une personne d'une telle auguste maison reste si longtemps sans aucun sepulcre.

L'unique chose, que le soussigné peut accorder, est qu'on fasse cette fonction dans le plus grand incognito, et pour finir cette triste fonction j'attendrai la résolution que Monsieur aura la bonté de donner à cause de l'enterrement, mais pour une prolongation je ne me peux nullement résoudre, ni l'accorder. Vienne le 1-er Mai 1801. Szapary, Grand Maître de S. A. R. Mgeur L. A. D. Joseph, Pal.

Поговорки, клички и любимыя выраженія императрицы Анны Иоанновны.

Попугаюшка, попугаюшка, куколка, куколка.—Кукла. Императрица, императрица Анна Ивановна.—Куколка, куколка. Кто тамъ? Что ты говоришь?—Кузма, поди вонъ!—Ступай, ступай вонъ!—Егорка дуракъ, дуракъ, что ты говоришь?—Катрина.—Куку.—Федора.—Поди суда.—Матрена. Матрешка, поди суда. Катюшка.—Ягорка.—Кофе.—Кофе.—Хозяйка. Хозяйка Варвара.—Иванъ Иванычъ.—Ванюшка.—Беата Ивановна.—Куколка.—Анна.—Ивановна.—Куколка.—Собака лаеъ. —Лягушка кричить. —Ямщикомъ свистеть, кошкой мяучить и насвистить хорошее.

Примѣчаніе. Эта записка найдена секретаремъ Авраамомъ Полубояриновымъ (между 1731—1735 гг.), въ черновыхъ бумагахъ императрицы Анны Иоанновны и Иоанна Эрста Барона. Здѣсь приводится эта выписка какъ матеріалъ для составителей романовъ, повѣстей и сказаній изъ эпохи Анны Иоанновны.

Сообщ. Н. А.

**О числѣ мужеска пола душъ за монастырями для вниманія съ
нихъ кобылъ въ государственные заводы.**

1730-хъ гг.

Экстрактъ. Сколько по вѣдомостямъ изъ правительствующаго сената показано синодальной области и за епаршескими монастырями и архіерейскими домами, за нѣкоторыми по сказкѣ, а за другими по переписи мужеска пола душъ, для собранія съ нихъ въ государственные заводы кобылъ:

	По сказкѣ.	По переписи.	Итого.
За монастырями синодальной области	304,562	23,191	327,753
За епархескими	231,680	53,515	285,195
За архіерейскими домами	107,461	14,545	122,006
Всего	643,703	91,251	734,954

Да архіерейскихъ же и монастырскихъ, а которыхъ нѣмнѣно домовъ или синодальной области и епархескихъ монастырей, о томъ неизвѣстно.

	1,583	22,265	23,848
Всего	645,286	113,516	758,802

Если повелѣно будетъ собрать для опредѣленія въ государственные лошадинные заводы съ монастырей и архіерейскихъ домовъ, по распоряженію со ста душъ по одной кобылѣ, имѣть быть 7,588 кобылъ.

(Изъ бумагъ Бирона).

Сообщ. И. А.

Самосожигатели и самоутопленники въ Сибири

1782—1783.

Въ архивахъ волостныхъ правленій Тобольской губерніи множество для описанія быта русскаго народа матеріаловъ, но все остается, какъ говорится, втулѣ, вѣроятно, потому, что мало любопытныхъ. Однако, изъ-за этого страдаетъ интересъ исторіи русскаго раскола. Его проявленія въ Сибири малозвѣстны. Въ нашей литературѣ, сколько помнимъ, сибирскіе раскольники затрогиваемы были рѣдко; а, между тѣмъ, они существуютъ и донныѣ. Сектантовъ въ Сибири много; мы знаемъ дѣла селенія, въ которыхъ живутъ раскольники, ползающіе по холсту «во Христу», безповоды и т. п. Старые же архивныя дѣла говорятъ намъ о существованіи въ быловое время, въ Тобольской губерніи, сектъ, положенія которыхъ были явно противны общественному благосостоянію. Такъ, въ тысяча семьсотъ восьмидесятыхъ годахъ (1780-хъ гг.) на югѣ губерніи появились самосожигатели, секта, имѣющая нынѣ только изслѣдователей по историческимъ документамъ, но не наблюдателей. Она явилась вмѣстѣ съ крестообразной ересью. Аввакумъ, заключенный въ Пустозерскій острогъ, говорилъ о самосожиганіи: «да не погибнуть злѣ духомъ своимъ, собирающеса во дворы съ женами и дѣтками и сожгяхуся огнемъ своею волею»¹⁾. Одинъ изслѣдователь упоминаемой ереси не возводитъ самосожигательство въ догматъ, говоря, что старовѣры сожигались только тогда, когда приходили ихъ брать силою²⁾, но это неосновательно и опровергается нижеприведенными мною документами. Самосожигательство есть догматъ, а не крайній исходъ борьбы за дѣйствительно усвоенные дог-

¹⁾ Описаніе нѣкоторыхъ раскольнич. сочиненій.

²⁾ «Отеч. Зап.», т. CXLVII, отд. I. Статя Г. В. Есипова. А. II.

маты, какъ говорить г. Еснинъ (См. «Отеч. Зап.», т. СXLVI). Исследователь положился на нѣсколько фактовъ и вывелъ такое заключеніе. Это было ученіе, и жечернецы Іосифъ Армянинъ и Авраамъ Жидовинъ называли самосожигательство новымъ крещеніемъ въ огнѣ¹⁾. Случай религіознаго самоубійства были въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой, въ Сибири же въ особенности, и только дѣла и невѣжество современныхъ сибиряковъ оставляютъ гнить важныя бумаги по столь интересному предмету. Считаю нелишнимъ замѣтить, что старыя архивы въ сибирскихъ присутственныхъ мѣстахъ (анзскихъ)—въ самомъ заброшенномъ состояніи, положительно безъ всякаго призрѣнія, на томъ основаніи, что сохраняющіися дѣла очень старыя, справокъ изъ нихъ начальство не потребуетъ и отвѣчать за нихъ никто не станетъ. Не мѣшало бы обратить вниманіе на сибирскіе архивы.

Тобольскій митрополитъ Игнатій писалъ о двухъ случаяхъ самосожигательства, гдѣ раскольники сожигались въ то время, когда благочестивые воины приходили брать ихъ. Другіе документы указываютъ на Европейскую Россію. Разбирая архивъ волостнаго правленія въ селѣ Моршихинскомъ, Курганскаго округа, Тобольской губерніи, я нашелъ нѣсколько бумагъ, относящихся къ дѣлу XVIII-го столѣтія о лжеучителѣ Мензелинѣ, о которомъ память въ мѣстныхъ жителяхъ осталась и до сихъ поръ. Мензелинъ училъ приносить себя въ жертву «Тебѣ ради, Господи». Соглашавшихся онъ тонилъ въ озерѣ или запералъ въ избу и сжигалъ. Я здѣсь помѣщаю всѣ найденныя бумаги означеннаго дѣла (важнѣйшія въ копіяхъ). Кромѣ этихъ бумагъ, въ архивѣ, по тщательному осмотру, болѣе ничего, касающагося до ученія Мензелина, не оказалось.

А. П.

I. Указъ изъ ялutorовской канцеляріи моршихинской мірской избѣ. 26-го мая 1782. № 1342.

«Ялutorовская канцелярія, имѣя разсужденіе по производившемуся здѣсь о пойманномъ лжеучителѣ, крестьянинѣ Мензелинѣ, и его сообщникахъ дѣлу, приказали: во всѣ конторы послать указы и велѣтъ по всѣмъ деревнямъ немедленно развѣдать, нѣтъ-ли гдѣ, подобно найденнымъ нынѣ, ослѣпленныхъ суевѣріемъ и прельщенныхъ лжеучителемъ Мензелинымъ и его сообщниками, отлучившихся отъ домовъ своихъ мужеска и женска пола людей, скрывшихся въ дѣсы, и буде есть, то оныхъ всѣми силами стараться съискывать и возвращать въ дома ихъ и внушать имъ, что сіе переданное имъ ученіе отнюдь не спасеніе душъ ихъ, но сущая погибель, ибо самнѣе тѣ учителя, каковъ есть Мензелинъ и его сообщники, приводятъ простыхъ людей въ такое суевѣрное ослѣпленіе не для чего болѣе, какъ чрезъ то они, отъ погубившихся голодомъ, оставшимъ имѣніемъ ихъ користуются. Разумъ имѣющему челоуѣку ясно понять можно, а предаваться такому ослѣпленію, голодомъ себя уморять, или убивать, или другими образами жизнь отъ себя отнимать—дѣло совсѣмъ не христіанское, но самое злодѣянное, за что въ будущей жизни

¹⁾ «Православный Собесѣдникъ», 1855.

«РУССКАЯ СТАРИНА», ТОМЪ XXVI, 1879 Г., ОКТЯБРЬ.

тягчайшему еще таковыя самоубійцы преданы будутъ осужденію. Если гдѣ-либо по таковымъ плутовскимъ, отъ Мензелина и другихъ, ученіямъ найдутся скрывшіеся въ лѣса люди, такіе, изъ которыхъ уже нѣкоторые отъ голода и померли, то оставшіеся въ живыхъ не опасались бы ничего, возвращались въ свои дома и жили бы въ оныхъ покойно, безъ всякаго страха, ибо за то не только они наказаны или куда взяты быть могутъ, но и совсѣмъ прощены будутъ, если сей ихъ проступокъ учиненъ отъ сущей ихъ простоты, по единому злодѣяпному, плутомъ и обманщикомъ, прельщенію и ослѣпленію ложнымъ ученіемъ. Въ таковомъ случаѣ стараться вездѣ лжеучителей ловить и высылать въ канцелярію».

II и III. Предписаніе моршхинской мірской избѣ секундъ-маіора ялуторовскаго управленія отъ 16-го іюня 1782 г., № 153, и указъ изъ канцеляріи отъ 19-го іюня 1782 г., № 1681—о томъ же.

IV. Указъ изъ ялуторовской канцеляріи моршхинской конторѣ. 23-го августа 1782 г. № 1578 (нумера указовъ почему-то непоследовательны).

«Поданнымъ въ здѣшнюю канцелярію, Пещанскаго зимовья крестьянинъ Данило Гладковъ, доношеніемъ, доноситъ, что сего 782 года, въ маѣ мѣсяцѣ, по прельщенію лжеучителя Суерскаго острога, крестьянина Михаила Мензелина, потонуло въ озерѣ Сазыкулѣ, Пещанаго зимовья, мужескаго поля со вновь рожденными десять душъ, въ томъ числѣ и у него, Гладкова, утонуло малолѣтнихъ два сына, которые въ ревизію и въ спискахъ были уже показаны, и чтобы тѣхъ утопшихъ изъ сказокъ выключить прошено было тогда-же у старосты и писчика, но и понынѣ они изъ сказокъ не выключены, и выключать оныхъ, безъ повелѣнія главной команды, не осмѣлились. И просилъ означенный Гладковъ, чтобы повелѣно было утопшихъ, какъ у него двухъ сыновъ, равно и другихъ, которымъ приложенъ регистръ, выключить, дабы они, въ случаѣ платежа подушныхъ денегъ, не понесли крайняго раззоренія. А по справкѣ, по силѣ указа тобольской губернской канцеляріи, іюня 25-го числа 1782 года, вновь родившихся, послѣ поданія сказокъ, умершихъ выключать не велѣно, и, не останавливая затѣмъ отсылку сказокъ и генеральныхъ перечневыхъ вѣдомостей, велѣно учинять о таковыхъ умершихъ и вновь родившихся именную особую вѣдомость. И того ради, по указу ея императорскаго величества, въ ялуторовской канцеляріи опредѣлено: въ моршхинскую контору послать сей, ея императорскаго величества, указъ и велѣтъ, по доношенію крестьянина Гладкова, утоп-

шихъ у него дѣтей, такъ и другихъ, изъ сказокъ отнюдь не исключать, а о томъ, что они потонули, подъ именами ихъ сдѣлать отмѣтки, а послѣ учинить особую вѣдомость и при семъ указѣ приложить регистръ, который у сего и приложенъ».

V. Регистръ Песчаного зимовья, по прельщенію лжеучителя Мензелина, потонувшимъ въ озерѣ Сазыкулѣ мужеска пола людямъ.

У крестьянина Данила Гладкова дѣти, рожденныя послѣ ревизіи:
Иванъ, 4-хъ лѣтъ.

Григорій, 6-ти мѣсяцевъ.

Потапъ Сутягинъ, 34-хъ лѣтъ.

У него сынъ, рожденный послѣ ревизіи, Ермолай, 1-го года.

У Федора Іевлева, рожденныя послѣ ревизіи дѣти:

Алексѣй, 9-ти лѣтъ.

Трофимъ, 7-ми лѣтъ.

Козьма, 2-хъ лѣтъ.

У Петра Іевлева дѣти, рожденныя послѣ ревизіи:

Василій, 12-ти лѣтъ.

Никита, 8-ми лѣтъ.

Иванъ, 3-хъ лѣтъ.

Итого десять душъ.

VI. Указъ изъ ишимской нижней расправы въ моршихинскую контору. 14-го декабря 1782 г., № 116.

«По присланному при указѣ тобольскаго намѣстническаго правленія въ ишимскую нижнюю расправу о лжеучителѣ раскольниковской ереси и смертоубійцѣ, ялutorовскаго дистрикта, Суерскаго острога, крестьянинѣ Михайлѣ Мензелинѣ и его сообщникахъ, слѣдственному не рѣшенному дѣлу, потребны еще къ допросамъ прежде укрывавшіеся въ бѣгахъ, вѣдомства сей моршихинской и кизацкой конторы, крестьяне, о которыхъ, въ силу высочайшаго учрежденія, хотя и надлежало изслѣдовать тамъ на мѣстѣ, но какъ сіе дѣло принадлежитъ важности, здѣсь же чрезъ носящійся слухъ извѣстно, что тѣ люди находятся нынѣ при домахъ своихъ, того ради опредѣлено: послать въ кизацкую и моршихинскую конторы, съ приложеніемъ именныхъ регистровъ, указы, и велѣтъ написанныхъ по тѣмъ регистрамъ крестьянъ какъ можно стараться выслать для произведенія имъ допроса, съ нарочно посланнымъ засѣдателемъ, въ самоскорѣйшемъ времени».

Слѣдуетъ списокъ шести мужчинамъ и одной женщины, изъ пяти деревень.

VII и VIII. Указы той же расправы 8-го и 30-го января 1783 года, №№ 3 и 67,—о выселкѣ крестьянъ по этому дѣлу.

IX. Отпускъ рапорта моршихинскаго крестьянскаго старосты въ ишимскій нижній земскій судъ, 21-го іюня 1783 г.

«Сего числа, Дубровскаго зимовья десятникъ Елисей Пономаревъ, чрезъ ямщика Попова, далъ мнѣ знать, что въ деревнѣ Набоковой крестьяне Володимеръ, Яковъ и Иванъ Шалобановы со всѣми ихъ семействами у Ивана Набокова въ домѣ заперлись накрѣпко, якобы для згорѣнія. По каковому свѣдѣнію я съ крестьянами и пріѣзжалъ. Они дѣйствительно заперлись, и я съ крестьянами ихъ увѣщевалъ, но они на разговоръ ни подъ какимъ видомъ не соглашались и приговариваютъ, если-де я и крестьяне домъ у нихъ разбивать будемъ, то они будутъ горѣть, якобы отъ насъ будто гонимы. О семъ въ земскій судъ сіе извѣстіе я на разсмотрѣніе, чрезъ нарочнаго, и репортую».

X. Указъ изъ ишимскаго земскаго суда моршихинской конторѣ, отъ 26-го іюля 1783 г., за № 814, съ опрошенными по дѣлу Мензелина крестьянами, съ наставленіемъ имѣть за ними наблюденіе—не будетъ-ли происходить между ними какого либо, съ погубленіемъ себя, собранія, отъ онаго стараться отвращать. Также ихъ никуда въ даль отъ себя не отпускать, и велѣть старостамъ и десятскимъ неослабно наблюдать.

Г. Ишляъ.

Сообщ. въ янв. 1871 г., А. А. Павловъ.

МОЛИТВА ВОИНОВЪ-ПОЛЯКОВЪ ВЪ X ВѢКѢ.

Въ X-мъ вѣкѣ въ Польшѣ языкъ былъ значительно ближе къ своему корню—языку славянскому, а потому и болѣе понятенъ для каждаго родственнаго племени. Вотъ образецъ: пѣснь Богородицѣ, сочиненная св. Войцекомъ, которая пѣлась поляками при вступленіи въ битву.

Пѣснь Богородица:

Богородица дѣвница Богемславіона Маріа, у Твего сына Господня Матко зволіона Маріа, зспидишь намъ, спуидишь намъ.

Kyrie eleyson.

Твего Сына Кржцицеля збожны часъ. Услышь глосы: напелни мысли члове: слышь молитве, іенже це просимы. К... Е...

О о даци расп, іего просимы: Дай на свѣцѣ збожны побыть, по живоце райскп пржебыть. К... Е...

Народилъ се насъ для, сынъ Божы: въ то вѣржай чловѣче збожы: ижъ Богъ людъ, пршезъ свой трудъ, одьонлъ діаблю строжонъ.

Пршдалъ намъ здроя вѣчнаго: старостенъ сковалъ печальнаго: смерць подьонлъ: вспомононлъ чловѣка первого.

Иенже труды дерпалъ безмѣрне, иещенъ былъ не пршсналъ за вѣрне, аливъ самъ Богъ змартвнхсталъ.

Адаме, ты Божы кнецю, ты сѣдзашъ у Бога вѣду, дотѣсць насъ све дѣдцъ, гдзѣ кролююнъ ангели.

Тамъ радосць: тамъ милосць: тамъ видѣнне Творца ангельске безъ коньца: тамъ се намъ зъявило діабле потепене.

Ни сребремъ, ни золотемъ, насъ діаблю одушилъ, своиъ моцонъ застойпилъ, себе для, чловѣче, далъ Богъ пршеклоць собѣ, ренце, ногзе обѣ, крєвъ свѣнта шлѣ съ боку, назбавене тебе.

Вѣрже въ то чловѣче, иже Іезусъ Христъ правы, цѣрпалъ за насъ раны, своиъ свѣнта крєвъ пршедалъ, за насъ Хржесціаны.

О души о грешней самъ Богъ печонъ пма, діаблю іонъ одѣйма, гдзѣшь то самъ пршебыва, ту іонъ къ собѣ пршма.

Южъ намъ часъ, годзѣна, греховъ се каяди, Богу хвалєнъ дади, же вшесткеми силами ієго миловади.

Маріа дзѣвица, проси сына Твєго, кроля небеского, абы насъ уховалъ одєвшего злего.

Вшисцы свѣнти просьце, насъ гржешныхъ вспоможе: бысьми зъ вами были, Іезу Христа хвалили.

Тєгожъ насъ дотєсца Іезу Христе милы, бысь мы зъ тобонъ были, гдє се намъ радуюнъ вшестке небеске силы.

Аменъ... тако Богъ дай бысьми пошли вшисцы въ рай, гдзѣ кролююнъ ангели.

(Изъ хроники Мартына Бѣльскаго, 1575).

Сообщ. М. Ф. Воровкинъ.

Мнимые поджигатели

въ 1847 г.

I.

Перепечатываемъ двѣ статьи изъ «Костромскихъ губернскихъ вѣдомостей» 1847 г., ноября 22-го дня и декабря 27-го дня, №№ 44 и 49—помѣщенные въ нихъ по распоряженію бывшаго костромскаго военнаго губернатора князя А. А. Суворова-Римникскаго. Статьи эти (въ вѣдомостяхъ онѣ не озаглавлены) представляютъ интересный документъ, свидѣтельствующій о томъ, до какихъ ужасовъ приводили неосновательные толки о существованіи поджигателей въ 1847-мъ году, когда свирѣпствовали во многихъ городахъ Россіи пожары. Два нумера этихъ вѣдомостей сообщены редакціи «Русской Старины» г. Величковскимъ, изъ г. Моршанска. Ред.

Въ первой половинѣ сентября нынѣшняго года Провидѣнію угодно было попустить на нашъ губернской городъ Кострому тяжкое испытаніе—четыре пожара, одинъ за другимъ и въ лучшей части города.

Первый, самый ужаснѣйшій пожаръ случился въ 2^{1/2} часа ночи съ 5-го на 6-е число, на Александровской улицѣ, позади смежныхъ дворовъ мѣщанъ Энгерта и Литова, откуда огонь, при бывшемъ тогда юго-восточномъ вѣтрѣ съ вихремъ, чрезвычайно стремительно охвативъ оба тѣ дома и принадлежащій церкви Благовѣщенской, перелетѣлъ, по направленію вѣтра, поперегъ трехъ улицъ: Марьянской, Павловской и Еленинской, а потомъ, отъ надворныхъ, весьма тѣсныхъ строеній сей послѣдней улицы, пламя перешло на Богоявленскую и, наконецъ, пожаръ сдѣлался общимъ на пространствѣ, по прямой линіи, до полуверсты, такъ что, къ разсвѣту 6-го сентября, всѣ зданія, стоявшія подъ вѣтромъ, были объаты пламенемъ, а часовъ въ 7 утра загорѣлся Богоявленскій монастырь, и столь быстро, что бывшій тамъ народъ и монашествующіе едва успѣли спастись чрезъ отверстіе, пробитое въ каменной стѣнѣ жителями и чинами гарнизоннаго баталіона. На этомъ пунктѣ пожаръ приостановился было, но вскорѣ снова устремился по прилегающей отъ сѣверо-запада къ монастырю Власьевской улицѣ, и истребилъ дома по обѣ стороны оной, между Рождественскою церковью, улицами: Патницкою, Воздвиженскою, Царевскою, Спасскою и на одной сторонѣ между Кирпичною улицею. Всего на этомъ пространствѣ погибло въ пламени 118 зданій, въ томъ числѣ Богоявленскій мужской монастырь, и обгорѣла церковь во имя Св. Троицы.

Въ одно время съ началомъ пожара на Александровской улицѣ, загорѣлось находившееся, по направленію вѣтра, слишкомъ за версту оттуда, на самомъ концѣ города, пустое зданіе, бывшее прежде подъ полотняною фабрикою, и сгорѣло до основанія.

Не изгладилось еще первое впечатлѣніе ужаснаго опустошенія, какъ 9-го числа, вечеромъ въ 7 часовъ, вспыхнуло пламя на Покровской улицѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ центра города, во флигель дома Зворыкиной, который, по случаю выѣзда изъ города занимавшаго оный сына Зворыкиной, оставался пустымъ. Къ счастью города, на этотъ разъ, жертвою пожара сдѣлались только этотъ флигель и главный корпусъ дома, тоже никѣмъ незанятый. Другой же флигель дома Зворыкиной, занимаемый другимъ изъ ея сыновей, уцѣлѣлъ. 10-го числа, въ 7 часовъ вечера, снова занялся пожаръ на Книшемской улицѣ, сзади деревянныхъ построекъ дома, принадлежавшаго с.-петербургскому мѣщанину Лебедеву. Такой же сильный, порывистый юго-восточный вѣтеръ, какой былъ во время перваго пожара, перекинулъ пламя на другую сторону улицы, и огонь, прервавъ сообщеніе одного конца съ другимъ, съ ужасною быстротою перешелъ, по направленію вѣтра, на Александровскую, Марьянскую

и Павловскую улицы, и почти вдругъ охватилъ весь рядъ сплошно построенныхъ постоялыхъ дворовъ и чрезвычайно тѣсныхъ надворныхъ строеній; однакожь, остановленъ и прекращенъ у корпуса присутственныхъ мѣстъ. Сгорѣло 66 зданій частныхъ и общественныхъ.

Часовъ въ 6, на разсвѣтѣ, 11-го числа, когда не совершенно еще былъ прекращенъ предшествовавшій пожаръ, почти въ прямомъ направленіи на востокъ отъ конечнаго пункта онаго, саженьяхъ въ 300, начался новый пожаръ на Смоленской улицѣ, въ сѣнникѣ дома купцовъ Вавиловыхъ. Истребленію подвергся одинъ только этотъ домъ.

Всего въ эти четыре пожара истреблено или весьма значительно повреждено пламенемъ 188 зданій общественныхъ и частныхъ, въ томъ числѣ сгорѣлъ Богоявленскій монастырь, приходское училище, два дома частей костромской полиціи и гауптвахта, и значительно обгорѣла церковь во имя Св. Троицы.

Матеріальныя средства защиты отъ пожара, весьма ограниченныя, далеко не соответствовали потребности настоящихъ событій, и это одна изъ главнѣйшихъ причинъ быстрого распространенія огня въ первый и третій пожары и неудержимо разрушительнаго дѣйствія пламени, потому что числа рабочихъ, наряженныхъ изъ воинскихъ командъ, и готовности ихъ къ вспоможенію—въ началѣ каждаго пожара было достаточно; но по распространеніи пожаровъ, пересѣкавшихъ вдругъ сообщеніе одного конца съ другимъ въ двухъ или трехъ улицахъ, даже всѣ войска, составляющія гарнизонъ города, не въ силахъ были уже оказать никакого содѣйствія къ прекращенію оныхъ: имъ оставалось только видѣть, какъ пламя пожирало все на пути своемъ.

Великость бѣдствія, огромныя потери были такъ поразительны для гражданъ, что большая часть ихъ, въ непонятномъ для здраваго разсудка ослѣпленіи, кинулись на брошенную кѣмъ-то въ народъ мысль, будто пожары были слѣдствіемъ заговора поляковъ и произведены находящимися въ здѣшнемъ краѣ ихъ соотечественниками. Такое мнѣніе стало почти общимъ въ городѣ, и преимущественно у нѣкоторыхъ обывателей высшаго сословія, хотя даже въ самомъ началѣ оно не имѣло ни малѣйшихъ основаній.

Мѣстное въ Костромѣ начальство, не заботясь объ источникахъ молвы на счетъ заговора, вмѣсто того, чтобы принять строжайшія мѣры къ открытію дѣйствительной причины пожаровъ, легко поддавалось тому же мнѣнію и своими распоряженіями укореняло оное въ народѣ.

Первымъ дѣломъ мѣстной власти было захватить подъ стражу всѣхъ проживающихъ въ Костромѣ уроженцевъ польскихъ и дру-

гихъ западныхъ губерній. Всѣ они безъ изъятія, обоего пола, были заключены въ городскую тюрьму, а нѣкоторые, подѣ конвоемъ солдатъ съ обнаженными оружіемъ, были еще водимы по городу для показанія народу.

Народъ, по привычкѣ видѣть въ распоряженіяхъ правительства всегда строжайшую справедливость, и въ настоящемъ случаѣ смотрѣлъ на преданныхъ позору людей какъ на своихъ злодѣевъ, а въ числѣ ихъ были истинные друзья человѣчества, испытанные, вѣрные слуги царю и престолу.

Возьмемъ въ примѣръ г. надворнаго совѣтника Ходоровича, старшаго врача градской больницы. Г. Ходоровичъ, проживая въ Костромской губерніи, и собственно въ городѣ Костромѣ, 28 лѣтъ, постоянно на службѣ, сроднился съ этою страной, воспиталъ дѣтей своихъ въ православіи, неукоризненною жизнью приобрѣлъ уваженіе гражданъ, а своими врачебными знаніями, въ годину общаго бѣдствія, во время эпидемическаго свирѣпствованія въ 1830 году холеры, заслужилъ отъ всѣхъ справедливую признательность. И этотъ человѣкъ и все семейство его подверглись тяжкому обвиненію, позору! Нѣкоторые молодые чиновники, люди со способностями, однимъ началомъ службы своей уже обѣщавшіе въ себѣ хорошія надежды, испытали ту же участь.

Но этого еще мало! Взвѣдя слѣпо вину на безвинныхъ, предавъ ихъ позору и строгому тюремному заключенію, начальство города Костромы приступило къ мѣрамъ, еще болѣе оскорбляющимъ чувство справедливости: усиливаясь придать винѣ мнимой видъ вины истинной, нѣкоторыхъ изъ числа имѣвшихъ несчастье не принадлежать къ чисто-русскимъ по происхожденію и неизъятыхъ, по состоянію своему, отъ тѣлеснаго наказанія, оно при допросахъ подвергло жестокимъ истязаніямъ.

Такимъ образомъ забыты завѣты, изреченныя устами законодателя-монарха почти за полвѣка: «дабы самое названіе пытки, стыдъ и укоривну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной».

Но да не падутъ этотъ стыдъ и эта укоризна на наше время!

Всеавгустѣйшій монархъ нашъ, въ высокой мудрости, одинаково справедливый ко всѣмъ вѣрнымъ своимъ подданнымъ, при первомъ же извѣстіи о происшествіяхъ въ Костромѣ, всемилостивѣйше повелѣлъ соизволять: лицъ изъ польскихъ уроженцевъ, вятыхъ подѣ стражу, немедленно освободить; а по полученіи достовѣрнаго свѣдѣнія объ истязаніяхъ, дѣланныхъ при производствѣ бывшимъ начальникомъ губерніи допросовъ, его императорское ве-

личество, отовзавъ гражданскаго губернатора дѣйствительнаго статскаго совѣтника Григорьева, какъ единственнаго въ томъ виновника, въ С.-Петербургѣ, высочайше повелѣть соизволилъ: предать его военному суду при с.-петербургскомъ Ордонансъ-Гаузѣ.

Между тѣмъ, о причинахъ бывшихъ въ Костромѣ пожаровъ производится строгое и безпристрастное изслѣдованіе, и, если пожары эти были злоумышленные, виновные не избѣгнуть законной кары.

Настоящее положеніе этого дѣла несомнѣнно убѣждаетъ, что молва о существованіи заговора поляковъ была нелѣпая выдумка. Единственнымъ фактомъ о семъ заговорѣ въ началѣ было показаніе одного несовершеннолѣтняго мѣщанскаго мальчика, потомъ другаго такого же несовершеннолѣтняго кантониста и крѣпостной женщины г. Ходоровича, на послѣдокъ объявленіе одного рядоваго изъ польскихъ уроженцевъ. Но, при дальнѣйшемъ производствѣ дѣла, означенные мальчики и женщина, явись добровольно въ слѣдственную комиссію, съ чистосердечнымъ раскаяніемъ признались и при неоднократныхъ допросахъ, подъ священническимъ увѣщаніемъ, утвердили, что показанія ихъ о заговорѣ ложны и сдѣланы ими: однимъ мальчикомъ въ надеждѣ награды за вымыселъ, если оный впослѣдствіи получитъ видъ вѣроятія, а другимъ мальчикомъ и женщиною— черезъ пристрастіе при первыхъ допросахъ бывшимъ начальникомъ губерніи. Съ тѣмъ вмѣстѣ они отвергли и сдѣланные прежде лично на нѣкоторыхъ польскихъ уроженцевъ извѣты, которые, впрочемъ, и тогда не подкрѣплялись никакими достовѣрными фактами.

Утверждаетъ нынѣ о существованіи заговора только рядовой, по показанію котораго, одно лицо, занимающее въ римско-католической іерархіи въ Россіи важный постъ, возбуждая будто бы въ немъ при исповѣди ненависть къ русскимъ, убѣждало его къ поджогамъ. Но прежде, чѣмъ допустить сколько либо достовѣрности въ показаніи его, надобно знать, что за человекъ этотъ извѣтчикъ? О происхожденіи его извѣстно только, что онъ изъ поляковъ; впрочемъ, глубокое невѣжество его не оставляетъ никакого сомнѣнія о сословіи, изъ котораго онъ поступилъ на службу. Сколько извѣстно, рядовой сей, при началѣ польскаго мятежа, бѣжавъ изъ войскъ, бродяжничалъ около пяти лѣтъ; потомъ, по помнѣ, во время препровожденія изъ Варшавы во внутреннія губерніи, онъ снова изыскалъ случай къ побѣгу; но черезъ два года былъ схваченъ, какъ бродяга, и два же года, по неполученію письменныхъ о немъ свѣдѣній, содержался подъ арестомъ, и не задолго до случившихся въ Костромѣ пожаровъ былъ употребленъ для присмотра за огородами ярославскаго гарнизоннаго баталіона; а по распространившейся молвѣ на счетъ заговора поля-

ковъ, помѣщенъ въ казармъ. Черезъ нѣсколько дней онъ самовольно отлучился изъ казармъ. На другой день, бывъ найденъ на огородѣ пьяный, съ двумя женщинами предосудительнаго поведенія, объявилъ свой извѣтъ! Пьяный, развратный бродяга вдругъ исполнился вѣрности къ присягѣ и высказалъ возмутительное поученіе, данное ему при исповѣди! Пробудившаяся-ли это совѣсть? не клевета-ли это на св. таинство религіи?....

Печатано, въ Губернской типографіи, съ разрѣшенія управляющаго губерніею его свѣтлости генералъ-адъютанта князя Италійскаго графа Суворова-Римникскаго.

II ¹⁾.

По слѣдственному дѣлу объ открытіи причинъ бывшихъ въ Костромѣ пожаровъ, въ числѣ важнѣйшихъ фактовъ, имѣлось въ виду показаніе одного рядоваго изъ польскихъ уроженцевъ о подговорѣ будто бы его духовною особою, при исповѣди, на поджоги въ Россіи. Показаніе его не подтверждалось, впрочемъ, никакими положительными доказательствами.

При дальнѣйшемъ производствѣ дѣла по его извѣту, рядовой сей, послѣ увѣщанія, съ чистосердечнымъ раскаяніемъ признался, что все показаніе его о подговорѣ къ поджогамъ ложно; что къ этой лжи побудила его боязнь наказанія за сдѣланную изъ казармъ самовольную отлучку, послѣ которой онъ взятъ былъ на баталіонномъ огородѣ пьяный съ двумя женщинами, изъ конкъ съ одною имѣлъ любовную связь; что, съ дѣлюю избавиться должнаго наказанія отъ ближайшихъ начальниковъ объявленіемъ объ извѣстной ему будто бы тайнѣ, онъ, при спросѣ объ этой тайнѣ, взвелъ извѣтъ свой; а на другой день, протрещався, хотя мучился совѣстью отъ лжи, но страхъ наказанія за несправедливый извѣтъ удержалъ его отъ раскрытія истины. Этотъ же самый страхъ заставлялъ его утверждать свою ложь при вторичныхъ допросахъ.

Въ этомъ признаніи извѣтчика заключаются всѣ признаки чистой истины, какъ по обстоятельствамъ, при которыхъ сдѣланъ имъ былъ извѣтъ, такъ и по нынѣшнему его раскаянію, по которому онъ, съ видимою набожностью, ищетъ утѣшенія въ одной религіи.

¹⁾ Въ «Костромскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» 1847 г., № 49-й—статья эта озаглавлена такъ: «Дополненіе статьи № 44».

Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ.

(Письмо его къ князю М. С. Воронцову ¹⁾).

14-го апрѣля 1852 г.

Ваша свѣтлость! Я имѣлъ честь получить почтеннѣйшее увѣдомленіе вашей свѣтлости, отъ 17-го марта, за № 17-мъ, о высылаемыхъ на Донъ, по распоряженію вашей свѣтлости, 15-ти порочныхъ офицерахъ, и крайне былъ огорченъ поведеніемъ людей, вынудившихъ къ этой мѣрѣ высокаго начальника, котораго вниманіе и снисходительность къ подчиненнымъ составляютъ предметъ всеобщей любви и благоговѣнія храбрыхъ кавказскихъ войскъ. Люди сіи, омрачившіе званіе офицера своимъ униженіемъ и поправшіе строгій долгъ война своею безнравственностію, вполне достойны этого наказанія; но ихъ безславные поступки приносятъ скорбь народному чувству, привыкшему упоеваться похвалами заслугамъ войска донскаго.

Какъ начальникъ сего полезнаго государству края, глубоко сокрушаясь объ этомъ случаѣ, и опасаясь, чтобы въ донскихъ полкахъ не обнаружались вновь офицеры, которые вынудятъ поступками своими начальство ихъ къ необходимой надъ ними строгости, я беру смѣлость изложить предъ вашей свѣтлостію причины, по которымъ ни я, ни предшественники мои не могли отвратить употребленія на службу людей, сдѣлавшихся впоследствии для оной безполезными.

Я возьму начало объясненій моихъ изъ самаго быта казаковъ.

Въ войскѣ донскомъ дворяне, такъ же, какъ простые воины, должны служить въ полѣ общій двадцатипятилѣтній срокъ. Имѣя въ виду это предназначеніе, богатые и образованные люди стараются вступить въ гвардію, въ Атаманскій Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полкъ, въ артиллерію, въ штабы и по внутренности войска къ должностямъ, требующимъ способностей и познаній. Бѣдные же офицеры бѣльшею частію одни поступаютъ въ полевые полки и подвергаются тамъ въ долгій срокъ своего служенія всѣмъ испытаніямъ суровой и неумолимой нужды, принуждены будучи часть ограниченнаго своего жалованья удѣлять оттуда своему семейству, и, сами не помышляя ни о какихъ личныхъ удобствахъ, они нерѣдко должны питаться самою простою пищею и находить себѣ столъ въ общемъ котлѣ съ своими подчиненными. Врожденное каза-

¹⁾ Оригиналъ этого письма намъ доставлялъ—А. С. Донецкій.

камъ чувство повиновенія и уваженія начальниковъ, копечно, не ослабляетъ чрезъ сіе сближеніе военной дисциплины, но самъ офицеръ, отъ постоянного вліянія на него недостатковъ, не въ силахъ будучи бороться съ ними, упадаетъ въ духъ и забываетъ обязанность своего званія; а отъ забвенія ему остается одинъ шагъ къ пороку и къ уничтоженію всѣхъ добрыхъ правилъ и всѣхъ достоинствъ, требуемыхъ отъ офицера.

Полковой командиръ узнаетъ такихъ людей въ первый годъ своего командованія; во второй старается исправить ихъ, въ третій щадитъ неисправимаго—который, по полковой инструкціи, долженъ быть преданъ военному суду—въ надеждѣ съ нимъ скоро разстаться и никогда не встрѣтиться; но офицеръ, обязанный 25-ти лѣтнимъ срокомъ служенія, вступаетъ въ другой полкъ съ тѣми же неизвѣстными для полковаго командира качествами, и опять дѣлается бременемъ, терпимымъ до возвращенія полка на Донъ.

При отправленіи полковъ, я часто вижу, что такой-то офицеръ можетъ быть бесполезенъ, неблагонадеженъ и даже вреденъ для службы; но я не могу оставить его отъ очереднаго наряда потому, что очередь есть прямой долгъ каждого, или, оставивши дома порочнаго и взявши вмѣсто него исправнаго, должно было бы первому оказать награду, а послѣдняго безвременнымъ выкомандированіемъ подвергнуть наказанію.

Чѣмъ многочисленнѣе общій составъ офицеровъ, тѣмъ эти случаи бывають чаще. Въ войскѣ донскомъ, гдѣ все сословіе призвано къ военной службѣ и гдѣ дѣйствующіе въ полѣ противъ непріятеля и занимающіеся гражданскою службою имѣють одни права и одни военные чины, число ихъ нынѣ простирается до 1,725 человекъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія, по сравненію съ другими губерніями, изъ которыхъ ни одна, вѣроятно, не даетъ государству такого множества офицеровъ; а потому я часто думаю, если бы на все дворянство какой нибудь губерніи, напримѣръ—Московской, болѣе другихъ образованной, подобно войску донскому, надѣть шарфы и эполеты и заставить ихъ служить, то сколько бы среди онаго оказалось недостойныхъ носить званіе офицера! Или, если бы взять любой армейскій полкъ и исчислять, сколько въ теченіе 25-ти лѣтъ, т. е. въ срокъ службы донскихъ офицеровъ, выбыло изъ онаго, подъ разными видами, офицеровъ, незаслуживающихъ уваженія,—то полагаю, что и тутъ общее число было бы очень значительно.

Недостатокъ воспитанія и овладѣвающія нужды, а также и то, что донской офицеръ, по роду службы своей на постахъ, всегда разсматривается какъ отдѣльный начальникъ, легко обнаруживаютъ

между ними нравственныя слабости, скрываема въ массѣ полка и въ линіи фронта.

Я питаю, впрочемъ, надежду, что большое число юношей войска донскаго, поступившихъ на войсковой счетъ въ военно-учебныя заведенія, вскорѣ умножатъ въ донскихъ полкахъ число благовоспитанныхъ офицеровъ, и мало по малу уменьшатъ въ нихъ теперешнія затрудненія.

Но между тѣмъ приѣмлю долгъ съ глубокимъ уваженіемъ повергнуть предъ вашею свѣтлостію убѣдительнѣйшую просьбу мою о продолженіи высокой вашей благосклонности къ войску донскому, чины котораго съ давнихъ лѣтъ привыкли пользоваться вашимъ милостивымъ и постояннымъ покровительствомъ.

Съ безпредѣльнымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь, и проч. Михаилъ Хомутовъ.

Сообщ., изъ г. Новочеркасска, А. Крыловъ.

А. О. Мерзляковъ ¹⁾.

Іюля 3-го дня 1817 года.—Москва.

Сердечно благодарю васъ ²⁾, любезнѣйшій мой поэтъ, за милое письмо ваше и за прекрасный гостинецъ отъ даровъ благословенной вашей Помони. Персики очень вкусны и видимо сказываютъ, что они посланы ко мнѣ отъ молодого друга вкуса.

Собраніе наше было блестящее, многочисленное. Правда, что мы немного попытали нашихъ слушателей грамматикою, падежами и склоненіями; но за то басни смѣшили и забавляли. Хоръ былъ громкій и пріятный: капельмейстеръ Давыдовъ сдѣлалъ свое дѣло. Я читалъ много, но съ неудовольствіемъ: надъ грамматикою прошелъ день и солнце закатилось; я во тьмѣ и съ тьмою боролся. За то очень хорошо прочтенъ Яковлевымъ мой кантикъ изъ библіи «Деввора». Кокошкинъ училъ насъ въ стихахъ единодушію; Волынцевъ баснотворилъ по своему; Пушкинъ, большой Пушкинъ (В. Л.), болѣе прежняго ухмылялся и распѣвалъ свои.....

Приѣзжайте къ возобновленію нашего общества: тогда прочтемъ и ваше, опять чтó случится. Въ торжественномъ собраніи, по уставу, читаться могутъ одни только сочиненія дѣйствительныхъ членовъ. Ваша

¹⁾ Алексѣй Феодоровичъ Мерзляковъ, род. 1778 † 26-го іюля 1830 г., профессоръ Московскаго университета, поэтъ и критикъ. См. о немъ «Русскую Старину» изд. 1874 г., томъ IX, стр. 586 и 608. Полная біографія А. О. Мерзлякова съ оцѣнкой его литературной дѣятельности—помѣщена въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 113 (статья Н. Н. Мизко).

²⁾ Писано къ Петру Александровичу Новикову.

піеса поступить въ слѣдующую часть «Трудовъ»: она уже начинается печатаніемъ. Тутчевъ (sic) въ деревнѣ. Маленькая моя академія разстроилась. Піесы его также не читаны и по той же причинѣ лежатъ у меня до будущаго своего воскресенія.

Вотъ всѣ наши новости. Поздравляемъ васъ, какъ русскаго, съ умноженіемъ Россійскаго Императорскаго дома! Великая княгиня будетъ именоваться Александрою Феодоровною; но это, я думаю, вамъ уже извѣстно. Мы ожидаемъ извѣстія о праздникахъ петербургскихъ, которые продолжатся.... великолѣпіе и пышность удивительны! Сказываютъ, что и у насъ въ Москвѣ по сему случаю будетъ празднество. Свадьба была 1-го числа сего мѣсяца.

Здоровы ли вы? Занимаетесь ли вы стихами? Гуляете ли? Рѣзвитесь ли? Ѣздите ли по гостямъ? Это все можетъ быть вмѣстѣ: все подкрѣпляетъ другъ друга и дѣлаетъ деревню удивительно пріятною; я испыталъ самъ сіи чувстваванія и потому говорю объ нихъ и потому особенно желаю ихъ вамъ. Засвидѣтельствуйте отъ меня мое совершенное высокопочитаніе почтеннѣйшему вашему батюшкѣ; я желаю ему отъ всей души здоровья; къ деревнѣ болѣзнь не пристала: это городской житель. Прощайте, до свиданія, помните и любите меня. Преданный вамъ совершенно А. Мерзляковъ.

Сообщ. А. Э. Вычвоевъ.

Святогорскій монастырь въ Харьковской губерніи.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXIII, стр. 375, упомянуто объ открытіи Святогорскаго монастыря, Харьковской губерніи, и о томъ, что у Строева («Списки іерарховъ и настоятелей монастырей», изд. подъ редакц. М. И. Семевскаго) въ этомъ отношеніи сдѣлана ошибка.

Такъ какъ исторія открытія Святогорской пустыни (на иждивеніе моеи тетки, Татьяны Борисовны Потемкиной) мнѣ близко извѣстна, то могу засвидѣтельствовать, что правы и «Русская Старина» и П. М. Строевъ.

Возобновленіе монастыря было рѣшено гораздо ранѣе его открытія (официальнаго).—Неофициально же оны дѣйствительно открыты еще въ 1842 году, когда братія начала сѣзжаться, строенія возводиться и проч. Официальное же открытіе послѣдовало 15-го августа 1844, при чемъ преосвященнымъ Иннокентіемъ сказана была замѣчательная проповѣдь по поводу присылки съ Афона, для новаго монастыря, иконы Божіей Матери: «Откуда намъ сіе, да придетъ Матр Божія къ намъ!»... Не знаю, помѣщено ли это слово въ новомъ изданіи сочиненій Иннокентія. Впервые оно было напечатано въ 1845 году, въ статьѣ покойнаго моего отца кн. Н. Б. Голицына: Поездка въ полуденную Россію—въ «Москвитян.» 1846 г. и «Библ. для Чтен.» 1845 г., причѣмъ описаны и всѣ подробности открытія монастыря.

4-го декабря 1878 г., сел. Вычвоево.

Сообщ. Кн. Н. Н. Голицынъ.

1. Осада Смоленска.

Ой подь сосною, подь кудрявою,
 Ой подь грушею кучерявою,
 Соловей въ саду та высвитувае,
 Парень дѣвушку та выкликывае:
 Ой пойдёмъ, дѣвка, у Смоленнѣ-городъ,
 А Смоленнѣ-городъ на высу стоить,
 На всей высости, на всей крѣпости.
 Всѣ по горахъ маки цвѣтуть,
 Ой цвѣтуть маки все червонныи,
 Ой бѣжать рѣки все медовыи,
 Ой растутъ травы все шелковыи.

— Брешеш ты, Обазинѣ-сынѣ:

А Смоленнѣ-городъ я давно знаю,
 Я въ Смоленнѣ-городѣ родилася.
 А Смоленнѣ-городъ на низу стоить,
 На всей низости, на всей крайности.
 Все по горахъ не маки цвѣтуть,
 А лежать тѣла все мертвовыи,
 А бѣжать рѣчки все крованыи,
 Ой, растутъ травы волосяныи.

[Зап. Харьв. губ. Богодух. у., сѣ. Мурафа]

2. Взятіе Хотина.

Ой пошли наши ребята
 На горушку на круту,
 И къ цареву кабаку,
 И къ Иванѣ чумаку.
 Ой Ивана, ти чумакъ,
 Отвори царской кабакъ,
 Упуцай нашихъ ребятъ.
 Ой скынемось по рублику
 Та выпьемъ мы вина,
 Мы скынемось по другому
 Та выпьемъ съ молодцемъ.
 Не успѣли вина пять,
 Стали барабаны бить,
 Они били—выбивали,
 Насъ молодець вызывали—
 Сорокъ пушекъ зарядать,
 Костыннѣ-городъ разорать.

[Зап. Екатер. губ. Алекс. уѣзда,
 хут. Алексѣевка].

3. Новороссія.

Выкочалося и ясное сонечко,
 А съподъ сонечка нашъ Бѣлой царь идетъ,
 За собою сильную вармію ведетъ.
 Идутъ, идутъ все ли та оглянутся,
 На колѣнушки все попадаютъ.
 — Государь ты нашъ родный батюшка,
 Поморилъ ты насъ смертью голодною,
 Смертью голодною, зимою холодною.
 — Обождите, право, мои дѣтушки,
 Пока дойдемъ до Новой-Россеюшки,
 Поставляю по новымъ хватурушкамъ,
 По хватурушкамъ, по новехенькимъ,
 По хозяйшкамъ молодехинькимъ.

[Зап. Екатер. губ. Алекс. уѣзда,
 хут. Алексѣевка].

Примѣчаніе. Приведенныя мною три пѣсни записаны хотя и отъ малороссовъ, но несомнѣнно великорусскаго происхожденія. Мой сборникъ—исключительно малорусскія пѣсни. Есть у меня до ста великорусскихъ бытовыхъ пѣсень, которыя мнѣ желалось бы передать П. В. Шейну, котораго и прошу отозваться—гдѣ онъ и куда къ нему доставить?

Сообщ. **Ив. Ив. Манжура.**

Адр.: Александровскъ (Екат. губ.) въ Больше-Михайловскую волость, Евгению Алексѣевичу Синегубу, для передачи **Ив. Ив. Манжура**.

Рескриптъ генералу Кавелину

4-го августа 1844 г.

Одно мѣсто въ сентябрьской книгѣ «Русской Старинѣ» (изд. 1879 г., томъ XXVI, стр. 120) привело мнѣ на память обстоятельство, которому я въ молодости моей былъ личнымъ свидѣтелемъ. Въ интереснѣхъ Запискахъ Богуславскаго (не чуждыхъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ историческихъ неточностей) приводится, на стр. 120, рескриптъ Императора Николая Павловича военному генералъ-губернатору Кавелину о смерти великой княгини Александрѣ Николаевнѣ.

Я служилъ тогда въ канцеляріи генералъ-губернатора, который удостоивалъ меня своею благосклонностію. Въ ночь на 4-е августа 1844 г. было привезено изъ Царскаго Села тѣло усопшей. Его везли въ обмкновенной четырехмѣстной каретѣ съ эскортомъ лейбъ-гусаръ. — Покойный Государь и Великіе Князья со свитою ѣхали за каретою верхомъ. Народу по улицамъ, въ смотря на ночь, было много. Какъ только тѣло поставили въ Петропавловскомъ соборѣ, гдѣ должно было совершиться на другой день погребеніе, Государь

уѣхалъ въ Елагинъ или Каменноостровскій дворецъ и оттуда прислалъ напечатанный въ «Русской Старинѣ» собственноручный рескриптъ.

Кавелинъ, который былъ большой пуристъ въ русскомъ языкѣ, затруднялся какъ его печатать, такъ какъ въ немъ заключалась грамматическая погрѣшность, очень понятная въ томъ положеніи, въ какомъ находился покойный Государь, чрезвычайно огорченный первою потерей въ своемъ семействѣ. Написано было: «возвѣстить жителей», тогда какъ надобно было поставить дательный падежъ—«жителямъ».

Кавелинъ ни за что не рѣшался поправлять царскую руку, какъ онъ выражался. Не смотря на то, что Государь былъ очень огорченъ и утомленъ, онъ поѣхалъ къ нему на островъ и возвратился оттуда съ поправленнымъ выраженіемъ—«жителямъ».

Не знаю, почему Богуславскій сохранилъ въ своихъ Запискахъ первоначальную ошибочную редакцію.

Р.

Къ матеріаламъ для біографіи М. Ю. Лермонтова.

Фридрихъ Боденштедтъ, одинъ изъ талантливейшихъ германскихъ поэтовъ, издалъ въ 1852 году, въ Берлинѣ, два томика переводовъ изъ Лермонтова (*Michael Lermontoff's poetischer Nachlass*). Переводы эти обратили на себя общее вниманіе. Для русскихъ особенно любопытнымъ оказался рядъ небольшихъ стихотвореній, совершенно до толѣ неизвѣстныхъ на русскомъ языкѣ.

Обращаясь къ Боденштедту, лично знавшему Лермонтова, я, между прочимъ, просилъ его переслать мнѣ оригиналы стихотвореній, съ коихъ были сдѣланы имъ переводы неизвѣстныхъ на русскомъ языкѣ піесокъ. Въ одномъ изъ писемъ Боденштедтъ отвѣчалъ мнѣ, что малкія піесы эти получилъ отъ близкаго пріятеля Лермонтова—Глѣбова. Съ этимъ Глѣбовымъ (впослѣдствіи секундвантомъ на злосчастной дуэли Лермонтова) поэтъ нашъ былъ въ особенно дружескихъ отношеніяхъ. Глѣбовъ, кавалергардскій офицеръ, пользовался въ свое время репутаціей храбраго, умнаго и симпатичнаго человѣка. И онъ побывалъ на Кавказѣ и даже въ плѣну у горцевъ—событіе, надѣлавшее тогда много шума. Узнать подробнѣе о немъ мнѣ до сихъ поръ не удалось. Знаю только, что онъ былъ убитъ въ дѣлѣ съ горцами, а бумаги его, вѣроятно, потеряны. Поэтому такъ прискорбно, что Боденштедтъ не снялъ съ нихъ копій, а, по минованіи надобности, возвратилъ обратно.

Предлагаемыя нынѣ стихотворенія интересны не по поэтическому своему содержанію, а по отношенію своему къ внѣшнимъ событіямъ жизни поэта и ко внутреннему состоянію души его. Я рѣшился представить ихъ публикѣ въ стихотворной формѣ, въ обратномъ переводѣ съ нѣмецкаго языка. Сдѣлать прозаическій переводъ ихъ я не при-

знаю цѣлесообразнымъ, потому что Боденштедтъ, какъ самъ пишетъ мнѣ, не переводилъ подстрочно, но заботился лишь о томъ, чтобы сохранить духъ и смыслъ Лермонтовскихъ стиховъ. Это постарался сдѣлать и я, предоставляя каждому сравнить переводы мои съ нѣмецкимъ подлинникомъ.

Заподозрѣть Боденштедта въ томъ, что онъ сочинилъ эти піесы уступая увлеченію поэта, трудно. Боденштедтъ перевелъ не только всѣ лучшія произведенія Лермонтова, но и многія изъ юношескихъ его произведеній, и всюду точно придерживался духу и содержанію. Требовать отъ переводчика поэтическихъ произведеній, передаваемыхъ въ стихотворной же формѣ, подстрочнаго перевода, конечно, невозможно. Всѣхъ произведеній, большихъ и малыхъ, Боденштедтъ перевелъ болѣе 70-ти на 600 страницахъ своего изданія. Предлагаемыя піесы занимаютъ всего 12 страницекъ (II томъ, стр. 27—32, и 272—278), при чемъ многія изъ нихъ содержатъ по четыре или шесть строчекъ. Когда ознакомишься съ добросовѣстностью нѣмецкаго перевода, то на счетъ принадлежности Лермонтову стихотвореній не остается никакого сомнѣнія. Въ трехъ томахъ переводовъ изъ Пушкина, Боденштедтъ выказываетъ то же уваженіе къ словамъ и мыслямъ поэта. Ничто не можетъ вызвать недовѣрія къ уважаемому германскому поэту. Всѣхъ піесокъ 18; я позволилъ себѣ соединить въ одно два стихотворенія, помѣщенные у Боденштедта на стр. 272 и 273 (Вы всѣ, которыхъ я, бывало...). Каждый, кто сравнитъ мой переводъ съ тѣмъ, что въ изданіи Боденштедта, согласится, вѣроятно, со мною, что раздѣлять ихъ не слѣдуетъ. Такимъ образомъ, у меня вышло не 18, а всего 17 стихотвореній.

Что стихотворенія въ свое время не стали извѣстными, объясняется частью ихъ незначительностью, частью тѣмъ, что они были направлены противъ административныхъ лицъ, на которыхъ сѣтовалъ опальный поэтъ. Къ нему относились такъ строго, что подъ знаменитою его пѣснью «Про царя Ивана Грознаго, Кирибѣевича и Калашникова» не рѣшились тотчасъ выставить имени поэта, а ценсура долго допускала къ печати лишь отрывки тѣхъ произведеній, которыя нынѣ печатаются безъ пропусковъ. Наше просвѣщенное время и понять не можетъ, что могла находить ценсура неопозволительнаго въ строкахъ «Измаиль-Бая», «Демона» и друг., и ужъ, конечно, теперь ни одинъ писатель не подвергся бы ссылкѣ за такое стихотвореніе, каково: «На смерть Пушкина», свободно печатаемое нынѣ въ любомъ сборникѣ стихотвореній.

Печатаемыя піесы давно извѣстны всей читающей русской публикѣ по нѣмецкому тексту вмѣстѣ съ полнымъ переводомъ ихъ въ прозѣ,

помѣщенному въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., томъ VII, стр. 394—402, въ приложеніи къ статьѣ М. Н. Лонгинова — о Лермонтовѣ. Прозаическій переводъ принадлежитъ Г. С. Чирикову. Ннѣ я представляю переводъ тѣхъ же стихотворныхъ отрывковъ, но въ стихахъ. При этомъ я имѣю въ виду тѣхъ изъ читателей, которые занимаются русскою литературой и интересуются личностью Лермонтова, а потому и смотрю на предлагаемыя піесы, только какъ на матеріалъ для біографіи Михаила Юрьевича.

С.-Петербургъ, 1879 года, 30-го іюля.

Павелъ А. Висноватскій.

1.

Какъ твой, и мой былъ асень взоръ,
 Къ добру душа была открыта;
 Но, какъ обваломъ съ выся горы,
 Людскою злобою разбита.
 И правды міра, можетъ быть,
 Ужъ мнѣ не суждено увидѣть:
 Я небомъ призванъ былъ любить—
 Людми наученъ ненавидѣть.

2.

За то, что думать я дерзалъ,
 За то они меня и гнали;
 Камнями въ меня бросали,
 Когда я думы открывалъ!
 Все, чѣмъ душа была полна,
 Мои имъ піесни открывали;
 Какъ отвѣчать—они не знали
 И злоба ихъ во мнѣ росла.

3.

Нѣтъ, не завидую я вамъ,
 Ни жалованнымъ вамъ крестамъ,
 Всему, что гибкостью синны
 И лестью добывали вы.
 Намъ всѣхъ влечетъ различный путь,
 Судьба намъ разное куеть:
 Кому даетъ кресты на грудь,
 А кто свой крестъ въ груди несетъ.

4.

Вы всё, которыхъ я, бывало,
 За пошлый умъ такъ презиралъ,
 Въ комъ поведеніе нахала
 Я беспощадно бичевалъ...
 Какъ выразить во мнѣ почтенье
 Любой изъ васъ тогда слѣшилъ,
 Чтобъ я улыбкой одобренья
 Его случайно подарилъ.

Переѣхались вы съ годами:
Идете съ гордымъ вы челою,
Въ чинахъ, покрыты орденами...
Я сталъ вамъ чуждъ и незнакомъ.
Ступайте мимо—не входите
Въ мой домъ, не шлите мнѣ покловъ,—
Вы тѣмъ меня не оскорбите,
Но отъ нужды освободите:
Столкнувшись съ вами—гнать васъ вонъ.

5.

Пускай они меня ругаютъ,
Пускай клеветуютъ и бранятъ,
Судомъ и пыткой угрожаютъ,
Они мой духъ не побѣдятъ.
Однимъ путемъ не шелъ я съ ними,
И пошлости я не терпѣлъ;
Съ низкопоклонными и злыми
Дѣлать я время не хотѣлъ.

6.

За то, что родину по своему люблю я,
Не какъ они, своимъ умомъ живу я,
Они меня измѣнникомъ клеймятъ
И ненавидятъ и бранятъ.

7.

За то, что мнѣ не милъ смыслъ ихъ рѣчей,
И не ласкаетъ слухъ мнѣ звонъ цѣпей,
И не въ штыхахъ зрю вольности оплотъ,
Твердятъ они, что я не патриотъ.

8.

Богъ далъ мнѣ ноги, очи далъ,
Но я не встать возмечталъ:
Стоять на собственныхъ ногахъ,
Глядѣть съ открытыми глазами,—
За то я провожу годами
Жизнь или въ осмыѣ, или въ цѣнахъ.

9.

За то, что я не ихъ закала,
И шагъ за шагомъ не иду назадъ:
Что я не патриотъ,—они твердятъ,—
Что родина мнѣ ненавистной стала.

10.

Вы меня жестоко гнали,
И постигнуть не желали,
Въ чемъ души моей полетъ.
Испыталъ я заточенье,

И насиліе и гнѣтъ;
 Но я гордо носю гоненье—
 Молодое поколѣнье,
 Слава Господу! растеть.

Вамъ на смѣну выступаетъ,
 Кровь дурную обновляетъ,
 Мысли новыя несетъ;
 Проясняется затмѣнье,
 Выступаетъ новый родъ—
 Мои думы и стремленья
 Молодое поколѣнье,
 Слава Господу! пойметъ.

11.

Я полонъ былъ огня и силы,
 И гѣсая свѣтлая лилась,
 Ото всего, что мракъ могилы
 Напоминало,—сторонясь.

И я боролся бодро, смѣло
 Стоялъ за правду, за добро—
 И гѣсія далеко звенѣла,
 И не понравилось вамъ то.

И лиру вы мою разбили,
 Все ненавиза, что свѣтло;
 Въ темницѣ раннею покрыли
 Вы сѣдиной мое чело.

Во дни гоненья, заточенья,
 Я много мыслей перебралъ,
 И чувство злобы и презрѣнья,
 Читая къ вамъ съ ненавизью сталъ.
 Да, вы во всѣхъ чинахъ явили
 Достойный полицейскій пылъ:
 Все, что свободно, вы губили,—
 Но я главы не преклонялъ.

12.

Одно раскаянія слово
 Зовутъ меня произнести—
 И предо мною открыты снова
 Къ почету, къ милости пути.
 О, вѣтъ! тюремное томленье
 И цѣни легче мнѣ влѣчать,
 Чѣмъ вымогать себѣ прощенье,
 Иль дождю милость искупить.

13.

Несу безвинно я гоненья—
 Какъ бы хотѣлъ я отдохнуть!
 Въ кругу родномъ свои мученья
 Забыть бы и вольнѣй вдохнуть!...

Но лучше мнѣ въ тюрьмѣ томиться,
Чѣмъ съ ложью вашей породниться.

14.

Чортъ побери! у насъ ужъ такъ:
Всѣ тѣ, что пьются какъ ракъ,
Скорѣ дѣли достигаютъ;
Ихъ милость и успѣхъ ласкаютъ;
А кто, какъ я, идетъ впередъ—
Ни до чего тотъ не дойдетъ.

15.

Когда уста я открывалъ,
Законъ мнѣ петлей угрожалъ...
У насъ ужъ такъ,
Умъ есть?—дуракъ,
Такъ ты его и береги!—
И дѣлать глупости могъ.
А есть язьмъ?
Такъ надо знать
Его на привязи держать.

16.

Не плачьте надъ моею судьбою,
Надъ одиночествомъ моимъ,
Что ненавиждитъ и гонимъ.
Межъ вами разница и мною:
Что въ тѣсной я тюрьмѣ томимъ,
Томимы вы тюрьмой большою.

17.

Да, я въ темницѣ, въ заточеньи...
Не соблазните, прошу!—
Дарю вамъ ваше сожалѣнье,
Чѣмъ вы счастливы—не яшу.

(1837—1841 гг.)

Перевелъ и сообщилъ
Пав. Александр. Висноватскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НАРОДНАЯ ШКОЛА“ (годъ X).

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Учебнымъ Комитетомъ при св. Синодѣ и удостоенъ золотой медалю отъ Комитета Грамотности, состоящаго при Императорскомъ Вольно-экономическомъ обществѣ.

Въ вышедшихъ книжкахъ за 1879 г. помѣщены между многими другими статьи: «О Спенсерѣ», Калтерева; «Объ объяснительномъ чтеніи», Зимницкаго; «Общество народнаго образованія въ Германіи», «Очеркъ народнаго просвѣщенія въ Сѣверной Америкѣ», Вс. Миропольскаго; «Народное образованіе въ Финляндіи», Асонова; «Народныя училища въ Московскомъ уѣздѣ», А. К.; «Педагогическая хроника», Пятковскаго; «Разсказы изъ русской исторіи», Карновича; «Процессъ Матильды Жюжанъ, какъ предметъ педагогическихъ размышленій», К. Л.; «Наканунъ реформы», В. Ф—го; «Съездъ народныхъ учителей Слб. губерніи»; «Пятилѣтіе Курской учительской школы»; «Воскресная школа при Порѣцкой учительской семинаріи»; «Разныя извѣстія» (статьи о чумной эпидеміи, о покушеніи на жизнь Государа Императора и др. событіяхъ внутренней жизни); критическіе разборы гг. Гербача, Я. Михайловскаго, Фесенки и др.

«Разсказы изъ русской исторіи», Е. П. Карновича, состоятъ изъ слѣдующихъ главъ: I. Великая княгиня Ольга. II. Русскія лѣтописи. III. Извѣстія русскихъ лѣтописей о чрезвычайныхъ явленіяхъ природы. IV. Печенѣги, торки, половцы, беренды и черные клобуки. Въ №№ 6—7 «Народной Школы» помѣщена V глава: «Войны русскихъ съ меченосцами». Въ «Педагогической хроникѣ» разсматривались всѣ выдающіяся явленія въ дѣлѣ нашего народнаго образованія, какъ, на примѣръ: «Участіе земствъ въ развитіи народнаго образованія. Неопредѣленность этой роли и отсутствіе солидарности въ земскихъ распоряженіяхъ. Состояніе народнаго образованія въ разныхъ губерніяхъ. Потребность въ народныхъ чтеніяхъ. Удовлетвореніе этой потребности въ различныхъ мѣстностяхъ. Дѣятельность комисіи по устройству народныхъ чтеній при Слб. градоначальникѣ. Состояніе сельско-хозяйственнаго и ремесленнаго образованія въ Россіи и проекты объ устройствѣ профессиональныхъ школъ» и пр., и пр.

Подписка принимается: С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 6 линія, № 25. Годовая цѣна журнала (12 кн.), со всѣми приложеніями, ЧЕТЫРЕ руб. ПЯТЬ ДЕСЯТЪ коп. съ пересылкою и доставкою.

По той же цѣнѣ можно выписывать полные экземпляры журнала за 1878 г. (новой редакціи). Въ прошломъ году, въ «Народной Школѣ» принимали участіе: гг. Весинъ, Водозовъ, Гуревичъ, Иверсенъ, баронъ Корфъ, Павловичъ, Рейдботъ, Д. Семеновъ, Ае. Соколовъ, Тихомировъ, Фармаковскій и др.

Редакторы-издатели: В. Егущевскій. А. П. Пятковскій.

РОССІЙСКАЯ БИБЛЮГРАФІЯ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

ВѢСТНИКЪ РУССКОЙ ПЕЧАТИ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ НОВЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ, УЧЕНЫХЪ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ:

I. Всѣ русскія и польскія изданія.—Важнѣйшія изданія на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Географическія карты, эстампы, музыкальныя сочиненія, учебныя пособия, образовательныя игры, періодическія изданія и т. п.

II. Хроника печати: Правительственныя распоряженія и сообщенія по дѣламъ печати.—Литературное обозрѣніе.—Отзывы о новыхъ книгахъ.—Книжное дѣло въ Россіи.—Книжное дѣло за границею.—Графическія искусства.—Біографія и некрологи.—Объявленія и отчеты о конкурсахъ на ученныя и художественныя произведенія.—Отзывы Императорской Академіи Наукъ или ученыхъ обществъ о нѣкоторыхъ произведеніяхъ печати.—Разныя извѣстія.—Книжная статистика и т. п. III. Объявленія о новыхъ изданіяхъ. Объявленія гг. авторовъ, издателей, типографовъ и т. п. Систематическіе каталоги.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою. Съ пересылкою.

На 1 годъ. . .	6 р.	7 р.	8 р.
На 6 мѣсяцевъ	3 »	3 » 50 к.	4 »
На 3 »	1 » 50 к.	1 » 75 »	2 »

Отдѣльные №№ по 20 к.; съ ежемѣсячными приложеніями 30 к.

Адресоваться въ книжный складъ «Россійской Библіографіи» (Э. Гартъ), Большая Конюшенная, № 6, въ С.-Пб.

рашение было отменено (т. XIII, 199—201). Отзывы о Мордвиновѣ и его дѣятельности по черноморскому флоту отличаются весьма рѣзкими тономъ.

Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Т. П. Рига. 1879 г. 592. Ц. 3 р.

Если бы наши статистическіе комитеты давно предприняли изданіе сборниковъ, въ которыхъ помѣщались бы мѣстные матеріалы (изъ родъ того, какъ это дѣлалъ владимір. статистич. комит. при покойномъ секретарѣ его К. Н. Тихомировѣ, и нѣк. др. комитеты), то литература отечественной исторіи давно обогатилась бы прекраснымъ собраніемъ мѣстныхъ матеріаловъ. Тамъ болѣе пріятно встрѣчать подобное предпріятіе со стороны частныхъ лицъ, не всегда располагающихъ всеми необходимыми средствами. Къ числу такихъ литературныхъ явленій слѣдуетъ, конечно, отнести настоящій сборникъ, начало котораго было положено въ 1877 году мѣстными русскими дѣятелями. Подобно принятому порядку въ I-мъ томѣ, и II-й томъ сборника распадается на два отдѣленія: въ первомъ изъ нихъ помѣщены статьи и матеріалы по древней исторіи Прибалтійскаго края; во второмъ матеріалы и статьи по исторіи края въ XVIII и XIX вв. Въ первый отдѣлъ вошли ливонская лѣтопись Германа Вартберга (XIV в.) и ливонская лѣтопись Балтазара Руссова (XVI в.), весьма важныя для исторіи Ливоніи, и, кромѣ того, три статьи, посвященныя разнымъ вопросамъ ея исторіи (очеркъ древняго гита семигаловъ, пастора Вилленштейна; о древн. мечевосцевъ, Бунге, и нѣмецкая исторія въ Полоцкѣ, статья Гильдебранда). Прочемъ, обѣ лѣтописи переведены не съ мининиковъ, а съ нѣмецкихъ переводовъ первая писана на латин. яз., вторая на немецко-нѣмец. нарѣчій). Прочія статьи принадлежатъ перу хорошо извѣстныхъ мѣстныхъ изслѣдователей. Во второмъ отдѣлѣ сборника находимъ дневникъ Гельмса о осадахъ Риги въ 1709 и 1710 гг.; статью Ресенгагена: осада и сдача Ревеля въ 1710 г.; статью: Выселеніе жителей Дерпта въ 1708 г., составленную по запискамъ пастора Гротіана; отзывъ рижскаго коменданта въ рижскій магистратъ въ 1710 г.; выселенія рижскихъ депутатовъ по случаю

пнштадтскаго мира; рескрипты и указы импер. Петра I къ ливонск. генер.-губернаторамъ за 1715 и 1716 гг.; указы объ арестахъ, состоявшіеся въ царств. Анны Ивановны и относящіеся къ исторіи крестьянскаго сословія въ Прибалтійскомъ край; о русскихъ бѣглыхъ людяхъ въ Курляндіи въ 1783 г.; статью о путешествіи импер. Екатерины II. Последняя также отчасти касается положенія крестьянъ въ Прибалтійскомъ край и отчасти мѣстныхъ его привилегій; но она написана главнымъ образомъ на основаніи матеріаловъ, изданныхъ въ Сборникѣ Рус. Историч. общества. Кромѣ того, настоящій сборникъ снабженъ вступительною статьею издателя, въ которой разсматривается политическое устройство древней Ливоніи.

Замѣчательно однако, что это изданіе, дѣлкомъ посвященное мѣстной исторіи и наполненное изслѣдованіями мѣстныхъ писателей, вовсе не обратило на себя вниманія тамошней печати; но «Русская Старина» должна пожелать ему полного и вполне имъ заслуженнаго успѣха.

Новгородскія лѣтописи. Изд. археографической комиссіи. С.-Пб. 1879 г. XXIV+488+113 (указатели). Ц. 3 р.

Это новое изданіе собранія русскихъ лѣтописей. Въ составъ настоящаго тома вошли изъ III-го тома прежняго изданія—новгородская вторая лѣтопись, съ прибавленіями къ ней, и новгородская третья лѣтопись, съ прибавленіемъ, помѣщеннымъ въ концѣ ея. Кромѣ того, къ нимъ присоединены два отрывка, извлеченные изъ лѣтописнаго сборника, принадлежащаго новгородскому Николаевскому Дворщенскому собору, въѣздіе, главнымъ образомъ, отношеніе къ исторіи Новгорода (1583—1824 гг.).

Основные списки въ новомъ изданіи, согласно съ принятыми археографическою комиссіею правилами, воспроизведены буквально; сдѣланы нѣкоторыя исправленія въ чтеніи текста и хронологическихъ данныхъ; наконецъ, присоединены обстоятельные указатели: именъ, географическихъ названій, предметовъ, святыхъ, праздниковъ и постовъ по алфавиту и по порядку дней. Редакція настоящаго тома принадлежитъ академику А. О. Бычкову.

В. И.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
1880 г.

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, также со снимками **ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины“, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, при книжномъ магазинѣ Николая Ив. Мамонтова, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и Ник. Ив. Мамонтова, на Бузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подольскую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—IV. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—V. Библиографическія замѣтки о рус.-исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы, преданія и анекдоты.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовья и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовныя и сектанскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ и повѣрьяхъ русскаго народа.—VIII. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣд. изданія журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.

Издат.-редакторъ **М. И. Семовскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ десятый.

НОЯБРЬ.

1879 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Русский дворъ въ 1725—1744 гг. Загѣчаніи гр. Петра Ивановича Панина на Записки Мааштейна о Россіи. Ст.	359	Черномъ морѣ.—Гарибальди.—
Программа польской смуты —
Военные расходы жонда	481
II. Волненія крестьянъ въ Зауральской части Пермскаго края въ 1842—1843 гг. Записки очевидца. Сообщ. М. С. Валевскій: Глава I.	411	VI. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, 1797—1837 гг. Гл. IV: Пробываніе въ сельцѣ Михайловскомъ.—Переписка съ Анною Петровною Кернъ.—П. А. Осипова, 1825—1826 гг.	505
III. Записки сельскаго священника: Въ духовномъ училищѣ.—Въ хорѣ архіерейскихъ пѣвчихъ.—Обѣздъ епархіи.—Молокане.—Въ монастырѣ.—Преосвященный Іаковъ.—Въ семинаріи	433	VII. Историческіе матеріалы и разсказы: 1. Слово Андрея Денисова надъ гробомъ кн. Мышкетскаго—поборника раскола. Сообщ. въ 1870 г. Профес. И. Д. Бѣляевъ (523). 2. Могила историка Татищева. Сообщ. С. И. Романовъ (540). 3. Архіепископъ Иринея Нестеровичъ (565). 4. Первая холера въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Смоленской губ. Сообщ. Ст. Кулеша (538). 5. А. С. Хомяковъ и гр. А. А. Закревскій. Сообщ. Ст. Кулеша (537). 6. Разсказы и анекдоты изъ Записокъ Богуславскаго (545). 7. Исчезновеніе Историческаго Музея въ Новгородѣ. Сообщ. А. А. Васильчиковъ (566).	
IV. Осипъ Максимовичъ Бодисскій въ 1835—1850 гг.—У славянъ на Западѣ.—Ученыя занятія.—Собраніе библиотеки.—Возвратъ въ Москву.—Назначеніе профессора.—Флетчера.—Отказъ ѣхать въ Казань.—Возвращеніе на кафедру въ Москву.—Сообщ. Н. А. Поповъ	461	VIII. Неурологъ: С. М. Соловьевъ, † 4-го октября 1879 г.	543
V. Польское возстаніе въ 1863 г. Записки Н. В. Берга. Глава IX (продолженіе): Трауггутъ и новый жондъ.—Рѣчь Трауггута.—Пожаръ Ратуши.—Покушеніе противъ ген. Трепова.—Вѣгство высшихъ чиновъ народной организаціи.—Странствія экспедитуры.—Учрежденіе повстанскихъ корпусовъ.—Поляки на		IX. Библиографическій источникъ. Состав. профес. В. С. Пшонниковъ (на оберткѣ).	

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ архіепископа Иркутскаго Иринея Нестеровича,—умеръ въ 1864 г. Рисоваль на деревѣ К. О. Врожъ; гравироваль въ Ниццѣ Академикъ Л. А. Сѣряковъ.—II. Снимокъ съ подлиннаго письма Александра Сергѣевича Пушкина къ Аннѣ Петровнѣ Кернъ, 1825-го года.

Можно получить «Русскую Старину» 1870 г., 1876 г., 1877 г., 1878 г. и 1879 г., цѣна по **восемни** руб. съ пересылкою.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскихъ и Маріинскихъ мостами, № 90—1.

1879.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября.

Сочинения Николая Ивановича Павлицева. Спб. 1878 г. Три тома въ 8 д. л. Часть первая: VIII + 9 + 262 (карта, три портрета). Часть вторая: VIII + 405 (два портрета). Часть третья: VIII + 243 стр. (три портрета). Цѣна 6 руб. сер.

Подъ этимъ нѣсколько громкимъ заглавiемъ изданы монографiи исторiи Царства Польскаго, съ 1592 по 1699 годъ, раздѣленныя на 55 главъ съ «прологомъ», «эпilogомъ» и многими приложениями. Авторъ, въ теченiе полуцѣлковой своей дѣятельности, «не оставившiй и понимѣя продолжавшiй государственную службу», не особенно былъ замѣтенъ въ нашей исторической литературѣ; не на столько, по крайней мѣрѣ, чтобы имя его возбуждало вниманiе въ массѣ читающей публики. Сознывая это, издатель предпослалъ «легкiй набросокъ» о трудахъ автора на поприщахъ литературномъ и служебномъ. На сколько послѣднее, какъ видно изъ наброска, было успѣшно, на столько первое не особенно блестяще, хотя съ 1838 года г. Павлицевъ «выступилъ на сцену во всеоружii польской исторiи», какъ сказано въ предисловiи. Дѣятельность Н. И. Павлицева по учебной и административной частямъ Привислянскаго края по достоинству оцѣнена правительствомъ; учебники русской исторiи, написанные имъ для польскаго юношества, заслужили, въ свое время, одобренiе властей; «ормулярный списокъ автора и его чинъ свидѣтельствуютъ о вниманiи къ его трудамъ высшаго правительства. Но заслуги на служебномъ поприщѣ не обезпечиваютъ извѣстности литературной. — «Появленiе сочиненiй г. Павлицева встрѣчали самыми законическими похвалами въ «Библиотекѣ для Чтенiя» и «Сѣверной Пчелѣ», — говоритъ его издатель, и причину этого равнодушiя объясняетъ «отчужденностью Польши отъ Россiи во времена Паскевича». Пусть будетъ такъ! Но почему же сочиненiя Ю. Ф. Саварина о Прибалтiйскомъ крайѣ, и сочиненiя Н. И. Костомарова объ Украинѣ возбуждали такой живой интересъ въ нашей публикѣ? Прибалтiйскiй край будетъ, пожалуй, изолированнѣе Привислян-

скаго; вѣсты и латыши, во все время, не привлекали на себя такого вниманiя, какъ литвины и поляки... Делевель и вся дружина польскихъ политическихъ писателей были противниками посылкѣ какого-нибудь Ширрена; помемическая борьба съ ними на историко-литературной почвѣ могла бы прославить русскаго бойца-защитника нашихъ интересовъ, а г. Павлицевъ былъ этимъ бойцомъ даже «во всеоружii польской исторiи», какъ говорить его издатель. Побѣда надъ подобными противниками могла прославить побѣдителя, тогда и газетные отзывы не были бы законичны и громкое одобренiе русскихъ читателей привѣтствовало бы его славою покрытое «оружiе». Ничѣмъ арсеналъ этого оружiя изданъ и что можетъ о немъ сказать добросовѣстный рецензентъ? Материалы собраны, но сухость изложенiя и тяжеловѣтность слога могутъ на первыхъ же страницахъ остудить пылъ самаго ретиваго чтеца. Потомъ: зачѣмъ въ историческомъ трудѣ, претендующемъ на серьезность, эти «прологи», «эпilogи», «седмицы» (точно седмицы пророка Давида)? Сочиненiе историческое не бенефисная, театральная афишка; музею исторiи, старушку Кляю, не годится рядить въ пестрое платье. Какъ образецъ слога приводимъ на выдержку слѣдующiй периодъ изъ первой части (стр. 49): «Сначала главную силу составляло посполитое рущенье шляхты — все конное; пѣхота же занималась преимущественно изъ венгровъ, въ числѣ не болѣе 15-ти тысячъ; но Сигизмундъ Августъ, на петриовскомъ сеймѣ (1563), положилъ начало постоянному войску, назначивъ на содержанiе его четвертую часть доходовъ (кварту) съ королевскихъ имѣнiй, отчего оно и получило названiе «квартанаго»; а Баторiй, въ виду неблагонадежности наемниковъ, завелъ сперва «выбранецкую пѣхоту» изъ рекрутъ, набравшихся тоже въ королевскихъ имѣнiяхъ; потомъ изъ тѣхъ рекрутъ и завербованныхъ охотниковъ образовались драгуны и рейтары, составлявшiе, вмѣстѣ съ пѣхотой, такъ названное «иностранное» войско, какъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫИ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ
ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ИЗД. 1880 Г.

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

«Русская Старина» будетъ выходить въ 1880 году въ томъ же объемѣ, по той же программѣ, въ тѣ же сроки (1-го числа 'каждаго мѣсяца) и съ портретами, столь же художественно выполненными Академикомъ Л. А. Сѣряковичъ, — какъ выходила въ теченіе перваго десятилѣтія 1870—1879 гг.

Между нѣкоторыми другими историческими изслѣдованіями, очерками и статьями — какъ изъ отечественной исторіи, такъ и изъ исторіи литературы, искусствъ и художествъ въ Россіи, — въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ», въ 1880-мъ году, будутъ помѣщены: обширныя Записки бывшаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи Дм. Ив. Ростиславова (составителя весьма замѣчательныхъ трудовъ «Бѣлое духовенство и монашество», «Епископы и пресвитеры», «Епархіальныя власти и бѣлое духовенство». «Опытъ изслѣдованія о богатствѣ монастырей въ Россіи» и проч. и пр. умеръ въ 1877 г.); — Записки А. И. Бѣляева (одного изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ декабристовъ); — Петербургское общество въ 1826-мъ году, по донесеніямъ фонъ-Фока; — Записки бывшаго жандармскаго штабъ-офицера С. Р. Барановича; — Записки князя Яшвиля; — Письма севастопольца А. П. Хрущева; — Записки (въ письмахъ) одной изъ сестеръ милосердія; — Записки сельскаго священника; — Записки П. А.

Каратыгина.—Записки московскаго митрополита Филарета по нѣкоторымъ церковнымъ вопросамъ;—Биографія, по неизданнымъ матеріаламъ, протоіерея Герасима Петровича Павскаго;—Духовные подвиги и всѣ случаи жизни священника Феодосія Левицкаго — имъ самимъ описанные;—Записки В. А. Золотова (педагога);—Князь Суворовъ и гр. Ростопчинъ;—Гр. Дибичъ въ 1828—1829 г.;—Кн. Паскевичъ и кн. Горчаковъ въ Царствѣ Польскомъ въ 1833—1853 гг.;—Кн. И. Ф. Паскевичъ въ Венгріи, въ 1849 году.

Разказы изъ исторіи Тайной канцеляріи;—Пугачевцы—разказы изъ розыскенныхъ дѣлъ;—Расколъ и раскольники;—Русскіе писатели и артисты въ неизданныхъ письмахъ и матеріалахъ для ихъ биографій: Асенкова, —Г. С. Батенковъ, —Батюшковъ, —Вестужевы, —Грибоѣдовъ, —Даль, —А. М. Колосова и Катенинъ, —Кюхельбекеръ, —И. А. Каратыгинъ, —Ленскій, —Озеровъ (авторъ трагедій), —кн. Одоевскій, —А. С. Пушкинъ, —Сосницкій, —А. С. и Дм. Ив. Жустовы, —Шевыревъ, —М. С. Щепкинъ, и друг.

Цѣна «РУССКОЙ СТАРИНЫ» въ 1880-мъ году остается прежняя, а именно: за двѣнадцать книгъ, составляющихъ три тома, при чемъ каждый томъ не менѣе сорока печатныхъ листовъ, всего же въ годъ—болѣе 2,000 страницъ, съ гравированными, непременно при каждой книгѣ, портретами .

цѣна ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ съ пересылкою.

Городскіе подписчики обращаются въ конторы редакціи: въ С.-Петербургѣ: въмагазинъ Мамонтова (Невскій проспектъ, д. №46); въ Москвѣ—въ книжныя магазины Соловьева и Мамонтова.

Иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, д. № 7.

Изд.-ред. М. И. Семеvскій.

ИРИНЕЙ НЕСТЕРОВИЧЪ,

АРХІЕПИСКОПЪ ИРКУТСКІЙ ВЪ 1830—1831 ГГ.

† 18-го мая 1864 г.

РУССКІЙ ДВОРЪ ВЪ 1725—1744 ГОДАХЪ.

ЗАМѢЧАНІЯ ГРАФА ПЕТРА ИВАНОВИЧА ПАНИНА

ВА

ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛА МАНШТЕЙНА О РОССИИ.

Въ 1875-мъ году при «Русской Старинѣ», въ приложеніи, напечатаны нами «Записки генерала Манштейна о Россіи, 1727—1744 гг.»—въ переводѣ съ французскаго подлинника, автографа, принадлежащаго Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Константину Николаевичу.

Переводъ и изданіе этихъ драгоцѣнныхъ по интересу и значенію Записокъ были исполнены съ благосклоннаго разрѣшенія Августѣйшаго Владѣтеля города Павловска, въ дворцовой библіотекѣ котораго хранится помянутая рукопись.

Въ объясненіяхъ, примѣчаніяхъ и среди разныхъ документовъ, сопровождающихъ это изданіе—нами, между прочимъ, сказано:

«Независимо отъ помѣщенныхъ приложеній, мы предполагали дополнить настоящее изданіе «Записокъ Манштейна» замѣчательными примѣчаніями графа Юанна Эрнеста Миниха (род. 1707, † 1788, сынъ фельдмаршала), оберъ-гофмейстера двора правительницы Анны Леопольдовны, сосланнаго, по вошествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, въ Вологду, возвращеннаго оттуда въ 1762 г. и скончавшагося на службѣ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и андреевскаго кавалера. Примѣчанія эти помѣщены въ «Отечественныхъ Запискахъ» изданія 1825—1828 годовъ, П. И. Свинина, части XXI—XXV, XXV—XXXIX. Дополняя, исправляя и оспаривая нѣкоторыя извѣстія Манштейна, даже сами по себѣ, безъ отношенія къ его труду—Замѣчанія Миниха-сына принадлежать къ числу любопытныхъ историческихъ матеріаловъ для эпохи Анны Иоанновны, правленій Бирона и принцессы Анны Леопольдовны.

«Но перепечатывать историческій памятникъ изъ изданія Свиньина, притомъ напечатанный имъ не вполне, мы не признали удобнымъ потому, что въ эпоху издательской дѣятельности этого писателя не считалось предосудительнымъ (по крайней мѣрѣ со стороны Свиньина), и исправлять и подновлять слогъ памятника и дѣлать въ немъ сокращенія и пропуски; въ последнемъ отношеніи весьма усердно помогала издателямъ цензура. Всѣ же старанія наши отыскать подлинную рукопись этихъ Замѣчаній или возможно полный и исправный списокъ — до сихъ поръ оказались тщетными».

Вслѣдъ за выходомъ нашего изданія «Записокъ Манштейна» — К. А. Висковатовъ нашелъ въ бумагахъ своего покойнаго отца Александра Васильевича Висковатова, известнаго въ свое время любителя отечественной исторіи и военнаго писателя, ту самую рукопись, которую мы тщетно искали, и передалъ ее въ распоряженіе ред. «Русской Старины».

Рукопись «Замѣчаній» переписана новымъ почеркомъ настоящаго вѣка, на 100 полулистахъ, и такъ какъ подстрочныя примѣчанія въ ней тѣ же самыя, какія находятся въ «Отечественныхъ Запискахъ» П. И. Свиньина, то несомнѣнно, что эта именно рукопись служила для напечатанія помннутыхъ «Замѣчаній на Записки Манштейна».

Случая, однако, рукопись съ печатнымъ текстомъ «Отечественныхъ Записокъ», мы, какъ и предугадывали, нашли весьма существенныя различія — пропуски, сокращенія и измѣненія рукописнаго текста въ печати. Для образца приводимъ на выдержку слѣдующую страницу:

По тексту «Отеч. Зап.»

(стр. 224—226 XXI ч. «Отеч. Зап.»).

«Впрочемъ, оставляемъ на судъ безпристрастнаго читателя рѣшить: можно ли было въ семь случаевъ обвинять графа Остермана въ оскорбленіи величества и объявить, что онъ утаилъ завыщательную грамоту Екатерины I, обнародованную во всѣхъ публичныхъ вѣдомостяхъ тогдашняго времени? Хотя Остерманъ, съ другими, сосланъ былъ въ заточеніе, но замѣтить надлежитъ, что та же самая государыня, которая по тогдашнимъ обстоятельствамъ поступила такъ противу него и другихъ, съ ними сосланныхъ, оказала милость и снисхожденіе Долгоруковымъ, возвративъ ихъ изъ заточенія и возведя въ прежнее достоинство. Милосердіе императрицы Елисаветы Петровны

По рукописи.

«Впрочемъ, оставляемъ на судъ безпристрастнаго читателя рѣшить: можно ли было въ семь случаевъ обвинять графа Остермана въ оскорбленіи величества и объявить, что онъ утаилъ завыщательную грамоту Екатерины I, обнародованную во всей Россіи и напечатанную во всѣхъ публичныхъ вѣдомостяхъ того времени?

«Однако, Елисавета, по востшествіи своемъ на престолъ, не только обвинила графа Остермана, министра рѣдкихъ достоинствъ, оказавшаго Россіи важныя заслуги, но едва уже на самомъ лобномъ мѣстѣ остановила занесенную надъ главою его руку палача. Остерманъ, съ другими первѣйшими государственными мужами сосланъ былъ въ

протерлось и на бывшего герцога курляндскаго Бирона: возвративъ его изъ Сибири, государыня сіа пожаловала ему на содержаніе по шести тысячъ рублей ежегодно, и опредѣлила для жительства его домъ въ Ярославлѣ. Кажется, Елисавета думала, будто Биронъ, поссорясь во время регентства съ принцемъ Брауншвейгскимъ, помышлялъ о возведеніи ея на престолъ».

заточеніе. Все преступленіе ихъ состояло въ томъ, что, сохраняя вѣрность присягѣ, учиненной императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, признали они, согласно съ волею и опредѣленіемъ ея, наследникомъ всероссійскаго престола Іоанна Антоновича, коего, по силѣ узаконенія Петра Великаго, Анна Іоанновна имѣла полную свободу, право и власть назначить. Замѣтить надлежитъ, что та же самая государыня, которая съ толикою строгостію и неправосудіемъ поступила противу Остермана и другихъ съ нимъ сосланныхъ, оказала жалость и снисхожденіе Долгоруковымъ, возвративъ ихъ изъ заточенія и возведя въ прежнее достоинство, хотя именно Долгоруковы въ 1730 году исключили ее отъ права наследія.

«Благоволеніе ея протерлось и на бывшего герцога курляндскаго, Бирона: возвративъ его изъ Сибири, императрица пожаловала ему на содержаніе по шести тысячъ рублей, ежегодно, и опредѣлила для жительства его домъ въ Ярославлѣ. Кажется, Елисавета думала, будто бы Биронъ, поссорясь во время регентства съ принцемъ Брауншвейгскимъ, помышлялъ о возведеніи ея на престолъ; почему и оказала ему такое благоудѣаніе».

Довольно этого обращенія, чтобы понять, что новое изданіе «Замѣчаній» — на напечатанныя нами Записки Манштейна положительно необходимо.

Для нѣкотораго удобства и въ виду того, что «Замѣчанія» главнымъ образомъ касаются лицъ и событій, имѣющихъ отношеніе къ русскому двору второй четверти прошлаго вѣка, либо къ лицамъ, его составлявшимъ и къ нему приближеннымъ, мы дали заглавіе издаваемой рукописи:

«Русскій Дворъ въ 1725—1744 гг.».

Кто авторъ «Замѣчаній» и когда они писаны?

На этотъ вопросъ весьма положительный и, кажется, отнынѣ совершенно безспорный отвѣтъ находится въ особомъ изслѣдованіи П. Н. Петрова, которое мы помещаемъ въ настоящемъ же, XXVI-мъ, томѣ «Русской Старины» изд. 1879 г., послѣ текста «Замѣчаній». Здѣсь же скажемъ, что «Замѣчанія» писаны во второй половинѣ прошлаго вѣка, не позже 1770-хъ годовъ, и пи-

саны не Федоромъ Андреевичемъ Остерманомъ, не гр. Иваномъ Андреевичемъ Остерманомъ, какъ то думали прежде, и не Минихомъ, сыномъ фельд-маршала, какъ то думали мы—вслѣдъ за П. К. Щербальскимъ, напечатавшимъ по сему вопросу особую статью: «Кто написалъ «Замѣчанія на Записки Манштейна» («Чтенія въ Москов. обществѣ исторіи и древностей» 1859, книга III)—но написалъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ. Доказательства справедливости этого предположенія до того убѣдительно, что мы не обинуясь приписали «Замѣчанія» и въ заглавіи ихъ этому знаменитому военному вождю и достопамятному государственному дѣятелю царствованія императрицы Екатерины II.

Ред.

С. Меррекуль, 1879 г.

О происхожденіи Екатерины Алексѣевны I.

[Зап. Маншт., изд. 1875 г., стр. 1].

Г. Манштейнъ, начиная Записки свои повѣствованіемъ происшествій, воспослѣдовавшихъ въ Россіи по кончинѣ императрицы Екатерины I, ничего не упоминаетъ о происхожденіи этой необыкновенной жены, почему почитаю достойнымъ любопытства читателя сообщить слѣдующее о семъ извѣстіе, какъ самое достовѣрное.

Кажется, что желавшіе прикрыть низость породы Екатерины I, производя оную отъ лифляндскаго или польскаго дворянства, не размыслили достаточно о томъ, что таковымъ вымышленнымъ происхожденіемъ ни мало не усугубляется слава чрезвычайнаго возвышенія ея, ибо онимъ обязана она единственно прелестямъ красоты и ума своего.

Екатерина родилась въ Явобшадтѣ, небольшомъ городѣ въ Курляндіи ¹⁾, принадлежавшемъ въ прежнія времена одному командору Тевтоническаго ордена. Отецъ ея, бывший учителемъ при школѣ въ Явобшадтѣ, имѣя многочисленное семейство, нуждался въ содержаніи его. Глюкъ, лютеранскій пасторъ въ Маріенбургѣ ²⁾, съ которымъ отецъ Екатерины находился въ дружескихъ связяхъ, изъявилъ желаніе взять въ себѣ одну изъ дочерей послѣдняго и пристроить ее; жребій палъ на Екатерину. Пасторъ принялъ дѣвицу сію въ домъ свой, имѣлъ попеченіе о

¹⁾ Зельбургскаго уѣзда.

²⁾ Лифляндской губерніи.

воспитаніи ея, и въ 1702 году помолвилъ ее за одного шведскаго унтеръ-офицера, служившаго въ квартировавшемъ въ Мариенбургѣ полку.

Черезъ нѣсколько дней по сговорѣ Екатерины, россияне приблизились къ Мариенбургу, осадили, покорили оной приступомъ и всѣхъ жителей плѣнили ¹⁾. По существовавшему тогда обычаю, таковыя плѣнные отсылались внутрь Россіи, какъ для умноженія народонаселенія, такъ и для распространенія ремеслъ и художествъ.

Русскіе вельможи, возмѣвъ отличное мнѣніе о дарованіяхъ лифляндцевъ и шведовъ, старались помѣщать ихъ въ домоводки и наставницы въ дѣтямъ своимъ. По повореніи Мариенбурга, Екатерина досталась въ удѣлъ генераль-поручику Бауру, но не надолго оставалась у него; князь Меншиковъ увидѣвъ ее, пожелалъ имѣть у себя и получилъ согласіе г. Баура. Вскорѣ послѣ сего, Петръ Великій, посѣтивъ любимца своего, нечаянно встрѣтился съ юною, прекрасною Екатериною; восхитясь прелестями ея, немедленно спросилъ, кто сія дѣвица? Кн. Меншиковъ, рассказавъ о состояніи Екатерины, превознесъ похвалами способности ума и кротость нрава ея. Императоръ, пылкій въ страстяхъ своихъ, тотчасъ рѣшился соединиться съ Екатериною. Съ сего дня раздѣляла она съ государемъ ложе, хотя чрезъ долгое время потомъ не была еще объявлена супругою ²⁾ императора: торжественное бракосочетаніе Петра съ Екатериною послѣдовало ³⁾ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ.

О родственникахъ Екатерины I.

Екатерина имѣла брата и двухъ сестеръ, которые съ семействомъ своимъ, во время жизни Петра Великаго, будучи призваны въ Россію, жительствоваали въ Петербургѣ, получая пристойное содержаніе. По восшествіи на престолъ Екатерины, появились при дворѣ российскомъ дѣти родныхъ ея: рожденныя

¹⁾ По одержаніи фельдмаршаломъ графомъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ двухъ побѣдъ надъ шведскимъ генераломъ Шлиппенбахомъ, въ окрестностяхъ Дерпта и при рѣкѣ Эмбахѣ, скорѣ одна за другою послѣдовавшихъ, россияне овладѣли Мариенбургскимъ замкомъ 25-го августа 1702 года.

²⁾ Объявленіе послѣдовало передъ отправленіемъ въ прутскій походъ 1711 г.

³⁾ 19-го февраля 1712 г.

Примѣч. рукоп.

отъ брата—подъ именемъ графовъ и графинь Савронскихъ; происшедшія отъ старшей сестры—подъ названіемъ графовъ Гендриковыхъ, а отъ младшей—подъ именемъ графовъ Ефимовскихъ.

О семействѣ пастора Глюка.

Прежній благодѣтель Екатерины пасторъ Глюкъ также не остался въ забвеніи. Щедро одаренный, по прибытіи его въ Россію, былъ опредѣленъ начальникомъ вновь заведенной гимназіи. Сыновья его вступили въ гражданскую службу, а дочери помѣщены были ко двору; старшая изъ нихъ, бывшая въ супружествѣ за адмираломъ Виллбоа, была изъ первыхъ статсъ-дамъ по учрежденіи сего достоинства при російскомъ дворѣ.

Поступокъ Петра II противъ бабки его.

[Зап. Маншт., стр. 2—3].

Сочинитель въ разсказѣ своемъ долженствовалъ бы, по всей справедливости, поступокъ Петра II противу бабки его приписать точно родственной любви, а не относить оный къ благодѣтельному обыкновенію російскихъ монарховъ, которые, желая вступленіе свое на престолъ ознаменовать благотвореніями, освобождаютъ нѣкоторыхъ преступниковъ, содержащихся въ заключеніи. Младый императоръ, равномѣрно какъ и сестра его царевна Наталья Алексѣевна, во многихъ случаяхъ явили, что они имѣли душу столь же сострадательную, сколько и благотворительную.

О царицѣ Евдокии изъ рода Лопухинныхъ.

О царицѣ Евдокии достаточно упомянуть вкратцѣ. Совершенная противоположность и несходство въ нравахъ ея и Петра I подавали поводъ къ непрестанному несогласію между супругами. Царь, коего возвышенный умъ и сердце заняты были единственно великими преднамѣреніями къ благоденствію отечества, не обрѣтая успокоенія въ чертогахъ своихъ, напоследокъ поте-

рять терпѣніе и соскучилъ всегдашнимъ неудовольствіемъ, прекословіями и сопротивленіемъ неповорливой супруги. По возвращеніи своемъ, въ 1698 году, изъ чужихъ краевъ въ Москву, не желалъ онъ уже и видѣть Евдокію, и сослалъ ее въ Суздаль, гдѣ и пострижена была въ дѣвичьемъ монастырѣ¹⁾. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, будучи замѣшана въ дѣлѣ сына своего царевича Алексѣя Петровича, Евдокія была перевезена въ Старую Ладугу и содержалась тамъ подъ строгимъ присмотромъ. Въ семь заключенія пробыва она до вступленія на престолъ внука своего и токмо уже по паденіи кн. Меншикова призвана была Петромъ II въ Москву, гдѣ жительствовала въ Кремлѣ, имѣя при себѣ небольшой статъ. Вскорѣ, соскучивъ дворскою жизнью, удалилась въ дѣвичій Вознесенскій монастырь, что въ Кремлѣ, въ которомъ, въ царствованіе императрицы Анны, скончалась и погребена²⁾ въ 1731 г. Братъ ея Авраамъ Θεодоровичъ Лопухинъ содѣлался жертвою приверженности своей въ царевичу Алексѣю и былъ казнень; оставивъ двухъ сыновей, изъ коихъ младшій, Василій Авраамовичъ, дослужась до званія генералъ-авшефа, съ честью палъ на полѣ сраженія въ гроеъ-егерсдорфской битвѣ съ прусскимъ фельдмаршаломъ Левильдомъ, послѣдовавшей въ 1757 году.

Извѣстіе о графѣ Бассевичѣ, находившемся голштинскимъ посланникомъ при російскомъ дворѣ.

[Зап. Маншт., стр. 3—4].

Графъ Бассевичъ, происходившій отъ одной древней мекленбургской дворянской фамиліи, нѣкоторое время находился въ большой силѣ при російскомъ дворѣ. Графъ сей одарень былъ пронципательнымъ умомъ, плодовитымъ воображеніемъ и твердостью въ предпріятіяхъ, ничѣмъ непоколебимою. Расточительный, веселонравный графъ, будучи великій говорунъ, не умѣлъ иногда сохранить вѣренную ему тайну.

¹⁾ Евдокія Θεодоровна изъ дому Лопухиныхъ, по постриженіи ея въ Суздаль, въ Покровскомъ монастырѣ, наречена была въ инокиняхъ Еленою.

²⁾ Вознесенскій монастырь, въ Москвѣ, воздвигнуть въ 1329 году иждивеніемъ Евдокіи Димитріевны, супруги славнаго Донскаго, а въ 1721 году перестроенъ и возобновленъ по повелѣнію Петра Великаго. Примѣч. рукоп.

Онъ служилъ уже при голштинскомъ дворѣ въ то время, когда знаменитый баронъ Герцъ объѣзжалъ дворы главныхъ европейскихъ державъ, убѣждая ихъ водворить спокойствіе на сѣверѣ и примирить Карла XII съ Петромъ Великимъ, дабы общія силы сихъ монарховъ обратить противу прочихъ непріятелей несчастнаго героя. Герцъ, испытавъ искусство графа Бассевича, отправилъ его въ Петербургъ для открытія мирныхъ переговоровъ и предложенія о бракѣ шлезвигъ-голштинскаго герцога Карла Фридриха со старшею дочерью императора. Хотя первыя покушенія Бассевича были неудачны, но Петръ получилъ доброе мнѣніе о способностяхъ министра, а князь Меншиковъ, которому, во время осады Тенингена и, потомъ, въ Помераніи, Бассевичъ оказалъ многія услуги, имѣлъ къ нему полную довѣренность. Посланникъ сей, имѣя разныя порученія отъ государя своего и отъ самого Петра Великаго, неоднократно ѣздилъ въ Вѣну, Берлинъ и Штокгольмъ, и, возвратясь въ Россію, склонилъ императора на предложенное бракосочетаніе. Обрученіе царевны Анны Петровны съ герцогомъ Карломъ Фридрихомъ совершилось въ Петербургѣ ¹⁾ и тогда голштинскій дворъ возымѣлъ большую надежду получить возмездіе за понесенныя потери, какъ внезапная кончина императора російскаго, послѣдовавшая чрезъ нѣсколько недѣль по обрученіи ²⁾, вдругъ разрушила всѣ лестныя ожиданія герцога.

Пронски графа Бассевича изъ возведенію на російскій престолъ
Екатерины I.

И такъ, надлежало графу Бассевичу истощить всѣ способы ума своего, дабы споспѣшествовать возведенію на російскій престолъ такой особы, которая столько же бы принимала участія въ судьбѣ голштинскаго герцога, сколько оказывалъ Петръ Великій. Знаменитый сей государь, свершивъ преславное поприще, находился при послѣднемъ издыханіи, не учинивъ никакого распоряженія о наслѣдствѣ. Во всякомъ монаршескомъ правленіи, гдѣ наслѣдіе переходитъ по первородству мужескаго поколѣнія, не пред-

¹⁾ 24-го ноября 1724 г.

²⁾ 28-го января 1725 г.

стало-бъ ни малѣйшаго затрудненія; въ самой Россіи долженствовали вѣдать какъ слѣдуетъ поступить въ семъ случаѣ, ибо существовалъ внукъ Петра Великаго. Но, поелику монархъ сей издалъ узаконеніе ¹⁾, по коему самодержцы Россійской имперіи имѣютъ власть наименовать наслѣдника по избранію и волѣ своей, то право юнаго Петра, не бывъ утверждено императоромъ, казалось сомнительнымъ. Во власти Петра I состояло назначить преемницею престола или супругу, или которую изъ дочерей своихъ. И такъ, въ настоящихъ обстоятельствахъ, когда не былъ опредѣленъ преемникъ державы, кому принадлежало право наслѣдія? Екатеринѣ-ли, какъ вѣнчанной главѣ, или малолѣтному внуку, единственному отраслю мужескаго поколѣнія Романова дома? Первое мнѣніе не подрѣзнялось никакимъ обнародованнымъ объявленіемъ, ниже какимъ-либо тайнымъ постановленіемъ. Второе основано было на правѣ самой породы, и не имѣли ни малѣйшаго доказательства, чтобы императоръ намѣревался устранить внука своего отъ наслѣдія престола. Слѣдовательно, право Петра II не подвергалось прекословію. Хотя большая часть вельможъ, собравшихся по кончинѣ Петра Великаго, мыслили согласно съ симъ заключеніемъ,—однако, происки одного предприимчиваго человѣка, который умѣлъ извлечь пользу изъ страха другаго честолюбца, разрушили самый естественный порядокъ наслѣдія. Съ одной стороны, выгоды голштинскаго герцога, обрученнаго со старшею дочерію покойнаго императора, требовали, дабы въ случаѣ, если нельзя будетъ невѣстѣ занять престолъ, возвести на оный мать ея; съ другой стороны, Меншиковъ, мало любимый, или, справедливѣе сказать, ненавидимый боярами, не иначе могъ удерживать за собою власть, какъ доставивъ свипетръ Екатеринѣ, постоянной его покровительницѣ и которая сама была ему много обязана.

Не трудно было Бассевичу преклонить князя Меншикова на рѣшительный поступокъ, успѣхъ котораго долженствовалъ вѣнчать честолюбіе сего князя. По внушенію голштинскаго ми-

¹⁾ Подробное свѣдѣніе о семъ узаконеніи Петра Великаго любопытный можетъ видѣть въ книжкѣ подъ заглавіемъ: «Правда воли монаршей во опредѣленіи наслѣдника державы своей». Примѣч. рукоп.

нистра, князь Меншиковъ, въ самое мгновеніе кончины Петра Великаго, овладѣлъ императорскою казною, оболыстивъ начальниковъ и офицеровъ гвардіи, окружилъ дворецъ войскомъ и предъ лицомъ онаго провозгласилъ всероссійскою императрицею Екатерину.

Все совершилось по желанію: Екатерина безпрепятственно вступила на престолъ; князь Меншиковъ содѣлался могущественнымъ и первымъ вельможею; бракосочетаніе царевны Анны Петровны вскорѣ послѣдовало и графъ Бассевичъ получилъ богатые подарки и оба Россійскіе ордена. А герцогъ голштинскій, подкрѣпляемый могущественнымъ союзомъ съ Россією, возымѣлъ твердую надежду приобрѣсти Шлезвигскую область.

Что при семъ случаѣ получилъ герцогъ Голштинскій.

Тогда европейскія державы раздѣлены были на два большіе союза, ганноверскій и вѣнскій. Бассевичъ преклонилъ Россію приступить къ послѣднему, а въ пользу герцога голштинскаго исходатайствовалъ, чтобы императоръ и король испанскій выдавали сему герцогу, до возвращенія ему шлезвигскаго владѣнія, ежегодно по пятидесяти тысячъ рейхсталеровъ.

Нѣчто о завѣщаніи Екатерины I.

Достопримѣчательная духовная грамота императрицы Екатерины, обнародованная и помѣщенная во всѣхъ публичныхъ актахъ тогдашняго времени, равномерно есть твореніе Бассевича. Въ оной, между прочими, находились и слѣдующія двѣ статьи: чтобы впредь навсегда содержать въ Москвѣ и Петербургѣ дома для помѣщенія посланниковъ голштинскаго герцога, и чтобы, въ возмездіе ревности, съ каковою графъ Бассевичъ не престававъ содѣйствовать о возвращеніи герцогу Голштинскому достоинства предковъ его, наградить графа Бассевича Гусумскимъ помѣстьемъ въ Шлезвигѣ, по обратномъ приобрѣтеніи сего герцогства.

Царевна Анна Петровна съ супругомъ своимъ отправлены въ Киль.

[Зап. Маншт., стр. 4].

Въ продолженіе царствованія Екатерины графъ Бассевичъ постоянно пользовался полною довѣренностію князя Меншикова; но, по кончинѣ сей императрицы, Меншиковъ, желая одинъ господство-

вать подь именемъ юнаго государя, старался удалить всѣхъ опасныхъ надзирателей за поступками своими. Герцогъ голштинскій и супруга его Анна Петровна вынуждены были оставить Россію въ іюлѣ мѣсяцѣ 1727 года; со всею свитою отправились они въ Киль. Тамъ нѣкоторое время жили они пышно на счетъ милліона рублей, полученнаго царевною въ приданое и исправно выданнаго Меншиковымъ при отпускѣ ихъ изъ Россіи; но послѣ, когда желали продолжать тотъ же великолѣпный образъ жизни, вошли въ долги. Герцогъ, по кончинѣ супруги своей ¹⁾, обрѣталъ единственную надежду въ переговорахъ, открытыхъ въ половинѣ 1728 года на конгрессѣ въ Соассонѣ. Державы, коихъ распри и требованія долженствовали разрѣшиться на семъ конгрессѣ, изъявили согласіе принять на оный и посланника голштинскаго герцога. Въ семъ качествѣ прибылъ графъ Бассевичъ, получивъ отъ герцога на содержаніе свое пятьдесятъ тысячъ рейхсталеровъ, ежегодно производимыхъ сему принцу отъ вѣнскаго двора. Посланникъ жилъ пышно, давалъ пиры, но ничего не исходатайствовалъ. Кардиналъ Флери сказалъ однажды: «Не понимаю, какъ государь, жалующійся на скудное положеніе свое, можетъ производить каждый годъ 50 тысячъ рейхсталеровъ на прожитокъ своему министру».

О князѣ Меншиковѣ.

[Зап. Мавшт., стр. 8—10].

Общее мнѣніе о происхожденіи князя Меншикова, что онъ сынъ придворнаго конюха ²⁾; что въ бѣдномъ своемъ состояніи, ходя по городу, продавалъ подовые пироги. Однажды Петръ Великій, во время обѣденнаго стола услышавъ забавные и веселые напѣвы Меншикова, велѣлъ позвать его во дворецъ. «Продай мнѣ горшокъ съ пирогами», — сказалъ смѣючись императоръ. Меншиковъ, нимало не робѣя, отвѣчалъ: «Пироги охотно продаю вашему величе-

¹⁾ Анна Петровна скончалась въ Голштиніи въ 1728 году, послѣ родовъ сына Карла Фридриха Ульриха, бывшаго потомъ російскимъ императоромъ подь именемъ Петра III; тѣло сей государыни перевезено водою въ Петербургъ и погребено въ Петропавловскомъ соборѣ.

²⁾ Въ тогдашнее время придворные конюхи по большей части были изъ бѣдныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. См. примѣчаніе 2-е Болтина на исторію Леклера, томъ II, стр. 463.

Примѣч. рукоп.

ству; но горшка безъ приказанія хозяйскаго продать не могу, а если вашему величеству угодно купить и оный, то прошу позволить мнѣ спросить объ ономъ у хозяина». Отвѣтъ сей, показавшій отмѣнное послушаніе мальчика, крайне понравился государю, помышлявшему о введеніи въ войскѣ строжайшаго чинопочитанія. Продолжая разговаривать съ Меншиковымъ, царь доволенъ былъ скорыми и остроумными его отзывами. Благородная и осанистая наружность Меншикова равномѣрно понравилась Петру. Государь тотъ же часъ записалъ его въ новозаведенную потѣшную роту, учрежденную по образцу европейскихъ войскъ, и поручилъ особенному надзору и попеченію извѣстнаго Лефорта. Вскорѣ потомъ опредѣлили сего молодаго мальчика деньщикомъ при особѣ своей, и отмѣнно доволенъ былъ необыкновенною дѣятельностью его. Милость и довѣренность монаршая къ сему любимцу счастья непрерывно возрастали. Меншиковъ скоро производился въ чины, достигъ всѣхъ почестей, содѣлался первымъ богачомъ и важнѣйшею особою въ Россіи. Главное достоинство Меншикова состояло въ точнѣйшемъ исполненіи велѣній государя. Нивогда не дерзала онъ представлять возраженіе, обрѣтаясь въ школѣ величайшаго изъ царей, каковъи токъ появлялся въ мірѣ. Сопутствуя ему въ войнѣ и въ путешествіяхъ, Меншиковъ, опытомъ, долговременною службою и упражненіемъ въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, удобно приобрѣлъ многія свѣдѣнія. Но просвѣщеніе его было вовсе неважное. Словомъ, князь сей былъ необразованный баловень фортуны.

О преднамѣренномъ бракосочетаніи царицы Елисаветы Петровны съ марграфомъ Бранденбургскимъ.

[Зап. Маншт., стр. 18].

Можетъ быть, что при Петрѣ II помышляли выдать царевну Елисавету Петровну за марграфа бранденбургскаго Карла; но вскорѣ по восшествіи на престомъ императрицы Анны Іоанновны прусскій дворъ чрезвычайно домогался о бракосочетаніи сего принца съ мекленбургскою принцессою Анною, племянницею императрицы. Переговоры о семъ приближались къ концу и даже портретъ марграфа Карла былъ повѣшенъ въ комнатѣ младай принцессы, какъ внезапно новая политическая система с.-петер-

бургскаго кабинета, учрежденная по заключеніи союза съ вѣнскимъ дворомъ, перервала дальнѣйшія покушенія Пруссіи. Императоръ Карлъ VI предложилъ въ супруги принцессѣ Аннѣ племянника своего Антона Ульриха, принца брауншвейгъ-вольфенбютельскойскаго, который и не замедлилъ отправиться въ Петербургъ.

О нѣкоторыхъ случаяхъ при кончинѣ Петра II.

[Зап. Маншт., стр. 19—20].

О подлогѣ духовнаго завѣщанія Петра II представили доказательства. Князь Сергѣй Григорьевичъ Долгоруковъ обвиненъ былъ и признался въ сочиненіи онаго на-черно; за сіе князь Сергѣй Долгоруковъ лишенъ всѣхъ достоинствъ и колесованъ въ Новѣгородѣ 26-го октября 1739 года. Г. Манштейнъ заблуждается, рассказывая, будто князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ ¹⁾, въ самое мгновеніе кончины Петра II, вышедши съ обнаженною шпагою изъ комнаты, гдѣ скончался государь, провозгласилъ императрицею обрученную сестру свою княжну Екатерину Алексѣевну ²⁾. Сего не было и на таковой дерзновенный поступокъ не могъ рѣшиться князь Долгоруковъ, не вѣдая еще о преднамѣреніяхъ верховнаго совѣта, собравшагося для сужденія и рѣшенія о наслѣдіи трона. Все же, что потомъ сочинитель говоритъ о избраніи герцогини курляндской, о причинахъ, побудившихъ предпочесть ее другимъ особамъ царскаго дома, и о условіяхъ, на коихъ желали вручить ей державу,—согласно съ истиною.

¹⁾ Князь Иванъ Алексѣевичъ, сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и члена тайнаго верховнаго совѣта, наперсникъ императора Петра II, при кончинѣ сего государя едва вступилъ на 19-й годъ; не смотря на таковую молодость, блистательныя связи, обрученіе сестры его съ монархомъ—доставили ему важнѣйшія почести: онъ былъ оберъ-камергеромъ, гвардіи Преображенскаго полка майоромъ, кавалеромъ св. Андрея и св. Александра. Сей князь съ другими несчастными Долгоруковыми, при Аннѣ Иоанновнѣ, лишился всѣхъ почестей и колесованъ въ Новѣгородѣ.

²⁾ Княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукова, дочь дѣйств. тайн. сов. князя Алексѣя Григорьевича, вторая невѣста Петра II, получила орденъ св. Екатерины въ день обрученія, въ 1730 году; по восшествіи на престолъ Анны Иоанновны, лишена была ордена и сослала, вмѣстѣ съ родителями своими, въ ссылку, откуда при Елизаветѣ возвращена и вступила въ супружество съ генераломъ графомъ Александромъ Брюсомъ. Примѣч. рукоп.

О графѣ Остерманѣ.

[Зап. Маншт., стр. 21].

Можетъ быть, что графъ Остерманъ, старый и подверженный болѣзнямъ челоувѣкъ, находясь неотлучно, по званію оберъ-гофмейстера, при воспитаніи при умирающемъ отъ оспы Петръ II, дѣйствительно изнурился и занемогъ. Можетъ статься, что, подъ предлогомъ болѣзни, желалъ онъ и уклониться отъ присутствія въ совѣтѣ при крайне затруднительномъ разсужденіи о наслѣдіи. Не разрѣшая сего, замѣтимъ, что если бы графъ Остерманъ явился въ верховный совѣтъ и пожелалъ бы защищать духовное завѣщаніе императрицы Екатерины I-й, то не оказалъ бы важной услуги дочери ея. Завѣщаніе сіе, за два года предъ тѣмъ обнародованное, у всѣхъ находилось въ свѣжей памяти. Долго-руковы и Голицыны хорошо вѣдали о существованіи и о содержаніи онаго; но они никакъ не хотѣли видѣть на престолѣ дщерь Петра I, и рѣшительно объявили, что, по извѣстнымъ имъ причинамъ, царевна Елисавета долженствуетъ быть устранена отъ престола. Нельзя опровергать мнѣнія г. Манштейна, что, можетъ быть, если бы Елисавета Петровна предстала предъ народъ, то оный и войско, принявъ участіе въ судьбѣ сей царевны, вручили-бъ ей державу, но извѣстно, что болѣзнь, отъ которой тогда не совсѣмъ еще она оправилась, не допустила ея прибѣгнуть къ сему средству.

Впрочемъ, оставляемъ на судъ безпристрастнаго читателя рѣшить: можно ли было въ семъ случаѣ обвинять графа Остермана въ оскорбленіи величества, и объявить, что онъ утаилъ завѣщательную грамоту Екатерины I, обнародованную во всей Россіи и напечатанную во всѣхъ публичныхъ вѣдомостяхъ того времени?

Однако Елисавета, по восшествіи своемъ на престолъ, не токмо обвинила графа Остермана, министра рѣдкихъ достоинствъ, оказавшаго Россіи важныя заслуги, но едва уже на самомъ лобномъ мѣстѣ остановила занесенную надъ главою его руку палача. Остерманъ, съ другими первѣйшими государственными мужами, сосланъ былъ въ заточеніе. Все преступленіе ихъ состояло въ томъ, что, сохраняя вѣрность присягѣ, учиненной императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, признали они, согласно съ волею и опредѣленіемъ

ея, наслѣдникомъ всероссійскаго престола Іоанна Антоновича, коего, по силѣ узаконенія Петра Великаго, Анна Іоанновна имѣла полную свободу, право и власть назначить. Замѣтить надлежитъ, что та же самая государыня, которая съ толикою строгостью и неправосудіемъ поступила противу Остермана и другихъ съ нимъ сосланныхъ, оказала милость и снисхожденіе Долгоруковымъ, возвративъ ихъ изъ заточенія и возведя въ прежнее достоинство, хотя именно Долгоруковы, въ 1730 году, исключили ее отъ права наслѣдія. Благоволеніе ея простерлось и на бывшаго герцога курляндскаго Бирона: возвративъ его изъ Сибири, императрица пожаловала ему на содержаніе по шести тысячъ рублей ежегодно, и опредѣлила для жительства его домъ въ Ярославлѣ. Кажется, Елисавета думала, будто бы Биронъ, поссорясь во время регентства съ принцемъ Брауншвейгскимъ, помышлялъ о возведеніи ея на престолъ, почему и оказала ему таковое благодѣяніе.

Объ отправленіи Сумарокова гр. Ягужинскимъ къ Аннѣ Іоанновнѣ съ извѣщеніемъ о замыслахъ верховнаго совѣта.

[Зап. Маншт., стр. 22].

Не чрезъ г. Сумарокова, отправленнаго графомъ Ягужинскимъ, Анна Іоанновна получила первое извѣстіе о избраніи ея на Россійскій престолъ и объ условіяхъ, на коихъ верховный совѣтъ предполагалъ вручить ей скипетръ правленія. Графъ Карлъ Густавъ Левенвольдъ, находившійся тогда камергеромъ при Россійскомъ дворѣ, отправилъ тайнымъ образомъ нарочнаго къ старшему брату своему Рейнгольду, жившему въ Лифляндіи. Посланный, переодѣтый въ крестьянское платье, вышелъ нѣшкомъ за заставу города, сѣлъ въ приготовленные въ нѣкоторомъ разстояніи сани, употребилъ возможную поспѣшность и удачно прибылъ въ Лифляндію съ письмомъ гр. Карла Левенвольда. Графъ Рейнгольдъ тотчасъ поскакалъ въ Митаву и первый подробно донесъ Аннѣ Іоанновнѣ о распорядженіяхъ московскаго верховнаго совѣта. Таковой опытъ приверженности графовъ Левенвольдовъ пріобрѣлъ полную довѣренность императрицы Анны, которая вскорѣ взвела ихъ на первыя степени въ государствѣ ¹⁾.

¹⁾ Графъ Рейнгольдъ Левенвольдъ былъ оберъ-гофмаршаломъ и кавалеромъ св. Андрея и св. Александра. Въ 1742 году, по восшествіи на престолъ

О стараніи Анны Іоанновны пріобрѣсти на свою сторону приверженцевъ.

[Зап. Маншт., стр. 23].

Анна Іоанновна не имѣла ни малѣйшей надобности ссорить членовъ верховнаго совѣта, ниже обольщать подарками гвардію. По прибытіи въ Москву, она нашла множество къ особѣ ея сердець. Россійское дворянство, пріобыкшее въ теченіи многихъ столѣтій повиноваться самодержавной власти, дышущее немомвѣрною любовью къ монархамъ своимъ, съ сокрушеніемъ взирало на деспотическую аристократію, сосредоточествовавшуюся въ двухъ фамиліяхъ, которыя, по всѣмъ вѣроподобіямъ, всѣ почести и милости изливали бы единственно на однихъ своихъ приверженниковъ. Дѣйствительно, какое другое правленіе можетъ быть прочнѣе, полезнѣе, славнѣе для государства, а особенно для столь обширнаго, какова Россія, какъ самодержавное? Мудрый, человеколюбивый, слѣдственно, и попечительный о благѣ подданныхъ своихъ, самодержецъ всѣ вѣтви народоправленія объемлетъ недремлющимъ взоромъ, всемогущественною дланію приводитъ въ безостановочное движеніе. И такъ, многіе дворяне, военные и гражданскіе чиновники, одушевленные любовью къ престолу, не хотѣли долѣе видѣть ограниченную власть государыни, прибѣгнули къ князьямъ Ивану Юрьевичу Трубецкому и Алексію Михайловичу Черкасскому, просили сихъ бояръ быть ихъ путеводителями и отъ имени всѣхъ ихъ поднести императрицѣ прошеніе, дабы она благоволила самодержавно царствовать, по подобію предшественниковъ своихъ. Упомянутые князья сълонились на предложеніе. Оставалось тоемо узнать образъ мыслей императрицы, за поступками коея тщательно присматривали князья Долгоруковы. Тайну сію ввѣрили госпожѣ Салтыковой, родной сестрѣ жены князя Черкасаго, а князя Трубецкаго—племянницѣ. Г-жа Салтыкова, имѣвшая свободный

Елисаветы Петровны, съ другими знаменитыми вельможамъ, учинился несчастною жертвою неправосудія, и былъ сосланъ въ заточеніе въ Соликамскъ, гдѣ и умеръ въ 1758 году. Графъ Карлъ, умершій въ 1735 году, былъ оберъ-штабмейстеромъ, генералъ-поручикомъ, генералъ-адъютантомъ и гвардіи Измайловскаго полка подполковникомъ; имѣлъ орденъ св. Андрея. Припѣч. рукоп.

доступъ ко двору, немедленно извѣстила Анну Іоанновну о замышляемомъ въ пользу ея предпріятіи и легко получила соизволеніе государыни. Въ назначенный день императрица, восшедь на тронъ, допустила предъ себя просителей и повелѣла позвать всѣхъ членовъ верховнаго совѣта. Въ присутствіи ихъ принявъ прошеніе, указала громогласно прочесть оное; потомъ, спросивъ перо, своеручно написала на прошеніи: Быть по сему, и, потребовавъ актъ, на который вынужденно согласилась она въ Митавѣ, изорвала его въ лоскутки. Вотъ все, что происходило при возстановленіи самодержавства въ Россіи; но рѣчей, ниже вопросовъ и отвѣтовъ, о коихъ упоминаетъ г. Манштейнъ, вовсе не было. Графъ Матвѣевъ не могъ произносить приписуемой ему рѣчи, ибо онъ умеръ до вступленія на престолъ Анны Іоанновны.

Тотчасъ по воспріятіи правъ предковъ своихъ, императрица пожаловала генерала Семена Андреевича Салтыкова генераль-адъютантомъ и подполковникомъ л.-гв. Преображенскаго полка, а князю Василию Лукичу Долгорукову—котораго подъ предлогомъ начальства гвардіею, но въ самомъ дѣлѣ для надзора за поступками государыни, верховный совѣтъ помѣстилъ во дворцѣ,—повелѣла удалиться изъ онаго. Императрица могла совершенно полагаться на вѣрность умнаго и благородно мыслявшаго Салтыкова: вельможа сей происходилъ отъ младшей линіи того самаго дома, отъ котораго рождена была мать государыни царица Прасковья Феодоровна. Потомъ Анна Іоанновна повелѣла собрать гвардію и приняла отъ нея новую присягу и для сего жъ посланы были нарочные во всѣ губерніи. Не замедлила также отправить гонца въ Курляндію съ повелѣніемъ Бирону въ само скорѣйшемъ времени прибыть въ Москву. При подписаніи договора въ Митавѣ истребовано было, чтобы Биронъ, какъ опасный для государства человекъ, отнюдь не вѣзжалъ въ Россію.

О фельдмаршалѣ князѣ Долгоруковѣ.

[Зап. Маншт., стр. 27—28].

Напрасно г. Манштейнъ обвиняетъ принца Гессенъ-Гомбургскаго въ доносѣ на фельдмаршала князя Долгорукова ¹⁾). Князь

¹⁾ Князь Василій Владиміровичъ при Петрѣ Великомъ былъ генераль-поручикомъ и получилъ отъ сего монарха орденъ св. Андрея; при Екатеринѣ I пожалованъ въ полные генералы; при Петрѣ II возведенъ въ фельдмаршалы;

сей единственно за невоздержности языка своего дважды сосланъ былъ въ заточеніе: первый разъ за площадную поговорку, употребленную имъ въ разговорѣ съ царевичемъ, несчастнымъ сыномъ Петра I; другой разъ за оскорбительныя слова, произнесенныя на счетъ императрицы Анны. По возвращеніи изъ ссылки въ царствованіе Елисаветы Петровны, князь Долгоруковъ былъ пожалованъ президентомъ государственной военной коллегіи. Грубыми поступками и непристойными шутками лишилъ онъ Россію многихъ превосходныхъ иностранныхъ офицеровъ, и, между прочими, двухъ генераловъ, которые впоследствии, предъ лицомъ всей Европы, ознаменовали отличныя и самыя блистательныя дарованія свои въ военномъ ремеслѣ: я говорю о Левендалѣ и Кейтѣ.

О перемѣнѣ Бирономъ настоящей своей фамиліи.

[Зап. Маншт., стр. 31].

Справедливо, что наперсникъ Анны Іоанновны перемѣнилъ настоящую свою фамилію Биренъ на Бирона; но ложно, что онъ принялъ гербъ сего дома французскихъ герцоговъ. Гербъ, пожалованный Бирону при возведеніи его императоромъ Карломъ VI въ графское достоинство, совсѣмъ различествовалъ отъ перваго. Впрочемъ, герцогъ Курляндскій, желая вывести происхождение свое отъ французскихъ Бироновъ, имѣлъ по сему предмету переписку со старшимъ герцогомъ сей фамиліи, который отвѣчалъ: «Мнѣ вовсе неизвѣстно, чтобы кто нибудь изъ фамиліи нашей переселился въ другія государства; но если одинъ изъ владѣтельныхъ европейскихъ государей почитаетъ себя происшедшимъ отъ французскаго дворянства, то снмъ дѣлаетъ онъ честь народу французскому».

Продолженіе о Биронѣ.

[Зап. Маншт., стр. 31—32].

Биронъ былъ уменъ, и хотя онъ никакого языка не зналъ порядочно, но отъ природы одаренъ былъ краснорѣчіемъ. Кто сказалъ г. Манштейну, будто бы Биронъ не имѣлъ разсудка здраваго, тотъ худо зналъ сего герцога. Единственно исхитивъ титулъ регента, сей любимецъ счастья мгновенно потерялъ его.

находился членомъ тайнаго кабинета и л.-гв. Семеновскаго полка подполковникомъ, и получилъ иностранныя ордены Бѣлаго Ора и Слона; въ 1730 году лишенъ всѣхъ чиновъ и знаковъ отличій и сосланъ былъ въ заточеніе; при Елисаветѣ возвращенъ изъ ссылки, получилъ прежнія почести и, сверхъ, орденъ св. Александра; будучи президентомъ военной коллегіи, умеръ въ 1746 году.

Примѣч. рукою.

О португальскомъ принцѣ доми Эмануэлѣ.

[Зап. Маншт., стр. 35].

Весьма естественно, что Биронъ не согласился и не одобрилъ намѣренія графа Вратислава, вѣнскаго министра, предлагавшаго о бракосочетаніи императрицы Анны Іоанновны съ португальскимъ принцемъ дономъ Эмануэлемъ. Принцъ сей пріѣзжалъ въ Москву; не взирая на любезность его, нимало не понравился; будучи принятъ весьма вѣжливо и получа богатые подарки, безъ всякаго успѣха возвратился онъ въ Вѣну. Но несправедливо заключеніе г. Манштейна: «въ счастію, что въ то время вѣнскій дворъ не имѣлъ надобности въ помощи Россіи»; ибо именно въ то время помышляли уже исходатайствовать отъ Россіи ручательство по прагматическому уложенію Карла VI, а щедрые подарки и почести отличныя, оказанныя симъ монархомъ Бирону, достаточно убѣждаютъ, что вѣнскій кабинетъ тщательно домогался о снисканіи дружества Россіи. Впрочемъ, вѣнскій ли дворъ намѣревался сочетать донъ Эмануэля, или токмо самъ принцъ сей помышлялъ объ ономъ, но достовѣрно, что императоръ, желая сблизиться съ Россіею, не замедлилъ предложить о супружествѣ племянника своего съ принцессою Анною Карловною.

Объ адмиралѣ Сиверсѣ.

[Зап. Маншт., стр. 38].

Г. Манштейнъ несправедливо почитаетъ графа Миниха виновникомъ наказанія, претерпѣннаго адмираломъ Сиверсомъ и г. Финкомъ. Петръ II, отправясь въ Москву, ввѣрилъ главное начальство въ С.-Петербургѣ Миниху; императрица Анна, по вступленіи своемъ на престолъ, подтвердивъ его въ семь званіи, препоручила ему тщательно наблюдать за поступками недовольныхъ. Когда графъ Минихъ приводилъ въ присягѣ на вѣрность службы новой императрицѣ войско и гражданъ Петербурга, г. Сиверсъ оказалъ нѣкоторыя затрудненія и медлилъ привести въ присягѣ подчиненныхъ ему морскихъ служителей. Въ то же время гг. Сиверсъ и Финкъ весьма неосторожно разсуждали о сдѣланномъ

неправосудіи въ исключеніи отъ наслѣдія престола царевны Елисаветы. Священный долгъ вѣрности повелѣвалъ Миниху довести сіе до свѣдѣнія двора. Слѣдующій случай еще болѣе показываетъ безразсудность г. адмирала. Графъ Минихъ, по случаю восшествія на престолъ Анны Іоанновны, давалъ празднество, на которое приглашенъ былъ и г. Сиверсъ; за столомъ графъ, подавая бокалъ шампанскаго, предложилъ Сиверсу выпить за здравіе новой императрицы. Послѣдній отъвазался, сказавъ:

— «Тогда выпью, когда получу изъ Москвы достовѣрнѣйшія извѣстія». Отъ самого графа Миниха слышалъ я о семъ.

О китайскомъ посольствѣ.

[Зап. Маншт., стр. 41].

Китайское посольство, о коемъ упоминаетъ г. Манштейнъ, не есть первое къ россійскому двору. Присланное въ предшествовавшемъ году, таковое же прибыло въ Москву съ поздравленіемъ о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны и съ испрошеніемъ свободнаго пропуска чрезъ Сибирскія губерніи для посольства, назначеннаго отъ китайскаго императора къ калмыцкому хану. Посольство сіе при россійскомъ дворѣ было принято милостиво, успѣло въ переговорахъ и возвратилось въ Китай съ особеннымъ удовольствіемъ. На слѣдующій годъ, т. е. въ 1732 году, прибыло въ С.-Петербургъ вторичное, упоминаемое г. Манштейномъ. Оно состояло изъ трехъ пословъ; главный изъ нихъ въ произнесенной рѣчи, между прочимъ, упоминаетъ, что китайскій императоръ повелѣлъ имъ принести россійской императрицѣ благодарность за благосклонное принятіе перваго посольства, засвидѣтельствовать о чувствахъ дружества повелителя ихъ и поднести ея величеству подарки.

Императрица, сидящая на тронѣ, окруженная пышнымъ дворомъ, приняла китайское посольство. Послы, вошедши въ тронную, немедленно стали на колѣна, и во все продолженіе аудіенціи находясь въ семъ раболѣпномъ положеніи, каждый разъ, при произношеніи имени ея величества, падали ницъ. Свита посольская, при отверстыхъ дверяхъ изъ тронной, пребывала въ

другой комнатѣ, такъ же на колѣнахъ стоя и падая ницѣ вмѣстѣ съ послами своими.

Подарки состояли въ фарфорѣ, статуйкахъ, украшенныхъ коралломъ и жемчужною маткою, въ шелковыхъ тканьяхъ, разрисованныхъ и позлащенныхъ обояхъ, въ небольшихъ лакированныхъ бумажныхъ приборахъ и въ превосходномъ чаѣ.

Несправедливо говорить г. Манштейнъ, что въ Петербургѣ недовольны были поведеніемъ сего китайскаго посольства. Напротивъ, я самъ неоднократно имѣлъ случай видѣться и разговаривать съ послами и съ прочими чиновниками, къ свитѣ принадлежавшими: всѣ они были люди вѣжливыя, разсудительныя и обходительныя. Даже съ услугою своею, нивогда не слыхано о дурныхъ поступкахъ сего посольства.

О разговорахъ графа Миниха съ Бирономъ.

[Зап. Маншт., стр. 44—45].

Довѣренность, кою пользовался графъ Минихъ, поколебалася прежде путешествія императрицы Анны Іоанновны по Ладожскому каналу. Причины сему были слѣдующія. Въ Россіи весьма обыкновенно, что человѣка, пользующагося благоволеніемъ двора, если онъ успѣшно отправляетъ службу свою, почитаютъ способнымъ во всѣмъ дѣламъ и возлагаютъ на него премножество разнообразныхъ должностей. Графъ Минихъ, честолюбивый, ревностный, дѣятельный, неутомимый, не отрекался ни отъ какого порученія. Въ одно и то же время былъ онъ фельдмаршаломъ надъ войскомъ, членомъ тайнаго кабинета, президентомъ военной коллегіи, генераль-фельдцейхмейстеромъ, генераль-директоромъ надъ фортификаціями, главнымъ директоромъ Ладожскаго канала и генераль-полиціймейстеромъ. Занимая такое множество важнѣйшихъ обязанностей, можно ли отправлять ихъ успѣшно? можно ли угодить всему обществу?—Особенно преобразование, учиненное имъ въ гвардіи, навлекло на него негодованіе знатныхъ. Графъ Минихъ уничтожилъ въ гвардейскихъ полкахъ званіе капитанъ-поручика, не существовавшее въ царствованіе Петра Великаго, и всѣхъ капитанъ-поручиковъ перевелъ въ армію, старшихъ—подполковниками, а младшихъ—майорами. Сіе

крайне не понравилось симъ господамъ, большею частію знатной породы; до того времени спокойно выжидали они въ гвардіи капитанскаго чина, и потомъ уже съ чиномъ полковника, а иногда и бригадира, переходили въ армію.

Младшій графъ Левенвольдъ былъ начальникомъ и основателемъ одного изъ гвардейскихъ полковъ, именно Измайловскаго. Преобразование произведено во время отсутствія и, вѣжета, противу желанія его. Оскорбленный Левенвольдъ, находившійся при дворѣ въ большой силѣ, по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, старался мстить Миниху, и разными происками вредилъ ему. Съ другой стороны, жалобы, принесенныя на строгость, можетъ быть, справедливую, по должности генераль-полицеймейстера, произвели надъ императрицею непріятное для Миниха впечатлѣніе. Представленіе же о слѣдующемъ предложеніи французскаго двора поссорило его съ Бирономъ.

Разстроенное здоровье Августа II, короля польскаго, предвѣщало скорую кончину сего государя. Станиславъ Лещинскій, вѣнчаннй Карломъ XII, низверженный съ престола Петромъ I, и изгнанный изъ отечества непостоянствомъ польскаго народа, влачилъ съ собою пустозвучный титулъ короля изъ одного убѣжища въ другое. Наконецъ, среди жесточайшихъ бѣдствій сего государя, фортуна совсѣмъ неожиданно посадила на французскій тронъ дочь его. Тогда версальскій кабинетъ возжелалъ возвратитъ родителю супруги Людвига XV утраченную корону. Вслѣдствіе чего, кардиналь Флери поручилъ французскому повѣренному въ дѣлахъ, находившемуся при россійскомъ дворѣ, развѣдать мысли о семъ предметѣ с.-петербургскаго кабинета и сдѣлать оному внушенія, что, въ случаѣ согласія его на восстановление Лещинскаго, версальскій дворъ обязывается преклонить турковъ возвратитъ Россіи Азовъ и отказаться отъ нѣкоторыхъ статей прутскаго договора. Повѣренный первоначально отнесся къ графу Остерману, но, не получивъ успѣха, обратился къ фельдмаршалу. Отъ него онъ былъ принятъ лучше; Минихъ нашелъ предложеніе французскаго двора достойнымъ уваженія; представивъ объ ономъ императрицѣ, Минихъ весьма не встати желалъ убѣдить Бирона о выгодахъ предложенія версальскаго министерства. Незадолго предъ тѣмъ безъ вѣдома фельдмаршала и скрытно отъ него заключили новыя обязательства съ вѣнскимъ

дворомъ. Императоръ нивакъ не соглашался видѣть тестя французскаго короля, а Биронъ, помышляя уже сдѣлаться герцогомъ курляндскимъ, желалъ непремѣнно доставить польскую корону таковой особѣ, отъ которой могъ онъ ожидать безпрекословнаго утверженія въ семь достоинствѣ.

Однако, до возвращенія графа Левенвольда, вещи оставались въ прежнемъ положеніи. Левенвольдъ прибылъ изъ Германіи, гдѣ онъ заключилъ новый союзъ съ вѣнскимъ дворомъ, избравъ въ женихи принцессѣ Аннѣ Брауншвейгъ-Вольфенбютельскаго принца, не замедлилъ представить сильныя возраженія противу предложеній французскаго министерства; доказывалъ неосновательность оныхъ, осуждалъ въ семь случаевъ поступокъ фельдмаршала, и убѣждалъ Бирона, дабы Миниха, какъ чедовѣка всею душою преданнаго французамъ, устранить отъ министерства.

Подъ предлогомъ помѣщенія принцессы Анны, графу Миниху (вѣрно) очистить комнаты, занимаемыя имъ въ казенномъ домѣ, имѣвшемъ непосредственное сообщеніе съ дворцомъ. Въ то же время императрица подарила фельдмаршалу домъ, купленный у графа Остермана; впрочемъ, въ семь случаевъ не требовали излишней поспѣшности, предоставляя Миниху свободу исподоволь перебираться въ новой домъ. Надлежитъ замѣтить, что послѣ этого происшествія фельдмаршалъ добровольно, не имѣя нивагого особеннаго повелѣнія, пересталъ ѣздить въ собраніе кабинета.

Отправленіе графа Миниха въ Польшу.

[Зап. Маншт., стр. 52].

Трудно согласиться съ г. Манштейномъ, чтобы графу Миниху вѣрена была Россійская армія, въ Польшѣ находившаяся, съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы, удаливъ его отъ двора, погубить въ случаѣ неудачнаго дѣйствія противу Данцига. Хотя справедливо, что въ сіе время охладѣло дружество могущественнаго наперсника къ фельдмаршалу, но онъ не преставаля уважать дарованія сего полководца. Предлежало предпріятіе, успѣхъ коего долженствовалъ рѣшить судьбу двухъ соперниковъ, состязавшихся о польскомъ престолѣ. Находили, что генераль Ласси медленно производилъ военныя дѣйствія, а потому почли необходимымъ назначить въ Польшу предпріимчивѣйшаго и

дѣятельнѣйшаго предводителя. Графъ Минихъ отправился изъ Петербурга на-скоро, ночью и весьма тайно, послѣшно ѣхалъ, и по прибытіи въ Польшу немедленно принялъ начальство надъ войсками. ♦

Ожиданіе петербургскаго двора оправдалось: несчастный Гданскъ убѣдился въ важной истинѣ, что малосильнымъ владѣніямъ не слѣдуетъ мѣшаться въ распри великихъ державъ. Свѣтъ видѣлъ съ колыбели успѣхомъ россияне дѣйствовали въ сей войнѣ. При каждой встрѣчѣ поражали они поляковъ, которые никогда не дерзали противостать десяти русскимъ. Такого превосходства ума и благоустройства надъ безпорядочнымъ многолюдствомъ.

Объ осадѣ Гданска.

[Зап. Маншт., стр. 55].

Главные силы, предназначенныя къ осадѣ Гданска, находились еще въ окрестностяхъ Варшавы. Фельдмаршалъ, ослабленный потерей при неудачномъ нападеніи на Гагельбергское укрѣпленіе, предписалъ г. Люберасу, начальствовавшему упомянутыми войсками, немедленно выступить къ Гданску. Генералъ сей послушался, угождая волѣ графа Левенвольда младшаго, бывшего тогда въ Варшавѣ российскимъ посломъ и помышлявшаго болѣе о личной своей безопасности въ такомъ городѣ, который окруженъ былъ войсками, сторону Лещинскаго державшими. Фельдмаршалъ далъ вторичное повелѣніе старшему по Люберасѣ генералу тотчасъ выступить къ Гданску, а Любераса, уповавшаго на покровительство могущественнаго Левенвольда, приказалъ за оказанное послушаніе арестовать. Похвальная строгость, которую надлежитъ всегда употреблять противу тѣхъ, кои, въ безсмыслии своемъ, возлагаютъ надежду на побочныя опоры, не дорожатъ пользами отечества и не повинуются повелѣніямъ начальства.

Прибытіе французской флотиліи на помощь къ Гданску.

[Зап. Маншт., стр. 57].

Флотилія французская, прибывшая на помощь къ городу Гданску, состояла токмо изъ трехъ военныхъ кораблей и нѣсколькихъ перевозныхъ судовъ. На сей эскадрѣ находились три

пѣхотныхъ баталіона десантнаго войска. Слабымъ этимъ отрядомъ расчетливый Флери думалъ споспѣшествовать возведенію Лещинскаго на престолъ польскій. Начальствовавшій эскадрою г. Баралемъ, высадивъ сухопутныя войска, успѣлъ благовременно отплыть, и такимъ образомъ избѣжалъ опасности быть обхваченнымъ россійскимъ флотомъ, прибывшимъ уже въ Пиллау. При семъ случаѣ удалось ему захватить одинъ русскій фрегатъ, много удалившійся отъ своей дивизіи. Капитанъ Фремери, начальствовавшій фрегатомъ, при встрѣчѣ онаго съ французскою эскадрою, былъ приглашенъ г. Баралемъ на корабль; не зная ничего о разрывѣ съ Франціею, Фремери согласился на приглашеніе, и едва вступилъ на корабль, какъ фрегатъ русскій былъ окруженъ всею французскою эскадрою съ угрозою потопить его. Силы были слишкомъ не соразмѣрны, не оставалось—какъ сдаться.

Объ отправленіи французскихъ военно-плѣнныхъ.

[Зап. Маншт., стр. 59].

Французы удержаны были въ Россіи до возвращенія захваченнаго Баралемъ фрегата; они содержались между Нарвою и Петербургомъ. Оттуда, когда версальскій дворъ возвратилъ упомянутый фрегатъ, отправили ихъ во Францію. Императрица, любопытствуя видѣть отличнѣйшихъ изъ плѣнныхъ офицеровъ, призвала въ Петербургъ бригадира Деламотта и полковниковъ Бельфона и Люцерна. Офицеры сіи были представлены государынѣ, милостиво ею приняты, и приглашались ко двору. Поелику французскіе плѣнные отправлялись поздно осенью, то императрица велѣла каждому рядоваго снабдить овчиннымъ тулупомъ. Хотя, по монаршей милости, предохранены они были отъ стужи, но не менѣе того много потерпѣли отъ бурей, и едва половина сихъ плѣнныхъ возвратились въ отечество свое.

Почему мало пользы приобрѣтено отъ турецкой войны.

[Зап. Маншт., стр. 64 и слѣд.].

Россія не извлекла пользы отъ турецкой войны, веденной при императрицѣ Аннѣ, потому что вѣнсскій дворъ, встревоженный несчастіемъ оружія своего, поторопился заключить миръ съ Портою. Въ началѣ война сія предвѣщала вѣчное изгнаніе отто-

мановъ изъ Европы. Но фортуна обыкновенно прилипается къ уму и искусству. Австрійцы плохо располагали дѣйствіями своими, а потому много утратили изъ прежней воинской своей славы. Предавшись страху, лишились они Бѣлграда, надежнѣйшаго оплота, ограждающаго предѣлы ихъ. Турки въ сей войнѣ вели себя благоразумно, по приличію противопоставляли они непріятелю мужественный отпоръ, или медленіемъ и уклоненіемъ отъ битвъ утомляли и разстраивали его. Россіане похвально торжествовали надъ турками, покорили много вѣрностей и областей непріятельскихъ, покрыли оружіе свое славою. Истративъ на сію брань знатныя изживенія, потерявъ множество народа, навонецъ россіане были оставлены робкимъ союзникомъ, и единственно по сей причинѣ, не приобрѣта существенныхъ выгодъ отъ кровопролитной войны, должны были приступить къ миру.

О графѣ Ласси.

[Зап. Маншт., стр. 97—98].

Графы Минихъ и Ласси никогда не были въ явной ссорѣ. Петръ Петровичъ Ласси, видѣвшій возрождающуюся славу россійскаго оружія при Петрѣ Великомъ, никогда невѣшавшійся въ дѣла государственныя, посвѣдѣлый на поляхъ брани, былъ человекъ самый кроткій, обходительный, хладнокровный, любимый ратникомъ и дорожащій кровью его. Всегда безпрекословно повиновался онъ всѣмъ начальникамъ, отъ правительства назначаемымъ. Хотя всегда по службѣ и въ чинѣ генерала-аншефа былъ онъ старѣе Миниха, но терпѣливо перенесъ пожалованіе послѣдняго въ фельдмаршала, и безъ малѣйшаго затрудненія служилъ подъ начальствомъ его при осадѣ Гданска. Къ чести Лассія упомяну, что и великій Евгенийъ уважалъ его. Ласси пожалованъ фельдмаршаломъ въ 1736 г., а въ 1739—графомъ Россійской имперіи; имѣлъ ордена св. Андрея и св. Александра; умеръ въ Ригѣ, гдѣ былъ генераль-губернаторомъ, въ 1751 году.

Разсужденіе о кампаніи Россіанъ 1736 года.

[Зап. Маншт., стр. 96—100].

Бытописаніе всѣхъ временъ доказываетъ, что наилучшимъ образомъ предначертанныя и обдуманная предпріятія главноначальствующаго не получаютъ часто успѣха, по нерадѣнію, оплош-

ности, безмыслию, а иногда по злонамѣреннымъ видамъ исполнителей и другихъ лицъ, долженствующихъ споспѣшествовать при произведеніи оныхъ. Г. Манштейнъ, выдающій себя за ревностнаго почитателя графа Миниха, напрасно приписываетъ ему ошибки кампаніи 1736 года. Ибо самъ г. Манштейнъ сознается, «что фельдмаршалъ истощилъ всѣ средства и употребилъ всю заботливость для учрежденія магазиновъ, и что не онъ, но военные коммисары были виновны за недостатокъ подводъ для переевоза провіанта» (стр. 96). Потомъ говоритъ: «лучше-бъ было открыть кампанію двумя мѣсяцами позже, нежели вести армію въ удаленную сторону и подвергаться опасностямъ голода, въ единственной надеждѣ, что, можетъ статься, возможно будетъ продовольствовать оную на счетъ непріятели» (стр. 96). Заключеніе сіе вовсе несправедливо, потому что фельдмаршалъ учинилъ всѣ потребныя распоряженія въ продовольствію арміи, учредилъ въ Украинѣ знатныя хлѣбныя и другихъ жизненныхъ припасовъ магазины, собралъ потребное для перевозки число людей, лошадей и быковъ, дабы имѣть свободное сообщеніе съ главнымъ хранилищемъ, построилъ на пути, по коему шла армія, редуты съ приличною въ оныхъ обороною. Слѣдственно, Минихъ сдѣлалъ все, что требовать должно отъ умнаго и попечительнаго вождя, слѣдственно, вина въ неприбытіи подводовъ непосредственно падаетъ на провіантскихъ чиновниковъ и на князя Трубецкаго, коему перевозка сія была препоручена. И могъ ли фельдмаршалъ, отправляясь въ армію, предвидѣть таковую пагубную неисправность? Говоря, что лучше-бъ было открыть кампанію двумя мѣсяцами позже,—то-есть въ исходѣ іюля мѣсяца,—г. Манштейнъ не обратилъ вниманія на одно важное обстоятельство. Въ сіе годовое время, въ степяхъ, чрезъ которыя графъ Минихъ долженствовалъ вести войска, трава совсѣмъ высыхаетъ и удобно возгорается. Татары не упустили-бъ зажечь степи, и тогда армія наша, лишенная возможности доставать кормъ для лошадей, никакъ не могла-бъ ни на шагъ впередъ подвинуться. На послѣдокъ, г. Манштейнъ укоряетъ фельдмаршала въ жестокости, что онъ безъ надобности утомлялъ войско; что, вмѣсто того, дабы пользоваться прохладю ночей, выступалъ чрезъ два или три часа по восхожденіи солнца, отчего войско подверглось многимъ болѣзнямъ (стр. 96).

На сіи укорины отвѣчаю: что часто называютъ генерала жестокимъ за то, если онъ, подобно графу Миниху, старается возстановить благоустройство и наказываетъ негодяевъ. Что невнимательнымъ людямъ кажется утомленіемъ войска то, когда полководецъ, поступаая по правиламъ военного искусства, безостановочно преслѣдуетъ непріятеля, дабы отверзть себѣ пути въ страну, гдѣ ожидаетъ его избыточное продовольствіе. Вѣроятно, что и фельдмаршалъ желалъ бы воспользоваться ночью прохладою, — время, въ которое татары, предаваясь сну, оставляютъ непріятеля въ покоѣ, — но тогда и російское войско, утомленное ночнымъ походомъ, неминуемо бы долженствовало отдыхать уже днемъ для возстановленія силъ. Кто бы удержалъ бодрствующихъ татаръ? они бы безпрестанно нападали и тревожили русскихъ. И таковыя, среди успокоенія и отдыха, нападенія непріятеля, не болѣе ли бы истощили войско наше, чѣмъ походъ въ знойный день? — И такъ, великій уронъ въ людяхъ (если справедливо показаніе о семь г. Манштейна), понесенный росіянами въ эту кампанію, надлежитъ относить не малой проницательности главноначальствующаго, ниже упрямству его, по слѣдующимъ причинамъ: 1) армія, проходя чрезъ пространныя степи, на коняхъ взоръ ничего не встрѣчалъ кромѣ камыша, непрестанно долженствовала отражать нападенія буйныхъ татаръ; почти на каждомъ шагу встрѣчали ихъ. Отбитые въ одномъ мѣстѣ, исчезали они и въ мигъ появлялись на другомъ. Ограждались отъ непріятеля рогатками, отражали пушечными выстрѣлами, высылали противу него казаковъ и легкую конницу. Нерѣдко случалось, когда вѣтеръ бывалъ противный русскимъ, татары зажигали траву. Тогда не оставалось иного средства, какъ на-скоро вырыть ровъ и сдѣлать насыпь, дабы остановить разъяренное пламя. Всѣ таковыя непрерывныя стычки не могли происходить безъ потери людей. Тягостный походъ, труды и работы неминуемо должныствовали изнурять войско. 2) На сихъ степяхъ часто не находили ручьевъ для утоленія жажды, и хотя фельдмаршалъ имѣлъ попеченіе везти въ обозъ множество бочекъ и наполнить оныя прѣсною водою, но можетъ ли таковая вода вознаградить недостатокъ рѣчной или ключевой? Обстоятельство сіе такъ же немало споспѣшествовало потерѣ людей. 3) Бой на Черной долинь; покореніе перекопской линіи, охраняемой ту-

рецимъ гарнизономъ и всѣми силами татарскими; повореніе Кинбурна и Бавчисарая; словомъ, занятіе Крыма стояло много народа. 4) Въ опустошенномъ полуостровѣ не обрѣтали пищи, приобычной русскому ратнику, и часто нуждались въ прѣсной водѣ. 5) Нездоровый климатъ, соединившись съ несносными жарами и засухою, произвелъ въ войскѣ многія болѣзни.

О покореніи Очакова.

[Зап. Маншт., стр. 109—115].

Здѣсь можно приложить графу Миниху извѣстное изреченіе: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ. Не взирая на мнѣніе сочинителя «Записокъ о Россіи», графъ Минихъ весьма искусно рѣшился на единственный способъ, во власти его остававшійся. Лишенный всѣхъ пособій, необходимыхъ при осадѣ; увидѣвъ пагубную неисправность нерадивыхъ чиновниковъ, долженствовавшихъ доставить подводы водою по Днѣпру; тщетно ожидая прибытія съ сими подводами кн. Трубецкаго; вступивъ въ землю безплодную; не имѣя, на нѣсколько миль вокругъ, потребнаго лѣса на дѣланіе фашинъ; нуждаясь въ лугахъ для корма лошадей,—что лучшаго могъ придумать гр. Минихъ, какъ не рѣшиться на средство, внушенное мужествомъ его? Однако, г. Манштейнъ осуждаетъ фельдмаршала, что онъ двинулъ на приступъ, не имѣя плана, не обозрѣвъ мѣстнаго положенія и безъ всякой пощады войска. Но порицатель долженствовалъ бы замѣтить: 1) что не всегда можно достать исправные и вѣрные планы чужихъ крѣпостей; что російскій дворъ, при открытіи войны съ Портою, не имѣлъ никакого плана Очакова. Что надлежало довольствоваться тѣмъ, который на-скоро и, можетъ быть, во многихъ мѣстахъ по соображенію, снялъ инженеръ, посланный въ крѣпость съ нѣкоторыми порученіями къ сераскиру. 2) Происшествія такъ быстро слѣдовали одно за другимъ, что не оставалось фельдмаршалу времени изслѣдовать силу укрѣпленій, чего всеконечно не оставилъ бы учинить Минихъ, если бы предстояла правильная осада. 3) Не съ тѣмъ намѣреніемъ повелъ онъ войско къ сторонѣ крѣпости, лучше укрѣпленной, чтобы произвести приступъ,—но симъ средствомъ желалъ единствен-

но озаботить гарнизонъ и воспрепятствовать ему тушить усилившійся отъ бомбардированія пожаръ; напоследокъ скажемъ, что если осуждаютъ Миниха за то, что онъ учинилъ нападеніе на покрытый путь, въ который почти весь гарнизонъ бросился, укрываясь отъ пламени, пожиравшаго Очаковъ, и что при семь случаѣ осаждающіе потеряли много народа, то съ равною несправедливостію можно уворать его и за покореніе въ двадцать четыре часа крѣпости, управляемой храбрымъ сераскиромъ, охраняемой двадцатью тысячами отборнаго войска, образованнаго извѣстнымъ Боневалемъ, и вооруженной многочисленною артиллеріею. Быть можетъ, что, отозвавъ на нѣкоторое время съ гласиса торжествующее войско, уменьшилъ бы фельдмаршалъ ужасное кровопролитіе, коему подвергся гарнизонъ: но подобныя движенія, въ виду непріятеля, въ отчаяніе приведеннаго, нельзя производить собственныхъ силъ безъ величайшей опасности. Разразившаяся бомба цѣлый пороховой погребець подняла на воздухъ, потрясла и низринула прилежащія строенія, увеличила и пожаръ и ужасъ: и такъ, надлежало воспользоваться смятеніемъ гарнизона, и среди пламени, пожирающаго городъ, не теряя ни одного мгновенія, внести побѣдоносное оружіе внутрь крѣпости.

О ссорѣ гр. Миниха съ Кейтомъ.

[Зап. Маншт., стр. 115—116].

Не взирая на неудовольствіе, причиненное графомъ Минихомъ г. Кейту при нападеніи на покрытый путь Очакова, при чемъ г. Кейтъ опасно былъ раненъ въ колѣно; не взирая, что неудовольствіе сіе произвело между ими охлажденіе дружества, — не взирая на все это, оба полководца не преставали взаимно уважать другъ друга. Слѣдующій случай послужить доказательствомъ заключенію моему. Г. Кейтъ, послѣ возмущенія гвардіи въ станѣ передъ Выборгомъ, негодуя на безпорядокъ и ослушаніе, водворившееся въ войскахъ подъ начальствомъ фельдмаршала графа Лассія, въ присутствіи многихъ офицеровъ сказалъ:

— «Очень примѣтно, что не Минихъ предводительствуетъ сими войсками. Желательно, дабы хотя на одни сутки явился онъ предъ лицомъ ихъ: съ появленіемъ Миниха все бы привало иной видъ!»

О кампаніи, въ 1737 году произведенной.

[Зап. Маншт., стр. 150].

Фельдмаршалъ, вынужденный въ прошедшемъ году вести армію свою чрезъ необитаемыя степи, и тогда весьма желалъ взять направленіе чрезъ польскую Украину; но въ 1736 году російскій дворъ тщательно уважалъ неприкосновенность областей польской Украины, всевозможно остерегаясь подать приверженникамъ Станислава малѣйшій поводъ къ вооруженію, желалъ весь польскій народъ расположить къ признанію Бирона курляндскимъ герцогомъ. Но когда все сіе совершилось и Биронъ былъ утвержденъ въ своемъ достоинствѣ, тогда перестали падать поляковъ, и графъ Минихъ получилъ повелѣніе выступить въ Молдавію кратчайшимъ путемъ. Потребовали отъ республики позволенія провести армію, и, не дожидая отвѣта, немедленно ввели войска въ польскіе предѣлы. Предъявивъ, что необходимость, не покоряющая себя никакимъ законамъ, принудила предпринять сей походъ, обѣщали наблюдать строжайшее благочиніе и за всѣ припасы платить наличными деньгами. Сначала, когда російскія знамена приближались къ границамъ республики, поляки громогласно кричали, что никакъ не допустятъ нарушить нейтралитетъ. Но когда увидѣли себя окруженными російскими силами,—въ мигъ умолкли и смирились.

О письмѣ графа Миниха къ князю Лобковичу.

[Зап. Маншт., стр. 168—173].

Письмо сіе, лучше написанное на нѣмецкомъ языкѣ, нежели переведенное на французскій, надѣлало много шума. Вънское министерство принесло жалобу за оное; но петербургскій дворъ изъяснилъ свое удовольствіе графу Миниху. Сама Австрія не могла сокрыть справедливаго негодованія къ торопливости, съ кою Нейпергъ и Валлисъ, при посредствѣ французскаго министра маркиза Вилленева, заключили постыдный миръ. Миръ сей исхитилъ у Россіи весь плодъ побѣды и завоеваній, и вовсе разрушилъ принятое и обдуманное преднамѣреніе унижить гордость оттоманъ и предписать законы султану предъ стѣнами Константинополя.

Объ умерщвленіи шведскаго маіора Цинклера.

[Зап. Маншт., стр. 177—179].

До самаго происшествія съ Цинклеромъ, Россія не подавала Швеціи ни малѣйшаго повода къ неудовольствію. Напротивъ, штокгольмскій дворъ, не обрѣтая средствъ къ вознагражденію чрезвычайныхъ потерей, имъ повесенныхъ, не преставаля оказывать недоброжелательство свое къ Россіи, пользовался всѣми случаями, дабы вредить сей державѣ, стараясь всегда слабыя силы свои подкрѣплять дѣйствіями какаго нибудь могущественнаго союзника. Во время осады Гданска присланы были изъ Штокгольма въ полякамъ, державшимъ сторону Станислава, тридцать офицеровъ; они служили во все продолженіе осады, а по покореніи города графъ Минихъ отправилъ ихъ на фрегатѣ въ Штокгольмъ. Извѣстно было, что Швеція получила вспомогательныя деньги отъ версальскаго двора, и что она домогалась исходатайствовать денежныя пособія отъ Порты, обѣщаясь учинить развлеченіе руссійскихъ силъ въ пользу турковъ. Но какъ штокгольмскій кабинетъ крайне мѣшкотно приступалъ къ совершенію предложеній своихъ, то Россія предуслѣла разрушить замыслы его, заключивъ миръ съ оттоманами. Что принадлежитъ до умерщвленія шведскаго маіора Цинклера, везшаго изъ Константинополя утвержденный со Швеціею союзный договоръ, то въ тогдашнее время представлены были убѣдительныя доказательства, что отправленнымъ для сего русскимъ офицерамъ приказано было токмо захватить бумаги, находившіяся у Цинклера. Посягнувшіе на жизнь его офицеры были преданы суду и за самовольный поступокъ достойнымъ образомъ наказаны, а къ оправданію памяти графа Миниха замѣчу, что онъ никакого участія въ семъ дѣлѣ не принималъ. Получивъ изъ Петербурга предписаніе, онъ токмо приказалъ избрать и отправить куда слѣдовало офицеровъ, которые исполняли и поступали по даннымъ имъ наставленіямъ отъ министерства.

Причины несчастія и казни кабинетскаго министра Волинскаго.

[Зап. Маншт., стр. 188—190].

Умный Волинскій зналъ совершенно, что крайне опасно явнымъ образомъ возставать противу могущественнаго временщика. Записка, о коей упоминаетъ Манштейнъ, не иное что была,

языкъ переводъ на російскій языкъ стариннаго италянскаго сочиненія съ приложеніемъ письма къ императрицѣ, въ видѣ приношенія. Г. Волинскій страстно любилъ чтеніе, но, не зная инаго языка кромѣ природнаго, поручалъ переводить для себя разныя иностранныя книги; такимъ образомъ, между прочими, переведено было Макиавелево сочиненіе. Переводъ сей г. Волинскій предварительно показывалъ Бирону, а потомъ, съ согласія герцога, поднесъ государынѣ, присоединивъ къ оному письмо, въ коемъ, сказавъ много ласкательнаго на счетъ Анны Іоанновны, утверждалъ, что сочинитель желалъ единственно порицать тирановъ, и, изложивъ жестокія ихъ дѣянія, представилъ пути, по которымъ должны существовать добродѣтельные монархи. Поднесеніе сіе не имѣло никакихъ послѣдствій, и даже, при торжествѣ заключенія мира съ турками, г. Волинскій, наравнѣ съ другими государственными чиновниками, получилъ въ награжденіе двадцать тысячъ рублей серебромъ. Но, четыре мѣсяца спустя потомъ, злополучный сей министръ погубилъ себя безвозвратно. Императрица поручила тайному кабинету разсмотрѣть требованіе нѣкоторыхъ поляковъ, просившихъ вознагражденія за убытки, причиненные имъ при проходѣ російскихъ войскъ. Дѣло сіе рѣшено было въ пользу просителей. Одинъ Волинскій былъ противнаго мнѣнія. Представивъ, что всѣ поляки вообще принимали сторону враговъ Россіи—турокъ, Волинскій доказывалъ, что требованія просителей вовсе неосновательны, показанія ихъ вымышленныя, доводы пустыя, и заключилъ тѣмъ, что, не будучи ни владѣльцемъ въ Польшѣ, ни вассаломъ сей республики, не находитъ ни малѣйшей причины ласкать и щадить народъ, издревле враждебный отечеству нашему.

Такое заключеніе не могло понравиться Бирону. Онъ оскорбился словомъ: вассалъ, и въ тотъ же день просилъ императрицу, чтобы она повелѣла судить его и Волинскаго. Легко вообразить можно, что предали суду одного послѣдняго, взяли его подъ стражу и посадили въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ, среди жесточайшихъ пытокъ, вынудили отъ него признаніе, что, поднося императрицѣ Макиавелево сочиненіе, желалъ онъ представить изображеніе наперсника ея. Дабы обвинить Волинскаго въ оскорбленіи величества, исторгли у него признаніе, что заставлялъ онъ переводить сочиненную Юстомъ Липсіемъ исто-

рію Іоанны II, неаполитанской королевы, и противу нѣкоторыхъ мѣстъ въ книгѣ написалъ: она, она,—разумѣя подъ сими словами российскую императрицу. Долговременная служба въ полѣ, судахъ, на конгрессахъ, напослѣдокъ—въ верховномъ мѣстѣ; умъ, отличная способность въ дѣламъ,—ничто не могло спасти несчастнаго министра отъ гоненія злобнаго и кровожаднаго временщика. Оберъ-шталмейстеръ и кабинетный министръ Артемій Петровичъ Волинскій, среди многолюдной толпы народа, привлеченнаго любопытствомъ и въ трепеть ужасомъ поверженнаго, лишился головы на лобномъ мѣстѣ, въ Петербургѣ, въ 1740 году. Не укротилась симъ лютость тирана; вмѣстѣ съ Волинскимъ пострадали и другія жертвы: тайный совѣтникъ и сенаторъ графъ Платонъ Мусинъ-Пушкинъ и генераль-кригсъ-коммисарь Соймоновъ—какъ друзья злополучнаго; тайный совѣтникъ Хрущевъ, гофъ-интендантъ Еропкинъ и секретарь Зуда—за переводъ книгъ, а кабинетскій секретарь Эйхлеръ—за то, что онъ сообщалъ Волинскому разговоры, каковыя иногда императрица имѣла о немъ съ Бирономъ. Хрущевъ и Еропкинъ казнены; графъ Мусинъ-Пушкинъ и Соймоновъ, по лишеніи чиновъ—а первый и ордена св. Александра,—заклучены въ заточеніе, а Эйхлеръ и Зуда наказаны вѣнцомъ и сосланы въ Сибирь. На столь безчеловѣчныя приговоры склонялася Анна постыднымъ образомъ управляемая иноплемennemъ извергомъ!

Описаніе послѣднихъ дней императрицы Анны Іоанновны.

[Зап. Майшт., стр. 192-193].

Г. Майштейнъ не могъ достовѣрно знать о подробностяхъ, происходившихъ во время болѣзни императрицы Анны Іоанновны, ни о проискахъ герцога Бирона, въ послѣдніе дни жизни благодѣтельница его употребленныхъ; почему почитаю нужнымъ поправить погрѣшности сего сочинителя.

Анна Іоанновна нѣсколько лѣтъ страдала подагрой, но отнюдь не опасно. Скрытная и злѣйшая ея болѣзнь была каменная, ибо, по вскрытіи тѣла по кончинѣ императрицы, нашли въ чреслахъ камень такой величины, что онъ обнималъ всю внутренность утробы и совершенно обезобразилъ устроеніе оной. Въ полдень 6-го октября 1740 г. Анна Іоанновна, сѣвши за обѣдъ съ герцогомъ курляндскимъ и

его супругою, едва скушала нѣсколько ложекъ супа, какъ, вдругъ почувствовавъ тошноту, упала въ обморокъ. Немедленно перенесли ее въ почивальную и положили на кровать, въ совершенномъ безпамятствѣ. Биронъ, приведенный симъ внезапнымъ несчастіемъ въ крайнее смятеніе, выбѣжалъ въ переднюю, дабы послать за врачами, и усмотрѣвъ тутъ президента коммерцъ-коллегіи барона Менгдена, обыкновенно въ сей часъ посѣщавшаго его, поручилъ ему, какъ можно поспѣшнѣе, увѣдомить графа Миниха о болѣзни императрицы и просить его немедленно пріѣхать во дворецъ. Въ то же время послалъ за кабинетскими министрами княземъ Черкасскимъ и графомъ Бестужевымъ, и за оберъ-гофмаршаломъ графомъ Левенвольдомъ.

Графъ Минихъ немедленно пріѣхалъ во дворецъ, гдѣ нашель уже оберъ-гофмаршала г. Левенвольда. Едва лишь фельдмаршалъ вошелъ, какъ Биронъ, выказывая крайнее отчаяніе и заливаясь слезами, произнесъ:

— «Ахъ! я самый злополучнѣйшій человѣкъ; теряю преждевременно и внезапно государыню, удостоивавшую меня неограниченною довѣренностью, осыпавшую меня благодѣяніями несчетными. Что послѣдуетъ со мною по кончинѣ ея? Чего ожидать мнѣ въ государствѣ, въ которомъ множество людей, въ награду оказанныхъ мною отечеству заслугъ, питаютъ ко мнѣ не благодарность, а ненависть? Впрочемъ, личная моя польза не столько занимаетъ сердце мое, какъ бѣдствіе, неминуемо угрожающее государству по кончинѣ императрицы: наслѣдникъ еще въ пеленахъ, и права его требуютъ утвержденія государыни. Нельзя предвидѣть всѣхъ гибельныхъ послѣдствій, каковыя можетъ произвести о семъ манифестъ, обнародованный въ настоящихъ обстоятельствахъ, среди такого народа, который всегда во времена малолѣтія своихъ государей предавался возмущеніямъ и всякимъ неистовствамъ. Шведы, производящіе сильныя вооруженія, не преминутъ, среди безпорядковъ и несогласій, напасть на Россію. И такъ, въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ, крайне нужно, дабы правленіе ввѣрено было рукъ такой особы, которая, вѣдая совершенно о положеніи всѣхъ государственныхъ дѣлъ, одарена бы была потребною твердостью для обузданія мятежныхъ головъ и удержанія благоустройства въ нѣдрахъ имперіи. Хотя, по справедливости, нельзя порицать характера принцессы Анны,

матери малолѣтняго наслѣдника, но должно опасаться, что, учинившись правительницею, а вмѣстѣ съ тѣмъ самовластною, призоветъ она въ Россію герцога мекленбургскаго, родителя своего, и допуститъ его мѣшаться въ дѣла государства. Своенравіе и суровость сего принца извѣстны, и онъ легко завлечетъ дочь свою къ поступкамъ пагубнымъ. Что принадлежитъ до принца брауншвейгскаго, то еще менѣе можно вѣрить ему кормило народоправленія: ибо нѣтъ сомнѣнія, что тогда Россія будетъ управляема австрійскимъ посломъ; слѣдственно, неизбѣжно завлечется во всѣ брани вѣнскаго двора».

Едва окончилъ Биронъ рѣчь свою, какъ прибыли князь Черкасскій и г. Бестужевъ; и симъ господамъ повторилъ онъ сказанное фельдмаршалу и графу Левенвольду. Князь Черкасскій прежде всѣхъ сказалъ:

— «Я не знаю никого способнѣе и достойнѣе вашей свѣтлости въ управленію государствомъ. Во все продолженіе царствованія императрицы, съ толикою ревностію и успѣхомъ вы производили всѣ дѣла государственныя. Мудрость и искусство ваши всѣмъ извѣстны; частныя выгоды герцогства вашего тѣсно сопряжены съ пользами Россіи. И такъ, для блага отечества нашего, всеусерднѣйше прошу вашу свѣтлость продолжать ваше попеченіе о Россіи, подъ какимъ то ни было титуломъ».

Тайный совѣтникъ Бестужевъ повторилъ то же привѣтствіе; графы Минихъ и Левенвольдъ, ясно видя, что всякое противорѣчіе будетъ бесполезно, должны были изъяснить и свое согласіе. Дѣйствительно, обстоятельство сіе было самое затруднительное, въ каковомъ токмо можетъ находиться честный человѣкъ. Самая работливая лезть, въ угожденіе императрицѣ, оказываема была всѣми царедворцами Бирону и всей его фамиліи; а непомѣрная строгость, съ кою наказывала за малѣйшее оскорбленіе, наперснику ея учиненное, привела всѣхъ въ страхъ. А потому никто не отваживался противорѣчить могущественному временщику. Хотя врачи не уповали, чтобы государыня выздоровѣла, однако не смѣли объявить и о приближеніи кончины ея. И такъ, еслибы получила она облегченіе въ болѣзни на нѣсколько токмо дней, то и сего времени достаточно-бъ было, дабы безвозвратно погубить дерзнувшаго оказать Бирону не токмо сопротивление, но и малѣйшее прекословіе.

Выманивъ отъ призванныхъ особъ желаемое предложеніе, коварный Биронъ произнесъ:

— «Чрезмѣрно бы изумило меня предложеніе ваше, еслибы не былъ я твердо увѣренъ, что оно внушено вамъ чувствами искренней ко мнѣ приверженности. Но размыслите, одобрить ли общество желаніе ваше, на любви къ отечеству основанное? Я иноземецъ, и знаю, что благоволеніе императрицы навлекло мнѣ безчисленное множество завистниковъ. Знаю, что благонамѣреннѣйшія мои распоряженія всегда обезображиваемы были гнуснѣйшею клеветою. Что же послѣдуетъ въ то время, когда восприму я верховную власть? До сего дня единственно покровительство государыни охраняло меня. Кто пожелаетъ и въ силахъ будетъ защитить меня впредь? По милости и щедротѣ всемилостивѣйшей нашей монархини, я нахожусь въ столь счастливомъ положеніи, что не остается мнѣ ничего иного желать, какъ пристойнымъ образомъ возвратиться въ Курляндію и жить тамъ въ тишинѣ и спокойствіи. Я надѣюсь, что вы, лучшіе мои друзья, не пожелаете лишить меня сего утѣшенія».

Нельзя не похвалить сей рѣчи; но каково было заключеніе оной?

— «Впрочемъ,—продолжалъ Биронъ,—если что нибудь можетъ склонить меня къ воспріятію тяжкаго бремени, вами предлагаемаго, то единственно чувство глубочайшей благодарности къ благодѣяніямъ, изліяннымъ на меня императрицею, и пламенное усердіе мое къ благоденствію и славѣ Россіи. Однако, не вѣдая о семъ важномъ предметѣ мнѣнія другихъ благонамѣренныхъ патріотовъ, ни на что не могу я рѣшиться, и прошу васъ собрать завтрашняго дня совѣтъ изъ первѣйшихъ государственныхъ чиновъ».

Сказавъ сіе, Биронъ присовокупилъ, что въ настоящихъ обстоятельствахъ всего нужнѣе объявить скорѣе наслѣдникомъ престола малолѣтняго принца Іоанна; для чего просилъ призванныхъ господъ немедленно отправиться къ графу Остерману, согласиться съ нимъ о всѣхъ потребныхъ распоряженіяхъ и приготовить къ завтрашнему утру манифестъ.

Покоряясь волѣ Бирона, всѣ вышеупомянутыя особы тотчасъ поѣхали къ Остерману. Министръ сей, страдавшій разслабленіемъ въ ногахъ, уже нѣсколько лѣтъ не выѣзжалъ изъ дома. Узнавъ

о бывшемъ разговорѣ съ герцогомъ, крайне осторожный во всѣхъ своихъ поступкахъ, графъ Остерманъ не только послѣшилъ изъяснить согласіе, но и присовокупилъ, что въ случаѣ если герцогъ отречется принять на себя предлагаемое достоинство, надлежитъ просить императрицу, дабы она благоволила преклонить его къ сему. Потомъ, составивъ, съ общаго согласія, манифестъ о наслѣдіи престола, условились, чтобы для разсужденія о регентствѣ собрать чрезвычайный совѣтъ, въ которой, сверхъ министровъ тайнаго кабинета, пригласить еще нѣсколько изъ знаменитѣйшихъ чиновниковъ.

На другой день Биронъ, получивъ заготовленныя бумаги, пошелъ къ императрицѣ, поднесъ ей къ подписанію манифестъ и указъ объ обнародованіи онаго. По подписаніи, немедленно манифестъ отнесли въ придворную церковь, прочли его предъ многочисленнымъ собраніемъ и тутъ же приняли на вѣрность Іоанну, какъ наслѣднику всероссійскаго престола, присягу отъ всѣхъ знатныхъ чиновъ, при семъ случаѣ присутствовавшихъ. Гвардейскіе полки, собранные на площади предъ дворцомъ, то же учинили. А прочіе жители Петербурга приведены были къ присягѣ въ приходскихъ церквахъ.

Непосредственно по совершеніи сего обряда, приступили къ разсужденію о регентствѣ. Всѣ, признавъ герцога Бирона единственною особою, способною управлять государствомъ, опредѣлили поднести о семъ докладъ императрицѣ и убѣдительноше просить, дабы ея величество благоволила преклониться на желаніе народа (такъ самопроизвольно собраніе располагало волею онаго)—повелѣла бы герцогу управлять государствомъ до совершеннолѣтія наслѣдника и соизволила бы подписать о семъ постановленіе. Графъ Остерманъ, принесенный въ собраніе въ креслахъ, вызвался представить государынѣ прошеніе и постановленіе къ подписанію; но только по прошествіи трехъ сутокъ Биронъ успѣлъ исходатайствовать у императрицы позволеніе допустить къ ней Остермана. Симъ временемъ воспользовались, чтобы присовокупить къ просителямъ еще человекъ пятьдесятъ изъ почетнѣйшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ.

Легко предуслѣлъ Биронъ въ назначеніи преемника престола; но, не смотря на великую власть его надъ сердцемъ Анны

Іоанновны, чрезвычайнаго труда стоило ему убѣдить государыню сдѣлать прочія распоряженія объ управленіи государствомъ. Устраняя самую мысль о смерти, она съ гнѣвомъ принимала всякое разсужденіе объ оной, а предложеніе Бирона называла предвѣстіемъ кончины своей. Напослѣдовъ, по неотступнымъ домогательствамъ любимца, допустила къ себѣ графа Остермана. Министръ сей, изложивъ съ величайшимъ краснорѣчіемъ и силою затруднительное положеніе государства, растрогаль императрицу. Потребовавъ принесенныя имъ бумаги, равнодушно положила ихъ подъ изголовье свое, сказавъ вратво: «Я разсмотрю».

Нѣсколько дней прошло, а императрица ничего не упоминала о поднесенныхъ ей бумагахъ. Встревоженный Биронъ, страшась, что родственная любовь къ принцессѣ Аннѣ удерживаетъ государыню утвердить предложенныя распоряженія, до такой степени забылся, что поручилъ барону Менгдену объясниться съ принцессою и внушить ей, что благоденствіе ея собственное и малолѣтнаго ея сына требуетъ, дабы она всевозможно старалась убѣдить императрицу возложить на Бирона правленіе государства. Принцесса, терпѣливо выслушавъ странное сіе предложеніе, отвѣчала:

— «Я никогда не мѣшалась въ государственныя дѣла, а при настоящихъ обстоятельствахъ еще менѣе осмѣлюсь приступить къ сему. Хотя здравіе императрицы находится въ величайшей опасности, но я уповаю, что, при милости Божіей, она оправится отъ болѣзни. Сердце мое нивязь не позволяетъ мнѣ предвѣщать кончину любезнѣйшей моей тетки... Впрочемъ, мнѣ кажется, что герцогъ все уже сдѣлалъ, убѣдивъ государыню къ наименованію наслѣдника престола, и, имѣя свободный доступъ къ ея величеству, удобно можетъ исходатайствовать утвержденіе ея и на прочія распоряженія объ управленіи имперіи. Что принадлежитъ до меня, то, покоряясь совершенно волѣ императрицы, моею благодѣтельница, я безпрекословно буду повиноваться всему, что благоугодно будетъ ей постановить».

Биронъ никому не открылъ о переговорахъ съ принцессою, ни объ отвѣтѣ ея; но повѣренный тайны его сообщилъ о семъ нѣкоторымъ членамъ совѣта. Въ ономъ немедленно опредѣлили, чтобы отправить двухъ членовъ къ принцессѣ и отъ лица всего совѣта убѣдить ее принести просьбу императрицѣ. Но гос-

пода сіи, бывшіе у принцессы на другой день, получили отъ нея отзывъ, совершенно подобный сдѣланному барону Менгдену.

Императрица, не взирая на жестокое расслабленіе свое, сохраняла всю память и рассудокъ. Она чувствовала и понимала, что право опеки надъ младенцемъ, наслѣдникомъ престола, по всей справедливости принадлежитъ родителямъ его. А потому никакъ не рѣшалась назначить регентомъ Бирона; государыня всемирно отклоняла любимца своего отъ сего пагубнаго замысла. Убѣждала въ безразсудности оногo, и съ истинно милостивымъ чистосердечіемъ сказала ему:

— «Я сожалѣю о тебѣ, герцогъ: ты стремишься къ гибели своей».

Но какія препоны могутъ воздержатъ тщеславнаго честолюбца? высокоуміе и подлость неразлучно шествуютъ; горделивецъ по приличію принимаетъ на себя личину и той и другой. Биронъ въ сіе время старался всѣхъ обласкать. Всѣ имѣвшіе доступъ къ больной императрицѣ не переставали дѣлать ей внушенія, согласныя съ намѣреніемъ герцога. Наконецъ, неотступными просьбами и всякими происками, Биронъ достигъ желанія своего: Анна Іоанновна, призвавъ графа Остермана, подписала постановленіе о регентствѣ, которое немедленно и положили въ шкафъ, стоявшій съ драгоценными вещами подлѣ императрицыной постели! Весьма вѣроятно, что монархиня, ежечасно теряя тѣлесныя силы и пришедши въ крайнее изнеможеніе, не читала сего постановленія, сочиненнаго по точной волѣ Бирона, и подоврѣваю, что подписала оное, худо вѣдавъ о содержаніи его.

Когда императрица позвала къ себѣ графа Остермана, тогда прочіе министры собрались въ комнатахъ Бирона, и тамъ, колеблемые страхомъ и надеждою, ожидали рѣшенія ея. Графъ Остерманъ не замедлилъ успокоить ихъ, принесъ важное извѣстіе о подписаніи постановленія. Скоро пришелъ и самъ герцогъ, благодарилъ ихъ именемъ государыни, присовокупивъ, что ея величество весьма милостиво приняла подвигъ ихъ и обѣщала каждому изъ нихъ оказать явные опыты благоволенія своего, коль скоро получить облегченіе въ болѣзни. Желая изъяснить и свою признательность, Биронъ не встати употребилъ слова сіи: «Вы, господа, поступили какъ римляне!» По видимому, онъ хотѣлъ сказать: какъ патріоты.

Не взирая на то, что болѣзнь императрицы усиливалась примѣтнымъ образомъ, ежедневно принимала она въ себѣ царевну Елисавету Петровну, принцессу Анну и супруга послѣдней принца Брауншвейгскаго. Октября 17-го числа, по полудни, Анна Іоанновна лишилась владѣнія лѣвой ноги, а когда, вечеромъ въ тотъ день, вошли въ почивальню принцъ и племянница ея, то она простилась съ ними съ величайшимъ спокойствіемъ духа. Въ девять часовъ приключились съ нею сильныя судорожныя припадки; по успокоеніи отъ оныхъ, велѣли ввести духовника, придворныхъ священниковъ и пѣвчихъ, для совершенія по обряду греко-россійской церкви молитвы, и пригласили присутствовать при оной знаменитѣйшихъ изъ случившихся тогда во дворцѣ особъ. Не смотря на расслабленіе свое, Анна Іоанновна узнала графа Миниха и дрожащимъ голосомъ сказала ему: «прощай, фельдмаршалъ!» Не могли распознать другихъ предстоявшихъ, ко всѣмъ вообще произнесла «прощайте!» Послѣ сего собороваши государыню масломъ и окропили святою водою. Среди жесточайшихъ припадковъ, императрица съ большою твердостью и упованіемъ на Бога предала въ руки Его душу въ волю. Такъ скончалась Анна Іоанновна, имѣя отъ рожденія 46 лѣтъ 8 мѣсяцевъ 19 дней.

Нѣкоторыя подробности, относящіяся къ особѣ императрицы Анны Іоанновны и къ правленію ея.

[Зап. Маншт., стр. 19—194].

Царствованіе императрицы Анны Іоанновны составляетъ эпоху, обильную важными для Россіи происшествіями, почему поставляю себѣ долгомъ представить нѣкоторыя подробности, относящіяся къ особѣ сей государыни и къ ея правленію.

Анна Іоанновна, дочь царя Іоанна Алексѣевича и Прасковьи Феодоровны, изъ дома бояръ Салтыковыхъ, родилась въ Москвѣ 1694 г. января 28-го. Лишась въ младенчествѣ родителя, оставалась на попеченіи роднаго дяди своего Петра Великаго, который отлично жаловалъ ее. Въ 1710 г. Фридрихъ I-й, въ Маріенвендерѣ, предложилъ въ супруги Аннѣ Іоанновнѣ близкаго своего родственника Фридриха Вильгельма, герцога курляндскаго. Императоръ принялъ предложеніе и бракъ совершился въ С.-Пе-

тербургѣ. Но счастье молодыхъ супруговъ не долго продолжалось: отъѣзжая изъ Россіи въ Курляндію, герцогъ занемогъ на дорогѣ и умеръ въ Кипени. По кончинѣ супруга, Анна Іоанновна, до самаго избранія ея на всероссійскій престолъ, имѣла постоянное пребываніе въ Митавѣ. Тамъ, въ придворномъ ея статѣ, находилось нѣсколько особъ изъ придворныхъ россіянъ; но всею довѣренностью сей государыни обладалъ Биронъ.

Высокій станъ и видъ величественный Анны Іоанновны внушали къ особѣ ея благоговѣніе. Благородство и привлекательность лица награждали въ ней недостатокъ красоты. Глаза имѣла она большіе, голубые и острые, носъ орлиный; пріятныя уста, съ прекрасными зубами; волосы на головѣ каштановаго цвѣта; лицо рябоватое, тѣло смуглое; голосъ чистый и сильный. Одаренная крѣпкимъ сложеніемъ тѣла, ведя жизнь умѣренную и единообразную, государыня сія могла бы еще долго прожить, ежели-бъ подагра, а особенно жестокая каменная болѣзнь не сократили дней ея. Государыня сія была умна, судила о вещахъ здраво и сообразно съ тѣмъ поступала во всѣхъ случаяхъ, когда предубѣжденіе и пагубная страсть къ наперснику не препятствовали дѣйствіямъ ея. Краснорѣчіе украшало уста императрицы; разговоръ ея былъ пріятенъ и веселъ. Въ торжественныя дни представляла себя съ приличною важностью; благоволеніе свое изъявляла отборными и благопривѣтливими выраженіями; выговоры ея были чувствительны, но не оскорбительны.

Образъ жизни Анны Іоанновны расположенъ былъ порядочно: вставала она съ постели въ семь и часто въ шесть часовъ утра; за обѣдъ садилась ровно въ полдень, а за ужинъ въ девять часовъ вечера. Пища приготовлялась для нее самая простая. Ложились опочивать въ одиннадцать часовъ вечера. Каждый день выходила изъ внутреннихъ комнатъ въ собранія и оставалась въ оныхъ поутру отъ 11-ти часовъ до полудня, а послѣ обѣда съ пяти до восьми часовъ. Въ ежедневныхъ забавахъ не имѣла опредѣлительной и постоянной склонности; но избравъ единожды какую нибудь, не скоро оставляла ее. Въ первые годы царствованія своего, въ вечернихъ собраніяхъ играла въ карты; потомъ нѣкоторое время цѣлые вечера просиживала въ собраніяхъ, не вставая съ кресель: занималась разговорами и временно слушала рассказы шутовъ.

Императрица всегда изволила присутствовать при продажѣ съ публичнаго торга китайскихъ товаровъ, ежегодно ко двору привозимыхъ. Продажа сія происходила во дворцѣ, въ такъ называвшейся италянской залѣ; часто предлагала цѣну продаваемой вещи, и не гнѣвалась ежели кто изъ предстоявшихъ покупателей возвышалъ цѣну противъ объявленной ею. Послѣ, когда наскучило ей таковое времяпровожденіе, получила охоту къ стрѣлянью изъ ружей и толкое искусство приобрѣла въ оное, что не токмо мѣтко попадала въ цѣль, но наравнѣ съ лучшими стрѣлками убивала птицъ на-лету. Сею забавою, вовсе неприличною женскому полу, долге и почти до кончины своей занималась. Во дворцѣ, находившемся на берегу Невы, всегда въ комнатахъ ея стояли заряженныя ружья, изъ коихъ стрѣляла она изъ окна въ мимо летающихъ птицъ. Зимомъ ставили въ дворцовой галлерей мишень, въ которую, по вечерамъ, при яркомъ освѣщеніи, императрица метала изъ лука стрѣлы. Въ Петергофѣ построенъ былъ звѣринецъ, наполненный зайцами, кабанамъ, ланями, тунгускими и доставленными изъ Германіи прекрасными оленями. Тамъ, сидя подъ великолѣпнымъ намѣтомъ, утѣшалась, смотря на охоту, и сама изрѣдка стрѣляла по пробѣгающимъ звѣрямъ.

Въ частной жизни, Анна Іоанновна была ласкова и благопривѣтлива, болѣею частію весела и расположена къ шуткамъ; по природѣ добра, сострадательна и великодушна; но, къ несчастію ея и цѣлой имперіи, воля монархини окована была безпредѣльною надъ сердцемъ ея властію необузданнаго честолюбца. До такой степени Биронъ господствовалъ надъ Анною Іоанновною, что всѣ поступки свои располагала она по прихотямъ сего деспота, не могла надолго разлучиться съ нимъ, и всегда не иначе, какъ въ его соупутствіи, выходила и выѣзжала. Невозможно болѣе участія принимать въ радости и скорби друга, сколько императрица принимала въ Биронѣ. На лицѣ ея можно было видѣть, въ какомъ расположеніи духа находился наперсникъ. Являлся ли герцогъ съ пасмурнымъ видомъ—мгновенно и чело государыни покрывалось печалью; когда первый казался довольнымъ, веселье блистало во взорѣ; неугодившій же любимцу тотчасъ примѣчалъ явное неудовольствіе монархини.

Биронъ, страстный охотникъ къ лошадямъ, болѣшую часть утра проводилъ въ конюшнѣ или въ манежѣ. Императрица,

сучая отсутствіемъ его, рѣшилась обучаться верховой ѣздѣ, дабы имѣть предлогъ въ сихъ мѣстахъ быть съ наперсникомъ своимъ, и потомъ довольно хорошо ѣздила по дамски.

Непомѣрная привязанность императрицы содѣлалась тягостною для Бирона. Приближенные его многократно слышали отъ него жалобу, что не имѣетъ онъ ни одного мгновенія для отдыха. Никогда Биронъ никого не посѣщалъ, ни у кого не обѣдалъ и не присутствовалъ на пирахъ и празднествахъ, даваемыхъ знатными боярами. Дабы удержать любимца отъ участія въ оныхъ, государыня осуждала и даже называла распутствомъ всякій пиръ и собраніе, въ коихъ, по сдѣланному ей донесенію, господствовала веселость. Биронъ, съ своей стороны, тщательно наблюдалъ, дабы никто безъ вѣдома его не былъ допускаемъ къ императрицѣ, и если случалось, что, по необходимой надобности, герцогъ долженствовалъ отлучиться, тогда при государынѣ неотступно находились Биронова жена и дѣти. Такимъ образомъ, всѣ поступки и рѣчи императрицы немедленно доводились до свѣдѣнія Бирона.

Принужденная и единообразная жизнь, естественно, долженствовала рождать скуку, а иногда охлажденіе и размолвку между императрицею и Бирономъ. Однако, когда встрѣчалось между ними кратковременное несогласіе, всевозможно старались они скрывать оное отъ внимательнаго взора царедворцевъ. Дабы имѣть какуюнибудь забаву и разсѣяніе, содержали при дворѣ толпу шутовъ обо-его пола, коихъ кривлянье и одежда, болѣе нежели разговоры, забавляли собраніе. Обыкновенно шуты сіи сначала притворялись ссорюющимися, потомъ приступали къ брани; наконецъ, не зная какъ лучше увеселить зрителей, порядочнымъ образомъ дрались между собою. Забавники сіи набирались безъ различія состоянія; въ числѣ ихъ находились нѣкоторые изъ лучшаго дворянства російскаго и вьяжескихъ родовъ. Странная наружность, дергота въ тѣлѣ, смѣшныя повадки, природная глупость, и всякая другая юродливость—составляли потребныя качества для пріема въ шутовское сословіе. Награды получали они соразмѣрно дарованіямъ своимъ. Главою ихъ былъ одинъ италіанецъ, прежде бывший скрыпачъ, по прозванію Петръ Мира или, сокращенно, Петрилло. Шутъ этотъ былъ дѣйствительно милъ и забавенъ, и умѣлъ нажить порядочный капиталъ. Балавиревъ также отличался острою и имѣлъ такую забавную наружность, что

при первомъ взглядѣ на него возбуждалъ къ смѣху. Страсть къ шутамъ и дуракамъ, унижающая человѣчество, и страсть къ сказочницамъ—распространилась по всему государству и долго оставалась преимущественною забавою знатныхъ и зажиточныхъ людей; въ мудрое правленіе Екатерины, просвѣщеніе, быстро озаряя Россію, представило благороднѣйшія занятія для ума.

Упомянемъ объ одномъ престранномъ и вовсе необыкновенномъ зрѣлищѣ, которое видѣли мы во дни Анны Іоанновны, въ Петербургѣ. Въ 1732 году, построена была на Невѣ изъ льда крѣпость, которую снабдили гарнизономъ и артиллеріею, и потомъ брали приступомъ. Но въ зиму 1739 г., по предложенію камергера Татищева, вздумали представить изумленному взору чудеснѣйшее позорище. На Невѣ, между дворцомъ и адмиралтействомъ, построили изъ чистаго льда, по всѣмъ правиламъ архитектуры, домъ изъ нѣсколькихъ комнатъ; всѣ украшенія зодчества, статуи, рамы и стекла въ окнахъ, столы, стулья, кровать съ постелью; печи—словомъ, всѣ внутренніе приборы и разная посуда, множество бездѣлушекъ—были сдѣланы изъ льда. Приготовили лдяныя свѣчи и дрова, которыя, будучи намазаны нефтью, горѣли; выточили изъ льда нѣсколько пушекъ и жортирь съ колесами и станками, изъ коихъ стрѣляли ядрами съ порохомъ; надѣлали слоновъ, дельфиновъ, деревья съ вѣтвями и листьями—все изъ льда. Не удовольствуясь таковою нелѣпостью, выстроили еще баню лдяную, многократно топили ее и въ ней парились. Призвали въ Петербургъ по нѣсколько чело- вѣкъ отъ различныхъ народовъ, въ Россіи обитающихъ. Напослѣдокъ, въ семь домѣ праздновали свадьбу одного чело- вѣка изъ знатнѣйшаго рода, невольнымъ образомъ посвященнаго въ шуты; парили новобрачныхъ въ лдяной банѣ. Признаюсь, что во всемъ этомъ дѣлѣ вижу я верхъ сумазбродства. Позво- лительно-ли употреблять руки чело- вѣческія на работу столь сует- ную, ничтожную? позволительно-ли столь постыднымъ образомъ унижать чело- вѣчество и насмѣхаться надъ нимъ? позволительно- ли издерживать государственное издженіе на прихоти и забавы вздорныя? Неоспоримо, что доброе правительство, и по любви къ народу, и по политическимъ видамъ, долженствуетъ доставлять обществу увеселенія. Но, забавляя, не должно развращать на- родные нравы. Въ то время, когда появились въ Петербургѣ

упомянутыя глупыя позорища, благодѣтельные лучи просвѣщенія, отверзтыя Петромъ Великимъ, начинали уже согрѣвать умы россиянь. Слѣдственно, правительство могло занимать ихъ полезнѣйшими зрѣлищами. Лучше-бъ было приказать представлять бывшія тогда въ большой чести италіанскія интермедіи, а, можетъ быть, еслибъ самъ дворъ обратился къ благороднѣйшимъ забавамъ, и тогда бы уже словесность наша украсилась драматическими твореніями. Теофанъ, Кантемиръ отыскали-бъ дарованія. Ломоносовъ и Сумароковъ въ сію эпоху уже существовали. Вездѣ и во всѣ времена дворъ отерываеъ, поддерживаетъ, оживляетъ дарованія. Безъ поощренія царя, изящнѣйшіе умы и дары природы самыя рѣдкіе—притупятся, погибнутъ и погребутся во мракѣ неизвѣстности.

Обыкновенная участь сильныхъ, властвующихъ страхомъ,—быть ненавидимыми, почему личная безопасность и польза ихъ требуетъ недреманнаго надзора за поступками общества. Биронъ, будучи увѣренъ въ первомъ, тщательное вниманіе обращалъ на послѣднее. Вѣроятно, что въ то время ни при одномъ европейскомъ дворѣ не находилось больше льстецовъ и наушниковъ, какъ при российскомъ. Ежедневно доносили государынѣ и герцогу обо всѣхъ разговорахъ въ извѣстнѣйшихъ домахъ, а какъ гнусное сіе ремесло отверзало путь къ милости и наградамъ, то самыя знатныя особы не стыдились заниматься онымъ. Легковѣріе непосредственно послѣдуетъ за подозрѣніемъ; почему не трудно было донощикамъ злоумышленно перетолковывать всѣ рѣчи и оклеветывать предъ подозрительнымъ правительствомъ людей безвинныхъ. Нерѣдко случалось, что тѣ самыя особы, которыя наканунѣ пользовались отличною благосклонностью императрицы, съ изумленіемъ на другой день видѣли отъ нея величайшую холодность, не постигая причины таковой внезапной перемѣны.

Анна Іоанновна любила убранство. Въ торжественные праздники надѣвала великолѣпныя одежды изъ богатѣйшихъ ліонскихъ парчей и бархатовъ, а въ прочіе дни носила платье простое, но со вкусомъ и яркихъ цвѣтовъ. Придворные чиновники, въ угожденіе императрицѣ, являлись во дворецъ, во дни рожденія, тезоименитства, восшествія на престоль и коронованія ея величества,

въ пребогатомъ одѣяніи. Она не жаловала темныхъ цвѣтовъ, Биронъ также не любилъ ихъ. Герцогъ часто одѣвался въ изпещренные штофные кафтаны, и почтенные старики, подражая ему, не стыдились наряжаться въ платья самыхъ странныхъ цвѣтовъ, на примѣръ, розоваго, свѣтложелтаго, лиловаго, ярко-зелено-попугайнаго.

Анна щедро награждала заслуги; никто изъ предшественниковъ ея не жаловалъ столь значущими денежными подарками. Петръ Великій охотнѣе жаловалъ за службу тысячу душъ крестьянъ, нежели десять тысячъ деньгами. Но и въ семь случаевъ надлежало искать милости у Бирона: всѣ награды получались посредствомъ его. Даже принцесса Анна, столь любимая государынею, съ огорченіемъ на опытѣ извѣдала, что безъ сего предстателя не могла-бъ она исхodataйствовать ни заплаты долговъ, ни прибавки содержанія. И сія, по природѣ щедрая, царица не смѣла и малѣйшаго подарка сдѣлать безъ вѣдома Бирона. Императрица была набожна и даже нѣсколько суевѣрна, однако, посѣщая по-часту храмы Божіи, созидая новые и щедро украшая существовавшіе, не допустила духовенство присвоить себѣ власти болѣе, сколько предоставлено оному было узаконеніями Петра Великаго.

Не только съ величайшимъ вниманіемъ Анна Іоанновна слушала государственныя дѣла, представляемыя министрами, но даже всегда освѣдомлялась объ отправленіи и исполненіи рѣшенныхъ ею. Усовершенствованіе внутренняго домоводства, распространеніе торговли, умноженіе мануфактуръ, усиленіе сухопутныхъ и морскихъ силъ—наиболѣе занимали попеченіе монархини.

Не взирая на кровопролитныя брани, происходившія почти во все теченіе царствованія ея, никогда не обременила народъ новымъ налогомъ. При заключенія мира съ Портою, даровала народу полугодовой подушный сборъ; окладъ подушный при ней состоялъ въ семи гривнахъ съ души мужскаго пола. Не токмо не оставила Анна Іоанновна по себѣ государственнаго долга, но даже по кончинѣ ея обрѣли въ запасѣ въ военномъ казначействѣ одинъ миліонъ двѣсти тысячъ, а въ солянномъ семьсотъ тысячъ наличныхъ денегъ серебряною монетою.

Умноживъ сухопутныя войска, оставила преемникамъ престола армію благоустроенную, подъ предводительствомъ искуснѣй-

шихъ полководцевъ. Повиновеніе російскаго ратника, терпѣніе его въ преодоленіи всѣхъ превратностей счастья, ничѣмъ непотрясаемая храбрость его на полѣ сраженія—во всѣ времена превосходили всякое вѣроятіе: но во дни Анны, благочиніе и порядокъ въ воинствѣ нашемъ могли почитаться образцовыми. Побѣги въ ономъ были вовсе невѣдомы. Сухопутныя силы при сей государынѣ простирались до 240,000 человекъ. Пѣхота, справедливо почитаемая душою войска, состояла на прекрасной ногѣ; всѣ эволюціи и эзерціи производились превосходно. На Сестрорѣцкомъ заводѣ, учрежденномъ, какъ большею частію и всѣ полезныя заведенія въ Россіи, Петромъ Великимъ, хорошо изготовлялось огнестрѣльное и холодное оружіе. Артиллерія также была умножена, и въ устройствѣ орудій послѣдовали, при Минихѣ, значительныя перемѣны; при ней учрежденъ въ Петербургѣ литейный дворъ. Конница регулярная не была приведена въ равное превосходство съ пѣхотою. Въ замѣну, Россія имѣла въ казакахъ такія легкія войска, какихъ ни одно европейское государство выставить не можетъ. Дабы снабдить тяжелую конницу добрыми лошадьми, императрица повелѣла выписать изъ Голштиніи и другихъ иностранныхъ земель знатное число лошадей лучшей породы, учредить конскіе заводы, и для содержанія оныхъ отвести богатые казенныя волости; въ самыхъ монастырскихъ владѣніяхъ заведены были таковыя заводы. Въ похвалу сего правленія по военной части надлежитъ упомянуть объ отмѣнѣ несправедливаго постановленія о жалованьи: иностранцы, находившіеся въ нашей службѣ, получали жалованье превосходнѣйшее противу природныхъ русскихъ; Анна Іоанновна повелѣла всѣмъ служащимъ производить равное содержаніе.

Хотя прилагала она попеченіе о флотѣ, совершенно пренебреженномъ по кончинѣ Петра Великаго, но не успѣла поставить оный на ту степень, въ каковой мы видѣли морскія російскія силы во дни Екатерины Великой, переносящіяся изъ одного океана въ другой и приводящія въ трепеть горделивый Стамбуль.

Торговля Россіи въ царствованіи Анны Іоанновны производилась успѣшно. Россія отпускала за море: поташъ, юфть, ленъ, пеньку, желѣзо, строевой и корабельный лѣсъ, разный хлѣбъ, медь, воскъ, сало, мѣха. Отъ англичанъ получала: олово, сви-

нець, кубовую краску, различныя желѣзныя издѣлія, кампешъ, квасцы и въ большомъ количествѣ сукна, полотняныя и кисейныя товары. Голландцы доставляли соль, сукна, полотна и множество пряныхъ корепьевъ. Торговля съ сими народами, какъ и со Швеціею, обращалась въ выгоду Россіи. Хотя не было непосредственной торговли съ Франціею, хотя рѣдко и видѣли въ нашихъ пристаняхъ купческія суда сей державы, но Франція, наводняя Россію винами своими, богатыми штофами, парчами, бархатами, шелковыми издѣліями, кружевами и всякими бездѣлушками, питающими роскошь, похитила отъ нея все золото, торговлею съ англичанами приобрѣтенное. Сухопутная торговля происходила съ Китаемъ, Персіею и другими азіатскими народами.

Подерѣпляя сибирскіе желѣзные и мѣдные заводы знатными денежными суммами, для правильнѣйшей разработки рудникоевъ и горнаго производства, императрица посылала молодыхъ людей въ чужіе края обучаться рудному дѣлу и выписала изъ Саксоніи, по соглашенію съ тамошнимъ дворомъ, опытныхъ рудоповъ и искусныхъ горныхъ чиновниковъ. При сей Государынѣ, для управленія горною частью, учреждена была генераль-оберъ-директорія, изданы штаты и положенія для заводовъ, открытъ г. Татищевымъ ¹⁾ богатый Гороблагодатскій рудникъ, учинены важныя поощренія вольнымъ промышленникамъ и пожалованы имъ къ заводамъ казенные крестьяне. Запущенные Перчинскіе сереброплавильные заводы при ней начали поправляться.

При сей Государынѣ были предприняты морскія путешествія: по Ледовитому морю, для открытія пути въ Восточной океанъ; къ берегамъ Америкы, для обозрѣнія Алеутскихъ острововъ; изслѣдованы и описаны нѣкоторые изъ Курильскихъ острововъ.

Заведеніе при академіи наукъ, въ Петербургѣ, гимназія и училища живописнаго и рѣзнаго художествъ, а особенно учрежденіе знаменитаго кадетскаго корпуса, обогатившаго Россію превосходными офицерами, и въ коемъ, при самомъ зарожденіи онаго, для Беллоны образовался славный Румянцевъ, для Мель-

¹⁾ Василій Никитичъ Татищевъ, знаменитый нашъ бытописатель.

Прим. рукоп.

помены явился Сумароковъ,—привлекають благодарность нашу къ именамъ тѣхъ знаменитыхъ мужей, предстательствомъ коихъ заведенія сія получили начало свое.

Неприведенныя къ окончанію великія преднамѣренія Петра Великаго императрица ревностно помышляла довершить. Въ ея царствованіе графъ Минихъ окончилъ славный Ладожскій каналъ; при ней ежегодно отпускаемо было по двѣсти тысячъ рублей на усовершенствованіе канала Кронштадтскаго съ принадлежащими къ оному водоемами.

Въ пребываніе Анны Іоанновны въ Петербургѣ, столица сія украсилась многими новыми зданіями; въ адмиралтействѣ построена башня и, вмѣсто большей части деревянныхъ домовъ, въ городѣ сооружены каменные. Хотя, впрочемъ, надлежитъ признаться, что вкусъ въ зодчествѣ былъ не самый изящнѣйшій: онъ представлялъ смѣшеніе италіанской, французской и голландской архитектуры. Послѣдней наиболѣе слѣдовали, вѣроятно, потому, что великій преобразователь Россіи почерпнулъ таковой вкусъ во время пребыванія своего въ Саардамѣ, гдѣ державная длань сего чудеснаго мужа, метавшая громы во враговъ, изливавшая безчисленныя щедроты на подданныхъ, не возгнушалась, въ поученіе россиянь, упражняться въ строеніи кораблей.

Мудрый Петръ вѣдалъ, что въ имперіяхъ, гдѣ процвѣтають мануфактуры, фабрики, художества, ремесла, тамъ роскошь полезна; обращая деньги въ нѣдрахъ государства, привлекаетъ она золото изъ чужихъ земель. Напротивъ того, въ державахъ, лишенныхъ сихъ пособій, роскошь крайне пагубна: ибо, питая ее, таковыя государства всѣ издѣлія вкуса, щегольства, прихоти—получаютъ отъ руки чужеземной. Все выписываютъ отъ другихъ, за все платятъ звонкою монетою. Почему великій монархъ всемѣрно устранялъ отъ двора своего суетную пышность и роскошь раззорительную. Вельможа времени Петра Великаго не старался отличать себя позлащенной одеждою. Преемники сего государя не съ подобною мудростію взирали на этотъ предметъ. Совокупленіе азіатской пышности съ изощренною роскошью европейскою впервые появилось при российскомъ дворѣ при Елизаветинѣ I, умножилось при Петрѣ II, а въ царствованіе Анны Іоанновны пышность при дворѣ, великолѣпіе въ строеніяхъ, роскошь въ убранствѣ дворцовъ, щегольство въ экипажахъ и одеждѣ—несрав-

ненно превышали времена всѣхъ ея предшественниковъ; однако, въ похвалу сей Государыни замѣтить надлежитъ, что расходы двора были распоряжаемы столь благоразумно, что не токмо не выступали изъ обыкновенно отпускаемой суммы, но ежегодно сберегались въ запасъ иногда и довольно значительные остатки. Для умноженія царскаго сокровища алмазными и другими вещами, для убранства и украшенія дворцовъ и загородныхъ домовъ, Анна Иоанновна употребила многіе миллионы рублей. Богатый ея золотой столовый приборъ употреблялся и при Екатеринѣ Великой.

Въ заключеніе скажемъ, что царствованіе императрицы Анны Иоанновны представляетъ разительное смѣшеніе добра и зла народнаго. Съ одной стороны, удивляемся громкимъ побѣдамъ воинства благоустроеннаго, твердой системѣ правительства, полезнымъ преобразованіямъ, учрежденіямъ, заводимымъ для блага государства, видимъ императрицу Анну уважаемую сѣверными державами, поддерживающею корону на главѣ польскаго короля, ласкаемою сильнѣйшимъ европейскимъ монархомъ Карломъ VI. Видимъ въ сіе время людей необыкновенныхъ и въ войскахъ и въ службѣ гражданской. Минихъ, Ласси, Левашевъ, Румянцевъ, Кейтъ, Левендадь, Леонтьевъ, Штофельнъ, Репнинъ, Загряжской, Сперейтеръ, Шпигель, Бутурлинъ, Гохмутъ, Дебрины, Ферморъ, Апраксинъ—являютъ и мужество и дарованія отличныя на ратномъ полѣ: нѣкоторые изъ нихъ вносятъ имя свое въ храмъ безсмертія. Остерманъ, Трубецкой, Салтыковъ, Чернышевъ, Волынской, Головкинъ, Бестужевы, Куракинъ, Панинъ, Бибииковъ, Вельяминовъ, Татищевъ—съ честію и похвалою трудятся въ кабинетѣ, судахъ, въ управленіи областей и градовъ; и изъ нихъ нѣкоторые, подобно знаменитымъ воинамъ, содѣлываютъ себя извѣстными потомству. Съ другой стороны—съ трепетомъ поражаемся народнымъ бѣдствіемъ. Непрерывныя брани, алчное и ничѣмъ необузданное лихоимство Биронова, неурожаи хлѣбныя въ большей части Россіи—привели народъ въ крайнюю нищету. Для понужденія къ платежу недоимокъ употребляли ужаснѣйшія безчеловѣчія, приводящія въ содроганіе и помышляющихъ объ оныхъ; уныніе, стонъ, слезы, вопль—распространились во всей имперіи. Съ ужасомъ усматриваемъ жестокія гоненія, заточенія въ темницы,

пытки, ссылки и самую смерть, коимъ преданы были многія полезныя, заслуженныя и знаменитыя особы, всѣ почти по одному подозрѣнію, либо по личной ненависти и мщенію, что и обнаруживаетъ явное неправосудіе—главный порокъ вѣщесосцевъ.

Напоследокъ, съ горестію должно сказать, что монархиня обширнѣйшаго въ свѣтѣ и славнаго государства, надѣленная отъ природы многими добродѣтелями, чрезъ непомѣрное снисхожденіе и даже, можно сказать, подобострастіе, своенравному, злобному и кровожадному наперснику, помрачила все сіяніе правленія своего. Современники въ глубинѣ сердца порицали страсть Анны Іоанновны къ злодѣю; но, благоговѣя къ преобладающей власти, не смѣли роптать явно, все съ терпѣніемъ переносили. Потомство, безъ лицепріятія разсматривая дѣянія всѣхъ, судить и владыкъ земныхъ: оно не престанетъ обвинять Анну Іоанновну за то, что допустила именемъ своимъ совершать насилія, жестокости, злодѣянія. Тотъ, кто, имѣя власть въ рукахъ своихъ, не останавливаетъ бѣдствія народнаго, содѣлывается врагомъ народа и имя его неизбежно предается безславію и справедливому порицанію потомства.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВОЛНЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ

ВЪ ЗАУРАЛЬСКОЙ ЧАСТИ ПЕРМСКАГО КРАЯ

въ 1842—1843 гт. ¹⁾

I.

Причины, вызвавшія волненія.—Начало волненій.—Мѣры, принятыя мѣстными властями.—Прибытіе отряда башкирскихъ казаковъ.—Распоряженія лѣсничаго.—Господиный Министеръ.—Лѣсничій идетъ въ с. Батуриинское.—Переговоры съ крестьянами.—Осажденные въ церкви.—Крестьяне требуютъ сдачи чиновниковъ.—Безуспѣшное нападеніе на церковь.—Недостатокъ сѣвѣнныхъ припасовъ.—Набѣгъ на село.—Подкрѣпленіе.—Отраженіе казаковъ отъ села.—Гульба.—Голодъ и болѣзни среди осажденныхъ.—Новое подкрѣпленіе.—Наказаніе главныхъ бунтовщиковъ.

«Безъ причины ничего не бываетъ», говоритъ народная молва; такъ и въ настоящемъ случаѣ—беспорядки между крестьянами произошли отъ нерадѣнія и безпечнаго отношенія къ дѣлу мѣстныхъ властей, которыхъ обязанность была разъяснить крестьянамъ цѣль новыхъ распоряженій правительства, т. е. пользу разведенія въ домашнемъ хозяйствѣ картофеля и устройства въ селеніяхъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ; картофель предназначался для замѣны другихъ, недостающихъ для жизни сельскохозяйственныхъ продуктовъ, а учрежденіе магазиновъ имѣло

¹⁾ Одно изъ волненій крестьянъ въ Пермской губерніи въ 1842 г., такъ называемый «картофельный бунтъ», рассказано П. П. Девя въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., томъ X, стр. 86—120, со словъ бывшаго волостнаго писаря, нынѣ волостнаго головы П. Г. Гурина. Рассказъ очень интересенъ. Нынѣ передаю подробности бывшихъ одновременно волненій въ различныхъ мѣстностяхъ пермскаго края; передаю какъ очевидецъ—по Запискамъ, тогда же, въ 1843 г., мною составленнымъ. Рассказъ былъ изложенъ, болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, въ третьемъ лицѣ; я оставилъ его въ томъ же видѣ. Лѣсничій—это самъ составитель Записокъ—М. С. Валевскій.

цѣлью, въ случаѣ неурожая, обезпечить крестьянамъ такой запасъ сѣмянъ для посѣва полей, чтобы они не были вынуждены прибѣгать къ временнымъ и крайне раззорительнымъ мѣрамъ, каковы — сбытъ по баснословно-дешевой цѣнѣ почти послѣдняго скота и другаго имущества, единственно для покупки у торгашей сказанныхъ сѣмянъ по высокой цѣнѣ.

Дѣло было такъ: въ 1842 году, на послѣдней недѣлѣ великаго поста, среди государственныхъ крестьянъ произошли, первоначально въ Камышловскомъ, Ирбитскомъ и Шадринскомъ уѣздахъ, беспорядки, соединенные съ самоуправствомъ; въ разныхъ пунктахъ собиралось отъ одной до четырехъ тысячъ человѣкъ, вооруженныхъ чѣмъ и какъ попало и подстрекаемыхъ нелѣпыми толками, распущенными въ корыстолюбивыхъ видахъ нѣкоторыми неблагонамѣренными людьми, которые рассчитывали встрѣтить поддержку среди податливыхъ крестьянъ, относившихся къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ.

Получивъ извѣстіе объ этихъ беспорядкахъ, шадринскій окружной начальникъ, исправникъ, страпчій и засѣдатель земскаго суда, взявъ съ собою сорокъ человѣкъ шадринской инвалидной команды, поспѣшно отправились въ Батуринскую волость, а помощники окружнаго начальника были посланы въ волости Вверхъ-теченскую и Бродо-валматскую для собранія на мѣстѣ свѣдѣній о случившемся. Исправленіе должности окружнаго начальника было поручено лѣсническому, по фамилиі Фролову, и письмоводителю окружнаго управленія, при чемъ лѣсническому было еще вмѣнено въ обязанность, если онъ услышитъ о беспорядкахъ въ другихъ волостяхъ, немедленно отправиться на мѣсто для увѣщеванія крестьянъ. Дѣйствительно, на другой же день послѣ отъѣзда членовъ правленія, крестьяне Бѣлоярской и Усаянской волостей стали сходиться толпами и производить беспорядки, сопряженные съ самоуправствомъ и безчеловѣчными жестокостями, направленными противъ волостныхъ и сельскихъ начальниковъ; въ тотъ же день нѣкоторые писаря тѣхъ волостей, сознавая свои неблаговидные поступки и страшась произвольнаго мірскаго суда, безъ оглядки бросились въ г. Шадринскъ, подъ защиту лѣсничаго; они прибѣжали почти бездыханные, не захвативъ даже одежды, объявили ему о всемъ происходившемъ и не совѣтовали ѣхать туда, чтобы не подвергнуться безпощаднымъ побоямъ и

даже мучительной смерти. Лѣсничій крѣпко призадумался: «дѣло плохое», — сказалъ онъ; между тѣмъ, его жена и дѣти, выслушавъ весь разговоръ, подняли плачь, упрашивая его не ѣздить. Долго лѣсничій оставался въ нерѣшимости; наконецъ придумалъ тотчасъ дать знать обо всемъ членамъ правленія, находившимся тогда въ Батуринской волости, пославъ съ этою цѣлью самаго расторопнаго полѣсовщика, которому было приказано выдавать себя за работника, пріискивающаго себѣ плотническую работу въ смежномъ Челябинскомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи; записка обо всемъ случившемся была тщательно зашита между двойной подошвой его сапога. Крестьяне, встрѣтивъ на дорогѣ полѣсовщика, догадались, что это никто иной, какъ посланный изъ города со свѣдѣніями объ ихъ сборищѣ; посоветовавшись между собою о томъ, что съ нимъ дѣлать, они рѣшили наконецъ, что онъ долженъ отправляться обратно туда, откуда пришелъ, — угрожая, въ противномъ случаѣ, расправиться съ нимъ своимъ судомъ. Испуганный полѣсовщикъ, не ожидавшій такого снисхожденія со стороны своихъ судей, поспѣшно согласился, зная, что угрозу свою они привели бы въ исполненіе; онъ проворно повернулъ назадъ и быстрыми шагами направился обратно къ лѣсничему, доложилъ ему обо всемъ случившемся на пути, и, между прочимъ, сообщилъ за достовѣрное, что въ село Барневское прибыла команда изъ 42-хъ башкирскихъ казаковъ. Это извѣстіе совершенно ободрило лѣсничаго, и онъ, не взирая на слезныя мольбы своей семьи и на убѣжденія бѣжавшихъ волостныхъ нисарей, съ твердостью объявилъ, что присяга обязываетъ каждого положить свою жизнь на службу, — велѣлъ запретъ тройку самыхъ лихихъ лошадей и собрать сколько можно боевыхъ рядовъ; затѣмъ, помолвившись усердно Богу, онъ быстро помчался въ село Барневское, напутствуемый со стороны городскихъ жителей искренними пожеланіями успѣха. Прибывъ на мѣсто, онъ дѣйствительно засталъ тамъ казачій отрядъ, и, хотя непривычный къ военному дѣлу, догадался передъ выступленіемъ произвести смотръ — и что же оказалось? сабли были не опущены, многіе ружья и пистолеты безъ кремней и ни у кого ни одного патрона. Раздавъ взятые съ собою кремни, лѣсничій приказалъ зарядить ружья и пистолеты, но, въ несчастіе, солдатская пуля никакъ не входила въ дуло; «что дѣлать? — качая головою, ду-

малъ лѣсничій: — неловко же идти на непріателя съ однимъ только холоднымъ оружіемъ, да еще тупымъ; съ одного раза сшибуть съ ногъ, и только»... Но, какъ смѣлымъ Богъ владѣеть, то онъ приказалъ выбить пули на печной чугунной доскѣ, что и было исполнено, и пистолеты и оружія заряжены.

Сидя на бѣломъ конѣ, лѣсничій объѣхалъ фронтъ и — только собирався выступить, какъ вдругъ раздался возгласъ: «бунтовщики, бунтовщики, ваше высокоблагородіе!». Нѣсколько казаковъ, отряженныхъ немедленно, поймали шесть человѣкъ крестьянъ, вооруженныхъ дубинами и шедшихъ въ село Батуринское; когда ихъ привели къ командиру, то на его вопросъ: «откуда и куда?» — они отвѣчали:

— Въ волость, батюшка родимый.

— А зачѣмъ?

— Да ты развѣ не знаешь, міръ проданъ.

— Такъ что же?

— Велятъ старики отбиваться отъ господина Министера ¹⁾.

— Много-ли при волости мірянъ?

— Говорятъ, батюшка, множество уже собралось, но не всѣ еще: ждуть-то отставныхъ служивыхъ.

— А чиновники тутъ?

— Какъ же, да вѣдь слухомъ земля полнится, вѣрнѣе ужъ ихъ тѣснить.

— Кандалы! — вскричалъ сердито лѣсничій.

Пойманные въ слезахъ бросились на колѣна и самымъ робкимъ голосомъ просили смилостивиться надъ ними.

— Родной отецъ, красное ты наше солнышко, положи на гнѣвъ милость, отпусти, вернемся домой, — просили они.

¹⁾ Словомъ «господинъ Министеръ» выражалось у нихъ во время происшедшихъ безпорядковъ, что чиновники, писаря и священство продали міръ какому-то г. Министеру съ большими усами, который прислалъ имъ много пудовъ денегъ, приказавъ въ свою пользу засадить картофель, собирать побольше хлѣба, а съ женщинъ по 100 арш. тонкаго холста и по нѣсколько мотковъ пряжи, и что все это скрыли отъ Батюшки нашего, кормильца нашего; «Еслибы царь пожелалъ насъ продать Министеру, — говорили они, — то міръ не протривился бы; царь написалъ бы указъ золотыми буквами, а то черниломъ царь нашъ не пишетъ, а только чиновники и писаря — всѣ насъ обманываютъ, говоря: «слушайте, ребята, царскій указъ», а сами же написали его. Надо отбиваться, міране, а то пропадемъ на все; до Бога высоко, до царя далеко; продали міръ, продали; да Гришка Камышовскій отконалъ все у писарей». В.

— Нѣтъ вамъ прощенія; я всѣхъ вашихъ собратьевъ съ дѣтьми въ прахъ уничтожу, камень на камень не оставлю, если только не успокоитесь,—отвѣчалъ лѣсничій, указывая на стоявшихъ тутъ же башкирцевъ.

Заковавъ двоихъ мужиковъ въ кандалы, а четверыхъ перевязавъ веревками, онъ отправилъ ихъ подъ конвоемъ въ острогъ и тѣмъ остановилъ волненія въ окрестныхъ деревняхъ; догадываясь, что члены правленія находятся, вѣроятно, въ безвыходномъ положеніи, лѣсничій послалъ писмоводителя къ начальнику Уральскаго хребта, прося его прислать, какъ можно скорѣе, двѣ роты солдатъ съ двумя орудіями, и, на случай, далъ строжайшій приказъ—по тракту отъ города Шадринска до Екатеринбурга, гдѣ все еще было благополучно, заготовить побольше лошадей и съѣстныхъ припасовъ; самъ же съ командою предполагилъ ѣхать въ с. Батуриное для освобожденія членовъ.

Послѣ первой удачи, лѣсничій, во главѣ своей команды, взявъ съ собою для одушевленія пѣсенниковъ, шагъ за шагомъ приближался къ рѣшительной встрѣчѣ съ крестьянами; впереди отряда, на разстояніи 300 сажень, ѣхало шесть башкирцевъ, составляя такимъ образомъ его авангардъ, а сзади, въ арьергардѣ—два казака и четыре телѣги, нагруженные овсомъ, баранами, телятами, курами и другими съѣстными припасами, приобретенными ловкостью команды.

Въ шести верстахъ отъ с. Батуринаскаго лѣсничій нашелъ необходимымъ сдѣлать привалъ, чтобы команда подкрѣпила свои силы, а также чтобы дать отдыхъ изнуреннымъ казачьимъ лошадямъ, которыя по прибытіи въ село могли оказаться нужными. Послѣ довольно продолжительнаго отдыха, лѣсничій командовалъ: «на коня, молодцы!» и, собравъ весь свой отрядъ, обратился къ солдатамъ съ короткою, но прочувствованною рѣчью, призывая ихъ приложить всѣ свои старанія, чтобы достигъ благопріятнаго исхода въ предстоящемъ дѣлѣ.

Подѣвжая къ с. Батуриному, лѣсничій распорядился, чтобы вся команда, какъ можно громче, пѣвала мусульманскія пѣсни и, замѣтивъ, что село оцѣплено кругомъ нѣсколькими группами, въ восемь или десять человекъ крестьянъ, тотчасъ отрядилъ изъ 42-хъ казаковъ десять охотниковъ, приказавъ имъ схватить трехъ или четырехъ крестьянъ и представить ему для

дознанія о происходившемъ въ селѣ. Казаки въ точности исполнили порученіе и привели къ нему троихъ плѣнныхъ съ дубинами, а одного съ заряженною винтовкою,—по видимому, самыхъ удалыхъ молодцовъ въ затѣянномъ ими мірскомъ дѣлѣ. Лѣсничій, подѣхавъ къ нимъ, сказалъ:

— Здравствуйте, ребята! зачѣмъ вы собрались въ волость такъ многолюдно и проживаете столько времени, когда уже пора бы начинать вамъ свои полевые работы?

Пойманные, на его слова, отвѣтили въ голосъ, съ дерзостью и какою-то самоувѣренностью:

— А тебѣ на что?

— Мнѣ нужно знать.

— Проживаемъ по своей надобности, а ты скажи намъ, съ чего ты пріѣхалъ сюда повѣрять міръ? тутъ вѣдь дѣло идетъ не объ лѣсѣ; послушайся, баринъ, или кто бы ты такой ни былъ, лучше повернись назадъ, а то мы не пустимъ тебя въ село; нашихъ братьевъ тамъ есть довольно.

Такой отвѣтъ взволновалъ лѣсничаго, но, руководясь благоразуміемъ, онъ сказалъ споконно: «отведите ихъ пока въ сторону» и тутъ же составилъ другой отрядъ изъ двадцати башкирцевъ, которыхъ послалъ захватить одну изъ передовыхъ группъ крестьянъ, какъ бы они тому ни противились, и привести къ нему. Казаки съ изумительною быстротою исполнили это приказаніе и представили лѣсничему нѣсколько ихъ крестьянъ, между которыми были и старики превлонныхъ лѣтъ.

— Говорите, говорите правду, иначе всѣхъ васъ отправлю въ тюрьму,—погрозилъ имъ лѣсничій.

Выслушавъ эти слова, изъ группы выдвинулся медленнымъ шагомъ восьмидесятилѣтній старикъ высокаго роста, почтенной наружности, и, опершись на дубину, бывшую у него въ рукѣ, со спокойнымъ лицомъ остановился передъ лѣсничимъ, сказавъ:

— Не обидь только, ваше благородіе, старичковъ, и мы тебѣ чистосердечно, по совѣсти, расскажемъ о всемъ, что у насъ въ мірѣ.

Лѣсничій, видя передъ собою такого почтеннаго старика, положивъ ему руку на плечо, отвѣтилъ:

— Не бойся, голубчикъ мой, не обижу никого изъ васъ, и увѣренъ, что ты не станешь говорить лжи.

Старикъ нивко поклонился, поблагодарилъ и, повернувшись въ группѣ, стоявшей позади, промолвилъ:

— Старички-миряне! видите-то, это не барской господинъ, а царскій, у него-то и крылышки (эполеты) царскія; надо баять ему правду, объ чемъ весь міръ такъ шибко тужить, да вѣдь не надо царя батюшки нашего прогнѣвать, да и предъ Господомъ Богомъ не согрѣшить,—и при этомъ прекрестился.

Вся группа единогласно воскликнула:

— Бай, бай все его благородію, Фіофантъ Гаврилычъ; онъ скорѣе и домой насъ отпустить, а то вся работа стоитъ въ застоѣ, еще и зернушка не посябли.

Слова эти мужики произнесли, поднявъ руки кверху, что означало ихъ полное согласіе и довѣріе къ избранному лицу изъ своей среды. Тутъ-то и началъ свой разсказъ Фіофантъ Гаврилычъ, облокотясь обѣими руками на свою дубину.

— Да, батюшка ты мой, видимъ!....

— Что же?—спросилъ лѣсничій.

— Весь міръ-то баетъ—не ладно....

— Ну, говори скорѣе,—перебилъ лѣсничій.

— Что гг. чиновники, писаря и священники продали весь нашъ міръ какому-то помѣщику, господину Министерову, а онъ-то прислалъ имъ много чудовъ денегъ, а волостнымъ головамъ шибко ужъ нарядные кафтаны съ большущими вистями, больно ужъ чистаго золота.

На это лѣсничій возразилъ:

— Все это вздоръ, васъ обманываютъ люди, которые успѣваютъ опивать, объѣдать и еще деньги съ васъ брать; я ихъ отыщу, и вы увидите, что съ ними будетъ; не вѣрьте, старики: какъ вы были государственными крестьянами, такъ навсегда и останетесь; повторяю вамъ еще разъ, что всё это нелѣпость; васъ дурачатъ неблагонамѣренные люди.

— Поворно тебя благодаримъ, что поучилъ насъ уму-разуму; да видишь-то, ваше благородіе, міръ-то второй разъ отдѣленъ (т. е. проданъ); Гриша Камышловскій читалъ указъ, написанный писарями черниломъ, а не царскою рукою золотыми бузвами, а то вѣдь нашъ царь-то черниломъ не пишетъ; крѣпко же его міръ искалъ въ волости, да и въ церкви; Гриша у себя полъ выворачивалъ, но нигдѣ не обозначается. Міръ-то гово-

рить, что царь батюшка родимый нашъ какъ узналъ,—тайкомъ какой-то добрый человекъ ему написалъ,—то порядкомъ ихъ обругалъ, велѣлъ не отдавать насъ господину Министерову, а всѣ деньги раздать по рукамъ міру, а писаря-то и смошенничали, гдѣ-то далеко упрятали царской руки указъ; нашего-то писаря, спаси Богъ царя, велѣлъ тотчасъ же заковать и отправить по большой дорогѣ (въ Сибирь). Шибко же насъ тѣспили писаря, говоря міру: «прибавьте праздничнаго», а дѣло-то, батюшка мой, само по себѣ; а безъ вина-то, и то очищеннаго, сохрани Богъ, и глазъ не кажи; міру-то уже, родимый, стало больно накладно; старики давай не соглашаться—негдѣ взять, и то уже порядкомъ міръ обобрали; смотримъ и писаря-то осердились; тогда давай пуще жать міръ, а тутъ рюмочка за рюмочкой и—промолвились...

— А что промолвились?—спросилъ лѣсничій.

— «Помните, старики, что будетъ время, что поплатитесь и прослезитесь»; а мы-то, темные люди, и не поняли ихъ рѣчей, а теперь, когда прослезились, и узнали, батюшка, что правду баяли; міръ-то и говорить: «собратья! до Бога высоко, до царя далеко, нечего дѣлать, надо пуще отбиваться отъ господина Министера». Да, родимый мой, міръ-то ничего, пошумѣлъ бы, пошумѣлъ, да и по домамъ разошелся; да вотъ какая наша великая бѣда: бабы-то, бабы наши вѣдь, проклятыя, больно уже кричатъ, шумять по деревнямъ: «подите, подите скорѣе отбиваться отъ Министера, ни за что не дадимъ холстовъ, не дадимъ мотковъ господину, не станемъ садить этой проклятой чертей отравы—картофели; не приходи-ка безъ дѣла, другой разъ поверну, смотри-ка, вочергой!» Господи прости, орутъ пуще чертей. Подумали, подумали, да за дубину, шапку на голову, и идемъ, кручинные, въ волость сообща отбиваться, а тамъ Богъ знаетъ, что будетъ съ нами.

Лѣсничій тутъ же спросилъ:

— А чиновники?

Старикъ въ отвѣтъ только покачалъ головою. Тогда лѣсничій съ нетерпѣніемъ вскричалъ:

— Говори скорѣе, въ чемъ дѣло?

— А вотъ видимъ, оно плохо, да больно уже плохо; когда уже приѣхали господа въ село и съ ними служивые, то видимъ, оста-

новились у Данила Евграфовича, надо бытъ, батюшка, знаешь его, живеть насупротивъ церкви....

— Что же дальше?

— Вотъ наши служивые давай турить мѣръ скопляться у дома Давылыча больше и больше, чтобы всѣхъ захватить и своимъ судомъ раздѣлаться; анъ смотримъ, а тутъ съ ружьями,— народъ и не посмѣлъ.

— А много-ли мѣрянъ въ скопѣ?

— Какъ бы тебѣ молвить, вѣстимо (слышно)—что-то шибко много.

— Есть до двухъ тысячъ? говори всю правду.

— Пожалуй, оно будетъ.

— Ничего, управимся,—возразилъ лѣсничій,—хотя бы ихъ было вдвое болѣе... что же дальше о чиновникахъ?

— Гг. чиновники-то не оробѣли, съ командою вышли сейчасъ къ мѣру.

— Ну, что дальше?

— Они стали баять добромъ, больно хорошо, надо заправды сказать; уговаривали, чтобы ссоря разошлись по домамъ, и тѣ же рѣчи говорили, какъ и ты, ваше благородіе, что мѣръ не проданъ господину Министеру; пожалуй, мѣръ бы сдался и повѣрилъ, а помудренѣе наши служивые понукиваютъ и черкаютъ (говорятъ): «мѣряне, не вѣрьте! гг. чиновники всѣ за-одно стоятъ; нашъ мѣръ уже проданъ второй разъ», да и шабашъ, что и съ ними подѣлаешь! Мѣръ-то шумитъ, да и господъ тѣснитъ назадъ возвратиться безпремѣнно въ избу; гг. посмотрѣли да что-то побаяли другъ съ другомъ—и ушли; мѣръ же разошелся по всему селу, давай бродить по гумнамъ, да таскать пучами солому; вдругъ видимъ—весь домъ, гдѣ находились господа, обложили вплоть до окошекъ; чиновники смотрять, что дѣло-то негодно, стали вышибать стекла въ окошкахъ, а тамъ и солдаты съ ружьями, и горлышки выставили къ мѣру, да и на крышѣ-то разворотили доски, и на народъ направили свои ружья; колды же старики увидѣли, что дѣло обернулось имъ не понутру, не стали уже больше таскать солому; а служивые тутъ же все понукаютъ да понукаютъ мѣръ, говорятъ: «не тужите, ребята! это войско господина Министера, а не царское; видите, что возать ихъ на

обывательскихъ подводахъ, а было бы царское, то ходили бы пѣшкомъ; дѣлайте, ребята, свое дѣло!» (зажигайте солому).

— И что же,—продолжали и зажгли?

— Нѣтъ, ваше благородіе, міръ одумался и не послушался служивыхъ, а только сильно уже сталъ напирать, чтобы господа и солдаты уѣхали навадь въ городъ.

— Такъ чиновники и уѣхали?

— Видишь, говорятъ міру: «хорошо, поѣдемъ, только подайте лошадей», а міру-то велѣли уйти подальше отъ дома; міръ и по-толковалъ, кто по домамъ, кто по переулкамъ, на край села разбрелись; господа-то, когда уже міръ разошелся, собрались скорѣе и ушли въ церковь (двухъ-этажную, каменную) напротивъ дома и заперлись, тамъ уже и ночевали. Когда наши узнали, то на другой день около обѣда (было это въ пятницу на страстной недѣлѣ) снова давай собираться, да изъ другихъ деревень окликнули мірянъ на подмогу—тьма тьмущая—и стали толковать, что дѣлать? вотъ и придумали: вывалить дверь у церкви, вытащить всѣхъ на судъ и тутъ же порѣшить ихъ; уже когда не послушаются добромъ выйти оттуда, то по кирпичу разобрать церковь, а дѣло-то свое сдѣлать. Служивые наши живо сгаркнули: «за нами, ребята міряне! не бойтесь ничего, наша возьметъ!» О, Господи, великій создатель нашъ! страсть глядѣть, свѣтопреставленіе!.. такъ и нагрянули какъ саранча, батюшка мой.

— И выломали дверь?—спросилъ лѣсничій.

— Нѣтъ, красное солнышко, нѣтъ.

— Почему же нѣтъ?

— Добрались мы до самыхъ дверей, да, видишь то, и увидели какіе-то прорѣзы (амбразуры, которые служили вентиляторами) возлѣ нихъ, а тамъ, гляди, за стѣною солдаты всѣ съ ружьями-то, такъ прямо на нашихъ и бравнули; подумали и отступили до воротъ ограды.

— Ну и что же дальше?

— Притащили, батюшка, лѣстницы, да и давай съ другой уже стороны лѣзть въ окошки; а солдаты инвалидные тутъ же и гаркнули: «убирайтесь къ чорту, а не то прямо опять въ глаза станемъ васъ лѣпить!»

— Такъ что же, забрались мужики на окошки?

— Нѣтъ, родимый, наши-то міряне не рѣшились, да скорѣе спятились назадъ, а только стали кругомъ церковной ограды бродить и все-таки напирали, чтобы господа оттудова вышли, говоря: «по кирпичу разберемъ храмъ Божій, худо вамъ будетъ, лучше добромъ выходите и у міра на колѣнвахъ прощенія просите; можетъ — помилуетъ васъ». Вотъ и все, батюшка мой, а больше ничего не вѣдаемъ.

— Почему же не вѣдаете?

— Да видишь, чтобы міру никто не помѣшалъ отбиваться, сейчасъ отрядили насъ на караулы кругомъ села, чтобы никого не впускать къ нимъ. О, Господи! согрѣшили мы! тутъ-то и попались къ тебѣ, родимый, въ отвѣтъ за весь міръ.

— Скажи мнѣ, много ли тамъ пьяныхъ?

— Не до пьянства таперича, ваше благородіе; вѣдь міръ-то всѣ бабаки заперъ и поставилъ при нихъ караулы, чтобы никто не смѣлъ туда входить.

— Почему же такъ?

— Да видишь, міръ-то баеетъ: «не до вина тутъ, дѣло мірское, надо пуще отбиваться отъ Министерова»; а попадись имъ только пьяный,—и такъ задерутъ ужъ, больно всѣмъ сердцаюгъ.

Чистосердечное раскаяніе стариковъ, увлеченныхъ въ это мірское дѣло лишь разглашенными нелѣпыми слухами, не могло не обратить вниманія лѣсничаго; поэтому онъ рѣшилъ отпустить мужиковъ безъ всякаго съ нихъ взысканія, сказавъ только:

— Старики! не смотря на то, что вы кругомъ виноваты предъ Господомъ Богомъ и царемъ, я отступаю отъ слѣдуемаго порядка, какъ христіанинъ входя въ ваше непониманіе всего для васъ лучшаго,—принимаю на себя всю отвѣтственность, единственно за вашу правдивость, и, не въ примѣръ прочимъ вашимъ мірянамъ, отпускаю васъ домой, но съ тѣмъ однакожь условіемъ, что, если я замѣчу на сходѣ въ селѣ кого-либо изъ васъ, тогда, не прогнѣвайтесь, наказаніе для васъ будетъ вдвое больше противъ другихъ; по пути же скажите всѣмъ и каждому, что все, что имъ наговорили эти негодяи, Гриша Камышловскій и другіе подобные ему, есть безсовѣстно выдуманная ими ложь, за что строго наказать ихъ законъ. Царь нашъ великій не допуститъ никогда, чтобы васъ продать кому-либо изъ господъ; онъ васъ любитъ, печалится объ вашемъ благосостояніи; какъ были государственными,

такъ и останется все ваше потомство, и помните, что ослушниковъ, нарушителей порядка и тишины—царь нашъ, какъ ни добръ, но строго караетъ; бабамъ же вашимъ передайте мои слова: если онѣ будутъ еще возмущать васъ, то на св. Пасху непременно получать такой гостинецъ, какового онѣ и не ожидаютъ. Поняли ли вы, старики, эти рѣчи?

— Какъ, батюшка родимый, не поняли! поняли! поняли! дай тебѣ Богъ доброе здоровье, вѣчно будемъ за тебя молиться,—сказали всѣ въ одинъ голосъ.

— Такъ и съ Богомъ направляйтесь по своей дорогѣ; принимайтесь лучше за свою работу; да знайте, какъ православные христіане, что св. Пасха предъ вами: помолитесь же за великаго государя и просите Всевышняго, чтобы онъ простилъ всѣ ваши неблагоразумные поступки. Прощайте, прощайте, старики!

Старики низко поклонились, перекрестились и почти безъ оглядки разошлись по домамъ; въ томъ числѣ лѣсничій отпустилъ и первыхъ трехъ пойманныхъ, которые отъ страха видимо притихли и просили пощадить ихъ.

Узнавъ обо всемъ происшедшемъ въ селѣ и желая скорѣе подать помощь своимъ сослуживцамъ, находившимся въ столь безвыходномъ положеніи, оруженнымъ многочисленною толпою необузданнаго народа, лѣсничій собралъ всю свою команду и обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

— Ребята, башкирцы-казаки, благодарю васъ за все, что вы до сихъ поръ сдѣлали; вы исполнили долгъ присяги, какъ достойно казакамъ; но не забудьте, что намъ предстоитъ еще много труда; такъ отличитесь же, если встрѣтится въ томъ надобность.

— Ладно, ладно, батюшка, дай намъ только мужичка, живо поправимся и баринъ будетъ.

— Теперь становитесь во фронтъ, пойдемъ въ село,—сѣвъ на коня, свомандовалъ лѣсничій:—смирно, сабли на-голо, по три съ права маршъ!—и, обнаживъ свою шпагу, двинулся впереди; огнестрѣльное оружіе было у всѣхъ на-готовѣ.

Вотъ вступили и въ село, прошли одну, другую улицу; повсюду царствовала необыкновенная тишина; не было видно ни одного изъ бунтовщиковъ, только любопытныя бабы выглядывали изъ-за угловъ да въ щели заборовъ; такимъ образомъ, сверхъ ожиданія, казаки безпрепятственно прошли до самыхъ стѣнъ

церкви, гдѣ заперлись чиновники съ командою изъ сорока человекъ; тутъ-то расположился лѣсничій съ своимъ отрядомъ. Надобно замѣтить, что крестьяне, окружавшіе церковь, слышавъ дикія пѣсни башкирцевъ, поспѣшно разбѣжались по всему селу, укрываясь у жителей, съ цѣлю составить совѣтъ о томъ, что предпринять далѣе. Лѣсничій, слѣзши съ коня, направился къ церковнымъ дверямъ, и былъ съ радостью встрѣченъ укрывшимися тамъ (150-тью человекъ разнаго сословія, какъ-то: чиновники, священники съ ихъ женами, дѣтьми и причтомъ, командою солдатъ и нѣсколькими крестьянами, не раздѣлявшими пагубное увлеченіе своихъ собратьевъ); тутъ были и женщины съ грудными младенцами, голодавшія почти двое сутокъ и изнуренныя бессонницею, такъ какъ каждый часъ приходилось ожидать нападенія разъяренной толпы. Лѣсничій тотчасъ снабдилъ ихъ по возможности провизіей, какая имѣлась при его командѣ; надобно было видѣть, какъ голодающіе были обрадованы и съ какимъ удовольствіемъ они съѣли все розданное имъ, до послѣдней крошки. Съ разрѣшенія духовенства, башкирскія лошади были поставлены у самой паперти, такъ какъ помѣстить ихъ въ церковной оградѣ—значило бы отдать ихъ съ казаками прямо въ руки бунтовщиковъ; для наблюденія же за крестьянами и для охраны засѣвшихъ въ церковь—былъ составленъ изъ 20-ти человекъ ночной патруль, которому поручено дѣлать объѣздъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ церковной ограды; затѣмъ всѣ снова заперлись въ церкви, съ часа на часъ ожидая новаго нападенія.

Лѣсничій рассказалъ осажденнымъ о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и между прочимъ, желая ободрить ихъ, передалъ и то важное обстоятельство, что онъ послалъ нарочнаго къ главному начальнику Уральскаго хребта, съ просьбою прислать двѣ роты солдатъ съ двумя орудіями, и что отрядъ этотъ долженъ быть уже въ дорогѣ. Само собою разумѣется, что подобное извѣстіе ободрило всѣхъ, но тѣмъ не менѣе предстояло еще пробыть неопредѣленное время безъ пищи, до прибытія отряда, который освободитъ ихъ отъ бунтовщиковъ и, быть можетъ, даже отъ мучительной смерти, угрожавшей имъ ежеминутно. Было надъ чѣмъ призадуматься! Наконецъ, настала ночь; всѣ прилегли, кромѣ усиленнаго караула, находившагося на-сторожѣ; ночь прошла

безъ особенныхъ приключеній; настала великая суббота; въ селѣ царствовала тишина, точно въ немъ не осталось живой души.

Вдругъ, въ часъ пополудни, подобно разлетѣвшемуся рою пчелъ, со всѣхъ сторонъ высыпало до четырехъ тысячъ бунтовщиковъ; подходя къ церкви, они безъ умолку кричали: «выходите оттуда! видно, совѣстно казать намъ глаза, что продали другой уже разъ міръ!» Все это сопровождалось самими неприличными ругательствами; «смотрите, сождемъ до тла церковь, — галдѣли они, — если теперь не послушаетесь; говоримъ добромъ — выходите, выходите-ка!» Вдали отъ этой толпы стояло нѣсколько возовъ, нагруженныхъ соломой, а неподалеку имѣлся небольшой костеръ; какъ видно, все было приготовлено для исполненія высказанной угрозы. Жизнь каждому дорога, къ тому же многіе тутъ были люди семейные, и поэтому всѣхъ обуялъ какой-то паническій страхъ, при видѣ, что тутъ на пять человѣкъ приходится почти по сту противниковъ. Но, дѣлать нечего, стали думать, совѣтоваться, и наконецъ было рѣшено, что, прежде нежели употребить огнестрѣльное оружіе, чиновники выйдутъ на церковный балконъ и попытаются увѣщевать народъ, чтобы этимъ хотя на время отсрочить варварскую мірскую расправу. Чиновники тотчасъ вышли на балконъ и стали уговаривать крестьянъ, представляя имъ всю необдуманность ихъ поступка, подтверждали имъ, что всѣ распускаемые слухи—чистый вымыселъ и разглашаются недоброжелательными людьми въ корыстолюбивыхъ видахъ, и наконецъ, что они какъ были, такъ и останутся всегда государственными крестьянами. Безобразное сборище крестьянъ представляло собою какъ-бы стаю хищныхъ звѣрей; они и слушать не хотѣли рѣчей, произносимыхъ чиновниками; только съ шумомъ и крикомъ домогались одного, чтобы вышли изъ церкви и отдались въ полное распоряженіе міра; какъ вдругъ изъ этой толпы раздался ружейный выстрѣлъ, направленный прямо въ оружнаго начальника; но, къ счастью, пуля пролетѣла мимо его головы и ударила въ каменную стѣну. Замѣтивъ, что между крестьянами было много вооруженныхъ, чиновники рѣшились сойти внизъ, приказали выбить стекла изъ рамъ, поставить въ каждомъ окошкѣ по три солдата съ заряженными ружьями, дабы при наступленіи толпы дать на первый

разъ отпоръ холостыми зарядами; а если подобная мѣра окажется безуспѣшною, то употребить боевые патроны, но не иначе какъ по командѣ исправника — отставнаго поручика Черно-свитова, отличившагося своею храбростію въ военныхъ дѣйствіяхъ 1830-хъ годовъ, при чемъ онъ лишился ноги, однако ходилъ довольно бойко при помощи искусственнаго сапога, бѣльшую же часть употреблялъ востыль; иногда онъ даже ѣздилъ верхомъ.

Не прошло и получаса, какъ вся масса народа, руевожимая отставными солдатами, сразу двинулась къ церковной оградѣ и на разстояніи ста сажень дала залпъ изъ тридцати винтовокъ, и затѣмъ направила свои выстрѣлы на солдатъ, стоявшихъ въ окошкахъ, но, по счастливой случайности, эти выстрѣлы не причинили никому вреда.

Тогда исправникъ, взявъ самъ ружье, командовалъ отвѣтить имъ холостыми зарядами; когда же они дали третій, еще болѣе сильный залпъ и ранили въ руку одного изъ башкирцевъ, то исправникъ поставилъ еще по одному солдату въ окошко и приказалъ сдѣлать всѣмъ за-разъ выстрѣлъ боевыми зарядами, причемъ было убито трое бунтовщиковъ и одного тяжело ранили. Это такъ подѣйствовало на крестьянъ, что они отступили почти на 150 сажень, убравъ убитыхъ и раненаго. Отставные солдаты продолжали подстрекать оробѣвшихъ крестьянъ, крича имъ: «міряне! не стыдно вамъ предъ нашими врагами и братьями отступать назадъ; идите смѣло за нами впередъ, вѣдь безъ крови дѣла не бываетъ; Господь Богъ намъ помощь»; но всѣ увѣщанія ихъ остались безуспѣшны. Исправникъ, замѣтивъ, какое впечатлѣніе произвела на нихъ смерть троихъ товарищей, велѣлъ сдѣлать по нимъ еще одинъ залпъ — холостыми зарядами, чтобы навести на нихъ страхъ и тѣмъ парализовать ихъ дальнѣйшія дѣйствія.

Надобно замѣтить, что когда толпа мужиковъ подходила къ церкви, то среди ея виднѣлось что-то въ родѣ знамени: на двухсаженномъ шестѣ, вверху котораго была хвоя, изображающая, должно быть, корону(?), — развѣвался флагъ изъ бѣлаго крестьянскаго холста, съ надписью: «Царскіе государственные — не господина Министра». Знамя это, безъ сомнѣнія, было придумано

мано отставными солдатами или какимъ-нибудь грамотѣемъ. Первое дѣйствіе засѣвшихъ въ церкви оказалось весьма удачнымъ, такъ какъ бунтовщики, мало по малу, стали расходиться по домамъ. Все это происходило, какъ мы сказали, въ страстную субботу; когда стемнѣло и въ селѣ зажгли огни, то вокругъ церкви и вдали отъ нея не было видно ни одного крестьянина; не прошло и часа, какъ всюду были погашены огни и водворилась тишина. «Что бы это значило?—задавали себѣ вопросъ всѣ находившіеся въ церкви,—не худо бы узнать». Одинъ изъ бывшихъ тутъ же крестьянъ, малый весьма расторопный, выввался разузнать причину этой загадки, и, чтобы устранить всякое подозрѣніе относительно искренности его намѣренія, залогомъ оставилъ свою жену и двоихъ малолѣтнихъ дѣтей. Нельзя было отвергнуть подобный вызовъ, такъ какъ для всѣхъ было чрезвычайно важно разузнать истину; поэтому всѣ единогласно рѣшили отправить крестьянина въ село, и священникъ напутствовалъ его своимъ благословеніемъ.

По уходѣ посланнаго, изъ церкви отрядили нѣсколько чело-вѣкъ подъ конвоемъ двадцати солдатъ и десяти башкирцевъ вер-хами къ ближайшей рѣчкѣ за водою, въ которой какъ люди, такъ и лошади уже болѣе сутокъ терпѣли крайній недостатокъ. Спустя нѣсколько времени, вся церковная посуда была наполнена свѣжею водою, но за то снова почувствовался большой недостатокъ въ свѣстныхъ припасахъ; стали поджаривать муку съ масломъ, га-локъ и голубей, пойманныхъ на колокольнѣ. Неудовлетворитель-ная пища и сознаніе, что и ея не станетъ на завтра, вызвали ропотъ всѣхъ засѣвшихъ въ церкви; священникъ преклонныхъ лѣтъ, бывший съ ними, молилъ ихъ именемъ Божиимъ не преда-ваться отчаянію и съ мужествомъ и христіанскимъ терпѣніемъ перенести испытаніе, выпавшее имъ на долю. «Православные хри-стіане! — увѣщевалъ ихъ старецъ, — за доброе и правое дѣло подвергаясь всѣмъ лишеніямъ, которыя неожиданно постигли насъ, мы должны всему покориться». Едва почтенный старикъ произнесъ эти слова, какъ вдругъ въ церковь прибѣжалъ, весь запыхавшись, развѣдчикъ и громко воскликнулъ: «Господа, ско-рѣе, скорѣе пойдѣмъ въ село!»

— Чтò тамъ такое случилось?—спросили всѣ.

— Вотъ чтò: всѣ мужики отправились къ заутренѣ за восемь верстъ; остались только старики да дѣти, и тѣ спать больно ужъ крѣпко; многія клѣтки ¹⁾, погреба и анбары не заперты; много въ нихъ наставлено всякой всячины, приготовленной разговѣться; а у насъ уже ничего нѣтъ, въ пору съ голода умереть. Отпустите насъ, господа; все до-чиста у нихъ отберемъ, пока они еще не возвратились изъ церкви. Богъ насъ простить, пойдѣте живѣе!

Весь народъ и солдаты такъ и рвались въ село; исправникъ, вида, что нѣтъ никакой возможности удержать ихъ отъ этого намѣренія, свазалъ: «хорошо, только всѣмъ невозможно уйти; притомъ, на всякій случай, чтобы кто изъ васъ не попалъ въ ихъ когти, я вамъ дамъ нѣсколько солдатъ».

— Согласны, согласны! только отпустите скорѣе!

Болѣе пятидесяти человѣкъ, подъ прикрытiемъ тридцати солдатъ, рассыпались по селу и, обобравъ всѣ пироги, ватрушки, булки, вареное и жареное мясо, яйца, испеченный хлѣбъ, масла болѣе пуда, муки до шести пудовъ и около четырехъ ведеръ вина въ швалакахъ,—благополучно возвратились къ десяти часамъ въ церковь и снова заперлись. Послѣ этого набѣга, помолвившись Богу, порядкомъ всѣ наѣлись и залегли спать; но повсюду были разставлены утроенные караулы; исправникъ же не ложился спать, а наблюдалъ за малѣйшимъ движенiемъ въ селѣ. Прошло не болѣе трехъ часовъ; поднялся сначала сильный лай собакъ, затѣмъ послышались женскiе голоса; это мужички съ хозяйшкiами возвратились отъ заутрени — и чтò же? увидѣвши, что все приготовленное ихъ трудами исчезло, они пришли въ ужасъ; поднялся шумъ, ревъ, гамъ, началась бѣготня изъ дома въ домъ; всѣ въ одинъ голосъ кричали, что это сотворили «министеровы злодѣи».

Тутъ-то бабы пришли въ ярость и давай турить своихъ мужичковъ силою отнять ихъ добро, угрожая имъ, чтобы и не смѣли возвращаться безъ пироговъ. Не смотря на темную ночную пору,

¹⁾ Чуланъ въ сѣняхъ.

мужички собрались огромною толпою возлѣ церковной ограды, съ намѣреніемъ силою ворваться въ церковь и отобрать всѣ свои съѣстные припасы. Однако, случилось не такъ, какъ они предполагали; исправникъ, выйдя на паперть, приказалъ всѣмъ часовымъ дать нѣсколько выстрѣловъ холостыми зарядами, а бунтовщики, помня еще вчерашній день, когда изъ среды ихъ трое были убиты на-поваль, разбрелись по домамъ и были обречены нѣкоторое время поголодать. Настало утро, настала и великій праздникъ. Бабы очень осерчали и не приготовили ничего разговѣться, не смотря на требованія своихъ домохозяевъ. Видя, что съ бабами имъ не поладить и приходится голодать, мужиковъ взяло раздумье, и они рѣшили всѣмъ пойти народомъ, во что бы ни стало ворваться въ церковь, «порѣшнить» тамъ всѣхъ и возвратитъ пироги своимъ хозяйкамъ. Только что направились они къ церкви (это было около часа по полудни), какъ вдругъ увидѣли, что недалеко отъ села, по дорогѣ изъ Шадринска, къ нимъ приближался новый отрядъ изъ 80-ти башкирцевъ и съ ними помощникъ окружнаго начальника, а позади отряда двигались двѣ доверху нагруженные телѣги; мужики разсудили, что видно господинъ Министровъ послалъ пули и порохъ всѣхъ ихъ перестрѣлять, если они не выскажутъ своего согласія на поступленіе въ господскіе крестьяне.

Какъ бы то ни было, у нихъ хватило снаровки не дать возможности вновь прибывшимъ башкирцамъ соединиться съ двумя отрядами, находившимися въ церкви; они отложили свое намѣреніе идти къ церкви, разсудивъ, что у нихъ хватить силъ завладѣть порохомъ и пулями, нагруженными на двухъ повозкахъ, и они могутъ угостить ими же самихъ господъ, если тѣ вздумаютъ не отдавать ихъ пироговъ и добровольно не сдадутся.

Весь край былъ въ то время взволнованъ распространившимся всюду возмущеніемъ; нельзя было ничего понять въ этомъ хаосѣ самыхъ разнообразныхъ слуховъ, наводившихъ ужасъ на мирныхъ жителей; вѣрныхъ же свѣдѣній никто не могъ получить, такъ какъ всѣ пути были пресѣчены бунтовщиками; распоряженія дѣлались на-скоро и почти на-авось; трудно было руководить дѣйствіями на разстояніи болѣе 700 верстъ отъ губернскаго города; и въ этомъ

случаѣ не успѣли командировать съ казачьимъ отрядомъ какого нибудь опытнаго офицера; въ этомъ крайнемъ случаѣ пришлось вѣрить командованіе имъ помощнику окружнаго начальника, незнакомому съ военнымъ дѣломъ.

Хитрые мужики, изъ своего расчета, допустили отрядъ подѣхать къ самому селу; помощникъ, увидавъ, что дорога, по которой ему предстояло вѣхать въ село, была вся запружена толпою бунтовщиковъ и заставлена запряженными телѣгами, въ которыхъ сидѣли бабы,—долженъ былъ повернуть съ отрядомъ въ сторону и попалъ въ самую узкую двустороннюю длинную улицу, обтянутую плетнемъ; проѣхавъ почти полпути, онъ вдругъ увидѣлъ заранѣе разобранный мостъ и вынужденъ былъ остановиться; вдругъ изъ застроеній появились укрывшіеся тамъ мужики и произвели по командѣ нѣсколько выстрѣловъ, убивъ одного башкирца и ранивъ четверыхъ. Внезапность этой встрѣчи произвела во всей командѣ смятеніе; не дожидаясь повторенія выстрѣловъ, они повернули назадъ и, не останавливаясь, проскакали почти десять верстъ до рѣки Исети, протекающей у самаго города Шадринска; но, подѣхавъ къ мосту, нашли его разобраннымъ; это было сдѣлано по недоразумѣнію жителями города, которые, замѣтивъ издали несущихся всадниковъ, не могли допустить, чтобы это были казаки, и, принявъ ихъ за толпу бунтовщиковъ, ударили въ набатъ и съ помощью сбѣжавшагося народа въ мигъ сняли мостъ; а казаки, преслѣдуемые мужиками, боясь попасть въ ихъ руки, рѣшились перейти рѣку вплавъ и остановились лишь въ самомъ городѣ.

При отраженіи казаковъ отъ села, бунтовщики успѣли нанести нѣсколько ранъ тремъ казакамъ, схватили ихъ и спустили въ полевой колодезь, а двоихъ убитыхъ оставили на полѣ; обѣ же телѣги, нагруженные, какъ они полагали, боевыми снарядами, были захвачены ими въ самомъ началѣ, и мужики отправили ихъ подъ конвоемъ вмѣстѣ съ ямщиками въ село, навазавъ, чтобы до ихъ возвращенія ничего не выгружали, а приставили къ нимъ караулъ, чтобы не случилось бѣды; ямщикамъ же предоставили свободу и навормили ихъ вмѣстѣ съ лошадьми. Подъ вечеръ, конный отрядъ бунтовщиковъ, числомъ болѣе ста человекъ, возвратился въ село и былъ встрѣченъ своими односельцами ра-

достнымъ возгласомъ: «а что, молодцы, прогнали войско господина Министерова!» Вскорѣ всѣ приступили къ выгрузкѣ телѣгъ—и каково было общее удивленіе и недоумѣніе, когда, вмѣсто предполагаемыхъ патроновъ, увидѣли разные пасхальные припасы: чай, сахаръ, варенье и горячіе напитки разныхъ сортовъ; заботливыя жены не забыли уложить для своихъ мужей даже одѣяла, подушки и разное бѣлье.

Вѣсть о такой неожиданной добычѣ быстро облетѣла село. Прежде всего сбѣжались бабы, за ними ребята, и дряхлые старики шли гурьбою, стараясь обогнать другъ друга; особенно радовались бабы, успокоенныя теперь на счетъ потери своихъ пироговъ и ватрушекъ; онѣ безъ всякаго разбора хватали что попало и уносили къ себѣ въ избы; когда обѣ телѣги были окончательно выгружены, то всѣ, долго не думая, разошлись по домамъ и, перекрестившись, принялись разговляться, начавъ, разумѣется, съ водки и другихъ напитковъ, и затѣмъ набросились на ѣду почти съ волчьимъ аппетитомъ; истребивъ почти все дочиста, мужики улеглись на полатахъ, заснувъ вѣрнымъ сномъ; а бабы продолжали распивать цвѣточный чаекъ съ вареньемъ, усердно допивали остатки напитковъ.

Занятые праздничнымъ угощеніемъ, бунтовщики трое сутокъ не помышляли о нападеніи на чиновниковъ; къ сожалѣнію, засѣвшіе въ церкви не имѣли столь обильнаго запаса провизіи и, мучимые голодомъ, вели самую печальную, безотрадную жизнь; притомъ нѣкоторые изъ нихъ заболѣли горячкою; священникъ, свидѣтель этого бѣдствія, съ усердіемъ истиннаго христіанина, подавалъ руку помощи больнымъ, подкрѣпляя ихъ церковнымъ виномъ, котораго въ запасѣ было съ ведро; и всѣ рѣшились лучше умереть съ голода, нежели сдать на истязаніе въ руки враговъ; между тѣмъ, обѣ ожидаемой изъ Екатеринбурга командѣ не было и слуха.

На четвертый день Пасхи, до полудня, бунтовщики стали мало по малу сходиться небольшими группами; исправникъ, неусыпно наблюдавшій за каждымъ ихъ движеніемъ, забрался на церковную колокольню и замѣтилъ, что, по пріѣздѣ къ нимъ нѣсколькихъ постороннихъ крестьянъ верхами, между ними произошла вдругъ необыкновенная сумятица, и отдѣльныя группы

стали быстро собираться вмѣстѣ около церкви, а верховые скакали съ одного конца села на другой.

Исправникъ недоумѣвалъ, чтѣ бы это значило? но, когда онъ повернулся и навелъ свою зрительную трубку на дорогу изъ Шадринска, — какъ велика была его радость, когда въ одной верстѣ отъ села онъ увидѣлъ два орудія, сопровождаемыя пѣхотою съ блестящими штыками и отрядомъ казаковъ въ авангардѣ! Желая передать эту радостную вѣсть своимъ товарищамъ по заключенію, исправникъ, не думая о томъ, что владѣеть одною только ногою, быстро спустился внизъ, восклицая:

— Господа, молитесь Богу! Екатеринбургская команда съ двумя орудіями и казачьимъ отрядомъ уже вступаетъ въ село!

Своей же командѣ исправникъ приказалъ стать во фронтъ, а казакамъ сѣсть на коней и выстроиться у воротъ ограды.

Команда, появившаяся такъ кстати, остановилась возлѣ церкви въ боевомъ порядкѣ, прикрывая два орудія; казаки тотчасъ оцѣнили сборище бунтовщиковъ, которыхъ съ мужиками и бабами, пришедшими изъ окрестныхъ деревень, собралось до пяти тысячъ. Командиръ отряда обратился сначала къ собравшимся съ мирными увѣщаніями, убѣждалъ ихъ сложить оружіе, прекратить ихъ преступныя сборища и разойтись по домамъ; но крестьяне не внимали его словамъ, напротивъ, смѣло подошли къ командѣ. Начальникъ, не допустивъ ихъ подойти близко, свомандовалъ: «направо, налѣво раздайся!», и вдругъ изъ обоихъ орудій былъ данъ залпъ холостыми зарядами. Мужики, увидѣвъ жерла пушекъ и услыжавъ выстрѣлы, испугались до того, что пѣшіе упали на колѣна, а бывшіе верхомъ ускакали безъ оглядки. Исправникъ, въ силу предоставленной ему власти, тутъ же распорядился виновныхъ въ этомъ дѣлѣ (до 600 человекъ) наказывать розгами, отъ 200 до 300 ударовъ каждому, военнымъ порядкомъ, съ двухъ сторонъ, при барабанномъ боѣ; главныхъ же зачинщиковъ, около 30 человекъ, — заковать въ вандалы, а за недостаткомъ таковыхъ — въ конскія ножныя пута, и препроводить въ острогъ; остальнымъ же онъ приказалъ разойтись по домамъ, а имѣющееся при нихъ оружіе оставить на мѣстѣ; оружія этого оказалось до четырехъ тысячъ штукъ; тутъ были: колья, пѣки, кистени, дубины, ножи, косы, серпы и заряженные винтовки.

Наконецъ были отворены церковныя двери, и несчастные, заключенные въ ней, снова получили свободу; но они были такъ подавлены непрерывнымъ страхомъ, что не дотронулись даже до предложенной имъ пищи, и скорѣе походили на мертвецовъ, чѣмъ на живыхъ людей; такъ подѣйствовали на нихъ нѣсколько дней заключенія и испытанные въ эти дни страхъ и мученія голода.

М. С. Валевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

II ¹⁾.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ не было опредѣлено какихъ лѣтъ и съ какою подготовкою духовенство должно было помѣщать дѣтей своихъ въ духовныя училища. Въ одномъ и томъ же классѣ можно было сидѣть—на сколько достанетъ терпѣнія. Поэтому очень многіе, даже большинство, поступали въ первый классъ лѣтъ семнадцати и болѣе, нѣкоторые съ азбукой, а нѣкоторые съ псалтирью. И мается такой Митрофанъ лѣтъ шесть въ первомъ классѣ, да только и думаетъ о томъ, какъ бы ему поскорѣе въ пономари, да жениться. И въ классѣ и, въ особенности, въ квартирѣ, кромѣ охальства нельзя было видѣть ничего отъ такихъ остолоповъ. Таковыми они, конечно, поступали и въ приходы, таковыми были и въ жизни, и поворили собою все духовенство. Я поступилъ во второй классъ восьми лѣтъ, но у насъ были бородачи. Однажды учитель Піацинцовъ поставилъ на колѣна Лаврова, подошелъ къ нему, погладилъ по щекѣ и говоритъ: «эхъ, Лавровъ, у тебя борода-то больше моея!» А Лавровъ не брилъ только глаза да носъ—бородища во всю щеку. Во второмъ классѣ проходились: русская грамматика, первыя четыре дѣйствія ариметики, св. исторія, краткій катехизисъ, чистописаніе и пѣніе. На всѣ предметы учитель былъ одинъ, съ жалованьемъ 150 р. ассигн., что, по настоящему курсу, составляетъ 43 р. въ годъ. Всѣ предметы мы учили, какъ Отче нашъ: самъ себѣ задаешь вопросъ и самъ отвѣчаешь на него. Спросить, бывало, учитель: «ну-ка, Z, говори урокъ!» И валаешь: Что есть ариметика? ариметика есть наука о числахъ. Что есть число? Число есть собраніе единицъ...—«Хорошо, садись». Или по

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 554—562.

грамматикѣ: Богу, начало Богъ, имя существительное, мужескаго рода, числа единственнаго, падежъ дательный. И стараешься откатать не перевода духу.—«Хорошо, садись!» Объясненій какихъ нибудь, толкованій — ровно ни слова. Въ третьемъ и четвертомъ классахъ было по два учителя, и если какой нибудь, по ошибкѣ, что нибудь объяснить, то это, какъ необыкновенное событіе, сейчасъ разнесется по училищу. Ученикъ такого учителя непременно скажетъ всякому встрѣчному: у насъ нынѣ NN. толковалъ. У учителей нашихъ было два метода занятій съ учениками: одни сперва пороли, потомъ уже спрашивали уроки, а другіе сперва спрашивали уроки, и потомъ уже пороли. Тѣмъ только и отличались одинъ отъ другаго. Каждому изъ лучшихъ учениковъ давалось человѣкъ по 15-ти, для выслушванія уроковъ до начала классовъ. Каждый изъ этихъ 15-ти долженъ прочесть свой урокъ старшему, который, поэтому, назывался аудиторомъ. Тотъ отмѣчалъ въ особой табличкѣ: sc, то есть sciens—знающій; nb,—non bene—не хорошо знающій и проч. Таблички эти клались на столъ учителя, до его прихода. Приходить учитель, смотритъ таблички,—и всѣмъ, нехорошо знающимъ, лупка. Хворать не полагалось и отговорокъ никакихъ не принималось. Отпореть, этакъ примѣрно, человѣкъ тридцать, ухмыльнется: «ну, теперь за уроки!» Начинаетъ спрашивать имѣющихъ sc—знающихъ. Иногда, на бѣду, тотъ и занется. «Нотатчикъ! (слушавшій урокъ и давшій хорошую отмѣтку). Что, калачъ съ него съѣлъ?! Ступай!» И... порка нотатчику. Каждый день у насъ назначалось по четыре дневальныхъ по очереди. Первою обязанностью дневальнаго было приготовить лозы, т. е. розги; второю—подмести классъ. Приходить очередь дневать, съ вечера идешь въ щепной рядъ и покупаешь метлу. Торговцы уже знаютъ, зачѣмъ мальчишкѣ метла, и хохочутъ: «а ты выбирай не больно жидкую; вѣдь, можетъ быть, пороть-то тебя же самого будутъ!» Но метла выбиралась такая, у которой прутья были самые тоненькіе, чтобы лоза вышла самая жиденькая—мягкая, иначе самому зададутъ лупку, коли лозы плохи и ломки. Навяжешь четыре лозы и идешь утромъ въ классъ, ни мало не думая скрывать ихъ отъ горожанъ, потому что это считалось дѣломъ совершенно обыкновеннымъ. На обязанности же дневальныхъ лежало пороть. Я хотя и бывалъ дневальнымъ, но не сѣкъ никогда; не сѣкли со мной и еще человѣка четыре, потому что мы и не любили этой операціи, да и малосильны были для нея. Когда же учителю хотѣлось какого нибудь бородача пробрать, какъ говаривалъ онъ, то онъ кричалъ: «эй, Фавматурговъ, Экседментеровъ, Копенгигеновъ! Ну-ка, задайте!» И изъ-за развалившейся печки, съ полу, три—четыре силача

поднимаются съ глупыми и заспанными рожами. Это исключаютіе, какъ звались тогда подобныя, т. е. исключаютіеся. Такихъ въ каждомъ классѣ было много. Они уже не брали книги въ руки; они только пьянствовали, безобразничали, ходили въ классъ отъ скуки, и любимымъ занятіемъ ихъ было пороть. Это были палачи, въ полномъ смыслѣ этого слова. Но и тотъ, котораго учителю, для разнообразія и развлеченія, безъ всякой особой причины, вадумалось про-братъ, былъ такой же силачъ, какъ и его палачи, и даться живымъ въ руки не хотѣлъ. Сидѣли такіе всегда на заднихъ партахъ, а парты наши были толстыя, высокія и долгия во весь брусъ скамейки. Ухватится такой за парту и ждѣть. Нужно было его вытащить, а это не такъ легко. Доберется до него Фавматурговъ съ пріятелями, и начнетъ мять и отдирать отъ парты. Но тотъ вцѣпится въ парту руками, обовьетъ скамейку ногами, и замретъ. И почнется возня: сопятъ, крехтятъ, парты и скамьи трещатъ, летятъ вверху ногами, пыль, хохотъ!... Учителю и любо. «Молодецъ Апелляціоновъ,—подзадориваетъ онъ,—не поддавайся, корошенько ихъ по зубамъ». Апелляціоновъ повѣрилъ учителю, и только поднялъ кулакъ, чтобъ хватить Фавматургова въ рыло, какъ Экспедиентеровъ схватилъ его за руку и замеръ на ней. Учителю и любо, что обманулъ; животики надрываетъ, хохочетъ. Апелляціоновъ, хотъ и обезсилѣлъ на одну руку, но крѣпко обвился ногами и ухватился другою. Учитель подзадориваетъ другую сторону: «Эхъ, Фавматурговъ, еще кулачные бойцы всѣ вы трое, а не сладите съ однимъ! Ну-ка, Бриллиантовъ, Пигмеевъ, помогите имъ!» Противъ пятерыхъ уже недостаетъ силъ, и Апелляціонова вытаскиваютъ и порютъ,—и порютъ въ двѣ лозы ужасно!... Апелляціоновъ молчитъ, и только отдувается. Учитель сидитъ и посмѣивается: «А, молчить? Валяй, ребята, пока закричить!» Тѣ деруть, что есть мочи.... «Ну-ка, ребята,—смѣется учитель,—переверните, да комями!» Перевернули, и начали бить по животу. Все тѣло превратилось въ какую-то говядину.... Наконецъ, убитый до полусмерти, едва живой, Апелляціоновъ застоналъ. Учитель, совершенно довольный тѣмъ, что онъ, наконецъ, добился таки своего—что тотъ застоналъ—улыбаясь говоритъ: «ну, будетъ съ него, до завтрашняго дня, довольно!» И несчастный, едва живой, поползъ подъ парты.

Такія учительскія забавы у насъ повторялись нерѣдко. Надобно замѣтить, что учитель нашъ, Гіадинтовъ, былъ самый добрый изъ всѣхъ учителей. Но что дѣлалось въ четвертомъ классѣ, гдѣ учителями были инспекторъ Архангельскій и товарищъ его Церебровскій, такъ это выше всякаго описанія! Въ училищѣ нашемъ,

почти каждую минуту можно было слышать самые отчаянные крики: то въ томъ классѣ сѣкли, то въ другомъ, а то разомъ во всѣхъ вмѣстѣ. Не знаю, по какому случаю меня въ училищѣ не высѣкли ни разу. Отъ Архангельскаго и Церебровскаго я, вѣроятно, не отдѣлался бы. Но Церебровскій скоро вышелъ, а Архангельскаго, по одному дѣлу, засадили въ острогъ. Ужъ и радовалось же все училище, когда его забрали!

Одѣвались ученики—кто какъ могъ и хотѣлъ. Многіе носили навковые сюртуки, а большинство—просто въ ситцевыхъ или полосуватыхъ халатахъ. Полосувшкой назывался простой, самотканый, толстый холстъ, сотканый полосами бѣлыхъ нитокъ съ синими. На бѣлье (конечно, далеко не бѣлое) накинетъ иной такой халатишко, да разувшись и валяется въ классѣ. Это дѣло у насъ велось по домашнему. Зимой одѣвались въ нагольные тулупы и валенки. Зимой намъ было сущая бѣда: двери разбитыя, а часто ихъ не было и совсѣмъ; звеньевъ въ окнахъ не было на половину; печей не было и въ поминѣ, а если и были гдѣ, то развалившіяся. Объ отопленіи не было и рѣчи не только въ училищахъ, но и въ семинаріи. Всѣ сидѣли какъ пришли, только, вдобавокъ къ большому горю, снимали шапки. Поднимется, бывало, мятежь, вьюга, въ классѣ вертеть снѣжный вихрь и несетъ изъ оконъ въ дверь... Мы мерзнемъ, и сидимъ, конечно, безъ шапокъ. Жарко было только тѣмъ, кого пороли. Ну, тѣ не могли остыть во весь классъ. Мы, наконецъ, совсѣмъ оконченѣемъ и начнемъ гудѣть: погрѣться, погрѣться!.. Учитель выйдетъ въ корридоръ. У насъ и пойдетъ возня... Услышать нашу возню сосѣдь-учитель, третій, выйдутъ всѣ и во всемъ училищѣ пойдетъ война. Но учителямъ тоже не медъ былъ стоять въ холодномъ корридорѣ на сквозномъ вѣтрѣ. Имъ было хуже еще нашего: мы хоть возились, боролись, дрались на кулачки, а имъ хоть, по всей вѣроятности, и хотѣлось бы, по старой памяти, поразмять свои оконченѣлые члены, да, конечно, было стыдно. А классы наши были четырехчасовые, безъ перемѣнъ; утренніе отъ 8 часовъ до 12, а послѣобѣденный отъ 2 до 4. До обѣда и послѣ обѣда одинъ и тотъ-же учитель, по разнымъ предметамъ. Учителей было по два въ классѣ и учили поденно—нынѣ одинъ, а завтра другой. Въ четыре часа на морозѣ камень треснетъ. А мы приходили за часъ до учителя; значить, пять часовъ должны были выдержать кое-въ-какихъ лохмотьяхъ, безъ шапокъ, на сквозномъ вѣтрѣ и морозѣ. Это совсѣмъ не шутки! Послѣ обѣда мерзнуть не полагалось и грѣться не давалось.

Учебныхъ пособій у насъ не было никакихъ и по нашей бѣдности, да и болѣе потому, что ихъ, въ то время, вообще было очень мало.

Во всемъ училищѣ не было ни одной географической карты, а о глобусахъ мы не имѣли и понятія. Самые наставники наши не имѣли о нихъ понятія. Однажды учитель Вазерскій вадумалъ толковать намъ по математической географіи. Онъ изъ воску сдѣлалъ шарикъ, всучилъ въ него нитку, принесъ въ классъ и сталъ вертѣть надъ головою. «Вотъ какъ,—говоритъ онъ,—ребята, вертится земля!» Географію мы учили отъ доски до доски, слово въ слово: мы могли перечислить всѣ государства со всѣми ихъ городами; но гдѣ эти государства, въ какомъ направленіи отъ насъ,—мы не знали. Русскіе губернскіе города мы могли пересчитать со всѣми ихъ уѣздными, слово въ слово; но смежны-ли, хоть, на примѣръ, Одесса и Варшава, рядомъ-ли стоятъ Москва и Иркутскъ,—мы этого не знали. Мы не понимали, что и знать-то нечего. Откатавъ по учебнику, и молодець. Точно такъ же проходила и арифметика. Мы учили все механически. Въ сложеніи мы только писали цифры подъ цифрами, подводили черту и складывали. О другихъ дѣйствіяхъ, особенно съ неизвѣстными, мы не имѣли и понятія. И здѣсь-то опять начальство наше знало не больше нашего. Когда я былъ уже въ среднемъ отдѣленіи семинаріи, то ректоръ семинаріи, архимандритъ Спиридонъ, захотѣлъ насъ на экзаменѣ математики озадачить, и задалъ одному ученику задачу: «а скажи-ка, сколько лошадей можетъ въ день привезти воды?» Наставникъ нашъ М. И. Смирновъ и говоритъ: «здѣсь, ваше высокопреподобіе, вопросъ вашъ нужно дополнить: какая вместимость бочки, сколько привезено бочекъ»,—но ректоръ покраснѣлъ и говоритъ: «ну, тамъ ужъ это ваше дѣло!» Смирновъ дополнилъ вопросъ, и ученикъ сдѣлалъ. Начиная училищемъ и кончая семинаріей, всѣ предметы раздѣлялись на главные и не главные. Главными всѣ занимались, на неглавные никто не обращалъ вниманія. Въ училищѣ главными предметами были латинскій и греческій языки. За то ужъ этими предметами и занимались! Все время поглощено было этими языками. Но, за то, кромѣ латинскаго и греческаго языковъ, никто не зналъ ровно почти ничего. Книгъ и журналовъ въ то время, вообще, было мало, а то, что было, не было намъ доступно. Но, главное, совсѣмъ не была развита потребность чтенія. Училищный мальчикъ не читалъ ничего, кромѣ какого нибудь Еруслава Лазаревича и Бовы Королевича и подобныхъ. Нынѣ, съ развитіемъ литературы, естественныхъ наукъ и отнынѣ раздѣленія предметовъ на главные и неглавные, т. е. когда стали всѣ предметы главными, классическіе языки пали (?) и въ отдахъ и въ дѣтахъ явилась потребность чтенія. Въ учебныхъ заведеніяхъ наставники всѣхъ предметовъ требуютъ основательнаго знанія ихъ предме-

товъ. И при этомъ хотятъ возстановить прежнее знаніе классическихъ языковъ? Да это прямо невозможно! Въ наше время классическіе предметы были паразитами и жили въ ущербъ жизни другихъ предметовъ, но теперь это немислимо. Нужно воротиться за 40 лѣтъ назадъ и жить тою жизнью, какою жили въ наше время, тогда знаніе классическихъ языковъ возможно. Я сузу такъ по опыту на себѣ и на своихъ дѣтяхъ. Нужно у мальчика отнять все и дать одну латинскую грамматику, тогда онъ будетъ знать этотъ языкъ такъ, какъ знали его въ наше время. Вѣдь въ наше время—сказать смѣшно: русское краснорѣчіе, русскую словесность изучали на латинскомъ языкѣ! За то на латинскомъ языкѣ писались даже стихи.

Послѣ обѣда у насъ было три дня письмо и три дня пѣніе. На письмо всѣ приходили съ своими тетрадками, чернилами и перьями. Писавшіе получше, въ теченіе всего класса, чинили другимъ писавшимъ перья. Стальныхъ перьевъ тогда совсѣмъ еще не было. Я былъ въ числѣ хорошо писавшихъ. Мы, во все время занятій, ходили по классу и только и знали, что чинили перья то тому, то другому. Я считался, какъ я сейчасъ сказалъ, хорошимъ писцомъ (это восьми-лѣтній-то ребенокъ!), но у меня убереглись нѣкоторыя тетради того времени. Хуже этихъ каракуль, какъ я писалъ тогда, и не выдумаешь. Можно судить—каково было письмо остальныхъ, если я считался хорошимъ писцомъ. Писаки-то были молодцы, да и писали-то, зимою, на морозѣ, на сквозномъ вѣтру, въ мятель, ну и выходило Богъ вѣсть что. Подойдетъ къ иному остолопу, лѣтъ въ восемнадцать, учитель и закричитъ: «что ты какъ скверно выводилъ?» — Пе-ро не-хо-ро-шо. Учитель, не говоря дурнаго слова, схватитъ, хоть бы меня—чинильщика за волосы, да и подниметъ кверху: «а ты,—трясетъ,—не лѣнись чинить-то, не лѣнись!»

Вспоминая о своемъ воспитаніи, не надившись какъ мнѣ помогъ Господь Богъ перенести все то, что перенесъ я!... Но это все были еще присказки, а сказки еще впереди: и физическая и нравственная гибель ждали меня въ будущемъ...

Не легкокъ намъ былъ классъ чистописанія, но за то классы пѣнія были для насъ масляницей. Мы, до учителя, сядемъ по своимъ мѣстамъ, теноры разставятся по стѣнамъ, а басы у двери. Войдетъ учитель, и грянуть разомъ: «Царю небесный». А насъ, во второмъ классѣ, было около полтораоста человекъ. Потомъ и пойдетъ, и пойдетъ: и «Достойно есть», и всемирную славу, и проч. и проч. Басы—иной мѣтитъ въ дьячки въ городѣ, другой—на отцово мѣсто въ дьяконы въ село,—придвинетъ кулачице къ рылу и надираетъ, что есть мочи, свою глотку. Гіацинтовъ, учитель, тоже любилъ попѣть. Ходить,

бывало, по классу, дереть во всю мочь до упаду, раскраснѣется. Басы надорвались и говорятъ: «Николай Ивановичъ, позвольте отдохнуть!» «Ну, отдохнемъ». Отдохнуть, да и опять примутся: басы орутъ, теноры кричатъ, мы визжимъ! Тутъ ужъ хоть какая хочешь неси мятель, все ни почемъ. Ни морозовъ, ни вьюгъ тутъ мы не чуяли. Да, кромѣ того, всѣ хорошо знали, что и порокъ тутъ не будетъ, значить и на сердцѣ покойно. Иногда учитель заставитъ Тацетурнова прочитать Апостоль. Тотъ, какъ добрый бурлакъ: рыло красное, глотка здоровая, и начнетъ орать. А ты, несчастный, сидишь и умиляешься: «Эхъ, — думаешь, — какъ бы у меня такой бась, сейчасъ бы во дяконы!» Самъ учитель относился къ такимъ горлодерамъ съ уваженіемъ, а мы, просто, благоговѣли. Мы смотрѣли на нихъ, какъ на великихъ людей, а они рвали насъ, мелювгу, какъ имъ вздумается. Двое изъ этихъ великихъ людей послѣ попали ко мнѣ въ благочиніе. Одинъ былъ — такъ себѣ, обыкновенный пономарь, а другой — совсѣмъ негодяй, и отъ баса осталось одно только хрипло-сиплое рычанье.

Кромѣ частныхъ экзаменовъ, предъ Рождествомъ, Пасхой и дѣтнимъ каникуломъ, у насъ были еще экзамены такъ называемые публичные. Для этого выбиралось изъ cadaго класса человекъ по 10-ти лучшихъ учениковъ; въ одномъ изъ залъ семинаріи собирався весь училищный и семинарскій ученый персоналъ, пріѣзжалъ, непременно, преосвященный; иногда бывалъ кто нибудь изъ учителей гимназій; придуть пять-шесть кушцовъ, пять-шесть городскихъ священниковъ; большинство же публики составляли мѣщане, сапожники, портные, и ужъ непременно хозяева и хозяйки квартиръ тѣхъ учениковъ, которые назначались на экзаменъ. Въ первый же годъ я былъ назначенъ на экзаменъ по главному предмету — русской грамматикѣ. Грамматическій разборъ я зналъ и могъ разбирать, какъ требовалось, не переводя духу. Самъ я былъ съ аршинъ ростомъ, голосъ звонкій, предметъ зналъ, и поэтому преосвященному понравился. Онъ велѣлъ прислать меня къ нему послѣ экзамена. Привели. Онъ спросилъ кто мой отецъ, гдѣ и у кого я квартирую, есть-ли у меня деньги и у кого — у меня или у хозяевъ — берегутся онѣ? заставилъ меня пройтъ «Достойно есть», далъ мнѣ гривенникъ и сказалъ: «ступай теперь домой къ отцу, а послѣ каникула я возьму тебя къ себѣ». Въ каникулъ, преосвященный, обозрѣвая епархію, заѣхалъ въ наше село. Я на клиросѣ съ дѣчкомъ пѣлъ. Преосвященный, увидѣвши меня, спросилъ моего батюшку: «Это твой сынъ? Я возьму его къ себѣ». Батюшка мой, по своей крайней бѣдности, былъ несказанно радъ, что я поступаю на казенное содержаніе. Мы радовались всѣ, но никто изъ насъ не зналъ, что это поступленіе на казенное было

началомъ моей гибели и жестоко отразится на моемъ здоровьи, на всю мою жизнь. Я долженъ былъ поступить не въ домъ къ преосвященному, какъ мы думали, а въ пѣвчье его хора. И это онъ считалъ наградою для меня!...

Послѣ каникула я сталъ ходить въ архіерейскій хоръ, а къ Рождеству меня приняли на казенное содержаніе и я перешелъ жить въ архіерейскій домъ. Вотъ гдѣ я увидѣлъ всю прелесть архіерейскаго хора! Я не знаю, съ чего начать говорить о немъ. За что ни возьмись, все хорошо. Начнемъ съ начальства. Главнымъ начальникомъ въ хору, конечно, регентъ. Имъ былъ у насъ полковой священникъ П. Н. Павильоновъ. Это уже былъ не звѣрь, въ родѣ инспектора Архангельскаго, а изъ звѣрей звѣрь, и порки, поэтому, опять на первомъ мѣстѣ. Игралъ онъ на всѣхъ духовыхъ инструментахъ, а въ особенности на скрипкѣ, великолѣпно; пѣніе зналъ отлично, но оно было всегда съ военнымъ оттѣнкомъ—скоро, бойко. отрывисто. Чуть кто сфальшивить, онъ и кричитъ: фись! и бацъ въ рыло или колѣнкою подъ бороду. Однажды одинъ изъ квартирныхъ мальчиковъ не пришелъ на спѣвку. Онъ послалъ, привели его, сторожа привязали его къ скамейкѣ и начали сѣчь по солдатски... Кровь льется на полъ, мальчикъ пересталъ кричать, а Павильоновъ ходитъ себѣ по пѣвческой и разыгрываетъ на скрипкѣ различныя варіаціи, какъ ни въ чемъ не бывало. Прибѣгаетъ старичокъ іеромонахъ Меѳодій: Петръ Никифоровичъ! Что вы дѣлаете? Вы засѣкли!—«Вонъ, старый... не твое дѣло!» Мальчика снесли едва живымъ. Басами и тенорами у насъ были дьякона, дьячки и семинаристы. Дьячковъ таскалъ онъ за косы, дьяконовъ лупилъ кулаками, но семинаристовъ, почему-то, только ругалъ, а ругалъ хорошо, но не трогалъ. Однажды я, за архіерейскою обѣдой, пѣлъ соло и, вѣроятно, сфальшивилъ. Онъ камертономъ и ну рвать мнѣ щеку. У меня полились слезы, я больше зафальшивилъ, а онъ больше сталъ рвать меня; я еще хуже, а онъ еще больнѣй. Послѣ за то онъ и задалъ мнѣ!... Эхъ, времена, времена! Какъ жаль, что вы были.

При архіерейскомъ домѣ былъ ветхій каменный флигель; въ двухъ его комнатахъ помѣщались мы, человекъ 15. Въ одной изъ этихъ комнатъ, которая была побольше, происходили спѣвки и передъ классомъ пѣнія сюда собирались всѣ. Деньги можно было давать, чтобы посмотрѣть, что за народецъ, — въ полномъ его составѣ и на свободѣ,—чтобы видѣть, до чего можетъ человекъ пасть! Я не нахожу словъ для опредѣленія его. Это народъ пьяный, охальный, развратный, наглый и до крайности безсовѣстный. Перебирая теперь всѣ сорта несчастнаго, падшаго народа: пьяницъ, развратниковъ и под-

леповъ, хуже пѣвчаго архіерейскаго хора, нашихъ временъ, я не нахожу. Посмотрите на любого пьяницу: онъ неряха, а часто и оборванъ, пьянъ, сквернословитъ и поетъ подходящія пѣсни. Пѣвчій: пьянъ, сквернословитъ и, въ то же время, поетъ «Иже херувимы». До регента, напримѣръ, начинается ктонибудь просматривать то, что нужно будетъ пѣть; затянетъ: И...же... херу...ви...—ошибся, да и ввернетъ словцо. На кого же, скажите мнѣ Бога ради, похожъ, послѣ этого, архіерейскій пѣвчій?! Да не оскорбятъ тѣ, кои и теперь носятъ званіе архіерейскаго пѣвчаго. Я говорю о пѣвчихъ нашихъ временъ, почти полстолѣтія тому назадъ. Такъ этотъ-то народецъ, большіе наши, какъ мы ихъ звали,—басы и теноры, соберется вмѣстѣ, да и начнетъ рассказывать каждый про свои похождения, ни мало не думая и не стѣняясь, что мы, дѣти, тутъ же съ ними и все слышимъ и видимъ. Это были нравственные наши разбойники, душегубы. Ушелъ бы, не слушалъ бы; но нельзя—запрютъ. Хочешь—не хочешь, а сиди, слушай и поучайся. Чего мы ни насмотрѣлись, чего ни наслушались, Боже мой!... Кровью, какъ говорится, обливается сердце, я дѣлаюсь до крайности желчнымъ, когда вспоминаю о томъ, что мнѣ привелось въ жизни вытерпѣть. Послѣ класса, проводивши регента, пойдетъ попойка, а съ ней вмѣстѣ новья безобразія и сквернословія. Первымъ теноромъ, первымъ пьяницей и первымъ негодяемъ былъ нѣкто дьячекъ Архангельской церкви, Румянцевъ. Я особенно, почему-то, полюбился ему. Сбѣгать въ кабакъ или лавочку—это уже непременно я. Бывало: «Эй, Ѳедька! (при этомъ непременно крѣпкое словцо), бѣги, тащи косушку, да скорѣй!» И ты бѣжишь, сломя голову. Замедли хоть минуту, и тебѣ зададутъ такую проволочку, что проплачешь не одинъ часъ.

Въ архіерейскомъ домѣ жили только дисканты и адьты, большіхъ между нами не было. Содержаніе наше было чисто бурсацкое: такая же, какъ и тамъ, грязь, такое же неряшество и такъ же заѣдали насъ звѣри всѣхъ родовъ и цвѣтовъ. Бѣлье изъ толстаго холста, и перемѣнялось черезъ двѣ недѣли, послѣ бани. Мылось оно такъ, что бѣлые медвѣди, забравшіеся въ его берлоги, оставались живыми. Верхнее платье—полосущатый халатъ; въ классъ ходили лѣтомъ въ толстыхъ суконныхъ чапанахъ, а зимой въ нагольныхъ тулупахъ. Въ церкви и на свадьбы, особенно въ дома, намъ выдавались сюртуки изъ толстаго сивяго сукна. Постоянною пищею были щи и каша, больше же никогда ничего. Разъ только въ годъ намъ давалось что-то въ родѣ сбитня. На первый день Пасхи, между утренею и обѣднею, принесутъ намъ въ столовую три огромныхъ деревянныхъ чашки съ горячею медовою сѣтѣй, мы и валяемъ ложками, чтобы отпарить свои

окрипныя гортани и потѣшать, потомъ, православный народъ новыми взымагиваніями. Теноры; и въ особенности басы, еще до утрени бывали уже сильно хвятивши болѣе существеннаго и многіе уже съ одного разу не могли найти своего носу. Жутко доставалась намъ эта Пасха! Предъ Пасхой, почти весь постъ, спѣвки и неизбежныя колотушки, и на Пасху, каждый день, послѣ архіерейской обѣдни, тотчасъ изъ церкви, шляться по городу съ концертомъ. Въ каждомъ почти домѣ болѣе или меньше выпивка и закуска, намъ, мелкотѣ—ровно ничего. Иногда, въ какомъ нибудь домѣ, какая нибудь сентиментальная барышня одѣлится по конфеточкѣ, иная купчиха вынесетъ ихъ и цѣлый фартукъ,—да и только. И такъ до ночи. Плачемъ, бывало, и просимъ, что ѣсть хотимъ, пить хочется, да объ насъ и не думали. «Ну,—скажутъ,—чертенята, вамъ все жрать. Вотъ, что достанется послѣ Пасхи, хоть все прожри!»

Занимался-ли мальчикъ классными предметами или нѣтъ, за нами никто не наблюдалъ. Правда, у насъ былъ надзиратель, называвшійся старшимъ, изъ учениковъ богословія, на обязанности котораго лежало смотрѣть за нами и репетировать уроки; но эти старшіе были изъ лучшихъ учениковъ но успѣхамъ, готовились сами въ академіи, а потому смотрѣть за нами (а усмотрѣть за нами было нелегко) и репетировать у нихъ недоставало и времени. Они жили въ особой комнатѣ и видѣлись съ нами только за обѣдомъ и ужиномъ. И мы жили безъ всякаго надзора. Поэтому, лично я, мало по малу, изъ хорошаго ученика сдѣлался такимъ же лѣнтяемъ, какъ и моя собратія. Въ классы мы ходили, но уроковъ почти не готовили. Въ наше время, за незнаніе уроковъ, ученикъ обыкновенно расплачивался своею крѣпкой,—по лѣности не приготовилъ урока или по болѣзни, это все равно, его сѣкли нещадно; но пѣвчаго не трогалъ никто. Онъ всегда имѣлъ право отговориться недосугомъ, выставить причину самую уважительную: вечеринку у какого нибудь купца въ саду, пѣніе у него на дому, свадьбу и т. п. и оставался цѣлъ и невредимъ. Иногда мы дома еще сговаривались уйти изъ класса всѣ. Для этого одинъ изъ насъ, какъ только войдутъ въ классы учителя, стучится въ классъ другихъ и требуетъ пѣвчичъ на спѣвку къ свадьбѣ. Одинъ изъ вызванныхъ вызываетъ насъ. Мы препокорно, не говоря ни слова учителю, беремъ книжки и уходимъ изъ класса, какъ будто бы такъ и быть подобало. И намъ никто ни слова. А такъ какъ въ архіерейскомъ домѣ насъ можетъ увидѣть экономъ, іеромонахъ Меодій, хотя смотрѣтъ за нами и не его дѣло, или самъ преосвященный, то мы лѣтомъ отправляемся на Волгу, а зимой на базаръ.

Очень часто случалось, что, и дѣйствительно, и приготовиться

къ классу не было возможности и приходилось опускать классы. Случится какаянибудь богатая свадьба, и насъ зовутъ на вечера пѣть пѣсни: тамъ пробудешь, конечно, до свѣту; случится богатая свадьба, она всегда бываетъ вечеромъ поздно; послѣ свадьбы, часто прямо изъ церкви, опять на домъ къ молодымъ увеселять ихъ, и опять за полночь. Случалось, что пріѣдетъ какойнибудь артистъ и дастъ инструментально-вокальный концертъ. Тутъ мы недѣлю, съ утра до ночи, спѣваемся, а потомъ цѣлую ночь толкемся въ дворянскомъ собраніи. Пробыть ночь въ дворянскомъ собраніи тоже чегонибудь стоило: до смерти хочется и ѣсть и спать, а тутъ даже и присѣсть-то некуда, — стоишь и дремлешь, присловясь къ стѣнѣ. На другой день спишь цѣлый день, и о классѣ не думаешь. Начальство наше все это знало и, однакоже, никому не приходило въ голову позаботиться о насъ. Никто не давалъ себѣ труда спросить себя: для чего мы существовали—для училища или для пѣнія? De jure, какъ говорится, мы существовали для училища, а de facto—для пѣнія. Всякій видѣлъ, что мальчикъ, взятый въ пѣвчіе, долженъ погибнуть, и однакожь его брали силою. Тѣ родители, которые понимали это, не были въ силахъ взять своего сына. Въ пѣвчіе брали противу желанія и отцовъ и дѣтей. Первымъ бластителемъ порядка долженъ бы быть пресвященный. Но онъ самъ безпреотанно отрывалъ насъ отъ классовъ. Онъ любилъ часто служить; конечно, и мы тутъ, хотя бы это было въ классные дни. Иногда онъ присылалъ намъ какуюнибудь молочанскую, хлыстовскую или скопческую религіозную пѣснь. Мы разучивали ее и потомъ, вечеромъ, пѣли у него въ домѣ. Нерѣдко бралъ съ собой въ уѣздъ, при обозрѣніи епархіи. Тутъ пропадали у насъ не только классы, но и самые экзамены. Случалось и то, что мы, по разрѣшенію пресвященнаго, уѣзжали куданибудь на цѣлую недѣлю къ какомунибудь барину въ деревню, на свадьбу. Случалось даже то, что какойнибудь разгулявшійся купчина отпрашивалъ насъ на всю ночь въ садъ, для пушей важности и увеселенія своихъ пріятелей. И мы веселились, пѣли, пили—и гибли для дальнѣйшей жизни. Въ училищѣ насъ не сѣкли и учиться не понуждали, но не давали и спуска: за лѣность и дурное поведеніе насъ премокожно выгоняли изъ училища. И дѣйствительно: изъ всѣхъ моихъ товарищей по пѣвческой я одинъ окончилъ курсъ семинаріи. Но это благодаря тому, что я понималъ свою гибель, притворился потерявшимъ голосъ и, съ переходомъ въ семинарію, вышелъ изъ пѣвчихъ. Со времени открытія семинаріи я былъ всего третій, который былъ въ пѣвчихъ и окончилъ курсъ. До меня всего двое такихъ, какъ я былъ, окон-

чили курсъ семинаріи, и то въ числѣ самыхъ послѣднихъ; прочіе же всѣ повыгнаны.

Одинъ изъ училищныхъ учителей, П. М. Сокольскій, прямо потворствовалъ нашей лѣни. Изъ архіерейскаго дому намъ приходилось проходить мимо театра. Идя въ классъ, забѣжишь, бывало, въ театръ и возьмешь афишу. Придешь въ классъ и стараешься пройти мимо учителя Петра Максимовича, пока тотъ стоитъ, до класса, въ корридорѣ и собираетъ гривенники. Тотъ увидитъ и непременно спроситъ: «а что, вынѣ есть театр?»—Есть, Петръ Максимовичъ, вотъ и афиша.—Послѣ этого ужъ вполне надѣешься, что уроки не спроситъ—удружилъ, далъ афишу. Дѣти актеровъ давали намъ всегда даровые билеты и мы, вечеромъ, сидимъ рядкомъ съ Петромъ Максимовичемъ въ райкѣ. Тутъ объ урокѣ ужъ и не думай на завтра, если на завтра и будетъ его классъ,—никогда не спроситъ.

Я сказалъ, что П. М. Сокольскій до классовъ въ корридорѣ собиралъ гривенники. Это было такъ: вдоль всѣхъ классовъ былъ корридоръ съ окнами на дворъ. Сокольскій придетъ въ классъ и станетъ въ корридорѣ, облокотясь на окно и глядя во дворъ; но облокотится такъ, что однѣ руки выходили изъ-подъ локтя съ открытою ладонью. Подходить ученикъ: Петръ Максимовичъ! Позвольте уйти изъ класса!—и, въ это время, кладетъ на ладонь гривенникъ. «Ступай!» Подходить другой, десятый, пятнадцатый..... гривенникъ, гривенникъ, гривенникъ...—«Ступай, ступай, ступай»... Ученики перестали подходить, а Петръ Максимовичъ все стоитъ. Наконецъ, онъ видитъ, что ученики перестали подходить совсѣмъ, тогда онъ поднимается и идетъ въ классъ. Сердитымъ приходилъ онъ въ классъ, если отпрашивавшихся отъ классовъ было мало! А выраженія учительскаго гнѣва всегда были одинаковы—безопасная порка и правому и виноватому. Ну, бывало, тѣ, которые ждуть себѣ бѣды, и кричатъ богатымъ: «Что вы, черти, жаль что ли вамъ гривенника-то? Что вы хотите, чтобъ онъ перепоролъ половину класса? Вѣдь достанется и намъ и вамъ: не гривенникъ отдашь, какъ пороть-то заставить Орлова!» Такія разумныя убѣжденія почти всегда дѣйствовали и Петру Максимовичу прибавлялось еще три-четыре гривенника.

Однажды пресвященный вздумалъ объѣхать нѣсколько уѣздовъ разомъ и взять съ собою пѣвчихъ. Ѣхать вздумалось ему весной, мѣсяца за полтора до нашихъ экзаменовъ. Намъ вѣдно было ѣхать по прямому пути отъ города до города, не торопясь, а онъ самъ объѣзжалъ окрестныя села. Пресвященный уѣхалъ, и намъ было вѣдно выѣхать дня черезъ три послѣ него, въ г. Вольскъ. Наканунѣ отъѣзда подорожная отдава была соборному діакону Малеву. Ма-

ловъ былъ великолѣпнѣйшій басъ-солистъ, но отъявленнѣйшій пьяница и все, что хотите. Взявши подорожную, онъ отправился, по обыкновенію, къ пріятелямъ. Въ одномъ мѣстѣ, около Митрофаніевской церкви, ночью, на него бросились три мошенника и хотѣли его ограбить. Купцы любили его, дарили, и онъ ходилъ очень чисто. Двое изъ мошенниковъ бросились на него, схватили его за руки и стиснули пальцы зубами, а третій сталъ раздѣвать. Малевъ дернулъ правую руку, спшибъ съ ногъ того, который грызъ лѣвую, и, потомъ, лѣвою спшибъ съ ногъ того, который раздѣвалъ его, но, за то, въ зубахъ перваго осталось все мясо пальцевъ правой руки. Малевъ былъ высокаго роста, красивый, ловкій и очень сильный мужчина, лѣтъ 35-ти. На другой день полиція, по просьбѣ кафедральнаго протоіерея, едва могла отыскать его на горахъ (извѣстная часть города, гдѣ живетъ отбросъ общества). Въ дорогѣ мнѣ привелось сидѣть съ нимъ въ одной повозкѣ и беречь его лекарства. И такъ, мы поѣхали. При поѣздкахъ своихъ преосвященный бралъ съ собой иногда только протоіерея, протодіакона и иподіаконовъ. Трудно описать, что продѣлывали съ духовенствомъ, собственно со священниками, эти протодіаконы и иподіаконъ,—эта небольшая частица архіерейскаго хвоста; но что дѣлалъ полный хвостъ, начиная отъ протодіакона и кончая дисканतिकомъ,—для этого нуженъ художникъ! Мы поѣхали. И представьте себѣ: ѣдутъ тройками пять огромнѣйшихъ старинныхъ телегъ съ узенькими кибиточками на задкѣ. Въ одной изъ нихъ лежатъ сундуки съ архіерейскою ризницей и всевозможныхъ родовъ и цвѣтовъ узелками пѣвческаго туалета. На остальныхъ четырехъ ѣхали: протодіаконъ, два иподіакона и 20 человекъ пѣвчихъ. Вотъ здѣсь-то и картина,—что это за народецъ. Одинъ, басъ, лежитъ въ одномъ бѣльѣ, вздернувши голыя ноги къ кучеру на козла, оретъ во все горло пѣсни; другой сидитъ, свѣся ноги, въ пестромъ халатѣ и колпакѣ (въ то время была мода на колпаки); рядомъ съ нимъ мальчишка, въ одномъ бѣльѣ и жилетѣ; четвертый мальчишка вскарабкался къ кучеру на козла, въ казенномъ пестромъ халатѣ и въ протодіаконской шапкѣ, который спитъ непробуднымъ сномъ; одинъ сидитъ по другую сторону телеги, въ одномъ сюртучишкѣ, разувшись, и прилаживаетъ удочку; рядомъ съ нимъ его товарищъ держитъ на колѣнахъ сманенную имъ собаку и за обѣ щеки уписываетъ краюху, данную ему какоюнибудь доброю матушкой. И въ этомъ родѣ на каждой телегѣ. Вдругъ ктонибудь изъ большихъ начинаетъ неистово орать во всю глотку. Это значитъ, сказать по малороссійски, дае чудку другимъ, что нужно остановиться и выпить. И дѣйствительно, какъ только примется ктонибудь орать, то сейчасъ остано-

вливаются всё, собираются вмѣстѣ, пьютъ и снова ложатся. Я не нахожу словъ кому уподобить и съ кѣмъ сравнить пѣвчихъ архіерейскаго хора, особенно въ это время. Это не переселеніе евреевъ и не таборъ кочующихъ цыганъ, нѣтъ,—тамъ вы видите бѣдность, нераппество, но и доброту, хотя съ отгѣнкомъ плутни. Здѣсь же вы видите, съ крайнимъ нераппествомъ, крайній цинизмъ и крайнюю наглость. Такой крайній нравственный упадокъ можно было видѣть только въ пѣвчихъ архіерейскаго хора. Пѣвчихъ архіерейскаго хора нашихъ временъ можно было сравнить развѣ только съ ордой временъ какого нибудь Тохтамыша,—и только. Другаго народа вы не подберете, потому что нигдѣ вы не найдете такого нераппества, безстыдства и наглости. И эта орда, какъ была въ дорогѣ, въ такомъ же точно видѣ наѣзжаетъ на домъ забитаго нуждой сельскаго священника! Составляя хвостъ полновлости, каждый считалъ себя полновластнымъ и хозяйничалъ въ домѣ. О приличіи никто и не думалъ. Каждый былъ убѣженъ, что его, какъ бы онъ ни былъ безобразенъ, принять должны; что его поить должны; что онъ можетъ вести себя въ домѣ всякаго священника, какъ ему угодно; всякій зналъ только себя, и больше никого. Поэтому: пьянство, охальство, сквернословіе, крикъ, и иногда, и драки,—стонъ стоитъ, хоть святыхъ вонъ выноси! Не скоро, вѣроятно, опаматывались, и не разъ перекрестились батюшка съ матушкой, когда орда откочевывала. Но, въ одномъ селѣ, Елшанкѣ, пѣвчіе наши и наравались же!

Священникъ былъ уже не молодой, состоятельный и, вѣроятно, видѣвшій виды. Мы пріѣхали и наши большаки начали-было, по своему, кто во что гораздъ. Но священникъ вдругъ какъ зыкнулъ, такъ что всё разомъ притихли. «Вы что,—говорить,—дѣлаете?! Съ чего вы взяли такъ орать и беспокоить и меня и мое семейство? Коль хотите, чтобы я угостилъ васъ, такъ ведите себя, какъ слѣдуетъ, скромно; не хотите, такъ вонъ всё!»

Наши набольшіе: «Мы васъ въ журналъ запишемъ, самому владыкѣ скажемъ, ми»...

Но священникъ: «Я повову работниковъ, да мужиковъ, такъ они вамъ такой журналъ покажутъ, какого и у васъ нѣтъ!»...

И наши вонтели поджали хвосты, да и улеглись въ повозкахъ, и лежали, пока не заложили лошадей. А батюшка и попрощаться не выпелъ. За то послѣ, вѣроятно, ему не разъ икнулось.

Я сказалъ, что пѣвчіе были увѣрены, что всё поить и кормить ихъ должны. Такое убѣжденіе хоть и неестественно, но оно имѣло основаніе въ распоряженіяхъ высшей власти. Пѣвчихъ посылали по уѣздамъ, выдавали на нихъ прогонныя деньги; но суточныхъ, ни со-

держаніе имъ не выдавалось,—значить, что они прямо посылались на шею духовенства и церкви. Это, конечно, и придавало имъ больше наглости. Но и сыты и пьяны были только большіе; на насъ же, мальчиковъ, рѣдко гдѣ обращали вниманіе. Мы почти всегда были голодны. Рѣдкая матушка, жена священника, покормить насъ; ужъ за то, какъ же бывали мы и благодарны ей! Никому изъ нихъ не жаль куска хлѣба, чашки щей и двухъ-трехъ бадеекъ молока; но сами мы не спрашивали, а онѣ, въ сумятицѣ, забывали объ насъ. Въ дорогѣ намъ былъ чистый адъ: мы были постоянно голодны, пьяные негодяи рвали насъ на каждомъ шагу и днемъ и ночью, и не давали намъ мѣста ни сѣсть, ни лечь въ повозкахъ. Передъ городомъ всѣ благообразились, на сколько безобразіе можетъ благообразиться.

Изъ Вольска мы поѣхали за Волгу, въ г. Николаевскъ, что нынѣ Самарской губерніи. Тамъ до пріѣзда преосвященнаго жили всего дня три. А такъ какъ тамъ купечества не было, то и безобразія большаго не было. Но, за то, въ Хвалыинскѣ (городъ этотъ на Волгѣ, выше Саратова), куда мы уѣхали изъ Николаевска, наверстали за все. Николаевскій уѣздъ большой и села на большомъ другъ отъ друга разстояніи, поэтому мы и ждали преосвященнаго дней 10. Чтò тутъ было, срамно есть и глаголати!... Купечества много, купцы все богатые и знакомые: у одного обѣдъ, у другаго вечеръ, у третьяго въ саду пикникъ, и такъ почти каждый день. Подъ квартиру намъ отвели цѣлый домъ, комнаты большія. Иногда, вечеромъ, соберутся къ намъ купцы съ своими раздобрѣвшими хозяйопками, тѣ нанесутъ намъ всякой всячины, и пойдетъ плясовая... Чтò тутъ выдѣлывалось!.. Всѣ долгополные, и наши и гости, подберутъ свои кафтаны, да въ присядку! А мы заливаемся—поемъ! Народу наберется полна улица, а намъ-то и любо. Не жезъ была, а масляница. Въ день отъѣзда управляющій виннымъ откупомъ прислалъ, въ знакъ особенной дружбы, на дорогу еще ведро водки.

Когда заводжскій край населялся, то переселенцамъ выдавался отъ правительства (заимообразно или въ даръ—я этого не знаю) строевой лѣсъ. Брусъ съ Волги привозился всѣмъ обществомъ, а потомъ окружный начальникъ раздавалъ по семействамъ. Выдавалось, говорили тогда, по усмотрѣнію окружнаго: сколько онъ дастъ, за то и говори спасибо, хотя правительственное распоряженіе было совсѣмъ не таково. Но, по пословицѣ: «до Бога высоко, до царя далеко», росписки давали крестьяне въ полученіи полнаго количества. Населеніе отстояло верстъ за 400 отъ губернскаго города, въ степи, а переселенцы были все народъ смиренный. Выдавалось, говорили, не поровну, но, и вообще-то, не выдавалось и половины. Въ одномъ

изъ новыхъ поселеній, въ селѣ Высокомъ, жилъ тогда священникъ, нѣкто о. Мысовскій. Я не знаю, можетъ быть, онъ здравствуетъ и теперь. Мысовскій былъ, своего рода, знаменитость. Рѣдкій изъ духовенства губерніи не зналъ его по анекдотамъ, ходившимъ про него. Селеніе было бѣдное, небольшое; недавно поступившій туда о. Мысовскій успѣлъ построить себѣ только флигель, но двора еще не имѣлъ. Въ это время не возили лѣсу вновь прибывшимъ переселенцамъ и пріѣхалъ окружный начальникъ съ чиновникомъ особыхъ порученій раздавать переселенцамъ лѣсъ. Мысовскій былъ съ ними знакомъ. Онъ пришелъ къ нимъ въ квартиру и поздоровался, но тѣ чѣмъ-то были заняты, писали, и не имѣли времени говорить съ нимъ. О. Мысовскій сталъ ходить по комнатѣ и вполголоса напѣвать про себя, но, однакоже, на столько ясно, что они, прислушавшись, могли все разобратъ: «Правило вѣры, но безъ кротости! Невоздержнаго мучителя яви ты стаду твоему, въ немъ же нѣсть истины, сего ради село наше Высокое нищетою богатое. Отче округо-начальниче златоглаве (Златоглавовъ), дай лѣсу на дворъ!» Потомъ опять: «Правило... Отче Иловайскій, дай лѣсу на дворъ!»

Чиновники, наконецъ, вслушиваются и говорятъ: слушай-ка, что это батька-то мурлычетъ? Но когда вслушались, захохотали, вскочили и закричали: «Браво! По 25-ти бревенъ отъ обокъ на дворъ!»

Этотъ же о. Мысовскій однажды держалъ пари со становымъ приставомъ о томъ, кто съ кого прежде возьметъ взятку. Случилось какое-то дѣло въ селѣ и пріѣхалъ становой. Крестьяне, по тогдашнему обыкновению, должны были дать ему взятку. О. Мысовскій призываетъ къ себѣ сельскаго старосту и говоритъ: «Вы должны подарить становаго, а у васъ, можетъ быть, нѣтъ въ сборѣ денегъ. На, вотъ тебѣ займы 50 р. А я его позову къ себѣ и попрошу, чтобы много-то отъ васъ не требовалъ. Когда онъ придетъ отъ меня на квартиру, ты тогда и дай, да смотри куда онъ ихъ положить, и сейчасъ пришли ко мнѣ сказать». Мысовскій пошелъ на квартиру къ становому и повалъ его съ письмоводителемъ къ себѣ. Конечно, тутъ выпили по единой. Какъ только ушелъ отъ него становой и Мысовскій извѣстился, что онъ деньги взялъ и положилъ въ жилетный карманъ, является къ нему Мысовскій и, при всѣхъ понятыхъ, подаетъ волостному головѣ письменное заявленіе, что у него въ домѣ сейчасъ былъ становой приставъ съ своимъ письмоводителемъ и изъ шкапулки, стоявшей во лѣвѣ ихъ на столѣ, выкраденъ кредитный билетъ въ 50 р., такого-то года, за №№. И просить, сію минуту, не сходя съ мѣста, сдѣлать обыскъ у становаго и его письмоводителя. при понятыхъ. Становой помертвѣлъ и, сквозь зубы, говоритъ: на срамъ,

хочешь взять 200 р.? Но Мысовскій: «тутъ дѣло идетъ на честность, я взятку не беру». Становой вынулъ изъ кармана деньги и отдалъ головѣ. Тотъ провѣрилъ годъ и № билета съ заявленіемъ Мысовскаго и отдалъ ему. Послѣ этого пріятель пьянствовалъ вмѣстѣ нѣсколько дней.

Спустя нѣкоторое время послѣ этого, опился церковный староста. Мысовскій скоронилъ его честь честью, такъ что до могилы проводилъ его съ иконами и хоругвями. Узналъ объ этомъ пріятель его становой, сдѣлалъ дознаніе и донесъ по начальству. Пріѣхало временное отдѣленіе для вскрытія трупа и производства слѣдствія. Мысовскій призвалъ сыновей церковнаго старосты, рыльщиковъ могилы и нѣсколько человекъ изъ бывшихъ при похоронахъ, и сдѣлалъ имъ подходящее къ дѣлу внушеніе. Чиновники временнаго отдѣленія, первымъ дѣломъ, пошли на кладбище съ сыновьями, родней и понятыми, чтобы вырыть трупъ. Сыновья указали могилу. Вырыли, а въ гробѣ оказалась старуха.

— Это не вашего отца могила! Гдѣ она?

— Да ошиблись. Какъ не эта, такъ, должно быть, вотъ эта.

Вырыли, а тамъ ребенокъ. Чиновники прикрикнули: «гдѣ зарыли отца, сказывают!»

— Да вотъ она, это ужъ подлинно; и то мы запомнили, простите Христа ради!

Разрыли третью, тамъ женщина.

— Что вы дѣлаете, разбойники?! Мы васъ въ острогъ засадимъ. Гдѣ могила?

— Да мы въ такомъ были горѣ, что теперь и мѣста доподлинно не узнаемъ. Куда намъ было мѣсто примѣчать!

Чиновники прикрикнули на рыльщиковъ, на всю родню, призвали всѣхъ бывшихъ при похоронахъ и, наконецъ, послѣ многихъ толковъ всѣ пришли къ убѣжденію, что могила—вотъ которая. Разрыли, а тамъ опять ребенокъ.

Въ это время приходитъ на кладбище Мысовскій. Чиновники: «батюшка! Вы хоронили NN, гдѣ его могила? Сдѣлайте ваше одолженіе, укажите!»

— Указывать могилы не мое дѣло. Я пришелъ только посчитать, сколько вы ихъ тутъ разрыли.

Чиновники видятъ, что это продѣлки Мысовскаго, что тутъ съ нимъ можно бѣды нажить, да и улепетьвай съ кладбища. На слѣдствіи, конечно, всѣ показали, что церковный староста отродясь и капли водки въ ротъ не бралъ.

Вотъ къ этому-то Мысовскому и прїѣхалъ преосвященный Іаковъ, въ нашу поѣздку.

Къ прїѣзду преосвященнаго человѣкъ десять изъ прихожанъ приготовили просьбы на Мысовскаго. Мысовскій призываетъ ихъ къ себѣ и говоритъ: «Къ намъ скоро прїѣдетъ преосвященный. Онъ здѣсь никогда не былъ и вы его не видывали. Я слышалъ, что вы хотите подавать на меня просьбы, но вы не знаете какъ ему подаются онѣ, такъ я вамъ скажу. Вотъ какъ: какъ только онъ будетъ входить въ церковь, то загорю ему дорогу, встану напротивъ его съ крестомъ; и вы станете по бокамъ, по обѣ стороны поровну, и поднимите руки съ просьбами. Онъ и отбереть у васъ ихъ».

Какъ только преосвященный вошелъ въ церковь и мужики подняли руки съ просьбами, Мысовскій и началъ рѣчь: «Намѣстникъ Христовъ! Когда Господь Іисусъ Христосъ входилъ во Іерусалимъ, то ученики, отроки и всѣ вѣровавшіе въ него встрѣчали его съ зелеными вѣтвями въ рукахъ, постилали по пути свои рязы и вывали: осанна! Тебя же, намѣстника Его, владыку моего, встрѣчаетъ паства твоя, врученная тобою моему недостойнству, съ ябедями въ рукахъ и со злобою въ сердцѣ. Плакалъ Господь объ окаменѣніи сердець іерусалимлянъ, плачу и я (и заплакалъ) объ окаменѣніи сердець паствы твоей».

И въ этомъ родѣ цѣлая рѣчь!

Какъ только кончилъ Мысовскій, то мужики бросились, было, подавать просьбы, но преосвященный: «Хорошо, хорошо, знаю ваши просьбы, знаю», и не принялъ ни одной. При выходѣ изъ церкви мужики опять бросились съ просьбами, но преосвященный и опять не принялъ. Ѣхать же въ Саратовъ съ просьбами, за 400 почти верстъ, конечно, никто и не думалъ. Такъ дѣло и прошло.

Преосвященный любилъ бесѣдовать съ сектантами. И здѣсь, какъ и вездѣ, онъ пожелалъ поговорить съ главными начетчиками молоканъ. Я забылъ сказать, что большая часть села были молокане. Ему сказали, что главный начетчикъ на пчельникѣ, недалеко отъ села. Преосвященный пошелъ туда съ однимъ служкой. Какъ только сталъ онъ подходить, съ пчельника бросилась цѣпная собака и начала рвать его. У одного только преосвященнаго была трость, а у служки не было ничего. Хозяинъ же пчельника стоитъ, облокотясь на загородъ, и хохочетъ. Преосвященный отходить, пятясь назадъ: «Господи помилуй, Господи помилуй! Хозяинъ-то—какъ дьяволъ, а собака-то его совсѣмъ дьяволъ» (Преосвященный Іаковъ говоритъ на о). Хозяинъ, натѣшившись, свистнулъ, и собака воротилась къ нему. Разогорченнѣе пришелъ преосвященный въ домъ Мысовскаго.

Мысовскій плакалъ, но въ душѣ ликовалъ: сказанная имъ въ церкви рѣчь подтвердилась самымъ дѣломъ на владыкѣ. Говорили потомъ, что пѣнная собака была штука Мысовскаго.

Отдохнувши отъ волненія, преосвященный пошелъ въ домъ къ другому начетчику. Тотъ принялъ его ласково и тотчасъ подалъ бѣлаго хлѣба съ сотовымъ медомъ. Преосвященный отъ хлѣба началъ, было, рѣчь о постахъ. Но хозяинъ:

— Эхъ, отецъ Іаковъ! Далеко ты заѣхалъ толковать о постахъ. Вѣдь шутка ли, чуть не 400 версты! А ты говори у себя дома,—своимъ-то православнымъ-то, православнымъ-то, господамъ-то! Вѣдь изъ нихъ тоже ни одинъ постовъ-то не держитъ. А у евангелиста Луки, глав. XII, ст. 47 и 48, на 127 страницѣ, говорится: «рабъ, вѣдѣвшій волю господина своего и неуготовавъ, ни сотворивъ по воли его, біенъ будетъ много. Не вѣдѣй же, сотворивъ же достойная рамамъ, біенъ будетъ мало». Ихъ пожагѣй, они все люди ученые, православные, знаютъ волю Отца небеснаго, и не творятъ по Его волѣ и біены будутъ много. Ихъ тебѣ надо пожагѣть. А мы—мужики, люди темные, слово Божіе понимаемъ по своему разуму. А коли Господь чего не открылъ нашему разуму, Онъ и не взыщеть на насъ.

Какъ ни старался преосвященный и разъяснить слова евангелія и начать бесѣду о постахъ, но молокавъ все свое: «нѣтъ, отецъ Іаковъ, ступай сперва научи своихъ-то, вѣдь они наши начальники». Такъ-таки бесѣда и не состоялась. Мысовскій торжествовалъ: теперь хоть сто прошеній подавай, ни одного не приметъ.

Изъ Хвалынска мы поѣхали въ Кузнецкъ, а оттуда въ Петровскъ. Путешествіе наше было обыкновенное пѣвческое—вездѣ разгулъ. Только въ Петровскѣ мы огорчены были сильно, такъ что съ разу пропало все наше веселье и омрачилось все путешествіе. Дурное неприятно всегда, и тѣмъ болѣе къ концу веселаго праздника или веселаго пикника, когда приходится отправляться изъ гостей съ тяжелою грустью на сердцѣ. Да, Петровскъ черною тучею надвинулся на наше ясное небо. Въ Петровскѣ намъ отвели квартиру въ монастырѣ, а настоятелемъ тамъ былъ тогда нѣкто о. Моисей, старецъ строгій-престрогій, и до того даже строгій, что и монахамъ-то своимъ пить запрещалъ. Вотъ и попались мы къ нему, и пробралъ же онъ насъ! Утромъ дастъ чайку, въ обѣдъ ушицы да жареной рыбки; вечеромъ опять чайку, въ ужинъ опять ушица да рыба. Водочки—хоть показалъ бы, хоть бы капельку ромку въ чай! Нѣтъ, оварникъ, понюхать не далъ. Мы, конечно, въ городѣ нашли бы пріятелей и были бы всѣмъ улаготовлены, а онъ: «сидите, ѣшьте и пейте что Богъ по-

слалъ, а изъ обители ни шагу, владыкъ скажу». И пришлось сидѣть, да хоть бы сидѣть-то какойнибудь одинъ день, а то, страшно вымолвить: цѣлехонькихъ пять дней! Тяжело было нашимъ наибольшимъ. Разлягутся по двору на травѣ, вздернуть носы, да и нюхаютъ: хоть не пахнетъ ли откуда водочкой, а ея нѣтъ да и нѣтъ. Не было бы грустно, еслибы это было въ началѣ, какъ въ Елшанкѣ, а вѣдь на послѣдній день масленицы,—изъ Петровска мы должны были ѣхать прямо въ Саратовъ. Правда, по дорогѣ тутъ есть два села, да что значитъ два села, по 10 минутъ въ каждомъ, пока перемѣняютъ лошадей! Въ самомъ дѣлѣ, смѣшно было смотрѣть на этихъ безобразныхъ и нагихъ пьяницъ, такъ опаренныхъ. Не хотѣлось, было, нашимъ безъ дѣла лежать на травѣ, а хочешь—не хочешь слушаться надобно. Съ о. Моисеемъ никто не шутилъ и шутить онъ не позволялъ. За то намъ, мальчикамъ, у него было раздолье: мы бѣгали по лѣсу, купались въ Медвѣдицѣ, а Медвѣдица, кто ее знаетъ, рѣка большая, русло песчаное, вода чистая, рыбы множество. И утромъ и вечеромъ онъ поилъ насъ чаемъ у себя въ комнатахъ, давалъ намъ варенья, конфетовъ; вообще, онъ былъ для насъ какъ родной отецъ. Поить насъ чаемъ да и улыбается: «а что, небойсь, большіе ваши ругаютъ меня? Ну нетрогъ ихъ, немного поотрезвятся, а то они ужъ совсѣмъ спились. Надобно же хоть денекъ другой въ жизни быть трезвымъ».

Изъ путешествія мы воротились какъ разъ къ экзаменамъ. Изъ пѣвчихъ были переведены въ слѣдующій классъ я и еще одинъ мой одноклассникъ; остальные же всѣ были или оставлены въ тѣхъ же классахъ, или совсѣмъ исключены изъ училища. А между тѣмъ многіе изъ нихъ были мальчики даже очень съ хорошими способностями и не совсѣмъ лѣнтяи. Не будь они въ пѣвчихъ, можетъ быть, были бы счастливыми и хорошими людьми; тутъ пришлось идти всѣмъ въ пономари. И, удивительное дѣло, никто не обратилъ вниманія на погибавшій народъ! Преосвященный, напримѣръ, не то что могъ, а непременно долженъ бы былъ видѣть, что изъ-за пѣнія и, въ особенности, изъ-за поѣздки пропали мальчики—и ничего, какъ будто такъ и быть подобало. Нѣльзя не сказать и опять: удивительное дѣло!... Раза два въ годъ бывалъ у насъ въ комнатахъ преосвященный; но о приходѣ его мы знали дня за два, но за день—непремѣнно. Всѣ, напримѣръ, знали, что завтра придетъ къ намъ владыка, а потому все подметалось, подмывалось и зашивалось. Придетъ владыка, посмотритъ, заставитъ когонибудь перевести съ русскаго на латинскій языкъ легонькую фразу, и—все. Никакихъ другихъ предметовъ онъ не спрашивалъ и въ жизнь нашу не вникалъ. Однажды только

вникъ: одинъ изъ мальчиковъ, Прозоровъ, хотѣлъ показать владыкѣ, что ужь слишкомъ дурно содержать, что мы ходимъ въ лохмотьяхъ, и не зачинилъ чапана къ его приходу. За это преосвященный велѣлъ его высѣчь, какъ озарника, не берегущаго казенной одежды. Насъ содержали скверно, но, между тѣмъ, кромѣ казеннаго содержанія, у насъ удерживали жалованье. Намъ полагалось жалованье, рублей по пяти въ мѣсяцъ, но мы только расписывались въ немъ, а денегъ не видали.

На сѣверо-восточной сторонѣ города Саратова лежитъ высокая гора, названная Соколовою, съ обрывомъ къ Волгѣ. Въ горѣ этой множество улитко-образныхъ окаменѣлыхъ раковинъ. Множество ихъ валяется подъ обрывомъ и множество виднѣтся въ иловатомъ обрывѣ горы. Изъ нихъ многія сохранились очень хорошо, сохранилось даже устройство внутренностей. На юго-западной сторонѣ города, подъ другими песчаными горами, множество морскихъ раковинъ другого рода и всевозможныхъ формъ. Эти раковины до того хорошо сохранились, что какъ будто сейчасъ изъ моря. Преосвященный каждое лѣто ѣздилъ туда раза по два и бралъ съ собой насъ. Мы рылись въ пескѣ и, какъ козлы, лавили по обрыву и носили ему раковины. У него въ домѣ, въ одной изъ комнатъ, наваленъ ихъ былъ цѣлый уголь.

По занимаю, преосвященный Іаковъ нерѣдко привывалъ къ себѣ меня и заставлялъ читать; ляжетъ, бывало, на диванъ, я сяду въ головахъ и читаю. Чтò я читалъ ему—теперь не припомню. Послѣ велить дать два или три яблока и напоить чаемъ. Въ чайникъ у него всегда пускалась головка гвоздики.

Когда я былъ въ богословскомъ классѣ и не былъ уже въ пѣвчихъ, тогда въ семинаріи проходились всѣ науки свѣта: кромѣ специальныхъ богословскихъ, мы проходили химію, физику, минералогію, ботанику, зоологію, растеніеводство, скотоводство, агрономію, геологію, геодезію, медицину и пр., и пр., что теперь и названій-то уже не припомнишь. Все нужно было изучить въ теченіе двухъ лѣтъ. Мы, поэтому, были и богословы, и философы, и астрономы, и скотоводы, и доктора, словомъ: куда насъ ни ткни, мы вездѣ были кстати, мы знали все, что хотите. Химію, напримѣръ, мы изучали безъ лабораторіи и какихъ бы то ни было пособій. А поэтому кислородъ, напримѣръ, мы представляли себѣ, что это есть что нибудь въ родѣ уксуса; водородъ—въ родѣ пара и тумана, изъ котораго образуется вода; углеродъ—въ родѣ вонючаго дыму и под. Мы производили нивелировку и измѣренія безъ нивелира, безъ мензуды, астролябій и цѣпи; изучали минералогію, не видѣвши, кромѣ одного булыжника, ни одного камня;

пахали различными плугами, сѣяли, молотили и вѣяли различныхъ конструкцій машинами, не видѣвши никогда ни одной. Мы были въ полномъ смыслѣ народъ ученый. Медицину намъ читалъ врачъ, нѣкто Пакасовскій. Это былъ человѣкъ еще не старый, высокій и дебелый. Придетъ въ классъ, залѣзетъ за столъ, посидитъ минутку, понюхаетъ табачку, утрется неторопясь, и начинаетъ, выкладывая по словечку: «Каковъ долженъ быть врачъ-священникъ?» За этимъ шла долгая пауза. «Врачъ-священникъ долженъ быть кротокъ». Опять пауза. «А что такое кротость? Кротость есть... Онъ долженъ быть терпѣливъ. А что такое терпѣние? Что значить быть терпѣливымъ?.. Это значить, чтобъ не сердился, когда больные капризничаютъ. Вотъ я, напримѣръ, вчера былъ у NN. Эту барыню, можетъ быть, изъ васъ кто нибудь знаетъ?» И пошла писать, какъ онъ вчера былъ у барыни!... Въ слѣдующій классъ опять: «Каковъ долженъ быть врачъ-священникъ», и опять та же глупость и та же пошлость, и именно — пошлость, потому что онъ немало не стѣснялся вернуть крѣпкое слово. О качествахъ и обязанностяхъ врача-священника онъ читалъ намъ по тетрадкѣ, и въ теченіе всего года. Сколько ми ни просили у него этой тетрадки, чтобъ списать, нѣтъ, такъ-таки и не далъ. Намъ и тогда ужасно интересовала его тетрадка, интересно было бы взглянуть на нее и теперь. Къ экзамену намъ велѣно было купить въ семинарскомъ правленіи брошюрки, страничекъ въ шесть, съ перекличкой болѣзней и лекарствъ, и выучить. Такъ и сдѣлалось... и стали мы доктора!

Однажды въ классъ къ намъ, на предметъ зоологій, пріѣхалъ преосвященный Іаковъ. Учитель говоритъ: отдѣлъ четверорукихъ. Преосвященный: «а, четверорукихъ! Ну-ка, скажи,—обращается къ ученику,—о четверорукихъ!» Видно было, что это очень заинтересовало его. Ученикъ отвѣчаетъ: «Къ отдѣлу четверорукихъ принадлежать обезьяны»...

— Почему это?

— Обезьяны имѣютъ устройство пальцевъ...

— Такъ это обезьянъ вы нааываете четверорукими-то?—и на лицѣ его выразилось полнѣйшее разочарованіе.

Изъ быта моего въ пѣвчихъ мнѣ припомнилось еще одно наше путешествіе. Однажды преосвященный Іаковъ ваялъ насъ освящать церковь, за Волгу, въ с. Всесвятское. По дорогѣ намъ привелось ночевать въ одной нѣмецкой колоніи. Въ это время у нѣмцевъ былъ какой-то праздникъ. Въ одинъ домъ, гдѣ была музыка, забрались и мы. Не долго терпѣли наши наибольшіе нѣмецкое пѣніе, да какъ разомъ хватили: «Не бѣли-то снѣги!»—мы завизжали, и пошла катать.

Нѣмцы и рты разинули. Они и понятія не имѣли и не знали, что у людей, какъ наши протодіаконы и діаконы, могутъ быть такіа горла. Между нашими басами былъ семинаристъ, нѣкто Синицынъ. Это въ родѣ бабки, которою забиваютъ свая: уродъ собой, небольшого росту, широкій, и глотка — хотъ въ шубѣ лѣзь. Какъ разинулъ свою пасть Синицынъ, нѣмцы: «бикъ, бикъ (быкъ); водка пьете?» — «Не много». Хозяинъ и подноситъ ему рюмочку. — «Я изъ такихъ никогда не пилъ». Хозяинъ думалъ, что рюмка слишкомъ велика и сталъ, было, брать поменьше. Но Синицынъ взялъ красной стаканъ и говоритъ: «вотъ, наливайте!» Хозяинъ, съ недовѣріемъ, налилъ, полагая, что онъ шутитъ; но Синицынъ хватилъ его залпомъ. У хозяина и гостей чуть глаза не выскочили, такъ ихъ удивило это. Синицынъ подаетъ стаканъ и говоритъ: «позвольте еще!» Но нѣмцы закричали въ голосъ: «нелзя, нелзя, сдохнетъ, сдохнетъ!» Синицынъ сѣлъ и пересталъ пѣть. Минуть черезъ десять хозяинъ видитъ, что гость не сдохъ, улыбался, показываеъ ему на стаканъ и говоритъ: ну, теперь можно? Хотите еще? «Да чтожь съ вами дѣлать, коль вы скупые». «Я скупой? Нѣтъ, пей, милій шеловѣкъ! Пей!» Синицынъ выпилъ и опять загорланилъ. Нѣмцы были въ восторгѣ, какъ отъ необыкновенныхъ басовъ, такъ и отъ того, сколько эти басы могли выпить водки, и пошли отъ чистаго сердца, до отвалу. По всей вѣроятности, вся колонія не выпила бы столько во весь праздникъ, сколько наши пѣвчіе, челоуѣкъ десять, выпили въ одну ночь.

Преосвященный Іаковъ велъ жизнь постную и уединенную. Ълъ онъ ужасно мало, но когда отъѣзжалъ въ уѣздъ, то всегда бралъ съ собой повара, хотя и въ дорогѣ столъ его былъ также нероскошный. По великимъ постамъ; въ понедѣльникъ, вторникъ и пятницу, онъ не ѣлъ ничего; въ прочіе же дни ѣлъ просфору, что нибудь въ родѣ кашицы и немного сушеныхъ фруктовъ. Сушеные фрукты онъ любилъ, особенно изюмъ. Однажды одинъ франтъ, изъ помѣщиковъ, поспорилъ на пари съ своими пріятелями, что архіерей оставитъ вынѣ его у себя обѣдать, и поѣхалъ къ нему. Я забылъ сказать, что преосвященный Іаковъ молился подолгу вообще, и очень подолгу предъ обѣдомъ и послѣ обѣда. Пришло время обѣда, преосвященный ждетъ, когда гость уѣдетъ, а гость сидитъ. Прошелъ часъ, гость сидитъ; ждуть другой, а гость сидитъ, да и сидитъ. Преосвященный, наконецъ, и говоритъ: «Время подкрѣпить себя пицкою. Неудно-ли вамъ отобѣдать со мной; но только не взъичите на моемъ обѣдѣ». Пошли въ столовую. Преосвященный: «Помолимся Господу Богу!» Да и молился цѣлыхъ полчаса. За обѣдомъ подали полтаре-лочки супу съ хвостикомъ рыбки, съ ложку молочной манной ка-

щицы, да ложки двѣ чайныхъ мороженаго и—все. Послѣ обѣда преосвященный опять: «Возблагодаримъ Господа Бога!» Да опять полчаса молитвы! Этотъ франтъ, смѣялись тогда, безъ ума мчался домой, ворча на архіерея и архіерейскую кашницу. «Лучше бы,—говорилъ онъ всѣмъ,—еслибъ все это я зналъ впередъ, я заплатилъ десять пари, чѣмъ не ѣсть и не курить цѣлый день и, съ тощимъ желудкомъ, стоять рядомъ съ архіереемъ и молиться».

Преосвященный Іаковъ жилъ въ старомъ деревянномъ домѣ, хотя огромный каменный, въ которомъ стали жить его преемники, былъ отдѣланъ. Новый и старый дома стоятъ на одномъ дворѣ. Преосвященный нерѣдко служилъ утрени и обѣдни въ новой Крестовой церкви вдвоемъ съ іеромонахомъ Мееодиѣмъ. Запрутся и служатъ, Мееодій священнодѣйствовалъ, а преосвященный читалъ и пѣлъ; кадило подавалъ служка. Къ духовенству онъ былъ очень строгъ. По первой жалобѣ, безъ суда и слѣдствія, онъ посылалъ священника въ монастырь или въ кафедральный соборъ на усмотрѣніе, т. е. на нѣсколько мѣсяцевъ, пока настоятелю угодно будетъ донести, что наказуемый исправился; иногда, впрочемъ, назначалъ и сроки. Чаще всего переводилъ изъ прихода въ другой. Приходы давалъ всегда по приговорамъ прихожанъ. Забавно дѣлалось это, съ семинаристами въ особенности.

Окончить курсъ, просить мѣсто, ему и велеть взять отъ будущихъ прихожанъ одобреніе. Ѣдетъ стрыганъ туда, иногда верстъ за 500 отъ родины, гдѣ не имѣютъ и понятія о его существованіи, поить мужиковъ водкой—просите-де меня въ попы, пишите, что я ужъ больно хорошъ. Тѣ расхваливаютъ его и просятъ къ себѣ въ попы. Хваленый-то этотъ, иногда, и сядетъ имъ на шею, что не смотаешь. Табаку преосвященный терпѣть не могъ. Не знаю ничего о приходскомъ духовенствѣ, но мы, семинаристы, давали подписку, чуть не подъ страхомъ повѣшенія, чтобы табаку не нюхать и не курить, нимало не думая о выполненіи подписки.

Преосвященный Іаковъ наказывалъ духовенство безъ суда и слѣдствія, но, за то, секретарь консисторіи его времени слѣдствія любилъ. У него имѣлось нѣсколько агентовъ изъ бездолжностныхъ, пропившихся и запрещенныхъ поповъ и дьяконовъ, которые шлялись по губерніи и вывѣдывали о проступкахъ священниковъ, въ особенности богатыхъ. Придетъ такой господинъ въ село, попросится къ комунибудь изъ духовенства ночевать, въ разговорахъ выпытаетъ чтонибудь, потомъ отправляется въ Саратовъ и подаетъ доносъ, что такой-то-де священникъ сдѣлалъ тогда-то вотъ что. Секретарь консисторіи выывываетъ благочиннаго и говоритъ: «ступай произведи надъ NN. слѣдствіе, возьми съ него столько-то и при-

вези мнѣ». Возьметъ ли благочинный что нибудь или нѣтъ, это онъ какъ знаетъ; но привезти назначенное секретаремъ долженъ, Многое можно было бы сказать о консисторскихъ порядкахъ, но отложимъ до другаго времени. Этотъ секретарь нажилъ въ Саратовѣ большой каменный домъ и двѣ деревни, дворовъ по 50-ти въ обѣихъ крестьянъ.

Передавая часть моихъ Записокъ, именно разсказъ о моей юности, я надѣюсь, что многіе согласятся со мною, что мнѣ пришлось пройти тяжелую школу. Вспоминая юность, сердце, какъ говорится, обливается кровью. Когда стали подростать у меня мальчики—дѣти, то я положилъ употребить всё зависящія отъ меня средства, чтобы они не поступили въ пѣвчіе архіерейскаго хора, если будутъ обучаться въ духовномъ училищѣ. Если же и въ самомъ училищѣ не измѣнятся его порядки, то отдать ихъ въ свѣтскія заведенія. Такъ сладко воспоминаніе о быломъ!

Изъ официальныхъ и частныхъ газетныхъ сообщеній извѣстно, что между людьми извѣстнаго пошиба происходитъ сильное недовольство существующимъ государственнымъ строемъ, и до того сильное броженіе головъ, что употребляются въ дѣло револьверы и кинжалы. Какъ членъ великой русской семьи, я посовѣтывалъ бы этимъ непрощеннымъ плакальщикамъ покрѣпче изучить русскую исторію. Дѣти отъ отцовъ стоятъ ниже одною ступенью, однимъ только поколѣніемъ, но какая разница!... То-ли теперь, что было при насъ, когда мы были такими же, какъ они теперь? Въ училищахъ насъ сѣкли нещадно, сѣкли по прихоти, безъ разбору, и праваго и виноватаго. Мыслимо ли это теперь?! Наставники наши сами не знали, какъ слѣдуетъ, первыхъ четырехъ правилъ ариметики. Терпимо ли это теперь?! Существуютъ ли теперь орды архіерейскихъ пѣвчихъ? Нѣтъ. Дозволятъ ли священники теперь, чтобы надъ ними издѣвалась всякая сволочь? Нѣтъ. Я живу шестой десятокъ лѣтъ; живешь, не замѣчая разницы между понедѣльникомъ и вторникомъ,—дни за днями идутъ незамѣтно; но когда взглянешь за нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, то видишь между прошедшимъ и настоящимъ непроходимую бездну. Отечество наше хотя тихо, но все-же идетъ къ своему и нравственному и матеріальному улучшенію; а что непроходимая бездна легла не въ поповскомъ только быту, я скажу кстати нѣсколько словъ и изъ быта «народа». Тѣмъ болѣе я считаю умѣстнымъ это сказать, что непрощенные народные плакальщики стремятся все «въ народъ», а исторія поучаетъ насъ лучше всякаго самаго теплаго и самаго радушнаго олова.

Въ 15-ти верстахъ отъ меня живетъ одинъ древній старецъ, въ

своимъ имѣннн, бывшій, въ старое доброе время, засѣдателемъ, что нынѣ соотвѣтствуетъ исправнику. Этотъ старецъ, въ свое время, выдѣлывалъ такія штуки: своему крѣпостному лакею обрѣть половину головы, одѣнуть его въ сермягу, да и пошлетъ его въ какую нибудь деревню къ богатому мужику спрятаться на гумнѣ въ овинѣ. Утромъ наѣзжаетъ съ понятими на деревню и обыскиваетъ всю ее, не скрывается ли у кого бѣглый каторжникъ. Находитъ въ овинѣ и, за укрывательство, грабитъ его до ниточки. Изъ этой деревни пошлетъ его въ другую и т. д. Мнимый каторжникъ говорить, конечно, что мужики скрывали его долгое время, кормили его и принимали отъ него краденныя вещи.

Найдется мертвое тѣло неизвѣстнаго человѣка, а ихъ на чужихъ кладбищахъ не мало, и наѣзжаетъ засѣдатель. Если это лѣтомъ, то онъ велитъ, до прибытія доктора, беречь его въ погребѣ въ крайнемъ домѣ деревни. Хозяева отмаливаются всѣми святыми, чтобы не сквернить погребѣ и всего дома; они готовы отдать все, лишь бы избавить отъ такой бѣды, даютъ—и трупъ переносится къ сосѣду. И такъ обойдетъ съ трупомъ всю деревню и каждого мужика, обдеретъ порознь. Наконецъ, за деревнею строятъ шалапъ, туда помѣщаютъ трупъ и ставятъ караулъ. Вечеромъ кучеръ или лакей засѣдателя подсядутъ къ караульнымъ, подружатся и перепоятъ всѣхъ. Просыпаются утромъ караульные и, къ ужасу своему, видятъ, что покойника-то нѣтъ. Ужасъ по всей деревнѣ! Просыпается засѣдатель, ему докладываютъ,—и онъ звѣрь звѣремъ! Мужики дрожатъ, и подступиться не знаютъ какъ. Наконецъ, улаживается и это дѣло: теперь онъ грабитъ всѣхъ разомъ, а уже не порознь, какъ вчера. Но пока мужики собирали деньги, день прошелъ, а къ вечеру является сотникъ изъ другой деревни съ заявленіемъ, что близъ ихъ деревни найдено мертвое тѣло неизвѣстнаго человѣка. Тамъ та же исторія. И такъ далѣе, и такъ далѣе, пока трупъ не разложится совсѣмъ и нельзя уже будетъ болѣе таскать его. Иногда мертвое тѣло находили у какого нибудь богатаго мужика на гумнѣ подъ соломой. Несчастный хозяинъ соломы изъ богатаго дѣлался нищимъ.

Верстахъ въ 400 отъ Саратова, къ Уральску, въ степи, есть огромное село Большая Глушица. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ земли были тамъ привольныя, земля нетронутая, хорошая, и пшеница родилась тамъ великолѣпная. Крестьяне засѣвали хлѣба ужасно много. Нищимъ считался тотъ, кто засѣвалъ десятины по 20. Богатые засѣвали 700—1,500 десятины. Всѣ богачи изъ крестьянъ вышли въ Самару въ купцы и ведутъ теперь огромную хлѣбную торговлю.

Жителѣй въ Глушицѣ было до 4,000 душъ. Для снятія только хлѣба съ полей такого огромнаго количества—рабочаго народу нужны были десятки тысячъ. Но за Волгою, не знаю—какъ нинѣ, а въ то время былъ обычай молотить пшеницу тотчасъ послѣ жнитвы, тамъ же въ полѣ, чтобы пшеница не поблекла, была янтарнаго цвѣту и не потеряла цѣны своей, а поэтому рабочаго народу нужно тройное количество. Въ этотъ край, дѣйствительно, набиралось лѣтомъ народу не одна сотня тысячъ. Тутъ одни жнутъ, тутъ же, рядомъ съ ними въ полѣ, другіе молотятъ, тамъ вѣютъ, тамъ насыпаютъ въ мѣшки и возятъ въ село въ амбары и т. п. Хозяину нужно найти рабочихъ, содержать, смотрѣть, чтобы чище жали и молотили, наблюдать, чтобы при отвозкѣ не обокрали и т. п., и т. п. Словомъ—жаркое было время! Хозяинъ и все его семейство метались во всѣ стороны. И вотъ, въ это-то жаркое время, наѣзжаетъ начальство и приказываетъ поголовно собраться всѣмъ крестьянамъ. Крестьяне собрались, запрудили собой всю улицу, ждутъ; но начальство не выходитъ и не объявляетъ, зачѣмъ они собраны. Мужики просидѣли день,—начальство не выходитъ; сидятъ другой день, а начальства нѣтъ да нѣтъ. Мужики волкомъ воютъ. У много рабочихъ до 1,000 человекъ, ему дорогъ каждый часъ; безъ его личнаго надзора и при неблагоприятной погодѣ онъ въ два дня изъ богача можетъ сдѣлаться нищимъ. А начальства все-таки нѣтъ да и нѣтъ. Писаря и сотскіе между тѣмъ шмыгаютъ по народу и толкуютъ, что «дѣло, ужаси какое, важное; что начальство все пишетъ, все пишетъ; что идти отпрашиваться—ни Боже мой! Ужъ развѣ, за вашъ хлѣбъ-соль, попросить за васъ, чтобы отложили дѣло до другаго времени; да и имъ-то—то же; они вѣдь отъ города-то 150 верстъ, хотъ бы рубликовъ по пяти». Тотчасъ улаживается дѣло, чтобы дать начальству по пяти рублей съ рыла. Въ нѣсколько минутъ собирается вся сумма и относится къ начальству. Начальство выходитъ и милостиво объявляетъ, что «дѣло, по которому прибыло оно,—важное и скоро сдѣлать его нельзя; но оно—начальство—жалія ихъ, откладываетъ его до другаго времени, и что всѣ они, поэтому, могутъ идти по домамъ». Послѣ этого обѣ стороны, другъ другомъ довольныя, каждая отправляется въ свои мѣста и къ обычнымъ своимъ занятіямъ: одни въ поля—трудиться; другіе въ Николаевскъ—картежничать и пьянствовать.

Я сказалъ только про Большую Глушину; но въ этомъ отдаленномъ степномъ краю много и другихъ подобныхъ,—большихъ и богатыхъ селъ, напримѣръ, Малая Глушица, Вятовка, Петровка и др. Нѣтъ сомнѣнія, что не одна Большая Глушица подвергалась нашествію начальства. Дѣйствительно, говорили, однажды было такъ: началь-

ство (а оно было покрупнѣе становаго) обобраго Малую Глушицу, перепилось и затынуло пѣсню:

Ивушка, ивушка,
Зеленая моя!
: : : : :
: : : : :
Меньшая сестра
Чѣмъ же лучше меня?
Меньшую сестру
Прежде замужъ отдають!

«Идемъ къ большой сестрѣ!» — и поѣхали въ Большую Глушицу. Подобныхъ безобразій, навѣрное, всякій знаетъ множество, не мало знаю ихъ и я. Я сказала только про двѣ Глушицы, потому что я, по одному случаю, особенно хорошо ихъ знаю, бываю тамъ много разъ и живаю подолгу.

Есть-ли что нибудь подобное этому «въ народѣ» теперь? Нѣтъ. Сравнивая минувшее съ настоящимъ, я радуюсь за себя, радуюсь за дѣтей своихъ и радуюсь за народъ.

Сельскій священникъ.

ОСИПЪ МАКСИМОВИЧЪ БОДЯНСКІЙ

въ 1831—1849 годахъ.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 г., томъ XXV, помѣщены воспоминанія о покойномъ профессорѣ Московскаго университета, извѣстномъ славистѣ О. М. Бодянскомъ, при чемъ высказано желаніе видѣть напечатанными не только болѣе подробныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности покойнаго, но и переписку его съ современниками.

Издавъ въ первой книгѣ «Чтеній» Московскаго Историческаго общества изд. 1879 года 23 письма Осипа Максимовича, писанныя имъ къ М. П. Погодину изъ путешествія по славянскимъ землямъ въ 1837—1841 годахъ, предлагаю теперь нѣсколько новыхъ свѣдѣній о покойномъ профессорѣ, почерпнутыхъ мною изъ дѣлъ, которыя хранятся въ архивѣ Московскаго университета. Свѣдѣнія эти касаются первыхъ лѣтъ ученой дѣятельности его.

При поступленіи Бодянскаго въ студенты Московскаго университета, онъ подавалъ прошеніе на имя полтавскаго и переяславскаго епископа Назанаила о выдачѣ ему метрическаго свидѣтельства. Въ архивѣ полтавской консисторіи свѣдѣній о его рожденіи не нашлось. Консисторія предписала благочивному Лохвицкаго повѣта, священнику Іоанну Константиновичу, справиться въ метрическихъ книгахъ обѣихъ церквей мѣстечка Варвы, откуда Бодянский былъ родомъ, Рождество-Богородичной и Успенской. А такъ какъ и въ этихъ книгахъ никакихъ свѣдѣній о рожденіи О. М-ча не было найдено, то «учинено было, на предписанныхъ закономъ¹⁾ основаніяхъ, изслѣдованіе чрезъ разспросъ воспріемниковъ и другихъ лицъ, знавшихъ о времени рожденія и крещенія» просителя. Результатъ изслѣдованія былъ тотъ, что О. М., какъ оказалось, родился 31-го октября 1808 г., окре-

¹⁾ Указъ св. синода отъ 8-го іюня 1809 года.

щенъ 3-го ноября, а не записанъ въ метрическія книги покойнымъ дѣдомъ своимъ, вѣроятно, потому, что «при рожденіи его замѣненъ былъ въ крайней слабости»¹⁾. Последнее свѣдѣніе, можетъ быть, объясняетъ и ту продолжительную болѣзнь, которую О. М. вынесъ во время своего заграничнаго путешествія и о которой онъ упоминалъ въ своихъ письмахъ къ М. П. Погодину.

Изъ аттестата, выданнаго Бодянскому правленіемъ Московскаго университета 23-го сентября 1835 года, видно, что онъ, «по окончаніи курса наукъ въ полтавской духовной семинаріи и по увольненіи изъ духовнаго вѣдомства, поступилъ въ Московскій университетъ 28-го декабря 1831 г., по экзамену студентомъ, гдѣ, окончивъ курсъ по отдѣленію словесныхъ наукъ, оказалъ отличные успѣхи при такомъ же поведеніи, и опредѣленіемъ университетскаго совѣта, отъ 30-го іюня 1834 года, утверждень въ степени кандидата». Въ сентябрѣ 1836 года, Бодянский, желая подвергнуться испытанію на степень магистра «преимущественно по предмету истории и литературы славянскихъ нарѣчій», подалъ просьбу о томъ въ совѣтъ университета. Испытаніе происходило въ октябрѣ, въ полномъ собраніи членовъ перваго отдѣленія философскаго факультета и въ присутствіи депутатовъ отъ совѣта—ординарныхъ профессоровъ: политической экономіи и дипломатіи Н. С. Васильева и физики И. С. Веселовскаго. Въ донесеніи словеснаго отдѣленія совѣту было сказано:

«Октября 10-го испытывали: изъ російской словесности орд. пр. Давыдовъ, изъ исторіи славянскихъ нарѣчій и ихъ литературъ засл. пр. Каченовскій, изъ всеобщей и російской исторіи орд. пр. Погодинъ, изъ російской статистики засл. пр. Каченовскій, изъ всеобщей статистики адъюнкъ Чивилевъ, изъ латинскаго языка и словесности по выбору испытуемаго, дозволяемому § 7, VI ст. правилъ о производствѣ въ ученныя степени, экстра-орд. пр. Крюковъ, изъ нѣмецкаго языка и словесности лекторъ Герингъ. Всѣ гг. испытатели, по окончаніи экзамена, изъявили полное свое удовольствіе и опредѣлили: допустить испытуемаго ко второму, письменному, экзамену. Г. попечитель почтилъ сіе испытаніе своимъ присутствіемъ. Октября 24-го дня окончено было испытаніе на степень магистра Юсифу Бодянскому. На основаніи § 32 правилъ о производствѣ въ ученныя степени, предложены были ему изъ многихъ вопросовъ,

¹⁾ Свѣдѣніе о родственникахъ Бодянскаго по восходящей линіи имѣется въ статьѣ А. В. Рачинскаго «Русскіе комиссары въ Токаѣ» («Русскій Вѣстникъ» за 1875 г., № 9) и въ поправкахъ къ онымъ, напечатанныхъ Осипомъ Максимовичемъ Бодянскимъ въ «Чтеніяхъ» Историческаго общества за тотъ же годъ, кн. II, отд. V, стр. 243. Въ «Биографическомъ словарѣ профессоровъ Московскаго университета» (Ч. I, стр. 92) и даже въ первомъ формулярномъ спискѣ, составленномъ при поступленіи Бодянскаго на службу и хранящемся въ дѣлахъ университета, 3-е ноября показано днемъ его рожденія, а не крещенія только.

заранѣ приготовленныхъ испытателями, по жребію, слѣдующіе два: 1) Изъ латинской словесности: *Quinam sunt veteres scriptores Latini, qui septentrionalia Europae scriptis suis perlustrarunt, et quid de situ et moribus populorum ea incolentium memoriae tradiderunt?* 2) Изъ російской исторіи: *Важность Москвы въ исторіи Россіи*. Оба сіи вопроса испытуемый разрѣшилъ письменно, первый на латинскомъ языкѣ, а второй на русскомъ, въ самомъ же заведеніи отдѣленія, и заслужилъ одобреніе испытателей. Вслѣдствіе сего предложена была г. деканомъ и профессоромъ исторіи славянскихъ нарѣчій и ихъ литературѣ окончившему испытаніе кандидату Бодянскому, съ согласія членовъ отдѣленія, слѣдующая тема для диссертациі: *о народной поэзіи славянскихъ племенъ*, поэтику кандидатъ Бодянский заранѣ объявилъ, что славянскія нарѣчія и ихъ литература составляли главный предметъ его занятій.

17-го марта 1837 года Каченовскій предъявилъ словесному отдѣленію написанную Бодянскимъ диссертацию, которая была прочтена уже предварительно всѣми членами. Послѣдніе единогласно одобрили ее къ напечатанію, съ тѣмъ, чтобы «наблюденіе за онымъ благоволилъ принять на себя М. Т. Каченовскій, по предмету коего диссертациія писана». Публичная защита этой диссертациі происходила 31-го мая 1837 года, въ присутствіи попечителя гр. С. Г. Строганова, его помощника Д. П. Голохвастова, всѣхъ членовъ словеснаго отдѣленія, за исключеніемъ профессора Брюкова, и двухъ вышеназванныхъ депутатовъ отъ совѣта. Защита диссертациі признана была членами отдѣленія единогласно «весьма удовлетворительною», и 15-го сентября того же года Бодянский получилъ дипломъ на степень магистра философіи, составленный, согласно обычаямъ того времени, на латинскомъ языкѣ.

Между тѣмъ, въ августѣ того же года состоялось высочайшее повелѣніе объ отправленіи Бодянскаго «для усовершенствованія въ исторіи и литературѣ славянскихъ нарѣчій, въ извѣстныя чѣмъ либо, въ отношеніи къ избранной имъ наукѣ, мѣста Австріи, Турціи, Италіи, Германіи и Пруссіи, а также и Варшаву». Въ то же время министерство народнаго просвѣщенія отнеслось къ русскому посланнику въ Вѣнѣ съ просьбой о принятіи Бодянскаго «въ особое свое покровительство» и о снабженіи его, при отправленіи изъ австрійскихъ владѣній въ другія мѣстности, рекомендательными письмами къ находящимся тамъ посланникамъ и агентамъ русскимъ. Бодянскому вмѣнено было въ обязанность присылать, по крайней мѣрѣ черезъ каждые четыре мѣсяца, донесенія о своихъ занятіяхъ какъ министерству народнаго просвѣщенія, такъ и попечителю Московскаго учебнаго округа. 14-го октября Бодянский отправилъ въ совѣтъ университета слѣдующее лаконическое донесеніе: «Честь имѣю донести почтеннѣй-

шнему совѣту, что я сего октября 14-го дня отправляюсь изъ Москвы въ свой путь за границу».

Изъ напечатанныхъ въ «Чтеніяхъ» Историческаго общества писемъ О. М-ча къ М. П. Погодину и примѣчаній къ нимъ видно, что Бодянскимъ были посланы донесенія въ министерство отъ 23-го марта 1838 и отъ 1-го февраля 1839 года, которыя и были напечатаны въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», т. е. по одному въ годъ. А потому въ засѣданіи совѣта, происходившемъ 12-го апрѣля 1839 г., ректоръ М. Т. Каченовскій предложилъ напомнить Бодянскому о его обязательствахъ, съ прибавленіемъ, чтобы онъ свои донесенія сообщалъ и университету. Между тѣмъ, Бодянскому дано было продолженіе отпуска для занятій за границей и правленіе университета пожелало знать: по какому адресу вѣрнѣе послать къ нему бумаги и деньги. Послѣ этого Бодянскимъ было прислано изъ Ольмюца слѣдующее донесеніе ректору:

«Всгдѣствіе приказанія его сіятельства, г. попечителя Императорскаго Московскаго университета, отъ 28-го іюня нынѣшняго года, а полученнаго мной только 22-го августа ст. ст., «написать господину ректору, куда должно адресовать мнѣ слѣдующее письмо и пр. под т.»», честь имѣю навѣстити ваше высокородіе, что всѣ письменныя отношенія лучше, надежнѣе и скорѣе я могу получать только чрезъ посредство нашего посольства при вѣнскомъ дворѣ, которое всегда знаетъ, куда и въ какое время препроводить оныя ко мнѣ.

«Что же касается до отношенія вашего высокородія, отъ 19-го апрѣля текущаго года, за № 287, по которому университетскій совѣтъ предоставилъ вамъ потребовать отъ меня отзывы: «почему я до сего времени не представилъ ему никакого свѣдѣнія объ ученыхъ своихъ занятіяхъ за границей», я тоже честь имѣю отвѣчать на это тѣмъ, что я дважды уже посылалъ свои донесенія, какъ господину министру народнаго просвѣщенія и господину попечителю Московскаго университета, такъ равно и самому совѣту, первое отъ 23-го марта (4-го апрѣля) прошлаго, а второе 1-го (13-го) февраля нынѣшняго года. А что съ того времени не представилъ еще никакого больше, причина тому—моя болѣзнь, сильный и упорный ревматизмъ въ ногахъ, полученный мной въ прошедшемъ году при осмотрѣніи пражскихъ библиотекъ въ дождливое и сырое время, и заставившій меня съ марта понемнѣ превратить дальнѣйшее свое путешествіе и заняться излѣченіемъ себя отъ онаго. Для чего я, поднявшись на ноги употребленіемъ холодной воды въ теченіе марта и апрѣля, вынужденнымъ нашелся, для кореннаго и полнаго избавленія себя отъ этой болѣзни, отправиться въ австрійскую Силезію, въ городъ Фрейвальдау, къ самымъ изобрѣтателямъ упомянутаго образа лѣченія, и теперь привелъ себя въ возможность безопасно снова начать свое, такъ непріятно и неожиданно прерванное, путешествіе. Отнынѣ надѣюсь имѣть честь постоянно и въ надлежащее время посылать свои донесенія о моихъ занятіяхъ за границей совѣту Императорскаго Московскаго университета. 28-го августа (9-го сентября) 1839 г., Голомуцъ».

Въ октябрѣ того же года М. Т. Каченовскій извѣстилъ Бодянского, что его первыя донесенія не были получены совѣтомъ университета;

а въ январѣ слѣдующаго года предложено было Бодянскому отправить донесеніе о своихъ занятіяхъ прямо въ Неаполь на имя попечителя гр. С. Г. Строганова. Тѣмъ не менѣе, въ дѣлахъ университета хранится слѣдующій отчетъ О. М. Бодянского, присланный прямо въ совѣтъ, помимо министра и попечителя, и до сихъ поръ нигдѣ не напечатанный, между тѣмъ, значительно дополняющій уже извѣстныя намъ изъ другихъ источниковъ свѣдѣнія о его путешествіи по славянскимъ землямъ, и въ особенности по южнымъ:

«Въ совѣтъ Императорскаго Московскаго университета. Донесеніе.

Такъ какъ изъ отношенія ко мнѣ его высочордія, господина ректора университета, отъ 18-го октября 1839 г., полученнаго только 27-го января текущаго года, открывается, что совѣтъ университета не получалъ двухъ донесеній, посланныхъ мной, первое въ мартѣ 1838 г., а второе въ февралѣ прошлаго года, то я честь имѣю препроводить при семъ въ совѣтъ университета извлеченіе изъ первыхъ двухъ, и полное донесеніе о недавно оконченной мною поѣздкѣ въ Сербію, южную Венгрію, Славонію и Хорватію.

«Въ шестимѣсячное мое пребываніе въ Прагѣ я занимался ближайшимъ знакомствомъ съ чешскимъ языкомъ, словесностію, дѣписаніемъ, бесѣдами съ тамошними учеными (Юнгманомъ, Шафарикомъ, Палацкимъ, Чезаковскимъ, Ганкой и др.), осмотрѣніемъ книгохранилищъ (Чешскаго музея, Страговскаго монастыря, князя Лобковица, графа Ностыца и др.), важнѣйшихъ древнихъ письменныхъ памятниковъ (хранящихся въ Чешскомъ музеѣ): Любушина суда, Краледворской рукописи, отрывка изъ евангелія Іоанна, Mater Verborum и т. п., и богатаго собранія чешскихъ монетъ и медалей. Читеніе письменной чешской старины было для меня необходимо и весьма полезно въ дѣненскомъ и языкословномъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что изданія этихъ памятниковъ во многомъ довольно несправны. Оставивъ Прагу, я сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ по Чехіи для наблюденій надъ языкомъ въ устахъ самого простаго народа и ближайшаго знакомства вообще съ самою землей. Въ сентябрѣ направилъ путь свой въ Моравію, гдѣ въ Голомуцѣ посѣтилъ г. Бочка, профессора чешскаго языка въ тамошней академіи (основанной моравскими государственными чинами), и издателя «Моравскаго Дипломатарія». Изъ Голомуца проѣхалъ я въ Брно (Брюнъ). Тутъ вошелъ въ знакомство съ моравскими учеными: Сушиломъ, издателемъ моравскихъ народныхъ пѣсень, Клацеломъ, замѣчательнымъ поэтомъ, Шемберой, имѣя преемникомъ г. Бочка въ Голомуцѣ (переведеннаго въ Брно въ званіи архивара государственныхъ чиновъ), и др., посѣтилъ Народный музей и нѣны замѣчательности города (напримѣръ, мѣсто погребенія незабвеннаго Добровскаго). У профессора Бочка, брата упомянутаго выше, нашелъ я порядочное собраніе славянскихъ монетъ, изъ коихъ особенное вниманіе обращаютъ на себя двѣ золотыя, величиной съ нашу полущку, съ надписью: пеннзе... Въ монастырѣ Райградѣ св. Венедикта, отстоящемъ отъ Брна на одинъ часъ ѣзды, осмотрѣлъ я бібліотеку, въ которой хранятся Martyrologium Odonis, писанный на пергаментѣ въ царствованіе Карла Великаго. На поляхъ этого памятника встрѣются во многихъ мѣстахъ славянскія слова, изображенныя буквами нашего церковно-книжнаго языка, замѣченныя въ первый разъ въ 1837 году г. Палацкимъ, чешскимъ исторіографомъ. Въ августѣ

1838 года, г. Шафарикъ нарочно отправился для осмотра этого мартиро-логия и прочелъ древнеславянскія приписки: самая замѣчательная на стр. 70-й, состоящая изъ семи неполныхъ строкъ. Судя по правописанію, видно, что отрывокъ этотъ былъ взятъ изъ бугаро-сербскаго подлинника. Изъ Брна обратился я въ Вѣну, гдѣ вошелъ въ сношенія съ гг. Копитаромъ и Вукомъ Караджичемъ, и др. тамошними славистами, и осмотрѣлъ придворную императорскую бібліотеку, содержащую въ себѣ довольное количество славянскихъ письменныхъ памятниковъ. Особенное мое вниманіе обратилъ на себя славянскій кодексъ, писанный въ Россіи и принадлежащій (по словамъ г. Ганке фонъ-Ганкенштейнъ) къ половинѣ VIII вѣка. Прочитавъ его отъ начала до конца (290 листовъ), увидѣлъ я, что онъ отнюдь не старѣе XIII или даже XIV столѣтія. Изъ Вѣны пустился я къ славянамъ въ Венгрію, и, прежде всего, въ Брѣтиславу (Bretislavium, Posonium, Pressburg), гдѣ находился словачскій евангелическій лицей, весьма много оказавшій услуги. Словакамъ образованіемъ учителей, священниковъ-проповѣдниковъ, ученыхъ, и вообще просвѣщенныхъ и пламенныхъ защитниковъ своей народности. Онъ-то приготовилъ мужей, кои первые вступили въ бой съ мадьярами (настоящими венграми), усиливавшимися уничтожить народность славянъ въ Венгрію, омадьярять, и увлекли примѣромъ своимъ и другихъ соплеменниковъ (сербовъ, хорватовъ, славонцевъ, далматинцевъ и русиновъ), пробудившихся изъ глубокаго сна и начавшихъ уже отстаивать также свои права и народную самобытность. Удивительно, какъ при такихъ малыхъ средствахъ могъ совершиться такой большой и богатый послѣдствіями своимъ переворотъ, потому что профессоръ чешско-словенскаго языка и письменности при упомянутомъ лицейѣ получаетъ въ годъ жалованья 36 руб. монетою на наши деньги! Желая помочь этому горю, основать постоянную кафедру, съ которой преподавались бы не только чешско-славянская исторія, письменность и языкъ, но то же самое и другихъ славянъ (славянская взаимность!), открылась добровольная подписка на иривошеніе, по мѣрѣ силъ и возможности, денежнаго пособія. Разумѣется, всякій, кому только дорога славянская народность и самобытность, не откажется подать руку помощи меньшимъ своимъ братьямъ. Защищеніе, поддержаніе и распространеніе славянщины есть священный долгъ каждого славянина; иначе славяне сами себя унижатъ въ глазахъ собственныхъ своихъ и прочихъ европейцевъ... Изъ профессоровъ этого заведенія особенно замѣчательнъ Юрій Палковитъ, преподающій около 30 лѣтъ чешско-словенскій языкъ. Лицейская бібліотека имѣетъ важное собраніе произведеній по части древнечешской словесности. Изъ профессоровъ же католической академіи отличается только Григорій Данковскій, сочинитель прекраснаго критическаго мадьярскаго словаря, въ которомъ показываетъ, сколько мадьяры взяли словъ у славянъ (почти вдвое противъ своихъ родныхъ!) и другихъ народовъ, и многихъ иныхъ, не послѣдняго достоинства, твореній, имѣющихъ тѣсное отношеніе вообще къ славянской письменности.

«Въ Пештѣ и Буднѣ, какъ средоточіи Венгерскаго королевства, открылось для меня привольное поле. Прежде всего вошелъ я въ сношеніе съ извѣстной Матвеей Сербской, издающей отъ своего имени черезъ секретари своего, Тодора Павловича, Сербскій лѣтописецъ «Србске новине» (вѣдомости) и при нихъ «Народни Сербскій Листъ», съ г. Арнѣтомъ, издателемъ «Сербскаго магазина за книжество, художество и моду» (теперь прекратившагося), Іованомъ Берлитемъ, хорошимъ сербскимъ писателемъ,

Явонъ Козларомъ, славнымъ чешско-словенскимъ пѣвцомъ «Славы дщери» (Дочери славя), однимъ изъ самыхъ ревностныхъ, пламенныхъ и неутомимыхъ поборниковъ славянской народности, и мн. другими. Изъ заведеній осматривалъ здѣшній университетъ и его библіотеку, Народный музей, съ которыми соединены также бывшій музей Янковитя и отборная библіотека графа Сечени: послѣднія заключаютъ въ себѣ нѣсколько рѣдкихъ памятниковъ и по части славянской; наконецъ, осмотрѣлъ огромную, самую большую въ цѣлой Австрійской имперіи, Будимскую университетскую типографію и ея книжную лавку. Типографія эта владѣетъ теперь рукописными сочиненіями Л. М. Кантагита, незабвеннаго исследователя славянскихъ древностей; нѣкоторыя изъ нихъ выпущены уже ею въ свѣтъ, а нѣкоторыя, и притомъ большая часть, по сю пору остаются еще не напечатанными. Этотъ, необыкновенной учености, мужъ, остроумный и счастливый латинскій и славянскій стихотворецъ, оставивъ профессорство въ Пештанскомъ университетѣ, воротился въ монастырь своего Францисканскаго ордена (въ Будимѣ), въ коемъ дѣлалъ 13 лѣтъ не выходилъ нигуда изъ своей келіи (1809—1822 г.), и въ это-то время написалъ онъ важнѣйшія свои сочиненія; умеръ въ 1825 г., на 75-мъ году своей жизни.

Тутъ постигла меня жестокая и продолжительная болѣзнь, ревматизмъ въ ногахъ, для избавленія себя отъ коего я долженъ былъ, какъ уже имѣлъ честь доносить о томъ г. ректору въ августѣ прошлаго года, отправиться въ Грешенбургъ къ знаменитому Присвиду, и, наконецъ, только въ сентябрѣ, при помощи лѣченія холодною водою, подвинулъ себя на ноги, и могъ, послѣ 8-ми-мѣсячнаго страданія, снова начать прерванное путешествіе. Прежде всего поплылъ я на пароходѣ по Дунаю въ княжество Сербію, въ коемъ пробылъ до послѣднихъ чиселъ декабря, и, не видя на должную осень, успѣлъ осмотрѣть значительную часть его. Кромѣ близкаго знакомства съ храбрыми нашими единоплемениками и единовѣрцами, мнѣ попалось въ руки также нѣсколько древнепечатныхъ книгъ, рукописей и старинныхъ грамотъ. Здѣсь же сошелся съ однимъ боснійскимъ священникомъ, Павломъ Карановичемъ Твртковичемъ, очень замѣчательнымъ по своимъ приключеніямъ и подвигамъ за родину. Лѣтъ семь тому назадъ принужденный бѣжать изъ отчизны, онъ безпрестанно переходилъ изъ одного мѣста въ другое, и успѣлъ въ это время скупить значительное количество древнѣйшихъ сербскихъ грамотъ и разнаго рода государственныхъ бумагъ, съ которыми явился прошлаго года въ Сербію, предлагая тамошней типографіи напечатать свой сборникъ по подвизамъ. Темная вѣсть объ этомъ сборникѣ тотчасъ разнеслась по соседству и подала собой поводъ къ помѣщенію, Богъ знаетъ гдѣ, въ Galignani's Messenger извѣстія, надѣлавшаго столько шуму въ заграничныхъ славянскихъ и неславянскихъ дневникахъ и вѣдомостяхъ, будто въ Черной горѣ, въ одномъ монастырскомъ подвалѣ, открыто случайно нѣсколько ящичковъ съ бумагами, содержащими въ себѣ исторію южнославянскихъ племенъ отъ времени прибытія ихъ на Фракійскій полуостровъ до конца XVI-го столѣтія, что (прежній) сербскій князь Милошъ купилъ ихъ у черногорскаго владѣльца за нѣсколько тысячъ червонцевъ и, наконецъ, поручилъ ихъ разобрать, привести въ порядокъ и приготовить къ напечатанію секретарю своему Вуку Караджичю. Напрасно Шафарикъ, читая это бессмысленное извѣстіе, опровергалъ очевидную его ложность; теперь открывается, что оно въ основаніи своемъ было чистая истина, только сообщившій это извѣстіе не зналъ хорошенько въ чемъ дѣло, и писалъ просто по отдаленному слуху.

Сборникъ этотъ носитъ названіе: «Србски писмени споменци плити старе рисовуѣ, дипломе, повелѣ и сношенія Србскихъ, Босавскихъ, Ерцеговачкихъ, Далматинскихъ и Дубровачкихъ Кралява, Царева, Банова, Деспота, Кнезова, Войвода и Властелина» и пр. Въ немъ помѣщено 180 актовъ разнаго содержанія, несказанно важныхъ для исторіи, письменности, языка и законодѣнія сербскаго народа. Самая старая бумага отъ Кулива, бана босанскаго, 1189 г., а самая новая 1544 г. По возвращеніи на Русь, я, въ свое время, непрямину сообщить моимъ соотечественникамъ подробный разборъ этого замѣчательнаго сборника.—Изъ туземныхъ сербскихъ ученыхъ и писателей, съ которыми имѣлъ случай познакомиться и войти въ сношенія, назову высокопреосвященнѣйшаго митрополита сербскаго Петра Іоанновита, знаменитаго поэта Симу Милутиновича, ученаго директора канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія Дмитрія Исаяловича, директора народныхъ училищъ Діорда Зорита и Іована Хаджитя, директора Ново-Садской (въ Венгріи) гимназіи, нынѣ занимающагося, по порученію сербскаго правительства, составленіемъ сербскаго законника.

«Выдержавъ 10-ти-дневный карантинъ на обратномъ пути въ Венгрію въ городѣ Земунѣ (Землинѣ), я посѣтилъ снова г. доктора медицины Іована Стента (съ которымъ познакомился еще при переѣздѣ своемъ въ Сербію), перваго, по извѣстномъ Вуку Караджитю, сербскаго писателя, касательно чистоты и правильности азбуки.

«Съ новымъ годомъ отправился я въ Сремъ (Сирмію) и Бачку (округъ на лѣвомъ берегу Дуная), заселенные сербами нашего исповѣданія. Здѣсь, въ Карловцахъ (извѣстныхъ по перемирію, заключенному посломъ Петра I, въ 1699 г.), для меня очень было полезно знакомство съ г. митрополитомъ сербскаго и валахійскаго народа въ Австрійской державѣ, Стефаномъ Станковичемъ (преемникомъ, довольно извѣстнаго и у насъ, Стефана Стратимировича), предложившимъ всѣ средства и пособія свои къ моимъ услугамъ. Такъ, кромѣ бесѣдъ съ нимъ о разныхъ предметахъ касательно народа, ему подвѣдомаго, я осмотрѣлъ вполне митрополитскій архивъ и бібліотеку. Въ первомъ видѣлъ нѣсколько древнихъ грамотъ сербскихъ царей (напримѣръ, Милутина, 1302 г., Стефана Душана Силнаго, 1348 г.; первая—списокъ, вторая—подлинникъ), и довольно число новѣйшаго времени; а во второй (бібліотекѣ) осмотрѣлъ обстоятельно: а) Родословъ сербскихъ царей и пр. (1272—1336 г.); б) Цароставникъ, иначе Трорадинъ, сербскихъ, греческихъ, бугарскихъ и русскихъ владѣтелей, и пр.; в) сочиненія архимандрита Іоанна Рантя (непечатанныя); г) Хрониконъ сербскаго народа, съ древнѣйшихъ временъ до императора Леопольда I, въ 5-ти томахъ, соч. Георгія Бранковича, послѣдняго сербскаго деспота; д) «Сказаніе: *Вѣдаѣ зачасъ Руское і Поѣское Гдѣрство і о зачатіи града Словена: иже ѿнѣ Великій Новъ градъ*», а на корешкѣ: „*Руская лѣтопись степенная*“. Письмо дѣйстви-тельно русское прошлаго столѣтія, и при томъ великороссійское. На всѣ разспросы мои—какъ эта рукопись попала сюда, никто не могъ мнѣ удовлетвори-тельно отвѣчать. Всѣхъ листовъ въ ней 98.

«Изъ Карловцевъ отправился я въ Новыи Садъ, гдѣ у тамошняго ученаго епископа, Георгія Храислава, видѣлъ нѣсколько первопечатныхъ славянскихъ книгъ, въ томъ числѣ одну, очень рѣдкую и замѣчательную, именю: Осьмогласникъ, напечатанный по повелѣнію Зетскаго (въ Герце-

говинѣ) князя Георга Црноевича (—ча) священно-инокѣмъ Макаріемъ въ гѣто 6001 (1493 г.). Стало быть, послѣ Шванпопловыхъ Псалтира, Окгонха и Часослова, напечатанныхъ въ Краковѣ 1491 г., этотъ Осмогласникъ занимаетъ первое мѣсто въ числѣ нашихъ первопечатныхъ книгъ церковно-книжного языка.

«Кончивъ обзорѣніе этихъ двухъ главныхъ городовъ Сербской Венгрии, я пустился въ сербскій Аевонъ, Фрушку гору, составляющую послѣдній отпрыскъ славонскихъ горъ, въ которой находится 12 монастырей (со стороны Срема 10, а со стороны Дуная 2). Въ Крушедолѣ, бывшемъ нѣкогда мѣсто-пробываніемъ сербскаго патріарха (перешедшаго сюда изъ Сербіи), а послѣ митрополита, имѣется самое большое собраніе церковнославянскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, изъ коихъ: а) Лѣствичникъ 1434 г.; б) Правильникъ Властара 1453 г.; в) Житіе Златоуста 1458 г. Къ XVI вѣку принадлежатъ 10 рукописей и 5 печатныхъ книгъ. Въ Оповѣ, въ коемъ былъ сперва монахомъ Доситей Обрадовичъ, сербскій Ломоносовъ, т. е. первый, начавшій писать языкомъ, которымъ говоритъ народъ, находится Ко рича 1495 г., 4 рукоп. XVI ст. и 3 печатныя. Вердникъ, иначе Малая Раваница, хранитъ у себя грамоту князя Лазаря монастырю Раваницѣ въ Сербіи 1381 г. Язакъ имѣетъ 10 рукописей, изъ коихъ 6 принадлежатъ XVI в. Бешеново содержитъ только 3 рукописи XVI ст. Шишатовадъ имѣетъ Апостоломъ, писаннымъ въ 1324 г. Кувездикъ содержитъ 3 рукописи XVI в. и одну серебряную большую чашу, въ срединѣ вызолоченную, даръ нашего Іоанна Грознаго монастырю Милешеву «идеже почиваютъ мощи перваго архіепископа Српскаго святаго Сави». Наконецъ, Прибина или Прибина глава имѣетъ одно лишь рукописное евангеліе XVI и одно печатное того же самаго вѣка.

«По совершеніи изысканій во Фрушкогорскихъ монастыряхъ, я обратился въ Славонію. Въ Бродѣ посѣтилъ Игната Берлиту, сочинителя лучшей сербской (въ пространномъ смыслѣ) грамматики, изд. 1832 г., и теперь совсемъ разобранной. Оттуда я слѣдовалъ все вдоль Савы, Военной Границей, и, наконецъ, при станціи Новоска, поворотилъ въ Хорватію, въ главный городъ коей, Загребъ, и прибылъ въ половинѣ февраля нашего счисленія. Въ Хорватіи, какъ и всюду почти въ Венгрии въ славянскихъ областяхъ, простой народъ и среднее состояніе говорятъ своимъ роднымъ языкомъ; знать и имѣющіе притязаніе казаться знатными и лучшими другихъ употребляютъ языкъ нѣмецкій и мадьярскій, а ученые и школьники, равно какъ и народъ дѣловой, чиновники и имъ подобныя, — латинскій и нѣмецкій. Но съ нѣкотораго времени, именно съ 1831 г., когда мадьяре всѣми силами навалили на обитающихъ съ ними въ Венгрии народовъ, славянъ (словаковъ, русиновъ, сербовъ, хорватовъ и словенцевъ), румуновъ, нѣмцевъ и др., принуждая ихъ прежде всего отречься отъ своего языка, славяне, мало до того заботившіеся о своей народности, вдругъ проснулись и противопоставили мадьярству. На сѣверѣ Венгрии, какъ я уже сказалъ выше, ополчились за себя словаки, на югѣ — сербы, а на юго-западѣ — хорваты. Загребъ (Аграмъ), столица бана, сдѣлался, подобно Бретиславѣ, рассадникомъ народности, точкой исхода и соединенія всѣхъ движеній на этомъ поприщѣ. Чтобы какъ можно больше раздвинуть кругъ своихъ дѣйствій, и, во всякомъ случаѣ, имѣть опору, съ самаго начала позаботились о названіи, которое бы соединяло въ себѣ всѣ племена славянского поколѣнія на югѣ Европы, безъ видимой и чувствительной обиды

каждаго особь. Такое имя думали найти въ словѣ Иллиръ, Иллирія. Выборъ—больше чѣмъ неудачный! Въмѣсто согласія и единодушія, произошло несогласіе и раздоръ. Сербь и слышать не хотѣли объ этомъ названіи; отсюда родилась довольно жаркая полемика. Даже большая жертва со стороны хорватовъ—избраніе въ письменный языкъ, на мѣсто своего роднаго, языка сербскаго, какъ больше музыкальнаго и имѣвшаго уже одинъ разъ свою письменность (въ Дубровникѣ), даже это не могло заставить «православныхъ» принять упомянутое имя. Напротивъ, послѣдніе предлагали и предлагаютъ, для соглашенія выгодъ cadaго изъ славянскихъ племенъ въ этомъ новомъ (пока) письменномъ союзѣ, называться всѣмъ «южные славяне», что, въ самомъ дѣлѣ, благоразумно и естественно, потому что такое названіе имъ для кого не обидно, понятно съ перваго разу и, главное, выражаетъ свой предметъ, между тѣмъ какъ первое—вовсе чуждое слово, и, какъ такое, никому неизвѣстно, невразумительно, искусственно, стало быть—безжизненно и, въ заключеніе, меньше своего опредѣляемаго. Какъ бы то ни было, одинъ, къ сожалѣнію, слишкомъ упрямъ и несознательнъ въ своемъ неудачномъ выборѣ, другіе же слишкомъ неподатливы и взыскательны, что, такъ сказать, принадлежатъ къ ихъ домашнимъ дѣламъ; но, въ главномъ, обѣ стороны единодушно стремятся къ одной и той же цѣли—отстоянію и спасенію своей народности. Неровности время и лучшія обстоятельства складать; благо пробудилось сознаніе своего личнаго достоинства и стремленіе сохранить и поддержать оное, равно какъ и единство письменнаго языка (что, по закону послѣдовательности и сродства, приведетъ, конечно, вѣкогда и къ единству азбуки и имени).

Главный двигатель новаго направленія въ области письменной есть докторъ философіи Людевитъ Гай, основавшій въ 1835 г. «Народне Новине» и при нихъ листокъ язичной словесности «Даницу» (денница), издаваемый подъ его дозоромъ и руководствомъ. Любовь его къ народности, ревность и дѣятельность—необыкновенны. Ему-то эти три королевства, Хорватія, Славонія и Далматія, обязаны нынѣшнимъ патріотическимъ направленіемъ умовъ, которое простирается не на одну только свою родину, но и на остальную братію, дышетъ все славянскимъ духомъ, общающимся лучшую будущность славянскимъ народамъ по сю сторону Одера, Карпатъ и Дуная. Въронсповѣданіе, раздѣлявшее до сихъ поръ умы, вооружавшее одинъ и тотъ же народъ на самого себя, католика-римлянина на католика-грека, теперь, благодаря новому братскому духу, не ставитъ болѣе Китайской стѣны между Шовцемъ (западн. ц.) и Влахомъ (восточн. ц.): молодежь и даже духовенство обѣихъ сторонъ читаютъ сочиненія съ латинскими и кирилловскими буквами. Намѣреваются въ скоромъ времени печатать свои «Новине» и при нихъ «Даницу» нашими кирилловскими письменами, что, безъ сомнѣнія, еще больше и тѣснѣе сблизитъ, а можетъ быть, поведетъ и къ сліянію въ одно цѣлое гармоническое тѣло двѣ, бывшія доселѣ столь враждебными одна другой, половины одного и того же народа ¹⁾. Г. Гай, не смотря на свои многочисленныя и разнородныя занятія, трудится также надъ составленіемъ «Исторіи Иллирія», т. е. всѣхъ южныхъ славянъ. Изъ прочихъ здѣшнихъ уче-

¹⁾ Известно, что Л. Гай, въ томъ же 1840 году, когда писано было это донесеніе, посвятилъ Россію и въ Москвѣ нашелъ поддержку своимъ литературнымъ предпріятіямъ: быть можетъ, предварительное знакомство съ Бодянскимъ не осталось безъ вліянія на его намѣреніе обратиться за помощію къ русскимъ.

ныхъ: Вѣкославъ Бабунить, секретарь Народнаго общества для чтенія,—сочинитель краткой грамматики иллирскаго языка; Станко-Вразъ (родомъ штаерецъ), собиратель и издатель народныхъ пѣсень штаерскихъ (штирскихъ), корушскихъ (каринтскихъ), краинскихъ и словенцевъ въ Венгрии; братья Мажуранити, Вукотичовити—писатели съ дарованиями и пламенные народолюбцы. Изъ вельможъ особенно отличаются: графъ Янко Драшковити и Николай Зденчай, оба ревностные и неутомимые распространители и защитники славянскаго народнаго духа.

«Сказываютъ, что здѣшняя епископская бібліотека очень богата разнаго рода старопечатными и рѣдкими книгами и рукописями по части хорватской письменности и исторіи Хорватин и сосѣдственныхъ земель, но, такъ какъ самъ епископъ находится теперь въ Пресбургѣ на сеймѣ, то я и не могъ видѣть ея. Въ бібліотекѣ Капитула также хранится довольно количество важныхъ письменныхъ намятниковъ, но въ нему, какъ и во всемъ подобнымъ въ Венгрии (и Австріи, вообще), нѣтъ никакого доступа.

«Надняхъ уѣзжаю я отсюда въ Крайну, и т. д.

«Императорскаго Московскаго университета магистръ Іосифъ Бодянский».

«Загребъ, марта 7-го дня ст. ст. 1840 года».

Это донесеніе любопытно въ томъ отношеніи, что изъ него видно, съ какимъ интересомъ Бодянский знакомился не только съ славянскими языками и ихъ литературою, но и съ политическимъ положеніемъ славянъ, ихъ національнымъ возрожденіемъ и планами. Уже тогда въ Бодянскомъ обнаруживался въ одинаковой степени ученый филологъ и сторонникъ славянской взаимности.

Извѣстно однакожъ, что болѣзнь, которой подвергся Бодянский во второй годъ своего путешествія, не оставляла его почти до возвращенія въ Россію. Отсрочки на дальнѣйшее пребываніе за границей съ цѣлю излѣченія онъ испрашивалъ, помимо университета, прямо чрезъ министра народнаго просвѣщенія. Между тѣмъ, отсутствіе точныхъ свѣдѣній о его состояніи заставило М. Т. Каченовскаго, какъ ректора, обратиться къ нему, 18-го марта 1841 г., съ такимъ запросомъ: «Въ университетѣ извѣстно, что вы подверглись продолжительной болѣзни; мнѣ и вообще гг. профессорамъ университета пріятно было бы имѣть свѣдѣніе о настоящемъ состояніи вашего здоровья и о будущихъ вашихъ намѣреніяхъ. При первой возможности, вы вѣрно не оставите исполнить это желаніе членовъ университета».

Бодянский отвѣчалъ на это:

«Исполняя желаніе вашего превосходительства и гг. профессоровъ университета, изъявленное въ отношеніи отъ 18-го марта текущаго года, за № 187, а полученное мною только 19-го вышшняго мѣсяца, имѣть свѣдѣніе о настоящемъ состояніи моего здоровья и о будущихъ моихъ намѣреніяхъ», съищу довести, что болѣзнь моя, сильный «ревматизмъ» въ ногахъ, полученный во время путешествія, благодаря Богу, вслѣдствіе пользованія себя «холодною

водою», до того уменьшилась, а здоровье наилучшилось, что я, принужденный около нѣсколькихъ мѣсяцевъ вовсе оставаться въ постели, потомъ взять въ помощь палку, теперь хожу, подобно прочимъ людямъ, даже безъ трости, и ожидаюсь только окончанія перелома (кризиса) болѣзни (именно сильной осадки болѣзненной матеріи известковаго свойства.... каждый день слишкомъ на палець), начавшагося три недѣли тому назадъ, и нерѣдко въ хроническихъ страданіяхъ продолжающагося довольно долгое время, чтобы послѣ того, совершенно здоровымъ, воротиться къ мѣсту моего опредѣленія, что, судя по словамъ пользующаго меня врача, г. Вейса, чрезвычайно искуснаго и опытнаго въ своемъ дѣлѣ, не раньше можетъ послѣдовать, какъ осенью, но ни въ какомъ случаѣ не раньше новаго года. 21-го апрѣля 1841 года, ст. ст. Фрейвальдау (въ Австрійской Силезіи)».

Наконецъ, министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ, въ апрѣлѣ 1842 года, университетъ чрезъ попечителя, что, вслѣдствіе его сношенія съ русскимъ посольствомъ въ Вѣнѣ о побужденіи магистра Бодянскаго, находящагося въ Австріи, отправиться неотлагательно въ Москву, посольство представило отзывъ Бодянскаго, въ коемъ сказано, что «по мнѣнію пользующаго его врача, отправленіе въ путь въ столь раннюю весеннюю пору было бы сопряжено съ крайнею опасностью для его еще не совсѣмъ укрѣпившагося здоровья; почему онъ не прежде, какъ въ первыхъ числахъ мая мѣсяца, въ состояніи будетъ возвратиться въ Россію». Министръ, съ своей стороны, нашелъ такое объясненіе заслуживающимъ уваженія.

Прежде, чѣмъ возвратиться въ отечество, О. М. Бодянский послалъ изъ Праги въ правленіе университета, отъ 17-го іюля, извѣщеніе объ отправленныхъ имъ въ Москву книгахъ, для зависящихъ отъ правленія сношеній съ петербургскою таможеню о ихъ свободномъ пропускѣ. Такъ какъ эти книги составляли ту обширную бібліотеку, значительная часть которой потомъ была приобрѣтена Московскимъ университетомъ и положила основаніе славянскому отдѣлу его собственной бібліотеки, то мы и считаемъ далеко не лишнимъ привести здѣсь вполнѣ донесеніе Бодянскаго, отличающееся обстоятельностью, никогда не покидавшею писавшаго его:

«Вслѣдствіе отношенія ко мнѣ Императорскаго Московскаго университета отъ 24-го октября минувшаго 1841 года, за № 2915, о распоряженіи г. министра народнаго просвѣщенія, «чтобы всѣ возвращающіеся въ свое отечество русскіе профессора, адъюнкты и вообще путешествующіе въ чужихъ краяхъ на счетъ правительства воспитанники университетовъ и т. п. представляли своимъ начальствамъ реестры вещамъ, приобрѣтеннымъ ими во время пребыванія ихъ за границею для собственнаго и домашняго ихъ употребленія, которыя имѣютъ быть привезены не при нихъ, а отдѣльно, съ увѣдомленіемъ въ то же время—чрезъ какую таможеню таковыя вещи будутъ высланы, дабы начальство могло сообщить о томъ, вмѣстѣ съ реестромъ упомянутыхъ вещей, департаменту внѣшней торговли для зависящихъ отъ него распоряженій», честь имѣю

препроводить при этомъ правленію университета подробный «списокъ книгамъ и нѣкоторымъ вещамъ», приобретеннымъ мною для собственного своего употребленія въ теченіе цѣлаго путешествія съ высочайшаго соизволенія по заграничнымъ славянскимъ землямъ, и теперь отправляемымъ (обновленнымъ книгопродавческимъ путемъ посредствомъ бражскихъ книгопродавцевъ Кронбергера и Ржиныча и липскаго Штейнакера черезъ Липскъ (Лейпцигъ), Любекъ, Балтійское море и С.-Петербургъ въ Москву) на имя московскаго книгопродавца г. Дейбнера, недавно открывшаго свою книжную лавку въ нашей столицѣ подъ завѣдываніемъ г. Хеліуса, для доставленія въ университетъ, а по моемъ прибытіи—этими послѣднимъ мнѣ самому. Университетское правленіе благовоитъ помянутой списокъ книгамъ и вещамъ моимъ, слѣдуя вышесказанному распоряженію вышаго начальства, переслать департаменту виѣшней торговли для свободнаго, безпрепятственнаго и безпошлиннаго пропуска ихъ изъ-за границы, согласно Свода уставовъ таможенныхъ ст. 1044, 1946 и продолженія того же Свода 2-го примѣчанія къ ст. 1034, а равно и Общаго устава россійскихъ университетовъ 1835 года, главы VII, отдѣл. I, § 121, той же главы, отдѣл. II, §§ 134 и 136. Самъ же я тотчасъ вслѣдъ отправляюсь въ возвратный путь чрезъ Львовъ и т. д., и надѣюсь, съ Божіею помощію, въ среднихъ числахъ будущаго мѣсяца прибыть въ Москву».

Только 15-го сентября 1842 г. могъ представить Бодянский въ правленіе университета донесеніе «о своемъ пріѣздѣ въ Москву, послѣдовавшемъ 9-го сентября, послѣ пятилѣтняго путешествія по заграничнымъ славянскимъ землямъ». Ему предстояло занять освободившуюся катедру славянскихъ нарѣчій, обязанности по которой исправлялъ въ послѣдніе годы своей жизни М. Т. Каченовскій, скончавшійся 19-го апрѣля 1842 года. 13-го октября того же года Бодянский уже прямо просилъ совѣтъ университета выслать свидѣтельство петербургскому комисіонеру купца Дейбнера Асмусу Симонсену на полученіе изъ департамента виѣшней торговли одиннадцати ящиковъ съ книгами, отправленными изъ Праги. Въ томъ же октябрѣ онъ былъ утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора, учинилъ присягу на службу, согласно обычному клятвенному обѣщанію, и, кромѣ того, далъ подписку, требовавшуюся тогда отъ всѣхъ поступавшихъ на службу, такого содержанія: «По чистой совѣсти, безъ всякой утайки объявляю, что я, какъ нынѣ, такъ и прежде сего, ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы названіемъ ни существовали, не принадлежу и впредь принадлежать не буду, и ни о какихъ тайныхъ обществахъ свѣдѣнія не имѣю».

Далѣе, въ архивѣ Московскаго университета имѣются свѣдѣнія о пріобрѣтеніи для его библиотеки значительнаго собранія книгъ на разныхъ славянскихъ языкахъ, привезеннаго Бодянскимъ изъ-за границы ¹⁾. Это пріобрѣтеніе совершилось при содѣйствіи тогдашняго

¹⁾ См. «Письма О. М. Бодянскаго въ М. П. Погодину» въ «Чтеніяхъ» Моск. Общ. ист. и др. рос. за 1879 г., кн. I, стр. 31. Н. П.

попечителя университета, графа С. Г. Строганова, не стоить самому университету ни копѣйки. Представляя графу, 31-го іюля 1843 года, каталогъ этихъ книгъ, Бодянский писалъ:

«Одно лишь желаніе доставить университету вдругъ средство повести изученіе славяновѣдѣнія съ самаго начала сколько возможно правильнѣе и успѣшнѣе—побудило собирателя ея уступить ее мѣсту своего воспитанія. Имѣя это въ виду, онъ не позволить себѣ прибавить рѣшительно ничего къ той цѣнѣ, въ которую бібліотека его обошлась ему самому. Для составленія ея едва-ли кому представится въ другой разъ такой благопріятный случай, какимъ пользовался собиравшій ее. Путешествуя по западнымъ славянскимъ землямъ прежде другихъ товарищей своихъ по занятіямъ, онъ, при покупкѣ книгъ по своей части, не встрѣчалъ никакого сонскателя, и потому могъ выбрать на свободѣ такія, какія ему угодно. Другіе, слѣдовавшіе за нимъ, лишены уже были тѣхъ выгодъ, отчего собранія ихъ далеко уступаютъ его бібліотекѣ. Трудность эта возрастаетъ съ каждымъ годомъ по мѣрѣ увеличенія любителей славяновѣдѣнія. «Уже и теперь нельзя,—пишетъ во мнѣ г. Гаяка (бібліотекарь чешскаго Народнаго музея),—ни за какія деньги достать нѣкоторыхъ книгъ, даже въ самой Прагѣ, которая годъ—два тому назадъ такъ легко можно было приобрести». Всѣ эти обстоятельства, взятыя вмѣстѣ, заставляютъ собиравшаго ее выговорить себѣ право брать изъ нея безпрепятственно на долгъ нужныя ему книги, даже и тогда, когда бы онъ не былъ уже болѣе профессоромъ славяновѣдѣнія. Такъ какъ бібліотека его назначается, уже по своему названію, преимущественно и прежде всего, для пособія преподающему и изучающему славяновѣдѣніе въ университетѣ, то потому для нея отводится особенное мѣсто въ общей бібліотекѣ, гдѣ она помѣщается совершенно на отдѣльныхъ полкахъ, или въ ящикахъ, не смѣшиваясь съ прочими книгами. Однакоже тѣ же изъ книгъ общей бібліотеки, кои прямо относятся къ славянству, или писаны на одномъ изъ славянскихъ нарѣчій, для удобнѣйшаго употребленія своего присоединяются къ этой славянской бібліотекѣ. Для послѣднихъ будетъ заведена особая книга, въ которую вписываются сочиненія, выдаваемая кому либо изъ славянской бібліотеки. Всякій, взявшій книгу изъ нея, обязывается представить назадъ вопрямѣнно по прошествіи мѣсяца, какъ скоро только профессоръ славяновѣдѣнія пожелаетъ ее имѣть для своихъ занятій. Всѣхъ книгъ, заключающихся въ этомъ «спискѣ», числомъ 1,906 ¹⁾; кромѣ того, ожидается мною еще одинъ ящикъ, въ коемъ находится слѣшкомъ за 100 хорватскихъ и другихъ сочиненій».

Какое важное значеніе придавалъ самъ попечитель Московскаго учебнаго округа приобрѣтенію университетомъ такой значительной бібліотеки, могшей служить пособіемъ для только что открытой кафедры исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій, это видно изъ его предложенія университетскому совѣту, отъ 15-го августа того же года, гдѣ между прочимъ сказано:

«Зная сколь важно и необходимо въ настоящее время изученіе исторіи и литературы единоплеменныхъ намъ славянскихъ народовъ, для чего учреждены

¹⁾ По списку, находящемуся въ университетской бібліотекѣ, значится 1,915 — но около девяти изъ нихъ вычеркнуты.

при университетѣ особымъ касседры, и что государь императоръ обращаетъ на сей предметъ особенное вниманіе, поставя въ непремѣнную обязанность обучающимися въ университетахъ уроженцамъ Царства Польскаго знать славянскій языкъ, и желая доставить учащимъ и учащимся вдругъ средство къ достиженію сей цѣли, я убѣдилъ профессора Бодянскаго уступить собранную имъ бібліотеку университету за ту сумму, которую онъ употребилъ, какъ на покупку книгъ, такъ и на доставленіе ихъ въ Москву, и именно за 3,142 р. 85¹/₂ коп. сер. Послѣ сего я приступилъ къ изысканію средствъ къ покупке бібліотеки профессора Бодянскаго безъ пособія казны и, по приглашенію моему, почетный смотритель Бронницкаго уѣзднаго училища губернской секретарь и кавалеръ Шелапутинъ изъявилъ готовность принести въ даръ Московскому университету вышеозначенную сумму. Такимъ образомъ приобретена бібліотека славянскихъ нарѣчій».

Далѣе, изъ событій университетской службы Бодянскаго официально извѣстны: объявленіе ему высочайшаго благоволенія, отъ 2-го января 1844 г., за переводъ съ чешскаго языка книги Шафарика «Славянское народописаніе», и избраніе его совѣтомъ университета, въ засѣданіи 11-го декабря 1846 года, въ званіе ординарнаго профессора, при чемъ онъ получилъ 21 избирательный шаръ и 2 неизбирательныхъ. При этомъ избраніи, совѣтъ принималъ въ уваженіе «отлично усердную и полезную службу Бодянскаго, успѣшное преподаваніе имъ своего предмета въ теченіе пяти лѣтъ и ученые труды его», хотя онъ и не имѣлъ степени доктора по занимаемой имъ касседрѣ. Извѣстно также, что, ставъ секретаремъ Императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ съ 6-го февраля 1845 года, Бодянскій началъ съ слѣдующаго года изданіе, достигшихъ къ концу жизни редактора сотой книги, «Чтеній» этого общества. До октября 1848 г. онъ успѣлъ издать 23 книги этихъ «Чтеній», гдѣ помѣстилъ немало собственныхъ статей, а равно своихъ переводовъ, а также предисловія и примѣчанія къ стариннымъ памятникамъ. Извѣстно также, что попытка напечатать въ 23-й книгѣ русскій переводъ сочиненія Флетчера о Россіи конца XVI вѣка вызвала оставленіе Бодянскимъ секретарскихъ обязанностей, временное прекращеніе «Чтеній» и даже выходъ Бодянскаго изъ службы при университетѣ. Вотъ что извѣстно объ этомъ изъ дѣлъ университетскаго архива.

Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, графъ С. С. Уваровъ, предписаніемъ своимъ отъ 28-го октября 1848 года, извѣстилъ попечителей Московскаго и Казанскаго учебныхъ округовъ, что «исправляющіе должность профессоровъ по касседрѣ исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій—ординарнаго Бодянскій и экстраординарнаго Григоровичъ, обязавшіеся прослужить, по назначенію начальства, не менѣе 12-ти лѣтъ, переимѣняются тѣми же званіями и

съ сохраненіемъ сказаннаго обязательства, первый въ Казанскій, а послѣдній въ Московскій университеты, съ содержаніемъ, какое по штатамъ сихъ университетовъ положено». Другими словами говоря, обомъ профессорамъ предписано было помѣняться ихъ мѣстами, при чемъ вознагражденіе, получавшееся за службу Григоровичемъ, нѣсколько возвышалось, а вознагражденіе Бодянскаго уменьшалось; ибо, по тогдашнимъ штатамъ, профессора провинціальныхъ университетовъ получали меньшее содержаніе, чѣмъ профессора столичныхъ. Д. П. Голохвастовъ, замѣнившій графа С. Г. Строганова въ должности попечителя Московскаго учебнаго округа, перешедшаго за годъ предъ тѣмъ въ другую службу, предложилъ ректору университета «сдѣлать распоряженіе объ отправленіи Бодянскаго къ мѣсту новаго назначенія, съ выдачею ему на издержки 300 р. сер. изъ экономическихъ суммъ Московскаго университета, каковая сумма пополнится выдачею таковой же суммы отъ Казанскаго университета профессору Григоровичу». О такомъ распоряженіи ректоръ извѣстилъ какъ самого Бодянскаго, такъ и правленіе университета. Послѣднее прекратило выдачу жалованья Бодянскому съ 1-го ноября 1848 г., а квартирныхъ съ 1-го января слѣдующаго года, и заготовило 300 р. на поѣздку Бодянскаго въ Казань. Потребованъ былъ также для посылки въ Казань послужной списокъ Бодянскаго и приславъ изъ Казани формуляръ Григоровича, котораго въ прежнемъ мѣстѣ служенія удовлетворили жалованьемъ по 15-е ноября. Но предназначенная поѣздка Бодянскаго въ Казань не состоялась. Онъ обратился съ письмомъ къ графу С. С. Уварову, въ коемъ объяснилъ, что «по состоянію его здоровья, для него единственнымъ безвреднымъ мѣстопребываніемъ можетъ быть Москва, и что въ данной имъ, при отправленіи за границу подискѣ, онъ обязался прослужить не менѣе 12-ти лѣтъ именно при Московскомъ университетѣ». Министръ отвѣчалъ увѣдомленіемъ на имя попечителя учебнаго округа, отъ 29-го ноября, въ коемъ, между прочимъ, было сказано, что «хотя и дѣйствительно во взятой съ Бодянскаго подискѣ допущено выраженіе о выслугѣ 12-ти лѣтъ при Московскомъ университетѣ, но тѣмъ не менѣе Бодянский подчинился общимъ обязанностямъ службы относительно прочихъ преподавателей, конхъ министерство, въ законномъ порядкѣ, имѣетъ право, въ случаѣ призванной надобности, безпрепятственно переводить изъ одного университета въ другой. Посему означенное объясненіе Бодянскаго не можетъ быть признано основательнымъ. Но, принимая въ уваженіе слабость его здоровья, для котораго, по его словамъ, не вреденъ одинъ только московскій климатъ, я предоставляю ему просить объ увольненіи вовсе отъ

службы, при чемъ, впрочемъ, должно быть представлено законное свидѣтельство и сохранена имъ обязанность дослужить вышеупомянутый 12-ти-лѣтній срокъ, когда состояніе его здоровья дозволитъ ему исполнять это тамъ, гдѣ министерство признаетъ полезнымъ употребить его». Этотъ отвѣтъ министра сообщенъ былъ Бодянскому 11-го декабря, а чрезъ нѣсколько дней Бодянскій вошелъ съ такою просьбою въ совѣтъ университета:

«Вслѣдствіе предписанія его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, имѣю честь представить при семъ медицинское болѣзнь моея свидѣтельство, за подписью медицинъ и хирургинъ доктора, заслуженнаго профессора дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Аркадія Алексѣевича Альфонскаго, отъ 12-го декабря текущаго 1848 года, изъ котораго совѣтъ университета можетъ усмотрѣть, что по причинѣ моего слабаго здоровья я не могу безопасно и безъ самыхъ губельныхъ для себя послѣдствій оставить климатъ московскій, а слѣдственно тѣмъ самымъ лишень всякой возможности когда либо въ другомъ мѣстѣ исполнить требуемое отъ меня его сіятельствомъ г. министромъ народнаго просвѣщенія, а потому, не имѣя и въ мысляхъ неповиновенія приказанію высочайше поставленной власти, но по сущей необходимости, прошу исходатайствовать мнѣ милостивое разрѣшеніе высшаго начальства на увольненіе меня вовсе отъ службъ безъ всякаго ограниченія и испросить слѣдующую мнѣ, по сокращеннымъ срокамъ, пенсію за нахожденіе мое въ службѣ по министерству народнаго просвѣщенія съ 1837 года».

Ректоръ университета послалъ свидѣтельство, выданное Бодянскому А. А. Альфонскимъ, въ медицинскую контору, которая и возвратила его, по удостовѣреніи, 22-го декабря. А 2-го января слѣдующаго года уже состоялось высочайшее повелѣніе объ увольненіи Бодянскаго отъ службъ съ освобожденіемъ на будущее время отъ обязанности дослуживать 6 лѣтъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, о чемъ и было объявлено Осипу Максимовичу 8-го февраля.

Бодянскій, всегда отличавшійся твердостью въ отстаиваніи, какъ своихъ личныхъ правъ, такъ и всякаго рода интересовъ, ему вѣренныхъ, подалъ новое прошеніе въ совѣтъ университета, отъ 9-го февраля, гдѣ говорилъ: «Получивъ увольненіе отъ службъ, я покорнѣйше прошу совѣтъ университета исходатайствовать отъ высшаго начальства слѣдующій мнѣ окладъ годоваго жалованья въ единовременное пособіе за мое нахожденіе въ службѣ по министерству народнаго просвѣщенія около 12-ти лѣтъ, на основаніи 514 статьи тома III Свода законовъ, устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ (стр. 81, разд. II), гдѣ сказано: «кто, прослуживъ усердно 10 и болѣе до 15-ти лѣтъ въ учебной должности, выйдетъ въ отставку, тотъ получаетъ въ единовременное пособіе окладъ годоваго жалованья». Кромѣ того, прошу совѣтъ университета приказать выдать мнѣ жалованье мое за послѣдніе три мѣсяца (съ 1-го ноября

минувшаго 1848 по 1-е февраля 1849 г.), nepoлучаемое мною до-селе и слѣдующее мнѣ, на общемъ постановленіи, до дня самаго увольненія отъ службы». Только 3-го марта совѣтъ разсмотрѣлъ эту просьбу Бодянскаго и, подобно тому, какъ ранѣе препроводилъ къ высшимъ инстанціямъ его просьбу о пенсіи по сокращеннымъ срокамъ, на что еще не было отвѣта изъ министерства, рѣшилъ ходатайствовать о выдачѣ ему годоваго оклада, т. е. 1,143 р. 68 коп. Что же касается невиданнаго Бодянскому за три мѣсяца жалованья, постановилъ не выдавать его, ибо Бодянский «никакихъ обязанностей по Московскому университету въ это время не имѣлъ». Вопросъ о пенсіи и временномъ пособіи министерство рѣшило такъ. Оно послало свидѣтельство о болѣзни Бодянскаго въ медицинскій совѣтъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Совѣтъ нашелъ въ свидѣтельствѣ «только удостовѣреніе, что Бодянский, безъ дальнѣйшаго вреда для его здоровья, не можетъ оставить климатъ московскій», и потому не могъ сдѣлать заключенія о томъ: «въ какой мѣрѣ состояние здоровья Бодянскаго лишаетъ его вообще возможности продолжать службу и даетъ ему право воспользоваться пенсіею въ сокращенный срокъ». Министръ, съ своей стороны, не нашелъ возможнымъ назначить такую пенсію, но разрѣшилъ выдать въ единовременное пособіе все годовое содержаніе, получавшееся Бодянскимъ, безъ вычета квартирныхъ и столовыхъ, т. е. 1,429 р. 60 коп. Наконецъ, вопросъ о добавочномъ жалованьи за три мѣсяца рѣшенъ былъ правленіемъ университета, съ согласія попечителя, такимъ образомъ: такъ какъ Григоровичъ удовлетворенъ былъ въ Казани по 15-е ноября, а Бодянский въ Москвѣ только по 1-е ноября, то послѣднему и выданы 54 р. 48 коп. за полмѣсяца.

Между тѣмъ, вся эта исторія имѣла неблагопріятное вліяніе и на положеніе Григоровича, который лишь за годъ съ небольшимъ до того вернулся изъ большаго путешествія по славянскимъ землямъ и сталъ читать въ Казани исторію и литературу славянскихъ нарѣчій. Не имѣя достаточныхъ причинъ отказаться отъ перевода изъ Казани въ Москву, который былъ для него повышеніемъ по тогдашнимъ штатамъ, онъ выпросилъ сперва у казанскаго попечителя отпускъ на 28 дней, начиная отъ 8-го декабря 1848 года. Любопытно, что казанскій попечитель считалъ себя въ правѣ увольнять въ отпускъ лицо, уже не состоявшее на службѣ въ подчиненномъ ему округѣ, и увѣдомилъ о томъ московскаго попечителя, который, въ свою очередь, сообщилъ о томъ же университетскому совѣту. Затѣмъ, когда въ Казани получено было извѣстіе объ увольненіи Бодянскаго вовсе отъ службы, то тамошній попечитель сталъ ходатайствовать объ оставленіи Григоровича при

Казанскомъ университетѣ, о чемъ прислалъ донесеніе московскому попечителю уже самъ Григоровичъ, прибавлявшій къ тому, что, «по неполученію до сего времени отъ его сіятельства на таковое представленіе разрѣшенія и по разстроенному здоровью, онъ прибыть въ Москву не можетъ, свидѣтельство же о болѣзни будетъ имъ представлено по первому отъ него требованію онаго»¹⁾. Только 30-го августа 1849 года Григоровичъ явился къ должности, которую, впрочемъ, онъ занималъ недолго. Высочайшимъ приказомъ 4-го декабря Бодянский возвращенъ былъ въ Московскій университетъ, а, распоряженіемъ товарища министра, Григоровичъ переименъ обратно въ Казанскій, но уже исправляющимъ должность ординарнаго профессора и по прежнему съ выдачею ему 300 руб. на путевыя издержки. Проректоръ Московскаго университета, навѣщая Бодянскаго, отъ 9-го января 1850 года, о его возвращеніи на кафедру, препроводилъ къ нему программу преподаванія славянской филологіи, составленную И. И. Срезневскимъ и утвержденную министромъ народнаго просвѣщенія, прося принять ее въ руководство при чтеніи лекцій и озаботиться о столь возможно скорѣйшемъ доставленіи декану историко-филологическаго факультета собственной своей записки о преподаваніи, которое и предлагалъ начать съ 16-го января. Факультетъ, съ своей стороны, разстываясь съ Григоровичемъ и чтя въ немъ личныя достоинства и ученія заслуги, считъ своею обязанностью, по предложенію декана С. П. Швырева, выразить ему официально свою признательность за кратковременную службу при Московскомъ университетѣ. Постановленіе факультета одобрено было совѣтомъ, отъ имени котораго и послано было Григоровичу въ Казань, 31-го марта 1850 года, такое заявленіе:

«Историко-филологическій факультетъ донесъ университетскому совѣту, что члены онаго, по поводу переименія васъ, м. г., исправляющимъ должность ординарнаго профессора въ Казанскій университетъ, въ послѣднемъ засѣданіи своемъ единодушно опредѣлили: довести до свѣдѣнія начальства о томъ, что исполненіемъ своихъ обязанностей, любовью къ наукѣ, готовностію дѣлиться съ товарищами своими обширными познаніями и новыми открытіями, скромнымъ, дружелюбнымъ и благороднымъ характеромъ, въ короткое пребываніе свое вы успѣли заслужить уваженіе и любовь факультета. Объ этомъ совѣтъ Московскаго университета честь имѣетъ сообщить вамъ, милостивый государь, съ изъясненіемъ, что члены совѣта, вполне раздѣляя такое мнѣніе факультета объ личныя достоинствахъ и заслугахъ вашихъ, считаютъ для

¹⁾ Объ этомъ въ формулярномъ спискѣ Григоровича сказано: «По распоряженію ближайшаго начальства оставаясь на службѣ при Казанскомъ университетѣ и отправившись къ мѣсту новаго своего назначенія 21-го августа 1849 года».

себя пріятнымъ долгомъ засвидѣтельствовать передъ вами свое постоянное уваженіе къ вашимъ ученымъ трудамъ и логическому, богатому глубокими и обширными свѣдѣніями преподаванію въ семъ университетѣ порученнаго вамъ предмета и свою живѣйшую признательность за дружелюбныя, благородныя отношенія къ товарищамъ».

Письмо это, отправленное сперва прямо на имя Григоровича, не нашло его въ Казани. Тогда оно было отправлено чрезъ совѣтъ Казанскаго университета; чрезъ него же Григоровичъ прислалъ нижеслѣдующій отвѣтъ на имя ректора Московскаго университета:

«В. п-ство, милостивый государь! Имѣвъ счастье получить, сего 14-го числа іюня мѣсяца, милостивое, поощрительное свидѣтельство вашего превосходительства, заключающее опредѣленіе историко-филологическаго факультета, одобренное совѣтомъ Императорскаго Московскаго университета, почтительнѣйше приношу мою живѣйшую признательность.

«Истинно уважалъ мнѣніе членовъ факультета, труды которыхъ вели всегда наставниковъ къ соревнованію, не могу не сознаться, что справедливое убѣжденіе въ ихъ ученыхъ заслугахъ внушало мнѣ ту ревность, которую имъ угодно было почтить лестнымъ мнѣ вниманіемъ. Выраженіе онаго о кратковременномъ служеніи университету, искренно уважаемому, такъ возвышенно, что мнѣ невозможно желать лучшаго поощренія въ настоящемъ служеніи. Высоко цѣня опредѣленіе факультета, осмѣливаюсь просить ваше превосходительство сообщить декану и почтеннымъ членамъ его, что мнѣніе ихъ непрестанно будетъ напоминать мнѣ о ревностномъ исполненіи обязанностей моихъ.

«Почитаю при томъ долгомъ засвидѣтельствовать въ лицѣ вашего превосходительства глубокое уваженіе совѣту университета, удостоившему одобренія опредѣленіе факультета.

«Благоволивъ одобреніемъ своимъ явить знакъ возвышеннаго вниманія къ наукѣ, которой преподаваніе мнѣ довѣрено, ученое сословіе дало мнѣ глубоко почувствовать, что такое вниманіе есть лучшее одобреніе посильныхъ трудовъ, которые признательно посвящу на пользу той же науки.

«Повѣрьте, ваше превосходительство, искренности словъ этихъ и примите благосклонно удостовѣреніе, что съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть вашего превосходительства, милостивый государь, поворнѣйшимъ слугою. Викторъ Григоровичъ».

«20-го іюня 1850 года, Казань».

Обо всѣхъ этихъ перемѣнахъ, происходившихъ въ то время съ кафедрой исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій въ Москвѣ, въ «Библиографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго университета» (ч. I, стр. 272) было сказано глухо: «на время отбытія профессора Бодянскаго, Григоровичъ занималъ эту кафедру въ 1849—1850 году въ Московскомъ университетѣ и, по возвращеніи Бодянскаго, возвратился въ Казанскій университетъ».

Москва.

Нилъ Поповъ.

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ

въ 1863—1864 гг.

Записки Н. В. Берга.

(Продолжение IX-й главы ¹).

Ромуальдъ Траугутъ и новый жондъ. — Рѣчь Траугута на первомъ засѣданіи жонда.—Пожаръ Ратуши.—Покушеніе противъ г. Трепова.—Бѣгство нѣсколькихъ высшихъ чиновъ народной организаціи.—Странствія Экспедитуры.— Учреженіе повстанскихъ корпусовъ.—Приложенія.

Въ боѣ подъ Колоднимъ, лѣтомъ 1863 г., Траугутъ потерялъ значительную часть людей, а съ остальными едва спасся, успѣшно переправясь на другую сторону Горны.

Изнурительные марши и всякія боевыя тревоги подѣйствовали на слабое здоровье Траугута: онъ слегъ и долго не могъ оправиться ²).

Въ концѣ іюля мѣсяца по н. ст. 1863 г., по восстановленіи жонда послѣ анархій Кобылянскаго, Траугутъ былъ вызванъ въ Варшаву, получилъ чинъ генерала, и отправленъ, въ началѣ августа по н. ст., чрезвычайнымъ военнымъ комиссаромъ (jako nadzwyczajny Komisarz wojskowy) за границу.

Тогда уже предвидѣлась перемѣна намѣстника, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правленія въ Царствѣ. (Велепольскій былъ уже отставленъ отъ своей должности и жилъ на островѣ Рюгенѣ). Ждали отъ правительства крайне суровыхъ мѣръ. Восстаніе должно было приготовиться ко всякимъ случайностямъ: Траугутъ прожилъ нѣкоторое время въ

¹) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., т. XXIV, стр. 179—246; 397—428; 589—620. Т. XXV, стр. 55—88; 515—566; 707—728. Т. XXVI, стр. 59—84; 259—290.

²) При отступленіи за Горны, послѣ бои подъ Колоднимъ, Траугутъ, въ изнеможеніи, повалился на землю. Его подняли солдаты и несли на рукахъ до привала.

Подробности о дѣйствіяхъ Траугута на Литвѣ можно найти въ брошюрѣ Игватія Арамовича: «Pamiętnik o ruchu partyzanckim w Województwie Grodzieńskim, w 1863 i 1864. Bendlikon, 1865». Н. В.

Краковѣ, сносаясь съ разными партіями и разрѣшая трудный вопросъ: «что дѣлать полякамъ далѣе? До которыхъ поръ держаться?» А потомъ уѣхалъ въ Парижъ.

Постъ, на который сталъ приглашать его, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1863 г., князь Владиславъ Чарторьскій, представлялъ столько немовѣрныхъ трудностей, что всякій другой и не подумалъ бы согласиться. Но фанатикъ Траугутъ, человекъ, котораго въ то время безвозвратно засосало въ себя вязкое болото мистическо-политическихъ мечтаній, который служилъ свою повстанскую обѣдню зажмура глаза и не обращая никакого вниманія на то, что происходитъ вокругъ, или очень мало,—Траугутъ колебался недолго.

Въ Запискахъ, которыя онъ оставилъ, стоятъ такія строки о времени прибытія его въ Варшаву: «Лявясъ въ собраніе жонда ¹⁾, я смѣнилъ членовъ, устроилъ все по собственному соображенію и принялъ главное начальство».

Тутъ усматривается что-то въ родѣ самохвальства, къ чему Траугутъ вообще не имѣлъ склонности; смѣнять въ октябрѣ 1863 г. было некого; самыя вліятельныя и страшныя анархисты: Хмѣленскій, Франковскій, Кокосинскій, Асникъ (передъ кѣмъ никакой на свѣтѣ прибывшій изъ Парижа диктаторъ, тѣмъ болѣе посланецъ Чарторьскаго, не могъ бы разыгрывать роль суди и устраивать все по своему усмотрѣнію)—въ то время уже скрылись изъ Варшавы ²⁾. Оставшіеся нисколько не думали спорить съ человекомъ, который пользовался между всѣми умѣренными, даже между многими красными, весьма хорошею репутаціей. Они скорѣе были рады неожиданному гостю и улыбаясь подставляли ему курульскій стулъ, на ко-

¹⁾ Около 10-го октября н. ст. 1863 г.

²⁾ Вотъ какъ глядитъ на нихъ красный Гиллеръ: «Въ этомъ жондѣ заговорщиковъ были такіе господа, какъ Игнатій Хмѣленскій, Асникъ, Станиславъ Франковскій, Осипъ Наржимскій... внутри края поддерживалъ ихъ Шахдвскій и тому подобный самонадѣянный народъ. Освобожденіе красныхъ отъ такого правительства было освобожденіемъ отъ великаго несчастія» (I, 203, примѣчаніе).

Асникъ поселился въ Краковѣ и предался литературнымъ занятіямъ. Въ 1872 году онъ издалъ два тома стихотвореній: *Poezye, dwa tomi, Kraków, 1872*. Потомъ: *Koła Rienzi, dramat historyczny z XIV wieku, w 5 aktach, Kraków, 1873*. *Żyd, dramat współczesny, Kraków, 1876*, *Kiejstut, dramat w 5 aktach u Przyjaciela Nioba, komedja w 2 aktach*.—Въ 1879 г. Асникъ былъ секретаремъ краковскаго комитета по устройству юбилея Крашевскаго.

Наржимскій тоже поселился въ Краковѣ и написалъ нѣсколько театральныхъ пьесъ, изъ которыхъ одна, «Эпидемія», игралась по русски въ Петербургѣ лѣтъ шесть-семь тому назадъ.

Н. В.

торый уже не находилось охотников садиться. Маевскій прямо говорилъ, что «послѣ всѣхъ видѣнныхъ имъ скандаловъ, онъ не хочетъ болѣе играть жондовой комедіи и зависѣть отъ какихъ нибудь краковскихъ безумцевъ, которые, бѣжавъ сегодня, завтра явятся въ Варшавѣ опять и легко устроятъ новое *Coup d'Etat*, потому что раздраженная неудачами масса всегда готова поддержать всякую сволочь».

И такъ, Траугуть, безъ особеннаго труда, сдѣлался главнымъ начальникомъ всего, что сколько нибудь хотѣло работать въ организаціи, у кого не опустились еще окончательно руки,—и сталъ править дѣлами восстанія, какъ могъ и какъ умѣлъ, въ минуты, труднѣе которыхъ восстаніе 1863-го года не знало.

Онъ поселился въ отдаленномъ углу Варшавы, на Смольной улицѣ, близъ Сольда, почти на берегу Вислы, въ номерахъ Маевской ¹⁾. Тутъ было первое засѣданіе жонда 6-го состава, гдѣ Траугуть, вложивъ передъ товарищами затруднительное положеніе восстанія, сказалъ:

— Все-таки необходимо держаться до послѣдняго издыханія и выносить всякія невгоды, ибо никакъ нельзя сказать, чтобы надежды на интервенцію европейскихъ державъ были утрачены вовсе. Что касается самаго существеннаго предмета — денегъ, то, на основаніи данныхъ, кои сообщены изъ Парижа, можно имѣть полную на-

¹⁾ Подъ именемъ Михаила Чарнецкаго.—Елена Маевская, пріятная, живая брюнетка, невысокаго роста и того тѣлосложенія, которое называется у поляковъ *piękowatą*, была, въ 50-хъ годахъ этого столѣтія, любимой актрисой виленскаго театра, въ драмѣ и высокой комедіи. За ней ухаживало много народу, между прочимъ одно довольно-влиятельное лицо... Послѣ случилось, что она стала женою редактора «Виленскаго Курьера», Адама Киркора, человѣка образованнаго, котораго домъ былъ мѣстомъ сборища всеи виленской интеллигенціи и всякихъ заѣзжихъ артистовъ. Въ концѣ 1850-хъ годовъ сталъ показываться тамъ извѣстный польскій поэтъ Сырокомля (Кондратовичъ)—и, какъ поэтъ, влюбился въ госпожу Киркоръ безъ памяти, не обращая вниманія на то, что въ Варшавѣ у него осталась очень вѣжно привязанная къ нему жена.

Въ годы манифестацій, оба они бѣжали въ Краковъ, потомъ въ Познань, гдѣ г-жа Киркоръ играла въ мѣстныхъ театрахъ главные роли въ разныхъ драмахъ и комедіяхъ, между прочимъ въ пьесѣ Сырокомли: «*Chatka w lesie*»—роль «Маринъ». Позже, по разнымъ обстоятельствамъ, они разстались... Сырокомля, не умѣвъ поладить съ жизнью и всегда сильно нуждаясь въ деньгахъ, заплѣл и умеръ въ сентябрѣ 1862 года, а г-жа Киркоръ поступила на службу жонда и поселилась въ Варшавѣ, ниѣтъ съ матерью, старухой лѣтъ 60-ти. Онѣ устроили на Смольной улицѣ, въ д. Вильковуйскаго (нынѣ Ветеринарная школа) *Swabres garnies*. Собственно, это была квартира Траугута и Маевскихъ, раздѣленная между собою стѣною. Въ заставленную, въ этой стѣнѣ, большимъ шкапомъ дверь можно было, въ случаѣ опасности, перенести что нужно изъ квартиры Траугута къ Маевскимъ, что впоследствии такъ и сдѣлано. Н. В.

дежду, что эта часть скоро поправится: будетъ сдѣлано два займа, внѣшній—европейскій и внутренній—польскій. Для веденія военныхъ дѣйствій приглашено значительное количество иностранныхъ офицеровъ. Армія устроится на подобіе всѣхъ европейскихъ армій: съ корпусами, дивизіями и полками, а также съ правильно-организованными штабами. Вообще, устранится, по возможности, всякій существующій тамъ хаосъ. Кромѣ того, будетъ основанъ въ Черномъ морѣ флотъ, о чемъ уже давно идутъ переговоры съ разными знающими это дѣло людьми и ассигнована на это соотвѣтственная сумма денегъ. А дабы воротить потерянное уваженіе къ Польшѣ и полякамъ всѣхъ европейскихъ друзей возстанія, необходимо разстаться съ терроромъ, если не совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ негнѣныхъ размѣрахъ, какіе были допущены безумцами, стоявшими недавно во главѣ правленія.

Въ заключеніе диктаторъ сказалъ:

— Такъ какъ спасеніе возстанія заключается главнѣйшимъ образомъ въ интервенціи европейскихъ державъ ¹⁾, то новое народное правительство Польши должно исключительно стать подъ знамя Чарторьскихъ, а главный организаторъ Мирославскій, вслѣдствіе бѣдственнаго вліянія на судьбы возстанія, долженъ быть устраненъ отъ всякихъ дѣлъ совершенно, если только не устранилъ себя самъ. Но прежде надобно постараться заставить его, до выхода въ отставку, внести въ народную кассу неправильно захваченные имъ заставные листы изъ парижской комиссіи народнаго долга ²⁾.

Въ этомъ заключалась, болѣе или менѣе, рѣчь Траугута къ его товарищамъ, при открытіи засѣданій новаго жонда. Она поразила всѣхъ своимъ торжественнымъ и рѣшительнымъ тономъ. Внѣшній и внутренній заемъ, корпуса, дивизіи, благоустроенные штабы, флотъ въ Черномъ морѣ ³⁾—все это звучало очень странно въ укронной

¹⁾ «Только въ это время выступила впередъ во всей силѣ надежда на интервенцію. Съ начала возстанія объ ней не говорили, но, по мѣрѣ упадка силъ, стали толковать вездѣ. Галиційскій отдѣлъ не скрывается, что она болѣе всего побуждаетъ его къ дѣятельности» (Гиллеръ, I, 118—119).

²⁾ Эта операція похищенія исполнена была Ставиславомъ Франковскимъ, бѣжавшимъ изъ Варшавы вскорѣ послѣ выстрѣла по графу Бергу. Когда написали Франковскому, по приказанію Траугута, чтобы онъ возвратилъ деньги, онъ отвѣчалъ, что «сдѣлать этого не можетъ, считая это прямою взмѣдой; что деньги—у Мирославскаго и должны быть у него, какъ у главнаго организатора».

Н. В.

³⁾ Этотъ пресловутый флотъ дѣйствительно явился въ Черномъ морѣ, состоя всего-на-все изъ одного парохода, подъ начальствомъ бывшаго русскаго моряка, графа Сбышевскаго, который долженъ былъ пройти со своимъ

загѣ засѣданій народнаго правительства, на Смольной улицѣ, гдѣ собравшіеся то и дѣло оглядывались на дверь и прислушивались, не звенитъ-ли за нею жандармская сабля. Тѣмъ не менѣе, всѣ общали служить восстанію, на сколько хватитъ силъ. Поспорилъ немного съ диктаторомъ одинъ только начальникъ полиціи, Карловичъ, утверждавшій, что «террора ослабить вдругъ нѣкимъ образомъ нельзя; что многое еще должно совершиться съ этой стороны на прежнихъ основаніяхъ».

Траугуть сильно не возражалъ, во первыхъ, потому, что голова его была черезчуръ полна въ это время разными проектами, реформами, рѣшеніемъ неразрѣшимыхъ вопросовъ; а во вторыхъ, онъ не чувствовалъ въ себѣ достаточной силы бороться на первыхъ порахъ съ организаціей, развращенною Хмѣленскимъ. Все это были маленькіе диктаторы и шутить съ ними было неудобно. Траугуту ничего другаго не оставалось, какъ, проговоривъ товарищамъ свои пышныя фразы объ уничтоженіи террора, закрыть на-время глаза на продолжавшіяся безобразія и если уничтожать это зло, то медленно, капля по каплѣ. Такимъ образомъ, «Звѣздочка», если не къ самому Рождеству, то къ исходу года, должна была состояться ¹⁾.

флотомъ черезъ Гибралтарскій проливъ, но вслѣдствіе нескромности, съ какою онъ велъ себя за нѣсколько времени передъ тѣмъ въ Туринѣ, италянское правительство узнало о существованіи польско-повстанскаго флота и дало знать Испаніи; испанцы задержали пароходъ Сбышевскаго въ Кадисѣ. Оружіе и снаряды позволено ему было послѣ продать (Герценъ, *Ouvertures posthumes*, Женева, 1870, стр. 220).

Изъ польскихъ источниковъ ничего неизвѣстно объ этомъ Сбышевскомъ. Траугуть свозился съ какимъ-то французскимъ морякомъ Маньяномъ, съ которымъ народное правительство заключило форменный контрактъ на двухъ лямкахъ, французскомъ и польскомъ. Въ силу этого контракта, Маньянъ, за взятіе всякаго русскаго судна, смотря по его величинѣ, получалъ отъ 15,000 до 25,000 франковъ. Сумму на первоначальное обзаведеніе онъ долженъ былъ получить отъ дипломатическаго агента народнаго правительства, князя Владислава Чарторьскаго, въ Парижѣ. Все время существованія флота, Маньянъ обывался имѣть при себѣ комиссара народнаго правительства, Леона Круликовскаго. Въ числѣ особыхъ правъ Маньянъ приобрѣталъ право натурализаціи въ Польшѣ, т. е. ему предоставлялись всѣ права, какими пользуются въ Польшѣ коренные жители.

Намѣстникъ графъ Бергъ просилъ, въ февралѣ 1866 года, нашего генеральнаго консула въ Триестѣ, Мошина, собрать на мѣстѣ возможно-подробныя свѣдѣнія о польскомъ флотѣ въ Черномъ морѣ, состоявшемъ подъ начальствомъ француза Маньяна. Отвѣтъ Мошина намѣстнику по этому поводу приводится дѣлкомъ, въ приложеніи. Н. В.

¹⁾ Въ перепискѣ съ Чарторьскимъ Траугуть сознается въ своемъ бесиліи противъ злоупотребленій, которыя допустила извѣстная часть организаціи.

Организація узнала, что намѣстнику разрѣшенъ сборъ контрибуціи по дымовымъ книгамъ со всѣхъ жителей польскаго происхожденія. Карлѣвичъ приказалъ Стемпковскому распорядиться какъ можно скорѣе похищеніемъ этихъ книгъ изъ ратуши, но Стемпковский донесъ, что «это рѣшительно невозможно, такъ какъ книгъ очень много и онѣ велики: переноска ихъ куда либо обратила бы неизбѣжно вниманіе тогдашней бдительной полиціи, а потому онъ полагаетъ необходимымъ сжечь самую ратушу; что надежные люди для этого имъ уже присланы»¹⁾. Карлѣвичъ согласился.

Надежные люди, присланные Стемпковскимъ, были уже извѣстные читателямъ участники въ покушеніи противъ графа Берга: Владиславъ Венетовскій и Брониславъ Яскульскій. Въ помощники имъ даны: какой-то Осипъ Высоцкій, въ организаціи Иванъ (Iwan), иначе Вонсовичъ или Вонсовскій, и режировый дозорецъ 8-го циркула (на Гржибовской улицѣ) Леонъ Биндѣрь. Всѣ они сошлись въ воскресенье, 18-го октября н. ст., рано утромъ, въ задней темной комнатѣ при кондитерской Лурса²⁾, гдѣ были для нихъ приготовлены другими лицами, по распоряженію Карлѣвича, магистратскіе мундиры: для Венетовскаго—мундиръ чиновника, а для Яскульскаго и Высоцкаго—мундиры возныхъ, и, кромѣ того, принесены туда же бутылки съ горючею жидкостью.

Переодѣвшись и взявъ бутылки, всѣ эти лица отправились въ съѣстную лавку Риделя, на Сенаторской улицѣ, закусили тамъ и выпили двѣ бутылки венгерскаго и три шампанскаго. Потомъ, въ исходѣ 12-го часа, пробрались въ ратушу. Трое вошли въ архивъ³⁾, а Биндѣрь (остававшійся все время въ своемъ полицейскомъ мундирѣ) сталъ караулить на лѣстницѣ, подлѣ часовъ, чтобы ктонибудь не помѣшалъ предпріятію. Яскульскій наблюдалъ въ замочную сква-

«Нужно было смотрѣть на злоупотребленія (старой агитаціи) сквозь пальцы. Вотъ чѣмъ слѣдуетъ объяснить кое-какіе беспорядки, имѣвшіе мѣсто уже при фундаціонованіи настоящаго народнаго правительства».

¹⁾ Стемпковский былъ самъ чиновникомъ магистрата, а потому легко могъ достать ключъ отъ архива ратуши и сдѣлать осмотръ книгъ. Всѣхъ ключей отъ архива ратуши, одного и того-же вида, было пять: у смотрителя зданія, у архивариуса, у его помощника, у одного изъ возныхъ и пятый—у сторожа, который подметалъ эту часть зданія. Какимъ изъ этихъ ключей воспользовалась повстанская полиція—осталось невзвѣстнымъ.

²⁾ Въ зданіи театра, гдѣ нынѣ кондитерская Яновскаго.

³⁾ Онъ помѣшался во второмъ этажѣ (по нашему—въ третьемъ), въ лѣвомъ выступѣ ратуши, если смотрѣть отъ театра.

Н. В.

жизну за Биндеромъ, а Виентовскій и Высодкій поливали полъ горючею жидкостью. Пошелъ трескъ и огонь скоро охватилъ все.

Другая партія неизвѣстныхъ поджигателей сдѣлала одновременно то же самое въ полицейскомъ архивѣ, который помѣщался въ зданіи, выходящемъ на Даниловичевскую улицу. Такимъ образомъ, ратуша запылала съ двухъ сторонъ вдругъ. Прибывшая пожарная команда тушила пожаръ, какъ показалось инымъ, не совсѣмъ энергически и охотно.... домъ сгорѣлъ и представлялъ потомъ около году печальныя, почернѣвшія отъ дыму развалины.

Сгорѣли-ли при этомъ поднимныя книги, или спасены—это осталось неизвѣстнымъ. Только намѣстникъ и президентъ города нашли какія-то средства разложить контрибуцію на жителей и она выскана въ самое короткое время, при помощи военныхъ командъ, которыхъ ставили на постой къ тѣмъ, кто отказывался платить.

Послѣ этого Карловичъ скрылся за границу. Смѣнявшій его Адольфъ Пеньковскій ¹⁾ шелъ довольно долго, въ дѣлѣ террора, по слѣдамъ своего предмѣстника.

Въ теченіе этого времени правительство призвало за нужное, для прекращенія частыхъ ссоръ между начальниками крупныхъ и мелкихъ военныхъ отдѣловъ и отрядовъ—съ одной стороны, и полиціей—съ другой ²⁾, учредить въ Царствѣ Польскомъ военно-полицейское управленіе, иначе сказать—слить обѣ части воедино, подъ начальствомъ какого нибудь расторопнаго полицейскаго офицера высшаго ранга, съ титуломъ генераль-полиціймейстера. Въ эту должность прочли бывшаго оберъ-полиціймейстера Трепова, который, послѣ удаленія отъ службы въ февралѣ 1861 г., жилъ въ Петербургѣ, ища себѣ соотвѣтственнаго мѣста.

Говорили, что все это было по мысли военнаго министра, а Бергъ и его начальникъ штаба шли будто бы противъ. Чтобы уладить дѣло, мѣсто помощника генераль-полиціймейстера предложено одному изъ адъютантовъ Берга—и онъ согласился. Треповъ прибылъ въ Варшаву и сталъ устраивать генераль-полиціймейстерство. Терроръ внесъ его сейчасъ же въ списокъ лицъ, отъ которыхъ надлежало избавиться, и притомъ какъ можно скорѣе. Старое ли нерасположеніе повстанцевъ къ Трепову, или взяты были въ расчетъ

¹⁾ Тотъ самый, въ квартирѣ котораго, на Лешяѣ, было засѣданіе депутатовъ отъ русскихъ университетовъ, въ февралѣ 1861 года.

²⁾ Ссоры эти происходили главнѣйшимъ образомъ оттого, что начальники отдѣловъ не всегда правильно относились къ данному имъ праву располагать жизнью и смертью всякаго повашагося имъ въ руки повстанца. Н. В.

какія либо новыя соображенія, только терроръ рѣшилъ занести руку на знакомаго въ Варшавѣ полицейскаго дѣятеля прежде, чѣмъ онъ кончитъ постройку своихъ новыхъ, опасныхъ возстанію, заданій.

Если трудно было Карловичу прискаты людей для поджога ратуши, еще труднѣе было Пеньковскому, двѣ недѣли спустя, найти надежныхъ штилетниковъ для уничтоженія (sprzątnięcia) одного изъ крупныхъ военныхъ чиновъ, послѣ только что внесенной дѣльми городомъ контрибуціи—за покровительство какой-то кучки людей убійцамъ полковника Любушина, въ одномъ лишь пунктѣ.

Самые отважные и опытные штилетники частію скрылись изъ Варшавы, частію попрятались по такимъ трущобамъ, гдѣ не могла ихъ найти никакая полиція, никакой терроръ. Остались одни новички. Посланный ходить за генераломъ какой-то Янъ Бойчинскій, съ тѣмъ, чтобы совершить убійство, когда представится къ этому случай, ходилъ за Треповымъ нѣсколько дней сряду, но потомъ донесъ своему начальству, что «бить боится и ходить болѣе не станетъ». Тогда Кавецкій (dozogujący siłą wykopawszję, во 2-й части), постоянно хвалившійся отвагой и ловкостью своихъ молодцовъ, подобралъ изъ остававшихся еще вѣрными жонду и непрятавшихся жандармовъ слѣдующій пятокъ: работника съ одного кожевеннаго завода Антона Аммера, и слесарей: Иеронима Когутовскаго и Осипа Домбровскаго—для главной роли; потомъ: портнаго Куровицкаго и столяра Осипа Діакевича (того самаго, что участвовалъ въ убійствѣ доктора Германи)—для второстепенныхъ ролей (podgrzędnych ról).

Послѣдній, какъ уже сослужившій службу жонду, избавлялся на этотъ разъ отъ прямого участія въ новомъ убійствѣ, а долженъ былъ только учить и готовить новичковъ, не спускать съ нихъ глазъ, чтобы они какъ нибудь не испугались и не убѣжали.

Послѣ принесенной сказанными штилетниками присяги въ домѣ Нервона, на берегу Вислы, не подалеку отъ цитадели, всѣ они кутили нѣсколько дней сряду по разнымъ огрудкамъ и баваріямъ, чаще всего у «Зигмунта» на Долгой улицѣ. Потомъ имъ приказано собраться въ кондитерской Гроверта ¹⁾, на углу Театральной площади и Даниловичевской улицы, 2-го ноября н. ст., въ 8 часовъ утра.

Придя туда, они нашли, въ задней части заведенія, Янка Чарнаго, т. е. Массона, съ какимъ-то господиномъ, котораго Массонъ

¹⁾ Нынѣ тамъ чайный магазинъ Попова. Гдѣ была дверь, на самомъ углу (которою позже вышелъ убійца), теперь большое окно съ зеркальнымъ стекломъ, а дверь перенесена въ другое мѣсто, съ площади. Н. В.

называлъ Спигусъ (Spicus). Аммеръ, Домбровский и Когутовскій получили отъ нихъ разное оружіе: первый, Аммеръ, небольшой обоюдоострый топорикъ, а остальные двое—по кинжалу.

Діакевичъ и Куровицкій не входили въ кондитерскую, а вертѣлись за дверями, для наблюденія за проходящими и за полиціей, а частію для поданія знака въ случаѣ надобности.

Никто изъ присягнувшихъ до самой послѣдней минуты не зналъ, «кого именно будутъ бить». Только теперь, вручая Аммеру топорикъ, Янекъ Чарный сказалъ: «пойдетъ здѣсь одинъ полиціантъ; я крикну разъ-два! Ты выскочи и катай его въ лобъ топоркомъ!»¹⁾

Генераль Треповъ ходилъ ежедневно изъ Брюлевскаго палаца (гдѣ жилъ въ одномъ изъ флигелей) въ Примасовскій палацъ, на Сенаторской улицѣ, для разныхъ совѣщаній и бесѣдъ съ оберъ-полиціимейстеромъ. Пошелъ онъ точно также и 2-го ноября н. ст., въ 10-мъ часу, и когда былъ замѣченъ наблюдателями на тротуарѣ, подлѣ магазина Влодковскаго, Янекъ Чарный указалъ на него Аммеру и другимъ штилетикамъ, бывшимъ въ кондитерской, сказавши: «вотъ тотъ, котораго надо убить!»

Аммеръ, Когутовскій и Домбровский пошли вслѣдъ за генераломъ и стали другъ друга подталкивать; наконецъ, Аммеръ ударилъ его топоромъ наносивъ около праваго уха и потомъ всѣ пустились бѣжать: Домбровский черезъ Даниловичевскую, Бѣлянскую и Воловую улицу на Маріенштадтъ; Діакевичъ и Куровицкій смѣшались съ толпою—и вскорѣ скрылись изъ Варшавы. Когутовскій и Аммеръ бросились бѣжать по Театральной площади. Аммеръ схваченъ тутъ же, а потомъ найдены Когутовскій и Домбровский. Когутовскій, ни въ чемъ не сознавшись, повѣсился на подтяжкахъ, въ тюрьмѣ на Павьей улицѣ²⁾. А Домбровский и Аммеръ повѣшены близъ мѣста преступленія, на Театральной площади, 11-го ноября н. ст.

Диктаторъ зналъ все, что дѣлается въ Варшавѣ остатками полиціи Хмѣленскаго, но не могъ еще и не имѣлъ времени мѣшаться въ эти дѣла. Положеніе его и жонда съ каждымъ часомъ становилось труднѣе и труднѣе. Безпрестанно получались извѣстія, что тотъ бѣжалъ, другой схваченъ. Не только краснымъ, но и бѣлымъ, принимавшимъ прямое или косвенное участіе въ возстаніи, было въ Вар-

¹⁾ Точно также Хмѣленскій не открывалъ Ярошинскому, до послѣдней минуты, въ кого нужно будетъ выстрѣлить.

²⁾ Близъ этого времени, по недостатку мѣста въ цитадели, обыкновенная городская тюрьма на Павьей улицѣ, называемая въ народѣ Павлякъ (Pawiak, siedziec на Pawiaku), передѣлана въ политическую.

павѣ не по себѣ. Еще въ іюні скрѣлся Леопольдъ Кроненбергъ (когда узналъ отъ Велепольскаго, что тотъ скоро долженъ будетъ подать въ отставку); его примѣру послѣдовалъ Ксаверій Шленкеръ съ сыномъ... и другіе, того же сорта повстанцы поглядывали на дверь... Нужны были нечеловѣческія усилія, чтобы поддерживать разваливающеюся зданіе народной организаціи, замѣнять кѣмъ либо десятки, сотни исчезающихъ вдругъ, въ одно и то же время, возбуждать въ остаткахъ погасающій энтузіазмъ... Но Траугутъ рѣшился отслужить свою «обѣдню» до конца: онъ не унывалъ ничуть, по крайней мѣрѣ наружно, и продолжалъ, съ нѣкоторыми преданными ему безгранично директорами департаментовъ ¹⁾, работать по-истинѣ неуспшно, не измѣняя ни на волосъ принятыхъ имъ въ самомъ началѣ порядковъ жизни. Тутъ только этотъ севастопольскій тихоня и траппистъ показавъ своимъ соотчичамъ, сколько въ немъ огня и энергіи; тутъ только сверкнули на этомъ сѣромъ небѣ настоящія молніи!... Уйти онъ могъ десять разъ на день, лучше всякаго Хмѣленскаго, Франковскаго, Кроненберга, но—онъ былъ не изъ такихъ, которые уходятъ.

Вставалъ онъ ежедневно въ 10-мъ часу утра; въ 10 приносили ему отъ Маевскихъ завтракъ, который съѣдалъ онъ съ неизмѣннымъ апетитомъ—и садился работать. Бывали минуты, когда онъ совершенно забывалъ условія, въ какихъ находится, и рѣшалъ свои задачи съ увлеченіемъ настоящаго государственнаго мужа, которому ничто не угрожаетъ въ пышномъ его кабинетѣ, снабженномъ всевозможными удобствами; проникался вдохновеннымъ трепетомъ чело-вѣка, создающаго нѣчто необычайное, способное осчастливить страну на много лѣтъ впередъ.

Давъ что либо переписать которому нибудь изъ своихъ секрета-

¹⁾ Директоромъ департамента внутреннихъ дѣлъ былъ тогда Рафанъ Краевскій. Секретаремъ его—студентъ Главной школы Густавъ Пяпроцкій. Военнымъ департаментомъ управлялъ по прежнему Евгеній Дембинскій (онъ-же Качковскій). Секретаремъ у него былъ Болеславъ Малиновскій. Директоромъ департамента финансовъ былъ Осипъ Точискій; секретаремъ у него студенты Главной школы: Сигизмундъ Сумицскій и Артуръ Гольдманъ. Директоромъ департамента иностранныхъ дѣлъ былъ ксендзъ Дупаевскій, секретаремъ его—ксендзъ Артуръ Волынецкій. Директоромъ экспедитуръ—Антонъ Розманитъ, потомъ—Романъ Жулипскій; помощниками его студенты Главной школы Романъ Франковскій и Августъ Краевскій. Экспедиторами: сынъ учителя Казиміръ Гапушь и плотничій подмастерье Эдуардъ Тршебецкій. Прессой, послѣ Вацлава Пршибыльскаго, завѣдывали Эмилій Лауберъ и другія лица. Н. В.

рей: Карлу Пршибыльскому¹⁾ (брату Вацлава, жившаго тогда за границей) или Цесарію Моравскому, сидѣвшимъ тутъ-же, за стѣной, въ другой небольшой комнатѣ, Траугутъ бѣгалъ поминутно справляться, какъ идетъ дѣло. Иной разъ требовалъ одного изъ секретарей къ себѣ, читалъ и перечитывалъ все имъ написанное по нѣскольку разъ и зачастую поправлялъ, унижая поля бумагъ мелкимъ бисеромъ своихъ замѣтокъ....

Временами приходили къ диктатору начальники равныхъ отдѣленій жонда, сообщали что нужно, получали приказанія... Онъ даже находилъ время играть въ преферансъ съ частнымъ приставомъ (Komisarz Cyguliowy) того участка, гдѣ жилъ, то заходя къ нему, то приглашая его къ себѣ на чашку чая.....

Наиболѣе всего (кромѣ дипломатической переписки съ Чарторскимъ и рѣшенія текущихъ дѣлъ на мѣстѣ) занимало тогдашній жондъ устройство зависимыхъ отъ него организацій въ провинціяхъ Галиціи и Познани. Въ первой устроено отдѣленіе жонда изъ слѣдующихъ лицъ: L, W; P. G; Z. R; и комиссара Владислава Маевского, которое образумило кое-какъ всѣ галиційскія партіи и расположило ихъ къ повиновенію²⁾..... умирающему жонду. «Madry Polak ro szkodzie»³⁾ понялъ, что для успѣха всякаго дѣла необходимо согласіе и соединеніе всѣхъ силъ вмѣстѣ,—понялъ тогда, когда это было уже ни къ чему ненужно.

Въ Познани дѣйствовала зависящая отъ жонда организація Владислава Франковскаго, о коей уже было сказано.

На Литву и на Русь жондъ обращалъ въ это время очень мало вниманія: ихъ организаціи считались погибшими и бесполезными для народнаго дѣла.

Само собою разумѣется, что всей этой лихорадочной дѣятельности Траугута и его директоровъ или министровъ помогала главнѣйшимъ образомъ Франція—постоянно вѣющія съ береговъ Сены надежды: напоминаніе Чарторскимъ объ интервенціи; какое нибудь слово, подслушанное имъ же въ кабинетѣ Друэнъ-де-Луи.... но болѣе всего поддала жару погасающему возстанію рѣчь Наполеона, произнесенная 5-го ноября н. ст. 1863. Директоры жонда еще пуще забѣгали на Смольную улицу; перья ихъ и Траугута съ его секретарями заскрипѣли еще шибче и ретивѣе; диктаторъ сыпалъ цѣлыми при-

¹⁾ Былъ собственно секретаремъ статсъ-секретаря Осипа Яновскаго. Другимъ секретаремъ его былъ Иванъ Лавцевичъ.

²⁾ Гиллеръ, I, 120—121.

³⁾ «Умный полякъ послѣ бѣды», иначе—«заднимъ умомъ вѣрнѣй».

горшнями мелкій бисеръ своихъ замѣчаній и поправокъ на поляхъ разныхъ бумагъ: отношеній, проектовъ, приказовъ...

Близъ этого времени работы жонда были, впрочемъ, сильно потрясены разными невзгодами, постигшими организацію: въ концѣ октября по н. ст. бѣжалъ военный директоръ Качковскій ¹⁾. Вслѣдъ за нимъ, уже въ ноябрѣ, бѣжалъ секретарь его, Малиновскій. Потомъ бѣжалъ начальникъ главнаго дежурства Матвѣй Гралевскій. Военный агентъ Роголинскій-Эффенди отправился въ Сандомиръ—и оттуда тоже куда-то исчезъ. Оставшійся начальникъ штаба Галензовскій не могъ справиться съ отдѣленіемъ. Кромѣ того, тогда же былъ арестованъ главный начальникъ экспедитуръ, Антонъ Розманитъ. Остальные чиновники этого отдѣленія жонда до того перетрусились, что перестали ходить на службу. Романъ Франковскій даже заболѣлъ ²⁾.

Пришлось Траугуту на время пріостановить горячую переписку съ Парижемъ и кое-какія другія текуція занятія, дабы привести въ нѣкоторый порядокъ разстроеныя отдѣленія. Онъ назначилъ директоромъ военнаго департамента Галензовскаго, а такъ какъ послѣдній не могъ вести письменную часть департамента въ надлежащей исправности, то ему предложено обращаться за совѣтами къ неутомимому директору департамента внутреннихъ дѣлъ, Краевскому, который работалъ за десятерыхъ, не слыша кругомъ себя никакихъ бурь и треска падающихъ зданій.

Начальникомъ экспедитуръ, вмѣсто арестованнаго Розманита, сдѣланъ Жулинскій. Онъ вступилъ въ должность 1-го ноября н. ст. Найдя квартиру экспедитуръ на Лясоцкомъ и у банъ Оссовскаго, на Долгой, небезопасною, Жулинскій отдалъ приказаніе одному изъ сво-

¹⁾ Его потребовала въ цыркулъ старая полиція, все еще державшаяся прежнихъ пріемовъ. Качковскій въ цыркулъ не пошелъ, а вписалъ въ давно-готовый паспортъ число и уѣхалъ.

²⁾ Какъ была обширна ихъ дѣятельность, можно судить по показаніямъ Романа Франковскаго, который говоритъ, что «съ іюня до октября 1863 г., онъ и писарь уголовного суда Косецкій являлись ежедневно въ лавку Розманитовъ, на Долгой, и получали тамъ по нѣскольку тысячъ запрещенныхъ сочиненій, дѣлили ихъ въ экспедитурѣ (у банъ Оссовскаго и на Лясоцкомъ) на десять равныхъ частей, залаковывали въ конверты и прикладывали къ нимъ поддѣльные печати дирекціи застрахованія или начальника Варшавскаго уѣзда, а къ нимъ и частныя печати, и отдавали аппликанту суда исправительной полиціи Казиміру Ганушу, который отвозилъ все это на почту или на станцію Вѣнской желѣзной дороги, для отправленія въ восемь воеводствъ, а также въ западныя и юго-западныя губерніи. Что до пакетовъ разнымъ революціоннымъ властямъ, они разсылались съ курьерами женскаго пола». Н. В.

нхъ помощниковъ прискаты для нея другое, лучшее помѣщеніе. Началось истинно-бѣдственное скитаніе этого отдѣленія изъ дому въ домъ, съ чердака на чердакъ.

Прежде всего найдена квартира для экспедитурѣ въ жилищѣ какихъ-то дѣвицъ Барчъ, на углу Подвальной и Капитульной улицъ. Онѣ дали, впрочемъ, пріютъ только самой важной части этого отдѣленія: комоду, купленному «на жидакъ» за 10 рублей, биткомъ набитому разными бумагами жонда; сундуку, купленному тамъ же за 5 рублей; наконецъ, полубочью и тремъ товарнымъ ящикамъ изъ лавки Розманитовъ, тоже набитымъ бумагами. Другая часть рухляди того же отдѣленія была зарыта въ орудкѣ Декерта, на Долгой улицѣ, а третья, наименѣе важная, спроважена экспедиторомъ Ганушемъ въ сенатъ, подъ кафедрю въ главной присутственной залѣ, а послѣ переложена на высокую печь въ сенатской передней, никогда не топившущаяся. Все это устроилъ, по просьбѣ Гануша, знакомый ему сенатскій полотеръ Видельскій. Кромѣ того, какую-то часть бумагъ сожгли.

Дѣвицы Барчъ жили очень бѣдно. Сказанные ящики, полубочье, комодъ и сундукъ вытѣснили изъ жилыхъ покоевъ въ сѣни собственную ихъ мебель, со всякимъ убогимъ тряпьемъ, и тамъ у нихъ что-то такое пропало. Онѣ подняли шумъ и просили экспедитурѣ переѣхать на другую квартиру. Можетъ быть, онѣ и выдумали эту пронажу просто-за-просто изъ страха, когда узнали, какая такая экспедитурѣ къ нимъ переѣхала.....

Жулинскій скалился надъ дѣвицами Барчъ и приказалъ, въ одну темную, ноябрьскую ночь, перевезти имущество экспедитурѣ на Новолишьѣ, къ женѣ какого-то судьи; но судьяха (Sędzina) тоже вскорѣ сообразила опасность отъ такого постояльца и подняла крики пуще дѣвицъ Барчъ. Полубочье, съ сундуками и комодомъ, поѣхало, въ другую темную ночь, на Новосенаторскую улицу и помѣстилось на чердакѣ Римской гостинницы. Но экспедитурѣ было тамъ въ высшей степени неудобно: Римская гостинница была очень бойкимъ пунктомъ, гдѣ съ утра до ночи толкся и сновалъ всякій народъ. Чиновники экспедитурѣ могли какъ разъ попасться на глаза явной или тайной полиціи намѣстника. Поэтому Жулинскій приказалъ своимъ подчиненнымъ прискаты во что бы то ни стало болѣе спокойное и безопасное мѣсто для экспедитурѣ. Устроилось слѣдующее.

Одинъ молодой человекъ, прикосновенный къ этому отдѣленію, ухаживалъ за дочерью близкой сосѣдки дѣвицъ Барчъ, жившей на другомъ углу Подвала и Капитульной улицы. У ней бывали три сестры Гузовскія, сильно любопытныя и юркія бабенки немолодыхъ лѣтъ,

занимавшіяся политикой не менѣ кого бы то ни было, и ради того, чтобы узнать иной разъ какую нибудь новость о Наполеонѣ, прочесть свѣжій приказъ жонда народоваго, увидѣть собственными глазами запрещенную заграничную газету—перебѣгавшія огромное пространство съ Праги (гдѣ онѣ жили изъ милости на хлѣбахъ дальняго своего родственника, кондуктора Петѣрбургско-Варшавской желѣзной дороги) на Подвалъ, зачастую по колѣно въ грязи.

Экспедитура, узнавъ о существованіи на свѣтѣ такихъ сестеръ и объ ихъ немудромъ житѣ-бытѣ, предложила имъ «казенную квартиру, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ», даже съ платой особаго жалованья, лишь бы онѣ согласились помѣстить у себя извѣстную читателямъ мебель, ящики и полубочье, и дѣлать до нѣкоторой степени труды съ чиновниками, которые будутъ у нихъ заниматься.

Гузовскія согласились и сами нашли себѣ два удобные и недорогіе покойчика, на углу Сѣнной и Слизкой улицъ, куда и перѣехали 5-го декабря н. ст. Ящики экспедитуры наконецъ успокоились. Прикуплена къ нимъ даже новая мебель. Ганушъ и другой экспедиторъ, Эдуардъ Тршебецкій, вздохнули свободнѣе. Франковскій выдорывѣлъ—и всѣ втроемъ принялись за работу съ какимъ-то ожесточеннымъ одушевленіемъ. Только трескъ пошелъ отъ пакованія декретовъ, воззваній, газетъ! Сестры Гузовскія не только помогали пакованію, но и разносили все запакованное куда слѣдовало и скоро обратились въ самыхъ дѣятельныхъ жондовыхъ курьерокъ.

Такъ, укрѣпивъ новыми подпорками потрясенныя части организаціи, жондъ принялся, по пражному, сильно писать. Въ это время вышло изъ-подъ пера диктатора обширное письмо народнаго правительства къ Чарторнскому, отъ 6 дек. н. ст. 1863. Н. В. Вергъ.

Примѣчаніе. Упоминаемая на стр. 483 г-жа Киркоръ есть первая жена Адамъ Киркора, съ нимъ развѣхавшаяся въ 1857 г. и разведенная церковью около 1865 г. Вторая супруга этого писателя Целестина-Марія Іосифовна, рожденная Бочковская—не имѣетъ ни малѣйшихъ отношеній къ описываемымъ здѣсь событіямъ.

Ред.

Приложенія.

12-го (24-го) апрѣля 1866 г.

Его сіятельству графу намѣстнику Государя Императора въ Царствѣ Польскомъ. Генеральнаго консула въ Трапезунтѣ, коллежскаго совѣтника Мошина донесеніе.

Помощникъ начальника штаба в. с., письмомъ отъ 1-го (13-го) февраля сего года, сообщилъ мнѣ приказаніе ваше представить вамъ возможно подробныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ экспедиціи, которою завѣдывалъ французскій авантюристъ Маньянъ, называвшій себя начальникомъ польскихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ.

Согласно этому приказанію, честь имѣю при семъ представить записку о фактахъ, которые мнѣ извѣстны изъ официальной переписки Императорской миссіи съ кавказскимъ начальствомъ и по личному вмѣшательству, которое я принималъ въ этомъ дѣлѣ по моему официальному положенію. Генеральный консулъ, коллежскій совѣтникъ Ал. Мошнягинъ.

№ 122. Трапезунтъ, 14-го марта 1866 г.

Записка о польскихъ интригахъ въ Трапезунтѣ во время черкесской войны въ 1863 году.

3-го (15-го) августа 1863 г. прибылъ сюда нѣкто Подайскій, драгоманъ французскаго консульства въ Адрианополь, подъ предлогомъ свиданія съ прежними своими знакомыми. Впоследствии оказалось, что Подайскій былъ представителемъ здѣсь польскаго жонда и прислалъ сюда завѣдывать отправкой польскихъ эмиссаровъ и военной контрабанды на восточный берегъ Кавказа, который тогда занимали войска Его Императорскаго Величества.

По свиданіямъ, полученнымъ здѣсь изъ Константинополя, въ первой половинѣ августа, враждебная намъ въ Константинополѣ партія черкесовъ нашла тамъ предводителя для вооруженнаго возстанія горцевъ, въ лицѣ Хусейн-паши. Черкесь родомъ, человекъ смѣлый и предприимчивый, Хусейн-паша былъ дивизионнымъ генераломъ (ферикомъ) въ турецкой азиатской арміи; замѣшанный въ 1859 г. въ заговорѣ противъ покойнаго султана, онъ сосланъ былъ въ заточеніе, но при нынѣшнемъ султанѣ вошелъ вновь въ милость и принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Черногоріи въ 1862 г. Черкесы хлопотали въ Константинополѣ, чтобы ему дано было отъ султана позволеніе ѣхать на Кавказъ. Султанъ, отрекаясь отъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло, которое могло бы компрометировать турецкое правительство, не препятствовалъ однакоже тайному отправленію его на Кавказъ; но Хусейн-паша не иначе соглашался ѣхать, какъ съ сохраненіемъ получаемого имъ жалованья ферика. Поѣздка Хусейн-паши такимъ образомъ не состоялась. Мѣсто его замѣнилъ убыхскій князь Баракай Окка Изманлъ-бей, который вѣзюгда былъ въ числѣ черкесскихъ депутатовъ, ѣздившихъ въ Лондонъ и Парижъ, отъ имени черкесовъ, просить заступничества англійскаго и французскаго правительствъ. Въ Англии, въ это время, черкесскій комитетъ Urquhard'a сошелся съ партией Чартормскаго и, пользуясь содѣйствіемъ и обѣщаніями въ успѣхъ Изманлъ-бей, снарядилъ экспедицію въ восточному берегу Чернаго моря. Въ этой экспедиціи приняли участіе, конечно негласное, французское и турецкое правительства; первое дало своихъ офицеровъ и прикрыло поляковъ своимъ покровительствомъ, ибо они всѣ, подобно Подайскому, снабжены были французскими паспортами, а второе скомпрометировало себя полною небрежностью въ этомъ дѣлѣ и оставленіемъ безъ наказанія виновныхъ. 24-го августа пароходъ «Чезония», капитанъ Sampell, подъ англійскимъ флагомъ, явился на Трапезунтскомъ рейдѣ, отбросивъ ту барку, которую Подайскій долженъ былъ заготовить для него въ Керасундѣ ¹⁾ или Акча-кале ²⁾

¹⁾ 60 морскихъ миль отъ Трапезунта на западъ.

²⁾ 14 морскихъ миль отъ Трапезунта на западъ.

для перегрузки находившейся на немъ контрабанды, и барку эту «Чезопикъ» долженъ былъ реморировать до черкесскихъ береговъ. «Чезопикъ» пришелъ сюда съ патентомъ для Галаца, и, не смотря на это, англійскій консулъ объявилъ мнѣ, что онъ не можетъ вмешиваться въ дѣло «Чезопика», такъ какъ бумаги его въ порядкѣ?! Генералъ-губернаторъ Эминъ Мухисъ, только что получившій Станиславскую ленту, на которой лежала прямая обязанность остановить пароходъ и не допустить перегружаться военной контрабандѣ, велъ себя до крайности небрежно. Такимъ образомъ, «Чезопикъ» съ 24-го на 25-е число, не взявъ «практики», въ противность карантинныхъ правилъ, сообщался въ Акча-кале съ берегомъ, гдѣ бывшіе на немъ пассажирами поляки, англичане, французы и черкесы провели ночь на берегу, а двое изъ нихъ даже пріѣзжали въ Трапезунтъ объясняться съ Подайскимъ. 25-го числа, въ противность таможеннымъ правиламъ, «Чезопикъ», въ виду самаго Трапезунта, близъ Коваты, сгрузилъ всю контрабанду на лодку, нанятую Подайскимъ для отвоза контрабанды къ горскимъ берегамъ. Не смотря на всѣ протесты русскаго консульства, Эминъ-паша дозволилъ это нарушеніе полицейскихъ, карантинныхъ и таможенныхъ постановленій, въ прямой ущербъ интересовъ дружественной державы. Онъ отзывался неимѣніемъ предписаній на этотъ предметъ, хотя таковыя были даны его предшественникамъ. Скорѣе всего надо допустить, что Эминъ-паша дѣйствовалъ на-удачу, подъ вліяніемъ двоякихъ предписаній изъ Константинополя. «Чезопикъ» выгрузилъ 28 бочекъ пороху, 12 ящиковъ оружія, 6 небольшого калибра пушекъ и около сорока эмиссаровъ. 26-го числа «Чезопикъ» взялъ топливо во французскомъ агентствѣ Mes. Imr-les, куда его адресовалъ сар-пе Магнап, директоръ французско-дунайской компаніи, и въ то время принимавшій на себя роль начальника всѣхъ польскихъ морскихъ силъ (?). Въ тотъ же день «Чезопикъ» отправился обратно въ Константинополь, выведя, впрочемъ, барку на 10 миль отъ берега, дабы ее не схватили турки. 3-го числа барка воротилась благополучно изъ Джубги, оставивъ тамъ контрабанду и эмиссаровъ. 13-го (25-го) сентября пришелъ изъ Константинополя второй контрабандный англійскій пароходъ «Samson», сар. Cumshing, который, подобно «Чезопику», сгружалъ контрабанду въ Акча-кале; за нимъ ожидался третій «Луиза Краушау», сар. David Miller. Послѣдній однакоже не пришелъ, — ибо, по требованіямъ нашего посольства, Эминъ-паша былъ вызванъ въ Константинополь дать объясненія въ своемъ поведеніи. Великій визирь и министерство иностранныхъ дѣлъ, видя, что дѣло контрабанды принимаетъ большіе размѣры, а между тѣмъ успѣхъ на Кавказѣ для горцевъ дѣлался болѣе и болѣе сомнительнымъ, объявили нашему посольству, что они считаютъ дѣло о «Чезопикѣ» весьма важнымъ, что турецкое правительство нѣкогда не желало возбуждать противъ насъ черкесовъ и еще менѣе помогать имъ, что Порта не одобряетъ поведеніе Трапезунтскаго генералъ-губернатора въ дѣлѣ «Чезопика» и что Эминъ-паша вызванъ въ Константинополь для объясненій, и что если таковыя окажутся неудовлетворительными, то савонникъ этотъ будетъ смѣненъ.

Турецкое правительство удовлетворилось однакоже объясненіями Эминъ-пашы, который не только не былъ смѣненъ, но даже получилъ Меджидіе 1-й степени. Правда, Али-паша ¹⁾ всю вину взялъ на себя тѣмъ, что будто бы онъ во-время не далъ инструкцій Эминъ-пашѣ, которыя теперь распространялись по всему Азиатическому берегу, и всѣмъ властямъ на берегу предписаны

¹⁾ Министръ иностранныхъ дѣлъ.

валось въ подобныхъ «Чезопику» случаяхъ дѣлать обыскъ на контрабандныхъ судахъ по требованію русскихъ консуловъ. Англійское посольство, со своей стороны, не одобрило дѣйствій своего консула въ Трапезунтѣ, который также получилъ приказаніе, по требованію генералъ-губернатора и мѣстныхъ турецкихъ властей, допускать обыскъ на судахъ подъ англійскимъ флагомъ.

3-го октября воротилась контрабандная барка, посланная Подайскимъ, и привезла сюда печальныя извѣстія о разбитіи горцевъ и о недовѣрціи, оказанномъ убухами Измаиль-бею. 17-го октября три баркасы отправлены Подайскимъ за пушками и эмиссарами. 28-го октября прибыли сюда первые шапсуги, бѣжавшіе отъ нашего оружія, и затѣмъ началось выселеніе черкесовъ въ Турцію. 18-го ноября нѣсколько поляковъ возвращаются изъ Черкесіи.

Вообще, въ видахъ французовъ и англичанъ, нашъ Кавказскій берегъ представлялся одною изъ лучшихъ операціонныхъ линій противъ Россіи, въ случаѣ объявленія намъ войны по поводу польскаго вопроса, которымъ была занята въ то время политика.

Подвозы оружія въ черкесскимъ берегамъ происходили подъ главнымъ руководствомъ французскаго авантюриста Magnan'a, выѣзжавшаго на этотъ конецъ въ своемъ распоряженіи суммы отъ константинопольско-польскаго комитета. Это было французское предпріятіе подъ англійскимъ флагомъ. О Маньянѣ помѣщались статьи въ Крейцъ-Zeitung и Wiener Zeitung, гдѣ въ № 276, если я не ошибаюсь, онъ призывалъ всякихъ поляковъ, служащихъ подъ русскимъ начальствомъ, оставить свои знамена и поступить въ его службу. Предполагалось даже: черкесамъ завладѣть нашими коммерческими пароходами, ходящими между Керчью и Батумомъ, что могло легко совершиться, еслибы наше пароходное общество не приняло заранѣе мѣръ противъ этого и еслибы между черкесами и поляками было какое либо единодушіе ¹⁾. Самъ Маньянъ, въ виду неудавшихся покушеній провезти на Кавказъ еще нѣсколько запасовъ оружія, разсудилъ за лучшее укрыться изъ Константинополя и, захвативъ съ собой всѣ находившіяся у него суммы польскаго комитета, бѣжалъ въ Марсель.

Затѣмъ прекратились всѣ прочія попытки соединить черкесовъ противъ насъ. Они массами стали оставлять восточный берегъ. Измаиль-бей успѣлъ однакоже увезти свои пушки отъ убуховъ и нынѣ живетъ въ Румеліи. Подайскій и прочіе поляки выѣхали изъ Трапезунта, куда впоследствии, когда началъ было возникать армянскій вопросъ, польскій жондъ выслалъ нѣкоего Краевскаго, подольскаго уроженца, замѣшаннаго въ послѣднемъ возстаніи Польши и нынѣ проживающаго здѣсь подъ французскимъ покровительствомъ, Генеральный консулъ, коллежскій совѣтникъ А. Л. Мошнягинъ.

Письмо Гарибальди къ Мирославскому.

Капрера.—30-го декабря 1860 года.

Живя съ нѣкотораго времени въ совершенномъ уединеніи на островѣ Капрерѣ, я ничуть не отказался отъ дѣла народовъ, которому посвятилъ всю свою жизнь. Въ моемъ безпредѣльномъ довѣрціи къ генералу Мирославскому, я вошелъ съ нимъ въ сношенія относительно всѣхъ вопросовъ, касающихся нашихъ героевъ поляковъ. **Г а р и б а л ь д и.**

¹⁾ Это хотѣлъ исполнить Карабатылъ, сынъ Сеферо-бей, —извѣстнаго предводителя шапсуговъ.

Гарibaldi къ Людовику Ширеславскому.

Генуа.—1-го мая 1861 года.

Мой любезный другъ! Рѣшительная борьба угнетенныхъ народностей приближается, но никто не можетъ напередъ назначить часу. Мы должны постоянно быть на-готовѣ. А потому скажите вашимъ землякамъ то, что я сказалъ итальянцамъ: нужны денежные средства для покупки милліона ружей. Храбрые поляки, которые во время рѣзни въ Варшавѣ доказали, что умѣютъ жертвовать жизнью за отечество, сдѣлаютъ также пожертвовать частію своихъ доходовъ на его возстановленіе.

Вы, генералъ, и ваши друзья готовы жертвовать жизнью за Италію. А потому я и мои будемъ также готовы сдѣлать то же самое для Польши. Гарibaldi.

Примѣчаніе. Объ эти письма найдены въ бумагахъ графа Ивана Дзялминскаго, захваченныхъ прусскою полиціей при обыскѣ его познанскаго палаца, въ апрѣлѣ 1863 года.

Письмо Гарibaldi къ Страковскому.

Капрера, 25-го іюня 1863 г.

Достойный другъ! Въ теченіе трехъ недѣль ты сумѣлъ возбудить удивленіе всей Европы, предводительствуя съ особеннымъ мужествомъ и отвагой возстаніемъ Кювенскаго воеводства. Въ настоящую минуту, находясь въ плѣну у русскихъ и смертельно раненый, ты вызываешь во мнѣ, поручая мнѣ благородную страну твою. Радъ бы я своею рукою доказать вамъ, какое сильное сочувствіе возбуждаетъ во мнѣ ваша святая борьба. Но судьба обрекла меня на беднѣйшіе. Идѣйте только вѣру. Европейская демократія не допуститъ страшной гибели вашего отечества. Душой и сердцемъ лечу вслѣдъ за всякими успѣхами вашего воскресенія. Такъ, храбрѣйшіе! ваша твердость, вашъ энтузіазмъ и ваше мужество научатъ васъ какъ нужно браться съ деспотизмомъ. Прими сердечное поздравленіе руки и вѣръ дружбѣ твоего навсегда I. Гарibaldi.

Примѣчаніе. Взято изъ оцінальной газеты польскаго народнаго правительства 1863 года: «Независимость» (Niepodległość).

Временная программа польскаго возстанія.

1. Пролетѣть только черезъ Варшаву, чтобы тамъ получить возможно полное понятіе о духѣ и направленіи манифестаціи 25-го февраля въ связи съ постановленіемъ Земледѣльческаго общества относительно освобожденія крестьянъ. Это освобожденіе взять за точку исхода всѣхъ дальнѣйшихъ приготовленій къ народному возстанію, а освобожденныхъ этимъ святымъ порывомъ массы—за фундаментъ возрождающейся республики. При слѣдованіи къ самымъ отдаленнымъ восточнымъ окраинамъ Польши, распространять добрую вѣсть о томъ, что Земледѣльческое общество Варшавы, въ силу воли народа, приказало помѣщикамъ всѣхъ безъ исключенія провинцій отдать въ собственность

крестьянамъ, за условленную плату, обрабатываемую ими дотогѣ землю. Не допускать при этомъ никакихъ лишнихъ разсужденій и выдавать это за фактъ, совершившійся безповоротнo. Въ подтвержденіе готовности всѣхъ провинцій подчиниться такому наказу столицы, землевладѣльцы всей Литвы и Руси отправятъ немедленно депутацію въ Петербургъ, которая сойдетса воедино съ депутаціей варшавявъ и будетъ слѣдно повиноваться рѣшеніямъ послѣдней. Не раздѣлять насъ угнетателн, если только мы сами не будемъ отриваться другъ отъ друга временемъ и пространствомъ. Написать и напечатать по малороссійски прокламацію, возвѣщающую простому люду (ludowi) о такомъ варшавскомъ благодѣяніи, и установить плату за землю такого рода, чтобы учиненное помѣщиками благодѣяніе во всякомъ случаѣ подавляло собою всевозможные петербургскіе указы по этой части.

Если (что трудно однакоже допустить) Царь немедленно на все это согласится,—распустить слухъ между простымъ народомъ, что это произошло со страху передъ Варшавой, и торжествовать такой народный триумфъ огромными сборищами крестьянъ, устроенными по распоряженію помѣщиковъ и подъ ихъ же наблюденіемъ, безъ всякаго участія поповъ и чиновниковъ. Сейчасъ-же, искренно, безъ малѣйшаго колебанія, хотя бы цѣною наибольшихъ со стороны помѣщиковъ жертвъ, привести въ дѣйствіе варшавское постановленіе, не ожидая, сохрани Господи, подробныхъ распоряженій изъ Петербурга, такъ что, еслибы такими пришли, выставить ихъ какъ упорное сопротивленіе наказу Варшавы. Вообще пускай, при этихъ первоначальныхъ дѣйствіяхъ агитаціи, простой народъ, преимущественно малороссіане и литва, привыкнуть думать, что все хорошее исходитъ изъ Варшавы, а все дурное—изъ Петербурга. Положеніе шляхты будетъ еще лучше, если Царь откажется утвердить варшавское постановленіе, или замедлитъ рѣшительнымъ отвѣтомъ до окончанія всѣхъ нашихъ революціонныхъ приготовленій.

2. Поручить главамъ (Kapitule) варшавскаго движенія возбуждать постоянный интересъ Европы къ нашему дѣлу посредствомъ корреспонденцій въ газеты, и черезъ отправленіе депутацій ко дворамъ французскому и англійскому. Пускай, съ одной стороны, общественное мнѣніе западныхъ массъ находится въ вѣчномъ напряженіи лихорадочнаго любопытства и въ ожиданіи еще болѣе поразительныхъ проявленій жизненныхъ силъ Польши и русской немощи. Посылать во всѣ нѣмецкія, французскія, англійскія и италіанскія газеты хотя бы вымышленныя извѣстія о подаемныхъ колебаніяхъ въ Россіи, о тревогахъ русскаго правительства, о неизлечимыхъ ничѣмъ раздорахъ между дворянами, крестьянами и чиновниками, въ особенности о финансовомъ, военномъ и административномъ распаденіи всей махинаціи Петра Великаго, подъ гравнымъ вліяніемъ польской идеи, дабы убѣдить цѣлый свѣтъ, что никто кромѣ поляковъ не способенъ повалить царизма. Съ другой стороны: пантографировать¹⁾, при англійскомъ и французскомъ правительствѣ, всѣ варшавскія делегаціи въ Петербургъ, при помощи соотвѣтственныхъ имъ делегацій изъ Варшавы же въ Парижъ и Лондонъ. Само собою разумѣется, что эти делегаціи съ разу ничего не сдѣлають, но смущаться этимъ не должны, такъ какъ тутъ все заключается въ томъ, чтобы скомпрометировать эти правительства передъ Россіею и имѣть право жаловаться всему свѣту на ихъ равнодушіе. Пусть соотчичи наши знаютъ, что это совѣтъ людей, весьма хорошо

¹⁾ «Снять въ миниатюру».

знакомыхъ съ политикою тюльерійскаго кабинета, и вмѣстѣ—пріемъ, занимаемый у Италіи, которая въ немногое лѣтъ разрушила всякія дипломатическія преграды и внушила императору дѣйствія, о какихъ онъ вовсе не думалъ и какихъ не хотѣлъ: принудила, такъ-ли не такъ-ли, французское правительство подать ей руку помощи на пути къ освобожденію. Но сохрани Господи употреблять на это эмиграцію, ибо это понудило бы западныя державы, которымъ движеніе Польшаи вовсе не на руку, отказаться отъ всякой связи съ нашимъ движеніемъ. Болѣе всего уклониться отъ сношеній съ интриганамъ Огеля Ламбертъ, попавшими туда изъ края и слоняющимися по разнымъ высокимъ переднимъ людямъ, которые сдѣлались посмѣшищемъ, пригоднымъ только для враговъ нашего дѣла. Равно остерегаться уполномоченнымъ изъ края непосредственныхъ сообщеній съ Тюльера, куда пробраться очень трудно, а слѣдуетъ снести съ предварительно съ Пале-Ройлемъ, гдѣ будетъ оказана имъ всякая помощь... Ближайшія объясненія съ этой стороны получать отъ Г. Л. М. ¹⁾. Повторяемъ еще разъ, что подобныя депутаціи не должны стремиться ни къ чему иному, какъ только къ образованію въ будущемъ нѣкоторой связи между возстающею Польшею и политикою Запада, а покаимѣсть—внушить нѣмцамъ и Россіи тотъ страхъ, что Англія, Франція и Италія находятся въ тайныхъ сношеніяхъ съ польскимъ движеніемъ.

Намъ же слѣдуетъ помнить и быть довольными тѣмъ, что италійцы, венгерцы и всѣ народности, старающіяся сбросить съ себя австрійское иго, стали намъ очень близки, со времени варшавской манифестаціи.—Съ этой стороны произошли нарочито предпріятыя объясненія между Гарибальди, Мирославскимъ, Кляккой, и они подали другъ друга руки.

3. Внутри края задержать революціонную пропаганду, сколь возможно долѣе, на степени чисто-на-чисто экономическихъ реформъ; тормазить всѣми силами вооруженное возстаніе дотогѣ, пока трибуны изъ дворянскаго сословія не приведутъ всего простаго народа восточныхъ провинцій въ одинакое настроеніе съ мазурами. Дождаться такимъ путемъ нападенія со стороны русскихъ войскъ и когда это случится—при какой ни есть степени развитія нашей революціонной организаціи—слиться, не размыслия ни минуты, на жизнь и на смерть, съ народными массами (do mas ludowuch) и втянуть ихъ, за-одно съ нами, въ отчаянную борьбу съ притѣснителями,—которая должна продолжаться до тѣхъ поръ, пока не возникнетъ свободная польская республика. Имѣть въ виду страшный, геростратическій, гайдамацкій разгулъ стихій, которымъ уже ничѣмъ не удержишь, и то, что можетъ выйти наружу со всякою мутью послѣ долгаго, болѣзненнаго застоя неволи. Успокаивать это самыми искренними указаніями спасительныхъ для народа путей, въ особенности укрощать посредствомъ суровой воинской дисциплины, среди самыхъ кипучихъ привготовленій къ войнѣ: противъ такихъ мѣръ всякіе крики фальшивыхъ трибуновъ безсильны. Въ крайнемъ случаѣ, всѣмъ неизлечимымъ демагогамъ открыть ворота за Днѣпръ, пусть тамъ разсвѣваютъ казацкую гайдамачину противъ поповъ, чиновниковъ и богатыхъ баръ, сляпшихся удержатъ своихъ крестьянъ въ рабствѣ, пусть подольютъ своей неурядицы въ пожаръ, который уже охватилъ середину Россіи. А малороссійская агитація пускай перенесется далеко за Днѣпръ—вотъ гдѣ широкое поле для этой нашей хмельничины; вотъ гдѣ вся наша панславянская и коммунистическая школа, весь нашъ польскій герцепизмъ! Пускай все это пристойнымъ обра-

¹⁾ «Отъ генерала Людвигъ Мирославскаго?»

зомъ (głgiesznie), издавна помогаетъ освобожденію нашего отечества, раздираетъ и жжетъ внутренности царства. Здѣсь—легкое и доблестное поприще для множества полуполяковъ и полурусскихъ, занимающихъ нынѣ всякія ступени чиновничьей и военной іерархіи въ Россіи. Пусть подкапываютъ вдоль и поперекъ русскій царствъ посредствомъ ярой и горячей анархіи: авось отсюда народится новая добропорядочная и близкая намъ русская народность. Такой радикализмъ въ тѣхъ мѣстахъ весьма полезенъ какъ для русскаго, такъ и для польскаго дѣла, но, будучи перенесенъ въ предѣлы Польши, онъ есть ничто иное, какъ измѣна отечеству и долженъ быть преслѣдуемъ не на животь, а на смерть. Въ нашихъ предѣлахъ ярое нетерпѣвіе радикаловъ должно обращаться на повстанскія приготовления. Всякими путями переправлять въ Польшу порохъ и хорошее охотничье огнестрѣльное оружіе: одностволки и, сколь возможно болѣе, штуцера—никакъ не двустволки ¹⁾. Всякаго рода хозяйственные предметы (sprzęt gospodarski), а равно и всѣ желѣзные заводы, находящіеся въ рукахъ поляковъ—принравливать къ имѣющимъ скоро открыться военнымъ дѣйствіямъ ²⁾. Приспособить вездѣ конную и телѣжную упряжь къ тому, чтобы она, по первому призыву, могла служить восстанію; проинвестъ заранѣе статистическую народную перепись, посословно, на случай нечаяннаго взрыва, имѣя въ виду, что помѣщичье сословіе болѣе пригодно къ службѣ въ кавалеріи, горожане и жители дѣсятныхъ мѣстностей—къ застрѣльщикамъ, мужичій огуль (chmaga wieśniacze) дать косинеровъ (за этими надобно въ особенности ухаживать), не то—пикинеровъ; воспитанники разныхъ техническихъ заведеній пусть идутъ въ артиллерію, становятся нижеверами, служатъ въ арсеналахъ; монсеевы поляки (rolacy pojrzewowi)—изготавливаютъ всякаго рода экипировку войскамъ и т. д. А нетерпѣливый патріотизмъ пускай уразумѣетъ сколь возможно лучше, что такая дѣятельная подготовительная задержка намъ необходима во всѣхъ отношеніяхъ, какъ со стороны примиренія низшихъ сословій—всего болѣе на Литвѣ, въ Малороссіи и Галиціи—со шляхтой, съ которою они разошлись вслѣдствіе продолжительной русской и австрійской неволи,—такъ и со стороны вооруженія всѣхъ этихъ массъ и, наконецъ, для того, чтобы выждать какой-либо катастрофы хотя въ одномъ изъ примыкающихъ къ намъ государствъ: напримѣръ, войны или революціи въ Россіи, а, можетъ быть, дастъ Богъ то и другое вмѣстѣ.

4. Такой моментъ соединенія всякихъ благопріятныхъ обстоятельствъ внутри и внѣ края намъ удобно будетъ взять за сигналъ къ одновременному, по возможности, восстанію на всемъ пространствѣ Польши. Въ выходящей изъ такихъ условій области, по причинѣ каковаго либо исключительнаго положенія вещей, гдѣ нельзя будетъ устроить взрыва на общіе основанія—это всеподъемное восстаніе должно произойти слѣдующимъ образомъ:

а) Приведенныя предварительною экономическою агитаціей въ движеніе, сельскія массы, и какъ нибудь вооруженныя, стремятся отовсюду, подъ внимательнымъ руководствомъ шляхты, въ уѣздный городъ, уничтожаютъ тамъ нечаяннымъ нападеніемъ гарнизонъ угнетателей и, баррикадуя и блокгаузируя (blockhausując) улицы, превращаютъ таковой городъ въ небольшое укрѣпленіе (warowny ostróg).

¹⁾ По видимому, это имѣлъ въ виду графъ Владиславъ Замоискій: въ занимаемой имъ части дома оказалось много всякаго огнестрѣльнаго оружія, въ особенности штуцеровъ, пороху, капсюлей и т. п. Даже найдены кенги, для надѣванія въ то время, когда дѣлались въ большомъ количествѣ патроны.

²⁾ См. выше поведеніе Кульчицкаго въ Лапахъ.

б) Начальники отдѣляютъ отъ толпы отборныхъ молодыхъ людей, подъ названіемъ перваго набора, и, снабдивъ ихъ лучшимъ оружіемъ, въ особенности пашами и саблями, какія случатся подъ рукою, а также и провіантомъ, по крайней мѣрѣ на три дни, ведутъ въ условленный заранее воеводскій или губернскаго лагеря (obóz), избѣгая сколь возможно встрѣчи съ непріятельскими войсками, покуда всѣ первые наборы уѣздовъ не соберутся въ одинъ отрядъ, подъ начальствомъ одного вождя.

Взявъ во вниманіе, что по крайней мѣрѣ половина огнестрѣльнаго оружія должна оставаться въ уѣздныхъ укрѣпленіяхъ (w ostrogach powiatowych)—съ резервами,—расчитывать поэтому въ воеводскихъ лагеряхъ (obózach) преимущественно на кавалерію и косинеровъ, терпѣливо и старательно обучать ихъ на всякомъ привалѣ обращенію съ ихъ оружіемъ,—дабы они привыкли сколь возможно скорѣе къ мысли, что они—бѣшіе уланы, что имъ стыдно бояться непріятельскаго огня, а напротивъ: при встрѣчѣ съ врагами—слѣдуетъ бѣгомъ бросаться въ битву. Пускай косинеры приучаются ложиться на землю при дѣйствіи непріятельской артиллеріи, а при штурмовомъ огнѣ—идаться, сохраняя строй, бѣгомъ въ атаку. Пусть все огнестрѣльное оружіе, какое только есть въ рукахъ неразлучныхъ съ косинерскими батальонами стрѣльцовыхъ ротъ, ни въ какомъ построеніи, ни на одну минуту ихъ не покидаетъ, развѣ только можетъ быть передано ближайшимъ, на глазахъ этихъ ротъ дѣйствующимъ стрѣлкамъ, но при малѣйшей опасности со стороны кавалерійской атаки непріятеля пускай каждая стрѣльцовая рота скрывается въ свое косинерское вѣре, какъ бы за редутъ изъ палисадъ—и спокойно, въ близкомъ разстояніи, даетъ залпъ. Неизбѣжныя во всякомъ возстаніи тѣлѣги ставить въ извѣстномъ порядкѣ, рядами, на подобіе стародавнихъ казацкихъ польскихъ и чешскихъ обозовъ. Во время боя такіе обозы располагаются при резервахъ, какъ подвижныя шанцы. Пронгравъ сраженіе, дотогѣ не уходить съ этими шанцами, доколѣ непріятель не будетъ на нѣкоторое время отраженъ отъ лагеря.

в) Лагерь (obóz), уже обученный немного маршировкѣ, еще передъ оборомъ дружинъ, и затѣмъ усовершенствованный въ этомъ и снабженный всѣмъ чѣмъ нужно, во время приваловъ, въ теченіи нѣсколькихъ дней, снимается и идетъ, смотря по обстоятельствамъ, или на ближайшаго непріятеля, или на губернскаго городъ. Здѣсь, на этомъ моментѣ повстанскаго движенія, должны остановиться наши вступительныя инструкціи, ибо этотъ моментъ внутренняго возстанія обязанъ непремѣнно отвѣчать организационной зрѣлости вѣшняго легіона и его стремленія въ какую бы то ни было прорѣху (jakimbądź wyłotem) на помощь и спасеніе возстанія.

Поэтому: 5. Внутреннее потрясеніе не должно никонимъ образомъ исключительно охватить собою народъ и поощрять поддержкѣ и всякому поощренію съ его стороны этой резервной (odwodowej) арміи, вѣзъ его границъ возстающей; напротивъ, обязано сдѣлать такую родственную помощь еще болѣе неотвратимою и быстрою.

Пускай, такимъ образомъ, предназначенныя уже спеціально на эту святую потребность деньги нигдѣ не задерживаются подъ видомъ необходимѣйшихъ якобы работъ въ краѣ и своевременно дойдутъ до центральной кассы легіона ибо вѣшнія событія служатъ къ этому самымъ побудительнымъ двигателемъ и не дай Богъ, если они застанутъ насъ среди безсилія пагубныхъ колебаній.

NB. При теперешнемъ положеніи вещей народъ нашъ не долженъ допускать ни набора, ни временнаго усилія русской арміи (prowizoryjnie uzbrog-

жеріе): дипломатическіе переговоры съ правительствомъ могутъ дати къ устраненію этого достаточно-сильныя причины, а если ихъ окажется мало, то принудить силой. Людвигъ Миярославскій.

1-го марта 1841 года.

Приходы и расходы военнаго отдѣленія народнаго правительства.

Закупка оружія начата, по распоряженію центральнаго комитета, еще въ 1862 году. Она была возложена первоначально на парижскаго агента центральнаго комитета Цвѣрчакевича, къ коему немного позже прибылъ на помощь Лангевичъ, когда въ массѣ парижской комисіи вооруженія (Kommissuy Uzbrojenia) находилось 140 тысячъ злотыхъ польскихъ, высланныхъ комитетомъ въ теченіе октября, ноября и декабря мѣсяцевъ 1862 г., при чемъ комитетъ извѣщаетъ комиссію вооруженія, что въ скоромъ времени пришлетъ гораздо большія суммы. Чтѣ именно было прислано—неизвѣстно.

Лангевичъ купилъ въ ноябрѣ 1862 г., въ Генуѣ, отъ 4-хъ до 5-ти тысячъ гладкоствольныхъ прусскихъ ружей старой системы (т. е. съ кремнями) и передѣлалъ ихъ на ударныя, платя за каждое отъ 12-ти до 13-ти франковъ. Сверхъ того, обоими агентами, Лангевичемъ и Цвѣрчакевичемъ, куплено въ Лондонѣ, при посредствѣ ружейника Бонфорта, 3,987 карабиновъ, за 108 тысячъ франковъ. Все это оружіе переправлено въ Готу и Вѣну. Дальнѣйшее слѣдованіе его неизвѣстно.

Позже Цвѣрчакевичъ купилъ еще на 7 тысячъ франковъ оружія въ Кенгсбергѣ, да въ Лондонѣ 1,000 карабиновъ Эвфильда и два орудія Уайтварта, за 600 фунтовъ стерлинговъ.

(Это послѣднее оружіе пошло на экспедицію Лажинскаго и Демонтовича, равно туда же пошли присланныя въ комиссію вооруженія изъ военнаго отдѣленія 334,233 злотыхъ польскихъ, иначе 60,435 рублей).

Трудность закупки и доставки оружія изъ Парижа и Лондона, мошенническія проделки Бонфорта и просьбы Цвѣрчакевича замѣнить его кѣмъ либо болѣе опытнымъ въ этомъ дѣлѣ—заставили жондъ народовой учредить особую заграничную комиссію вооруженія въ Ліежѣ, подъ вѣденіемъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя Годабскаго, познанскаго помѣщика Александра Гуттри, графа Яна Дзямискаго, помѣщика Свинарскаго и Леона Круликовскаго. Болѣе всѣхъ работавъ здѣсь А. Гуттри; онъ вошелъ въ сношенія съ оружейниками Лемеромъ, Бронномъ, Герардомъ и Форстеромъ въ Берлинѣ. Всѣ подряды заключались съ этихъ поръ съ доставкою «на рискъ купца».

Сколько извѣстно, ліежская комиссія вооруженія имѣла, съ 9-го апрѣля н. ст. по 1-е сентября н. ст. 1863 г.

въ приходѣ	12,137 галеровъ	12 крейцеровъ.
въ расходѣ	12,137	» 8 »
въ остаткѣ		4 крейцера.
въ приходѣ	901,984 франка	62 сантима.
въ расходѣ	336,669	» 37 »
въ остаткѣ	565,315 франковъ	25 сантимовъ.

На эти деньги приобретено по 1-е сентября н. ст. 1863 г.: штудеровъ 7,806, карабиновъ 652, пистолетовъ 1,639, сабель 300, канжелей 2,000,000.

Заказано штудеровъ 500 } на 50 тысячъ
» карабиновъ 500 } франковъ.

Далѣ никакихъ счетовъ не имѣется. Надо думать, что остатокъ 565,315 франковъ и 25 сантимовъ весь пошелъ на оружіе.

Кромѣ того, дѣлались неопредѣленныя закупки оружія въ разныхъ пунктахъ, гдѣ случится, самимъ военнымъ отдѣленіемъ, начальникомъ города Варшавы и организаторомъ (интендантомъ).

Есть свѣдѣнія, что съ 7-го іюня н. ст. по 10-е августа н. ст. 1863 г. военное отдѣленіе издержало на собственныя закупки оружія и военныхъ припасовъ (ekwizyt)—168,280 рублей.

Куплено: ружей 94, кося 950, пистолетовъ 32, пикъ 20, сабель 154, кинжаловъ 68, книжаловъ для жандармовъ 176, стрѣлокъ 100 ¹⁾, пушекъ 3.

Къ концу августа 1863 года, военное отдѣленіе купило оружія еще на 8,580 рублей.

Послѣ этого само военное отдѣленіе оружія уже не покупало.

Количество оружія, приобретеннаго начальникомъ города Варшавы и интендантомъ, весьма незначительно.

Приходъ и расходъ военного отдѣленія за періодъ времени отъ 10-го августа по декабрь 1863 г. включительно:

	Приходъ.		Расходъ.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
Въ августѣ .	23,326	—	14,992	—
» сентябрѣ .	30,113	55 ² / ₁₀	26,640	—
» октябрѣ .	5,032	81	3,641	35
» ноябрѣ .	6,500	—	4,174	10
» декабрѣ .	3,335	90	3,311	57 ² / ₁₀

Въ августѣ мѣсяцѣ показанъ между прочимъ расходъ на какихъ-то сигнальщиковъ—въ 230 руб. 60 коп.

Въ сентябрѣ встрѣчается рубрика: «принужденнымъ скрыться бѣгствомъ», но не сказано, сколько выдано.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ генеральный организаторъ Мирославскій требовалъ у народнаго правительства настоятельнаго приказа виленскому обывателю Ахилесу Бонольди, чтобы онъ внесъ въ кассу коммисіи вооруженія хранящіяся у него 300,000 франковъ, но этого не сдѣлано и куда дѣвались эти деньги—неизвѣстно. Также Мирославскій жалуется и на Здислава Янчевскаго, что онъ удержалъ у себя 500,000 злотыхъ (Dokumenta użędowe do dziejow Organizacji generalnej powstania narodowego w latach 1863 i 1864, Paży 1864 г., стр. 78, 79 и далѣ). Въ расходахъ военного отдѣленія упоминается также, что на подъемъ офицеровъ въ бѣгъ отпускаясь отъ 25 до 100 руб. каждому.

Жалованья директору—125 руб. въ мѣсяцъ.

Четырѣмъ секретарямъ по 75 рублей въ мѣсяцъ каждому.

Къ 1-му января н. ст. 1864 г. въ кассѣ военного отдѣленія оставалось 24 руб. 32 коп.

Запасы интендантства.

Къ 4-му сентября 1863 г. въ народныхъ цейхгаузахъ находилось: орудій 3, штуцеровъ 62, пистолетовъ и револьверовъ 94, шашекъ 118, кинжаловъ 179, пикъ 66, топорокъ 350, капсюлей 47,000, пороху 5 пудовъ, бомбъ 32, ракетъ 55, одежды разной 17,078 штукъ. Сообщ. Н. В. Вергъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

¹⁾ Тамъ самыхъ, о которыхъ говорится въ предыдущихъ главахъ. Изображеніе въ № 272 «Dziennika Powszechnego» 1863 г.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

1799—1837.

IV ¹⁾.

Переписка А. С. Пушкина съ А. П. Кернъ.—Письмо къ П. А. Осиповой.
Кончина Императора Александра I.

1825 г.

Амиѣ Петровѣ Кернъ ²⁾.

25 juillet.

«J'ai eu la faiblesse de vous demander la permission de vous écrire et vous—l'étourderie ou la coquetterie de me le permettre. Une correspondance ne mène à rien, je le sais; mais je n'ai pas la force de résister au désir d'avoir un mot de votre jolie main.

Votre visite à Trigorsky m'a laissé une impression plus forte et plus pénible, que celle qu'avait produite jadis notre rencontre chez Оленинъ. Ce que j'ai de mieux à faire au fond de mon triste village, est de tâcher de ne plus penser à vous. Vous devriez me le souhaiter aussi pour peu que vous ayez de la pitié dans l'âme—mais la frivolité est toujours cruelle, et vous autres, tout en tournant des têtes à tort et à travers, vous êtes enchantées de savoir une âme souffrante en votre honneur et gloire.

Adieu divine, j'enrage et je suis à vos pieds. Mille tendresses à Ерм. Фед. (Кернъ) et mes compliments à m-me Voulf.

Je reprends la plume car je meurs d'ennui et ne puis m'occuper que de vous—j'espère que vous lirez cette lettre en cachette—la cacherez-vous encore dans votre sein? me repondrez-vous bien longuement? écrivez-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1879 года, томъ XXV, стр. 371—388; 671—690. Томъ XXVI, стр. 291—328.

²⁾ Письма приводятся съ буквальною точностью, прямо съ подлинниковъ, принадлежащихъ редакціи «Русской Старины».

moi tout ce qui vous passera par la tête—je vous en conjure. Si vous craignez ma fatuité, si vous ne voulez pas vous compromettre, contrefaites votre écriture, signez un nom de fantaisie, mon coeur saura vous reconnaître. Si vos expressions seront aussi douces que vos regards, hélas! je tâcherai d'y croire, ou de me tromper, c'est égal.—Savez-vous bien qu'en relisant ces lignes, je suis honteux de leur ton sentimental, que dira Ан. Ник.? Ахъ вы чудотворка, или чудотворица!»

25-го іюля.

(Переводъ). Я имѣлъ слабость просить позволенія писать къ вамъ, а вы—легкомыслие, или кокетство—дать мнѣ на это позволеніе. Переписка ни къ чему не ведетъ, я это знаю; но у меня вѣтъ силъ противиться желанію имѣть слово, написанное вашею хороненькою ручкой.

Вашъ приѣздъ въ Тригорское оставилъ во мнѣ впечатлѣвіе глубже и мучительнѣе того, которое произвела на меня въ былые дни наша встрѣча у Оленина. Въ моей печальной деревенской глуши, не могу сдѣлать ничего лучшаго, какъ стараться больше не думать о васъ. Вы должны были бы желать мнѣ этого, хоть ради крошки жалости ко мнѣ въ душѣ вашей, но вѣтренность всегда жестока, и всѣ вы, барыни, вертя головы какъ имъ попало, въ восхищеніи отъ сознанія, что есть душа, страдающая вамъ во славу и въ честь.

Прощайте, божественная, бѣгущая и падающая къ вашимъ ножкамъ. Тысячу любезностей Ермолаю Федоровичу (Кернъ) и поклонъ г-жѣ Вульфъ.

Опять берусь за перо, ибо умираю со скуки и могу заниматься только вами. Надѣюсь, что письмо это вы прочтете украдкой—спрячете-ли его опять у себя на груди? Напечете-ли мнѣ длинный отвѣтъ? пишите мнѣ все, что вамъ въ голову придетъ, заливаю васъ. Если болтаетъ моею нескромной хвастливости, если не хотите компрометировать себя, измѣните почеркъ, поднимите вымышленнымъ именемъ, мое сердце съумѣетъ принять васъ. Если выраженія ваши будутъ столь же нѣжны, какъ взглядъ вашъ, увы! постараюсь имъ повѣрить, или обмануть себя, это все равно. Знаете-ли, что, перечитывая эти строки, я устыдился ихъ сентиментальнаго тона—что скажетъ Анна Николаевна? Ахъ вы чудотворка, или чудотворица!

Анна Петровна Кернъ не замедлила отвѣтомъ и съ нетерпѣніемъ ожидала втораго письма; но Пушкинъ имѣлъ неосторожность вложить его въ пакетъ, адресованный на имя тетушки. Прасковья Александровна Осипова не только не отдала письма, но даже не показала его племянницѣ. На письмо, имъ полученное, поэтъ писалъ слѣдующее:

Аннѣ Петровнѣ Кернъ.

«Je relis votre lettre en long et en large et je dis: милая! прелесть! divinelle.. et puis: ахъ, мерзкая!—Pardon, Belle et douce; mais c'est comme ça. Il n'y a pas de doute que vous êtes divine, mais quelquefois vous n'avez pas le sens commun; pardon encore une fois et

consolez vous, car vous n'en êtes que plus jolie. Par ex. que voulez vous dire avec ce cachet qui doit vous convenir et vous plaire (l'heureux cachet!) et dont vous me demandez le sujet? à moins qu'il n'y ait là un sous entendu, je ne conçois pas ce que vous desirez. Me demandez vous une devise? ce seroit tout-à-fait à la Netty. Allons, gardez toujours le *He skopo a zdorovo*, pourvu que cela ne soit pas la devise de votre voyage à Trigorsky—et parlons d'autre chose. Vous me dites que je ne connais pas votre caractère. que m'importe votre caractère? je ne m'en moque pas mal—est-ce que les jolis femmes doivent avoir un caractère? L'essentiel ce sont les yeux les dents, les mains et les pieds—(j'y aurais joint le cœur, mais votre cousine a trop décrié ce mot.) Vous dites qu'il est facile de vous connaître; vous vouliez dire de vous aimer? je suis assez de cet avis, et j'en suis même la preuve—je me suis conduit avec vous comme un enfant de 14 ans—c'est indigne—mais depuis que je ne vous vois plus je reprends peu à peu l'ascendant que j'avais perdu, et je m'en sers pour vous gronder. Si jamais nous nous reverrons, promettez-moi....—Non, je ne veux pas de vos promesses! et puis une lettre est si froide, une prière par poste n'a ni force ni émotion, et un refus n'a ni grace, ni volupté. à revoir donc et parlons d'autre chose. Comment va la goutte de M-r votre époux? j'espère qu'il en a eu une bonne attaque le surlendemain de votre arrivée. *По дѣломъ ему!* Si vous saviez quel aversion mêlé de respect je ressens pour cet homme! Divine, au nom du ciel, faites qu'il joue et qu'il ait la goutte, la goutte! c'est ma seule espérance.

En relisant encore votre lettre, j'y trouve un terrible si que je n'avais pas remarqué d'abord. Si ma cousine reste je viendrai cet automne etc.—au nom du ciel, qu'elle reste donc! tâchez de l'amuser, rien de plus facile; ordonnez à quelque officier de votre garnison d'être amoureux d'elle, et quand il sera tems de partir, ennuyez-la en lui enlevant son soupirant; rien encore de plus facile. Ne lui montrez pas celà au moins: par entêtement elle est capable de faire tout le contraire de ce qu'il faut. Que faites vous de votre cousin? mandez-le moi, mais franchement. Envoyez le bien vite à son université, je ne sais pourquoi je n'aime pas plus ces étudiants que ne le fait M-r Kern. C'est un bien digne homme que M-r K., un homme sage, prudent etc. il n'a qu'un seul défaut... c'est celui d'être votre mari. comment peut-on être votre mari? c'est ce dont je ne puis me faire une idée, non plus que du paradis.

Ceci était écrit hier. aujourd'hui, jour de poste, je ne sais pourquoi je m'étais mis en tête de recevoir une lettre de vous. Çela n'a pas eu lieu et je suis d'une humeur de chien le plus injustement du monde,

j'aurais du être reconnaissant pour la fois passée, je la sais; mais que voulez vous? je vous supplie, Divine, compatissez à ma faiblesse, écrivez moi aimez moi et je tâcherai alors d'être aimable. adieu, дайте ручку.

14 août.»

14-го августа.

(Переводъ). Перечитываю ваше письмо вдоль и поперекъ и говорю: милая! прелестъ! божественная! а потомъ: ахъ, мерзкая! Простите, прелестная, кроткая моя; но это такъ! Несомнѣнно, что вы божественны; но иногда въ васъ не случается здраваго смысла; еще разъ, простите и утѣшитесь, ибо отъ этого вы еще прелестнѣе. Напримѣръ, что вы хотите сказать этою печаткой, которая должна быть вамъ прилична и нравиться (счастливая печатка!) и о которой вы спрашиваете у меня разъясненіе ея значенія? Если только тутъ не кроется какой двусмысленности, то не понимаю, чего вы желаете. Или вы просите меня придумать къ ней девизъ? Въ такомъ случаѣ, это совершенное подражаніе Нетти. Быть такъ, запечатывайте по прежнему: «Не скоро, а здорово», лишь бы эти слова не послужили девизомъ для вашей поѣздки въ Тригорское—и поговоримъ о другомъ. Вы говорите, что я не знаю вашего характера. А какое мнѣ до него дѣло? очень я о немъ думаю—и развѣ у хорошенькихъ женщинъ долженъ быть характеръ? Самое главное: глаза, зубы, ручки и ножки (прибавилъ бы—и сердце, но ваша кузина уже слишкомъ опощила это слово). Вы говорите, что васъ легко узнать; вы хотѣли сказать: любить? Съ этимъ весьма согласенъ и самъ служу тому доказательствомъ—я держалъ себя съ вами какъ 14-ти-лѣтній ребенокъ—это не годится, но съ тѣхъ поръ какъ болѣе не вижу васъ, то понекому беру обратно свое утраченное надъ вами превосходство и пользуюсь имъ, чтобы бранить васъ. Если мы когда нибудь снова увидимся, общайте мнѣ.... Нѣтъ, не хочу я вашихъ общаній, и, кромѣ того, письма—нѣчто такое холодное, въ просьбѣ, адресованной по почтѣ, нѣтъ ни силы, ни волненія, а въ отказѣ—ни граціи, ни нѣги. И такъ, до свиданья—и поговоримъ о другомъ. Что подагра вашего супруга? надѣюсь, что у него былъ славный припадокъ на другой день вашего приѣзда. По дѣломъ ему! Еслибы вы знали какое отвращеніе, смѣшанное съ уваженіемъ, чувствую я къ этому человѣку! Божественная, ради Бога, постарайтесь, чтобы онъ игралъ и чтобы у него была подагра, подагра! Въ этомъ вся моя надежда.

Перечитывая ваше письмо, я нашелъ въ немъ ужасное если, которого сначала не замѣтилъ. Если кузина моя останется, то осенью я приѣду и проч. Ради Бога, пусть же ее остается! Постарайтесь ее чѣмъ нибудь занять, а это такъ легко: приважите какому нибудь тамошнему гарнизонному офицеру влюбиться въ нее, и когда придетъ пора ѣхать, досадите ей отбивъ у нея вздыхателя; это еще того легче. Этого по крайней мѣрѣ ей не выказывайте: изъ упрямства она способна дѣлать совершенно противное тому, что нужно. Зачѣмъ у васъ вашъ кузнецъ? отвѣчайте, но откровенно. отошлите-ка его поскорѣе въ его университетъ; не знаю почему, но я студентовъ точно такъ же не люблю, какъ и г. Кернъ. Достойнѣйшій человѣкъ этотъ г. Кернъ, степенный, благоразумный и проч. Одинъ въ немъ порокъ—зачѣмъ онъ вашъ мужъ. Какъ можно быть вашимъ мужемъ? объ этомъ не могу себѣ составить понятія, такъ же какъ и о раѣ.

Это было написано вчера. Сегодня почтовый день, и не знаю, почему я

вбить себѣ въ голову, что получу отъ васъ письмо. Этого не случилось и я въ самомъ скверномъ настроеніи духа, что совершенно несправедливо: мнѣ слѣдовало бы быть благодарнымъ за прошлый разъ, знаю; но, что же вамъ угодно? Умоляю, божественная, съжальтесь надъ моею слабостью, налящите мнѣ, любите меня, и тогда я постараюсь быть любезнымъ. Прощайте, дайте ручку.

«Voici une lettre pour M-me votre tante. vous pouvez la garder si par hasard on n'est plus à Riga. Dites moi, peut-on être aussi étourdie que vous l'êtes? Comment une lettre adressée à vous, est-elle tombée en d'autres mains que les vôtres? mais comme ce qui est fait est fait—parlons de ce que nous aurons à faire.

Si M-r votre époux vous ennuit trop, quittez-le—mais savez vous comment? Vous laissez là toute la famille, vous prenez la poste vers Ostrof et vous arrivez... où? à Trigorsky? pas du tout: à Michailovsky. Voilà le beau projet qui me tracasse l'imagination depuis un quart d'heure. Mais concevez-vous quel serait mon bonheur? Vous me direz «et l'éclat, et le scandale? Que diable! en quittant un mari le scandale est complet, le reste n'est rien ou peu de chose. Mais avouez que mon projet est romanesque?—conformité de caractère, haine des barrières, organe du mal très prononcé, etc. etc.—Concevez-vous l'étonnement de M-me votre tante? Il s'ensuivra une rupture. Vous verrez votre cousine en secret, c'est le moyen de rendre l'amitié moins insipide—et Kern une fois mort—vous êtes libre comme l'air.... Et, bien, qu'en dites-vous? quand je vous disais que j'étais en état de vous donner un conseil hardi et imposant!

Parlons sérieusement, c'est-à-dire froidement: vous reverrai-je? l'idée que non me fait frissonner.—Vous me direz: consolez vous. Fort bien, mais comment? devenir amoureux? impossible. Il faut d'abord oublier vos spasmes—m'expatrier? m'étrangler? me marier? Tout cela présente de grandes difficultés—j'y repugne... Hal vos lettres, à propos. comment les recevrai-je? votre Tante ne veut pas de cette correspondance si chaste, si innocente (et le moyen... à 400 verst). Il est probable que nos lettres seront interceptées, lues, commentées et puis brûlées en cérémonie. Tachez de déguiser votre écriture et je verrai le reste. Mais écrivez-moi et beaucoup en long et en large et en diagonale¹⁾ (therme de géometrie).—Mais surtout donnez moi l'espérance de vous revoir.

¹⁾ Отъ слова «diagonale» черезъ девять строкъ вверхъ, до слова «cette» соггес — написано наискось: «Voilà ce que c'est que diagonale». (Вотъ, что значить диагональ).

Si non, je tacherai vraiment d'être amoureux autre part. j'oubliais: je viens d'écrire à Netty une lettre bien tendre, bien basse. Je raffole de Netty. Elle ets naïve—et vous ne l'êtes pas. Pourquoi n'êtes vous pas naïve? N'est-ce pas que je suis beaucoup plus aimable par poste qu'en face? he bien, si vous venez, je vous promets d'être extrêmement aimable—je serai gai lundi, exhalté mardi, tendre mercredi, leste jeudi, vendredi, samedi et dimanche je serai tout ce qu'il vous plaira et toute la semaine à vos pieds. adieu.

28 août.

Ne décachetez pas la lettre si jointe, ce n'est pas bien. M-me votre tante s'en facherait.

(Приписка сбоку). Mais admirez comme le bon Dieu mêle les choses: M-me O. décachette une lettre à vous, vous décachetez une lettre à elle, je décachette une lettre de Netty—et nous y trouvons tous de quoi nous édifier—vraiment c'est un charme!

28-го августа.

(Переводъ). Вотъ письмо къ вашей тетускѣ. Можете оставить его у себя въ случаѣ если ихъ болѣе нѣтъ въ Ригѣ. Скажите, можно ли быть такою вѣтренницей какъ вы? Какимъ родомъ письмо подъ вашимъ адресомъ попало не въ ваши, а въ другія руки? но такъ какъ что сдѣлано—то сдѣлано, то поговоримъ о томъ, что намъ дѣлать.

Если вашъ почтенный супругъ слишкомъ надобѣдаетъ вамъ, бросьте его, но знаете-ли какъ? Оставьте все ваше семейство, возьмите почтовыхъ въ Островъ и прѣзжайте.... куда? въ Тригорское? ничуть не бывало: въ Михайловское! Вотъ прекрасный проектъ, который уже съ четверть часа какъ мучить мое воображеніе. Но понимаете ли, какое бы это было для меня счастье? Вы скажете: «а огласка? а скандалъ?» Кой чорты! разставаясь съ мужемъ, дѣлають полнѣйшій скандалъ и все прочее—ничто, или очень мало. Но сознайтесь, что проектъ мой — романтическій? сходство характеровъ, ненависть къ преградамъ, органъ зла сильно развитый и проч., и проч. Вообразите себѣ удивленіе вашей тетуски! Слѣдствіемъ этого будетъ разрывъ. Вы будете вѣдаться съ вашей кузиной тайкомъ, при этомъ дружба становится слаще—а если Кернъ скончается, то вы будете свободны какъ воздухъ. И такъ, что вы на это скажете? Не говорилъ ли я вамъ, что я въ состояніи дать вамъ совѣтъ смѣлый и внушительный.

Поговоримъ серьезно, то есть, хладнокровно: увижу ли я васъ опять? Мысль, что нѣтъ, приводитъ меня въ трепетъ. Вы скажете: угѣштесь! очень хорошо, но чѣмъ и какъ? Влюбиться?—невозможно. Прежде всего надобно позабить ваши прелести. Бѣжать въ чужіе края? удавиться? жениться? Все это сопряжено съ большими затрудненіями и все это мнѣ отвратительно. А! встать о вашихъ письмахъ. Какимъ образомъ буду я ихъ получать? Тетуска ваша не желаетъ этой переписки—столь дѣломудренной, невинной (мудрено ей быть ином... за 400 верстъ). Письма наши, вѣроятно, ставутъ перехваты-

à la Netty, une lettre
) , bien habbe je raffole
Elle est naïve - et vous
car Pourquoi n'êtes
naïve. N'est-ce pas
heureusement plus aimable
qu'en face? hein? si
je vous promets d'être
aimable je serai
choisi mardi, mercredi
et jeudi, vendredi, samedi
et dimanche - je serais tout
un plaisir & toute la
vraie joie de votre
vie tout le
monde par la lettre si
n'est pas bien. M^d votre
facteur.

вать, читать, истолковывать, а потомъ жечь съ церемонією. Постарайтесь измѣнить вашъ почеркъ, а тамъ я увижу. Но пишите мнѣ, и много и въ длину и въ ширину и наискось, въ діагональ (геометрическій терминъ). Но, особенно, дайте мнѣ надежду опять увидѣться съ вами. Если нѣтъ, то я, право, постараюсь влюбиться гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Забылъ: я только что написалъ Нетти письмо очень шѣжвое, очень работѣльное. Съ ума схожу по этой Нетти. Она наивна, а вы—нѣтъ. Отчего вы не наивны? Не правда ли, а гораздо любезнѣе въ письмахъ, нежели при личной бесѣдѣ? Но если вы прійдете, я общаю вамъ быть любезнымъ до чрезвычайности—я буду веселъ въ понедѣльникъ, восторженъ во вторникъ, шѣженъ въ среду, довокъ и прытокъ въ четвергъ, въ пятницу, въ субботу и въ воскресенье—буду тѣмъ вамъ угодно и всю недѣлю у ногъ вашихъ. Прощайте.

Не распечатывайте прилагаемаго письма, это не хорошо. Ваша тетюшка на это разсердится.

Но подивитесь, какъ Господь Богъ смѣсилъ все: г-жа О(сипова) распечатываетъ письмо къ вамъ, вы распечатываете письмо къ ней, я распечатываю письмо Нетти—и для каждаго изъ насъ въ нихъ есть нѣчто назидательное. Право, это прелестно!

Прасковь Александровъ Осиповой.

«Oui, madame, honny soit qui mal y pense. ha, les méchants qui croient qu'une correspondance puisse mener à quelque chose! serait-ce par experience qu'ils le savent? mais je leur pardonne, faites en de même et continuons.

Votre dernière lettre (de minuit) est charmante; j'ai ri de tout mon coeur; mais vous êtes trop sévère envers votre aimable nièce; il est vrai qu'elle est étourdie, mais patience: encore une vingtaine d'années et elle se corrigera, je vous le promets; quand à sa coquetterie, vous avez tout-à fait raison, elle est désolante. Comment ne pas se contenter de plaire à Sire Kern, puisqu'elle a ce bonheur? Non, il faut encore qu'elle tourne la tête à M-r votre fils, à son Cousin! arrivée à Trigorsky il lui passe par l'esprit de captiver M-r Rokotof et moi: ce n'est pas tout; arrivée à Riga, elle voit dans sa maudite forteresse un maudit prisonnier, elle devient la coquette Providence de ce sacré катаржникъ! ce n'est pas tout vous m'apprenez qu'il y a dans l'affaire encore des uniformes! ha, par exemple, c'en est trop: M-r Rokotof le saura et nous verrons ce qu'il en dira. Mais, madame, croyez vous sérieusement qu'elle fasse la coquette indifferement? elle dit que non; j'aime à la croire, mais ce qui me rassure encore plus, c'est que tout le monde n'a pas la même manière de faire la cour, et pourvu que les autres soient respectueux timides et délicats, c'est tout ce qu'il me faut. Je vous remercie, madame, de n'avoir pas rendu ma lettre, elle étoit trop tendre, et dans les circonstances actuelles, ce seroit ridicule de ma part.

je m'en vais lui écrire une autre, avec l'impertinance qui me caractérise, et décidément, je m'en vais rompre avec elle; il ne sera pas dit que j'ai taché de porter le trouble au sein d'une famille; que Ерм. Фед. puisse m'accuser de n'avoir pas de Principes et que sa femme puisse se moquer de moi.—Que vous êtes aimable d'avoir trouvé le portrait ressemblant «hardie dans etc»—N'est-ce pas? Elle dit encore que non; mais c'est fini je ne la croirai plus.

Adieu, madame, c'est avec bien de l'impatience que j'attends votre arrivée—nous médions de la Netty du Nord que je regretterai toujours d'avoir vue et encore plus de....¹⁾ Pardonnez cet aveu un peu trop sincère à celui qui vous aime bien tendrement quoique bien différemment. Michailovs.»

(Переводъ). Такъ, милостивая государыня: honny soit qui mal y pense (стыдно тому, кто худо объ этомъ думаетъ). Ахъ, то-то злые люди тѣ, которые думаютъ, что переписка можетъ вести къ чемунибудь! Не по собственному-ли опыту они это знаютъ? но я прощаю имъ, то же сдѣлайте и вы, и будетъ продолжать.

Ваше послѣднее письмо (писанное въ полночь) прелестно; я отъ всего сердца смѣялся; но вы слишкомъ строги къ вашей любезной племянницѣ; правда, она вѣтренна, но терпѣние: дѣтъ черезъ двадцать она исправится, я вамъ это обещаю; что же касается до кокетства, то вы совершенно правы, оно въ отчаянѣе приводитъ. Какъ, не довольствоваться тѣмъ, чтобы нравиться ясновельможному господину Керну, коль скоро она имѣетъ это счастье? Нѣтъ, ей нужно еще кружить голову вашему сыну, своему двоюродному брату! Пріѣзжаетъ она въ Тригорское и ей вспадаетъ на мысль очаровать г. Рокотова и меня; этого мало: прибывъ въ Ригу, она видитъ въ ея проклятой крѣпости проклятаго заключеннаго и она дѣлается кокетливымъ Провидѣніемъ этого окаяннаго каторжника! Этого мало: вы увѣдомляете меня, что въ этомъ дѣлѣ замѣшаны и мундиръ! А, въ примѣру сказать, это уже черезчуръ! Объ этомъ будетъ доведено до свѣдѣнія г. Рокотова и мы увидимъ, что онъ на это скажетъ. Но, милостивая государыня, точно-ли вы серьезно думаете, что она кокетничаетъ безразлично? Она говоритъ, что нѣтъ; мнѣ пріятно было бы ей вѣрить и что меня еще болѣе убѣждаетъ въ этомъ, это именно то, что не всѣ ухаживаютъ на одинъ ладъ, и лишь бы другіе были почтительны, робки и деликатны—вотъ все, что мнѣ нужно. Благодарю васъ, милостивая государыня, что вы не отдали моего письма: оно было слишкомъ нѣжно, а при вынѣшнихъ обстоятельствахъ это было бы смѣшно съ моей стороны. Я напишу ей другое, со свойственною мнѣ дерзостью, и рѣшительно прерву съ ней всѣ сношенія; тогда не скажутъ, что я старался внести смуты въ нѣдра семьи; что Ермолай Фёдоровичъ можетъ обвинить меня, что я человекъ безъ правилъ, что жена его можетъ насмѣхаться надо мною.—Какъ вы любезны, найдя портретъ схожимъ: «смѣла въ» (своихъ поступкахъ). Не такъ ли? Она и отъ этого отпѣкивается, но дѣло кончено, а ей не ставу болѣе вѣрить.

¹⁾ Три совершенно зачеркнутыхъ слова.

Простите, сударыня, съ величайшимъ нетерпѣніемъ жду вашего возвращенія—мы послословнымъ съверную Нетты, по поводу которой всегда выражу сожалѣніе, зачѣмъ ее видѣлъ, и, еще того болѣе, зачѣмъ... Простите это немножко позднее признание тому, кто любить васъ очень вѣжно, хотя и совершенно иначе.

Михайловское.

Антъ Петровъ Керъ.

Au nom du ciel n'envoyez pas à M-me Os. la lettre que vous avez trouvée dans votre paquet. Ne voyez vous pas qu'elle étoit écrite uniquement pour votre édification particulière. Gardez là pour vous ou vous allez nous brouiller. J'avais entrepris de faire votre paix, mais j'en desespère après vos dernières étourderies... A propos—vous me jurez vos grands Dieux, que vous ne faites la coquette avec personne, et vous tutoyez votre cousin, vous lui dites: je méprise ta mère. C'est affreux; il falloit dire votre mère, et même il ne falloit dire rien du tout, car la phrase a diablement eu de l'effet. Jalousie à part, je vous conseille de rompre cette correspondance, en ami qui vous est véritablement dévoué sans phrases et sans simagrées. Je ne conçois pas quel est votre but de faire la coquette avec un jeune étudiant (qui n'est pas poète) à une distance aussi respectable. Quand il étoit près de vous, vous savez que je trouvais cela tout naturel—car il faut être raisonnable. Voilà qui est dit. N'est-ce pas? point de correspondance—je vous répons qu'il n'en sera pas moins amoureux.—Parlez-vous sérieusement en paraissant approuver mon projet? Annette en a eu la chaire de poule, et moi la tête m'en a tournée de joie; Mais je ne crois pas au bonheur, et cela est bien pardonnable. Voudrez-vous, ange d'amour, persuader une âme incrédule et flétrie?—Mais venez du moins à Pskov; cela vous sera facile.... le coeur me bat, ma vue se trouble, je languis à cette seule idée.—Ne seroit-elle qu'une vaine espérance, comme tant d'autres!!

...venons au fait: d'abord, il faut un pretexte: une maladie d'Annette qu'en dites-vous?—ou bien, ne ferez-vous pas un voyage à Petersb?—...vous me le ferez savoir, oui? Ne me trompez pas, bel ange! que je vous suis redevable de quitter la vie en connaissant le bonheur!—Ne me parlez pas d'admiration: ce sentiment n'en est pas un. Parlez moi d'amour; j'en ai soif. Mais surtout ne me parlez pas de vers.... Votre conseil d'écrire à S. M. m'a touché comme une preuve de ce que vous avez songé à moi—je t'en remercie à genoux, mais je ne puis le suivre—Il faut que le sort décide de mon existence; je ne veux pas m'en me-

ler... L'espérance de vous revoir encore belle et jeune, est la seule chose qui me soit chère.—encore une fois, ne me trompez pas.

22 Sept. Михайл.

Demain, c'est la faite de M-me votre tante; je serois donc à Trigorisky. Votre idée de marier Annette, pour avoir un refuge, est délicateuse, mais je ne la lui ai pas comunicuée. Repondez, je vous en supplie, aux points principaux de cette lettre, et je croirai que le monde vaut encore la peine d'être habité.»

Михайловское, 22-го сентября.

(Переводъ). Ради Бога, не отсылайте г-жѣ Ос(иповой) письмо, которое вы наши въ вашемъ конвертѣ. Развѣ вы не видите, что оно написано единственно ради особеннаго вамъ назиданія. Оставьте его у себя, или вы насъ посорите. Я задумалъ-было примирить васъ, но отчаялся въ этомъ послѣ вашего послѣдняго сумазбродства... Кстати, вы мнѣ клянетесь всѣми богами, что ни съ кѣмъ не кокетничаете, а между тѣмъ вы «на ты» съ нашимъ кузеномъ, вы говорите ему: я презираю твою мать; это ужасно! слѣдовало сказать: вашу мать, а даже и ничего не слѣдовало говорить, ибо фраза эта чертовски подѣйствовала. Ревность въ сторону, но я совѣтую вамъ прервать эту переписку, совѣтую какъ другъ истинно вамъ преданный, безъ фразъ и всякихъ кривляній. Не достигая, что у васъ за цѣль кокетничать съ молодымъ студентомъ (не поэтомъ) на такомъ почтительномъ разстояніи. Когда онъ былъ близъ васъ, вы знаете, что я находилъ это весьма естественнымъ, ибо надобно же быть разсудительнымъ. Дѣло конечно, не такъ-ли? Переписку прочь—ручаюсь вамъ, что онъ оттого менѣе влюбленъ не будетъ. Серьезно-ли вы говорите, одобряя, но видимо, мой проектъ? У Аннеты отъ этого морозъ пробѣжалъ по кожѣ, а у жены голова закружилась съ радости. Но я не вѣрю въ счастье и это весьма извинительно. Ужели, ангель любви, вы захотите разубѣдить душу недовѣрчивую и увядшую?—Но пріѣзжайте, по крайней мѣрѣ, во Псковъ ¹⁾, это вамъ будетъ легко.—Біеніе сердца моего усиливается, темнѣетъ въ глазахъ и истома овладѣваетъ мною при одной этой мысли.—Не будетъ ли она тщетною надеждою, какъ столь многія другія?!

Перейдемъ къ дѣлу: во первыхъ, нуженъ предлогъ: болѣзнь Аннеты; какъ вы думаете? Или не съѣздите-ли вы въ Петербургъ?—Вы объ этомъ увѣдомите меня, не правда-ли? Не обманите меня, милый ангелъ! Какъ обязанъ я вамъ, что разставусь съ жизнью — познавъ счастье!—Не говорите мнѣ о томъ, что восхищаетесь мною: восхищеніе не есть чувство. Говорите мнѣ о любви; вотъ чего я жажду. Но, въ особенности, не говорите мнѣ о стахахъ.—Вашъ совѣтъ написать его величеству тронулъ меня, какъ доказательство того, что вы обо мнѣ думали—благодарю тебя за него на колѣняхъ, но послѣдовать ему не

¹⁾ По ходатайству Жуковского, Пушкину было дозволено для совѣщанія съ докторами съѣздить во Псковъ. Это дозволеніе нимало не соответствовало его видамъ: онъ домогался полной свободы, это-же лишь на нѣсколько десятковъ верстъ расширило предѣлы его заточенія.

могу. Участь моего существованія должна рѣшиться судьба; я въ это дѣло не хочу вмѣшиваться.—Надежда опять увидѣться съ вами, все еще прелестною и молодою—есть единственная вещь, которою я дорожу. Еще разъ, не обманите меня.

Завтра день рожденія вашей тетушки; стало, я буду въ Тригорскомъ. Ваша мысль—выдать замужъ Аннетту, чтобы имѣть убѣжище, мысль прекрасная, но я не сообщала Аннеттѣ о ней. Отвѣчайте, умоляю васъ, на главнѣе пункты этого письма и я повѣрю, что мнръ еще стоитъ труда, чтобы жить въ немъ.

«Vous êtes désolante; j'étais en train de vous écrire des folies, qui vous eussent fait mourir de rire, et voilà que votre lettre vient m'attrister au beau milieu de ma verve. Tachez de vous défaire de ces spasmes qui vous rendent si interessante mais qui ne valent pas le diable, je vous en avertis. Pourquoi faut il donc que je vous gronde? Si vous aviez le bras en écharpe, il ne falloit pas m'écrire, quelle mauvaise tête!

Dites moi donc, que vous a-t-il fait ce pauvre mari? N'est-il pas jaloux par hasard? he bien, je vous jure qu'il n'aurait pas tort; vous ne savez pas (ou ce qui est bien pire) vous ne voulez pas ménager les gens. Une jolie femme est bien mattresse... d'être la mattresse. Mon Dieu, je n'irai pas prêcher de la morale. mais encore, on doit des égards au mari, Si non personne ne voudrait l'être. N'opprimez pas trop le métier; il est necessaire de par le monde. Tenez, je vous parle à coeur ouvert. A 400 v. de distances vous avez trouvé le moyen de me rendre jaloux; Q'est-ce donc que cela doit être à 4 pas? (NB. Je voudrais bien savoir pourquoi M-r votre cousin n'est parti de Riga que le 15 du courant, et pourquoi son nom s'est-il trouvé 3 fois au bout de votre plume dans votre lettre à moi? Sans indiscretion, peut-on le savoir?)¹⁾.

Pardon, Divine, si je vous dis franchement ma façon de pensée; c'est une preuve du véritable intérêt que je vous porte; je vous aime beaucoup plus que vous ne croyez. Tachez donc de vous accomoder tant soit peu de ce maudit M-r Kern. Je conçois bien que ce ne doit pas être un grand genie, mais enfin ce n'est pas non plus tout à fait un imbecille. De la douceur, de la coquetterie (et surtout, au nom du ciel, des refus, des refus et des refus) le mettrons a vos pieds, place que je lui envie du fond de mon âme; mais que voulez vous? Je suis au desespoir du départ d'Annette, quoiqu'il en soit il faut absolument que vous veniez cet automne ici ou bien à Pskov. On pourra pretexter une maladie d'Annette. Qu'en pensez-vous? répondez moi, je vous en supplie,

¹⁾ Строки, замкнуты въ скобкахъ, нѣсколько разъ перечеркнуты въ оригиналѣ.

et n'en dites rien à A. Voulf.—vous viendrez? n'est ce pas?—jusque là ne decedez rien à l'égard de votre mari.—Vous êtes jeune, une carrière entiere est devant vous—lui... Enfin soyez sur que je ne suis pas de ceux, qui ne conseilleront jamais un parti violent—quelquefois c'est inévitable—mais d'abord il faut raisonner et ne pas faire d'éclat inutile.

Adieu, il fait nuit, et votre image m'apparait toute triste et toute voluptueuse—je crois voir votre regard, votre bouche entrouverte—Adieu—je crois etre a vos pieds je les presse, je sens vos genoux—je donnerai tout mon sang pour une minute de réalité. Adieu et croyez à mon délire: il est ridicule mais vrai».

(Переводъ). Вы приводите въ отчаяніе; я только что собирался писать вамъ о дурачествѣхъ, отъ которыхъ вы поинирали бы со смѣху, и вдругъ ваше письмо опечалило меня въ самый разгаръ моего увлеченія. Постарайтесь отдѣлаться отъ этихъ спазмъ, хотя и придающихъ вамъ привлекательности, но ни чорта не стоющихъ, увѣраю васъ. За что же мнѣ слѣдуетъ бранить васъ? Если у васъ была рука на перевязи, не слѣдовало писать ко мнѣ. Что за сумасбродство!

Скажите пожалуйста, въ чемъ же это провинился передъ вами бѣдный мужъ? Ужъ не ревнуетъ ли онъ, чего добраго? Что же, скажу вамъ, что былъ бы и правъ; вы не умѣте (или, еще того хуже), не хотите шадить людей. Хорошенькая женщина властна.... имѣть любовниковъ ¹⁾. Боже мой, не стану я проповѣдывать морали, но опять же, къ мужу должно питать уваженіе, иначе никто не захотѣлъ бы быть мужемъ. Ради всего на свѣтѣ, не прибѣгайте къ насильственнымъ мѣрамъ. Послушайте, право, я говорю вамъ отъ всего сердца. За 400 верстъ вы ухитрились возбуждать во мнѣ ревность; что же должно быть въ 4-хъ шагахъ? (NB. Весьма желательно мнѣ знать, почему двоюродный вашъ братецъ выѣхалъ изъ Риги лишь 15-го числа текущаго мѣсяца и почему имя его три раза сорвалось съ вашего пера въ вашемъ письмѣ ко мнѣ? Нескромность въ сторону: нельзя-ли это узнать?). Простите, божественная, если я откровенно высказываю вамъ мой образъ мыслей; это доказательство истиннаго моего къ вамъ участія; я люблю васъ гораздо болѣе, нежели вы думаете. Постарайтесь же мало-мальски поладить съ этимъ проклятымъ г. Кервомъ. Очень хорошо знаю, что онъ не долженъ быть великимъ гениемъ, но все же онъ и не набитый дуракъ! Кротость, кокетливость (и, въ особенности, Бога ради—отказы, отказы и отказы) повергнуть его къ вашимъ ногамъ—мѣсто, которому я завидую отъ всей глубины моей души; но, какъ быть! Я въ отчаяніи отъ отъѣзда Аннетты; во что бы то ни стало, но вамъ непремѣнно должно пріѣхать осенью, сюда или во Псковъ. Предлогомъ можетъ быть болѣзнь Аннетты. Какъ вы объ этомъ думаете? Отвѣчайте мнѣ, умоляю, и ни слова объ этомъ А. Вульфю. Пріѣдете? Не правда-ли? До тѣхъ поръ не рѣшайте ничего относительно вашего мужа. Вы молоды, дѣлая будущность передъ вами—онъ же... Наконецъ, будьте увѣрены, что я не изъ тѣхъ, которые неспособны когда либо совѣтывать рѣзкія мѣры—иногда это неизбежно, но всего прежде слѣдуетъ рассуждать, не дѣлая бесполезнаго взрыва.

¹⁾ Во французскомъ подлинникѣ непереводимая игра словъ: être maitresse—быть властною, и être maitresse—быть любовницею.

Прощайте; теперь ночь в образъ вашъ является мнѣ печальный и сладострастный—я какъ будто вижу вашъ взглядъ, вашъ полу-открытый ротикъ. Прощайте,—мнѣ кажется, что я у ногъ вашихъ, жму ихъ, чувствую ваши колѣни—всю кровь мою отдалъ бы я за минуту дѣйствительности. Прощайте и вѣрьте бреду моему: онъ смѣшонъ, но искренень.

Въ исходѣ ноября 1825 года по всей Россіи разнеслась вѣсть о кончинѣ императора Александра I. Пушкинъ, въ письмѣ своемъ къ П. А. Катенину, радостно привѣтствовалъ восшествіе на престолъ Константина: «Бурная его молодость,—говорилъ онъ,—напоминаетъ Генриха V; отъ новаго царствованія я ожидаю много хорошаго». Въ числѣ этихъ ожиданій не послѣднее мѣсто занимала въ сердцѣ Пушкина надежда на возвращеніе изъ ссылки. Въ ожиданіи лучшихъ дней, поэтъ, болѣе чѣмъ когда либо, тяготился своимъ уединеніемъ. Въ это тоскливое безвременье онъ получилъ присланное отъ Анны Петровны Кернъ, предъ ея отъѣздомъ въ Спб. изъ Риги, новое изданіе сочиненій Байрона. Глубоко тронутый этою внимательностью женщины тогда страстно любимой, Пушкинъ не замедлилъ отвѣтомъ—и 8-го декабря 1825 г. писалъ ей слѣдующее письмо:

Аннѣ Петровнѣ Кернъ.

«Je ne m'attendais guere, enchanteresse, à votre souvenir, c'est du fond de mon âme que je vous en remercie. Byron vient d'acquérir pour moi un nouveau charme—toutes ses heroines vont revêtir dans mon imagination des traits qu'on ne peut oublier. C'est vous que je verrai dans Gulnare et dans Leila—l'idéal de Byron lui même ne pouvoit être plus divin. C'est donc vous, c'est toujours vous que le sort envoie pour enchanter ma solitude! Vous êtes l'ange de consolation—mais je ne suis qu'un ingrat, puisque je murmure encore. Vous allez à Petersbourg, mon exil me paise plus que jamais. Peut-être que le changement qui vient d'arriver me rapprochera de vous, je n'ose l'esperer. Ne croyons pas à l'esperance, ce n'est qu'une jolie femme, elle nous traite en vieux maris. Que fait le votre, mon doux génie? Savez que c'est sous ses traits que je m'imagine les ennemis de Byron, y compris sa femme.

8 dec.

Je reprends la plume pour vous dire que je suis a vos genoux, que je vous aime toujours, que je vous deteste quelquefois, qu'avant hier j'ai dit de vous des horreurs, que je vous baise vos belles mains, que je les rebaise encore en attendant mieux, que je n'en peux plus, que vous êtes divine etc.»

(Приписка рукою Анны Николаевны Вульфъ). Enfin chère amie P(ouchkine) m'a apporté aujourd'hui une lettre de toi. Il étoit bien tems que je reçoive de tes nouvelles, car je ne savois plus que penser de ton silence; cependant je n'y vois pas ce qui pouvoit t'empêcher de m'écrire, et je ne puis voir à quelle lettre tu me réponds est ce à celle que je t'ai écrit par m-lle Nindale, ou à une autre tes lettres me déroutent toujours. Alexis m'avoit écrit que tu avois abandonnée tous tes projets de départ, et que tu étois résolue de rester. Je commençois donc à devenir tranquille sur ton compte quand ta lettre vient me détromper si désagréablement! Pourquoi ne me dis tu rien de positif et te plais tu à me laisser ainsi dans l'inquietude.—ne crains rien pour tes lettres tu peux m'écrire maintenant simplement à mon adresse à Аночка. on ne lit plus mes lettres, elles traînent toujours par Novorgoff et peuvent même se perdre Ton projet pour Petersbourg est il arrêté pour sur. l'évenement qui vient d'arriver ne changera pas ce projet? Byron t'a reconcilié avec P(ouchkine), il t'envoie l'argent 125 roubles qu'il coute aujourd'hui même, la poste prochaine je tacherai de t'envoyer ce que je te dois, je suis bien fâchée de t'avoir fait attendre si longtems. pour le moment je ne puis en parler à ma Mere qui est très malade, elle est au lit depuis plusieurs jours, elle a une hiesipèle à la figure. Que te dirais je encore. je compte absolument partir pour Twer cet hiver, en attendant je languis je souffre et je patiente, écris moi plus vite. Betcher est depuis longtems à Ostroff, но намъ отъ этого не легче. Прощай мой другъ, pour jamais ton amie Annette.

(Переводъ). Никакъ не ожидалъ я, очаровательница, чтобы вы обо мнѣ вспомнили, и отъ глубины души благодарю васъ. Байронъ приобрѣлъ въ глазахъ моихъ новую прелесть—всѣ его героини въ моемъ воображеніи облекаются въ черты незабвенныя. Васъ буду видѣть я въ Гюльварѣ и въ Ленгѣ; самый идеалъ Байрона не могъ быть такъ божественно прекрасенъ. И такъ, васъ, и всегда васъ, судьба посылаетъ для улаженія моего уединенія! Вы—ангелъ-утѣшитель, а я ничто иное, какъ неблагодарный, потому что еще рошу. Вы ѣдете въ Петербургъ, мое изгнаніе тяготитъ меня болѣе, чѣмъ когда либо. Можетъ быть, происшедшая перемѣна приблизитъ меня къ вамъ; не смѣю надѣяться. Не станемъ вѣрить надеждѣ, она ничто иное, какъ хорошенькая женщина, которая обходится съ нами, какъ со старыми мужьями. А что подѣлываетъ вашъ, мой кроткій геній? Знайте, что подъ его чертами я воображаю себѣ враговъ Байрона, съ его женою включительно.

Опять берусь за перо, чтобы сказать вамъ, что я у ногъ вашихъ, что я все васъ люблю, что иногда ненавижу васъ, что третьяго дня говорилъ про васъ ужасныя вещи, что я дѣлаю ваши прелестныя ручки, что дѣлаю ихъ еще въ ожиданіи лучшаго, что больше силъ моихъ вѣтъ, что вы—божественны и проч.

(Приписка Анны Вульфъ). Наконецъ, милый другъ, Пушкинъ привезъ

миѣ сегодня твое письмо. Давно была пора получить миѣ вѣсточку о тебѣ, такъ какъ я уже не знала, что и подумать о твоёмъ молчаніи; однако же, не вижу и изъ письма, что могло тебѣ мѣшать писать ко миѣ, и не могу понять, на которое письмо ты миѣ отвѣчаешь. На то-ли, которое я тебѣ писала чрезъ м-ше Нянделъ, или на другое? Твои письма всегда меня съ толку сбиваютъ. Алексѣй писалъ миѣ, что ты отложила всё свои намѣренія объ отъѣздѣ и рѣшилась остаться. Я начинала успокаиваться на твой счетъ, какъ вдругъ письмомъ твоимъ такъ неприятно разубѣждаетъ меня! Почему ты не говоришь миѣ ничего положительнаго, а оставляешь такимъ образомъ въ неизвѣстности? За письма свои ничего не бойся, теперь можешь писать миѣ просто на мой адресъ: А вночкѣ. Писемъ моихъ болѣе не читаютъ; они тащатся чрезъ Новоржевъ и могутъ даже затеряться. Положительно-ли рѣшенъ твой отъѣздъ въ Петербургъ? Не измѣнитъ-ли твоего намѣренія теперашнее событіе? Байронъ помирилъ тебя съ Пушкинымъ, онъ посылаетъ тебѣ деньги 125 руб., его нынѣшнюю цѣну. Съ будущею почтою постараюсь прислать тебѣ мой долгъ; весьма досадно, что заставила тебя такъ долго дожидаться. Теперь не могу сказать о немъ матери; она очень больна и уже нѣсколько дней въ постели: у нея роза на лицѣ. Что тебѣ еще сказать? Нынѣшнею зимою надѣюсь непремѣнно ѣхать въ Тверь; покуда тоскую, страдаю, терплю. Пяши поскорѣе. Бетхеръ давно уже въ Островѣ, но намъ отъ того не легче. Прощай, мой другъ, навсегда твой другъ Аннетта.

Черезъ нѣсколько дней по отсылкѣ этого письма, Пушкинъ былъ въ Тригорскомъ. Рано наступилъ зимній вечеръ; все семейство П. А. Осиповой сидѣло за чаемъ; милый ихъ гость, рассказывая по комнатѣ, по обыкновенію шутилъ, былъ очень говорливъ, любезенъ. Вдругъ служанка докладываетъ, что поваръ Арсеній, на-дняхъ посланный въ Петербургъ за покупками, возвратился ни съ чѣмъ и желаетъ видѣть барыню. Введенный въ комнату, Арсеній объявилъ во всеуслышаніе, что въ Петербургѣ—бунтъ, повсюду разбѣды, караулы; ему едва удалось нанять почтовыхъ и, сломя голову, прискатать въ Тригорское...

Онъ говорилъ о мятежѣ 14-го декабря.

Это извѣстіе, произведя тяжкое впечатлѣніе на Прасковью Александровну и на все ея семейство, глубоко потрясло Пушкина: онъ страшно побѣднѣлъ и весь вечеръ былъ чрезвычайно угрюмъ и задумчивъ. При разговорѣ о роковомъ событіи, онъ упомянулъ о существованіи какого-то тайнаго общества (что именно, того одна изъ свидѣтельница, младшая дочь г-жи Осиповой, Марія Ивановна, не помнитъ); потомъ распростился съ хозяйкою, ея семействомъ и поспѣшилъ въ Михайловское.

На слѣдующій день, раннимъ утромъ, Пушкинъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ, невѣдомо съ какою цѣлью. Невѣдомо также—догадывался-ли онъ, что въ мятежѣ принимали дѣятельное участіе его

друзья: К. Θ. Рылѣвъ, А. А. Бестужевъ, В. К. Кюхельбекеръ, И. И. Пущинъ... Не тревожила-ли его мысль: незамѣшанъ-ли братъ его въ этомъ мятежѣ?...

Какъ бы то ни было, онъ рѣшился ѣхать изъ Михайловскаго и суевѣрiю своему былъ обязанъ своимъ спасенiемъ. Выѣхавъ за ворота, онъ встрѣтилъ священника; не проѣхалъ и версты, какъ дорогу ему перебѣжали три зайца: эти худыя—по народному повѣрiю—предзнаменованiя испугали Пушкина—и намѣренiе его было отложено. Это событiе сохранилось въ семейныхъ преданiяхъ Пушкиныхъ, точно такъ же какъ и чудное спасенiе Льва Сергѣевича въ роковой день 14-го декабря. Знакомый съ К. Θ. Рылѣвымъ, братъ Пушкина, самый этотъ день, вѣдущая съѣздить къ Кондратию Федоровичу (жившему у Синяго моста, въ домѣ Россiйско-Американской компанiи). Въ отсутствiе Льва Сергѣевича, отецъ его, до слуха котораго дошла вѣсть о событiяхъ на Исаакiевской площади и о лицахъ, въ немъ замѣшанныхъ, въ ужасѣ за участь сына, сталъ молиться Богу.... Въ самое это время, невѣдомо какимъ образомъ, лошадь Льва Сергѣевича понесла его и онъ очутился на Смоленскомъ полѣ (?!), откуда возвратился домой по окончанiи катастрофы, когда К. Θ. Рылѣвъ и нѣкоторые другiе изъ членовъ тайнаго общества были уже арестованы ¹⁾.

Въ началѣ 1826 года, въ самый разгаръ дѣятельности въ слѣдственной комиссиі по дѣлу о декабристахъ и о членахъ южнаго общества, Пушкинъ, въ полномъ сознанiи своей непричастности ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, рѣшился на новую попытку къ своему освобожденiю изъ ссылки. На этотъ разъ, кромѣ возобновленнаго фантастическаго аневризма, поэтъ сослался на свою политическую благонадежность. Препроводивъ къ псковскому губернатору Адеркасу прошенiе на высочайшее имя о дозволенiи ему ѣхать въ Петербургъ, въ Москву или въ чужіе края для излеченiя, Пушкинъ приложилъ медицинское свидѣтельство и требовавшееся тогда обязательство:

¹⁾ За десять лѣтъ изданiя «Русской Старины», изъ разсказовъ и воспоминанiй о 14-мъ декабрѣ 1825 г., составила дѣлая литература, какъ видно изъ слѣдующаго перечня: 1870 г. изданiе третье, томъ I: Записки М. А. Бестужева (стр. 258); Записки М. И. Глинки (стр. 347—348). Томъ II: Записки В. И. Фелькнера (стр. 202); Письмо императора Николая I (стр. 558). 1873. Томъ VII: Разсказъ И. О. Сухозанета (стр. 361); С. Муравьевъ-Апостолъ (стр. 653). 1874 г. Томъ XI: Воспоминанiя О. А. Пржецлавскаго (стр. 681—682). 1875 г. Томъ XII: Воспоминанiя П. А. Каратыгина (стр. 719). 1876 г. Томъ XV: «Моя жизнь» Θ. Г. Солнцева (стр. 320—322) и проч. Кромѣ того, очень много мелкихъ статей и замѣтокъ, къ этому событiю относящихся.

«Я, нижеподписавшійся, обязуюсь впредь ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они именемъ ни существовали, не принадлежать; свидѣтельствую при семъ, что я ни къ какому тайному обществу такому не принадлежалъ и не принадлежу и никогда не зналъ о нихъ (подписано): 10-го класса Александръ Пушкинъ, 11-го мая 1826 года».

Прибѣгая при этомъ, по обыкновенію, къ покровительству Жуковскаго, Пушкинъ писалъ къ нему: «Я не писалъ къ тебѣ, во первыхъ, потому, что мнѣ было не до себя; во вторыхъ, за немѣнимъ вѣрнаго случая ¹⁾). Вотъ въ чемъ дѣло: мудрено мнѣ требовать твоего заступленія предъ Государемъ; не хочу охмѣлить тебя въ этомъ пиру. Вѣроятно правительство удостовѣрилось, что я заговору не принадлежу и съ возмутителями 14-го декабря связей политическихъ не имѣлъ; но оно въ журналахъ объявило опалу и тѣмъ, которые, имѣя какія нибудь свѣдѣнія о заговорѣ, не объявили о томъ полиціи. Но кто-же кромѣ полиціи и правительства не зналъ о немъ? О заговорѣ кричали по всѣмъ переулкамъ, и это одна изъ причинъ моей безвинности. Все таки я отъ жандарма еще не ушелъ; легко можетъ, уличать меня въ политическихъ разговорахъ съ какимъ нибудь изъ обвиненныхъ. А между ими друзей моихъ довольно (оба-ли Раевскіе взяты, и въ самомъ-ли дѣлѣ они въ крѣпости? Напиши, сдѣлай милость). Теперь, положимъ, что правительство и захочетъ прекратить мою опалу; съ нимъ я готовъ условливаться (буде условія необходимы): но вамъ рѣшительно говорю—не отвѣчать и не ручаться за меня. Мое будущее поведеніе зависить отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства, etc.

«Итакъ остается тебѣ положиться на мое благоразуміе. Ты можешь требовать отъ меня свидѣтельствъ объ этомъ новомъ качествѣ. Вотъ они:

«Въ Кишиневѣ я былъ друженъ съ маіоромъ Раевскимъ, съ генераломъ Пуцинымъ и Орловымъ.

«Я былъ масонъ въ Киш(иневской) ложѣ ²⁾), т. е. въ той, за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи.

¹⁾ Письмо было отправлено не по почтѣ, но съ довѣреннымъ лицомъ, ѣхавшимъ въ Петербургъ.

²⁾ И. П. Липранди въ Воспоминаніяхъ своихъ говоритъ, что главнымъ мастеромъ этой ложи былъ докторъ Шульеръ, или П. С. Пуцинъ. Въ числѣ членовъ былъ болгарскій архимандритъ Ефремъ. Болгары и арнауты, вообразивъ однажды, что Ефремъ взять силою въ подвалъ дома Капикки (въ которомъ происходили засѣданія ложи), силою ворвались туда и вывели архимандрита. Это событіе стало сказкою всего Кишинева и много повредило Навлу Сергѣевичу Пуцину.

«Я, наконецъ, былъ въ связи съ большою частью нынѣшнихъ заговорщиковъ.

«Покойный императоръ сославъ меня могъ только упрекнуть меня въ безвѣріи.

«Письмо это неблагоразумно, конечно; но должно же довѣрять иногда къ счастью. Прости, будь счастливъ. Это, покаместъ, мое первое желаніе.

«Прежде чѣмъ сожжешь это письмо, покажи его Кар(амвину) и посоветуйся съ нимъ. Кажется, можно сказать царю: В. В. если Пушкинъ не замѣшанъ, то нельзя ли наконецъ позволить ему возвратиться?

«Говорятъ ты написалъ стихи на смерть Александра I. Предметъ богатый! Но въ теченіи десяти лѣтъ его царствованія лира твоя молчала. Это лучший упрекъ ему. Никто болѣе тебя не имѣетъ права сказать: гласъ лиры—гласъ народа, слѣдств(енно) я не совѣмъ былъ виноватъ, подвистывая ему до самаго гроба».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Слово надгробное блаженныя памяти боголюбивому Выго-пустын-
наго общежителства Екклесіарху Петру Прокопьевичу; сочи-
нено того же общества господиномъ Кинновархомъ Андреемъ
Діонисіевичемъ.

Помѣщаемое нынѣ «надгробное слово» сказано извѣстнымъ расколуучите-
лемъ Андреемъ Денисовымъ при погребеніи его родственника Выговскаго
ересеіерарха князя Петра Прокопьевича Мышетскаго. Это слово весьма
интересно, какъ по языку и формѣ изложенія, указывающей на школу, такъ
и по содержанію. Здѣсь въ живой картинѣ изображена первоначальная исто-
рія поморскихъ раскольниковъ, до нѣкоторой степени исторія устройства
Выговской пустыни и взглядъ самого Денисова на значеніе этой пустыни.
Правду сказать, настоящее слово страдает длиннотою; но внутренній инте-
ресъ слова былъ такъ высокъ для той среды, въ которой оно было обращено,
что для этой среды длиннота вовсе не была замѣтна; слово поглощало все
вниманіе слушателей, и ораторъ зналъ это очень хорошо, а потому имѣлъ
полное право, даже въ художественномъ отношеніи, не стѣсняться длиннотою.

31-го іюля 1870 г. Москва.

Ив. Д. Бѣляевъ.

Примѣчаніе. Интересный документъ, сообщенный намъ извѣстнымъ про-
фессоромъ и глубокимъ знатокомъ старинной русской жизни—Иваномъ Дми-
тріевичемъ Бѣляевымъ (нынѣ уже покойнымъ), пролежалъ въ нашемъ гро-
мадномъ собраніи рукописей десять лѣтъ. Именно тотъ недостатокъ, на ко-
торый самъ указалъ Иванъ Дмитріевичъ—длиннота «слова» помѣшила намъ
дать ему мѣсто на страницахъ «Русской Старины» гораздо рѣже. Достоува-
жаемый Академикъ А. О. Бычковъ, весьма обязательно просмотрѣвшій, по
нашей просьбѣ, этотъ напечатанный въ корректурѣ, далъ и съ своей стороны за-
ключеніе, что «не смотря на свою многоглаголивость, слово заключаетъ въ
себѣ нѣсколько любопытныхъ историческихъ данныхъ для раскола».

Ред.

Кто есть человекъ (возглашающу пророку) иже поживеть и не узритъ смерти. Кто отъ Адама рожденныхъ, земля еси и въ землю паки пойдеши Адаму реченныхъ избѣжати възможеть. Кто смертныхъ страшнаго сего смертнаго таинства воспріяти не въздолженствуетъ. Елма убо, о боголюбивая чада пустынная, потанся отъ насъ церковнаго благолѣпія торжественникъ; скрыся отъ нашею очію любезный боголюбія ревнитель; покрься смертными облаки братская красота; умолча языкъ сладость слова божія точащій; затворишася уста молитвы соборныя къ Богу и святымъ его мироухающая; зайде, сладкій нашего зрѣнія свѣтъ; скрыся отъ очію нашею любезная свѣща; взяся въ горкія сія дни пустынное утѣшеніе; скончася въ скорбное сіе время рабъ божій Петръ, бодрый служитель церковный. Чесо ради никто здѣ отъ боголюбивыхъ возможе сіе разлученіе понести безъ жалостнаго сердца, никто безъ скорбныя души, никто безъ плачевнаго лица. Всеи же жалостными уязвишася сердца: старѣйшіи возскорбѣша, церковнии восплакаша, общежители возслезиша, скитяне воыридаша, сироты восклипаша; вси же возтужиша таковаго усерднаго красителя церковнаго, таковаго разженнаго слову Божію служителя, таковаго ревнителя къ дѣлу Божію тпателя и въ скорбныхъ случаяхъ вселюбовна утѣшителя, и въ напастехъ скоро молитвами вооружителя, и тепла всѣхъ къ молитвамъ возбудителя. Тѣмъ же убо неправедно намъ мнѣтся быти таковаго слову красителя безъ слова гробу отдати, и якоже въ земли тѣло, сице въ молчаніи жизнь его скутати, и ниже любви духовныя, ниже родственныя вспомнить, и лишити себе же и прочія любовныя сладкаго того изображенія, и якоже невримъ есть тѣломъ, не зрѣти его душевными очима оставити. Аще бо грубѣйшіе отъ поселянъ умершія своя частыми воспоминаніи повѣствуютъ, и поселянская его дѣла, елика или въ ратайствѣ дивна, или въ ловительствѣ чудна, или въ домостройствѣ имъ мнѣтся добра, та вся высоко вѣщаютъ и другъ другу проповѣдуютъ, и на гробъ приходяще, и другъ другу любовнаго своего показующе, дѣла его и словеса възвышаютъ, много себѣ тѣми повѣстми утѣшеніе устроюще. Не много ли паче намъ, мужа сего въ духовныхъ подвижѣхъ отъ юности усердно подвизавшагося и многія сладости и любви духовныя намъ виновнаго словомъ изобразити должно есть; не яко да онъ воспочтится, не требуетъ бо сего смиренная она душа; но да мы словомъ изображена его, яко жива зряще утѣшаемся и поелику възможно пользы наслаждаемся, и воспоминающе любовно любовнаго нашего любви точителя, любовно на поминаніе души его воздвигнемся; чесога у насъ нынѣ, якоже саморучнымъ его писаніемъ, сице душею его просить и желаетъ и любовно пріемлетъ. Убо всежалостная чада церковная, по-

неже любовными вашими пламы скорбите и желаете достойнаго желанія сего мужа зрѣти же и бесѣдовать съ нимъ; приидите нынѣ отремъ слезы отъ очію нашею и жалость сердца нашего, и съ повѣстію сею походимъ съ нимъ умными очима, и воспомнимъ краткостію слова пребываніе его съ нами, и пове сице сотворимъ утѣшеніе себѣ отъ многія жалости.

Бѣ бо сей рабъ божій отъ юны версты наученъ красоты благочестія, и отъ прятія родитель възрожденъ вѣдѣніемъ древняго благовѣрія, якоже и отчество его и вся поморская страна, яко веліе прародительное наслѣдіе святыхъ отецъ древнее благочестіе прятіемъ другъ отъ друга любываша, и отцы сыномъ и тѣмъ же своимъ чадомъ преподаша вѣдѣніе и слышаніе святоотеческаго православія, съ кѣмъ поученіемъ и просвѣщеніемъ сей рабъ божій воспитовашеся. Не отъ невѣждъ же нѣкіихъ и слова непричастныхъ древлецерковное благочестіе всероссійское всей поморской страны въ нынѣшняя времена смущенная проповѣдася и уяснися. Сице и рожденіе сего отъ прародителей и родителей, отъ нихъ же послѣдованіемъ благовѣріе воспріять, не невѣдущихъ писанія произвоидтся, якоже слово ниже хощетъ показати.

Егда бо грѣхъ ради нашихъ Никономъ патріархомъ перемѣна благочестивыхъ святоотеческихъ уставовъ учинися, и свѣтлое свѣтлѣйшихъ святыхъ отецъ чиносодержаніе отлагашеся, своя же его уставоположенія утвержахуся, и знаменающіися крестнымъ знаменіемъ по святыхъ отецъ божіимъ уставомъ, тѣмъ проклиналхуся, и по старопечатнымъ и старописаннымъ святымъ святоцерковнымъ и царственнымъ и архіереосвидѣтельствованнымъ книгамъ содержателіе благочестія, знаменосцы же и чести достойные отцы яко злодѣи тогда прогоняхуся и вѣзахуся и мучении тяжкими искушашуся, и тѣмъ тяжка покры тогда Росію, мечъ и огонь поймающъ села и дома и пустынная мѣста за содержаніе древняго святоотеческаго благочестія; отъ глѣтъ сіе смущеніе седмыя тысящи сто шестьдесятъ втораго году, съ Никонова патріаршества. Отъ тогда противящійся Никонovu новопреданію и опасный хранитель святоотеческихъ древнихъ содержаній, священный архіерей и божій человекъ, Павелъ епископъ коломенскій, за имя Божіе и за свидѣтельство Ісусъ Христово за древлецерковное православіе, мужъ святъ и достойный чести, съ безчестіемъ посланъ быше въ заточеніе въ поморскую нашу страну, въ Олонекскій уѣздъ, въ Палеостровскій монастырь; паче же рещи яко нѣкій Моисей и Ааронъ божіимъ изволеніемъ на утверженіе новаго израиля, безалобивыхъ и богобоязливыхъ поморскихъ людей присланъ быше. Идеже нѣсколько время пребывъ, поучая свободно народы, утверж-

дая жити въ святоотеческомъ благочестіи, нововыниклыхъ уставовъ Никоновыхъ соблюдаться наказуя. Коего ученія и благословенія архіерейскаго страны сея жители вкупѣ же и родители сего раба божія Петра слышатели же и свидѣтели зѣло бяху.

По сихъ же явился инъ мужъ святъ и благочестивъ, игумень Досифей съ Тихвины Николи Бесѣднаго монастыря, благочестія ради крѣпяся, старостію и добродѣтелями украшенный, иже часто прибѣгая въ пустынной нѣкоей Куржетской обители, ея строеніи преподобнаго нѣкоего старца Ефросина, въ ней же и святыя церкви бяху. Въ нихъ же собираяся со многими отцы, великими постники и знаменосцы, иже отъ многихъ странъ и отъ Соловецкія обители изшедши, яко ангели нѣкія, земніи и небесніи человекы, службу Богови за весь міръ приношаху и житіемъ добродѣтельнымъ просвѣщаху. И бяху мнози въ нихъ разумомъ божественнаго писанія обогащени и безстрастія свѣтомъ просвѣщени, священнаго и иноческаго чина знаменосцы. Откуда тогда въ зиму гоненія лютаго на благочестіе весна сіяше пресвѣтла отъ оныхъ знаменосцевъ благовѣрія. Тогда мнози отъ знаемыхъ и сродныхъ сего раба божія во ону обитель приходяху и просвѣщавшася, исповѣдашася и святыхъ безсмертныхъ таинъ причащавшася. Аще и послѣжде защитницы Никоновы и ненавистницы древлесодержательнаго благочестія, архіерейстии посланніи съ Новаграда, оле плача и жалости! не токмо разпудипа стадо Христово (по реченному апостоломъ: всѣ хотящія благочестно пожити о Христвѣ Ісусѣ гоними будутъ); но и святыя церкви тѣя въ Куржетской обители огнемъ пожгоша. Обаче одушевленные церкви благодатныя, по апостолу,—вы есте церкви Бога жива, старожитніи они отцы остальцы Соловецкія и прочихъ обителей, крѣяхуся по пустынямъ поморскимъ около Онега езера, пачеже около отчества сего поминаемаго нами Петра, Повѣнца именуемаго. И тако древлеправославное благочестіе храняшеся и проповѣдашеся, и въ домѣхъ благочестивыхъ богобоязливыхъ мужей свѣтяшеся, и пустынная мѣста благочестивыми отъ гоненія наполневахуся. И сей рабъ божій Петръ отъ младенчества благочестивыми повѣстми питаемъ со сродники своими возрастааше. И тако не токмо отъ издревле сіе наше православіе евангельскими, апостольскими и соборными догматами украшено есть, и священными книгами засвидѣтельствовано; но и въ смущенныя сія дни архіерейскимъ и священнымъ мужей благословеніемъ и проповѣдію насаждено и страдальческою кровію утверждено есть, въ немъ же сей рабъ божій въ юны версты слышаніемъ просвѣщаемъ возрасте; такоже отъ прародителей и ро-

дителей, наученныхъ святымъ книгамъ сущикъ и вѣроятельства достойныхъ воспрія послѣдованіемъ уставы дравлецерковныя.

Прадѣда бо его отецъ бѣше рода князей Мышецкихъ съ Новгородскія области, именуемъ Борисъ Александровичъ, мужъ благъ и благочестивъ и добродѣтеленъ, якоже • послѣдованіемъ родителей вѣдѣніе даже до насъ дойде. Той во время смущенія Русскія земли, егда отъ шведовъ и поляковъ волновашея Россія, и мнози принуждаемы бываху цѣловати крестъ чужестранныхъ краей; сей же благородный князь не воскофе въ томъ учинити поплзновенія, но якоже крѣпокъ во благочестіи, сице своимъ природнымъ государемъ вѣрнѣйшій явися, не поддадесе чужестраннымъ иновѣрнымъ краемъ, не воскофе креста за нихъ цѣловати. А понеже веліе налеганіе тогда отъ противныхъ бѣше и бѣдствоваше Россія конечнымъ бѣдствомъ, остави сей отечество свое и помѣстья и вотчины, и пресельникъ бываетъ въ Заонежской пятинѣ, аки въ пустынѣ гнѣкой въ гѣсожительномъ селцѣ, Пудожская гора именуема, въ немъ же, во иноческомъ чину Боголѣпъ преименованный, благочестно преставися. Сынъ же его Иванъ Борисовичъ священства и иночества чиномъ назнаменованъ, Иона во иночествѣ именуемъ упокоися. Того же дѣти Порфирій священникъ и Евстафій пресельники на мѣсто Повѣнецъ именуемое быста, незнатно и убого суще; якобы послѣди отъ нихъ и рода ихъ тое мѣсто населися, и изъ рублища нищеты и неволи очистися и знатно въ сихъ странахъ учинися. Сего бо Евстафія дѣти Іаковъ, иже и дѣдъ бѣше сего поминаемаго Петра, мужъ въ сихъ странахъ знаменитъ и разуменъ, въ гражданствѣ же славій и отъ великихъ государей самолично многажды милосердіе гражданству же и сему Повѣнцу получивый; а наипаче во время воеводства на Олонцѣ князя Терентія Васильевича Мышетскаго, отъ него же по любви и милосердію благородія сродственнаго веліе милосердіе тогда получи. Также и братія сего вси священному писанію научени и церковными древними уставы просвѣщени, и въ гражданствѣ и въ страхахъ сихъ знаменити бяху. Отъ нихъ же Діонисій нетокмо въ мѣрѣ правдою и добродѣтелію пожиле, но и оставивъ мѣръ, пустынное житіе любывавъ, добръ Богу девятилѣтню потрудися; свидѣтели же житію и словесемъ его братства сего старожители суть. Помяновеннаго же Іакова сынъ Прокопій произнесъ сію добрую отрасль въ мѣрѣмъ житіи умре. Мати же сего добляго Евфросинія, во иночествѣ Екатерина, зѣло боголюбива и благочестива бѣше; яко многія ея ради вѣры и любви къ Богу единочадыхъ своихъ сего Петра и дщерь едину и вся мѣрскія покои не пожалѣ во время гоненія вѣры оставити, да благочестно во благочестіи скончается. Отъ таковыхъ прародителей и родителей

сей нашъ Петръ происшедшій и отъ младенства священнымъ книгамъ и древнему благочестію наученъ быше, въ девятнадцать лѣтъ возраста сего міра и мірскую прелесть оставляетъ. Возжада бо (рече съ пророкомъ) душа моя къ Богу крѣпкому и живому, услышавъ гласъ евангельскій и поревнова, ощутивъ преславный Владыки глаголъ; и воззусерствова почувъ реченное: аще кто оставитъ отца и мать, жену и чада, села и имѣнія сторицею приметъ, и живетъ вѣчный наследитъ. И теплымъ тпачіемъ исполнитель сему учинися; отъбѣже бо покоевъ тѣлесныхъ, отскочи красоты славы сластей, яже тогда преизобильствоваху, и насельникъ съ сверстники и сродники нѣкими своими пустынныхъ мѣстъ бываетъ, съ псалмопѣвцемъ ревнуя и вопія: се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни, чаяхъ Бога спасающаго мя. Тепль бо быше вѣрою и разженъ усердіемъ; глаголаше бо: аще ми и голодомъ умерети въ пустынныхъ мѣстѣхъ, но лучши произволяю терпѣти Христовы ради любви въ прародительскомъ церковномъ благовѣрїи, нежели жити въ селѣхъ грѣшничихъ въ смущенїи о благочестїи, въ мятежахъ и молвахъ и грѣсѣхъ міра сего.

Егда же приложися пустыннымъ нѣдромъ не лѣности и дряхлости владесе, не сну и унынію послужи, не своевольству и безвременному скитанію себе вручи; но весь всего себе всеусердно Богови на службу отдадѣ; церковную службу исполнати въ келїяхъ по уставу воззусердствова, ей же отъ младенства наученъ быше. Правило же келейное по благословенію отецъ усердно исправляше; чтенію же священныхъ писаній, яко райскія сладости, по дни и по ноци выну наслаждаться не преста, читая, преписуя, каталоги устоя (устрояя?) даже до смерти въ сихъ упражняяся; въ постѣ же и трудѣхъ пустынныхъ юность свою смиряше, усердно многи пустынные труды подемя, въ нихъ же не оставяше молитвеннаго правила и священныхъ писаній прочитанія; тепль бо быше и усерденъ, и во всѣхъ дѣлѣхъ остатися не хотяше, яко рещи усердному дѣлателью многая дѣла уступаютъ. О чистотѣ же тако тѣлесаѣи яко и душевнаѣи веліе прилежаніе имѣяше, поминая рѣчнаго—блажени чистїи сердцемъ, яко тїмъ Бога узрять; размышляя же о нехраненїи чистоты бѣду не малу апостолу глаголющу, кромѣ тоя никто же узритъ Господа. Прочее рещи о всѣхъ добродѣтеляхъ подвизаашесе, ко всѣмъ ревноваше, ову творяше, другой поучашесе, о иной рѣвноваше, иная слезами и мольбами наполнѣваше, и во всѣхъ добрыхъ дѣлѣхъ не послѣдній хотяше быти. Часто же о сихъ поучашесе и отеческая словеса о чистотѣ и смиренїи умнѣмъ поучающая выну прочиташе, и о смертнѣи памяти и судѣ страшнемъ всегда наказовашесе. О службѣ же церковной и о уставѣ тоя зѣло прилежаніе отъ младенческихъ ноготъ

имѣяше, не токмо что отъ родителей и отъ отецъ древнѣйшихъ научень быше, но уставы древлецерковныя и обиходники монастырскія прочитае, и съ нихъ воедино нѣкое краткое собраніе преписовае; попеченіе бо веліе имѣяше да вся по отеческимъ уставомъ богоугодно исправлена будутъ. Чесо ради многоаго его тщанія и искусства достоинъ явися еkkлeсiархъ церковныя службы, и украситель торжественный, и всебратственный пользодатель, и многіи помощникъ строеніи общежителству, тако Богоявленскаго, яко Крестнаго дѣвическаго.

Откуда же общежителство сіе начало пріять и како устроися, нужда намъ вкратцѣ объявити здѣ, да скажуще о немъ еkkлeсiарха тоя покажемъ, еkkлeсiарха же повѣствующе общежителство явимъ; да невѣдущіи вѣдѣнемъ, вѣдущіе же памятованіемъ обновятъ своя слуха; ибо малая сія рѣчка, или кто како объ немъ помыслитъ, общежителство сіе, глаголю, истече отъ источника великаго, Соловецкія глаголю преподобныхъ отецъ и мірскихъ молитвенниковъ Зосимы и Савватія обители, яко благословеніемъ, тако чиномъ и уставомъ образомъ сицевымъ. Егда бо древле соловецкіе отцы не примаху новыхъ уставовъ Никона патрiарха, древлесодержанія перковнаго нимадо уступати держаху; баху бо въ нихъ тогда мужи честни и святы отъ многолѣтнихъ подвиговъ постныхъ просвѣщени и разумомъ божественнаго писанія озарени. Въ нихъ же два прочіихъ превосходяща въ премудрости и разумѣ и во всѣмъ вѣдѣніи священныхъ писаній; единъ Герасимъ Фирсовъ именовашеся, его же премудрость и разумъ каковъ быше является отъ писанія его, еже написа о знаменованіи креста на лицахъ своихъ; второй же черный дьяконъ Игнатій, мужъ святолѣпенъ и подвижникъ велій, и божественнаго писанія велми читатель и вѣшняго наказанія искусенъ.

Баху же тогда въ Соловецкой обители мнози отцы святоподвижнаго ихъ ради житія прозорливымъ даромъ и знаменіи и чудесы облагодатствовани. Въ нихъ же бѣ нѣкій отецъ Гурій именуемый, аки благоуродству: пребываше, многая проричанія тогда предвѣщааше. Егда еще Никонъ митрополитомъ бывшій, по мощи святаго Филиппа посылаемъ быше; тогда той святой старецъ пріѣздъ его и аже о немъ прежде прорече, и ина многа памяти достойна, глаголаху отцы, той проричаше; молитвенникъ бо велій и постникъ быше многолѣтенъ, и чистоты ради умныя предвидяше дальная, яко близъ сущая. Той великій отецъ часто помяновенному Игнатию отцу повелѣваше изыти изъ обители Соловецкія: Богъ тебѣ, глаголя, повелѣваетъ отсюду изыти. Чесо ради стужившу отцу Игнатию и нѣкогда молящу святаго сего старца: «Почто убо, о святче Божій, аки мя непотребна уда отъ общанія своего отъ обители преподобныхъ изговяешь?» Святой же

той старецъ— «Иди иди, Игнатіе, — рече, — не имѣя сумнѣнія, хочеть бо Богъ сооронити тобою велию обитель въ славу Его». Обители же Соловецкой разореніе предрече, иже послѣжде зельнымъ страданіемъ древле Соловецкіи отцы за древнее благочестіе скончани быша.

Поминновенный же Игнатій изыде изъ Соловецкіа обители по глаголу святаго старца и по благословенію отецъ, и Богомъ подвизаемъ приде въ сія поморскіи пустыни, пребываше близъ Повѣнца, отчества помяновеннаго Петра, и часто въ домъ родителей его приходаше, якоже и прочіи отцы Соловецкіе, и благословенія сподобляху. Пребываше же сей отецъ Игнатій во многихъ вышеестественныхъ подвизѣхъ, и въ вышепомявленной Куржетской обители съ священноигуменомъ Досіеоемъ и прочими отцы скождашеся и единомно о благочестіи усердствоваху. Бѣ бо добродѣтельнаго ради житія и премудрости всѣми знаемъ и именитъ; еще же живый въ пустынѣ сей чистоты ради его сердечныя и безстрашнаго житія прозорливый даръ отъ Бога имѣаше; иже видяхуся добродѣтельны быти, ихъ же провидя онъ послѣди отпасти благодатнаго житія, и предрече о нихъ, инымъ наказаннымъ быти за прегрѣшенія ихъ объяви, другія зѣло ревнители являющіися отъ очю своею отгна, преступники быти предсказа, вся же сія по предреченію отца сего сбывахуся. Многи же сей отецъ священный просвѣти ученіемъ, научи благовѣрїю, наказа добродѣтелемъ. Чесого ради мнози прицѣпившеся къ нему и моляху его съ нимъ пребывать и предводительствомъ его спасеннымъ быти, еже и сотвори боголюбивая она душа, памятуя пророченіе и повелѣніе святаго старца Соловецкаго Гурія. И нача сей въ пустыни общее житіе не токмо по благословенію отецъ Соловецкихъ, но и благословеніемъ помяновеннаго игумена Досіеоя, баше бо ему отецъ духовный, иже повелѣ ему женескъ поль особъ въ пустыни отъ братіи отстраивати, и велимъ опаствомъ цѣломудренное наблюдать житіе, иже и велимъ опаствомъ по священнымъ писаніемъ общежительніи же и цѣломудренніи уставы предводительствоваше.

Сему же отцу ученикъ и сообщникъ бываетъ кроткій, аще вынѣ кто таковъ, Данилъ, благословеніемъ священнаго отца игумена Досіеоя, баше бо ему сынъ духовный и станиникъ благочестія. Молящу же Данилу священнаго сего игумена да благословитъ и научитъ у какова искусна отца въ наказаніи быти; священная же она глава, аки Богомъ подвизаемъ: «иди, — рече, — и въ вашихъ поморскихъ странахъ пребывающа Соловецкаго старца Игнатія послушай; сей бо мощенъ тя наставити на путь спасенія»; еже и сотвори Данилъ, бысть ему сынъ и сообщникъ общежительства его и дѣсколько время терпаше съ нимъ и братією многи скорби пустыниныя и гонительная

волненія. По сихъ же отцу Игнатію многи души во благочестіи и добродѣтелехъ научившу и направившу и скончавшуся о Христѣ; останець же онаго общежителства Даниль смиренный, скитаяся по пустынямъ съ нѣкою братією, мѣсто отъ мѣста премѣняя многога ради тогда гонительнаго волненія; и многое попеченіе имѣяше, аки нѣкій великій долгъ, да общежительное обѣщаніе по благословенію отецъ въ общежительныхъ святыхъ уставахъ исполнить. Бяше же тогда въ пустыни сей живя священный отецъ, предревній великаго житія подвижникъ, авва Корнилій староскитскій, Ниловы пустыни древлеобщникъ, знаемый еще древле бяше и любимъ добродѣтельнаго ради житія святѣйшему патріарху Филарету, и нѣсколько времени у него жилъ бяше. Той аки ангель нѣкій въ вышеестественныхъ подвижѣхъ просвѣщаше пустынная сія недра, и вѣмъ намъ отецъ духовный и сладостный наказатель бяше, Данилу же и йоманенному нами Петру. Бяху же ини отцы: древле Соловецкій отецъ Геннадій, Качаловъ по роду именуемый, Іосифъ Соловецкій же и ини отцы и пустынножители, съ малою дружиною живуще и молитвами своими добри сія освящающе.

Даниль же въ маломъ общежителствѣ живя, древле Соловецкихъ отецъ благословеніе аки искру во углѣ, или аки благовонное миро въ алавастрѣ носилъ, соблюдая. Усердствуя же онъ о общежителствѣ, возъусердствоваше же и прочая братія, возревнована же и отцы, благословляюще и повелѣвающе о немъ пещися; яко же и насъ съ приснопамятнымъ Петроу моленіи, отеческими благословеніи, совѣтовъ принужденіи принудила общежительнаго не житія точію, но и попеченія и тяготы его вкусити. Разсуждающе тое тогда, да обдержаніемъ общежителства въ пустынѣ сей благочинное житіе утверждается, всякое же безчиніе изничтожается, и да не попустится своевольнымъ злымъ людемъ мѣсто пустынное жителство быти, яко же и бысть; ибо тогда воровскихъ людей терніе въ лѣсахъ сихъ вкоренятися наченшееся, благодатію христовою обдержаніемъ общежителства сего изничтожится. И мирно, и благопокорно, и вѣдомо житіе сіе тако царскому величеству, яко властемъ градодержательнымъ общежителствомъ симъ исходатайствовася; явѣ бо по христовымъ и апостольскимъ преданіемъ повелѣвающимъ Бога боятися и царя почитати, и божія Богови и кесарю кесарева отдаати. Сія вся Богу помогающу, благое отъ божиихъ писаній и благопокорное разсужденіе общежителство сіе источаетъ. И тако сіе общежителство, яко же рѣхомъ, отъ Соловецкія обители произтекшее есть, чиноу же и благословеніемъ Соловецкихъ отецъ вкорененное, и священноигумена Досифея благословеніемъ насажденное, къ симъ же и

староскитскаго отца Корнилія и прочихъ отецъ пустынныхъ молитвами и благословіемъ утвержденное, и сперва мѣсто изъ мѣста премѣнная гонительныхъ ради случаевъ баше; со священнымъ отцемъ Игнатіемъ близъ Пурноверскихъ озеръ прежде водворяшеса, пренесе же ся на Саро-озеро, идѣже послѣ отца Игнатія соблюдашеса; по сихъ близъ Боровскаго скита при маломъ озерки крышеса, идѣже мы благодатию Божіею совокупихомся и живяхомъ, по благословію священнаго отца Корнилія и прочихъ отецъ пустынныхъ и Соловецкихъ отецъ Геннадія и Іосифа. Таже Богу иввольшу преселихомся къ Выгу рѣцѣ, идѣже не токмо древнѣйшии отцы Корнилій и Виталій благословіемъ и присѣщеніемъ многажды намъ присутствовашу; но и Соловецкія обители священникъ Пафнутіи и пустынножильный старецъ поживе во общежителствѣ лѣтъ семь, все радостно благословляше уставъ общежителства и церковныя службы и возвѣщая вся благочестивыя уставы же и обычаи Соловецкаго монастыря, и сладостно прилагашеса сего общежителства уставу. Къ симъ же и древній старій священникъ Θεодосій, страдавый многолѣтно за благовѣріе, той прилучився быти въ общежителствѣ семь, усердно похваляя и благословляя чины вся, и Бога благодарствуя о уставѣ общежителства сего, и самъ желаше сообщежитель и служитель быти.

Сиде убо сіе общежителство отъ пустынныхъ и освященныхъ отецъ первозачатіемъ пронстече, толикихъ же и таковыхъ священныхъ мужей благословіемъ строительноствовано баше; его же еклеціархъ и состроитель и многосердный пользователь баше поминаемый рабъ Божій Петръ. Но не таково баше сіе общежитіе и особноскитское пребываніе тогда, егда сндохомся, яко же нынѣ зрится. Бѣ бо тогда стадо христово въ сихъ поморскихъ пустыняхъ, аки въ нощи бурней и темней, въ гонительныхъ волненіяхъ и отъ безчинныхъ людей во обуреваніяхъ, по пустынямъ и по мѣстомъ страдальчески безъ чина и паствы скитающеса; и рещи по Григорію Богослову, яко смокву въ пустынѣ обрѣтохомъ Израиля, и яко зерно едино или второе зрѣло въ безгоднѣ гроздѣ благословіемъ Господнимъ убо соблюдено и начатокъ освященъ, обаче мало и скудно и не наполняя уста ядущему, и яко стая на холмѣ, и яко древо ядреное на горѣ, или аще иво что отъ одинакихъ же и не множайшимъ видомъ. Егда же благодатию Божіею и благословіемъ отецъ совокупихомся въ сіе общежителство въ таковыхъ пустыхъ хлѣбонеродныхъ мѣстѣхъ, въ толикихъ буряхъ и волнахъ неисчисленныхъ, въ толикихъ ратехъ и напастехъ безпрестанныхъ; о, коликихъ трудовъ и потовъ въ строительство сего общежителства воздоженствовало! о, коликихъ подвиговъ

бѣдовметныхъ и попеченій многопечальныхъ возтребовало,—тѣлесное житіе состроити и душевное спасеніе устроити, въ неплодныхъ мѣстѣхъ прекормленіе примыслити и душевную трапезу (да не голодомъ помрутъ) всегда уготовити, нивы лѣсорасныя съ трудами пахати да и терновидные нравы со многими поты изтерзати, одеждами въ нищихъ мѣстѣхъ одѣяти и общежительными святыхъ отецъ обычай ненавыкшихъ людей украсити, горы своевольныя поравняти, чащи миролюбныхъ обычаевъ искоренити, сѣно со огнемъ раздѣлити, воды страстныя застановити, возгорѣнія похотная и яростная загасити, волны многочисленныя утишити, противу ратей премножайшихъ ополчатися. Колиды же и каковы противности и злодыхательныя рати на церковь же и братство сіе быша и суть отъ діавольска злорыканія, отъ бѣсовскія зависти отъ гонителей житія, отъ раздорниковъ лукавствія, отъ іудоподражательныхъ злодыхательства, отъ безчинныхъ свирѣпства, отъ своевольныхъ шатавія, отъ злообычныхъ роптанія, отъ гладныхъ случаевъ, отъ нужды потребныхъ, отъ внѣ и отъ внутрь, отъ невѣжества и отъ предпріятія, мнитсѣ сіе отъ самыя преисподнія геѣнны волны сія на корабль благовѣрія гремяща и гремятъ, отъ самыхъ челюстей чермленаго змія бурливныя воды сія на церковное благочестіе восклокоташа. О, съ коликою ужастію прешедшія рати твѣ помыслити! О, съ коликимъ жалостнымъ плачемъ о оныхъ пророчески возопити: яко аще не бы Господь въ насъ (помогаѣ намъ) внигда возстатѣ человекомъ и бѣсомъ на ны, убо живы пожерли быша насъ; внигда прогнѣватисѣ ярости ихъ на ны, убо вода вотопила бы насъ.

Во всѣхъ же сихъ нужныхъ братскихъ строеніяхъ и ратехъ, отъ діавола наносимыхъ безчисленныхъ, велий бѣше ревнитель, и усердный подвижникъ, и теплый молитвенникъ, и духовный ратоборецъ, и теплѣйшій совѣтникъ, и помощникъ правительствовати братство, и боголюбивый учитель, и украшитель церковный сей нашъ церковныя службы епископъ. Многолѣтныя же его всебратственныя и всецерковныя подвиги и труды не сего краткаго времени и не моего грубаго ума подробну представити предъ вама боголюбны очеса; аще и потребно намъ сицева слышати, да воздвигаемсѣ на таковое усердіе; аще и должно намъ трудами его память поновляти, да незабвенно имѣюще толкиія его всебратственныя и всецерковныя подвиги, долгъ любви помяновеніемъ души его любовно отдати возусердствуемъ; но краткости ради сія вся молчаніемъ минуемъ. Обаче не премолкнуть нивы и горы древнія труды его возвѣщати, идѣже онъ, братъ, слезами припадаше, у всѣхъ прощенія прошаше, взаимно же всѣмъ вселюбное прощеніе изливаше; вся церковныя люди, вся любовныя и сродственныя

лица плачаше на молитву Богу за себе воздвизаше, и нынѣ и тогда и нами и чрезъ насъ васъ убо, о священное совокупленіе, умильно молить, и слезоточительно просить, и вѣчное любовное цѣлованіе дѣять: «здрaви будите,—глаголя,—здрaви любезніи отцы, здрави сладчайшая дружино, здрави единоревнительніи друзи, любовніи сродственники, церковная чада, богособранные сироты, здрави вси боголюбезніи и сладчайшіи мои будите, и за мя оставше Владыцѣ молитесь, пролейте боголюбныя ваша слезы, къ царствующимъ Царю воплите за мя любовная воздыханія всемилюстивому Спасу. Простите мя, священніи отцы, елико согрѣшихъ Богу и вамъ, простите мя, любезная дружино, вса богособранная церковная чада, и елико васъ кого согрубихъ простите ми и за мя молитесь; помяните мою къ вамъ любовно худую любовь; помяните яко о Христѣ пребывахомъ, ядохомъ и пихомъ, совѣтовахомъ, усердствовахомъ о Бовѣ съ вами, въ скорбѣхъ утѣшахомся, въ напастѣхъ увѣщевахомся, словомъ Божиимъ наказвахомся, церковными торжествы наслаждахомся, и нынѣ праведнымъ праведнаго и милосердаго Владыки моего судомъ отъ вашей сладкія любви единъ отлученъ есмь, и не вѣмъ что срящеть мя, въ путь отхожу вѣчный и не знаю кое получу пребываніе. Аще бо, возлюбленіи мои, и подвизахся худымъ моимъ подвизаніемъ о убогой души моей, и усердствовахъ съ вами о церковномъ благочестіи; но кто свѣсть и извѣститъ мнѣ, прежде владычня правосудія, пріятна ли моя убогая дѣла или отказана, вписана ли въ книги животныя или отринована отъ лица Божія. Понеже во многихъ вѣка сего мятезехъ, во многихъ выпесильныхъ попеченіяхъ, во многихъ паче нашей силы братскихъ тяготоношеніяхъ или помраченіемъ занять быхъ, или жестою окалянихся, или невѣдѣніемъ падохся, или молеными человѣческими склонихся, или многими сношеней бурями погрузихся и негѣпными мыслями прогнѣвахъ моего Владыку, или словеса неугодными милосердію его досадахъ, или безумными дѣлами противу заповѣдей его возборствовахъ и покаяніемъ сихъ очистить не дойдохъ. Увы мнѣ аще сими занять буду отъ лукавыхъ мѣтоимцевъ; горе мнѣ аще возхвалятся надо мною темніи бѣсовѣ; охъ мнѣ аще осужденъ буду въ мучительныя рудѣ ихъ. Аще ли милосердія ради моего пресладкаго Владыки и заступленіемъ общія всѣхъ христіанъ заступницы всесладчайшія Владычня и молитвами всѣхъ святыхъ небесныхъ силъ и всѣхъ святыхъ Божіихъ угодниковъ и нашихъ теплыхъ молитвенниковъ, и вашихъ ради святыхъ молитвъ, вашихъ ради церковныхъ и келейныхъ поминовеніихъ, вашихъ ради теплослезныхъ прошеній; аще помидованъ пройду темная темныхъ князей воздушная безъ пакости мытарства, аще милосердіемъ Божиимъ покрытъ дойду, вмѣсто

крова дивна, пресладкаго Владыки моего свѣтосіянія. О, колико возрадуюся и возвеселюся, о, колико воспую и возблагодарю моего Владыку, о, какими гласы пророческими воскликну: благословенъ Богъ, иже не предасть насъ въ ловитву зубомъ ихъ; помощь наша во имя Господне сотворшаго небо и землю. Колико же долженъ буду памятствовать вашу сладчайшую любовь, ваши за мя умиленные молитвы, ваша любовная убогой моей души помяновения. О, аще бы, даждь Господь за вашими молитвами моею грѣшной души отраду, долженъ бы былъ вопити за вы ко Владыцѣ; долженъ бы сладчайшія моя други, возмолити: призри, призри, пресладкій Владыко, на твоя люди бѣдствуемая выну, призри на твой виноградъ, его же насади десница твоя, призри въ тяжкихъ міра сего волнахъ на обуреваемая твоя рабы, отжени лукаваго діавола отъ нихъ злобу, защити отъ бѣсовскихъ злоковарствъ, волны утиши, напасти отжени, ратующія утоли и въ мірѣ мирно сія церковная чада сохрани и небесному твоему царствію причастники учини. О, аще бы умилился всесладкій нашъ Владыка и даждь бы намъ мѣста свѣтла въ прекрасныхъ кровѣхъ своихъ и совокупилъ съ вами въ вышнемъ прекраснѣмъ Іерусалимѣ; о, да даждь бы съ вами вѣчнѣ намъ возрадоватися, вѣчнѣ въ вѣчности небесной возвеселитися. О, колико бы тогда возрадовалися, колико бы восклицествовали, колико неизрѣченно восторжествовали бы, иже на земли въ воющей церкви, единодушно его свѣта въ Троицы славимаго Бога славословихомъ, да даждь намъ и въ небеснѣй ликующей церкви благодарно и утѣшительно славити его во вся вѣки аминь. Тѣмъ же, духовная моя братія, и друзи любезніи, и спастницы, и знаеміи, не забудьте мене егда молитесь; но видяще мой гробъ, поминайте мою любовь и молитесь Христу, да учинить духъ мой со праведными».

Сія убо и такова и вѣщше сихъ, рабъ божій Петръ, въ жизни сей живъ, изобразилъ словесы же и дѣлы образъ полезень намъ попечения души. Сидевыя же умиленные гласы и вещи, словесы же и писанныи во исходѣ души своея и нынѣ намъ возглашаше и возглашаетъ, сидевыми любовными пламы вся боголюбивыя души объемлетъ, сидевымъ нестерпимымъ вѣчнымъ рачительствомъ сердца наши убождаетъ.

Тѣмъ, боголюбное пустынное сочлененіе, христоролюбніи отцы и благовѣрная дружино и вся усердная чада церковная, вспомнимъ любовь любовнаго благочестія рачителя; вспомнимъ, люди церковніи, церковнаго усерднаго красителя; вспомнимъ, любители благовѣрія, о благовѣрномъ житіи всещательно попекнагося; вспомнимъ, вси благочестивіи, всѣмъ намъ многого утѣшенія духовнаго и пользы ви-

новнаго; возопіємъ молебнѣ Владыцѣ всяческихъ, возмолимъ всеусердно Творца небу и земли, воскликнемъ къ нему: небесный Отче вседержителю и Сыне едиnorodне и Душе святыи изходяй, презри умершаго согрѣшенія, и иже здѣ въ церкви Тебѣ послужившаго, въ церкви первенецъ сотвори его радоватися и славити Тя со всѣми огождьшими тебѣ. Помолимъ христіаномъ теплую заступницу, преславную заступницу, преславную Богородицу: Царице мати милосердія, милосердо помилуй твоего раба, часто тебѣ, о всепѣтая Мати, воспѣвающаго, и радуйся, невѣсто неневѣстная, здѣ возглашающаго, тамо со всѣми святыми умоли пресладкаго Владыку душу его упокоити въ небесныхъ селеніяхъ. Помолимъ архангельскій соборъ и всѣхъ святыхъ лики: о, архангели и ангели всесвѣтлѣйшій соборе, Михаиле и Гавріиле со всѣмъ воинствомъ безплотнымъ, помозите божіему и вашему рабу, иже въ здѣшнемъ житіи памяти и службы вамъ усердно торжествовавшаго и на помощь себѣ призывавшаго, въ тамошнемъ пребываніи любовни и милостиви предстатели ему будите. Велиціи апостоли Петре и Павле и Іоанне Богословѣ со всѣми апостоли, будите тепли пособники теплѣму вашему молителю. Все святіи божіи угодницы, угодили вамъ службами потщавшагося милостиво заступите. Теплый нашъ молитвенниче святителю Николе, усерднаго вашего служителя, яко отецъ милосердый, прими въ защищеніе. Преподобніи отцы наши и всего міра молитвенники Зосимо и Савватіе, Сергіе и Варлааме, не презрите вашего торжественника. Все російскіе чудотворцы, не оставите ваши праздники любовно творившаго. Пострадавшіе за благочестіе страдальцы російскіи, помяните любовно срачительноствующаго во благовѣрїи и поминавшаго васъ рачительно. Соловецкіе отцы и исповѣдницы, благовѣрїя любящему вы любовь воздадите. Сладчайшій Мемноне церковный и нашъ подвижниче, обьями любовно твоего и нашего срачителя. Діонисіе старче и братства сподвижниче, прими любезно любезнаго своего сердоболя. Екатерина боголюбивая, восприми свое чадо, его же божія ради любви оставила младша. Все преставльшіися и милость божію получившіи отцы пустыинни и братскія обѣщники, примите любовно усердно вы здѣ поминавшаго. Все души праведныхъ, утѣшите нашимъ утѣшеніемъ отъ скорби сея грядущаго вашего рачителя. Отсюда, отцы пустыинни, любезное братство, съ поминаніемъ провожайте, тамо отшедшее спасшееся братство любовно примаите; отсюда, любезніи сродницы и други, съ моленіи и словами отпустивше, помяновеніемъ сердобольствуйте, тамо, любовнии ему спасшіися души, праведныхъ радостно въ радость прїяти Владыку умоляйте. Все же вкулъ тако въ небесній яко и въ земній церкви славяще прославимъ и благодаряще воз-

благодаримъ Христа Сына Божія, искупльшаго ны честною своею кровію отъ плѣненія діаволя, и смертію смертью поправшаго, и тридневно воскресшаго, и всѣмъ правовѣрно въ него вѣрующимъ вѣчное пресвѣтлое воскресеніе даровавшаго, съ безначальнымъ его Отцомъ и съ пресвятымъ истиннымъ животворящимъ Духомъ во вся вѣки.
Аминь.

А. С. Хомяковъ и гр. А. А. Закревскій.

Зимой 1858 (если не 1857) года, я часто бывалъ у покойнаго Алексѣя Степановича Хомякова, которому меня представилъ, увѣ, тоже покойный Александръ Викторовичъ Рачинскій.

Алексѣй Степановичъ жилъ тогда въ своемъ московскомъ домѣ, на Собачьей площадкѣ, и принималъ въ 12 часовъ. Ровно въ это время онъ приходилъ въ свой кабинетъ. Нерѣдко, тогда еще мальчишка лѣтъ 18-ти, я бросалъ всѣ занятія и забирался въ завѣтный кабинетъ даже ранѣе хозяина, чтобы не проронить ни одного слова изъ того, что тамъ говорилось.

Въ одно такое время, зашла рѣчь о недружелюбныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между Алексѣемъ Степановичемъ и графомъ Закревскимъ. Непріятности, какъ часто бываетъ, начались пустяками, а впоследствии, благодаря имъ, не одну горькую минуту пришлось пережить нашему знаменитому писателю-поэту.

Вотъ, что намъ разсказалъ Алексѣй Степановичъ о началѣ этой размолвки.

— «Арсеній Андреевичъ знаетъ меня давно и былъ со мною всегда особенно любезенъ. Какъ-то лѣтомъ,—въ это время Закревскій былъ, какъ у насъ говорится, не удѣлъ и проживалъ въ своей подмосковной,—онъ пригласилъ меня обѣдать. Приѣзжаю и застаю, кромѣ хозяина, какого-то выживающаго изъ лѣтъ генерала—совершенную развалину. Послѣ обѣда, старца увели отдыхать, а я остался вдвоемъ съ хозяиномъ.

— «Представьте себѣ,—заговорилъ графъ, кивнувъ вслѣдъ упешему,—что этотъ движущійся трупъ туда-жъ на службу просится! что вы на это скажете?»

— «У моей матушки,—отвѣтилъ я,—было двѣ старыя, давно никуда негодныхъ гнѣдыхъ каретныхъ лошадей, которыя кормились изъ привнательности къ ихъ прежней службѣ. Лошади эти, какъ только замѣтятъ вывезенный экипажъ, тотчасъ идутъ къ нему и лѣзутъ

задомъ на дышло,—по старой привычкѣ, въ запряжку просятся. Вашъ генералъ мнѣ ихъ нѣсколько напоминаетъ».

«Въ короткое время, генералъ получилъ какое-то мѣсто, а Закревскій назначенъ московскимъ генералъ-губернаторомъ.

— «Конечно, я тогда не могъ предвидѣть, что ихъ окажется пара,—добавилъ Алексѣй Степановичъ, съ своею добродушною, но тонкою улыбкой.—Послѣ этого, графъ Закревскій ужъ не былъ любезенъ со мною; затѣмъ, сдѣленіе другихъ обстоятельствъ, а главное, моя дружба съ опальнымъ Чаадаевымъ, dokonчила разрывъ».

Первая холера въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи,

въ 1830 г.

Въ той части Бѣльскаго уѣзда, которая прилегаетъ къ Вяземскому и Дорогобужскому, до сихъ поръ еще свѣжо воспоминаніе о первой холерѣ.

Объ ужасѣ эпидеміи свидѣлствуютъ могильники въ лѣсахъ и много десятинъ прекрасныхъ, ровныхъ березовыхъ рощей, выросшихъ между пашень—потому, что помѣщики должны были запустить часть полей въ виду громадной въ то время убыли народонаселенія, а слѣдовательно, и рабочей силы.

Но могильники заростають и сглаживаются, рощи истребляются благодаря близости желѣзной дороги, а потому, пока еще живы свидѣтели и очевидцы событій несчастнаго года, я записалъ ихъ рассказъ; можетъ быть, читатели найдутъ его нелишнимъ интереса.

— «Раньше начала повѣтрія,—рассказываютъ старики-крестьяне,—еще съ зимы, развѣдались по господскимъ домамъ разные венгерцы, жида и другой народъ, какой—грѣхъ ихъ вѣдаетъ, только все не русскіе, съ товарами-ли, по другой-ли какой надобности—не знаемъ, но вѣрно то, что ни прежде, ни послѣ, этого налетнаго сброда въ такомъ количествѣ не бывало; мы сначала не понимали—въ чемъ дѣло, а потомъ смекнули, да поздно.

«Съ наступленіемъ теплыхъ дней, началъ заболѣвать народъ; вырывало кое-гдѣ, но изрѣдка, а въ Петровки начало валить сплошь, не успѣвали покойниковъ таскать.

«Наѣхало начальство, поставили еще новыхъ начальниковъ изъ господъ, запретили покойниковъ хоронить на кладбищахъ,—закапывай въ лѣсу, словно падалъ какую, роздали намъ какихъ-то снадобьевъ, хочешь-нехочешь—пей, а отъ этой дряни только пуще корчить; мы все-таки не понимали въ чемъ дѣло, да спасибо надоумилъ

добрый человекъ. Зашелъ однажды въ нашей деревнѣ въ избу проѣзжій, баринъ—не баринъ, а тамъ кто его знаетъ, но одѣтъ чисто, по дворянски, и видитъ какъ мы пьемъ эту мерзость—снадобье, то есть. Спрашиваетъ: Что это вы дѣлаете, ребята?—«Снадобье пьемъ, батюшка, господа приказали, да и начальство тожъ».—Подайте-ка мнѣ посмотрѣть, что это за снадобье.—Мы подали. Только онъ понюхалъ, попробовалъ, да потомъ какъ бросить стьянку о печь, только дребезги, да какъ закричить на насъ: «Не смѣть этого пить, это ядъ, васъ и господа и начальство отравляютъ, они васъ продали полякамъ, за каждую умершую душу вдвое противъ цѣны берутъ; жиды да венгерцы развѣ даромъ къ вамъ ѣздили? опять-таки между начальствомъ нечто мало у васъ поляковъ?»

«Сказавъ это, баринъ уѣхалъ. Начальство провѣдало обо всемъ, долго искало проѣзжаго, да не нашло; такъ мы и по сихъ поръ не знаемъ кто онъ былъ. Съ тѣхъ поръ, не стали мы пить лекарствъ, не стала и болѣзнь косить народъ».

Я замѣтилъ разскащикамъ, что объ отравѣхъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ бѣдствіе было общее, а не мѣстное.

— «То-то и дѣло, что не общее,—возразили крестьяне,—у добрыхъ господъ народъ не умиралъ: у вашего дѣда, Андрея Григорьевича Чашникова, и у Алексѣя Ивановича Лыкошина, не только никого не похоронили, даже ни одинъ не заболѣлъ, а кругомъ ихъ вотчинъ народъ меръ какъ мухи»¹⁾.

Кстати объ Алексѣѣ Ивановичѣ Лыкошинѣ.

Въ години общественныхъ бѣдствій, когда въ массахъ разумъ подавленъ чувствомъ страха и отчаянія, народъ ужъ не отличаетъ злонамѣренныхъ отъ добрыхъ; такъ, напримѣръ, если за однимъ холернымъ начальникомъ изъ господъ, какъ ихъ называли разскащики, гнались бабы съ серпами и одна-таки угодила въ него камнемъ, потому что—«злой баринъ», за то, въ свою очередь, крестьяне оскорбили почтеннаго Алексѣя Ивановича Лыкошина и не менѣе почтеннаго старика-священника села Казулина о. Афанасія—самымъ обиднымъ подозрѣніемъ.—Когда холера усилилась, Алексѣй Ивановичъ, изъ религіознаго побужденія и чтобы поднять духъ народа, приказалъ всей своей вотчинѣ говѣть. Крестьяне, хотя неохотно—повиновались, но когда священникъ вышелъ съ чашею, народъ отъ нея отступился, опасаясь, что вмѣстѣ съ таинствомъ ему преподадутъ

¹⁾ Фактъ этотъ безусловно вѣренъ и совершенно необъяснимъ, такъ какъ вмѣстѣ помянутыхъ владѣльцевъ находились въ самой серединѣ пораженнаго эпидеміею края.

ядъ, и нужно было сильное увѣщаніе священника и личный примѣръ помѣщика, приобщившагося первымъ, чтобы побудить ихъ принять Св. Дары.

Я, разумѣется, не даю ни малѣйшей вѣры отравленію, но знаю по опыту, что въ тяжелыя времена народъ дѣлается легковѣрнымъ, что всегда находятся люди, которые усилютъ эксплуатировать такое настроеніе народнаго духа въ свою пользу, и что въ большей части случаевъ такихъ проходимцевъ навѣваетъ къ намъ западный вѣтеръ.

23-го марта 1878 г. С. Стрѣлково.

Ст. Ш. Кулеша.

Могила историка Татищева.

Живя нѣсколько лѣтъ близъ селца Болдина—имѣнія, нѣкогда принадлежавшаго покойному В. Н. Татищеву, въ которомъ онъ провелъ пять послѣднихъ (опальныхъ) лѣтъ своей жизни (1745—1750), и близъ находящейся въ двухъ верстахъ отъ Болдина Рождественской церкви, на погостѣ которой покоится его прахъ,—я до сего времени не предполагалъ, чтобъ мѣсто погребенія столь знаменитаго историка и человѣка было неизвѣстно даже официальнымъ учрежденіямъ,—но на дѣлѣ оказывается совершенно иное.

Въ іюнѣ текущаго года, Московской губерніи статистическій комитетъ, отношеніемъ за № 395, просилъ священника Рождественской церкви, въ виду «встрѣтившейся надобности», увѣдомить комитетъ: «не погребенъ ли при оной церкви графъ (?) Василій Никитичъ Татищевъ, извѣстный русскій историкъ?»

Если мѣсто погребенія Татищева неизвѣстно статистическому комитету, то, вѣроятно, оно также мало извѣстно и частнымъ лицамъ, а потому я и счелъ нелишнимъ ознакомить почитателей старины съ тѣмъ, что осталось въ память о Татищевѣ надъ его гробницей.

Василій Никитичъ погребенъ Московской губерніи, Клинскаго уѣзда, Сергіевской волости, на погостѣ Христо-Рождественской церкви, отстоящей отъ станціи Подсолнечной, Николавской желѣзной дороги, въ 11-ти верстахъ, а, слѣдовательно, отъ Москвы въ 74-й верстѣ. Церковь эта, какъ значится въ церковныхъ книгахъ, построена «иждивеніемъ гг. Татищевыхъ» и погостъ при ней Василій Никитичъ самъ избралъ мѣстомъ своего погребенія и, какъ извѣстно ¹⁾, нака-

¹⁾ Погодинъ: Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ. См. также «Библиографическія Записки» 1868 г., т. I-В, стр. 198. С. Р.

нунѣ своей смерти, самъ же указалъ гдѣ слѣдуетъ вырыть для него могилу.

Въ послѣднія пять лѣтъ жизни Татищева, судьба не особенно улыбалась ему.—Въ Болдинѣ онъ жилъ подѣ легкимъ карауломъ и, совершенно невинный, онъ состоялъ подѣ судомъ и опалою. Только наканунѣ своей смерти, т. е. когда имъ уже была избрана могила, онъ получилъ отъ императрицы Елисаветы Петровны указъ о томъ, что онъ найденъ невиннымъ, и орденъ Александра Невскаго, который онъ, предчувствуя приближающуюся кончину, отослалъ обратно къ государынѣ съ тѣмъ же курьеромъ, написавъ ей благодарственное письмо. Всѣ эти невзгоды, вмѣстѣ съ воспоминаніями о вольнодумной молодости, поселили въ душѣ Татищева глубокое христіанское смиреніе, которое онъ высказалъ въ своемъ прекрасномъ завѣщаніи и особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится объ его погребеніи ¹⁾). Вѣроятно, въ силу этого смиренія Татищевъ не пожелалъ быть похороненнымъ ни въ самомъ храмѣ, ни близъ него, а выбралъ себѣ мѣсто для могилы шагахъ въ тридцати къ западу отъ паперти, почти на срединѣ погоста.

Общій видъ небольшого ²⁾ надгробнаго памятника производитъ самое безотрадное впечатлѣніе: почти сто-тридцати-лѣтняя давность, при отсутствіи какой бы то ни было поддержки, положила на него глубокіе слѣды разрушенія, тѣмъ болѣе, что онъ и сдѣланъ-то изъ простаго известковаго камня. Не знаю, была ли когда нибудь могила Татищева обнесена рѣшеткою, но теперь отъ нея не осталось и слѣда. Самый камень имѣетъ обыкновенную гробообразную форму и изъ бѣлаго обратился теперь въ грязно-сѣрый, при чемъ сильно покачнулся на одинъ бокъ и раскрошился у изголовья. Этотъ скромный монументъ сохраняетъ на трехъ боковыхъ сторонахъ нижеприводимыя, теперь мѣстами довольно трудно разбираемыя надписи; на верхней же лицевой сторонѣ, въ самомъ верху, рельефная корона и нѣсколько ниже рельефный крестъ съ копіями, по обѣимъ сторонамъ котораго надписано слѣдующее:

¹⁾ «О погребеніи моемъ не могу болѣе завѣщать какъ едино, дабы въ томъ мѣстѣ, гдѣ меня смерть постигнетъ, безъ великихъ чиновъ и убранствъ, по закону христіанскому погребсти; и сіе не для сожаленія денегъ моихъ, но паче боая, дабы великолѣпіе таковое, какъ обычай есть, не причлося къ тягости грѣховъ моихъ тяжкихъ». «Библиографическія Записки» 1868 г., т. I-й, стр. 198.

²⁾ Въ длину 2 арш. 5¹/₂ вершк.; ширина: у изголовья 15 вершк., въ ногахъ 12 вершк.; вышина у изголовья ¹/₂ арш., въ ногахъ 4 вершка. С. Р.

Царь Славн

Иисусъ	Христосъ
Н.	К.
Е.	Т.
М.	Л.
Р.	
	Б.
	Г.
	В.
	А.

Что означаютъ эти одиночныя буквы по обѣимъ сторонамъ креста, ни я, ни священникъ рѣшить не могли, списаны же онѣ здѣсь совершенно точно.

Надпись на боковой сторонѣ наголовья въ кругломъ медальонѣ: «Родился Василій Никитичъ Татищевъ 1686 году Апрѣля 19-го (?) дня. Вступленіе въ службу 1704 году. Происхожденіе чиновъ».

Затѣмъ надпись продолжается на правой боковой сторонѣ памятника, въ овальномъ медальонѣ, прямо такъ: «и въ полковники артилеріи 724 году, въ Берхъ и въ монетной главнымъ судьей 730 году, оберъ-церемоній мастеръ 732».

Въ такомъ же медальонѣ съ лѣвой стороны: «Генералъ Берга-мейстеръ 732; тайный совѣтникъ и въ томъ чинѣ былъ в Оренбургѣ и въ Астрахани губернаторомъ и въ томъ чинѣ 1750 году скончался іюля 15 дня».

И такъ, вотъ въ какомъ видѣ находится въ настоящее время гробница одного изъ замѣчательныхъ людей прошлаго столѣтія. Сельцо Болдино давно уже перешло изъ рода Татищевыхъ въ другія руки, такъ что Богъ вѣсть до которыхъ, поръ она еще будетъ разрушаться. Возложимъ надежду на московскій статистическій комитетъ, который, возбудивъ вопросъ о мѣстѣ погребенія Татищева, вѣроятно, пошлетъ кого нибудь на его могилу и приметъ мѣры къ исправленію монумента или хотя, что самое важное, распорядится обнести его рѣшеткою.

Къ свѣдѣнію частныхъ лицъ считаю нелишнимъ прибавить, что на станціи Подсолнечной всегда имѣются экипажи и что на могилу Татищева москвичи могутъ удобно съѣздить обыденкою. Дорога отъ Подсолнечной не дурная: 7 верстъ по шоссе и только 4 проселкомъ. Священникъ Рождественской церкви о. Аркадій Михайловичъ всегда будетъ готовъ, оказать возможно радушный пріемъ пріѣзжающимъ. Въ сельцѣ Болдинѣ не осталось никакихъ слѣдовъ по покою-

номъ Василю Никитичу, кромѣ одной долгуши, на которой онъ вѣдиль. Любимое же его мѣсто для историко-литературныхъ занятій—стеклянный павильонъ надъ домомъ—хотя и цѣль до сихъ поръ, но былъ уже передѣланъ. Грустно видѣть небрежность къ могилѣ столь крупной исторической личности и еще грустиже сознавать, что такихъ забытыхъ могилъ немало на широкихъ пространствахъ Россіи.

С. Козяно. 17-го августа 1879 г.

С. И. Ромаховъ.

СЕРГѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ СОЛОВЬЕВЪ.

† 4-го октября 1879 года.

6-го октября узнали мы страшную вѣсть—историка Соловьева не стало; онъ умеръ, 4-го октября, въ Москвѣ. Мы поспѣшили выразить чувства, охватившія насъ при этомъ неожиданномъ, потрясающемъ извѣстіи, въ телеграммѣ въ Москву, на имя зятя покойнаго, почтеннаго ученаго и профессора Н. А. Попова. Вотъ эта телеграмма:

«Съ чувствомъ безпредѣльной скорби принято редакціей «Русской Старины» роковое извѣстіе о кончинѣ Сергѣя Михайловича Соловьева. Велико значеніе подвига, подъятаго опочившимъ исторіографомъ и совершеннаго имъ въ теченіе тридцати-четырёхъ-лѣтняго труда, удивляющаго глубиной мысли и энергіи, на совершеніе его приложенной.

«Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» есть полное, дѣйствительное изображеніе прошлаго Русской земли и развитія русскаго народа, отъ времени окутаннаго сумракомъ преданій почти до конца XVIII-го столѣтія.

«Миръ праху историку Россіи! Имя его изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, доколѣ будетъ существовать Россія и наука въ ней—пребудетъ незабвенно».

Издатель-редакторъ историческаго журнала «Русская Старина»

Михаилъ Семевскій.

Русское общество глубоко потрясено невозвратимой потерей: Сергѣя Михайловича Соловьева унесъ съ собою въ могилу, если можно такъ выразиться, цѣлую академию историческихъ знаній. Пройдутъ десятки лѣтъ прежде чѣмъ выработается изъ среды подвижниковъ науки—человѣкъ съ такими обширными свѣдѣніями прошлаго Россіи

и всей Европы, съ такою глубиною мысли, съ такимъ яснымъ, всепроницающимъ умственнымъ взоромъ, съ такимъ критическимъ тактомъ—каковыя совмѣщала въ себѣ Соловьевъ. Пройдутъ сотни лѣтъ, а въ безсмертномъ его трудѣ, въ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ»—ряды смѣняющихъ другъ друга поколѣній будутъ искать и находить отвѣты на безчисленные вопросы о значеніи и смыслѣ тѣхъ или другихъ событій и явленій въ историческомъ прошломъ, прожитомъ Россіей за время съ IX-го по XVIII-е столѣтіе (по 1774 г.).

«Русская Старина» еще недавно, въ превосходной статьѣ профессора К. Н. Бестужева-Рюмина по поводу XXV-ти-лѣтія «Исторіи Россіи»—С. М. Соловьева («Русская Старина» 1876 г., томъ XV, стр. 679—686), опредѣлила значеніе этого главнаго и славнѣйшаго труда нынѣ опочившаго сномъ смерти исторіографа. Намъ остается нынѣ занести на страницы своего изданія роковую вѣсть и преклониться предъ неисповѣдимымъ предопредѣленіемъ Промысла, погрузившаго русскую историческую науку въ скорбь безутѣшную. Ред.

Вотъ нѣсколько главныхъ данныхъ изъ некролога покойнаго, явившагося во всѣхъ газетахъ. Соловьевъ родился въ 1820 г. и былъ сынъ протоіерея, законоучителя въ московскомъ коммерческомъ училищѣ. Воспитывался въ Московской 1-й гимназій, въ 1839 году поступилъ въ Московскій университетъ на филологическій факультетъ. По окончаніи курса, два года пробылъ за границей, занимаясь историческими науками, къ которымъ имѣлъ страсть съ ранней юности. Назначеніемъ Соловьева на кафедру русской исторіи Московскій университетъ обязалъ бывшему попечителю графу С. Г. Строганову, угадавшему въ молодомъ ученомъ авторѣ диссертациі: «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ» (появившейся въ 1845 году)—будущаго преемника Карамзина. Въ 1847 году появилась «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома», сдѣлавшая переворотъ въ наукѣ. Въ 1851 г., въ августѣ,—первый томъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ»—подробная переработка историческихъ судебъ Русской земли на совершенно новыхъ началахъ, чѣмъ тѣ, которыя были положены въ основу «Исторіи Государства Россійскаго». Трудъ этотъ оборвался на 29-мъ томѣ, почти вполнѣ уже подготовленномъ къ изданію и передаваемомъ историкомъ въ печать.

Среди занятій капитальнымъ трудомъ, С. М. Соловьевъ написалъ еще весьма много небольшихъ монографій и очерковъ. Они помѣщены въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, начиная съ «Атеней» и «Отечеств. Зал.» и кончая «Русскою Стариною» и «Вѣстн. Европы». Въ этомъ послѣднемъ изданіи помѣщено наибольшее число весьма важныхъ, по значенію, историческихъ монографій С. М. Соловьева.

На идеяхъ и взглядахъ С. М. Соловьева воспиталось все нынѣшнее поколѣніе, смѣнявшее то, которое возрасло на мнѣніяхъ и мысляхъ Карамзина. Ученики Соловьева отъ него же научились уважать его предшественника и относиться съ почтеніемъ ко всякому умственному труду.

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И АНЕКДОТЫ,

ШУТКИ, ОСТРОТЫ, ЗАМѢТКИ, МЕЛОЧИ ¹⁾.

(Записки Богуславскаго).

Графъ П. А. Клейнмихель.

Генераль-отъ-инфантеріи, генераль-адъютантъ, графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель, человѣкъ умный и дѣятельности необыкновенной, но не всегда славившійся добротой,—былъ начальникомъ штаба поселенныхъ войскъ, любимцемъ и даже созданиемъ слишкомъ извѣстнаго графа Аракчеева. Впослѣдствіи онъ былъ дежурнымъ генераломъ въ военномъ министерствѣ и директоромъ департамента военныхъ поселеній. Кромѣ того, Государь, зная его дѣятельность и неумолимую взыскательность съ подчиненныхъ, давалъ ему много порученій по разнымъ частямъ. Наконецъ, въ 1842 году, онъ сдѣланъ главноуправляющимъ путями сообщеній и публичныхъ зданій. Тотчасъ по вступленіи, онъ началъ преобразовывать эту часть; замѣчательны его приказы по корпусу: они колки и ѣдки какъ сатира Ювенала и эпиграммы Пушкина (!?).

Замѣчательна первая женитьба Клейнмихеля на Коконкиной. Мать не хотѣла отдать за него, и Государь прислалъ уговорить ее графа Аракчеева. Выхваляя Клейнмихеля, графъ, между прочимъ, сказалъ ей, что «онъ близокъ къ Государю».

—И, ваше сіятельство, кто ближе васъ къ Государю, а счастлива ли жена ваша?

Извѣстно, что Аракчеевъ былъ въ разводѣ съ женою.

Отвѣтъ старухи Коконкиной былъ переданъ Аракчеевымъ Государю, и онъ сказалъ:

—Въ такомъ случаѣ, если Клейнмихель увезетъ свою возлюбленную, я не отвѣчаю.

Для догадливаго, какъ говорится, достаточно полслова. Клейн-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., т. XXVI, стр. 103—124; 217—240

михель черезъ нѣсколько дней похитилъ свою невѣсту, у церкви Всѣхъ Скорбящихъ, гдѣ она была у обѣдни съ своею матерью, и тотчасъ же обвѣнчался. Его, за этотъ поступокъ арестовали на двѣ недѣли домашнимъ арестомъ, и тѣмъ все кончилось. Впослѣдствіи Клейнмихель развелся съ своею супругою; она вышла замужъ за Будакова, а онъ женился на Нелидовой.

Государь Николай Павловичъ въ такихъ былъ частыхъ сношеніяхъ съ Клейнмихелемъ, что изъ кабинета Государя въ кабинетъ Клейнмихеля былъ устроенъ гальваническій телеграфъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій преобразовалъ къ лучшему свое министерство и всѣ подвѣдомственныя ему среднія губернскія присутственныя мѣста, и усилилъ ихъ оклады, а низшіе оставилъ, по недостатку денежныхъ средствъ, въ прежнемъ видѣ. Естественно, что успѣхъ въ дѣлахъ отъ этого немного подвинулся впередъ, и графъ Клейнмихель, личный врагъ Перовскаго, говорилъ въ насмѣшку, что министерство Перовскаго похоже на лошадь съ огромными головою и туловищемъ, но безъ ногъ.

Вотъ за одно двѣ мѣры наказанія, совершенно противоположныя, не смотря на то, что послѣдовали въ одно время и при однихъ законахъ.

Въ началѣ сентября 1843 года, въ институтѣ корпуса путей сообщенія, воспитанники перваго класса общипали и освистали дежурнаго офицера, капитана Кастрица; даже нѣсколько голо-совъ кричали ему: «пошелъ вонъ!» За это не велѣно было пускать со двора, впродъ до приказанія, весь классъ.

Пятеро изъ воспитанниковъ, Гроскопфъ, Петлинъ, Крассовскій и двое другихъ, узнавъ объ этомъ, тотчасъ объявили директору института, что они одни виновны въ этомъ безпорядкѣ, а потому и просили: наказавъ ихъ, освободить отъ взысканія прочихъ воспитанниковъ. Такъ и сдѣлали: Гроскопфа съ товарищами посадили подъ арестъ, а прочихъ отпустили со двора. Этими, казалось бы, дѣло и кончилось; но, по возвращеніи, въ концѣ октября, главноуправляющаго, графа Клейнмихеля, вышло совсѣмъ другое. Онъ въ тотъ же день потребовалъ къ себѣ пятерыхъ виновныхъ воспитанниковъ, и посадилъ ихъ снова подъ арестъ, уже не въ институтѣ, а у себя въ домѣ; о поступкѣ-же ихъ, въ существѣ своемъ—кадетской шалости, весьма обыкновенной въ учебныхъ заведеніяхъ, представилъ какъ о возмущеніи и дерзости противъ начальства. Повелѣно ихъ разжаловать на шесть лѣтъ въ солдаты и послать на

Кавказъ; сверхъ того, приказано имъ просить прощенье у капитана Кастрица; если же они этого не исполнятъ, то наказать розгами—каждаго 250-ю ударами. Клейнмихель объявилъ бѣднякамъ это рѣшеніе; двое рѣшились просить извиненіе, но трое отказались, сказавъ:

— Насъ за вину подвергаютъ наказанію; къ чему же просить бесполезнаго прощенія?

Ихъ наказали при барабанномъ боѣ и отправили на Кавказъ. Этого мало. Всѣхъ воспитанниковъ института Клейнмихель не велѣлъ пускать со двора, и даже родственники не иначе могли видѣться съ ними, какъ разъ въ недѣлю, въ воскресенье, съ 2-хъ до 7-ми часовъ пополудни. Директоръ института, генералъ-лейтенантъ Готманъ, былъ смѣненъ, а инспекторъ, генералъ-майоръ Лермонтовъ, вовсе уволенъ отъ службы.

Трое изъ подпоручиковъ корпуса путей сообщенія, баронъ Таубе и другіе двое, сожалѣя о своихъ прежнихъ сотоварищахъ, ссылаемыхъ на Кавказъ, хотѣли помочь имъ и предложили по подпискѣ собрать имъ на дорогу денегъ; но, зная жестокость характера своего главноуправляющаго, просили на то, по начальству, его согласія. Этотъ благородный поступокъ возбѣсилъ еще болѣе Клейнмихеля, и онъ представилъ объ нихъ Государю, какъ объ офицерахъ неблагонадежныхъ, поощряющихъ воспитанниковъ института къ неповиновенію. Но Государь на поданной объ этомъ докладной запискѣ написалъ:

— «Кромѣ благороднаго поступка, я тутъ болѣе ничего не нахожу».

Клейнмихель, получивъ это и видя, что Государь не одобряетъ его жестокости, позвалъ къ себѣ трехъ офицеровъ, которымъ готовилъ тайнѣ наказаніе, обласкалъ ихъ и сказалъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ благородство ихъ мыслей и проситъ забыть прошедшее. И челоуѣкъ (Клейнмихель) съ такими правилами управляетъ судьбою людей!

Впослѣдствіи одна изъ Августѣйшихъ Особъ, отъѣзжая 10-го ноября за границу, прощаясь съ Государемъ, испросила пяти разжалованнымъ воспитанникамъ прощенье, о чемъ тотчасъ-же и былъ посланъ фельдъегерь—и они поступили юнкерами на службу въ кавказскій корпусъ.

Великій князь Михаилъ Павловичъ, по возвращеніи своемъ изъ-за границы, когда представлялись ему всѣ генералы, подошедъ къ Клейнмихелю, сказалъ:

— «Петръ Андреичъ! есть русская пословица, что съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ; а вы, какъ нѣмецъ, дерете по три!»—потомъ отворотился и пошелъ далѣе.

Вообще эта жестокая выходка Клейнмихеля возстановила противъ него общественное мнѣнiе; его вездѣ бранили. Зная объ этомъ, спросили графа Орлова:

— Ну, что говорить въ городѣ о Клейнмихелѣ?

— Его называютъ злою

— Ну, такъ что-же, для хорошаго хозяина злой (сторожъ) необходимъ.

NN., воспитанникъ училища правовѣдѣнiя, обидѣвшись замѣчанiемъ, сдѣланнымъ ему инспекторомъ за лѣность, и тѣмъ, что тотъ сказалъ объ немъ директору: «NN. только спить въ классахъ»,— написалъ къ нему весьма рѣзкое письмо, въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что онъ хочетъ сдѣлать большую глупость— ударить при всѣхъ по лицу г-на инспектора, и что онъ потому только называетъ этотъ поступокъ глупостью, что трудно найти животное глупѣе инспектора. Одинъ изъ высшихъ начальниковъ, узнавъ объ этомъ дерзкомъ поступкѣ, позвалъ къ себѣ NN. и, показавъ письмо, спросилъ:

— Это вы писали?

— Я.

— И вы объ этомъ такъ кладнокровно говорите?!... прочитайте вслухъ.

NN. прочиталъ письмо и возвратилъ.

— Вы не краснѣете? Не раскаиваетесь въ этой дерзости?

— Нѣтъ, вашество,—отвѣчалъ воспитанникъ.

— А, я понимаю, что это значитъ; дайте мнѣ пощупать вашу пульсъ.

Начальникъ взялъ за руку NN. и, подержавъ немного, сказалъ своему адъютанту:

— Возьмите и отвезите его въ сумасшедшiй домъ, пусть его тамъ полечать.

NN. просидѣлъ тамъ двѣ недѣли, и послѣ отданъ былъ подъ надзоръ отца. Тѣмъ и кончилось. Этими дѣйствиємъ, однако, въ высшихъ сферахъ были очень недовольны, и было сказано, что начальникъ дѣйствовалъ слишкомъ мягко.

Князь Василiй Васильевичъ Д.....въ, будучи любимцемъ Государя, скоро достигъ первыхъ придворныхъ чиновъ и почестей. Въ 1842 г. онъ былъ оберъ-штабмейстеръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и Андреевскiй кавалеръ. Орденъ св. Андрея—Д..... въ

получилъ вмѣстѣ со старикомъ графомъ Григоріемъ Григорьевичемъ Строгановымъ. Встрѣтась съ нимъ во дворцѣ, онъ сказалъ ему:

— Какъ я радъ, графъ, что удостоился чести получать этотъ орденъ вмѣстѣ съ вами!

— Благодарю, князь,—отвѣчалъ Строгановъ,— а какъ времена переходчивы; помните-ли вы, что я былъ уже тайнымъ совѣтникомъ и посланникомъ въ Мадридѣ, когда вы, еще только корнетъ гвардіи, были присланы ко мнѣ съ депешами курьеромъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ, петербургское дворянство избрало его своимъ губернскимъ предводителемъ. Гохова закружилась у баловня фортуны, и онъ забылъ, что легче взобраться на высоту, нежели на ней удержаться.

Сначала онъ навлекъ на себя неудовольствіе Государя неосторожными разговорами на счетъ нѣкоторыхъ событій, а слѣдующее происшествіе еще болѣе усилило эту немилость.

Посоль нашъ при французскомъ дворѣ, графъ Паленъ, какъ старшій лѣтами (*doyen d'âge*) изъ посланниковъ, долженъ былъ говорить привѣтственную рѣчь королю французовъ, по случаю его именинъ. Наканунѣ этого дня, Паленъ, по приказанію Государя, оставилъ подъ какимъ-то незначительнымъ предлогомъ Парижъ и уѣхалъ въ Петербургъ. Эта выходка возбудила неудовольствіе Людовика-Филиппа. Члены французскаго посольства въ Петербургѣ, въ свою очередь, подъ предлогомъ болѣзни, не пріѣхали 6-го декабря во дворецъ поздравить Императора съ днемъ его тезоименитства; вечеромъ-же всѣ были въ театрѣ.

— Послѣ этого,—сказалъ Государь,—я бы не желалъ встрѣчаться гдѣ-либо съ французскимъ посольствомъ.

Этихъ словъ было достаточно, чтобы наши вельможи на обыкновенно даваемыя ими зимою балы не приглашали французовъ. Но князь Д. въ, по званію главнаго директора дворянскаго собранія, по случаю назначеннаго тамъ бала, рѣшился спросить Государя: пригласить ли французское посольство на этотъ балъ, или нѣтъ?—и что, по его мнѣнію, неловко будетъ ихъ оставить безъ приглашенія, тогда какъ прежде всегда имъ посылались приглашительные билеты, и что это дастъ видъ, будто бы Государь огорчается ихъ невѣжливостью.

— Ахъ, князь,—отвѣчалъ Государь, съ примѣтнымъ неудовольствіемъ,—я и не думаю о вашихъ французяхъ; дѣлайте, какъ знаете.

Д. въ послалъ приглашеніе, а Государь, пріѣхавъ на балъ и увидавъ французскую миссію, тотчасъ же уѣхалъ домой. Разумѣется, что это усилило еще болѣе немилость къ прежнему лю-

блнцу, а онъ имѣлъ неосторожность въ собраніи, играя въ вистъ жаловаться вслухъ, что Государь сердится на него за совершенныя пустяки. Этотъ разговоръ, какъ водится, добрыми пріятелями былъ доведенъ до высочайшаго свѣдѣнія. Между тѣмъ, въ Петербургѣ наступало время новыхъ дворянскихъ выборовъ на трехлѣтіе съ 1843-го года. Д.....въ, интриганъ, какъ многіе придворные, желая показать, что, не смотря на немилость двора, онъ стоитъ высоко въ общественномъ мнѣніи, далъ мысль своимъ приверженцамъ предложить, чтобы портретъ его былъ поставленъ въ той залѣ собранія, гдѣ находились изображенія Петра, Екатерины, Александра и Николая. Эта дерзкая интрига не удалась, но еще болѣе возстановила Государя противъ Д.....ва, и онъ, не смотря на то, что сей послѣдній получилъ на выборахъ большинство балловъ на званіе губернскаго предводителя, — утвердилъ въ эту должность втораго кандидата, полковника Потемкина. Маневры 1843 года довершили паденіе кн. В. В. Д.....ва.

Въ одинъ день необходимо было приготовить палатку для ночлега Государя на мѣстѣ маневровъ. По окончаніи ихъ, Государь спрашиваетъ:

— А гдѣ моя палатка?

Отвѣчаютъ: еще не привезена. Это разгнѣвало усталаго Государя.

— «Видно, что Д.....въ мало заботится обо мнѣ».

Наконецъ, чрезъ часъ привезли и поставили палатку, но такую оборванную и грязную, что Государь сильно разсердился и въ ту же минуту на лоскутѣ бумажки написалъ Д.....ву:

— «Благодарю васъ за вниманіе ко мнѣ и въ особенности за то нерящество, которое я нашелъ въ приготовленной вами для меня палаткѣ».

Князь, прочитавъ эту записку, послалъ къ министру двора, кн. Волконскому, письмо, въ которомъ изъяснялъ, что послѣ такого отзыва Государя онъ не можетъ долѣе оставаться на службѣ, а потому и просить доложить Его Величеству, что желаетъ увольненія. Государь на этомъ же письмѣ написалъ:

— «Въ службѣ никого насильно не держу, а тѣмъ менѣе князя Д.....ва—пусть подаетъ просьбу по командѣ».

• Просьба была подана, и отставка послѣдовала тѣмъ же числомъ, которымъ было послано письмо объ увольненіи. Д.....въ съ знакомыми сидѣлъ за обѣдомъ, когда ему принесли запечатанный пакетъ съ извѣщеніемъ о всемілостивѣйшемъ увольненіи.

Онъ преспокойно прочиталъ бумагу и положилъ ее въ карманъ; потомъ, чрезъ нѣсколько времени, обратясь къ своимъ гостямъ, спросилъ: — Господа, замѣтили-ли вы на лицѣ моемъ какое-нибудь измѣненіе?

— Никакого.

— Ну, такъ поздравьте меня,—сказалъ онъ, показывая полученную бумагу,—я сейчасъ только получилъ чистую отставку.

Но это поддѣльное равнодушіе къ немилости царской продолжалось недолго. Вскорѣ кн. В. В. Долгоруковъ письмомъ просилъ князя Волковскаго искодатаитьствовать ему у Государя, за долговременную службу дозволеніе носить оберъ-штабмейстерскій мундиръ и пользоваться придворнымъ экипажемъ, что обыкновенно предоставлялось прежде предшественникамъ его въ этой должности.

Спустя мѣсяцъ послѣ сего, было напечатано въ газетахъ: «выѣхали: въ Можайскъ, отставной 2-го класса князь Долгорукій».

Графъ Эссенъ.

Графъ Эссенъ, бывшій с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ, обязанный своимъ возвышеніемъ не воинскимъ или государственнымъ заслугамъ, но единственно капризу счастья, былъ человѣкъ добрый, но ниже даже золотой посредственности, такъ что часто при докладѣ ему бумаги спрашивалъ: «что—это мы пишемъ, или къ намъ пишутъ?» Проказники выдумали, что будто-бы на похоронахъ своихъ онъ переважно всталъ изъ гроба и спросилъ: «а что—это мы хоронимъ, или насъ хоронятъ?» На смерть его написали слѣдующую эпитафію:

Онъ ѣлъ и пилъ—
Вотъ жизни повѣсть;
Онъ долго жилъ,—
Пора звать совѣсть!

У Эссена правителемъ канцеляріи былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Оводовъ, управлявшій генералъ-губернаторомъ по произволу; нарисовали карикатуру, въ которой Эссенъ представленъ крѣпко спящимъ, съ ужаснымъ оводомъ на носу, преспокойно сосущимъ его кровь.

.

Д. Г. Бибиновъ.

Дмитрій Гавриловичъ Бибиновъ, человекъ умный, характера твердаго, благороднаго и настойчиваго. Въ молодости онъ назначилъ для себя военную службу, но, подъ Бородинымъ лишившись руки, долженъ былъ избрать гражданское поприще. По окончаніи войны въ 1814 г., онъ поступилъ въ берлинскій университетъ и выслушалъ тамъ полный курсъ: «для того, — какъ онъ впоследствии говаривалъ, — что смолоду плохо грамотѣ учили». Съ устройствомъ питейной части въ 1818 году, по вновь придуманной, тогдашнимъ министромъ финансовъ Гурьевымъ, системѣ, Бибиновъ поступилъ во владимірскіе вице-губернаторы, а потомъ и въ московскіе. Честность, справедливость и совершенное безкорыстіе были отличительными чертами исполненія имъ такой должности, гдѣ всѣ и все наживалось быстро и сильно. Вскорѣ Бибиновъ былъ назначенъ директоромъ департамента внѣшней торговли. Здѣсь-то вполне онъ проявилъ умъ свой, желѣзную волю и благородство характера. Таможенная часть, разстроенная предшественникомъ его Обрѣсковымъ, старымъ волокитой и взяточникомъ, скорѣ приняла видъ стройный и блестящій: контрабанда исчезла и таможенные доходы утроились. Вотъ нѣкоторыя черты изъ жизни этого государственнаго человекѣка, обрисовывающія его характеръ и взглядъ на вещи.

Казначей департамента Малиновскій, пуская казенныя деньги въ обороты для собственной своей выгоды, запутался, и у него открылся недочетъ въ 45 т. р. Бибиновъ, не желая сдѣлать яснымъ этотъ беспорядокъ и погубить Малиновскаго, пополнилъ растратенную сумму собственными деньгами, а казначей уволилъ отъ должности. Министръ, узнавъ объ этомъ, требовалъ, чтобы Бибиновъ предалъ суду виновнаго.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, — отвѣчалъ онъ, — я уже сдѣлалъ распоряженіе по этому дѣлу; пусть оно такъ и останется; вѣренннй мнѣ департаментъ привыкъ уже находить всѣ дѣйствія мои непреложными, и на этомъ основаніи упрочено мною управленіе вѣренныхъ мнѣ частей.

Вскорѣ о растратѣ суммы дошло до свѣдѣнія Государя, и онъ повелѣлъ: «предать виновнаго суду».

Министръ, объявивъ объ этомъ Бибинову, приказалъ тотчасъ же привести въ исполненіе Высочайшую волю. Но Бибиновъ, слишкомъ дорожа довѣріемъ къ нему подчиненныхъ, рѣшился и написалъ Государю, что онъ, управляя столько лѣтъ огромною таможенною ча-

стію, приучилъ подчиненныхъ вѣрить, что всѣ его распоряженія и дѣйствія неизмѣняемы, и что на этомъ только довѣрїи онъ могъ ввести тотъ порядокъ въ управленїи, который неоднократно удостоивался Высочайшаго одобренія, а потому, въ награду за долговременную его службу, онъ принимаетъ смѣлость просить Государя не отмѣнять сдѣланнаго уже имъ по сему предмету распоряженія.

Государь, знавшій хорошо Бибикова, написалъ на этомъ письмѣ: «Казначейя суду не предавать и Бибикову этого въ награду не отмѣнять».

Въ 18.. году Бибиковъ былъ переименованъ изъ тайныхъ совѣтниковъ въ генераль-лейтенанты и назначенъ кїевскимъ военнымъ губернаторомъ и волынскимъ и подольскимъ генераль-губернаторомъ. Въ одной изъ ввѣренныхъ ему губерній открылась эпидемія; къ прекращенію ея, съ обыкновенною ему дѣятельностью, приняты мѣры, и зараза вскорѣ прекратилась. Два молодые врача особенно отличились своимъ самоотверженіемъ и искусствомъ въ пользованїи пораженныхъ этою болѣзью. Бибиковъ, прїѣхавъ въ Петербургъ, представилъ ихъ къ наградамъ: одного къ 2 т. десятинъ земли, а другаго къ 20 т. руб. денегъ. Государь, по настоятельной просьбѣ Бибикова, далъ первому испрашиваемую награду, но второму, не смотря на всѣ убѣжденія генераль-губернатора, вмѣсто 20,000, назначилъ только 7 т. рублей. Это огорчило Бибикова, и онъ, получивъ Высочайшее повелѣніе о наградѣ 7-ю т., въ предписанїи своемъ тому мѣсту, гдѣ служилъ отличившійся врачъ, написалъ: что, по ходатайству его, Государь Императоръ назначилъ тому врачу въ награду 20 т. р. Разумѣется, что объ этомъ тотчасъ донесли Государю, и отъ Бибикова потребовалось объясненіе.

Вотъ его отвѣтъ:

— «Отъѣзжая въ Петербургъ, я сказалъ этому врачу, что, хорошо зная Государя, я непремѣнно исходатайствую ему въ награду 20 т. р.; мнѣ было бы больно показать этому врачу, что я обманулъ его ожиданіе и не въ силахъ былъ исполнить обѣщанное, а потому къ пожалованнымъ 7-ми т. я добавилъ собственныхъ 13 т. и тѣмъ поддержалъ мнѣніе, что Бибиковъ знаетъ своего Государя».

На этомъ письмѣ Его Величество написалъ:

— «Въ этомъ отвѣтѣ я узнаю Бибикова».

Бибииковъ былъ не въ духѣ, когда, однажды, къ нему явился молодой человекъ, только что выпущенный изъ лицея, съ просьбою дать ему мѣсто въ департаментѣ вѣдѣній торговли.

— У меня нѣтъ для васъ мѣста,—сказалъ ему весьма сухо Бибииковъ.

— Ваше превосходительство,—отвѣчалъ молодой человекъ,—я воспитанникъ лицея, слѣдовательно, по закону, для меня всегда должно быть мѣсто.

По существовавшимъ тогда правиламъ Царскосельскаго лицея, воспитанники его, отлично окончившіе курсъ, могли, согласно собственному ихъ желанію, поступать на службу во всѣ министерства, и еслибы гдѣ не было штатнаго мѣста, то все-таки они опредѣлялись—и до открытія вакансіи соотвѣтственное (?) жалованье получали, изъ доходовъ лицея.

— Гдѣ вашъ аттестатъ?—спросилъ Бибииковъ.

— Вотъ онъ.

— Какое множество наукъ тутъ написано, бездна премудрости,—сказалъ насмѣшливо Бибииковъ,—и вы все это знаете, а можетъ быть, даже и болѣе?

— Точно такъ, в. п—ство,—отвѣчалъ съ рѣшительностію молодой человекъ,—я хорошо знаю еще испанскій языкъ, о которомъ въ аттестатѣ не упомянуто!

— Право?—сказалъ Бибииковъ, смотря недовѣрчиво на смѣльчака,—вотъ у меня на столѣ лежитъ письмо отъ испанскаго консула; я не знаю этого языка: прошу васъ перевести мнѣ.

Лицейскій воспитанникъ взялъ письмо, сѣлъ за столъ и чрезъ нѣсколько минутъ подалъ переводъ.

— Недурно,—сказалъ ласково Бибииковъ,—напишите, пожалуйста, и отвѣтъ по испански.

Молодой человекъ такъ же скоро исполнилъ и это приказаніе.

— Хорошо, очень хорошо,—говорилъ Бибииковъ,—но для вашихъ способностей и познаній мало служить въ моемъ департаментѣ идѣте со мной, я васъ отрекомендую графу Нессельроде.

Онъ повезъ его и, представляя министру иностранныхъ дѣлъ, разсказалъ все какъ было, и просилъ его дать мѣсто этому отличному лицейскому воспитаннику. Графъ Нессельроде, уважая Бибиикова, тотчасъ же назначилъ Н** вторымъ секретаремъ въ одну изъ иностранныхъ миссій. Это такъ поразило лицейста, что онъ со слезами на глазахъ бросился къ Бибиикову и съ признательностію поцѣловалъ его руку.

— Хорошо, молодой человекъ,—сказалъ тронутый графъ,—съ такими познаніями и чувствами можно идти далеко.

Въ самомъ дѣлѣ, Н** служить отлично, и въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ имѣетъ прозваніе «Бибиковскаго дипломата»¹⁾.

Бибиковъ, прекрасно изъясняясь на словахъ, не имѣлъ дара писать. Для переписки онъ имѣлъ при себѣ домашнимъ секретаремъ Сѣрова, которому, сверхъ штатнаго жалованья и другихъ наградъ, платилъ отъ себя ежегодно 12 т. рублей и, впоследствии, сдѣлалъ его управляющимъ всѣми своими имѣніями съ огромнымъ жалованьемъ и содержаніемъ. Жаль, что въ огромномъ русскомъ царствѣ такіе начальники, какъ Бибиковъ,—рѣдки!

.

Бибиковъ терпѣть не могъ либераловъ, а потому и былъ почти въ открытой враждѣ съ гр. Киселевымъ (!). Въ 1843 году, онъ подалъ Государю записку, въ которой, описывая всѣ гибельныя(?) послѣдствія управленія министерствомъ государственныхъ имуществъ графомъ Киселевымъ, въ заключеніе выразился такъ: «Государь, вѣрьте мнѣ, Киселевъ готовитъ вамъ 1792-й годъ французской революціи».

.

Графъ П. Д. Киселевъ.

.

Не помню въ которомъ-то году, въ 1850-мъ или 1851-мъ, вышла на управленіе государственными имуществами забавная карриатура, довольно вѣрно (?) показывающая общественное мнѣніе объ этомъ министерствѣ: представлена дрянная коляска, везомая въ гору клячами (число департаментовъ министерства); на козлахъ сидитъ товарищъ министра Н. М. Гамалей, дремлющій и опустившій возжи. Министръ, графъ Киселевъ, сидитъ въ коляскѣ, въ республиканской

¹⁾ Писано въ 1841 году.

шапкѣ на головѣ, и пускающій мыльные пузыри, мыло для которыхъ натираетъ сидящій подлѣ него статсъ-секретарь В. И. Карнѣевъ, извѣстный своими либеральными идеями (?).

Въ 1851 г., за дурное (?) управленіе государственными крестьянами, Государь сильно пожурилъ графа Киселева, такъ что заговорили въ городѣ, что онъ будетъ смѣненъ. Какой-то проказникъ напечаталъ въ полицейской газетѣ объявленіе о потерѣ, слѣдующаго содержанія: «Нѣкто, выходя изъ Зимняго дворца, потерялъ имѣвшуюся у него довѣренность, а потому просить нашедшаго оную доставить 1-й Адмиралтейской части, 1-й кварталъ, по Мойкѣ, въ домѣ подъ № такимъ-то». Оказалось, что въ этомъ домѣ единственный жилецъ—министръ государственныхъ имуществъ.

С и м а ш к о.

Въ присоединеніи униатовъ къ православной церкви, главнымъ дѣйствователемъ былъ униатскій архіепископъ Іосифъ Симашко. Паписты, приписавъ этотъ подвигъ однимъ обширнымъ видамъ честолюбія сего іерарха, сказали про него: «въ ветхомъ завѣтѣ братья продали Іосифа, а въ новомъ — Іосифъ продалъ своихъ братьевъ».

Князь А. С. Меншиковъ.

Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, потомокъ, въ прямой линіи, знаменитаго князя Александра Даниловича Меншикова, сподвижника Петра Великаго, одаренъ способностями необыкновенными, усиленными блестящимъ образованіемъ; языкъ его остръ какъ бритва. При Александрѣ I Меншиковъ былъ генералъ-адъютантомъ и правителемъ канцеляріи начальника главнаго штаба. Въ началѣ 1823 года, за ноту противъ самовластия графа Аракчеева, подписанную имъ вмѣстѣ съ княземъ Кочубеемъ, графомъ Гурьевымъ, княземъ Волконскимъ и генералъ-адъютантомъ Закревскимъ, и поданную Государю, онъ былъ уволенъ, такъ какъ и прочіе, отъ своей должности, и, вслѣдъ затѣмъ, вышелъ въ отставку. Вотъ примѣръ его необыкновенныхъ способностей:

Любимая верховая лошадь князя заболѣла, и, не смотря на подаваемыя ей пособія, умерла. Смерть ея приписывали плохому искусству лечившаго ее ветеринара. Это такъ сильно огорчило князя,

что онъ, изъ опасенія потерять отъ подобныхъ причинъ лошадей, въ два мѣсяца выучился ветеринарному искусству, въ чемъ и выдержалъ отличнымъ образомъ экзаменъ.

По вступленіи Императора Николая на престолъ, Меншиковъ снова вступилъ въ службу, сдѣланъ генералъ-адъютантомъ и, при мѣрѣ неслыханный—изъ сухопутныхъ генераловъ переименованъ въ вице-адмирала и назначенъ начальникомъ морскаго штаба. Меншиковъ вполне оправдалъ довѣренность Государя, стремившагося, подобно своему безсмертному прадѣду Петру Великому, къ усовершенствованію нашего флота, почти заброшеннаго со временъ смерти Екатерины II. Теперь (1842 г.) флотъ нашъ числомъ военныхъ судовъ и искусствомъ моряковъ вполне соответствуетъ могуществу Россіи.

Передъ свадьбою Цесаревича Государь, по поданному ему проекту графомъ Киселевымъ, имѣлъ намѣреніе дать свободу помѣщичьимъ крестьянамъ, о чемъ манифестъ былъ бы обнародованъ 16-го апрѣля, т. е. въ самый день бракосочетанія. Но, предварительно, этотъ проектъ былъ подвергнутъ разсмотрѣнію особаго комитета, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя. Большая часть членовъ были на сторонѣ проекта, но князь Меншиковъ сильно возсталъ противъ него, доказывая, что исполненіе онаго повлечетъ за собою неисчислимыя бѣдствія для государства.

— Не оттого ли ты такъ сильно возражаешь противъ этого проекта,—сказалъ Императоръ Меншикову,—что у тебя нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ?

— Нѣтъ, ваше величество,—отвѣчалъ князь,—а потому, что люблю васъ и мое отечество, и сильно утверждаю, что тотъ, кто подалъ вашему величеству этотъ проектъ,—или невѣжда, совершенно незнающій Россіи, или измѣнникъ, желающій ея конечной гибели.

Нѣкоторые изъ членовъ поддержали мнѣніе князя, и Государь оставилъ этотъ пагубный (?) проектъ. Вотъ величайшая заслуга (!), оказанная княземъ Меншиковымъ государству ¹⁾.

Когда послѣдняя мужская отрасль графовъ Чернышевыхъ, ротмистръ Кавказскаго полка, по участію въ заговорѣ 14-го декабря, былъ лишенъ всѣхъ правъ и сосланъ въ каторжную работу, то гене-

¹⁾ Это заключеніе равно какъ и всѣ прочіе отъзвы составителя рукописи мы сочли нелишнимъ сохранить, дабы освѣтить точку его зрѣнія, за частую весьма странную, на современныхъ ему государственныхъ дѣятеley и событіяхъ.

раль-адъютантъ А. И. Чернышевъ причислилъ себя въ родство къ этой графской фамиліи и съ тѣмъ вмѣстѣ предъявилъ права свои на оставшееся послѣ послѣдняго графа огромное наслѣдство. Вся знать, бывшая въ родственныхъ связяхъ съ родомъ графовъ Чернышевыхъ, возстала противъ этого несправедливаго притязанія, и проски Чернышева не удались. Въ то время, когда объ этомъ продолжалось дѣло, Меншиковъ по болѣзни оставался дома. Разъ прїѣзжаетъ къ нему знакомый; князь спрашиваетъ его: «что новаго въ городѣ?» Тотъ отвѣчаетъ:

— Только и толкуютъ о выходкѣ Чернышева присвоить себѣ богатое наслѣдство графа Чернышева.

— Охота ему, — сказала князь, — отнимать чужую собственность; пожалуй, если ему такъ хочется воспользоваться постороннимъ наслѣдствомъ, то я уступаю ему свое.

— Какое? — спросилъ знакомый.

— Подагру, — отвѣчалъ князь, — вѣдь она досталась мнѣ въ наслѣдство послѣ дѣда и отца.

Однажды князь осматривалъ приготовляемые къ отплытію пароходы и на одномъ изъ нихъ увидалъ матроса, несущаго дрова.

— Для чего это? — спросилъ князь.

— Топить пароходъ, ваша свѣтлость, для графа Канкринна.

— Э! братецъ, — сказалъ съ усмѣшкою князь, — ты лучше топи его, когда онъ сядетъ.

На одномъ балѣ, Меншиковъ, стоя съ однимъ знакомымъ близъ дверей залы, дѣлалъ насмѣшливыя замѣчанія на счетъ входящихъ. Увида приближающагося генераль-маіора К. В. Чевкина, начальника штаба горныхъ инженеровъ, человѣка весьма умнаго, образованнаго, но, къ несчастію, некрасиваго собой и горбатаго, Меншиковъ сказалъ:

— Enfin voilà l'Eusope qui vient.

Чевкинъ, услышавшій это прозваніе, нисколько не смутился, но, проходя довольно скоро мимо Меншикова, говорилъ, какъ-бы самъ съ собою:

— Pourtant Eusope était bon à quelque chose, au moins il faisait parler les animaux.

Меншиковъ терпѣть не могъ статсъ-секретаря Позена съ братією (?). Однажды, гуляя съ дамами по Англійской набережной, предло-

жилъ имъ, не хотятъ ли онѣ, прокатиться по взморью? Получивъ согласіе, онъ закричалъ съ набережной на близъ-стоявшій пароходъ:

— Эй, пошлите ко мнѣ Позена!

Въ минуту является проворный матросъ, которому князь далъ приказаніе немедленно приготовить пароходъ къ отплытію.

— Неужели фамилія этого матроса—Позень?—спросили дамы.

— О! нѣтъ, —отвѣчалъ Меншиковъ, —но какъ онъ, во первыхъ изъ жидовъ; во вторыхъ, очень уменъ и смѣтливъ, а главное, въ третьихъ, ужасный плутъ, —то я и проваль его Позень.

Когда, въ началѣ 1842 года, передъ отъѣздомъ на Кавказъ вмѣстѣ съ графомъ Чернышевымъ, Позень былъ пожалованъ въ тайные совѣтники, то, на выходѣ во дворцѣ, Меншиковъ сталъ его бранить, называя всякими крупными кличками.

— Что вы дѣлаете, князь, —сказалъ ему кто-то, —здѣсь близко вся царская фамилія: немудрено, что и услышатъ.

— И, помилуйте, —отвѣчалъ князь, —вотъ уже шесть лѣтъ, какъ я всюду и при всѣхъ ругаю этого Позена, да никто слышать объ этомъ не хочетъ.

— «Начинается походъ новыхъ аргонатовъ въ Колхиду», —сказалъ Меншиковъ, узнавъ о назначеніи графа Чернышева и Позена для обозрѣнія Кавказскаго края. —«Можетъ быть, Чернышевъ и добудетъ руно, только обстрижетъ-то его Позень».

Въ одномъ изъ засѣданій совѣта, кто-то, обратясь къ Меншикову, сказалъ: какъ здѣсь жарко! «Что мудренаго, когда сюда насажены трехполѣнные дрова», —отвѣчалъ князь, указывая на двухъ рослыхъ NN и Вронченко.

Однажды спросили князя: *connaissez-vous les deux freres Boutourlines?*

— Ah, oui, —онъ отвѣчалъ, —j'en connais même quatre, mais j'aurais donné les deux premiers pour ne pas connaître les deux derniers.

Бибиковы Дмитрій, Илья и Гаврила Гавриловичи слыли въ Петербургѣ: первый—за гордеца, второй—за игрока и третій—за хвастуна. Князь Меншиковъ говаривалъ, что изъ Бибиковыхъ:

— Одинъ надувается, другой продувается, а третій — другихъ надуваетъ.

Въ началѣ 1843 года скончался с.-петербургскій митрополитъ Серафимъ, на 86-мъ году отъ рожденія. Государь, очень сожалѣя о потерѣ этого пастыря, говорилъ:

— Право, не придумаю кѣмъ бы замѣнить его?

— И, ваше величество, — сказалъ бывшій тутъ князь Меншиковъ, — что тутъ затрудняться: извольте назначить митрополитомъ графа Клейнмихеля, съ отчисленіемъ по кавалеріи. Онъ только еще этихъ однѣхъ должностей и не занималъ.

Меншиковъ, услыжавъ, что Позену пожалована, въ 1843 году, табакерка, оспанная брилліантами, съ портретомъ, сказалъ:

— Это для того, вѣроятно, сдѣлано, чтобы видѣть ближе, что дѣлается въ карманѣ Позена.

Въ 1843 г., по проекту графа Левашова, было образовано главное управленіе или министерство коннозаводства. Вскорѣ послѣ этого, на графа Левашова, гулявшаго по Мойкѣ, бросилась собака, принадлежавшая графу Киселеву, министру государственныхъ имуществъ, и чуть было его не укусила. Когда узналъ объ этомъ Меншиковъ, то, улыбувшись, сказалъ: «Это собака сдѣлала изъ зависти, какъ Левашовъ устроилъ министерство лошадиное, а Киселевъ до сихъ поръ не могъ устроить собачьяго».

На Мойкѣ, противъ дома, гдѣ жилъ графъ Киселевъ, былъ построенъ передъ Паской балаганъ, въ которомъ показывали панораму Парижа.

— На что это строятъ балаганъ?—спросилъ кто-то у князя Меншикова.

— Какъ—на что, — отвѣчалъ онъ, — Киселевъ хочетъ показывать тутъ государственныхъ крестьянъ.

Государь хвалилъ и удивлялся искусству фокусника Боско. «Можно ли вашему величеству, — сказалъ бывшій при этомъ Меншиковъ, — удивиться этому заморскому искуснику, когда у васъ есть свой неподражаемый фокусникъ?»

— Кто же это? — спросилъ улыбаясь Государь.

— А Егоръ Францовичъ Канкринъ, — отвѣчалъ князь, — онъ возьметъ въ одну руку золото, а въ другую серебро, на первую дунеть — ассигнація, на вторую плюнетъ — облигація.

Шутки изъ рукописнаго сборника.

ПЕРЕВОДЫ:

а) Заулоподражательные: съ французскаго на русскій.

Chantons, célébrons la gloire d'Achille.

Антонъ серебро по бульвару ташилъ.

Sacrifice volontaire de l'indépendance.

Не кривись, волонтеръ, не то поддамъ.

Salon de musique (название павильона, близъ г. Павловска).

Соленый мужикъ (отвѣтъ мужика, знавшаго какъ называется этотъ павильонъ у господъ).

б) Дословные: съ русскаго на французскій.

Хорошо быть генераломъ.

Bien être général.

Ни дать, ни взять — вылитый вы.

Ni donner, ni prendre, versé vous.

Надѣюсь, что вы меня когданибудь посетите.

J'espère, que vous me possederez quelquefois.

Синебрюховъ.

Ventre-bleu.

Провинціальная барыня, рассказывая, какъ она была принята однимъ вліятельнымъ лицомъ, къ которому обращалась съ просьбою по дѣлу, упомянула, что, выйдя къ ней, особа эта начала съ извиненія въ томъ, что принимаетъ ее безъ бѣлья (вмѣсто въ дезабильтѣ).

Je veux mon thé (monter), pas de cendre (descendre), — сказалъ острякъ въ обществѣ за чайнымъ столомъ, когда въ его стаканъ съ чаемъ, по неосторожности одного изъ близъ сидѣвшихъ, попалъ пепелъ съ сигары.

— Qui est ce général-là?—съ такимъ вопросомъ нѣкто, не знавшій въ лицо министра графа Киселева, обратился къ князю Меншикову.

— C'est le ministre, qui s'élève,—былъ отвѣтъ Меншикова.

Для объясненія этого каламбура необходимо упомянуть, что тогда Киселевъ дѣйствительно шелъ въ гору.

Augota suis amica.

Въ буквальной переводѣ значить: утрення заря—подруга музъ.

Этими словами по латынѣ, начальникъ одного пансіона при гимназій по-буждалъ къ скорѣйшему вставанію съ постели тѣхъ изъ воспитанниковъ, которые, и послѣ утренняго звонка, медлили еще подниматься. Недовольные такимъ напоминаніемъ, гимназисты провожали его словами: обжора, мужикъ Лавка!

ИРИНЕЙ НЕСТЕРОВИЧЪ.

Въ теченіе перваго десятилѣтія изданія «Русской Старины» (1870—1879) были напечатаны объ Иринеѣ Нестеровичѣ слѣдующія статьи:

1) Любопытная резолюція архіепископа иркутскаго Иринея, 1830 г. Сообщ. А. И. Войцеховичъ (1872 г., томъ V, стр. 477—478).

2) Бунтъ архіепископа Иринея въ Иркутскѣ, 20-го сентября 1831 г. Очерки, рассказы и воспоминанія Эразма Стогова (1878 г., т. XXIII, стр. 99—118).

3) Иринея, архіепископъ пензенскій. Его чудачества (1879 г., т. XXIV, стр. 159—163).

4) Бунтъ архіепископа Иринея въ Иркутскѣ, 20-го сентября 1831 г. Довесивіе ген.-губ. Лавинскаго и характеристическіе рассказы объ Иринеѣ. Сообщ. гг. Сергѣевъ, протоіерей А. Сулоцкий и А. Н. Труворовъ (1879 г., т. XXIV, стр. 361—370).

Изъ этихъ статей читатели могли себѣ составить достаточное понятіе объ этомъ православномъ іерархѣ XIX-го вѣка—съ причудами и своеволіемъ римскаго прелата XVI столѣтія. Его чудачества и странныя выходы объясняли пошлостью; но это вопросъ первѣнный и вѣрнѣе полагать, что Иринея былъ «себѣ на умѣ»—подражатель архимандриту Фотію.—Иринея, можетъ быть, и имѣлъ бы успѣхъ въ послѣдніе годы царствованія Александра I, когда мистицизмъ и прордство были въ духѣ времени, но императоръ Николай I не терпѣлъ ни того, ни другаго, пуще же всего преслѣдовалъ непокорность власти. Иринея можно назвать послѣднимъ представителемъ духовной оппозиціи мѣстной свѣтской власти и живымъ доказательствомъ невозможности существованія на Руси клерикаловъ и ультрамонтановъ, хотя бы то было и за Уральскими горами. Человѣкъ этотъ, однако, былъ далеко не дюжинный. Какъ образецъ своеобразнаго склада ума и рѣчи Иринея, напомнимъ его резолюцію 1830 года, по поводу отказа игумена жевскаго монастыря принять въ него дочь священника, заподозрѣнную въ беремености.

—«Объявить въ послѣдній разъ игуменьѣ, что ежели она станетъ учить епархіальное начальство, то будетъ лишена своего мѣста безъ всякаго замедленія и непремѣнно (50-й пунктъ Духовнаго Регламента о настоятеляхъ). Ужели дѣвцы, живущія въ монастырѣ, не знаютъ, что есть беременность? ужели не видать приходящихъ на богомолье женъ беременных? ужели не знаютъ, что отъ чрева матери Богъ—есть ихъ Богъ? ужели не читаютъ: «благословенна Ты въ женахъ и благословенъ плодъ чрева Твоего»? Кромѣ сего, бумагами, отъ меня вышедшими, не предписано разрѣшенія (отъ беременности) дожидать въ монастырѣ сей дѣвки, а только примѣтить, беременна ли она, что одно время можетъ открытъ; за сѣмъ пойдутъ другія уже распоряженія. Наконецъ, «кто лучше—вверзи камень» должно бы вспомнить, и смириться, а не величаться. Монастырь, въ которомъ обитаетъ духъ гордости, а не духъ Христовъ—не монастырь; и игуменья, которая говоритъ языкомъ міра, а не любви, приносящей все на жертву о Господѣ,—не игуменья. Есть тысячные способы помочь исполнить святую мысль епархіальнаго начальства: есть содѣянія, есть домъ монастырскій, тутъ-же есть благодѣтели, есть христіане, которые все готовы исполнить, лишь бы искоренить соблазнъ и дать восторжествовать истинѣ на свѣщницѣ церкви святыя. Примѣръ, приведенный здѣсь о Толстихѣ, несправедливъ: тамъ тайна беззаконія, а здѣсь судъ милосердія совпадшихъ въ разбойники. Регламентъ говоритъ о безчестныхъ, а здѣсь честь на средѣ, честь откроетъ беззаконную причину, удалитъ пареканіе отъ служителя алтара. Есть случаи, когда самый законъ измѣняется—такъ, по евангелію. Давидъ вкушалъ тѣ хлѣбы, коихъ нельзя было употребить; здѣсь—таже крайность и ежели что либо произойдетъ, то епархіальное начальство подвергнетъ всей строгости суда за неповиновеніе его предписанію; кромѣ сего, сіе средство спасетъ и честь, или подвергнетъ лишенію извѣстныхъ многихъ лицъ, и кому-же свойственнѣе вѣрять честь братія своей, ежели не самимъ? Ужели срамоту ихъ должно открывать передъ мірови? Такова по Апостолу: «нѣсть въ васъ разумѣнія».

Приложенный въ XXVI-му тому «Русской Старины» портретъ Иринея—гравюра Академика Л. А. Сѣрякова съ небольшого живописнаго подлинника, присланнаго редакціи «Русской Старины» изъ Одессы, а туда доставленнаго изъ Сибири, гдѣ еще жива память объ этомъ іерархѣ. Выраженіе красиваго лица и взглядъ архіепископа не обличаютъ помѣшательства, которому приписывали поступки Иринея.

Исчезновеніе Историческаго Музея въ Новгородѣ.

Пора бы историческимъ изданіямъ нашимъ ополчиться на защиту старины. Едва-ли читающей и мыслящей публикѣ нашей извѣстно, до какихъ фантастическихъ размѣровъ доходитъ у насъ систематическое уничтоженіе памятниковъ древности. Она бы пришла въ ужасъ, если бы узнала всю грустную истину. Весьма бы было полезно при одномъ изъ историческихъ журналовъ нашихъ завести подробный списокъ тому, что невѣжество, въ теченіе года, безцере-

можно стираеть съ лица земли. Не согласится ли уважаемая редакция завести подобный синодикъ при «Русской Старинѣ»? Я увѣренъ, что это хоть нѣсколько приостановить черезчуръ вольное обращеніе съ древностью. Въ случаѣ согласія, да благоволятъ она первымъ записать имя исчезнушаго съ лица земли Историческаго Музея Новгородскаго земства. Занося въ синодикъ это имя, не могу, къ сожалѣнію, припомнить всѣхъ археологическихъ богатствъ, его составлявшихъ. Предметовъ этихъ было весьма и весьма много, а опись музея (далеко неполная), составленная въ 1868 году г. Богословскимъ, стала теперь библиографическою рѣдкостью.

Съ именемъ Новгорода тѣсно связана грозная память царя Ивана, тѣмъ паче когда дѣло идетъ объ истребленіи и синодикахъ. И такъ, по примѣру его, благоволите записать:

Историческій Музей Новгородскаго земства со всѣми памятниками древности, ихъ же ты вѣси, Господи!

Спб.

А. А. Васильчиковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Общество любителей древней письменности, учрежденное в 1864 году, имеет честь объявить, что оно издает журнал, посвященный изучению древнерусского языка и литературы.

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ

древней письменности, учрежденное в 1864 году, имеет честь объявить, что оно издает журнал, посвященный изучению древнерусского языка и литературы.

ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ,

въ видахъ распространенія въ средѣ публики свѣдѣній о письменныхъ памятникахъ отечественной старины, признало полезнымъ издавать въ опредѣленные сроки приложенія къ своимъ изданіямъ подъ именемъ:

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

Въ составъ этихъ приложеній входятъ: монографіи о древнерусскихъ памятникахъ, извлеченія изъ рукописей, описанія общественныхъ и частныхъ книгохранилищъ, библиографическія свѣдѣнія и замѣтки о всемъ, что помалаетъ у насъ и на Западѣ по части изданія старинныхъ текстовъ.

Памятники Древней Письменности" выходятъ четыре раза въ годъ, въ январѣ, апрѣлѣ, августѣ и ноябрѣ, выпусками отъ 7—15 листовъ каждый, на веленовой бумагѣ: всего въ годъ составитъ около 60 листовъ вмѣстѣ съ литографическими факсимиле и однимъ нум. №№ изданій Общества за текущій годъ.

Подписная цѣна на годъ съ пересылкой и доставкой 15 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ „Нового Времени“ (Невскій, 60), Н. Фену и К° (Невскій, д. Армянской церкви), Рикера (Невскій, д. № 14), а равно и у всѣхъ известныхъ столичныхъ книгопродавцевъ.

Подписчики пользуются уступкой 25% съ изданій, воступившихъ въ продажу.

ВЫШЛИ ПРОВНЫЙ, 1-й и 2-й ВЫПУСКИ.

СОДЕРЖАНІЕ ИХЪ: Тексты: „Шадецы или жарты польскія, повѣсти, бѣсѣды утѣшки московскія“.—О пьянствѣ (двѣ легенды).—Сказаніе о птицахъ небесныхъ.—Сказаніе о Бовѣ Королевичѣ (по рукописи XVII в.).—О слабости жепъ.—О похотѣ плотскій и о заславленіи прельстившихся: о грѣхъ сынехъ царевныхъ.—О невѣрности и крѣпости тѣла глаголютъ же ся виною яко не вѣрять тайны жеванъ.—Факсимиле: Арифметическія задачи (по рук. XVII в.) и 8 гравюръ къ „сказкѣ о Бовѣ Королевичѣ“.—Статьи: I. О литературной исторіи „Физиолога“, князя П. П. Вяземскаго.—II. Сказаніе о страстяхъ Господнихъ, Ѳ. И. Булгакова.—III. Біографія Юрія Вржжаняча, П. П. Морозова.—IV. Историческія свѣдѣтельства о славянской народной поэзіи, его же.—V. Историческое развитіе русскаго искусства.—Библиографія: Архивъ славянской филологіи, изд. профессоромъ Ягичемъ, князя П. П. Вяземскаго.—Изданія общества древнерусскаго искусства, Ѳ. И. Булгакова:—Литература средневѣковыхъ романскихъ текстовъ.—Свѣдѣнія о рукописяхъ: Палеографическое собраніе князя П. А. Путагина.—Фотографическія снимки съ старинныхъ дощечъ Пестржевскаго монастыря. — 17

статей и замѣтокъ объ изданіяхъ Общества Любителей Древней Письменности за 1878 г.—Извлеченіе изъ рукописнаго каталога рукописей князя А. И. Вяземскаго

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 9 руб. за всѣ три тома; пробный 4 р.; 1-й—2 р. и 2-й—3 р.

ПОДПИСЧИКИ НА ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

въ 1879 г.

**Хожденіе по вознесеніи Г. Н. I. X. св. Апостола и Евангелиста
Іоанна Учене и Преставленіе.**

Списано Прохоромъ ученикомъ его.

(Изъ рукописи XV—XVI вѣка собранія архимандрита Амфилохія съ греческимъ текстомъ по рукописи 1022 года, № 162, описанной съ рукописями XI, XII и XIII-го вѣковъ, № 178 и 159 московской синодальной бібліотеки).

Съ хромолитграфированнымъ изображеніемъ св. Іоанна Богослова и его ученика Прохора.

Съ предисловіемъ архимандрита Амфилохія.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

ПОВѢСТЬ О СУДѢ ШЕМЯКИ.

Факсимильнаго текста XVII-го вѣка. — Двѣнадцать гравюръ. — Транскрипція текста. — Тамужическія сказанія о праведныхъ судахъ прамудраго царя Соломона и неправедныхъ судахъ Содомскихъ. Съ предисловіемъ Ф. И. Булгакова. Въ отдѣльной продажѣ 2 руб.

Съ требованіями обращаться: къ секретарю общества, С.-Пб., Пантелеймоновская, д. Тулякова, № 21—14, Ф. И. Булгакову.

ТАМЪ ЖЕ МОЖНО ПОЛУЧИТЬ:

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА Л. ДР. ПИСЬМЕННОСТИ

за 1877 г.

Содержащій въ себѣ описаніе 16-ти изданій Общества, 5 литографическихъ снимковъ и, въ видѣ приложенія къ „Протоколу годоваго собранія“, статья князя П. П. Вяземскаго «О значеніи русскихъ лицевыхъ изображеній», «О древней музыкѣ» и «Проектъ Бортианскаго о введеніи въ Россію Крюковаго пѣнія». Цѣна три руб.

„СТЕФАНИТЬ И ИХНИЛАТЬ“

съ предисловіемъ и призываніями Ф. И. Булгакова. Цѣна 5 руб.

Въ Петербургѣ, въ типографіи **И. П. ПОДНИСКИНА**, въ 1880 году, 1-го января, открыта подписка на ежедневную политическую и литературную газету „**НОВОСТИ**“ на 1880 годъ (четвертый годъ изданія подъ новою редакціею).

ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ „НОВОСТИ“

на 1880 годъ (четвертый годъ изданія подъ новою редакціею).

Подписная цѣна:
 на 1 г. 11 м. 10 м. 9 м. 8 м. 7 м. 6 м. 5 м. 4 м. 3 м. 2 м. 1 м.
 Съ доставкою въ
 С.-Петербургъ: 8 7 50 7 — 6 50 6 — 5 50 5 4 50 3 80 3 2 1
 Съ пересылкою: 9 8 25 7 50 7 — 6 50 5 75 5 4 50 4 — 3 2 1

Подписывающіеся съ разу на весь послѣдніе мѣсяцы 1879 г. и на весь 1880 г. платятъ за время: съ 1-го сентября 1879 г. по 1-е января 1880 г., т. е. за 16 мѣсяцевъ, 12 руб., съ 1-го октября 1879 г. по 1-е января 1880 г., т. е. за 13 мѣсяцевъ, 11 руб. 50 коп., съ 1-го ноября—всего 10 р. 50 к., и съ 1-го декабря 9 р. 50 к. Подписывающіеся на весь 1879 г. получаютъ весь номера съ 1-го января. Письма и деньги адресуются: въ С.-Петербургъ, въ редакцію газеты „**НОВОСТИ**“ (Гороховая, № 32).

Газета „**НОВОСТИ**“ выходитъ, безъ предварительной цензуры, ежедневно, не включая понедѣльниковъ, полными номерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней.

Редакція строго соблюдаетъ принятое ею съ самаго начала изданія правило—не оставлять ни одного болѣе или менѣе выдающагося явленія или событія безъ своевременной всесторонней оцѣнки и освѣщенія (отдѣлъ «Дневникъ»), не сообщать читателямъ ни одного извѣстія позже другихъ газетъ и не помѣщать въ газетѣ никакихъ статей, не представляющихъ общественно-политическаго интереса для большинства ея читателей. Изъ многочисленныхъ же извѣстій административнаго характера газета отдаетъ предпочтеніе такимъ, въ которыхъ заключаются рѣшенія какихъ нибудь крупныхъ общественныхъ вопросовъ или отвѣты на различныя ходатайства мѣстныхъ обществъ, вынужденныхъ часто, для полученія подобныхъ свѣдѣній, прибѣгать къ ко-

мандировкѣ въ Петербургъ специальныхъ уполномоченныхъ или, по мѣрѣе мѣрѣ, къ продолжительной, взаимной перепискѣ. Наконецъ, прочитавшій внимательно даже одинъ или два номера газеты можетъ убедиться въ томъ, что газета совершенно чужда рутинѣ, господствующей въ старыхъ изданіяхъ; что общій характеръ газеты носитъ на себѣ печать оригинальности, заключающейся именно въ томъ, что ни одинъ, болѣе или менѣе выдающийся изъ ряда обыкновенныхъ фактъ не остается безъ освѣщенія; что, при огромномъ ясклѣ самыхъ разнообразныхъ известій, получаемыхъ редакціей ежедневно отъ своихъ постоянныхъ репортеровъ и корреспондентовъ (рубрики: «Административныя Новости», «Русская Лѣтопись», «Внутренняя Почта» и т. д.), она имѣетъ возможность заимствовать изъ другихъ изданій подчинять самому строгому критическому выбору и приурочивать къ текущимъ, наиболее популярнымъ вопросамъ. Такъ, напримѣръ, подъ рубрикою «Русская Печать», редакция не только знакомитъ своихъ читателей со взглядами и сужденіями текущей периодической печати, но старается вкратцѣ освѣщать эти взгляды и сужденія съ научной и общественной точекъ зрѣнія. Также точно и подъ рубрикою «Свѣтъ и Тѣнь» наиболее выдающіеся явленія обще-государственной и мѣстной жизни приводятся не какъ простые факты, а какъ живой практическій матеріалъ, почерпнутый изъ всесторонняго житейскаго опыта, регулирующаго нравственный и матеріальный уровень общественныхъ и гражданскихъ отношеній. Наконецъ, справочный отдѣлъ газеты приуроченъ ко всевозможнымъ общественнымъ потребностямъ различныхъ классовъ («Справочный отдѣлъ»).

Содержаніе газеты „НОВОСТИ“:

1) Политическія Телеграммы (доставляемыя «Международнымъ Агентствомъ» и собственными корреспондентами).—2) Дневникъ. До 1-го сентября напечатано: по важнымъ вопросамъ: около 600 статей; по внутреннимъ—около 80 статей.—3) Административныя Новости (отъ нашихъ специальныхъ репортеровъ). По 1-е сентября помѣщено болѣе 700 известій.—4) Русская Лѣтопись (отъ нашихъ специальныхъ репортеровъ). По 1-е сентября помѣщено болѣе 2,000 статей. Подъ эту же рубрикою печатаются: Всѣ важнѣйшія правительственныя распоряженія, сообщенія и телеграммы.—Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ с.-петербургской городской думы.—Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ: географическаго, мореходства, промышленности и торговли, вольно-экономическаго, техническаго, педагогическаго, естественнаго, минералогическаго, этнологическаго, юридическаго, общества русскихъ врачей, общества практическихъ врачей, общества взаимнаго кредита, благотворительныхъ обществъ, мѣстнаго общества, общества сельскихъ хозяевъ, садоводства, комисіи при педагогическомъ музеѣ. Кроме того, своевременно помѣщались всѣ, болѣе или менѣе важныя, распоряженія г. петербургскаго градоначальника и мелкія происшествія.—5) Театръ и Музыка. Подъ этою рубрикой помѣщено болѣе 1,000 известій и отчетовъ, доставленныхъ нашими репортерами и рецензентами. Подъ этою же рубрикою печатаются собственныя и заимствованныя известія о провинціальныхъ русскихъ и иностранныхъ театрахъ.—6) Всемирный Малодесюль, печатающійся по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, заключаетъ въ себѣ самыя разнообразныя свѣдѣнія о выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ явленіяхъ,

событіяхъ и фактахъ, совершающихся во всѣхъ частяхъ свѣта.—7) Правительственные распоряженія, представляющія общій интересъ или касающіяся отдѣльных національностей, вѣсовъ и городскихъ или сельскихъ населеній, печатаются дѣликомъ.—8) Внутренняя Почта (отъ нашихъ постоянныхъ и случайныхъ корреспондентовъ).—9) Русская Печать (ежедневное обозрѣніе газетъ и журналовъ).—10) Литературный Отдѣлъ (Беллетристическія и публицистическія статьи): «Вчера и Сегодня» (Воскресныя бесѣды Коломенскаго Бандида. Еженедѣльно).—«Литературная хроника» (обозрѣніе тодѣшнихъ журналовъ, Вл. Чуйко, Два разъ въ мѣсяцъ).—«Въ складахъ историческаго матеріала». (Изъ разсказовъ архивной крѣмы. Обозрѣніе историческихъ журналовъ и книгъ, Коломенскаго Бандида. Ежемѣсячно).—«Обозрѣніе педагогическихъ журналовъ» Скромное Я. Ежемѣсячно.—«Обозрѣніе духовныхъ журналовъ». Скромное Я. Ежемѣсячно.—«Обозрѣніе художественныхъ выставокъ». По поводу передвижной выставки 1879 г. В. Чуйко.—Третья годичная (1879 г.) выставка «Общества выставокъ художественныхъ произведеній». Коломенскаго Бандида.—11) Библиографіи: отзывы о новыхъ книгахъ.—12) Публицистическія и историческія статьи. Эскурсія въ область житейской философіи. Скромное Я.—Письмо къ ученому публицисту Н. К. Михайловскому. В. Чуйко.—Женскій трудъ (Параллели. Вниманію великоsvѣтскихъ дамъ).—Знаменія времени въ области судебной практики. Серебренникова.—По поводу священническихъ расъ.—Воспоминанія о чумѣ, полковника Д. Н. Ганкевича.—Русская ученая экспедиція въ Египетъ для изученія чумы въ 1839—1844 гг. А. Скальконскаго.—Ученое легкомысліе. В. Никитина.—Шипы сѣверныхъ розъ (путешествіе американской мухи).—По поводу кутаисскаго дѣла.—Болезни асграханскаго населенія, Л. Бесина.—Эскурсія въ царство мертвыхъ.—Торговля рабами въ Турціи, ст. Паскаля Давида и т. д.—13) Беллетристика. «Русское Тайнобрачіе», postscriptum къ «Мелочамъ архіерейской жизни», печатавшимся въ «Новостяхъ» въ 1878 г. Н. Дѣскова.—«Бабушка и внучка», оригин. повѣсть Л. О. Леванды.—«Призраки», ориг. разсказъ Никола Адмирари (Л. Панютина).—«Страница изъ исторіи одного ребенка», оригин. этюдъ Сахаровой.—«Женщина, разрѣзанная на куски», сцены изъ соврем. «Подземнаго Милана».—«Безъмянный замокъ», съ венгерскаго, романъ Юкан.—«Зачумленный городъ», разсказъ.—«На Левантской эскадрѣ», разсказъ Литрова.—«Уголовныя драмы», романъ П. Закона и Э. Море.—«Мечь или тайны серая», романъ Лейлы Ханумъ.—«Изъ омута въ омутъ», романъ Максъ Агнессы Флемингъ (изъ американской жизни).—«Около золотого тельца», оригин. романъ.—«Утѣсь Почетнаго Легіона» Барт. Ауэрбаха.—«Гиганты—подпны».—«Дѣта покойницы», ром. Ульбаха.—Разсказы Бретгарта и т. д. Воскресныя номера печатаются въ форматъ, удобномъ для переплета. Изъ печатающихся въ воскресныхъ номерахъ беллетристическихъ произведеній, по истеченіи года, составитъ объемистый томъ въ 26 листовъ газетнаго формата.—14) Справочный отдѣлъ. Коммерческія телеграммы (доставляемца редакціи «Международнымъ Агентствомъ»).—Хлѣбныя и товарныя рынки (столичныя и провинціальныя).—Биржевыя курсы.—Тиражи процентныхъ бумагъ.—Минеральныя воды за границею (справочныя свѣдѣнія).—Железныя дороги.—Указатель лечебницъ.—Указатель дѣлъ, назначаемыхъ въ коммерческомъ судѣ.—Репертуаръ.—Прибывшіе и выбывшіе, и проч.—15) Свѣтъ и Тѣнь.—16) Судебный Отдѣлъ (Отъ нашихъ стенографовъ и изъ официальныхъ газетъ).—17) Объявленія и романы.

ОБЪЯВЛЕНІЕ
ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
„НАРОДНАЯ ШКОЛА“
ВЪ 1880 ГОДУ!
(ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Учебнымъ Комитетомъ при Об. Синодѣ и удостоенъ золотой медалей отъ Комитета Грамотности, состоящаго при Императорскомъ Вольно-экономическомъ обществѣ.

Вступая въ двѣнадцатый годъ своего существованія, журналъ «Народная Школа» будетъ издаваться на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и при участіи всѣхъ прежнихъ сотрудниковъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) Законодательство по народному образованію, куда входятъ не только законодательныя постановленія въ собственномъ смыслѣ этого слова, прошедшія чрезъ высшую законодательную инстанцію, но также частныя правительственныя распоряженія, имѣющія обязательную силу для разныхъ учебныхъ заведеній низшаго разряда, и Высочайшія рескрипты, касающіеся дѣятельности тѣхъ или другихъ лицъ и учреждений на пользу народнаго образованія. II) Педагогика и Дидактика. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются дидактическія и методическія статьи по всѣмъ предметамъ первоначальнаго обученія и воспитанія. III) Исторія народныхъ школъ и народнаго образованія. Сюда входятъ статьи историческаго содержанія о развитіи народнаго образованія въ Россіи и другихъ государствахъ, а также биографія лицъ, съ пользою потрудившихся на этомъ поприщѣ. IV) Критика и библиографія—разборъ книгъ и періодическихъ изданій, посвященныхъ первоначальному обученію или, вообще, вопросамъ воспитанія, какъ съ теоретической, такъ и съ практической стороны. V) Новости и свѣдѣнія. Этотъ отдѣлъ, соответствующій «современному обозрѣнію» въ другихъ журналахъ, заключаетъ въ себѣ,—кромя мелкихъ статей и корреспонденцій,—систематическій обзоръ (подъ названіемъ педагогической хроники) всѣхъ наиболее интересныхъ явленій въ области народнаго образованія, а также мѣръ, принятыхъ у насъ, для развитія школьнаго дѣла, правительствомъ и общественными учрежденіями. Въ этомъ же отдѣлѣ будутъ входить, въ неопредѣленные сроки (смотря по накопленію матеріаловъ), очерки современнаго положенія народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ, далеко опередившихъ насъ, какъ извѣстно, на этомъ пути. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, подъ именемъ «разныхъ извѣстій», нѣкоторые любопытные факты изъ общественной жизни, могущіе имѣть интересъ для народнаго учителя. Иногда эти факты, по ихъ важности (какъ, напр., появленіе эпидеміи въ Астраханской губ.), группируются въ подробнѣе обозрѣніи извѣстныхъ сторонъ нашей внутренней жизни. VI) Приложенія къ журналу, куда входятъ политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событіяхъ; б) чтенія для народа по всѣмъ предметамъ знанія и в) вообще всякія статьи научнаго содержанія, которыя могутъ содѣйствовать саморазвитію народнаго учителя, обогащая его полезными свѣдѣніями.

Эта обширная программа добросовѣстно исполнялась редакціею «Народной Школы» въ теченіи одиннадцатилѣтняго существованія журнала; такое же

точно исполненіе можемъ мы обещать нашимъ читателямъ и на будущее время. Для будущаго года, въ распоряженіи редакціи имѣются уже слѣдующія статьи: 1) Народныя школы въ православныхъ приходахъ Финляндіи, В. Ассонова; 2) Школа и жизнь, Д. Тихомирова; 3) Наши народныя школы, И. Фесисто; 4) Саксонскія ремесленныя школы, его же; 5) Испорченныя дѣти и нѣмецкіе спасительные дома, Р. Финдшталлеръ; 6) Швеція, профессорскія извѣстія, Е. Карновича. 7) Ученіе Бена о воспитаніи, въ критическомъ изложеніи барона М. Верфа, и мн. др.

«Народная Школа» будетъ выходить въ 1880 году, по прежнему, ежемѣсячными книжками, отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, четыре рубля пятнадцать копѣекъ съ пересылкою и доставкою. Подгородніе подписчики адресуются исключительно въ главную контору «Народной Школы», въ С.-Петербургѣ, въ Васильевскомъ островѣ, по 6-й линіи, № 5. По тому же адресу и по той же цѣнѣ можно выписывать оставшіяся въ небольшомъ количествѣ полныя экземпляры журнала за 1878 и 1879 гг. (новой редакціи).

Редакторы-издатели: В. А. Естухинскій, А. П. Пятковский.

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1880 году

будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ предыдущія шесть лѣтъ своего существованія, т. е. будетъ включать въ себя отдѣлы церковный, общественный, политическій и библиографическій, и выходить три раза въ недѣлю, безъ предварительной цензуры.

Но призыву прежнихъ лѣтъ, годовымъ подписчикамъ будетъ разослано безплатное приложеніе подъ названіемъ «Полный для духовенства свѣдѣніями, войдутъ: 1, Полный текстъ уставъ духовныхъ консисторій, со всѣми дополненіями и измѣненіями, какія узаконены въ немъ правительственною властію (въ такомъ видѣ уставъ этотъ не вытисъ въ печати въ первый разъ); 2, полный сводъ постановленій о церковномъ причтѣ, составленный покойнымъ Филаретомъ, архіепископомъ черниговскимъ; 3, полный сводъ постановленій Св. Синода, касающихся съводовъ духовенства; 4, подробное изложеніе слѣдственной части въ духовномъ вѣдомствѣ, съ приобщающими относящихся къ дѣлопроизводству по сему предмету формъ отношеній, повѣствовъ и т. д.; 5, постановленія о блонингизской присягѣ и стѣтности, и многія другія.

Въ числѣ статей, которыя имѣются въ виду напечатать въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ» 1880 года, редакціею пріобрѣтено обширное изслѣдованіе покойнаго Д. И. Ростиславова «Объ ученюмъ монашествѣ». Оно предназначалось еще въ текущемъ 1879 году, но, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ отложено до будущаго года. Печатаніе его начнется съ перваго № № «Церковно-Общественнаго Вѣстника» на 1880-й годъ.

Условія подписки на будущій годъ, съ доставкою и пересылкою, слѣдующія: въ Россіи—на годъ 7 рублей, на полгода 4 рубля; за границей—на годъ 10 рублей.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ, въ Редакціи «Церковно-Общественнаго Вѣстника», на Пескахъ, по Конно-Гвардейской улицѣ, № 59.

Редакторы-издатели: А. Поповичскій.

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ, НАСТАВНИЦЪ И НАСТАВНИКОВЪ.

Принимается подписка на 1880 годъ (5-й годъ изданія).

Въ 1880 г. журналъ «Женское Образование» будетъ преслѣдовать тѣ же цѣли, какъ и въ первые 4 года своего существованія.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться, кромѣ правительственныхъ распоряженій и официальныхъ свѣдѣній, статей, касающихся исторіи женскаго образованія за границей и у насъ, состоянія его въ настоящее время, отрывки различныхъ взглядовъ на него и т. п.; психологическіе очерки, замѣтки и наблюденія, могущіе послужить основой для выработки вѣрныхъ взглядовъ на дѣтскую натуру и приемы воспитанія и обученія; специально педагогическія статьи (методы и приемы преподаванія, образцовые уроки и пр.). Кромѣ того, будутъ рубрики: а) обзоръ иностранной педагогической литературы, в) хроника и с) библиографія (разборъ педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и дѣтскихъ книгъ). Всѣ книги для дѣтей, выходящія у насъ, будутъ своевременно разобраны.

Журналъ будетъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца (за исключеніемъ іюня и іюля), книжками около четырехъ печатныхъ листовъ. Кромѣ того, будетъ дано въ концѣ года приложеніе для дѣтей (разказы изъ Русской исторіи съ гравюрами). Всего съ приложеніемъ журналъ будетъ заключать болѣе 50 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годъ, т. е. за 10 №№ и приложеніе: 2 р. 50 к.; съ доставкою 3 р.; ереськой (иностранной) 3 р. 50 коп.

ПОДПИСКА принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи (Васильевскій островъ, 9-я линія, д. № 6, въ помѣщеніи женской гимназіи), а также во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ въ Петербургѣ. Многогородныхъ подписчиковъ редакція проситъ адресоваться непосредственно въ главную контору редакціи.

Редакторъ-издатель В. Сиповенко.

„РОДНАЯ СТАРИНА“

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ВЪ РАЗСКАЗАХЪ И КАРТИНАХЪ.

В. Сиповенко.

Книга предназначена въ помощь учащимся. 285 стр. большого формата. 55 политипажныхъ рисунковъ, изображающихъ древнія зданія, одежды, оружіе и проч. (IX—XIV ст.). Два оригинальныхъ рисунка В. Васнецова на отдѣльныхъ листахъ.

Книга эта была дана какъ приложеніе къ журналу «Женск. образов.» за 1879 годъ. Подписчики на журналъ въ 1880 г. могутъ получить изъ редакціи эту книгу за 1 рубль. Въ отдѣльной продажѣ цѣна книги 1 р. 50 к.

Продается во всѣхъ известн. книжныхъ магаз. въ Петербургѣ и Москвѣ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ КРИТИЧЕСКІЕ

И ПОЛЕМИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ

Николая Барсова, в.-о. профессора Спб. духовной академіи.

(539 страницъ убористаго шрифта). Ц. 3 р. съ пересылкою; продается: у автора (Знаменская улица, д. № 39, кв. 9) и во всѣхъ книжн. магаз. въ Спб. Книга содержитъ въ себѣ монографіи и статьи историческія (русскіе проповѣдники XVIII в.; Арсеній Маціевичъ, м-тъ ростовскій, и его доношенія; мистицизмъ въ Россіи въ XIX ст.; догматика, мораль, обряды и исторія секты хлыстовъ; въ исторіи перв. заводчательства въ Россіи въ ц. Екатерины II; проекты улучшенія быта духовенства и церковныхъ реформъ; четырехъпросный щенныхъ членовъ Св. Синода; личность Теофана Прокоповича; къ біографіи А. П. Волынского), составленныя по неизданнымъ матеріаламъ, частью—духовно-публицистическія, посвященныя выясненію принциповъ православія въ сравненіи съ католичествомъ и протестантствомъ (новый методъ въ богословіи—по поводу богосл. сочиненій Хомякова) и защитѣ интересовъ прав. Церкви и духовенства въ ихъ соприкосновеніи съ современными стремленіями общества (по вопросу о вѣротерпимости въ Россіи и русскомъ клерикализмѣ; насколько возможно возникновеніе въ Россіи церковно-политическаго вопроса; религіозное состояніе р. общества; по поводу Редстова; типъ духовенства въ балетристикѣ; по поводу разсужденій «Од. Зап.» о духовенствѣ; о духовной администраціи и о выходѣ изъ духовнаго званія; современныя русскія юдаизмъ; о внѣ-церковныхъ обязанностяхъ духовенства; о преподаваніи закона Божія въ нар. школахъ; за что русскіе любятъ славянъ); частью собственно критическихъ (преобв. Іоаннъ, какъ проповѣдникъ; найнъ проповѣдники-публицисты; Бѣлинскій, какъ религіозный мыслитель; книга для народа; о собесѣдовательномъ богословіи; объ исторіи р. проповѣдничества, и пр.) и педагогическихъ (о преподаваніи словесности и рус. языка; о подвижныхъ школахъ, и учителяхъ изъ солдатъ и пр.).

Въ предисловіи авторъ говоритъ: «Просмотрѣвъ настоящее изданіе, читатель найдетъ, что авторъ въ своихъ статьяхъ, хотя онѣ писались совершенно независимо отъ его занятій по профессіи, хочетъ быть поборникомъ—на сколько компетентнымъ, о томъ пусть судятъ читатели—принциповъ православно-религіознаго міросозрѣнія, въ его свѣтломъ, конфессіонально-научномъ мионавіи,—истолкователемъ, на сколько въ правѣ быть таковымъ частное лицо, каждый вѣрующій,—интересовъ и стремленій православной русской Церкви, въ ея охранительно-защитительномъ призваніи, а равно правъ и обязанностей русскаго духовенства въ отношеніи къ русскому обществу и народу,—что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ авторъ думаетъ стоять на дѣйствительномъ уровнѣ современныхъ интеллектуальныхъ потребностей русскаго шества и русскаго народа».

РОССИЙСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ РУССКОЙ ПЕЧАТИ.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ НОВЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ, УЧЕНЫХЪ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ:

I. Все русскія и польскія изданія. — Важнѣйшія изданія на востокъ, славянскую нарѣчь и на французскомъ и немецкомъ языкахъ.

Географическія карты, эстампы, музыкальныя сочиненія, учебныя пособия, образовательныя игры, періодическія изданія и т. п.

II. Хроника печати: Правительственныя распоряженія и сообщенія по дѣламъ печати. — Литературное обозрѣніе. — Отзывы о новыхъ книгахъ. — Книжное дѣло въ Россіи. — Книжное дѣло за границею. — Графическія искусства. — Біографіи и некрологи. — Объявленія и отчеты о конкурсахъ на ученія и художественныя произведенія. — Отзывы Императорской Академіи Наукъ или ученыхъ обществъ о нѣкоторыхъ произведеніяхъ печати. — Разныя извѣстія. — Книжная статистика и т. п. III. Объявленія о новыхъ изданіяхъ. Объявленія гг. авторовъ, издателей, типографовъ и т. п. Систематическіе каталоги.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою. Съ пересылкою.

На 1 годъ . . .	6 р.	7 р.	8 р.
На 6 мѣсяцевъ 3 »	3 »	3 » 50 к.	4 »
На 3 » . . .	1 » 50 к.	1 » 75 »	2 »

Отдѣльные №№ по 20 к.; съ ежемѣсячными приложеніями 30 к.

Адресоваться въ книжный складъ «Россійской Библиографіи» (Ф. Гартъ), Большая Тенюшенина, № 6, въ С.-Пб.

О ПОДПИСКѢ НА 1880 ГОДЪ НА

«ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ»

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЪ РАЗНЫМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Съ 1-го Января 1880 г. журналъ «Всемирная Иллюстрація» начнетъ XII годъ (т. е. томы XXIII и XXIV) своего существованія и будетъ выходить такъ же аккуратно, какъ и въ прошлые года, ежедневно (т. е. 52 номера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ большого двойнаго листа самой лучшей бумаги, и каждый номеръ будетъ заключать въ себѣ 16—24 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ занята рисунками, выходящими изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

«Всемирная Иллюстрація», благодаря своей аккуратности и строгому исполненію программы, приобрѣла втеченіи одиннадцатилѣтняго своего существованія заслуженную репутацію и, служа яркимъ отраженіемъ жизни, какъ русской, такъ и иностранной, соперничаетъ съ лучшими иллюстрированными и литературными журналами въ свѣтѣ.

Не ограничиваясь достигнутыми результатами, Редакція «Всемирной Иллюстраціи» старается въ улучшенію своего издаванія, сообразуясь съ желаніями подписчиковъ, не останавливается передъ расходами и всегда даетъ больше, чѣмъ обѣщала.

Убѣжденная, что втеченіи своей дѣятельности она достаточно заявила себя, Редакція считаетъ излишними всѣ пышныя рекламы и ограничивается только обвѣщаніемъ, что употребитъ всѣ усилія, чтобы оправдать возрастающее къ ней всеобщее довѣріе публики.

Цѣна годовому изданію «Всемирной Иллюстраціи» на 1880 г.:
 Безъ перес. въ С.-Петербургѣ 13 р. — и. Съ перес. въ С.-Петербургѣ 14 р. 50 к.
 Безъ доставки въ Москвѣ 14 » 50. » Съ перес. въ другіе города 16 » — »

«ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ»

представляетъ политическія событія, войну, изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологию, промышленность, морское и военное искусства, и пр., и пр., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ. ВЪ МАРТИНАХЪ.

Каждый томъ «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ» представляетъ собою

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

до 500 печатныхъ страницъ, съ 300—400 рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей бібліотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостиной.

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА

«ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ».

изъ англ. коленкора, съ золотыми тисненіями по рисунку художника К. Брома. Цѣна покрывки для переплета на каждый томъ безъ пересылки 1 р. 75 к., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Цѣна первыхъ 20 томовъ «Всемирной Иллюстраціи»:

1869 г. (томы I и II) 10 руб. безъ перес., въ англ. коленкор. перепл. 14 р.;
 1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и VI), 1872 г. (т. VII и VIII) и 1873 г. (т. IX и X) — по 8 р., безъ пересылки, каждый годъ. Въ англ. тисненіи золотомъ переплетать, каждый годъ стоитъ по 12 р. безъ пересылки, 1874 г. (т. XI и XII), 1875 г. (т. XIII и XIV), 1876 г. (т. XV и XVI), 1877 г. (т. XVII и XVIII) (безъ приложений) и 1878 г. (т. XIX и XX, безъ приложений) — по 9 р., безъ перес., каждый годъ.

Въ переплетать безъ перес. по 13 р.

На пересылку каждаго года слѣдуетъ прилагать 3 р. сер.

Главная контора Редакціи «Всемир. Илл.» въ С.-Петербургѣ, Б. Саул., д. № 16.
 Редакторъ-издатель «Всемирной Иллюстраціи», Германъ Гошше.

Для доставки своимъ подписчикамъ, Контора Германъ Гошше принимаетъ подпоку и на все русскіе и иностр. журналы и газеты.

О ПОДПИСАХЪ НА 1880 ГОДЪ НА

МОДНЫЙ СВѢТЪ,

самый полный и дешевый модный и семейный иллюстриро-
ванный журналъ въ Россіи.

Съ 1-го января 1880 года «Модный Свѣтъ» вѣднеть XIII годъ своего суще-
ствования и будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботли-
востію о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ въ 1880 году будетъ выходить также
ВЪ ТРЕХЪ ИЗДАНІЯХЪ

въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, т. е. четыре
номера въ мѣсяць (два модныхъ и два литературныхъ), и
будетъ заключать въ себѣ втеченіи года:

Богѣ 2,000 новитипажныхъ рисунковъ модъ и рукодѣій въ текстѣ.
Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлыя
мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.

Раскрашенные рисунки канвовыхъ, тамбурныхъ и друг. работъ. Рисунки
въ русскомъ вкусѣ.

Богѣ 300 выкроекъ на 12 большихъ листахъ.

24 вырѣзныхъ выкроекъ въ натуральную величину.

24 (или 12 для II изданія) модныхъ раскрашенныхъ парижскихъ картинокъ
для II изданія, исполненныхъ лучшими иностранными художниками.

36 (24 раскрашенныхъ и 12 акварельныхъ) модныхъ парижскихъ картинокъ
для III изданія.

Новѣйшія музыкальныя пьесы (ноты) любимыхъ композиторовъ.

Коллекцію рисунковъ изъ семейной жизни, модъ стараго времени, харак-
терныхъ костюмовъ для маскарадовъ, портреты, типы и проч.

Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетонъ, стихотворенія, анекдоты,
хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

Разныя отдѣльныя бесплатныя приложенія и «Почтовый ящикъ» съ самыми
разнообразными и полезными соображеніями.

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ имѣеть гораздо болѣе подписчиковъ,
чѣмъ всѣ модные журналы, издающіеся въ Россіи, въ совокупности.

Цѣна годовому изданію „МОДНАГО СВѢТА“ на 1880 г.:

I изданію, съ 12 раскрашенн. парижск. картинками и со всѣми прило-
женіями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—4 р.; съ дост. въ С.-Петербур-
гъ—5 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи 6 руб.

II изданію, съ 24 раскрашенн. парижск. картинками и со всѣми при-
ложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—5 р.; съ дост. въ С.-Петер-
бургъ—6 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи 7 р.

III изданію, съ 24 раскрашенн. парижск. картинками, 12 раскрашенн.
акварельными картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ
безъ доставки—7 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—8 р. 50 к.; съ пересылкою
во всѣ города Россійской Имперіи 9 руб.

Въ Москвѣ цѣна безъ доставки: I-му изданію 5 руб.; II-му изданію
6 р. 50 к.; III-му изданію 8 р. 50 к.; съ пересылкою: I-му изданію 6 р.,
II-му изданію 7 р., III-му изданію 9 р.

Издатель «Моднаго Свѣта» Германъ Гоппе.

Главная контора Редакціи «Моднаго Свѣта» находится въ С.-Петербургѣ,
по Большой Садовой улицѣ, домъ Корована, № 16.

Для удобства съ боку подписчиковъ, Контора Германъ Гоппе принимаетъ подписку и на всѣ русскіе и иностр. журналы и газеты.

О подпискѣ на 1880 годъ

ОГОНЬКА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Литературы, Наукъ и Искусствъ

ОГОНЬКА

СЪ БЕСПЛАТНЫМИ ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ.

52 номера въ годъ.

ПРОГРАММА «ОГОНЬКА»:

1. Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, драматическія произведе- нія, юмористическіе очерки, оригинальные и переводные (съ рисунка- ми къ нимъ).
2. Историческіе очерки, бытовныя картины изъ жизни древнихъ народовъ (съ рисунками къ нимъ).
3. Записки, мемуары, жизнеописанія великихъ людей и общественныхъ дѣятелей (съ портрет.).
4. Систематическій обзоръ (съ рисунками, по надобности) замѣчатель- ныхъ явленій въ области всѣхъ наукъ: Естествознанія, Археологія, Гео- графія, Медицины, Механики, и т. д. и искусствъ: Скульптуры, Жи- вописи, Архитектуры, Музыки, и т. д. Библиографія и замѣчательные процессы (безъ обсуждения судебныхъ рѣшеній).
5. Смѣсь, анекдоты, афоризмы и т. п.
6. Почтовый ящикъ; отвѣты редакціи.
7. Тиражи выигрышей 1-го и 2-го внутреннихъ займовъ.
8. Частныя объявленія.

Громадный успѣхъ «ОГОНЬКА» (22 тысячи подписчиковъ) въ первый же годъ изданія дѣлаетъ лишними всякія пышныя обѣщанія. Успѣху этому «ОГОНЬКА» обязанъ: 1) Объемомъ своимъ онъ равенъ большимъ литера- турнымъ журналамъ, но дешевле ихъ вчетверо. 2) Въ немъ принимаютъ уча- стіе лучшія литературныя и художественныя силы.

Въ прошломъ году въ «ОГОНЬКА» принимали участіе, между прочимъ, слѣдующія лица: В. Г. Аветисо, К. Алексеевъ, Н. П. Галлеръ, Д-ръ Е. А. Гончаровъ, Г. М. Данилевскій, В. В. Крестовскій, В. Корниевской (псевд.), И. Орловскій, А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій, П. Полевой, Гр. Е. А. Саліасъ, К. К. Случевскій, Д. М. Садовниковъ, А. Фетъ, и друг.

При томъ же составѣ редакціи, при стремленіи къ улучшенію жур- нала съ каждымъ номеромъ, въ 1880 г. съ первыхъ номеровъ редакція на- чнетъ печатать: „Масоны“, романъ въ 5 част. А. Ф. Лисомонаго, и „Лихо“, историческая повѣсть Д. В. Аверниева.

Годовая цѣна „Огонька“: безъ доставки 4 руб.; съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою во всѣ города Россіи 5 руб.

Подписки принимаются въ конторѣ издателя журнала «ОГОНЬКА», въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая улица, д. Коровина, № 16.

Редакторъ журнала «ОГОНЬКА»
Н. П. Аловертъ.

Издатель журнала «ОГОНЬКА»
Германъ Дмитр. Гоппе.

Для удобства смежныхъ подписчиковъ, Которыя Журналъ Гоппе принимаетъ подписку и на всѣ русскіе и иностранные журналы и газеты.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦИИ:

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1877 г.

съ портретами: Кн. Е. Дашева, графъ А. Мамоновъ, кн. Го-
ленищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, московскій митрополитъ
Филаретъ, М. О. Орловъ, княгиня Жавнета Ловичъ—
супруга цесаревича Константина Павловича, кавказскій имамъ Ша-
милъ, Н. Н. Муравьевъ (Карскій), К. В. Чевкинъ, И. А.
Яковлевъ.—Рисунки: галерея императрицы Екатерины II и
памятникъ Архипу Осипову. Снимки съ рѣдкихъ медалей и
снимовъ съ подлиннаго письма императора Александра I, 1812 г.

Въ 12-ти книгахъ «Русской Старины» за 1877-й, восьмой годъ изданія, между многими другими статьями напечатаны: Турецкая революція—историческій очеркъ.—Иртышские крестьяне при Екатеринѣ II.—Сельскій священникъ въ Россіи въ половинѣ XVIII-го вѣка.—Россія сто лѣтъ назадъ.—Путешествіе англійскаго историка Кокса.—Записки берлинскаго профес. академика Тьёбо о встрѣчахъ и знакомствахъ съ замѣчательными русскими людьми въ 1765—1785 гг.—Герцогиня Ингстонъ въ Россіи.—Бракоразводное дѣло Едони Гамбургъ.—Екатерины II и Густавъ III.—Новости цесаревича Павла Петровича.—Русское войско въ царствованіе Павла Петровича.—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—историко-биографическій очеркъ.—Отечественная война 1812 года—историко-критическое изслѣдованіе по новымъ источникамъ.—Посольство Ермолова въ Персію въ 1817 году.—Записки Шуазель-Гуфье—объ императорѣ Александрѣ I и его времени.—Уничтоженіе масонскихъ ложъ въ Россіи—по вновь открытымъ материаламъ.—Россія, Австрія и Англія во время движеній 1848—1849 гг.—Записки П. А. Каратыгина.—Воспоминанія Г. П. Пассея.—Дневникъ барона Л. П. Юшкова: война Россіи съ Венгріей въ 1849 г.—Кн. Меншиковъ въ Крымскую войну, по рассказамъ его адъютанта А. А. Пашева.—Воспоминаніе о Г. М. Грановскомъ—Селиванова, одного изъ товарищей его по воспитанію, и проч.—Россія и Турція въ 1853—1856 гг.: письма императора Николая Павловича и донесенія его по-ководцевъ.—Федоръ Карловичъ Затлеръ, биографическій очеркъ и переписка.—Воспоминанія о Восточной войнѣ, 1853—1855 гг., доктора А. Генрици.—Шамилъ и его семья въ Казлугѣ, записки пристава при имамѣ въ 1862—1866 гг., полковника П. Г. Пржевальскаго.—К. В. Чернигъ: первые главы его биографіи и проч. Вообще въ двѣнадцать книгъ изданія «Русской Старины» 1877 г., между многими другими статьями, напечатаны: изслѣдованія, очерки и статьи: профес. Н. И. Барсова, Ад. П. Берне, М. И. Богдановича, проф. Ш. И. Герцаева, акад. Я. К. Грота, М. Е. Забѣлина, профес. В. С. Кюшницова, Д. М. Мозолевскаго, Е. П. Нарковскаго, Н. И. Нестерова, П. А. Пумля, П. С. Лебедева, М. И. Ороуса, А. Н. Погова, Д. Д. Рабиновича, В. М. Самарова, проф. В. М. Сергѣевича, акад. С. М. Соловьева, В. В. Стасова, А. Н. Строва, М. И. Шамисова, Н. И. Шильдера и многихъ другихъ.

Цѣна „Русской Старины“ 1877 г., 12 книгъ съ портретами,—
8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦІИ:

12 КНИГЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

ИЗД. 1878 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: Александръ I; пасторъ Зейдеръ; казненные въ 1739 г. князя Долгорукаго—Василій Лукичъ и Иванъ Алексѣевичъ, Г. В. Новицкій. Хромофотографированный (отпечатанный красками) портретъ Н. В. Гоголя (съ подлиннаго живописнаго портрета, писаннаго въ Римѣ Ан. А. Ивановымъ). Снимокъ съ автографа И. А. Крылова.

Въ 12-ти книгахъ «Русской Старины» за 1878-й годъ, девятый годъ издачія, между многими другими статьи напечатаны: Житіе г. В. М. Зинькова. — Записки акад. Тьebo. — Записки пастора Зейдера: его страданія, казни и ссылка въ 1800 г. — Последние дни жизни Александра I-го и императрицы Маріи Федоровны — Записки кн. Э. А. Волконской М. И. Чернышевой. — Пн. Исаверій Друцкой-Лобовскій — очеркъ его государственной дѣятельности. — Записки артиста Л. П. Нипулюной-Косицкой. — Записки доктора Геррми; война 1853—1855 гг. — Записки А. Е. Ялова — начальника Севастопольскаго гарнизона съ 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. — Воспоминанія Т. П. Парсаяъ. — Шама въ Малутѣ — записки пристава. — Жизнь и сорока-двухъ-лѣтняя художественная дѣятельность Д. М. Алмазовскаго (автобиографія). — Записки солдата Назарова, 1792—1839 гг. — Записки протоіерая І. Виноградова, 1800—1836 гг. — Дневникъ пастора Губера: холера въ 1830 г. — Воспоминанія всенда прелата Бутковича: рожденіе въ Польшѣ въ 1830—1831 гг. — Записки И. С. Жирковича: въ Петербургѣ и Симбирскѣ 1834—1835 гг. — Очерки и рассказы Э. М. Стогова: ссыльно-каторжные въ восточной Сибирѣ. — Сплавскій и Треснякъ въ Иркутскѣ. — На посту жандармскаго штабъ-офицера въ Симбирскѣ: бунты крестьянъ, — борьба дворянства съ губернаторами, — провинціальныя романы, — приѣздъ императора Николая и проч. — Изъ дневника Варигагена фонъ-Зиза, 1845—1849 гг. — Митрополитъ, архіепископъ Херсонскій и Таврическій. — К. В. Челикинъ и управленіе-имъ путями сообщеній. — Братья Грузиновы: военно-судное дѣло въ Черкасскѣ въ 1800 г. — Венециановъ — первый бытовой живописецъ. — Его біографія. — Разсказъ лейбъ-казака И. И. Шамова. — «Вѣчный Жидъ» — поэма въ стихахъ В. И. Кюхельбенера (декабриса). — Родословная царствующаго дома Романовыхъ. — Балзедское славное сидѣнье съ 5-го по 28-е іюня 1877 г. — разсказъ вѣстника, посланнаго отъ осажденныхъ къ генералу Тергукасову за помощью. — Царь-горохъ — шутка-сатира. — Митюха Валдайскій, эрфлине въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. — Тропарь на день Преображенія Господня, соч. Филарета, митрополита московскаго, и проч. и проч.

Цѣна «Русской Старины» 1878 г. — 12 книгъ съ портретами — 8 рублей съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦІИ:

12 КНИГЪ РУССКОЙ СТАРИНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛНОУЧ. Г. ШИШЕВЪ

ИЗД. 1879 Г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: императора Іоанна Антоновича; митрополита Ростовскаго Арсенія Маѣвевича (въ темницѣ, при X-й кн.); Инокентія—архіепископа Херсонскаго и Таврическаго; графа Ѳедора Петровича Толстаго—вице-президента Академіи Художествъ;—Александра Сергѣевича Пушкина—въ 1812 и 1827 гг. (два точныхъ снимка съ гравюръ того времени);—Н. В. Гоголя—въ 1834 г.—гравюра съ весьма рѣдкаго портрета, писаннаго Акад. Венециановичемъ,—изображающаго великаго писателя въ самые первые годы его творчества;—статсъ-секретаря С. М. Жуковскаго (одного изъ главнѣйшихъ участниковъ въ великой реформѣ 19-го февраля 1861 г.); профессора Осипа Маясимовича Бодякова;—персидскаго принца Хосров-Мира. Снимки: съ подлинныхъ писемъ Петра Великаго и Александра Сергѣевича Пушкина (при XI кн.).

Въ вышедшихъ книгахъ «Русской Старины» за 1879-й, десятый, годъ изданія,—между другими статьями, напечатаны: Журналъ путешествія по Европѣ въ 1697—1699 гг.—кн. Б. И. Куракина;—Петербургъ въ 1720 г. по запискамъ поляка-очевидца;—Воспоминанія А. М. Веригина; М. Л. Варунъ-Секрета, Л. М. Рихтеръ, В. А. Дзюбенко.—Жизнь бывшаго крѣпостнаго крестьянина, вынѣ археолога И. А. Голыцова (1838—1878 гг.);—Очерки и рассказы Э. М. Стрелова.—Дневникъ А. М. Храповицкаго—инспектора репертура русскаго театра въ 1829—1839 гг.—Записки П. А. Каратыгина: русскій театръ въ Петербургѣ въ 1838—1858 гг.—Нѣскольکو недѣль при русскомъ дворѣ въ 1846 г.—Выдержки изъ дневниковъ Варгатаена фоль-Энзе (1850—1851 гг.);—Мои сношенія съ Я. М. Ростовцевымъ—воспоминанія А. Д. Галахова (1850—1858 гг.);—Воспоминанія М. И. Венюкова о заселеніи Амура;—Польское возстаніе въ 1863—1864 гг.—записки Н. В. Берга;—Историческія изслѣдованія: Д. И. Иловайскаго; В. М. Семеновскаго;—Н. Мизю;—г. Тальберга;—г. Лесенко;—г. Подвысоцкаго;—проф. В. С. Иконникова: Арсеній Маѣвевичъ—митрополитъ Ростовскій;—Императоръ Іоаннъ Антоновичъ—по вновь открытымъ матеріаламъ;—М. М. Востокова: Инокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.—Письма архіеп. Инокентія къ Великому Князю Константину Николаевичу (1852);—Кн. Н. С. Голыцынъ: П. Д. Киселовъ и управленіе имъ Валахіей и Молдавіей въ 1829—1834 гг.;—Колонія въ Смоленской и Саратовской губерніяхъ изъ питомцевъ Воспитательнаго Дома—сказаніе очевидца.—Хосров-мирза, персидскій принцъ, 1813—1876 гг.—очеркъ Ад. П. Берже;—Кн. А. И. Бяргинскій—изъ Записокъ М. Я. Ольшескаго;—А. С. Пушкинъ—очеркъ жизни и его письма.—Предсмертная поѣздка М. Ю. Лермонтова въ Пятигорскъ;—Бунтъ архіепископа Мирныя въ Иркутскѣ въ 1831 г., воспоминанія и рассказы изъ его жизни.—Историческіе рассказы и анекдоты изъ собранія Богуславскаго и др.

Письма, замѣтки, документы, рассказы и прочіе матеріалы,—всего болѣе сотни различныхъ сообщеній.

Цѣна «Русской Старины» 1879 г.,—12 книгъ съ 12-ю портретами,— 8 руб. съ пересыкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

устроенное по немецкому образцу. Недостатокъ изложения не лишаетъ, впрочемъ, некотораго, хотя бы и небольшого, значенія трудовъ г. Павличева: труды эти, безспорно, полезны. Дело въ томъ, что наша борьба съ Польшей, участие въ ней казачества, поводы войнъ, договоры, конвенцій съ королями польскими—намъ менѣе извѣстны нежели эпизоды времени завоеванія Перу и Мексики, войны реформаціи, лиги, Тридцатилѣтія и т. д. Давно пора ознакомиться съ исторіей страны, присоединеніе которой къ Россіи стоило не мало крови; русскіе не зная ея прошедшаго, не могутъ вѣрно судить ни о ея настоящемъ, ни о будущемъ. Съ этой точкой зрѣнія, монографіи г. Павличева имѣютъ, повтораемъ, значеніе и пользу.

Изданіе опротно и немножко дорого. Оно было бы красивѣе безъ портретовъ: въ отношеніи художественномъ они ниже всякой посредственности. Портреты царя Алексѣя Михайловича, царицы Софіи и Петра Великаго могли бы украситъ какое либо глубочное, московское изданіе. Всѣ три замѣстованы изъ собранія портретовъ изданія 1830-хъ гг. **Ж. Д.**

Извѣстія Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ. Т. III. Кіевъ. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к.

Въ вышедшихъ до сихъ поръ трехъ томовъ (съ 1877 г.) новаго сборника были помѣщены слѣдующія статьи, относящіяся къ русской исторіи: 1) о землѣ Половецкой, Н. Я. Аристовъ; 2) о текстахъ русскихъ былинъ, Н. А. Лавровскаго; 3) дипломатическія сношенія и борьба императора Александра I съ Наполеономъ I, П. И. Любереольскаго; 4) состояніе образованія Россіи въ царствованіе Александра I, Н. Я. Аристовъ; 5) гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ (1820—1832 гг.), Н. А. Лавровскаго. Въ этой послѣдней статьѣ можно найти весьма интересныя данныя изъ исторіи реакціи въ царствованіе Александра I, дополняющія извѣстныя до сихъ поръ свѣдѣнія по этому предмету.

Кромѣ того, во 2-мъ и 3-мъ томахъ Записокъ института помѣщенъ большой трудъ А. С. Будиловича, бывшій предметомъ его докторской диссертациі: «Первобытныя славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и повѣтияхъ, по даннымъ лексикальнымъ». **В. И.**

Историческіе и критическіе опыты, Н. Барсова, э.-о. профессора Спб. Духовной Академіи. Спб. 1879 г. 539 стр. Ц. 3 р.

Въ этомъ изданіи помѣщены слѣдующія историческія статьи: личность Θεодана Пропоповича; къ біографіи Волынскаго; русскіе проповѣдники XVIII столѣтія; Арсеній Мацѣвичъ и его домошенія; законодательныя работы по духовному вѣдомству въ царствованіе Екатерины II; церковно-приходская проповѣдь въ Петербургѣ въ то же царствованіе; очеркъ исторіи, ученія и обрядовъ хлыстовъ, на основаніи собранныхъ авторомъ писемъ; къ исторіи мистицизма въ Россіи. Большая часть этихъ статей составлена по архивнымъ матеріаламъ, дотогѣ неизвѣстнымъ, а статья о хлыстахъ—на основаніи писемъ хлыстовъ, собранныхъ авторомъ (въ количествѣ 150, и напечатанныхъ въ Запискахъ Географическаго общества). Вторую группу статей настоящаго сборника составляютъ статьи критическія и полемическія. Между ними заслуживаютъ вниманія: «Новый методъ въ богословіи»,—большой этюдъ, посвященный критическому обзорѣю богословскаго ученія Хомякова; пять полемическихъ статей противъ «Вѣстника Европы», въ которыхъ авторъ, между прочимъ, являетъ горячимъ сторонникомъ и апологетомъ славянофильства; «Валнскій, какъ религіозный мыслитель»; двѣ статьи о современныхъ проповѣдникахъ-публицистахъ. Остальныя статьи—педагогическаго и дидактическаго содержанія: двѣ статьи о преподаваніи словесности и русскаго языка; о книгѣ для народа; двѣ статьи о преподаваніи закона Божія въ сельскихъ школахъ; о нашей современной народно-учебной литературѣ: о подвижныхъ школахъ и учителяхъ изъ солдатъ, и проч. **Ж.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1880 г.

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ гравированными, при каждой книгѣ, портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, **ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины“, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, при книжномъ магазинѣ Николья Ив. Мамонтова, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—IV. Очерки и монографіи изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—V. Библиографическія замѣтки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы, преданія и анекдоты.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени. VII. Народная русская словесность: историческія, бытовая и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовныя и сектанскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ и повѣрьяхъ русскаго народа. VIII. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.

Издат.-редакторъ М. И. Семеновскій.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ десятый.

ДЕКАБРЬ.

1879 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Русский дворъ въ 1725—1744 гг. Замѣчанія гр. П. П. Панина на Записки Манштейна о Россіи (Окончаніе).	565	казь начальника города Варшавы.—Арестованіе егo.—Переписка изъ тюрьмы.—Казни.—Ссылка и бѣгство Ярославъ Домбровскаго	647
II. Составитель Замѣчаній на Записки Манштейна о Россіи, 1770-ые гг. Исслѣдованіе. Сообщ. П. Н. Петровъ.	616	V. Графъ Федоръ Федоровичъ Бергъ—7-го сентября 1863 г. Разсказъ. Сообщ. фонъ-Валь	703
III. Волненія крестьянъ въ Зауральской части Пермскаго края въ 1842—1843 гг. Записки очевидца. Сообщ. М. С. Валевскій (Окончаніе).	627	VI. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ: «Моя Родословная». Сообщ. съ предисловіемъ П. А. Ефремовъ	729
IV. Польское возстаніе въ 1863—1865 гг. Записки Н. В. Берга. Глава X и послѣдняя: Банды на югѣ Царства.—Смерть Чаховскаго.—Графъ Юсифъ Гауке-Босакъ.—Воинныя дѣйствія въ Радомской губерніи.—Ваятіе въ плавъ Хвѣленскаго.—Повѣдка капитана Меджа и полковника Анненкова внутрь края.—Отставка Ушакова.—Послѣднія банды.—Вашковскій—начальникъ города Варшавы.—Аресты.—Открытіе жонда.—Послѣднія его распоряженія.—Подача адресовъ.—Балъ.—Освобожденіе крестьянъ въ Царствѣ.—Арестованіе Траугута.—Дѣйствія Вашковскаго и Бржезинскаго.—Казнь Траугута и его министровъ.—Послѣдній при-		VII. Письма Гоголя и К. Брюллова. Сообщ. В. В. Стасовъ.	723
		VIII. Къ портрету М. А. Некрасова.	715
		IX. Историческіе матеріалы, замѣтки, разсказы: 1. Курганъ близъ города Зарабска (707). 2. Кавказско-горское ополченіе въ 1812 г. Разсказъ Романа Медокса (709). 3. К. Н. Тихомировъ † 1879 г. (718). 4. Клейнмихель (737). 5. Прицей и Гавриэль (714).	
		X. Обзоръ «Русской Старины» въ десятый годъ ея изданія, 1879 г.	739
		XI. Списокъ лицъ, сообшившихъ «Русской Старинѣ» статьи и матеріалы	753
		XII. Вѣдомость подписчиковъ на «Русскую Старину» 1879 г.	759
		XIII Библиографическій списокъ. Сообщ. профес. В. С. Иконниковъ (на оберткѣ).	

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Николая Алексѣевича Некрасова † 1879 г. Гравюра на мѣди Академика П. П. Пожалостина.—II. Указатель личныхъ именъ въ XXVI-мъ томѣ «Русской Старины» изд. 1879 г.

Можно получить «Русскую Старину» 1870 г., 1876 г., 1877 г., 1878 г. и 1879 г., цѣна по **ш о с ь м и** руб. съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 40—1.

1879.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря.

Отчетъ Императорской публичной библиотеки за 1877 годъ. Спб. 1879 г. 213 стр. въ 8-ю д. л.

Изъ этого отчета видимъ, что библиотекою приобрѣтено въ 1877 году, кромѣ многихъ книгъ, четыре полныя собранія, а именно: 1) библиотека извѣстнаго ученаго Тиблера, заключающая въ себѣ все, что было напечатано о Святой Землѣ, начиная съ первыхъ годовъ книгопечатанія; 2) собраніе бумагъ сенатора К. Г. Рѣпинскаго; въ немъ собственноручныя бумаги М. М. Сперанскаго: 79 писемъ, докладныя записки, проекты, журналы, отчеты, законодательныя работы и масса новыхъ матеріаловъ для біографіи этого великаго государственнаго человека, а именно письма къ нему его современниковъ и особъ, имѣвшихъ съ нимъ какія либо сношенія; біографическія замѣтки К. Г. Рѣпинскаго; рассказы современниковъ о его юности, служебномъ поприщѣ и т. д.; 3) собственноручныя письма и записки императрицы Екатерины II къ с.-петербургскому генералъ-полицейстеру Николаю Ивановичу Чичерину, съ 3-го апрѣля 1765 по 1777 г., и записки цесаревича великаго князя Павла Петровича къ старшему сыну Чичерина, Александру Николаевичу, командиру кирасирскаго его высочества полка. Письма Екатерины II (числомъ до 40) перепечатаны въ отчетъ; 4) коллекція восточныхъ рукописей (алкоранъ XIV или XV вѣка, восточныя преданія, сочиненія по части исторіи, законодѣнія на арабскомъ, персидскомъ и др. языкахъ)—приношеніе генералъ-адъютанта К. П. фонъ-Кауемана — трофеи коканской войны. Кромѣ этихъ собраній, библиотекою приобрѣтено 48 рѣдкихъ книгъ и въ числѣ ихъ икунабулъ 1477 года—«Житіе святыхъ» на нѣмецкомъ языкѣ; пожертвовано разными лицами въ теченіе 1877 года 11,524 сочиненія, въ числѣ 12,596 томовъ.

На сколько радуется эта цѣра, свидѣтельствующая объ обогащеніи библиотеки, на столько поражаетъ своею скромностью цѣра посѣтителей—меньшая противу 1876 г. Билетовъ въ 1877 году было выдано 10,716 (въ 1876—11,499); посѣтителей было 92,322

(въ 1876 г.—114,494); книгъ на русскомъ языкѣ въ чтеніе выдано 21,890 (въ 1876 г.—26,460); наибольшій процентъ приходился на книги историческаго содержанія. Если сматривая списокъ посѣтителей по сословіямъ, находимъ, что наибольшее число приходится на долю учащихся, должностныхъ лицъ разныхъ вѣдомствъ и привилегированныхъ сословій 9,704; число крестьянъ (175!), цеховыхъ и нижнихъ воинскихъ чиновъ ограничилось 1,012 человѣками; лицъ женскаго пола 1,386. Крестьянъ 175, нижнихъ чиновъ 89! а это на все населеніе Петербурга, въ центрѣ нашего просвѣщенія! **Ю. П.**

Новыя изданія Московскаго Главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

Еще на бывшемъ съѣздѣ ориенталистовъ было обращено вниманіе на весьма важное собраніе географическихъ атласовъ, картъ и плановъ, принадлежащихъ библиотекѣ означеннаго архива, а вслѣдъ за тѣмъ Географическое общество издадо ихъ реестръ по рукописи, переданной въ его распоряженіе директоромъ архива барономъ Ф. А. Бюлеромъ (С. П., 83, 1877 г.). Первоначально реестръ былъ составленъ еще въ 1816 г., а затѣмъ вновь пополненъ въ 1877 г. и издавъ въ послѣднемъ видѣ. Въ настоящемъ году библиотекѣ архива изданы слѣдующіе каталоги: 1) Каталогъ рукописямъ по юриспруденціи съ XIII по XIX в., составленный Н. Ф. Токмановымъ (сюда входятъ: грамматы, сборники, Стоглавъ, рукоп. XVI в., постановленіе царя Алексѣя Михайловича съ войскомъ запорожскимъ; наказъ иноземцамъ, торгующимъ съ Россіею, XVII в.; портреты исторіографа Миллера и др., иностранныя рукописи, въ числѣ которыхъ одна XIII стол., писанная готическими буквами, и древнѣйшій кодексъ шведскихъ законовъ, рук. XV стол.); 2) Каталогъ книгъ по медицинѣ, составленный имъ же, начинается 1597 г., при чемъ общающъ также каталогъ рукописей аптекарскаго приказа и иныхъ принадлежащихъ архиву и относящихся къ той же спеціальности; 3) недавно вышедшій хронологическій Каталогъ славянорусскихъ книгъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ
ИЗДАВАЕМЫИ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ИЗД. 1880 Г.

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

«Русская Старина» будетъ выходить въ 1880 году въ томъ же объемѣ, по той же программѣ, въ тѣ же сроки (1-го числа каждаго мѣсяца) и съ портретами, столь же художественно выполненными Академикомъ Л. А. Стряковымъ, — какъ выходила въ теченіе перваго десятилѣтія 1870—1879 гг.

Между нѣкоторыми другими историческими изслѣдованіями, очерками и статьями—какъ изъ отечественной исторіи, такъ и изъ исторіи литературы, искусствъ и художествъ въ Россіи,—въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ», въ 1880-мъ году, будутъ помѣщены: обширныя Записки бывшаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи Дм. Ив. Ростиславова (составителя весьма замѣчательныхъ трудовъ: «Бѣлое духовенство и монашество», «Епископы и пресвитеры», «Епархіальныя власти и бѣлое духовенство»; «Опытъ изслѣдованія о богатствѣ монастырей въ Россіи» и проч. и пр.; умеръ въ 1877 г.);—Записки А. И. Бѣляева; Петербургское общество въ 1826-мъ году, по донесеніямъ фонъ-Фома;—Записки бывшаго жандармскаго штабъ-офицера С. Р. Варановича; — Записки князя Яшвиля; — Письма севастопольца А. П. Хрущева;—Записки М. Я. Ольшевскаго; кн. А. И. Барятинскій намѣстникъ Кавказа.—Записки (въ письмахъ) одной изъ сестеръ милосердія;—Записки сельскаго священника;—

Записки П. А. Каратыгина.—Записки московскаго митрополита Филарета по нѣкоторымъ церковнымъ вопросамъ;—Биографія, по неизданнымъ матеріаламъ, протоіерея Герасима Петровича Навскаго;—Духовные подвиги и всѣ случаи жизни священника Феодосія Левицкаго—имъ самимъ описанные;—Записки В. А. Золотова (педагога);—Князь Суворовъ и гр. Ростовчинъ;—Гр. Дибичъ въ 1818—1829 г.;—Кн. Паскевичъ и вн. Горчаковъ въ Царствѣ Польскомъ въ 1833—1853 гг.;—Кн. И. Ф. Паскевичъ въ Венгріи, въ 1849 году.—Историческія и критическія статьи Н. И. Костомарова, профес. В. С. Иконниковъ и др.

Разказы изъ исторіи Тайной канцеляріи;—Пугачевцы—разказы изъ розыскныхъ дѣлъ;—Расколъ и раскольники;—Русскіе писатели и артисты въ неизданныхъ письмахъ и матеріалахъ для ихъ біографій: Асенкова,—Г. С. Батенковъ,—Батюшковъ,—Бестужевы,—Грибоѣдовъ,—Даль,—А. М. Колосова и Катенинъ,—Кюхельбекеръ,—П. А. Каратыгинъ,—Ленскій,—Озеровъ (авторъ трагедій),—вн. Одоевскій,—А. С. Пушкинъ,—Сосницкій,—А. С. и Дм. Ив. Жестовы,—Шевыревъ,—М. С. Щепкинъ, и друг.

Цѣна «РУССКОЙ СТАРИНЫ» въ 1880-мъ году остается прежняя, а именно: за двѣнадцать книгъ, составляющихъ три тома, при чемъ каждый томъ не менѣе сорока печатныхъ листовъ, всего же въ годъ—болѣе 2,000 страницъ, съ гравированными, непременно при каждой книгѣ, портретами
цѣна ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ съ пересылкою.

Городскіе подписчики обращаются въ конторы редакціи: въ С.-Петербургѣ: въ магазинъ Мамонтова (Невскій проспектъ, д. № 46); въ Москвѣ—въ книжные магазины Соловьева и Мамонтова.

Иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, д. № 7.

Изд.-ред. М. И. Семеvскій.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦІИ:

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1879 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: императора Іоанна Антоновича; митрополита Ростовскаго Арсенія Мацѣвича (въ темницѣ); Иннокентія,—архіепископа Херсонскаго и Таврическаго; Ириней Нестеровича—архіепископа Иркутскаго; графа Ѳ. П. Толстаго—вице-президента Академіи Художествъ;—А. С. Пушкина—въ 1812 и 1827 гг. (два точныхъ снимка съ гравюръ того времени); Н. В. Гоголя—въ 1834 г.—гравюра съ весьма рѣдкаго портрета, писаннаго Акад. Венеціановымъ; Н. А. Некрасова; статсъ-секретаря С. М. Жуковскаго (одного изъ главнѣйшихъ участниковъ въ великой реформѣ 19-го февраля 1861 г.); профессора Осипа Максимовича Бодянскаго; персидскаго принца Хосров-Мирзы.—Снимки: съ подлинныхъ писемъ Петра Великаго, А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя.

Въ вышедшихъ книгахъ «Русской Старины» за 1879-й, десятый годъ изданія,—между другими статьями, напечатаны: Журналъ путешествія по Европѣ въ 1697—1699 гг.—кн. Б. М. Курякина;—Петербургъ въ 1720 г. по запискамъ поляка-очевидца;—Записки гр. П. И. Панина, о событіяхъ 1725—1744 гг. (Замѣчанія на Записки Манштейна);—Воспоминанія А. М. Веригина, М. Л. Варунъ-Секрета, Л. И. Рижордъ, М. С. Валевскаго и друг.—Жизнь бывшего крѣпостнаго крестьянина, нынѣ археолога М. А. Голышева (1838—1878 гг.);—Очерки и рассказы Э. М. Стегова.—Дневникъ А. И. Храловскаго—инспектора репертура русскаго театра въ 1829—1839 гг.—Записки П. А. Маратыгина: русскій театръ въ Петербургѣ въ 1838—1858 гг.—Нѣсколько недѣль при русскомъ дворѣ въ 1846 г.—Выдержки изъ дневниковъ Барнагена фонъ-Зинъ (1850—1851 гг.);—Мои сношенія съ Я. М. Ростовцевымъ;—воспоминанія А. Д. Галахова (1850—1858 гг.);—Воспоминанія Т. П. Пассежъ;—Воспоминанія М. И. Венюкова о заселеніи Амурскаго края;—Польское возстаніе въ 1863—1864 гг.—Записки Н. В. Берга;—Историческія изслѣдованія: Д. И. Млодѣйскаго;—В. И. Семевскаго;—И. Мизно;—г. Тальберга;—Д. Д. Ансимо;—г. Подвысоцкаго;—проф. В. С. Иванникова: Арсеній Мацѣвичъ—митрополитъ Ростовскій;—Императоръ Іоаннъ Антоновичъ—по вновь открытымъ матеріаламъ;—И. М. Востокова: Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.—Письма архіеп. Иннокентія къ Великому Князю Константину Николаевичу (1852);—Кн. Н. С. Голыцинъ: П. Д. Киселевъ и управление имъ Валахіей и Молдавіей въ 1829—1834 гг.;—профес. М. А. Поповъ: Очеркъ біографіи О. М. Бодянскаго.—Колоніи въ Смоленской и Саратовской губерніяхъ изъ питомцевъ Воспитательнаго Дома—сказаніе очевидца.—Хосров-мирза, персидскій принцъ, 1813—1875 гг.—очеркъ Ад. П. Берже;—Кн. А. И. Барятинскій—изъ Записокъ М. Я. Ольшанскаго;—А. С. Пушкинъ—очеркъ жизни и его письма.—Предсмертная поѣздка М. Ю. Лермонтова въ Пятигорскъ;—Бунтъ архіепископа Ириней въ Иркутскѣ въ 1831 г., воспоминанія и рассказы изъ его жизни.—Историческіе рассказы и анекдоты изъ собранія Богуславскаго и др.

Письма, замѣтки, документы, рассказы, анекдоты и прочіе матеріалы,—всего болѣе трехъ сотъ различныхъ сообщеній.

Цѣна «Русской Старины» 1879 г.,—12 книгъ съ 12-ю портретами,—8 руб. съ пересыкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Въ виду обширности приготовляемой «СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ РОСПИСИ» содержания „Русской Старины“ за истекшее ДЕСЯТИЛѢТІЕ, роспись эта выйдетъ лишь въ первую половину 1880-го года подъ заглавіемъ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЪ ПЕРВОЕ ЕГО ДЕСЯТИЛѢТІЕ, 1870 — 1879 гг.

Въ обзорѣни этомъ, между прочимъ, будутъ помѣщены: I. Роспись, въ систематическомъ порядкѣ изложенная, всего, что напечатано въ „Русской Старинѣ“, а именно: отечественная исторія— по царствованіямъ; исторія русской литературы по вѣкамъ и писателямъ; исторія художествъ и искусствъ и проч. и проч. Оглавленіе подробное болѣе или менѣе значительныхъ Записокъ, Воспоминаній, Изслѣдованій, Очерковъ, Біографій и проч. будетъ приведено вслѣдъ за главнымъ ихъ названіемъ.—II. Указатель личныхъ именъ всѣхъ сотрудниковъ,—труды и сообщенія которыхъ помѣщены на страницахъ „Русской Старины“ въ первое дѣсятилѣтіе изданія, и всѣхъ вообще именъ, встрѣчающихся въ росписи содержания этого изданія.—III. Дополнительные замѣтки къ статьямъ, помѣщеннымъ въ „Русской Старинѣ“ 1870—1879 гг., по чему либо своевременно не напечатанныя и проч.

Цѣна книги (отъ 160 до 200 стр.)—одинъ рубль съ пересылкою.

(О выходѣ книги будетъ своевременно объявлено.)

1879
Лит. и фот. грав. И. П. Павлов. 1879 г.

Статье разумные, добрые, вечные,
Сотей! Спасибо вам людям, сердечная
Русский народ...
Н. Некрасов

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИЦѢ» ВЪД. 1879 г.

ДОВОДЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 11 ЮЛЯ 1879 г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ВУМАГЪ.

РУССКІЙ ДВОРЪ ВЪ 1725—1744 ГОДАХЪ.

ЗАМѢЧАНІЯ ГРАФА ПЕТРА ИВАНОВИЧА ПАНИНА

ВА

ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛА МАНШТЕЙНА О РОССИИ ¹⁾).

Обозрѣніе Биронова регентства.

[Зап. Манштейна, стр. 195—203].

Слѣдуя древнему обычаю, немедленно по преставленіи Анны Іоанновны, отворили двери почивальной ея. Огорченный оберъ-гофмаршалъ Левенвольдъ вышелъ въ собраніе, со слезами извѣстилъ о кончинѣ императрицы, и пригласилъ всѣхъ въ тѣлу усопшей. Всѣ, въ страшной неизвѣстности о будущемъ, поражены были чрезвычайною печалью; вопль распространился по дворцу. Принцесса Анна была удручена величайшею скорбью. Изъ почивальной вынесли ее въ безпамятствѣ въ другую комнату. Тамъ, опаматовавшись, сидѣла она въ глубокой задумчивости, обливаясь горькими слезами. Биронъ громко рыдалъ и казался отчаяннымъ; но скоро миновалось отчаяніе лукаваго честолюбца. Черезъ нѣсколько минутъ, привазалъ онъ объявить постановленіе о регентствѣ. Генераль-прокуроръ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой отперъ шкафъ, вынулъ изъ онаго постановленіе, подошелъ въ свѣчамъ и началъ читать бумагу. Биронъ, примѣтя, что принцъ Брауншвейгскій неподвижно стоялъ за стуломъ супруги своей, тотчасъ сказалъ ему: «Не угодно-ли и вамъ, вмѣстѣ съ другими, выслушать послѣднюю волю императрицы?» Принцъ, не отвѣчая ни слова, подошелъ къ боярамъ, вокругъ Трубецкаго толпившимся, и съ спокойнымъ духомъ слушалъ приговоръ собственный и своей супруги. По прочтеніи постановленія, герцогъ по-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXVI, стр. 359—410.

«РУССКАЯ СТАРИНА», ТОМЪ XXVI, 1879 Г., ДЕКАБРЬ.

шелъ въ свои комнаты, а принцесса Авна съ супругомъ удалились въ покои малолѣтняго императора и наступающую ночь провели у колыбели младенца. Надлежитъ замѣтить, что какъ скоро ребенокъ сей появился на свѣтъ, то покойная императрица взяла его подъ собственный свой надзоръ и помѣстила въ комнатѣ подлѣ почивальной своей.

Ночь всю скрывали отъ народа о смерти императрицы и повсюду усилили караулы; на разсвѣтъ слѣдующаго дня вывели полки лейбъ-гвардіи и другіе, въ Петербургѣ находившіеся, и построили подѣ ружьемъ на Дворцовой площади. Въ девять часовъ (утра) собрались ко двору: духовенство, сенатъ и всѣ прочія знатныя особы. Графъ Остерманъ, обливаясь слезами, возвѣстилъ собранію о преставленіи императрицы и приказалъ секретарю прочесть постановленіе о регентствѣ. Послѣ этого всѣ пошли въ придворную церковь и тамъ дали присягу въ вѣрности младому императору и регенту. Изъ церкви же отправились къ герцогу для принесенія поздравленія. Биронъ, подойдя къ сенаторамъ, произнесъ:

— «Излишнимъ почитаю напоминать вамъ о продолженіи усердія, съ каковымъ доселѣ споспѣшествовали вы приращенію благоденствія и славы отечества. Надѣюсь твердо, что нѣжный возрастъ малолѣтняго императора послужитъ вамъ сильнѣйшимъ побужденіемъ къ дальнѣйшимъ трудамъ. Будьте удостовѣрены, что всѣ часы жизни моей я готовъ посвящать на служеніе имперіи; слѣдственно, вы не можете представить мнѣ убѣдительнѣйшихъ опытовъ довѣренности къ чистотѣ моихъ помышленій, какъ непосредственно и прямо относясь къ мнѣ во всѣхъ случаяхъ, когда встрѣтите надобность для блага государства въ новомъ законоположеніи, или въ искорененіи злоупотребленій, вкравшихся въ различныя вѣтви государственнаго управленія. Я не буду имѣть наперсниковъ и двери мои всегда будутъ отверзты для благонамѣренныхъ людей».

Послѣ сего привѣтствія, откланялся и позвалъ во внутренніе покои графовъ Миниха и Остермана, князя Черкаскаго и тайнаго совѣтника Бестужева. Тамъ благодарилъ ихъ за оказанную къ нему приверженность, и, увѣривъ, что не оставитъ на самомъ дѣлѣ изъявить имъ признательность свою, просилъ этихъ господъ вспомоствовать ему добрыми совѣтами.

Того же утра, регентъ перевезъ малолѣтняго императора въ зимній дворецъ, изъявивъ согласіе, чтобы и родители его туда переселились. Самъ же остался въ лѣтнемъ дворцѣ, предполагая переѣхать изъ онаго по погребеніи тѣла покойной императрицы. Вечеромъ навѣстилъ онъ императора и родителей его. Изъявивъ принцессѣ соболѣзнованіе о преставленіи императрицы, удостоившись, что онъ сдѣлалъ распоряженіе о произвожденіи ей содержанія соответственнаго высокой ея породѣ. Доселѣ принцесса получала общее содержаніе съ императорскимъ дворомъ. Биронъ опредѣлилъ на собственные ея расходы по двѣсти тысячъ рублей серебромъ ежегодной пенсіи.

По учрежденіи тайнаго кабинета, правительствующій сенатъ утратилъ много изъ прежняго своего достоинства и преимуществъ. Желая польстить сему верховному судилищу и привязать къ себѣ членовъ онаго, Биронъ часто ѣздилъ въ сенатъ и присутствовалъ въ ономъ. Сенатъ, въ изъявленіе признательности своей, просилъ регента принять по пятисотъ тысячъ рублей ежегодно на содержаніе двора его и, находя, что титулъ свѣтлости не приличествуетъ важности званія правителя столь великой имперіи, поднесъ ему проименованіе высочества. Биронъ принялъ сіе приношеніе, съ условіемъ, чтобы и принца Брауншвейгскаго, въ качествѣ родителя императора, равномѣрно величали высочествомъ.

Чѣмъ болѣе возвышался Биронъ, тѣмъ сильнѣе разверзалась ужаснѣйшая пропасть, готовившаяся поглотить его. Не прошло еще и одной недѣли по кончинѣ Анны Іоанновны, какъ начали доходить до регента слухи о ропотѣ въ народѣ противъ правленія его. Лейбъ-гвардіи капитанъ Ханьковъ и поручикъ Аргамажовъ взяты были подъ стражу за нескромныя рѣчи и преданы пыткѣ. Биронъ домогался вывѣдать отъ нихъ—въ чемъ состояло злоумышленіе ихъ и кто были сообщники ихъ? Но не могъ ничего исторгнуть отъ нихъ, и вся вина ихъ оказалась единственно въ изъявленіи неудовольствія, въ простомъ между собою разговорѣ. Въ то же время преданъ былъ пыткѣ одинъ кабинетской секретарь. Его обвиняли, что онъ предварительно показывалъ обѣимъ принцессамъ на-черно написанное постановленіе о регентствѣ, и дѣлалъ нѣкоторые замѣчанія на несправедливость сего распоряженія. Но всѣ сіи жестокости не произвели дѣйствія, Би-

рономъ ожидаемаго: вмѣсто того, чтобы устрашить прочихъ, онѣ вѣще раздражали умы и всѣхъ возбуждали ко мщению.

Среди сихъ происшествій, получено было извѣстіе о кончинѣ Карла VI, умершаго въ Вѣнѣ 10-го (21-го) октября. Императоръ завѣщалъ наслѣдственныя австрійскія владѣнія старшей дщери своей Маріи Терезіи. Король прусскій, курфирсты саксонскій и баварскій предъявляли притязанія на наслѣдіе сіе и намѣревались вооруженною силою поддержать права свои. Война должна была возгорѣться въ Германіи. Не вѣдали еще, что предприметь регентъ въ обстоятельствахъ, столь важныхъ для наслѣдницы Австрійской монархіи. Но послѣ, по паденіи Бирона, сдѣлался извѣстнымъ тайный договоръ, заключенный имъ съ саксонскимъ дворомъ, по коему регентъ, вопреки ручательства покойной императрицы по прагматическому уложенію Карла VI, обѣщаль не противиться требованіямъ, каковыя Августъ, король польскій, въ качествѣ курфюрста саксонскаго, супруга и дѣти его предъявлять на наслѣдіе австрійскихъ владѣній. Въ замѣну сего, польскій король обѣщаль охранять права Бирона и наслѣдниковъ его на обладаніе герцогствомъ курляндскимъ. Обязательство это было единственное, заключенное Бирономъ съ иностранною державою.

Хотя, въ первые дни регентства, Биронъ тщательно занимался списканіемъ свѣдѣній о состояніи военныхъ силъ и государственныхъ доходовъ, однако никакихъ предположеній ко благу Россіи не послѣдовало, и во внутреннихъ распоряженіяхъ имперіи не сдѣлалъ онъ ничего достопримѣчательнаго. Дабы польстить народу и ознаменовать восшествіе на престолъ малолѣтняго императора и свое вступленіе въ правленіе, освободилъ онъ отъ четырехъ-мѣсячнаго подушнаго овлада. Между тѣмъ, всѣ улицы Петербурга наполнены были караулами и разѣздами; повсюду были разсыпаны наушники и доносчики. Не проходило ни одного дня, чтобы регентъ не получалъ доноса и не приказывалъ брать подъ стражу и предавать истязаніямъ всякаго званія людей. Вина сихъ несчастныхъ заключалась единственно въ неосторожныхъ разговорахъ. Наконецъ, Биронъ получилъ свѣдѣніе о большомъ заговорѣ. Вотъ подробности онаго.

Графъ Михайло Гавриловичъ Головкинъ, сынъ государственнаго канцлера, по породѣ и по высокимъ связямъ супруга своей,

справедливо почитался въ государствѣ знаменитымъ вельможею. Украшенный российскими орденами и возведенный на высшія степени, былъ самый снисходительный, добродѣтельный и любящій отечество мужъ. Супруга его Еватерина Ивановна, благотворительная и сострадательная боярыня, была дочь князя Ивана Ѳеодоровича Ромодановскаго, имѣвшаго въ супружествѣ Наталію Ѳеодоровну Салтыкову, родную сестру царицы Прасковьи Ѳеодоровны. Слѣдовательно, графиня Головкина была двоюродная сестра императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, а правительницѣ—тетка. Въ первые годы царствованія государыни Анны Іоанновны, графъ Головкинъ пользовался при дворѣ большимъ уваженіемъ, но подъ конецъ благоволеніе монаршее въ нему весьма уменьшилось; причиною тому было безпристрастное сужденіе сего вельможи о поступкахъ Бирона. И такъ, не ожидая себѣ ничего добраго отъ врага, похитившаго верховную власть, графъ Головкинъ помышлялъ о низверженіи деспота. Но средство, которое намѣревался онъ употребить для сего, едва не обратилось на собственную его гибель. Благодушіе и благосклонность хозяевъ привлекали гостей въ домъ графа Головкина; множество недовольныхъ отставныхъ офицеровъ находили тутъ убѣжище и отраду. Въ одинъ день, когда посѣтили его нѣкоторые изъ нихъ, на преданность коихъ могъ онъ твердо полагаться, графъ спросилъ у нихъ:

— О чемъ говорятъ въ городѣ?

Они отвѣчали, что всѣ вообще негодуютъ на возвышеніе Бирона и соблазняютъ объ участи принцессы Анны. Что они знаютъ многихъ гвардейскихъ офицеровъ, готовыхъ на все отважиться для отмщенія оскорбленія, нанесеннаго родительницѣ императора. Но сіи офицеры, какъ и прочіе благомыслящіе люди, не имѣя руководителя, не вѣдаютъ какъ приступить къ сему важному дѣлу. Графъ отвѣчалъ, что, по мнѣнію его, лучшее средство послѣдовать примѣру, употребленному въ Москвѣ въ 1730 г. при восстановленіи самодержавія, т. е. что всѣ благонамѣренные патриоты должны въ назначенный для того день собраться въ извѣстномъ домѣ и цѣлымъ обществомъ отправиться къ принцессѣ съ просьбою, дабы она избавила государство отъ ненавистнаго всѣмъ регента и бразды правленія приняла бы въ свои руки. Гости, одобрявъ предполагаемый способъ, просили графа

быть главою общества благонамѣренныхъ; но сей хворый и мучимый подагрою вельможа не могъ принимать личнаго участія въ предполагаемомъ предпріятіи, а совѣтовалъ имъ обратиться къ князю Черкасскому, увѣряя, что министръ сей столь же охотно склонится на представленіе ихъ, какъ и прежде поступилъ онъ, при поднесеніи императрицѣ Аннѣ прошенія объ отрѣшеніи аристократическаго правленія. Давъ таковой совѣтъ и отобравъ обѣщаніе, чтобы о немъ ничего не упоминали, графъ просилъ, дабы, не отлагая вдаль, завтрашній же день, пригласивъ и другихъ недовольныхъ, всѣ вмѣстѣ явились къ князю Черкасскому. Согласно съ симъ предположеніемъ, на другой день недовольные собрались къ князю Черкасскому, объявили о причинѣ прибытія своего и, напомнивъ о прежнемъ подвигѣ его, столь достохвальномъ и полезномъ для общества, просили князя отправиться съ ними въ принцессѣ и представить ея высочеству о желаніи народа. Князь Черкасскій, спойно выслушавъ просителей, съ притворнымъ видомъ одобрилъ намѣреніе ихъ и, подъ предлогомъ отправленія дѣлъ нетерпящихъ отлагательства, пригласилъ ихъ придти къ нему на другой день. Едва они вышли изъ дома его, какъ оробѣвшій князь, страшась гибельныхъ для себя послѣдствій отъ сего заговора, немедленно поскакалъ извѣстить Бирона о сдѣланномъ предложеніи. Тотчасъ захватили всѣхъ приходившихъ къ князю Черкасскому; заключили въ темницы и мучили пытками, допрашивая о числѣ и именахъ прочихъ соучастниковъ. Несчастные объявили о нѣкоторыхъ, но, превозмогая всѣ истязанія, никто не упомянулъ о графѣ Головинѣ. Въ числѣ обличенныхъ жертвъ находился Грамматинъ, правитель российской канцеляріи принца Брауншвейгскаго. Подъ истязаніями пытки Грамматинъ не тожко признался, что зналъ объ упомянутомъ заговорѣ, но открылъ еще и о другомъ важнѣйшемъ, въ составленіи котораго употреблялся онъ по согласію принца. Предполагали подговорить офицеровъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, находившагося подъ начальствомъ принца Брауншвейгскаго, и потомъ, склонивъ весь полкъ, идти во дворецъ и во что бы ни стало захватить Бирона и всѣхъ его приверженниковъ. Грамматинъ успѣлъ открыться тожко одному капитану упомянутаго полка князю Путятину, который обѣщалъ убѣждать прочихъ офицеровъ. Князь Путятинъ, преданный истязаніямъ, признался и объявилъ о двухъ

капитанахъ и объ одномъ поручикѣ, которыхъ подговорилъ онъ принять участіе въ заговорѣ.

Открытіе сихъ покушеній долженствовало убѣдить Бирона сколь ненавистно было правленіе его; что всѣ мученія пытокъ недостаточны въ предохраненію тирановъ отъ справедливой мести раздраженнаго общества! Деспотъ сей легкомысленно возлагалъ надежду на вѣрность двухъ гвардейскихъ полковъ, Измайловскаго и Коннаго, изъ коихъ первымъ начальствовалъ братъ его Густавъ, а другимъ сынъ его Петръ. Желая показать предъ всѣми, сколь мало опасается онъ принца Брауншвейгскаго, призвалъ его къ себѣ и, въ присутствіи многочисленнаго собранія, Биронъ въ ярости выговаривалъ за покушеніе въ составленію заговора, называлъ принца неблагодарнымъ, кровожаждущимъ, и присовокупилъ, что поступками своими неминуемо лишится онъ всего. А какъ при послѣднихъ словахъ принцъ нечаянно положилъ лѣвую руку на эфесъ своей шпаги, то регентъ, принявъ сіе за угрозу и ударяя по своей, съ жаромъ закричалъ:

— «Если сомнѣваетеесь, чтобъ рѣшился я раздѣлаться съ вами и симъ путемъ, то извольте испытать».

Наконецъ, по произнесеніи и другихъ рѣчей, внутреннихъ злобою и ненавистью, на которыя принцъ кратко возразилъ, что онъ отнюдь не обязанъ отвѣтствовать за «слова и поступки секретаря своего»,—разстались они съ большимъ противу прежняго негодованіемъ и ожесточеніемъ.

На другой день регентъ поручилъ барону Миниху ¹⁾, брату фельдмаршала, объясниться съ принцемъ Брауншвейгскимъ. Въ отвращеніе дальнѣйшихъ неудовольствій и для пресѣченія всякаго подозрѣнія, предложили принцу добровольно отказаться отъ всѣхъ должностей, занимаемыхъ имъ въ войсѣ. Принцъ долженствовалъ покориться судьбѣ и уступить силѣ; присланный отъ него г. Кайверлингъ объявилъ регенту, что принцъ слагаетъ съ себя всѣ военныя почести. Обрадованный Биронъ немедленно извѣстилъ объ ономъ гвардію и прочіе полки. Не удовольствовавшись симъ, деспотъ послалъ сказать принцу, что онъ

¹⁾ Баронъ Христіанъ Вильгельмъ Минихъ, умершій въ 1768 г., былъ впоследствии дѣйствительный тайный совѣтникъ, оберъ-гофмейстеръ и кавалеръ орденовъ св. Андрея и св. Александра.

Примѣч. рукоп.

совѣтуетъ ему не выѣзжать изъ дворца, дабы народъ, раздраженный за множество людей, по винѣ его заключенныхъ въ темницы и преданныхъ истязаніямъ, не нанесъ особѣ его какого либо оскорбленія. Сколь дерзновенно поступалъ Биронъ съ родителями самодержца своего! Всѣ съ трепетомъ ожидали злѣйшихъ послѣдствій. Опасались, что принцъ съ супругою будутъ или отправлены въ Германію, или отосланы въ какую нибудь удаленную область Россійскаго государства. Но внезапно одинъ рѣшительный мужъ предпринялъ отважное намѣреніе ниспровергнуть могущественнаго Бирона и паденіемъ его прекратить всѣ бѣдствія отечества.

Ноября 8-го числа, предъ полуднемъ, графъ Минихъ, по обыкновенію, пріѣхалъ къ принцессѣ засвидѣтельствовать почтеніе свое. Нашедши ее одну, воспользовался симъ случаемъ. Съ жаромъ и величайшимъ искусствомъ описалъ онъ бѣдственное состояніе государства, насиліе и жестокости Бирона. Представилъ опасность, угрожающую самой принцессѣ, если правленіе долѣе останется въ рукахъ неукротимаго ея врага. Обѣщалъ предать во власть ея Бирона низверженнаго и просилъ дозволить приступить къ исполненію безъ малѣйшаго отлагательства. А для одобренія въ семь предпріятіи офицеровъ и рядовыхъ убѣждалъ принцессу, дабы она благоволила лично присутствовать при совершеніи онаго. Обрадованная Анна Карловна съ неизреченнымъ удовольствіемъ приняла неожиданное предложеніе фельдмаршала; умъ и мужество его подавали несомнѣнную надежду къ успѣху. Положили, чтобы графъ Минихъ въ наступающую ночь прибылъ въ зимній дворецъ и взялъ отъ караула онаго потребное число рядовыхъ. Получивъ отъ принцессы увѣреніе, что тайны сей никому она не откроетъ, даже и супругу своему, фельдмаршалъ отправился прямо въ Бирону, и остался у него обѣдать. Возвратясь домой, нетерпѣливо ожидалъ онъ приближенія ночи.

Въ тотъ же вечеръ молодая графиня Минихова ¹⁾, невѣстка фельдмаршала, не имѣя ни малѣйшаго свѣдѣнія о преднамѣреніи тестя своего, пріѣзжала къ герцогинѣ, провела тутъ вечеръ, ужинала у нея вмѣстѣ съ регентомъ и почти до полуночи про-

¹⁾ Жена оберъ-гофмейстера Миниха, урожденная Менгденова.

Примѣч. рукоп.

была съ ними. Прощаясь съ графинею, Биронъ препоручилъ ей сказать фельдмаршалу, что, по погребеніи тѣла императрицы, онъ получить такой подарокъ, что въ состояніи будетъ заплатить всѣ свои долги.

Въ два часа по полуночи, фельдмаршалъ съ однимъ только своимъ адъютантомъ, подполковникомъ Манштейномъ, поѣхалъ во дворецъ, и чрезъ нарочно оставленные незапертыми ворота вошелъ въ покои фрейлины баронессы Іуліаны Менгденъ, родной сестры молодой графини Миниховой. Фрейлина Менгденова, имѣя отъ принцессы предварительное повелѣніе, въ ту же минуту пошла разбудить ее. Правительница не замедлила выйти. Графъ представилъ, что настала часъ рѣшить судьбу Бирона, вновь просилъ принцессу, дабы она личнымъ своимъ присутствіемъ подкрѣпила предпріятіе. Но не могли преклонить на сіе, исходятайствовавъ позволеніе представить ей караульныхъ офицеровъ; просилъ объявить имъ волю свою и возбудить ихъ къ усердному исполненію. На послѣднее принцесса согласилась, и когда офицеры вошли, она изволила сказать имъ:

— «Извѣстны вамъ оскорбленія, нанесенныя государю вашему, мнѣ и супругу моему. Наглость регента ежедневно возрастаетъ, терпѣніе мое истощилось, и я рѣшилась наказать тирана. Твердо надѣюсь, что вы, господа, всѣ, дышущіе честію, не отречетесь оказать императору и родителямъ его важнѣйшую услугу: возьмете подъ стражу Бирона, котораго насиліе и жестокосердіе терзаютъ несчастное наше отечество. И такъ, убѣдительнѣйше прошу васъ послѣдовать за фельдмаршаломъ, и ревностно исполнять всѣ его приказанія: вѣрность и усердіе ваше получать достойное возмездіе».

Произнеся сіе, принцесса обняла фельдмаршала и допустила къ рукѣ офицеровъ, пожелавъ имъ счастливаго успѣха. Графъ Минихъ, сошедши въ караульную, объявилъ о повелѣніи принцессы. Весь караулъ единогласно отвѣчалъ, что онъ готовъ голову положить, дабы избавиться отъ жестокаго регента. Фельдмаршалъ, приказавъ караулу зарядить ружья, взялъ онаго трехъ офицеровъ и восемьдесятъ гренадеровъ и отправился съ ними въ лѣтній дворецъ, гдѣ жилъ Биронъ и гдѣ тѣло покойной императрицы выставлено было на парадной кровати. Тамъ находилось въ караулѣ триста человекъ. Еслибы они были преданы

регенту, то, безъ сомнѣнія, поставили-бъ непреборимую препону умышляемому предпріятію; но фельдмаршалъ, по благоразумной предосторожности, назначилъ къ исполненію такой день, въ который караулъ при обоихъ дворцахъ занять былъ Преображенскимъ полкомъ, состоявшимъ подъ личнымъ его начальствомъ. Въ разстояніи ста шаговъ отъ лѣтнаго дворца, онъ послалъ впередъ одного офицера съ повелѣніемъ караульному капитану, чтобы онъ съ двумя офицерами немедленно явился къ фельдмаршалу. Офицеры сіи въ то же мгновеніе пришли; Минихъ, съ извѣстною его твердостію и умомъ, объявивъ о причинѣ прихода своего и о повелѣніи принцессы арестовать Бирона, приказалъ, чтобы соблюдали глубочайшую тишину и не дѣлали ни малѣйшаго шума. Чтобы караулъ неподвижно стоялъ на своемъ мѣстѣ и ни одинъ часовой не трогался съ поста. Офицеры, приученные повиноваться повелительному гласу сего полководца, обѣщали все въ точности выполнить и немедленно отдали согласный съ тѣмъ приказъ своимъ караульнымъ. Послѣ сего графъ Минихъ, подошедши къ самому вѣзду дворца, отрядилъ г. Манштейна съ двадцатью рядовыми, приказавъ захватить герцога живаго или мѣртваго. Манштейнъ шелъ съ крайнею осторожностію, потихоньку. Всѣ часовые, узнавъ о предпріятіи, по данному имъ приказу, свободно пропустили его, не оказавъ ни малѣйшаго сопротивленія. Вотъ убѣдительное доказательство, что никакая стража въ свѣтѣ не охранитъ злобнаго властителя, если не властвуетъ онъ надъ сердцами. Такимъ образомъ, Манштейнъ безъ всякаго затрудненія проникнулъ до комнаты, въ которой спалъ регентъ. А какъ двери оной изнутри были заложены желѣзнымъ запоромъ, то надлежало силою вломиться въ покой. Шумъ, отъ того происшедшій, разбудилъ Бирона. Объятый страхомъ, не вѣдалъ онъ куда скрыться и торопливо бросился подъ кровать; Манштейнъ отыскалъ тирана и вытащилъ изъ-подъ кровати. Обезумѣвшій регентъ мечталъ еще сопротивляться; оборонялся руками и ногами, но въ подобныхъ случаяхъ всякое уваженіе исчезаетъ. Гренадеры силою принудили Бирона къ покорности; схватили его, завязали ему платкомъ ротъ, скрутили руки, накиннули на него шубу, вытащили изъ дворца и посадили въ подвезенную ко крыльцу карету. Выбѣжавшую за Бирономъ въ одной рубашкѣ герцогиню, и брошенную солдатами въ снѣгъ,

караульный капитанъ приказалъ одѣть и отвести обратно въ комнаты, гдѣ и приставили къ ней часовыхъ. Исполнивъ сіе, фельдмаршалъ поспѣшно поѣхалъ къ принцессѣ съ донесеніемъ о счастливомъ совершеніи предпріятія и привезъ съ собою низверженнаго съ высоты величія Бирона. Анна, находившаяся въ чрезвычайномъ безповойствіи и страхѣ, съ несвязанною радостью приняла графа Миниха.

Въ ту же ночь ввѣты подъ стражу Густавъ Биронъ, братъ регента, и кабинетскій министръ тайный совѣтникъ Бестужевъ, обвиняемый въ непомерной приверженности къ деспоту.

Предъ разсвѣтомъ дня зимній дворецъ окруженъ былъ непроходимыми толпами народа; всѣ комнаты онаго наполнены были всякаго званія людьми; въ восторгѣ, едва вѣрили столь счастливому событію. Анна Карловна, облекиши себя титуломъ великой княгини въ качествѣ правительницы имперіи, изволила, при пушечной пальбѣ, принять присягу отъ всѣхъ знатнѣйшихъ чиновъ, въ придворной церкви. Собравшеся около дворца войско присягало на площади. Обрадованный народъ спѣшилъ въ церкви, съ искреннимъ сердцемъ цѣловалъ крестъ и торжественно обѣщавъ вѣрность правительницѣ. Во всѣхъ области Россійскаго государства и ко всѣмъ иностраннымъ дворамъ посланы были нарочные гонцы съ симъ извѣстіемъ.

Содѣйствіе графа Миниха къ доставленію Бирону регентства и желанія его.

[Зап. Манштейна, стр. 196—197].

Несправедливо говорить г. Манштейну, что графъ Минихъ наиболѣе содѣйствовалъ въ доставленіи Бирону регентства. Въ семъ случаѣ фельдмаршалъ долженствовалъ покориться силѣ обстоятельствъ. Равно безъ основанія г. сочинитель упоминаетъ о желаніяхъ его. Графъ Минихъ, зная недовѣрчивый нравъ и неблагоприятное расположеніе въ себѣ герцога, никакъ не могъ предполагать, чтобы въ награду согласія, изъявленнаго обще съ тремя другими особами, регентъ исполнилъ всѣ его желанія и ввѣрилъ ему главное управленіе государственными дѣлами. Тщеславіе могло возродить въ честолюбивой душѣ графа Миниха желаніе возвыситься на степень генералиссимуса; но проникательный умъ

его ясно видѣлъ, что одно покушеніе къ этому навлекло-бъ на него величайшее подозрѣніе. И дѣйствительно сказать могу, что въ продолженіе Биронова регентства не помышлялъ онъ объ ономъ; но желалъ единственно, чтобы правительство заплатило долги его. Не по причинѣ неудачи въ исполненіи желаній своихъ, ниже по какому либо отказу со стороны регента, Минихъ рѣшился ниспровергнуть сего страшнаго деспота. Любовь къ отечеству, проистекая отъ того ревность прекратить народное бѣдствіе и опасеніе рано или поздно подвергнуться общему гоненію—руководствовали знаменитаго полководца.

О иснаніи Минихомъ господарскаго достоинства.

[Зап. Манштейна, стр. 197].

Что принадлежит до сказанія г. Бишенга, помѣщеннаго въ примѣчаніи г. Манштейна, будто бы фельдмаршалъ, до покоренія еще Молдавіи, просилъ императрицу пожаловать его господаремъ сей области, а потомъ домогался о пожалованіи его герцогомъ украинскимъ, то оное, какъ и мнимый отзывъ Анны Іоанновны, совершенно пустая и вымышленная сказка, о которой г. Манштейнъ, какъ человекъ, испытавшій многія благодѣянія отъ графа Миниха, не долженствовалъ бы и упоминать.

Вступленіе принцессы Анны въ управленіе государствомъ и поведеніе въ этомъ случаѣ графа Миниха.

[Зап. Маншт., стр. 203 и слѣд.].

Сочинитель недостоверно описалъ начало управленія государствомъ принцессы Анны. Вотъ нѣкоторыя подробности онаго. На другой день по низверженіи Бирона, графъ Минихъ, призвавъ къ себѣ рано поутру сына своего и барона Менгдена, спросилъ мнѣнія ихъ: кого слѣдуетъ по достоинству и чѣмъ пристойнѣе наградить? Послѣ нѣкотораго разсужденія о семъ, приказалъ онъ сыну взять перо и писать со словъ его.

Во первыхъ: просилъ ея высочество правительницу государства, чтобы она благоволила возложить на себя орденъ св. Андрея.

Во вторыхъ: во уваженіе важной заслуги, оказанной фельд-маршаломъ графомъ Минихомъ, пожаловать его генералиссимусомъ. Едва лишь окончилъ фельдмаршалъ послѣднія слова, какъ сынъ его сказалъ: «Конечно, по всей справедливости, никто не имѣетъ болѣе права требовать сего достоинства, какъ вы; но надлежитъ помыслить: не желаетъ ли принцесса на сію высокую степень (возвести) супруга своего? И такъ, дабы не подвергнуться отказу, не приличнѣе ли будетъ просить званія перваго министра, столь же важное какъ и первое?»

Фельдмаршалъ, согласясь на сіе замѣчаніе, спросилъ:

— Какъ-же преклонить графа Остермана быть подчиненнымъ первому министру?

— Доставивъ ему степень высшую отправляемой имъ вице-канцлерской должности,—былъ отвѣтъ сына и барона Менгдена. Фельдмаршалъ подхватилъ:

— Я вспомнилъ, что графъ Остерманъ, составляя въ 1732 году новое положеніе для флота, показывалъ желаніе быть великимъ адмираломъ; и такъ, мнѣ кажется, что онъ доволенъ будетъ этимъ повышеніемъ.

— Кому же предназначается званіе великаго канцлера, праздно съ давняго времени?—спросилъ молодой Минихъ, а какъ отецъ замедлилъ отвѣтомъ, то первый продолжалъ:

— Хотя князь Черкасскій, по послѣднему своему поступку, не заслуживаетъ награжденія; но какъ поведеніе его въ семь случаевъ должно приписать болѣе робости, нежели прямой приверженности къ бывшему регенту, то я думаю, что великая княгиня, предавъ забвенію прѣшедшее, явить опытъ величія души, который можетъ несравненно сильнѣе содѣйствовать утвержденію ея правленія, чѣмъ всѣ розысканія и наказанія прѣзнихъ поступковъ. И такъ, по мнѣнію моему, не непристойно просить правительницу о возведеніи въ канцлерское достоинство князя Черкаскаго.

Наконецъ, дабы всѣ главнѣйшія государственныя должности заняты были природными россиянами, положили: графа Михаила Гавриловича Головкина предложить въ вице-канцлеры.

Такимъ образомъ, состава роспись о повышеніи чинами и о пожалованіи орденами, по уходѣ молодаго Миниха и барона Менгдена, фельдмаршалъ велѣлъ секретарю своему переписать

оную на-бѣло. Но, свѣдаемый тщеславіемъ, котораго не могъ онъ преодолѣть, прибавилъ къ статьѣ, до него относившейся, неприличное выраженіе: «что достоинство генералиссимуса предоставляетъ онъ принцу Брауншвейгскому». Росписаніе сіе было утверждено великою княгинею.

Милости, оказанныя Правительницею.

[Зап. Манштейна, стр. 203].

Въ тотъ же день, около одиннадцати часовъ предъ полуднемъ, правительница, возложивъ на себя орденъ св. Андрея, вышла и допустила всѣхъ въ рукѣ. Потомъ, именемъ императора объявлены слѣдующія повышенія и награды: принцъ Брауншвейгскій всемилостивѣйше пожалованъ генералиссимусомъ всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ; фельдмаршалъ графъ Бурхардъ-Христофоръ Минихъ первымъ министромъ; графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ великимъ адмираломъ съ оставленіемъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій великимъ канцлеромъ, графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ вице-канцлеромъ съ повелѣніемъ присутствовать ему въ тайномъ кабинетѣ. Генераль-аншефъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, оберъ-штальмейстеръ князь Александръ Борисовичъ Куравинъ и адмиралъ графъ Николай Ѳеодоровичъ Головинъ получили орденъ св. Андрея, а тайный совѣтникъ и московскій губернаторъ князь Борисъ Григорьевичъ Юсуповъ, тайный совѣтникъ и сенаторъ Василій Ивановичъ Стрешневъ, зять графа Остермана, и коммерцъ-коллегіи президентъ баронъ Менгденъ — орденъ св. Александра Невскаго. Послѣ возвѣщенія о сихъ милостяхъ, правительница возвратилась во внутренніе покои и, призвавъ графа Миниха, вручила указъ о пожалованіи ему ста тысячъ рублей серебромъ. Оберъ-гофмаршалъ графъ Левенвольдъ получилъ восемьдесятъ тысячъ рублей, дѣйствительный тайный совѣтникъ баронъ Минихъ двадцать тысячъ рублей; графъ Минихъ, сынъ фельдмаршала, пожалованъ былъ оберъ-гофмейстеромъ, а гофмаршалу Шепелеву и генераль-маіору Апраксину, извѣстному потомъ побѣдою при Егерндорфѣ надъ прусскимъ фельдмаршаломъ Левальдомъ, пожалованы богатые помѣстья.

Весь народъ російскій ощутилъ благотворную перемену въ

правленіи; сострадательное и милосердное сердце правительницы устремилось къ облегченію участи несчастныхъ, пострадавшихъ подъ грознымъ деспотизмомъ Бирона, какъ въ регентство его, такъ и въ государственіе Анны Іоанновны. Каждый день просматривала она дѣла о важнѣйшихъ ссылочныхъ, предоставивъ сенату облегчить судьбу прочихъ. Число всякаго званія людей, томившихся въ заточеніи, простиралось до многихъ тысячъ человѣкъ. Находившіеся подъ истязаніемъ въ Петербургѣ немедленно были освобождены; всѣ, въ знакъ прощенія, прикрыты знаменемъ, и многіе за безвинно претерпѣнное гоненіе повышены чинами, опредѣлены къ должностямъ, или получили какія другія награды.

Таковое прекрасное вступленіе въ правленіе, доказывая о превосходствѣ сердца правительницы, должно было бы предвѣщать благополучную участь самой великой княгини. Но въ книгѣ судебъ предначертанъ былъ ей жребій самый злополучный.

Минихъ не получалъ отъ правительницы отъказа на просьбы свои.

[Зап. Манштейна, стр. 204—208].

Предыдущее замѣчаніе опровергаетъ заключеніе г. Манштейна, что графъ Минихъ въ первый день правленія великой княгини Анны получилъ отказъ на просьбу свою о возведеніи его въ достоинство генералиссимуса и о пожалованіи герцогомъ курляндскимъ: отъ перваго желанія отклонилъ фельдмаршала сынъ его, а послѣднее было слишкомъ безразсудно и не могло войти въ голову умнаго Миниха. Справедливо, что порицали выраженіе, прибавленное графомъ Минихомъ, объ уступленіи званія генералиссимуса принцу Брауншвейгскому; но никогда ни слова не слышно было при дворѣ, чтобы онъ домогался быть украинскимъ герцогомъ.

Встрѣченное затрудненіе въ перепискѣ между принцемъ Брауншвейгскимъ и Минихомъ.

[Зап. Манштейна, стр. 204—205].

Справедливо также, что, въ самомъ началѣ правленія великой княгини Анны, возникъ небольшой споръ между принцемъ и фельдмаршаломъ, объ образѣ переписки. Послѣдній, остававшійся прези-

дентомъ военной коллегіи, полагалъ сноситься сообщеніями; принцъ требовалъ донесеній; Минихъ, не желая изъ ничтожнаго дѣла заводить раздоръ, на все согласился.

О внушеніяхъ Остермана и о показаніи Бирона во вредъ Миниха.

[Зап. Манштейна, стр. 204—206].

Не внушенія хитраго графа Остермана, не извѣтъ герцога Курляндскаго, ниже мнимое опасеніе правительницы, были причиною удаленія графа Миниха. Фельдмаршалъ вѣдалъ необходимость заимствоваться совѣтами отъ гр. Остермана, какъ по вѣшнимъ, такъ и по внутреннимъ дѣламъ государства. Великая княгиня равномѣрно знала о семъ, и тщетно бы Минихъ старался довазать противное. Низверженный регентъ показалъ: 1, что никогда бы не принялъ онъ на себя регентства, еслибы не просилъ его о томъ убѣдительно графъ Минихъ; 2, что если правительница не удовлетворитъ какой либо просьбѣ сего графа, то должна будетъ крайне помышлять о безопасности своей.

Принцесса, понявъ, что слова сіи произнесены ненавистью и мщеніемъ, точно въ семъ разумѣ приняла извѣтъ Бирона; равномѣрно не обращала она вниманія и на другія нелѣпости, во вредъ Миниха разсѣваемыя. Напримѣръ, старались увѣрить правительницу, будто бы фельдмаршалъ имѣлъ тайныя свиданія съ царевною Елисаветою Петровною. Принцъ Брауншвейгскій, негодовавшій на Миниха за то, что похитилъ у него честь низверженія Бирона, раздувалъ пламенный раздоръ. Хотя трудно согласиться, чтобы принцъ сей успѣлъ, съ подобною Миниху отважностью и быстротою, нанести Бирону смертельный ударъ, хотя очевидно было, что всякое отлагательство и мѣшкотность въ семъ случаѣ навлекли-бъ принцу неизбежную погибель, ибо Биронъ, несомнѣнно, умышлялъ объ изгнаніи его изъ Россіи или заточеніи въ отдаленную область,—но оскорбленное самолюбіе устраняло отъ себя таковыя разсужденія. Къ сему присоеди- нить еще неудовольствіе и за то, что фельдмаршалъ казался мало преклоннымъ споспѣшествовать выгодамъ Австріи. Ниже объясню о настоящихъ причинахъ, побудившихъ графа Миниха просить увольненія, а принцессу согласиться на оное.

Предложеніе берлинскаго кабинета о заключеніи союза.

[Зап. Манштейнъ, стр. 207].

Саксонскій курфирстъ, заключивъ договоръ съ регентомъ, сообщилъ о содержаніи онаго берлинскому двору. Король прусскій, равноумно желая преклонить Россію, дабы держава сія не препятствовала и его притязаніямъ на наследіе Карла VI, препоручилъ пребывавшему въ С.-Петербургѣ министру своему открыть о семъ переговоры; но едва посланникъ приступилъ къ дѣлу, какъ послѣдовало низверженіе Бирона. Происшествіе сіе должно было произвести перемѣну въ политической системѣ російскаго двора. Надлежало предполагать, что великая княгиня и супругъ ея, по близкому родству съ императрицею-королевою, неравнодушно будутъ взирать на умышляемыя противу нея предпріятія. И такъ, прусскій король, принявъ на себя личину, подъ предлогомъ исканія дружества царствовавшаго тогда въ Россіи дома, но дѣйствительно—съ намѣреніемъ усыпить его, предложилъ оному о заключеніи оборонительнаго союза; въ декабрѣ мѣсяцѣ, баронъ Мердефельдъ сдѣлалъ о семъ предложеніе російскому министерству. Фельдмаршалъ, опасно занемогшій въ это время, не принималъ никакого участія въ дѣлахъ. Графъ Остерманъ воспользовался болѣзью фельдмаршала; съ давняго времени будучи ревностнымъ приверженникомъ Бранденбургскаго дома, министръ сей съ толикимъ искусствомъ умѣлъ изложить выгоды предлагаемаго союза, что легко убѣдилъ правительницу согласиться на оный. Какъ скоро графъ Минихъ получилъ облегченіе въ болѣзни, великая княгиня повелѣла извѣстить его о заключаемомъ договорѣ и спросить мнѣнія его. Фельдмаршалъ отвѣчалъ, что союзъ съ столь могущественнымъ сосѣдомъ, во время малолѣтія императора и когда Россія угрожаема войною со стороны Швеціи, всеконечно полезенъ. Но поелику Россія приняла на себя ручательство по прагматическому уложенію (*Sanctio Pragmatica*), поелику неизвѣстны еще были преднамѣренія императрицы-королевы, ни замыслы противоборниковъ ея: то предосторожность и справедливость требуютъ выжидать послѣдствій, сообразить и тщательно разсмотрѣть прежніе договоры и до времени воздержаться отъ заключенія новаго. Между

тѣмъ, вѣроятно, и вѣнскій дворъ сдѣлаеть какія-нибудь предложенія. Не взирая на сіе замѣчаніе, не взирая на то, что не знали еще положительно о прамыхъ преднамѣреніяхъ прусскаго монарха, правительница настаивала въ заключеніи предложеннаго договора. Существенныя условія онаго состояли: что обѣ договаривающіяся державы взаимно ручаются за цѣлость европейскихъ своихъ владѣній и обязываются, въ случаѣ нападенія на которую нибудь, вспомошествовать другъ другу двѣнадцатитысячнымъ корпусомъ войскъ.

Оставляю на судъ читателя: можно-ли порицать графа Миниха за мнѣніе, изъявленное имъ въ переговорахъ съ прусскимъ дворомъ?

Возвращеніе австрійскаго посланника маркиза Де-Ботта къ россійскому двору.

[Зап. Манштейна, стр. 209].

Маркизь Де-Ботта, человекъ умный, ловкій, пріятный, откровенный, отправляя прежде посольство при россійскомъ дворѣ, до такой степени умѣлъ снискать благоволеніе принцессы Анны, что государыня сія, принявъ бразды правленія, дала знать вѣнскому кабинету, что она желала бы имѣть при своемъ дворѣ австрійскимъ министромъ маркиза Де-Ботту, и повелѣла оберъ-гофмейстеру графу Миниху письменно удостовѣрить маркиза въ милостивомъ своемъ къ нему благорасположеніи. Посланникъ сей прибылъ въ С.-Петербургъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1741 года, когда еще не помышляли о вспомошествованіи наслѣдницѣ Карла VI.

Замѣшательство россійскаго двора при полученіи извѣстій о вторженіи прусскаго короля въ Силезію.

Петербургскій дворъ пребывалъ въ совершенной безпечности, нимало не подозрѣвая о непріязненныхъ преднамѣреніяхъ прусскаго короля, какъ внезапно пришло извѣстіе о вторженіи Фридриха II въ Силезію; извѣстіе сіе тѣмъ болѣе встревожило, что, съ одной стороны, ежедневно ожидали требованія вѣнскаго двора о вспомошествованіи; съ другой — не вѣдали, какъ поступить съ королемъ прусскимъ, съ коимъ не задолго предъ тѣмъ заключили

союзъ, и съ воимъ поссориться, при предстоявшемъ разрывѣ со шведами, было крайне опасно. Въ семъ затруднительномъ положеніи не изобрѣли лучшаго средства, какъ отнестись въ Фридриху, убѣдительноше прося его примириться съ императрицею-королевою и предлагая для сего посредство Россіи. Графъ Остерманъ, щеголявшій красотою пера, истощилъ все свое краснорѣчіе. Письмо, отправленное въ прусскому монарху, по признанію всѣхъ знатоконъ, было написано превосходно. Отвѣтъ Фридриха былъ кратокъ и ясенъ: ежели королева венгерская, не прибѣгая въ рѣшенію распри посредствомъ оружія, добровольно уступить ему нѣкоторыя области въ Силезіи, на обладаніе коихъ имѣетъ онъ неоспоримыя права, то онъ не токмо готовъ заключить съ нею миръ, но обязывается поддерживать и защищать ее всѣми своими силами противу прочихъ непріятелей Австрійскаго дома. Повторенныя о семъ увѣренія прусскаго короля с.-петербургскому двору доказываютъ, что если бы Марія-Терезія въ самомъ началѣ согласилась сдѣлать нѣкоторыя пожертвованія, то несомнѣнно-бъ сохранила она большую часть Силезіи; но непреодолимая вражда къ королю прусскому и какое-то непонятное предубѣжденіе о добромъ расположеніи кардинала Флери—удалили ее отъ всякаго примиренія. Маркизь Де-Ботта объявилъ с.-петербургскому двору, что императрица-королева лучше согласится искать дружества версальскаго двора, чѣмъ уступить прусскому королю хотя одня вершокъ земли изъ наслѣдственныхъ своихъ владѣній.

Пронски вѣнскаго министерства.

Вѣнскій кабинетъ, пылая мщеніемъ противу Фридриха II, предположилъ заключить союзъ съ російскимъ и саксонскимъ дворами. Ласкаясь преклонить первый, успѣлъ онъ вступить въ тѣсныя связи съ послѣднимъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ, саксонскій первый министръ графъ Бриль, по соглашенію съ упомянутымъ кабинетомъ, предложилъ с.-петербургскому двору предначертаніе, чтобы соединенныя силы трехъ державъ обратить противу прусскаго короля и раздѣлить между собою всѣ приобрѣтенныя завоеванія. Для приведенія въ исполненіе сего обширнаго предположенія, оставалось токмо исходатайствовать согласіе Россіи.

Едва лишь получено было извѣстіе о нападеніи прусскаго короля на Силезію, какъ маркизъ Де-Ботта началъ настоятельно просить вспомошествованія отъ Россіи. Въ совѣтѣ, для сего собранномъ, фельдмаршалъ представилъ: хотя Россія обязана поддерживать прагматическое уложеніе, но, при настоящихъ обстоятельствахъ, будучи угрожаема со стороны Швеціи, долженствуетъ она съ величайшею осмотрительностію располагать поступками своими, и предварительно изслѣдовать—въ состояніи ли будетъ раздѣлить военныя свои силы, дабы одною частію оныхъ отразить умышленное нападеніе штокгольмскаго двора, другою дѣйствовать за предѣлами имперіи. Графъ Минихъ утверждалъ, что для отвращенія предстоящей бури Австрія должна приложить стараніе о примиреніи себя съ прусскимъ королемъ, сдѣлавъ нѣкоторыя пожертвованія; что крайне опасно открывать брань и подвергаться превратностямъ счастья и тягостямъ военнымъ. Однако, вѣнскій дворъ, не пріемля въ уваженіе сихъ причинъ, ни предложеннаго совѣта, настаивалъ о поспѣшнѣйшемъ вспомошествованіи и тщательно употреблялъ въ тому всѣ возможныя средства. Двѣ вдовствующія герцогини Брауншвейгскія—одна бабка императрицы-королевы и принца Брауншвейгскаго, другая мать послѣдняго, а тетка первой—не преставали письмами своими убѣждать правительницу и супруга ея, воспалить гнѣвъ ихъ противу прусскаго короля, осуждать поведеніе его и, между многими приписуемыми ему пороками, замѣтили и то, что государь сей розно почивалъ съ супругою своею. Средства очень хорошо споспѣшествовали замысламъ Австрійскаго дома, (такъ) что когда дрезденскій дворъ сообщилъ с.-петербургскому о предположеніи своемъ, то правительница, нимало не затрудняясь, согласилась на оное. Хворый и невыѣзжавшій изъ дома графъ Остерманъ до такой степени умѣлъ пріобрѣсти довѣренность принца Брауншвейгскаго, что сей почти ежедневно посѣщалъ его. Узнавъ чрезъ принца мысли правительницы въ разсужденіи предложенія саксонскаго курфюрста, хитрый министръ воспользовался симъ случаемъ, дабы угодить родителямъ императора и вмѣстѣ съ тѣмъ представить въ превратномъ видѣ возраженіе графа Миниха, которое легко онъ предвидѣлъ. И такъ, не токмо не осуждалъ онъ предполагаемаго союза, но даже предложилъ скорѣе уполномочить пребывавшаго при дрезденскомъ дворѣ російскаго посланника заключить договоръ.

**Мнѣніе графа Миниха о предложеніи союзѣ съ вѣнскимъ и
Дрезденскимъ дворами.**

Правительница, призвавъ графа Миниха, наединѣ спросила мнѣнія его о предлагаемомъ союзѣ; фельдмаршалъ представилъ:

— Я соглашаюсь, что, по существующимъ договорамъ, Россія обязана поддерживать Австрійскій домъ вспомогательнымъ войскомъ, но предварительно надлежитъ со вниманіемъ разсмотрѣть, что въ то время, когда возбуждаютъ противъ нея (т. е. Россіи) шведовъ, въ состояніи ли она раздѣлить силы свои и для обороны имперіи, и для дѣйствія за предѣлами отечества? Но еслибы и не встрѣтили послѣдняго затрудненія, то и тогда, мнѣ кажется, совѣсть спроситъ: можно ли, не подвергаясь упреку въ вѣроломствѣ, вступать въ союзъ, предположенный въ покоренію и раздѣленію владѣній такого государя, который не причинилъ Россіи ни малѣйшаго оскорбленія и съ коимъ въ недавнихъ дняхъ заключенъ дружественный и оборонительный договоръ? Я простой ратникъ, провождавшій всю жизнь съ мечомъ, и вовсе не понимаю хитростей дипломатіи. Впрочемъ, если вашему высочеству непремѣнно угодно открыть войну, то я совѣтую начать оную со Швеціею, угрожающею разрывомъ. Всегда лучше предупредить непріятеля, нежели допускать его окончить свои вооруженія. И въ семъ случаѣ за особенную честь вмѣню себѣ начальствовать вашими войсками, ежели на сіе послѣдуетъ воля вашего высочества.

Мнѣніе, противоположное желаніямъ правительницы и принца, произвело ожиданное графомъ Остерманомъ дѣйствіе. Праводушіе фельдмаршала назвали пристрастіемъ и превозносили похвалами хитраго противоборника его.

Объясненіе графа Миниха съ Правительницею.

Послѣ сего не спрашивали уже совѣтовъ у фельдмаршала, и безъ участія его приступили къ заключенію союза. Изготовили предписаніе руссійскому посланнику въ Дрезденѣ, дабы онъ присутствовалъ въ конференціяхъ саксонскаго двора по сему предмету и всевозможно-бъ старался скорѣе привести къ окончанію начатое дѣло. По заведенному тогда обыкновенію, графъ

Минихъ подписывалъ всѣ исходящія изъ кабинета бумаги; почему графъ Остерманъ прислалъ къ нему для подписанія и вышеупомянутое предписаніе съ извѣщеніемъ, что оно изготовлено по точной волѣ правительницы. Фельдмаршалъ, оскорбленный такимъ предложеніемъ, немедленно поѣхалъ къ великой княгинѣ съ жалобою, что принуждаютъ его подписывать такое дѣло, противу котораго представилъ онъ основательныя возраженія. Повторивъ прежде-сказанное о вооруженіяхъ Швеціи, удостовѣрялъ ея высочество, что, открывъ войну съ сею державою, она отмститъ за честь Россіи; напротивъ того, вступя въ предлагаемый союзъ, завлечетъ себя въ постороннія брани, которыя не могутъ прекратиться скоро и отъ коихъ имперія не получитъ ни малѣйшей пользы. Когда же правительница съ холодностію сказала ему:

— Удивляюсь, что вы одни противорѣчите въ такомъ дѣлѣ, которое графъ Остерманъ и всѣ министры единогласно мнѣ присовѣтовали.

Фельдмаршалъ отвѣчалъ:

— Дабы впредь не подать вашему высочеству ни малѣйшаго повода къ неудовольствію за прекословіе мое мнѣніямъ другихъ, я смѣю просить увольненія отъ службы.

Сказавъ сіе, почтительно поклонился великой княгинѣ и вышелъ изъ комнаты. Возвратясь домой, послалъ въ верховный кабинетъ письменное представленіе о причинахъ, побудившихъ его не подписать повелѣніе въ россійскому посланнику въ Дрезденѣ.

Увольненіе графа Миниха.

[Зап. Манштейна, стр. 205—208].

Сопротивники фельдмаршала, опасаясь, чтобы непоколебимая твердость сего воина не перемѣнила мыслей правительницы, поспѣшно старались разными навѣтами и происками раздражать сію благосердную государыню противу графа Миниха; въ собранномъ 7-го марта совѣтѣ положили уволить фельдмаршала отъ всѣхъ дѣлъ. Хотя гг. министры скоро рѣшились удалить отъ правительства полководца, гремѣвшаго побѣдами, котораго дарованія нужны и полезны были обществу, но никто изъ нихъ не

отваживался сообщить ему сіе извѣстіе. Правительница вывела ихъ изъ затрудненія, повелѣвъ оберъ-гофмаршалу графу Левенвольду и оберъ-гофмейстеру графу Миниху увѣдомить фельдмаршала объ увольненіи и объявить ему отъ имени ея, что хотя она искренно удостовѣрена въ благонамѣреніи и усердіи фельдмаршала къ пользамъ имперіи, однако, въ отвращеніе бѣдственныхъ послѣдствій отъ несогласія въ министерствѣ, находитъ себя принужденною преклониться на принесенное отъ него прошеніе. Снисходя на оное, проситъ фельдмаршала вѣрить, что она во всю жизнь не забудетъ услуги, и, въ доказательство продолженія къ нему уваженія, не замедлитъ оказать явные опыты благоволенія своего. Фельдмаршалъ принялъ извѣстіе сіе съ обыкновенною твердостью духа своего, и просилъ донести великой княгинѣ: если увольненіе его отъ службы можетъ принести малѣйшую пользу ея высочеству, то онъ за священную обязанность поставяетъ исполнить волю ея, отказываясь отъ всѣхъ должностей, на него возложенныхъ; и принимая съ чувствами глубочайшаго благоговѣнія продолженіе милостиваго благорасположенія правительницы, смѣетъ испрашивать для себя одной милости—позволенія предстать предъ лицо ея высочества для принесенія сердечной своей благодарности. На другой день фельдмаршалъ былъ допущенъ къ великой княгинѣ, которая объявила о пожалованіи ему ежегоднаго пенсіона по 15,000 рублей серебромъ, предоставляя ему свободу жительства, гдѣ заблагоразсудитъ.

Благоразуміе совѣта, преподавнаго графомъ Минихомъ, вскорѣ оправдалось послѣдствіями: война возгорѣлась со Швеціею. Россійскія войска, подъ предводительствомъ фельдмаршала Лассія, двинулись противу сей державы.

Ожиданія вѣнскаго кабинета не сбылись.

Черезъ нѣсколько дней послѣ сего происшествія, при свиданіи моемъ съ маркизомъ Де-Ботта, посланникъ сей превозносилъ похвалами графа Остермана, увѣряя, что Россійскія войска вскорѣ выступятъ въ походъ. На что я замѣтилъ ему, что, по мнѣнію моему, вѣнскій дворъ болѣе бы выигралъ, ежели бы

графъ Минихъ оставался въ министерствѣ; что фельдмаршалъ никогда не противорѣчилъ обязанности вспомоществовать Австрійскому дому тѣмъ или другимъ средствомъ; что я увѣренъ, ежели-бъ Австрія потребовала токмо вспомогательнаго войска, предопредѣляя оному дѣйствовать противу другаго какаго непріятеля, а не противу прусскаго короля, то несомнѣнно-бъ получила сіе пособіе. Что принадлежитъ до графа Остермана, то я мыслю, что вѣнскій дворъ немного можетъ ожидать отъ него, ибо министръ сей всегда былъ постояннымъ доброжелателемъ Прусской монархіи и никогда не прилѣплялся къ пользамъ Австріи; а при настоящихъ обстоятельствахъ мнимая его ревность устремлена была единственно къ погубленію фельдмаршала. И дѣйствительно, вскорѣ маркизъ Де-Ботта убѣдился въ справедливости моего мнѣнія. Въ то самое время, когда послѣдовало россійскимъ войскамъ повелѣніе изготавиться къ походу, графъ Остерманъ не преставаъ увѣрять барона Мердефельда объ усердіи своемъ къ пользамъ прусскаго короля; что онъ не намѣренъ никогда вредить сему монарху, и просилъ, дабы Фридрихъ не тревожился движеніемъ русскихъ войскъ и не опасался бы дальнѣйшихъ послѣдствій; несогласіе, вскорѣ потомъ возникшее между вѣнскимъ и дрезденскимъ дворами, вовсе разрушило составленіе предположеннаго союза и принудило Августа вступить въ сношеніе съ французскимъ кабинетомъ. Когда маркизъ Де-Ботта настаивалъ въ поспѣшнѣйшемъ отправленіи войскъ на помощь императрицѣ-королевѣ, то, вмѣсто удовлетворительнаго отвѣта, получилъ слѣдующій отзывъ: что Россія не оставитъ выполнить всѣхъ своихъ обязанностей противу Австрійской державы, какъ скоро прекратится всякое опасеніе со стороны Швеціи.

О мнимомъ намѣреніи Шахъ-Надира вступить въ бракъ съ Елисаветою Петровною.

[Зап. Манштейна, стр. 212].

Приписуемое Шахъ-Надиру или Кули-хану намѣреніе вступить въ бракъ съ Елисаветою Петровною есть пустая выдумка. Шахъ сей, упоенный торжествомъ, надъ Великимъ Моголомъ пріобрѣтеннымъ, намѣревался напасть на турокъ и изгнать ихъ изъ всѣхъ областей, отторгнутыхъ Портою у Персидской монар-

хи; онъ желалъ, чтобы Россія содѣйствовала сему важному замыслу; съ таковымъ предложеніемъ персидскій шахъ прислалъ посольство въ с.-петербургскому двору съ богатыми подарками, похищенными въ сокровищахъ индѣйской столицы Дели; посольство персидскій привелъ съ собою, между прочими драгоценностями, четырнадцать слоновъ и тридцать верблюдовъ.

О приѣмѣ маркиза Де-ла-Шетарди.

[Зап. Манштейна, стр. 212].

Въ качествѣ посла маркизъ Де-ла-Шетарди былъ допущенъ на аудіенцію къ императору. Малолѣтняго государя держала на рукахъ сама великая княгиня. Представивъ новыя довѣрительныя грамоты, маркизъ возвратился съ аудіенціи, какъ полномочный министръ.

О фрейлинѣ баронессѣ Менгденовой.

[Зап. Манштейна, стр. 212—214].

Фрейлины баронессы Менгденовы были двоюродныя сестры барона Менгдена, о коемъ упоминаетъ г. Манштейнъ. Юліана была пригожая собою смуглянка, благотворительная и кроткаго нрава. Столько же предана она была великой княгинѣ, сколько сія любила ее всѣмъ сердцемъ. Не будучи сотворенною къ придворнымъ происамъ, не хотѣла они принимать ни малѣйшаго участія въ дѣлахъ. Безпечная по природѣ, Менгденова не могла примѣтить сего недостатка въ государынѣ своей, слѣдственно не могла и сообщить ей онаго. Заботы государственныя подавали иногда поводъ къ размолвкѣ между правительницею и супругомъ ея; молодая фрейлина, не имѣя никакого понятія объ оныхъ, не могла примирить супруговъ, а тѣмъ менѣе ссорить ихъ, ибо доброе сердце сей дѣвицы опровергаетъ такую клевету. Что принадлежитъ до обвиненія, будто бы она содѣйствовала великой княгинѣ въ дѣлахъ любовныхъ: то кто повѣритъ, чтобы обрученая молодая дѣвица, влюбленная въ жениха, стала вспомоществовать соперницѣ своей? Дружба между женщинами не простирается столь далеко.

О предложеніи Правительницѣ вступить на престолъ.

[Зап. Манштейна, стр. 228].

Законоположеніе, чтобы дочери, рожденныя и впредь рождаемыя отъ супружества великой княгини Анны съ принцемъ Брауншвейгскимъ, наследовали російскій престолъ, въ случаѣ пресѣченія мужскаго колѣна сего дома, была пустая мысль графа М. Г. Головкина. На сіе не нужно было никакого новаго постановленія. Вице-канцлеръ, не удовольствуясь таковымъ вымысломъ, нѣсколько дней спустя потомъ, предложилъ правительницѣ взойти на престолъ и царствовать совокупно съ сыномъ своимъ. Легкомысленное сіе предложеніе не могло быть принято. Исторія всѣхъ вѣковъ ясно убѣждаетъ, что совокупное государственіе двухъ лицъ всегда сопровождается бѣдствіями, а тѣмъ болѣе угрожало оно гибельными послѣдствіями для народа, издревле пріобывшаго повиноваться единой верховной власти.

О намѣреніи уступить шведамъ Кексгольмъ.

[Зап. Манштейна, стр. 215].

Вопреки мнѣнію г. Манштейна, російское министерство, съ самаго вступленія въ правленіе государствомъ великой княгини и принца Брауншвейгскаго, близкаго родственника императрицѣ-королевы, предвидѣло, что Франція будетъ возбуждать шведовъ на Россію, какъ скоро держава сія приметъ участіе въ судьбѣ Австрійскаго дома. Нельзя было предполагать, чтобы Швеція, по заключеніи сейма, приступила къ примиренію и весьма бы неосторожно поступилъ графъ Остерманъ, если-бъ согласился на уступку Кексгольма съ принадлежащимъ къ оному округомъ. Положеніе сего укрѣпленнаго города на Ладогскомъ озерѣ доставило бы шведамъ возможность удобно тревожить многіе уѣзды С.-Петербургской и прилежащихъ губерній, и даже самую резиденцію. И какая побудительная причина могла преклонить на такую крайность? Непрiятель не открывалъ еще непріязненныхъ дѣйствій и Россія могла противопоставить ему достаточныя силы.

Причины, побудившія Елисавету Петровну къ вступленію на престоль, и шѣры, для того приняты.

[Зап. Манштейна, стр. 229—233].

Мысль о бракосочетаніи царевны Елисаветы Петровны съ принцемъ Людвигомъ Брауншвейгскимъ, братомъ правительницы, была, такъ сказать, мгновенная и немедленно преданная забвенію. Не токмо не принуждали царевну къ сему браку, но даже никогда не предлагали ей объ ономъ явно. Впрочемъ, еслибы и согласилась она на супружество сіе, прекословившее пользамъ ея, то и тогда подлежало бы преодолѣть другое затрудненіе: принцъ десятью годами былъ моложе царевны и не чувствовалъ къ ней ни малѣйшей склонности. Непредложеніе сего супружества возбуждало Елисавету отъ усыпленія. Французскій посланникъ маркизъ Де-ла-Шетарди заботился о семъ гораздо прежде. Версальскій кабинетъ, въ данныхъ сему министру наставленіяхъ, предписалъ стараться всемѣрно сѣять раздоры въ Россіи, дабы тѣмъ ослаблять сію державу и не допускать ее вмѣшиваться въ дѣла Австрійскаго дома. Де-ла-Шетарди внушилъ Елисаветѣ Петровнѣ мысль ко вступленію на престоль, всевозможно возбуждалъ и поощрялъ ее къ оному; приводя въ примѣръ смѣлое предпріятіе Миниха, успѣхомъ увѣнчанное, доказывалъ, что и она можетъ, подобнымъ же путемъ, овладѣть державою. Французскій посланникъ снабжалъ царевну деньгами, но въ маломъ количествѣ; съ симъ слабымъ пособіемъ Елисавета Петровна приступила къ произведенію дерзновеннѣйшаго предпріятія; первоначально привлекла на свою сторону токмо двѣнадцать гвардейскихъ гренадеровъ, обладала и одарила ихъ. Будучи твердо увѣрена въ непоколебимой преданности сихъ рѣшительныхъ людей, посредствомъ ихъ, когда наступила ночь, низринувшая въ бездну злополучій Брауншвейгскій домъ, Елисавета умножила число сообщниковъ своихъ гренадерскою ротою Преображенскаго полка.

О сношеніяхъ Елисаветы Петровны со Швеціею.

[Зап. Манштейна, стр. 230].

Сношенія Елисаветы Петровны со Швеціею, о коихъ упоминаетъ г. Манштейнъ, состояли въ обѣщаніи, изторгнутомъ маркизомъ Де-ла-Шетарди. Усердствующій царевнѣ французъ желалъ

бездѣлицы: чтобы Россія возвратила Швеціи всѣ области, Петромъ Великимъ покоренныя! Елисавета не согласилась дать письменнаго обѣщанія, отзываясь, что крайне опасно излагать на бумагу столь важную тайну, и настояла, дабы во всемъ положились на слово ея. Послѣдствія показали, что Елисавета Петровна перехитрила лукаваго француза и ослѣпила шведовъ.

Причины, погубившія Правительницу.

[Зап. Манштейна, стр. 231].

Правительница имѣла многія доказательства о заговорѣ; но, будучи излишне довѣрчива и крайне безпечна, не рѣшалась употребить сильныя средства, которыя природа внушаетъ къ защищенію нашему. Все споспѣшествовало къ погубленію великой княгини Анны Карловны. Несогласіе ея съ супругомъ; устраненіе отъ дѣлъ мужей, которые умомъ своимъ могли-бы поддерживать ее, какъ-то: Минихъ, Бестужевъ; связи съ графомъ Линаромъ и слѣпая довѣренность къ сему иноземцу. Саксонскій посланникъ, поссорясь съ графомъ Остерманомъ, злобно очернилъ сего министра, представилъ его коварнымъ, опаснымъ, недоброхотствующимъ правительницѣ; даже успѣлъ возбудить подозрѣніе на принца Брауншвейгскаго, дѣйствовавшаго, какъ онъ говорилъ, по внушеніямъ Остермана. Принцесса всему легко повѣрила, прекратила благоволеніе къ графу Остерману, не хотѣла принимать отъ него никакихъ представленій; не внимала совѣтамъ супруга своего. Тщетно покушался Остерманъ открыть глаза правительницы; тщетно желалъ онъ предостеречь ее отъ угрожавшей опасности. Принцесса съ презрѣніемъ отвергала всѣ представленія единственнаго человѣка, могшаго подать ей спасительныя совѣты въ такомъ дѣлѣ, отъ коего зависѣли и сохраненіе и судьба ея. Къ выцѣпей же безразсудности правительница вздумала объясниться съ противоборницею своею наединѣ: слезы и притворные знаки усердія послѣдней совершенно усыпили первую. Елисавета Петровна, приведенная симъ объясненіемъ въ большое безповойство и замѣшательство, поспѣшно возвратилась во дворецъ свой, призвала приближенныхъ своихъ и, по совѣщанію съ ними, рѣшилась въ наступающую же ночь вне-

запно совершить замыселъ, который, по предположенію французскаго посланника, намѣревались произвести въ дѣйствіе мѣсяцемъ (позже) и совѣмъ инымъ способомъ, не подававшимъ большой надежды къ успѣху. Алексѣй и Кирило Гавриловичи (Григорьевичи) Разумовскіе, Михайло Ларіоновичъ Воронцовъ, Александръ и Петръ Ивановичи Шуваловы, Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ, всѣ содѣлавшіеся потомъ знатными и сильными вельможами, и медикъ Лестокъ непосредственно содѣйствовали императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ при восшествіи на престолъ.

Разрушенные замыслы маркиза Де-ла-Шетарди.

Маркизъ Де-ла-Шетарди пришелъ въ чрезвычайное изумленіе, когда среди ночи разбудилъ его присланный отъ Елисаветы Петровны камергеръ П. И. Шуваловъ и увѣдомилъ о восшествіи ея на престолъ. Принявъ на себя личину, посланникъ изъявилъ притворную радость и послѣшно поѣхалъ въ цесаревинъ дворецъ. Толпы волнующагося по улицамъ народа, съ восторгомъ увидѣвшаго на тронѣ дочь незабвеннаго въ сердцахъ нашихъ монарха, стоявшіе подъ ружьемъ гвардейскіе полки, раздававшіеся въ воздухъ громогласныя восклицанія: «Да здравствуетъ наша матушка императрица Елисавета Петровна!»—приводили маркиза въ сильное смущеніе. Внезапно совершенный Елисаветою ударъ разрушилъ всѣ зловредные его замыслы: добродѣтельную Россіи французъ желалъ, чтобы перемята сія произведена была по его предначертанію; чтобы шведы приближились къ берегамъ Невы, силою оружія своего споспѣшествовали возведенію на престолъ Елисаветы, предписали ей законы въ стѣнахъ столицы, основанной побѣдителемъ ихъ ¹⁾,—и тогда то маркизъ мечталъ безпрепятственно и самовластно господствовать при російскомъ дворѣ.

¹⁾ Не постигаю, на чемъ могъ г. Шетарди основывать такое затѣливое предначертаніе: кажется, при самомъ началѣ войны со Швеціею, ясно видима была безразсудная опрометчивость кабинета сей державы: російскія войска, съ обыкновеннымъ бодрымъ своимъ духомъ, выступили противу непріятеля, внесли оружіе въ предѣлы его, настигли шведскія силы у Вильманстранда, съ свойственнымъ имъ мужествомъ напали на шведовъ и разбили ихъ, и Вильманстрандскую крѣпость покорили приступомъ. Примѣч. рукоп.

Изображеніе великой княгини и правительницы Россійскаго
государства Анны Карловны.

[Зап. Манштейна, стр. 235—236].

Изображеніе великой княгини Анны Карловны, представленное г. Манштейномъ, есть вымышленное. Вотъ какъ описываетъ ее одинъ челоувѣкъ, имѣвшій честь знать сію государыню коротко.

Великая княгиня родилась въ Ростовѣ, въ 1718 году, отъ Карла-Леопольда, герцога Мекленбургскаго, и Екатерины Іоанновны, старшей дочери царя Іоанна Алексѣевича, и наречена при крещеніи Елисаветою-Екатериною-Христиною. По кончинѣ герцога, съ родительницею своею прибыла въ Москву въ 1722 г. и, вскорѣ лишившись матери, осталась въ сиротствѣ. Анна Іоанновна, родная тетка принцессы, по востшествіи своемъ на Россійскій престолъ, обратила особенное попеченіе на воспитаніе ея и, будучи безбрачною, почитала ее за собственную дочь. Въ 1733 г. принцесса, будучи муропомазана въ грекороссійское исповѣданіе, наречена Анною. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1739 года, среди пышныхъ и великолѣпныхъ празднествъ, продолжавшихся чрезъ нѣсколько дней, сочеталась она бракомъ, въ Петербургѣ, съ Антономъ Улрихомъ, принцемъ брауншвейгъ-вольфенбительскимъ. Принцъ сей былъ родной племянникъ Шарлоты-Христины, супруги царевича Алексѣя Петровича, и братъ родной же герцога Фердинанда, знаменитаго полководца, раздѣлявшаго славу триумфовъ съ Фридрихомъ Великимъ. Низверженная съ престола, Анна Карловна влачила остатокъ жизни своей въ Холмогорахъ, гдѣ и скончалась въ родахъ въ 1746 году. Тѣло ея привезено въ Петербургъ и съ надлежащею почестію погребено въ Александровскомъ монастырѣ.

Анна Карловна была статна, ростомъ выше посредственнаго; волосы на головѣ имѣла темнокаштановаго цвѣта, которые возвышались бѣлизну лица ея; хотя черты лица у нея не были правильныя, но награждались пріятнымъ и привлекательнымъ видомъ. Въ убранствѣ не слѣдовала щегольству покойной тетки своей.

Правительница одарена была хорошимъ умомъ, добрымъ сердцемъ и возвышенною душою. Нимало не заразясь подозрѣніемъ отравлявшихъ (отравлявшимъ?) дворъ Анны Іоанновны, она

украшалась привлекательномъ чистосердечіемъ. Будучи откровенна, съ негодованіемъ взирала на притворство, столь необходимое при дворахъ; почему приближенные покойной императрицы, пріобышшіе къ раболѣпной лести, несправедливо называли ее надменною и пренебрегающею всѣхъ. Заслуги награждала щедро, во всѣхъ была благотворительна, никому въ жизнь свою не сдѣлала зла, съ комнатными служителями обращалась кротко и милостиво, и, можно сказать, что сіи обожали ее.

Первѣйшее блаженство супруговъ, какъ на тронѣ, такъ и въ хижинѣ,—если они имѣютъ полную довѣренность другъ къ другу; величайшее-жъ злополучіе для нихъ—когда лишены сего сладчайшаго удовольствія. Анна Карловна не наслаждалась таковымъ счастіемъ. Противоположность во нравахъ, склонностяхъ, словомъ, слабое уваженіе правительницы къ принцу, съ которымъ сочеталась она противъ воли, никогда не могли произвести сердечной связи между сими злополучными супругами.

Принужденная жизнь, которую Анна Карловна вела съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ, тщательный надзоръ за всѣми поступками ея и позволеніе видѣться токмо съ нѣкоторыми извѣстными особами—содѣлали ее задумчивою и поселили въ ней толикую склонность къ уединенію, что, по вступленіи въ правленіе государствомъ, тягостно было для нея принимать къ себѣ разныхъ (лицъ) и являться въ большихъ собраніяхъ двора.

Содѣлавшись правительницею, Анна Карловна съ особеннымъ удовольствіемъ проводила время въ малочисленномъ избранномъ ею обществѣ. Тутъ всегда видѣли ее веселою и пріятною въ обхожденіи. Уважая достойныхъ иностранцевъ, призывала нѣкоторыхъ изъ нихъ въ короткія свои бесѣды; въ числѣ таковыхъ находились австрійскій посланникъ маркизъ Де-Ботта и англійскій—г. Финкъ. По русски, нѣмецки и по французски говорила свободно. Чтеніе, а особенно драматическихъ твореній, составляло пріятнѣйшее ея времяпровожденіе; однажды при таковомъ упражненіи сказала, что вниманіе ея преимущественно привлекаютъ тѣ сочиненія, въ которыхъ представляется несчастная государыня, съ благородною гордостію и величіемъ духа переносящая бѣдствіе и узы. По сему можно-бъ подумать, что она имѣла предчувствіе объ угрожавшемъ ей злополучіи; но справедливѣе заключить должно, что слова сіи произнесены

умомъ, преданнымъ горестной задумчивости. Та же причина вліяла въ нее страсть къ уединенію и покойной жизни, невозмущаемой никакими занятіями и заботами. Почти и нельзя сомнѣваться въ ономъ по слѣдующему изреченію, многократно ею повторенному. Госпожа Адервасъ, находившаяся въ числѣ наставницъ при воспитаніи великой княгини, имѣвшая прежде пребываніе въ Гамбургѣ, сдѣлала ей столь пріятельское описаніе о пріятностяхъ жизни, каковою наслаждаются тамъ люди, удалившіеся отъ большаго свѣта, что, пораженный сею мыслью, правительница часто, въ минуты неудовольствія, провозносила:

— «Боже мой! для чего не могу я проживать въ Гамбургѣ, устроенномъ отъ суеты пышныхъ дворцовъ и всякаго величества!»

Молодая баронесса Іуліана Мейтденова (Менгденъ) пользовалась отличною милостію Анны Карловны. Согласіе въ нравахъ породило, а неограниченная преданность баронессы и совершенно укрѣпила оную. Комнаты, занимаемыя Мейтденовой (Менгденъ), находились смежными съ покоями правительницы, и въ продолженіе траура по покойной императрицѣ вечернія собранія каждаго дня происходили въ оныхъ; не могу согласиться съ г. Манштейномъ, чтобы наперсница сія управляла всѣми дѣйствіями государыни своей и располагала образомъ жизни ея. Правительница была упорна въ своихъ мнѣніяхъ, имѣла особенныя наклонности и свой образъ мыслей. Баронесса никогда ни въ чемъ не противилась и не противорѣчила ей.

Анна Карловна не скучала заниматься государственными дѣлами и обращала на оныя тщательнѣйшее вниманіе. При избраніи людей къ должностямъ, взирала болѣе на честность и правдушіе, нежели на дарованія. Дабы всѣ подданные могли свободно представлять о своихъ нуждахъ, учредила она при кабинетѣ новую должность генералъ-ревегмейстера, и назначила одинъ день въ недѣлю, въ который всякой имѣлъ безвозбратный ходъ во дворецъ, для поданія упомянутому чиновнику прошенія. Она охотно разсматривала просьбы сіи и справедливыя безъ отлагательства удовлетворяла. Благополучна-бъ была участь Анны Карловны, еслибы, преодолѣвъ природную свою безпечность, обращала она болѣе попеченія на безопасность свою и всего своего дома!... будучи добродушна и имѣя благородный образъ мыслей, не вѣдала, что осторожность есть мать безопасности.

Ссылка Миниха, Остермана, Головкина и пр.

[Зап. Манштейна, стр. 237—242].

Разсматривая лѣтописи російской исторіи XVIII столѣтія, съ изумленіемъ замѣчаемъ чудесныя превращенія счастья. Воцареніе каждаго государя низвергаетъ возвышенныхъ властію предшественника и мощною рукою старается возвеличить наперсниковъ новаго повелителя. Видя жестокіе примѣры, какъ всѣ любимцы счастья и другіе мужи дѣловые, государственные, каждый въ свою чреду, или погибалъ, или упадалъ въ ничтожество, всѣ умы, естественно, объаты были невольнымъ страхомъ, всякое дарованіе и благородное честолюбіе должныствовали исчезать во мракѣ неизвѣстности. Екатерина II, служащая образцомъ всѣмъ царямъ міра, первая показала примѣръ праводушія, что есть возможность изливать новыя благодѣянія, не погубляя, не оскорбляя и не унижая служившихъ прежнему правительству. Только въ ея благословенное время пресѣлись гоненія, лишенія чести, свободы, ссылки и казни, жестоко преслѣдовавшія роды знатныхъ во всѣ правленія преемниковъ славнаго престола Петра Великаго; Елисавета Петровна, государыня дѣйствительно благосердая, безъ содроганія, по восшествіи своемъ на тронъ, подписала приговоръ, достойный рѣшенія константинопольскаго дивана.

Преступленіе погубленныхъ ею знаменитыхъ жертвъ состояло единственно въ приверженности ихъ императрицѣ Аниѣ, въ ревностномъ служеніи сей государынѣ. И такъ, не справедливѣ ли бы, не благоразумнѣ ли бы поступила Елисавета, ежели бы, продолживъ къ нимъ монаршее благоволеніе, старалась извлечь пользу для государства изъ опытности и отличныхъ ихъ дарованій? Разумъ, совѣсть, великодушіе, правосудіе—говорили въ пользу гонимыхъ; но бессмысліе, злоба, личность въ корысти—сдѣлали иныя внушенія и возбудили къ жестовости сердце доброй государыни. Тогда многіе жадничали похитить описанное имущество злополучныхъ ссыльныхъ; другіе, не имѣя дарованій сихъ несчастливцевъ, домогались занять ихъ должности; иныя мщеніемъ руководствовали себя. Де-ла-Шетарди, равномѣрно, хотѣлъ воспользоваться симъ обстоятельствомъ. Находясь въ большой силѣ при с.-петербургскомъ дворѣ, онъ желалъ удалить отъ управле-

нія государственными дѣлами достойныхъ и опытныхъ мужей, дабы низринуть Россію въ то ничтожество, изъ котораго Петръ Великій съ толикою мудростію и усиліями извлекъ ее. Такимъ образомъ, тщательно занимаясь тѣмъ, чтобы при російскомъ дворѣ не было людей твердыхъ и проницательныхъ, которые бы могли воспротивиться коварнымъ замысламъ версальскаго кабинета, не томо непосредственно содѣйствовалъ гибели Миниха, Остермана, Головкина и проч., но происками своими, совокупно съ прусскимъ министромъ, былъ причиною, что Россія лишилась двухъ знаменитыхъ полководцевъ—Левендала и Кейта, и многихъ отличныхъ офицеровъ, перешедшихъ изъ російской во французскую и прусскую службы. Такъ во всѣ времена гт. иностранцы доброхотствовали нашему отечеству.

Изображеніе фельдмаршала графа Миниха.

[Зап. Манштейна, стр. 238—239].

Г. Манштейнъ, сказавъ, что характеръ фельдмаршала графа Миниха былъ противоположное совокупленіе добрыхъ и дурныхъ качествъ, старается, нимало не щадя его, убѣдить въ справедливости сего заключенія. Непревословно, что графъ Минихъ имѣлъ недостатки; но укажите мнѣ великаго человѣка, который бы изъять былъ отъ оныхъ? Г. Манштейнъ на погрѣшности фельдмаршала смотрѣлъ въ увеличительное стекло. Я коротко зналъ сего полководца, и смѣю увѣрить, что онъ не былъ грубияномъ; но съ неисправныхъ взыскивалъ неослабно: правило, необходимое для удержанія въ войскѣ благоустройства. Минихъ былъ вспыльчивъ, но никогда не выступалъ изъ предѣловъ благопристойности. Необманчиво постигалъ прямое достоинство, справедливо отличалъ и награждалъ заслуги и удалялъ отъ себя неспособныхъ въ дѣлу и тунеядцевъ. Домашніе расходы его несоизмѣрны были доходамъ; гдѣ достоинство сана его требовало нарочитыхъ издержекъ, тамъ не жалѣлъ денегъ; но во всякомъ другомъ случаѣ строго взыскивалъ съ управителя дома своего и требовалъ, чтобы наблюдались въ ономъ порядокъ и бережливость. Никогда не видали въ немъ подлаго льстеца; обращая въ свою пользу всякое обстоятельство, онъ умѣлъ искусно угождать вре-

менщикамъ, или услугою встати оказанною, или пріятнымъ подаркомъ. Честолюбіе господствовало надъ нимъ, и онъ зналъ цѣну свою. Напрасно порицали его въ гордости. Читатель правосудія и добродѣтели, Минихъ гнушался лихонимствомъ и неправеднымъ стяжаніемъ богатства. Похвалы о себѣ слушалъ съ удовольствіемъ; любя похвалы, не остерегался ласкателей и можно-ли строго осуждать его за сію слабость, которой подвержены были многіе знаменитые мужи, предшествовавшіе ему и послѣдовавшіе по немъ? Отдавая справедливость воинскимъ дарованіямъ графа Миниха, г. Манштейнъ говоритъ, что онъ мало способенъ былъ къ отправленію званія перваго министра. На сіе замѣчу, что фельдмаршалъ, по стеченію обстоятельствъ, вынужденно принялъ на себя это достоинство, и отправлялъ важную должность перваго министра столь короткое время, что никакъ нельзя рѣшительно сказать ни о способности, ни о малоспособности его въ оной. Впрочемъ, вѣтъ сомнѣнія, что совѣтъ, преподанный имъ правительницѣ при случаѣ предположеннаго союза съ вѣнскимъ и дрезденскимъ дворами, дѣлаетъ ему честь и похвальнѣе коварныхъ увертокъ противоборниковъ его. Не знаю, на чемъ основался г. Манштейнъ, говоря, кто желалъ выманить отъ фельдмаршала тайну—долженствовалъ тою прекословить ему и раздражать его: короткіе знакомые не замѣчали въ фельдмаршалѣ сего недостатка, и сочинитель, говоря о человѣкѣ необыкновенномъ, обязанъ былъ представить въ доказательство хотя одинъ примѣръ. О предпріятіяхъ своихъ Минихъ рѣдко отерывался; единожды обдумавъ и удостовѣривъ въ добротѣ предположенія своего, не почиталъ нужнымъ спрашивать совѣтовъ. Онъ много уважалъ мужество и воинскія дарованія графа Левендала, бывшаго потомъ французскимъ маршаломъ. Генералъ сей равномерно почиталъ фельдмаршала. Однажды, разговаривая со мною и отдавая похвалу графу Миниху, Левендаль сказалъ: «жалъ тою, что онъ не принимаетъ ни чьихъ совѣтовъ»; тотъ же Левендаль посѣтилъ меня вскорѣ по несчастіи фельдмаршала и, изъявляя соболѣзнованіе о бѣдственной участи бывшаго своего предводителя, сказалъ:

— «Я не знаю, въ чемъ состоитъ преступленіе графа Миниха, но еслибы и не учинилъ онъ никакого, то я бы все обвинилъ его и предалъ суду за то, что онъ первый подалъ опасный

примѣръ—какъ, съ помощію роты гренадеровъ, можно низвергать и возводить на престолъ государей».

Біографическое извѣстіе о фельдмаршалѣ графѣ Минихѣ.

[Зап. Манштейна, стр. 238—239].

Когда Утрехтскій миръ превратилъ брань, возникшую за наслѣдіе испанскаго престола, и войска ландграфа гессенскаго возвратились въ отечество свое, тогда графъ Минихъ, не сотворенный къ спокойной жизни, вознамѣрился явиться на новомъ поприщѣ. Оставивъ гессенскую службу, въ которой былъ онъ полковникомъ, перешелъ въ службу польскаго короля, занятаго въ сіе время покореніемъ остатковъ войскъ стороны, поддерживаемой шведами. Августъ II принялъ Миниха съ чиномъ генераль-маіора и, желая учредить корпусъ войскъ на жалованьи республики, поручилъ ему образованіе онаго. Минихъ началъ составленіемъ одного полка, который потомъ существовалъ подъ названіемъ польской коронной гвардіи. Фельдмаршалъ графъ Флеммингъ, первый министръ и наперсникъ короля, былъ назначенъ полковникомъ, а Минихъ командиромъ сего полка. Они условились между собою, чтобы выгодами, отъ полка получаемыми, первые три года пользовался Минихъ одинъ, въ награду повесенныхъ имъ трудовъ при учрежденіи, а впослѣдствіи—раздѣлять пополамъ. Сколь ни справедливо было таковое условіе, но графъ Флеммингъ, узнавъ, что доходъ отъ полка простирался свыше 8,000 ефимковъ ежегодно, хотѣлъ нарушить договоръ. Минихъ не уступалъ права своего. Изъ сего произошло между ними примѣтное охлажденіе. Между тѣмъ, прибылъ въ Варшаву знаменитый Герцъ, и, по давнему знакомству съ Минихомъ, остановился у сего генерала. Герцъ замѣтилъ, что Минихъ съ неудовольствіемъ продолжаетъ службу Августа II, воспользовался симъ случаемъ, чтобы доставить своему государю хорошаго война, и по данному полномочію предложилъ Миниху патентъ на чинъ генераль-поручика шведскихъ войскъ. Но какъ Карлъ XII въ томъ же году былъ убитъ подъ Фридрихсгалемъ, а несчастный Герцъ потерялъ голову на эшафотѣ въ Штовгольмѣ, то Минихъ, не помышляя болѣе о вступленіи въ войска бывшаго сѣвернаго героя, скрывалъ свое неудовольствіе; въ 1719 году, по повелѣнію Августа II, ѣздилъ онъ въ Дрезденъ, дабы присутствовать и участвовать въ

великолѣпныхъ празднествахъ, которыя давалъ сей расточительный король по случаю бракосочетанія наслѣднаго принца съ австрійскою эрцъ-герцогинею Маріею Іюзефиною, дочерью покойнаго императора Іосифа I. Король принялъ его съ отличною милостію и графъ Флеммингъ оказывалъ наружныя знаки благорасположенія. Возвратясь въ Варшаву, вскорѣ Минихъ увидѣлъ злоумышленіе министра, который не преставаля занимать полковыми доходами. Дѣйствительно ли жадничалъ онъ пользоваться ими, или сямъ способомъ намѣревался вытѣснить Миниха, токмо, желая всячески вредить сему генералу, превлонилъ нѣкоторыхъ офицеровъ разглашать, что полковая сумма употребляется Минихомъ неправильно. Оскорбительныя рѣчи о сему полковника Бонафу дошли до ушей Миниха. Справедливо раздраженный Минихъ вызвалъ Бонафу на поединокъ и прострѣлилъ ему грудь, но, по счастію, не смертельно.

При сему случаѣ, Августъ оказалъ Миниху благоволеніе свое необыкновеннымъ образомъ, заслуживающимъ, чтобы упомянуть объ ономъ. Дабы укрыть себя отъ преслѣдованія, въ случаѣ смерти Бонафу отъ раны, Минихъ ушелъ въ одинъ монастырь и прожилъ въ сему убѣжищѣ нѣсколько недѣль. Въ сіе время король пожелалъ осмотрѣть небольшой каналъ, строившійся подъ руководствомъ Миниха у Уздова, загороднаго дворца. Дорога къ оному лежала мимо упомянутаго монастыря; Августъ, приближаясь къ монастырскимъ воротамъ, остановился, велѣлъ позвать Миниха, посадилъ его съ собою въ карету, и поѣхалъ къ каналу; осмотрѣвъ всѣ работы и изъявивъ удовольствіе и благодарность директору, отвезъ его обратно въ монастырь. Не взирая на сіе, не укротилась злоба г. Флемминга, и король, совершенно благорасположенный къ Миниху, но поработченный власти перваго министра, не могъ защитить достойнаго генерала. Ненависть простерлась столь далеко, что Флеммингъ вздумалъ однажды арестовать Миниха. Сіе возродило споръ между министромъ и короннымъ генераломъ г. Синавскимъ. Минихъ, въ качествѣ генераль-маіора республики и командира польской гвардіи, завистѣлъ отъ короннаго генерала. Графъ Флеммингъ, хотя былъ саксонскій фельдмаршалъ, но въ польскихъ войскахъ имѣлъ только званіе полковника гвардейскаго полка; слѣдовательно, былъ подчиненъ тому же чиновнику. Г. Синавскій, находя поступокъ

графъ Флемминга оскорбительнымъ для себя, немедленно возвратилъ Миниху шпагу, удостовѣряя его въ своемъ покровительствѣ.

Князь Григорій Ѳедоровичъ Долгоруковъ, находившійся въ Варшавѣ чрезвычайнымъ російскимъ посломъ, будучи свидѣтелемъ сего происшествія, убѣдилъ Миниха перейти въ службу государя своего, продолжавшаго тогда брань со шведами. Минихъ, лишившійся въ сіе время отца, подъ предлогомъ полученія наслѣдства испросилъ у польскаго короля увольненіе въ отпускъ и получилъ отъ него на дорогу пятьсотъ червонныхъ; но, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Олденбургъ, отправился онъ, подъ чужимъ именемъ, въ Ригу, гдѣ находился Петръ I. Хотя и не исходатайствовалъ отъ сего государя всего княземъ Долгоруковымъ обѣщаннаго, однако заключилъ условіе на вступленіе въ російскую службу. Минихъ обязывался прослужить шесть лѣтъ, первые три года въ чинѣ генераль-маіора, а на четвертый обѣщано произвести его въ генераль-поручики. По заключеніи сего договора, поѣхалъ онъ въ Олденбургъ для принятія наслѣдства и въ то же время, испросивъ увольненіе отъ службы польскаго короля, скоро возвратился въ Россію.

Великій царь, проникнувъ отличныя дарованія Миниха, поручилъ ему главное смотрѣніе надъ устроеніемъ Ладогскаго канала, едва начатаго и плохо производимаго. При семъ директоръ все пошло иначе: дѣятельность его поощряла подчиненныхъ; умъ его руководствовалъ къ прочному и правильному устроенію всѣхъ работъ. Петръ, незадолго предъ кончиною своею, изволилъ прибыть для обозрѣнія отдѣланной части канала; осмотрѣвъ работы, пожелалъ, чтобы въ присутствіи его спустили воду. Сѣвши съ Минихомъ и однимъ унтеръ-офицеромъ на случившійся на берегу ботикъ, императоръ повелѣлъ открыть ворота, и по стремленію пущенной воды первый въѣхалъ въ сотворенный волею его каналъ. Столь велика была радость мудраго и о благѣ подданныхъ неутомимаго Петра, что онъ, въ восторгѣ махая шляпою надъ главою своею, многократно изволилъ прокричать ура! Торжественно благодарилъ и обнималъ Миниха. Отужинавъ и проведши ночь въ укромномъ жилищѣ сего генерала, государь на другой день отправился въ Петербургъ, и въ первое происходившее потомъ засѣданіе сената императоръ въ присутствіи онаго похвалилъ искусство всѣхъ работъ канала и

отличную ревность Миниха, и повелѣлъ сенату учинить потребныя распоряженія, дабы въ совершенному окончанію сего важнаго и преполезнаго для государства предпріятія доставлены были всѣ нужныя пособія.

Неоспоримо, что графъ Минихъ былъ изъ лучшихъ инженеровъ и знаменитѣйшихъ полководцевъ своего времени. Твердый въ начальствѣ, рѣшительный въ предпріятіяхъ, былъ мужественъ, проникателенъ и быстръ на полѣ сраженія. Просвѣщеніе его было обширное; говорилъ и писалъ весьма хорошо на многихъ языкахъ; въ исторіи почерпалъ онъ уроки для поведенія своего; въ математическихъ наукахъ имѣлъ большія свѣдѣнія и артиллерійскую часть зналъ превосходно.

При пяти различныхъ правленіяхъ російскихъ монарховъ, Минихъ пользовался отличнымъ уваженіемъ и довѣренностію.

Екатерина I пожаловала его первымъ генераломъ и кавалеромъ новоучрежденнаго ордена св. Александра Невскаго. Петръ II повелѣлъ ему быть предсѣдательствующимъ государственной военной коллегіи, градоначальникомъ въ С.-Петербургѣ въ отсутствіе двора, пожаловалъ деревнями въ Лифляндіи, а въ день коронаванія своего возвелъ его въ графское достоинство. Въ царствованіе Анны Іоанновны, Минихъ приобрѣлъ многія награды и самыя знаменитыя достоинства: орд. св. Андрея, штаги (?) и орденскіе знаки алмазами украшенные, многократно денежные подарки, званіе генераль-фельдцейхмейстера, генераль-директора надъ фортификаціями, надъ Ладогскимъ каналомъ и Балтійскимъ портомъ, подполковника лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и члена верховнаго кабинета; въ 1732 году возведенъ на степень генераль-фельдмаршала. Въ началѣ регентства при правительницѣ Аннѣ Карловнѣ, получилъ достоинство перваго министра, и при ней же вскорѣ, по прошенію его, уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ.

Съ восшествіемъ на російскій престолъ Елисаветы, разразился громъ надъ главою Миниха и, въ продолженіе всего государствованія сей монархини, Минихъ претерпѣвалъ жесточайшее гоненіе, а Россія лишена была знаменитаго полководца. Петръ III возвратилъ ему свободу и достоинства, кровію и заслугами отечеству приобрѣтенныя. Екатерина Великая удостоивала Миниха отличнымъ благоволеніемъ и пользовалась совѣтами его.

Сказанное г. Манштейномъ о пребываніи фельдмаршала въ

ссылкѣ болѣею частію должно. Онъ содержался подъ строгимъ присмотромъ, не позволяли доставлять къ нему ни перьевъ ни бумаги, и запрещали вести съ нимъ переписку, даже и семейству его. Слѣдовательно, не могъ онъ посылать увѣщательныхъ писемъ къ правителямъ сибирскихъ губерній, ни угрожать имъ о донесеніи императрицѣ о злоупотребленіяхъ. Но справедливо, что онъ внушалъ къ себѣ почтеніе, и приставленные къ присмотру за нимъ чиновники не смѣли поступать съ нимъ подобно какъ съ прочими ссылочными; не смѣли ничего похищать изъ отпускаемаго на содержаніе его. Фельдмаршалъ, по возвращеніи изъ ссылки, сказывалъ мнѣ, что сохранилъ у себя три варандаша, выдиравъ онъ изъ присылаемыхъ ему мѣсяцеслововъ бѣлые листы и на оныхъ писалъ разсужденія о воинствѣ и о внутреннемъ управленіи Россійскаго государства; но узнавъ, что одинъ изъ приставовъ замѣтилъ сіе и намѣревался сдѣлать доносъ, все написанное бросилъ онъ въ огонь. Равномѣрно справедливо, что графъ обучалъ геометрію одного изъ приставовъ своихъ, способнаго и страстнаго къ просвѣщенію молодаго человѣка.

Примѣчаніе о графѣ Минихѣ по возвращеніи его изъ ссылки.

Въ примѣчаніяхъ издателя Записокъ г. Манштейна ¹⁾ также вкрались нѣкоторыя погрѣшности. Сынъ графа Миниха, сопровождаемый своими дѣтьми, тремя сыновьями и двумя дочерями, рожденными во время ссылки его въ Вологдѣ, прибылъ въ Петербургъ за нѣсколько недѣль прежде родителя своего. Тутъ нашелъ онъ, уже пріѣхавшихъ изъ Риги, старшую дочь свою и супруга ея барона Фитингофа. При полученіи извѣстія о приближеніи фельдмаршала къ Петербургу, сынъ его съ прочимъ семействомъ выѣхалъ ему на встрѣчу за тридцать верстъ отъ столицы и застали его садящагося съ графинею за обѣдъ. Не дочь знаменитый старецъ увидѣлъ чрезъ двадцать и одинъ годъ горестной разлуки, но внучку свою; а о существованіи другихъ внучатъ не имѣлъ и понятія. Минихъ совѣтовалъ Петру III ѣхать прямо не въ Петербургъ, гдѣ уже сердца всѣхъ преклонились предъ

¹⁾ То-есть изданія 1771-го года, на нѣмецкомъ языкѣ.

Екатериною, но въ Кронштадтѣ, наполненный и войскомъ и флотомъ; таковыми пособіями, съ воими возможно было, если не противиться торжествующей противоборницѣ, то, по крайней мѣрѣ, приобрести снисхожденіе и согласіе ея, чтобы низверженному Петру дозволить приличнымъ образомъ отъѣхать въ какое нибудь мѣсто, избранное для уединеннаго убѣжища его. Но нерѣшительный и робкій Петръ ничего не умѣлъ предпринять; окруженный роскошными придворными и барынями, и трусливыми царедворцами, преданными забавамъ, находился онъ въ страшномъ смущеніи духа и въ непрерывныхъ колебаніяхъ; напоследокъ, бросился на яхту и поплылъ въ Кронштадту, но уже было поздно; прозорливый умъ Екатерины и тутъ поставилъ ему преграду непреоборимую: Галливинъ угрожаетъ открыть огонь со всѣхъ батарей и низринуть яхту въ пучину морскую. Пораженный страхомъ, Петръ поспѣшно удаляется, плыветъ—не зная самъ куда; судьба высаживаетъ его въ Ораніенбаумѣ. Когда все было рѣшено и Минихъ предсталъ предъ Екатериною, императрица сказала ему:

— «Вы намѣревались сражаться противу меня?»

— «Такъ, государыня,—отвѣчалъ фельдмаршалъ,—но теперь буду сражаться единственно за ваше величество».

Извѣстно, что потомъ сія великодушная монархиня всегда съ отличною милостію и уваженіемъ обращалась съ Минихомъ.

Объ оберъ-гофмаршалѣ графѣ Левенвольдѣ.

[Зап. Машт., стр. 241—242].

Несправедливо, чтобы и оберъ-гофмаршалъ графъ Левенвольдъ подавалъ правительницѣ совѣтъ объявить себя императрицею. Левенвольдъ былъ прозорливаго ума, и не предстояло ни малѣйшей побудительной причины преклонять великую княгиню на таковой легкомысленный поступокъ. Преступленіе Левенвольда состояло въ томъ, что графъ показалъ правительницѣ письмо, полученное имъ изъ Фландріи, отъ одного уволеннаго отъ російскаго двора метродотеля; прежній усердный служитель подробно описалъ заговоръ, умышляемый Елисаветою.—Достойный Левенвольдъ, сотворенный для того, чтобы блистать при великомъ

дворѣ, въ общему сожалѣнію, умеръ въ Соликамскѣ, куда онъ сосланъ былъ въ заточеніе. Безпристрастіе требуетъ воздать похвалу гг. Строгановымъ, имѣющимъ богатые заводы и соляныя варницы въ семь мѣстѣ: сострадательныя ихъ сердца старались облегчать, сколько позволительно, несчастную участь Левенвольда, вспомоствовали и доставляли ему все потребное къ пропитанію и содержанію. Да цвѣтетъ и наслаждается всѣми благами потомство добродѣтельныхъ душъ!

Объ описаніи въ казну имѣнія, принадлежавшаго женамъ и дѣтямъ сосланныхъ въ Сибирь особъ.

[Зап. Манштейна, стр. 237].

Движимое и недвижимое имѣніе женъ всѣхъ особъ, сосланныхъ въ заточеніе, описали въ казну; богатые помѣстья графини Головкиной, наслѣдованныя ею отъ Ромодановскихъ, Шенна и Салтыкова, пожалованы были новымъ временщикамъ, появившимся на позорищѣ, и частію гренадерамъ, споспѣшествовавшимъ Елисаветѣ при восшествіи на престолъ. Имѣніе графини Миниховой подверглось той же участи. Даже не взирая на законъ Петра Великаго, святою справедливостію внушенный, воспреещающій касаться имѣнія дѣтей тѣхъ родителей, которыхъ несчастная судьба заключаетъ въ ссылку, при семъ случаѣ преслѣдовали и дѣтей знаменитыхъ жертвъ.

О графѣ Ернестѣ Минихѣ, сынѣ фельдмаршала.

[Зап. Манштейна, стр. 239—240].

Хотя оберъ-гофмейстеръ Ернестъ Минихъ не былъ въ числѣ особъ, составлявшихъ совѣтъ правительницы; хотя не занимая никакихъ государственныхъ дѣлами и единственно токмо по званію своему отправлялъ должность при дворѣ, во не менѣе того понесъ гоненіе отъ новаго правительства. Однажды Елисавета Петровна, разговаривая въ собраніи съ чужестранными министрами, изъявила, что она крайне соболѣзнуетъ о сынѣ фельдмаршала, а особенно о супругѣ его, присовокупивъ: «Они всегда были ко мнѣ отчѣнно почтительны и я была довольна

има». Таковой благосклонный отзывъ императрицы нимало не переѣнилъ несчастнаго жребія Минихова сына. Одно добродушіе въ царѣ недостаточно. Дабы народы вкушали блаженство, необходимо нужно, чтобы сердце государя управляемо было собственномъ умомъ; чтобы воля его превозмогала всѣ проски и ухищренія ласкателей-царедворцевъ.

Графа Эрнеста Миниха обвинили за то, что, зная о замыслахъ нѣкоторыхъ особъ, желавшихъ объявить правительницу императрицею, не старался отклонить ея отъ сего намѣренія; приговорили къ лишенію должности, чиновъ и ордена; въ замѣну описанныхъ въ казну лифляндскихъ помѣстій назначили для прожитія его деревню въ Россіи. Но захваченныя драгоценныя вещи и всю движимость, ему принадлежавшую, ни полумья не выдали. Определенная Миниху деревня для жительства была самая бѣдная; почему онъ просилъ пожаловать, вмѣсто деревни, какое либо денежное содержаніе; удовлетворили прошенію сему: повелѣли Миниху жить подъ присмотромъ въ Вологдѣ и производили на содержаніе его по тысячѣ рублей въ годъ, а подъ конецъ ссылки его увеличили таковое содержаніе до 1,400 руб.

Прекращеніе военныхъ дѣйствій со Швеціею.

[Зап. Манштейна, стр. 247].

Г. Бецкой извѣстилъ французскаго посла, что императрица Елисавета отправляетъ къ графу Левенгаутту нарочнаго чиновника съ предложеніемъ о перемиріи и о прекращеніи военныхъ дѣйствій, и именемъ ея убѣдилъ сего министра, дабы и онъ съ своей стороны содѣйствовалъ въ семъ случаѣ. Маркизь Де-ла-Шетарди съ тѣмъ же нарочнымъ писалъ къ Левенгаутту; шведскій полководецъ послушался, и прекращеніемъ военныхъ дѣйствій учинилъ большую погрѣшность, за что и лишился головы. Упоминаемый г. Бецкой есть тотъ самый, который, въ царствованіе Екатерины и подъ руководствомъ сей мудрой царицы, учредилъ въ Россіи знаменитыя заведенія, содѣлавшія имя его извѣстнымъ во всей Европѣ.

Замѣчаніе о ссылочныхъ въ правленіе Анны Іоанновны.

[Зап. Манштейна, стр. 248—249].

Число ссылочныхъ въ правленіе Анны Іоанновны показано г. Манштейномъ по народнымъ слухамъ, обыкновенно все увеличивающимся. Также неосновательно повѣствуетъ онъ, будто бы случилось, что съ трудомъ отыскивали мѣстопробываніе ссылочныхъ. Правда, что часто отправляли преступниковъ, не объявляя объ имени ихъ ни препровождавшимъ, ни начальникамъ тѣхъ мѣсть, куда они ссылались; но всегда такимъ образомъ отправляемый означался номеромъ, по коему легко было найти въ архивѣ тайной канцеляріи—кто гдѣ содержится.

Причины несогласія между графомъ Бестужевымъ-Рюминимъ и марки. Де-ла-Шетарди.

[Зап. Манштейна, стр. 249—250].

Графъ Бестужевъ-Рюминъ не потому старался сблизить Россію съ Австріею, чтобы онъ лучше былъ расположенъ къ вѣнскому, нежели къ версальскому двору. Причиною сему былъ посланникъ послѣдняго двора. Маркизъ Де-ла-Шетарди, оказавшій Елисаветѣ Петровнѣ преданность при прежнихъ правленіяхъ, споспѣшествовавшій возведенію ея на престолъ, дѣйствительно пользовался отличнымъ благоволеніемъ императрицы; но, не довольствуясь симъ, пожелалъ мѣшаться въ дѣла Россійскаго государства, возмечтавъ властвовать и при дворѣ, и надъ министрами. Честолюбивый Бестужевъ-Рюминъ не могъ потерпѣть такого униженія, поклялся непримиримою враждою версальскому кабинету и, будучи хитръ и дѣятеленъ, употреблялъ всѣ способы низвергнуть силу и довѣренность французскаго посла. Англичане, искусно извлекающіе для себя пользу изъ всѣхъ обстоятельствъ, старались снискать дружество и графа Бестужева-Рюмина и раздували пламеннѣе вражды между имъ и маркизомъ.

Объ уничтоженіи Елисаветою наградъ, пожалованныхъ отъ Правительницы.

[Зап. Манштейна, стр. 250].

Елисавета Петровна, уничтоживъ всё награжденія, пожалованныя правительницею, несправедливо обидѣла удостоенныхъ возмездія за службу отечеству, въ числѣ коихъ находились люди отличнѣйшаго достоинства. Подавшіе ей таковой совѣтъ поступили столь же неправосудно, сколько и непроницательно. Мудрый государь обращаетъ милостивый взоръ и на служившихъ усердно у предшественниковъ его. Это согласно и съ благодушіемъ и съ здоровою политикою: да не влачатъ дни свои въ презрѣніи и намъ служащіе.

О заключеніи мира со Швеціею.

[Зап. Манштейна, стр. 290].

Швеція, вовлеченная въ пагубную войну, не знала какъ очистить (?) оную. Въ то же время, упраздненный въ Штокгольмѣ престоль повергалъ сеймъ въ недоумѣніе въ избраніи короля. Сторона подъ названіемъ шляхтъ, воспламенившая войну, ласкаясь найти подкрѣпленіе и пособія къ продолженію оной, намѣревалась возвести на шведскій престоль сына датскаго короля; миролюбивая же сторона, называвшаяся колпаками, утверждала, что, избравъ королемъ россійскаго наслѣдника, можно будетъ заключить выгодный миръ, хотя, впрочемъ, и не надѣялась, чтобы въ Петербургѣ приняли таковое предложеніе. Напослѣдокъ восторжествовали колпаки и Швеція, вмѣстѣ съ миромъ, получила отъ руки россійской императрицы короля Адольфа Фридриха, бывшаго епископа Любскаго, администратора Голштейнъ-Готторпскаго, роднаго дядю наслѣдника россійскаго престола. Миръ постановленъ былъ въ Абовѣ уполномоченными отъ Россіи генералами графомъ Александромъ Ивановичемъ Румянцевымъ и барономъ фонъ-Люберасомъ, а отъ Швеціи сенаторомъ барономъ Цедерирейцомъ и государственнымъ секретаремъ барономъ Нолкеномъ. Сми миромъ Россія приобрѣла крѣпость Нейшлотъ и Кименсгердскую область ¹⁾).

¹⁾ Судьба предоставила имени Румянцева споспѣшествовать расширенію россійскихъ предѣловъ на сѣверѣ: графъ Александръ Ивановичъ, заключивъ

О графѣ Левендалѣ.

[Зап. Манштейна, стр. 268].

Графъ Владиміръ Левендалъ, знатнаго происхожденія, находившійся въ російской службѣ полнымъ генераломъ, г. губернаторъ въ Ревелѣ и кавалеръ св. Александра Невскаго, былъ человѣкъ умный, просвѣщенный, храбрый и искусный на полѣ сраженія. Одаренный краснорѣчіемъ, Левендалъ хорошо говорилъ почти на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ; превосходно зналъ и положеніе дворовъ и состояніе войскъ европейскихъ. Левендалъ, обращавшійся со мною дружески, вскорѣ по вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны, открывался мнѣ, что онъ твердо рѣшился оставить російскую службу; но дабы не имѣли предлога отнестись къ трусости, то онъ намѣревался прослужить предстоящую кампанію. Въ то же время показывалъ мнѣ письмо, которымъ удостовѣряли о благосклоннѣйшемъ приѣмѣ его въ Берлинѣ, если пожелаетъ онъ раздѣлять славу съ Фридрихомъ. Но графъ Де-Саксъ, питавшій къ Левендалю отличное уваженіе, убѣдилъ его вступить въ службу французскаго короля. Съ похвалою прослуживъ всѣ фландрскія кампаніи, Левендалъ прославилъ себя покореніемъ Берг-оп-донна, и былъ возведенъ въ маршалы.

О генералѣ Кейтѣ.

[Зап. Манштейна, стр. 269].

Яковъ Кейтъ, находившійся въ російской службѣ полнымъ генераломъ, подполковникомъ гвардіи и кавалеромъ св. Андрея и Александра, имѣлъ умъ самый основательный и просвѣщенный, кротостію своею привлекалъ сердца подчиненныхъ. Среди звука оружія не преставаля онъ заниматься науками, и съ необыкновеннымъ мужествомъ соединялъ превосходныя знанія въ военномъ искусствѣ. Кейтъ, тотчасъ по восшествіи на престолъ Елисаветы,

Абовскій миръ, приобрѣлъ къ отечеству нашему Кименгердскую область, а внукъ его, г. государственный каплеръ графъ Николай Петровичъ, постановивъ въ 1809 году миръ со шведами въ Фридригсгамѣ, увеличилъ Россію всѣмъ княжествомъ Финляндскимъ, частію Ботниці, Лапландіи и нѣкоторыми изъ Аладскихъ острововъ.

Примѣч. П. И. Свѣньяна.

былъ приглашенъ съ большими выгодами въ прусскую службу. Тогда удержали его въ Россіи ласками и наградами. Между тѣмъ, онъ твердо рѣшился при первомъ неудовольствіи оставить російскія знамена, чрезвычайно негодуя, что не сдержали даннаго обѣщанія объ устроеніи судьбы брата его. Вскорѣ встрѣтился непріятный случай для Кейта. Императрица Елисавета Петровна, предполагая отправить тридцатитысячный корпусъ войскъ на помощь императрицѣ-королевѣ, назначила начальникомъ онаго генерала князя Василя Никитича Репнина. Кейтъ, будучи старѣе въ чинѣ, оскорбился симъ и просилъ увольненія отъ службы. Прусскій король принялъ Кейта въ свою службу фельдмаршаломъ, а брата его пожаловалъ нейштательскимъ губернаторомъ. Кейтъ погибъ въ бѣдственную для Фридриха II-го ночь при Гохвирхенѣ, въ 1758 году.

О заговорѣ противу императрицы Елисаветы Петровны.

[Зап. Манштейна, 289—290].

Вовсе не имѣли ясныхъ доказательствъ о семъ заговорѣ. Въ тогдашнее время многіе люди, достойные всякаго вѣроятія, называли сей заговоръ вымышленнымъ; утверждали, что все заключалось въ пустыхъ разговорахъ двухъ недовольныхъ барынь и въ нескромныхъ рѣчахъ сына одной изъ нихъ, вѣтреннаго и невоздержнаго житія молодого человѣка, и что для предьявленія извѣста подкупленъ былъ одинъ слуга, принадлежавшій симъ господамъ. Маркизь Де-Ботта, почитаемый зачинщикомъ и душою заговора, еще въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны познакомился съ г-жою Лопухиною, супругою флотскаго генераль-кригсъ-коммисара, одною изъ первѣйшихъ красавицъ своего времени, съ родною сестрою несчастнаго графа М. Г. Головкина, бывшею въ супружествѣ за графомъ Михаиломъ Петровичемъ Бестужевымъ-Рюминимъ, братомъ государственнаго канцлера. Долговременное знакомство, наконецъ, обратилось между ими въ откровенную и дружественную связь. Бѣдственная участь графа Головкина и графа Левенвольда, искреннаго друга г-жи Лопухиной, а особенно чрезвычайное злополучіе бывшей правительницы и всего ея дома, повергли упомянутыхъ госпожъ въ сер-

дечную скорбь и часто исторгали у нихъ жалобы противу новаго правительства. Маркизь Де-Ботта, принимая живѣйшее участіе въ горести ихъ, старался всячески утѣшать, представляя, что въ государствѣ, въ коемъ въ недавнемъ времени произошло столько внезапныхъ перемѣнъ, могутъ онѣ надѣяться, что счастье ихъ неожиданно обрадуетъ. Стался можетъ, что въ утѣшеніе удостовѣрялъ онъ, что венгерская королева и король прусскій, какъ ближайшіе родственники низверженнаго дома, страдавшаго въ заточеніи, примутъ мѣры и попеченіе объ облегченіи судьбы онаго. Легковѣріе женщинъ могло вывести изъ таковога простаго утѣшенія мечтательныя въ пользу свою послѣдствія, и легко было при слѣдствіи, среди угрозъ и пытокъ, исторгнуть отъ нихъ желаемое признаніе, для обвиненія австрійскаго посланника; не заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія распушенная молва, будто бы маркизь Де-Ботта, находясь въ Берлинѣ, имѣлъ переписку съ графинями Бестужевою и Лопухиной, обнадеживая, что король прусскій приметъ участіе въ заговорѣ и поддержитъ его. Простое замѣчаніе, что какое нибудь одно перехваченное письмо откроетъ весь замыселъ и разрушитъ заговоръ, ежели бы дѣйствительно существовалъ оный, удержало-бъ отъ переписки министра сего, человѣка весьма осторожнаго. Равномѣрно невѣроятно, чтобы завлекли онѣ въ свое намѣреніе многихъ молодыхъ людей, ибо подверглись наказанію токмо однѣ упомянутыя госпожи и родственники ихъ. Впрочемъ, Марія-Терезія достаточно убѣдила, что не находила столь виновнымъ маркиза Де-Ботту, какъ объявлено было въ обнародованномъ по сему случаю россійскимъ дворомъ манифестъ: ибо государыня сія, въ удовлетвореніе Елисаветы Петровны, продержала маркиза самое малое время подъ стражею, но потомъ вскорѣ изъявила ему несомнѣнные знаки благоволенія своего и поручила ему начальство надъ войсками, дѣйствовавшими въ Италіи. И такъ, съ которой стороны ни разбирать сіе дѣло, надлежитъ признаться, что не существовало явнаго заговора; что наказаніе, учиненное несчастнымъ знатнымъ барынямъ, супругу и сыну Лопухиной, исторгаетъ состраданіе наше. Жестокое сіе наказаніе, свойственное варварскимъ временамъ, конечно, не послужитъ въ похвалу государыни, кося великодушіе и сострадательность къ челоуѣчеству съ толикимъ тщаніемъ старались превознести.

О французскомъ послѣ, маркизѣ Де-ла-Шетарди.

[Зап. Манштейна, стр. 291—292].

Маркизъ Де-ла-Шетарди былъ человекъ бѣгло ума, надменный и опрометчивый. Въ 1742 году, когда, по странной системѣ кабинета Людвига XV, находились при российскомъ дворѣ два французскихъ министра, маркизъ—въ качествѣ чрезвычайнаго посла, а г. Юсонъ-Даллонъ (d'Usson d'Aillon) полномочнымъ министромъ, маркизъ поссорился съ послѣднимъ и въ канцеляріи посольской дрался съ нимъ на поединкѣ. Вспыльчивый и скорый Де-ла-Шетарди не способенъ былъ никакое дѣло производить съ благоразумною осторожностію; почему и въ семъ случаѣ учинилъ величайшую глупость, обнаруживъ замыслъ свой къ ниспроверженію графа Бестужева-Рюмина. Напротивъ, российский канцлеръ имѣлъ умъ обширный и просвѣщенный, и характеръ твердый; находясь при другихъ дворахъ во многихъ посольствахъ, отправляя важнѣйшія государственныя дѣла при различныхъ правительствахъ, долговременнымъ опытомъ утвердилъ онъ дарованія природныя; таковой прозорливый и дѣятельный министръ не дремалъ, когда угрожаема была безопасность его: проискавъ и ухищреніямъ француза противупоставилъ онъ равносильныя орудія. Любопытствуя узнать о содержаніи подозрительной переписки между Де-ла-Шетардиемъ и французскимъ посланникомъ въ Штокгольмѣ, канцлеръ приказалъ схватить нарочнаго гонца, отправленнаго отъ перваго, и отобрать отъ него всѣ бумаги. Между оными найдено одно письмо, въ которомъ маркизъ весьма невыгоднымъ и оскорбительнымъ образомъ представлялъ изображеніе Елисаветы Петровны. Канцлеръ немедленно показалъ сіе письмо государынѣ своей. Раздраженная императрица въ то же мгновеніе повелѣла выслать Де-ла-Шетарди за границу, лишивъ его российскихъ орденовъ.

Что принадлежитъ до прибавленія издателя, присовокупленнаго къ сочиненію г. Манштейна ¹⁾, то о семъ достаточно сказать:

¹⁾ Въ нашемъ изданіи «Записокъ Манштейна» (приложеніе къ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г.), это «Добавленіе къ Запискамъ о Россіи»—занимаетъ стр. 293—328 и есть переводъ—съ той же рукописи Манштейна, принадлежащей Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Константину Николаевичу. «Supplément aux Mémoires de Russie» занимаетъ въ рукописи писанной, рукою Манштейна, стр. 119—173, вслѣдъ за второю частью Записокъ.

что воинство, торговля, государственные доходы, словомъ — всѣ вѣтви правленія Россійской имперіи, по вступленіи на престолъ Екатерины Великой, получили совершенное преобразованіе; несомнѣнно ведущее сіе знаменитое государство къ благоденствію и славѣ.

К О Н Е Ц Ъ .

Составитель «Замѣчаній на Записки Манштейна о Россіи».

I.

«Русская Старина», въ первыя десять лѣтъ изданія, представила на своихъ страницахъ, между прочими, очень важныя сказанія о восемнадцатомъ вѣкѣ, какъ совсѣмъ неизвѣстныя, такъ и извѣстныя, но вновь напечатанныя ею съ оригинальныхъ рукописей. Къ числу напечатанныхъ въ первый разъ съ оригинальной рукописи автора, въ виду того, что прежде бывшія изданія дѣлались съ несправныхъ и неполныхъ списковъ, разногласіе которыхъ, и очень существенное, оказывается при сліченіи, принадлежать въ высшей степени важныя для русской исторіи «Записки генерала Манштейна о Россіи» («Русская Старина» изд. 1875 г. Приложение). Время, обнимаемое разсказомъ генерала Манштейна, одно изъ самыхъ интересныхъ для изученія (1725—1744 гг.): въ эти девятнадцать лѣтъ послѣдовало пять перемѣнъ правительства.

Этотъ, въ высшей степени интересный, періодъ—весьма подробно и обстоятельно описанъ Манштейномъ въ его Запискахъ, которыя изъ всѣхъ сказаній иностранцевъ о второй четверти XVIII-го вѣка, конечно, должны занять наиболѣе видное, первенствующее мѣсто.

Знакомый съ русскимъ языкомъ и по служебному положенію своему поставленный въ близкія отношенія ко всѣмъ дѣлавшимъ русскую исторію за упомянутый періодъ—Манштейнъ тѣмъ не менѣе, какъ иностранецъ, не могъ избѣжать въ своемъ трудѣ сознательныхъ и несознательныхъ ошибокъ. Сознательныя ошибки состояли, между прочимъ, въ невѣрныхъ характеристикахъ тѣхъ или другихъ лицъ, несознательныя—проистекали отъ неполнаго знакомства съ нравами и духомъ русскаго народа, либо отъ пристрастнаго увлеченія въ пользу или противъ того или другаго историческаго дѣятеля.

Записки Манштейна, весьма скоро послѣ появленія своего за границей, въ 1770—1771 гг., сдѣлались извѣстны въ Россіи, какъ въ иностранныхъ изданіяхъ, такъ и въ рукописныхъ переводахъ на русскій языкъ. Редактору «Русской Старины» попадались, въ различныхъ собраніяхъ рукописей, не одинъ разъ переводы этого историческаго памятника, сдѣланные въ 1770—1790-хъ годахъ.

Въ виду извѣстности Записокъ Манштейна въ Россіи, еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія, то есть, когда еще были живы многіе изъ современниковъ очевидцевъ описанныхъ ими событій, весьма естественно не могли не явиться замѣчанія лица, волюнѣ свѣдущаго, на промахи и ошибки Манштейна; таковыя замѣчанія явились въ рукописи. Нѣтъ сомнѣнія, что писаны они вскорѣ послѣ того, какъ сдѣлались извѣстными «Записки о Россіи», и писалъ ихъ человекъ, самъ участвовавшій въ событіяхъ, хотя, всего вѣроятнѣе, не иравшій еще въ 1735—1745 гг. особенно видной роли.

Замѣчанія эти весьма долго ходили въ рукописи, пока наконецъ П. И. Свиньинъ, издатель «Отечественныхъ Записокъ», помѣстилъ ихъ въ

этомъ журналѣ, растянувъ клочками въ теченіе времени съ 1825-го по 1829 г. включительно.

Какъ и многое, что печаталъ Свиньинъ,—«Замѣчанія на Записки Манштейна» изданы весьма несправно и съ немалыми пропусками, легко, впрочемъ, объясняемыми неусурными колодеями, въ которыхъ находилась тогда русская литература вообще в историческій ея отдѣлъ въ особенности.

Кто былъ авторъ «Замѣчаній»? Вопросъ любопытный—такъ какъ Замѣчанія сами по себѣ составляютъ довольно обширный, интересный и немаловажный источникъ для русской исторіи эпохи 1727—1744 годовъ. Но на этотъ вопросъ изслѣдователи отечественной исторіи не могли до сихъ поръ дать вполне точнаго и безспорнаго отвѣта. Постараемся разсмотрѣть повнимательнѣе «Замѣчанія» и изъ текста этого историческаго памятника извлечь возможно точныя указанія на то, кто былъ составитель «Замѣчаній»?

Составитель «Замѣчаній» говоритъ, поправляя Манштейна, о походахъ Миниха по степямъ въ 1736 и въ 1737 гг., о взятіи Очакова,—какъ очевидецъ, а сужденія его о Минихѣ, какъ полководцѣ, не оставляютъ сомнѣнія, что онъ военный генералъ, командовавшій корпусомъ и самъ бывавшій въ такихъ же почти обстоятельствахъ дающихъ право выставить ошибки полководца, хотя, можетъ быть, обстоятельства были не тѣ, слагались не такъ и упущеній не было, а слѣдовательно, и повода къ обвиненію. Еще прежде турецкихъ походовъ, авторъ «Замѣчаній» отъ своего лица говоритъ: «Я самъ неоднократно имѣлъ случай видѣться и разговаривать съ послами и прочими чиновниками, къ свитѣ принадлежавшими» — китайскаго посольства въ Петербургѣ, бывшаго въ 1732 году. При послахъ обыкновенно бывали пристава изъ чиновъ иностранной коллегіи нашей, да давались имъ экипажи отъ придворнаго конюшеннаго вѣдомства. Слѣдовательно, подъ именемъ чиновниковъ и прислуги, не китайской—языку которой выучиться въ Петербургѣ никакъ было нельзя,—разумѣть мы можемъ чины русскіе коллежскіе и конюшенныя. Съ этими свитскими и конюшенными служителями могъ, разумѣется, говорить человѣкъ, находившійся въ Петербургѣ и пользовавшійся такимъ общественнымъ положеніемъ, которое способствовало установленію на столькой короткости, чтобы запросто толковать объ обращеніи послонъ съ прислугою своею, здѣсь имъ данною. Поэтому завѣреніе о томъ, что на китайскихъ послонъ, въ бытность ихъ здѣсь, не слышно было никакой жалобы и отъ прислуги, могъ сдѣлать человѣкъ близко стоявшій или къ управляющему иностранными дѣлами, или къ начальнику придворной конюшни, назначавшему экипажи съ прислугою, для посылокъ, разъѣздовъ, сопровожденія и пр. И такое положеніе автора было въ 1731 и 1732 годахъ, потому что говоритъ онъ о двухъ посольствахъ изъ Китая въ Россію, поправляя показанія Манштейна, называющаго первымъ пріездъ китайцевъ въ 1732 году.

Есть еще особенность, которая можетъ указать автора «Замѣчаній» — его сношенія съ генералами Кейтомъ и Левендалемъ и сочувствіе особенное къ нимъ, выразившееся въ сожалѣніи объ утратѣ Россіею этихъ двухъ военныхъ людей, любимыхъ войскомъ и принесшихъ большую пользу своею службою. Выраженіе сочувствія къ Кейту находитъ оправданіе въ знакомствѣ съ нимъ автора и въ обращеніи къ нему дружескомъ, даже по воцареніи Елисаветы. Кто же бы такой могъ писать свои «Замѣчанія на Записки Манштейна» съ указанными особенностями?

До сихъ поръ высказано было два предположенія объ авторѣ «Замѣчаній»:

П. И. Свиньинъ, печатая въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1825, 1826, 1828 и 1829-го годовъ (части 21, 22, 23, 25, 26, 36, 38 и 39-я) «Замѣчанія» неизвестнаго автора, передъ началомъ текста, въ январской книгѣ 1825 года, въ подстрочномъ примѣчаніи говорить: «Не можемъ опредѣлить автора сихъ Замѣчаній; имѣемъ только право полагать, что они должны быть произведение вельможи, бывшаго весьма близкимъ свидѣтелемъ или даже участникомъ въ государственныхъ дѣлахъ, относящихся до любопытныхъ эпохъ, въ нихъ описанныхъ перомъ живымъ, основательнымъ». А въ 42-й части «Отечественныхъ Записокъ» 1830-го года, перечисляя авторовъ, помѣщавшихъ статьи въ этомъ журналѣ, «Замѣчанія на Записки Манштейна о Россіи» приписаны графу Федору Андреевичу Остерману, сыну знаменитаго вице-канцлера, въ «Замѣчаніяхъ» представленнаго далеко не такъ, чтобы предполагать ихъ вышедшими изъ-подъ пера его сына.

Выражая сомнѣніе въ возможности признавать авторомъ «Замѣчаній на Записки Манштейна» котораго либо изъ сыновей графа Остермана, вице-канцлера до Елисаветы, П. К. Щербальскій въ статейкѣ, помѣщенной въ 3-й книгѣ 1859 года «Чтеній въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ», сослался еще на барона Зехделера, названнаго въ статьѣ «Военнаго энциклопедическаго лексикона» авторомъ «Замѣчаній на Записки Манштейна» графа Ивана Андреевича Остермана. П. К. Щербальскій въ своей догадѣ, озаглавленной «Кто писалъ Замѣчанія на Записки Манштейна о Россіи» (стр. 141—146, отд. I кн. 3-я, Чт. въ Общ. ист. и др. рос. 1869 г.), самъ считаетъ авторомъ этихъ Замѣчаній графа Миниха—сына фельдмаршала, по сходству значительнаго числа мѣстъ въ «Замѣчаніяхъ» съ «Записками», писанными Минихомъ—сыномъ во время ссылки, въ Вологдѣ, въ 1768 году, и изданными гр. М. С. Воронцовымъ въ 1817 году. Сходство параллельныхъ мѣстъ въ «Запискахъ графа Миниха-сына», и въ «Замѣчаніяхъ» на Манштейна, особенно объ обстоятельствахъ регентства Бирона и низверженія его, дѣйствительно, на первый взглядъ поражаетъ. Но вчитываясь глубже въ смыслъ изложенія «Замѣчаній» и «Записокъ», замѣчается также и разногласіе въ изложеніи одного и того-же событія, являются дополненія въ «Замѣчаніяхъ» недосказаннаго въ «Запискахъ», даже разность взгляда и оцѣнки лицъ, хотя, положимъ, не существенная. Все это, скажутъ намъ, не на столько, однако, важно, чтобы подрывало увѣренность въ возможности приписать одному перу и «Замѣчанія на Записки Манштейна», и «Записки для дѣтей» Миниха-сына, и его пѣмецкій отвѣтъ порицателямъ Миниха-фельдмаршала въ Бюшинговомъ Магазиנѣ, уже несомнѣнно тождественный съ «Записками для дѣтей».—До пазвѣстной степени, аргументъ сильный—это указываніе на сходство подробностей и мотивовъ даже, встрѣчающихся въ твореніяхъ графа Миниха-сына и въ «Замѣчаніяхъ на Записки Манштейна»; но это сходство ихъ всего проще объяснить можно тѣмъ, что «Записки» Миниха-сына были въ рукахъ автора «Замѣчаній», при чемъ, однако, составитель «Замѣчаній» не ограничивался только рассказомъ сына фельдмаршала. Авторъ «Замѣчаній» касается и такого времени, уже въ царствованіе Елисаветы, когда графъ Минихъ—сынъ, арестованный и сосланный одновременно съ отцомъ, не могъ знать ничего, что происходило въ высшихъ сферахъ въ Петербургѣ и при дворѣ. Да и въ самыхъ явленіяхъ на сцену Миниха-сына, сообщившаго свои сужденія, выходитъ въ «Замѣчаніяхъ» далеко небуквальное сходство съ «Записками» его, какъ заявлялъ П. К. Щербальскій. За примѣрами ходить не далеко. Г. Щербальскій первымъ и самымъ вѣснымъ доводомъ въ пользу своего

предположенія, что «Замѣчанія» на Манштейна писалъ Миннихъ-сынъ, считаетъ разговоръ его съ отцомъ въ присутствіи барона Менгдена, въ кабинетѣ за пертомъ (по словамъ Щебальскаго), утромъ 9-го ноября 1740 г., о наградахъ на радостяхъ по случаю низверженія Биропа. Фельдмаршалъ продиктовалъ сыну первую награду себѣ—чинъ генералиссимуса—и тутъ же услышалъ совѣтъ сына, что это не дово: неравно правительница уже рѣшила въ мысляхъ своихъ даровать эту почесть супругу? Справедливость замѣчанія близкаго лица къ правительницѣ по женѣ его, сестрѣ ея первой пріятельницы, Юліаны Менгденъ—поразила фельдмаршала и охолодила пылъ его честолюбивыхъ надеждъ, неудовлетворившихся первой министерскою ролью. Но, дѣлать нечего, онъ послѣдовалъ совѣту сына и тотъ написалъ пожалованіе фельдмаршалу званія перваго министра. Фельдмаршалъ, однако, тутъ же представилъ возможность бѣды отъ этого первенства, со стороны Остермаца, нетерпѣвшаго совѣстника, а тѣмъ болѣе высшихъ себя въ кабинетѣ.—Провзведеніе вице-канцлера въ адмирала, о чемъ заговаривалъ дипломатъ еще въ 1732 году, показалось подходящимъ на первый случай громоотводомъ. Затѣмъ принято поднятіе въ канцлеры—Черкаскаго изамѣщеніе мѣста въ кабинетѣ еще однимъ русскимъ, графомъ Михаиломъ Гавриловичемъ Головкинымъ; что и заключило конференцію о наградахъ, по тексту Записокъ графа Миниха-сына. Но то ли мы находимъ въ «Замѣчаніяхъ»?—Почти то же, но съ прибавкою подробностей новыхъ, между которыми есть одна очень важная, прямо оговоренная, что дѣло произошло «по уходѣ молодаго Миниха и барона Менгдена». Кромѣ того, прибавка эта измѣняетъ вполне смыслъ разсказа сына фельдмаршала и исключаетъ возможность присвоивать ему обладаніе тайною конференціи въ запертомъ кабинетѣ. Въ Замѣчаніяхъ читается это мѣсто такъ: «Такимъ образомъ состави роспись о повышеніи чинами и о пожалованіи орденами, по уходѣ молодаго Миниха и бар. Менгдена, фельдмаршалъ велѣлъ секретарю своему переписать оную ва-бѣло» (Стало быть, кромѣ Менгдена и двухъ Миниховъ, былъ при совѣщаніи секретарь, мнѣнія котораго не спрашивали, но который все слушалъ? Если же его бы не было тутъ, то призывъ его и явленіе, въ такомъ подробномъ описаніи, обозначались бы). «Но, снѣдаемый тщеславіемъ, котораго не могъ онъ преодолѣть, (Минихъ-отецъ) прибавилъ къ статьѣ, до него относившейся, неприличное выраженіе, что достоинство генералиссимуса предоставляетъ онъ принцу Брауншвейгскому». «Россия сание себѣ было утверждено великою княгинею».

Съ точнаго зрѣнія П. К. Щебальскаго, признавашаго «Замѣчанія на Записки Манштейна» только третью редакцію «Записокъ» графа Миниха-сына, возможенъ въ послѣдующемъ трудѣ, разумѣется, и важная поправка и почему либо опущеннаго раньше, но, подробность, находящаяся въ «Замѣчаніяхъ», и тогъ изложенія едва ли возможны подъ перомъ сына и такого почтительнаго сына—если бравшаго перо, то единственно съ дѣлюю очистить память отъ взводимыхъ врагами клеветъ. Читая нашу дитату, читатель согласится, что побужденія фельдмаршала не пощажены тутъ и не скрыта грустная истина, что Минихъ самъ себѣ обязанъ потерей вліянія при правительницѣ. Стало быть, эта прибавка—имѣющая громадный смыслъ, и не для оправданія, а для обвиненія фельдмаршала въ близорукости,—не можетъ отнестись къ перу его постоянного хвалителя и защитника, какимъ является въ своихъ Запис-

ках Миннихъ-сына. Манштейнъ ¹⁾ передаетъ, очевидно—со слуха, рассказъ о включеніи выраженія объ уступкѣ фельдмаршалою сана генералиссимуса отцу императора—въ указъ, а не въ распредѣленіе предварительное награды, и указываетъ, что фраза хитрымъ Остерманомъ истолкована какъ обида привнуродителю со стороны честолюбца, простиравшаго виды свои очень далеко. Изъ этого, вполне правдоподобнаго со стороны, истолкованія поступка фельдмаршала, могъ вырости призракъ опасности для правительницы, и страхомъ, разъ возбужденнымъ въ ней, Остерманъ воспользовался для уничтоженія всякаго кредита Минниха. Составитель «Замѣчаній», считая вужнымъ выяснитъ неточность автора «Записокъ о Россіи», включенными въ свой рассказъ подробностями даетъ чувствовать, что онъ имѣлъ въ рукахъ показаніе очевидца, лучше всѣхъ знавшаго, какъ было дѣло. Если не самъ Миннихъ-фельдмаршалъ, при Екатеринѣ II, сообщилъ автору «Замѣчаній» поясненіе этого важнаго, сдѣланнаго имъ самимъ, промаха, то могъ рассказать впоследствии и секретарь, которымъ въ это время состоялъ коллежскій совѣтникъ Эмме. Его звали Федоръ Ивановичъ; онъ, при переворотѣ, возвысавшемъ Алау Леопольдовну, награжденъ чиномъ статскаго совѣтника; потомъ, при Елисаветѣ Петровнѣ былъ въ комисіи, судившей Минниха, и пр., и могъ тамъ даже выяснитъ извѣстныя ему происшествія, особенно прямо относившіяся до Минниховъ и Менгдена.

Въ числѣ членовъ комисіи, осудившей фельдмаршала, былъ оберъ-штальмейстеръ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, при правительствѣ императрицы Анны бывший въ этомъ же званіи и стоявшій поодаль отъ всякихъ интригъ. Въдѣ и черезъ этихъ лицъ могли дойти до людей, игравшихъ роли при Екатеринѣ II, подлинныя извѣстія о томъ, что дѣлалось при двухъ Аннахъ и при воцареніи Елисаветы.

Усматривая, высказанныя нами, особенности, мы не можемъ придавать большой силы кажущемуся сходству параллельныхъ мѣстъ въ «Запискахъ графа Минниха-сына» и «Замѣчаніяхъ на Манштейна», авторомъ которыхъ о себѣ высказано много такого, что непримѣнимо ни къ Минниху-сыну, ни къ дѣтямъ вице-канцлера графа Андрея Ивановича Остермана.

II.

Разберемъ, по порядку, обстоятельства, въ какихъ находился, по собственнымъ словамъ его, незавѣстный авторъ «Замѣчаній», а также сынъ фельдмаршала графа Минниха и дѣти вице-канцлера графа Остермана до Екатерины II, и посмотримъ, къ кому бы изъ этихъ четырехъ лицъ, несомнѣнно жившихъ въ семидесятыхъ годахъ XVIII вѣка, могли подходить тѣ обстоятельства.

Первое упоминаніе о себѣ и личномъ знакомствѣ съ китайскимъ посольствомъ въ Петербургѣ мы привели выше. Въ 1732 году старшему изъ сыновей вице-канцлера графа Остермана было всего девять лѣтъ, а младшему—семь лѣтъ. Слѣдовательно, наблюденія дѣлать и заключать о разсудительности китайцевъ имъ было еще рано. А графъ Эрнстъ Юганъ Миннихъ, сынъ фельдмаршала, съ царствованія Петра II по апрѣль 1733 года находился за границею, слѣдовательно, также не могъ заводить знакомства съ членами и прислугою китайскаго посольства въ Москвѣ въ 1731 году и въ Петербургѣ въ 1732 году. Затѣмъ, въ авторѣ «Замѣчаній» видѣнъ военный, служившій подь

¹⁾ Записки Манштейна, стр. 204, изданіе ред. «Русской Старины» 1875 г.

знаменами Миниха въ 1736 и 1737 годах, очевидецъ (если не участникъ) штурма Очакова, поправляющій Манштейна и дополняющій рассказъ его подробностями, не изъ реляции, а изъ видѣннаго своими глазами. Такими характерными подробностями кажутся намъ слѣдующія мѣста:

Манштейнъ (стр. 100. Запис., изд. «Русской Старины» 1875 г.) о поджогахъ травы въ степяхъ татарами, говоритъ: «Если бы не брали охранительныхъ мѣръ противъ (степнаго) пожара, то онъ легко бы сжегъ цѣлый лагерь. Оттого фельдмаршалъ Минихъ распорядился снабдить каждую телѣгу метлою для гашенія огня. Также необходимо бывало окопать лагерь ровомъ въ два фута ширины, чтобы не сгорѣть живыми». Въ «Замѣчаніяхъ» говорится: «не рѣдко случалось, когда вѣтеръ бывалъ противный россиянамъ, татары зажигали траву; тогда не оставалось иного средства, какъ на-скоро рыть и сдѣлать насыпь, дабы остановить разъяренное пламя». Здѣсь надобность выртія земли дѣлается повятною. Огонь останавливался на грани поднятой насыпи, заключающей влагу, при перерывѣ ковра травянаго дерна, способнаго горѣть ровно и дружно. Не двухъ-футовая ширина рва, а вырытый пазъ него и откинутый къ сторонѣ степи слой свѣжей земли останавливалъ огонь. Невидѣвшему своими глазами дѣйствія этого не пришлось бы въ голову и дѣлать поясненія къ тексту Манштейна, сказавшаго то же, да не такъ.

На стр. 114-й «Записокъ Манштейна» (изд. «Русской Старины» 1875 г.) авторъ говоритъ, какъ о послѣднемъ фактѣ потери людей нашихъ при влѣтѣ Очакова, «еще два пороховые магазина влетѣли на воздухъ, убивъ часть русскихъ, прабѣжавшихъ на грабежъ». («Рус. Стар.» 1879 г. XXVI, стр. 388).

Возражая ему, авторъ «Замѣчаній» говоритъ:—«Быть можетъ, что, отозвавъ на нѣкоторое время съ гласиса торжествующее войско, уменьшилъ бы фельдмаршалъ ужасное кровопролитіе, коему подвергся гарнизонъ; но подобныя движенія въ виду непріятеля, въ отчаяніе приведеннаго, нельзя производить для собственныхъ силъ безъ величайшей опасности. Разразившаяся бомба цѣлый пороховой погребокъ подняла на воздухъ, потрясла и низринула прилежащія строенія, увеличила пожаръ и ужасъ». («Рус. Стар.» 1879 г. т. XXVI, стр. 388).

Въ этихъ словахъ высказывается очевидецъ, самъ командовавшій войскомъ и бывавшій на штурмахъ.

Въ іюль 1737 года, когда палъ Очаковъ, дѣти Остермана, еще въ Петербургѣ, начинали только учиться, а сынъ фельдмаршала, шедшій по дипломатической части, находясь въ Петербургѣ же, при дворѣ, пожалованъ въ камергеры въ день празднованія взятія турецкой крѣпости. Небывшій на войнѣ графъ Минихъ-сынъ съ Записокъ отца, вѣроятно, говоритъ въ Запискахъ своихъ о взятіи Очакова болѣе подробно, чѣмъ авторъ «Замѣчаній», но все имъ рассказанное при этомъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго съ защитою чести фельдмаршала, если не отъ несправедливыхъ, то уже, во всякомъ случаѣ, пристрастныхъ нареканій Манштейна, чтд, очевидно, вмѣнялъ себѣ въ прямую обязанность писавшій «Замѣчанія» на «Записки о Россіи». Самые доводы его защиты,—опять повторимъ,—такого рода, которые невоенному несподручны, а некомандовавшій самъ отдѣльною частью не нашелъ бы уважительными многихъ обстоятельствъ, извиняющихъ главнаго начальника и рѣшенія его въ виду достиженія высшихъ цѣлей, неизвѣстныхъ подчиненнымъ исполнителямъ. Вчитавшись основательно въ текстъ «Замѣчаній» на Манштейна, а также «Записокъ» и твореній графа Миниха-сына, относительно кампаній Миниха 1736 и 1737 го-

довъ, мы приходимъ къ заключенію, что сынъ фельдмаршала п адъютантъ его имѣли одна и тѣ же данныя для своихъ сочиненій. Авторъ же «Замѣчаній», не прибѣгая къ этому источнику, довольствовался текстами обоихъ сочинителей мемуаровъ, но высказывалъ въ защиту графа Миниха - военачальника убѣжденія, почерпнутыя исключительно изъ своей практики военно-служебной. Для такой двойственности взгляда графъ Минихъ-сынъ—совсѣмъ не подходящий дѣятель и взваливать на него обузу защиты дѣяній родителя отъ обвиненій Манштейна, тѣмъ путемъ доказательствъ, которыя развиты въ «Замѣчаніяхъ»,—невозможно.

Не много у насъ доказательствъ, что авторъ «Замѣчаній» былъ въ походахъ турецкихъ 1736 и 1737 годовъ, но это немногое, однакоже, вѣско и имѣетъ за собою всѣ признаки убѣжденія, хотя кромѣ замѣчанія «не разъ случилось»,—показывающаго очевидца и участника,—прямо не говорить онъ отъ своего лица, какъ высказался о китайскомъ посольствѣ и сношеніяхъ непосредственныхъ съ Кейтомъ, послѣ уже водаренія Елисаветы, въ Петербургѣ. Это же обстоятельство, да рассказъ о мнимомъ заговорѣ придворныхъ дамъ, раздутымъ Лестокомъ изъ пустяковъ съ цѣлю повредить канцлеру графу Бестужеву, опять ставятъ насъ въ невозможность приписать «Замѣчанія» ни сыновьямъ Остермана, 16-го января 1742 г. высланнымъ изъ Петербурга въ армейскіе дальніе полки, ни сосланному въ деревни, подъ присмотръ, графу Миниху-сыну, вмѣстѣ съ отцомъ арестованному, въ ночь на 25-е ноября 1741 года. Собственныя «Записки» графа Миниха, сына фельдмаршала, заканчиваются даже раньше водаренія Елисаветы Петровны, и въ нихъ герцогъ Биронъ не надѣляется нигдѣ тою неблаговидною характеристикю, которая приводится авторомъ «Замѣчаній». Напротивъ, временщикъ, кумъ графа Эрнста Югана Миниха, имъ терпимъ былъ какъ зло неизбежное, противъ котораго не слѣдуетъ принимать никакихъ мѣръ ради опасности погибнуть. На этомъ мотивѣ и построилъ онъ защиту отца своего отъ обвиненія, что фельдмаршалъ первый будто бы подалъ мысль о регентствѣ Бирона.

Нельзя не согласиться съ приведенными доводами, но, принимая ихъ, становится яснымъ, что кругозоръ автора «Записокъ для дѣтей своихъ» положительно расходится съ возрѣвіями и правилами, высказываемыми въ «Замѣчаніяхъ на Записки Манштейна». Такъ что, при кажущемся—при бѣгомъ сличенія тѣхъ и другихъ—сходствѣ въ некоторыхъ обстоятельствахъ, самое существенное—духъ автора «Замѣчаній»—является совершенно противоположнымъ и несовмѣстимымъ съ понятіями почтительнаго оберъ-гофмейстера двора принцессы Анны Леопольдовны.

Рѣзкія нападенія автора «Замѣчаній» несовмѣстимы съ характеромъ апатичнымъ, какой въ «Запискахъ» выказываетъ графъ Эрнстъ Юганъ Минихъ; невѣстный авторъ «Замѣчаній» не прочь иногда, отбивая противника, задѣтъ то или другое лицо (а главнѣйше—Бирона) и выставить его относительно рѣзко. Обиліе сентенцій съ завѣдомымъ намѣреніемъ—кое-кого кольнуть—тоже весьма замѣтно въ текстѣ «Замѣчаній на Записки Манштейна». Такъ что, независимо прямой цѣли—поправки невѣрныхъ или неточныхъ, по мнѣнію писавшаго, мѣстъ въ «Запискахъ Манштейна», выказывается какъ-бы намѣреніе особенно развить вредъ для общаго народнаго блага отъ имѣнія государынею наперсника, въ то же время обѣлая и возводя на пьедесталъ нѣсколько усиливаемаго величія фельдмаршала Миниха. И это писано, замѣтимъ, при Екатеринѣ II, послѣ смерти Миниха, который, какъ извѣстно, въ рѣшитель-

ния минуты 1762 г. совѣтсвалъ императору Петру III—сѣшить въ Ревель и бороться съ побѣдоносною императрицею, принявъ начальство надъ арміею, возвратившеюся изъ Пруссіи. Мы не должны терять изъ вида усмотрѣнной особенности текста «Замѣчаній на Записки Манштейна о Россіи», напечатанныя на англійскомъ языкѣ только въ 1770 г., а на французскомъ—въ 1771 году.

Перебирая имена видныхъ дѣятелей у насъ въ ту эпоху, изъ лицъ, поминувшихъ царствованіе Анны Ивановны, и тѣхъ, которые могли дѣйствовать въ турецкихъ походахъ Миниха, мы указать можемъ два-три лица, не болѣе. А если къ этимъ, оставшимся въ живыхъ, дѣтелямъ время Анны станемъ примѣнять обстоятельства, въ которыхъ находился авторъ «Замѣчаній на Записки генерала Манштейна о Россіи», по случайнымъ намекамъ, то останется намъ всего одно лицо, совмѣщающее признаки всѣхъ условій, открывающихся изъ текста «Замѣчаній». Лицо это—никто другой, какъ генералъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, меньшей братъ воспитателя великаго князя (императора) Павла Петровича.

III.

Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ родился въ Мещовскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, въ 1720 г. или 1721, но съ воцареніемъ Анны уже находился въ Петербургѣ, въ семействѣ старшей сестры, Александры Ивановны, выданной за оберъ-штабмейстера князя Александра Борисовича Куракіна; здѣсь онъ встрѣчалъ высшихъ представителей русской аристократіи. Стоя на часахъ во дворцѣ, какъ солдатъ гвардіи, въ 1735 году, Петръ Панинъ, дѣлая честь ружьемъ проходившей мимо государынѣ, почувствовалъ позывъ на зѣвоту, но успѣлъ пересилить себя. Тѣмъ не менѣе, судорожное движеніе челюстей было замѣчено императрицей, отнесшею это дѣйствіе часоваго къ намѣренію сдѣлать гримасу, и за эту небывалую вину несчастный юноша посланъ солдатомъ въ армію, приготовлявшуюся къ походу въ Крымъ. Стенной походъ до Перекопа, овладѣніе при немъ линіею укрѣпленій и движеніе къ Бахчисараю—юноша совершилъ очень счастливо и въ турецкихъ походахъ слѣдующихъ годовъ заслужилъ, такъ сказать—съ бою, чинъ офицера, состоя подъ командою Левендаля и Кейта, на Украинѣ. Въ которомъ году возвращенъ изгнанникъ къ своимъ, мы точно не знаемъ, но, вѣроятно, въ 1740-мъ году онъ уже былъ въ Петербургѣ, вступивъ въ столицу съ побѣдоносною арміею, по заключеніи мира съ турками. Съ наступленіемъ войны со шведами, въ правленіе Анны Леопольдовны, Петръ Ивановичъ Панинъ, находясь подъ Выборгомъ, прекратилъ начинавшійся мятежъ воинскій, отерывъ заблаговременно заговоръ солдатъ: перебить иностранцевъ, бывшихъ у нихъ командирами. За этотъ подвигъ Панинъ посланъ фельдмаршаломъ Ласси въ столицу съ ключами взятаго Фридрихсгама, гдѣ отличился Манштейнъ, авторъ «Записокъ о Россіи». Панинъ, привезшаго ключи, произвели въ чинъ капитана гвардіи. Зная заслугу его въ лагерѣ подъ Выборгомъ, любопытно встрѣтить въ «Замѣчаніяхъ» на Манштейна указаніе на этотъ случай, съ припоминовеніемъ словъ, сказанныхъ генераломъ Кейтомъ.

— «Очень примѣтно, что не Минихъ предводительствуетъ сими войсками. Желательно, дабы хотя на одни сутки явился онъ передъ лицомъ ихъ: съ появленіемъ Миниха все бы приняло иной видъ!»

Нахожденіе этой характерной черты въ «Замѣчаніяхъ» можетъ только

усилить идею, что усмиритель виборгскаго лагернаго бунта близько автору—разбирателю «Записокъ Манштейна». При такихъ обстоятельствахъ совершенно ясна короткость автора «Замѣчаній» съ генераломъ Кейтомъ и сердечная характеристика этого героя и генерала Левендаля, служившаго, какъ и Кейтъ, въ Украинѣ и находившагося въ походѣ финляндскомъ, въ которомъ участвовалъ Панинъ, служившій въ турецкихъ походахъ подъ командой того и другаго.

Зять Паниныхъ, князь Куракинъ, до самой смерти своей (1749 г.) занималъ свой высокій постъ, и при Елисаветѣ, какъ мы выше замѣтили, уже состоялъ членомъ въ комисіи, вмѣстѣ со статскимъ совѣтникомъ Ф. И. Эмме, бывшимъ секретаремъ Миниха, которому фельдмаршалъ поручалъ переписывать росписи наградъ въ слѣдующее утро по изложеніи Бирона (9-го ноября 1740 г.). Въ Куракинскомъ кружкѣ, удержавшемъ свое значеніе и положеніе при трехъ царствованіяхъ, всѣ новости дня пересказывались со всѣми подробностями, сосредоточиваясь и выправляясь изъ получаемыхъ съ разныхъ сторонъ сообщеній. Поэтому не трудно было знать больше и лучше всѣхъ происходившее съ 1730 года во всѣ слѣдующія 19 лѣтъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, при дворѣ, члену Куракинскаго кружка, по родству съ хозяевами не встрѣчавшему холоднаго приѣма и въ другихъ салонахъ высшаго круга русскаго общества. Пользовавшагося такимъ исключительнымъ положеніемъ своимъ трудно представить себѣ даже другаго русскаго аристократа въ это тревожное время, когда нѣмецкая партія потеряла силу, а выступившія на сцену высшаго круга новыя свѣтила оказывались вполнѣ новыми людьми, съ которыми прежніе представители общественныхъ вершинъ не вдругъ могли сойтись и поладить, частію изъ попятнаго недовѣрія, а частію сохраняя память преданій о прошломъ своемъ значеніи, утраченномъ по милости этихъ выскочекъ. Куракинъ, мужъ и жена, въ первые годы царствованія Елисаветы Петровны, составляли средоточіе высшаго круга, а Панины—свои въ Куракинскомъ кружкѣ—были людьми равно пріятными и въ домахъ бывшихъ тузовъ, и среди новыхъ ближнихъ людей императрицы. Было одно время, когда на Невитѣ Ивановича Панина, красавца камеръ-юнкера, въ 23 года отъ роду, смотрѣли какъ на будущее свѣтило, могущее блескомъ своимъ заставить скрыться за горизонтъ Разумовскихъ; но, державшійся силою Алексѣя Разумовскаго, графъ Алексѣй Бестужевъ счумѣлъ опасному камеръ-юнкеру дать дипломатическое порученіе—поздравить польскаго короля съ выдачею замужу его дочери за дофина Франціи. А когда отправился туда начинающій карьеру дипломатъ, то Бестужевъ далъ ему, съ возведеніемъ въ камергеры, постъ министра въ Копенгагенѣ, изъ котораго, черезъ годъ, перевели его въ Стокгольмъ и тамъ держали до 1760 г., когда вызванъ онъ былъ, по паденіи Бестужева, на должность оберъ-гофмейстера—воспитателя шестилѣтняго сына Петра III и Екаторины II, въ чинѣ генераль-поручика (29-го іюля). Что касается до Петра Ивановича Панина, то въ полковникахъ онъ былъ по 25-е декабря 1755 г.; въ этомъ чинѣ и посылалъ былъ съ поздравленіемъ въ шведскому двору, по случаю вступленія на престолъ, бывшаго съ 1742 года наслѣдникомъ престола, короля Адольфа Фридриха. Замедленіе въ повышеніяхъ его было, скорѣе всего, не простою случайностью. Поэтому отзывъ автора «Замѣчаній на «Записки Манштейна» о совѣтникахъ императрицы Елисаветы Петровны для насъ долженъ получить смыслъ, близкій къ сердцу автора.

— «Елисавета Петровна, — говоритъ онъ, — уничтоживъ всѣ награжденія, пожалованная правительницею, несправедливо обидѣла удостоенныхъ возмез-

дѣя за службу отечеству, въ числѣ коихъ находились люди отличнѣйшихъ достоинствъ. Подавшіе ей таковой совѣтъ поступили столько же неправосудно, сколько и непроницательно. Мудрый государь обращаетъ милостивый взоръ и на служившихъ усердно у предшественниковъ его. Это согласно и съ благодушіемъ и съ здоровою политикою: да не влачатъ дни свои въ презрѣніи и намъ служащіе». («Рус. Стар.» 1879 г., томъ XXVI).

Если мы припомнимъ, что, кромя цѣнныхъ высоко авторомъ «Замѣчаній» генераловъ Кейта и Левендала, при воцареніи Елисаветы потерявшихъ помѣстья, даннаго Анной Леопольдовной, потерялъ ею же данную Андреевскую цѣпь зять Панина кн. Куракинъ, при новомъ штатѣ сравненный съ камергерами, хотя и былъ оставленъ оберъ-штабмейстеромъ, — то приведенная нами выписка, особенно послѣдніе ея слова, окажутся не риторическою фигурою. Да и самое побужденіе: написать подтвержденіе высказанному Манштейномъ, выяснится не въ смыслѣ мелькомъ брошенныхъ словъ.

Подмѣтивъ же подобное побужденіе и здѣсь, и въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ — заканчивать внушительныя выходки сентенціями, поясняющими еще лучше направленіе куда направлена стрѣла автора «Замѣчаній», весь текстъ ихъ намъ представится въ иномъ свѣтѣ. По крайней мѣрѣ, усматривается въ основѣ труда автора, на сколько патриотическое желаніе, на столько же и политическія стремленія: пользуясь случаемъ, провести параллель между прошлымъ (1730—1744 гг.) и настоящимъ (1770-ые года), примѣняя бывшее и заботою къ понятному для того, кому адресовано, настоящему.

Отличившійся въ Семилѣтнюю войну, Петръ Ивановичъ Панинъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, игралъ первостепенную роль въ правительствѣ Екатерины II, до начала первой турецкой войны, объявленіе которой было для воспитателя наследника престола въ нѣкоторомъ родѣ громовымъ ударомъ съ яснаго неба. Политика старшаго Панина оказалась очень близорукою и императрица, при такомъ руководителѣ внѣшнихъ сношеній, настигнутая врагами врасплохъ, должна была привести въ движеніе всѣ, доступныя всеобъемлющему уму ея, средства выйти изъ затрудненій, возникавшихъ на каждомъ шагѣ, при неприготовленности къ удару. Но, хотя съ усиленіемъ, Екатерина II сумѣла обратить въ свою пользу ошибки дворовъ, намъ враждебныхъ, при чемъ военный геній Румянцева одержалъ верхъ надъ многочисленностью турецкихъ ополченій на сушѣ, а адмиралъ Орловъ, съ своими незабвенными помощниками, поразилъ турецкіе флоты. Съ поворотомъ въ нашу пользу борьбы съ турками, примѣтно падаетъ вліяніе на дѣла братьевъ графовъ Паниныхъ. Петръ Ивановичъ получилъ, въ 1769 году, въ команду вторую армию противъ турокъ; но, взявъ Бендеры и получивъ за этотъ подвигъ орденъ св. Георгія 1-й степени, а не чинъ фельдмаршала, оскорбился малостью награды и просилъ увольненія подъ предлогомъ внезапнаго усиленія припадковъ мучительной подагры. Екатерина II, съ выраженіемъ сожалѣнія, уволила большаго героя, обративъ въ пенсію ему всѣ получаемыя имъ оклады (27-го ноября 1770 г.).

Появленіе въ 1770 г. Записокъ Манштейна совпадаетъ съ этою отставкою пятидесятилѣтняго воина. Живя въ Москвѣ, графъ П. И. Панинъ любилъ рисоваться, представляясь страдальцемъ за правду, и время отъ времени разыгрывая сцены оппозиціи правительству Екатерины II, въ которомъ братъ его, находясь при дѣлахъ, видѣлъ себя потерявшимъ силу и значеніе единственнаго совѣтника.

При чуткости опальнаго графа Петра Панина и умѣньи его выписывать

случаи завить себя защитникомъ мнимо-притѣсняемыхъ ¹⁾, если подтвердится окончательно наша догадка, что его перу принадлежатъ «Замѣчанія на Записки генерала Манштейна о Россіи»,—то понятны будутъ побужденія къ вышнему этому труду и найдется оправданіе и истолкованіе смысла сентенцій, тамъ и сямъ разбросанныхъ по всему тексту и, съ перваго взгляда, какъ бы ненужныхъ.... Не были-ли писаны «Замѣчанія на Записки Манштейна для самаго дорогаго для Паниныхъ читателя, къ нимъ особенно близкаго: для великаго князя Павла Петровича?—Великій князь интересовался сказаніями иностранцевъ о Россіи; въ его Павловской бібліотекѣ соединено, въ концѣ 1770-хъ и 1780-хъ годахъ, множество изданій о Россіи (Олеарій, Герберштейнъ, Корбъ, Мейерберъ, и многіе другіе). На письма леди Рондо о Россіи написаны, какъ есть основанія думать—историкомъ Миллеромъ, интересныя замѣчанія и автографъ этихъ замѣчаній находится въ дворцовой бібліотекѣ Павловска (см. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 326—346); интересно что въ ту же бібліотеку неизвѣстно когда и откуда поступила подлинная рукопись Записокъ Манштейна... И такъ, не для августѣйшаго-ли воспитанника гр. Никиты Панина писаны и «Замѣчанія» на эти Записки? А въ такомъ случаѣ кому, какъ не графу Петру Панину, очевидцу и участнику многихъ событій, описанныхъ Манштейномъ явиться въ виду тѣхъ доводовъ, которые привели мы выше, объяснителемъ и исправителемъ ошибокъ сказаній Манштейна?

Открывъ автора «Замѣчаній» въ лицѣ графа Петра Ивановича Панина, мы должны сказать, что, въ виду несомнѣнныхъ достоинствъ и полого историческаго значенія и интереса «Замѣчаній на Записки Манштейна», изданіе текста подлинной рукописи Замѣчаній безъ выпусковъ и искаженій, которыми страдаетъ текстъ этого историческаго памятника въ «Отечественныхъ Записокъ» Сивягина, является вполне необходимымъ. Редакція «Русской Старины», издавъ полный текстъ «Записокъ Манштейна», оказала немаловажную услугу отечественной исторіи изданіемъ «Замѣчаній» на этотъ историческій памятникъ.

Драгоценныя Записки генерала Манштейна, помѣщенные, съ благосклоннаго соизволенія Владѣтеля ихъ подлинника Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича, на страницахъ «Русской Старины»,—значительно восполняются и исправляются «Замѣчаніями» гр. П. И. Панина, современника и сослуживца Манштейна на ратномъ полѣ, человека притомъ весьма замѣчательнаго и занимавшаго видный постъ въ ряду русскихъ государственныхъ дѣятелей XVIII вѣка.

П. Н. Петровъ.

¹⁾ Въ біографіяхъ его разсказывается какъ онъ, генералъ-аншевъ Панинъ, самолично стоялъ на часахъ у гроба умершаго въ опалѣ, въ 1772 г., бывшаго московскаго главнокомандующаго елеймаршала графа П. С. Салтыкова.

ВОЛНЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ

ВЪ ЗАУРАЛЬСКОЙ ЧАСТИ ПЕРМСКАГО КРАЯ

въ 1842—1843 гт.

II ¹⁾.

Усмиреніе бунтовщиковъ въ остальныхъ волостяхъ.—Сопровожденіе крестьянъ Верхъ-теченской волости.—Военно-судная коммисія.—Наказаніе бунтовщиковъ.—Неисповства крестьянъ.—Депутація крестьянъ Уксанской волости.—Долматскій монастырь.—Царскій указъ и грамота «Министерова».—Защита монастыря.—Награжденіе отца Николая.—Трое вожаковъ Камышловскаго уѣзда.—Истязаніе помощника окружнаго начальника.—Гриша Боровскій.—Варварства, совершенныя надъ волостными чинами и духовенствомъ.—Канахинъ и Садчиковъ.—Жалобы крестьянъ на духовенство.—Безпорядки въ г. Камышловѣ.—Осадное положеніе города.—Постановленіе крестьянъ относительно горючихъ напятковъ.—Откушнись.—Звѣрство надъ окружнымъ начальникомъ въ Бѣлослудской волости.—Военно-судная коммисія.

Водворивъ тишину и порядокъ въ селѣ Батуринскомъ, военный отрядъ и чиновники отправились усмирять прочихъ бунтовщиковъ, въ волости Бѣлоярскую, Каргопольскую и Верхъ-теченскую; послѣдняя была главнымъ центромъ возмущенія всего уѣзда, въ которомъ насчитывали въ то время болѣе 100 тысячъ душъ одного только мужскаго населенія; это были все самыя зажиточныя крестьяне того края, который, по истинѣ, могъ назваться житницею всего Урала.

Въ первыхъ двухъ волостяхъ усмиреніе крестьянъ окончилось безъ особенно выдающихся фактовъ; небольшое число бунтовщи-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., т. XXVI, стр. 411—432.

ковъ, человекъ около пятисотъ, съ главными зачинщиками, получили опредѣленное закономъ по первой категоріи наказаніе; а затѣмъ мѣстные власти отправились въ Верхъ-теченскую волость.

Не доѣзжая трехъ верстъ до села Верхъ-теченскаго, чиновники получили извѣстіе, что собравшіеся тамъ бунтовщики, числомъ около шести тысячъ человекъ, намѣрены упорно защищаться противъ идущаго отряда. Тогда командиръ, дѣйствуя съ крайнею осмотрительностью, остановилъ своихъ солдатъ и отрядилъ 25 человекъ казаковъ съ опытнымъ офицеромъ, въ которыхъ присоединился и исправникъ, произвести тщательную рекогносцировку, какъ о числѣ собравшихся бунтовщиковъ, такъ и о занятой ими позиціи; получивъ по возвращеніи ихъ всѣ требуемыя свѣдѣнія, онъ составилъ планъ своихъ наступательныхъ дѣйствій и, пройдя съ барабаннымъ боемъ до рѣчки Побозики, протекающей подъ самымъ селомъ, остановился на ея правомъ берегу; на противоположной сторонѣ расположились бунтовщики шестью довольно правильными колоннами; во главѣ ихъ стояли отставные солдаты, конный же отрядъ ихъ выстроился немного позади. Желая покончить съ крестьянами миролюбиво и убѣдить ихъ въ заблужденіи, всѣ чиновники и офицеры отряда подошли къ правому берегу, предлагая имъ настлать мостъ, чтобы соединиться для обсужденія ихъ мірскаго дѣла, ради котораго они безъ всякаго основанія потеряли столько рабочаго времени и, собираясь въ скопища, нарушали законный порядокъ, установленный самимъ царемъ; въ отвѣтъ на это предложеніе мужики закричали имъ:

— «Моста не будемъ настлать, а вашихъ ложныхъ рѣчей п слушать не хотимъ, вы-то продали насъ Министерству!»

Чиновники вторично повторили свое увѣщаніе, но имъ отвѣчали: — «Убирайтесь къ чорту, покудова головы ваши на плечахъ»; притомъ отставные солдаты дали нѣсколько выстрѣловъ, равнѣвъ слегка трехъ солдатъ въ строю. Видя полную невозможность склонить крестьянъ къ повиновенію, командиръ отряда приказалъ выдвинуть впередъ пушки и, по его командѣ «пли», картечь грянула въ тотъ берегъ; этимъ думали напугать бунтовщиковъ, но не тутъ-то было: они громко захохотали, крича: «ну-ка, еще разъ гарьните!»

На эти насмѣшливыя слова былъ сдѣланъ второй выстрѣлъ поверхъ головъ; мужики тоже и въ усъ не дули; но этотъ разъ

ядро досталось одному изъ нихъ, стоявшему въ толпѣ на пригорѣ, которому снесло голову; тогда мятежники, разсвирѣпѣвъ, бросились настилать мостъ, чтобы перейти на правый берегъ и рѣшительно напасть на стоявшій отрядъ; отставные солдаты еще подстреляли ихъ, крича: «Ребята, надо отнять пушки, а солдатъ на-поваль колотить».

Однако, до этого дѣло не дошло; командиръ вызвалъ изъ своего отряда охотниковъ, которыхъ оказалось 85 лучшихъ молодцовъ, изъ нихъ 45 поляковъ и 40 русскихъ, и одинъ офицеръ; когда солдаты начали стрѣлять батальнымъ огнемъ, то бунтовщики обратились въ бѣгство, видя, что солдатская пуля никого не щадила: люди и лошади валялись у нихъ какъ подвошенные. Изъ числа смѣльчаковъ, бросившихся поправлять мостъ, на полунастланномъ мосту стоялъ молодой крестьянинъ 21-го года, съ дубиною въ рукѣ и винтовкою за плечами, необыкновенно рослый по лѣтамъ, красивой наружности и, по видимому, рѣшившійся на все. Офицеръ отряда охотниковъ первый сталъ пробираться на другую сторону по мостовой перекладинѣ; но когда онъ былъ въ трехъ шагахъ отъ крестьянина, тотъ со всего размаха ударилъ его по киверу и спихъ въ рѣчку; крестьянинъ заплатилъ жизнью за свою смѣлость, а офицера вытащили мокраго и невредимаго. Настлавши мостъ, казачій отрядъ преслѣдовалъ мятежниковъ, которыхъ удалось захватить до тысячи человекъ, и по прибытіи въ село всей команды они были наказаны военнымъ порядкомъ, какъ это дѣлалось въ другихъ волостяхъ; убитыхъ же 69 человекъ похоронили въ тотъ же день, въ сторонѣ отъ села, въ одной общей могилѣ, а раненыхъ (21 чел.) развезли по домамъ, оказавъ имъ возможное медицинское пособіе.

При вступленіи команды въ село, мирные крестьяне поднесли ей хлѣбъ-соль, а священникъ съ причтомъ встрѣтили ее, какъ избавителей, съ хоругвями, иконами, святою водою и колокольнымъ звономъ. На другой день послѣ этого замѣчательнаго столкновенія, прибылъ начальникъ губерніи, жандармскій штабъ-офицеръ съ 12 нижними чинами, четыре баталіонные офицера, управляющій палатою государственныхъ имуществъ и многіе губернаторскіе чиновники; для разслѣдованія всего происходившаго, была наряжена военно-судная коммисія, которая, разобравъ всѣ обстоятельства этого дѣла, присудила наиболѣе виновныхъ наказать

пшицрутенами по 1,000, а вожаковъ по 4,000 ударовъ и сослать на каторжные работы; увлеченнымъ же въ это дѣло главными зачинщиками дать отъ 200 до 600 ударовъ, однихъ выслать на поселеніе, а другихъ оставить дома подъ строжайшимъ надзоромъ полиціи. По представленіи военно-судною комиссіею производимаго дѣла о возмущеніи крестьянъ на высочайшее усмотрѣніе, послѣдовала монаршая милость его величества—смягчить виновнымъ наказаніе на одну треть, снизойдя къ ихъ невѣжественному заблужденію. Исполненіе конфирмаціи происходило въ г. Шадринскѣ, въ присутствіи собранной массы народа, съ цѣлью повліять на болѣе неблагонадежныхъ крестьянъ и тѣмъ предупредить на будущее время подобныя возмущенія.

Чтобы ознакомить читателя съ совершавшимися въ то время неистовствами и злодѣйствами, когда чиновники и прочія лица были заключены въ церкви и могли сдѣлаться жертвами свирѣпости мятежниковъ, доходившихъ до самыхъ безчеловѣчныхъ истязаній, до неслыханныхъ оскорбленій духовенства и святынн храма, я приведу нѣкоторые факты, случившіеся въ разныхъ мѣстахъ уѣзда. Въ одномъ изъ селеній Батуринской волости, во время богослуженія на пасхальной недѣлѣ, бунтовщики, собравшись толпою, съ насиліемъ, кривомъ и ругательствами недостойными христіанина, ворвались въ церковь, схватили за волосы волостнаго старшину, съ побоями вытащили его почти полумертваго на улицу, обнажили въ церковной оградѣ и повели къ колодезю, гдѣ съ часъ обливали холодною водою; потомъ, привязавъ его къ тыну огорода, распяли какъ Христа, били его, плевали въ лицо, бросали пескомъ въ глаза и въ довершеніе всего безпрестанно лили на него ведрами колодезную воду; такому же истязанію подвергнулся и волостной писарь; о тѣхъ же крестьянахъ, которые не участвовали съ ними въ бунтѣ, мятежники заключили, что и они за-одно съ чиновниками и духовенствомъ участвовали въ продажѣ ихъ Министерству, поэтому ихъ подвергнули тѣмъ же мученіямъ, драли и били веревками и палками до того, что многіе остались мертвыми на мѣстѣ. Священникъ того прихода, уже не первой молодости, извѣстный своею добродѣтелью и примѣрною жизнью, видя возмутительные поступки крестьянъ, по окончаніи обѣдни вышелъ въ собравшейся толпѣ съ крестомъ въ рукахъ и, осѣнивъ ихъ крестнымъ знаменіемъ, произнесъ: «Христосъ вос-

кресе, православные христiане!» Тогда одинъ изъ толпы съ яростью подбѣжалъ къ нему, выхватилъ изъ его рукъ крестъ, бросилъ его подъ ноги и сказалъ: «вотъ тебѣ и Христосъ воскрес!» указывая на бездыханныхъ и замученныхъ крестьянъ. Не болѣе какъ минутъ десять спустя, нѣсколько подобныхъ же безумцевъ вошли въ храмъ не снимая шапокъ, и принялись всюду отыскивать «царскій указъ съ золотою строчкою;» не найдя ничего внутри храма, они подымали даже половицы, забрались въ алтарь, тоже въ шапкахъ, подняли дарохранительницу и одѣяніе съ престола и, не найдя тамъ указа, вышли изъ церкви съ непечатными ругательствами.

Въ Каргопольской волости происходило то же самое, съ тою разницею, что, схвативъ священника въ алтарѣ, мужики нестово дергали его, толкали во всѣ стороны, крича: «подай намъ царскій указъ», и, снявъ съ него одежду, опоясали его бичевкой и спустили въ мелководную рѣчку Усть-миаждъ, по которой водили бѣднаго священника нѣсколько часовъ отъ берега къ берегу и, подводя къ нему, всякій разъ останавливались, ругали какъ кто вздумалъ, приговаривая: «Развѣ мало тебѣ мірской руги, видишь-ка, еще вздумалъ брать за насъ деньги съ Министерова! экой мошенникъ, такъ покупайся же, батька!»

Въ Бѣлоожской волости пойманныхъ старшинъ, засѣдателей и сельскихъ писарей наказывали жестокимъ образомъ; обнаживъ ихъ и избивъ до полусмерти, поливали ихъ тѣло холодною водою и отогрѣвали на теплыхъ печахъ, повторяя подобныя мученія по нѣсколько разъ. Духовенство этой волости, благодаря Бога, избѣгло рукъ этихъ злодѣевъ единственно потому, что въ самомъ разгарѣ мятежа бунтовщикамъ дали знать, что екатеринбургская команда, прибывшая въ село Батуриновское, усмирляла огнестрѣльнымъ оружіемъ необузданную толпу крестьянъ.

Въ Верхъ-теченской волости неистовства крестьянъ не достигли такихъ чудовищныхъ размѣровъ, такъ какъ вскорѣ разнеслась вѣсть о приближеніи военной команды, а наиболѣе разсудительные и благонадежные крестьяне Ухъянской волости отправили изъ среды своей депутацію къ чиновникамъ, съ увѣреніемъ, что собрать ихъ были вовлечены въ мірское дѣло недоброжелательными и безсовѣтными людьми, что они омоютъ слезами ихъ позорное преступленіе, съ чистосердечнымъ раскаяніемъ про-

сятъ пощады и помилованія и вмѣстѣ съ тѣмъ просятъ разрѣшить имъ доставить прибывшему отряду самую лучшую провизию и все что только имъ понадобится, безъ малѣйшаго вознагражденія.

Хотя въ Долматовской волости бунтовщики и наказывали вначалѣ самопроизвольно всѣхъ попадавшихся имъ подъ руку, но особенно безчеловѣчныхъ поступковъ, какимъ-то чудомъ, не было совершено ими, а злодѣйскій замыселъ, возникшій у нихъ въ концѣ бунта, въ счастію, не удалось выполнить.

Въ пятидесяти верстахъ отъ г. Шадринска, по исетскому почтовому тракту, по лѣвой сторонѣ отъ протекающей въ этой мѣстности рѣчки, лежитъ заштатный городъ Долматовъ, въ которомъ находилось тогда волостное правленіе, и тутъ же съ давняго времени возвышается монастырь, въ которомъ хранятся мощи св. Долмата; въ историческомъ отношеніи монастырь этотъ получилъ свое начало съ прошлаго столѣтія, въ царствованіе императрицы Екатерины Великой, именно со временъ пугачевского бунта; отсюда Пугачевъ со своими шайками дѣлалъ набѣги на мирныхъ жителей; безпощадно истребляя огнемъ и мечомъ города и селенія, которые не желали присоединиться къ нимъ и раздѣлять его образъ мыслей; въ случаѣ неудачнаго набѣга, Пугачевъ возвращался въ г. Долматовъ, какъ въ свою главную резиденцію, чтобы снова набирать свои шайки для набѣговъ въ другія мѣстности; а чтобы болѣе обезпечить себя отъ преслѣдованія правительства и не лишиться запасовъ, необходимыхъ для шайки, Пугачевъ нашелъ необходимымъ оградить монастырскую землю вкрѣпостною стѣною, примѣняясь къ тогдашнимъ требованіямъ военнаго искусства, поставить на нее разнокалиберныя орудія, а для ружейной стрѣльбы подѣлать бойницы; боевые снаряды, оружіе и всякіе запасы помѣщались въ особо выстроенномъ арсеналѣ и еще въ другомъ зданіи. По усмиреніи Пугачева и всѣхъ его шаекъ, Екатерина Великая повелѣла сохранить всѣ найденныя въ монастырѣ военные снаряды; въ память столь важнаго событія не были разрушены даже вкрѣпостныя стѣны вокругъ монастыря и онѣ вмѣстѣ съ прочимъ оружіемъ сохранялись нетронутыя вплоть до описываемаго нами возмущенія крестьянъ 1842 и 1843 годовъ, и кто бы могъ подумать, что настанетъ

часть, когда эти пугачевскія орудія придется употребить для усмиренія крестьянскаго мятежа!

Толпа до двухъ тысячъ человекъ, окончивъ свою расправу въ волостномъ правленіи и не найдя тамъ царскаго указа, котораго только и доискивалась, обратилась въ городъ къ жителямъ торгующаго сословія, съ насиліемъ и угрозами требуя указать имъ непременно, гдѣ таковой указъ хранится, какъ это имъ должно быть не безызвѣстно. Трудно допустить, чтобы извѣстіе, сообщенное крестьянамъ, было выдуманно злонамѣренно; скорѣе его пустили въ ходъ съ цѣлью избавиться отъ мятежниковъ, которые каждую минуту могли причинить горожанамъ какойнибудь вредъ; какъ бы то ни было, извѣстно лишь то, что когда бунтовщики стали очень настойчиво допрашивать одного изъ горожанъ, то онъ сказалъ, что, будучи на Ирбитской ярмаркѣ въ февралѣ мѣсяцѣ по торговымъ дѣламъ, слышалъ, будто царскій указъ уже давно хранится въ монастырѣ и при немъ какая-то грамота отъ г. Министерова о продажѣ ихъ, присланная монастырскому духовенству, а гдѣ она спрятана—въ церкви или въ рукахъ архимандрита, того никто не знаетъ. Чего же было еще нужно легковѣрнымъ и озлобленнымъ крестьянамъ? Не разсуждая и долго не думая, толпа вдругъ заорала: «ребята, ребята, къ монастырю! скорѣе къ монастырю! Благодаря Создателя, наконецъ докопались до царскаго указа нашего батюшки, глядь-ка и писульку Министерову о продажѣ нашего православнаго міра сыщемъ; поди-ка и деньги приложены въ рукахъ монаховъ-мошенниковъ! Бейте же ихъ пуще, кто какъ и куда попадетъ, не жалѣйте ихъ, ребята, міръ отвѣчаетъ за все, не зѣвайте отнять у нихъ всѣ деньги, кружки въ церкви разбить, со всѣхъ образовъ ризы снять; міръ знаетъ какъ всѣмъ распорядиться!!»

Съ такимъ отчаяннымъ намѣреніемъ и съ убѣжденіемъ, что побѣда на ихъ сторонѣ, мужики бросились прямо въ монастырю. Казначей этого монастыря, отецъ Николай, уроженецъ Верхотурскаго уѣзда Пермской губерніи, изъ крестьянскаго сословія, не болѣе 42-хъ лѣтъ отъ роду, небольшого роста, горбатый съ рожденія, замѣчательный природнымъ умомъ и необыкновенно начитанный, предъугадалъ заранѣе, что необузданная толпа бунтовщиковъ не оставитъ своимъ посѣщеніемъ братьевъ-монаховъ, и задолго еще до ихъ прибытія собралъ наиболѣе молодыхъ мона-

ховъ, монастырскую прислугу и чернорабочихъ, всего до полутора часа человекъ, распредѣлилъ имъ мѣста по всей крѣпостной стѣнѣ, велѣлъ зарядить всѣ пушки холостыми патронами за неимѣніемъ боевыхъ снарядовъ и сталъ ожидать нападенія бунтовщиковъ.

Около четырехъ часовъ вечера, вдругъ показалась толпа мятежниковъ и съ громкимъ крикомъ бросилась къ стѣнамъ монастыря; отецъ Николай, подпустивъ ихъ на разстояніе 200 сажень отъ монастыря, распорядился сдѣлать одинъ за другимъ два залпа изъ всѣхъ орудій; толпа мужиковъ сблизилась плотнѣе; тогда отецъ Николай отдалъ приказаніе, зарядивъ орудія холостыми патронами, насыпать въ дула гороху, который имѣлся у прислуги подъ рукою, и направить выстрѣлъ по ногамъ атакующихъ; два подобные залпа принудили толпу отступить на правый берегъ рѣчки; съ наступленіемъ же ночи мужики оставили всякую попытку на новое нападеніе и расположились лагеремъ на берегу рѣки. Досадуя на неудачу, они сначала долго шумѣли, но, наконецъ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, всѣ заснули ерѣвнымъ сномъ, поставивъ предварительно на мосту тридцать человекъ караульных; но и тѣ послѣдовали примѣру своихъ товарищей и вскорѣ весь лагерь спалъ непробуднымъ сномъ. Отецъ Николай слѣдилъ за каждымъ движеніемъ бунтовщиковъ и рѣшился сдѣлать вылазку съ цѣлью захватить хотя бы нѣсколько человекъ караульныхъ и выпытать у нихъ дальнѣйшіе замыслы. Снарядивъ на-скоро нѣсколько человекъ монастырской прислуги, выбравъ монаховъ побойчѣе, отецъ Николай сталъ впереди ихъ и разными выходами вышелъ изъ монастыря; напавъ внезапно на форпостъ, ему удалось захватить пять человекъ, и въ числѣ ихъ двухъ главнѣйшихъ бунтовщиковъ; мужики были до того озадачены внезапнымъ нападеніемъ, что не оказали никакого сопротивленія и только въ стѣнахъ монастыря опомнились, увидя себя въ рукахъ монаховъ. Возвратившись въ монастырь, отецъ Николай приказалъ на-ерѣпку запереть всѣ входы, а плѣнныхъ своихъ тотчасъ заковать въ цѣпи и разбѣсить по одиночѣй. Едва успѣли монахи войти въ монастырскую ограду, какъ въ лагерь произошло сильное смятеніе, отовсюду слышались возгласы: «Ловите, ловите мошенниковъ-монаховъ, на клочки ихъ ра-

зорвать, увели нашихъ мірянъ; отбивайте ихъ, ребята, во что бы то ни стало, ну-ка, ну-ка, поскорѣе!»

Съ этими словами мужики кинулись въ монастырю, но усиленные выстрѣлы изъ пушекъ и ружей заставили ихъ бѣгомъ возвратиться въ лагерь, гдѣ они оставались въ бездѣйствіи вплоть до обѣденной поры; тѣмъ временемъ прискакалъ исправникъ съ большимъ отрядомъ казаковъ и оцѣпилъ толпу такъ ловко, что ни одинъ изъ мужиковъ не успѣлъ ускользнуть. Не прошло полчаса, какъ явилось подрѣзание изъ отряда исправника и команда во всемъ составѣ; тогда тутъ же на мѣстѣ была учинена надъ бунтовщиками расправа, потомъ главныхъ зачинщиковъ и монастырскихъ плѣнныхъ съ карауломъ отправили въ тюрьму, а остальныхъ отпустили по домамъ.

Начальникъ губерніи, увѣдомленный о происшедшемъ въ г. Долматовѣ, счелъ долгомъ, на обратномъ пути въ Пермь, посѣтить монастырь, чтобы лично изъявить свою благодарность всѣмъ участвовавшимъ въ этомъ дѣлѣ, и въ особенности благодарить отца Николая, какъ главнаго распорядителя, которому, въ знакъ общаго къ нему уваженія и благодарности, въ присутствіи всѣхъ монаховъ и собравшихся чиновниковъ, избранныхъ крестьянъ и горожанъ, вручилъ образъ ангела его съ превосходнымъ украшеніемъ, и немедленно донесъ государю о славныхъ дѣйствіяхъ монаховъ и отца Николая.

Его императорское величество, получивъ донесеніе начальника губерніи, повелѣлъ казначея Долматовскаго монастыря представить къ особѣ его величества, и, по прибытіи его въ Петербургъ, соизволилъ изъявить ему лично монаршее свое благоволеніе, удостоивъ его орденомъ св. Станислава 3-й степени. Петербургская публика, наслышавшись о подвигахъ замѣчательнаго зауральскаго монаха и желая его видѣть, собралась на Дворцовой площади и, при выходѣ его изъ дворца, встрѣтила его восторженными криками и сопровождала его вплоть до того дома, въ которомъ онъ остановился.

Въ Камышловскомъ уѣздѣ безпорядки и неповиновеніе начальству произошли первоначально въ двухъ сельскихъ обществахъ того уѣзда, въ волковскомъ и валиновскомъ ¹⁾ Троицкой волости, а от-

¹⁾ Трудно ручаться за достоверность слуха, передаваемого тогдашними старожилыми, что будто бы, когда крестьяне этихъ двухъ обществъ до 1812 г.

туда распространились не только по всему уѣзду, но проникли и въ два сосѣдніе уѣзда: Шадринскій и Ирбитскій; поводомъ къ возмущенію былъ все тотъ же нелѣпный слухъ, будто чиновники, духовенство и волостное начальство продали крестьянъ какому-то помѣщику Министерову. Первые пустившіе этотъ слухъ въ народъ были, какъ обнаружила военно-судная коммисія, два крестьянина того уѣзда, Гриша—по фамиліи Боровскій, 22-хъ лѣтъ, довольно грамотный, и Иванъ Карповъ, 26-ти лѣтъ, тоже грамотный, къ которымъ впослѣдствіи еще присоединился крестьянинъ Челябинскаго уѣзда, бывший Оренбургской губерніи, Суворовъ, старовѣръ. Эти три вожака имѣли на своихъ товарищей громадное вліяніе; каждое ихъ слово принималось за истину; куда бы они ни прѣѣзжали, народъ всюду встрѣчалъ ихъ съ почестями и угощеніемъ, снабжая ихъ деньгами; бабы также не отставали и жертвовали имъ свои холсты, считая ихъ избавителями міра, явившимися для ихъ спасенія. Бунтовщики собирались толпами, какъ и въ Шадринскомъ уѣздѣ; буйства, варварскія истязанія, оскорбленія духовенства—далеко превосходили все описанное до сихъ поръ.

Чиновники, узнавъ о происшедшихъ безпорядкахъ, тотчасъ разѣѣхались по волостямъ съ цѣлю разъяснить крестьянамъ ихъ заблужденія и увѣрить ихъ, что всѣ рассказы, переданные имъ неблагонамѣренными людьми, совершенно ложны и что никто не продавалъ ихъ какому-то Министерову. Но всѣмъ стараніямъ чиновниковъ противодѣйствовали вожаки, которые то и дѣло подстрекали народъ, уговаривая его отбиваться всею силою отъ г. Министерова, не давать ни запаснаго хлѣба, не садить картофеля, не собирать съ бабъ холстовъ; «развѣ не вѣстимо намъ, что мы уже другой разъ отдѣлены», говорили

состояли въ экономическомъ управленіи и спустя нѣсколько лѣтъ поступили въ государственные, то, находясь въ первомъ состояніи, они оказывали самое упорное неповиновеніе своимъ властямъ, за что впоследствии имъ должно наказаніе и, кромѣ того, по распоряженію правительства, приказано было на границахъ ихъ владѣнія въ разныхъ мѣстахъ воздвигнуть черныя столбы, съ надписью: «За упорное неповиновеніе своимъ властямъ въ 1808 году». Однако, теперь таковыхъ столбовъ и слѣдовъ не осталось: вѣроятно, отъ времени они разрушились.

М. В.

они; «ради Бога, вѣрнитесь, міряне, знайте, что нашъ міръ великое дѣло».

Слушая такія рѣчи, бунтовщики становились все смѣлѣе, наконецъ, принялись «чинить расправу» надъ чиновниками, духовенствомъ и, въ особенности, надъ волостнымъ начальствомъ и тѣми крестьянами, которыхъ они считали измѣнниками. Первыми попались въ руки крестьянъ окружной начальникъ и исправникъ, которыхъ они раздѣли донага и, поставивъ среди болота, бросали въ нихъ грязью, ругая самыми непристойными словами, а помощники окружнаго начальника и члены земской полиціи подверглись еще болѣе жестокимъ истязаніямъ. Одинъ изъ этихъ помощниковъ, по фамиліи Огневъ, успѣвъ уговорить бунтовщиковъ оставить свои сборища, возвращался въ городъ, но по дорогѣ, въ одной волости, его задержала толпа собравшихся крестьянъ, которые, остановивъ экипажъ, вытащили его за волосы и, толкая его, передали въ руки міра, говоря: «Вотъ вамъ, ребята, пойманный тотъ мошенникъ, который продалъ нашъ міръ, да, гляди-ка, обмануль и вооружилъ злодѣи противу насъ собратовъ, а дураки-то наши ему и повѣрили, что насъ не продали; бейте же его, да бейте пуще, до смерти». Мужики неистово кричали: кто требовалъ розогъ, чтобы засѣчь его, кто веревокъ—повѣсить его на первой березѣ, но вдругъ появился Гриша Боровскій и закричалъ повелительно:

— Не троньте его, зачѣмъ спѣшить, надобно что нибудь лучше придумать для этого обманщика, лгуна; не стоитъ объ него и рукъ пачкать; теперь раздѣньте его до рубашки, посадите его въ каталажку (мѣсто ареста) на хлѣбъ-на-воду; а между тѣмъ я прикажу, какъ рѣшить его дѣло; мундиръ же, шпагу и шляпу отнести въ присутствіе волостнаго правленія; но, смотрите, не трогать, вѣдь это все есть царское, а не г. Министерова.

Приказъ Гриши былъ исполненъ безъ малѣйшаго противорѣчія; Огнева тотчасъ посадили въ каталажку и четверо сутокъ томили въ мучительной неизвѣстности относительно его судьбы; между тѣмъ, каждый день его по нѣсколько разъ выводили для поруганія и выслушиванія пересудъ объ избраніи ему самой мучительной казни. Наконецъ, подъ предѣдательствомъ Гриши, состоялся приговоръ, что на другой день, въ 10 часовъ утра,

въ присутствіи всей волости, его посадятъ на кобылу ¹⁾). Но, въ великому счастью, злодѣи не успѣли привести свой замыселъ въ исполненіе, такъ какъ на разсвѣтѣ неожиданно прибыли двѣ команды, пермская и екатеринбургская, съ четырьмя орудіями и отрядомъ въ 200 человѣкъ башкирцевъ, и тутъ же захватили около 1,500 человѣкъ бунтовщиковъ; виновныхъ наказали по заслугамъ, а вожаковъ, Гришу и другихъ, заковали въ кандалы и отправили въ острогъ; послѣ этихъ энергическихъ мѣръ, о продажѣ Министерству не было и слуха, бунтовщики стали тише воды, ниже травы. Помощника окружнаго начальнива освободили изъ каталажки, но онъ почти лишился разсудка и столь неожиданное избавленіе отъ мучительной смерти до того потрясло организмъ несчастнаго, что непобѣдимое чувство боязни осталось въ немъ навсегда; если кто входилъ въ его комнату, то онъ опрометью бросался прятаться; въ послѣдствіи онъ получилъ пляску св. Витта, и, не проживъ двухъ лѣтъ, скончался въ тяжкихъ страданіяхъ.

Главный бунтовщикъ Гриша Боровскій былъ уроженецъ той волости, въ которой произошло столь возмутительное и всѣмъ памятное событіе съ помощникомъ окружнаго начальнива. Гришу я зналъ съ дѣтства за мальчика бойкаго, одареннаго природнымъ умомъ, но въ глазахъ его всегда сверкала какая-то за-таенная злоба, не обѣщавшая ничего утѣшительнаго его бѣднымъ родителямъ. Всѣ его способности были направлены въ другую сторону, онъ былъ очень тщеславенъ, самолюбивъ, дерзокъ; понимая легковѣрность своихъ земляковъ и надѣясь получить отъ нихъ щедрое вознагражденіе, онъ сталъ всюду разглашать незлые слухи о продажѣ крестьянъ Министерству; крестьяне повѣрили ему, взбунтовались, и онъ достигъ своей цѣли; вина его въ этомъ дѣлѣ была тѣмъ больше, что онъ дѣйствовалъ не подъ вліяніемъ искренняго убѣжденія, а единственно изъ корыстолюбія, и умышленно совращалъ другихъ съ пути истины.

¹⁾ Кобыла, на нарѣчій крестьянъ, означаетъ заостренный колъ. Подобнаго рода кобыла, подъ вечеръ, наканунѣ экзекуціи, вколочена была въ землю, а вокругъ нея поставили четыре пустыя винныя бочки, для того, чтобы палачамъ было удобнѣе посадить на нее осужденнаго. М. В.

Нельзя также пройти молчаніемъ неслыханныхъ злодѣйствъ, совершенныхъ надъ волостными чинами и духовенствомъ этой волости; писаремъ служилъ въ ней нѣкто Канахинъ, человѣкъ 38-ми лѣтъ, крѣпкаго сложенія, всегда разсудительный, трезвый, примѣрно исполнявшій свои обязанности и всегда готовый помочь ближнему въ бѣдѣ. 23-го апрѣля, въ Георгіевъ день—престольный праздникъ всей волости, писарь, возвратившись домой отъ обѣдни, ожидалъ къ себѣ священника со крестомъ; когда молебенъ кончился, онъ увидѣлъ вдругъ изъ окна, что по направлению къ его дому двигалась масса народа, до трехъ тысячъ человѣкъ, вооруженныхъ всевозможнымъ оружіемъ. Объятый страхомъ, писарь поспѣшно бросился съ своимъ семействомъ, съ священникомъ и работниками запереть накрѣпко всѣ двери, а сами убѣжали на чердакъ, думая тамъ скрыться отъ разъяренной толпы; народъ съ громкимъ крикомъ остановился передъ домомъ; видя, что всѣ входы заперты, мужчины тотчасъ бросились къ окошечкамъ и, выбивъ стекла, ворвались въ домъ, уничтожая все попадавшееся подъ руку; лучшія вещи они забрали себѣ и принялись, наконецъ, искать хозяина дома; не найдя его въ комнатахъ, они послали нѣсколько человѣкъ разобрать крышу, догадавшись, что онъ укрылся на чердакѣ. Около 300 человѣкъ, забравшись черезъ разобранную крышу на чердакъ, схватили писаря за волосы, повалили спиною на крутую лѣстницу, шедшую съ чердака, и стащили въ такомъ положеніи за ноги въ сѣни, съ разбитою головою отъ нанесенныхъ ему ударовъ. Затѣмъ, обнажили донага, надѣли ему на шею петлю и вытащили на улицу; тутъ навинулась на него вся толпа: кто билъ его, кто обливалъ холодною водою, иные топтали ногами по животу и груди, плевали, бросали грязью въ лицо, ударяли кистенями и, въ довершеніе всего, по приказанію крестьянина Садчиковъ (старообрядца), притащили ведра два битаго стекла и принялись тыкать его по всему тѣлу несчастнаго; затѣмъ, поволокли его къ волостному правленію и, прибывъ туда, стали обливать его водою, чтобы привести его въ чувство для дальнѣйшихъ мученій; убѣдившись, наконецъ, что писарь уже умеръ, надѣли ему на ноги и шею конскіе желѣзные путы и, втащивъ въ присутствіе волостнаго правленія, положили на солому и приволали

въ стѣнѣ, не допустивъ даже его семейства совершить надъ нимъ христіанскій обрядъ погребенія.

Когда писаря вытащили на улицу, то священнику, бывшему на чердакѣ, велѣли стоять у воротъ дома съ крестомъ въ рукахъ и со всѣмъ причтомъ, какъ будто бы осужденныхъ также на истязаніе. Смотри на все происходившее, священникъ обливался слезами, произнося шопотомъ: «Господи, великій нашъ Творецъ! образуми православный христіанскій міръ, а душу грѣшнаго страдальца и мученика за правое дѣло пріими въ Свое царство небесное».

Нѣсколько человѣкъ бунтовщиковъ, оставивъ писаря, подошли къ священнику и, потрепавъ его по плечу, сказали: «будетъ, будетъ, батька, не объ чемъ такъ больно хнызать и печалиться; смотри-ка, продалъ насъ мошенникъ, вотъ ему подѣломъ и мука; а лучше-ка, батька, благослови міръ окончить благополучно начатое доброе дѣло; а коли не хочешь, убирайся по здорову, а если прогнѣваешь нашъ православный міръ, то и тебя не пощадимъ, тогда будетъ больно плохо; убирайся, убирайся скорѣе со крестомъ, хотя въ самому чорту! побываемъ и у тебя въ гостяхъ, дожидайся насъ, батька». Священникъ, полуживой, едва передвигая отъ испуга ноги, ползлся домой и, зайдя по пути въ церковь, палъ на колѣна и долго молился за душу пострадавшаго писаря.

Тѣло волостнаго писаря лежало въ волости, прикованное къ стѣнѣ, до нашего прибытія въ село съ командою; желая убѣдиться въ истинѣ дошедшихъ до насъ слуховъ, мы вошли въ комнату, гдѣ на полу лежало обнаженное тѣло покойнаго; растерзанный трупъ былъ чернѣе угля, вздутъ и окровавленъ — потрясающее зрѣлище, особенно для насъ, знавшихъ Канахина лично.

Покончивъ съ волостнымъ писаремъ, нѣкоторые изъ бунтовщиковъ отправились въ церковь, а другіе къ священнику, чтобы привести его туда. Церковныя двери были заперты; тогда мужики, долго не думая, разрубили ихъ топорами и, съ крестомъ, не снимая шапокъ, ворвались въ церковь и стали вездѣ исвать царскаго указа, входили даже въ алтарь, и разобрали тамъ нѣсколько половицъ. Когда же привели къ нимъ перепуганнаго

священника, то они съ угрозами требовали отъ него того же указа и, не получивъ его, немилосердно стали бить его булавами по спинѣ и бокамъ; отъ дальнѣйшихъ истязаній спасъ священника распространившійся неожиданно слухъ о прибытіи войска въ г. Камышловъ; однако, бунтовщики успѣли еще пробраться на колокольню, гдѣ нашли нѣсколькихъ крестьянъ и женщинъ съ дѣтьми, укрывшихся отъ мести своихъ собратьевъ; всѣхъ ихъ бунтовщики потащили въ волость на судъ, не исключая и малолѣтнихъ дѣтей, которыхъ навазывали розгами, смотря по возрасту, приговаривая: «помните, что міръ есть дѣло великое»; потомъ всѣхъ отпустили по домамъ.

Команда, прибывши въ село, раздѣлалась съ бунтовщиками энергично, назначивъ каждому, смотря по винѣ, отъ 600 до 800 ударовъ розгами. Послѣ того водворился миръ и крестьяне принялись за земледѣльческія работы.

Главными виновниками въ истязаніи писаря Канахина были крестьяне Коминъ и Садчиковъ, на которыхъ имѣлъ большое вліяніе Гриша Боровскій. Садчиковъ былъ изъ бѣдняковъ, шатавшихся по всему уѣзду, переходя изъ одного селенія въ другое за подаваніемъ, которымъ онъ только и могъ пропитать свою семью. Писарь Канахинъ постоянно помогалъ ему деньгами и пищею, и даже въ послѣдній день жизни, при выходѣ изъ церкви, увидавъ Садчикова въ числѣ нищихъ, подалъ ему нѣсколько грошей, сказавъ: «зайди ко мнѣ, голубчикъ, на домъ, тебя накормятъ». Не думалъ онъ въ ту минуту, что этотъ же самый нищій такъ жестоко отплатитъ ему за его благодѣянія.

Не меньше претерпѣлъ и другой волостной писарь Калугинъ; бунтовщики сложили на землѣ нѣсколько толстыхъ бревенныхъ бревенъ, наложили на нихъ спиною волостнаго писаря, раздѣтаго донага, и перекатывали по полѣньямъ до того, что содрали со спины всю кожу и повредили спинную кость; послѣ цѣлаго ряда самыхъ безчеловѣчныхъ истязаній, несчастный, наконецъ, скончался въ ихъ рукахъ; тѣло этой второй жертвы вышвырнули позади волостнаго правленія и не дозволили семейству умершаго предать прахъ его землѣ.

Духовенство того отдаленнаго края, заботясь о своей паствѣ и желая вывести крестьянъ изъ ихъ пагубнаго заблужденія,

выходило въ толпѣ невѣжественныхъ бунтовщиковъ въ полномъ облаченіи, со святыми иконами, со крестомъ и хоругвами; но бунтовщики, не выслушавъ ихъ рѣчей, отвѣчали имъ ругательствами и угрозами, разоблачали ихъ чуть не донага, вырывали изъ рукъ крестъ и образа, бросая ихъ куда поцало—на землю, требовали выдачи царскаго указа, полагая, что онъ хранится въ церквахъ; встрѣтивъ однажды благочиннаго съ иконою Божьей Матери, мужики остановили его, ругали самыми непристойными словами: «ну, батька, ты въ сапогахъ щеголяешь,—приступили они,—смотри-ка еще и на лошадяхъ развѣзжаешь, а развѣ не вѣдаешь, что Іисусъ Христосъ со своими братьями (апостолами) не развѣзжалъ на лошадяхъ, а ходилъ пѣшкомъ, да босикомъ; ну-ка, ребята, снимите съ батьки сапоги!» Нѣсколько человѣкъ изъ толпы бросились къ священнику, повалили его на землю, сдернули сапоги и снова поставили его на ноги. Несчастный отъ ужаса и страха трясся какъ осенній листъ; наконецъ, пошелъ къ телѣгѣ, думая, что этимъ дѣло и кончится; но народъ съ яростью закричалъ: «погоди-ка, погоди-ка, батька! еще побаемъ съ тобою и поглядимъ, что ты утачилъ у православныхъ мужичковъ».

Оглядѣвъ всѣ лушочки и карманы, мужики обратились къ священнику со словами: «видишь-ка, батько, нашъ Спаситель не обиралъ денегъ, въ голубецъ (такъ называемое подполье) не лазилъ съ дьякономъ не спрося хозяевъ и не таскалъ оттудова масла, яицъ и всякаго нашего трудового добра; такожъ, батько, свадьбы, молебны—и нашъ братъ бѣднякъ не продавалъ до послѣдней коровушки, чтобы оплатить тебѣ; крѣпко же ты обиждалъ насъ съ причтомъ, и землю-то самую лучшую у міра захватилъ; а ругу-то все подай тебѣ, поди-ка, побольше презняго; глядишь, ты еще едва до дома доѣхалъ, а тутъ чортъ и матушку несетъ, давай нашихъ бабъ теревить, то холсты, то моты, то кудельку и всякую всячину; смотришь, вся телѣга обывательская нагружена, а подъ матушку подай-ка особую еще телѣгу; тутъ же пихаетъ и корзины съ курочками, гусятками; корма положъ еще хозяйнъ, крупки да пшенки. Согрѣшили мы предъ Господомъ Богомъ! всякій насъ обираетъ, огрѣваетъ; съ трудомъ вносимъ царскую подать, сохрани Создатель—недонма,

то господа говорятъ: мужики неисправны, лѣнтян, надо ихъ драть розгами; вотъ какая охазія, все за одно, чего подѣлаешь! Чего тебѣ, батько, не доставало отъ православнаго христіанскаго міра, надо было еще насъ продать Министерову и взять съ него пудъ денегъ; будетъ, довольно міръ протерпѣлъ отъ тебя и твоихъ длинноволосыхъ; теперь наше мірское дѣло—съ тобою порядкомъ раздѣлаться за всѣ проказы; нутка, иди-ка поближе». Священникъ, едва живой, не шевелился; у него тутъ же отобрали все пожертвованное въ прочихъ селеніяхъ, привязали за поясъ свитою или соломенною веревкою, прицѣпили ее сзади къ телѣгѣ и въ такомъ видѣ провели шесть верстъ до села, по самой невыносимой, грязной, кочковатой дорогѣ, съ непристойными пѣснями и ругательствами. Собравшіеся въ село вожаки бунтовщиковъ, вида благочиннаго въ столь жалкомъ положеніи, не стали наносить ему болѣе оскорбленій и отпустили его домой. Спустя нѣсколько времени, священникъ получилъ тифозную горячку вслѣдствіе сдѣланной имъ шести-верстной прогулки, и скончался въ тяжкихъ страданіяхъ.

Не могу также умолчать о тѣхъ безобразныхъ зрѣлищахъ, которыхъ были свидѣтелями горожане города Камышлова. Крестьяне пригородной волости, поймавъ кого-либо изъ волостныхъ членовъ или изъ своихъ собратьевъ, подозрѣваемыхъ ими въ измѣнѣ, обнажали ихъ донага и, привязавъ въ такомъ видѣ къ телѣгѣ, проводили по главной улицѣ города на мірской судъ, угрожая горожанамъ, если ихъ вдумаютъ останавливать, сжечь городъ до тла, а чиновниковъ и семейства ихъ вырѣзать отъ мала до велика. Подобныя угрозы могли устрашить хоть кого, однако, нашлось нѣсколько лицъ болѣе энергичныхъ, которыя рѣшились вооружиться противъ бунтовщиковъ; въ эту критическую минуту въ городѣ не было военной силы и нельзя было рассчитывать на скорое прибытіе команды, поэтому было рѣшено, чтобы городничій, не теряя времени, поставилъ городъ какъ бы на военное положеніе; вытребовали всю инвалидную команду съ ихъ начальникомъ, пригласили всѣхъ отставныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ; затѣмъ, отрядили около 250 лучшихъ кавалеристовъ и пѣхотинцевъ, чтобы оцѣпить городъ; мѣстныя же власти съ командою помѣстились въ каменномъ домѣ (откупщика И. Ѳ. Ба-

зилевскаго), устроивъ за каменною стѣной нѣчто въ родѣ баррикады. Крестьяне, узнавъ о принятыхъ мѣрахъ, перестали водить черезъ городъ несчастныхъ, попавшихъ въ ихъ руки, а стали проводить ихъ окольными путями. Только на пятый день импровизованнаго осаднаго положенія города Камышлова явилась военная команда подъ начальствомъ полковника Пащенко; мгновенно замолкли угрозы, все утихло и усмиреніе обошлось безъ огнестрѣльнаго оружія; виновные тутъ же получили каждый отъ 400 до 800 ударовъ розгами, а зачинщиковъ заключили въ тюремный замокъ.

Возмутившіеся крестьяне, придавая большую важность своему мірскому дѣлу, на сходкахъ своихъ единогласно признали необходимымъ устроить караулы при кабакахъ, съ цѣлью никого не допускать въ питьевые дома, а съ цѣловальниковъ потребовали обѣщаніе не отпускать крестьянамъ горячихъ напитковъ; въ случаѣ кто бы вздумалъ сопротивляться мірскому приказанію, того безпощадно подвергнуть тѣлесному наказанію; при томъ всѣмъ мірянамъ было сдѣлано внушеніе ничѣмъ питьевыхъ служителей не обижать, напротивъ, еще больше почитать ихъ за то, что они навѣдались, что кабатчики идутъ не заодно съ господами и попами противъ нихъ.

Главнымъ отступникомъ на Уралѣ былъ въ то время нѣкто Иванъ Ѳеодоровичъ Базилевскій, извѣстный всему краю своимъ честнымъ управленіемъ и вполне гуманными, современными взглядами; узнавъ о распоряженіи бунтовщиковъ и зная, что подъ вліяніемъ крѣпкихъ напитковъ они совершили бы вдвое больше злодѣяній, онъ доказалъ свое полнѣйшее безкорыстіе, сдѣлавъ, въ ущербъ своимъ денежнымъ интересамъ, строжайшее приказаніе всѣмъ служащимъ у него исполнить постановленіе крестьянъ—не отпускать имъ никакихъ спиртныхъ напитковъ, предупредивъ, что нарушившіе это приказаніе будутъ отрѣшены отъ должности; сверхъ того, воспользовавшись довѣріемъ крестьянъ къ его служителямъ, онъ принялъ горячее участіе въ ходѣ всего дѣла и только благодаря его содѣйствію явилась возможность пересылать тайнымъ образомъ казенныя бумаги отъ чиновниковъ къ ихъ начальству; перевоза пакеты, служители Базилевскаго съ истиннымъ самоотверженіемъ подвергали свою жизнь опасности, такъ какъ бун-

товщики останавливали и обыскивали всѣхъ проѣзжающихъ; поэтому, пересылаемыя бумаги зашивались между подошвами въ сапоги посланныхъ и ихъ-то содѣйствіе ускорило прибытіе военныхъ командъ для усмиренія бунта.

Въ Ирбитскомъ уѣздѣ, смежномъ съ Камышловскимъ, Гриша Боровскій успѣлъ возмутить крестьянъ только въ трехъ волостяхъ; онъ распространялъ между ними все тѣ же слухи о продажѣ ихъ Министерову, но крестьяне двухъ волостей ограничились лишь небольшими сходками, съ угрозами и бранью, требуя отъ волостнаго начальства «царскаго указа съ золотою строчкою» и Министерову грамоту; въ третьей волости, Бѣлослудской, лежащей въ 35-ти верстахъ отъ города, собралось до шести тысячъ человѣкъ крестьянъ. По прибытіи туда окружнаго начальника Борисова (отставной полковникъ сапернаго баталіона), извѣстнаго своими стараніями къ улучшенію быта крестьянъ, бунтовщики стали наносить ему всякаго рода оскорбленія; вытащивъ его изъ экипажа, разорвали на немъ всю одежду на мелкіе куски, били его кулаками куда попаало, наконецъ посадили въ каталажку и держали четверо сутокъ на хлѣбѣ и водѣ; выводя его въ это время по нѣскольку разъ въ день, ругали площадными словами; отставные солдаты собственными руками снимали шапку съ его головы, говоря: «руки по швамъ, тебѣ-ли, мошеникъ, стоять въ шапкѣ передъ великимъ міромъ»; угрожали сжечь его на кострѣ или распороть ему животъ, то собирались положить его на скамью, набитую гвоздями, и придумывали разныя другія звѣрства, чтобы причинить ему самую мучительную смерть; но варварскому исполненію ихъ замысловъ попрепятствовало прибытіе военнаго отряда, который успѣлъ окончательно усмирить ихъ. Духовенству крестьяне этого уѣзда не наносили рѣшительно никакихъ обидъ, только допытывались, не извѣстно-ли имъ, гдѣ хранятся бумаги о вторичной продажѣ ихъ Министерову.

Военно-судная коммисія, учрежденная по усмиреніи крестьянъ въ двухъ упомянутыхъ уѣздахъ, приступила къ разбирательству дѣла о возмущеніи ихъ и, окончивъ слѣдствіе, представила его на высочайшее благоусмотрѣніе; его величеству благоугодно было конфирмовать его въ томъ же смыслѣ, какъ и по Шадринскому

уѣзду, съ тою только разницею, что вожакамъ, возбудившимъ бунтъ своими нечестными толками, никакого монаршаго помилованія не воспослѣдовало; прочимъ наказаніе было опредѣлено въ размѣрѣ отъ 4-хъ до 5-ти тысячъ шницрутенонъ каждому, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ каторжныя работы на срокъ отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ.

Пермь.
1844 г.

М. С. Валевскій.

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ

въ 1863—1864 гг.

Записки Н. В. Берга.

(Окончаніе).

X¹⁾.

Банды на югѣ Царства передъ вторичнымъ появленіемъ тамъ Босака.—Смерть Чаховскаго.—Краткая біографія Босака.—Военныя дѣйствія въ Радомской губерніи.—Взятіе въ длѣвъ Хмѣлевскаго.—Повѣдка капитана Мадема и полковника Аляенкова внутрь края для повѣрки донесеній начальниковъ военныхъ отдѣловъ.—Отставка Ушакова.—Послѣднія банды.—Вашковскій назначенъ начальникомъ города Варшавы.—Его дѣйствія.—Аресты.—Открытіе жонда.—Послѣднія его распоряженія.—Подача адресовъ.—Балъ, данный гражданами Варшавы намѣстнику.—Оглашеніе эмансипаціи крестьянъ.—Арестованіе Траугута.—Дѣйствія Вашковскаго и Бржезинскаго.—Казнь Траугута и директоровъ.—Послѣдній приказъ начальника города Варшавы.—Арестованіе его.—Переписка изъ тюрьмы.—Казнь.—Ссылка и бѣгство Ярослава Домбровскаго.—Дѣйствія Пруссій.

На очереди у новаго жонда стоялъ вопросъ о корпусахъ и дивизіяхъ. Траугутъ предложилъ его на обсужденіе своимъ товарищамъ по управленію возстаніемъ; всѣ до одного отвергли эту мѣру, какъ въ высшей степени непрактичную, говоря, что «корпусовъ и дивизій не изъ чего будетъ строить: большихъ бандъ уже нигдѣ почти нѣтъ. А если что и удержалось гдѣ нибудь похожее на банды, дай Богъ сохранить это мѣсяць-другой хотя въ томъ видѣ, какъ оно есть. Только и на это надежды мало».

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., т. XXV, стр. 179—246; 397—428; 589—620. Т. XXV, стр. 55—88; 515—566; 707—728. Т. XXVI, стр. 59—84 259—290; 481—504.

Въ самомъ дѣлѣ, повстанское военное движеніе, на которое можно было обращать хотя какое либо вниманіе, существовало тогда единственно въ двухъ-трехъ пунктахъ южной половины Царства: въ горахъ и лѣсахъ Краковскаго и Сандомірскаго воеводствъ и въ Подлясьѣ.

Въ Краковскомъ и Сандомірскомъ бродили, послѣ Жиржинскаго боя, остатки бандъ Крука, держась сначала вблизи имѣній Чаховскаго, въ Цепелѣвскихъ лѣсахъ, Опатовскаго уѣзда Радомской губерніи, а потомъ—въ Илжинскихъ лѣсахъ, между мѣст. Цепелѣвымъ и дер. Куновымъ.

Когда узнали объ этомъ въ Радомѣ, посланъ былъ оттуда отрядъ въ три роты Могилевскаго пѣхотнаго полка и эскадронъ Екатеринбургскихъ драгунъ, подъ начальствомъ майора Тихоцкаго.

Прибывъ, 8-го августа ст. ст., въ м. Илжу, Тихоцкій расположился тамъ ночевать, а вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ собирать свѣдѣнія о баядахъ... вдругъ, ночью, на передовомъ посту, у дер. Кржижановице, завязалась сильная перестрѣлка: это были довольно-большія банды Рупцкаго, Эминовича и Цвѣка, шедшія къ западу, на Ковале-Стемпозины. Тихоцкій бросился ихъ преслѣдовать, но при самыхъ усиленныхъ маршахъ едва могъ догнать ихъ только на другой день вечеромъ, 9-го августа ст. ст., у самой дер. Ковале-Стемпозины. Пользуясь наступившею темнотою, банды, послѣ незначительной перестрѣлки, скрылись и потомъ перебравшись въ Опоченскій уѣздъ Радомской губерніи. Тихоцкій не нашель удобнымъ ихъ преслѣдовать и воротился въ Радомъ, откуда посланъ немедля, на разсвѣтъ 10-го августа ст. ст., свѣжій отрядъ такой-же силы, подъ командою майора Протопопова, который провелъ ночь въ селеніи Вирь, между мн. Пршиткой и Пршисухой, и на другой день, 11-го августа ст. ст., собравъ надлежащія свѣдѣнія, выступилъ по направленію къ близлежащему лѣсу.

Но едва отрядъ отдалился отъ Вира не болѣе какъ на полверсты,—повстанцы, скрывавшіеся въ сосѣдней рошѣ, бросились къ этому селенію и заняли его довольно большими силами. При этомъ наши замѣтили у нихъ родъ артиллеріи: деревянную пушку на колесахъ и мѣдную мортиру.

Протопоповъ остановилъ отрядъ и, построивъ его въ колонну къ атакѣ, двинулся назадъ, къ селенію Вирь. Произошелъ упорный бой, тянувшійся съ 6-ти часовъ утра до полудня, послѣ чего главныя массы, тысячи въ полторы человекъ (новобранцевъ изъ крестьянъ), бѣжали въ разныя стороны, будучи поражаемы драгунами и казаками и нисколько не думая защищаться. Только часть банды, че-

ловѣкъ 200—300, построясь въ каре, держалась нѣкоторое время около своей артиллеріи, но молодецкая атака полуэскадрона драгунъ, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Шелковникова и прапорщика Шмита, разстроила это каре и обратила въ бѣгство ¹⁾. Таковъ былъ конецъ бандъ, попавшихъ въ Радомскую губернію изъ-подъ Жиржина. Никакихъ другихъ бандъ за это время, во всей Радомской губерніи, не формировалось.

Только дѣятельная краковская организація выслала нѣсколько бандъ, изъ коихъ замѣчательныхъ было двѣ: одна, человекъ въ 500, (кажется, подъ предводительствомъ Іордана), перейдя границу близъ дер. Тропишовъ, заняла Черняховскій лѣсъ, но не успѣла еще тамъ расположиться, какъ была атакована, 3-го августа ст. ст., отрядомъ изъ м. Прошовиць, въ двѣ роты Галицкаго пѣхотнаго полка, подъ начальствомъ майора Горѣлова. Повстанцы держались не долго и опять перешли границу, при чемъ были, на нашихъ глазахъ, обезоружены австрійцами. У нихъ отобрано 200 штуцеровъ и 10 тысячъ патроновъ. Мы на своей сторонѣ захватили въ плѣнъ 77 человекъ, а около 50-ти надо считать убитыми.

Другая значительная банда, не смотря на бдительное наблюденіе нашихъ отрядовъ за границею, пробралась какимъ-то образомъ въ Олькушскіе лѣса, между 15-мъ и 18-мъ сентября ст. ст., имѣя хорошихъ и опытныхъ предводителей: бывшего офицера нашего генеральнаго штаба Владычанскаго, подъ именемъ Зарембы, и нѣкоего Отто, какъ говорятъ, венгерца по происхожденію.

Едва извѣстіе объ этомъ достигло до военного начальника Кѣлецкаго уѣзда, какъ онъ отправилъ въ ту сторону отрядъ въ 6 ротъ Смоленскаго пѣхотнаго полка, эскадронъ Новороссійскихъ драгунъ, сотню казаковъ и взводъ ракетной батареи, подъ командой полковника Шульмана.

18-го сентября ст. ст. Шульманъ отыскалъ банду Отто и Владычанскаго въ окрестностяхъ города Лелева, Олькушскаго уѣзда Радомской губерніи, подъ дер. Малый-Мельховъ. Повстанцы успѣли занять выгодную позицію, но имъ не повезло въ самомъ началѣ боя: какъ убѣждаютъ, первая напѣ пуля положила Отто, а вскорѣ затѣмъ палъ и Владычанскій, тоже сраженный пулею. Банда, потерявъ вождей, не могла держаться и углубилась въ лѣсъ. Недѣли три обей ней ничего не было слышно. Потомъ узнали, что она отыскала слѣды скрывавшагося гдѣ-то въ тѣхъ мѣстахъ, съ небольшою бандой, Хмѣленскаго—и поступила къ нему подъ команду, вмѣстѣ съ конною

¹⁾ Журналъ военн. дѣяствій, № 37, стр. 2, 3, 4.

партіей Соколовскаго, извѣстнаго подъ именемъ Искры, человека такихъ свойствъ, что жондъ велѣлъ его схватить и разстрѣлять. Это сдумалъ исполнить только любимый своими солдатами Хмѣленскій¹⁾. Составившаяся такимъ образомъ банда напала на отрядъ въ двѣ роты Смоленскаго пѣхотнаго полка и полѣскадрона драгунъ, подъ начальствомъ маіора Бентковскаго, высланнаго изъ Кѣльць за сборомъ податей. Это случилось 8-го октября ст. ст. въ дер. Оксъ, 12 верстъ отъ Малогоща. Бентковскій отступилъ съ урономъ, но узнавъ, что банда, упоенная побѣдой, расположилась, въ тотъ же самый день вечеромъ, на фольваркѣ Квилинъ, съ видимымъ намѣреніемъ тамъ переночевать, подошелъ туда въ тишинѣ и ударилъ на повстанцевъ съ такою стремительностію, что они пустились бѣжать, въ паническомъ страхѣ, бросая оружіе и не выдержавъ нашей атаки ни на одномъ пунктѣ. Самъ Хмѣленскій спасся единственно хорошимъ знаніемъ русскаго языка и находчивостію: когда бой кончился и часть войскъ, поставивъ ружья въ козлы, окружила фольварокъ Квилинъ, Хмѣленскій, скрывавшійся въ немъ, вышелъ вдругъ, безъ сюртука, и, разспрашивая у солдатъ: «гдѣ такой-то офицеръ?» (объ отсутствіи котораго изъ отряда зналъ)—пробрался въ садъ и исчезъ... солдаты скоро догадались, что это былъ какой-то повстанскій начальникъ, но ловить его уже было поздно.

Тогда же произошло, въ разныхъ пунктахъ губерніи, нѣсколько стычекъ съ мелкими бандами, частію новыми, явившимися изъ-за границы, частію остатками старыхъ. Но прибыла изъ-за границы и большая банда (въ 1,000 человекъ пѣхоты и 300 коней), подъ начальствомъ только что оправившагося отъ ранъ Чаховскаго. Переѣзда Вислу, 6-го октября ст. ст., подъ Осекомъ²⁾, Сандомірскаго уѣзда Радомской губерніи, она заняла эту деревню.

Тотчасъ по полученіи объ этомъ извѣстія, двинута туда 2-я стрѣлковая рота Галицкаго пѣхотнаго полка, но не могла ничего сдѣлать и отступила. Въ помощъ къ ней отправленъ маіоръ Новороссійскаго драгунскаго полка Чуты, съ отрядомъ въ четыре роты и эскадрономъ Новороссійскихъ драгунъ.

Узнавъ объ этомъ, Чаховскій перешелъ въ селеніе Юрковиче, съ

¹⁾ Вотъ подробности разстрѣланія Искры, отъ очевидцевъ: когда ему былъ объявленъ приговоръ жонда, онъ сталъ умолять Хмѣленскаго не приводить его въ исполненіе, показавъ ему, что онъ не снесется съ жондомъ. Хмѣленскій былъ непреклоненъ. Тогда Искра, отдавъ ему часы, сталъ на мѣсто. Выстрѣлы повергли его на землю, но онъ былъ живъ. Пришлось приколоть его штыками...

²⁾ Маіоратъ Петрова.

намѣреніемъ уйти внутрь края, но атакованъ отрядомъ Чуты, 8-го октября ст. ст. Грянулъ бой—одинъ изъ самыхъ кровопролитныхъ въ губерніи. Онъ могъ кончиться уничтоженіемъ нашего отряда, еслибъ не прибылъ къ полудню 9-го октября ст. ст., на подводахъ, новый отрядъ изъ Сташова, въ три роты, подъ начальствомъ подполковника Голубева—и эти-то роты рѣшили участь дѣла. Повстанцы были разсѣяны. Мы потеряли, однако, до полутора ста человекъ убитыми и ранеными,—по крайней мѣрѣ, такое число показано въ Журналѣ военныхъ дѣяствій ¹⁾).

Чаховскій ушелъ съ кавалеріей въ Илжинскіе лѣса. За нимъ отправленъ летучій отрядъ въ 54 человекъ драгунъ Екатеринославскаго полка, 10 казаковъ и 75 стрѣлковъ Могилевскаго пѣхотнаго полка, при чемъ послѣдніе посажены на подводы. Начальство надъ этимъ отрядомъ вѣрено поручикамъ сказаннаго драгунскаго полка, Асіеву и Мѣдянову, уже известнымъ въ тѣхъ мѣстахъ по нѣсколькимъ удачнымъ партизанскимъ дѣяствіямъ противъ разныхъ мелкихъ бандъ. Пѣхотой командовалъ подпоручикъ Вороонецъ.

Послѣ самаго неслышанно-неутомимаго преслѣдованія, отряду удалось настигнуть Чаховскаго, 25-го октября ст. ст., близъ д. Кремна, гдѣ онъ собиралъ тулупы. Чаховскій, смѣтивъ, что дѣло плохо, хотѣлъ прибѣгнуть къ обыкновенному способу спасенія повстанцевъ: углубиться въ лѣсъ, который былъ оттуда много-много въ верстѣ, идя полосой вдоль рѣчки Кремнянки. Но драгуны, въ числѣ 25-ти человекъ, подъ командой Мѣдянова, заскакали впередъ и отрѣзали Чаховскому путь къ лѣсу. Пѣхота заняла деревню, а поручикъ Асіевъ, съ остальными драгунами, заскакалъ влѣво. Чаховскій бросился стремительно вправо, на Мѣдянова, считая этотъ пунктъ у насъ самымъ слабымъ, что было дѣйствительно такъ. На разстояніи 60-ти шаговъ, повстанцы, числомъ до 100 человекъ, дали залпъ, какъ водится, кверху, не причинивъ драгунамъ ни малѣйшаго вреда. Тогда драгуны Мѣдянова, съ крикомъ ура! ударили на нихъ въ шашки. Асіевъ ударилъ въ то же время съ тыла и праваго крыла: разстроенная такимъ образомъ банда принуждена была обратиться въ бѣгство, враспыливъ, къ деревнѣ Вершковиски, принадлежавшей дочери Чаховскаго, которая стояла на балконѣ и видѣла всю картину боя. Драгуны понеслись по улицѣ Вершковискъ на хвостъ банды. У деревни Яворъ-Солецкій Мѣдяновъ налетѣлъ на Чаховскаго и зарубилъ его шашкой, при чемъ Чаховскій сдѣлалъ нѣсколько неудачныхъ выстрѣловъ по своему противнику въ упоръ.

¹⁾ № 51, стр. 2, 3, 4, 5.

Такой печальный конецъ имѣла повстанская карьера «бунтучной фигуры».

Нельзя не признаться, что это былъ одинъ изъ самыхъ характерныхъ вождей возстанія 1863 года. Онъ никогда не терялся, никогда не позволялъ обойти себя и сбить разными безтолковыми совѣтами кому бы то ни было; никогда не искалъ спасенія за границей. Все время, съ появленія своего на полѣ битвъ до самой смерти, былъ въ краѣ, исключая тѣхъ дней, когда принужденъ былъ лечиться въ Галиціи отъ ранъ. Очень многіе въ губерніи считали его неуловимымъ, неуязвимымъ—и когда его не стало, не вѣрили этому, говорили, что москали сочинили его смерть, съ какимъ нибудь особымъ расчетомъ. Вслѣдствіе этого, начальникъ Радомскаго военнаго отдѣла приказалъ выставить тѣло Чаховскаго, на одной изъ площадей Радомы, на-показъ всему народу. Какія-то двѣ дамы пришли туда ночью и упростили часоваго дозволить имъ отрѣзать у покойнаго на память нѣсколько волосъ и, когда это было дозволено, остригли его такъ, что онъ сталъ почти неузнаваемъ... ¹⁾.

Около этого времени выдвинулся довольно-извѣстный въ тѣхъ краяхъ начальникъ партизанской банды, юнкеръ Рудовскій; онъ тревожилъ наши отряды, производилъ нападенія на почты—и затѣмъ всегда куда-то скрывался.

Послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ за нимъ поисковъ, удалось, наконецъ, летучему отряду майора Тихоцкаго, высланному изъ Радомы 4-го октября ст. ст., выгнать Рудовскаго изъ Опоченскихъ лѣсовъ, гдѣ онъ болѣе всего держался, и преслѣдовать до мѣст. Сольца, на разстояніи 250-ти верстъ, среди самой пересѣченной мѣстности. Но ничего изъ этого не вышло: часть банды Рудовскаго разсѣялась по лѣсамъ, а другая часть бросилась черезъ Вислу въ Люблинскую губернію.

Вотъ когда появился вторично въ Радомской губерніи генералъ Босакъ, бывший передъ тѣмъ на совѣщаніяхъ съ отелемъ Lambert, вмѣстѣ съ Траугутомъ и нѣкоторыми другими лицами, по поводу перестройки всей машины управленія возстаніемъ въ Польшѣ, между прочимъ (какъ уже извѣстно читателямъ) и военной части.

Такъ какъ этотъ, въ сущности неважный, предводитель польскихъ гверильясовъ выступаетъ теперь, вслѣдствіе разныхъ сложныхъ обстоятельствъ, на первый планъ,—не мѣшаетъ намъ съ нимъ познакомиться ближе.

¹⁾ Разсказано начальникомъ штаба Радомскаго военнаго отдѣла. Н. Б.

Босакъ, иначе графъ Іосифъ Гауке, герба босакъ ¹⁾,—даннаго его отцу, также Іосифу, вмѣстѣ съ двумя братьями послѣдняго, Маврикемъ и Людвигомъ, за ихъ заслуги вѣра, Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, 2-го (14-го) февраля 1826 года,—воспитывался въ Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ слылъ мальчикомъ весьма небожкихъ способностей. Потомъ былъ сдѣланъ камеръ-накомъ и въ 1851 году вступилъ въ лейбъ-гвардію гусарскій, нынѣ Его Величества полкъ.

Въ 1853 году, будучи поручикомъ этого полка, Гауке попалъ въ число тѣхъ 12-ти офицеровъ, которымъ, вслѣдствіе настоятельнаго требованія ими заграничныхъ паспортовъ, велѣно было подать въ отставку.

Ѣхать за границу при открытіи военныхъ дѣйствій и разрывѣ нашемъ съ двумя первенствующими державами, а потомъ и съ Сардиніей, было не такъ удобно. Гауке бросился въ Парижъ, какъ только это стало возможнымъ: тотчасъ по заключеніи мира въ 1856 году, и прожилъ тамъ до конца 1857 года. Въ этомъ году, по ходатайству своихъ родственниковъ ²⁾ и знакомыхъ въ Петербургѣ, графъ Іосифъ Гауке снова былъ принятъ на службу и назначенъ адъютантомъ къ военному министру; но его постоянно тянуло за границу—и въ октябрѣ слѣдующаго, 1858 года, онъ очутился опять на берегахъ Сены, гдѣ оставался семь мѣсяцевъ и, можетъ быть, остался бы навсегда (увлекаемый коноводами польской эмиграціи, которая начинала довольно-сильно бурлить и впроповѣдывать передѣлку карты Европейскаго материка), еслибы петербургскіе друзья, знавшіе объ его опасныхъ парижскихъ связяхъ, не занялись его судьбой вторично и не вытащили его, въ 1859 г., въ Россію обѣщаніемъ блестящей военной карьеры. Гауке, имѣя уже чинъ ротмистра, попалъ на Кавказъ, подъ покровительство князя Барятинскаго, тогда главнокомандующаго Кавказскою арміей, и былъ зачисленъ въ Ставропольскій пѣхотный полкъ, съ чиномъ подполковника; участвовалъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ съ Шамилемъ и получилъ Станислава 2-й степени, съ мечами, саблю за храбрость и,

¹⁾ Значитъ во русски «бгоръ». Описаніе этого герба можно видѣть въ 4-мъ томѣ «Encyklopedyj Powazecznej Orgelbranda», стр. 133—134.

²⁾ Сестра его была въ то время фрейлиной при нашемъ дворѣ, потомъ вышла замужъ за герцога Гессенъ-Дармштадтскаго, Александра, который, при государѣ Николаѣ Павловичѣ, служилъ въ нашихъ войскахъ. Теперешній болгарскій князь, Александръ фовъ-Баттенбергъ, — швагъ герцога Александра Гессенъ-Дармштадтскаго и графини Гауке. Н. В.

наконецъ, въ сентябрѣ 1862 г., чинъ полковника. Онъ ждалъ, однако, званія флигель-адъютанта—и, не дождавшись (можетъ быть, даже считя себя обиженнымъ и забытымъ), взялъ одиннадцатимѣсячный отпускъ (имѣющій въ Россіи значеніе отставки) и отправился въ Петербургъ, гдѣ очень скоро сошелся съ польскими революціонерами, остатками офицерскаго кружка Домбровскаго и Сѣраковскаго—и тутъ пришелъ къ мысли оставить Россію и служить готовящемуся польскому возстанію, съ оружіемъ въ рукахъ. Иные говорили, будто бы Гауке выражался, что «онъ долженъ смыть пятно, наложенное на имя графомъ Маврикіемъ въ 1830 году»¹⁾.

Потомъ онъ переехалъ въ Варшаву, видѣлся кое-съ-кѣмъ изъ военнаго отдѣла центрального комитета, но до самаго комитета не дошелъ. Мы уже видѣли выше, изъ походовъ графа Адама Грабовскаго, что высшія власти заговора не сейчасъ допускали къ себѣ аристократовъ, не довѣряя имъ, боясь ихъ возвращенія вспять, что нерѣдко и случалось.

Гауке слѣдовало тогда, по всѣмъ правиламъ, явиться къ намѣстнику, но это разрушило бы послѣднюю связь его съ людьми, съ которыми намѣревался онъ идти рука объ руку.... самъ еще не зная опредѣленно—куда.... связь, и безъ этого не очень прочную. Кроме того, онъ чувствовалъ, до какой степени было бы трудно ему глядѣть намѣстнику прямо въ глаза и отвѣчать на самыя простые вопросы, во время ихъ бесѣды tête-à-tête, которая могла быть довольно длинна и.... нитяна. Намѣстникъ, конечно, зналъ кое-что и про его прошедшее и—настоящее. А потому, сообразивъ все это, Гауке счелъ за лучшее не являться, а когда знакомые ему офицеры, поляки и русскіе, еще не посвященные въ тайну его перехода на сторону повстанцевъ, спрашивали, почему онъ не былъ въ Замкѣ, онъ отвѣчалъ, что «съ нимъ нѣтъ полной формы», хотя она, въ сущности, была и онъ къ ней питалъ значительное уваженіе, въ особености къ своей кавказской «саблѣ за храбрость»²⁾: прощаясь со

¹⁾ Графъ Маврикій Гауке, состоявшій въ 1830 году въ должности военнаго министра, былъ первый, который выступилъ съ укорами и угрозами противъ войскъ въ минуту взрыва, 29-го ноября—и убить (Мохнацкій, познанское изданіе, 1863 г., томъ III, стр. 39—40). Имя его написано на памятникѣ, стоящемъ на Самсонской площади, первымъ.

²⁾ Когда Гауке былъ впоследствии убитъ подъ Дижономъ, въ январѣ 1870 года, на трупъ его не оказалось этой сабли. Жена его, зная, какое уваженіе мужъ ея оказывалъ къ этой саблѣ, подыала, по поводу ея пропажи, въ который шухъ въ газетахъ—и сабля была найдена у какого-то прусскаго унтеръ-офицера и доставлена вдовѣ.

всѣмъ этимъ въ Варшавѣ, онъ снялся у Байера кавказскимъ полковникомъ Ставропольскаго пѣхотнаго полка, во всѣхъ регаліяхъ, въ башлыкѣ и безъ башлика, и уѣхалъ, съ грустными и тяжелыми предчувствіями, въ Парижъ, гдѣ сталъ, естественно, подъ знамя Чарторискаго.

Чарторискій совѣтовалъ ему не бросаться въ ряды повстанцевъ, пока еще все находится въ хаотическомъ состояніи, пока еще неизвѣстно опредѣленно: кто именно властвуетъ въ краѣ—бѣлые или красные,—и тутъ же завѣрялъ, что «побѣда бѣлыхъ неотвратима, но той простой причинѣ, что красные—голыши, существовать сами по себѣ, своими средствами, не могутъ, а, сверхъ того, вообще обладаютъ свойствами, которыя ведутъ ихъ партію прямымъ путемъ ко гробу».

Гауке былъ самъ того же мнѣнія и, кромѣ того, какъ аристократъ, какъ кавказскій полковникъ, несшій не очень давно тяготы серьезной военной службы, не могъ, заурядъ съ разными нечिनновными графами и князьями изъ Галиціи и Познани, очутиться въ отрядѣ какого-нибудь Лангевича и принимать отъ него приказанія. Еще менѣе онъ могъ выступить подъ командой Мирославскаго. Онъ самъ рассчитывалъ явиться во главѣ большаго отряда, а не то и цѣлой арміи, сдѣлаться съ разу воеводой, главнокомандующимъ.

Однако, проходило время, а то состояніе повстанской атмосферы, котораго ожидалъ Hôtel Lambert и многіе бѣлые, какъ-то не устанавливалось. Восстаніе краснѣло, а не бѣлѣло. Бѣлые заносились въ красныхъ, въ жондѣ, а не наоборотъ. Затѣя известной части бѣлыхъ: повалить жондъ диктатурой Лангевича—не удалась. Армія бѣлаго диктатора разсѣялась; онъ самъ попалъ въ крѣпость, да и былъ ли еще онъ бѣлый, это въ точности неизвѣстно.... Жондъ—красный, а не бѣлый, воспрянулъ въ большихъ еще силахъ, съ большими дерзкими порывами и надеждами—и бѣлая дирекція, свернувъ свои знамена, вручила мальчишкамъ «книги въ руки» и дала денегъ.

Гауке смотрѣлъ на все это изъ Парижа съ грустью и досадою,—и часто приходилъ къ мысли, что онъ сдѣлалъ ужаснѣйшую глупость, сбросивъ русскій мундиръ и надѣвъ или почти надѣвъ повстанскій. Онъ проклиналъ времена и Домбровскаго, и Сѣраковскаго, и Наполеона III, и принца Наполеона, и всѣхъ тѣхъ, кто поднялъ бурю, не сообразившись со средствами, не посоветовавшись съ прошедшимъ и не заглядывая въ будущее. Онъ былъ бы Богъ знаетъ какъ радъ, еслибъ вернулись октябрьскіе дни 1862 года, когда онъ могъ такъ просто надѣть лежавшую у него въ чемоданѣ кавказскую форму и явиться къ намѣстнику.... потому—разбить Лангевича подъ Малогоцемъ или въ другомъ какомъ

либо пунктъ, какъ это сдѣлалъ засѣдавшій съ нимъ въ томъ же военномъ отдѣлѣ центральнаго комитета Добровольскій, его швейцарскій товарищъ, школьный товарищъ Свраковскаго и другихъ tutti quanti... и все было-бы шито да крыто. Повстанцы бы, конечно, показывали ему кукиши въ карманѣ, какъ показывали нѣкоторое время Добровольскому ¹⁾; явилось бы двѣ-три ругательныхъ статьи въ «Часѣ», въ «Народувкѣ», но что изъ этого!...

Такія мысли пробѣгали въ его головѣ не разъ, когда онъ расхаживалъ по великолѣпному кабинету Hôtel Lambert и, подходя къ окну и барабани въ него пальцами, смотрѣлъ вовсе не на улицу и не на каналъ — а Богъ знаетъ куда: въ свое прошедшее, на Кавказъ, въ Петербургъ, въ Польшу.....

Воротиться въ Россію было ему уже поздно: ему была прислана форменная отставка (въ февралѣ 1863 г.), которую нарочно не посылали долго, надѣясь, что онъ опомнится и возьметъ просьбу объ отставкѣ назадъ. Эта прибывшая отставка показывала очень просто, что его считали отрѣзаннымъ отъ Россіи ломтемъ, человѣкомъ серьезно-скомпрометированнымъ. Ему оставалось только одно: сдѣлаться бессмысленно-скомпрометированнымъ — проиграть игру, не сядя за зеленый столъ.

Но вдругъ дѣла ихъ поправились: Чарторнскій былъ назначенъ главнымъ уполномоченнымъ агентомъ жонда за границей (іюнь 1863 г.). Его рекомендація могла уже имѣть кое-какую силу между правителями возстанія. Онъ указалъ на Босака, какъ на дѣльнаго офицера, способнаго занять высокой постъ — и онъ сдѣланъ былъ, какъ мы видѣли, главнокомандующимъ въ воеводствахъ Краковскомъ и Сандомирскомъ. Это былъ, при воеводѣ Хмѣленскомъ, чисто-на-чисто пустой титулъ: Хмѣленскій самъ командовалъ всѣми войсками, а Босакъ только скакалъ при какомъ нибудь большомъ отрядѣ, на хорошемъ конѣ, съ перевязью на лѣвой рукѣ и съ кавказскимъ башлыкомъ за плечами, размахивая своею кавказскою саблею за хребтъ ²⁾.

¹⁾ Палъ подъ Плевной, 30-го августа ст. ст. 1877. У насъ не было объ немъ никакихъ статей. Польскіе органы печати (за границей) отозвались объ немъ не особенно лестно. Н. В.

²⁾ Такъ рассказывали. Въ офіціальныхъ нашихъ документахъ нигдѣ не упоминается объ участіи Босака въ битвахъ. Важнѣйшія столкновенія Хмѣленскаго съ нашими отрядами за это время описаны выше. Послѣ того бавда Хмѣленскаго въ 500 человекъ имѣла серьезную схватку съ отрядомъ полковника Шульмана, въ трехъ ротъ Смоленскаго п. п., полускадрона Новороссійскаго драгунскаго полка и 20 казаковъ, близъ Обѣхова (4 версты къ ю.-в. отъ м. Щокоинѣ къ рѣкѣ Пилицѣ). Повстанцы потеряли болѣе ста

Въ этомъ заключалось все его главнокомандованіе войсками въ Краковскомъ и Сандомирскомъ воеводствахъ, съ іюня до августа 1863 г. Затѣмъ его вызвали въ Парижъ для извѣстныхъ читателю переговоровъ. Онъ былъ тогда почти единственный слуга вооруженнаго возстанія, съ нѣкоторымъ именемъ, кого могъ приблизить къ себѣ Чарторьскій въ тѣ критическія минуты и поручить ему исполненіе задачъ, на какія плебеи—Хмѣленскій, Крукъ и другіе того-же закала люди—были не такъ пригодны. Въ умахъ бѣлой эмиграціи, по крайней той части ея, которая группировалась вокругъ отеля Lambert, строились тѣ корпуса, дивизіи, штабы, флоты, о конхъ мы уже сказали. Гауке и Траугутъ внимали всему этому довольно спокойно, безъ сильныхъ возраженій. Хмѣленскій и Крукъ не стали бы слушать подобныхъ пустяковъ и послѣ перваго-же засѣданія у Чарторьскаго уѣхали бы изъ Парижа.

Когда Гауке-Босакъ показался опять въ Радомской губерніи (въ самомъ началѣ октября по н. ст.), среди знакомыхъ ему лицъ и бандъ,—положеніе дѣлъ вооруженнаго возстанія было вездѣ весьма критическое. Всѣ смотрѣли на единственнаго, удѣлѣннаго отъ всякихъ бурь, генерала съ нѣкоторымъ уваженіемъ и слушали его розказни о близости европейской интервенціи, о какомъ-то конгрессѣ первыхъ державъ—съ двусмысленною улыбкой... однако, въ концѣ концовъ, изъявили готовность повиноваться до послѣдней минуты, что тамъ ни будетъ, подобно тому, какъ поступили высшіе чины статской организаціи послѣ рѣчи Траугута, на Смольной улицѣ, въ Chambres garnies Маевскихъ. Тонкій Хмѣленскій, лучше всѣхъ предвидѣвшій

человѣкъ убитыми и ранеными. Пгнннхъ взято 26 человекъ, въ томъ числѣ двѣ вооруженныя женщины, отбитъ обозъ, повозка съ порохомъ и свинцомъ, 100 штуцеровъ и 40 лошадей (Журн. в. д., № 35, стр. 6, и № 39, стр. 7—8).

Черезъ мѣсяць затѣмъ (3-го сентября ст. ст.), Хмѣленскій, имѣя новую банду, встрѣтился, близъ Малогоща, съ отрядомъ маіора Загряжскаго, и потерялъ поражение (Ж. в. д., № 42, стр. 1). Черезъ недѣлю, 10-го сентября ст. ст., та же банда была достигнута, близъ д. Хоржево (12 верстъ отъ Енджеева), отрядомъ генералъ-маіора Ченгери, въ три роты Смоленскаго п. и., три взвода Новороссійскаго драгунскаго полка, 50 казаковъ, 1 орудіе, и ракетный взводъ—и разбита, въ теченіе двухъ слѣдующихъ дней, на маршахъ отъ сказанной дер. до дер. Кузка, близъ Влоцковы (Ж. в. д., № 44, стр. 1). Наконецъ, отряды полковника Таубея и подполковника Загряжскаго гс-нялись за бандой Хмѣленскаго, 24-го и 25-го сентября ст. ст., между Енджеевымъ и Мняховымъ, и въ послѣднемъ мѣстечкѣ узнали, что онъ уѣхалъ изъ Ласкова въ Краковъ (№ 48, стр. 2). Это было сдѣлано имъ вслѣдствіе вызова Босака, вторично прибывшаго изъ Парижа. Съ этихъ поръ они опять дѣйствуютъ вмѣстѣ.

Н. В.

заключительный финалъ ихъ повстанской трагикомедіи, легко уступилъ командованіе войсками, какія оставались еще въ сборѣ, чело-вѣку, котораго зналъ вдоль и поперекъ и котораго намѣревался вто-рично забрать въ свои руки. Прежде всего онъ убѣдилъ его, что «никакихъ особенныхъ перемѣнъ въ повстанскихъ войскахъ Радом-ской губерніи дѣлать не слѣдуетъ, а слѣдуетъ только биться, биться и биться, до послѣдняго надыханія, которое... не очень далеко».

Въ такомъ духѣ написали они общее донесеніе Траугуту, при-славшему запросъ: «возможно-ли введеніе въ радомскихъ бандахъ измѣненій въ терминахъ и порядкахъ управленія по мыслямъ князя Чарторыскаго?»

Въ самомъ дѣлѣ, повстанцамъ Радомской губерніи было тогда не до ломки старой системы: едва-лишь въ Кѣльцахъ узнали о при-бытіи въ тѣ мѣста Босака, послѣ мѣсячнаго отсутствія, и о соеди-неніи нѣсколькихъ бандъ подъ его командой, вмѣстѣ съ Хмѣлен-скимъ (котораго называли начальникомъ штаба генерала Босака)—сейчасъ же были собраны свѣдѣнія—гдѣ находятся эти банды, и въ ту сторону (къ дер. Щечно, гдѣ Босакъ съ Хмѣленскимъ были около 13-го октября ст. ст.) направлены разныя отряды, изъ коихъ только одному, подъ предводительствомъ генерала Ченгеря, удалось настичь, 16-го октября ст. ст., близъ д. Езерки (верстъ 5 отъ Бодзентина), часть какихъ-то бандъ и нанести имъ пораженіе. Говорили, что бывшій при этихъ бандахъ Босакъ, съ неизбѣжнымъ башликомъ за плечами и трехдвѣтной перевязкой на рукѣ, съ трудомъ усакалъ ¹⁾.

Нѣсколько позже, 23-го октября ст. ст., наткнулся на довольно-большія массы повстанцевъ, у дер. Другни (Опатовскаго уѣзда Радом-ской губерніи), отрядъ полковника Таубе и гналъ ихъ до м. Слупя-Нова, гдѣ произошла стычка, послѣ которой банды отступили къ мѣст. Гурамъ (тутъ опять видѣли Босака). Таубе ихъ преслѣдо-валъ и, 24-го октября ст. ст., имѣлъ съ ними новое столкновеніе: пѣхота была разсѣяна, а съ кавалеріею Босакъ бѣжалъ сначала въ Хробжанскіе а потомъ въ Еленовскіе лѣса, тоже Опатовскаго уѣзда.

Около двухъ недѣль ничего не было слышно ни о Босакѣ, ни о Хмѣленскомъ. Только 6-го ноября ст. ст. узнали въ Радомѣ, что Босакъ собралъ значительную банду въ южной части Опатовскаго уѣзда ²⁾. Сейчасъ же, по предписанію начальника Радомскаго воен-

¹⁾ Журн. в. д., № 64, стр. 5—6, и рассказы разныхъ лицъ. Н. В.

²⁾ Гиллеръ говоритъ, что объ эту пору Босакъ посылалъ Зейфрида въ Кра-ковъ для сформированія банды, но Зейфридъ не сдѣлалъ ничего, ибо форми-ровать тогда банды въ Галиціи было чрезвычайно трудно: Австрія отворо-

наго отдѣла, были отправлены двѣ колонны изъ Кѣльцы: одна подъ начальствомъ генераль-маіора Окаѣмова, а другая—полковника Загряжскаго, которыя, углубясь въ Хробжинскіе и Еленовскіе лѣса, убѣдились въ пребываніи тамъ большой банды, но сдѣлать ей, вслѣдствіе особыхъ условій мѣстности, ничего не могли и послѣ четырехдневнаго бесплоднаго скитанія (имѣвъ, впрочемъ, нѣсколько неважныхъ стычекъ) воротились въ Кѣльцы, 12-го ноября ст. ст., а на смѣну ихъ пошла, въ тотъ же самый день, свѣжая колонна изъ Опатова, подъ начальствомъ полковника Сухонина. Такимъ образомъ, Опатовъ опустѣлъ. Въ немъ осталось человекъ 40 инвалидной команды, нѣсколько человекъ жандармовъ, казаковъ, хлѣбопекровъ и другихъ нестроевыхъ, всего-на-все около 200 человекъ.

Босакъ, узнавъ объ этомъ, взялъ конную банду Ржепецкаго и на разсвѣтѣ 13-го ноября ст. ст. влетѣлъ съ нею въ городъ, ограбилъ казначейство (похищено около 5-ти тысячъ рублей), захватилъ въ плѣнъ трехъ казаковъ, двухъ жандармовъ, и ускакалъ.

Какъ только узнали объ этомъ въ Радомѣ, двинуто одновременно двѣ колонны: одной, подъ начальствомъ полковника Оленича, вѣдно занять Опатовъ и произвести слѣдствіе по дѣлу разграбленія повстанцами казначейства. А другая колонна, подъ начальствомъ полковника Шульмана, должна была разыскать и уничтожить банду Босака, которая успѣла разростись до двухъ тысячъ человекъ и была нѣобычно снабжена всевозможными припасами, благодаря энергической помощи окрестныхъ помѣщиковъ и, частію—крестьянъ.

Оба отряда выступили одновременно. 15-го ноября ст. ст. Оленичъ, окончивъ слѣдствіе, отправился обратно въ Кѣльцы, черезъ Лаговъ. Тѣмъ временемъ Шульманъ, имѣя четыре роты Смоленцевъ, эска-

тилась отъ поляковъ, вслѣдствіе замѣчнаго сношенія нѣкоторыхъ польскихъ партій съ Маццини, который хотѣлъ будто-бы польскими руками загреть свой италянскій жаръ: подать помощь Венеціи и Тиролю. Какал-то заграничная котерія требовала (въ концѣ 1863 г.) отъ вождей польскаго возстанія, чтобы они перешли на время черезъ Карпаты и, занявъ Австрію, дали возможность италянцамъ на нее ударить (II, 11, 213. Далѣе—переговоры комиссара народнаго правительства съ Маццини и отвѣтъ послѣдняго). Хотя со стороны поляковъ не сдѣлано ни малѣйшаго движенія въ пользу Италіи—о занятіи Австріи нивто и не думалъ, да и кѣмъ было ея занимать—тѣмъ не менѣе сношенія поляковъ съ Маццини сильно повредили возстанію. Съ этихъ поръ всякій польскій отрядъ, попавъ на австрійскую территорію, зналъ напередъ, что будетъ неизбѣжно обезоруженъ и всѣ вожди арестованы. Въ началѣ 1864 г. австрійскіе патрули начали хватать всѣхъ мало-мальски подозрительныхъ поляковъ на улицахъ Кракова и другихъ городовъ, а въ февралѣ 1864 оглашено военное положеніе.

Н. В.

дронъ Новороссійскихъ драгунъ и два орудія, раздѣляя эти силы, по прибытіи въ м. Далешинце, на три части: одну послалъ съ майоромъ Добрышинымъ на дер. Ульни, Стыковъ и Гуту; другую (эскадронъ драгунъ)—по южной опушкѣ Цисовскихъ лѣсовъ, въ направленіи къ дер. Другня. Самъ же, съ третьею частью, при двухъ орудіяхъ, пошелъ серединой на дер. Цисовъ.

Не доходя до д. Опесенки, Шульмаячъ былъ внезапно атакованъ всѣми силами Босака. Произошелъ ожесточенный бой. Много повстанцевъ было заколото нами при орудіяхъ. Отрядъ подвергался опасности... какъ вдругъ показался со стороны майоръ Добрышинъ, двинувшійся на выстрѣлы съ дороги, по которой слѣдовалъ согласно приказанію Шульмана: дѣла наши быстро поправились. Двѣ части, соединившись вмѣстѣ, перешли въ наступленіе. Тогда Босакъ занялъ Опесенки и держался тамъ около шести часовъ (съ полудня до вечера); могъ-бы держаться и долѣе, но прибытіе изъ Лагова ¹⁾ форсированнымъ маршемъ колонны полковника Оленича (который, также услыша выстрѣлы, вернулся съ дороги)—рѣшило бой. Босакъ отступилъ, потерявъ въ этомъ дѣлѣ (какъ сознавался послѣ взятій въ плѣнъ Хмѣленскій) до 300 человекъ ²⁾.

Всѣ наши отряды прошли затѣмъ насквозь Цисовскіе лѣса, но бандъ тамъ не оказалось.

Ржевецкій, съ небольшимъ числомъ всадниковъ, бросился къ д. Стоково и пойманъ казаками. Часть пѣхоты Босака, подъ начальствомъ какого-то Березы, двинулась на сѣверъ губерніи и въ ночь съ 19-го на 20-е ноября ст. ст. попала на нашъ партизанскій отрядъ, подъ начальствомъ капитана Штейна, варившій въ дер. Бродахъ (Опатовскаго уѣзда) кашу, среди господскаго двора. Повстанцы дали залпъ по костру, вокругъ котораго сидѣли солдаты, при чемъ ранены: штабсъ-капитанъ Масловскій и два солдата. Въ происшедшей послѣ этого стычкѣ, Береза потерпѣлъ страшное пораженіе. Остальныя части банды Босака, бывшейся въ Опесенкахъ съ Шульманомъ, пошли въ Кѣлецкій уѣздъ. Самая большая изъ нихъ, подъ начальствомъ Хмѣленскаго, очутилась вскорѣ близъ м. Щекоцины. Это вызвало одновременное движеніе нѣсколькихъ нашихъ отрядовъ—изъ Кѣльцъ, Конецполя и Мѣхова, но они достигли только того, что банды очистили Кѣлецкій уѣздъ и направились къ Цисову и на Свентокршижъ.

¹⁾ 25 верстъ отъ мѣста боя.

²⁾ Журн. в. д., № 60, стр. 3—4, и разсказъ полковника Добровольскаго.

Извѣстныя читателю условія этого угла губерніи: лѣса, горы, крутояры—дали возможность бандамъ скрыться на нѣкоторое время отъ всякаго преслѣдованія и даже значительно разростись. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что главныя массы повстанцевъ сосредоточились болѣе всего около Св. Креста и немного сѣвернѣе оттуда, по рѣкѣ Каменной, въ окрестностяхъ м. Вержбника, Опатовскаго уѣзда. Генералъ Ченгери нашелъ нужнымъ, для полученія положительныхъ результатовъ, устроить облаву въ обширныхъ размѣрахъ. Прибытіе въ западную часть Радомской губерніи 2-й бригады 10-й пѣхотной дивизіи давало къ тому необходимыя средства. Собрано 20 ротъ, которыя направлены немедленно въ сказанную мѣстность—и тутъ, послѣ нѣсколькихъ стычекъ, вездѣ кончавшихся пораженіемъ повстанцевъ, Хмѣленскій, Лада и другіе предводители бандъ, называвшихся вообще бандами Босака, увидѣли совершенную невозможность дальнѣйшей борьбы и бросились въ разныя стороны, были преслѣдуемы и при этомъ произошло нѣсколько новыхъ стычекъ.

Въ одной изъ нихъ, 4-го декабря ст. ст., подъ дер. Бодзехово, двое драгунъ увидѣли бѣгущаго по кустамъ повстанца, съ серебряными жгутами на плечахъ, и, предположивъ, что это, по всей вѣроятности, начальникъ,—пустились за нимъ въ погоню. Одинъ драгунъ заскакалъ ему дорогу на-перерѣзъ, но трюнкнѣ: повстанецъ выстрѣлилъ по немъ изъ револьвера, но далъ промахъ. Тогда драгунъ ударилъ его палашомъ и сбѣкъ ему локоть правой руки, хотѣлъ повторить ударъ, но тотъ сказалъ чистымъ русскимъ языкомъ:

— «Не бой, я—Хмѣленскій!».

Имя это было извѣстно всѣмъ солдатамъ Радомскаго отдѣла, какъ имя одного изъ лучшихъ повстанскихъ офицеровъ: драгунъ сейчасъ же вложилъ палашъ въ ножны, связалъ, при помощи подоспѣвшаго товарища, плѣннику руки и доставилъ его въ отрядъ. Дали знать генералу Ченгери, что «взять Хмѣленскій». Онъ не повѣрилъ, съѣлъ ту же минуту на лошади и поскакалъ къ мѣсту, гдѣ находился плѣнникъ. Приблизясь къ нему, онъ спросилъ: «Правда-ли, что вы Хмѣленскій?»

— Прежде позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?—спросилъ Хмѣленскій.

— «Я Ченгери».

— А я Хмѣленскій.

Множество любопытныхъ стеклось тѣмъ временемъ смотрѣть «лучшаго офицера» повстанской арміи, какъ рѣдкаго звѣря. Хмѣленскій, маленькій, худой и блѣдный, лежалъ на телѣгѣ, сердито сверкая глазами, и, наконецъ, не выдержавъ этого оглядыванія и всякихъ

замѣчаній и толковъ, которые высказывались у него подъ носомъ безъ всякихъ церемоній, сказалъ Ченгеръ:

— «Прикажите, генералъ, меня приколоть или убрать куда-нибудь, гдѣ бы я не былъ потѣхой празднему любопытству».

Генералъ велѣлъ помѣстить его въ избѣ и не пускать туда лишняго народу. Къ нему допущенъ только бывший его товарищъ по Александровскому корпусу, полковникъ Добровольскій. Что они говорили—Богъ вѣсть известно только, что Хмѣленскій хвалился, что онъ ни разу не былъ разбитъ. «Дайте мнѣ 60 тысячъ штуцеровъ да прежній энтузіазмъ—и вы увидите, что я сдѣлаю!... О, если бы мнѣ хоть средства Лангевича, а главное: то время! Теперь—и средства истощены, и духъ упалъ: вотъ въ чемъ наша гибель!»

Дочери косяина избы, которую занималъ Хмѣленскій, также нашли возможность къ нему проникнуть и благоговѣнно цѣловали у него руки, чему онъ вовсе не противился...

7-го декабря ст. ст. 1863 г. онъ былъ разстрѣлянъ въ Радомѣ.

Вблизи того-же времени разбита на-голову банда Лады, подъ дер. Янникомъ ¹⁾.

Еще какая-то часть арміи Босака, пробираясь за границу, наткнулась, около мѣст. Завихоста, на два нашихъ отряда, подъ начальствомъ подполковника Голубева и маіора Непѣнина, и была взята въ плѣнъ, исключая небольшой кучки успѣвшихъ овладѣть нѣсколькими лодками и переправиться на другую сторону Вислы, гдѣ они были арестованы австрійцами. Здѣсь, какъ говорятъ, ушелъ и Босакъ.

Для окончательной очистки той же мѣстности отъ бандъ, послано изъ Радома, 8-го декабря ст. ст., семь новыхъ отрядовъ, подъ общимъ начальствомъ полковника Добровольскаго. Не смотря на то, что на пространствѣ 40 верстъ, отъ м. Сѣнно до дер. Некланъ (Опатовскаго уѣзда), шла облава непрерывною линіей къ югу черезъ всѣ лѣса, какіе попадались на дорогѣ, сказаннымъ отрядамъ удалось открыть только одну банду, въ Цисовскомъ лѣсу, подъ начальствомъ капитана австрійской службы Розенбаха. Эту банду полковникъ Добровольскій гналъ, съ дивизиономъ драгунъ, 14-го и 15-го декабря ст. ст., по крайней мѣрѣ 15 верстъ. Часть ихъ погибла, во время этого преслѣдованія, въ стычкахъ съ драгунами, а часть разсѣялась по лѣсамъ. Захваченный при этомъ бывший инструкторъ Хмѣленскаго, французъ Ложье показалъ, что «надъ бандою ихъ, послѣ

¹⁾ Журн. в. д., № 64, стр. 1, 2, 3.

взятія въ плѣнь Хмѣленскаго, принялъ начальство какой-то офицеръ австрійской службы, подъ именемъ Рембайло». Онъ же говорилъ, что «какая-то часть бандъ генерала Босака поступила въ вѣденіе Топора-Жвѣрждовскаго». О самомъ Босакѣ Ложье не могъ, или не хотѣлъ сообщить никакихъ свѣдѣній ¹⁾.

Вскорѣ послѣ Рождества, одинъ изъ нашихъ отрядовъ, всего въ 1½ роты, подъ начальствомъ полковника Сухонина, наткнулся на банду Рембайлы, въ лѣсахъ между дд. Любени и Мазярже, и долженъ былъ отступить къ м. Илжѣ, гдѣ черезъ часъ атакованъ всѣми силами Рембайлы, простиравшимися до 600 человекъ, довольно хорошо вооруженныхъ и обмундированныхъ. Произошла кровопролитная схватка, въ которой полковникъ Сухонинъ и поручикъ Алексѣевъ смертельно ранены, а банда, понеся значительный уронъ, направилась къ дер. Гурки, между мм. Вержбникомъ и Бодзентиномъ, и тамъ постигнута посланнымъ изъ Радома свѣжимъ отрядомъ полковника Оленича. Повстанцы, захваченные врасплохъ, на весьма пересѣченной мѣстности, оставили болѣе 100 человекъ убитыми; въ томъ числѣ палъ и самъ Рембайло.

Это было 8-го января ст. ст. 1864 года.

Стояли крѣпкіе морозы и покрытая толстымъ льдомъ Висла дала возможность перебраться на нашу сторону, безъ всякаго затрудненія, нѣсколькимъ бандамъ, сформированнымъ съ неимоверными затрудненіями въ Галиціи. Противъ нихъ дѣйствовали болѣе или менѣе удачно разныя партизанскіе отряды ²⁾. Наконецъ, въ Варшаву было послано донесеніе начальника Радомскаго военнаго отдѣла, что «губернія очищена отъ бандъ». Такія же донесенія получены, нѣсколько прежде, и отъ другихъ начальниковъ отдѣловъ.

Въ эту пору графъ Бергъ пришелъ къ окончательному соглашенію съ военнымъ министромъ по вопросу введенія въ Царствѣ Польскомъ военно-полицейскаго управленія. Оно требовало, конечно, полнѣйшаго спокойствія въ краѣ. Получивъ вышесказанныя донесенія, графъ счелъ необходимымъ послать въ разныя губерніи двухъ состоявшихъ при немъ офицеровъ: флигель-адъютанта полковника Ан-

¹⁾ Этого Ложье, тяжело раненаго, Ченгеря приказать наказать нагайками за то, что онъ не снялъ передъ нимъ фуражки. Ложье послѣ этого наказанія умеръ (Сообщено полковникомъ Добровольскимъ, который былъ личнымъ свидѣтелемъ этихъ фактовъ).

²⁾ Журн. в. д. 1864 г., № 5, стр. 1, 2, 3, и № 6, стр. 1—5. Сллы повстанцевъ, кажется, тамъ преувеличены.

ненкова и капитана генеральнаго штаба барона Медема, для удостовѣренія на мѣстѣ: «точно-ли вездѣ такъ спокойно, какъ пишутъ ему начальники отдѣловъ, и никакихъ бандъ дѣйствительно нигдѣ нѣтъ?»

Анненковъ поѣхалъ на сѣверъ Царства, за Бугъ и Вислу, а Медемъ на югъ. Первый воротился довольно скоро и доложилъ намѣстнику, что въ части, имъ осматрѣнной, именно въ губерніяхъ Плоцкой и Августовской, все спокойно и о бандахъ не слыхать, что было такъ на самомъ дѣлѣ. Но Медему совѣтовали еще въ Варшавѣ отправиться не иначе, какъ съ оказіей, т. е. съ отрядомъ, до Радома, а далѣе ѣхать—какъ потребуютъ обстоятельства. Онъ такъ и сдѣлалъ: отправился съ оказіей. Въ Радомѣ ему сказали, что «банды все еще скитаются по губерніи, а потому безъ конвоя ѣхать далѣе будетъ опасно», и дали ему до города Кѣльць два эскадрона драгунъ. А въ Кѣльцахъ сказали (самъ военный начальникъ, генералъ Ченгери), что «въ окрестностяхъ весьма неспокойно; что нѣсколько дней тому назадъ, въ мѣсу, около селенія Далешнице (16 верстъ отъ Кѣльца), Босакъ дѣлалъ смотръ войскамъ, который носятъ названіе корпуса ¹⁾;

¹⁾ Босакъ, не рѣшавшійся играть этой странной комедіи перестраиванія, Богъ вѣдаетъ зачѣмъ, обыкновенныхъ повстанскихъ отрядовъ на корпусъ при Хмѣлевскомъ,—вскорѣ послѣ его смерти уступилъ настояніямъ Траугутта и Чарторыскаго, постоянно увѣравшихъ его, что «реорганизациа арміи на европейскій ладъ совершенно необходима для ихъ полноты»—и написалъ въ Варшаву, что «употребить всѣ зависящіа отъ него мѣры къ образованію корпусовъ и дивизій въ подчиненныхъ ему воеводствахъ: Калишскомъ, Браковскомъ и Сандомірскомъ, гдѣ онъ имѣетъ кое-какое значеніе и власть».

Тогда Траугуттъ выдалъ приказъ «объ устройствѣ регулярной арміи», отъ 15-го декабря н. ст., при чемъ распредѣленіе корпусовъ сдѣлано такое:

«Отряды Плоцкаго и Мазовецкаго воеводства должны составить 1-й корпусъ. Отряды Калишскаго, Браковскаго и Сандомірскаго—2-й корпусъ. Люблинскаго и Подляскаго—3-й корпусъ». Августовское воеводство не считалось, потому что тамъ бандъ объ эту пору почти не было вовсе. Сказанный приказъ, съ распредѣленіемъ корпусовъ, разослали по воеводствамъ, но Плоцкое воеводство рѣшительно отвергло такую реформу, какъ неудобную и ни къ чему не ведущую. Мазовецкое отвѣчало, что «возстаніе въ немъ до такой степени слабо, что думать о какихъ либо нововведеніяхъ—странно. Если тамъ удержится вооруженное возстаніе до новаго года, хотя бы при старыхъ порядкахъ, и то будетъ чудомъ». Въ Люблинскомъ и Подлясскомъ воеводствахъ (иначе—въ Люблинской губерніи) принято, пожалуй, тамошними бандами названіе корпуса, чтобы угодить диктатору, который пользовался въ тѣхъ мѣстахъ особеннымъ сочувствіемъ, но это было только на бумагѣ. На самомъ дѣлѣ все оставалось по прежнему. Командиръ этого фантастическаго корпуса, жиржинскій герой Крукъ, въ то время люблинско-подлясскій воевода, думалъ лишь только о томъ, какъ бы не засидѣться на своемъ опасномъ посту, и безпрестанно отлучался либо во Львовъ, либо въ Браковъ, по какимъ-то якобы очень важнымъ дѣламъ,—и, наконецъ, вовсе

что, по слухамъ, у него тысячъ до трехъ человѣкъ разнаго оружія». Вслѣдствіе этого, Ченгери далъ барону Медему, для дальнѣйшаго слѣдованія его къ Мѣхову, эскортъ изъ роты Смоленцевъ и эскадрона драгунъ. Они проводили его до границы Мѣховскаго уѣзда, гдѣ Медемъ рассчитывалъ получить другой, мѣховскій эскортъ: не тутъ-то было! Барону сказали, что «начальникъ Мѣховско-Олькушскаго отдѣла, князь Шаховской, уже давно ѣздитъ въ предѣлахъ ввѣренной его управленію мѣстности безъ конвоя и никому давать его не велитъ, такъ какъ вокругъ вездѣ спокойно и бандъ не видать».

Въ самомъ дѣлѣ, Медемъ прокатилъ все пространство до Мѣхова и отъ Мѣхова до Олькуша въ почтовой телѣгѣ, безъ всякихъ приключеній, и повстанцевъ нигдѣ не встрѣтилъ. Шаховской принялъ Медема сухо: ему видимо не нравилось появленіе въ его предѣлахъ ревизора безъ всякой серьезной причины.

Осматривать остальные уѣзды Радомской губерніи (Стопницкій, Опатовскій, Сандомірскій и Сташовскій), равно и западную часть Варшавской губерніи и губернію Люблинскую, Медемъ не рѣшился. При томъ, собранныхъ имъ свѣдѣній въ уѣздахъ: Радомскомъ, Опочинскомъ, Кѣлецкомъ, Мѣховскомъ и Олькушскомъ, было достаточно для того, чтобы рѣшить вопросъ: «спокойно или неспокойно въ южной половинѣ Царства». Медемъ отправился изъ Олькуша на станцію Варшавско-вѣнской желѣзной дороги, Домброва ¹⁾—и оттуда перенесся въ Варшаву, безъ всякихъ хлопотъ, и донесъ намѣстнику обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ.

застрѣлъ въ Галиціи, остави воеводства, гдѣ считался главнымъ начальникомъ, на Божью волю. Тогда главное начальство надо всѣми люблинскими и подляскими бандами, куда входила и часть литовскихъ, ввѣрено полковнику Валерію Врублевскому, бывшему инспектору стрѣлковой школы въ деревнѣ Соколѣ, близъ Бяловѣжской пушчи, который, съ 15-го августа н. ст. 1863 г. командовалъ нѣсколькими бандами въ Литвѣ (по выходѣ въ отставку Онуфрія Духисаго), считался съ ними по Бяловѣжской и Пружанской пушчамъ, а потомъ испросилъ позволеніе у жонда перебраться въ Царство, но о корпусахъ ни онъ, и ни другіе начальники люблинскихъ и подляскихъ бандъ, кто продержался тамъ до 1864 года, и слышать не хотѣли. Только одинъ Босакъ перестроилъ въ дѣйствительности свои банды на корпусъ и возвѣстилъ объ этомъ особымъ приказомъ, отъ 10-го января н. ст. 1864 г., на большомъ валеневомъ листѣ. Тутъ же росписаны подробно всѣ части этого корпуса: полки, бригады и дивизіи, а равно и ихъ штабы.

Любопытныя скитанія Врублевскаго съ бандами по Бяловѣжской и Пружанской пушчамъ можно видѣть въ брошюрѣ Арамовича: «Pamiętnik o ruchu partyzanckim w Województwie Grodzieńskim 1863—1864 гг.». Bendlikon, 1865 г.

¹⁾ Отъ Олькуша 26, отъ границы 16 верстъ.

Намѣстникъ пригласилъ къ себѣ начальниковъ всѣхъ военныхъ отдѣловъ, благодарилъ ихъ за успокоеніе края, кромѣ Радомскаго—Ушакова, которому сдѣлалъ строгое замѣчаніе по поводу сообщенныхъ имъ невѣрныхъ свѣдѣній о положеніи его отдѣла.

Ушаковъ отвѣчалъ, что «не его донесенія, а донесенія капитана Медема не вѣрны; что мало-ли что покажется иногда за банды разнымъ молодымъ и неопытнымъ офицерамъ.... можетъ статься, и бродить еще кое-гдѣ въ Радомской губерніи нѣсколько повстанскихъ жандармовъ; но это не банды и нельзя сказать, что край отъ этого неспокоенъ».

Въ то самое время, какъ онъ это докладывалъ, частный начальникъ Кѣлецкаго военнаго отдѣла, генералъ Ченгери, получая по минутно все болѣе и болѣе угрожающія извѣстія о корпусѣ Босака, счелъ нужнымъ предпринять противъ него рѣшительныя дѣйствія: облаву изъ 20-ти ротъ Витебскаго, Полоцкаго, Смоленскаго и Галицкаго полковъ, съ присоединеніемъ къ нимъ эскадрона драгунъ, для чего составилъ подробную диспозицію, которую переслалъ во всѣ полки, назначенныя къ участію въ этомъ дѣлѣ, посредствомъ шифрованныхъ депешъ.

Полковникъ Звѣревъ, получивъ такую депешу въ Стопницѣ, отправилъ въ Опатовъ, гдѣ была рота его (Галицкаго) полка, обыкновенную депешу; она была перехвачена повстанцами. Дѣло можно было поправить измѣненіемъ диспозиціи, для чего Звѣреву стоило только увѣдомить генерала Ченгери о случившемся, но онъ этого не сдѣлалъ, а послалъ въ Опатовъ другую обыкновенную депешу—и она была перехвачена ¹⁾.

Такимъ образомъ, Босакъ, имѣя самыя точныя свѣдѣнія о предпринимаемомъ противъ него движеніи, бросился, утромъ 9-го февраля ст. ст. 1864 г., со всѣми своими силами на Опатовъ, занятый всего на-все тремя ротами Смоленскаго и ротой Галицкаго полка. Завязался бой, въ началѣ котораго повстанцы зажгли, по приказанію Жвѣрждовскаго, жидовскій кварталъ, дабы заставить нашихъ выйти въ поле, что дѣйствительно и было достигнуто. Но вскорѣ вышелъ изъ города и непріятель, узнавъ о приближеніи нѣсколькихъ ротъ, которыя, подойдя, по диспозиціи, къ Цисову (гдѣ предполагали Босака со всѣми его силами), узнали, что онъ въ Опатовѣ—и двинулись туда форсированнымъ маршемъ.

Повстанцы были уже довольно далеко отъ города, когда наши отряды явились подъ его стѣнами. Началось самое горячее пре-

¹⁾ Разсказано автору въ штабѣ 7-й пѣхотной дивизіи.

слѣдованіе, во время котораго захвачено болѣе 700 человекъ плѣнныхъ. Самъ Босакъ усекалъ, а Жвѣрждовскій найденъ укрывшимся въ одной избѣ, въ Опатовѣ, и, по конфирмаціи генерала Ченгери, повѣшенъ, 11-го февраля ст. ст., на обгорѣлой балкѣ еще дымившихся строеній, которыя были зажжены по его приказанію.

Это былъ послѣдній серьезный бой возстанія 1863—1864 годовъ¹⁾.

Намѣстникъ, получивъ объ этомъ донесеніе, рѣшился удалить Ушакова отъ занимаемой имъ должности. Явились, какъ это всегда бываетъ, заступники, которые говорили, что «лучше оставить стараго севастопольца въ покой: кто знаетъ, онъ, можетъ быть, еще пригодится для болѣе серьезныхъ военныхъ дѣйствій». Кто-то привелъ при этомъ пословицу: «Не плюй въ колодезь, годится водицы испить!»—«Eh, mon cher,—возразилъ намѣстникъ по французски,—vous n'êtes pas politique: crachez dans le puits et si vous avez soif—buvez!»

Тотъ же капитанъ Медемъ (на котораго намѣстникъ нѣсколько времени дулся, думая, что онъ въ самомъ дѣлѣ сочинилъ всякія страхи о бандахъ, когда ихъ не было) посланъ былъ въ Радомъ объявить Ушакову, что «Намѣстникъ имъ недоволенъ и желаетъ, чтобы онъ подалъ въ отставку». Пилюля позволячивалась, однако, предложеніемъ Ушакову выбрать, при увольненіи отъ должности, что онъ пожелаетъ: «чинъ полнаго генерала, или аренду». Онъ выбралъ послѣднее — и удалился на покой въ Петербургъ, гдѣ сдѣланъ членомъ совѣта. На его мѣсто, начальникомъ Радомскаго военнаго отдѣла, назначенъ генералъ-лейтенантъ Бельгардтъ 2-й. Ему пришлось еще мѣсяца полтора возиться съ разными мелкими бандами. Банда Рудовскаго (по росписанію Босака: Опатовскій полкъ Сандомірской дивизіи) держалась до 1-го марта ст. ст. 1864 г. Послѣ чего Рудовскій, забравъ деньги своего полка, тысячъ 5 руб., бѣжалъ за границу. Другія банды (или полки, какъ ихъ величалъ Босакъ) держались въ губерніи до конца марта ст. ст. 1864 года.

Босакъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ документовъ, появлялся среди разныхъ отдѣловъ своего корпуса, для поддержки въ нихъ упадающаго духа. Не въ примѣръ прочимъ вождямъ вооруженнаго возстанія, онъ получилъ, въ концѣ февраля н. ст. (приказомъ жонда отъ 28-го февраля н. ст. 1864 г.), высшую власть и надъ гражданской организаціею воеводства (чего добивались многіе, между

¹⁾ Гиллеръ говоритъ, что въ теченіе восемнадцатимѣсячной борьбы произошло около тысячи битвъ и схватокъ, на пространствѣ отъ Просны до Дитпра (I, 53).

прочимъ Падлевскій и Калье), дабы сосредоточеніемъ всего управленія въ однѣхъ рукахъ поправить сколь возможно дѣла возстанія во ввѣренной ему части Царства, но ничего изъ этого не вышло. Все клонилось къ упадку. Корпусъ таялъ, какъ снѣгъ въ поляхъ; и гражданская, и военная организація вездѣ разстраивались больше и больше. Въ апрѣлѣ 1864 г. о Босакѣ перестали слышать.

Что касается люблинскихъ и подляскихъ бандъ Врублевскаго, гдѣ находились: собственная конная банда воеводы, человекъ въ 200, банды Крысинскаго, Рудкаго, Эйтминовича, Понинскаго, Цѣвка (Цѣпковскаго), большая часть ихъ держалась только до конца 1863 года, имѣя съ русскими отрядами частыя стычки, которыя изрѣдка (какъ, напримѣръ, 17-го ноября н. ст., между Россоней и Ломазами, Бѣльскаго уѣзда Люблинской губерніи, и 18-го ноября н. ст. подъ Когѣномъ) кончались въ пользу повстанцевъ. А банды Врублевскаго и Рудкаго даже и перезимовали въ тѣхъ мѣстахъ, скрываясь въ такъ называемомъ «липнякѣ», въ хатахъ, построенныхъ среди густыхъ лѣсовъ и болотъ. 19-го января н. ст. 1864 г., Врублевскій, двигаясь отъ Тысменицы къ Едлянкѣ, былъ атакованъ Кубанскою сотнею подполковника Занкисова и жестоко раненъ въ голову и плечо шапкой, такъ что упалъ съ лошади, но какимъ-то чудомъ спасся и ушелъ за границу. Въ 1870 году онъ явился предводителемъ извѣстной части войскъ парижской коммуны.....

Въ Калишскомъ воеводствѣ продержался зиму полковникъ Францискъ Коперницкій.

На Жмуду прозимовала банда полковника Кушлейки ¹⁾.

Послѣднею бандой возстанія 1863—1864 годовъ считаютъ бандунекротимаго фанатика, ксендва Станислава Бржоска, который держался, съ помощью преданныхъ ему крестьянъ, въ неприступныхъ лѣсистыхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ разныхъ уѣздовъ Варшавской и Люблинской губерній до половины апрѣля 1864 г. по ст. ст., производя мелкіе беспорядки и вѣшая безъ милосердія всѣхъ скольконибудь подозрительныхъ для него людей обоюго пола, когда они попадались ему въ руки.

Кубанцы Занкисова гонялись за нимъ въ продолженіе вѣсколькихъ недѣль, въ мартѣ и апрѣлѣ 1864 г. по н. ст., но ничего не могли сдѣлать. Исторія кончилась просто: послали въ тѣ мѣста раторопнаго сыщика и онъ, посредствомъ одной женщины (завѣстно: gdzie djabeł nie może, tam poszle babę), открылъ мѣстопребываніе

¹⁾ Объ его походахъ можно прочесть въ №№ 90, 91, 93, 95, 96, 97, 99 и 100 «Gazety Narodowej» 1879 года.

Бржоски въ дер. Сыпиткахъ-Шляхоцкихъ, въ домѣ кузнеца, за двойною стѣной, гдѣ онъ арестованъ небольшою командою солдатъ, 17-го апрѣля ст. ст. 1864 г., почти одновременно съ его «адъютантомъ», луковскимъ мѣщаниномъ Францискомъ Вильчинскимъ, и оба они повѣшены 11-го (23-го) мая, въ 11 часовъ утра, въ м. Соколовѣ, Сѣдлецкаго уѣзда, Люблинской губерніи, какъ въ пунктѣ, около котораго наиболѣе проказничали ¹⁾).

Можно, пожалуй, упомянуть, что знакомый уже читателямъ полковникъ Эдмундъ Калъе, когда-то главный начальникъ Мавовецкаго воеводства, собиралъ, близъ этого времени, банду въ Познанскомъ княжествѣ, дабы съ нею вторгнуться въ Плоцкое воеводство весной 1864 г., но схваченъ прусскою полиціею въ Зеленцѣ и сужденъ въ Берлинѣ ²⁾).

Приближался конецъ и статскимъ ратникамъ возстанія, рѣшившимся биться до-нѣльзя и пасть—съ перьями въ рукахъ.

Они все писали и писали, съ утра до ночи, а иногда и ночь, поддерживая, на сколько хватало силъ, духъ организаціи и питая въ себѣ и другихъ надежду на вмѣшательство Европы, на вооруженную помощь Франціи и Англіи. Наконецъ, потеряли эту надежду—и все-таки писали.

Ихъ положеніе было гораздо труднѣе, чѣмъ ихъ братьевъ, бывшихъ въ подѣ. У тѣхъ было спасеніе во всякую минуту: лѣсъ, болота, неприступныя ущелья, Галиція, Познань; они знали только одного врага: русскіе отряды; ихъ ретирада за границу считалась ровно ничѣмъ, была самымъ обыкновеннымъ, общепринятымъ маневромъ. Другое дѣло были ратники статскіе, охранявшіе и оживлявшіе цѣлое возстаніе, имѣвшіе свою неизмѣнную резиденцію въ одномъ и томъ же пунктѣ: въ центрѣ Царства Польскаго, гдѣ для укрытія не было подъ бокомъ ни лѣсу, ни Галиціи, ни Познани. Бѣгство ихъ было бы позоромъ, ничѣмъ не смываемымъ пятномъ въ глазахъ всего, что называется польскимъ—и повлекло бы за собою неизбежное разрушеніе цѣлаго революціоннаго зданія. Передъ этими ратниками былъ не одинъ только врагъ—москаль: имъ нужно было биться съ нѣсколькими врагами вдругъ, съ чужими и своими, со множествомъ партій и котерій, какъ въ самой Варшавѣ, такъ и за границей: въ Краковѣ, Львовѣ, Познани и на берегахъ Сены и Темзы, даже Богъ

¹⁾ Оба они были еще молодые люди: Бржоска имѣлъ 33 года, а Вильчинскій 21 годъ.

²⁾ Гиллеръ, II, 281.

вѣдаетъ гдѣ; вразумлять цѣлыя массы людей, безумнѣе которыхъ нѣтъ ничего во вселенной—и они бились очень храбро и спокойно, потративъ на это понапрасну огромный запасъ молодыхъ силъ, твердости характера и самой неслыханной энергіи, достойной лучшей участи. Надо отдать имъ справедливость: все это были люди съ талантами, съ отвагой и необыкновенной энергіей: Траугутъ, Краевскій, Точискій, Жудинскій, Езеранскій ¹⁾...

Если-бъ знали всѣ тѣ, кому приходилось судить объ этихъ личностяхъ, сколько борьбы вынесли они единственно съ честолюбіемъ и необузданною, дикою заносчивостью многихъ изъ своихъ подчиненныхъ, которые требовали награды, отличій, мечтали о высшемъ положеніи, о диктаторствѣ—въ то время, когда все видимо клонилось къ упадку; хотѣли порисоваться передъ братьями хотя на мигъ, чтобы записали потомъ, что и онъ также былъ не послѣднею спицею въ колесницѣ и сложили оружіе или повѣшенъ—въ крупномъ чинѣ!

Наиболѣе неукротимымъ и беспокойнымъ интриганомъ тогдашней городской организаціи—этого, какъ мы уже не разъ говорили, гнѣзда всякихъ безпорядковъ, вѣчнаго Status in Statu—былъ Вапшковскій. Онъ безпрестанно мутилъ всевозможныя кружки, свосился съ заграничными честолюбцами того-же закала, жалуюсь на безтолковое и вредное управленіе жонда. Такого человѣка слѣдовало, по общимъ революціоннымъ принципамъ, давнымъ-давно устранить, *szczepnąć*, не стѣсняясь въ средствахъ, но этого не рѣшился сдѣлать ни одинъ изъ жондовъ, единственно потому, что Вапшковскій все-таки былъ полезенъ возстанію, какъ индивидуумъ рѣдкой отваги и энергіи, и при томъ въ высшей степени честный, когда дѣло касалось сбереженія народнаго гроша. Онъ работалъ изо всѣхъ силъ, лѣзъ на всякія батареи, не спрашивая предварительно—можно-ли ихъ взять; совершалъ истинныя чудеса ловкости и находчивости и изъ похищенныхъ имъ милліоновъ не взялъ ничего ровно; всѣ счета его, какіе онъ представлялъ начальству въ расходованіи разныхъ вѣрившихся ему суммъ, отличались необыкновенною точностью и аккуратностью, были переписаны всегда такъ, какъ переписываетъ свои счета только нѣмецкій кассиръ идеальной и спокойно-проживающей свои дни банковской конторы. Ничья рука не подымалась на такого человѣка, хоть и знали, что онъ на бочку меду имѣетъ въ себѣ не одну ложку дегтю.

Менѣе всего намѣренъ былъ устранять его энергическими сред-

¹⁾ Иванъ Езеранскій былъ коммуникаціоннымъ комиссаромъ народнаго правительства.

ствами Траугутъ, прибывшій, какъ всѣ говорили и какъ было на самомъ дѣлѣ,—ослабить, а не усилить терроръ. Траугутъ, напротивъ, старался всячески ладить съ Вашковскимъ, высказывалъ ему и людямъ, одинаково съ нимъ мыслящимъ и настроеннымъ, глубокую признательность народнаго правительства за ихъ труды, жертвы, самоотверженіе и отвагу, и обѣщалъ, при случаѣ, все это вознаградить. Подобныя обѣщанія дѣйствовали на всякихъ честолюбцевъ организациі очень слабо и можно ручаться чѣмъ угодно, что, еслибъ страхъ, нагнанный на всѣхъ энергическими мѣрами намѣстника, сколько-нибудь уменьшился—съ жондомъ Траугута могло бы случиться то же самое, что случилось съ жондомъ третьяго состава, передъ Хмѣленскимъ. Такіе же точно дикіе вихри налетѣли бы изъ Кракова и сдули зданіе, построенное съ такою заботливостью и важностью Чарторыскимъ. Маевскій весьма основательно этого боялся. Но теперь эти вихри попрыгали по равнымъ ущеліямъ, не были и не бушевали совсѣмъ отъ другихъ причинъ, а никакъ не отъ умѣнія Траугута и его директоровъ съ ними обращаться, хотя онъ и думалъ, будто-бы его тонкая политика виною, что такъ вышло. Не унимался одинъ Вашковскій: такой ужъ былъ это вихоръ. Онъ продолжалъ высказывать, что ни день, всякія рѣзкія неудовольствія противъ жонда и писалъ за границу, стараясь найти тамъ соратниковъ своимъ интригамъ. Эта переписка съ разными зажигателями Кракова, Львова и Познани кончилась тѣмъ, что, въ послѣднихъ числахъ ноября, или въ самомъ декабрѣ 1863 г., прибылъ въ Варшаву секретарь Мирославскаго, Куржина, съ цѣлію устроить что-либо болѣе соотвѣтственное минутѣ, чѣмъ жондъ Траугута, и основалъ особый революціонный комитетъ, гдѣ предсѣдателемъ былъ чиновникъ комисіи финансовъ, Брониславъ Бржезинскій, а членами ученики Главной школы: Теофилъ Соецкій и Владиславъ Келлеръ ¹⁾. Они должны были копать яму подъ Траугутомъ и его директорами, на сколько хватить силъ—и копали, но ничего не сдѣлали. За границей Куржина собиралъ также кружки недовольныхъ жондомъ, но и тамъ не достигъ ничего опредѣленнаго.

Отъѣздъ за границу Вацлава Пршибыльскаго навсегда ²⁾ далъ

¹⁾ Показаніе Даниловскаго.

Н. В.

²⁾ Онъ прибылъ изъ Парижа почти одновременно съ Траугутомъ, въ началѣ октябрѣ по н. ст., и занялъ прежнее свое мѣсто начальника города Варшавы. Во время его отсутствія правили его должность: старшій начальникъ одного изъ городскихъ отдѣловъ Антонъ Страшевичъ, и учитель Ченстоховскаго уѣзднаго училища Адольфъ Пепловскій. Вторичное его пребываніе въ Варшавѣ сопряжено было съ вѣроятными затрудненіями: онъ жаль

возможность Траугуту успокоить до нѣкоторой степени честолюбивнаго стремленія Вашковскаго: онъ былъ сдѣланъ начальникомъ города Варшавы, съ предоставленіемъ ему значительной свободы дѣйствій. Вашковскій бросился исполнять свои проекты, давно не дававшіе ему покоя. Прежде всего преобразовалъ городской совѣтъ (Rada Miejska) въ такъ называемую «городскую организацію-собственно».

Въ этотъ новый городской совѣтъ вошли членами слѣдующія лица: Болеславъ Борженцкій—начальникомъ 1-го отдѣленія; Владиславъ Эпштейнъ—начальникомъ 2-го отдѣленія; Ипполитъ Незабитовскій—начальникомъ 3-го отдѣленія, и Заржицкій и Дрыль—оба начальниками одного 4-го отдѣленія.

Въ самыхъ первыхъ числахъ января по н. ст. 1864 г., городской совѣтъ, въ сказанномъ составѣ, собрался на Лешно, въ домѣ коммисіи финансовъ, у Заржицкаго. Вашковскій прочелъ присутствующимъ декретъ финансоваго отдѣленія «объ усиленіи внутренняго народнаго займа, вслѣдствіе того, что внѣшній, европейскій, заемъ не состоялся».

— «Этотъ новый народный заемъ, по соображеніямъ высшихъ властей заговора,—сказалъ Вашковскій,—долженъ производиться въ слѣдующихъ размѣрахъ: съ капитала до 100 тысячъ злотыхъ—1⁰/₀; съ капитала до 300 тысячъ—1¹/₂⁰/₀; съ капитала до 600 тысячъ злотыхъ—2⁰/₀; далѣе—по 3⁰/₀».

Затѣмъ Вашковскій роздалъ по 100 бланковъ на референта, предлагая каждому «вписать туда имена своихъ знакомыхъ, кто кого знаетъ, и выставить противъ ихъ именъ соотвѣтственныя суммы». На слѣдующее засѣданіе, бывшее также въ квартирѣ Заржицкаго, на Лешно, Вашковскій, сильно размыскаемый полиціею, не явился. Замѣтившее его лицо спросило у товарищей «вписали-ли они кого нибудь въ розданные имъ бланки?» Никто ничего не отвѣчалъ, одинъ лишь Эпштейнъ представилъ нѣсколько громкихъ банкирскихъ фа-

по монастырямъ, искалъ пріюта у разныхъ знакомыхъ, наконецъ, былъ высланъ жандармомъ за границу, въ качествѣ чрезвычайнаго комиссара за предѣлами русскаго захвата. Назначенъ въ эту должность 5-го декабря н. ст. 1863 г. Инструкціи ему см. въ приложеніи къ этой главѣ; изъ нихъ видно, что народныя власти тогда существовали еще во всѣхъ захватахъ.

Близъ того же времени назначенъ и Рупрехтъ уполномоченнымъ комиссаромъ при комиссіи народнаго долга и при польскомъ комитетѣ въ Парижѣ. Позже Пршибыльскій сильно бѣдствовалъ, переѣзжая изъ города въ городъ—и умеръ въ Бухарестѣ, 25-го декабря н. ст. 1872. О похожденияхъ его въ Литвѣ, Царствѣ и за границей см. Rocznik Towarzystwa Historyczno-Literackiego w Paryżu, Poznań, 1879, t. II, стр. 381—395. Н. В.

милій, съ крупными цифрами противъ каждой, отъ 100 до 200 тысячъ золотыхъ. Всѣ улынулись....

На третьемъ засѣданіи совѣта, въ квартирѣ Эппштейна, на Королевской улицѣ, въ д. Дюбарле (нынѣ Лазарини), сдѣлана, съ общаго согласія, умѣренная раскладка взносовъ на разныхъ обывателей и произведенъ, послѣ того, по ней принудительный сборъ денегъ. Множество людей, нынѣ спокойныхъ и мирныхъ, ходило по квартирамъ знакомыхъ и незнакомыхъ имъ жителей Варшавы и требовало взноса назначенной суммы, показывая подъ полою револьверъ. Конечно, при этомъ не обходилось безъ скандаловъ.

Слѣдующія засѣданія совѣта происходили тамъ же, въ домѣ Дюбарле, или на Новолипьѣ, у Домбровскаго, и никогда не были полными. Ходившіе чувствовали, что ходятъ неизвестно зачѣмъ. Одинъ изъ членовъ послѣ говорилъ: «На что собиралъ насъ объ эту пору Вашковскій, когда видѣлъ, что мы ничего не дѣлаемъ, да и не можемъ ничего дѣлать; когда довѣріе въ публикѣ къ народнымъ властямъ упало; когда всѣ чувствовали даже отвращеніе отъ всякихъ подобныхъ занятій... когда бандъ не было, денегъ не было, когда самъ Вашковскій раза два бралъ себѣ денегъ на обѣдъ у какого-то ксендза и до того былъ преслѣдуемъ полиціей, что иной разъ—признавался намъ—по нѣскольку дней не скидывалъ платя и приходилъ на засѣданія неумытой.... Все это можно объяснить развѣ чрезвычайною пустотою, развѣ тѣмъ, что онъ совершенно потерялъ голову».

Въ самомъ концѣ января по н. ст. 1864 г., не только засѣданія совѣта, но и все въ организаціи было потрясено, вслѣдствіе одного, по видимому, неважнаго обстоятельства: у гимназиста Лышкевича потухъ, 24-го января н. ст., на улицѣ фонарь. Такихъ было принято брать въ циркуль и осматривать подробно: взяли и Лышкевича. При немъ найдена записка, показывавшая близкія сношенія его съ организаціей, почему нашли необходимымъ отправить его въ слѣдственную комиссію. Тамъ спросили у Лышкевича: «откуда онъ шелъ, когда его взяли?» Лышкевичъ назвалъ какую-то фамилію—по справкамъ оказалось, что такого лица въ городѣ вовсе нѣтъ. Лышкевичъ назвалъ другаго—и этого не нашли. Ему сказали, что заpiresательства его ни къ чему не послужатъ и совѣтовали сознаться откровенно съ разу; что это послужитъ, по крайней мѣрѣ, къ улучшенію его собственной участи. Тогда Лышкевичъ признался, что «провелъ вечеръ у студента Главной школы Владислава Богуславскаго».

У Богуславскаго произвели внезапный обыскъ и нашли много бумагъ, подробный разборъ которыхъ далъ въ руки слѣдственной ком-

мисии ариаднину нить въ лабиринтъ заговора: пошли по ней—и дошли до жонда!

Сначала былъ арестованъ помощникъ начальника повстанской полиціи Эмилиј Лауберъ. Онъ указалъ на нѣсколько лицъ, занимавшихъ болѣе или менѣе видныя должности въ народной организаціи. Часть ихъ взяли. Они сдѣлали новыя указанія. Пошли аресты за арестами, но когда дошли до самыхъ высшихъ чиновъ—узелъ сталъ развязываться туго: здѣсь все отличалось необычайною стойкостью и упорствомъ. Ни ласковое, ни крайне-суровое обращеніе съ узниками высшаго разряда не приводило рѣшительно ни къ чему. Одинъ арестантъ просидѣлъ 71 день въ холодномъ подвалѣ, безъ горячей пищи, занемогъ и едва не умеръ, но не выдалъ тайны! ¹⁾.

Было взято почти все, работавшее дотолѣ въ разныхъ отдѣленіяхъ жонда и, конечно, нужное для движенія машины никакъ не менѣе, чѣмъ самый жондъ; захвачены даже директора или министры, но глава всего, диктаторъ—ускользалъ изъ рукъ, не смотря на всю энергію искавшихъ, и нужно было еще два мѣсяца, чтобы получить объ немъ первыя неясныя свѣдѣнія.

Около Траугута теплилась повстанская жизнь. Находились еще перья, которыя что-то писали—и это «что-то» мчалось по разнымъ направленіямъ Царства и за границу.

Вставалъ Траугуть, по прежнему, въ 10-мъ часу утра и съѣдалъ, съ тѣмъ же неизмѣннымъ аппетитомъ, завтракъ, приносимый тою же хозяйкой.

Вслѣдствіе недостатка рукъ въ иныхъ, еще дышавшихъ кое-какъ, отдѣленіяхъ жонда, а также и вслѣдствіе усиленнаго наблюденія за этими отдѣленіями, Траугуть долженъ былъ ихъ немного перестроить. Прежде всего, онъ уничтожилъ секретаріатъ въ той формѣ, въ какой онъ существовалъ дотолѣ, замѣнивъ его нѣсколькими пунктами въ городѣ, черезъ которые остатки жонда сносились съ уцѣлѣвшими еще отдѣленіями городской организаціи.

Однимъ изъ такихъ пунктовъ была пряничная лавка Врублевскаго, на Капитульной улицѣ, гдѣ взялась принимать отъ извѣстныхъ лицъ и выдавать кому слѣдуетъ все, требуемое жондомъ, восемнадцатилѣтняя дочь хозяина, Александра Врублевская, назвавшись Каролиной.

¹⁾ Сообщено генераломъ П. С. Лебедевымъ, которому было поручено въ то время, по особому повелѣнію, осматривать тюремныя заключенія въ Царствѣ и въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Лебедевъ потребовалъ перевода узника въ другое мѣсто, чѣмъ и сдѣлано. Имени его, однако же, онъ не открылъ.

Сестры Гузовскія и еще двѣ женщины того же сорта, Островская и Плахецкая, а иногда и мужчины, приносили въ лавку Врублевскихъ и уносили оттуда пакеты съ разными знаками и номерами. Каждое лицо забирало свой номеръ или букву. Плахецкая приносила пакеты съ разными буквами, но забирала только такіе, на которыхъ стояла буква А или Аа. Эмилія Гузовская уносила пакеты съ буквой Д. Букву Е забиралъ ксендзь Артуръ ¹⁾.

Кромѣ того, приносились пакеты въ аптеку Мукляновича, на углу Маршалковской и Свентокржиской улицъ, разными лицами, которыя говорили: «это для Викентія!» За этими пакетами являлась, три раза въ недѣлю, Плахецкая и спрашивала: «нѣтъ-ли чего для Викентія?» Такія-то хитрости придумывалъ жондъ, умирая, между тѣмъ нисколько не хотѣлъ умирать и все еще надѣялся на интервенцію и конгрессъ! Отъ Чарторыскаго получались постоянныя приглашенія «держаться и держаться, пока есть хотя какія вибудь искры жизни—и заявлять Европѣ, чѣмъ только можно, объ этой жизни».

Подъ вліяніемъ-ли такихъ внушеній, или по собственной инициативѣ, Траугуть выпустилъ тогда въ свѣтъ престранный приказъ: о посполитомъ рушенѣ ²⁾, хотя и чувствовалъ, что изъ этого ничего не выйдетъ: «пусть будетъ, по крайней мѣрѣ, сказано послѣ, что мы-де испробовали съ своей стороны все. Вѣдь Рейтанъ легъ же въ дверяхъ сеймовой залы варшавскаго сената ³⁾, 13-го сентября 1773 г., хотя, въ сущности, это было безсмысленно и онъ зналъ, что его унесутъ гренадеры Рѣппина!»....

Здѣсь фіаско было посылнѣе: диктаторскаго приказа о посполитомъ рушенѣ даже и не читали! Немногіе знаютъ объ его существованіи. Край думалъ тогда единственно о возможно-скорѣйшемъ примиреніи съ правительствомъ, и ни о чемъ болѣе.

Еще въ ноябрѣ 1863 г., многіе бѣлые стали говорить, что «нужно же положить когда нибудь конецъ этому несчастію!» ⁴⁾—и значительною массой перешли на сторону правительства; только десятокъ-другой упорныхъ бѣжалъ за границу.

Извѣстно, что бываетъ при такихъ заявленіяхъ симпатій массы: 2-го ноября ст. ст. 1863 г., явился вдругъ адресъ мѣстечка Нѣша-

¹⁾ Секретарь директора иностранныхъ дѣлъ, ксендзь Артуръ Волынскій.

²⁾ Гиллеръ, I, 77.

³⁾ Нышъ «зала съ колоннами» въ бывшемъ Королевскомъ замкѣ, гдѣ танцуютъ.

⁴⁾ «Już raz, mawiali, potrzeba położyć koniec temu nieszczęściu» (Гиллеръ, I, стр. 97).

вы ¹⁾). Затѣмъ адреса, можно сказать, посыпались отовсюду и свалились до апрѣля 1864 г. «Всеобщій Дневникъ» печаталъ ихъ, прилагая и подписи лицъ, которыхъ были десятки тысячъ ²⁾). Государя именовали въ этихъ адресахъ очень часто отцомъ и благодѣтелемъ. Въ адресѣ жителей Радомы стояли въ началѣ такія строки: «Najjasniejszy Cesarzu! Najmilosciwszy Królul! Najukochańszy Ojczę Dobrodzieju! J Panie nasz!» ³⁾). Самый простой и выразительный адресъ былъ отъ жителей Варшавы ⁴⁾).

Подача адресовъ была фактомъ совершившимся. Онъ показывалъ ясно, что самыя послѣднія надежды отлетѣли. Давно-ли все подобное было немислимо въ краѣ!... Вашковскій совѣтовалъ Траугуту выпустить запретительный декретъ, но Траугутъ воспротивился тому, говоря, что «выпустить декретъ не штука, но какъ его не послушаютъ — и жондъ будетъ скомпрометированъ!» Вашковскій, однако же, не могъ, что называется, «одолѣть сердца»: отпечаталъ отъ себя, какъ начальникъ города Варшавы, патріотическое увѣщаніе къ жителямъ всѣхъ сословій, чтобы они воздерживались отъ подачи адресовъ, какъ дѣйствія предосудительнаго и неприличнаго прямѣмъ патріотамъ. Никто этого не читалъ. Адресы продолжали подаваться.

А на Литвѣ давались уже, съ первыхъ чиселъ ноября, общественныя балы ⁵⁾).

Въ январѣ 1864 г., пришла мысль расторопному и отважному президенту города Варшавы устроить такой же балъ и въ честь намѣстника графа Берга, въ намѣстниковскомъ дворцѣ—какъ бы «отъ жителей города».

Конечно, легче было собрать подписи подъ адресомъ, подъ десятью адресами, чѣмъ найти—въ такой неустановившейся еще надлежащимъ образомъ политической атмосферѣ, когда не совсѣмъ утихли звуки повстанческаго оружія на поляхъ битвъ—кучку гражданъ, которые рѣшились бы выставить свои фізіономіи на балу, яко-бы даваемомъ Варшавой намѣстнику. Откуда, въ особенности, было достать польскихъ дамъ? Тѣмъ не менѣе, для устройства подобныхъ первыхъ баловъ послѣ возстаній, отысканы кое-какіе рецепты: расторопный президентъ города зналъ ихъ—и смѣло повелѣ приготвленія. День для бала выбрали—18-го января ст. ст. 1864 г. Съ ран-

¹⁾ Станція Варшавско-бромбергской желѣзной дороги, неподалеку отъ границы.

²⁾ См. «Dziennik Powszechny» 1864, №№ съ 11 по 137.

³⁾ № 68 «Dzien. Powsz.» 1864.

⁴⁾ № 26 «Dzienn. Warsz.» 1864.

⁵⁾ Первые балы были въ Брестѣ и Гроднѣ.

наго утра, двойная цѣпь полиціантовъ окружила весь намѣстниковскій дворець. Послѣ двухъ часовъ пополудни они не должны были пропускать за желѣзную рѣшетку, что идетъ отъ флигеля къ флигелю, посрединѣ двора, рѣшительно никого безъ билета и особаго знака. Кромѣ того, въ нижнемъ этажѣ палаца поставленъ караулъ солдатъ. За садомъ, на Броварной улицѣ, расположена пожарная команда. Въ саду, за многими кустами, укрывались полиціанты ¹⁾. Сколько ни хлопоталъ начальникъ города Вашковскій и начальникъ полиціи Пенъковскій ²⁾ — ввести въ палаць хотя нѣкоторую часть своей прислуги, для устройства разныхъ сюрпризовъ москалямъ ³⁾ (такъ какъ извѣстно было, что танцующіе будутъ только русскіе) — это оказалось совершенно-невозможнымъ.

Удалось только двумъ повстанскимъ жандармамъ, Фадеемъ Фохту и Теофилу Руцинскому ⁴⁾, пробраться, по приказанію своего десятискаго, Гохгаузера, на лѣстницу, въ лѣвомъ флигелѣ зданія, передъ рѣшеткой, и полить эту лѣстницу горючею жидкостью. Это было въ 4-мъ часу дня, назначеннаго для бала. Произошелъ небольшой пожаръ, который былъ мгновенно потушенъ прибывшею ту же минуту съ Броварной улицы пожарной командой.

Намѣстникъ едва-ли зналъ объ этомъ происшествіи, явась въ 11-мъ часу на балъ. Президентъ города, съ нѣсколькими не очень извѣстными Варшавѣ гражданами, встрѣтилъ намѣстника рѣчью на польскомъ языкѣ, передъ дверями главной залы, — и затѣмъ вручилъ ему изящный свитокъ, скрѣпленный подписями. Продвигалось восемь ⁵⁾ польскихъ дамъ, пожилыхъ лѣтъ, вѣроятно — женъ мелкихъ чиновниковъ, продвигалось и сѣло гдѣ-то въ углу. Никто изъ присутствующихъ ими не занимался, да признаться, это было бы нѣсколько трудно.... Балъ открытъ — русскими офицерами (преимущественно гвардейскою кавалеріей) съ русскими дамами, которыхъ было приглашено для этого достаточное количество.

¹⁾ Всѣ эти подробности сообщены автору президентомъ города г.-м. Витковскимъ и оберъ-полиціймейстеромъ, г.-м. Фридрихсомъ.

²⁾ Вскорѣ затѣмъ скрылся изъ Варшавы. На его мѣсто назначенъ Ирвей Туржанскій, въ организаціи Адмиралъ. Пенъковскій умеръ въ Парижѣ 30-го іюна и. ст. 1867 года, отъ разрыва сердца. Замѣтки объ немъ въ *Dodatku* книги: «*Przegląd dla Rodzin Polskich*», Краковъ, 1868 г., стр. 48—49.

³⁾ Предположено было, между прочимъ, подложить подъ нѣкоторые стулья тѣ адскія машины, которыя были выписаны изъ Парижа при Хмѣленскомъ, въ сентябрѣ 1863 года.

⁴⁾ Тотъ самый, что участвовалъ въ убійствѣ доктора Германи.

⁵⁾ Авторъ, бывшій на этомъ балу, считалъ ихъ лично.

По окончаніи танцевъ, послѣдовала ужинъ, гдѣ офицеры занимали одну половину стола, а неопредѣленные граждане—другую, тѣсясь около президента города: Тутъ шли одушевленные бесѣды по русски, тамъ шумѣли и ораторствовали преимущественно по польски. Русскій басъ вторгся туда на короткое время, какъ бы нечаянно, и чувствовалъ, что ему лучше всего поскорѣе замереть.... бутылки хлопали; подконецъ всѣмъ стало довольно весело и естественно.

Ходившій съ самаго начала по заламъ фельдъегерь, присматривавшійся къ одушевленному балу, поѣхалъ, въ заключеніе, въ Петербургъ съ докладомъ намѣстника, что балъ 18-го января удался какъ нельзя лучше—и что вотъ, если угодно, и личный свидѣтель.

Надо было начать хоть такъ.

Черезъ нѣсколько дней потомъ редакторамъ газетъ предложено писать статьи о театральныя представленія. А во второй половинѣ февраля, именно 23-го по ст. ст. 1864 г., прибывшій изъ Петербурга генералъ-адъютантъ графъ Барановъ объѣхалъ, съ большою свитою, городъ, оглашая, черезъ находившихся при немъ герольдовъ, на всѣхъ главныхъ площадяхъ: Александровской, Гршибовской, Театральной, Старомъ-Мѣстѣ и передъ Замкомъ, новое устройство крестьянскаго быта ¹⁾.

Такое же оглашеніе было сдѣлано вслѣдъ затѣмъ и внутри края. Начальникъ города Варшавы и повстанская полиція грозили смертью лицамъ, которыя осмѣлятся принять на себя роль герольдовъ въ Варшавѣ и Царствѣ. Всѣмъ этимъ ребятамъ хотѣлось просто-за-просто пошумѣть на-послѣдяхъ, такъ какъ они знали, что послѣ нихъ—и такъ никто шумѣть не будетъ. Организация таяла съ каждою минутой и теряла энергическихъ людей. Траутуть въ шалости своихъ подчиненныхъ не мѣшался,—онъ тоже ждалъ скорого конца.

Когда главный его протекторъ, надежда и опора во всѣхъ дѣйствіяхъ, князь Владиславъ Чарторнскій, подалъ въ отставку, Траутуть пропѣлъ свою лебединую пѣснь: выпустилъ въ свѣтъ, 18-го марта н. ст. 1864 г., воззваніе поляковъ къ Европѣ—и черезъ нѣсколько дней послѣ этого былъ арестованъ, въ своей квартирѣ, въ два часа ночи. Говорятъ, когда разбудили его—онъ, взглянувъ на окружающія его военныя фигуры, сказалъ только: «już!»

¹⁾ То, чтò тогда читалось на упомянутыхъ площадяхъ, можно видѣть въ № 54 «Dziennika Powsz.» 1864 г. Оглашеніе должно было послѣдовать, какъ и русское, 19-го февраля, но Берга не сейчасъ могли уломать: онъ все спорилъ и откладывалъ—и, наконецъ, согласился только 23-го. Н. В.

Через три дня потомъ арестовали и Маевскую съ дочерью, но онѣ успѣли спрятать бумаги и печати жонда. Бѣжавшій вскорѣ послѣ этого за границу статсъ-секретарь Яновскій передалъ эти печати предсѣдателю революціоннаго комитета Куржины, Брониславу Бржезинскому¹⁾. Лемпке, тоже бѣжавшій, сдалъ свою должность Гавалкевичу²⁾. Галензовскій скрылся. Такимъ образомъ, въ Варшавѣ осталась только тѣнь жонда: его печати у Бржезинскаго, но онѣ не знали, что съ ними дѣлать и тщательно пряталъ ихъ отъ Вашковскаго. Вашковскій же употреблялъ всевозможныя мѣры, чтобы овладѣть ими и потомъ разыгрывать роль жонда, но никакіе подходы, никакія угрозы были не дѣйствительны. Изнемогши, однако, въ этой борьбѣ и боясь быть убитымъ, Бржезинскій написалъ (въ концѣ мая или въ самомъ началѣ іюня 1864 г.) въ Дрезденъ, къ Гуттри, письмо, гдѣ, изобразивъ подробно постигшую жондъ катастрофу, рассказалъ о своемъ затруднительномъ положеніи и предлагалъ перенести центр тяжести догорающаго возстанія за границу, при чемъ взять въ свои руки высшую власть, ибо иначе она перейдетъ въ руки краснаго безумца Вашковскаго, который неизбежно поведетъ дѣла отжившимъ свои дни террорическимъ путемъ, и безъ того оставившимъ въ организаціи неизлечимыя раны.

Это письмо проскользнуло за границу такъ, что Вашковскій не зналъ ничего, но отвѣтъ Гуттри Бржезинскому былъ имъ перехваченъ.

Гуттри писалъ, что «принять главнаго начальства надъ организаціей не можетъ, потому что встрѣтилъ бы сильную оппозицію въ партіи Куржины, которая играла въ эмиграціи довольно видную роль; а равно и въ партіи аристократовъ, не особенно къ нему благоволившей, какъ (по ихъ мнѣнію) къ красному, хотя онъ имъ никогда не былъ. Сверхъ того, онъ полагалъ, что жондъ и его печати должны быть непременно въ краѣ». Но если, не смотря ни на что, окажется все-таки необходимымъ назначить кого либо за границей главнымъ начальникомъ всего, что еще не умерло въ организаціи, — Гуттри

¹⁾ Гиллеръ, I, 133.

²⁾ Должность организатора и интенданта. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1864 г., по указанію варш. слѣд. комисіи, Лемпке арестованъ въ Кіевѣ и подъ арестомъ отравился. Рассказываютъ такую подробность объ этомъ отравленіи: у Лемпке стояло на столѣ, во всякое время дня и ночи, два стакана съ сильнымъ ядомъ, въ видѣ порошка на двѣ, и подлѣ графинъ съ лимонадомъ. Когда къ нему явился жандармскій офицеръ, — Лемпке, переговоривъ съ нимъ, вдругъ схватилъ себя за голову и сказалъ: «горятъ голова! жарко! Позвольте выпить лимонаду!» и, не дожидаясь отвѣта, быстро налилъ оба стакана, одинъ выпилъ залпомъ, а другой предложилъ офицеру, но тотъ остерегся и не сталъ пить.

указывалъ для этой роли Куржину и совѣтовалъ не стѣснять его власти ничѣмъ. «А что до Вашковскаго (говорилось въ заключеніи письма), если онъ окажется въ чемъ либо помѣхой, устраните его однимъ изъ способовъ, какихъ въ рукахъ жонда, сколь бы онъ ни былъ слабъ, безъ сомнѣнія—всегда довольно».

Вашковскій явился съ этимъ письмомъ къ Бржезинскому.

Послѣ нѣкоторыхъ весьма-крупныхъ и рѣзкихъ объясненій, они пришли, въ концѣ концовъ, къ такому соглашенію: Куржина былъ назначенъ главнымъ уполномоченнымъ директоромъ за границей (Głównym Pełnomocnym Dyrektorem). Бржезинскій написалъ къ нему письмо, коимъ просилъ устроить немедля, за границей-же, счетную палату, для провѣрки разныхъ приходоу и расходоу. Вашковскій сталъ готовить для этого матеріалы, между прочимъ переписалъ своею красною рукою всю книгу со счетами (Książkę z rachunkami), оставшуюся послѣ Траугута и директороу.

Этотъ новый заграничный отдѣлъ жонда назвалъ себя: «Общество польскихъ патриотоу», куда вошли членами: помѣщикъ Александръ Гуттри, генералъ Босакъ, ксендзъ каноникъ Касперъ Ботковскій и Куржина—какъ предсѣдатель.

Въ счетной палатѣ было семь членоу, изъ коихъ извѣстны только трое: докторъ Северинъ Галензовскій, Владиславъ Даниловскій и литераторъ Северинъ Эльжановскій.

Куржина скоро прислалъ въ Варшаву манифестъ, въ количествѣ ста экземпляроу, но Вашковскій всѣ ихъ сжегъ ¹⁾.

Когда все это происходило, устраивались новыя странныя отдѣленія и счетныя палаты фантастическаго жонда за границей,—участъ дѣйствительнаго послѣдняго жонда, участъ Траугута и директороу—рѣшилась.

5-го августа н. ст. 1864 г., угласяса Александровской цитадели, близъ форта Алексѣя, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были казнены Ярошинскій, Рымль и Ржонца, воздвиглась одна большая висѣлица

¹⁾ Можно, пожалуй, прибавить, что близъ того же времени (въ мартѣ 1864 г., бѣжавшій послѣ ареста изъ Кракова въ Парижъ, князь Адамъ Сапѣга назначенъ былъ, Вацлавомъ Пршибыльскимъ и Карломъ Рупрехтомъ, на основаніи данныхъ имъ отъ жонда полномочій, — полномочнымъ комиссаромъ и сталъ проявлять самую неслыханную дѣятельность, какъ-бы желая загладить и исправить всѣ свои старыя грѣха противъ жонда; всѣмъ и каждому трубилъ о необходимости соединенія всѣхъ силъ въ одну массу; строилъ планы и проекты и выпустилъ въ свѣтъ, 21-го апрѣля 1864 г. н. ст., воззваніе, надъ которымъ всѣ смѣялись (Гиллеръ, II, 10).

Въ 8 часовъ утра войска окружили эшафотъ, а въ 9 показалась изъ цитадели процессія, съ палачомъ напереди.

Осужденные ѣхали каждый на особой узкой телегѣ (навозной дробянкѣ) въ одну лошадь, съ открытыми головами, имѣя по правую руку ксендза-капуцина, въ одеждѣ верблюжьяго цвѣта. Около телегъ, справа, слѣва и сзади, ѣхали, въ полной парадной формѣ, въ сіяющихъ каскахъ, жандармы, на сѣрыхъ коняхъ, съ обнаженными саблями, и шло нѣсколько ротъ солдатъ.

Траугуть ѣхалъ первымъ. Онъ былъ одѣтъ какъ его взяли: въ длинномъ осеннемъ пальто синяго цвѣта, съ широкою тесьмою по краямъ. Неподалеку отъ эшафота всѣхъ осужденныхъ спустили съ телегъ и поставили въ рядъ, по лѣвую руку, гдѣ всѣмъ имъ одновременно прочитанъ былъ смертный приговоръ, особо-назначеннымъ для этого офицеромъ полевого аудиторіата.

Менѣ всего слушалъ этотъ приговоръ Траугуть: онъ все разговаривалъ оживленно съ своимъ ксендзомъ и видно было, что они говорятъ... не о будущей жизни.

Потомъ Траугуть надѣлъ на себя, съ необыкновеннымъ спокойствіемъ, смертную рубаху, что сдѣлали затѣмъ и всѣ прочіе. Руки его (равно и всѣхъ другихъ преступниковъ), по неизвѣстной причинѣ, не были связаны такъ, какъ ихъ обыкновенно связываютъ у другихъ осужденныхъ: имъ была предоставлена значительная свобода дѣйствій, вслѣдствіе чего Краевскій (когда всѣ пятеро поднялись на эшафотъ и стали подъ петли) могъ выправить руками свою большую и красивую бороду, прихваченную веревкой; а Точискій схватилъ петлю, поцѣловалъ ее, потомъ надѣлъ и также выправилъ изъ-подъ нея бороду ¹⁾. Менѣ всѣхъ былъ спокоенъ Езеранскій: онъ безпрестанно поворачивалъ голову направо и налѣво; въ глазахъ его замѣчался испугъ; онъ видимо не кончилъ еще съ своими земными счетами, надеждами и мечтами и какъ-бы не довѣрялъ тому, что прочитанный имъ приговоръ будетъ исполненъ въ точности; онъ все какъ-бы ждалъ чего-то: явленія какого-нибудь курьера.... лицо его было очень блѣдно; волосы, значительно-сквозившіе ²⁾, были въерошены.

Траугуть, умирая первымъ, сложилъ ладони рукъ и поднялъ голову къ небу. Въ такомъ положеніи онъ оставался довольно-долго, даже и послѣ того, когда надѣваемая, въ минуты отхода жертвы въ вѣчность, бѣлая треугольная повязка была сброшена.

¹⁾ Авторъ видѣлъ это собственными глазами, стоя отъ эшафота шагахъ въ десять.

²⁾ Онъ имѣлъ во всю жизнь густые, хорошіе волосы, довольно-темнаго цвѣта.

О Жулинскомъ рассказывали, что, когда его везли на эшафотъ, одна изъ его сестеръ долго слѣдовала за нимъ въ близкомъ разстояніи. Неподалеку отъ эшафота ее удалили. Она крикнула: «Віасіе, odwaga!»¹⁾—и скрылась въ толпѣ....

На другой день послѣ казни Траугута и директороѡ, т. е. 6-го августа н. ст., вышелъ приказъ начальника города, гдѣ было сказано между прочимъ: «воздадимъ честь мученикамъ и освятимъ ихъ память не слезою отчаянія, а клятвою идти по ихъ слѣдамъ.... постараемся, какъ они-же, выдержать характеръ до конца; какъ они-же, будемъ биться до послѣдняго издыханія.... и прахъ братьевъ нашихъ успокоится въ свободной отчизнѣ!»

Приказъ этотъ былъ напечатанъ въ типографіи Новаковской²⁾, хорошо и отчетливо, и немало поразилъ Варшаву и русскія полицейскія власти, такъ какъ ничего подобнаго давно уже не являлось: типографіи жонда всѣ до одной были открыты.

Намѣстникъ, получивъ этотъ приказъ однимъ изъ первыхъ, спросилъ у оберъ-полицеймейстера и предсѣдателя слѣдственной комиссіи: «что это значить?» Они отвѣчали, что «это, безъ всякаго сомнѣнія, заграничныя шалости какихъ-нибудь гимназистовъ». Тѣмъ дѣло и кончилось. Но спустя нѣкоторое время, именно 27-го сентября н. ст. 1864 г.³⁾, явился другой приказъ начальника города, за № 32, напечатанный также очень отчетливо и состоящій изъ двухъ отдѣловъ, гдѣ въ первомъ говорилось, между прочимъ, слѣдующее:

«Граждане! Скоро исполнится сто лѣтъ, какъ всякій новый день оваряетъ страданія братьевъ нашихъ, а всякая ночь скрываетъ преступленія нашихъ притѣснителей.... тѣмъ не менѣе, мы выдержали борьбу даже до сего дня.... мы не забыли священныхъ обязанностей, какія, изъ поколѣнія въ поколѣніе, передавались намъ братьями нашими, съ высоты висѣлицъ, изъ глубины сибирскихъ рудниковъ....

«Мы умѣли сохранять жизнь среди смерти, народъ нашъ не умеръ.... и борьба за отеческую землю, за прахъ нашихъ отцовъ.... не прекратится до тѣхъ поръ, пока мы не добудемъ себѣ независимости и

¹⁾ «Братъ, не теряй смѣлости!»

²⁾ Замѣтимъ, что мужъ и сынъ этой Новаковской были сосланы въ Сибирь за печатаніе разныхъ революціонныхъ плакатовъ; не смотря на это, она ставила на карту послѣднее имущество и шла тою-же дорогою.

³⁾ Такой значительный промежутокъ между двумя призами объясняется тѣмъ, что въ это время шла у Вашковскаго горячая переписка съ Куржнвою объ устройствѣ въ Дрезденѣ «Общества польскихъ патріотовъ» и счетной палаты, для чего Вашковскій, какъ было сказано, лично переписывалъ счета Траугута и директороѡ.

не воздвигаемъ на необъятномъ побоищѣ Польши палму прошедшему, а для будущаго не утвердимъ штандарта братства и свободы. Нынѣ наша дѣятельность и трудъ—больше чѣмъ когда-либо; только настоящее положеніе вещей потребовало нѣкоторыхъ перемѣнъ, какъ въ самой организаціи, такъ и въ составѣ ея членовъ, каковыя перемѣны приведены окончательно въ исполненіе только 16-го сентября сего года, о чемъ, увѣдомляя гражданъ, оглашаю слѣдующее:

«1) Каждый членъ организаціи, являясь къ кому либо изъ жителей отъ моего имени, долженъ безпрекословно предъявить уполномочіе, къ которому приложена всѣмъ извѣстная печать (находящаяся и на этомъ приказѣ) и которое выдается изъ канцеляріи начальника города не болѣе какъ на 15 дней.

«2) Съ началомъ этого мѣсяца сборъ такъ называемыхъ народныхъ пожертвованій (Ofiary Narodowej), что собирались на квитанціи синяго цвѣта, уже прекратился, а что до суммъ народнаго займа (Pożyczki Narodowej), онѣ должны выплачиваться контрибуентами особо-уполномоченнымъ сборщикамъ.

«3) Такъ какъ множество тяжкихъ утратъ понесли мы въ гражданахъ, стоящихъ въ организаціи, арестованныхъ единственно по причинѣ неосторожныхъ разговоровъ и сплетенъ, ходящихъ по городу, то приказываю, подъ строжайшею отвѣтственностью, не разбалтывать ни названій, ни должностей, какія, по мнѣнію того или другаго гражданина, носятъ его знакомые въ организаціи. При чемъ рекомендуется начальнику полиціи, чтобы онъ обращалъ надлежащее вниманіе на преступающихъ этотъ приказъ и немедленно представлялъ виновныхъ къ наказанію».

Во второмъ отдѣлѣ приказа налагались равныя текуція событія и высказывались предположенія, что должно случиться въ недалекомъ будущемъ, на основаніи слуховъ и данныхъ, имѣющихся въ народной организаціи.

Въ заключеніе, съ цѣлью отвратить всякія сомнѣнія, что приказъ печатался въ Варшавѣ, а не за границей, какъ было доложено намѣстнику о первомъ приказѣ, были приведены слова изъ проповѣди ксендза Голіана, сказанной въ костелѣ города Равы и повторенной «Варшавскимъ Дневникомъ» наканунѣ выхода приказа въ свѣтъ¹⁾.

По отпечатаніи требуемаго количества экземпляровъ приказа, въ той же типографіи Новаковской, начальникъ города заключилъ нѣ-

¹⁾ № 220, стр. 2000. «Dziennik Powszechny» сталъ называться «Warszawskim» съ 1-го іюля н. ст. 1864 г. «Русскій Варшавскій Дневникъ» началъ выходить со 2-го (14-го) января 1865 года. Н. В.

сколько изъ нихъ въ пакеты, написалъ собственною рукою разныя фамилии (между прочимъ былъ экземпляръ и намѣстнику, съ соблюденіемъ полнаго его титула) и велѣлъ послѣднему курьеру жонда, Еленѣ Островской (прочія были уже вьзаты и сосланы въ Сибирь), опустить вѣкоторыя изъ нихъ въ главный почтовый ящикъ, а остальные разнести по домамъ.

Намѣстникъ, получивъ пакетъ, ввѣлся, призвалъ къ себѣ всѣхъ старшихъ чиновъ полиціи, вмѣстѣ съ председателемъ слѣдственной комисіи, сдѣлалъ имъ очень строгій выговоръ и приказалъ прекратить, во что бы то ни стало, эти шалости: найти ихъ виновника, а также разыскать и типографію, гдѣ это печатается.

На слѣдъ типографіи напали довольно скоро, но Вашковскаго не могли вытропить самыя искусныя и энергическія ищйки полиціи. Онъ скрывался въ различныхъ трущобахъ, о которыхъ не имѣется никакихъ свѣдѣній. Известно только, что одно время онъ держался на казенной мукомольной мельницѣ, на Сольцѣ, подъ досками, надъ которыми вѣчно ходили и стучали жернова! Тутъ онъ и спалъ, въ чемъ ходилъ, прикрываясь вмѣсто одѣяла старыми мучными мѣшками; никогда не перемѣнялъ бѣлья, никогда не умывался—и въ такихъ условіяхъ воображалъ себя все-таки ничѣмъ инымъ, какъ начальникомъ города, начальникомъ всего, что осталось отъ разбитой въ дребезги народной организаціи!!

Въ самомъ дѣлѣ, выше его въ Варшавѣ, изъ уцѣлѣвшихъ еще повстанцевъ, никого не было. Бржезинскій бѣжалъ¹⁾, захвативъ, какъ кажется, печати жонда, по крайней мѣрѣ съ этого времени онъ куда-то скрываются. Вашковскій никогда не располагалъ этими печатами, прикладывая къ своимъ приказамъ только «печать начальника города».

Разумѣется, укрываясь отъ всѣхъ глазъ въ трущобахъ, подобныхъ мукомольной мельницѣ на Сольцѣ, и ни съ кѣмъ не видясь въ теченіе двухъ мѣсяцевъ слишкомъ, Вашковскій ничего не зналъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, кто еще уцѣлѣлъ изъ организаціи, а главное—«что объ немъ говорятъ Варшава?»

Такому честолюбивому человѣку отсутствіе подобныхъ свѣдѣній—«что объ немъ говорятъ Варшава? Достаточно-ли удивляются его смѣлости, стойкости и неслыханной энергіи»—было пуще смерти. Онъ не выдержалъ и написалъ къ своей сестрѣ, Клотильдѣ, чтобы она при-

¹⁾ Онъ уѣхалъ въ м. Поламанецъ, Велюнскаго уѣзда (тогдашней) Варшавской губерніи (1-го ноября 1864 г.), а потомъ переехалъ за границу и прислалъ изъ Парижа въ комисію финансовъ рапортъ, съ отчетомъ въ израсходованіи имъ за время управленія дѣлами возстанія денегъ.

шла въ одинъ домъ, на Электоральной улицѣ, 19-го декабря н. ст. 1864 г., въ 10 часовъ утра—и, положительно поставивъ голову на карту, побѣжалъ съ нею видѣться. Но Клотильда побоялась придти, а можетъ, и не получила письма, а потому Вашковскій не нашелъ ея въ условленномъ пунктѣ и, посидѣвъ тамъ около часу, снова побѣжалъ на свою мельницу, или другую какую трущобу. Тутъ, на обратномъ пути къ своему жилищу, онъ яснѣе сообразилъ, что сдѣлалъ глупость: Богъ вѣдаетъ изъ-за чего рисковалъ головой! Поэтому вдругъ струсилъ, и, поднявъ высоко воротникъ своей медвѣжьей шубы, черезчуръ энергически зашагалъ по улицѣ. Это обратило вниманіе нѣсколькихъ агентовъ слѣдственной комисіи: они увявались за подозрительною фигурой—и одинъ очень скоро узналъ въ ней давно разыскиваемаго имъ Вашковскаго—и указалъ полиціанту. Полиціантъ остановилъ его и повелъ въ 7-й цыркуль, на Гржибовѣ, не принявъ никакихъ предосторожностей. Въ одномъ переулкѣ Вашковскій пустился бѣжать—и юркнулъ въ чью-то калитку; потомъ поднялся по лѣстницѣ, влѣзъ въ одну каморку и тамъ затворился, но судьба была противъ него: клочокъ переброшенной въ сосѣднюю каморку медвѣжьей шубы измѣнилъ ему. Вошедшій въ каморку полиціантъ именно по этому клочку шубы догадался сейчасъ, что это его плѣнникъ.

Въ цыркуль, а потомъ въ слѣдственной комисіи, Вашковскій велъ себя, на первыхъ порахъ, очень развязно: сейчасъ-же сказалъ, кто онъ; объявилъ, что похитилъ карты Польши для начальниковъ вооруженнаго восстанія изъ землемѣрнаго отдѣла; потомъ—деньги изъ казначейства, а въ заключеніе сказалъ, что непременно уйдетъ.

Весьма немного людей, которые, въ четырехъ стѣнахъ каземата, въ особенности если имъ угрожаетъ смертный приговоръ, остаются тѣми же самыми, какъ были на свободѣ. Большая часть умныхъ, бойкихъ, острыхъ, сообразительныхъ и непреклонныхъ людей въ жизни,—попавъ въ тюрьму, теряются, тупѣютъ, становятся наивными и безхарактерными дѣтьми. Общеніе съ другими человѣкомъ такъ нужно каждому человѣку, что рѣдкій узникъ не сдѣлаетъ движенія къ сторожу, который приноситъ ему ѣсть и убираетъ въ казематѣ. Обыкновенно узники начинаютъ съ этими сторожами любезно и вкрадчиво заговаривать, хотя всегда знаютъ, что это—последніе агенты слѣдственной комисіи, на кого въ свободномъ состояніи не стануть и смотрѣть, а ужъ никакъ съ ними не вступать въ разговоръ. Иногда дѣло доходитъ до того, что узникъ прислушивается съ нетерпѣніемъ и страстнымъ біеніемъ сердца къ шороху шаговъ своего стража, когда тотъ приближается къ дверямъ каземата, а недѣли

черезъ двѣ, черезъ три, вступаетъ съ нимъ въ интимныя объясненія и просить доставить въ городъ записку, напарпанную спичкой, при посредствѣ разведенной на сляняхъ сажи изъ дымовой трубы!... потомъ другую записку... а потомъ новый другъ узника достаетъ уже гдѣ-то карандашъ... переписка съ городомъ принимаетъ довольно широкіе размѣры...

Если этого не устроилось, попробуйте—подложите узнику бумагу и перо: онъ очень скоро станетъ сочинять фантастическія письма къ разнымъ отсутствующимъ лицамъ, носящимся въ его воображеніи, думая, что съ ними разговариваетъ, и утоляя этимъ мучительную, незнакомую свободнымъ людямъ тоску уединенія ¹⁾).

Грозный, неукротимый, смысленный и находчивый въ жизни Вашковскій, кого, казалось, нельзя было провести никакому хитрецу на свѣтѣ,—въ тюрьмѣ потерялъ всѣ свои способности и повѣрилъ прежде всего ласковому тону предсѣдателя слѣдственной комисіи, предположивъ, что онъ обходится съ нимъ такимъ образомъ вслѣдствіе уваженія къ высокому званію, какое онъ занималъ въ организациі! А потомъ пошелъ на самую грубую удочку: завелъ черезъ тюремнаго служителя, приносящаго ему пищу, переписку съ бывшимъ своимъ секретаремъ Ласковскимъ, съ матерью, съ сестрою, и, что всего забавнѣе, не умѣлъ разрѣшить себѣ самаго простаго вопроса: «отчего никто изъ этихъ лицъ ему не отвѣчаетъ?»...

Курьезная эта переписка ²⁾, предавшая въ руки слѣдственной комисіи послѣдніе остатки организациі, кончилась тѣмъ, что Вашковскій послалъ одному пріятелю, черезъ того же тюремнаго служителя, приказъ начальника города для напечатанія у той же алополучной Новаковской!...

5-го (17-го) февраля 1865 г., въ 10 часовъ утра, Вашковскій былъ повѣшенъ на гласисѣ Александровской цитадели, ближе къ главному валу, не такъ далеко отъ форта Владимира, одновременно съ Эмануиломъ Шафарчикомъ ³⁾).

Послѣдній, простой разбойникъ по ремеслу, на видѣ тщедушный, маленькій, желтый, съ самымъ злымъ и ехиднымъ выраженіемъ лица, велъ себя передъ казнью, какъ подобаетъ такой грязи: ругался съ

¹⁾ Извѣстный путешественникъ въ востокѣ Нила, Бекеръ, рассказываетъ, въ 6-й главѣ своего Путешествія 1862 г., что, живя въ Кисунѣ, владѣніи короля Камрази, онъ находилъ чрезвычайное удовольствіе въ писаніи писемъ къ друзьямъ, хотя не было никакой возможности послать ихъ, даже нечего было объ этомъ и думать.

²⁾ Помѣщается для любознательныхъ дѣлякомъ, въ приложеніи.

³⁾ Глава IX, стр. 277, въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 г., томъ XXVI. Н. В.

пѣной у рта, глядя на Вашковскаго: «это онъ все натворилъ! Онъ сбивалъ насъ съ толку! (чаще всего слышались слова: *w taki się spro-bóv wziął!* ¹⁾), а мы что, мы люди маленькіе, вѣрные подданные»...

Вашковскій, какъ-бы не слыша всего этого, стоялъ и смотрѣлъ съ эшафота на кучку людей, собравшихся внизу. Въ глазахъ и въ лицѣ его, чрезвычайно блѣдномъ, выражался болѣе всего испугъ.

Шафарчика стали вѣшать первымъ. Онъ подобралъ подъ себя ноги и этимъ затруднилъ процессъ казни. Когда его подняли, съ немовѣрными усиліями, по узкой лѣстницѣ (гдѣ никакъ нельзя держаться двумя въ рядѣ), подъ петлю, онъ укусылъ исполнителя экзекуціи за палець...

Вашковскій, умирая, сохранилъ полное спокойствіе.

Это были послѣднія политическія казни въ Варшавѣ по дѣлу возстанія 1863—1864 гг. Казакъ Подхалюзинъ, принимавшій участіе въ вооруженномъ возстаніи, какъ начальникъ небольшой банды, подъ именемъ Урагана, разстрѣлялъ казаками во рву цитадели уже «какъ дезертиръ».

Всѣ удивлялись, какимъ образомъ избѣгъ смерти Ярославъ Домбровскій, основатель офицерскаго революціоннаго кружка въ С.-Петербургѣ (1858), потомъ—членъ центральнаго комитета и начальникъ города Варшавы, сносившійся съ Игнатіемъ Хмѣленскимъ и другими анархистами, человекъ, скомпрометированный вдвое болѣе Вашковскаго и имѣвшій несравненно-большее значеніе и силу въ организаціи. Несомнѣнно: ему помогали какія-то исключительныя силы.... Онъ всегда является въ Польшѣ, когда дѣло идетъ о спасеніи выдающейся личности.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1864 г., сидя въ Александровской цитадели, Домбровскій подалъ намѣстнику слѣдующую докладную записку:

«Докладная записка причисленнаго къ генеральному штабу 19-й артиллерійской бригады штабсъ-капитана Домбровскаго. 4-го сентября 1864 года, Александровская цитадель.

«2-го августа 1862 г. я былъ арестованъ и 18-го декабря того же года отданъ подъ военный судъ, сентенціею коего, 30-го іюля 1863 года, я признанъ невиннымъ, съ оставленіемъ, однако, въ подозрѣніи. Двадцатипятимѣсячное заключеніе въ 10-мъ павильонѣ Александровской цитадели совершенно разстроило мое здоровье. Это заставляетъ меня прибѣгнуть къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою о приказаніи окончить дѣло обо мнѣ и разрѣшеніи мнѣ

¹⁾ «Вотъ на какія хитрости пошелъ!»

отправиться на жительство Симбирской губерніи въ городъ Ардатовъ, гдѣ находится нынѣ моя жена. Штабсъ-капитанъ Домбровскийъ».

Намѣстникъ положилъ на этой докладной запискѣ такую резолюцію: «9-го (21-го) сентября 1864 г. Немедленно окончить дѣло и доложить, почему не окончено до сихъ поръ. Гр. Бергъ».

Найти причины такого долговременнаго содержания столь важнаго преступника подъ арестомъ было не трудно: сказали, что Домбровскийъ былъ нуженъ для множества очныхъ ставокъ и показаній по дѣламъ другихъ арестованныхъ одновременно съ нимъ и послѣ. Бергъ остался такимъ объясненіемъ недоволенъ, кричалъ и топалъ, и сказалъ, что все-таки Домбровскаго разстрѣляеть.... но онъ находился уже подъ вліяніемъ очень многихъ личностей, занимавшихъ высокія мѣста, которыя болѣею частію выигрывали битвы, споря съ отяжелѣвшимъ отъ лѣтъ и службы старикомъ. Выиграли они и этотъ бой: намѣстникъ подтверждалъ: «Лишить Домбровскаго дворянскаго достоинства, всѣхъ правъ состоянія, чиновъ, медали и ордена св. Станислава и сослать въ каторжную работу на 15 лѣтъ. Имущество его, какъ родовое, такъ и благопріобрѣтенное, конфисковать въ казну».

7-го ноября 1864 г. Домбровскийъ отправился въ Москву, въ вѣденіе тамашняго генералъ-губернатора, и въ Москвѣ, при помощи нѣсколькихъ энергическихъ людей, поляковъ и русскихъ, бѣжалъ съ Колымажнаго двора, въ ту минуту, когда арестантовъ повели въ баню ¹⁾; выправилъ себѣ паспортъ и уѣхалъ въ Ардатовъ, гдѣ похитилъ жену, жившую подъ надзоромъ полиціи, и вмѣстѣ съ нею отправился сперва въ Швецію ²⁾, потомъ въ Парижъ, участвовалъ

¹⁾ Бѣгство его совершилось, какъ говорили, такъ: за нѣсколько минутъ до прибытія арестантовъ въ баню, пришла туда кучка людей, одѣтыхъ въ хорошія барскія шубы и высокія бобровыя шапки, — и тоже спрашивала «баню». Отвѣчали, что «теперь нельзя: ждутъ арестантовъ, а вотъ, когда они помюются, такъ милости просимъ». — А скоро придутъ арестанты? — «Да, вотъ, они уже идутъ!» — Можно поглядѣть? — «Отчего же, можно». — Часть бобровыхъ шапокъ осталась въ полутемномъ передбавникѣ, часть стала у дверей. Когда арестанты начали, одинъ за другимъ, входить въ передбавникъ, на Домбровскаго была накинута точно такая же шуба и шапка, какія были на всѣхъ «господахъ»; затѣмъ онъ вышелъ съ ними и исчезъ во вратахъ. Солдаты смотрѣли и ничего не замѣтили. Побѣгъ открылся по возвращеніи арестантовъ на Колымажннй дворъ, когда имъ стали дѣлать переключку. Н. В.

²⁾ Изъ Швеціи Домбровскийъ написалъ письмо къ издателю «Московскихъ Вѣдомостей» М. Н. Каткову, который, послѣ бѣгства Домбровскаго, напечаталъ въ своей газетѣ, что «его, по всей вѣроятности, скоро разыщутъ». — «Вы плохо знаете свою полицію, Михаилъ Никифоровичъ, — выражался въ письмѣ

въ покушеніи Березовскаго на жизнь Государя Императора, былъ замѣшанъ въ поддѣлкѣ русскихъ кредитныхъ билетовъ и попалъ за это въ тюрьму, отъ которой освободила его революція 1870 года. При торжествѣ коммуны, Домбровскийъ и Врублевскій были сдѣланы начальниками національной гвардіи Парижа. Чтò стало съ Врублевскимъ—неизвѣстно, а Домбровскийъ пагъ въ столкновеніи съ версальцами, въ нѣсколькихъ лѣтъ отъ Парижа къ Северу, въ Шато-Медонъ.

Павелъ Ляндовскій, взятый въ бандѣ съ паспортомъ на имя Фейнтуха, былъ присужденъ къ обыкновенному поселенію въ Сибири, но при переѣздѣ черезъ Варшаву былъ узнавъ и окликнуть кѣмъ-то изъ своихъ товарищей по медико-хирургической академіи, который, конечно, назвалъ его не Фейнтухомъ ¹⁾. Это обстоятельство повело къ пересмотру всего дѣла, и Ляндовскій осужденъ на смерть, одновременно съ пріятелемъ своимъ Эккертомъ, разсѣканнымъ тогда же. Просьба матери Ляндовскаго, обращенная лично въ Киссингенъ, на водахъ, спасла бывшего начальника варшавскихъ жандармовъ отъ смерти, — и вмѣстѣ его пріятеля и сослуживца Эккерта: ихъ возвели на эшафотъ, надѣли на нихъ смертныя рубахи и петли, и затѣмъ объявили имъ помилованіе. Говорятъ, услышавъ объ этомъ, они бросились другъ другу въ объятія и поцѣловались.... Ихъ сослали въ каторжныя работы безъ срока. Въ 1875 году Ляндовскій досталъ себѣ паспортъ на имя какого-то военнаго доктора, проѣхалъ всю Сибирь, свидѣтельствуя разныя аптеки и госпитали, и, наконецъ, бѣжалъ въ Парижъ, откуда послалъ бывшимъ товарищамъ посылкѣ въ Акатую, за Байкаломъ, свои фотографическія карточки ²⁾.

Въ заключеніе можно разсказать, что въ эти смутныя для насъ дни, въ началѣ 1865 г., когда мы боролись съ угасающимъ возстаніемъ и старались сколь возможно скорѣе возстановить ниспровергнутый на огромныхъ пространствахъ порядокъ, князь Бисмаркъ отправилъ въ Дрезденъ, къ тамошнему уполномоченному агенту жонда народоваго, Клобуковскому, генераль-адъютанта Трескова, сказать,

своемъ Домбровскій,—я отъ нея всегда уйду. Въ доказательство того, какъ хорошо я знаю вашу полицію, я не бѣжалъ прямо изъ Москвы, а сѣздалъ еще въ Ардатовъ, взялъ тамъ мою жену и только тогда отправился за границу. Между тѣмъ, ваша полиція вездѣ меня искала».

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXVI, глава IX, стр. 274—275, примѣчаніе.

²⁾ О его пребываніи за границей не разъ писали разные польскіе органы, между прочимъ «Gazeta Narodowa» 1875, № 54, го́дносі. Н. В.

что «на-дняхъ князь поѣдетъ въ Петербургъ и, конечно, будетъ говорить тамъ въ самыхъ высшихъ сферахъ о судьбахъ Польши: не найдутъ-ли поляки по этому поводу умѣстнымъ сдѣлать движеніе въ сторону Пруссіи: заявить торжественно, что они не хотятъ оставаться въ зависимости отъ Россіи, а предпочитаютъ владичество нѣмцевъ. Опираясь на такой фактъ, Бисмаркъ предложитъ въ Петербургѣ политическую комбинацію, вслѣдствіе которой Россія, по всѣмъ вѣроятіямъ, уступитъ Пруссіи часть Царства Польскаго по Вислу ¹⁾, по крайней мѣрѣ, можно будетъ объ этомъ стараться. будетъ предлогъ».

Клобуковскій, выслушавъ все это отъ Трескова, отправился къ извѣстному польскому писателю Крашевскому и сталъ его склонять къ устройству демонстраціи въ пользу пруссаковъ, что было тогда не особенно трудно, такъ какъ раздраженіе противъ русскихъ доходило во всѣхъ «захватахъ» до крайней степени.

Крашевскій отвѣчалъ, что «никакихъ уполномочій на подобныя дѣйствія отъ своихъ соотечественниковъ не имѣетъ и не стоитъ во главѣ какой-либо партіи, поэтому не намѣренъ дѣлать на этомъ пути ни одного шага, а совѣтуетъ Клобуковскому отправиться въ Парижъ, къ Чарторьскому, и тамъ представить ему и его друзьямъ на обсужденіе этотъ важный вопросъ. Что письмо къ Чарторьскому онъ, пожалуйста, дастъ».

Клобуковскій взялъ письмо отъ Крашевскаго и полетѣлъ въ Hôtel Lambert. Чарторьскій, пробѣжавъ быстро нѣсколько строкъ и понявъ суть дѣла, сказалъ, ни минуты не задумываясь:

— «Къ нѣмцамъ? ни за что на свѣтѣ!»

¹⁾ Давнишнія затаенныя желанія Пруссіи, такъ называемая Кнезбекова граница (Knesbeck'sche Gränze).

Карлъ-Фридрихъ, фрейгеръ фонъ-Кнезбекъ (Knesbeck), родъ въ 1768 году, умеръ въ 1848 г. Въ молодости писывалъ патристическія пѣсни (Lob des Krieges) и составилъ нѣсколько стратегическихъ плановъ. Оказывалъ особенную дѣятельность въ 1806, 1811, 1812, 1813 и 1814 годахъ. Въ 1822 году получилъ чинъ генерала-отъ-явфавтеріи. Въ 1831 г. командовалъ обсервационнымъ корпусомъ на польской границѣ. Выйдя въ отставку, получилъ званіе генералъ-фельдмаршала прусскихъ войскъ.

Оставшіяся послѣ него записки и бумаги присоединены къ архиву министерства королевскаго двора и иностранныхъ дѣлъ. Кнезбекъ твердилъ постоянно, что «Пруссія совершенно необходима граница по Вислу, что иначе она не можетъ быть вполне безопасна со стороны Россіи». Вслѣдствіе этого «граница по Вислу» стали называть въ Пруссіи Кнезбековою, и что бы кто ни говорилъ—она всегда остается in votis пруссаковъ. Н. В.

Тѣмъ эта пресловутая исторія и кончилась. Дѣлагъ-ли Бисмаркъ въ Петербургѣ какіе либо намеки на Квезбекову границу, неизвѣстно....

Началось мирное, или довольно мирное управленіе краемъ графа Берга. Какъ управляются разные края въ обыкновенное время русскими намѣстниками и генералъ-губернаторами—дѣло очень извѣстное и особенно-любопытнаго ничего не представляетъ. Впрочемъ, когда нибудь объ этомъ будетъ рассказано. Покамѣстъ мы взыались изобразить рожденіе, жизнь и смерть возстанія 1863—1864 гг., и это, по своимъ силамъ—исполнили. Теперь опускаемъ завѣсу и просимъ снисхожденія у читателей, если нное показалось для нихъ недостаточно полно и ясно, или рѣзко. Во первыхъ, матеріалы были во многихъ случаяхъ черезчуръ сыры; во вторыхъ, изображаемыя событія совершились очень недавно: для нихъ нѣтъ еще необходимой исторической дали. Въ одномъ авторъ, кажется, можетъ быть спокоенъ: если онъ и ошибался какъ человѣкъ, то нигдѣ не позволилъ себѣ сдѣлать умышленныхъ искаженій фактовъ.

Н. В. Бергъ.

К О Н Е Ц Ъ .

П р и л о ж е н і я .

I. Назначеніе Вацлава Пршибильскаго чрезвычайнымъ комиссаромъ народн. правительства и даннымъ ему инструкціи.

Народное правительство

№ 3845,

Варшава, 5-го декабря 1863 года.

Назначаетъ симъ гражданина Вацлава Пршибильскаго чрезвычайнымъ своимъ комиссаромъ за предѣлами русскаго захвата. Инструкція, заключающая въ себѣ кругъ дѣятельности чрезвычайнаго комиссара, при семъ прилагается.

L. S.

Большая печать
народнаго правительства.

L. S.

Печать
статсъ-секретаря.

II. Народное правительство.

№ 3846.

Варшава, 7-го декабря 1863 года.

Чрезвычайному комиссару за предѣлами русскаго захвата. Инструкція.

Народное правительство, назначая тебѣ чрезвычайнымъ своимъ комиссаромъ за предѣлами русскаго захвата, поручаетъ тебѣ войти во всѣ подробности занятій народныхъ властей и дать ему объ этомъ отчетъ. Принимая же

во вниманіе опытность, приобретенную тобою во время управленія различными отраслями организаціонныхъ работъ, правительство питаетъ несомнѣнную надежду, что ты сумѣешь удовлетворить таковыми требованіямъ и представишь вѣрный образъ настоящей ситуаціи и прошлой дѣятельности властей, а равно и свои соображенія и проекты относительно необходимыхъ переимѣнъ, сколько въ направленіи дѣйствій, столько же и самыхъ лицъ, которыми вѣрены различныя должности.

Дѣятельность твоя имѣетъ характеръ всеобщаго контроля дѣйствій полномочныхъ комиссаровъ, комитетовъ, агентуръ и иныхъ властей, какъ равно и суммъ, выданныхъ ими съ 22-го января текущаго года ¹⁾.

Въ силу даннаго тебѣ уполномочія, ты можешь требовать устнаго или письменнаго отчета отъ всѣхъ вышепоименованныхъ властей, равно просмотра и утвержденія сдѣланныхъ ими выдачъ. Въ сомнительныхъ случаяхъ долженъ сообщить свои замѣчанія власти, которой это касается, а кромѣ того обратиться за окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса къ народному правительству.

Счеты, разсмотрѣнные и утвержденные тобою, должны быть препровождены въ счетную палату.

Народное правительство, оставляя тебѣ наибольшую свободу въ распредѣленіи вѣренныхъ тебѣ занятій что до времени, поручаетъ тебѣ слѣдующее:

А. Въ австрійскомъ захватѣ:

1) Въ Краковѣ потребуешь къ себѣ полномочнаго комиссара, дабы онъ вмѣстѣ съ тобою отправился въ Вѣну и Львовъ для облегченія вѣренныхъ тебѣ народнымъ правительствомъ занятій.

2) Въ австрійскомъ захватѣ устроишь все, что касается прессы.

3) Устроишь редакцію «Народной Газеты» (Pisma ludowego), которой № 1 вышелъ уже въ Варшавѣ; также мелкихъ воззваній и простонародныхъ изданій, которыя бы влили на сельскій людъ.

4) Приведешь въ порядокъ редакцію «Свободы» (Wolności), равно укажешь направленіе, какое народное правительство считаетъ наиболѣе соответственнымъ для изданія, выходящаго подъ покровительствомъ народной организаціи.

5) Устроишь бюро корреспонденцій въ заграничныя изданія; а если такое уже есть, укажешь направленіе, въ какомъ оно должно дѣйствовать; равно заведешь въ этомъ отношеніи постоянныя сообщенія съ Вильной и Русью, при посредствѣ Галиціи.

6) Разсмотришь внимательно городскую организацію Кракова и, соединя свою опытность со знаніемъ мѣстныхъ нуждъ и положенія для полномочнаго комиссара, посоветуешься вмѣстѣ на счетъ переимѣнъ, какія-бы, по вашему мнѣнію, вужно ввести.

7) Дальнѣйшій пересмотръ занятій въ австрійскомъ захватѣ можешь отложить на другое время, потому что народная организація едва двигаетъ тамъ ноги, послѣ испытанныхъ ею недавно потрясеній. Ей нужно немного окрѣпнуть и выйти на свою дорогу.

8) Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ постарайся, гражданинъ, распорядиться такъ, чтобы ни въ чемъ не подвонать значеніе полномочнаго комиссара, которому народное правительство вполне довѣряетъ.

¹⁾ Начало возстанія.

В. Въ прусскомъ захватѣ пригласишь къ себѣ полномочнаго комиссара, дабы онъ оказалъ тебѣ помощь въ исполненіи возложенныхъ на тебя порученій и вмѣстѣ съ тобой произвелъ пересмотръ всего, что нужно, послѣ чего ты представиши народному правительству самый подробный очеркъ организаціонныхъ и повстанскихъ работъ ¹⁾, обращая особенное вниманіе на:

- 1) Историческій обзоръ дѣйствій комитета.
- 2) Контролированіе суммъ, выданныхъ въ прусскомъ захватѣ на дѣло народное и теперь выдаваемыхъ.
- 3) Народную организацію, ея значеніе и мѣсто.
- 4) Устройство постоянныхъ сношеній съ Варшавой.
- 5) Дѣйствія комиссаровъ вооруженія. На это обратишь, вмѣстѣ съ полномочнымъ комиссаромъ, особенное вниманіе, дабы представить по возможности точнѣйшій отчетъ, сколько именно закуплено и отправлено въ край и захвачено на дорогѣ прусскимъ правительствомъ оружія; равно о томъ—возможно ли препровожденіе оружія въ край черезъ Пруссію и если возможно, то какими дорогами и при какихъ условіяхъ. На устройство дорогъ обратишь особенное вниманіе, чтобы онѣ были готовы черезъ два зимнихъ мѣсяца, назначены на нихъ опытные экспедиторы и доставщики чего случится въ Августовское воеводство и Литовское пограничье, кои могутъ получать оружіе и припасы только изъ Пруссіи.
- 6) Не разсматривая подробно причинъ,—фактъ таковъ, что народное правительство не имѣетъ точныхъ свѣдѣній за истекшіе мѣсяцы о ходѣ повстанскихъ работъ въ прусскомъ захватѣ, и потому ты долженъ, вмѣстѣ съ полномочнымъ комиссаромъ, на сколько это будетъ возможно, собрать таковыя свѣдѣнія и, составивъ по нимъ отчетъ, отправить въ народное правительство за вашими подписями.
- 7) По соглашенію съ полномочнымъ комиссаромъ, представиши народному правительству кандидатовъ на полицейскихъ агентовъ въ Берлинѣ, Бромбергѣ и Александровѣ, и составиши для нихъ временную инструкцію, вмѣстѣ съ указаніемъ дорогъ, какими они должны сноситься съ отдѣленіемъ варшавской полиціи.
- 8) Представиши кандидата на тайнаго агента въ Познанн, которому отдѣленіе полиціи въ Варшавѣ препроводитъ соотвѣтственную инструкцію.

С. Отправившись въ Дрезденъ, гдѣ пригласишь къ себѣ агента финансоваго отдѣленія (Ajenta Skarbowego), съ тѣмъ, чтобы онъ отдалъ тебѣ отчетъ въ сборѣ пожертвованій со стороны живущихъ тамъ поляковъ. Сбранную сумму возьмешь къ себѣ, давъ въ ней агенту расписку и оставя на содержаніе полицейскаго агента 1,000 злотыхъ, каковыя деньги находятся обыкновенно въ распоряженіи финансоваго агента. Въ Лейпцигѣ просмотришь и провѣришь типографскіе счета, веденіе которыхъ поручено агенту прессы, заплатишь все, что будетъ нужно, изъ суммъ, полученной отъ дрезденскаго агента; остальное же вручиши комисіи народнаго долга. Изъ Дрездена отправишься на Ліежъ и если найдешь тамъ гражданина Александра Гуттри, узнай отъ него, представила-ли комиссія вооруженія отчетъ въ комисію народнаго долга; если еще нѣтъ, обрѣвизуй и подпиши отчетныя вѣдомости и отошли

¹⁾ Подъ этимъ разумѣется, по всякъ вѣроятности, формированіе бандъ, тогда крайне трудное.

потомъ въ счетную палату, сдѣлавъ только краткую выписку для отдѣленія войны.

D. Въ Леодиумѣ ¹⁾ предложишь гражданину Домонтовичу представить народному правительству подробный отчетъ о шведской экспедиціи, при чемъ завѣришь его, что народное правительство цѣнитъ его заслуги и посвященіе народному дѣлу; нисколько не приписываетъ ему гибельныхъ слѣдствій экспедиціи и, при твоёмъ посредничествѣ, спрашиваетъ у него, какая-бы дѣятельность была ему нынѣ болѣе пріятна?

E. Въ Парижѣ отправишься къ полномочному комиссару, представишь ему свои уполномочія, и попросишь у него указаній и помощи, въ видахъ скорѣйшаго окончанія данныхъ тебѣ порученій, а именно: 1) Ревизія коммисіи народнаго долга. 2) Проверка дѣятельности польскаго комитета, равно и сумми, имъ выданныхъ. Въ этомъ можешь оказать тебѣ большое содѣйствіе гражданину Орденга ²⁾, предсѣдатель комитета. 3) Сближеніе съ агентомъ и проверка дѣятельности агентуры, согласно инструкціи, выданной отдѣленіемъ заграничныхъ дѣлъ; также контроль всѣхъ выдачъ агентуры, что исполнишь на основаніи общихъ правилъ. 4) Ознакомленіе съ дѣлами полицейской агентуры и устройство сбора въ 10 злотыхъ съ человѣка, равно представленіе бюджета, какой найдешь болѣе соответственнымъ, на поддержку полицейскихъ связей. 5) Разузнаваніе положенія дѣлъ въ военной агентурѣ, равно проверка выданныхъ ею сумми и взглядъ на нужды агентуры.

F. Въ Парижѣ сойдешься съ гражданиномъ Орденгой, который сообщитъ тебѣ нужныя свѣдѣнія по дѣлу о закупкѣ оружія въ Швейцаріи и вообще о дѣйствіяхъ швейцарскаго комитета, а также италянскаго агентуры, кои въ свое время посѣтишь, и увѣдомишь народное правительство, въ какомъ положеніи они находятся. Тамъ же познакомишься съ гражданиномъ Островскимъ, въ видахъ наданія чего нибудь для французскаго народа.

G. Если изъ полученныхъ отъ военнаго и дипломатическаго агентомъ свѣдѣній окажется необходимымъ отправиться въ Лондонъ, то обратитесь къ парижскимъ народнымъ властямъ, дабы указали вамъ кого либо, хорошо знакомаго съ упомянутымъ городомъ. То же разумѣй и объ Италіи.

H. 1) Въ Вѣнѣ вручишь дипломатическому агенту отзывъ къ нему народнаго правительства и, на основаніи данной тебѣ инструкціи, произведешь ревизію по тѣмъ же правиламъ, какъ и въ другихъ агентурахъ. 2) Постараешься завести въ Вѣнѣ тайныхъ полицейскихъ агентовъ и укажешь имъ направленіе, въ какомъ они должны дѣйствовать, равно пути, которыми должны сноситься съ отдѣленіемъ полиціи въ Варшавѣ. 3) Разсмотришь счеты агента вооруженія въ Вѣнѣ и, проверивъ ихъ и утвердивъ, отошлешь въ счетную палату, а свѣдѣнія о состояніи кассы агента вооруженія, равно и о количествѣ готоваго и заказаннаго оружія—препроводишь въ отдѣленіе войны. 4) Разузнавъ отъ вѣнскаго агента о положеніи дѣлъ пражской агентуры, отправишься на мѣсто и увидишь, на сколько нужно ея существованіе и какую пользу можетъ извлечь изъ нея наше народное дѣло.

I. Въ Галиціи произведешь ревизію, на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ; равно постараешься собрать самыя точныя свѣдѣнія,

¹⁾ «Leodium»—Ліежъ, Литтлхъ.

²⁾ Умеръ въ Краковѣ, въ началѣ мая по н. ст. 1879.

сколько оружія и военныхъ снарядовъ перехвачено у насъ Австріей, а также и о томъ, сколько дошло въ край. Въ заключеніе повидаеться съ генераломъ Эдмундомъ Ружицкимъ, съ цѣлію узнать отъ него, что можетъ быть поставлено, по его мнѣнію, на Востокъ?

Ж. Въ Турніи и во Флоренціи, слѣдуя указаніямъ гражданина Орденги, присмотришься къ мѣстнымъ работамъ и напишешь о томъ народному правительству. Въ Римѣ сойдешься съ дипломатическимъ агентомъ и объяснишь ему множество вопросовъ, касающихся положенія католическаго духовенства въ отношеніи къ схизмѣ, и вручишь меморіалъ, который будетъ къ тебѣ высланъ.

К. 1) Въ Константинополѣ пригласишь къ себѣ дипломатическаго агента на Востокъ, дабы онъ помогъ тебѣ изслѣдовать и подробно донести народному правительству о дѣятельности нашихъ агентовъ въ Константинополѣ и въ княжествахъ, отъ начала возстанія до настоящей минуты. 2) Разсмотришь вопросъ организованія новыхъ отрядовъ въ княжествахъ, равно и дѣйствительныя причины неудачи экспедиціи Милютскаго. Одновременно съ этимъ, постараешься узнать, что сталося съ остатками оружія и военныхъ припасовъ, и нельзя-ли дать имъ какое либо полезное направленіе. 3) Соберишь подробныя свѣдѣнія о положеніи военныхъ дѣлъ на Кавказѣ и какое участіе принимаютъ въ нихъ поляки и могутъ-ли принимать. 4) Ознакомишься тамъ съ дѣятельностію народныхъ властей и обревизуйте суммы, выданныя ими доселѣ и нынѣ выдаваемыя. 5) Сойдешься съ капитаномъ М. и представишь на усмотрѣніе народнаго правительства его мысли, планы и желанія.

Л. Отдѣленіе войны сообщитъ тебѣ въ особой инструкціи, гражданинъ, на что еще, сверхъ вышеупомянутаго, долженъ ты обратить свое вниманіе.

М. Не ограничиваясь вышеупомянутымъ, все, что сочтешь полезнымъ для народнаго дѣла, изслѣдуя на мѣстѣ и представь о томъ свои соображенія народному правительству.

Н. Народное правительство симъ уполномачиваетъ тебя, гражданинъ, чтобы ты обращался отъ его имени во всѣмъ властямъ за предѣлами русскаго захвата, съ требованіемъ разъясненія всего, что тебѣ нужно, и сообщенія о ходѣ ихъ тайныхъ предпріятій, проектовъ и замысловъ, кои со своими замѣчаніями при случаѣ сообщишь народному правительству.

О. На расходы путешествія, суточное содержаніе и непредвидимыя издержки народное правительство, постановленіемъ отъ 29-го ноября сего года, назначило тебѣ 10,000 (десять тысячъ) злотыхъ польскихъ, считалъ:

1. На билеты желѣзной дороги, пароходовъ, diligencсовъ и т. п., чему счетъ впоследствии долженъ быть представленъ,	5,000 злотыхъ.
2. Суточнаго содержанія по 30 (тридцати) злот. п., считая всего на 80 дней, т. е. съ 1-го декабря сего года	2,400 "
3. На непредвидѣнныя издержки, счетъ коимъ долженъ быть представленъ,	2,600 "

Итого, какъ выше сказано, 10,000 злот. п.

Въ счетъ сказанной суммы народное правительство приказало ассигновать тебѣ изъ главной народной кассы 3,333 злота и 10 грошей (три тысячи триста тридцать три злота и десять грошей). Остальное, т. е. 6,666 злотыхъ и 20 грошей, или 4,000 франковъ (четыре тысячи) получишь изъ кассы народ-

наго долга въ Парижѣ, куда соотвѣтственное о семъ распоряженіе отдѣленіемъ финансовъ сего же числа высылается.

L. S.

Большая печать
народнаго правительства.

L. S.

Печать
статсъ-секретаря.

Примѣчаніе. Подлинникъ написанъ на польскомъ языкѣ. Авторъ имѣлъ его въ рукахъ. Народное правительство, отправивъ Пришибылскаго за границу, не сочло удобнымъ сообщить ему при этомъ никакихъ бумагъ. Настоящая инструкция отправлена обыкновеннымъ образомъ, по почтѣ, и гдѣ-то перехвачена. По всемъ вѣроятіямъ, жондъ сообразилъ это и отправилъ дубликатъ. Н. В.

III. Письма Ваиновскаго изъ тюрьмы къ разнымъ лицамъ.

1.

(Къ секретарю своему Александру Ласковскому).

Милый мой и дорогой Саша! Пришлось и намъ разговаривать через третье лицо. 19-го этого мѣсяца, въ 11 часовъ съ половиной, послѣ того, какъ мы разошлись, я былъ арестованъ на Электоральной улицѣ, противъ банка; пробовалъ бѣжать, но это не удалось. Въ 7-мъ цыркулѣ ту же минуту признался, кто я. Принимали меня вездѣ больше нежели съ уваженіемъ (więcej jak z szacunkiem). Т. въ особенности со мною любезенъ. Чтѣ касается связей съ организаціей и ея членами, сказалъ, что никого не знаю; о тебѣ сказалъ, что знакомъ частнымъ образомъ, но что здоровье твое не позволило тебѣ принять на себя обязанности секретаря—я этого буду держаться, хотя-бы ты свое сознаніе (которое мнѣ показывали) высказалъ мнѣ въ глаза. Сказалъ, что, за нѣсколько дней передъ арестованіемъ Траугута, былъ имъ рекомендованъ мнѣ человекъ, по имени Юсифъ, черезъ котораго я обдѣлывалъ кое-какія городскія дѣла и сообщался съ организаціей. Казиміръ ¹⁾ все выдалъ. Читали мнѣ огромное его сознаніе, въ которомъ этотъ негодяй признается во всемъ и компрометируетъ несчастныхъ. Сказалъ, что на углу Гржибовской улицы и Ваглицовъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, видѣлъ Адмирала, тебя, Александра съ большими усами, вакаго-то блондина въ голубихъ очкахъ, который живетъ на Электоральной улицѣ и даетъ уроки музыки, наконецъ, ксендза-опекуна: видѣлъ будто-бы на Сенаторской улицѣ. Отъ всего отъ этого я отперся, сказалъ, что никакого Сикорскаго не знаю и раднымъ никогда его не назначалъ. Если намъ сдѣлаютъ очную ставку, скажу, что эта скотина (lotr) извѣстна мнѣ подъ именемъ Казиміра, а что членомъ городского совѣта онъ не былъ, что я знаю его какъ человека, которому далъ взаимны денегъ. Т. такъ для меня добръ, что дозволилъ мнѣ читать книги, которыя присылаютъ мнѣ изъ дому, а также видѣться съ родными во всякое время ²⁾. Очень меня жалѣетъ. Я только посмѣиваюсь. Держу себя въ комисіи съ достоинствомъ и заставляю себя уважать. Посылаю тебѣ протоколъ; прочитай, возврати. Три записки можешь удержать у себя. Бѣдная Елена, но ты еще несчастнѣе. Амелку выпустили. Есть-ли у тебя деньги?

¹⁾ Казиміръ Сикорскій—радный городского совѣта.

²⁾ Это было дозволено сначала, но какъ переписка началась, свиданія прекратились.

Н. В.

2.

(Матери).

Бездѣнная моя матушка! Не дѣли черезъ двѣ или три я надѣюсь уйти, потому нужно уладить напередъ весь планъ дѣйствій. Но заклинаю Христомъ Богомъ, чтобы знали объ этомъ только трое: рѣзничиха Добо (Добосевичъ), докторъ Вильгельмъ Любельскій и Михалина, но не Михася ¹⁾. Пусть Добо приготовить средства, чтобы солдатъ (къ которому отнеситесь, матушка, какъ къ моему избавителю) могъ въ тотъ же самый день выхѣхать безопасно изъ Варшавы, соответственно переодѣтый. Второе: докторъ пускай выхлопочетъ для меня заграничный паспортъ, на имя человѣка, имѣющаго со мною сходство, который останется въ Варшавѣ, а я съ его паспортомъ выѣду за границу. Поговорить съ докторомъ, нельзя-ли будетъ измѣнить мнѣ лицо, а Михалина пусть приготовитъ на случай квартиру, гдѣ бы я могъ быть хорошо укрытъ въ Варшавѣ, такъ, чтобы днемъ и ночью... а Добо пусть спрячетъ солдата. Сказать доктору, что тотъ, на чье имя будетъ прописанъ мой паспортъ, получить за это 25,000 злотыхъ.

Всѣ бумаги и печать, какія хранятся у Михалиномъ, пусть она замуруетъ и, хотя-бы по арестованіи подвергли ее разнымъ испытаніямъ, пусть говоритъ, что никогда таковыхъ не получала. Александръ. 29-го декабря 1864 г.

Пусть Клониа ²⁾ отвѣтитъ на маленькомъ клочкѣ бумаги, помельче. Солдату дать 10 рублей.

3.

(Секретарю).

Дорогой Саша! Хотѣлъ бы знать обо всѣхъ подробностяхъ твоего арестованія. Какъ съ тобой обращаются въ слѣдственной комисіи? Хочешь со мною повидаться? Я попрошу Т., онъ вѣрно не откажетъ. Есть-ли у тебя деньги? Вообще, какъ можно подробнѣе. Напиши, чтѣ ты тамъ сказалъ; часть мнѣ прочти. Я не совсѣмъ тобой доволенъ, потому что ты признался, что былъ у меня секретаремъ. Защищайся, мой милый, а обо мнѣ не беспокойся. Во всякомъ случаѣ мнѣ одинъ конецъ. Сказать, что мы знакомы частнымъ образомъ черезъ брата твоего Сигизмунда, съ которымъ товарищи по воспитанію. Жду отвѣта. Спасибо за устройство переписки. Съ городомъ имѣю сношенія. Велѣлъ хлопотать о паспортѣ для меня и для тебя. Имѣю небольшую надежду, что, можетъ быть, намъ удастся ускользнуть. Какъ проводишь время въ твоей кельѣ, опиши мнѣ все, открой всю душу; не повѣрнишь, какое удовольствіе этимъ мнѣ сдѣлаешь.

4.

(Записка къ нему же).

Видѣлъ въ комисіи всѣ наши бумаги. Не знаю, какъ относительно ихъ и извѣстныхъ тебѣ лицъ объясняться. Напиши мнѣ на этомъ-же. Александръ.

¹⁾ Михалина Лемчевская, сестра милосердія. О «Михасѣ» сказалъ, что это Михалина Квапниская, его невѣста.

²⁾ Клотиальда, сестра его.

5.

(Отвѣтъ Ляковскаго, на томъ-же клочкѣ).

И я видѣлъ, но это не всё и малозначущія. Главныхъ нѣтъ. Скажи, что ничего не знаешь; что можетъ знать только одинъ начальникъ города. Что до меня—я какъ нибудь отвѣчу. Твой Александръ.

6.

(Ляковскій, на томъ-же клочкѣ).

Кто это указалъ ихъ мѣстопребываніе? Не отдали-ли самъ хранившій, кажется, Болеславъ? какъ думаешь? Александръ.

7.

(Онъ-же, на другой сторонѣ того-же самого клочка).

Мои бумаги, надѣюсь, не достанутъ: онѣ хорошо спрятаны. Показать некому.

8.

(Вашковскій своей семьѣ).

Радъ Бога, слушайте мои приказанія. Не нужно записокъ въ бѣлѣ. Этимъ можно только скорѣе меня погубить. Ужъ и безъ того несдержаніе слова Клоней было причиной, что я попалъ на Павякъ¹⁾. Должна была придти въ назначенное мѣсто въ 10 часовъ и не пришла, и потому я арестованъ. Умоляю васъ, исполняйте въ точности все, что я требую. Я велѣлъ дать солдату 10 рублей—дали только пять. Если приходятъ отъ меня какія либо распоряженія, то, конечно, я знаю, что дѣлаю. Кто парализуетъ мои распоряженія, тотъ причиняется моей смерти, которая и безъ того близка. Александръ.

31-го декабря 1864 г.

9.

(Къ роднымъ).

Не имѣя передъ собою математическихъ данныхъ, когда удастся мнѣ уйти и еще удастся-ли, прошу исполнить въ точности слѣдующее:

1) Съ лицомъ, которое возьмется достать для себя паспортъ, согласный съ моими примѣтами, такъ, чтобы онъ могъ служить мнѣ, объясниться, что обѣщанное за это вознагражденіе получать немедленно по прибытіи моемъ въ Парижъ. Расходы на паспортъ возвратитъ немедленно, въ количествѣ 5,000 злотыхъ, т. е. пятую часть вознагражденія, не половину, отдавъ это третьему лицу, извѣстному владѣльцу паспорта, каковая сумма должна быть выплачена въ минуту моего отбѣзда.

2) Паспортъ долженъ быть взятъ на полгода, черезъ Пруссію и Берлинъ

¹⁾ Тюрьма на Павсей улицѣ.

въ Парижъ, для излеченія болѣзни (глазъ); черезъ таможеню Александрово. За два или за три дня я дамъ знать о днѣ побѣга, Для этого надлежитъ:

8) Отправиться къ чиновнику Варшавско-вѣнской желѣзной дороги, Келчевскому, живущему на Хильной улицѣ, въ домѣ Ески. Онъ бываетъ у себя или очень рано утромъ или поздно вечеромъ. Это мужчина довольно высокаго роста, худощавый, съ овальнымъ лицомъ, занимаетъ двѣ комнаты. Представивъ ему прилагаемую при семъ записку, просить его, чтобы уступилъ мнѣ на короткое время, послѣ бѣгства изъ тюрьмы, свою квартиру (Устроить это матушка).

4) Пусть будетъ тамъ и докторъ для приженія глазъ лянисомъ.

5) Принести туда шубу, совсѣмъ другую, и все платье, но не такъ яркое, темнаго цвѣта, чтобы не бросалось въ глаза. Выбрать изъ моего гардероба.

6) Купить снѣга оченъ для близорукныхъ глазъ, № 8.

7) Привести также и Добосевичъ, которая захватить съ собою солдата.

8) Докторъ можетъ взять у когонибудь взаимны 5,000 злотыхъ, которые обязуюсь возвратить ему сейчасъ-же по приѣздѣ въ Парижъ.

9) У Крейша заказанъ мною бумажникъ: попросить убѣдительно, чтобы поскорѣе его окончилъ; можетъ быть сдѣланъ элегантно (это въ планѣ моего побѣга: ибо я ѣду какъ человѣкъ со средствами).

10) Собственно для меня, къ выѣзду приготовить 2,000 злотыхъ. Не забыть также о мелочи, для которой купить кошелекъ.

11) Паспортъ долженъ быть визированъ наканунѣ моего отъѣзда.

12) Если бы въ назначенный день мнѣ не удалось бѣжать, владѣлецъ паспорта долженъ сказать, что опоздалъ на дорогу. Побѣгъ этотъ будетъ имѣть великое политическое значеніе. Клянусь честью, что имѣю въ виду не личные интересы, а благо отчизны, которую люблю болѣе чѣмъ жизнь, и, кажется, доказываю это. Помогайте-же мнѣ всѣми силами. Былъ нѣсколько разъ въ комисіи; обходятся со мною больше нежели съ уваженіемъ. Все принялъ на себя, не срывая моихъ личныхъ дѣйствій. Въ протоколахъ моихъ нѣтъ ни одного имени, которое было бы въ Варшавѣ и которое бы я видалъ. Двухъ даже освободилъ ловкимъ объясненіемъ ихъ дѣла. Ставки съ этой драблѣю, съ Казиміромъ Сиворскимъ, еще не было. Онъ даже и невинныхъ запуталъ. Если увижусь съ нимъ, постараюсь сохранить соответственное достоинство. А, можетъ, удастся этимъ и спасти когонибудь. Все, что только живетъ на Паянѣ, даже простые служители, оказываютъ мнѣ глубокое уваженіе. Прошу извѣстить меня, что обо мнѣ говорятъ въ городѣ, пользуюсь-ли сочувствіемъ, или говорятъ, какъ говорится въ такихъ случаяхъ вообще: «самъ виноваты!» (Sam sobie winien!). Г. выразился, что еще не видалъ въ комисіи такого честнаго человѣка (zasnego czlowieka)—тутъ есть немного, даже и много, лести.

Прошу купить ваяндаръ Лворскаго, перенести его на подобіе Унгеронскаго и прислать ко мнѣ. Отправленъ-ли портретъ на выставку? сдѣлали-ли съ него фотографію? нужно этимъ воспользоваться, у меня тутъ свой политическій расчетъ ¹⁾. Чтобы отвлечь вниманіе отъ моихъ намѣреній и приобрести рас-

¹⁾ Портретъ предполагали выставить подъ именемъ портрета Моравскаго и подъ тѣмъ же именемъ расцусить и снятыя съ него карточки. Н. В.

положеніе моихъ служителей, выдаю на ихъ угощеніе много денегъ, такъ что оказался дефицитъ въ 10 рублей. Прошу прислать мнѣ 25 рублей. Не знаю, почему не позволяютъ видѣться ни съ кѣмъ изъ родныхъ. Вручителю вѣрить можно. Прошу не хлопотать, не вляяться москалямъ. Можетъ быть, удастся прислать вамъ копію съ моихъ показаній. Дѣлали пропасть компрометирующихъ вопросовъ: во всемъ заперся.

Поклонъ отъ всего сердца и братскій поцалуй. Александръ.—Тайна.—Сжечь.

10.

(Привязъ гражданину Келчевскому).

Гражданину Келчевскому. Подательнице сего, пользующуюся моимъ особымъ довѣріемъ, уполномачиваю дѣйствовать отъ моего имени въ извѣстномъ мнѣ интересѣ. Прошу сохранить полную тайну.

Данъ въ тюрьмѣ, на Павлей улицѣ, въ Варшавѣ. Начальникъ города Варшавы А. Вашковскій.

На другой сторонѣ приказа написано слѣдующее:

«Подлинность подписи подтверждаю тѣмъ, что по арестованіи вашей тетки, гражданки Елены Островской, я былъ лично въ квартирѣ вашей сестры Юзефы (на улицѣ Пршеяздъ, подъ Липкой), также арестованной по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ тою, что взята прежде; потомъ пришелъ и къ вамъ, и въ разговорѣ спросилъ о почтовыхъ. Вы отвѣчали, что не знаете никого, упомянули только о дорогѣ къ Н., въ видахъ увольненія Юзефы. Александръ».

Примѣчаніе. Авторъ имѣлъ въ рукахъ всѣ подлинники этихъ писемъ. Всѣ они писаны по польски, на небольшихъ клочкахъ сѣрой бумаги, карандашомъ, такъ мелко, что невооруженнымъ глазомъ весьма трудно читать. Н. В.

IV. Перетсиа изъ тюрьмы Елены Миркоръ.

23-го апрѣля, ночью.

Безцѣнная моя матушка! Вотъ уже кончается другая недѣля, какъ мы разлучены, но прошу и заклинаю тебя, милая матушка, не падать духомъ. Надѣйся на Бога: Онъ насъ скоро всѣхъ освободить. Тотчасъ по доставленіи меня въ тюрьму, я узнала, что нашъ Михаилъ ¹⁾ открылъ свое дѣйствительное имя и, кромѣ того, былъ узнавъ полковникомъ Здановичемъ, который служилъ съ нимъ вмѣстѣ въ русскихъ войскахъ. На другой день, т. е. во вторникъ, позвали меня въ комиссію и спрашивали о разныхъ обстоятельствахъ, касающихся лицъ, которыя у меня бывали, называя каждого по имени и по фамиліи. Я удивилась, что комиссіи извѣстны такія подробности; какъ вдругъ предъявили мнѣ сознанія Карла Пришибльскаго, который выдалъ меня, Яновскаго, ксендза Артура, Яна и Михаила; сказалъ, что Яновскій имѣлъ свиданія съ Артуромъ. Выдалъ всѣ имена Яновскаго. Что бывалъ еще Игнатій Голковичъ—выдалъ и его имена; наконецъ, объявилъ, что ко мнѣ приносили отъ Яновскаго бумаги, подъ знакомъ трехъ крестиковъ, которыя я вы-

¹⁾ Говорить о Траугутѣ, который, какъ уже выше было сказано, жилъ у Маевскихъ подъ именемъ Михаила Чернецкаго. Н. В.

давала разнымъ женщинамъ, именно Плахецкой, для развосу въ разные стороны. Я ото всего отнерлась, сказала, что не знаю ни Яновскаго и ни того, другаго; что бумагъ ни отъ кого не принимала и никому не выдавала. Тогда мнѣ дали съ Пршибильскимъ очную ставку и онъ то же самое сказалъ мнѣ въ глаза. Я сказала: «не правда! Вы ждете самымъ безстыднымъ образомъ. Я ни о чемъ не знаю и ни съ кѣмъ изъ этихъ господъ не знакома!» Посадили меня въ сырой и холодный погребъ, на хлѣбъ и на воду. Рядомъ со мною сидѣлъ Михаилъ, которому все пересказала я посредствомъ нашего телеграфа.... Сидѣла въ погребѣ съ среды до четверга, т. е. въ теченіе девяти дней, и занемогла. Тогда перевели меня, вечеромъ въ четвергъ, въ теплую комнату, на третій этажъ, гдѣ я нашла какую-то женщину, очень милую особу, которая сидитъ уже тамъ шесть мѣсяцевъ и которая ухаживаетъ за мною какъ сестра. Михаилъ перевели въ теплый номеръ днемъ раньше; онъ сидитъ теперь въ 66 номерѣ отъ фронта, внизу, а я—двумя этажами выше, въ номерѣ 186; окна мои выходятъ на Павью улицу: ставьте напротивъ среднихъ воротъ, у фонаря, и взгляните въ которомъ окнѣ будетъ вывѣшенъ капоръ, съ пунцовою оторочкой: это буду я въ этомъ окнѣ. Прошу привести съ собою Владислава и милую панну Франциску. Хоть издалека будемъ видѣться въ каждый хорошій день. Прошу не присылать мнѣ ничего ѣсть—не пропусайте, а удерживаютъ у себя. Такъ, я не получила ни апельсиновъ, ни лимоновъ, посланныхъ ко мнѣ въ субботу. Сегодня также ничего не отдали, даже сахару. Ничего не посылайте, кромѣ бѣлья и табаку, но послѣдняго не посылайте еще недѣлю двѣ: у меня еще цѣлыхъ три пачки. Въ прошлую субботу не досчиталась двухъ дневныхъ рубашекъ, кальсоновъ и простыни. Прошу магушку написать, не было-ли ошибки съ вашей стороны, ибо написано шесть дневныхъ рубашекъ, а я нашла только четыре. Двое кальсоновъ—оказались одни. Простыня—я не нашла ни одной. Прошу только не жаловаться на это, спросать сейчасъ: откуда вы знаете? Такимъ образомъ можно меня погубить. Сегодня нашла все на лицо, какъ стояло въ запискѣ! Прошу не посылать столько бѣлья, лучше по одной штукѣ всякую субботу, потому что мнѣ негдѣ класть. Только носовыхъ платковъ, по крайней мѣрѣ, пять на недѣлю. Въ эту субботу прошу прислать мнѣ зеркальце, носовой платокъ, двѣ небольшія подушки и стеариновыхъ свѣчей. Больше ничего. Для Михаила миндальнаго мыла и молитвенникъ, который лежитъ у меня на столѣ въ спальнѣ, и бѣлье посылайте ему всякую субботу.¹⁾

Если было письмо отъ его жены, прошу отдать доктору²⁾, въ домѣ Минтера: онъ знаетъ, чтѣ съ нимъ сдѣлать. Также отдайте ему и мое письмо, гдѣ я говорю о Карлѣ Пршибильскомъ: пускай остережетъ всѣхъ скомпрометированныхъ и тѣхъ, кого онъ еще можетъ скомпрометировать. Ибо если отважился выдать въ руки москалей такого святаго человѣка, какъ Михаилъ, то онъ все способенъ рассказать. Прошу никому не говорить, даже служанкѣ, что получили отъ меня письмо, потому что чрезъ это можетъ пострадать тотъ добрый солдатъ, который вамъ его доставилъ, а также и я.

1) Непонятная фраза, которую приведу въ подлинникѣ: «wie.... pamiętać..... zaropniście o mnie, jak o nim».

2) Было написано имя и потомъ замазано. По всѣмъ вѣроятностямъ, это былъ Дымбовскій, вскоре затѣмъ арестованный и сосланный въ Сибирь. Н. В.

Дайте ему рубль и обойдитесь съ нимъ какъ можно лучше. Хоть онъ и солдатъ, а стоитъ всякаго уваженія. Въ тюрьмѣ услуживаетъ намъ чѣмъ можетъ. Не болтайте ничего при Владиславѣ (Władzia się wustzegac), чтобы ничего не зналъ. Заклинаю Богомъ: хлопочите изъ всѣхъ силъ, чтобы спасти Михаила, такъ какъ они знаютъ объ немъ все. Не лучше-ли, чтобы сама жена его пріѣхала хлопотать? Пусть наши ведутъ себя какъ можно осторожно, ибо тутъ много знаютъ, а такіе услужливые люди, какъ Карлъ, помогаютъ отрывать больше и больше. Пущень-ли на свободу Феликсъ? ¹⁾ Онъ сидѣлъ въ погребѣ одновременно со мною. Его также выдалъ Карлъ, сказавъ, что приходилъ ко мнѣ съ Артуромъ. Артуръ, Янъ и Яковъ ²⁾ пусть тоже берегутся. Карлъ выдалъ и Плахенскую, а она запутала немного меня, сказавши, на очной со мною ставкѣ, что приносила ко мнѣ бумаги. Я отперлась отъ этого. Въ какомъ положеніи дѣла Марьяна и Цезаря ³⁾—ничего не знаю. Спрашивали меня о нихъ: я сказала, что Цезарь бывалъ у меня какъ докторъ и лечилъ меня, а Марьянъ бывалъ какъ старшій знакомый; что, будучи оба холостяками, хотѣли имѣть получше столъ, а потому у меня и столовались. Больше ничего не говорила. Сторожъ дома сказалъ, что, кромѣ Михаила, Марьяна и Карла, приходилъ еще какой-то пятый и столовался у насъ. Спрашивали у меня, кто это, я отвѣчала, что фамилія его не знаю, а знаю только, что зовутъ Иваномъ. Спрашивали, откуда я его знаю: я отвѣчалъ, что меня познакомилъ съ нимъ старшій мой постоялецъ, Клобуцкій. Больше ничего не сказала. Если Адамъ не прислалъ еще денегъ, прошу написать ему. Если у васъ недостаетъ на мой и Михайловы надобности, попросите у доктора: я увѣрена, что онъ не откажетъ. Еще разъ заклинаю васъ: хлопочите всячески о Михаилѣ. Сходите къ Н., только не теперь. Я здорова и Михаилъ также. Для него и для меня посылайте два фунта стеариновыхъ свѣчей на недѣлю. Какъ поступите со служителями, напишите подробно и отдайте нашему благодѣтелю-солдату; только осторожно, чтобы ни одна душа не знала: это можетъ насъ погубить. Показавши это письмо доктору, сейчасъ же его уничтожьте. Цѣлую ваши ручки, Данку цѣлую, а также и милую панну Франциску. Жду васъ въ понедѣльникъ, въ пять часовъ, въ окошкѣ.

Приписка на томъ же листѣ:

«Адресовъ на письмахъ отнюдь не писать и никакихъ фамилій не называть; выражаться обиняками, чтобы только я понимала».

Примѣчаніе. Подлинникъ польскій, на сѣромъ небольшомъ клочкѣ бумаги; писано обыкновеннымъ почеркомъ, рукою г-жи Биркоръ. Читать удобно ⁴⁾.

Н. В. Бергъ.

¹⁾ Cioteczny bratъ г-жи Биркоръ, ксендзъ Феликсъ Маевскій, молодой человекъ 20-ти лѣтъ.

²⁾ Имя Якова носилъ тогда ст.-секр. Яновскій.

³⁾ Марьяна Добецкаго и Цезаря Моравскаго.

Н. В.

⁴⁾ Елена Биркоръ, — первая жена известнаго ученаго и писателя Адама Биркора, — разсталась съ мужемъ около 1857 г. и бракъ ихъ расторгненъ церковью около 1865 г. Она вышла замужъ за г. Пуро и живетъ нынѣ въ Усольѣ, Персской губерніи. — Вторая супруга Адама Биркора — Целестина-Марія Юсифовна, рожденная Бочковская, вышедшая за него замужъ въ 1866 г., не имѣла никакихъ отношеній къ описаннымъ г. Бергомъ событіямъ. Р е д.

ГРАФЪ ѲЕДОРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ БЕРГЪ

7-го сентября 1863 г.

Какъ бывшій подчиненный, близко стоявшій къ графу Ѳ. Ѳ. Бергу и, слѣдовательно, вполне знакомый не только съ его характеромъ, но и съ его мельчайшими привычками, а также будучи не только очевидцемъ, а отчасти и дѣйствующимъ лицомъ въ усмиреніи польскаго восстанія 1863 года, я считаю своею священною обязанностью сдѣлать нѣкоторыя поправки въ Запискахъ Н. В. Берга.

Авторъ относится къ гр. Бергу недоброжелательно («Русская Старина» изд. 1879 г., томъ XXV, стр. 79). Не имѣя возможности знать графа въ дни его молодости, я тѣмъ не менѣе съ увѣренностью могу сказать, что приводимыя авторомъ черты характера графа—болѣе чѣмъ неправдоподобны. Особенности характера у нѣкоторыхъ могутъ съ лѣтами смягчаться, у другихъ же, напротивъ, еще болѣе рѣзче выступить, но основныя черты остаются у всѣхъ неизмѣнными; а характеръ стараго графа, какимъ я его зналъ слишкомъ далекъ отъ описываемаго авторомъ, чтобъ можно было положиться на его вѣрноподобность, и я смѣло могу ручаться, что графъ Бергъ, обязавъ свою блестящую карьерой не искательству и низкопоклонничеству, какъ то утверждаетъ (?) Н. В. Бергъ, а исключительно своимъ многостороннимъ блестящимъ способностямъ и личнымъ достоинствамъ, выходящимъ далеко изъ числа заурядныхъ. Конечно, графъ Бергъ, какъ и каждый человѣкъ, не былъ изъять отъ нѣкоторыхъ недостатковъ и странностей, свойственныхъ человѣческой природѣ, но неужели въ біографіи такого храбраго полководца, блестящаго администратора, неутомимаго дѣятеля и вѣрнаго слуги своего Государя и родины, принесшаго неоспоримо много пользы и чести Россіи, какимъ былъ графъ,—неужели же, рисуя образъ подобнаго человѣка, слѣдуетъ только (?) отмѣчать его слабости, проходя молчаніемъ его многочисленныя заслуги, и не только не опѣивать его подвиги, но видимо стараться выставить его въ смѣшномъ, или, что еще хуже, въ неблагопріятномъ свѣтѣ. А между тѣмъ Н. В. Бергъ поступаетъ именно такъ.—Читая его статью, можно подумать, что графъ достигъ фельдмаршальскаго жезла благодаря своему искательству и усмиривъ польскій мятежъ 1863 года съ помощью своихъ странностей, такъ какъ Н. В. Бергъ, умалчивая о достоинствахъ и распоряженіяхъ графа, наполняетъ страницы, посвященныя его ха-

рактистикѣ, почти исключительно разсказами анекдотическаго характера о его странностяхъ, прибѣгая при этомъ весьма часто къ помощи увеличительнаго стекла и при томъ еще невѣрнаго. Такъ, на примѣръ, невинная привычка графа закрывать глаза, когда онъ особенно вслушивался въ доклады, послужила Н. В. Бергу темою для цыкантаго разсказа о спящей лисицѣ и т. д. («Русская Старина», томъ XXVI, стран. 264). Это, конечно, много способствуетъ оживленію разсказа, но вмѣстѣ съ тѣмъ приноситъ, къ сожалѣнію, несомнѣнный вредъ истинѣ. Авторъ даже находитъ нужнымъ поставить графу въ упрекъ (?) его якобы ничтожное происхожденіе («Русская Старина» изд. 1879 г., томъ XXV, стр. 77), что также совершенно неосновательно. Фамилія Бергъ, изъ которой происходилъ покойный фельдмаршалъ, одна изъ старинныхъ дворянскихъ фамилій Вестфаліи, перешедшая въ XVI столѣтіи въ Лифляндію и не имѣющая ничего общаго съ другими Бергами, которыхъ въ Остзейскихъ губерніяхъ весьма много, даже не дворянскаго происхожденія, или получившихъ дворянство уже впоследствии, за службу въ Россіи.

Не имѣя возможности возстановлять всѣ невѣрности (?), вкрапившіяся въ Записки Н. В. Берга, я, какъ очевидецъ, не могу обойти молчаніемъ покушеніе 7-го сентября 1863 г. («Русская Старина» изд. 1879 г., томъ XXVI, стр. 273). Вотъ какъ было дѣло:

7-го сентября 1863 года, въ 4 часа пополудни, графъ въ двухмѣстной коляскѣ отправился со мной въ предмѣстье Воля, куда заранѣе были посланы верховныя лошади. Приѣхавъ въ Волю, графъ отослалъ экипажъ съ конвойными казаками къ Бальведерскому дворцу, и, осмотрѣвъ церковь и кладбище въ бывшемъ Вольскомъ редутѣ, мы сѣли верхомъ, и, въ сопровожденіи только одного казака и рейткнехта графа, поѣхали по полю битвы 25-го августа 1831 года къ Мокотовской заставѣ. Въ Сельце же мы въ тотъ день вовсе не заѣзжали. Въ 5½ часовъ мы приѣхали въ Лазенки, гдѣ графъ навѣстилъ раненаго поручика лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка Горяинова, а затѣмъ, снова сѣвъ въ коляску, мы отправились домой. Проѣзжая мимо дома графа Замойскаго, мы услышали выстрѣлъ и графъ Бергъ почувствовалъ какъ бы сильный ударъ въ лѣвую сторону шеи. Пуля (а не картечь), пробивъ воротникъ шинели графа и подушки, остановилась въ кузовѣ коляски. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовали взрывы пяти орсиньевскихъ бомбъ, брошенныхъ изъ тѣхъ же оконъ верхняго этажа дома Замойскаго, и мы очутились въ густомъ облакѣ дыма отъ разлитой горючей жидкости. Графъ всталъ, вовсе не озираясь отъ испуга, какъ желаетъ дать понять Н. В. Бергъ, а чтобъ остановить кучера. Но испуганныя и раненыя ло-

шади не слушались и, только проѣхавъ еще шаговъ тридцать, кучеру съ трудомъ удалось ихъ удержать. Графъ, не теряя ни на минуту присутствія духа и полнѣйшаго спокойствія, хотѣлъ тотчасъ же выйти изъ коляски, чтобъ самому лично присутствовать при осмотрѣ дома Замойскаго, и мнѣ стоило большаго труда отклонить его отъ этого намѣренія. Тогда графъ, въ сопровожденіи четырехъ казаковъ, остановившись только на нѣсколько минутъ у дома коменданта Варшавы, князя Бебутова, чтобъ сдѣлать распоряженіе объ отправкѣ на мѣсто происшествія дежурной роты съ Саксонской площади, отправился немедленно домой. Я же, взявъ съ собою остальныхъ четырехъ казаковъ и пять человекъ патруля, случайно проходившаго въ эту минуту, отправился въ домъ Замойскаго. Такъ какъ ворота и двери были заперты, то я, войдя въ книжный магазинъ (а не кондитерскую), помѣщавшійся въ нижнемъ этажѣ, приказалъ одному изъ прикащиковъ проводить меня въ верхній этажъ. Разославъ казаковъ по разнымъ лѣстницамъ дома и оставивъ двухъ на дворѣ, я съ однимъ рядовымъ и однимъ казакомъ, въ сопровожденіи прикащика, поднялся наверхъ по парадной лѣстницѣ лѣваго флигеля. То обстоятельство, что парадная лѣстница не вела до самаго верха, задержало меня на нѣсколько лишнихъ минутъ и, когда я, наконецъ, добрался до 5-го этажа, заговорщики успѣли уже скрыться. Въ корридорѣ мы нашли двустоволку, изъ которой былъ произведенъ только одинъ выстрѣлъ; другой же стволъ, курокъ котораго былъ поднятъ, оставался заряженнымъ, какъ оказалось впоследствии, рубленнымъ свинцомъ. Стволъ же, изъ котораго былъ сдѣланъ выстрѣлъ въ графа, былъ заряженъ обыкновенною пулей, которую потомъ вырѣзали изъ спинки коляски, куда она врѣзалась, пробивъ пальто графа. Это-то и спасло фельдмаршала, который былъ бы неминуемо убитъ, еслибъ этотъ необыкновенно мѣткій выстрѣлъ былъ произведенъ картечью. Продолжая обыскъ дома, я замѣтилъ, что во многихъ квартирахъ вещи были связаны въ узлы и во всемъ домѣ не оказалось почти ни дѣтей, ни женщинъ, что должно привести къ заключенію, что жильцы были предупреждены о предстоящемъ покушеніи на жизнь намѣстника.

Н. В. Бергъ говоритъ, что, когда, по приказанію генерала Корфа, приступили къ разгрому дома Замойскаго, то «кто-то догадался и доложилъ объ этомъ намѣстнику, приходившему въ себя въ квартирѣ коменданта» (томъ XXVI, стр. 276). Этотъ кто-то былъ я, и я долженъ заявить, что я нашелъ графа не въ домѣ коменданта, а у себя въ замкѣ, сидящаго совершенно-спокойно за обѣдомъ; тутъ же я нашелъ австрійскаго и французскаго консуловъ,

пруссаго генеральнаго консула барона Рехенберга и еще нѣсколько другихъ лицъ.

Вслѣдствіе моего доклада о происходящемъ, графъ немедленно отправилъ товарища моего, штабъ-ротмистра Вильгоцкаго, къ барону Корфу съ приказаніемъ прекратить начатое разрушеніе.

Графу Бергу, въ теченіе его 50-ти-лѣтней службы, не разъ случалось бывать подъ градомъ пуль, среди самыхъ жаркихъ сраженій, и всѣ его современники, отъ которыхъ мнѣ приходилось слышать объ этомъ, отдавали полную справедливость его хладнокровію и храбрости. Участнику-ли семнадцати блестящихъ кампаній было испугаться пули мятежниковъ, и онъ, дѣйствительно, нимало не испугался, ему нечего было придти въ себя, вопреки заявленію Н. В. Берга. Но противъ этого послѣдняго обвиненія говорятъ не только славныя дѣла фельдмаршала въ теченіе трехъ царствованій, но даже самъ Н. В. Бергъ, говоря о рѣшимости графа пробить себѣ во что бы то ни стало дорогу, упоминаетъ о его хладнокровіи и неустрашимости при исполненіи наитруднѣйшихъ порученій («Русская Старина», томъ XXV, стр. 78—82).

Такъ какъ же могъ графъ такъ сильно измѣниться, чтобы не быть въ состояніи придти въ себя въ теченіе нѣсколькихъ часовъ отъ одной пули, скользнувшей по его шинели? Въ подтвержденіе того, что покушеніе на его жизнь нисколько не напугало графа, можетъ служить еще тотъ фактъ, что, два дня спустя послѣ происшествія, графъ, въ сопровожденіи меня и только одного рейткнехта, верхомъ проѣхалъ по всѣмъ главнымъ улицамъ Варшавы, въ часы, когда онѣ наиболѣе оживлены. Нельзя не отнестись послѣ этого критически и къ другимъ рассказамъ Н. В. Берга. Такъ, напримѣръ, онъ утверждаетъ, что графъ лично ему передавалъ, что по улицамъ Варшавы каждую ночь разставлялось до 30,000 войска. Тутъ очевидно недоразумѣніе со стороны автора: весь гарнизонъ Варшавы въ то время состоялъ изъ одной гвардейской пѣхотной дивизіи съ стрѣлковымъ баталіономъ, одной гвардейской кавалерійской бригады съ принадлежащими къ нимъ артиллерійскими частями, двухъ казачьихъ полковъ и мѣстныхъ войскъ. Всѣ эти войска, вмѣстѣ взятыя, едва ли составляли 30,000, и если допустить, что я, по неимѣнію въ настоящее время подъ рукой вѣрныхъ данныхъ, и пропустилъ какую-либо часть, то это все же не можетъ сильно повліять на измѣненіе вышеприведенной мною цифры, и, очевидно, намѣстникъ говорилъ Н. В. Бергу только о томъ, что въ Варшавѣ въ то время, по его приказанію, было сосредоточено до 30,000 войска.

Свиты Его Величества генераль-маіоръ фонъ-Валь.

Г. Харьковъ.—12-го октября 1879 г.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Курганъ близъ Благовѣщенской церкви въ г. Зарайскѣ.

Смутное время Россіи, въ періодъ междуцарствія, оставило много историческихъ памятниковъ, къ числу которыхъ принадлежитъ курганъ близъ Благовѣщенской церкви въ г. Зарайскѣ. Въ 1608 году, союзники самозванца, поляки, подъ начальствомъ Лисовскаго, осаждая окрестные города и села около Москвы, покорили Зарайскъ. Въ это время, для изгнанія враговъ отечества, изъ Нижняго-Новгорода пришло ополченіе арзамасское въ Рязань. Въ Рязани воеводы, узнавъ о взятіи Зарайска поляками, послали арзамасское ополченіе, вмѣстѣ съ другими вѣрными сынами отечеству, въ Зарайскъ для прогнанія врага. Подъ Зарайскомъ (теперь эта мѣстность вошла въ составъ владѣнія городского населенія), посланное изъ Рязани ополченіе, воодушевляемое любовію къ отечеству и вѣрѣй православною, геройски сразилось съ Лисовскимъ; но Лисовскій, обладая превосходствомъ силъ, поразилъ ихъ на-голову и ополченіе арзамасское вмѣстѣ съ рязанцами почти все пало геройскою смертію отъ рукъ врага. Тѣла павшихъ онъ похоронилъ на мѣстѣ битвы въ одной ямѣ, надъ которою, для своей славы, воздвигъ громадный курганъ. Въ «Лѣтописи о мятежахъ» объ этомъ такъ говорится: «Прииде же подъ Зарайскій городъ полковникъ Лисовскій съ литовскими людьми и русскими воры и градъ Зарайскъ взяли. Въ Переславлѣ же Рязанскомъ слыша воеводы, что Зарайскій городъ литовскіе люди взяли и послаша подъ Зарайскій городъ ратныхъ людей, воевода съ ними былъ Захарій Ляпуновъ и приидоша подъ Зарайскій городъ. Лисовскій же, вышедъ изъ Зарайска, московскихъ людей поби на голову и многихъ живыхъ пойма; единныхъ бо арзамазцевъ убиша

на томъ бою триста человекъ. Трупы же ихъ Лисовскій велѣлъ похоронити въ одномѣстно—въ яму, и сдѣла ту надъ ними для своей славы курганъ велий и тотъ курганъ стоитъ до днѣсь» (2-е изд., стр. 132 и 133.—«Царствованіе царя Михаила Ѳеодоровича и взглядъ на междоусобицу» Вас. Берга, ч. I, стр. 12).

На томъ мѣстѣ, гдѣ побиты арзамазцы, и подлѣ кургана, арзамазскими гражданами, для поминовенія своихъ предковъ, воздвигнута была деревянная церковь (теперь эта церковь замѣнена каменною, въ началѣ сего столѣтія), во имя иконы Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, которая сопутствовала арзамазскую дружину во время ополченія; каковая икона и теперь находится въ церкви. Потомки павшихъ воиновъ-арзамазцевъ долгое время ѣздили въ Зарайскъ, для совершенія поминовенія по своимъ предкамъ-согражданамъ. Такъ, археологъ Аверинъ, въ своемъ историческомъ изложеніи дѣяній Дмитрія, протоіерея зарайскаго, современника и сподвижника князя Пожарскаго, изданномъ имъ въ 1836 году, касаясь сего событія, говорить: «Курганъ сей, гдѣ погребены тѣла арзамазцевъ, поднѣсь видимъ въ Зарайскѣ, на Михайловской улицѣ, близъ Благовѣщенской церкви съ южной стороны. Нѣкоторые изъ зарайскихъ гражданъ слышали отъ стариковъ, что арзамазскіе жители пріѣзжали въ Зарайскъ и служили панихиды надъ тѣлами своихъ согражданъ, побитыхъ въ 1608 году и погребенныхъ подъ симъ курганомъ» (Примѣч. 2-е, стр. 21).

Теперь время изгладило изъ памяти это событіе. Теперь никто не пріѣзжаетъ служить по опочившимъ подъ этимъ курганомъ воинамъ поминовеніе; помнитъ только церковь, гдѣ постоянно за литургіею творится память по нимъ. Прежде, до первой четверти нынѣшняго столѣтія, на курганѣ стоялъ большой деревянный крестъ, а нынѣ и того нѣтъ. Самый курганъ, ничѣмъ незащищенный, осыпается, тогда какъ изъ уваженія къ памяти защитниковъ отечества, покоящихся подъ симъ курганомъ, давно бы слѣдовало обратить на него вниманіе мѣстнымъ жителямъ—и вообще почитателямъ родной старины. Только нынѣ приходское попечительство зарайской Благовѣщенской церкви приняло на себя починъ въ этомъ дѣлѣ: имъ предложено устроить на курганѣ часовню, а подлѣ него богадѣльню для семействъ вѣдннхъ воиновъ.!

На это доброе дѣло приходское попечительство зарайской Благовѣщенской церкви собираетъ нынѣ пожертвованія.

Д.

МОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ СОСТАВИТЬ КАВКАЗСКО-ГОРСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ

въ 1812 году.

Въ тѣ дни, какъ Россія, зрѣвъ пламенемъ объятую Москву, мечтала снова пасть рабою предъ другимъ Батыемъ, я, 17-ти лѣтъ отъ роду, въ пылу юности, рвался на ея защиту, бывъ корнетомъ по кавалеріи и, по ходатайству лейбъ-медика Вилліе,—при атаманѣ донскихъ казаковъ, графѣ Платовѣ. Не излишне сказать, что я, сынъ добраго англичанина, отъ дѣтства напитался ненавистію къ Бонапарту, а отъ многого чтенія, при романическомъ воображеніи, дышалъ духомъ плутарховыхъ героевъ. Когда же Москва, моя родина, обратилась въ груды пепла и ея окрестности усѣялись смердящими трупами людей, то во мнѣ родилось какое-то презрѣніе и къ жизни и къ смерти. Въ бранномъ жару, я ощутилъ въ себѣ силы сдѣлать болѣе возможнаго въ строю; объятый хаосомъ отважнѣйшихъ предприятий, кон, смѣю сказать, ободрилъ самъ Монархъ, вызывавъ подражателей Пожарскому, Палицыну и Минину, я, безъ малѣйшей мысли самохраненія, задумалъ составить конное и пѣшее ополченіе: конное—изъ казаковъ кубанскихъ, моздоцкихъ, волжскихъ, гребенскихъ и терекскихъ. А такъ какъ они, обще съ регулярными войсками, защищаютъ Кавказскую линію, то, дабы ихъ уменьшеніе не ободрило хищныхъ горцевъ къ вящимъ набѣгамъ, я предполагалъ набрать его величеству лейбъ-кавказско-горскую сотню изъ заграничныхъ владѣтельныхъ князей, которые, отправленные вмѣстѣ съ помянутыми казаками въ главную армію, служили бы заложниками къ обузданію ихъ родственниковъ¹⁾. Потомъ я хотѣлъ ѣхать въ Стародубовскія старообрядческія слободы (Черниговской губерніи), вызвать тамъ охотниковъ для пѣхоты и, съ ними присоединясь къ

¹⁾ Еще князь Потемкинъ старался, по титулу російскихъ государей—«повелителей горскихъ народовъ», достать лейбъ-кавказско-горскую сотню; ему не удалось, потому что все дѣлалось черезъ десатны руки. Недавно (писано полѣва тому назадъ) эти попытки были возобновлены. Генераль-отъ-кавалеріи Тормасовъ склонилъ Большую Кабарду послать въ С.-Петербургъ депутатовъ, которые, бывъ тамъ обласканы и одарены, обѣщали лейбъ-сотню; но ихъ самихъ, возвратившихся въ отчизну, осудили за то на изгнаніе, по приговору аліевъ, т. е. Божіихъ людей или правителей. Въ этотъ разъ виновать Тормасовъ: ему надлежало проискавши назначить депутатовъ; онъ попустилъ ѣхать людямъ маловажнымъ, конхъ обѣщаніе ничего не значило въ невѣжественной аристократіи.

Р. М.

конницѣ, идти на поля брани ¹⁾. Вотъ въ такомъ-то смыслѣ я написалъ себѣ инструкцію, будто бы данную мнѣ по высочайшему повелѣнію правившимъ должностію военнаго министра, княземъ Горчаковымъ, съ предоставленіемъ власти дѣйствовать по совѣту командующаго на Кавказской линіи, не испрашивая разрѣшенія по дальности разстоянія.

По прибытіи въ Георгіевскъ, я перемѣнилъ эти предначертанія. Начавъ съ лейбъ-сотни, я спѣшно склонилъ въ службу его величества многихъ весьма знатныхъ особъ, а именно: султана Арсланъ-Гирея (роднаго племянника послѣдняго крымскаго хана Шагинъ-Гирея, потомка Чингисъ-хана), князя Расламбака, князя Албуриаджію, князя Бекича и прочихъ, съ ихъ узденями, т. е. дворянами ²⁾. Вслѣдъ за ними горцы съѣзжались ко мнѣ толпами, явили возможность составить кавказско-горское ополченіе, что я и предпринялъ немедленно. Для совѣщанія я пригласилъ къ командующему на Кавказской линіи, генералъ-лейтенанту Портавчину, тамошняго гражданскаго губернатора Брискерна и губернскаго прокурора Оверскаго: они всѣ трое подписали «Записку совѣта о составленіи кавказско-горскаго ополченія».

Здѣсь, за краткостію, нельзя, да и не нужно распространяться о всѣхъ средствахъ достиженія сей цѣли; одинъ случай достаточно покажетъ путь дѣйствія, неоскорбительнаго величію Россійской имперіи. Лазутчики, мною въ горы посланные для расхваливанія бога-

¹⁾ Извѣстно, какъ въ греко-россійской церкви произошелъ расколъ отъ исправленія церковныхъ книгъ и какъ изступленіи вообще расплодился отъ страха вѣзни. Одни изъ нихъ возжгли мятежь, другіе, разсѣявшись по всей Россіи, всюду насаждали свое разномысліе и, между прочимъ, въ странѣ Стародуба, гдѣ, по близости границы, способствовавшей перебѣгать въ Польшу, они весьма размножились, особенно въ годы нововведеній Петромъ Великимъ и въ грозное царствованіе Анны Іоанновны. Во время нашествія Карла XII, они, еще своевольные, удачно напали на мимошедшій отрядъ шведовъ и нѣсколько плѣнныхъ доставили въ станъ Петра Великаго, пожаловавшаго ихъ за то грамотою, которая, хранясь въ церкви, и поднесъ питаетъ въ нихъ бранный духъ. Они многократно ходили въ Польшу противъ конфедератовъ.

²⁾ Одинъ султанъ Арсланъ-Гирей привелъ сто ногайскихъ узденей, въ томъ числѣ нѣсколькихъ подручныхъ князей. Это можно видѣть изъ извѣщающаго при дѣлѣ, въ моемъ журналѣ, подлиннаго отношенія ко мнѣ генералъ-маіора султана Менгли-Гирея. Въ Кавказскихъ горахъ, если гдѣ есть законы, или, лучше сказать, обычай съ силою законовъ, то они походятъ на Лигурговъ. Тамъ, какъ въ Спартѣ, только два сословія: дворянство, занимающееся единственно войною и презирающее все другое, и червыи народъ, работающій подобно плотамъ.

тыхъ добычь въ войнѣ съ французами, хотя и произвели возбужденіе, но желанныхъ послѣдствій не оказывалось, по причинѣ разсѣянности ауловъ (деревень; тамъ нѣтъ ни одного города, нѣтъ прочныхъ сообщеній). Примѣтивъ это и узнавъ, что закубанцы очень нуждаются солью, я отъ своего имени послалъ къ ихъ князю, Айтекъ-Мисоусту, 200 пудовъ оной, для раздачи неимущимъ. Народъ, въ свирѣпую зиму бѣдствовавшій, собравшись за солью и подстрекнутый задаренными, вдругъ взволновался идти служить Россіи, такъ что князь Айтекъ-Мисоустъ былъ принужденъ самъ выѣхать и обѣщаться договариваться о томъ со мною, что онъ и сдѣлалъ. Мы видѣлись на границѣ, въ Усть-Лабѣ. Онъ имѣетъ 15,000 конницы и могъ дать 2,000 вершниковъ; но я былъ задержанъ до окончанія переговоровъ. Во всѣхъ же горахъ можно было набрать отъ 15,000 до 20,000 человекъ.

Всѣмъ извѣстно, сколь чудесно храбры обитатели подошвъ хребта Кавказскаго, и сколь въ войнѣ полезны ихъ легкія стаи всадниковъ; но не бывшій въ томъ краю не можетъ вообразить того зрѣлища, какое представляли мною собранные витязи въ ихъ блестящихъ кольчугахъ и полномъ азіатскомъ вооруженіи.

Надобно сказать, что это ополченіе было предпринято въ декабрѣ 1812 года, когда вспять гонимые французы уже проходили границы Россіи, и что я весьма разумѣлъ негодность онаго въ бытность непріятеля внутри Россіи; ибо въ подобныхъ случаяхъ чужія вспомогательныя войска не помогаютъ, а грабятъ и по возможности завоевываютъ. Сей урокъ твердятъ лѣтописи почти всѣхъ государствъ, да и въ своихъ мы читаемъ, что шведы, Шуйскимъ на помощь противъ поляковъ безразсудно призванные, разорили Новгородскую область и потомъ на Столбовскомъ миру принудили къ уступкѣ земель.

Да позволится на мгновение отступить, чтобъ вспомнить великое дѣяніе Минина, и рассмотреть, можно-ли и полевно-ли бы сдѣлать точно то же черезъ два столѣтія?

Выслуживъ урочные годы простымъ рядовымъ, Кузьма Мининъ возвратился на свою родину, Нижній Новгородъ, и взялся за отцовъ промыслъ, торговать мясомъ. Когда же Россія, внутрь и внѣ терзаемая, молила о помощи, то онъ бросилъ топоръ, но не пошелъ въ станъ князя Трубецкаго, предводительствовавшаго московскими силами, гдѣ его геній былъ бы ничтоженъ, какъ капля въ океанѣ. «Великіе люди выходятъ готовыми изъ рукъ природы», сказалъ Фонтенель въ похвальномъ словѣ Петру Великому; то же самое можно сказать и о Мининѣ, впрочемъ, не равняя война съ просвѣтителемъ

народовъ. Онъ на площади принесъ въ жертву отечеству коробку женскихъ нарядовъ; по его примѣру явились груды богатствъ, которыя онъ забралъ къ себѣ и чрезъ то сдѣлался, такъ сказать, государственнымъ казначеемъ. Имѣя умъ и деньги, можно успѣть во многомъ. Онъ нѣкоторыхъ склонилъ, другихъ принудилъ уполномочить его подпискою въ распоряженіи ихъ имуществомъ и даже въ правѣ, при крайности отечества, продавать ихъ самихъ съ дѣтьми въ рабство. Потомъ, его стараніемъ составилось ополченіе, которое онъ вручилъ своему прежнему военачальнику, князю Пожарскому, и которое на пути въ Ярославль, а оттолкъ къ Москвѣ, спѣшно умножившись, стало многочисленною ратію и спасло Россію, бывшую на краю паденія.

Легко видѣть, что еслибъ я хотѣлъ сдѣлать точно то, что Мининъ, то былъ бы столь же смѣшонъ, какъ если-бъ, съ желаніемъ нравиться Пльнирѣ, явился на бульваръ, убравшись во французскую пару и большой, по плечамъ кудри развѣвающій, парикъ, ибо въ подобномъ нарядѣ Людовикъ XIV былъ счастливѣйшимъ Адонисомъ. Годное въ одномъ случаѣ негодно въ другомъ. Встарину наши крестьяне могли биться съ поляками въ рукопашную; противъ же нынѣшнихъ регулярныхъ войскъ съ конною артиллеріею имъ нѣтъ возможности дѣйствовать. Тутъ была бы брань почти столь же неравная, какъ нагихъ мексиканцевъ съ Кортесомъ. Надобно и то разсудить, что нынѣшнее мѣстное начальство не допуститъ частнаго человѣка даже и приступить къ составленію войскъ. Если-бъ знаменитый Мининъ, воскресши во время нашествія французовъ, снова одушевилъ завалить площадь пожертвованіями, то, разумѣется, градоначальство приставило бы къ онымъ свою стражу. Что же сдѣлалъ бы онъ безъ денегъ? А если-бъ сей герой российской дѣятели взялъ что нибудь въ свое распоряженіе, то, увы! не степень думнаго дворянина, не безсмертіе и не памятникъ, десницею Александра сооруженный, а позорная казнь торговая была бы мздоводаніемъ любви его къ отечеству.

Съ помощію собственныхъ денегъ, 3,000 руб., я богато одѣлся офицеромъ Конной-гвардіи, назвался поручикомъ, флигель-адъютантомъ, и съ ложнымъ предписаніемъ о содѣйствіи поѣхалъ на Кавказскую линію. По полученіи тамъ на расходы 10,000 руб. асс., я на другой же день, съ донесеніемъ о томъ и описаніемъ проекта, послалъ Казанскаго пѣхотнаго полка прапорщика Звѣрева курьеромъ къ находившемуся при Государѣ министру полиціи Балашову, для донесенія его величеству.

Помянутые 10,000 руб. розданы, ббльшею частію, въ присутствіи

командующаго на Кавказской линіи, извѣстнымъ людямъ и подъ росписки, находящіяся въ моемъ журналѣ. Такъ, дано князю Бекичу 4,000 р., султану Менгли-Гирею 1,000 р., кн. Албуриаджіо 1,000 р., курьеру 500 р., за соль 300 р. Были расходы и другаго рода, въ коихъ нѣтъ росписокъ, напримѣръ: осьмилѣтней дочери султана Менгли-Гирея подарена турецкая шаль въ 600 р.; свиданіе съ кн. Айтекъ-Мисоустомъ стоило болѣе 1,000 руб.; но все это извѣстно по слѣдствію, которое производилъ самъ с.-петербургскій главнокомандующій графъ Вязьмитиновъ.

Конечно, не взирая ни на что, погибъ бы я безвозвратно, если-бы императоръ Александръ Павловичъ, среди самаго разгару величайшей войны, не имѣлъ присутствія духа заняться жребіемъ ничтожнаго юноши, а предалъ бы суду законному. Судьи, смотря въ книги законовъ, не заглядываютъ ни въ сердце виновнаго, ни въ источникъ преступленія. Судьи не судятъ, а лишь, подобно эху, повторяютъ слова законодателей, предоставившихъ дѣла необыкновенныя благоразсмотрѣнію самихъ вѣнценосцевъ. Посему-то даже и въ Англіи, гдѣ, среди царскихъ утварей, предсѣдаетъ едина тѣнь монарха, королю дано право прощать законами осужденныхъ.

«Добродѣтели,—говоритъ Декартъ,—не всегда проистекаютъ отъ познанія блага, напримѣръ: простота рождаетъ милость, страхъ—набожность, отчаяніе—храбрость». Такъ точно и преступленія не всегда проистекаютъ отъ зла и порока.

Безъ сомнѣнія, странно, что юношѣ вадумалось составить войско. Но тутъ надобно вспомнить, какъ деревенская дѣвушка, Жанна д'Аркъ, назвавшись посланною отъ Бога, предводительствовала въ битвахъ и освободила Орлеанъ отъ осады, и какъ, въ награду, ее сожгли живую, а потомъ чтили наравнѣ со святыми. Романъ Медоксъ.

Примѣчаніе. Напечатанная здѣсь записка принадлежитъ Роману Михайловичу Медоксу, умершему 5-го декабря 1859 г. Она была напечатана въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, только для самыхъ близкихъ лицъ, но не для публики. Такъ какъ она имѣетъ нѣкоторое историческое значеніе, то я и счелъ необходимымъ сообщить ее на страницахъ уважаемаго историческаго изданія «Русская Старина». Е. П. Медоксъ.

Архіепископъ Ириней.—Архимандритъ Гавріилъ.

I.

Въ «Русской Старинѣ» помѣщены обстоятельныя свѣдѣнія, относящіяся къ личности иркутскаго архіепископа Ириней Нестеровича (1830—1831) и въ частности—къ исключительному поступку іерарха—такъ называемому его «бунту» въ городѣ Иркутскѣ.

Для полноты этихъ свѣдѣній слѣдуетъ отмѣтить, что Ириней, въ бытность ректоромъ кишиневской семинаріи, составилъ «Историческое извѣстіе о кончинѣ и жизни преосвященнаго епарха Гавріила, митрополита кишиневскаго и хотинскаго»¹⁾. «Извѣстіе» это напечатано, съ приложеніемъ надгробнаго слова епарху, сказаннаго Иринеємъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ», издан. Свиньина, 1821 г., вып. XV, 79 и 93.

С. И. Повомаревъ приписываетъ²⁾ Иринею также статью подъ заголовкомъ «О монастырѣ Городищѣ» (въ сорока верстахъ отъ Дубоссаръ, на Днѣстрѣ). Статья помѣщена въ «Отечественныхъ Запискахъ» изд. 1822 г., вып. XXX, 122; подписана такъ: «Арх. И.».

II.

Священникъ Л. Л. Морошкинъ, въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ объ архимандритѣ Фотіѣ, между прочимъ передаетъ, что бывшій въ двадцатыхъ годахъ преподаватель С.-Петербургской духовной академіи іеромонахъ Гавріилъ, внослѣдствіи законоучитель Казанскаго университета и настоятель какаго-то якутскаго монастыря, скончался въ одномъ изъ муромскихъ монастырей («Русская Старина» изд. 1876 г., т. XVII, 302). Это невѣрно. Архимандритъ Гавріилъ (въ мѣрѣ Василій Николаевичъ) Воскресенскій, съ 1835 года профессоръ богословія и философіи въ Казанскомъ университетѣ, скончался на пути къ Байкалу, въ званіи миссіонера, въ 1849 году. Объ этомъ сообщено въ «Духовномъ Вѣстникѣ», изд. 1862 г., т. III, прибав., 9, отъ имени противугребрейскаго миссіонера, священника полтавскаго кафедральнаго собора отца Николая Кузнецкаго³⁾.

Архимандриту Гавріилу принадлежать слѣдующія сочиненія: 1) «Исторія философіи», въ VI частяхъ, Казань, 1839 г. 2) «Философія правды», Казань, 1848 г.

Ив. Д. Павловскій.

¹⁾ Епархъ св. синода въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи Гавріилъ Банулеску-Водоя святительствовалъ въ Кишиневѣ съ 1813 по 1821 г. Указаннымъ трудомъ Ириней не воспользовался авторъ биографическаго очерка Гавріила, что помѣщено въ прибавленіи къ «Херсонскимъ епархіальнымъ вѣдомостямъ».

²⁾ «Духовный Вѣстникъ» изд. 1862 г., т. III, прибав. 15.

³⁾ Нилъ—протоіерей, настоятель Срѣтенской церкви г. Полтавы, членъ мѣстной духовной консисторіи и преподаватель духовной семинаріи. По родоприсхожденію, о. Кузнецкій сынъ гебрѣя Волынской губерніи. Попавъ въ калотнисты, ояъ обращенъ въ христіанство, нилъ за 20 лѣтъ отъ роду. По именному распоряженію Императора Николая Павловича, принятъ въ духовное вѣдомство и окончилъ курсъ въ Казанской духовной академіи со степенью кандидата. Довольно содержательныя Записки отца Кузнецкаго о своей жизни помѣщены въ «Полтавскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ».

И. П.

КЪ ПОРТРЕТУ Н. А. НЕКРАСОВА

† 27-го декабря 1877 г.

Приложенный къ декабрьской книгѣ «Русской Старины» (изд. 1879 г., томъ XXVI) портретъ Некрасова—наша дань памяти талантливѣйшаго поэта переживаемой нами эпохи. Въ чемъ его заслуга?—спросятъ люди, неумѣвшіе цѣнить его при жизни и сомнѣвающіеся въ этомъ могучемъ талантѣ послѣ его смерти. Отвѣтить на этотъ вопросъ можно напоминаніемъ о времени, когда провучалъ первый аккордъ лиры Некрасова. Въ самый разгаръ крѣпостнаго права, во времена значительнаго произвола начальниковъ надъ подчиненными въ военной и гражданской службѣ и неукротимаго самодурства въ семейномъ быту,—молодой, безвѣстный человѣкъ, угнетенный бѣдностью, съ дѣтства насмотрѣвшійся на житье-бытье помещиковъ и крестьянъ, заявилъ въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ о видѣнномъ и пережитомъ. Голосъ его не врѣзался въ хоръ хвалебныхъ гимновъ и диеирамбовъ, возглашаемый льстецами отжившимъ и обвѣтшалымъ порядкамъ,—заглушить этотъ хоръ было невозможно... но голосъ Некрасова нашелъ отголосокъ въ сердцахъ людей, уважавшихъ права человѣчества. Стихотворенія молодого поэта распространялись, отрывки изъ нихъ нарѣдка проскальзывали и въ печать.... Голосъ его скорбящей музы не умолкалъ и былъ голосомъ благовѣстницы новыхъ временъ великой эпохи освобожденія Россіи отъ крѣпостнаго права, когда—

Насталъ святой, великій мигъ,
Въ скрижалихъ царства незабвенный,
И до Сибири отдаленной
Прощевья благовѣсть достигъ!

Припомнимъ эти стихи Некрасова, остановимся на характеристикѣ его музы, имъ же самимъ очерченной:

... вѣтъ пощады у судьбы
Тому, чей благородный геній
Сталъ обвинителемъ толпы,
Ея страстей и заблужденій.
Питая ненавистью груди,
Уста вооруживъ сатирой,
Проходить онъ тернистый путь
Съ своей карающею лирой.

И каждый звукъ его рѣчей
Плодитъ ему враговъ суровыхъ

И умныхъ и пустыхъ людей,
 Равно клеймить его готовыхъ.
 Со всѣхъ сторонъ его влянуть,
 И только трупъ его увидя,
 Какъ много сдѣлалъ онъ поймутъ
 И какъ любилъ онъ—ненавидя!

.... поэтомъ, баловнемъ свободы,
 Другомъ лѣни не былъ никогда.
 Если долго сдержанныи муки,
 Накнипѣвъ, подъ сердце подойдутъ,
 Я пишу: рвемованные звуки
 Нарушаютъ мой обычный трудъ...
 Но не льщусь, чтобъ въ памяти народной
 Удѣляло что нибудь изъ нихъ:
 Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной,
 Мой суровый, неуклюжий стихъ!
 Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства...
 Но впитъ въ тебѣ живая кровь,
 Торжествуетъ мстительное чувство,
 Догорая, теплится любовь,—
 Та любовь, что добрыхъ прославляетъ,
 Что клеймитъ злодѣя и глупца,
 И вѣнкомъ терновымъ надѣляетъ
 Беззащитнаго пѣвца!

Безвѣстенъ я. Я вами не стяжалъ
 Ни почестей, ни денегъ, ни похвалъ...
 Стихи мои—плодъ жизни несчастливой,
 У отдыха похищенныхъ часовъ,
 Сокрытыхъ слезъ и думы боязливой...
 Но вами я не восхвалялъ глупцовъ,
 Но съ подлостью не заключалъ союза...
 Нѣтъ! свой вѣнецъ терновый приняла
 Не дрогнувъ обезславленная Муза....

Наконецъ, дѣлая себѣ самому безпристрастную оцѣнку въ стихо-
 твореніи «Поэтъ и гражданинъ», Некрасовъ завѣщалъ потомству свою
 исповѣдь:

. Замѣтенъ ты,
 Но такъ безъ солнца звѣзды видны.
 Въ ночи, которую теперь
 Мы доживаемъ боязливо,
 Когда свободно рыскалъ звѣрь,
 А человекъ бродилъ пугливо—
 Ты свѣточъ истины держалъ
 Рукою твердой, но для свѣта
 Онъ благотворно не сіялъ,

Какъ свѣточъ генія-поэта.
 Дрожащей искрою въ потьмахъ
 Онъ чуть горѣлъ, мигалъ, метался...
 Моли, чтобъ солнца онъ дождался
 И потонулъ въ его лучахъ!

Безъ отвращенья, безъ боязни
 Я шелъ въ тюрьму и къ мѣсту казни,
 Въ суды, въ больницы я входилъ.
 Не повторю, что тамъ я видѣлъ...
 Клянусь—я честно невидѣлъ!
 Клянусь—я искренно любилъ!.

Склонила Муза ликъ печальный
 И, тихо зарыдавъ, ушла...
 Съ тѣхъ поръ не часты были встрѣчи:
 Украдкой блѣдная придетъ
 И шепчетъ пламенные рѣчи,
 И пѣсни гордыя поетъ.
 Зоветь то въ города, то въ степи,
 Завѣтнымъ умысломъ полна,
 Но только лишь завидать цѣпи—
 И мигомъ скроется она!
 Не вовсе я ея чуждался,
 Но какъ боялся! какъ боялся!
 Когда мой ближній утопалъ
 Въ волнахъ существеннаго горя—
 То громъ небесъ, то ярость моря
 Я добродушно воссѣвалъ.
 Бичуя маленькихъ ворышекъ
 Для удовольствія большихъ,
 Дивилъ я дерзостью мальчишекъ
 И похвалою гордился ихъ.
 Подъ игомъ лѣтъ душа погнулась,
 Остыла ко всему она,
 И Муза вовсе отвернулась
 Презрѣнья горькаго полна.
 Теперь напрасно къ ней взываю—
 Увы! сокрылась навсегда.
 Какъ свѣтъ, я самъ ея не знаю
 И не узнаю никогда...
 О, Муза! гостьею случайной
 Являлась ты душѣ моей?
 Иль пѣсенъ даръ необычайный
 Судьба предназначала ей?
 Увы! кто знаетъ! рокъ суровый
 Все скрылъ въ глубокой темнотѣ...
 Но шелъ одинъ вѣнокъ терновый
 Къ твоей угрюмой красотѣ!

Со времени этого стихотворенія протекло двадцать лѣтъ, въ продолженіе которыхъ на Руси совершились многія благотворныя преобразованія. Рухнула перержавленная, выкованная Борисомъ Годуновымъ цѣпь крѣпостнаго рабства:

Порвалась цѣпь тяжелая,
Порвалась, раскаталась—
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ—по мужику!

Исчезъ откупъ, печать... но о ней ни слова, преобразовались суды и проч. Муза Некрасова осушила слезы и, снявъ свой терновый вѣнецъ, распледа его, чтобы сатирою бичевать современные пороки и злоупотребленія...

Поэтъ прикоснулся къ струнамъ своей лиры, и извлекъ изъ нея многіе и могучіе аккорды противъ современныхъ пороковъ общества,—онъ умолкъ навсегда—и вѣчная память Некрасову!

Прилагаемый портретъ Некрасова—одно изъ изящнѣйшихъ произведеній академика И. П. Пожалостина—можно назвать самымъ схожимъ изъ всѣхъ изображеній поэта. За сходство ручается, во первыхъ, имя даровитаго нашего художника; во вторыхъ, то обстоятельство, что этотъ же самый портретъ былъ приложенъ къ журналу «Отечественныя Записки», уважаемая редакція котораго состоитъ изъ лицъ близко знавшихъ покойнаго поэта, почти ежедневно его видѣвшихъ, и которые раздѣляли съ нимъ трудъ по изданію этого журнала.

Константинъ Никитичъ Тихонравовъ

† 6-го іюля 1879 г.

«Жатва многа, дѣлателей же мало»—изреченіе особенно примѣнимое къ отечественной археологіи и исторіи; тѣмъ грустнѣе видѣть, какъ съ каждымъ годомъ рѣдѣетъ и безъ того небольшой кругъ дѣлателей на поприщѣ изученія русскихъ древностей... 6-го іюля 1879 года скончался во Владимірѣ К. Н. Тихонравовъ—честный, неутомимый труженикъ, посвятившій свою непродолжительную жизнь изученію старины своего роднаго края, завѣщавшій наукѣ массу замѣчательныхъ матеріаловъ и замѣтокъ къ ихъ уясненію; семейству—бѣдность и доброе имя; всѣмъ, лично знававшимъ его—память добраго, кроткаго и истинно благороднаго человѣка. Рѣдко чья либо фамилія такъ согласно гармонировала съ душевными качествами, какъ фамилія Тихонравова.

Покойный Константинъ Никитичъ, сынъ бѣднаго чиновника, родился въ г. Ковровѣ, въ 1822 году. Получивъ первоначальное воспитаніе въ духовномъ училищѣ, поступилъ во Владимірскую семинарію, гдѣ въ 1842 г. окончилъ курсъ со степенью студента. Поступилъ въ томъ же году въ канцелярію начальника губерніи, по распоряженію котораго, черезъ два года (1844), принялъ въ свое завѣдываніе всѣ дѣла губернскаго статистическаго комитета, участвуя при этомъ своими трудами въ неофициальной части «Владимірскихъ губернскихъ вѣдомостей». Въ теченіе первыхъ 25-ти лѣтъ сотрудничества въ нихъ было напечатано покойнымъ четыреста двадцать статей и замѣтокъ и 115 древнихъ, имъ найденныхъ, актовъ. Съ того времени по день кончины (Тихонравовъ умеръ держа корректуру номера! «Вѣдомостей», слѣдовавшаго къ выходу на слѣдующій день) число историко-археологическихъ трудовъ Константина Никитича, вмѣстѣ съ отдѣльными изданіями, простерлось, приблизительно, до семисотъ, если не болѣе. Редакторомъ «Губернскихъ Вѣдомостей» онъ былъ назначенъ съ 1853 года; можно сказать съ достовѣрностью, что ни одна статья не миновала его поправокъ и примѣчаній. Если бы мы могли насчитать нѣсколько десятковъ неутомимыхъ тружениковъ, подобныхъ К. Н. Тихонравову (хотя по одному на каждую губернію), тогда отечественная археологія и исторія быстро двинулись бы впередъ; къ сожалѣнію, Тихонравовыхъ у насъ на Руси не считаютъ десятками! Здѣсь полагаемъ умѣстнымъ привести вѣрную оцѣнку трудовъ покойнаго изъ надгробнаго слова, произнесеннаго передъ отпѣваніемъ Константина Никитича, отцомъ А. И. Сервицкимъ:

«Старина—хранительница мудрости; исторія—мудрая наставница»,—это уже сказано всѣми. И вотъ, надъ изслѣдованіемъ старины, чтобы опытнѣе и лучше было новое настоящее и будущее, и трудятся многіе люди, неутомимо копаясь въ пыли, учась читать и читая по св. храмамъ Божіимъ и св. иконамъ, по рисункамъ, надписямъ, по костямъ и камнямъ,—вообще по остаткамъ отъ предковъ всякой всячины, гдѣ бы ни выражалась религіозная, нравственно-общественная и умственная жизнь народная. Къ числу этихъ-то людей, изучающихъ не по письменнымъ только памятникамъ, а и по вещественнымъ, нашу народную и, въ частности, жизнь обитателей древне-Владимірской области—и принадлежитъ почитаемый нами почившій. Дѣломъ его жизни постоянно было возможное проникновеніе въ далекую даль вѣрованій, знаній и искусствъ, въ промышленность, въ жизнь домашнюю и общественную, въ нравы и обычаи нашихъ дорогихъ предковъ.

«Кто больше и подробнѣе его описалъ нашу святыню влади-

мирскую, боголюбовскую, суздальскую, переславскую и проч.? Кто больше его рассказалъ намъ о нашихъ великихъ князьяхъ и сродникахъ ихъ, о всемъ бытѣ нашихъ предковъ, и о всѣхъ мѣстахъ и урочищахъ, оставшихся на нашихъ глазахъ нѣкими памятниками старой жизни? Не ускользала отъ него, если не всегда—лично, то чрезъ воспитываемыхъ имъ его сотрудниковъ, и народная, мѣстная пѣсня.... А пѣсня—не сказка, а быль: ничѣмъ неистребимый у народа явственный и далекий отзывъ его души и жизни.

«Такъ, на изученіи преимущественно мѣстной народной жизни, прошла жизнь Константина Никитича. За это и поэтому мы и почитаемъ его. Двадцать пять лѣтъ трудился онъ на этомъ специальномъ дѣлѣ въ должности редактора «Губернскихъ Владимірскихъ вѣдомостей» и съ честію велъ свое дѣло, такъ что увѣрены безошибочно, скажемъ мы, что «Владимірскія губернскія вѣдомости»—со стороны археологической, этнографической и печатанія историческихъ актовъ—стояли за всѣ эти 25 лѣтъ едва-ли не на первомъ мѣстѣ, какъ матеріалъ для ученыхъ обществъ въ изученіи нашей отечественной старины. За это всѣ ученые и археологическія общества имѣли Константина Никитича своимъ членомъ, а Августѣйшій Царствующій Домъ осчастливливалъ не разъ его своимъ благоволеніемъ и подарками».

Труды покойнаго, по части статистики Владимірской губерніи, весьма обширны и тѣсно связаны съ его служебною дѣятельностью, которой мы не касаемся; имя Тихонравова достопамятно въ отечественной археологической и палеографической, какъ имя изыскателя ревностнаго и неутомимаго. Въ 1851 и 1852 гг., сопутствуя графу А. С. Уварову въ Суздальскій и Юрьевскій уѣзды, Тихонравовъ изслѣдовалъ болѣе 8,000 кургановъ; въ 1853 г. съ П. С. Савельевымъ въ Юрьевскомъ и Переславскомъ уѣздахъ—болѣе 2,000; въ 1858—при селѣ Добромъ—71; въ 1863 г. въ Шуйскомъ уѣздѣ—172 кургана.... цифры, говорящія сами за себя. Музей при Владимірскомъ статистическомъ комитетѣ и промышленная выставка въ 1869 г. обязаны учрежденіемъ своимъ тому же Константину Никитичу. Труды свои онъ печаталъ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ и въ изданіяхъ статистическаго комитета. Въ первыхъ съ 1844 по 1870 годъ было помещено, какъ уже сказано выше, 420 статей и 115 древнихъ актовъ. Изъ отдѣльныхъ изданій заслуживаютъ упоминанія:

- 1) Статистическій списокъ населенныхъ мѣстностей Владимірской губерніи (свыше 40 печ. лист. въ 4-ю д. листа, 1857 г.).
- 2) Владимірскій Сборникъ, заключающій въ себѣ матеріалы для

статистики, этнографіи, исторіи и археологіи Владимірской губерніи. 1857 г.

3) Хронологическій указатель къ неофіціальной части «Владимірскихъ губернскихъ вѣдомостей» со времени ихъ основанія, 1838 по 1869 годъ.

4) Описаніе Владимірскаго Рождественскаго монастыря XII вѣка, 1869 г.

5) Памятная книжка Владимірской губерніи на 1862 г.

6) Владимірскій историко-статистическій сборникъ на 1869 г. ¹⁾.

Съ 1863 г. Тихонравовъ былъ редакторомъ «Трудовъ статистическаго комитета» (10 выпусковъ). Съ 1875 года, по почину Константина Никитича и подъ его же редакцію, начато было изданіе «Ежегодника статистическаго комитета», котораго вышло два тома. Смерть застигла Тихонравова во время подготовки къ печатанію третьяго, а также изданія въ память столѣтія со времени открытія губерніи: «Памятники древностей Владимірскаго края. Вѣкъ XII».

Къ похваламъ личнымъ достоинствамъ cadaго усопшаго рѣдко относятся съ довѣріемъ—и не безъ основанія; но отданіе справедливости доброду, благородному сердцу К. Н. Тихонравова—прямой долгъ всѣхъ лицъ, знававшихъ покойнаго. Къ числу ихъ принадлежатъ нашъ археологъ и художникъ-самоучка И. А. Голышевъ ²⁾, много обязанный настоящимъ своимъ положеніемъ покровительству и сердечной дружбѣ К. Н. Тихонравова. Глубоко ему признательный И. А. Голышевъ сообщилъ редакціи «Русской Старины» полную біографію покойнаго, а также свои воспоминанія о немъ, послужившія намъ важнымъ матеріаломъ при составленіи этого некролога. Желательно, чтобы обширный и почтенный трудъ И. А. Голышева явился въ одномъ изъ мѣстныхъ изданій того самаго Владимірско-Юрьевскаго края, изученію котораго посвящена была вся жизнь покойнаго археолога и изслѣдователя мѣстной исторіи, статистики и этнографіи. Закончимъ словами біографа Тихонравова во «Владимірскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» (1879 г. 13-го іюля, № 28): .

«Вспомнилось теперь, что Константинъ Никитичъ въ заключеніи написанной имъ біографіи его предшественника по редакторству К. И. Доброхотова, похороненнаго на Владимірскомъ кладбищѣ, выразилъ свое прискорбіе, что надъ безвѣстной могилой челоуѣка, много потрудившагося для сохраненія памятниковъ родной старины, не было

¹⁾ О нѣкоторыхъ изъ изданій покойнаго были напечатаны рецензіи въ «Русской Старинѣ» 1870—1878 гг.

²⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 753—772.

поставлено даже простаго деревяннаго креста. Независимо почета, оказаннаго К. Н. Тихонравову при его погребеніи, не слѣдуетъ-ли еще составить подписку хотя на скромный ему памятникъ, чтобы и его могила не осталась въ той же безвѣстности, какъ и его предшественника».

Позволяемъ себѣ привести послѣднія строки въ виду того, что покойный К. Н. Тихонравовъ былъ членомъ-сотрудникомъ Императорскаго русскаго географическаго общества (съ 1849 г.), дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Русскаго археологическаго общества (1850), членомъ-соревнователемъ Императорскаго общества любителей исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ (1853), членомъ-корреспондентомъ Императорскаго вольнаго экономическаго общества (1863) и дѣйствительнымъ членомъ Московскаго археологическаго общества (1864). Подобный честный труженикъ не можетъ и не долженъ быть забытъ признательными членами помянутыхъ ученыхъ обществъ.....

Примѣчаніе. Переписка К. Н. Тихонравова съ И. А. Голишевымъ, приведенная симъ послѣднимъ въ его воспоминавіяхъ,—интересный матеріалъ для біографіи археолога и историка Владимірскаго края. На высказавное однажды г. Голишевымъ желаніе сообщить въ печати біографическія свѣдѣнія о Константинѣ Никитичѣ, этотъ отвѣчалъ: «....Вамъ извѣстна только ви́шняя сторона (моей) дѣятельности, такъ сказать—печатная, начавшаяся съ 1844 года. Какъ возникло стремленіе къ занятіямъ не служебнымъ, какъ оно и съ какого времени стало развиваться, что дало толчокъ или вызвало это стремленіе, перешедшее потомъ въ страстную любовь къ старинѣ, кто первый вызвалъ къ занятіямъ не служебнымъ и, такъ сказать, возвалъ, извлекъ изъ дюжинной среды зауряднаго чиновничества и сухлаго канцеляризма, что заставило пренебречь выгодами наживы во время оно въ незаманчивыхъ должностяхъ стенописныхъ и исправниковъ и барствовать міроѣдомъ, все это.... остается тегга incognita, а между тѣмъ въ томъ-то вся суть—порядочной біографіи»....

«Что касается автобіографіи вашей,—отвѣчалъ г. Тихонравовъ И. А. Голишеву по поводу изъявленной имъ готовности сообщать воспоминавія о своей жизни на страницы «Русской Старины», гдѣ они потомъ и явились,—то самое лучшее:—пишите все, что только можете припомнить изъ вашей писательской дѣятельности, главное—пишите съ полною искренностью. Выходъ вашъ изъ дюжинной среды въ извѣстность особенно знаменателенъ и представляетъ рѣдкое явленіе, и потому, каждая, даже мелкая подробность, всякій фактъ проявленія дѣятельности имѣетъ большое значеніе».

Р е д.

ПИСЬМА ГОГОЛЯ И БРЮЛЛОВА.

I.

Печатаемое здѣсь письмо Гоголя было до сихъ поръ неизвѣстно. Я получилъ его отъ вдовы покойнаго профессора Ф. А. Моллера, нынѣ баронессы Леониды Нолькенъ; оно принадлежитъ нынче собранію рукописей Императорской публичной бібліотеки. На этомъ письмѣ не обозначены ни годъ, ни мѣсяцъ, ни число, но время его написанія опредѣляется съ несомнѣнною точностью. Это то самое письмо, о которомъ Гоголь говоритъ въ письмѣ къ живописцу А. А. Иванову, изъ Москвы, отъ 20-го октября 1841: «Отдайте Моллеру письмоцо, при семъ прилагаемое» (Соч. Гоголя, изд. Кулиша, т. V, стр. 452). Новости о Моллерѣ, такъ смутившія Гоголя, о которыхъ говорится въ этомъ письмѣ, состояли въ томъ, что Моллеру въ Римѣ очень много неприятностей надѣлала одна старуха-римлянка (горбатая), у которой дочь, Амалія, была чрезвычайно красива; съ этой Амаліей Моллеръ писалъ молодую альбапку въ своемъ «Подѣлуѣ» и «Невѣсту» съ обручальнымъ кольцомъ на рукѣ. Вслѣдствіе этихъ неприятностей, Моллеръ долженъ былъ даже уѣхать на долгое время изъ Рима. А. А. Ивановъ писалъ въ іюнѣ 1842 г. Гоголю: «Моллеръ будетъ осенью въ Италию, но въ Римъ до тѣхъ поръ не прійдетъ, пока его дѣла тамъ я не устрою», а лѣтомъ или осенью 1843 года тотъ же Ивановъ писалъ Гоголю изъ Рима: «Что-то Моллеръ? съ вами-ли онъ въ Дюссельдорфѣ? Амалія, вотъ уже недѣля, какъ не существуетъ. Священникъ передъ выносомъ ея тѣла сильно сказалъ горбатой ея матери, другимъ бабамъ и своднямъ, при семъ находившимся, что онѣ причиною ея смерти, и что если она и этого не чувствуетъ, то онъ надѣется, что это послужитъ другимъ матерямъ разительнымъ примѣромъ, какъ продавать и торговать своими дочерьми».

Настоящее письмо написано Гоголемъ во время пріѣзда его въ Россію, для напечатанія «Мертвыхъ душъ», знаменитаго отрывка «Римъ» и проч. Про тогдашнее настроеніе духа его даетъ намъ понятіе С. Т. Аксаковъ въ своихъ «Запискахъ»: «...Наконецъ, 18-го октября 1841 года внезапно Гоголь явился у насъ въ домѣ. Въ этомъ пріѣздѣ послѣдовала новая, большая переиѣна въ отношеніи къ наружности и въ отношеніи къ его праву и свойствамъ. Впрочемъ, и по наружности онъ сталъ худъ, блѣденъ, и тихая покорность волѣ Божіей слышна была въ каждомъ словѣ»... Советы въ религіозномъ тономъ, совершенно тождественные съ тѣми, что наполняютъ настоящее письмо къ Моллеру, составляютъ главное содержаніе и многихъ другихъ писемъ Гоголя этого періода.

В. Стасовъ.

И. В. Гоголь къ Ф. А. Шеллеру.

(Москва, октябрь 1841 г.).

Здравствуйте. Обнимаю васъ. Я былъ у васъ двѣ минуты, т. е. у вашихъ. Они мнѣ сказали новости о васъ, которыя меня смутили на время, и я уже не говорилъ имъ о томъ, о чемъ приготовлялся было говорить. Жду съ нетерпѣніемъ вашего увѣдомленія. Что, какъ вы? И что намѣрены? Мнѣ нужно знать необходимо всѣ ваши планы, и потому пожалуйста напишите мнѣ обо всемъ этомъ немедленно. Но прежде всего, ради всего святаго въ мірѣ, не упадайте духомъ. Всякій переломъ, посылаемый человѣку, чудно-благодѣтеленъ. Это лучшее, что только есть въ жизни. Звѣзда и свѣтильникъ, указующій ему, наконецъ, его настоящій путь. Вѣрьте, вся жизнь потомъ бываетъ одна благодарность за сей ниспосланный переломъ.

Напишите скорѣе! Весь вашъ, также твердо жмушій вамъ руку и говорящій: «впередъ!» Н. Гоголь.

Адресъ на оборотѣ сложенного листка, посланнаго очевидно не по почтѣ: «Молле;у отъ Гоголя».

II.

Письма знаменитаго нашего живописца Карла Павловича Брюллова составляютъ великую рѣдкость. Одинъ изъ его учениковъ и ближайшихъ къ нему людей, Мих. Ив. Желѣзновъ, говоритъ: «К. П. оставилъ очень мало писемъ. Я едва-ли ошибусь, если скажу, что г. Стасовъ, приложивъ къ своей статьѣ «О значеніи Брюллова и Иванова въ русскомъ искусствѣ» («Русскій Вѣстникъ», 1861 г., октябрь) 22 письма Брюллова (къ предсѣдателю и членамъ Общества поощренія художниковъ, отправившимъ его на свой счетъ за границу, и къ Анат. Ник. Демидову, заказавшему ему картину «Послѣдній день Помпеи»), познакомилъ публику съ болѣею частью его литературныхъ произведеній. Брюлловъ терѣть не могъ писать письма, брался за перо только въ случаѣ крайней необходимости, и даже часто ворчалъ на своихъ учениковъ, когда заставлялъ ихъ за этимъ занятіемъ. На островѣ Мадерѣ, онъ часто говорилъ мнѣ: «Писаніе писемъ отнимаетъ пропасть времени и энергіи, которыя гораздо лучше употребить на изученіе искусства. Старайтесь вашими работами давать о себѣ знать вашимъ роднымъ и друзьямъ, а не письмами, въ которыхъ, впрочемъ, вы пишете всякій вздоръ». Задушевные письма Брюллова—чрезвычайная рѣдкость. Въ настоящемъ собраніи ихъ только три; но изъ нихъ нѣтъ ни слова объ искусствѣ. Во время перваго своего пребыванія за границей (1822—1836 гг.), Брюлловъ не переписывался со своимъ отцомъ, потому что не питалъ къ

нему особенной привязанности. Въ дѣтскомъ возрастѣ, за какой-то проступокъ, Брюлловъ получилъ отъ отца такую пощечину, что оглохъ и до самой смерти почти ничего не слышалъ глѣвомъ ухомъ. Брюлловъ никогда не могъ забыть этой пощечины. «Отецъ не приучалъ насъ къ нѣжностямъ,—говорилъ Брюлловъ,—и во всю свою жизнь подѣловалъ меня только одинъ разъ, когда я садился въ дилижансъ, чтобы ѣхать за границу; а я прожилъ въ Италіи 15 лѣтъ, и во все это время не написалъ ему ни одной строчки»... Не смотря на свое глубокое уваженіе къ матери, Брюлловъ не писалъ къ ней писемъ изъ-за границы. Нѣкоторыхъ своихъ товарищей Брюлловъ искренно любилъ, но также не переписывался съ ними, а потому я думаю, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ его писемъ, хранящихся, какъ я слышалъ, у одной изъ княгинь Гагаринныхъ, что почти всѣ письма, написанныя имъ во время его перваго пребыванія за границей, намъ извѣстны.—По возвращеніи изъ-за границы, въ продолженіе 13-ти лѣтъ, проведенныхъ въ Петербургѣ, Брюлловъ рѣшительно ни съ кѣмъ не переписывался. Въ это время онъ написалъ только: нѣсколько коротенькихъ записокъ къ ген.-ад. В. А. Перовскому, которыя, по всей вѣроятности, не сохранились; отвѣтъ на письмо архитектора К. А. Бейне (на счетъ подложнаго эскиза «Послѣдняго дня Помпеи»); записку къ В. И. Григоровичу; записку къ поручику Н. А. Лукашевичу; письмо къ скульптору Теребеневу; письмо къ доктору Канцлеру; письмо къ полковнику Дьяконову 2-му. Со времени вторичнаго отъѣзда Брюллова за границу, т. е. съ 27-го апрѣля 1849 г. до 23-го іюня 1862 г., Брюлловъ написалъ: письмо къ своему ученику А. О. Корицкому; три письма къ своему товарищу А. А. Фомину; письмо къ В. И. Григоровичу, не отысканное въ бумагахъ Григоровича и извѣстное мнѣ по отрывку, напечатанному въ статьѣ П. Н. Петрова: «К. П. Брюлловъ», и, наконецъ, одно или два письма къ кн. Вагратиону. Я нечисляю здѣсь всѣ извѣстныя мнѣ письма Брюллова, но, разумѣется, не могу ручаться, что нечисляю всѣ его письма, потому что я находился при немъ безотлучно только въ послѣдній періодъ его жизни. Однакоже, основываясь на свѣдѣніяхъ, собранныхъ мною отъ покойнаго Корицкаго, жившаго съ Брюлловымъ очень долго и гораздо прежде меня, я думаю, что въ моемъ перечнѣ нѣтъ большихъ пропусковъ¹⁾.

Я считъ нужнымъ привести настоящія выписки, потому что брошюра М. И. Желѣзнова, будучи издана за границей, почти вовсе у насъ неизвѣстна, и даже не находится въ Императорской публичной библиотекѣ. Я самъ получилъ о ней свѣдѣнія, можно сказать, лишь на-дняхъ. Съ 1867 года, М. И. Желѣзновъ собралъ нѣсколько другихъ писемъ Брюллова, которыя будутъ впоследствии изданы. Что-же касается до издаваемыхъ теперь мною двухъ писемъ

¹⁾ Неизданныя письма К. П. Брюллова и документы для его біографіи, съ предисловіемъ и примѣчаніями художника Михаила Желѣзнова. 1867 г., 12^о.

Брюллова, то они представляют высшій интересъ для біографической и художественной характеристики Брюллова—интересъ, можно сказать, совершенно исключительный, и не встрѣчающійся ни въ одномъ изъ всѣхъ другихъ писемъ Брюллова, до сихъ поръ извѣстныхъ. Письмо къ Ф. А. Моллеру получено мною отъ вдовы этого послѣдняго, нынѣ баронессы Леовиды Нолькенъ, и находится въ собраніи рукописей Императорской публичной бібліотеки. Другое письмо, къ В. И. Григоровичу (упомянутое уже П. Н. Петровицъ), я списалъ съ оригинала въ 1861-мъ году, у В. И. Григоровича, и тогда же получилъ отъ него разрѣшеніе напечатать его, когда встрѣтится надобность. Оригиналъ его также находится теперь въ собраніи рукописей Императорской публичной бібліотеки. Отрывокъ изъ него былъ напечатанъ въ моей статьѣ: «О значеніи Брюллова и Иванова въ русскомъ искусствѣ», въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 г., октябрѣ.

В. Стасовъ.

К. П. Брюлловъ къ Ф. А. Моллеру.

Pietroburgo 1841 г., 26-го іюля.

Почтеннѣйшій другъ Федоръ Антоновичъ, примите въ немногихъ словахъ душевное спасибо за милое ваше письмо, принесшее мнѣ столько удовольствія, сколько и затруднило меня на счетъ выбора сюжета для васъ. «Положеніе во гробѣ», начерченное въ вашемъ письмѣ, слишкомъ похоже на мой эскизъ, который видѣли уже многіе, и не праминули бы замѣтить непозволительное сходство въ сочиненіи, хотя и случайное. Причина эта достаточна (чтобъ) совѣтовать вамъ перемѣнить сюжетъ, если не начали еще; если-же она (картина) у васъ подвинута довольно далеко, въ такомъ случаѣ я нахожу одно средство для устраненія всякихъ толковъ (въ конхъ никогда недостатка не бываетъ), и которыхъ не жаль-бы слушать столько желающій вамъ отъ души полного счастья и славы, васъ ожидающей. Вы въ состояніи произвести сами, не замствуясь никѣмъ: вы не холодный эгоистъ, у котораго запружено воображеніе тщетными усиліями къ мнимому счастью. Вы человекъ со свѣтлою душою, вспомните слова, намъ часто повторяемыя: «живописецъ освѣщаетъ свою голову огнемъ своего сердца». Соберите силы и преслѣдуйте неутомимо всякую счастливую мысль, за которыми (за мыслями) вамъ не гоняться; сообразите напередъ главныя требованія для картины, т. е. драму, освѣщеніе, наготу и приноровленность къ требованіямъ XIX-го вѣка, то есть новизну.—Я-бы вамъ, можетъ быть, и посоветовалъ какой-нибудь сюжетъ, но зная, что истинный талантъ произведетъ гораздо съ большею любовью собственную мысль, желѣя

ее какъ мать нѣжная первый плодъ любви своей; почему еще прошу васъ, еще, *caldate* ¹⁾: вооружитесь твердостію и вырвите изъ событій вѣковъ нужное для нищѣ человѣка съ чувствомъ. Трудно, а возможно. Развѣ Петръ, преобразователь Россіи, мало вмѣщаетъ достойнаго пера и кисти лучшихъ геніевъ всѣхъ прошедшихъ и будущихъ временъ?—Цѣлую васъ братски.

Per sempre vostro vero amico Carlo Brulloff ²⁾.

Ваши всѣ здоровы; если увидите сестрицу вашу ³⁾, кланяйтесь и поцѣлуйте у ней ручку отъ меня.

Адресъ на оборотѣ письма, явно посланнаго не по почтѣ:
«Al Illustrissimo Signor Signor Teodoro von Moller a Roma».

К. П. Брюлловъ къ В. М. Григоровичу.

Сентябри 1850 г. Рома.

Illustrissimo amico Василій Ивановичъ.

Вѣчно приходится мнѣ васъ просить, хотъ не для себя, но зная ваше доброе сердце, вполне увѣренъ, что вы не откажете вспомошествовать вашимъ могучимъ словомъ въ пользу человѣка, вполне заслуживающаго вниманія добрыхъ людей. Нуждающійся въ вашемъ добромъ словѣ есть ученикъ мой Федоровъ, скопировавшій копию (съ *Giulio Romano: «Согонazione»*). За нѣсколько уже лѣтъ онъ представилъ оную въ Академію Художествъ въ Петербургѣ, и не получилъ за оную никакого вознагражденія, а какъ вы поручили узнать о цѣнѣ оной копии г. Щурову ⁴⁾, то Федоровъ немедленно и отвѣчалъ вамъ, назначивъ цѣну 2,000 рублей ассигнаціями. Василій Ивановичъ, если можно ему прибавить, не откажите мнѣ: онъ женатый человѣкъ, борода съ просѣдью, а въ виду ничего не предвидится. Онъ же долженъ отправиться будетъ въ Питеръ съ женой нынѣшнимъ лѣтомъ—ему-бы пригодилося на вояжъ, и вы знаете, что значить ѣхать съ самкой. Если можно, вы сдѣлаете; это доставитъ большое удовольствіе вашему большому другу, который и лѣтнѣ писать, но прилежно помнить васъ. Я ни шагу почти ни дѣлаю въ Римѣ, чтобы не побесѣдовать съ вами. Какъ вы изумились-бы те-

¹⁾ Горячо.

²⁾ Навсегда вашъ истинный другъ Карлъ Брюлловъ.

³⁾ Сестра Ф. А. Моллера, въ замужствѣ за адмираломъ Глазенапомъ, впоследствии военнымъ губернаторомъ въ Николаевѣ.

⁴⁾ Архитекторъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, ТОМЪ XXVI, 1879 Г., ДЕКАБРЬ.

перь, взглянувши на эту трижды властвовавшую надъ міромъ старуху, одряхлѣвшую наконецъ, и, кажется, уже невозвратно! Это трупъ еще дышущій, а насѣкомыя уже ползаютъ по немъ. Я сдѣлалъ рисунокъ одной дамѣ, представляющей Римъ въ видѣ старой сѣдой женщины, облокотившейся на руку; на колѣняхъ—бременящій ее шлемъ; щитъ, съ буквами SPQR ¹⁾, свалился съ лѣвой ея руки; въ ногахъ обломленная мраморная волчица съ Ромуломъ и Ремомъ. Но ея защитники еще охраняютъ ее: это Микель-Анджело, держащій рисунокъ, на коемъ начерчена капелла Sistina, а по лѣвую руку Рафаэль съ своими рисунками Ватикана; сзади ихъ видны тѣни цезарей: Тита, Траяна, Марка Аврелія и прочихъ. Вдали—неоцѣненные остатки древности и куполъ Петра. Вотъ что заставило такъ галловъ нынѣшнихъ быть осторожными въ метаніи артиллерійскихъ пулюль, а не то, что новые гуси вздумали, т. е. что храбрость, пробудившаяся въ нихъ, заставила продлить осаду на два мѣсяца ²⁾. Надобно отдать справедливость французамъ, что они даже учтиво стрѣляютъ: я видѣлъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ ядра 36-ти-фунтовья, направленныя именно туда, гдѣ не могло причинить никакого вреда ни монументамъ, ни какимъ либо изящнымъ произведеніямъ. Но что изъ рукъ вонъ, такъ это церковь Pietro Montorio, которая вся разстрѣляна: алтари, картины, колонны, украшающія ихъ балюстрады изъ дорогихъ мраморовъ—вся эта дорогая дрянь совершенно разрушена, кромѣ перваго придѣла, въ которомъ находится «Біеніе Христа» Даніэля да-Вольтерра, и, какъ говорятъ, съ помощью Микель-Анджело написанная картина. Усталъ, груди больно.

P. S. Если еще не отправленъ ко мнѣ пенсіонъ, въ которомъ я очень нуждаюсь, сдѣлайте милость, скажите гдѣ слѣдуетъ, чтобъ прислали чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ. Я уже просилъ секретаря посольства нашего въ Римѣ, г. Скарятину, который и писалъ объ ономъ въ Питеръ, но до сихъ поръ никакого результата. Сдѣлайте милость, дорогой мой цензоръ, похлопочите еще немного для страждущаго вашего истиннаго друга до конца....

Покорнѣйшій слуга

Карлъ Брюлловъ.

Адресъ на оборотѣ письма, посланнаго не по почтѣ: «Г. конвекренцъ-секретарю Василію Ивановичу Григоровичу».

Сообщ. В. В. Ставовъ.

¹⁾ Senatus Populusque Romanus—обычная офиціальная надпись римскихъ публичныхъ монументовъ, знаменъ, и т. д.

²⁾ Рѣчь плетъ здѣсь объ осадѣ Рима французамъ, лѣтомъ 1849 года. В. С.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ

Стихотвореніе: «Моя родословная» по подлинной рукописи.

I.

Почти полстолѣтія спустя послѣ смерти Пушкина, намъ случайно удалось наконецъ увидѣть подлинную рукопись одного изъ лучшихъ его стихотвореній: «Моя родословная», считавшюся утраченной.

Самое это стихотвореніе уже имѣетъ свою цѣлую литературную исторію. Вызванное нападками на аристократичность Пушкина тогдашнихъ критиковъ, и преимущественно Булгарина, оно было написано въ Болдинѣ, въ половинѣ октября 1830 г., но въ печати не появилось ни при жизни Пушкина, ни въ посмертномъ изданіи его сочиненій (1838—1841 г.), равно какъ и въ изданіи г. Анненкова, вышедшемъ въ 1855 г. Здѣсь были помѣщены только 12 стиховъ и то въ «Матеріалахъ для біографіи», составляющихъ 1-й томъ изданія (см. стр. 301), не смотря на то, что уже гораздо болѣе обширныя отрывки были напечатаны еще въ 1846 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ отдѣлѣ «смѣси», подъ скромнымъ заглавіемъ «Матеріаловъ для будущихъ издателей сочиненій Пушкина» (№ 4, отд. 6. стр. 118—119). Въ 1857 г. вышелъ VII-й, дополнительный, томъ Анненковскаго изданія, но и тутъ «Моя родословная» явилась сокращенною болѣе чѣмъ на половину. Рукопись этого тома была взята для просмотра кн. П. А. Вяземскимъ, бывшимъ тогда товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, и передана имъ Н. Ѳ. Щербинѣ, числившемуся его чиновникомъ особыхъ порученій. Щербина показывалъ мнѣ эту рукопись и даже читалъ свою о ней записку. По-истинѣ можно было дивиться его придирчивости, ибо, напримѣръ, онъ признавалъ невозможнымъ печатаніе прекраснаго стихотворенія «Ольга, крестница Киприды», потому только, что въ этомъ стихѣ «смѣшанъ православный обрядъ съ мнѣологическою богинею». Впрочемъ, князь Вяземскій не принялъ ни одного замѣчанія Щербинны, но самъ вычеркнулъ мѣста нѣкоторыхъ стихотвореній, въ томъ числѣ большую часть «Родословной», сдѣлавъ однако и одну добавку: въ 8-й строфѣ вмѣсто буквы М. онъ написалъ «Мусивъ» и сбоку добавилъ: «такъ и печатать». Замѣчу также, что при стихотвореніи: «Синонимы—гостиная, салонъ», внесенномъ въ рукопись, князь отмѣтилъ, что это стихотвореніе его, а не Пушкинское.

Годъ спустя, въ «Библиографическихъ Запискахъ» (1858 г., № 11, ст. 348—349) появились еще три съ половиной строфы «Моей родословной», которыя однако г. Геннади не помѣстилъ въ текстъ стихотворенія, напечатаннаго въ Исаковскомъ изданіи, а внесъ въ «примѣчанія» къ стихотворенію.

Полная рукопись стихотворенія, какъ мы сказали выше, считалась утраченною и приведенные отрывки печатались по спискамъ, нерѣдко крайне искаженнымъ. Даже самый объемъ стихотворенія былъ неизвѣстенъ въ точности; такъ, напримѣръ, въ 1861 г., въ Сборникѣ стихотвореній русскихъ поэтовъ восемь строфъ были напечатаны подъ особымъ заглавіемъ: «Мѣщанинъ», и только остальные двѣ строфы, безъ четырехъ заключительныхъ стиховъ, явились подъ именемъ «Моей родословной», при чемъ была даже сдѣлана такая помѣта: «Это неоконченное стихотвореніе многіе смѣшиваютъ съ стихотвореніемъ «Мѣщанинъ» и при перепискѣ соединяютъ обоихъ (!) въ одно. Но я лично отъ Пушкина знаю, что такое смѣшеніе незаконно». Кто этотъ авторитетный я — намъ неизвѣстно, но что онъ написалъ неправду или не понялъ словъ Пушкина, видно изъ открытой теперь рукописи.

Наконецъ, въ 1876 году въ «Рускомъ Архивѣ» (№ 10) г. Гербель напечаталъ будто-бы полный текстъ «Родословной». Оказывается однако, что г. Гербель также перепуталъ, потому что одно стихотвореніе разбилъ на три, изъ которыхъ первое напечаталъ подъ именемъ «Моей родословной» (стр. 235—237), а второе и третье подъ отдѣльными рубриками «эпиграммъ» на Оадея Булгарина (стр. 227), при чемъ и самый текстъ стихотворенія искаженъ противъ вѣрнаго текста Анненковскихъ отрывковъ, такъ что даже вмѣсто Пушкинскаго арапа поставленъ арабъ, что, конечно, не одно и то же.

II.

Не могу удержаться, чтобы не остановиться на указанной выше статьѣ г. Гербеля, такъ какъ она озаглавлена: „Для будущаго полнаго собранія сочиненій Пушкина“ и поэтому можетъ служить поводомъ къ обвиненію будущихъ издателей въ пропускахъ и измѣненіяхъ текста противъ указаній г. Гербеля. Во 1) онъ напечаталъ три стихотворенія вовсе не Пушкинскія: «Цѣль нашей жизни» (стр. 207), «Гараль и Гальвина» (стр. 223) и «Сошлись книжники» (стр. 226). Правда, лѣтъ 15—20 назадъ они встрѣча-

лись въ рукописныхъ сборникахъ съ именемъ Пушкина (въ томъ числѣ и въ моемъ), но съ тѣхъ поръ много воды утекло и, вѣроятно, только г. Гербелью неизвѣстно: кому именно они принадлежатъ (и при томъ не одному лицу, но пусть г. Гербель самъ пощепеть—кому). Во 2) какъ Пушкинское стихотвореніе, онъ напечаталъ эпиграмму на кн. Шаликова (стр. 226), тогда какъ это ничѣмъ не подтверждается, ибо, найдя это стихотвореніе въ одномъ рукописномъ сборникѣ (очень плохомъ), и теперь у меня хранящемся, я переписалъ его въ свой Пушкинскій сборникъ, а отъ меня оно и пошло по рукамъ, чему доказательствомъ служитъ 5-й мною лично ошибкою измѣненный при перепискѣ стихъ. Въ 3) изъ несомнѣнно Пушкинскихъ стихотвореній г. Гербель пропустилъ напечатанное въ томъ же «Русскомъ Архивѣ» (1866, № 4): «Изыде сѣятель сѣяти сѣмена свои» — и пропустилъ, по всей вѣроятности, потому, что руководился просмотромъ только «указателя» къ книгамъ „Русскаго Архива“, а не самихъ книгъ; въ указатель-же „Русскаго Архива“ за 10-лѣтіе это стихотвореніе пропущено. Въ 4) изъ напечатаннаго мною въ «Современномъ Обзорѣ» (1868, № 3) полнаго посланія «Къ Языкову», прерывавшагося прежде на полустихѣ, г. Гербель взялъ этотъ пропусканійся конецъ съ печатавшимся полустихомъ и напечаталъ подъ именемъ особаго, небывалаго «Посланія къ И. И. Пущину» (стр. 216). Въ 5) въ текстѣ Пушкинскихъ стиховъ г. Гербель допустилъ измѣненія, безъ оговорокъ, что они сдѣланы имъ, а они иногда или пошлы, какъ Шкаликотъ (стр. 226) вмѣсто Шаликовотъ, или вовсе недѣлы, какъ агропомитъ (стр. 221), потому что такого слова ни въ какомъ языкѣ не существуетъ. Въ 6) въ списокѣ приписанныхъ Пушкину чужихъ стихотвореній г. Гербелемъ: а) не указано слова, — говоримъ слова, потому что это стихотвореніе можно было замѣтить въ Исаковскомъ изданіи какъ слова въ кунсткамерѣ, ибо оно напечатано даже два раза (т. I, стр. 551 и XXVI). Стихотвореніе это: «Псковъ», взятое г-мъ Геннадіемъ въ изданіе (да еще дважды) изъ „Русскаго Архива“ 1869 г., № 10, тогда какъ въ № 12-мъ того же года было оговорено, что стихотвореніе это написано пѣнкомъ В. Панкратьевымъ (помнится, учителемъ уѣднаго училища). б) Не указано также, что печатающееся въ Исаковскихъ изданіяхъ стихотвореніе «къ Е—ву» (къ Есакову) принадлежитъ Ознобишину (т. I, стр. 552). в) Не означено, что стихотворенія, сообщенныя преимущественно г. Грековымъ, въ «Русское Слово», «Русскую Рѣчь», «Развлеченіе» и «Наше Время» съ именемъ Пушкина, крайне плохія («Смотрю печально», «Весь день отъявленный лѣнивонецъ», «Я жизнь любилъ»,

«Тѣбѣ въ прощальныя мгновенья», (т. I, стр. 503—505 и 506), хотя и перепечатываются въ изд. Исакова, но не имѣютъ за собой рѣшительно никакого подтвержденія въ принадлежности Пушкину. Въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, напримѣръ, въ «Нашемъ Времени» и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1856 года, съ именемъ Лермонтова печатались несомнѣнныя стихотворенія г. Розенгейма, а г. Грековъ одно время сообщалъ въ журналы такъ много стихотвореній съ именами Лермонтова, Пушкина и др., и всѣ эти стихотворенія были до того плохи, что тогда же родилось подозрѣніе въ ихъ достовѣрности.—А вѣдь это необходимо имѣть въ виду будущимъ издателямъ Пушкина. г) Вообще не указано нѣсколько стихотвореній, явившихся въ печати съ именемъ Пушкина, но ему не принадлежащихъ, какъ, напримѣръ, „Воспитанница музъ, прелестна Катерина“—въ „Свѣточѣ“ и т. п. Въ 7) Въ томъ же списокѣ, напротивъ, совершенно бездоказательно отрицается г. Гербелемъ принадлежность Пушкину нѣкоторыхъ стихотворныхъ замѣтокъ, тогда какъ многія изъ нихъ, по имѣющимся указаніямъ, несомнѣнно принадлежатъ Пушкину, напримѣръ: „Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ“, „Ахъ, какія чудеса!“, „Булгаринъ вотъ полякъ примѣрный“, „На диво намъ и всей Европѣ“, и вообще неуказанныя г. Гербелемъ: „Какъ отъ снѣжнаго Алтая“, „Эпитафія духовнику Анны Львовны“, на гр. Аракчеева, кн. Голицына, кн. Дондукова-Корсакова и др.

Въ заключеніе я долженъ указать на одно стихотвореніе, дважды являвшееся въ печати съ именемъ Пушкина еще при жизни его. Последнее обстоятельство особенно важно въ томъ отношеніи, что Пушкинъ былъ очень щекотливъ въ своей литературной дѣятельности и крайне внимательно слѣдилъ за всѣмъ печатавшимся съ его именемъ. Въ письмахъ къ брату онъ, напримѣръ, не разъ сердился на А. А. Бестужева и Кюхельбекера за небрежное печатаніе его стихотвореній („Найда“, „Море“ и др.) и даже не хотѣлъ за это давать имъ ничего новаго. Когда же появились, даже не съ его именемъ, а съ нѣсколько двусмысленною подписью Аи., его лицейскія стихотворенія въ «Сѣверной Звѣздѣ» 1829 г., то Пушкинъ не замедлилъ оговорить, что они принадлежатъ ему, но написаны давно и при печатаніи искажены издателемъ альманаха. Стихотвореніе, о которомъ я говорю, помнится, было перепечатано въ «Современникѣ», но навѣрное не утверждаю, потому что не могъ теперь его отыскать. Въ первый же разъ оно появилось въ 1828 г. въ Москвѣ: «Романъ—Я очарованъ былъ прекрасной—слова А. Пушкина. Музыку посвящаетъ Богдану Андреевичу Макарову А. Гурилевъ. Ценз. И. Снегиревъ». Въ Москвѣ я лично зналъ Макарова, но „романъ“ попался мнѣ уже въ Петербургѣ въ началѣ

1860-хъ годовъ и на запросъ мой о немъ, я къ сожалѣнiю получилъ въ отвѣтъ, что Макаровъ не задолго умеръ на кавказскихъ водахъ.— Сверхъ появленiя въ видѣ нотъ, этотъ же романсъ былъ напечатанъ, съ именемъ же Пушкина и съ измѣненiемъ перваго стиха, въ 1831 г. въ московскомъ альманахѣ: „Эвтерпа, или собранiе новѣйшихъ романсовъ, балладъ и пѣсенъ извѣстнѣйшихъ и любимѣйшихъ русскихъ поэтовъ“ (стр. 163). Не смотря на пошлое заглавiе альманаха, онъ, по видимому, былъ составленъ не промышленникомъ-спекулянтномъ, а лицомъ близкимъ къ тогдашнимъ литературнымъ кружкамъ. Доказательствомъ этому служить, что почти всѣ вошедшiя въ альманахъ стихотворенiя въ большинствѣ принадлежатъ Пушкину, Баратынскому, Дельвигу, кн. Вяземскому, Туманскому, Плетневу, Веневитинову, К. Аксакову, Языкову и пр. и приведены по нѣскольку, въ хорошемъ выборѣ, тогда какъ именъ менѣе извѣстныхъ поэтовъ очень мало и всегда при одномъ только стихотворенiи. Затѣмъ встрѣчаются имена А. А. Бестужева, К. О. Рылѣва, В. К. Кюхельбекера и Полежаева, которыя тогдашними обычными собирателями стихотворныхъ альманаховъ совершенно исключались. При этомъ стихотворенiе Полежаева «Кто видѣлъ образъ мертвеца» напечатано вполне, тогда какъ во всѣхъ изданiяхъ его сочиненiй, и прежде и послѣ, исключался одинъ стихъ. Точно также изъ Жуковскаго напечатано пять стихотворенiй, изъ которыхъ одно—«Роза весеннiй цвѣтъ»—было напечатано въ «Вѣстникѣ Европы» 1808 г. безъ имени Жуковскаго, и кромѣ «Эвтерпы» нигдѣ не перепечатывалось ни съ именемъ, ни безъ имени автора и внесено только въ 7-е, послѣднее собранiе сочиненiй Жуковскаго (1878 г.), по указанiю гр. Блудова, сдѣланному имъ при печатанiи дополнительныхъ томовъ къ 5-му изданiю, такъ что составитель альманаха могъ узнать о принадлежности этого стихотворенiя Жуковскому или отъ него самого или отъ людей близкихъ поэту.

Вотъ напечатанное съ именемъ Пушкина стихотворенiе:

Я палъ предъ алтаремъ прекрасной,
 Я пѣлъ безумныя мечты,
 И кто-бъ поклонникъ не былъ страстной
 Ея небесной красоты?
 Я пѣлъ ее. Но гимнъ хвалебный
 До слуха ей не достигалъ,
 Въ душѣ родясь, онъ умиралъ!
 Ни вздохъ любви, ни взоръ волшебный
 Моихъ стиховъ не оживлялъ,
 И что ей давъ восторговъ шумныхъ?

О, вѣрю! ей, какъ небесамъ,
Не нуженъ смертныхъ фиміамъ,
Ни дикій крикъ толпы безумныхъ!

III.

Послѣ долгаго вступленія, перехожу наконецъ къ рукописи «Моей родословной». Много лѣтъ тому назадъ, именно 4-го апрѣля 1873 г., мнѣ предложили въ бывшемъ магазинѣ Черкесова пріобрѣсть эту рукопись, оставшуюся въ свое время у переписчика, которому Пушкинъ отдавалъ перебѣлять свои стихи. Первый же взглядъ убѣдилъ въ несомнѣнности Пушкинскаго почерка. Она написана на двухъ несогнутихъ листахъ и, по видимому, представляетъ окончательно-отдѣланное стихотвореніе, потому что помарокъ почти нѣтъ. Текстъ почти совпадаетъ съ приведеннымъ г. Анненковымъ (въ отрывкахъ), а одинъ совершенно неловкій стихъ послѣдующихъ добавленій къ отрывкамъ Анненкова—по рукописи дѣлается совершенно яснымъ, не говоря уже о мелкихъ неточностяхъ позднѣйшихъ редакцій. Характерна также помѣта при заглавіи, не являвшаяся въ печати. Рукопись эту пріобрѣсть тогда я не могъ, по просилъ дозволенія переписать, что и сдѣлалъ въ магазинѣ же карандашомъ, на-скоро, такъ что изъ зачеркнутыхъ словъ, замѣненныхъ другими, къ сожалѣнію, нѣкоторыя не отмѣтилъ. Тщетно прождавъ нѣсколько лѣтъ, что кто нибудь пріобрѣтетъ эту рукопись и напечатаетъ ея текстъ, я года два тому назадъ началъ самъ розыскивать владѣльца ея: оказалось, что онъ уѣхалъ куда-то на югъ Россіи. Можетъ быть, до него дойдутъ настоящія строки и онъ не откажетъ переслать подлинникъ въ редакцію «Русской Старины». А пока вотъ сдѣланная мной копія.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ.

ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНІЕ

ЛОРДУ БАЙРОНУ.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ,
 Писакъ русскіе толпой
 Зовутъ меня аристократомъ—
 Смотри пожалуй вздоръ какой!
 Я не лейбъ-кучеръ, не ассесоръ,
 Я по кресту не дворянинъ,
 Не академикъ, не профессоръ,
 Я просто русскій мѣщанинъ!

Понятна мнѣ временъ превратность,
 Не прекословлю, право, ей:
 У насъ нова рожденьемъ знатность,
 И чѣмъ новѣе—тѣмъ знатнѣй.
 Родовъ униженныхъ обломокъ,
 Я, слава Богу, не одинъ—
 Бояръ старинныхъ я потомокъ,
 Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ!

Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
 Въ князя не прыгалъ изъ хохловъ,
 Не пѣлъ на крылосѣ съ дячками ¹⁾,
 Не ваксалъ царскихъ саноговъ,
 И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ
 Нѣмецкихъ пудренныхъ дружинъ—
 Куда-жь мнѣ быть аристократомъ?
 Я, слава Богу, мѣщанинъ!

Мой предокъ Радша службой бравной
 Святому Невскому служилъ,
 Его потомство Гнѣвъ Вычанной—
 Иванъ Четвертый пощадилъ!
 Водился Пушкины съ царями;
 Изъ нихъ былъ славею не одинъ,
 Когда тягался съ поляками
 Нижегородскій мѣщанинъ!

Смиривъ крамолы и коварство
 И ярость бравныхъ непогодъ,
 Когда Романовыхъ на царство
 Зналъ въ грамотѣ своей народъ—

¹⁾ Вмѣсто зачеркнутого: «Не пѣлъ съ придворными дячками».

Мы къ оной руку приложили;
Нашъ жаловалъ страдальца смилъ;
Бывало нами дорожали,
Но я—я темный мѣщанинъ!

Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ:
Въ родню свою неукротимъ,
Съ Петромъ мой прадѣдъ не поладилъ
И былъ за то повѣшенъ имъ.
Его примѣръ будь намъ наукой—
Не любить споровъ властелинъ,
Не всякъ князь Яковъ Долгорукой...
Счастливъ покорный мѣщанинъ!

Мой дѣдъ, когда мятежъ поднялся
Средь Петергофскаго Двора,
Какъ Минихъ, вѣрнѣе оставался
Надѣню Третьяго Петра.
Попали въ честь тогда Орловы,
А дѣдъ мой—въ крѣпость, въ карантинъ,
И присмирѣлъ нашъ родъ суровый,
И я родился—мѣщанинъ.

Подъ гербовой моей печатю
И свитокъ грамотъ сохранялъ,
И, не якшаясь съ новой знатю,
И крови спѣсъ угомонилъ.
И невзвѣстный стихотворецъ,
И Пушкинъ просто—не Мусинъ;
И самъ большой, не царедворецъ,
Я грамотѣй, я мѣщанинъ!

Р. С.

Видокъ-Булгаринъ, сидя дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганнибалъ
Былъ купленъ за бутылку рома
И въ руки шкипера попалъ.
Сей Шкиперъ былъ тотъ Шкиперъ славной,
Кѣмъ наша двигнулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державной
Кормѣ роднаго корабля.
Сей Шкиперъ дѣду былъ доступенъ,
И сходно купленный арабъ
Возросъ усердѣе, неподкупенъ,
Царю наперсникъ, а не рабъ!
И былъ отецъ онъ Ганнпбала,
Предъ кѣмъ среди гибельныхъ пучинъ
Громада кораблей всплала
И палъ впервые Наваринъ!

Рѣшилъ Булгаринъ вдохновенный,
 Что я въ дворянствѣ мѣщанинъ,
 Кто-жъ онъ въ семьѣ своей почтенной?
 Онъ.... онъ въ Мѣщанской дворянинъ.

16-го октября 1830 г. Болдино.

Мы не приводимъ вариантовъ съ напечатаннымъ текстомъ, потому что всякій желающій самъ можетъ сличить новый текстъ съ прежнимъ ¹⁾. Замѣтимъ только, что 1-й и 2-й стихи 4-й строфы до сихъ поръ печатались:

«Мой предокъ ради службы бранной
 Святому Невскому служилъ.»

Между тѣмъ какъ въ 1-мъ стихѣ прямо указывается предокъ Пушкиныхъ Радша, выѣхавшій изъ Германіи въ XIII столѣтіи.

П. А. Ефремовъ.

Графиня К. П. Клейнмихель.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 г., томъ XXVI, въ «Запискахъ-Богуславскаго», на страницѣ 546, сказано, между прочимъ, что графъ П. А. Клейнмихель, послѣ развода съ первою своею женою, вступилъ въ бракъ съ Н е л и д о в о й. Это ошибка: второю женою графа была Клеопатра Петровна Хорватъ, рожденная Ильинская. Мать второй супруги графа, Елисавета Ниванорова, рожденная Переверзева, была замужемъ сперва за генераломъ П. Ильинскимъ, а потомъ за генераломъ Ильей Михайловичемъ Дука, однимъ изъ славныхъ участниковъ войны 1812-го года. У генерала Ильинскаго въ числѣ прочихъ дѣтей были: Клеопатра Петровна, вышедшая замужъ за ген. Хорвата и, впоследствии, за П. А. Клейнмихеля, и Елисавета Петровна, вышедшая замужъ за Арк. Арк. Нелидова. Отъ И. М. Дука осталась только одна дочь Александра Ильиншна, бывшая замужемъ за сыномъ знаменитаго нашего историка Н. М. Карамзина, сенаторомъ Владиміромъ Николаевичемъ Карамзиннымъ, скончавшимся 7-го августа 1879 года, въ Курской губерніи.

Докторъ Вриттль.

¹⁾ Списки «Моей Родословной» были чрезвычайно распространены между современниками Пушкина. Еще недавно мы получили въ бумагахъ доктора П. П. Сущинскаго († 1879) два списка «1831 года»; оба они, по количеству строкъ, одинаковы съ текстомъ, нынѣ назаннымъ П. А. Ефремовымъ, но изобилуютъ ошибками.

Покража кота.

«Въ Томскую градскую полицію отъ губернскаго страпцаго Сунцова сообщеіе. Бывшій при разборной старыхъ дѣлъ, въ вѣдомствѣ моемъ, губернской регистраторъ Полковъ, не сказавши ни мнѣ, ни сторожу, унесъ въ себѣ казенную лагушку¹⁾, по немѣннѣю которой теперь сторожу воды принести нечѣмъ. Да означенныя дѣла крайне ѣдятъ мыши, въ уничтоженію коихъ имѣлъ я собственнаго моего кота, но и его упоминаемой Полковъ тихимъ же ходомъ²⁾ унесъ, въ чемъ я его уже изобличилъ, и на то есть свидѣтели. Для того прошу оную полицію приказать, какъ лагушку, такъ и кота моего отъ него, Полкова, отобрать и отдать сторожу Стенану Балахвину. Таковыя поступки Полкова предоставляю полиціи на сужденіе съ просьбою, дабы онъ впредь не осмѣливался чинить оныя, то не можно ли взять законныя средства. Губернскій стряпчій Сунцовъ».

№ 16. 20 марта 1812 г. Городъ Томскъ».

Сообщ. въ 1874 г. С. И. Гуляевъ.

¹⁾ Лагушка (отъ лагну) — пайка, сосудъ съ двумя днами, верхнимъ и нижнимъ, съ прямымъ носкомъ, изъ котораго льютъ въ другую посуду находящуюся въ лагушкѣ жидкость. Выѣсто носка иногда дѣлается на верхнемъ днѣ отверстие, затыкемое деревяннымъ гвоздемъ.

²⁾ «Тихимъ ходомъ» — тайно; унести тихимъ ходомъ значитъ — украсть. С. Г.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ 1879 году

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ.

Окончивъ первое десятилѣтіе нашего изданія, мы посвятили систематической росписи и возможно подробному оглавленію вошедшихъ въ него статей и матеріаловъ особую книгу ¹⁾. Этотъ трудъ не измѣняетъ, однако же, принятаго нами обыкновенія— въ концѣ каждаго года посвящать нѣсколько страницъ обзору и перечню почему либо достойныхъ вниманія статей и сообщеній, въ „Русской Старинѣ“, въ теченіи года (нынѣ 1879-го) напечатанныхъ.

I.

Распредѣляя статьи по отдѣламъ, начинаемъ съ главнѣйшаго изъ нихъ, именно съ отдѣла воспоминаній, записокъ и мемуаровъ. Этого рода произведенія исторической литературы шире, глубже и разностороннѣе захватываютъ народную жизнь и вводятъ читателя въ элементъ бытовой, признанный,—при современномъ воззрѣніи на исторію,—ея сущностью. Если мы, не довольствуясь временами давноминувшими, приближаемся къ недавнимъ, такъ сказать, вчерашнимъ событіямъ и даемъ мѣсто на страницахъ нашего изданія воспоминаніямъ дѣятелей и очевидцевъ крымской кампаніи, усмиренія Польши и даже послѣдней войны—причиною тому глубокое наше убѣжденіе, что событія ближайшія къ намъ, уроки и ошибки недавняго прошлаго—особенно назидательны для будущаго. Допуская

¹⁾ Въ виду значительности труда, который довелось употребить на ея составленіе—каига не могла быть напечатана къ 1-му декабрю 1879 г. и выйдетъ въ свѣтъ не ранѣе первой четверти будущаго 1880-го года. Ред.

возраженія на повѣствованія составителей воспоминаній (если только эти возраженія не проникнуты духомъ грубой полемики или крайняго пристрастія), мы, на страницахъ нашего изданія, предоставляемъ мѣсто для того разумнаго обмѣна мнѣній, изъ котораго вытекаетъ—историческая правда. Возраженіями, примѣчаніями, дополненіями и поправками мы дорожимъ точно такъ же, какъ и статьями, ихъ вызвавшими.

Воспоминанія о заселеніи Амура въ 1857—1858 гг., принадлежащія перу нашего извѣстнаго географа-путешественника по отдаленному востоку и по Кавказу—М. И. Венюкова, знакомятъ съ подробностями этого недавняго событія, еще не перешедшаго въ область исторіи. Для достойной оцѣнки „Воспоминаній“ достаточно сказать, что почтенный авторъ былъ очевидцемъ и дѣятелемъ этого заселенія, совершавшагося по предначертаніямъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей прошлаго и начала нынѣшняго царствованія—графа Николая Николаевича Муравьева-Амурскаго.

Польское возстаніе въ 1863—1864 гг.—Записки Н. В. Берга. Событіе еще болѣе близкое къ намъ чѣмъ предъидущее, а между тѣмъ, какъ-бы преданное забвенію. О возстаніи Польши въ 1863—1864 гг. (мы разумѣемъ собственно вооруженный мятежъ поляковъ съ января 1863 по конецъ 1864 года) въ нашей печати сохранились незначительныя крупцы воспоминаній, раскиданныя въ періодическихкихъ изданіяхъ, болѣею частію спеціальныхъ (напримѣръ, въ „Военномъ Сборникѣ“), безъ всякаго порядка и системы, да въ нѣсколькихъ корреспонденціяхъ, появившихся, современно съ событіями, въ газетахъ и писанныхъ зачастую по слухамъ, подъ вліяніемъ злобы ожесточенной борьбы, не провѣренныхъ съ документами. Записки Н. В. Берга, систематически изложенныя, составлены очевидцемъ, пользовавшимся какъ устными сообщеніями, такъ и архивными документами; имѣвшимъ доступъ къ слѣдственнымъ дѣламъ; лицомъ—близкимъ къ дѣятелямъ того времени, принятымъ въ польское общество, весьма и весьма коротко знакомымъ съ его нравами, обычаями, политическимъ складомъ и, въ особенности, съ польскимъ языкомъ (Н. В. Бергъ справедливо пользуется извѣстностью лучшаго переводчика Миц-

кевича). Какъ составитель Записокъ, авторъ выказываетъ возможное безпристрастіе и независимость мнѣній; въ подтвержденіе достаточно указать на характеристики, впрочемъ значительно урѣзанныя въ печати—не по волѣ автора, фельдмаршала графа Ѳ. Ѳ. Берга и М. Н. Муравьева. Трудности, сопряженныя съ архивными изслѣдованіями, предстоящими будущему историкъ, должны отразить отъ автора „Записокъ“ укоръ въ растравленіи недавней, едва затянувшейся раны, въ подогрѣваніи того, что потушено въ слезахъ и крови... Какъ, по пословицѣ: „изъ пѣсни слова не выкинешь“, такъ не выкинешь факта и изъ исторіи. Отъ недуговъ политическихъ отвращаться едва-ли слѣдуетъ; они требуютъ точно такого-же пристального изученія, какъ и недуги тѣлесные: изученіе послѣднихъ ведетъ къ изысканію средствъ врачевныхъ; изученіе первыхъ ведетъ къ народному сознанію его политическихъ ошибокъ, заблужденій, и указываютъ дальнѣйшій путь въ дѣлѣ преобразованій. Мы отнюдь однако не беремъ утверждать, чтобы трудъ г. Берга вполне былъ чуждъ нѣкоторой односторонности или былъ бы безошибоченъ по выводамъ и заключеніямъ автора. Но мы охотно вѣримъ, что всѣ ошибки его непредумышленны, а съ своей стороны добавимъ, что присутствіе ошибокъ автора и, быть можетъ, весьма важныхъ—въ особенности по отношенію къ уразумѣнію дѣятельности представителей Россіи въ Царствѣ,—объясняется весьма легко: наиглавнѣйшіе матеріалы которые бы пролили свѣтъ на это,—еще не обнародованы. Пожелаемъ же, чтобы трудъ г. Берга рано или поздно — и лучше раньше, нежели позже, — вызвалъ обнародованіе матеріаловъ въ разъясненію многого въ послѣдней польской смутѣ, что до сихъ поръ иногда совершенно бессознательно искажается современниками-очевидцами и вообще писателями объ этой эпохѣ.

Записки П. А. Каратыгина. Съ глубокою скорбію заносимъ на страницы нашего обзора 24-е сентября 1879-го года—день кончины этого заслуженнаго артиста русской сцены, талантливаго писателя, одного изъ лучшихъ цѣнителей нашего изданія, и честнѣйшаго человѣка. Его неистощимая веселость, остроуміе, добродушный юморъ—запечатлѣны въ его обширныхъ „Воспоминаніяхъ“, которыя печатались въ „Русской Старинѣ“ съ 1872-го года¹⁾.

¹⁾ «Грибоѣдовъ» въ изд. 1872 г., т. V, стр. 423—430.—«Русскій театръ при Александрѣ I», т. VI, стр. 297—308.—«Театръ въ 1820—1832 годахъ»—изд.

Въ 1873-мъ году праздновался пятидесятилѣтній юбилей сценической дѣятельности покойнаго Петра Андреевича. Памятень намъ этотъ праздникъ и незабвенно сочувствіе публики въ почтенному юбиляру. Привѣтствуя артиста отъ лица многочисленныхъ почитателей его таланта, мы сказали ему въ заключеніе: „Петръ Андреевичъ можетъ еще сослужить Россіи славную службу—посвятить себя по преимуществу исторіи отечественнаго театра“. Слова эти были приняты во вниманіе покойнымъ: помня ихъ и уступая нашимъ просьбамъ, онъ принялся за приведеніе въ порядокъ своихъ „Воспоминаній“, которыя набрасывалъ вчернѣ еще лѣтъ за пять до своего юбилея. Появленіе ихъ въ печати было съ удовольствіемъ принято читателями „Русской Старины“. Почтенный артистъ, съ свойственнымъ ему тактомъ, излагалъ свои „Воспоминанія“ на столько безпристрастно, такъ скромно обходилъ свое я, что рассказы его можно было назвать если не исторіею, то, конечно, превосходными матеріалами для исторіи отечественнаго театра. Набросанныя имъ характеристики: А. С. Грибоѣдова, кн. А. А. Шаховскаго, Ѳ. Ѳ. Коккошкина, П. А. Катенина, А. И. Якубовича, В. А. Каратыгина, кн. С. С. Гагарина, А. М. Гедеонова и многихъ другихъ—можно назвать рядомъ превосходныхъ портретовъ, написанныхъ мастерскою рукой. Обширный отрывокъ изъ „Воспоминаній“, напечатанный нами въ мартѣ 1879-го года, вышелъ въ свѣтъ за три дня до начала мучительной болѣзни, постигшей Петра Андреевича... По какой-то таинственной прихоти случая, этотъ отрывокъ посвященъ трогательному, глубоко прочувствованному разсказу о послѣднихъ дняхъ Василя Андреевича Каратыгина, старшаго и нѣжно любимаго брата Петра Андреевича. Большой авторъ роздалъ многимъ изъ своихъ знакомыхъ „на память“ доставленные ему нами особые оттиски этого отрывка, казъ-бы въ предчувствіи близкой своей кончины, постигшей старца послѣ полугодовыхъ же-

1873 г., т. VII, стр. 146—180.—«Театръ и драматическая труппа въ 1830—1841 годахъ», т. VIII, стр. 306—333.—«Театръ въ 1822—1824 гг. и наводненіе 7-го ноябра 1824 г.»—изд. 1874 г., т. IX, стр. 733—753.—«Театръ въ царствованіе Александра I и день 14-го декабря 1825 г.» въ изд. 1875 г., т. XII, стр. 719—738.—«Русская труппа въ 1826—1836 годахъ»—изд. 1876 г., т. XV, стр. 88—108.—«Дѣтство, отрочество; театральное училище, праздникъ въ Павловскѣ въ 1814 г.»—изд. 1877 г., т. XIX.—«Русскій театръ 1833—1853 годовъ: Времена А. М. Гедеонова. Смерть Брянскаго, Гусевой, В. А. Каратыгина. Его погребеніе» въ изд. 1879 г., т. XXIV, стр. 429—478.

стокихъ страданій. Сохраняя разумъ, память и самосознаніе до послѣдней минуты, повойный, въ періоды ослабленія припадковъ, шутилъ съ окружающими его домашними, и, по врожденной складкѣ своей рѣчи, даже острилъ и каламбурилъ. Съ чистою, безукоризненною совѣстью, онъ не обнаруживалъ малодушнаго страха смерти, смотря на нее какъ на отдыхъ послѣ долгой труженнической жизни, путь которой не былъ усыпанъ розами. Миръ праху заслуженнаго артиста и почтеннаго человѣка!

Дневникъ А. И. Храповицкаго. Отъ умнаго до... противоположнаго—одинъ шагъ. Страненъ покажется читателю переходъ отъ воспоминанія объ артистѣ умномъ къ дневнику бывшаго его начальника и антипода по способностямъ, но этотъ дневникъ—немаловажный матеріалъ для исторіи нашего театра, въ особенности его управленія въ періодъ тридцатыхъ годовъ. „Независимый“ въ дивихъ своихъ мнѣніяхъ, Храповицкій произносить рѣшительные приговоры надъ писателями и артистами съ такимъ дѣтскимъ простодушіемъ, что вызываетъ въ читателѣ невольный смѣхъ.—„Что сказать про Мочалова? Гадокъ, мерзокъ, никуда не годится!“ „Пьеса весьма забавна,—говоритъ онъ о „Ревизорѣ“ Гоголя,—только нестерпимое ругательство на дворянъ, чиновниковъ и купечество“. О второмъ представленіи безсмертной „Жизни за Царя“ Глинки тотъ-же артистархъ восклицаетъ: „Скажу про оперу правду-матку, какъ я понимаю: вздоръ и галиматья! Глинка отъ русскаго отсталъ, а къ иностранному не присталъ—и вышла чепуха!“ Таковъ былъ въ 1829—1839 гг. начальникъ репертуарной части отечественнаго театра въ Петербургѣ, а между тѣмъ сцена обиловала талантами первоклассными.

Эпизодическіе рассказы и отрывки изъ дневниковъ: К. Зенденгорста (о первомъ кадетскомъ корпусѣ въ 1813—1825 гг.), А. И. Веригина (эпизодъ изъ осады Варны 1828 г.), И. Л. Варунъ-Секрета (1828 и 1831 гг.), хотя и незначительные по объему, но достойные вниманія вклады въ нашу военную литературу. Отрывки изъ автобіографіи Гавлендера и изъ дневника Варнгагена фонъ-Энзе знакомятъ съ бытомъ нашего двора въ 1846—1851 годахъ съ точки зрѣнія иностранцевъ. Бѣльшаго вниманія заслуживаютъ воспоминанія А. Д. Галахова—нашего

маститаго историка отечественной словесности—о его сношеніяхъ съ Я. И. Ростовцевымъ (въ 1850—1858 гг.) въ лучшую пору его военно-педагогической дѣятельности, когда, въ сознаниіи недостатковъ нашего кадетскаго воспитанія, Яковъ Ивановичъ вступалъ на путь значительныхъ преобразованій. Вызванныя духомъ новаго времени, они требовали содѣйствія новыхъ, свѣжихъ силъ, и выборъ Ростовцева счастливо палъ на И. И. Введенскаго, Ѳ. И. Буслаева, К. Д. Кавелина, А. Д. Галахова. Весьма любопытенъ рассказъ о борьбѣ преобразователей въ дѣлѣ преподаванія русскаго языка и словесности съ представителями старой схоластики—Н. И. Гречемъ и К. А. Полевымъ....

Воспоминанія И. А. Голышева (1838—1878 гг.) повѣствуютъ о жизни и трудахъ бывшаго крѣпостнаго крестьянина, основателя литографіи въ селѣ Мстерѣ (Владимірской губерніи), нынѣ извѣстнаго нашего археолога и члена многихъ ученыхъ обществъ. Искренно и глубоко сочувствуя проявленію въ народной сферѣ свѣжихъ, разумныхъ силъ, мы съ удовольствіемъ предоставили, на страницахъ нашего изданія, мѣсто простодушной исповѣди археолога-самоучки, чувствуя въ его лицѣ самородокъ,—силою воли, терпѣніемъ и неослабнымъ трудолюбіемъ преодолевшій препятствія, преграждавшія ему путь къ самообразованію. Въ лицѣ почтеннаго И. А. Голышева—умный, одаренный способностями простолюдинъ можетъ увидѣть поучительный примѣръ и живое доказательство великой истины, что дарованіе почти всегда проложитъ себѣ дорогу при твердой волѣ и энергіи...

Воспоминанія Т. П. Пассекъ, напечатанныя въ текущемъ году, какъ-бы мелодическимъ аккордомъ заканчиваютъ второй томъ воспоминаній достоуважаемой писательницы, печатавшихся въ „Русской Старинѣ“ съ третьяго же года основанія нашего изданія. Живѣйшее сочувствіе читателей двухъ поколѣній—старога и новаго—къ воспоминаніямъ талантливой писательницы, представительницы нашей интеллигенціи сороковыхъ годовъ—самая правдивая оцѣнка ея обширному труду. Эти справедливыя похвалы примиряютъ между собою людей противоположныхъ мнѣній и убѣжденій—явленіе, далеко не обыденное въ нашей общественной и литературной жизни.

II.

Отдѣлъ историко-критическихъ изслѣдованій, монографій, біографій и документальныхъ источниковъ въ изданіи „Русской Старины“ 1879 года былъ довольно значителенъ и разнообразенъ. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ статей.

Калвское побойще—историческій очеркъ профессора Д. И. Иловайскаго—отрывокъ изъ II-й части „Исторіи Россіи“.... но, упомянувъ объ отечественной исторіи, долгомъ себѣ поставляемъ вновь вспомнить о громадной утратѣ, понесенной наукою въ лицѣ покойнаго исторіографа С. М. Соловьева—утратѣ, равносильной кончинѣ незабвеннаго Карамзина. Если покойный не обладалъ литературнымъ талантомъ автора „Исторіи государства Россійскаго“, если Карамзинъ значительно облегчилъ ему трудъ, проложивъ первую тропу къ изученію бытописаній отечества—тѣмъ не менѣ заслуги Соловьева неисчислимы по разработкѣ вопросовъ государственной и бытовой жизни русскаго народа, по неутомимой силѣ воли въ исполненіи своего труда, по неподражаемой группировкѣ фактовъ и документовъ; сотни лѣтъ пройдутъ, а многія и многія поволѣнія будутъ находить въ его „Исторіи“ всесторонніе отвѣты на самыя разнообразныя вопросы о смыслѣ и значеніи тѣхъ или другихъ явленій въ жизни русскаго народа съ IX по послѣднюю четверть XVIII вѣка. Утрата Соловьева—утрата болѣе нежели тяжкая; но, воздавая дань величайшаго уваженія памяти покойнаго, видимъ въ лицѣ Д. И. Иловайскаго его достойнаго послѣдователя во всеоружіи науки и исторической критики....

Кромѣ этюда, посвященнаго Калвскому побойщу, въ изданіи нашемъ за обозрѣваемый годъ была напечатана другая статья Д. И. Иловайскаго—„Къ вопросу о болгарахъ“.

Изъ документальныхъ источниковъ, относящихся къ царствованію Петра Великаго, укажемъ на „Журналъ путешествія по Германіи, Голландіи и Итали въ 1697—1699 гг.“ (вн. Курябина), сообщенный намъ знаткомъ отечественной старины, та-

лантливѣмъ артистомъ И. Ѳ. Горбуновымъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями П. Н. Петрова; уважемъ также на подлинныя Письма Петра Великаго къ Ивану Андреевичу Толстому (1703—1712 гг.), свидѣтельствующія о дѣятельности и дальновидности преобразователя;—наконецъ, на письма Ивана Ивановича Бутурлина къ его дочери (1714—1715). Къ группѣ матеріаловъ, къ Петровской эпохѣ относящихся, принадлежитъ: „С.-Петербургъ въ 1720 г.“—разсказъ, переведенный съ польскаго, о нашей сѣверной столицѣ и ея окрестностяхъ черезъ семнадцать лѣтъ по ея основаніи.

Вопросъ дня о Гороблагодатскихъ заводахъ нашель отголозовъ въ отдаленной старинѣ, именно въ статьѣ г. Д. Д. Лесенко: Мысли Василія Никитича Татищева о развитіи горнозаводской промышленности (1735—1738 гг.).

Полный переводъ „Записокъ Манштейна“ съ подлинной рукописи, хранящейся въ библиотекѣ дворца города Павловска, съ благосклоннаго разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича, былъ напечатанъ въ особомъ приложеніи къ нашему изданію 1875 года. Эти „Записки“, сами по себѣ драгоценный матеріалъ главнымъ образомъ для исторіи царствованія Анны Іоанновны и кровавой памяти Бироновщины, нынѣ приобретаютъ вѣщшее значеніе приобщеніемъ къ нимъ обширныхъ Записокъ, принадлежащихъ перу графа Петра Ивановича Панина. Благодаря этимъ „Запискамъ“ или, вѣрнѣе, этимъ самостоятельнымъ Запискамъ очевидца, государственнаго и военнаго дѣятеля прошлаго вѣка—изданію „Записокъ Манштейна“ придана теперь желаемая нами полнота и безуворизненность.

Императоръ Іоаннъ Антоновичъ (1740—1764)—монографія, составленная для обстановки послѣдовательнымъ, историческимъ разсказомъ нѣсколькихъ новыхъ документовъ, относящихся до судьбы злополучнаго юноши, его родителей и приближенныхъ.

Казенные крестьяне при Екатеринѣ II (1762—1796)—вполнѣ законченный и обширный очеркъ изъ многолѣтняго труда В. И. Семевскаго. Предметъ изслѣдованія взятъ изъ исторіи

сельскаго состоянія прошлаго вѣка; не только въ научномъ, но и чисто въ практическомъ отношеніи, трудъ В. И. Семейскаго не можетъ не имѣть значенія—именно при развитіи нашего законодательства относительно сельскаго сословія.

Вслѣдъ за предыдущею монографіею ставимъ трудъ профессора В. С. Иконникова—„Арсеній Мацѣвичъ“. Біографія этого фанатика-работорца за права духовенства—въ новомъ изслѣдованіи получила особенную рельефность и новое освѣщеніе. Почтенный авторъ, съ обычною добросовѣстностью и свойственнымъ ему критическимъ тактомъ, внесъ въ жизнеописаніе Мацѣвича много новыхъ воззрѣній, самое же главное—озарилъ эту личность свѣточемъ строго-критическаго взгляда.

Иванъ Константиновичъ Бошнякъ въ 1774 г., очеркъ Н. Н. Селифонтова—близко знакомитъ съ характеромъ и способностями этой, далеко не дюжинной, личности, до сихъ поръ извѣстной намъ единственно по своимъ препирательствамъ съ Г. Р. Державинымъ въ трудную для юго-восточной Россіи эпоху Пугачевщины.

Записки сельскаго священника—обратили на себя вниманіе безукоризненно-правдивымъ и живымъ изложеніемъ многихъ неутѣшительныхъ фактовъ изъ временъ недавно-минувшихъ. Безыскусственному, но искреннему перу того же автора принадлежитъ обширная монографія—Маріинская колонія питомцевъ Московскаго Воспитательнаго дома. Трогательные рассказы, ее составляющіе, служатъ подтвержденіемъ старой, но не всегда признаваемой истины, а именно: что, безъ знанія народнаго быта и безъ всесторонняго его изученія, нельзя выступать на поприще преобразованій, даже и съ самыми благодѣтельными намѣреніями. При узкости взглядовъ, злоупотребленіяхъ и плутняхъ исполнителей, колоніи „воспитанниковъ“ были повтореніемъ неудобозабываемой памяти—военныхъ поселеній. Этотъ административный рецидивъ тѣмъ болѣе схожъ съ аркадеевскою аркадией, что въ основаніи послѣдней также лежала мысль гуманная и полезная государству—въ теоріи, но обратилась въ истинно безчеловѣчную и вредную, чуть не гибельную—на практикѣ.

Волненія крестьянъ въ зауральской части Пермскаго края въ 1842—1843,—Записки очевидца, М. С. Валевскаго—одна изъ печальныхъ картинъ тѣхъ „недоразумѣній“, которыя, въ несчастію, бывали довольно обыкновенны сорокъ—тридцать лѣтъ тому назадъ, при столкновеніяхъ низшихъ властей съ народомъ, плохо извѣстнымъ въ то время его ближайшимъ заправителямъ.

Хосров-Мирза (1813—1875)—историко-біографическій очеркъ Ад. П. Берже—любопытенъ по близкому, своему отношенію къ печальному эпизоду кончины незабвеннаго Грибоѣдова, какъ пышный эпилогъ кровавой трагедіи. Приѣздъ внука Фетх-али-шаха въ сѣверную столицу былъ, конечно, актомъ искупленія позорнаго и вѣроломнаго дѣянія персидскаго двора—лишь съ точки зрѣнія дипломатической; но, тѣмъ не менѣе, Россія понесла въ тегеранской рѣзнѣ 1829-го года утрату невознаградимую.

Павелъ Дмитриевичъ Киселевъ въ 1829—1834 гг., статья князя Н. С. Голицына, знакомитъ съ административною дѣятельностью исполнителей высокой миссіи Россіи въ придунайскихъ княжествахъ за полвѣка тому назадъ. Выясняя многое, этотъ очеркъ любопытенъ по своему соотношенію къ нашему времени, когда Россія кровью доблестныхъ своихъ сыновъ искупила наконецъ свободу славянскимъ племенамъ, въ теченіе многихъ вѣковъ томившимся подъ игомъ мусульманъ.

Изъ прочихъ біографическихъ статей уважемъ на отрывокъ изъ Записокъ М. Я. Ольшевскаго: Князь А. И. Бятыинскій на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи (1851—1853) и на окончаніе біографіи Иннокентія, архіепископа херсонскаго и таврическаго (1800—1857), служащую какъ бы рамкою къ Письмамъ преосвященнаго (1852), напечатаннымъ съ благосклоннаго соизволенія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича.

Наконецъ, новѣйшія преобразованія въ тюремной системѣ и вообще вопросъ о карательныхъ и исправительныхъ мѣрахъ вызвали появленіе на страницахъ нашего изданія—сообщенія Д. Г. Тальберга: Къ исторіи тюремъ и ссылки въ Россіи (1805—1820).

Въ Воспоминаніи, а затѣмъ въ дополнительной статьѣ „О. М. Бодянский“,—послѣдняя сообщена извѣстнымъ нашимъ ученымъ Н. А. Поповымъ,—изображена эпоха самой кипучей дѣятельности этого почтеннаго служителя науки и добросовѣстнѣйшаго труженика на пользу отечественной исторіи, археологіи и, въ особенности, славяновѣдѣнія.

III.

Обиліе статей по предыдущему отдѣлу не нанесло ущерба отдѣлу въ „Русской Старинѣ“ 1879-го года исторіи отечественной литературы. Въ немъ напечатаны были:

Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ, біографическо-критическій очеркъ (1778—1830) Н. Мизко. Статья, не смотря на крайнюю сухость изложенія, заслужить, конечно, вниманіе будущаго историка русской словесности.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ—собраніе его писемъ къ брату Льву Сергѣевичу, къ Аннѣ Петровнѣ Кернъ († въ 1879 г.), также къ нѣкоторымъ изъ современныхъ ему писателей и его знакомымъ. Письма эти, донинѣ въ отрывкахъ разбросанныя въ біографіяхъ великаго поэта и въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, давно ожидали систематическаго подбора и новой, пристальной редакціи. Предоставивъ послѣднюю уважаемому знатоку исторіи отечественной литературы П. А. Ефремову, мы вставили эти письма въ рамку біографическую, отчасти подновленную находившимися въ нашемъ распоряженіи документами, устными преданіями, и анекдотическими разсказами современниковъ. Съ удовольствіемъ можемъ заявить, что статья „А. С. Пушкинъ“, или, вѣрнѣе сказать, нѣкоторые ея эпизоды вызвали на сообщеніе редакціи со стороны нѣкоторыхъ лицъ, близко знававшихъ великаго поэта, любопытныхъ о немъ подробностей. Изъ таковыхъ можемъ указать на отрывокъ изъ Воспоминаній Александры Михайловны Каратыгиной о знакомствѣ знаменитой артистки съ А. С. Пушкинымъ. Эта любопытная, хотя и небольшая, статья будетъ напечатана въ одной изъ первыхъ книгъ будущаго года, вмѣстѣ съ окончаніемъ біографіи Пушкина. Она будетъ предшествовать открытію памятника безсмертному поэту, предложенному, какъ извѣстно, въ маѣ мѣсяцѣ 1880-го года.

Къ біографіи Лермонтова относится въ „Русской Старинѣ“ 1879 года разсказъ его сопутника въ поѣздѣ въ Пятигорскъ въ 1841 г. предъ роковою дуэлю, погубившей поэта. По поводу же перевода съ нѣмецкаго языка семнадцати стихотвореній Лермонтова нельзя не побѣтовать о судьбѣ подлинниковъ. Боденштедтъ, воспользовавшись ими для своего перевода на нѣмецкій языкъ, возвратилъ ихъ владѣльцу, кавалергардскому офицеру Глѣбову, не снявъ съ нихъ копій. Глѣбовъ погибъ на Кавказѣ и бумаги эти безвозвратно утрачены. Подобное чудовищное явленіе возможно только съ произведеніями нашихъ отечественныхъ поэтовъ! Ни въ одной изъ европейскихъ литературъ не бывало примѣра, чтобы соотечественники писателя обратно переводили его произведенія на родной языкъ съ иностраннаго, вслѣдствіе утраты подлинниковъ. Всему причиною наши небрежныя отношенія къ отечественнымъ талантамъ... Товарищи Лермонтова видѣли въ немъ лишь одноклассника или однополчанина, гусарскаго или драгунскаго офицера „Мишу Лермонтова“, не понимая, что онъ исполнитъ по своему дарованію... Въ глазахъ этихъ господъ „Уланша“ или „Петергофскій праздникъ“, какъ произведенія болѣе доступныя ихъ понятіямъ, имѣли несравненно болѣе значенія нежели „Демонъ“ или „Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ“,—и юношескія стихотворныя шалости Лермонтова, его подражанія Баркову—бережно сохранены, а стихотворный дневникъ великаго поэта; его задупевную исповѣдь мы принуждены переводить съ нѣмецкаго языка ¹⁾!

Иринархъ Ивановичъ Введенскій въ 1849 году—матеріаль къ его біографіи—воспоминаніе о профессорѣ и переводчикѣ, ума высокаго, образованія обширѣйшаго, оставившаго по себѣ яркій слѣдъ, какъ проводникъ честныхъ и свѣтлыхъ идей.

Наконецъ, отмѣтимъ, что крайне рѣдкій портретъ Гоголя, въ 1834 году рисованный знаменитымъ живописцемъ Венеціановымъ,

¹⁾ Однимъ изъ одноклассниковъ великаго поэта свято сбереженъ рукописный журналъ воспитанниковъ юнкерской школы, въ эпоху нахождения въ ней М. Ю. Лермонтова: «Школьная Заря», 1834 года. Лермонтовъ помѣстилъ здѣсь пять своихъ произведеній въ высшей степени циничныхъ. Произведенія, вошедшія въ «Школьную Зарю» вообще оставляютъ за собой Баркова по содержанию, хотя по силѣ стиха и не равняются съ этимъ остающимся все-таки единственнымъ и неподражаемымъ въ своемъ родѣ талантомъ.

далъ поводъ П. А. Ефремову написать о немъ замѣтку, имѣющую прямое отношеніе къ біографіи творца „Мертвыхъ душъ“, а В. В. Стасову сообщить на страницы „Русской Старины“ довольно интересное письмо Гоголя.

IV.

Въ обширномъ отдѣлѣ „Записная книжка „Русской Старины“ было напечатано въ теченіе 1879 года до 225 очерковъ, замѣтокъ, писемъ, анекдотовъ, рассказовъ и т. д. Изъ таковыхъ особенное вниманіе читателей и нашей періодической печати обратили на себя рассказы изъ Записокъ Богуславскаго. Напомнимъ, что, приступая къ ихъ печатанію, мы оговорились, что къ подобнаго рода сборникамъ (за исключеніемъ собранія историческихъ рассказовъ П. Ф. Карабанова, изданнаго „Русскою Стариною“ въ 1870 и 1871 гг.) слѣдуетъ относиться съ крайнею осмотрительностью, такъ какъ рассказы подобнаго рода—не болѣе какъ записи слуховъ, вѣстей и потому весьма часто грѣшатъ противъ исторической правды. При всемъ томъ, какъ отголоски духа времени и нерѣдко свидѣтельство общественнаго мнѣнія о тѣхъ или другихъ дѣятеляхъ, они не могутъ не обращать вниманія изслѣдователя быта общества въ разные эпохи и біографѣ достопамятныхъ дѣятелей.

V.

Въ 1879-мъ году художественныя приложенія были впервые принадлежностями каждой книги „Русской Старины“. Такъ какъ этого рода приложенія для редакціи не обязательны, то позволимъ себѣ обратить на нихъ особенное вниманіе читателей. Не отступая предъ значительными издержками, имѣя въ виду лишь сходство съ оригиналами и художественность исполненія, мы, въ 1879 году, выдали подписчикамъ слѣдующіе портреты гравюры на деревѣ, гравюры на мѣди, также гелиографіи и снимки съ подлинныхъ документовъ:

Гравюры на деревѣ, исполненныя, въ Ниццѣ, граверомъ Его Императорскаго Величества академикомъ Л. А. Сѣряевымъ: I. Императоръ Іоаннъ Антоновичъ; II. Арсеній Мацѣевичъ,

митрополитъ ростовскій; III. Ириней, архіепископъ иркутскій въ 1830—1831 гг.; IV. Иннокентій, архіепископъ херсонскій и таврическій; V. Графъ Ѳ. П. Толстой; VI. С. М. Жуковскій, статсъ-секретарь, одинъ изъ главнѣйшихъ участниковъ въ великой реформѣ освобожденія крестьянъ; VII. Н. В. Гоголь въ 1834 г., съ литографіи Венеціанова; VIII. Профессоръ О. М. Бодянскій.

IX. Ксилографическій портретъ Хосров-Мирзы и видъ памятника на Машукѣ,—исполнены въ Берлинѣ.

X. Н. А. Некрасовъ—гравюра на мѣди академика И. П. Пожалостина.

Гелиографуры художника г. Свамони: XI. Портретъ А. С. Пушкина (въ юности); XII. Портретъ А. С. Пушкина (въ 1827 г.), съ гравюры профессора-гравера Н. И. Уткина.

XIII—XV. Снимки (гелиографическіе) съ писемъ и чертежей Петра Великаго, а также съ полныхъ и подлинныхъ писемъ А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя.

Всѣ поименованные портреты и снимки напечатаны въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ; тщательность и художественное искусство тисненія, а также самое внимательное отношеніе къ дѣлу не оставляютъ намъ въ этомъ отношеніи ничего желать лучшаго.

Повторяемъ, что приложеніе портретовъ и тѣмъ болѣе къ каждой книгѣ нашего изданія мы, согласно первоначальной программѣ, не считаемъ для себя обязательнымъ; тѣмъ не менѣе, можемъ заявить, что и для „Русской Старины“ 1880-го года нами приготовленъ уже рядъ портретовъ достопамятныхъ русскихъ людей, которые и будутъ прикладываться, по примѣру 1879-го года, непременно въ каждой книгѣ нашего изданія.

Въ „Русской Старинѣ“ 1879 г., по примѣру прежнихъ лѣтъ, помѣщались библиографическо-критическія замѣтки о новѣйшихъ изданіяхъ въ области отечественной исторіи, этнографіи, археологій и нумизматики (всего о 50-ти изданіяхъ); большая часть этихъ отзывовъ принадлежитъ перу профессора русской исторіи въ Кіевскомъ Университетѣ Св. Владиміра—В. С. Иконниковъ.

Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ историческія
или историко-литературныя статьи и матеріалы.

1870—1879 гг.

К. К. Абаза,—В. П. Аевариусъ,—И. П. Аврамовъ,—Н. Агафоновъ,—А. К. Адницовъ,—М. П. Азачевскій,—И. К. Айвазовскій,—Аксаковъ,—И. И. Акутнѣвъ,—П. В. Алабинъ,—В. А. Альфонскій,—И. Амелицкій,—А. И. Авасти-сіевъ,—И. Андозкій,—И. Я. Андреевскій,—Анненковъ,—Л. Н. Антроповъ,—А. Апраксинъ,—графъ С. А. Апраксинъ,—Н. А. Аргилландеръ,—Н. А. Аренсъ,—проф. Н. Я. Арястовъ,—Арнольди,—Ө. А Арсенъевъ,—П. Я. Арше-невскій,—Асташевъ,—Н. П. Ахвердовъ,—А. Ю. Ашебергъ.

Баландовичъ,—О. С. Балкъ,—А. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскіе,—Н. П. Бараніусъ,—С. И. Барановскій,—П. И. Барановъ,—А. А. Баранцевъ,—А. И. Барзцовскій,—проф. Н. И. Барсовъ,—Н. П. Барсуковъ,—В. С. Барыковъ,—Н. П. Барышниковъ,—Батюшковъ,—Е. П. Бахталовскій,—А. В. Башкатовъ,—Б. Башловскій,—вн. В. Башшевъ,—А. Безсоновъ,—В. Безсоновъ,—А. Безу-кладниковъ,—Бенуа,—Н. В. Бергъ,—П. В. Березинъ,—Я. Ө. Березинъ-Шира-евъ,—Ад. П. Берже,—І. Берманъ,—Беръ,—В. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—Р. И. Бжостовская,—Н. Вилибинъ,—баронъ Би-стромъ,—Бобровскій,—С. Боголяскій,—профес. М. И. Богдановичъ,—Н. К. Богумевскій,—И. Н. Божеряновъ,—В. А. Болотовъ,—М. П. Болотовъ,—А. Бор-зенко,—Боричевскій,—А. А. Бородулинъ,—М. Ө. Бороздинъ,—Я. П. Борзе-цовскій,—Д. Благово,—П. Ө. Брандтъ,—проф. А. Г. Брикнеръ,—А. Бруннеръ,—Б. Ө. и В. Ө. Булгарины,—Н. Ө. Бурцовъ,—Бутаковъ,—баронъ Бутлеръ,—гр. М. Д. Бутурлинъ,—Н. Д. Быковъ,—акад. А. Ө. Бычковъ,—Ө. Бычковъ,—А. Бѣлаго,—Н. А. Бѣлозерская,—А. И. Бѣляевъ,—баронъ Ө. А. Бюлеръ.

В. Н. Ваксель,—М. С. Валевскій,—В. В. фонъ-Валь,—А. Варакомскій,—И. И. Васильевъ,—А. П. Васильевъ,—П. П. Васильевъ,—А. А. Васильчиковъ,—Н. Васьковъ,—Н. В. Вахтинъ,—В. Н. Ведерниковъ,—П. И. Великопольскій,—Величковскій,—А. Величковъ,—А. И. Веригинъ,—Вельяминовъ,—М. А. Вене-витинъ,—А. А. Венеціанова,—М. И. Венюковъ,—акад. К. С. Веселовскій,—С. Веснянъ,—Н. И. Викинскій,—Н. Виноградовъ,—А. П. Виноградовъ,—К. А. Висковатовъ,—профес. П. А. Висковатовъ,—В. Н. Витевскій,—А. Н. Витмеръ,—

Ө. А. Витбергъ,—Н. П. Вишняковъ,—Владимірова,—М. Владыкинъ,—П. П. Возницкпъ,—А. Ө. Волковъ,—кн. Волконскій,—И. И. Вологдинъ,—И. В. Вологдинъ,—Вонлярларская,—П. А. Вороновъ,—Вороновъ,—Н. Я. Воскобойниковъ,—Н. М. Востоковъ,—Н. Н. Вохинъ,—баронъ Б. А. Вревскій,—баронесса Вревская,—Вудъ,—А. Н. Вульфъ,—А. А. Вязьмитиновъ.

С. Н. Гавриловъ,—кн. Ив. С. Гагаринъ,—К. П. Гамаринъ,—А. Гакъ,—А. Д. Галаховъ,—Гвоздиковъ,—Г. Н. Геннаді,—Н. В. Гербель,—А. А. Герке,—Герцмъ,—П. П. фонъ-Гецъ,—Гилосъ,—А. Г. Глинка,—В. С. Глинка,—М. С. Глинка,—Ө. Н. Глинка,—Глуховъ,—И. Е. Голдинскій,—гр. П. А. Голеннищевъ-Кутузовъ,—В. В. Голеннищевъ-Кутузовъ,—кн. К. К. Голицынъ,—кн. Н. Н. Голицынъ,—кн. Н. П. Голицынъ,—кн. Н. С. Голицынъ,—кн. С. П. Голицынъ,—И. Головинъ,—П. С. Головинъ,—К. Д. Головищковъ,—И. А. Голышевъ,—Голубевъ,—А. Н. Гончаровъ,—И. Ө. Горбуновъ,—А. Гордонъ,—М. Горилецкій,—М. П. Горловъ,—проф. А. Д. Градовскій,—Н. И. Григоровичъ,—А. Н. Григорьевъ,—А. Громачевскій,—акад. Я. К. Гротъ,—Н. В. Гурбери,—П. Гулакъ-Артемевскій,—С. Н. Гулаевъ,—сващ. В. Гурьевъ.

В. Д. Давыдовъ,—К. И. Давыдовъ,—Давильченко,—П. Я. Дашковъ,—П. П. Деви,—Н. Д. Де-ла-Флэвъ,—А. П. Демядовъ,—М. Ө. Де-Пуле,—Фонъ-Дерфельденъ,—А. И. Деспотъ Зеновичъ,—К. К. Детловъ,—В. А. Дзюбенко,—Дятроптовъ,—Дмитриевъ,—Н. Г. Дмоховскій, Ф. Н. Добрянскій,—Я. И. Довголевскій,—В. Док-ій,—кн. В. Долгоруковъ,—А. Долгоруковъ,—кн. С. В. Друцкой-Соколинскій,—И. И. Дубасовъ,—М. Л. Дубецкій,—Н. Ө. Дубровинъ.

К. Евментьевъ,—от. П. П. Елаевскій,—кн. Ергаличевъ,—Н. А. Ермаковъ,—Н. Н. Ермаковъ,—В. Ермаковъ,—А. Ерощевъ,—А. П. Есиповъ,—Г. В. Есиповъ,—И. Ефимовъ,—П. А. Ефремовъ.

А. Н. Ждановъ,—Н. Ө. Желтовъ,—А. Жемчужниковъ,—Н. Л. Жемчужниковъ,—В. И. Жыркевичъ,—В. Жуковъ,—Д. Жуковъ,—Журавскій.

А. П. Заблоцкій-Десятовскій,—И. Е. Забѣлинъ,—Л. А. Загоскинъ,—А. Г. Затлеръ,—И. Захарьянъ,—А. К. Зейдеръ,—К. Зенденгорстъ,—А. Змѣевъ,—В. А. Золотовъ,—В. Р. Зотовъ,—Е. Б. Зубова.

И. А. Ибердусовъ,—Н. С. Иванина,—Н. И. Иванова,—А. В. Ивановъ,—Л. К. Ивановскій,—от. И. Иващенко,—Ю. Б. Иверсенъ,—Игнатевъ,—С. А. Идаховъ,—П. Александр. Измайловъ,—проф. В. С. Иконниковъ,—профес. Д. И. Иловайскій,—В. Е. Ильковъ,—М. А. Имбергъ,—В. А. Инсарскій,—Л. С. Исаровъ,—Н. О. Истицкой,—Г. Ө. Исѣевъ.

Казаевъ,—П. С. Казанскій,—Казачовъ,—М. К. Казина,—Казинъ,—П. С. Калачевскій,—Д. И. Калугинъ,—граф. Л. М. Каменская,—А. Канаринъ,—кн. М. А. Капталузина,—гр. П. И. Капнистъ,—А. А. Карасевъ,—М. В. Карасевъ,—А. М. Каратыгина,—П. П. Каратыгинъ,—П. Карнауховъ,—Е. П. Карновичъ,—С. Д. Карповъ,—А. Карташевъ,—Н. А. Карцевъ,—П. Карцевъ,—

Н. С. Кашкинъ,—Н. Т. Кедровъ,—Н. П. Кельшъ,—Т. Кябальчикъ,—Кирилъ-
зовъ,—А. Н. Кирилнъ,—Биселевъ,—П. А. Китицынъ,—Ф. Н. Кишенскій,—
Д. В. Кларкъ,—И. Кларкъ,—П. Клениковъ,—Князевичъ,—А. С. Князевъ,—
Д. Ф. Кобеко,—Г. А. Ковалевскій,—Н. И. Коведяевъ,—М. М. Ковязинъ,—
Козадавлевъ,—С. Козловскій,—Н. И. Койленскій,—Колачевскій,—К. П. Колза-
зовъ,—Н. М. Колмаковъ,—бар. М. Колычевъ,—гр-финя Н. М. Кововничина,—
Д. А. Копьева,—И. П. Корниловъ,—Ю. В. Косова,—Я. И. Костенецкій,—профес.
Н. И. Костомаровъ,—М. Костылевъ,—Н. П. Косаровскій,—А. А. Красильни-
ковъ,—В. А. Краснокутскій,—В. В. Крестовскій,—М. Круповичъ,—А. Кры-
ловъ,—В. Ф. Кудрявцевъ,—М. П. Кудрявцевъ,—В. В. Куаминъ,—С. Е. Куле-
ша,—П. А. Кулинъ,—акад. А. А. Кунинъ,—И. К. Куприяновъ,—кн. Кура-
кинъ,—М. Куроптевъ,—М. Н. Кучаевъ,—М. В. Кюхельбекеръ.

Проф Н. Лавровскій,—А. М. Лазаревскій,—І. А. Лазовъ,—И. К. Ланот-
никовъ,—С. Лашкаревъ,—А. С. Лашкевичъ,—С. И. Лашкевичъ,—А. С. Лебе-
девъ,—Н. П. Лебедевъ,—В. И. Лебедевъ,—П. П. Лебле,—О. Я. Левенсонъ,—
М. А. Левенцовъ,—А. А. Левшинъ,—архимандр. Леонидъ,—Леоновъ,—А. Ф.
Леопольдовъ,—В. В. Лермонтовъ,—В. Н. Лермонтовъ,—Д. Д. Лисенко,—Б. Ф.
Де-Дивронъ,—М. И. Лилеевъ,—В. И. Лихачевъ,—А. В. и А. Н. Липинъ,—
кн. А. В. Лобановъ-Ростовскій,—А. Ломачевскій, Г. Г. Ломоносовъ,—Н. А.
Ловгинова,—Е. А. Лопушинскій,—І. В. Лохвицкій,—Лушинскій,—В. К. Луд-
кій,—В. И. Лѣтвинъ,—Любарскій,—И. Людмиловъ,—И. М. Лядовъ.

Н. С. Маевскій,—О. Маевскій,—В. Н. Майновъ,—И. В. Майновъ,—Л. Н. Май-
ковъ,—С. М. Макарова,—от. П. Макаровъ,—К. Максимовъ,—Н. Я. Макси-
мовъ,—И. П. Малаховскій,—И. И. Манжура,—Мансуровъ,—К. А. Маньков-
скій,—А. Маринъ,—П. И. Мартосъ,—А. А. Мартыновъ,—П. Мартыновъ,—
кн. Н. Масальскій,—Е. П. Масловъ,—А. Н. Матвѣевъ,—Н. Е. Матвѣевъ,—
У. П. Матвѣевъ,—Ив. Матченковъ,—П. И. Мацѣевичъ,—Л. С. Мацѣевичъ,—
И. А. Мачинскій,—бар. Мейвдорфъ,—Н. К. Меллеръ,—П. И. Мельни-
ковъ,—П. Н. Меншиковъ,—А. Е. Мерцаловъ,—Мешетичъ,—Г. И. Ми-
гринъ,—Н. Д. Мизко,—проф. О. Ф. Миллеръ,—Ф. В. Миллеръ,—гр. Г. А. Ми-
лорадовичъ,—Милуковъ,—М. А. Милютина,—Г. Минъ,—С. Миропольскій,—
М. П. Митковъ,—В. Михайловъ,—Г. Михельсонъ,—А. Ф. Можаровскій,—гр.
А. А. Мордвиновъ,—Д. Л. Мордовцевъ,—П. Морозовъ,—Д. К. Морозъ,—Е. Т.
Морошкина,—И. Я. Морошкинъ,—Я. Морошкинъ,—А. П. Муликовскій,—Н. Н.
Мурзакевичъ,—Г. И. Мѣшковъ:

М. Нагорновъ,—Надеждинъ,—от. А. Накропинъ,—П. Нарбутъ,—Н. Наро-
хиницкій,—А. О. Наставинъ,—П. И. Неболсинъ,—Н. К. Невзоровъ,—Е. С. Не-
врасова,—И. Некрасовъ,—Нелядовъ,—Несвітаевъ,—А. Н. Неустровъ,—О. Ф.
Нечаевъ,—Неѣловъ,—С. А. Нектенко,—баронъ А. П. Николай,—А. А. Ни-
кольскій,—В. В. Никольскій,—Никулинъ,—М. Д. Нилловъ,—Д. Нилловъ,—Л. Л.
Ничпаевскій,—Н. Новицкій,—А. Г. Новоселовъ,—С. Д. Носъ.

Кн. А. А. Оболенскій,—С. Оболенскій,—кн. Ю. Оболенскій,—Огаревъ,—
П. Огіевскій,—Озеровъ,—Ю. А. Ознобичинъ,—М. Я. Ольшевскій,—П. О.
Омельяненко,—Ф. К. Опочининъ,—И. И. Ореусъ,—А. Орловъ,—В. В. Орловъ,—

Г. А. Орловъ,—Н. М. Орловъ,—П. А. Орловъ,—И. Т. Освиный,— проф.
Н. А. Осокинъ,—гр. Д. Е. Остенъ-Сакенъ,—баронесса Л. Остенъ-Сакенъ,—
М. Очкинъ.

Л. Н. Павлицевъ,—И. Д. Павловскій,—А. А. Павловъ,—А. С. Павловъ,—
В. Ф. Павловъ,—Н. Палибинъ,—А. В. Пальчиковъ,—А. А. и В. А. Панаевы,—
Н. И. Пановъ,—С. Ф. Папроцкій,—Ф. Ф. Пардалоцкій,—П. Д. Паренцовъ,—И. В.
Паскачинъ,—В. Пассекъ,—Т. П. Пассекъ,—Пафнутьевъ,—В. Пащенко,—И.
Пеньковский,—Перетцъ,—профес. I. Первольфъ,—Перфильевъ,—Н. А. Пер-
фильевъ,—Э. П. Перцовъ,—Г. П. Петерсонъ,—С. Петровскій,—Ал. Н. Петровъ,—
Авдр. Н. Петровъ,—Н. П. Петровъ,—П. Н. Петровъ,—Н. В. Пирожковъ,—
А. А. Плавсовъ,—Платонова,—А. А. Повало-Швейковскій,—А. Ф. Подвысоц-
кій,—И. П. Поддубный,—И. Е. Подтягивъ,—акад. И. П. Пожалостинъ,—Е. Ц.
Поздѣевъ,—А. П. Покровскій,—В. Ф. Покровскій,—В. Поляковъ,—Н. А. Поли-
вановъ,—В. Н. Поливановъ,—А. С. Половскій,—Я. П. Половскій,—И. В. По-
маловскій,—А. Пономаревъ,—Ф. Пономаревъ,—Авд. Н. Поповъ,—И. С. По-
повъ,—Михаилъ И. Поповъ,—Николай Поповъ,—А. Е. Поповъ,—Нилъ А. По-
повъ,—М. Н. Похвисневъ,—Н. Н. Правиковъ,—А. Преображенскій,—О. А.
Пржедлавскій,—П. Г. Пржедлавскій,—Д. И. Проворовскій,—М. С. Прокудинъ-
Горскій,—С. Л. Пташницкій,—И. А. Пузыревскій,—А. П. Пулю,—А. Г. Пу-
ларевъ,—П. А. Пушкаревъ,—А. П. Пятковскій.

А. Раменскій,—А. Распоповъ,—П. С. Ревякинъ,—С. А. Регменскій,—Н. В.
Реутскій,—графъ Ржевускій,—Людмила Ив. Ривордъ,—А. Ф. Рвттихъ,—Д. А.
Ровинскій,—Д. П. Родионовъ, А. И. Розановъ,—Н. П. Розановъ,—Н. И. Ро-
зановъ,—О. фонъ-Розенбергъ,—бар. А. Е. Розевъ,—Д. А. Рокотовъ,—А. Н. Ро-
мановскій,—Д. И. Романовскій,—С. И. Романовъ,—Ю. А. Романовъ,—
П. Рословъ,—А. Роспоповъ,—Н. П. Ростиславовъ,—графъ И. Н. деРошфоръ,—
Д. П. Ртищевъ,—Д. Рубакинъ,—С. А. Рудакова,—Рудаковъ,—Н. Рудиковскій,—
Б. Рудницкій,—баронъ В. Р. Руммель,—Руничъ,—Н. Рышковскій,—Г. Б. Рѣ-
винскій,—Д. Д. Рабиничъ.

П. И. Савванитовъ,—А. И. Савельевъ,—А. А. Савурскій,—Савельевъ,—
Д. Садовникъ,—Садовскій,—Н. Ф. Сазоновъ,—В. Саитовъ,—Н. Ф. Сама-
ринъ,—Н. Самойло,—И. Самсоновъ,—А. Сапожниковъ,—В. С. Сахаровъ,—
Свамоочкинъ,—Свистуновъ,—Т. Н. Седлецкій,—Селпановъ,—Н. Н. Селфон-
товъ,—В. И. Семевскій,—И. Семеновъ,—Сергѣевъ,—баронъ М. Н. Сердо-
бинъ,—Л. М. Сердюкова,—Серно-Соловьевичъ,—Сеславина,—Симовъ,—Н. П.
Синельниковъ,—Р. П. Ситовскій,—Скальковскій,—А. И. Скиндертъ,—Д. П.
Скобелевъ,—В. Скоробогатый,—В. Смирновъ,—Д. И. Смышляевъ,—А. И. Со-
болевскій,—В. Соколовскій,—акад. Ф. Г. Солнцевъ,—А. И. Сомовъ,—Р. Со-
рокинъ,—Т. А. Сосновскій,—И. Т. Софенко-Сухомлиновъ,—В. Д. Спасо-
вичъ,—А. Л. Спасскій,—И. Спреогинъ,—Н. И. Стародубскій,—А. Старчевскій,—
В. В. Стасовъ,—С. В. Стебницкая,—В. А. Стенановъ,—В. А. Степановъ,—
Н. И. Степановъ,—П. А. Степановъ,—Э. И. Стоговъ,—А. Д. Столыпинъ,—Сто-
рожевскій,—Стороженко,—Стровинъ,—В. Я. Стоюнинъ,—Н. И. Стояновскій,—
А. И. Стржоцкій,—Р. Строгановъ,—Н. С. Стромилловъ,—Д. М. Струковъ,—
Стрѣлковъ,—Г. И. Студеникинъ,—С. Ступининъ,—А. А. Суворовъ, князь

Италийскій графъ Римникскій,—С. Судаковъ,—С. Н. Сулима,—В. Сульменовъ,—от. А. И. Сулоцкій,—П. Суходольскій,—Сушковъ,—П. П. Суцянскій,—С. П. Сысоевъ,—акад. Л. А. Сѣряковъ.

Д. Г. Тальбергъ,—П. Е. Татаринковъ,—В. Таницкій,—Темниковъ,—Н. М. Тереховъ,—Тимофѣевъ,—Тимченко-Рубанъ,—В. В. Тимошукъ,—В. П. Титовъ,—И. Тихомировъ,—проф. Н. С. Тихонравовъ,—Д. Д. Тогольскій,—графиня А. И. Толстая,—П. С. Толстой,—Томашевъ,—Н. Е. Толчѣвъ,—Л. Н. Трефоловъ,—А. Трифоновъ,—П. Трофимовскій,—А. Н. Труворовъ,—Туганъ-Мирза Барановскій,—Турау,—С. И. Турбинъ,—кн. Н. Н. Туркестановъ,—Тучковъ,—И. И. Тѣльновъ.

Н. Федоровъ,—А. И. Фелькнеръ,—А. Фехнеръ,—Г. И. Филипповъ,—В. С. Флѣрицъ,—Е. Н. Флиге,—П. Р. фонъ-дербъ-Ховенъ,—О. Е. Франкъ,—Фрезе,—А. В. Фрейгангъ.

А. Ханъ-Аговъ,—Хмѣльницкій,—П. Ф. Хомутовъ,—А. Н. Хребтовъ,—А. Хрѣновскій,—Н. Хупотскій.

Цепленевъ,—С. Θ. Циѣтковъ.

Графъ Э. К. Чапскій,—Ад. П. Чеботаревъ,—И. А. Чернавскій,—Чешнявъ,—В. Н. Чеховъ,—Г. С. Чириковъ,—профес. И. А. Чистовичъ,—профес. Я. А. Чистовичъ,—Н. Чуйковъ,—А. А и П. А. Чумиковъ,—Н. К. Чупинъ.

И. И. Шамшевъ,—Н. И. Шигановъ,—кн. Ив. Шаховской,—Е. Г. Шварцъ,—К. Н. Шварцъ,—Б. С. Шемыревъ,—П. В. Шейнъ,—А. В. Шереметевъ,—Н. К. Шлядербъ,—И. Шираевъ,—А. Д. Шиншковъ,—А. Шкляревскій,—А. О. Шлейсверъ,—Шляпкинь,—А. С. Шляхтинъ,—И. А. Шмаковъ,—Н. К. Штрандмавъ,—М. Θ. Шогуровъ,—Б. К. Шульцъ,—В. В. Шульцъ.

П. К. Щебальскій,—Н. Н. Щуквинъ.

Н. Юнгъ,—П. И. Юркевичъ.

Языковъ,—С. М. Якимяхъ,—В. А. Яковлевъ,—С. А. Яковлевъ,—Якубовичъ,—Е. И. Якушкинъ,—Г. Д. Явовичъ,—С. Х. Явковскій,—Ястржембскій,—П. Ясницкій,—А. Н. Яхонтовъ,—внягня Е. М. Яшвилъ.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ поименовать съ признательностію ниже слѣдующихъ покойныхъ лицъ: А. П. Арбузовъ,—А. И. Артемьевъ,—А. Н. Аванасевъ,—Я. П. Баклановъ,—Е. А. Бестужева,—М. А. Бестужевъ,—О. М. Бодянскій,—И. Д. Бѣляевъ,—И. Д. Варнаховскій,—Н. В. Вериганъ,—А. С. Вороновъ,—А. Θ. Гильфердингъ,—А. К. Грѣббе,—В. И. Даль,—П. М. Дараганъ,—

Н. Н. де-Прерадовичъ,—Н. П. Дуровъ,—И. И. Евронеусъ,—К. К. Злобинъ,—
Ф. В. Карзинъ,—В. Н. Карамзинъ,—П. А. Каратыгинъ,—Г. И. Бузмин-
скій,—от. К. Кустодіевъ,—А. М. Влажевичъ,—П. П. Ламбинъ,—П. С. Ле-
бедевъ,—А. И. Левшинъ,—Е. Ф. Лермонтова,—кн-гня С. А. Мадатова,—М. А.
Марковъ,—П. Б. Менковъ,—от. М. Я. Морозкинъ,—Ф. Н. Муратовъ,—П. А.
Мухановъ,—акад. П. П. Пекарскій,—А. Н. Поповъ,—М. М. Рангъ,—В. Ф.
Ратчъ,—А. И. Рыжовъ,—И. И. Свѣзевъ,—С. М. Соловьевъ,—К. Н. Тихонра-
вовъ,—В. И. Фельднеръ,—М. Д. Хмыровъ,—В. И. Чаславскій и Б. В. Чев-
кинъ,—сообщенныя ими Записки (мемуары), изслѣдованія, статьи, письма и
большія или меньшія собранія историческихъ матеріаловъ или даже фамиль-
ныя архивы (напр., К. В. Чевкина) находятся въ распоряженіи редакціи
«Русской Старины» и постепенно будутъ печататься на страницахъ этого
историческаго изданія.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ ВЪ 1879 ГОДУ.

Въ 1879 г. экземпляры «Русской Старины» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

Алмоксинская обл.		Валкинская губ.	
(381,900 жит.).		(539,383 жит.).	
Алмоксинскъ	2	Баку	11
Кокчетовъ	2	Геоктопнская	1
Омскъ	17	Куба	1
		Ленкорань	1
	21	Шемаха	2
			15
Амурская обл.		Бессарабская губ.	
(44, 400 жит.).		(1,078,932 жит.).	
Благовѣщенскъ	4	Кншиневъ	30
Албазинъ	3	Аккерманъ	5
Михайло-Семеновская	1	Атаки	1
Черняева	1	Байрамча	1
	9	Бендеры	12
Архангельская губ.		Бѣльцы	3
(281,112 жит.).		Измаилъ	5
Архангельскъ	7	Оргѣвъ	2
Онега	2	Секурянская	1
Сороцкая	1	Сороки	2
Шенкурскъ	1	Унгены	1
	11	Фалешты	1
Астраханская губ.		Хотинъ	2
(601,514 жит.).			66
Астрахань	19	Варшавская губ.	
Зинзелинская	1	(925,639 жит.).	
Красный Яръ	1	Варшава	71
Шуралинская	1	Влодавскъ	2
	22		

Гора Кальварія	1
Ловичь	3
Новый Дворь	3
Скерневицы	1

81

Вилкоцкая губ.
(1,001,909 жит.).

Вильно	31
Дисна	2
Лида	1
Молодечно	1
Ошмяны	1
Свенцiаны	1
Солы	1
Шарковязно	1
Щучинь	1

40

Витебская губ.
(888,727 жит.).

Витебскъ	8
Велижъ	4
Динабургъ	12
Дрисса	1
Депель	1
Полоцкъ	1
Рѣзница	1

28

Владимiрская губ.
(1,259,923 жит.).

Владимiръ	23
Александровъ	3
Вязники	4
Гавриловъ посадъ	1
Гороховецъ	2
Егорьевская	1
Иваново-Вознесенскъ	9
Киржачъ	3
Ковровъ	3
Крестниковская	1
Мстера слобода	1
Мстера ст.	1
Муромъ	6
Никольское	1
Покровъ	1
Судаль	2
Тейково	3
Шуя	5

70

Волынская губ.
(1,704,018 жит.).

Житомиръ	12
Дубно	3

Заславъ	1
Клевань	1
Ковель	3
Креженецъ	8
Купель	1
Новоградъ Волынской	1
Овручь	2
Олынка	1
Островъ	3
Радзивиловъ	2
Ровно	3
Славута	1
Старо-Константиновъ	3
Устидугъ	1

46

Вологодская губ.

(1,003,039 жит.).

Вологда	9
Великiй Устюгъ	1
Вельскъ	2
Верховажскiй посадъ	1
Кадниковъ	3
Дальскъ	1
Никольскъ	2
Тотьма	4
Устьсысольскъ	1

24

Воронежская губ.

(2,152,696 жит.).

Воронежъ	33
Бестужевская	1
Бирючь	1
Бобровъ	4
Богучаръ	2
Вагуйки	2
Ворошиновка	1
Воронежская	1
Задовскъ	3
Землянскъ	1
Калачъ	2
Коротоякъ	1
Линенскъ	2
Лосево	1
Мандрово	1
Новохоперскъ	3
Острогожскъ	6
Павловскъ	4
Ровенки	1
Россоша	1
Хрѣново	1

72

Выборгская губ.
(289,010 жит.).

Выборгъ	5
Фридрихсгамъ	1
	<hr/>
	6

Вятская губ.
(2,406,024 жит.).

Вятка	13
Дебесы	1
Елабуга	8
Ижевскій зав.	3
Дубянская	1
Малмыжъ	2
Нолинскъ	2
Орловъ	1
Сарапулъ	2
Сезеневская	1
Слободской	1
Иранскъ	3
	<hr/>
	38

Гродненская губ.
(1,008,521 жит.).

Гродно	14
Брестъ-Литонскъ	8
Вѣостокъ	2
Кобринъ	2
Свяслочь	1
Слонимъ	1
Соколка	1
	<hr/>
	29

Датгостанская обл.
(481,624 жит.).

Дербентъ	2
Дашлагарь	2
Петровскъ	3
Темярь-Хапъ-Шура	6
Чиръ-Юртъ	1
	<hr/>
	14

Донская обл.
(1,086,264 жит.).

Новочеркасскъ	42
Аксайская	1
Амвросіевка	1
Боковская	1
Голодаевка	2
Грушевская	2
Казанская	1
Константиновская	2
Константиновская ж. д.	1
Маньково-Казитвинская	1
Матвѣевъ Бурганъ	1
Нижневчерская	1

Новогригорьевская	2
Новочеркасскъ ст.	1
Серебряковка	1
Урюпинская	4
Усть-Медвѣдичная	4
Харцызская	1
Цимлянская	3
Шалаевская	1
Шахтная	1
	<hr/>
	74

Екатеринославская губ.
(1,352,300 жит.).

Екатеринославъ	23
Азовъ	2
Александровскъ	8
Александровскъ ст.	1
Бахмутъ	3
Верхнедѣпроевскъ	7
Гавриловка	1
Елевовское	1
Константиновская	1
Кудеяловская	1
Лисичанскъ	1
Лозовая	1
Луганскій зав.	6
Маріуполь	2
Марченская	1
Никополь	1
Новомосковскъ	2
Орѣховская	1
Павлоградъ	6
Перешенно	3
Петропавловка	1
Ростовъ	12
Саксаганъ	1
Сивельниково	1
Славгородъ	1
Славяносербскъ	3
Таганрогъ	14
	<hr/>
	110

Елисаветпольская губ.
(593,784 жит.).

Елисаветполь	7
Агдашская	1
Делижанъ	1
Шуша	2
	<hr/>
	11

Енисейская губ.
(372,862 жит.).

Красноярскъ	8
Енисейскъ	8
Каргино	3
Минусинскъ	3
	<hr/>
	22

Забайкальская обл.		Мамадышъ	1
(430,780 жит.).		Нармонка	1
Чита	7	Свияжскъ	1
Верхнеудинскъ	2	Спасскъ	10
Горбиченская	2	Царевковшайскъ	1
Городищенская	1	Цивильскъ	1
Кабанское	1	Чебоксары	1
Кавылучи-газмурская	1	Чистополь	5
Кяхта	3		81
Нерчинскъ	4	Калининская губ.	
Нерчинскій зав.	2	(669,261 жит.).	
Селенгинскъ	1	Калишъ	7
Средняя Кара	3	Кюдава	1
Стрѣтенскъ	1	Коло	1
Троицкосавскъ	2	Конишь	1
Шелопухинская	2	Ленчина	1
	32	Страдь	1
Замосинскій отд.			12
(275,000 жит.).		Калужская губ.	
Брянскъ	2	(996,262 жит.).	
	2	Калуга	16
Зарайскій окр.		Александровскій хуторъ	2
(163,185 жит.).		Боровскъ	3
Самарандъ	7	Брянъ	1
Каты Курганъ	1	Дроздовская	1
	8	Жиздра	4
Иркутская губ.		Козельскъ	5
(378,244 жит.).		Малоярославецъ	1
Иркутскъ	31	Петричево	1
Витимскъ	3	Плохино	1
Жигаловская	1	Подборская	1
Ляственничная	1	Серпейскъ	1
Нохтуйскъ	5	Суборовская	1
Тельминская	2	Таруса	2
Тулуновское	1		40
Устькутская	1	Киевская губ.	
Хоготская	1	(2.175,132 жит.).	
Черемховская	2	Кіевъ	88
	48	Бердячевъ	1
Казанская губ.		Богуславъ	1
(1,704,624 жит.).		Бособродская	1
Казань	56	Бѣлая Церковь	1
Алексѣевская	1	Васильковъ	1
Воробьевская	1	Городище	1
Лайшевъ	2	Гребенская	1
		Звенигородка	3
		Казатинъ	1

Баневъ	1
Коростышевская	1
Корсувъ	2
Липовецъ	3
Лысянка	1
Мокрая Колгорта	1
Радомысль	3
Ружинъ	1
Сквира	1
Смѣла	5
Тальное	1
Тараща	3
Умань	5
Фастовъ	1
Худолѣвка	1
Черкасы	1
<hr/>	
	130

Ковенская губ.
(1,156,041 жит.).

Ковно	13
Вилькомиръ	3
Ворневецкая	2
Кейданы	1
Ново-Александровскъ	1
Повевѣжъ	1
Россиены	2
Субочъ	1
Тельши	1
Шавли	2
Юрбургъ	1
Яново	1
<hr/>	
	29

Костромская губ.
(1,176,097 жит.).

Кострома	16
Бая	1
Буй	1
Варнавинъ	2
Ветлуга	3
Вичуга	1
Галичъ	1
Евдокимово	1
Кинешма	4
Клеванцово	1
Кологривъ	1
Макарьевъ	1
Малооугорская	1
Нерехта	1
Плесь пос.	1
Солгаличъ	2
Судиславль	2
Чухлома	1
<hr/>	
	41

Кубанская обл.
(831,740 жит.).

Екатеринодаръ	8
Ейскъ	3
Копевское	1
Кочетинская	1
Лабинская	1
Ладонская	1
Майкопъ	4
Невиномысскъ	1
Тамань	1
Тифлисская	1
Тихорецкая	1
Уманская	2
<hr/>	
	25

Куровая губ.
(1,054,807 жит.).

Курскъ	24
Бѣлгородъ	10
Грайворонъ	1
Дмитриевъ	4
Короча	1
Кочетки	1
Льговъ	7
Мирополье	2
Никольская	1
Новый Осколъ	2
Оболнь	3
Путыль	3
Рыльскъ	6
Старый Осколъ	7
Суджа	8
Тимъ	1
Томаровская	1
Фатежъ	2
Щагры	4
<hr/>	
	88

Курляндская губ.
(619,154 жит.).

Митава	3
Либава	4
<hr/>	
	7

Кутанская губ.
(570,691 жит.).

Кутанскъ	7
Зугдиды	1
<hr/>	
	8

Бѣлѣцкая губ.	
(518,730 жит.).	
Бѣлѣцк.	3
Андреевъ	2
Мѣховъ	1
Пинчовъ	1
Стопяца	1
	<hr/>
	8

Лифляндская губ.	
(1,000,876 жит.).	
Рига	20
Бальдерее	1
Верро	1
Дерпта	6
	<hr/>
	28

Ломжинская губ.	
(489,699 жит.).	
Ломжа	6
Мозавецкъ	1
Островъ	2
Пултускъ	1
	<hr/>
	10

Люблинская губ.	
(707,098 жит.).	
Люблинъ	6
Бѣлградъ	1
Войсловицы	1
Грубешовъ	1
Дубенка	1
Замостье	5
Красноставъ	1
Новая Александрия	2
Ополе	1
Томашовъ Замостьскій	1
Холмъ	4
Яповъ	
	<hr/>
	25

Минская губ.	
(1,183,230 жит.).	
Минскъ	10
Бобруйскъ	5
Борисовъ	1
Игумень	1

Мозырь	2
Несвижъ	3
Пинскъ	1
Слуцкъ	2
Смиловичи	1
Телеханы	1
	<hr/>
	27

Могилевская губ.	
(947,625 жит.).	
Могилевъ	10
Быховъ	1
Гомель	3
Горы-Гореп	1
Климовичи	3
Копысь	1
Краснополье	1
Мстиславъ	1
Орша	1
Орша ст.	1
Рудня	1
Чаусы	1
Чериковъ	1
	<hr/>
	26

Московская губ.	
(1,772,624 жит.).	
Москва: а) чрезъ газетную эк- спедицію	192
б) чрезъ московскіе книжные магазины	420
Богородскъ	1
Бронницы	3
Верея	1
Волоколамскъ	1
Воскресенскъ	4
Дмитріевъ	1
Завидовская	1
Каменка	2
Клинъ	4
Клинская	2
Коломна	4
Крюково	1
Медный	2
Молоди	1
Москва ст.	1
Подсолнечная	2
Подольскъ	6
Руза	1
Сергіевъ посадъ	11
Серпуховъ	11
Фаустово	1
Химки	1
	<hr/>
	674

Нижегородская губ.
(1,271,564 жит.).

Нижній Новгородъ	26
Армазасъ	4
Балахва	1
Болдинская	1
Большое Мурашкино	1
Василь-Сурскъ	2
Вертяяново	1
Владимирская	1
Воскресенское	1
Городецъ	1
Княгининъ	1
Лукояновъ	2
Мангушевская	2
Нижегородская	1
Почпки	2
Семеновъ	1
Сергачъ	4
Удольская	1

53

Новгородская губ.
(1,011,445 жит.).

Новгородъ	14
Бологое	1
Боровичи	3
Бронны Ямъ	1
Валдай	3
Валдайка	1
Грузино	1
Демянскъ	1
Ереминская	1
Заръче	1
Кириловъ	1
Крестцы	2
Любань	3
Меглецы	2
Медвѣдь село	1
Оскупская	1
Подберезье	2
Сошно	1
Спасская Полить	3
Старая Русса	1
Тихвинъ	2
Торбино	1
Устюжна	4
Череповецъ	4

55

Новгородская губ.
(183,845 жит.).

Гельсингфорсъ	6
Свеаборгъ	2
Экелесъ	1

9

Олонецкая губ.
(296,392 жит.).

Петрозаводскъ	6
Вытегра	4
Каргополь	1
Лодейное поле	1
Повънецъ	1
Подпорожье	1
Юксово-Баташевская	1

15

Оренбургская губ.
(900,547 жит.).

Оренбургъ	22
Илецкъ	1
Кочьяръ	1
Масскй зав.	1
Троицкъ	1
Уральская	1
Устьуйская	2
Челябинскъ	3

32

Орловская губ.
(1,596,881 жит.).

Орегъ	26
Александровка	1
Болховъ	1
Брянскъ	5
Брянскъ ст.	1
Дмитровскъ	2
Донъ	1
Дросково	1
Елецъ	11
Измайково	1
Карачевъ	7
Кромы	1
Ливны	2
Малоархангельскъ	3
Мценскъ	4
Русскй Бродъ	2
Сѣвскъ	2
Трубчевскъ	1
Хотынецъ	1

73

Пензенская губ.
(1,163,186 жит.).

Пенза	23
Восейково	1

Миргородъ	4
Опошня	1
Переяславъ	5
Прилуки	6
Ромны	4
Рышетилровка	1
Хорогъ	4
Яготино	1

97

Приморская обл.

(45,000 жит.).

Николаевскъ	3
Владивостокъ	4
Камень Рыболовъ	2
Хабаровская	1

10

Псковская губ.

(775,701 жит.).

Псковъ	9
Великіе Луки	4
Горницкая	1
Брюково	1
Новоржевъ	2
Опочка	1
Островъ	5
Порховъ	4
Торопецъ	4
Холмъ	4

35

Радомская губ.

(532,466 жит.).

Радомъ	5
Козеницы	2
Лянскъ	1
Опатовъ	1
Сандоміръ	2
Сташовъ	3

14

Рязанская губ.

(1,477,433 жит.).

Рязань	12
Борки	1
Данковъ	2
Егорьевскъ	3

Ерактурская	1
Зарайскъ	4
Злобино	1
Ижевское	2
Карабинская	2
Касимовъ	5
Луховицы	1
Михайловъ	4
Никитинская	1
Пронскъ	1
Равенбургъ	2
Рязскъ	2
Сапожокъ	3
Сарай село	1
Скопниъ	2
Спаскъ	2
Тихменево	1
Ухоловская	1

54

Самарская губ.

(1,873,081 жит.).

Самара	27
Балаково	3
Бугульма	1
Бугурусланъ	4
Бузулукъ	2
Кичуй	1
Красный Яръ	1
Мелекесь	2
Николаевъ	2
Новый Узень	2

45

С.-Петербургская губ.

(1,325,471 жит.).

С.-Петербургъ: а) по почтѣ . . .	927
б) безъ доставкѣ	168
Больше Парголовская	1
Гатчино	6
Гдовъ	2
Кроншгадтъ	23
Луга	2
Нарва	4
Новая Ладога	2
Ораниенбаумъ	1
Павловскъ	5
Петергофъ	3
Сергиевская	1
Сестрорѣцкъ	1
Сиверская	1

Стрѣльна	1
Парское Село	22
Ямбургъ	3

1173

Саратовская губ.

(1,751,268 жнт.).

Саратовъ	27
Аткарскъ	2
Балашевъ	2
Беково	3
Вольскъ	4
Дубовскій пос.	1
Екатериновка	1
Камышинъ	2
Колъно	1
Ковдаль	2
Кузнецъ	1
Маринская	1
Никуляно	3
Ртицево	1
Ртицево ст. ж. д.	3
Сарепта	1
Сердобскъ	3
Сосновка	1
Турки	1
Хвалыинскъ	4
Царицынъ	2

66

Семипалатинская обл.

(501,163 жнт.).

Семипалатинскъ	5
Алтайская	1
Бухтарма	1
Зайсанскій постъ	1
Усть Каменогорскъ	1

9

Семирѣченская обл.

(539,530 жнт.).

Вѣрный	7
Бахты	1
Караколъ	2
Копалъ	1
Кульджа	2

13

Симбирская губ.

(1,205,881 жнт.).

Симбирскъ	13
Алатырь	1
Ардатовъ	2
Ключищинская	1
Корсунъ	7
Краснососенская	2
Курмышъ	6
Циловальные зав.	1
Порѣцкая	1
Промзино Городище	1
Сызрань	8
Тагайская	1
Теренгульская	2
Юрловка	1
Ясашно Ташлинская	2

49

Смоленская губ.

(1,140,015 жнт.).

Смоленскъ	15
Бѣлой	4
Вязьма	5
Гжатскъ	1
Дорогобужъ	1
Дубровка	1
Ельня	1
Ивановская	2
Ивановская ст. ж. д.	1
Коски	1
Порѣче	1
Починокъ	1
Рославль	2
Рославль ст	1
Серги Ивановская	1
Стадолице	1
Сычевка	2
Уваровская	1
Юхновъ	2

43

Ставропольская губ.

(473,974 жнт.).

Ставрополь	18
Александровское	1
Баталинскъ	1
Кавказская	2
Медвѣжинское	2
Прасковей село	1
Средне-Егорлыцкая	2

27

Суважская губ.
(524,489 жит.).

Суважскі	6
Вержболовская	1
Кальварія	1
Маріамполь	1
<hr/>	
	9

Сухумскій отд.
(74,442 жит.).

Сухумъ-Кале	1
<hr/>	
	1

Сырѣ Дарьинская обл.
(1,239,649 жит.).

Ташкентъ	22
Перовскъ	1
Петро-Александровское	5
Чимкентъ	1
Чиназъ	1
<hr/>	
	30

Сѣдлецкая губ.
(504,606 жит.).

Сѣдлецъ	5
Бѣла	3
Радпя	1
Страблю	1
<hr/>	
	10

Таврическая губ.
(704,997 жит.).

Симферополь	18
Алешки	3
Бердянскъ	6
Большой Токмакъ	1
Гальбштадтъ	1
Евпаторія	4
Еланъ Загачъ	1
Карасубазаръ	1
Кавовка	2
Керчь Ениколь	8
Мелитополь	3
Нагайскъ	1
Перекопъ	1

Севастополь	12
Сирагозская	1
Судакъ	1
Ялта	7
Феодосія	6
<hr/>	
	77

Тамбовская губ.
(2,150,971 жит.).

Тамбовъ	29
Борисоглѣбскъ	9
Бурнакъ	1
Грязи	2
Елатъма	2
Кирсановъ	5
Козловъ	11
Козловская	1
Краснослободскъ	1
Куликовская	1
Лебедянь	2
Липецкъ	3
Моршанскъ	4
Муравьевская	1
Новочеркутино	1
Окры	1
Просьянополанская	1
Сасово	1
Темниковъ	1
Умань	5
Шацкъ	2
<hr/>	
	84

Тверская губ.
(1,528,881 жит.).

Тверь	18
Бѣжецкъ	3
Весьегонскъ	1
Вышній Волочекъ	3
Дятково	1
Калязинъ	2
Кашинъ	3
Кесово	1
Кесьма	1
Осташковъ	2
Ржевъ	6
Романовская	1
Селижаровъ	2
Спирово	1
Старица	2
Сытѣковская	2
Торжокъ	7
Тронцкая	1
<hr/>	
	57

Харьковская губ.

(1,698,015 жит.).

Харьковъ	63
Алексѣевка	1
Ахтырка	2
Богодуховъ	2
Бѣловодскъ	1
Валки	2
Валки ст.	1
Волчанскъ	4
Голая Долина	1
Дергачи	2
Изюмъ	6
Краснокутскъ	1
Купянскъ	3
Лебедия	2
Новокацеринославъ	2
Славянскъ	4
Старобѣльскъ	4
Сумы	13
Харьковъ ст.	1
Чугуевъ	4
<hr/>	
	120

Херсонская губ.

(1,596,809 жит.).

Херсонъ	14
Александрія	3
Анапьевъ	1
Бериславъ	1
Березовка	3
Бярула	1
Бобринецъ	1
Вознесенскъ	9
Гниляково	1
Джемурѣвская	1
Дудчанская	1
Елизаветградъ	14
Знаменка	1
Константиновская	1
Любашевка	1
Максимовская	3
Мардаровка	1
Марьяновская	1
Николаевъ	21
Новая Прага	3
Ново-Воронцовка	1
Ново-Георгиевскъ	3
Новомиргородъ	3
Ново-Украинка	1
Ново-Украинка ст. ж. д.	1
Одесса	89
Павлышская	1
Песчаный Бродъ	1
Тирасполь	3
<hr/>	
	185

Черниговская губ.

(1,659,600 жит.).

Черниговъ	12
Батуринъ	3
Бахмачь	2
Березна	1
Борзна	2
Глуховъ	3
Клици	2
Козелецъ	1
Ковтопъ	4
Коропъ	1
Кролевецъ	3
Мѣна	1
Мѣна ст. ж. д.	1
Новгородъ Сѣверскій	7
Новозыбковъ	1
Нѣжинъ	7
Остеръ	2
Погаръ	1
Почепъ	2
Стародубъ	4
Суражъ	2
Чернотичи	1
<hr/>	
	63

Черноморскій омер.

(15,735 жит.).

Новороссійскъ	2
Туапсе	1
<hr/>	
	3

Эриванская губ.

(547,693 жит.).

Эриванъ	1
Александрополь	11
Башпурашянская	2
Джульты	1
<hr/>	
	15

Эстляндская губ.

(323,961 жит.).

Ревель	8
Рако	1
<hr/>	
	9

Якутская обл.		Великое село	2
(231,977 жит.).		Владичная	1
Якутскъ	4	Давыловъ	1
Олекминскъ	1	Любимъ	1
	5	Маслово	1
		Молога	1
		Мышевнъ	1
		Некоузъ	1
		Петровскъ	1
		Пищальново	1
		Пошехонье	3
		Ростовъ	8
Ярославская губ.		Рыбинскъ	10
(1,000,748 жит)..		Тихменево	1
		Угличъ	1
		Шестихново	1
Ярославль	24		
Борисоглѣвскія слободы	1		
Бѣлосельская	1		
			61

ЗА ГРАНИЦЕЮ.

Австрія	2	Румелія	1
Англія	2	Соединенные Штаты	1
Болгарія	18	Франція	15
Германія	12	Турція	2
Голландія	1	Черногорія	1
Давія	1	Швейцарія	5
Италія	6	Японія	2
Китай	3		
Персія	1		
Португалія	1		
			74

ОБЩИЙ ИТОГЪ.

I. Въ губерніяхъ.			
1. Акмолинской обл.	21	38. Ломжинской	10
2. Амурской обл.	9	39. Люблинской	25
3. Архангельской губ.	11	40. Минской	27
4. Астраханской	22	41. Могялевской	26
5. Бакинской	15	42. Московской	62
6. Бессарабской	66	43. Нижегородской	53
7. Варшавской	81	44. Новгородской	55
8. Виленской	40	45. Нюландской	9
9. Витебской	28	46. Олонецкой	15
10. Владимирской	70	47. Оренбургской	32
11. Волынской	46	48. Орловской	73
12. Вологодской	24	49. Пензенской	43
13. Воронежской	72	50. Пермской	84
14. Выборгской	6	51. Петровской	15
15. Вятской	38	52. Плоцкой	7
16. Гродненской	29	53. Подольской	49
17. Дагестанской обл.	14	54. Полтавской	97
18. Донской обл.	74	55. Приморской обл.	10
19. Екатеринославской обл.	110	56. Псковской губ.	35
20. Елисаветпольской	11	57. Радомской	14
21. Еявсейской	22	58. Рязанской	54
22. Забайкальской окр.	32	59. Самарской	45
23. Закаспійскомъ отд.	2	60. С.-Петербургской	78
24. Заравшанскомъ окр.	8	61. Саратовской	66
25. Иркутской губ.	48	62. Семипалатинской обл.	9
26. Казанской	81	63. Семпрѣченской обл.	13
27. Калишской	12	64. Сибирской губ.	49
28. Калужской	40	65. Смоленской	43
29. Киевской	130	66. Ставропольской	27
30. Ковенской	29	67. Сувальской	9
31. Костромской	41	68. Сухумскомъ отд.	1
32. Кубанской обл.	25	69. Сыръ Дарьинской обл.	30
33. Курской губ.	88	70. Съдлецкой губ.	10
34. Курляндской	7	71. Таврической	77
35. Кутаисской	8	72. Тамбовской	84
36. Кѣлецкой	8	73. Тверской	57
37. Лифляндской	28	74. Терской обл.	22
		75. Твфлисской губ.	66
		76. Тобольской	17
		77. Томской	33

78. Тульской	65	88. Якутской обл.	5
79. Уральской обл.	6	89. Ярославской губ.	61
80. Уфимской губ.	23		<hr/>
81. Ферганской обл.	11		3498
82. Харьковской губ.	120	II. Въ Москвѣ	612
83. Херсонской	185	III. Въ С.-Петербургѣ (съ до- статкою и безъ доставки) . . .	1071
84. Черниговской	63	IV. За границею	74
85. Черноморскомъ окр.	3		<hr/>
86. Эриванской губ.	15		5250
87. Эстляндской	9		

Завѣдующая экспедиціей К. Ѡ. Кармалина.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ
 въ XXVI томѣ
 „РУССКОЙ СТАРИНЫ“
 1879 г.

СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

А.

- Аввакумъ**, 336.
- Августъ II**, кор. польск., 1740 г., 380, 570, 590, 602, 603.
- Авейде**, Оскаръ, чл. польск. жюда, 1863 г., 267, 282.
- Аверинъ**, археологъ, 1836 г., 708.
- Адернасъ**, Борисъ Алексадр., псков. губернат., 1824 г., 294—300, 520.
- Адернасъ**, г-жа, 1741 г., 598.
- Адольфъ-Фридрихъ**, кор. шведскій, 1742 г., 611, 624.
- Адрианъ**, архимандр. Волоколамск. монасты., 1763 г., 13.
- Аже**, Алексадр. Матв., директ. экономин, 213.
- Аже**, Надежда Алексадр., въ замуж. Вошнякъ, 213.
- Аже**, рожд. Арцыбашева, 213.
- Айтекъ-Мисоустъ**, грузин. кн., 1812 г., 711, 713.
- Аксаковъ**, К., писатель, 733.
- Аксаковъ**, Серг. Тимое., ссылка на его «Воспоминанія», 172, 173, 723.
- Алабинъ**, П. В., ссылка на его замѣтку: «Исаакъ-Беръ-Левензонъ», 159—161.
- Албуриадшю**, кн., 1812 г., 710, 713.
- Александра Госифовна**, вел. княг., р. 1830 г., 260.
- Александра Николаевна**, вел. княг., въ суируж. принц-са Гессенъ-Кассельская, р. 1825 † 1844 г., 120, 352.
- Александра Павловна**, вел. княг., въ замуж. палатина Венгерская, р. 1783 † 1801 г., 329—335.
- Александра Теодоровна**, имп-ца, род. 1798 † 1860 г., 220, 350.
- Александръ I**, императ., р. 1777 † 1825 г., 91, 93, 104—114, 121, 233, 234, 292—298, 318, 322, 323, 505, 514, 522, 556, 711—713, 742.
- Александръ II**, Императ., р. 1818 г., 44, 676, 689.
- Александръ**, герц. Гессенъ-Дармштадтскій, 653.
- Александръ-фонъ-Ваттенбергъ**, вичиъ Болгарскій князь, 653.
- Алексѣвъ**, поруч., † 1863 г., 663.

Алексѣевъ, Петръ, московск. протоіерей, 195.
Алексѣевъ, Ѳ., граверъ, 34.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ, р. 1690 † 1718 г., 365, 376, 596.
Алешковский, П. И., ростовск. городск. свящ. съ 1792—1814 г., р. 1767 г., 198.
Али-паша, турецкій мн-рь пностр. дѣль, 1863 г., 496.
Алопеусъ, гр., полковн., фл.-адъют., 1854 г., 126.
Алфокскій, Аркадій Алексѣев., докт. ст. сов., проф. медицины, 1848 г., 477.
д'Альбекъ, Ганье, 1863 г., 269.
Альгеръ, Вильгельмъ, работн. желѣзнодорожн. зав. въ Варшавѣ † 1863 г., 280.
Амбургеръ, Карлъ, 1812 г., 94.
Аммеръ, Антонъ, работн. варш. кожев. зав., 1863 г., 488, 489.
Амосовъ, Аванасій, 1812 г., 94.
Амосовъ, Петръ, сотскій, 1766 г., 86.
Андро, г-жа, рожд. Оленина, 1863 г., 263.
Анна, Мекленбургская принцесса, 1730 г., 370, 371.
Анна Ивановна, имп-ца, р. 1693 † 1740 г., 37—41, 183, 335, 359—410, 567—599, 605, 610, 613, 710.
Анна Карловна, принцесса, см. Анна Леопольдовна.
Анна Леопольдовна (Карловна), правитель-ца, р. 1718 † 1746 г., 359, 377, 381, 394—405, 567—625.
Анна Петровна, царица, въ супруж. за герц. Шлезвигъ-Гольштинскимъ, 1725 г., р. 1708 † 1728 г., 366—369.
Анненковъ, адъют., 1847 г., 218.
Анненковъ, генер.-адъютантъ, 1863 г., 267, 647.
Анненковъ, полковн., флигель-адъют., 1864 г., 664.
Антокій, архимандр. корельскій, 1767 г., 187, 191.
Антошевскій, полковн., 1855 г., 287.
Антонъ-Ульрихъ, принцъ Брауншвейгскій, р. 1714 † 1774 г., 212, 213, 371, 394, 399, 567—597.
Апраксина, Марѳа Игнат., рожд. Бычкова, 162.

Апраксинъ, генералъ-майоръ, 1740 г., 409, 580.
Апраксинъ, Андрей. Сообщ. замѣту: «Князья и дворяне Вычловы-Ростовские», 162.
Апраксинъ, Юрій, 162.
Арамеевъ, гр., Алексѣй Андр., р. 1769 † 1834 г., 96, 107, 233, 545, 556.
Аргамановъ, поруч., 1740 г., 569.
Арика Родионова, няня А. С. Пушкина, 294, 299, 304, 308.
Арсеній Мацѣевичъ, въ мирѣ Александръ, митропол. ростовск., р. 1697 † 1772 г., 1—34, 176, 177—198.
Арсеній, іеромон. нижегородск. монастыря, 194.
Арсланъ-Гирей, 1812 г., 710.
Арцыбашева, въ замуж. Аше, 213.
Арцыбашева, въ замуж. Вошнякъ, 214.
Асіевъ, поруч., 1863 г., 651.
Асипъ, Адамъ, чл. польск. жюнда, 1863 г., 269, 482.
Астафьевъ, фл.-адъют., 118.
Ашъ, бар., арханг. гражд. губернат., 1806 г., 89.
Аванасій, Вольховскій, еписк. тверск. 1763 г., внослѣд. митрон. ростовск., 27, 28.
Аванасій, о., свящ., 1830 г., 539, 540.
Аванасьевъ, И. П., полковн., смотр. варшавск. воен. госпиталя, 1853 г. Смысла на сообщ. имъ рассказы, 221—230.

Б.

Баграціонъ, кн., 1849—1852, 725.
Базилевскій, Ив. Ѳеодор., откупщ., 643, 644.
Балаширевъ, шутъ, 1732 г., 402.
Балахникъ, Степанъ, сторожъ, 1812 г., 738.
Балашовъ, Алсд. Дмит., ген.-адъют., мн-рь полиціи, 1811 г., † 1837 г., 90, 91, 712.
Вальцеръ, 1863 г., 269.
Вантышъ, подполковн., 1854 г., 127, 128.
Варакай-Омка-Измаиль-бой, предводит. черкесовъ, 1863 г., 495—497.

- Варахъ**, началн. франц. эскадры, 1734 г., 383.
Вараконский, Александръ, чин., † 1863 г., 278.
Вараконъ, гр., ген.-адъют., 1864 г., 678.
Варатинскій, Евген. Абрамов., поэтъ, † 1814 г., 299—319, 733.
Варсоовъ, Никл. Ив., проф., 3, 16, 179, 183.
Вартъ, дѣвнцъ, 1863 г., 493.
Вартиносій, кн., Алсд. Ив., памѣстн. кавказск., 1856 г., ген.-фельдм., р. 1814 † 1879 г., 43—47, 653.
Васнаковъ, Михаилъ, 1764 г., 27.
Васселитчъ, гр., голишинск. послан. при рус. дворѣ, 1724 г., 365—369.
Ваумгартенъ, полковн., 1863 г., 77.
Вауръ, ген.-поруч., 1702 г., 363.
Вобутовъ, кн., варшавск. комендантъ, 1863 г., 275, 705.
Веданжуръ, ген.-лейт., 115.
Вейне, К. А., архитект., 725.
Вежеръ, гр., адъют. эрцгерц. Иосифа, палатива венгерск., 1801 г., 330.
Венетовъ, П. П., ссылка на составл. изданія: «Портреты именитыхъ мужей рос. церкви», 34.
Веничъ, кн., 1812 г., 710, 713.
Венкеръ, Эрнестъ, слесарь, † 1863 г., 278.
Вельгардтъ 2-й, ген.-лейт., 1864 г., 667.
Вельфонъ, полк. франц. служ., 1734 г., 383.
Вемъ, предводит. венгерцевъ, 1849 г., 80.
Венкендорфъ, гр., Алсд. Христоф., ген.-адъют., р. 1783 † 1844 г., 124, 291.
Фонъ-Венкендорфъ, Г. П., об.-коменд. ревальск., 1769 г., 193.
Вентзовежій, майоръ, 1863 г., 72, 73, 650.
Вергъ, Никл. Вас., Записки его: «Польское возстаніе въ 1863—1864 гг.». Главы VIII—X, 59—84; 259—290; 481—504; 647—702; упом. 703—705; 740, 741.
Вергъ, гр., Фед. Фед., ген.-фельдм., памѣст. Цар. Польск., р. 1794 † 1874 г., 64, 78, 79, 259—290, 484—494, 647—691, 703—706, 741.
Вереза, повстанецъ, 1863 г., 660.
Верезе, Адольфъ Петр., предсѣд. мавзаск. археограф. ком., 58.
Верлицъ, Іованъ, сербск. писат., 1838 г., 466.
Вестушевъ-Рюминъ, гр., Алексѣй Петр., тн. сов., кабин.-ми-ръ, впослѣд. канцлеръ, р. 1693 † 1766 г., 1—22, 393, 394, 409, 568, 577, 594, 610, 615, 624.
Вестушевъ-Рюминъ, Б. Н., проф., ссылка на его статью: XXV-ти лѣтіе «Исторіи Россіи С. М. Соловьева», 544.
Вестушевъ-Рюминъ, гр., Мих. Петр., 409, 613, 622.
Вестушевъ, Алсд. Алксдр., 1824 г., 300—311, 520, 732, 733.
Вестушевъ, Мих. Алксд., декабр., † 1871 г., 306, 520.
Ветхеръ, 1825 г., 519.
Вещій, Ив. Ив., ген.-поруч., камерг., р. 1704 † 1795 г., 609.
Вибиковъ, Алксд. Ильичъ, ген.-анш., 1774 г., 200.
Вибиковъ, Дмт. Гавр., владим. вице-губернат., впослѣд. директ. деп. внутн. торгов., 552—554, 560.
Вибиковъ, Гавр. Гавр., 560.
Вибиковъ, Илья Александр., инженер.-ген.-поруч. р. 1693 † 1784 г., 409.
Вибиковъ, Илья Гавр., виленскій ген.-губернат., 1853 г., 560.
Видеръ, Леонъ, 1863 г., 486, 487.
Виронъ, Густавъ (братъ регента), команд. Измайловск. полка, 1740 г., 573, 577.
Виронъ, Іованъ-Эрнестъ, герц. Курлянд., регентъ рос., р. 1690 † 1772 г., 1, 212, 335, 336, 359—410, 567—583, 622, 624.
Виронъ, Петръ (сынъ регента), р. 1724 † 1800 г., 573.
Вирюмовъ, 1825 г., 313.
Висмартъ, кн., германскій канцлеръ, 689—691.
Влашювскій, Днъ, 1863 г., 277, 285.
Влаку, дозорецъ, † 1863 г., 278.
Вобровииковъ, прапорц., 1863 г., 67.
Вобровскій, Стефанъ, чл. польск. народн. жонда, † 1863 г., 73, 266.
Вогуславскій, дс. ст. сов. Разсказы и анекдоты изъ его Записокъ, 103—124; 231—240; 545—561; упом. 352, 353, 737.
Вогуславскій, Владиславъ, студ. варшавск. Главн. школы, 1864 г., 674.
Вогущъ (Дзяснотъ), нач. польск. бандъ, 1863 г., 74.

Воденштедтъ, Фридрихъ, писат., 1862 г.,
ссылка на его перев. на нѣм. языкъ
соч. Лермонтова, 363, 364.

Водяницкій, Осипъ Максимов., проф.
Московс. унив., р. 1808 † 1877 г.
Материалъ къ его биографіи: Письма и
донесенія его изъ земель западныхъ
славянъ, 461—480.

Войчичинскій, Янъ, 1863 г., 488.

Вонзевскій, ссылка на нарисован. изъ
«Галерея Гоголевскихъ типовъ», 174,
175.

Водоткинъ, пннежскій исправникъ,
1826 г., 98.

Вошафу, полковн., 603.

Воневаль, 1736 г., 368.

Вонольди, Ахиллесъ, виленск. обыватель,
1863 г., 504.

Вонфортъ, англ. ружейникъ, 1862 г., 508.

Вонча-Влащичинскій (Томашевскій), Кон-
радъ, воен. нач. плочк. воеводства, †
1863 г., 73, 74.

Воргстремъ, майоръ, 1863 г., 65.

Воршенциій, Болеславъ, 1863 г., 672.

Ворисовъ, отставн. полковн., окружн.
начальн., 1843 г., 645.

Воровскій, Григорій, крестьян.-бунтовщ.,
1842 г., 627—645.

Воровкинъ, М. Θ. Сообщ. «Молитва
воинновъ-полкововъ въ Х вѣкѣ», 340—341.

Восажевичъ, Осипъ, судебный аликантъ
въ Варшавѣ, † 1863 г., 278.

Восажъ, нач. польск. бандъ (см. Гаузе,
гр. Юсифъ).

де-Вотта, маркизъ, австр. послан. при
рус. дворѣ, 1741 г., 584—589, 597, 618,
614.

Вотка, проф. чешск. яз., 1837 г., 465.

Вошнякъ, Анна Данилов., рожд. фонъ-
Шредерсъ, 212.

Вошнякъ, Анна Карловна, въ замуж.
Дивари, 213.

Вошнякъ, Анна Констант., 214.

Вошнякъ, Екат. Дит., рожд. Чернева, 214.

Вошнякъ, Елисавет. Констант., 214.

Вошнякъ, Марія Ин., въ замуж. Дун-
кертъ, 212.

Вошнякъ, Надежда Александр., рожд.
Аже, 213.

Вошнякъ, Надежда Карловна, 213.

Вошнякъ, Надежда Констант., 214.

Вошнякъ, Софья Ин., въ замуж. Гей-
кинъ, 212.

Вошнякъ, Алексд. Карл., вице-презид.
Молдаво-Валахскаго дивана, 1829 г.,
р. 1787 † 1831 г., 213—215.

Вошнякъ, Алексдр. Констант., участков.
миров. судья перехтск. судебн. округа,
214.

Вошнякъ, Вас. Констант., 214.

Вошнякъ, Пав. Карл., штб.-кап., 213, 214.

Вошнякъ, Ин. Констант., полковн., сара-
товск. комендантъ съ 1771—1788 г., р.
1717 г., 199—212.

Вошнякъ, Карлъ Ин., премьеръ-майоръ,
1794 г., 212, 213.

Вошнякъ, Констант. Карл., костромск. гу-
бернск. предвод. дворян., 1848 г., р.
1790 † 1863 г., 211, 213, 214.

Вошнякъ, Никл. Ин., подполковн., по-
лочій городничій, 212, 213.

Вошнякъ, Никл. Констант., отставн. морск.
офиц., 214.

Врантъ, Вильгельмъ, 1812 г., 94.

Времзель, полковн., 1863 г., 68.

Вржевицскій, Брониславъ, предсѣдат.
польск. революц. комит., 1864 г., 647
671, 679, 680, 684.

Вржововскій, Юсафатъ, чл. варш. госуд.
сов., 1863 г., 65.

Вржосна, Станиславъ, ксендзъ, начальн.
польск. банды, † 1864 г., 668, 669.

Вриль, гр., саксонскій первый мн-ръ,
1741 г., 585, 594.

Врисморъ, гражд. губернат. въ Геор-
гиевскѣ, 1812 г., 710.

Вриттъ, Донатъ, Сообщ. замѣтку:
«Гр-ня К. П. Клейнмихель», 737.

Вромъ, К. О., художн. Рисов. на деревѣ
портреты: Н. В. Гоголя, 1; митроп.
ростовск. Арсенія Мацѣевича, 177;
архіеп. Иркутск. Иринея, 359; упом. 34.

Врюдловъ, Карлъ Павл., проф. акаде-
мій худ., † 1852 г.; письмо его къ
Ф. А. Моллеру и В. И. Григоров-
вичу, 723—728.

Врюсъ, гр., Алексд. Романов., 1739 г., 371.

- Врижскій**, Яковъ Григорьев., артистъ, 1831 г., † 1853 г., 742.
- Вухатовичъ**, полковн., 1863 г., 70.
- Вулгатовъ**, офиц. Московск. полка, 230.
- Вулгарникъ**, Фаддей Венедиктов., писат.; р. 1789 † 1859 г., 298, 307—315, 729, 730.
- Вутурлицъ**, гр., Алсд. Борисов., фельд-марш., р. 1694 † 1767 г., 409.
- Вучиновскій**, Леопольдъ, 1863 г., 272.
- Вычговъ-Ростовскій**, кн. Андрей Матвѣевичъ, 162.
- Вычговъ-Ростовскіе**, князья, 162.
- Вычгова**, Елена Мнх., въ замуж. кн-ня Оболенская, 162.
- Вычгова**, Людмила Александр., въ зам. Полюбанова, 162.
- Вычгова**, Марса Игнатъевна, въ замуж. Апраксина, 162.
- Вычгова**, Надежда Петр., рожд. кнж. Сманлѣва, 162.
- Вычгова**, Ольга Владимр., въ замуж. герцогиня де-Лоржъ, 162.
- Вычгова**, О. М., рожд. Семека, 162.
- Вычгова**, Татьяна Серг., рожд. кнж. Гагарина, 162.
- Вычговъ**, Алсд. Львовичъ, † 1879 г., 162.
- Вычговъ**, Асд. Федор., акад. Сообщ. Письмо А. Ф. Мерзлякова къ П. А. Новикову, 1817 г., 349, 350; упом. 162, 523.
- Вычговъ**, Игнатій, 162.
- Вычговъ**, Мнх. Николаев., 162.
- Вычговъ**, Филиппъ, воевода, 162.
- Вычговъ**, Ф. Сообщ. письмо Екатерины II къ У. Я. Ланской, 1784 г., 151.
- Вѣдлинскій**, Виссаріонъ Григор., писат.; р. 1810 † 1848 г., 173.
- Вѣлковъ**, Яв. Дмит., проф. Сообщ. «Слово расколочителя Денисова», 523—537.
- Вѣкомскій**, Войтъхъ, чл. польск. жовда, 1863 г., 269.
- Вюффонъ**, натуралистъ, 216.

В.

- Вавръ**, нач. польск. банды, 1863 г., 61—66.
- Валевскій**, М. С. Записки его: «Волненія крестьянъ въ Зауральской части Пермскаго края, въ 1842—1843 гг.», 411—432, 627—646.

- Валигуровскій**, гр., генер., люблинск. воевода, † 1863 г., 84.
- Валиксъ**, 1737 г., 389.
- Валуевъ**, полковн., 1863 г., 61—66.
- фонъ-Валь**, ген.-майоръ. Сообщ. замѣтку: «Графъ Ф. Ф. Бергъ, 7-го сент. 1863 г.», 703—706; упом. 273, 274.
- Ванъковичъ**, помѣщ., 1863 г., 289.
- Василевичъ**, Нв., дозор., 1863 г., 285.
- Васильевъ**, Н. С., проф., 1836 г., 462.
- Васильчинцовъ**, А. А. Сообщ. замѣтку «Исчезновеніе Историческаго Музея въ Новгородѣ», 563, 564.
- Васильчинцовъ**, кн., Викторъ Иллар., ссылка на замѣтку по поводу разсказа: «А. Н. Карамзинъ, 1864 г.», 125, 136.
- Вахтотъ**, нижен.-поруч., 1767 г., 102.
- Вашковская**, Клотильда, 1864 г., 697, 698.
- Вашковскій**, Александръ, кандидатъ Слб. унив., участн. въ польск. возстаніи, 1863 г., † 1865 г., 647, 670—700.
- Ведерликовъ**, В. Сообщ. замѣтку: «Заводовладѣлецъ Александръ Яковлевъ», 1828 г., 169.
- Велешпольскій**, маркизъ, гр. Гозваго-Мышковскій, нач. гражд. управл. въ Варшавѣ, 1862 г., р. 1803 † 1877 г., 259, 260, 267, 285, 481, 490.
- Величшовскій**, сообщ. замѣтку: «Миниме поджигатели въ Костромѣ въ 1847 г.», 341—346.
- Вельяминовъ**, 1730—1740 г., 409.
- Веневитиновъ**, писатель, 733.
- Венециановъ**, Алексій Гавр., акад., первый русск. бытовой живопис., р. 1780 † 1846 г. Ссылка на написан. пмъ портр. Н. В. Гоголя, 172, 173.
- Веніаминъ** (Пуцекъ-Григоровичъ), еписк. нижегородск., 1749 г., 197.
- Венюковъ**, Мнх. Нв., ссылка на «Воспоминанія о заселеніи Амура въ 1857—1858 гг.», 740.
- Веселовскій**, И. С., проф., 1836 г., 462.
- Вешняковъ**, Герасимъ, сотскій, 1765 г., 86.
- Вигаль**, Ф. Ф., тн. сов., р. 1786 † 1856 г., ссылка на его «Записки», 153.
- Видальскій**, сен. полотерь, 1863 г., 493.
- Виллбоа**, адмиралъ, 364.
- Виллбоа**, Елсав. Нв., супруга адмира-

- ла, рожд. Глокъ, первая статсъ-дама при рос. дворѣ, 364.
- Вилленевъ**, маркизъ, франц. министр, 1737 г., 389.
- Вилье**, баронетъ, Яковъ Васил., дет. тв. сов., лб.-медикъ, 112, 113, 709.
- Вильгоцкій**, штб.-ротмистръ, 1863 г., 706.
- Вильчицкій**, Францискъ, † 1864 г., 669.
- Винкъ**, Е. И., офиц., † 1854 г., 131.
- Висковатовъ**, Алексд. Вас., воен. писат., ссылка на рукоп. гр. П. И. Панина «Замѣчанія на Записки ген. Манштейна о Россіи», 360.
- Висковатовъ**, Конст. Алексдр., сообщ. рукопись: «Замѣчанія на Записки генерала Манштейна о Россіи», 360—410; 567—626.
- Висковатый**, Пав. Александр., Сообщ. матеріалы къ биографіи М. Ю. Лермонтова, 353—358.
- Висневскій**, влотно., участн. въ польск. бандѣ, † 1863 г., 73, 74.
- Витенгофъ**, Пав. Фед. Ссылка на его очеркъ: «Андрей Николаевичъ Карамзинъ, 1854 г.», 125—136.
- Витбергъ**, Алксдр. Лаврен., акад., строит. храма Христа Спасителя въ Москвѣ, р. 1787 † 1835 г., 256, 258.
- Витковскій**, ген.-майоръ, президентъ гор. Варшавы, 1864 г., 677, 678.
- Витковскій**, см. Кольбе 2-й.
- Витте**, гр., генер.-лейт., 1826 г., 213.
- Витте**, Юлія Федор., директ. департ. въ Тифлисѣ, 1864 г., † 1868 г., 51.
- Вихертъ**, обыватель города Варшавы, † 1863 г., 278.
- Владычанскій** (Заремба), бывш. офиц. генер. штаба, вполсѣд. предводит. повстанц., † 1863 г., 649.
- Владко**, нач. польск. банды, 1863 г., 68.
- Влентовскій**, Владиславъ, 1863 г., 273, 274, 486, 487.
- Воейковъ**, Алсд. Федор., писат., р. 1773 † 1839 г., 309, 314.
- Войцеховичъ**, А. И., ссылка на «Резолюцію архіеп. пркутск. Иринея», 562.
- Волковъ**, Дмит. Вас., тайн. секрет. Петра III, р. 1718 † 1785 г., 14.
- Волжонскій**, кн., Петръ Мих., ген.-адъют., мн-ръ двора, р. 1776 † 1852 г., 219—231, 550, 551, 556.
- Волоцкій**, Іосифъ, 1763 г., 11, 15.
- Волжскій**, кн., Артемій Петр., об.-штабмейст., ген.-анш., кабинет. мн-ръ, р. 1689 † 1740 г., 890—392, 409.
- Волынский**, Артуръ, ксендзь, секрет. директ. иностр. дѣлъ, 1863 г., 490, 675.
- Волынцевъ**, 1817 г., 349.
- Вольский 1-й**, † 1863 г., 65.
- Вольский 2-й**, см. Дункичъ.
- Вольтеръ** (de Voltaire), писат., р. 1697 † 1778 г., 184—186, 196.
- Воронцовъ**, подпоруч., 1863 г., 651.
- Ворожцовъ**, гр., Мих. Иларіонов., госуд. канцл., р. 1714 † 1767 г., 595.
- Ворожцовъ**, кн., Мих. Сем., кавказск. наиѣстн., ген.-фельдм., р. 1781 † 1856 г., 46, 291—294, 302, 310, 347—349.
- Вратиславъ**, гр., воен. мн-ръ, 1730 г., 377.
- Вревская**, бар-са, Евпраксія Николаевна, рожд. Вульфъ, 296—304.
- Вронченко**, гр., Фед. Павл., дс. тв. сов., мн-ръ финанс., † 1852 г., 239, 240, 559.
- Врублевская**, Александра, 1864 г., 674.
- Врублевскій**, Валерій, полковн., нач. польск. банды, 1863 г., 665, 668, 672, 689.
- Всезоложскій**, 1824 г., 300, 311, 312, 325.
- Вульфъ**, Алексій Никл., студ. Дерпт. унив., 1824 г., 296—328, 506—519.
- Вульфъ**, Анна Никол., 1824 г., 296—328, 505—519.
- Вульфъ**, бар., Б. А., 296.
- Вульфъ**, Евпраксія Никол., въ замуж. бар-са Вревская, 296—304.
- Выдрикевичъ**, помѣщ., участн. въ польск. бандѣ, 1863 г., 80, 81.
- Высотскій**, докторъ, 1841 г., 116.
- Высоцкій**, Осипъ, 1863 г., 486, 487.
- Вяземскій**, кн., Алсд. Алексѣев., гев.-прокур., р. 1727 † 1793 г., 187—193.
- Вяземскій**, кн., Петръ Андр., товарищъ мн-ра народн. проsv., 1857 г., писат., р. 1792 † 1878 г., 301—325, 729, 733.
- Вязмитановъ**, гр., спб. главнокомандующій, 1812 г., 713.
- Вязмитановъ**, А. А. Сообщ. замѣтку: «Каракальское дѣло 16-го мая 1854 г.», 125—136.

Г.

- Гавалкевичъ, 1864 г., 679.
 Гавриилъ (Банулеску-Бодоми), митроп. киевскій и хотинскій съ 1813—1821 г., 714.
 Гавриилъ (Бужинскій), архіер. рязанск., 1727 г., 32.
 Гавриилъ (Вас. Ник. Воскресенскій), архимандр., проф. богослов. Казанск. ун-в., 1835 г., † 1849 г., 714.
 Гавриилъ (Петровъ), еписк. тверск., 181.
 Гавриилъ, спб. митрополитъ, 182, 189.
 Гагарина, княж. Татьяна Сергѣевна, въ замуж. Вычкова, 162.
 Гагаринъ, княж., Серг. Серг., директ. спб. театровъ, 1832 г., 742.
 Гадмейстеръ, полк., 1863 г., 68.
 Гай, Людевитъ, 1840 г., 470.
 Галекзовскій, Северинъ, докт., офиц., генер. штаба, 1863 г., 492, 679.
 Галадей, Н. М., тов. мн-ра государ. нмуш., 1850 г., 556.
 Галзеръ, архангельскій об.-комендантъ, 1767 г., 102.
 Ганке-фонъ-Ганкенштейнъ, бібліотекаръ Чешск. Народн. музеи, 1837 г., 465, 466, 474.
 Ганнибалъ, Абрамъ Петр., ген.-майоръ, (араль, любимый деньщикъ Петра Вел.), 311.
 Ганнибалъ, Надежда Осипов., въ замуж. Пушкина, 294, 298, 324.
 Ганнибалъ, Петръ Абрамов., генер.-майоръ, 298.
 Ганушъ, Казиміръ, 1863 г., 490—494.
 Гарибальди, 1863 г., 77, 497—500.
 Гасгофтъ, 1863 г., 67.
 Гаузе, гр., Иосифъ (Босакъ) полковн. рус. служ., вполнѣд. началн. польск. баяндъ, 1863 г., † 1870 г., 647—668, 680.
 Гаузе, гр., Людвигъ, 1830 г., 653.
 Гаузе, гр., Маврикій, состоящ. въ должн. воен. мн-ра, † 1830 г., 653, 654.
 Гаузе, гр.-ин., въ замуж. за герцог. Гессенъ-Дармштадтскимъ, 653.
 Ге, Н. Н., художн., упомяв. объ его картинѣ, 306.
 Гедеоново, Алекс. Мих., дс. тн. сов., директ. спб. театровъ, 1833 г., 742.
 Гедеонокъ (Кривовскій), еписк. псковск., 1762 г., 24.
 Гейденрейхъ, Михаилъ—см. Кружъ.
 Гейшицъ, Софья Ив., рожд. Вошвакъ, 212.
 Гейшицъ, Христоф. Ив., генер.-поруч., московск. комендантъ, 212.
 Гейдриховы, графы, 364.
 Геннади, Г. Н., 730, 731.
 Геннадій, архимандр. угличскій, 1764 г., 28, 189.
 Гербель, Н. В., 730—732.
 Герддорфъ, бар., ген.-майоръ, 1812 г., 93.
 Гершицъ, лекторъ нѣм. яз., 1837 г., 432.
 Германи, Бертольдъ (Матушевскій), докторъ, агентъ варшавск. тайной полиціи, † 1863 г., 259, 281, 282, 488, 677.
 Герценъ, Алекс. Алекс., профес., 252.
 Герценъ, Алсх. Ив., 244—255, 485.
 Герценъ, Натал. Алсдр., 250—255.
 Герценъ, Ольга Алсдр., 250—255.
 Герцъ, бар., генер. шведск. служ., 1741 г., 866, 602.
 Гессель-Гомбургскій, принцъ, 375.
 Гиллеръ, Агаеонъ, ссылка на его «Записки о польскомъ возстаніи», 66, 76, 80, 268, 482, 484, 491, 658, 667, 669, 674, 679, 680.
 Гиацинтовъ, Никл. Ив., учит. саратовск. духовн. учил., 1830 г., 433, 435, 438.
 Гладковъ, Данила, крестьян., 1782 г., 338, 389.
 Глазенацъ, адмир., вполнѣд. воен. губернат. въ Николаевѣ, 727.
 Глинна, Мих. Ив., композит., р. 1804 † 1857 г., 321, 520.
 Глѣбовъ, Алсх. Ив., ген.-прокур., р. 1734 † 1799 г., 18.
 Глѣбовъ, офиц., 853.
 Глюкъ, Елисавет. Ив., въ зам. Виллбон., статсъ-дама, 364.
 Глюкъ, Иванъ, маріенбургскій лютеранск. пасторъ, 1702 г., 362—364.
 Гиддичъ, Никл. Ив., писат., 300—312.
 Гоголь, Никл. Вас., писат., р. 1809 † 1852 г., 172—176, 723, 730.
 Годабокскій, 1863 г., 503.
 Гошкинскій, 1863 г., 61.

Голенищевъ-Кутузовъ, гр., ген.-адъют.,
† 1843 г., 124.
Голыцына-Суворова, К., 1825 г., 315.
Голыцынъ, кн., 1774 г., 200, 203, 207.
Голыцынъ, кн., Алс. Никл., мн-ръ на-
рода, просьв. и об.-прокуроръ синода,
р. 1773 † 1844 г., 113, 114.
Голыцынъ, кн., Никл. Борис., ссылка
на статью его: «Повѣзда въ полуденную
Россію», 350.
Голыцынъ, кн., Н. Н. Сообщ. замѣтки:
Кн. Бор. Ив. Куракинъ. Левинзонъ.
Инокентій, архіеп. херсон. и таврич.
Проф. О. М. Бодянский, 160—162; Свято-
горскій монастырь въ Харьковск. губ., 350.
Голіанъ, всендѣвъ, 1864 г., 683.
Головинъ, гр., Никл. Ѳедор., 1740 г., 580.
Головкина, гр-ня, Екат. Ив., рожд. кнж.
Ромодановская, 571, 603.
Головкина, гр-ня, въ замуж. Лопухи-
на, 613, 614.
Головинъ, гр., Гавр. Ив., кавал., р. 1660
† 1734 г., 409.
Головинъ, гр., Мих. Гавр., вице-канцл.,
1740 † 1755 г., 570—600, 613.
Головцовъ, ген.-майоръ, арханг. губер-
наторъ, 1765 г., 86, 101, 102.
Голохвастовъ, Дмит. Пав., помощн. по-
печит. Московск. учебн. окр., 1837 г.,
463, 476.
Голубевъ, подполковн., 1863 г., 71, 651, 662.
Голышевъ, Ив. Алсд., почетн. гражд.,
археологъ, р. 1838 г. Ссылка на его
«Воспомнанія», 721, 722.
Гольдманъ, Артуръ, студ. варшавской
Главной школы, 1863 г., 490.
Гольмбергъ, И., офиц., 1854 г., 135.
Горбачевскій, И. П., декабр., 305.
Горбуновъ, Ив. Ѳед., артист. Ссылка
на сообщ. нмъ «Журн. путевой 1697—
1699 гг.», 160.
Горбуновъ, К. А., 1843 г., 173, 174.
Гордокъ, Левъ. Сообщ. замѣтку: «Ле-
винзонъ и Левинзонъ», 159.
Горчаковъ, кн., Алексій Ив., ген.-отъ-
инфант., военный мн-ръ, р. 1769 † 1817 г.,
710.
Горѣловъ, подполковн., 1863 г., 60, 649.
Горанковъ, поруч., 1863 г., 704.

Гостюмовскій, см. Тиссонъ.
Готманъ, ген.-лейт., директ. инстит. кор-
пуса пут. сообщ., 1843 г., 547.
Готье, франц. артистъ, 111.
Гохгаузеръ, 1863 г., 677.
Гохмутъ, 1730—1740 г., 409.
Грабовскій, гр., Адамъ, камергеръ прусск.
двора, 1863 г., 654.
Грабовскій, Владиславъ, 1863 г., 76.
Гралевскій, Матвѣй, 1863 г., 492.
Грамматикъ, правит. російск. канцел.
принца Брауншвейг., 1740 г., 572, 573.
Грамовскій, Тимоѳ. Никл., проф. Мо-
сковск. унив., 173, 253, 256.
Грежижскій, нач. польск. банды, 1863 г.,
68, 69.
Гречъ, Никл. Ив., писат., р. 1787 † 1867 г.,
115, 298, 315.
Гржижала, нач. польск. банды, 1863 г.,
62, 80, 84.
Грибодовъ, Алексд. Серг., писатель,
р. 1794 † 1829 г., 308, 310, 312, 741, 742.
Григоровичъ, Вас. Ив., конференцъ-се-
крет. акад. худож., 1850 г., 725—729.
Григоровичъ, Викторъ, экстра-ординар-
ный проф. Казанск. универс., 1848 г.,
475—480.
Григорьевъ, дс. ст. сов., костром. гражд.
губернат., 1847 г., 345.
Гриммъ (Frédéric-Melchior baron de
Grimm), ст. сов., полномочн. мн-ръ
Россіи при Нижне-Саксонскомъ округѣ,
1795 г., р. 1723 † 1807 г., 216.
Гриммъ, дс. ст. сов., воспит. Вел. Кн.
Константина, Николая и Михаила Ни-
колаевичей, съ 1835—1852 гг., † 1878 г.
Ссылка на его «Записки», 158.
Гришинъ, полковн., 1863 г., 278.
Грольшанъ, генер. прусской службы,
† 1843 г., 123.
Гроссшопфъ, воспит. корпуса пут. общ.,
1843 г., 546, 547.
Гротъ, Я. Карл., акад., ссылка на его
статью: «Элизодъ пѣз Пугачевщины»,
199—205; упом. 185.
Губаревъ, 1816 г., 214, 215.
Гугель, преподаватель, 155.
Гузовская, Эмилія, 1864 г., 675.
Гузовскія, дѣвцы, 1863 г., 493, 494.

- Гуляевъ, С. П., сообщ. заявленіе: «Покража kota», 1812 г., 738.
 Гурьевъ, А., 732.
 Гурьевъ, П. Г., пермск. волости. писарь, 1842 г., 411.
 Гурьевъ, гр., Дит. Алд., дс. тв. сов., мн-ръ финансовъ, р. 1751 † 1825 г., 234, 552, 556.
 Гурьевъ, преподаватель, 155.
 Гусева, артистка, † 1853 г., 742.
 Густавъ IV Адольфъ, кор. шведскій, р. 1778 † 1837 г., 329—335.
 Гуттри, Александр., познанскій помѣщ., 1863 г., 503, 679, 680, 693.
 Гучковскій, Игнат., доворецъ, 1863 г., 285.
 Гущинъ, надворн. сов., 1847 г., 218.

Д.

- Давыдовъ, Денисъ Васил., ген.-лейт., партизанъ и поэтъ, р. 1784 † 1839 г., 309, 349.
 Давыдовъ, проф., 1836 г., 462.
 Дамаскинъ, костром. еписк., 1763 г. 3—5, 20, 21.
 Даклювскій, Владиславъ, членъ жонда студентъ, 1863 г., 671, 680.
 Даклювскій, Григорій, чешскій проф., 1838 г., 466.
 Дебрины, 1730—1740 г., 409.
 Дели, П. П., ссылка на его рассказъ «Картофельный бунтъ въ Пермской губ., въ 1842 г.», 411.
 фовъ-Дезевъ, адмир., арханг. воен. губернат., 1810 г., 90.
 Дейбнеръ, московск. книгопродав., 1842 г., 473.
 Делакруа, участникъ въ польск. бандѣ, 1863 г., 72, 73.
 Деламоттъ, бригад. франц. служ., 1734 г., 383.
 Де-ла-Шетарди, маркизъ, франц. посл. при рус. дворѣ, 1742 г., 591—615.
 Дельянгъ, бар., Антонъ Антонов., писат. р. 1798 † 1831 г., 300—325, 733.
 Демянскій, Евгенийъ, см. Жачковскій.
 Демидовъ, Анатолій Николаев., кн. Санъ-Дonato, 1846 г., 724.
 Демидовъ, Никита, горно-заводч., 1735 г., 35—41.
 Демонтовичъ, шведск. агентъ польскаго жонда, 1863 г., 503, 694.
 Демисовъ, Андрей, расколоучит., 523—537.
 Державинъ, Гавр. Романов., писат., р. 1743 † 1816 г., 199—210.
 Де-Саксъ, гр., 1742 г., 612.
 Десуръ, польск. помѣщ., 1863 г., 84.
 Дзюбенко, Вас. Аван. Сообщ. свои «Воспоминанія, 1829—1876 гг.», 43—58.
 Дзьялинскій, гр., Явѣ, 1863 г., 498, 503.
 Дибичъ-Забалканскій, гр., Ив. Ив., фельдмарш., р. 1785 † 1831 г., 219.
 Дивари, Анна Карл., рожд. Бошнякъ, 213.
 Дина, Козьма Егоров., ген.-майоръ, нинѣ ген.-лейт.; ссылка на замѣтку по поводу разсказа «А. Н. Карамзинъ, 1854 г.», 125—131.
 Дмитрій, протоіерей зарайскій, 1608 г., 708.
 Дзавеничъ, Іосифъ, столяръ-штылетникъ, 1863 г., 282—285, 488, 489.
 Дзотовскій, 1863 г., 267.
 Дмитріевъ, Ив. Ив., писат., дс. тв. сов., р. 1760 † 1837 г., 313.
 Дмитріевъ, М., 1825 г., 307.
 Дмитріевъ, купеческій сынъ, 1843 г., 124.
 Добецкій, Марьянъ, 1863 г., 702.
 Добосевичъ, рѣзничиха, 1864 г., 697, 699.
 Добровольскій, полковн., 1863 г., † 1877 г., 656, 662, 663.
 Добрончевъ, ст. сов., бригадъ-майоръ, 1820 г., 108.
 Доброхотовъ, Б. И., корреспонд. 1868 г., 721, 722.
 Добрежій, Игнатій, вач. польск. отряда, 1863 г., 69.
 Добрышинъ, майоръ, 1863 г., 660.
 Долгорукая, кнж., Екат. Алексѣевна, вторая невѣста Петра II, 1730 г., впоследствии въ замуж. гр-ня Брюсъ, 371.
 Долгорузій, кн. Алексій Григор., дс. тв. сов., чл. верховн. тайн. сов., † 1734 г., 371—374.
 Долгорузій, кн., Вас. Вас., дс. тв. сов., об.-штабмейст., 1842 г., 548—551.
 Долгорузій, кн., Васил. Владимір., ген.-поруч., рус. посолъ въ Варшавѣ, 1721 г.,

впослѣд. фельдмарш., р. 1667 † 1746 г., 375, 376.

Долгорукій, кн., Василій Лукичъ, чл. верховн. тайн. сов., †1739 г., 375.

Долгорукій, кн., Григор. Фед., рус. послап. въ Варшавѣ, 604.

Долгорукій, кн., Иванъ Алексѣев., об.-камерг., любимецъ Петра II, р. 1708 † 1739 г., 371.

Долгорукій, кн., Серг. Григор., †1739 г., 371.

Долгорукій, кн., 1838 г., 231.

Домбровский, нач. польск. банды, 1863 г., 60, 61.

Домбровский, Брониславъ, 1863 г., 284.

Домбровский, Осипъ, слесарь, 1863 г., 488, 489, 654, 655.

Домбровский, Ярославъ, штб.-канцл., чл. централън. польск. комитета, 1862 г., 647, 673, 687—689.

Докецъ-Жмільницкій, майоръ, 1863 г., 68, 69.

Древицъ, полковн., 1774 г., 207.

Дроздовичъ, комиссаръ, 1863 г., 278.

Дроздовскій, поруч., 1863 г., 60.

Друцкой-Любецкій, князь, Ксаверій Францовъ, дс. тн. сов., мн-ръ фпнанс. Царства Польск., р. 1777†1846 г., 116, 234, 239, 240.

Друцкой, 1863 г., 267.

Друцкъ-де-Луж, франц. мн-ръ иностр. дѣлъ, 1863 г., 491.

Дрыль, 1864 г., 672.

Дубянский, Фед. Яковл., протопресвит., духовн. вмп-цы Екатерины II, 1763 г., 12—14, 22.

Дудичъ, Андрей, арханг. бургомистръ, 1767 г., 102.

Дума, Александра Ильинишна, въ замуж. Барамзина, 737.

Дума, Илья Мих., генер., 1812 г., 737.

Думасовъ, есаулъ, 1863 г., 66, 67.

Думаевскій, ксендзь, 1863 г., 490.

Дункиъ (Вольскій 2-й), нач. польск. банды, 1863 г., 65, 66.

Дункертъ, Карлъ, морск. офиц., 212.

Дункертъ, Марія Ив., рожд. Бошнякъ, 212.

Дурново, кап.-поруч., 1763 г., 18, 24, 26.

Дурова, кавалеристъ-дѣвица (Александрова), 214.

Дыбовскій, 1864 г., 701.

Дьяконовъ, полковн., 725.

Дюръ, А., артистка, 1820 г., 106.

Е.

Евгеній, митроп., 31.

Евдомя Θεодоровна, париды, рожд. Лоухина, первая супруга Петра I (въ вичествѣ Елена), р. 1669 † 1731 г., 364, 365.

Езераконій, Иванъ, 1863, †1864 г., 670, 681.

Екатерина I, имп-ца, р. 1684†1727 г., 22, 183, 360—372, 406, 605.

Екатерина II, имп-ца, р. 1729†1796 г.

Письмо гр. Бестужеву-Рюмину, 1763 г.

19, 20. Рѣчь, говоренная ею въ синодѣ,

по случаю отчужденія церкви. вму-

ществовъ въ Россіи, 1764 г., 29, 30.

Письмо У. Я. Ланской, 1784 г., 151.

Упом. 2—13, 18—34, 85, 86, 122, 179—

196, 204—209, 216, 219, 329, 362, 409,

599, 605—609, 616, 620, 624, 632.

Екатерина Іоанновна, царевна (дочь царя Іоанна Алексѣевича), въ супруж. за герцог. Мекленбургъ-Шверинскимъ, 1716 г., р. 1691†1733 г., 399, 596.

Елисавета Петровна, имп-ца, р. 1709 †1761 г., 2—22, 183, 184, 190, 359 360, 370—378, 541, 582, 593—624.

Ермоловъ, Алексѣй Петр., ген.-отъ-артил., р. 1777†1861 г., 44, 115, 116, 219.

Еропкинъ, Петръ Мих., гофъ-внтенд. †1740 г., 392.

Есиповъ, Г. В., ссылка на статью о раскольникахъ, 336, 337.

Ефимовскіе, графы, 364.

Ефремовъ, Петръ Алсд. Сообщ.: 1) портр. ростов. митроп. Арсеша Мацѣевича, 34; 2) замѣтку о портр. Н. В. Гоголя, писан. акад. Венециановимъ въ 1834 г., в литографію этого портрета, 172—176; 3) стихотвореніе А. С. Пушкина «Моя родословная», по подлинной рукописи, 729—737; провѣрка и примѣч. къ письмамъ Пушк. 291; 505.

Ефремъ, болгар. архимандр., чл. масонск. ложн, 521.

ЖС.

- Жафрандовскій**, †1864 г., 666, 667.
Жаглановъ, М. И., художн., 724—726.
Жахлинскій, нач. польск. банды, 1863 г., 275.
Жуковский, Вас. Андр., писат., р. 1788 †1852 г., 215, 291—324, 514, 521, 522, 733.
Жулинскій, Романъ, 1863, †1864 г., 490, 492, 493, 670, 682.

З.

- Забѣлинъ**, арханг. губер. прокуроръ, 1825 г., 97.
Загоскинъ, сержантъ, 1765 г., 86.
Загражскій, Артемій Григор., ген.-лейт., 1740 г., 409.
Загражскій, майоръ, 1863 г., 657, 659.
Заклинъ, 1825 г., 325.
Зайцевъ, ген.-майоръ, 1863 г., впоследствии коменд. варшавск. Александровск. цитадели 1864—1876 гг., 276.
Заревскій, гр., Арсеній Андреев., ген.-адъют., москов. воен. ген.-губерн., р. 1783 г., 312, 537, 538, 556.
Заршевскій, Густавъ, пом., 1863 г., 84.
Заливскій, полковн., 266.
Замочна (Цихорскій), Владиславъ-Романъ, нач. польск. банды, 1863 г., 61.
Замойскій, гр., Андрей, 1863 г., 259, 271, 274.
Замойскій, гр., Владиславъ, 1863 г., 501.
Замойскій, гр., Станиславъ, 1863 г., 273—275.
Занисовъ, полковн., 1864 г., 668.
Заремба, см. Владычаножій.
Заряницкій, 1864 г., 672.
Зволинскій, Николай, студ., 1863 г., 280.
Зворыкина, костромск. домовладѣлица, 1847 г., 342.
Звѣревъ, прапорщ., 1812 г., 712.
Звѣревъ, полковн., 1864 г., 666.
Звѣржковский, штетлетникъ, 1863 г., 285.
Здановичъ, полковн., нач. польск. банды, 1863 г., 72, 700.
Зейфридъ, 1863 г., 658.
Зелековъ, Семень, сотскій, 1766 г., 88.
Зелинскій, нач. польск. банды, 1863 г., 84.

- Зельнеръ**, Леопольдъ, варшавск. ремесл., † 1863 г., 290.
Зертисъ-Каженскій, Амвросій, бывш. еписк. переясл., 1762 г., 20, 24, 177.
Зоргеръ, премьеръ-майоръ, 1775 г., 210.
Зуда, секретарь, 1740 г., 392.

И.

- Ивановъ**, Алсд. Андр., художн. живопис., 1841 г., † 1858 г., 723, 726.
Ивелитъ, гр-ня, Екат. Марковна, 1824 г., 301, 304.
Игнатій, тобольск. митропол., 337.
Измайловъ, Алсд. Ефим., баснопис., р. 1779 † 1831 г., 309.
Ивонниковъ, Влад. Степ., проф. кievск. унив. Сообщ. историко-биограф. очеркъ «Арсеній Мацѣевичъ», гл. VI—IX, 1—34; 177—197. Библиограф. листокъ: отзывы о новыхъ книгахъ (на оборотѣхъ книгъ IX—XII).
Илларионъ, казнач. монастыря, 1764 г., 28.
Иловайскій, чиновн., 1830 г., 448.
Ильинская, Елисавет. Никаноровна, рожд. Переверзева, во 2-мъ замуж. Дума, 737.
Ильинская, Елисавет. Петр., въ замуж. Нелюдова, 737.
Ильинскій, П., генер., 737.
Ильцовъ, Ив. Никит., ген.-лейт., новорос. ген.-губернат., 1824 г., р. 1768 † 1845 г., 292.
Инокентій (Нечаевъ), еписк. псковск., 181.
Инокентій, архіеп. херсонск. и таврич., р. 1800 † 1857 г., 137—150, 161, 350.
Инсаровскій, Васил. Антонов., 1856 г., 43, 46.
Иринеѣ (Нестеровичъ), еписк. певзевск. и саранск., впоследствии вркутск., 1831 г., † 1864 г., 562, 712.

І.

- Іажинъ** (Кашперовъ), архимандр. солн-камскій, 1764 г., † 1793 г., 31, 32.
Іажовъ, саратовск. архіер., 1830 г., 443—456.
Іахлачичъ, вroatскій банъ, 232.
Іоаннинскій, еписк. воронеж., 177.

- Иоаннъ Алексѣевичъ**, царь, р. 1666 † 1696 г., 399, 596.
Иоаннъ Антоновичъ, имп., р. 1740 † 1764 г., 187, 190, 194, 361, 394, 396, 568—575, 586, 591.
Иорданъ, Владисл., константиноп. агентъ польск. жонда, нач. банды, 1863 г., 74, 75, 649.
Иосифъ, эрцгерц. австр., палатникъ венгерск., суругъ вел. кнг. Александры Павловны. Письма его къ императ. Павлу Петровичу, 1801 г., 330—336.

Б.

- Бавелинъ**, спб. ген.-губернат., 1844 г., 352, 353.
Бавецкій, Альбертъ, 1863 г., 277, 488.
Байерлинъ, 1740 г., 573.
Балашиновъ, Мих. Ив., управляющ. Пушкинск., 1824 г., † 1858 г., 298—303.
Баллиграфъ, Владим., рект. яросл. сем., † 1760 г., 11.
Балугинъ, волостн. писарь, † 1843 г., 641.
Балье, Эдмундъ, полковн., нач. польск. банды, 1863 г., 76, 668, 669.
Бамышловскій, Григорій, 1842 г., 414, 417, 421.
Банакхинъ, волостн. писарь, † 1843 г., 627, 639—641.
Банерина, гр.-ня, рожд. Муравьева, 239.
Банкринъ, гр., Егоръ Франц., ген.-отъ-инф., мн-рь финанс., † 1845 г., 105, 233—240, 558, 561.
Бантемиръ, кн., Антиохъ Дмитр., писат., р. 1708 † 1744 г., 404.
Бантемиръ, кн., Дмит. Антиохов., молд. господарь, вполнѣд. тн. сов. и сенат. русс. службы, р. 1663 † 1723 г., 211.
Банцлеръ, докторъ, 725.
Банподиэтрия, гр., Ив. Антонов., мн-рь иностр. дѣл, р. 1776 † 1831 г., 292.
Барабановъ, Пав. Федоров., археологъ, р. 1787 † 1851 г. Ссылка на его собраніе рассказовъ, 103, 104.
Бараджитъ, Вука, ученый, 1838 г., 466.
Баракина, Александра Ильиншна, рожд. Дуна, 737.
Баразинъ, Андрей Никл., полковн., † 1854 г., 125—136.
Баразинъ, Владим. Никол., сенат., † 1879 г., 737.
Баразинъ, Никл. Мих., историографъ, р. 1766 † 1826 г., 298, 302, 303, 323, 522, 544, 737.
Баракowitz-Тартмовитъ, Павелъ, бо-снійскій священ., 1839 г., 467.
Баратыгинъ, Василій Андр., артистъ, р. 1802 † 1853 г., 742.
Баратыгинъ, Петръ Андр., артистъ, р. 1805 † 1879 г., 173, ссылка на его «Воспоминанія», 520, 741, 742.
Барвовскій, Станисл., 1863 г., 270 273—275.
Барловичъ, Иванъ, начальн. варшавск. повстанск. полиціи, 1863 г., 277—282, 485—488.
Барль-Фридрихъ, герцогъ Шлезвигъ-Гольштинскій, 1724 г., 366—368.
Барль-Фридрихъ-Ульрихъ, герцогъ Гольштейнъ-Готторпскій, см. Петръ III, императ.
Барль VI, импер. австр., 1730 г., † 1740 г., 371, 377, 409, 570, 583.
Барль XII, кор. швед., 366, 380, 602, 710.
Барль, маркграфъ бранденбургскій, 1730 г., 370.
Барйевъ, В. И., ст.-секрет., 556.
Барцевъ, ген.-маіоръ, 1863 г., 62—64.
Бастрица, каплт., 1843 г., 546, 547.
Батагитъ, Л. М., изслѣдоват. славянск. древностей, † 1825 г., 467.
Батенинъ, Пав. Алсд., драмат. писат., 1836 г., р. 1792 † 1853 г., 742.
Батковъ, Мих. Никифоров., 688, 689.
Бауфманъ, ген.-маіоръ, нач. штаба ниж. управл., 1858 г., 288.
Бафа, маіоръ, 1847 г., 218.
Баховскій, декабр., 108, 109.
Баченовскій, Мих. Трофимов., проф., рект. Московск. унив., 1839 г. и издат. «Вѣстника Европы», р. 1775 † 1842 г., 306, 311, 462—473.
Бачковскій, Евгений (Дембинскій), ниж., 1863 г., 268—271, 490, 492.
Бачковскій, офиц., † 1863 г., 289.
Бегановъ, Арсенъ-султанъ, 1860 г., 48.

- Кайтъ, Яковъ**, генер., 1736 г., впослед.
прус. фельдмарш., † 1758 г., 376, 387,
388, 400, 600, 612, 617—626.
- Каллеръ, Владиславъ**, учен. варшавск.
Главн. школы, 1863 г., 671.
- Калчевскій, чиновн. варшавск.-вѣнска.**
жел. дор., 1864 г., 699, 700.
- Керкъ, Анна Пегр.**, рожд. Полторацкая,
во втор. замуж. Маркова-Виноград-
ская, † 1879 г., 291—328, 505—519.
- Керкъ, Ермолай Ѳедор.**, дивиз. команд.,
318, 505—518.
- Кершковскій, капит.**, 1863 г., 289.
- Киржоръ, Елена**, первая жена Адама
Киркора, 483.
- Киржоръ, Адамъ**, редакт. «Виленскаго
Курьера», 483, 494, 702.
- Киржоръ, Целестина-Марія Іосифовна**,
рожд. Бочковская, 494, 702.
- Киселевъ, гр., Пав. Дмит.**, ген.-адъют.,
ин-ръ госуд. пущ., р. 1788 † 1872 г.,
106, 234, 239, 555—560.
- Клапша, 1863 г.**, 500.
- Клацель, моравск. поэтъ**, 1837 г., 465.
- Клевенскій, ст. сов., предсѣд. деп.**
управы благочинія, 1848 г., 220.
- Клевцовъ, маіоръ**, † 1863 г., 66—70.
- Клеймихель, гр-ня, Клеопатра Петров-**
на, рожд. Ильинская, 737.
- Клеймихель, гр., Петръ Андр.**, ген.-
адъют., главноуправл. путями сообщ.,
218, 221, 231, 545—548, 580, 737.
- Клобуковскій, дрезденск. агентъ польск.**
жонда, 1864 г., 689—690.
- Клобуцкій, 1863 г.**, 702.
- Клоначевъ, контръ-адмир., арханг. воен.**
губернат., 1815 г., 96.
- фонъ-Кнезбежъ, Карлъ-Фридрихъ**, ген.-
фельдмарш. прусск. войскъ, р. 1768
† 1848 г., 690.
- Кобыляноскій, Петръ**, нач. польск. бан-
ды, 1863 г., 481.
- Кобыяновъ, саратовск. куш.**, 1774 г., 209.
- Ковальковъ, А.**, художн., 34.
- Когутовскій, Іеронимъ**, слесарь, 1863 г.,
488, 489.
- Ковелло, Яковъ**, 1863 г., 268.
- Козловъ, вадв. сов., † 1812 г.**, 94, 95.
- Козловъ, Ив. Ив.**, поэтъ, р. 1784 † 1840 г.,
304, 307, 321, 322.
- Козодавлевъ, Осипъ Петр.**, ин-ръ внутр.
дѣлъ, 1806 г., † 1819 г., 90.
- Кожосинокій, Эдуардъ**, 1863 г., 267—
269, 482.
- Кожошижка, въ замуж. гр-ня Клейк-**
михель, во 2-мъ замуж. Будакова,
545, 546.
- Кожошикинъ, Серг. Алсд.**, ген.-адъют.,
слб. об.-полицест., р. 1785 г., 119.
- Кожошикинъ, Ѳед. Ѳед.**, писат., р. 1773
† 1848 г., 349, 742.
- Кожларъ, Янъ**, чешск. писат., 1838 г., 467.
- Коломоловъ, маіоръ**, 1863 г., 61.
- Колосова, Александра Мих.**, артистка,
въ замуж. Каратыгжина, 301.
- Кольбе-Я (Витковскій), нач. польск. бан-**
ды, 1863 г., 65—67.
- Коллюбакинъ, Никл. Петр.**, ген.-лейт.,
зриванскій воен. губернат., 1860 г.,
48, 47.
- Коминъ, крестьян.-бунтовщ. въ периск.**
краѣ, 1842 г., 641.
- Кондосмолиди, Конст. Давидов.**, 1718 г.,
родоначальникъ фамиліи Вошнякъ, †
1728 г., 211.
- Кондосмолиди, Никл. Конст.**, 211, 212.
- Кононовичъ, отст. подполковн., нач. польск.**
банды, † 1863 г., 70, 71.
- Конопацкій, Петръ**, 1863 г., 277.
- Константиновичъ, Іоаннъ**, свящ., 461.
- Константиновъ, поруч.**, 1863 г., 84.
- Константинъ Николаевичъ, Вел. Ка.**,
р. 1827 г. Перениска Інаокентія, ар-
хіепископа херсонскаго и тавриче-
скаго, 1852 г., 187—150. Упом. 158,
161, 220, 259, 260, 267, 270, 359.
- Константинъ Павловичъ**, вел. кн. це-
саревичъ, р. 1779 † 1831 г., 517.
- Коперницкій, Францискъ**, полковникъ,
1864 г., 669.
- Копитаръ, ученый**, 1838 г., 466.
- Коржавинъ, Михайль**, сотск., 1765 г., 86.
- Корлцкій, А. О.**, 1849 г., 725.
- Корниловичъ, А.**, Ссылка на его изда-
ніе «Русская Старина», 1825 г., 304, 311.
- Корфъ, бар.**, генер.-адъют., начальн.

варшав. гарнизона, 1863 г., 64, 276, 766, 706.
Косецкій, 1863 г., 492.
Костюшко, помѣщ., 1860 г., 289.
Котловскій, Касперъ, ксендзъ каноникъ, 1863 г., 690.
Кохъ, отставн. поруч., 1826 г., 98, 99.
Кочо, армянинъ - разбойникъ, 1861 г., 43, 49, 50.
Кочубей, кн., 1823 г., 556.
Краевскій, Августъ, студ. варшавск. Главн. школы, 1863 г., 490, 497, 670.
Краевскій, Осипъ, чинovní., † 1863 г., 278.
Краевскій, Рафаэль, 1863 г., † 1864 г., 490, 492, 681.
Краснопутскій, ген.-майоръ, 1863 г., 260.
Красовскій, восп.-къ корпуса путей сообщ., 1843 г., 546, 547.
Красускій, Доминикъ, каменьщикъ, 1863 г., 273, 274.
Красускій, Феликсъ, каменьщикъ, 1863 г., 271—274.
Кршвенскій, польск. писатель, 482, 690.
Кречетиниковъ, П. Н., астраханск. губернат., 1774 г., 200—204.
Криджеръ, г.-жа, рожд. Фитингофъ, 114, 115.
Кроненбергъ, Леопольдъ, варшавск. банкиръ, 1863 г., 490.
Крушевскій, Алексѣй Фёдор., начальн. тифл. гражд. управл., 1856 г., 46.
Круль (Гейденрейхъ), Михаилъ, нач. польск. банды, 1863 г., 79—84; 648, 657, 664.
Круликовский, Леонтъ, 1863 г., 485, 503.
Круляковъ, К. X., 1824 г., 301.
Кршавецкій, Т. С., 1863 г., 259.
Крыловъ, канцелар. архіерейск. дома, 1763 г., 19.
Крыловъ, А. Сообщ. письмо М. Г. Хомутова къ кн. М. С. Воронцову, 1852 г., 347—349.
Крысиновскій, нач. польск. банды, 1863 г., 80—84.
Крюковъ, экстраордн. проф., 1837 г., 462, 463.
Кувшиновскій, Никл., свящ., нынѣ протоіерей, членъ полтавск. духовн. консисторіи, 714.
Кужеша, Ст. Е. Сообщ. «Первая холера

въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Смоленск. губ., въ 1830 г.», 538—540.
Кульчицкій, Владиславъ, панскій камергер., римскій агентъ польск. жонда, 1863 г., 501.
Кунже, Альбертъ, 1863 г., 273, 274.
Куралкина, Александра Ив., рожд. гр-ня Панина, 623.
Куралкинъ, кн., Александръ Борис., ген.-анш., об.-штабмст., 1740 г., р. 1697 † 1749 г., 409, 580, 620—625.
Куралкинъ, кн., Андрей Борис., 1730—1740 гг., 409.
Куралкинъ, кн., Борисъ Ив., дс. тн. сов., русск. посолъ при франц. дворѣ, 1697 г., р. 1677 † 1727 г., 160.
Куралкинъ, кн., Борисъ, презид. кол. эконومیи духовн. имѣній, 1763 г., 25, 188.
Куралкина, секрет. Мирославскаго, 1863 г., 671, 679—682.
Куровицкій, портной, 1863 г., 488, 489.
Куршлейна, начальн. польской банды, 1864 г., 668.
Кюхельбемеръ, Вильгельмъ Карловичъ, писат., декабр., р. 1797 † 1846 г., 300—308, 323, 520, 732, 733.

Л.

Лабенскій, адъют. въ польск. бандѣ, 1863 г., 71.
Лавровъ, семинаристъ, 1830 г., 433.
Лавцевичъ, Иванъ, 1863 г., 491.
Лада, начальн. польск. банды, 1863 г., 661, 662.
Лажечниковъ, Ив. Ив., писат., 256.
Лавинскій, 1863 г., 503.
Лажорислеръ, франц. посолъ при русск. дворѣ, 1849 г., 220.
Лангевичъ, Маріанъ-Мелькіоръ, диктаторъ польск. бандъ, 1863 г., р. 1827 г., 68, 72, 266, 503, 655, 662.
Лангешельдъ, ротмстръ, 1854 г., 128.
Ланская, Ульяна Яковл., 1784 г., 151.
Ланской, Ался. Дмитр., ген.-адъют., р. 1758 † 1784 г., 151.
Ланской, гр., Серг. Степ., ин. внутр. дѣлъ, почетный опекунъ, 151—159.
Ланшинъ, купецъ, 1816 г., 214.

- Ласси**, гр., Петръ Петр., ген.-аши., 1736 г.,
 впослѣд. римск. ген.-губернат., р. 1678
 † 1751 г., 381—409, 589, 623.
- Лауберъ**, Эмилій, помощн. начальн. пов-
 станск. полиціи, 1863 г., 490, 674.
- Ла-Ферроше** (La Ferroneus), франц. по-
 соль при русск. дворѣ, 219.
- Лебедевъ**, П. С., генер., 1864 г., 674.
- Лебединскій**, майоръ, 1863 г., 81—84.
- Лебешковъ**, Авраамъ-Беръ, еврейскій
 поэтъ, † 1878 г., 159, 160.
- Лебрехъ**, Понсъ-Дени-Экушаръ, франц.
 лирическ. поэтъ, р. 1729 † 1807 г., 299.
- Левальдъ**, прус. фельдмарш., 1757 г.,
 365, 580.
- Левандовскій**, Валентинъ, полковн., нач.
 польск. банды, 1863 г., 80.
- Левашевъ**, 1730—1740 гг. 409.
- Левашевъ**, гр., Вас. Вас., ген.-адъют.,
 † 1848 г., 234, 239, 240, 580.
- Левенвольдъ**, гр., Карлъ-Густавъ, русск.
 посоль въ Варшавѣ, впослѣдствіи об-
 штамейст., 1730 г., † 1735 г., 373—382.
- Левинвольдъ**, гр., Рейнгольдъ (старшій),
 об.-гофмарш., 1730 г., † 1758 г., 373—
 393, 567, 580, 589, 607—613.
- Левенгауптъ**, гр., военачальн. шведск.
 арміи, 1741 г., 609.
- Левендаль**, гр., Владиміръ, ген., 1736 г.,
 впослѣд. франц. маршалъ, 376, 409,
 600—602, 612, 617, 624, 625.
- Левинзонъ**, Исаакъ-Беръ, историкъ-фи-
 лософъ, † 1860 г., 159—161.
- Лелевель-Вореловскій**, нач. люблинск.
 воеводства, 1863 г., 80.
- Лемше**, Владим., студ., помощн. начальн.
 гор. Варшавы, 1863 г., † 1864 г., 268,
 270, 679.
- Ленцъ**, проф., 288.
- Лемченская**, Михаѣлна, сестра милосер-
 дія, 1864 г., 697.
- Леонтьевъ**, 1730—1740 гг., 409.
- Лермонтовъ**, Мих. Юрьев., писат., р.
 1814 † 1841 г., 310, 353—358, 732.
- Лермонтовъ**, инспекторъ инстит. корп.
 пут. сообщ., 1843 г., 547.
- Лестовъ**, лейбъ-мед. имп-цы Елисаветы
 Петровны, 622.
- Лефло**, франц. посоль при русск. дворѣ,
 1848 г., 220.
- Лефорть**, Францъ Яковъ, ген.-адмир.,
 любимецъ Петра I, 370.
- Лилеевъ**, М. И. Сообщ. изъ расколь-
 ничьего сборника «Стяжъ брачный»,
 165—167.
- Линаръ**, гр., 1742 г., 594.
- Липранди**, генер., 1854 г., 136.
- Липранди**, И. П., ссылка на его «Воспо-
 минаванія», 521.
- Лисенко**, Д. Сообщ. статью: «Мысли
 В. Н. Татищева о развитіи горноза-
 водск. промышленности, 1735—1738 гг.»,
 35—42.
- Лискиевичъ**, Эдуардъ, 1863 г., 267.
- Лисовскій**, 1878 г., 259.
- Лисовскій**, предводит. польск. войска,
 1608 г., 707, 708.
- Литтлхъ**, иностран., участн. въ польск.
 бандѣ, 1863 г., 72, 73.
- Лобановъ-Ростовскій**, кн., Алексій Бо-
 рисов., ст.-секрет., полномочн. посоль
 въ Константинополѣ. Ссылка на сообщ.
 изъ собраніе разсказ. Карабанова, 108.
- Лобзовичъ**, кн., 1757 г., 389.
- Лодыженковскій**, ст. сов., 1774 г., 200—204.
- Ложье**, французъ, † 1863 г., 662, 663.
- Ломоносовъ**, Мих. Вас., акад., писат.,
 р. 1711 † 1765 г., 404.
- Лонгиновъ**, М. Н., ссылка на статью его
 о Лермонтовѣ, 355.
- Лопухина**, рожд. гр-ня Головкина, 1740 г.,
 613, 614.
- Лопухинъ**, Авраамъ Федор., 1718 г., 365.
- Лопухинъ**, Вас. Абрамов., ген.-аши., †
 1757 г., 365.
- Лопухинъ**, флотск. ген.-бригсъ-коммис.,
 1740 г., 613.
- Лопухинъ**, Ив. Владим., марты., 24; ссыл-
 ка на его разсказъ объ Арсеніѣ Мацѣе-
 вичѣ, 193—195.
- Лукашевичъ**, Н. А., поруч., 725.
- Лукомскій**, князь, 162.
- Лутахинъ**, священ., 1749 г., 197.
- Лывошинъ**, Алексд. Ив., помѣщ. Смо-
 ленск. губ., 1830 г., 539, 540.

Лышевскій, гимназистъ, 1864 г., 674.
 Львова, княж., Ольга Ивановъ, въ замуж. Выгч-
 нова, † 1741 г., 162.
 Лётвицкій, В. И. Сообщ.: Выдуман-
 ное въ XVIII-мъ вѣкѣ письмо о по-
 чинѣ Арсенія Мадѣевича, 197, 198.
 Любелюкскій, Вильгельмъ, докторъ, 1864 г.,
 697, 699.
 Люберасъ, бар., генер., 1734 г., 382, 611.
 Любомірскій, кн., Ома, 1863 г., 275.
 Любушкинъ, полковн., † 1863 г., 278, 488.
 Людвигъ, принцъ Брауншвейгскій, 593.
 Людовикъ XIV, кор. франц., 380.
 Людовикъ-Филиппъ, кор. франц., 1843 г.,
 122, 123, 549.
 Лютинскій, 1863 г., 60.
 Люцеръ, полковн. франц. службы, 1734 г.,
 383.
 Ляданскій, поруч., 1863 г., 79—83.
 Ляндовскій, Павелъ, 1863 г., 267—277,
 689.
 Ляпуковъ, Захарій, рязанск. воевода,
 1608 г., 707.
 Лявовскій, Александръ, 1863 г., 686,
 696—698.
 Лявовскій, Сигизмундъ, 1864 г., 697.

М.

Мавровордаты, Александръ, молдавскій
 господарь, 1786 г., 211.
 Маевская, Елена, артистка вилensk. теа-
 тра, 1860 г., въ замуж. Киргоръ,
 483—490, 679, 700.
 Маевскій, Владисл., чл. польск. жонда,
 1863 г., 84, 268, 483, 490, 491, 657, 671.
 Маевскій, Феликсъ, ксендзъ, 1864 г., 702.
 Макаровъ, Богданъ Андр., 732, 733.
 Маковскій, офиц., 1863 г., 289.
 Макошкель, Иванъ, ст. сов., арханг.
 губернс. прокур., 1812 г., 91—96.
 Малевъ, соборный дьяковъ, 444, 445.
 Малиновскій, 1824 г., 305.
 Малиновскій, князъ, знач. департ. вѣшн.
 торг., 552, 553.
 Малиновскій, штб.-кап., 1851 г., 129.
 Малиновскій, Болеславъ, 1863 г., 490, 492.
 Манжура, Ив. Ив. Сообщ. три историче-
 скія малорусскія пѣсни, 351, 352.

Макоуровъ, ген.-майоръ, 1774 г., 209.
 Макошкель, подполк., адъют. фельд-
 маршала Миниха, 1740 г. Забѣчания
 гр. П. И. Панина на его Записки о
 Россіи, 359—410, 567—626.
 Маляжъ, морской офиц. франц. службы,
 авантюристъ, 1863 г., 269, 485, 494, 497.
 Марія Александровна, Государыня Им-
 ператрица, р. 1824 г., 689.
 Марія-Терезія, имп-ца австрійск., 1740 г.,
 570, 584, 585, 590, 592, 614.
 Марія Θεодоровна, имп-ца, р. 1759
 † 1828 г., 158, 233, 329.
 Мартыковъ, Алех. Евстаф., артистъ,
 † 1860 г., 225—227.
 Масловскій, штб.-капит., 1863 г., 680.
 Масковъ, ссылка на доставленную имъ
 рукоп. Аванасьева, 221.
 Массоля (Чарный), 1863 г., 277, 486, 489.
 Матвѣевъ, гр., Андр. Артамовов., русск.
 посоль въ Вѣнѣ, 1724, † 1729 г., 375.
 Матюшкинъ, 1824 г., 305.
 Мадьяки, 1863 г., 659.
 Мадѣевскій, дозорецъ, 1863 г., 285.
 Машковцовъ, Аванасій, 1812 г., 94.
 Медемъ, бар., капитанъ, 1864 г., 647,
 664—667.
 Медовъ, К. П. Сообщ. записку Р. М.
 Медокса, о предпріятіи его составить
 кавказско-горское ополченіе въ 1812 г.,
 709—713.
 Медовъ, Романъ Михайлов., корнетъ,
 1812 г., р. 1795 † 1859 г. Записка его
 о предпріятіи составить кавказско-гор-
 ское ополченіе въ 1812 г., 709—713.
 Мезенцевъ, офиц., 1861 г., 241, 243, 248.
 Мейеръ (Палацекъ), предвод. польск.
 партіи, 1863 г., 66.
 Мейендорфъ, бар., русск. посоль въ Бер-
 линѣ, 1844 г., 218.
 Мелиссино, Ив. Ив., об.-прокур. синода,
 1763 г., 33, 181.
 Меллеръ-Закомельскій, генер.-майоръ,
 1863 г., 71.
 Мельниковъ, П. И., ссылка на его «Вос-
 поминанія о гр. С. С. Ланскомъ»,
 151—154.
 Менгденъ, бар., президентъ коммерцъ-

- коллег., 1740 г., 393, 397, 398, 578—580, 619, 620.
- Менгденъ**, бар-са, Гуляна, фрейлина имп-цы Анны Леопольдовны, 1740 г., 575, 591, 598.
- Менглин-Гирей**, генер.-майоръ, 1812 г., 710, 713.
- Мензелкиъ**, Михаилъ, крестьян., жещучит. расколн., 1782 г., 337—340.
- Меншиковъ**, кн., Алсд. Данилов., генерал-ссиямусъ, р. 1673 † 1729 г., 363—370, 556.
- Меншиковъ**, кн., Алсд. Серг., адмир., р. 1787 † 1869 г., 105, 234, 239, 240, 556—562.
- Мердорфальдъ**, бар., прусск. ген., 1740 г., 563, 590.
- Мерзляковъ**, Алексѣй Фодор., профес. Моск. унив., поэтъ и критикъ, р. 1778 † 1830 г., 349, 350.
- Мессершмидтъ**, докторъ Литовск. полка, 1863 г., 278.
- Меттернихъ**, кн., герцогъ Партелла, австр. госуд. канцл., р. 1773 † 1859 г., 110, 121.
- Мессодій**, іеромон., 1830 г., 440, 442, 456.
- Мивзо**, Н. Н., ссылка на его біографическій очеркъ «А. Ф. Мерзляковъ», 349.
- Мивѣянцъ**, М. О., художн., 175.
- Милковскій**, Сигизмундъ, агентъ польск. жонда въ Сербіи, 1863, † 1879 г., 77, 695.
- Милорадовичъ**, гр., Андрей, ген.-поруч., намѣстн. черниговск., 107.
- Милорадовичъ**, гр., Мих. Андр., ген.-отъ-инф., слб. воен. ген.-губерн., 1817 г., † 1825 г., 106—109.
- Минихъ**, бар-са, рожд. Менгденъ, 1740 г., 574, 575, 608.
- Минихъ**, гр., Бурхардъ-Христофоръ, ген.-фельдмарш., р. 1683 † 1767 г., 114, 377—406, 568—624.
- Минихъ**, гр., Іоаннъ-Эрнстъ (сынъ фельдмарш.), дс. тн. сов., об.-гофмейст., р. 1707 † 1788 г., 359, 362, 578—624.
- Минихъ**, бар., Христіанъ-Вильгельмъ, дс. тн. сов., об.-гофмейст., 1740 г.; † 1768 г., 573—580.
- Миницкій**, ген.-майоръ, арханг. ген.-губерват., 1826 г., 98, 99.
- Мировичъ**, Вас. Яков., подпоруч., покушавшійся освободить имп. Іоанна Антоновича, казн. 1764 г., 187, 191.
- Миротлавскій**, Людвигъ, диктат., 1863 г., 77, 275, 484, 497—504, 655.
- Митрополовъ**, Степанъ, 1812 г., 93.
- Михалъ** (Десницкій), слб. митропол., 1823 г., 113.
- Михаилъ Николаевичъ**, Вел. Кн., р. 1832 г. Прїѣздъ въ Тифлисъ. 1863 г., 50; упом. 43, 51—57.
- Михалъ Павловичъ**, вел. кн., р. 1798 † 1849 г., 119, 221, 227—240, 547.
- Михельсонъ**, Ив. Ив., полковн., 1774 г., в послѣд. ген.-отъ-инф., р. 1740 † 1807 г., 206, 207.
- Мошаровскій**, Аполлонъ. Сообщ. стихи изъ расколнничьяго сборника, 163—165 и 170, 171.
- Мойеръ**, Ив. Филипов., проф.-хирургъ, 1825 г., 324.
- Мойеръ**, Марія Андр., рожд. Протасова, 324.
- Моисей**, о., настоят. монаст., 1830 г., 451, 452.
- Мокрицкій**, Аполлонъ, ссылка на его «Воспоминанія объ А. Г. Венеціановѣ и ученикахъ его», 172.
- Моллеріусъ**, майоръ, 1863 г., 61.
- Моллеръ**, Леоніада, см. бар-са Нолькенъ.
- Моллеръ**, Фодоръ Андр., проф., 1841 г., 723—727.
- Моллеръ**, въ замуж. Глазенацъ, 727.
- Моравскій**, Цесарій, докторъ, 1863 г., 491, 699, 702.
- Мордовцевъ**, Дан. Лук., ссылка на его соч. «Русск. женщины XIX в.», 214.
- Моржовскій**, начальн. польск. партіи, 1863 г., 72.
- Морошинъ**, Я. Л., ссылка на его «Воспоминанія», 714.
- Мошинъ**, Ал., колл. сов., русск. генер. консулъ въ Трапезунтъ, 1863 г., 497, 485, 494—497.
- Муравьевъ-Апостолъ**, Сергій Ив., декабр. † 13-го іюля 1826 г.; ссылка на его разсказъ, 520.
- Муравьевъ**, гр., Мих. Никл., ген.-губ.

- бернаторъ въ Западн. краѣ, р. 1796
† 1866 г., 260, 267, 282, 283, 740.
- Муравьевъ**, Никл. Никл., ген.-адъют.,
кавказ. нахѣстн., р. 1793 † 1866 г.,
43—45, 740.
- Мушкинъ-Пушкинъ**, гр., Платонъ Ив.,
сенат., презид. коммерцъ-колл., 1736 г.,
392.
- Муфель**, подполковн., 1774 г., 206.
- Мухановъ**, П. Александр., 1825 г., 306.
- Мысовскій**, священ., 1830 г., 448—451.
- Мысливскій**, начальн. польск. банды,
† 1863 г., 59.
- Мышетскій**, кн., Борисъ Александр.,
основат. Выговской пустыни, 527.
- Мышетскій**, кн., Ив. Борис., 527.
- Мышетскій**, кн., Петръ Прокопьев.,
523—537.
- Мышетскій**, кн., Прокопій Яковл., 527.
- Мѣдвѣновъ**, полковн., 1863 г., 76—79.
- Мѣдвѣновъ**, поруч., 1863 г., 651.

Н.

- Навозье**, предводит. польск. партіи,
1863 г., 66.
- Назминовъ**, Видм. Ив., ген.-адъют., вил.
ген.-губернат., р. 1802 † 1874 г., 267.
- Наполеонъ III**, импер. француз., 1863 г.,
491, 494.
- Наржижскій**, Иосифъ, членъ польск. жон-
да, 1863 г., 267—269, 482.
- Нарышкинъ**, Алсд. Львов., об.-камерг.,
р. 1760 † 1828 г., 108.
- Нарышкинъ**, В. В., арханг. губериск.
прокур., 1767 г., 101, 191.
- Насѣкинъ**, маіоръ, 1863 г., 69.
- Наталиа Алексѣевна**, царевна, р. 1714
† 1728 г., 364.
- Невѣровъ**, Иванъ, крестьян., 1765 г., 86.
- Невабитовскій**, Ипполитъ, 1864 г., 672.
- Нейпергъ**, 1737 г., 389.
- Некрасовъ**, Никол. Алексѣев., поэтъ-
писат., р. 1821 † 27-го дек. 1877 г.,
173, 306, 715—718.
- Неждова**, въ замуж. гр-ня Елѣжим-
хель, 546, 737.
- Неждова**, Елисаб. Петр., рожд. Ильни-
ская, 737.

- Неждовъ**, Аркадій Аркадѣевичъ, 737.
- Нейкинъ**, маіоръ, 1863 г., 69, 662.
- Нерононъ**, Борисъ, рязанскій воевода,
1727 г., 32.
- Нессельроде**, гр., Карлъ Ив., ми-ръ
иностр. дѣлъ, 1824 г., в послѣд. канцл.,
р. 1780 † 1862 г., 291—294, 554.
- Никифоровъ**, капит., † 1863 г., 69.
- Николаи**, бар. Алсд. Пав., начальн.
главн. управл. въ Тифлисѣ, 1868 г., 51.
- Николай I**, императ., р. 1796 † 1855 г.
Рескриптъ на имя сб-го военнаго
ген.-губернатора, 1844 г., 120. Повелѣ-
ніе гр. Палену, русскому послу при
франц. дворѣ, 122. Упом. 44, 97—105,
113—124, 158, 159, 217—240, 344, 352,
414—421, 499, 520, 545—557, 628—635,
645, 653, 714.
- Николай Александровичъ**, наслѣдн.-
цесаревичъ, р. 1843 † 1865 г., 158.
- Николай**, о., священ., казначей Долматов-
скаго монастыря, 1842 г., 627, 633—635.
- Николевскій**, прапорщ., 1863 г., 83.
- Низъ**, см. Огаревъ.
- Нозаковский**, содержат.-на типографіи
въ Варшавѣ, 1864 г., 682—686.
- Нозаковский**, десятникъ, 1863 г., 282—284.
- Нозимовъ**, Петръ Алсд., 1817 г., 349, 350.
- Нозницкій**, прапорщ., нач. польск. банды
1863 г., 60, 61.
- Нолькенъ**, бар., шведск. госуд. секрет.,
1742 г., 611.
- Нолькенъ**, бар-са, Леонида, въ первомъ
замуж. Моллеръ, 723, 726.
- Нулло**, гарьбальдѣецъ въ польск. бандѣ,
† 1863 г., 70.

О.

- Оболенская**, кнг., Елена Мих., рожд.
Бычкова, 162.
- Оболенскій**, кн., Кирилъ Юрьев., 162.
- Оборожій**, нач. польск. банды, 1863 г., 68.
- Обручевъ**, Н. Н., ген.-адъют., 162.
- Обрѣзовъ**, директ. департам. виѣш.
торгов., 552.
- Оводовъ**, дс. ст. сов., правит. канцел.
спб. воен. ген.-губ. Эссена, 551.
- Огарева**, Елисаб. Никл., 250—255.

Огарева, Наталья Александр., 250—252.
 Огаревъ, Никол. Платоновичъ (Нигъ),
 † 1877 г., 244—252.
 Огневъ, чиновн., помощн. окружн. на-
 чальн., † 1844 г., 637, 638.
 Одолевскій, кн., Владм. Ѳеодор., сенат. и
 писат., 300.
 Озерскій, губернс. прокур., 1812 г., 710.
 Ожелевъ, генер.-маіоръ, 1863 г., 659.
 Ожонскій, помѣщ., нач. польск. банды,
 1863 г., 72, 73.
 Ожуховъ, Иванъ, сотскій, 1766 г., 88.
 Ожуховъ, поруч. гвард. штаба, 1814 г.,
 105, 106.
 Ожонинъ, Алексій Никол., презид.
 академіи худож., † 1842 г., 505.
 Ожонинъ, 1819 г., 317—321.
 Ожоничъ, полковн., 1863 г., 659, 668.
 Олоуфьевъ, Адамъ Васил., ст.-секрет.,
 управл. собств. канцел. Екатерины II,
 † 1784 г., 6.
 Ольга Ѳеодоровна, великая княгиня,
 р. 1839 г., 57.
 Орловскій, герцогъ, 111.
 Ордегга, Юсифъ, чл. польск. революціон.
 комитета, 1863 г., 694, 695.
 Орликъ, нач. польск. банды, 1863 г., 66.
 Орлова-Чесменская, гр-ня, Анна Але-
 ксѣевна, † 1848 г., 121, 178.
 Орловъ-Чесменскій, гр., Алексій Григ.,
 ген.-анш., р. 1737 † 1808 г., 625.
 Орловъ, генер., 1821 г., 521.
 Орловъ, гр., Алексій Ѳед., ген.-адъют.,
 † 1861 г., 221, 548.
 Орловъ, гр., Григ. Григ., ген.-фельд-
 цейхмст., р. 1734 † 1783 г., 13, 25,
 187, 193.
 Осипова, Александра Ив., † 186. г.,
 296, 297.
 Осипова, Екат. Иванов., въ замужствѣ
 Фомъ, 296, 297.
 Осипова, Марія Иванов., 296, 297, 519.
 Осипова, Прасковья Александр., въ перв.
 замуж. Вульфъ, р. 1780 † 1859 г., 291—
 323, 505—519.
 Осиповъ, А., граверь, ссылка на портр.
 нмъ гравиров. Арсенія Мацѣевича, 34.
 Осоянъ, Петръ Игнат., горнозаводч.,
 1735 г., 38—41.

Фонъ-дербъ-Остоля-Самель, кн., Фабіанъ
 Вильгельмов., фельдмарш., р. 1752 †
 1837 г., 232.
 Остерманъ, гр., Андрей Ив., дс. тн. сов.,
 кабин. мн-ръ, р. 1686 † 1747 г., 360—
 409; 568—620.
 Остерманъ, гр., Ив. Андр., госуд. канцл.,
 презид. колл. иностр. дѣлъ, р. 1725 †
 1811 г., 362.
 Остерманъ, гр., Ѳед. Андр., дс. тн. сов.,
 р. 1723 † 1804 г., 362, 618.
 Остроумова, Елена, курьеръ польск. жон-
 да, 1864 г., 675, 684, 696, 700.
 Островскій, гр., Станиславъ, 1863 г.,
 270, 694.
 Отто, начальн. польск. банды, † 1863 г., 649.
 Оффенбергъ, поруч., 1863 г., 65.

II.

Павелъ I, императ., р. 1761 † 1801 г.
 Письма Юсифа, эрцгерцога австр., на-
 латина венгерскаго, супруга вел. кнг.
 Александры Павловны, 1801 г., 330—
 335, упом. 41, 123, 187—190, 195, 214,
 623, 625, 626.
 Павелъ (Конюшковичъ), митроп. тобольск.
 и сибирск., 1761 г., † 1770 г., 30—34.
 Павильоновъ, Петръ Никифоров., пол-
 ков. священ., 1830 г., 440.
 Павличева, Ольга Серг., см. Пуш-
 кина.
 Павловскій, капит., 1863 г., 276.
 Павловскій, И. Д. Сообщ. замѣтки «Ар-
 хіепископъ Ириней и архимандритъ
 Гавріилъ», 714.
 Павловъ, А. А. Сообщ. замѣтку: «Са-
 носожитатели и самоубиенники въ Си-
 бери, 1782—1783 гг.», 336—340.
 Падлевскій, Сигизмундъ, плоцкій рево-
 люц. воевода, † 1863 г., 60, 668.
 Палазовскій, врачъ, 1830 г., 454.
 Палацекъ, см. Мейеръ.
 Палацкій, чешскій историографъ, 1837 г.,
 465.
 Палежъ, гр., русс. посолъ при франц.
 дворѣ, 1843 г., 122, 549.
 Пальовитъ, Юрій, чешск. профес., 1838 г.,
 466.

Панаевъ, Владим. Ив., писат., 1824 г., 304.
Панина, гр-ня, Александра Ив., въ замуж. Куракина, 623.
Панинъ, гр., Викторъ Никит., мн-ръ юстиціи, 1848 г., 236.
Панинъ, гр., Никита Ив., дс. тн. сов., сенат., воспитат. вел. кн. Павла Петровича, р. 1718 † 1783 г., 25, 193, 623—626.
Панинъ, гр., Петръ Ив., ген.-анш., р. 1721 † 1789 г. Замячавія его на «Записки Манштейна о Россіи», 359—410, 567—626. упом. 199—210.
Паниратьевъ, В., учит. уѣздн. училища, 731.
Панродскій, Густавъ, студ. варшавск. Главной школы, 1863 г., 490.
Паскевичъ, кн. Варшавскій, Ив. Фед., фельдмарш., † 1856 г., 219—223, 233, 265.
Пассекъ, Алексдр. Владим., р. 1836 г., † 186., 256.
Пассекъ, Вадимъ Васил., писат., † 1843 г., 256, 258.
Пассекъ, Васил. Васил., 253, 254.
Пассекъ, Владим. Вадимов., 1861 г., 241—248.
Пассекъ, Татьяна Петр., рожд. Кучина. Воспоминанія ея, глава XXXVI, 1861 г., 241—258.
Паулучки, маркизъ, начальн. варшавск. тайной полиціи, 1863 г., 231, 282.
Паулюковъ, титул. совѣтн., 1771 г., 178.
Пашенко, полковн., 1843 г., 644.
Пемарскій, П. П., аях., 182, 196.
Пеньковский, Адольфъ, начальн. повстанск. полиціи, 1863 г., † 1867 г., 487, 488, 677.
Пендовскій, Адольфъ, учит. ченстоховск. уѣздн. училища, 1863 г., 671.
Перевраева, Елисавет. Никифоровна, въ перв. замуж. Ильинская, во второмъ Дука, 737.
Перовскій, А. А. (Погорѣльскій), писат., р. 1780 † 1836 г., 313, 314.
Перовскій, гр., Васил. Алексѣев., ген.-адъют., оренб. воен. губерн., 725.
Перовскій, гр., Левъ Алексѣев., мн-ръ внутр. дѣлъ, 1848 г., 220, 546.
Перфильевъ, арханг. гражд. губернат., 1808 г., 90.

Пестель, гр., Ив. Борис., сибирск. ген.-губернат., 110.
Петлинь, восп-къ корпуса пут. сообщ., 1843 г., 546, 547.
Петрашевокій, Мих. Вас., † 1867 г. 223.
Петрилко, придворн. шуть, 1740 г., 402.
Петрово-Соловово, Алексѣй, 162.
Петровский, Юсифъ, помѣщ., 1863 г., 268, 269.
Петровъ, А. А., бывш. учит. ярославск. духовн. училища, 198.
Петровъ, П. Н. Изслѣдованіе по вопросу: кто составитель Замячавія на Зап. генер. Манштейна о Россіи, 616—626, упом. 361, 725, 726, 746.
Петръ I, императ., р. 1672 † 1725 г., 105, 183, 196, 212, 311, 363—330, 399—408, 595, 599, 604, 605, 710, 711.
Петръ II Алексѣевичъ, императ., р. 1715 † 1730 г., 364—377, 408, 605, 620.
Петръ III Федоровичъ, императ., род. 1728 † 1762 г., 6, 15, 28, 178, 179, 369, 605, 607, 623, 624.
Пещуровъ, псковск. предвод. дворянства, 1824 г., 295.
Пихулинъ, врачъ, 112.
Платовъ, гр., Матв. Ив., ген.-отъ-кав., наказн. атам. войс. донск., основат. гор. Новочеркаска, р. 1751 † 1813 г., 709.
Платонъ (Левшинъ), митроп. моск., 181.
Плахецкая, курьеръ польск. жонда, 1864 г., 675, 700, 702.
Плескачевскій, поруч., 1863 г., 74.
Плетневъ, Петръ Алекс., писат., 1824 г., 300—325, 733.
Погодинъ, Мих. Петр., акад., р. 1800 † 1875 г., 461—475.
Подайскій, драгоманъ франц. консульства въ Адрианополь, 1863 г., 495—497.
Подымсоцкій, А. О. Составилъ и сообщ. изслѣдов.: «Водвореніе и распространеніе картофеля въ Архангельской губ. въ 1765—1865 гг.», 85—100; Попытка освѣщенія улицъ въ Архангельскѣ, въ 1767—1768 г., 101, 102.
Подхальзовскій, казакъ-дезертиръ, участн. въ польск. возстаніи, 1863 г., † 1865 г., 81, 687.

Пожадостинъ, Ив. Петр., акад., грав. на мѣди, гравир. портр. Н. А. Некрасова, 718.
 Пожарскій, кн., 1608 г., 708, 709.
 Повець, тайн. сов., ст.-секрет., 1842 г., 558—560.
 Полевой, Никл. Алексѣев., писат., изд. «Телеграфа» 1826 г., 314.
 Полешаевъ, писатель, 733.
 Полетинка, Григорій, синодальн. перев., 1763 г., 20.
 Полкванова, Людмила Алексдр., рожд. Бычкова, 162.
 Поливаловъ, Н. И., 162.
 Полковъ, губернс. регистр., 1812 г., 738.
 Полторацкій, Александръ, 320, 328.
 Полубоаринковъ, Авраамъ, секр. имп-цы Анны Иоанновны, 1731 г., 335.
 Поповъ, Василій, 1812 г., 93.
 Поповъ, Нилъ Алексдр., проф. Сообщ. Биографич. очеркъ: «Осипъ Максимов. Бояднскій», 461—480; упом. 543.
 Портавчикъ, ген.-лейт., команд. кавказ. лин., 1812 г., 710.
 Потемкина, гр-ня, Татьяна Борис., рожд. княж. Голицына, 350.
 Потемкинъ-Таврическій, кн., Григорій Алексдр., ген.-фельдм., р. 1738†1791 гг., 26, 709.
 Потемкинъ, гр., Пав. Серг., ген.-маіоръ, 1774 г., вполнѣд. ген.-анш., писатель, род. 1743†1796 г., 200, 203, 207.
 Потемкинъ, полк., слб. предвод. дворян., 550.
 Прасковья Федоровна, царяда (рожд. Салтыкова), супруга царя Иоанна Алексѣевича, р. 1664†1723 г., 375, 399, 571.
 Пржедлавскій, Осипъ Антонов., ссылка на его «Воспоминанія», 520.
 Прионикъ, докторъ, 1839 г., 467.
 Прозоровъ, учен. саратовск. семинаріи, 1830 г., 453.
 Протасова, Марія Андр., въ замужствѣ Мойеръ, 324.
 Протасьева, Петръ, ярославск. воевода, 1763 г., 3.
 Протопоповъ, саратовск. куп., 1774 г., 209.
 Протопоповъ, маіоръ, 1863 г., 71, 648.

Пришибылко, студ., 1863 г., 280.
 Пришибыльскій, Вацлавъ, чрезвычай. комисаръ польск. народ. правит., 1863 г., † 1872 г., 286, 490, 491, 671, 672, 680, 691—696.
 Пришибыльскій, Карлъ, 1863 г., 491, 700—702.
 Пугачевъ, Емельянъ Ив., самозванецъ, † 1775 г., 199—210.
 Пугачинниковъ, В., 174.
 Пугачинъ, кн., капит. лб.-гв. Семеновск. полка, 1740 г., 572.
 Пушкина, Анна Львовна, † 1824 г., 300, 304.
 Пушкина, Надежда Осиповна, рожд. Ганнибалъ, 294, 298, 324.
 Пушкина, Ольга Серг., въ замуж. Павлицева, 294—317.
 Пушкина, Пелагея Алексдр., † 1687 г., 162.
 Пушкинъ, Алсдр. Серг., поэтъ, род. 1798 † 1837 г., 176, 199—205, 246, 263, 291—328, 354, 505—522, 729—737.
 Пушкинъ, Вас. Львов., 1817 г., 349.
 Пушкинъ, Левъ Серг., 291—325, 520.
 Пушкинъ, Серг. Львов., 294—324, 520.
 Пушкитъ, Иванъ Ив., декабр., род. 1798 1859 г., 305, 306, 520.
 Пушкитъ, Пав. Серг., генер., 1821 г., 521.

Р.

Рагуайскій, нач. польск. партин, 1863 г., 72.
 Радша, предокъ Пушкиннхъ, 737.
 Раевскій, маіоръ, 1821 г., 520.
 Раздеришникъ, маіоръ, 1864 г., 129, 131.
 Разумовскій, гр., Алексѣй Григ., ген.-фельдм., р. 1709†1771 г., 183, 595, 624.
 Разумовскій, гр., Кирила Григ., малорос. гетманъ, 595.
 Равуза, маіоръ, 1863 г., 75.
 Ралъ, ген.-маіоръ, 1863 г., 62, 64.
 Раслабевъ, кн., 1812 г., 710.
 Рахманова, помѣщица, 116—118.
 Рахмановъ, помѣщикъ, 116—118.
 Рачинскій, А. В., ссылка на его статью «Русскіе комисары въ Токаѣ», 462; упом. 537.

Рачинскій, Тимофей, варш. ремеслен.,
† 1863 г., 280.
Рачинскій, Юзефать, варш. ремеслен.,
† 1863 г., 280.
Рембайло, офиц. австр. сл. † 1864 г., 663.
Репинъ, кн., Вас. Никит., ген.-анш.,
† 1748 г., 409, 613.
Резенбергъ, бар., прусск. генеральн.
консулъ, 1863 г., 706.
Ржемпеловскій (Фриче), помѣщ., нач.
польск. банды, 1863 г., 59, 60.
Ржепецкій, нач. польск. банды, 1863 г.,
659, 660.
Ржонца, участн. въ польск. возстаніи,
1863 г., † 1864 г., 680.
Римскій-Корсаковъ, капит., 1767 г.,
187, 191.
Рихтеръ, Августъ, чиновн., 1863 г., 278.
Ровинскій, Д. А., ссылка на «Словарь
русск. гравирован. портретовъ», 34.
Рогалинскій-Эффенди, помѣщ., 1863 г.,
492.
Рогляскій, 1863 г., 290.
Родзянко, Аркадіи Гавр., 318, 319.
Родось-Сафимось, дѣвочка-гречанка,
1824 г., 301.
Ровенбахъ, капит. австр. сл., нач. польск.
банды, 1863 г., 662.
Романикъ, Антоень, чиновн. революц.
секретаріата, 1863 г., 490, 492.
Рожабовскій, ген.-лейт., 1847 г., 218.
Рожотовъ, 1824 г., 300, 302, 319, 512.
Романовъ, С. И. Сообщ. замѣтку: «Мо-
гила историка Вас. Ник. Татищева»,
540—543.
Ромодановская, кнж., Екат. Ив., въ за-
муж. гр-ня Головина, 571, 608.
Ромодановская, кнж., Наталья Федор.,
рожд. Салтыкова, 571.
Ромодановскій, кн., Ив. Федор., 571.
Ростиславовъ, Дм. Ив., профес., † 1877.
Ссылка на книгу: «Опытъ изслѣд. о
богатствахъ монастырей», 178.
Ростопчинъ, гр., Фед. Вас., московск.
главнокоманд., р. 1765 † 1826 г., 109—
111, 330.
Роторъ, Павелъ, офиц., † 1854 г., 135.
Ротшильдъ, банкиръ, 254.

Рудницкій, Владисл., нижег. офиц.,
1863 г., 80—84.
Рудовскій, юнкеръ, начальникъ партизанск.
банды, 1863 г., 652, 667.
Ружницкій, Эдмундъ, 1863 г., 695.
Руландъ, хирургъ, 1825 г., 324.
Руманцевъ-Задунайскій, гр., Петръ
Алсдр., малорос. ген.-губернат., впо-
слѣдствіи фельдмарш., р. 1725 † 1796 г.,
179, 180.
Руманцевъ, гр., Алексдр. Ив., ген.-
аншефъ, 1730—1740 гг., 407, 409, 611,
612, 625.
Руманцевъ, гр., Никл. Петр., госуд.
канцл., р. 1754 † 1826 г., 612.
Руманцевъ, дьячокъ, 1830 г., 441.
Рупрехтъ, Карлъ, чл. народн. жонда,
1863 г., 672, 680.
Рутковский, штб.-капит., 1863 г., 66.
Рутковский, Ричардъ, рѣшникъ на де-
ревѣ, 1863 г., 272—275.
Рущкій, Юсифъ-Владисл., нач. польск.
банды, 1863 г., 80, 648, 668.
Рущинскій, Теофилъ, цирюльн.-штлет-
никъ, 1863 г., 292—295, 677.
Рыль, участн. въ польск. возстаніи,
1863 г., † 1864 г., 680.
Рыльевъ, Кондратій Федор., писат.,
декабр., р. 1795 † 13-го іюля 1826 г.,
300—323, 520, 733.
Радчикинъ, полковн., 1863 г., 61.

С.

Сабуровъ, Яковъ, 1824 г., 301, 308, 317.
Садовскій, адъютантъ въ польск. бандѣ,
1863 г., 71.
Садчиковъ, крестьян.-бунт. въ Пермск.
краѣ, 1842 г., 627, 639, 641.
Салтыкова, Наталья Федор., въ замуж.
кнж. Ромодановская, 571.
Салтыкова, Прасковья Федоровна, см.
Прасковья, царица.
Салтыкова, г-жа, 1730 г., 374, 375.
Салтыковъ, Вас. Федор., ген.-анш., р.
1675 † 1755 г., 595.
Салтыковъ, гр., Петръ Семен., ген.-
фельдмарш., московск. главнокоманд.,
р. 1700 † 1772 г., 27, 625.

- Салтыковъ, Семенъ Андр., ген.-адъют., 1730 г., 375, 409.
- Салыновъ, ген.-маіоръ, 1854 г., 126.
- Самборскій, Андр. Афанас., духовникъ вел. кнг. Александръ Павловичъ, 1801 г., 332.
- Салъга, кн., Адамъ, нач. польск. отряда, 1863 г., 680.
- Самышевскій, началн. польско-повстанск. флота, 1863 г., 484, 485.
- Самарскій, помѣщ., 1863 г., 503.
- Самыкинъ, П. П., ссылка на его изд. «Отеч. Записки» 1825—1828 гг., 359, 380, 611, 612, 616, 714.
- Саменовъ, маіоръ, 1863 г., 82.
- Самозванецъ, городской секрет., 1812 г., 94—96.
- Самозвановскій, 1825 г., 315.
- Самозва, О. М., въ замуж. Выгцова, 162.
- Самознова, въ замуж. Вошнякъ, 213.
- Самозновъ, Иванъ, крестьян. Арханг. губ., 1843 г., 100.
- Серафимъ, слб. митрополитъ, р. 1759 † 1843 г., 559.
- Сервинскій, А. И., свящ., ссылка на его рѣчь при погребеніи К. Н. Тихонова, 1879 г., 719.
- Сердюкова, А. М. Сообщ. Записки Богуславскаго, 103—124, 231—240.
- Сивриновъ, полковн., тифлисск. полицм., 1855 г., 45.
- Сиверсъ, адмир., 1730 г., 377, 378.
- Сиворскій, Казиміръ, 1864 г., 696, 699.
- Сильвестръ (Старогородскій), перекл. еписк., 1763 г., 8, 20—23, 182.
- Симашко, Іосифъ, униатск. архіеп., 556.
- Синицынъ, семинаристъ, 1830 г., 455.
- Синявскій, генер. польск. службы, 603, 604.
- Скаронскіе, графы, 364.
- Смаржинскій, Діонисій, помѣщ., нач. польск. банды, 1863 г., 62.
- Смарна, италянецъ, участн. въ польск. бандѣ, 1863 г., 77.
- Смарягинъ, секрет. русск. посольства въ Римѣ, 1850 г., 728.
- Смолвронскій, Казиміръ, 1863 г., 260, 278.
- Сленикъ, И. В., 1824 г., 298, 304, 316.
- Словикскій, Янъ, † 1863 г., 278.
- Смажлѣва, кнж., Надежда Петр., въ замуж. Выгцова, 162.
- Смирновъ, М. П., наставн. въ саратовск. духовн. учил., 1830 г., 437.
- Смолинъ, 1771 г., 194.
- Смогилевъ, Иванъ Мих., ссылка на «Русскія достопамятности», 23, 24; упом. 732.
- Содомцевъ, Николай, офиц., † 1854 г., 135.
- Соещій, Теофилъ, учен. варшавск. Главн. школы, 1863 г., 671.
- Соймоновъ, генер.-кригсъ-коммисаръ, 1740 г., 392.
- Соймоновъ, губерн. тобольск., 1764 г., 31.
- Сожоловскій (Исера), † 1863 г., 650.
- Сожольскій, Петръ Максимов., учнт. саратовск. духовн. учил., 1830 г., 444.
- Соллогубъ, полковн., нач. штаба люблинск. воен. отд., 1863 г., 84.
- Солнцева, Фел. Григ., художн.-проф., ссылка на его рассказъ: «Моя жизнь», 520.
- Сожовъ, Серг. Мих., акад., профес., историкъ, р. 1820 † 4-го октября 1879 г., Некрологъ его, 543, 544.
- Сожне, актеръ, 230.
- Сперанскій, гр., Мих. Мих., чл. госуд. сов., р. 1772 † 1839 г., 109, 237.
- Сперойтеръ, 1730—1740 гг., 409.
- Спиридовъ, Алексѣй Григор., адмир., арханг. воен. губернат., 1811 г., 90—92.
- Спиридовъ, архимандр., рект. саратов. семинаріи, 1830 г., 437.
- Средневскій, Изм. Ив., акад., 1850 г., 479.
- Стажколакъ (Лещинскій), кор. польск., 380, 382, 383, 389, 390.
- Стасовъ, В. В. Сообщ. письма Гоголя и Брыдлова, 723—728.
- Стасовевичъ, нач. польской банды, 1863 г., 239.
- Стемпковскій, чиновн. варшавск. магистрата, 1863 г., 277, 486.
- Степановъ, инженер. офиц., 1844 г., 286, 287.
- Страшевичъ, Антонъ, старшій началн. варшавск. городск. отдѣла, 1863 г., 671.
- Стрешневъ, Васи. Ив., тн. сов., сенат., 1740 г., 580.
- Стоговъ, Эразмъ Ив., ссылка на его «Очерки и рассказы», 562.

Стротаковъ, гр., Григ. Григ., тн. сов., бывш. русск. посолъ въ Мадридъ, 549.

Стротаковъ, гр., Серг. Григор., ген.-адъют., почечт. Московск. учебн. окр., 1837 г., 463—476, 544.

Стротаковъ, гр., мн-ръ внутр. дѣл., 1841 г., 97.

Строевъ, ссылка на «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей», 350.

Суворовъ-Рымникскій, князь А. А., костромск. военн. губернат., 1847 г., 341, 346.

Суворовъ, крестьян.-старообряд., 1842 г., 636, 638.

Суворинъ, правит. походв. канцел., 1843 г., 123.

Сулима, вице-адмир., арханг. ген.-губернат., 1836 г., 99.

Сулоцкий, А., протоиерей, ссылка на замѣтку объ Иринеѣ, архіеп. Иркутск., 562.

Сумароковъ, Александр. Петр., писат., р. 1718 † 1777 г., 16, 404, 408.

Сумароковъ, Петръ Спирид., об.-штаб-мейст., 1730 г., 373.

Суминскій, Сигизмундъ, студ. варшавск. Главной школы, 1863 г., 490.

Сунцовъ, томскій губернс. страпчій, 1812 г., 738.

Сухомажеть, Ив. Онуфриев., ген.-адъют., директ. воен. академіи, р. 1788 † 1861 г., ссылка на его рассказъ, 520.

Сухонинъ, полков., † 1863 г., 71, 72 659, 663.

Сухотинъ, Алексд. Никол., подполковн., 1853 г., 126—128.

Сухотинъ, майоръ, 1863 г., 60.

Сушко, моравскій ученый, 1837 г., 465.

Сущинскій, П. П., докторъ, † 1879 г., 737.

Сыромяки (Ковратовичъ), польск. поэтъ, † 1862 г., 483.

Сѣверинъ, 1824 г., 302.

Сѣраповскій (Доленго), предвод. повстанц. въ Литвѣ, 1863 г., 77, 498, 654—656.

Сѣровъ, домашн. секрет. Д. Г. Вишнева, 555.

Сѣраповъ, Л. А., акад., граверъ Его Императорскаго Величества, граверъ на деревѣ, гравир. портреты: Н. В.

Гоголя, съ весьма рѣдкой литографіи изъ собранія П. А. Ефремова, 1; митропол. ростовск. Арсенія Шацкевича, съ весьма рѣдкой же гравюры изъ того-же собранія, 177; архіеп. Иркутск. Ириней—съ живописн. портрета, 359; уном. 34, 258.

Сѣченовъ, Дмитрій, митропол. новгород., 1763 г., † 1767 г., 17—33, 178—197.

Т.

Талебранъ, герц. Беневентскій, франц., мн-ръ иностр. дѣл., 111, 121.

Талица, Семень, офиц., † 1854 г., 135.

Татищевъ, Вас. Никит., тн. сов., главн. нач. сибирск. и казанск. горн. заводовъ, 1733—1739 гг., историкъ, р. 1686 † 1750 г., 35—42, 403, 407, 540—548.

Таубе, бар., подпоруч. корп. пут. сообщ., 1843 г., 547.

Таубе, полковн., 1863 г., 72, 657, 658.

Телешова, К., артистка, 1820 г., 106.

Тепловъ, Григ. Никл., дс. ст. сов., писат., р. 1720 † 1779 г., 4, 23, 33.

Теребемезъ, художникъ, 725.

Тивенгаузенъ, бар., ревальскій комендантъ, 1767, † 1769 г., 192, 193.

Тимофеев (Щербакскій), митропол. моск., 1763 г., 20.

Тиссонъ (Гостковскій), нач. польской банды, 1863 г., 61—64.

Титовъ, 320.

Тихомировъ, Конст. Никит., секрет. видир. статистич. комит., дс. членъ Московск. археолог. общ., р. 1822 † 1879 г. Некрологъ его, 718—722.

Тихонъ, архіер. воронез., 1762 г., 23.

Тихоцкий, майоръ, 1863 г., 648, 652.

Толль, гр., Карлъ Фѣдор., ген.-адъют. главноуправл. пут. сообщ., р. 1777 † 1842 г., 221.

Толль, гр., ген.-майоръ, 1863 г., 59, 62.

Толль, прапорц., † 1863 г., 82, 83.

Толстой, Ф., 1825 г., 313, 317, 321.

Толстой, гр., Фѣд. Петр., тн. сов., вице-презид. акад. худож., медальеръ, р. 1783 † 1873 г., 256, 258.

Томашевскій, см. Волча-Владимирскій.

Тормасовъ, Алексд. Петр., ген.-отъ-кав., 1812 г., 709.
Торожановъ, Матвѣй, сотскій, 1765 г., 86.
Точновскій, Іосифъ, 1863, † 1864 г., 490, 670, 681.
Траугутъ, Ромуальдъ (Михаэль Чарнецкій), послѣдній диктаторъ польск. жонда, 1863 г., р. 1826 † 1864 г., 259, 286—290, 481—492, 647—702.
Трешовъ, Фед. Фед., варшавск. ген.-полкис., 1863 г., вполнѣд. ген.-адъют. и слѣ-ій градоначальникъ, 481, 487—489.
Трешовъ, ген.-адъют., 1865 г., 689, 690.
Тромбинскій, поруч., нач. польск. банды, † 1863 г., 60—66.
Трубецкой, кн., Иванъ Юрьев., презид. юстицъ-колл., р. 1703 † 1744 г., 374, 409.
Трубецкой, кн., Никита Юрьев., ген.-прокур. и ген.-фельдмарш., р. 1700 † 1768 г., 385, 387, 409, 567.
Тршасва, Францискъ, 1863 г., 277.
Тршебецкій, Эдуардъ, плотничій под-мастеръ, 1863 г., 490, 494.
Туманскій, писат., 1825 г., 310, 733.
Тургеневъ, Алд. Ів., писат., 1824 г., 302.
Туржанскій, Ирпней, начальн. повстан. полиціи, 1864 г., 677.
Тутчевъ, 1817 г., 350.
Тухольскъ, генер., предсѣдат. слѣдств. комис., 1863 г., 81.

У.

Уваровъ, гр., Серг. Сем., мн-ръ народн. просвѣщ., 1848 г., 475—479.
Устиновичъ, ссылка на книгу: «Заговоры и покушеніе на жизнь гр. Берга», 270.
Устряловъ, Никл. Герасим., проф., историкъ, † 1870 г., 219.
Устюжанинъ, подполковн., 1863 г., 70.
Уткинъ, Никл. Ів., проф.-грав., 313.
Ушаковъ, Андрей Иван., генер.-анш., 1740 г., 580.
Ушаковъ, генер., начальн. Радомск. воен. отдѣла, 1863 г., 74, 647, 666, 667.
Ушниковскій, Конст. Дмт., инспект. клас-совъ Гатчинск. сиротск. инстит., 155.

Ф.

Федоровъ, художн., 1860 г., 727.
Фельшнеръ, В. И., ссылка на его «Записки», 520.
Фердинандъ I, императ. австр., 1841 г., 110.
Ферморъ, 1730—1740 г., 409.
Фигурникъ, Федотъ, 1812 г., 94.
Филиповъ, Леонасій, стражн., 1863 г., 285.
Финиъ, англ. послан. при русск. дворѣ, 1741 г., 377, 378, 597.
Фитингофъ, баронъ, 606.
Флеммингъ, гр., саксонск. фельдмарш., первый мн-ръ польск. кор. Августа II, 602, 603.
Флерн, кардиналь, 1728 г., 369, 380, 585.
Фогтъ, проф., 252.
Фогтъ, Карль, натур., 252.
Фонбригъ, арханг. староста иностран. купечества, 1767 г., 102.
Фотій, архимандр., настоят. повгород. Юрьева монастыря, † 1838 г., 121, 714.
Фохтъ, Фадей, 1864 г., 677.
Франковский, Владиславъ, 1863 г., 491.
Франковский, Романъ, студ. варшавск. Главной школы, 1863 г., 490—494.
Франковский, Станисл., 1863 г., 267, 269, 482, 484.
Фрейманъ, ген.-маіоръ, 1774 г., 207.
Фремеръ, капит., 1734 г., 383.
Фридрихъ, ген.-маіоръ, варшавск. об.-полкисмт., 1864 г., 677, 682.
Фридрихъ II Великій, кор. прусск., 1741 г., 584—586, 590, 613.
Фридрихъ-Вильгельмъ, герцогъ Курляндскій, 1710 г., 399.
Фриче, см. Ршемпеловскій.
Фроловъ, гѣсничій, 1842 г., 412, 413.
Фуше, Жанъ, герц. Отрантскій, мн-ръ полиціи при Наполеонѣ I, р. 1763 † 1820 г., 309.

Х.

Ханьковъ, лб.-тв. капит., 1740 г., 569.
Хитрово, Федоръ, кам.-юнк., 1762 г., 25.
Хмѣленскій, Игнатій-Сигизмундъ, членъ жонда, начальннкъ банды, 1863 г., 75, 259, 267—269, 279, 235, 482, 485, 489, 647—671, 687.

- Хмельницкій**, писат., 1825 г., 307.
Ходяковский Юліанъ, работн., † 1863 г., 259, 284, 285.
Ходневъ, проф., 1860 г., 288.
Ходоровичъ, надв. сов., старшій врачъ востромск. градск. больницы, 1847 г., 344, 345.
Жокутовъ, Мих. Григор., наказн. атам. войска донск., 1852 г., 347—349.
Жомазовъ, Алексѣй Степ., писат., 1868 г., 537.
Хорватъ, генер., 737.
Хорватъ, Клеопатра Петр., рожд. Ильи-нская, во втор. замуж. гр-ня Клейн-михель, 737.
Жрущевскій, подполковн., 1854 г., 131.
Жрущевъ, тн. сов., † 1740 г., 392.
Жрущовъ, ген.-лейт., начал. люблинск. воен. отд., 1863 г., 77—81.
Жусейнъ-паша, черкесь, 1863 г., 495.

Ц.

- Цвѣтъ**, началн. польск. банды, 1863 г., 648.
Цвѣрчавичъ, парижск. агентъ центральн. польск. комит., 1863 г., 508.
Цвѣтинскій, полковн., 1863 г., 77—84.
Церебровскій, товар. инспект. саратовской духовн. учн., 1830 г., 435, 436.
Цедеррейцъ, бар., сенат. швед. службы, 1741 г., 611.
Цинклеръ, маіоръ швед. службы, 1736 г., 390.
Цихорскій, см. Замечка.

Ч.

- Чаадаевъ**, ген., 538.
Чарковский, 1863 г., 268.
Чарнецкій, Михаилъ, см. Трауггутъ.
Чарный, Янекъ, см. Массонъ.
Чарторыскій, кн., Владиславъ, членъ польск. революц. комитета, 1863 г., 286, 485—495, 655—678, 690.
Чачовскій, Алозія, нач. польск. банды, † 1863 г., 68—71, 647—652.
Чевениъ, Конст. Влад., генер.-адъют., р. 1803 † 1875 г., 558.

- Челавовскій**, чешскій ученый, 1837 г., 465.
Ченгеръ, генер.-маіоръ, 1863 г., 68, 72, 267, 657—666.
Чермасовъ, бар., Алексдр. Ив., дс. тн. сов., презид. медяницк. колл., 1765 г., 85.
Чермасовскій, кн., Алексѣй Мих., кабин.-мн-ръ, р. 1880 † 1742 г., 374, 393, 394, 568, 572, 579, 580.
Чернева, Екат. Дмит., въ замуж. Бошнякъ, 214.
Черносвитовъ, отвтн. поруч., исправникъ, 1842 г., 425, 427, 431.
Чернышевъ, гр., Алсд. Ив., ген.-адъют., р. 1786 † 1852 г., 558.
Чернышевъ, гр., Петръ Григор., дс. тн. сов., сенат., 1712 † 1773 г., 409.
Чернышевъ, гр., ротмист., декабр., 557—559.
Черняевъ, Мих. Григор., шт.-капит., 1854 г., вполнѣд. генералъ, покоритель Ташкента, главнокомандующій въ Сербіи, 128, 129, 132.
Чеславскій, маіоръ, 1863 г., 69.
Чеховскій, Леонтъ, полковн., нач. польск. банды, 1863 г., 80.
Чивилевъ адъютантъ проф., 1837 г., 462.
Чириковъ, І. С. Сообш. два рецепта отъ холеры въ 1831 г., 168; упом. 355.
Чичеринъ, Д. И., губернат. Сибіри, 1763—1770 г., 33.
Чумишевъ, Степанъ, 1735 г., 36, 37.
Чутъ, маіоръ, 1863 г., 650, 651.

Ш.

- Шадежъ**, маіоръ, 1763 г., 7.
Шамилъ, внампъ Чечни и Дагестана, 46, 653.
Шапаръ (Szapar), об.-гофмейст. австр. эрцгерц. Іосифа, 1801 г., 332, 335.
Шанпъ, аббатъ, 1761 г., 30, 34.
Шарлеманъ, А., проф., сынка на его рисунокъ, 274.
Шарлотта-Христина, принцесса Браун-швейгская, супруга царевича Алексѣя Петровича, р. 1694 † 1715 г., 596.
Шафарикъ, чешскій ученый, 1839 г., 465—467, 475.

Шафирчикъ, Эммануилъ, участн. въ польск. восстаніи, 1863 г., † 1865 г., 277, 285, 686, 687.

Шаховской, кн., Алекд. Алекд., писат., р. 1777 † 1846 г., 742.

Шаховской, кн., начальн. Мѣховско-Олькушскаго отдѣла, 1863 г., 665.

Шаховскій, 1863 г., 482.

Шахъ-Надиръ, 1740 г., 590, 591.

Шавченко, Тарасъ Григ., малороссійск. поэтъ, художн., 256.

Шевкуневъ, С. П., профессоръ Моск. унив., 1860 г., 479.

Шейкъ, П. В., 352.

Шеланугинъ, губерн. секретарь. почетн. смотрят. Бронницкаго уѣзди. учн., 1842 г., 475.

Шеловицковъ, штб.-капит., 1863 г., 649.

Фонъ-Шембергъ, генер.-бергъ-директоръ, 1739 г., 41, 42.

Шембергъ, проф. чешск. яз., 1837 г., 466.

Шепелевъ, гофмарш., 1740 г., 560.

Шереметевъ, гр., Борисъ Петр., фельдмарш., р. 1652 † 1719 г., 363.

Шереметевъ, поруч., 1814 г., 106.

Шешовскій, Степ. Иван., тайн. сов., р. 1720 † 1794 г., 18, 193, 195.

Шигъ, Владимъ, вноземецъ, 1765 г., 86.

Шиншковъ, Алекд. Семенов., адмир., писат., р. 1754 † 1841 г., 302.

Шленкеръ, Ксаверій, 1863 г., 490.

Шлиппенбахъ, генер. шведск. службы, 1702 г., 363.

Шмейсъ, офц. австр. службы, 1863 г., 66, 67.

Шмидтъ, прапорщ., 1863 г., 74, 649.

Шмидтъ, Антопъ, провизоръ, 1863 г., 270.

Шмальский, маіоръ, 1863 г., 76.

Шнитцель, 1730—1740 гг., 409.

фонъ-Шредерсъ, Анна Давид., въ замуж. Вольфъ, 212.

Штейнъ, капит., 1863 г., 660.

Штессель, полковн., 1820 г., 108.

Штофельнъ, 1730—1710 гг., 409.

Шуваловъ, гр., Алекд. Ив., фельдмарш., р. 1710 † 1771 г., 595.

Шуваловъ, гр., Ив. Ив., об.-камерг., сенат., р. 1727 † 1797 г., 183.

Шуваковъ, гр., Петръ Ив., камерг.,

впослѣд. генер.-фельдцейхмейстеръ, р. 1711 † 1762 г., 595.

Шулеръ, докт., масонъ, 521.

Шульманъ, полковникъ, 1863 г., 649, 656—660.

Шумлякомій, нач. польск. банды, 1863 г., 68, 260.

Щ.

Щебальскій, П. К., ссылка на его статью «Кто написалъ Замячаниа на Зап. Манштейна о Россіи», 362, 618, 619.

Щербатовъ, кн., Мих. Мих., сенаторъ, историографъ, р. 1733 † 1790 г., 182—184, 200, 201.

Щербатовъ, кн., ген., московск. воен. ген.-губернат., 1847 г., 217.

Щербатскій, см. Тимошеи митроп.

Щербина, Никл. Федор., поэтъ, писат., 1857 г., 729.

Щербовъ-Нефидовичъ, ген.-маіоръ, зрянск. воен. губерн., 1861 г., 50, 51.

Щуруповъ, архитекторъ. 1850 г., 727.

Э.

Эггеръ, генер., 1863 г., 239.

Эйхлеръ, кабинетскій секрет., 1740 г., 392.

Эккертъ, Пав., повстанско-поляц. чянов., 1863 г., 270, 272, 689.

Эльжановскій, Северинъ, литераторъ, 1863 г., 690.

Эмануэль-донъ, португальск. принцъ, 1780 г., 377.

Эминовичъ, начальникъ польск. банды, 1863 г., 648.

Эминъ-Мухамедъ, трапезунтскій ген.-губернат., 1863 г., 496.

Эммануэль, полковн., 1863 г., 59—64.

Эмме, Фед. Ив., ст. сов., секрет., 1741 г., 620, 624.

Энгельгардтъ, Егоръ Ант., директоръ Царскосельск. лицейа, 1811 г., р. 1775 † 1862 г., 305.

Эпштейнъ, Владиславъ, 1864 г., 672, 673.

Эриротъ, полковн., 1863 г., 68—75.

Эссель, гр., Петръ Кирил., сб. воен. ген.-губернат., р. 1772 † 1844 г., 119, 551.

Ю.

- Юзефовичъ, Наполеонъ, типографчикъ,
† 1868 г., 278.
Юмъ, историкъ-писат., 182, 183.
Юнгманъ, ученый, 1839 г., 465.
Юсковскій, ссылка на его замѣтку:
«Смыслъ протопопа», 197.
Юсуповъ, кн., Борися Григор., тн. сов.,
моск. губернат., 1740 г., 580.

Я.

- Ягминъ, майоръ, 1863 г., в послѣд. нач.
польск. легіона въ Турцин, † 1877 г., 77.
Ягошевскій, Станиславъ, варшавск. ре-
меслен., † 1863 г., 230.
Ягужинскій, гр., Пав. Ив., кабинетъ-
мн-ръ, р. 1683 † 1736 г., 373.
Языковъ, Никл. Мих., поэтъ, род. 1803
† 1846 г., 297, 300, 306, 733.
Яковлевъ, 1817 г., 349.
Яковлевъ, Александръ, заводовладѣлецъ,
1898 г., 169.
Яковлевъ, Ив. Алексѣев., отставн. гвард.
капт., † 1846 г., 256.

- Якубовичъ, А. И., декабр., 742.
Янишевскій, Станиславъ, варшавск. ре-
меслен., † 1863 г., 280.
Янковскій, нач. польск. банды, 1863 г.,
70—84, 700.
Яновскій, Иосифъ, чл. польск. жонла,
1863 г., 77, 268, 491, 679, 700, 701.
Яновскій, Θεодосій, новгород. архіеп.,
вице-презд. синода, 1718 г., 14, 22, 23,
195.
Янчевскій, Здиславъ, 1863 г., 504.
Ярославцевъ, директ. моск. присутс.
мѣста, 1763 г., 1, 2, 16, 177.
Ярошинскій, 1863 г., 489, 680.
Ярцевъ, бергмейст., 1735 г., 36, 37.
Ясикскій, нач. польск. банды, 1863 г.,
60, 61, 64.
Якульскій, Брониславъ (Бронекъ),
мастеровой, 1863 г., 270, 486.

Ѳ.

- Ѳеофанъ (Прокоповичъ), архіеп. новго-
родск., р. 1681 † 1736 г., 404
Ѳеминъ, А. А., 725.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1879 года.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

СЕНТЯВРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

	СТР.
I. Русскій дворъ въ 1725—1744 годахъ. Забѣчанія гр. Петра Ивановича Панина на „Записки генерала Манштейна о Россіи“. Сообщ. К. А. Висковатовъ. 359 и 567	
II. Составитель „Забѣчаній на Записки Манштейна о Россіи“. Изслѣдованіе. Сообщ. П. Н. Петровъ.	616
III. Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ. Глава XXXVI. Въ Англіи, 1861 г.	241
IV. Воспоминанія В. А. Дзюбенко. Полулѣтняя гражданская служба за Кавказомъ, 1829—1876 гг. Глава V—VI (Окончаніе)	43
V. Волненія крестьянъ въ Зауральской части Пермскаго края въ 1842—1843 гг. Записки очевидца. Состав. и сообщ. М. С. Колонна-Валевскій.	411 и 627
VI. Записки сельскаго священника. II. Въ духовномъ училищѣ и въ архіерейскомъ хорѣ пѣвчихъ	433
VII. Польское возстаніе въ 1863—1864 гг. Записки. Главы VIII—X и приложенія (Окончаніе). Состав. и сообщ. Н. В. Бергъ. 59, 259, 481 и 647 Графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ. Забѣтка по поводу «Записокъ о польскомъ возстаніи». Сообщ. фонъ-Валь (703).	
VIII. Историческіе рассказы и анекдоты изъ Записокъ Богуславскаго. Сообщ. Л. М. Сердюкова	103, 217 и 545

Исследования и историко-биографические очерки.

- стр.
- I. Арсеній Мацѣвичъ, историко-биографическій очеркъ.
Главы VI—IX. Сост. проф. В. С. Иконниковъ. .1 и 177
1. Выдуманное въ XVIII в. письмо о кончинѣ Арсенія
Мацѣвича. Сообщ. В. И. Лѣствицнѣ. (197). 2. За-
мѣтки о портретѣ Арсенія Мацѣвича (34—176).
- II. Иванъ Константиновичъ Бошнякъ, комендантъ города
Саратова, 1774 г. Сообщ. Н. Н. Селифонтовъ . . 199
- III. Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврической,
1800—1867 гг. Переводъ и объясненія молитвенника.
Приложеніе къ письму его къ Его Императорскому
Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу,
1852 г. 137
Замѣтка къ письму Иннокентія, архіепископа Херсонскаго
и Таврическаго. Сообщ. кн. Н. Н. Голицынъ (161).
- IV. Водвореніе и распространеніе картофеля въ Архангель-
ской губерніи въ 1765—1865 гг. Сообщ. А. О. Под-
высоцкій 85

АКТЫ, ПЕРЕПИСКА, РАЗСКАЗЫ И ЗАМѢТКИ.

Царствованіе Петра I.

- I. Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ. Замятка о его пу-
тевомъ журналѣ 1697—1699 гг. Сообщ. кн. Н. Н. Го-
лицынъ 160

Царствованіе Анны Іоанновны.

- I. Мысли Василя Никитича Татищева о развитіи горно-
заводской промышленности, въ 1735—1738 гг. Сообщ.
Д. Д. Лисенко 35
- II. О числѣ мужеска пола душъ за монастырями для внима-

нія съ нихъ кобылъ въ государственные заводы, 1730-хъ гг. Сообщ. И. А.	стр. 335
III. Поговорки, клички и любимыя выраженія императрицы Анны Іоанновны. Сообщ. И. А.	335

Царствованіе Елисаветы Петровны.

I. Могила историка Василя Никитича Татищева. Замѣтка. Сообщ. С. И. Романовъ	540
---	-----

Царствованіе Екатерины II.

I. Попытка освѣщенія улицъ въ Архангельскѣ въ 1767—1768 гг. Сообщ. А. О. Подвысоцкій.	101
II. Самосожигатели и самоутопленники въ Сибири, 1782—1783 гг. Сообщ. А. А. Павловъ	336
III. Письмо Екатерины II къ Ульянѣ Ланской, 1784 г. Сообщ. Ѳ. Бычковъ.	151

Царствованіе Павла I.

I. Письма къ императору Павлу Петровичу отъ эрцгерцога Іосифа австрійскаго, палатина венгерскаго, супруга великой княгини Александры Павловны, 1801 г.	329
--	-----

Царствованіе Александра I.

I. Кавказское ополченіе въ 1812-мъ году. Разсказъ Р. Медокса. Сообщ. Н. К. Медоксъ.	709
---	-----

Царствованіе Николая I.

I. Заводовладѣлецъ Александръ Яковлевъ, 1828 г. Сообщ. В. Ведерниковъ	169
II. Первая холера въ Бѣльскомъ уѣздѣ Смоленской губ., въ 1830 г. Сообщ. Ст. Е. Кулеша.	538
III. Два рецепта отъ холеры. Сообщ. Г. С. Чириковъ	168

	СТР.
IV. Рескриптъ генералу Кавелину 1844 г. Замятка. Сообщ. Н. Р.	352
V. Святогорскій монастырь въ Харьковской губерніи, 1844 г. Замятка. Сообщ. Кн. Н. Н. Голицынъ	350
VI. Мнимые поджигатели въ 1847 г.	341
VII. Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ. Письмо его къ кн. М. С. Воронцову, 1852 г. Сообщ. А. Крыловъ	347
VIII. Каракальское дѣло, 16-го мая 1854 г. Сообщ. А. А. Вязьмитиновъ	125
IX. Графъ Сергѣй Степановичъ Ланской. Біографическая замѣтка. Сообщ. А. А. Чумиковъ	151
X. Ириней Нестеровичъ, архіеп. иркутскій. Замятка. Сообщ. Н. Д. Павловскій	562
XI. А. С. Хомяковъ и гр. А. А. Закревскій. Разсказъ. Сообщ. Ст. Е. Кулеша	537

Исторія русской литературы.

Писатели XIX-го вѣка.

I. Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ: Письмо его къ П. А. Новикову, 1877 г. Сообщ. акад. А. Ѳ. Бычковъ.	349
II. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ: 1. Біографическій очеркъ и его письма 1820—1826 гг. Сост. подъ ред. П. А. Ефремова	291 и 505
2. «Моя Родословная», стихотв. Пушкина, по подлинной рукописи. Сообщ. съ предисловіемъ и замѣтками П. А. Ефремовъ.	729
3. Замятка о портретѣ Пушкина	176
III. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ: Семнадцать его стихотвореній. Переводъ въ стихахъ съ нѣмецкаго изъ Боденштедта. Сообщ. П. А. Висковатый	353
IV. Николай Васильевичъ Гоголь: 1. Замятка о его портретѣ. Сообщ. П. А. Ефремовъ	172
2. Письмо Гоголя къ Моллеру, изъ Москвы, въ 1852 г. Сообщ. В. В. Стасовъ.	724

	СТР.
V. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ:	
Бъ его портрету. Замятка	715
VI. Осипъ Максимовичъ Бодянской, проф. Московскаго университета:	
1. Письма и отчеты Бодянскаго въ бытность его у западныхъ славянъ; ученая и профессорская дѣятельность. 1835—1850 гг. Сообщ. Нилъ Ал. Поповъ	461
2. Замятка о немъ. Сообщ. кн. Н. Н. Голицынъ.	161
VII. Константинъ Никитичъ Тихонравовъ:	
Очеркъ его жизни и историко-археологическихъ трудовъ. Составлено по матеріаламъ, сообщ. И. А. Голышевымъ.	718
VIII. Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ, историографъ:	
Некрологъ † 4-го октября 1879 г.	543
IX. Исаакъ Беръ-Левензонъ, еврейскій ученый:	
1. Замятка о немъ. Сообщ. кн. Н. Н. Голицынъ.	160
2. Замятка о немъ-же. Сообщ. Левъ Гордонъ.	159

Художники XIX-го вѣка.

I. Карлъ Павловичъ Брюлловъ:	
Письма его къ Вас. Ив. Григоровичу изъ Рима, 1850 г. Сообщ. В. В. Стасовъ.	726

Памятникомъ народнаго творчества.

I. Молитва воиновъ-поляковъ въ X-мъ вѣкѣ. Сообщ. М. Ѳ. Бороздинъ.	340
II. Три историческія пѣсни. Сообщ. Ив. Ив. Манжура.	351
III. Слово расколуучителя Денисова. Сообщ., въ 1870 г., проф. Ив. Дмитр. Бѣляевъ	523
IV. Стихи изъ раскольникяго сборника. Сообщ. Аполлонъ Можаровскій и М. И. Лилеевъ.	163 и 165
V. Молитва сопѣлковца-бѣгуна. Сообщ. Аполлонъ Можаровскій	170

Родословія.

	стр.
I. Князья и дворяне Бычковы-Ростовскіе. Сообщ. Андрей Апраксинъ	162
<hr style="width: 20%; margin: 0 auto;"/>	
I. Исчезновеніе Историческаго Музея въ Новгородѣ. Замятка. Сообщ. А. А. Васильчиковъ.	563
II. Историческій курганъ близъ города Зарайска, Рязанской губерніи. Замятка Д.	708
<hr style="width: 20%; margin: 0 auto;"/>	
I. Шутки изъ рукописнаго сборника и челобитная о котѣ 561 и 738	
<hr style="width: 20%; margin: 0 auto;"/>	
I. Указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ XXVI-мъ томѣ „Русской Старины“ изд. 1879-го года . . .	1—56
II. Систематическое оглавленіе XXVI-го тома „Русской Старины“	I—VIII
III. „Русская Старина“ въ двѣнадцати книгахъ изд. 1879-го г.	739
IV. Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ Записки, изслѣдованія, очерки, рассказы и матеріалы. .	753
V. Матеріалы журнальной статистики: „Русская Старина“ въ 1879 году	759

Портреты и снимки русскихъ дѣятелей.

- I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1855 гг. Рисунокъ составилъ проф. А. Шарлемань, рисоваль К. О. Брожъ, гравироваль академикъ Л. А. Сѣряковъ.
(См. заглавную вѣсьетку).
- II. Портретъ митрополита Ростовскаго Арсенія Мацѣевича, въ казачьей, въ Ревелѣ, † 1772 г.—Рисов. на деревѣ съ весьма рѣдкой гравюры, принадлежащей къ собранію П. А. Ефремова, художн. К. О. Брожъ, гравироваль академикъ Л. А. Сѣряковъ.

(См. стр. 177).

III. Портретъ архіепископа Иркутскаго Иринея Нестеровича, † 1864 г. Рисоваль на деревѣ К. О. Брожь, гравироваль академикъ Л. А. Сѣряковъ.

(См. стр. 359).

IV. Портретъ Николая Васильевича Гоголя, 1834 г. Подлинникъ рис. съ натуры акад. Венеціановъ, рисоваль на деревѣ К. О. Брожь, съ весьма рѣдкой литографіи изъ собранія П. А. Ефремова; гравироваль академикъ Л. А. Сѣряковъ.

(См. стр. 1).

V. Портретъ Николая Алексѣевича Некрасова, † 27-го декабря 1877 г. Гравироваль на мѣди академикъ И. П. Пожалостинъ.

(См. стр. 715).

VI. Снимокъ съ подлиннаго письма Александра Сергѣевича Пушкина къ Аннѣ Петровнѣ Кернъ, 1825 года.

(См. стр. 510).

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества. Сиб. 1878 г. Т. XXIV, стр. XXV+586, и т. XXV, стр. XL+516 (На оберткѣ 9-й книги «Русской Старины» 1879 г.).
2. Къ исторіи права русскихъ инородцевъ. Древній монголо-калмыцкій или обратскій уставъ வழக்கаний. О. И. Леонтовича. Одесса, 1879. 282 (Тамъ-же).
3. Хивинскій походъ. Альбомъ хромофотографій, исполненныхъ заведеніемъ Винкельманъ и Штейнбокъ, въ Берлинѣ, по оригинальнымъ рисункамъ Н. Н. Карзина (На оберткѣ 10-й книги «Русской Старины» 1879 г.).
4. Архивъ князя Воронцова. Книга XIII, 507; книга XIV, 528. М. 1879 г. (Тамъ-же).
5. Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Т. II. Рига, 1879 г. 592 (Тамъ-же).
6. Новгородскія лѣтописи, изд. Археографической комиссіи. Сиб. 1879 г. XXIV+488+113 (указатели) (Тамъ-же).
7. Сочиненія Николая Ивановича Павличева. Сиб. 1878 г. Три тома

- въ 8 д. 1. Часть первая: VIII+9+262 (Карта, три портрета). Часть вторая: VIII+406 (два портрета). Часть третья: VIII+243 (три портрета) (На оборотѣ 11-й книги «Русской Старины» 1879 г.).
8. Извѣстія Историко-филологическаго института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Т. III. Кіевъ, 1879 г. (Тамъ-же).
 9. Историческіе и критическіе опыты Н. Барсова, э.-о. проф. Сиб. духовной академіи. Сиб. 1879 г. 539 стр. (Тамъ-же).
 10. Отчетъ Императорской публичной бібліотеки за 1877 годъ. Сиб. 1879 г. 213 стр. въ 8-ю д. 1. (На оборотѣ 12-й книги «Русской Старины» 1879 г.).
 11. Новые изданія Московскаго Главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ (Тамъ-же).
 12. Архивъ Государственнаго Совѣта. Сиб. 1878 г. Т. III. Ч. I, 884 стр., и ч. II, 1276 стр. (Тамъ-же).
 13. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами. Сост. Ф. Мартенсъ. IV, ч. 2. Трактаты съ Австріей 1849—1878 г. Сиб. 1878 г. 603—1178 стр. (Тамъ-же).
 14. Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen. Herausgeg. von Wilhelm Oeken. Berlin. 5 u. 7 Abtheil. 1879 (Тамъ-же).

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ КАТАЛОГЪ ВАЖНѢЙШИХЪ НОВЫХЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА „РОССІЙСКОЙ БИБЛЮГРАФІИ“.

(ЭМИЛЬ ГАРТЬЕ)

Невскій просп., 27 (между Казанск. мостомъ и Думою) С.-Петербургъ.

Всѣ книги, помѣщенныя въ Каталогѣ, изданы въ 1879-мъ году. Иностранныхъ книгъ, а также нѣкоторыхъ русскихъ, магазинъ еще не имѣетъ у себя, но принимаетъ на себя комиссію заготовить ихъ Гг. желающимъ.

Цифры, поставленныя въ скобкахъ [], соответствуютъ нумераціи „Ежегоднаго Указателя“ журнала „Россійская Библиографія“.

При требованіи нѣсколько книгъ разомъ за пересылку прилагается 10% стоимости.

I. НОВЫЯ КНИГИ ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ.

1. БОГОСЛОВІЕ. — ФИЛОСОФІЯ.

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

- Корсакъ, Марія** (учит.).—См. Мартъ (К.).
- Лукашичъ, Александръ** (протоіерей).—См. отдѣлъ 2-ой.
- Мартъ** (Константъ).—Философы и поэты-моралисты во время Римской Имперіи, перев. съ французскаго М. Корсакъ. 380 стр. in-8. Москва 2 р. [3996]
- Николаевскій, Василій** (секр. Слб. Митр.).—Объясненіе воскресныхъ и праздничныхъ чтеній изъ Апостола. 2-ое изд. 134 стр. in-8. Слб. 50 к. [3910]
- Образцовъ, Павелъ** (свящ. въ Стокгольмѣ).—Исторія христіанской церкви, общедоступно-изложженная. Вып. 3-ій. 106 стр. in-8. Слб. 60 к. (Всѣ три выпуска стоятъ 2 р.).
- Рошановъ, Іоакимъ** (законоуч. Смольнаго Алекс. училища).—Полное собраніе поученій. 978 стр. grand in-8. Слб. 1880 3 р. [4168]
- Рудаковъ, Александръ** (законоуч. Горн. Инст.).—Краткое ученіе о богослуженіи православной церкви. 15-ое изд. 128 стр. in-8 съ 21 рис. въ текстѣ. Слб. 50 к. [4161]
- Рудаковъ, Александръ** (протоіерей).—Священная исторія. Слб.
- Часть 1-ая: Ветхій завѣтъ. 18-ое изд. 168 стр. in-8 и 1 карта 4 50 к. [3912]
- Часть 2-ая: Новой завѣтъ. 18-ое испр. доп. изд. 176 стр. in-8 и 1 карта in-4. 50 к. [3913]
- Клѣбнниковъ, Николай** (проф.).—Исслѣдованія и характеристики. 336 стр. grand. in-8. Кіевъ 2 р. 25 к. [4175]
- Чельцовъ, Григорій** (законоуч.).—Объясненіе символа вѣры, молитвъ и заповѣдей съ подготовительными къ нему разсказами изъ священной исторіи. 4-ое испр. доп. изд. 188 стр. in-12 съ 16 рис. въ текстѣ. Слб. 20 к. [3916]
- Феофанъ** (еп.).—Толкованіе первыхъ восьми главъ посланія святаго апостола Павла къ римлянамъ. 528 стр. in-8. Москва 1 р. 65 к. [4050]

НА НѢМЕЦКОМЪ, ЛАТЫШСКОМЪ И ЭСТОНСКОМЪ ЯЗЫКАХЪ.

- Agenda für die Evangelisch-Lutherischen Gemeinden im Russischen Reiche.** Слб.
- 1-ое изданіе. 192 стр. in-8. 1 р. [4359]
- 2-ое изданіе. 104 стр. in-4. 1 р. [4360]
- Bahrens (John).**—Betrachtungen über „Drei Gespenster als Zeitfrage“. 50 стр. grand in-8. Одесса. 60 к. [4361]
- Evangelisches Gesangbuch für Kirche, Schule und Haus.** 446 стр. in-8. Слб. 3 р. [4362]
- Martin Lutterose** weikene katekismus pühhä kirjä perrä selletudt. 10-ое изд. 166 стр. in-8. Дерптъ. (тип. К. Маттисена) 40 к. [4380]
- Matto (J.).**—Weineke Waimulik käsiraamat. 186 стр. in-12. Дерптъ. [4382]

Zimmes, J. (seminara direktor).—Deesamu rota skolas behrneem. Sesta dala. 2-oe испр. изд. 104 стр. in-12. 30 к. [4257]

НА ГРУЗИНСКОМЪ ЯЗЫКЪ.

Дидебулидзе, Г. (преп.).—См. Соколовъ (Д.).

Соколовъ, Дмитрій (протоіерей).—Начальное наставленіе въ православной христіанской вѣрѣ, перев. съ русскаго на грузинскій Г. Дидебулидзе. 276 стр. in-8. съ 25 рис. въ текстѣ. Тифлисъ. 60 к. [3934]

2. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ И ФИНАНСОВЫЯ НАУКИ.

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ.

Аленковъ (К.).—Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. Томъ 2-ой: О доказательствахъ. 556 стр. grand in-8. Спб. 1880. 3 р. [3902]

Вьялевъ, И. Д. (проф.).—См. отдѣлъ 4-ый.

Голицынъ, Н. Н. (князь).—Употребляютъ ли евреи христіанскую кровь? по поводу современнаго спора. 370 стр. grand in-8. Варшава. 2 р. [4095]

Евюранскій (Ф.).—Сборникъ заповѣдей (Zbiąg praw). Узаконенія и распоряженія Правительства, относящіяся до губерній Царства Польскаго, составившіяся по прекращеніи въ 1871-мъ году оффиціальнаго изданія „Дневника законовъ“. Томъ 5-ый: Второе полугодіе 1874-го года. 354 стр. grand in-8. Варшава. 1 р. 50 к. [4280]

Засоскинъ (Н. П.).—Исторія права московскаго государства. Томъ 2-ой: Центральное управленіе московскаго государства, вып. 1-ый: Дума боярская. 160 стр. grand in-8. Казань. 1 р. [3971]

Зарудный (С.).—Беккарія о преступленіяхъ въ сравненіи съ главою X-юю „Наказа Екатерины II“ и съ современными законами. 228 стр. in-8. Спб. 1 р. 50 к. [3972]

Луцкииъ, Александръ (протоіерей).—Руководство къ производству дознаній и стѣдствій по проступкамъ и преступленіямъ священно-церковнослужителей противъ должности, благочинія и благооведенія. 168 стр. grand in-8. 60 к. [3973]

Никитинъ (Д. Н.).—Систематическій сводъ узаконеній и распоряженій Правительства до земскихъ учрежденій относящихся. Томъ 2-ой: съ измѣненіями и дополненіями по 1-ое іюля 1879-го года. 459 стр. grand in-8. Херсонъ. 3 р. [4315]

Никитинъ (Д. Н.).—Уставъ о обезпеченіи народнаго продовольствія, съ измѣненіями и дополненіями по 1-ое іюля 1879-го года. 86 стр. grand in-8. Херсонъ. 60 к. [4317]

Никитинъ (Д. Н.).—Уставъ объ общественномъ призрѣніи, врачевномъ, медицинско-й полиціи и о карантиннахъ, съ измѣненіями и дополненіями по 1-ое іюля 1879-го года. 312 стр. grand in-8. Херсонъ. 2 р. 50 к. [4318]

Носенко, Дмитрій (секр. 4-го депар. Прав. Сепата).—См. Сборникъ рѣшеній.

Сборникъ рѣшеній 4-го департамента и общихъ собраній Правительствующаго Сената по дѣламъ коммерческихъ судовъ Имперіи. Томъ 3-ій, вып. 1-ый и 2-ой: Съ 1-го іюля 1877 по 1-ое іюля 1879-го года, сост. Д. Носенко. 1176 стр. grand in-8. Спб. 5 р. [4162]

Сазоновъ (архиваріусъ).—См. отдѣлъ 4-ый.

Ушаковъ, К. (предс. рекр. присут. въ Щучинѣ).—Систематическій сборникъ: уставы о воинской повинности, положеніе о государственномъ ополченіи и инструкціи о военно-конской повинности, со всеми дополненіями и разъясненіями. 616 стр. grand in-8. Гродно. 2 р. 50 к. [4352]

Фармаковскій, Владиміръ (мир. судья).—Книжка для волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ. 3-ье испр. доп. изд. 106 стр. in-12. Симбирскъ. 30 к. [4040]

Фрезе (Ш. Э.).—Разсчитная книжка платежей, таможенныхъ пошлинъ за привозные товары по всемъ статьямъ тарифа, съ приложеніемъ указателя и таблицъ. 270 стр. in-12. Спб. 1880. 1 р. 20 к. [4042]

Штаринъ, Н. Д. (ред.-изд. «Библ. Зап. Полосы Россіи»).—Послѣдніе выводы изъ сказаннаго объ употребленіи евреями въ Россіи христіанской крови. 282 стр. in-8. Спб. 1880. 1 р. [4187]

НА НѢМЕЦКОМЪ ЯЗЫКЪ.

Güldenstubbbe, W., von (Cand. jur.).—Handbuch des livländischen Bauer-Privatrechts. 192 стр. in-8. Дерптъ. [4231]

Martens, F. (Prof. an Univ. zu Psh.).—Russland und England in Central-Asien. übersetzt aus dem französischen. 84 стр. grand in-8. Спб. 75 к. [4368]

3. ВОЕННЫЯ И МОРСЧІЯ НАУКИ.

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ.

Ландеръ, Р. И. (инженеръ).—См. отдѣлъ 8-ой.

Морской Уставъ. 628 стр. in-18. и 1 таблица in-12. Спб. [4136]

Смирновъ (лейт.).—См. Сообщенія.

- Сообщенія въ собраніи мѣстныхъ и другихъ офицеровъ флота, подъ редакціей лейт. Смирнова. Спб. Вып. 4-ый. 48 стр. grand in-8 [4339]
 Вып. 5-ый. 40 стр. grand in-8 и 8 таблицъ 4. [4340]
 Утройство войскъ, служба и довольствіе солдата, составлено для полковыхъ учебныхъ командъ пѣхоты со включеніемъ послѣдовавшихъ измѣненій. 2-ое доп. изд. 100 стр. in-8. Спб. 20 к. [4351]

4. ИСТОРИЯ. — АРХЕОЛОГИЯ. — БИОГРАФИЯ. — МЕМУАРЫ.

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

- Арсеній (архимандритъ).—Лѣтопись церковныхъ событій и гражданскихъ, появившихся въ церковныхъ, отъ Рождества Христова до 1879-го года. 2-е испр. доп. изд. 876 стр. in-4. Спб. 4 р. [4079]
 Виллявъ, И. Д. (проф.)—Крестьяне на Руси, изслѣдованіе о постепенномъ измѣненіи значенія крестьянъ въ русскомъ обществѣ. 2-ое изд. 306 стр. grand in-8. Москва 2 р. [4087]
 Васильевъ (В. Г.).—См. Штольцъ (Г. В.).
 Забѣлинъ (М.).—См. отдѣлъ 5-ый.
 Загоскинъ (Н. П.).—См. отдѣлъ 2-ой.
 Илинскій, П. А. (ред. „Врач. Вѣд.“).—Русская женщина въ войну 1877—1878-го года, очеркъ дѣятельности сестеръ милосердія, фельдшерницъ и женщинъ-врачей. 286 стр. in-8. Спб. 1 р. 75 к. [3978]
 Костомаровъ, Николай (проф.).—Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Томъ 1-ый: Господство дома св. Владиміра, 2-ое изд. 764 стр. grand in-8. Спб. 1880. 3 р. 50 к. [4297]
 Мартъ (Константъ).—См. отдѣлъ 1-ый.
 Новиковъ (В. А.).—Сборникъ матеріаловъ для исторіи уфимскаго дворянства. 270 стр. in-8. Уфа. [4004]
 Острогорскій (Михаилъ).—Краткая хронологія всеобщей и русской исторіи древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ. 5-ое изд. 32 стр. in-8. Спб. 25 к. [4011]
 Острогорскій (Михаилъ).—Хронологія всеобщей и русской исторіи, пособие и справочная книга при изученіи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вып. 3-ий: Новая исторія. 5-ое изд. 20 стр. in-4. Спб. 25 к. [4148]
 Погодинъ (Д. М.).—Пожары и поджоги въ провинціи, изъ отрывочныхъ воспоминаній. 2-е испр. доп. изд. 158 стр. in-8. Москва. 75 к. [4151]
 Сазоновъ (архив. Витебскаго архива).—Историко-юридическія матеріалы, извлеченныя изъ актовыхъ книгъ Витебской и Могилевской губерній. 10-ый томъ. 560 стр. in-4. Витебскъ 2 р. [4022]
 Сегаль (Б. Л.).—Исторія еврейскаго народа въ библейскій періодъ съ приложеніемъ географіи и карты Палестины. 3-ье испр. доп. изд. 208 стр. in-8 и 1 карта in-4. Варшава. 80 к. [4026]
 Черепановъ (С. И.).—Отрывки изъ воспоминаній сибирскаго казака, пребываніе въ Сибири съ 1810-го по 1848-ой годъ. 84 стр. grand in-8. Казань. 50 к. [4044]
 Штольцъ (Г. В.).—Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ, исторія Греціи въ біографіяхъ, перев. съ нѣмецкаго подъ редакціей В. Г. Васильева. 2-е изд. 440 стр. in-8. Спб. 2 р. [4188]

5. ГЕОГРАФИЯ. — ЭТНОГРАФИЯ. — ПУТЕШЕСТВІЯ. — СТАТИСТИКА.

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

- Бессарабская губернія въ 1870—1875 годахъ. Вып. 1-ый: Перечень населенныхъ мѣстъ, сост. А. Н. Егуповъ. 132 стр. in-4. Кишиневъ 1 р. [4088]
 Вагнеръ, Рюмелинъ, Эттингенъ и Швабе.—Исторія и теорія статистики въ монографіяхъ, перев. съ нѣмецкаго подъ редакціей Ю. Э. Янсона. 274 стр. in-8 и 3 таблицы in-4. Спб. 2 р. [4272]
 Егуповъ, А. Н. (членъ Стат. Ком.).—См. Бессарабская губернія.
 Забѣлинъ (М.).—Русскій народъ, его обычаи, обряды, преданія, суевѣрія и поэзія. Четыре части. 616 стр. in-8. Москва. 1880 2 р. 50 к. [3970]
 Лохтинъ (В.).—Рѣка Аму и ея древнее соединеніе съ Каспійскимъ моремъ. 104 стр. grand in-8 и 1 карта in-2. Спб. 1 р. 25 к. [4305]
 Юмелинъ (проф.).—См. Вагнеръ.
 Федченко (А. П.).—См. отдѣлъ 6-ой.
 Швабе (д-ръ).—См. Вагнеръ.
 Эттингенъ (А. Ф.).—См. Вагнеръ.
 Янсонъ, Ю. Э. (проф. Спб. Ун.).—См. Вагнеръ.

НА ПОЛЬСКОМЪ И ЛАТЫШСКОМЪ ЯЗЫКАХЪ.

- Bankins (J.)**.—Sichis un tas, swechs un pats, sinatnigi raksti un runas. 3-ье изд. 104 стр. in-8. Митава. 50 к. [4248]
Vamberg, H. (prof. języków w Buda-Peszcze).—Obrazy obyczajowy ze wschodu. 464 стр. in-8. Варшава. 1880. [4221]

6. МАТЕМАТИКА. — ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ.

- Богдановъ, Анатолій** (предс. Ком. Антр. Выст.).—См. **Врока (П.)** и **Федченко (А. П.)**.
Богдановъ (Модестъ).—Птицы Кавказа. 200 стр. grand in-8. Казань. 1 р. 50 к. [3949]
Врока, Павелъ (проф. въ Парижѣ).—Антропологическія таблицы для крانیологическихкихъ и цефалометрическихкихъ вычислений, перев. съ французскаго **А. Богдановымъ**. Вып. 1-ый: Введеніе объ употребленіи антропологическихкихъ таблицъ. 36 стр. in-4. Москва. [3951]
Гедѣ (Ө. В.).—Систематическій курсъ ариметики. Часть 2-ая: дроби, отношенія, пропорція и тройныя правила. 120 стр. in-8. Спб. 1880. 45 к. [3957]
Гика, Д. (преп.) и **Жуromцевъ (А.)**.—Геометрическія задачи, курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Часть 1-ая: Задачи плоской геометріи (1750 задачъ), 180 стр. in-8. Москва. 75 к. [4093]
Гуроръ (Евгеній).—Курсъ алгебры для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть 2-ая. —184 стр. in-8. Воронежъ. 85 к. [3963]
Знаменскій (А. Ө.).—Сборникъ вопросовъ и задачъ по физикѣ для среднихъ учебныхъ заведеній, 106 стр. in-8. Вологда. 60 к. [3975]
Крaббе, Г. (д-ръ въ Копенгагенѣ).—См. **Федченко (А. П.)**.
Кребсъ (Г.).—Превращеніе энергіи, очеркъ теорій современной физики, перев. съ нѣмецкаго. 162 стр. in-8 съ 60 рис. въ текстѣ. Спб. 1 р. [3987]
Ландквертъ, Ө. (проф.).—Объ органахъ голоса и рѣчи, публичная лекція 22-го февраля 1879-го года. 66 стр. in-8 съ 25 рис. въ текстѣ. Спб. 75 к. [3989]
Малкинъ, А. (дир. Учпт. Сем.).—Начальныя основанія физики, руководство для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій съ вопросами и отвѣтами. 2-ое изд. 196 стр. in-8 съ 272 рис. въ текстѣ. Москва. 1 р. [3092]
Меліоранскій (М.).—Первоначальныя свѣденія о животныхъ, для дѣтей младшаго и средняго возраста, книжка для учащихся. 152 стр. in-8. Спб. 1880. 50 к. [3993]
Милославскій (П.).—Къ вопросу о произвольномъ зарожденіи, замѣтка. См. **Тиндаль (Д.)**.
Жуromцевъ, А. (преп.).—См. **Гика (Д.)**.
Недашковскій (В. Ө.).—Руководство начертательной геометріи для реальныхъ училищъ съ приложеніемъ 100 задачъ. 2-ое испр. доп. изд. 86 стр. grand in-8 и 10 табл. чертежей in-4. Николаевъ. 1 р. 30 к. [4314]
Сентъ-Илеръ (К.).—Элементарный курсъ зоологіи съ приложеніемъ задачъ и дѣтнихъ занятій по зоологіи. 9-ое испр. доп. изд. 230 стр. in-8 съ 200 рис. въ текстѣ. Спб. 1 р. 20 к. [4028]
Сяченко, И. (проф.).—См. отдѣлъ 7-ой.
Тиндаль (Джонъ).—Произвольное зарожденіе, лекціи. (Приложеніе см. **П. Милославскій**). 76 стр. grand in-8. Москва. 50 к. [4346]
Федченко (А. П.).—Путешествіе въ Туркестанъ, совершенное отъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія. Томъ 3-ій: Зоографическія изслѣдованія, часть 2-ая: Черви (Vermes), вып. 1-ый: Ленточныя (Cistodes), обработатъ **Г. Краббе**, перев. съ латинскаго **А. П. Богдановымъ**. 24 стр. in-4 съ 88 политипажамн. Москва. [4041]

НА ФРАНЦУЗСКОМЪ И НѢМЕЦКОМЪ ЯЗЫКАХЪ.

- Hasselberg, B.** (Dr.).—Ueber das durch elektrische Erregung erzeugte Leuchten der Gaze bei niedriger Temperatur. 20 стр. in-4 Спб. 25 к. [4064]
Кокшаровъ, Nicolai, von (Akad.).—Materialien zur Mineralogie Russlands, 8-er Band. 128 стр. grand in-8. Спб. [3918]
Mélanges biologiques tirées du „Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg“. Tome 10-me, livr. 2-me: articles de **B. Babicoff, W. Gruber, O. Böttger, J. F. Brand, K. Kessler, N. Wedensky, A. Bunge et A. Jeleneff**. 194 стр. in-8 и 2 табл. рисунковъ. Спб. 70 к. [3921]
Mélanges mathématiques et astronomiques tirées du „Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg“. Tome 5-me, livr. 5-me: articles de **L. O. Backlund, V. Bouniakowsky, A. Savitch, M. Nyren, E. Asten, B. Hasselberg, O. Strouve, E. Lindemann, F. Minding, T. Bredichine et O. Backlund**. 142 стр. in-8 и 2 таблицы in-4. Спб. 55 к. [4057]
Mélanges physiques et chimiques tirées du „Bulletin de l'Académie Impériale de St.-

Petersbourg* Tome 11-me, livr. 1-ère: articles de H. Wild, L. Jawein, J. Lermontoff, D. Pawlow, W. Möller, J. Schmalhausen, J. Barsilowski et G. Helmersen. 166 стр. in-8 и 1 таблица in-4. Спб. 55 к. [4058]

НА ПОЛЬСКОМЪ И ЭСТОНСКОМЪ ЯЗЫКАХЪ.

- Dickstein (S.).—См. Maxwell (J. C.).
 Maxwell (J. Clerk).—Materia i gach, przeklad z angielskiego S. Dicksteina. 144 стр. in-12 съ 18 чертежами въ текстѣ. Варшава 1 р. [4213]
 Pärtmann, J. (koolmeister).—Looduse lugu kahes jaanus eesti raawa koolilidelle ja igale looduse sõbrale. Teine jagu: Kihelkonna koolilaste raamat. 228 стр. grand in-8 съ 173 рис. въ текстѣ. Дерптъ 1 р. 20 к. [4384]

7. МЕДИЦИНА.—ГИГИЕНА.—ВЕТЕРИНАРІЯ.

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ.

- Германтъ, Л. (проф.).—Методъ токсикологическаго изслѣдованія съ примѣчаніями Е. Пеликана. См. Пеликанъ (Е.).
 Девлезерскій, В. (д-ръ).—См. Самуэль (С.).
 Дроздовъ, В. (прив.-доц. Воен.-Мед. Акад.).—См. Широковъ (Р. Г.).
 Ильинскій (П. А.).—См. отдѣлъ 4-ый.
 Лаврентьевъ, А. (студентъ).—См. Широковъ (Р. Г.).
 Ландцвертъ, Ф. П. (проф. Воен.-Мед. Акад.).—Курсъ нормальной анатоміи человѣка. Часть 1-ая, вып. 1-ый. 80 стр. grand in-8 съ 61 рисункомъ работы В. В. Матте и Вейершана. Спб. 60 к. [4301]
 Манасоевичъ, В. А. (проф. Воен.-Мед. Акад.).—Лекціи общей терапіи. Часть 1-ая. 272 стр. in-8. Спб. 1 р. 50 к. [3993]
 Пеликанъ, Е. В. (д-ръ).—Руководство къ токсикологіи, составленное по Работо „Éléments de toxicologie“, съ предисловіемъ, дополненіемъ и примѣчаніями. (Приложеніе см. Л. Германтъ). 668 стр. grand in-8. Спб. 7 р. [4148]
 Широковъ, Р. Г. (д-ръ).—Compendium электротерапіи, перев. съ 2-го нѣмецкаго изд. А. Лаврентьевымъ подъ редакціей В. Дроздова. 194 стр. in-8 съ 13 рис. въ текстѣ. Спб. 1880 1 р. 50 к. [4012]
 Полета, Г. (проф.).—Ветеринарная фармакологія съ общей терапіей и рецептурой. Харьковъ. Вып. 1-ый. 72 стр. in-8. 1878 50 к. [4016]
 Вып. 2-ой. 94 стр. in-8 50 к. [4017]
 Самуэль, С. (д-ръ).—Руководство къ общей патологіи въ смыслѣ патологической физиологіи, перев. съ нѣмецкаго В. Девлезерскимъ. 1032 стр. in-8. Спб. [4024]
 Сѣченовъ, И. (проф.).—О поглоченіи угольной кислоты соляными растворами и кровью. 116 стр. grand in-8 съ 6 рис. въ текстѣ. Спб. 3 р. [4345]
 Шингельбергъ, Отто (дир. клиники въ Бреславлѣ).—Учебникъ акушерства для врачей и учащихся, перев. съ нѣмецкаго подъ редакціей Б. Г. Янопольскаго. Вып. 2-ой. 268 стр. grand in-8 съ 43 рис. въ текстѣ. Спб. 2 р. [4046]
 Янопольскій, Борисъ (д-ръ).—См. Шингельбергъ (Отто).

8. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.—ТЕХНОЛОГІЯ.—РЕМЕСЛА.

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ.

- Винклеръ, Э. (д-ръ).—Лекціи о сооруженіи желѣзныхъ дорогъ. Вып. 1-ый: Нижнее строеніе, перев. съ 8-го нѣмецкаго изд. А. Вурцелемъ. 272 стр. grand in-8 съ 277 черт. и рис. въ текстѣ и 5 хромолит. таблицъ in-4. Спб. 3 р. 50 к. [3904]
 Вурцель, А. (инж.).—См. Винклеръ (Э.).
 Горнозаводская механика.—См. Справочная книжка.
 Ермолаевъ, (А.).—См. Сельско-хозяйственная бібліотека.
 Ландеръ, Р. И. (инж.).—Динамитъ, руководство для работающихъ динамитомъ. Двѣ части. 222 стр. in-8 съ 79 рис. въ текстѣ. Спб. 2 р. [4308]
 Мельниковъ, Н. П. (инж.-техн.).—Крахмальное дѣло и чертежи крахмальныхъ заводовъ, статистика и литература крахмального производства. 82 стр. grand in-8 и 8 табл. чертежей. Спб. 1 р. 50 к. [4311]
 Пидотти (П. Н.).—Руководство къ усовершенствованію хлѣбопашества. 416 стр. grand in-8. Спб. 3 р. [4335]
 Сельско-хозяйственная бібліотека. Первая серія, томъ 3-ій: Организація полевого хозяйства, вып. 1-ый: Системы полеводства, соч. А. Ермолаева. 240 стр. in-8. Спб. 1 р. 25 к. [4027]
 Справочная книжка для горныхъ инженеровъ и техниковъ по горной части. Томъ 1-ый: Горнозаводская механика, сост. И. Тиме. Спб.
 Текстъ. 488 стр. grand in-8. [4341]
 Атласъ. 36 таблицъ grand in-8. [4342]

Тиме, Иванъ (проф. Горн. Инст.).—См. *Справочная книжка*.
Хлюдянский, Викторъ (преп. въ Ново-Алекс. Инст.). — Основы заводскаго искусства въ примѣненіи къ разведенію крупнаго рогатаго скота. 328 стр. grand in-8 съ 19 рис. въ текстѣ. Спб. 2 р. 50 к. [4176]

НА ПОЛЬСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Brosius, (J.) i Koch (R.). — Szkoła maszynisty. tłumaczył z 3-go wydania L. Wojno Część 2-ga: Parowóz, jako maszyna i wóz. 278 стр. in-8 съ 364 рис. въ текстѣ и 2 таблицы. Варшава За три части 3 р. [4192]
Encyklopedia rolnictwa i wiadomości związek z nim mających, pod redakcyą J. T. Lubomirskiego, E. Stawiskiego i S. Przystańskiego, przy współdziale L. Krasinńskiego, L. Kronenberga i J. Zamoyskiego. Tom. 5-ty, zeszyt 10-ty, 11-ty i 12-ty (całego dzieła 57-mu, 58-mu i ostatni 59-ty): P.—Z., reestr alfabetyczny. 282 стр. in-4 съ 26 рис. въ текстѣ. Варшава. По подлинкѣ 1 р. 20 к. [4197]
Koch (R.).—См. Brosius (J.).
Krasinski (L.).—См. Encyklopedia rolnictwa.
Kronenberg (L.).—См. Encyklopedia rolnictwa.
Lubomirski, Jan-Tadeusz (księć).—См. Encyklopedia rolnictwa.
Przystański (Stanisław).—См. Encyklopedia rolnictwa.
Stawiski, (Edmund).—См. Encyklopedia rolnictwa.
Zamoyski, Józef (grabia).—См. Encyklopedia rolnictwa.

9. ФИЛОЛОГІЯ. — СЛОВЕСНОСТЬ.

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Вогдановъ, П. И. (преп. Влад. воен. гимн.). — Употребленіе знаковъ препинанія въ русскомъ письмѣ съ приложеніемъ синтаксиса русской рѣчи и систематическаго диктанта. 2-ое испр. доп. изд. 176 стр. in-8. Кіевъ. 60 к. [4084]
Вукаковъ, (Н.). — Хрестоматія для изученія образцовъ русской словесности, съ примѣчаніями, руководящими вопросами и биографическими очерками. Отдѣлъ 2-ой. 4-ое изд. 312 стр. in-4. Спб. 1880. 1 р. 50 к. [3952]
Виноградовъ (П.).—См. Ходобай (Ю.).
Даль (Владиміръ).—Пословицы рускаго народа. Сборникъ пословицъ, поговорокъ, реченій, присловій, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, повѣрій и прочее. Томъ 2-ой. 2-ое изд. 654 стр. in-12. Спб. 2 р. 50 к. за оба тома 5 р. [3964]
Даль (Владиміръ). — Толковый словарь живаго великорусскаго языка. 4-ый и 5-ый выпуски. 2-ое испр. доп. изд. 832 стр. in-4. Спб. За весь словарь. 15 р. [3965]
Досенштейеръ, Францискъ (преп. 1-ой Хар. гимн.). — Теоретическо-практическое руководство къ изученію французскаго языка для женскихъ учебныхъ заведеній въ семи частяхъ (Manuel théorique et pratique de langue française). Часть 1-ая. 182 стр. in-8. Харьковъ 50 к. [4102]
Ерстафельзъ (П. В.).—Древняя русская литература, до-Петровскій періодъ. Вып. 1-ый: Устная народная словесность. 2-ое испр. изд. 96 стр. in-8. Спб. 1880. 50 к. [3967]
Кессельеръ, Э. (преп. 3-ей Спб. гимн.). — Синтаксисъ латинскаго языка для гимназій. 3-ье испр. изд. 282 стр. grand in-8. Спб. 1 р. 25 к. [4295]
Допатинскій, Л. (инсп. Уфимской гимн.). — Руководство для первоначальнаго обученія латинскому языку въ низшихъ трехъ классахъ гимназій и программзій. Двѣ части. 3-ье испр. доп. изд. 370 стр. grand in-8. Уфа. 1 р. 50 к. [4304]
Мейеръ (И.).—См. Нидерле (Г.).
Нидерле (Г.).—Грамматика греческаго языка. Часть 2-ая: Синтаксисъ, съ чешскаго И. Мейеръ и В. Рейперъ. 2-ое испр. изд. 346 стр. in-8. Москва. 1880. 1 р. 20 к. [4009]
Носовъ, (П.).—Латинская хрестоматія, съ примѣчаніями. Двѣ части. 2-е испр. изд. 576 стр. in-8. Спб. 1880. 1 р. 50 к. [4007]
Полывановъ (Девъ). — Русская хрестоматія для двухъ первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. 7-ое доп. изд. 324 стр. in-8. Москва. 65 к. [4014]
Полывановъ (Девъ).—Учебникъ русской грамматики для среднихъ учебныхъ заведеній, русская и церковнославянская этимологія. Съ приложеніемъ ореографическаго указателя, отрывковъ изъ евангелія, примѣчаній и руководящихъ вопросовъ. 6-ое испр. доп. изд. 252 стр. in-8. Москва. 1 р. 20 к. [4015]
Преображенкой (Г.). — Учебникъ русскаго языка для трехъ низшихъ классовъ гимназій, приспособленный къ параллельному прохожденію его съ латинскимъ языкомъ по руководству К. Я. Бѣлицкаго. Вып. 1-ый: Курсъ перваго класса. 2-ое испр. изд. 132 стр. grand in-8. Одесса. 50 к. [4153]
Рейперъ (В.).—См. Нидерле (Г.).
Стоянскій (Владиміръ). — Руководство для историческаго изученія замѣчательнѣйшихъ произв. русской литературы. 5-ое доп. изд. 326 стр. in-8. Спб. 1 р. 50 к. [4344]

- Тарнавоіі** (Александръ). — Русскій языкъ. Хрестоматія: басни, сказки, рассказы, описанія, разсужденіе, проповѣдь, отрывки изъ сочиненій лучшихъ писателей, толковный словарь съ краткими свѣдѣніями о жизни лучшихъ писателей. курсъ двухъ-классныхъ городскихъ училищъ. 324 стр. grand in-8. Кіевъ . . . 1 р. 50 к. [4165]
Филоновъ (Андрей). — Учебникъ по словесности: Стихотворенія. Теорія прозы. Теорія поэзіи, для сред. учеб. завед. 2-ое испр. доп. изд. 312 стр. grand in-8. Спб. 1 р. [4358]
Ходобай (Ю.) и **Виноградовъ** (П.). — Книга упражненій къ латинской грамматикѣ д-ра Фердинанда Шульца. Часть 1-ая: Этимологическія и синтаксическія упражненія для трехъ нижнихъ классовъ. 5-ое испр. изд. 312 стр. in-9. Москва. . . 1 р. 20 к. [4043]

НА ПОЛЬСКОМЪ, ФРАНЦУЗКОМЪ И НѢМЕЦКОМЪ ЯЗЫКАХЪ.

- Buszmaкін**, (nauczyciel). — См. **Шкана**.
Шкана, (prof.). — Nowa metoda nauczzenia się łatwym sposobem perszych zasad języków: ruskiego, polskiego, francuzkiego i niemieckiego dla młodzieży praktycznie wyłożona, z dodaniem niezbędných prawideł wymawiana przez Buszmaкіna, Rolina i Köhlera. 16-ое доп. изд. 228 стр. in-8. Варшава. 2 р. [4196]
Fleury (Jean). — См. **Lafosse**, J. G. (de).
Golotusow (F.). — Leitfaden zum ersten Unterricht in der russischen Sprache für Deutsche. 15-ое испр. доп. изд. 210 стр. grand in-8. Ревель. 1 р. [4364]
Наркаву, А. (Dr., Bibl. zu Psk.). — Studien und Mittheilungen aus der Kaiserlichen Oeffentlichen Bibliothek zu St.-Petersburg. 1-er Theil: Poetisches von Samuel Ha Nagid, genannt Ismail Ibn-Nagdilah. Vezir von Grenada (1027—1055), nebst Einleitung und erläuternden Anmerkungen. 208 стр. in-8. Спб. [4063]
Köhler (nauczyciel). — См. **Шкана**.
Lafosse, J. G. (de), **Parfait** (C.) et **Fleury** (J.). — Bibliothèque littéraire, analyse et extraits de tous les chefs-d'œuvre de la langue française depuis 1600 jusqu'à nos jours. Tome 1-er: Prose. 4-ое испр. доп. изд. 264 стр. grand in-8. Спб. 3 р. [4056]
Parfait (Charles). — См. **Lafosse**, J. G. (de).
Rolin (nauczyciel). — См. **Шкана**.

10. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. — ВОСПИТАНИЕ. — ПЕДАГОГИКА.

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ.

- Вунаковъ** (Н.). — Обученіе грамотѣ по звуковому способу, въ связи съ предметными уроками и начальными упражненіями въ родномъ языкѣ, азбука и уроки чтенія русскаго и церковно-славянскаго съ постепенно возрастающимъ числомъ буквъ. 13-е изд. 124 стр. in-8. и 8 табл. рисунковъ. Спб. 1880. 25 к. [3952]
Вунаковъ (Н.). — Родной языкъ, какъ предметъ обученія въ народныхъ школахъ, лекція. 6-ое изд. 152 стр. grand in-8. Спб. 1 р. [4270]
Грековъ (К.). — Школьный товарищъ, книга для совмѣстнаго обученія чтенію, письму и рисованію по кѣткамъ. Вып. 1-ый. 172 стр. in-8 съ 55 рис. въ текстѣ и 7 таблицами, и 1 листъ буквъ grand in-4. Острогоскъ. 25 к. [4278]
Корфъ, Н. А. (баронъ). — Нашъ другъ, книга для чтенія учащихся въ школѣ и дома и руководство къ началному обученію родному языку. 286 стр. in-8. Спб. 50 к. [4117]
Корфъ, Николай (баронъ). — Русская начальная школа, руководство для земскихъ гласныхъ и учителей сельскихъ школъ, съ биогр. автора, сост. Н. А. Соловьевымъ-Нескляевымъ. 306 стр. in-8 и 1 портретъ работы В. В. Маттэ. Спб. 1 р. 25 к. [4118]
Соловьевъ-Нескляевъ (Н. А.). — Баронъ Николай Александровичъ Корфъ, биографическая очеркъ. См. **Корфъ** (Н. А.).

12. ИЗЯЦНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ.

- Вилновъ** (М.). — Пѣсни про пельмень. 12 стр. in-8. Нижній-Новгородъ. . 30 к. [3947]
Вульверъ-Литтоль (баронетъ). — Призракъ, романъ, перев. съ англійскаго. 532 стр. in-8. Спб. 1880. 2 р. [4269]
Веркъ (Жюль). — Гекторъ Сервадакъ, путешествіе и приключенія въ солнечномъ мірѣ, перев. съ французскаго С. Самойловичемъ. 524 стр. grand in-8. съ 98 рис. въ текстѣ работы Филиппото. Спб. 3 р. 50 к. [4089]
Вяземскій, П. А. (князь). — Полное собраніе сочиненій. Томъ 2-ой: 1827—1851. 444 стр. grand in-8. Спб. 2 р. [3903]
Гербель (Н. В.). — См. **Гете** (I. V.).
Гете (I. V.). — Собраніе сочиненій въ переводахъ русскихъ писателей подъ редакціей Н. В. Гербеля. Томъ 9-ый: Лирическія и драматическія сочиненія. 424 стр. in-8. Спб. 1 р. 60 к. [4277]
Для сцены, сборникъ пьесъ. Томъ 5-ый: 1) Лакомый кусочекъ. 2) Дѣтя несчастья. 3) Домовой шалить. 4) Съ той стороны. 280 стр. in-8. Спб. 1880. 1 р. 50 к. [3908]

- Заковъ (Петръ).**—Камера № 7, романъ, перев. съ французскаго. 556 стр. in-8. Спб. 1880. 2 р. [4281]
- Карновичъ, Евгений (ред. „Отголосковъ“).**—Любовь и корона, историческій романъ изъ временъ Императрицы Анны Иоанновны и регентства принцессы Анны Леопольдовны. 408 стр. grand in-8. Спб. 2 р. [4292]
- Карновичъ (Евгеній).**—Мальтійскіе рыцари въ Россіи, историческая повѣсть изъ временъ Императора Павла Перваго. 268 стр. grand in-8. Спб. 1 р. 60 к. [4293]
- Льсковъ (Н. С.).**—Некуда, романъ. Три части. 4-ое изд. 354+400+262 стр. in-8. Спб. 3 р. [4307]
- Маріальъ (М.).**—Мечты и дѣйствительности, романъ, перев. съ французскаго. 210 стр. in-8. Москва. 1 р. 25 к. [3995]
- Марьянъ (В.).**—Твердость характера, романъ изъ современной жизни съ событіями послѣдней войны 1876—1877-го года. Три части. 440 стр. grand in-8. Спб. 2 р. [4310]
- Монтепезъ, Ксавье (де).**—Докторъ умалишенныхъ женщинъ. Томъ 2-ой (и послѣдній), части 3-ья, 4-ая и 5-ая. 614 стр. in-8. Спб. 2 р. 50 к. [3909]
- Пассекъ (Т. П.).**—Изъ дальнихъ лѣтъ, воспоминанія. Томъ 2-ой. 502 стр. in-8 и 1 портретъ работы И. Матюшина. Спб. 2 р. [4147]
- Плющевъ (А. Н.).**—Жителское, повѣсти и рассказы: 1) Двѣ карьеры. 2) Памянцевъ. 3) Дачные романы (два). 4) На свою шею. 5) Чужія письма. 352 стр. grand in-8. Спб. 1880. 2 р. [4327]
- Пушкинъ (Александръ).**—Собраніе сочиненій подъ редакціей П. А. Ефремова. Томъ 6-ой: Исторія пугачевскаго бунта. Историческіе матеріалы. 3-ье испр. доп. изд. 496 стр. in-8. Спб. 1880. [4331]
- Риншбургъ (Эмиль).**—Двѣ матери, романъ, перев. съ французскаго г. ***. 540 стр. in-8. Спб. 2 р. [4157]
- Салиасъ (графъ).**—Мадонна, повѣсть въ трехъ частяхъ. 430 стр. in-8. Спб. 2 р. [4023]
- Самойловичъ (С.).**—См. Веръ (Ж.).
- Тургеневъ (Иванъ).**—Записки охотника, полное собраніе очерковъ и рассказовъ (1847—1876). 1-ое стереотипное изд. 396 стр. grand in-8. Спб. 1880. 2 р. [4350]
- Тургеневъ (Иванъ).**—Сочиненія. Новое изд. Москва. 1880.
Томъ 5-ый. 504 стр. in-8 и 1 портретъ 1 р. 50 к. [4098]
Томъ 10-ый. 516 стр. in-8. За 10 томовъ 15 р. [4099]
- Цитовичъ, П. П. (проф. Одес. Ун.).**—Хрестоматія „Новаго Слова“. Одесса.
Вып. 1-ый: Что дѣлали въ романъ, „Что дѣлать?“ 5-ое изд. 64 стр. grand in-8. 40 к. [4180]
Вып. 2-ой: Разрушеніе эстетики. 90 стр. grand in-8. 70 к. [4181]

НА ПОЛЬСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

- Jokey (Maurycy).**—Inne czasy—inni ludzie, powieść, przekład z węgierskiego A. Callier. Варшава. Zesz. 4-ty majowy. 160 стр. in-16. [4201]
Zesz. 5-ty lipcowy. 128 стр. in-16. [4202]
- Kraszewski (Józef-Ignacy).**—Bratanki, powieść z podania początku XVIII-go wieku. Dwa tomy. 230+214 стр. in-8. Варшава. 1880. 3 р. [4205]
- Kraszewski (Józef-Ignacy).**—Lublana, powieść. Dwa tomy. 206 + 184 стр. in-8. Варшава 2 р. 50 к. [4209]
- Kraszewski (Józef-Ignacy).**—Wybór pism, wydanie jubileuszowie. Tom 14-ty: Starościna Belzka, opowiadanie historyczne. 380 стр. in-8. Варшава. 50 к. [4210]
- Kraszewski (Kajetan).**—Opowiadania mniejsze: 1) Votum. 2) Co się dzieje na księżycu. 3) Białonóżka pana majora. 4) Trzewiczek. 5) Skarb stolnikowicza. 208 in-8. Варшава. [4211]
- Lubowski (Edward).**—Cichy Janek i głosny Franek, powieść. Dwa tomy. 260+388 стр. in-12. Варшава. 3 р. [4052]
- Maupé-Beid (kapitan).**—Wygnańcy w lesie, przekład z angielskiego B. (J.). 288 стр. in-8 съ 12 рис. въ текстѣ. Варшава. 1 р. 50 к. [4212]
- Mewes, Ad. (dr.).**—Majątek i miłość, powieść. Zesz. 22-gi. 97 — 144 стр. in-8. Варшава 20 к. [4214]
- Rzewuski (Henryk).**—Zamek Krakowski, roman historyczny z wieku XVI. 424 стр. grand in-8. Варшава. [4219]
- Saint-Georges.**—Małżeństwo księcia, roman. 266 стр. in-12. Варшава. 1 р. 50 к. [4053]

НА ФРАНЦУЗСКОМЪ, НѢМЕЦКОМЪ, ЛАТЫШСКОМЪ И ЕВРЕЙСКОМЪ ЯЗЫКАХЪ,

- Conradi, Johanna (Frau).**—Georg Stein, roman. 2-ое изд. 308 стр. in-8. Рига. [4280]
- Diwi mahsas dehl, kriminalstahsts is leelpilsehtu sadsihwes, no S. (A.).** 74 стр. in-8 Митава [4244]
- Кляче (Бальбина).**—См. Вальтеръ-Скоттъ.
- Kowner (J.).**—См. Schiller (F.).

Книжный Складъ «РОССІЙСКОЙ БИБЛЮГРАФІИ» (Эмилъ Гартъе),
Невскій пр., № 27, у Казанскаго моста, въ С.-Петербургѣ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ВОПРОСОВЪ
Гражданскаго Права и Судопроизводства
разрѣшенныхъ Гражданскимъ Кассационнымъ Департа-
ментомъ Правительствующаго Сената
П. П. Москальскаго,

Помощника Юрисконсульта Министерства Государственныхъ Имуществъ.
2-ое изд. 1879. Большой томъ. 1624 стр. in-8. Ц. 6 р., перес. за 5 ф.

СИСТЕМАТИЧЕСКИ СБОРНИКЪ
Рѣшеній Правительствующаго Сената

РАЗЪЯСНЯЮЩИХЪ ГОРОДОВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ
СОСТАВИЛИ

Баронъ В. Майдель и В. Вѣлюстинъ.

1879. 402 стр. in-8. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Сборникъ Законовъ и Постановленій
для Землевладѣльцевъ и Сельскихъ Хозяевъ.

Составилъ В. ВЕШНЯКОВЪ.

1879. 567 стр. in-8. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

УКАЗАТЕЛЬ ВОПРОСОВЪ
Уголовнаго Права и Судопроизводства

разрѣшенныхъ уголовнымъ кассационнымъ и общимъ собра-
ніемъ кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго
Сената за 1874, 1875 и 1876 гг.

Составленъ оберъ-секретарями

М. Н. БѢЛОВЫМЪ, В. В. ПОПОВЫМЪ и М. В. КРАСОВСКИМЪ.

1878. 497 стр. in-8. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Д О З Н А Н І Е,
его цѣли и способы производства.

Руководство для чиновъ полиціи, волостнаго
и сельскаго начальства.

Составлено С. А. ГИССИ, при участіи Д. А. СОКОЛОВСКАГО.

Казань. 1878—1879. 2 тома, in-8. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Книжный Складъ «Россійской Библюграфіи» принимаетъ заказы на всѣ русскіе и иностранные журналы и газеты.

Книжный Складъ „Россійской Библиографіи“ принимаетъ подлинныя журналы и газеты на все Россіе и иностранныя журналы и газеты.

Книжный Складъ «РОССИЙСКОЙ БИБЛИОГРАФИИ» (Эмиль Гартье),
Невскій пр., № 27, у Казанскаго моста, въ С.-Петербургѣ.

ОБРАЗОВАНИЕ Второго Болгарскаго Царства

ФЕДОРА УСПЕНСКАГО.

Профессора Императорскаго Новороссійскаго Университета въ Одессѣ.
1879. Большой томъ. 347 стр. in-8. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Политическая исторія восточной войны: ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА И БРЮССЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ 1874—1878.

Ф. Мартенса.

Профессора Слб. Университета и члена Института Междунар. Права.
СОДЕРЖАНИЕ: Война и Право. — Война и Законъ. — Брюссельская Конференція 1874 г. — Отъ мира къ войнѣ. — Россія и Турція какъ воюющія державы. — Русская армія въ неприятельской странѣ. — Русская армія на полѣ сраженія. — О раненыхъ и больныхъ войнахъ и военнопленныхъ. — Объ отношеніяхъ воюющихъ государствъ къ нейтральнымъ державамъ.
1879. Большой томъ. 640 стр. in-8. Ц. 3 р., перес. за 4 ф.

La Russie et l'Angleterre dans L'Asie Centrale par M. F. Martens. (Р а с п р о д а н о).	Russland und England in Central-Asien von F. Martens. Брошюра. 84 стр. in-8. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.
---	--

Въ скоромъ времени выйдетъ изъ печати русскій переводъ: РОССІЯ и АНГЛІЯ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ Ф. Мартенса.

Профессора Слб. Университета и члена Института Междунар. Права.
1880. Брошюра. in-8. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

Хорватія, Славонія, Далмація и Военная Граница

Л. В. Везевина.

Дѣйств. Члена Импер. Русскаго Географ. Общества.
1879. Два тома. 520+590 стр. in-8 Ц. 6 р., перес. за 5 ф.

Книжный Складъ «РОССІЙСКОЙ БИБЛЮГРАФІИ» (Эмиль Гартъ),
Невскій пр., № 27, у Казанскаго моста, въ С.-Петербурѣ.

РОДНАЯ СТАРИНА

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ ВЪ РАЗСКАЗАХЪ И КАРТИНАХЪ
(съ IX по XIV ст.).

В. Д. Сиповскаго.

Съ 53 политянами въ текстѣ и два рисунка В. М. Васнецова.

1879. 242 стр. grand in-8. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф

О МѢСТНИЧЕСТВѢ

изслѣдованіе АЛЕКСѢЯ МАРКЕВИЧА.

Часть I.— Русская исторіографія въ отношеніи къ мѣстничеству.
Кіевъ. 1879. Большой томъ. 960 стр. in-8. Ц. 6 р., перес. за 5 ф.

Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и Колонизація юговосточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ

П. А. СОКОЛОВСКАГО.

Библиотекаря Историч. Отдѣл. Имп. Публичной Библиотеки.

1878. 270 стр. in-8. Ц. 1 р. 70 к., за 2 ф.

ГЕРБЕРТЬ СПЕНСЕРЪ.

Описательная Соціологія

ИЛИ ГРУППЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХЪ ФАКТОВЪ,

съ приложеніемъ таблицъ составленныхъ Джемсомъ Жольбе.

АНГЛІЯ

переводъ подъ редакцію И. В. ЛУЧИЦКАГО.

Кіевъ. 1878. Большой томъ. 413 стр. in-8 съ атласомъ. Ц. . . 3 р. 50 к., перес. за 6 ф

О ДРЕВНЕ-РУССКИХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПОВѢСТЯХЪ И СМАЗАНІЯХЪ XI — XII столѣтій.
И. П. Хрущова, магистра русской словестности.

Кіевъ. 1878. 213 стр. in-8. Ц. 1 р. 80 к., перес. за 3 ф.

МАДЬЯРЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БОРЬБА ВЪ ВЕНГРИИ, съ приложеніемъ этнографической карты Венгріи, Г. А. Де-Воллана.

Брошюра. 45 стр. in-8 и 1 карта. Ц. 50 к., съ перес. 60 к.

РУССКІЯ КНИЖНЫЯ РѢДНОСТИ. Библиографическій списокъ русскихъ рѣдкихъ книгъ, составилъ Григорій Гейнади. 1872. 154 стр. in-8°. Ц. . . . 1 р., перес. за 2 ф.

ЛИТЕРАТУРА РУССКОЙ БИБЛЮГРАФІИ. Опись библиографическихъ книгъ и статей, изданныхъ въ Россіи. Григорій Гейнади. 1868. 196 стр. in-8. Ц. . 1 р., перес. за 2 ф.

Книжный Складъ «Россійской Библиографіи» принимаетъ подножку на все русскіе и иностранныя журналы и газеты.

- Kraszewski (Joseph-Ignace).**—La comtesse Cosel, roman historique, traduit du polonais par J. Mien. 404 стр. grand in-8. Варшава [4225]
- Martínsoh (Lappas).**—Karpsetas-Ursula, jeb: Us tumšahm tekahm. Митава.
21 burtnize. 1281—1344 стр. in-8. 20 к. [4249]
22 burtnize. 1345—1412 стр. in-8. 20 к. [4250]
- Mien (Jules).**—См. Kraszewski (J. I.).
- Rolanda (Theodor).**—Sadsihwas wisni, original-romans is Baltijas-šadsihwes. Firma un otra data. 336 стр. in-8. Рига. [4253]
- Schiller, Friedrich (Dichter).**—Maria Stuart, Königin von Schottland, ein Trauerspiel übersetzt aus dem deutschen von J. Kowner. 218 стр. in-8. Вильна [4396]
- Вальтеръ-Скоттъ** (англ. писатель). — Ивалго, романъ, перев. съ англійскаго Б. С. Клячко. Четыре части. 328 стр. in-8. Варшава [4390]

13. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУСТВА.

НА РУССКОМЪ И ПОЛЬСКОМЪ ЯЗЫКАХЪ.

- Galicz, Jan (ksiądz).**—Muzyka organowa, nowa metoda z nut literalnych z informacyją nżycia takowych, zbiór preluduj ze wszystkich tonów, na ciche i glosne granie po kościolach podczas naboženstwa. 34 стр. in-4. Вильна. 1 р. [4358]
- Лекцинь, Г.** (мастеръ и рисовальщикъ).—Столярное искусство. 2-ое изд. 186 стр. in-8 съ 151 рис. въ текстѣ. Слб. 1 р. 75 к. [4123]
- Łoaski (Józef).**—Ryciny polskich i obcych rytowników XVII i XVIII wieku. Zesz. 4-ty: 6 портретовъ и 12 стр. in-2. Варшава. 8 р. [3919]
- Раевокая-Иванова (М. Д.).**—Азбука рисованія для семьи и школы. Харьков. Текстъ. Руководство для родителей и воспитателей. 34 стр. in-4 и 2 таблицы in-4. 15 к. [4332]
Атласъ: Оригиналы для рисованія. 42 таблицы in-4. 85 к. [4333]

14. СПРАВОЧНЫЯ ИЗДАНИЯ.

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ.

- Вережинъ, И. Н. (проф.).**—Русскій энциклопедическій словарь. Вып. 14-ый: Г. 406 стр. grand in-8. Слб. За 16 выпусковъ 60 р. [4081]
- Всобщій календарь.**—См. Календарь всобщій.
- Ежедневная записная книжка на 1880-ый годъ.** Годъ третій (изд. М. И. Румша). 256 стр. in-12. Слб. 1 р. [4279]
- Западно-русскій мѣсяцесловъ на 1880-ый високосный годъ** (изд. А. Г. Сыркина). 64 стр. in-4. Вильна. 15 к. [4106]
- Валлонная книга на 1880-ый годъ високосный.** Слб.
1-ое изданіе. 224 стр. in-12 и 1 карта in-4. 80 к. [4282]
2-ое изданіе. 290 стр. in-12 и 1 карта in-4. 1 р. [4283]
3-ье изданіе. 292 стр. in-12 и 1 карта in-4. 1 р. [4284]
4-ое изданіе. 472 стр. in-12. и 1 карта in-4. 1 р. 20 к. [4285]
- Календарь всобщій на 1880-ый високосный годъ,** съ приложеніемъ картины художника Карла Брожа „Освобожденіе болгаръ“. Годъ девятый (изданіе Г. Д. Гоппе). 816 стр. grand in-8 и 1 листъ in folio. Слб. 1 р., въ переплетъ. 1 р. 50 к. [4287]
- Календарь для военныхъ стѣнной съ отрывающимися на каждый день листками на 1880-ый годъ.** Годъ первый (изд. С. П. Глазепана). 736 стр. in-18. Слб. 1 р. [4108]
- Календарь для врачей всѣхъ вѣдомствъ на 1880-ый годъ.** Годъ пятый (изданіе Н. И. Торолова и К. Л. Риккера). 416 стр. in-12, 1 портретъ и 1 карта in-4. Съ приложеніемъ каталога. Слб. 1880. въ переплетъ 1 р. 50 к. [3981]
- Календарь кіевскій народный (мѣсяцесловъ) на 1880-ый високосный годъ.** Годъ шестнадцатый (изданіе А. Андрияшева) 192 стр. in-8 съ 19 рис. въ текстѣ и 1 карта grand in-4. Кіевъ 20 к. [4109]
- Календарь народный для южной Россіи на 1880-ый високосный годъ.** Годъ пятнадцатый (изданіе Л. Нитче). 88 стр. in-4 съ 3 планами и 1 рисункомъ въ текстѣ. Одесса 20 к. [4268]
- Календарь русскій на 1880-ый годъ.** 40 стр. in-4. Москва. 20 к. [3982]
- Календарь русско-нѣмецкій на 1880-ый годъ,** стѣнной, съ отрывающимися на каждый день листками и приложеніемъ плановъ слб. и московскихъ театровъ. Годъ второй (изданіе О. Эттингера). 732 стр. in-16 и 1 листъ рисунковъ in-2. Слб. 50 к. [4290]
- Календарь сельскій на високосный 1880-ый годъ.** Годъ седьмой (изданіе Х. Кельтера). 64 стр. in-4 съ 14 рис. въ текстѣ. Варшава. 15 к. [4107]
- Календарь семейный на 1880-ый годъ** стѣнной, съ отрывающимися на каждый день листками (на папкѣ) и съ меню обѣдовъ на каждый день. Годъ первый (изданіе С. П. Глазепана). 736 стр. in-16. Слб. 75 к. [4110]
- Календарь съ отрывающимися листками (красныя для праздниковъ) на каждый день на 1880-ый годъ** (изданіе Р. Р. Голицке). 734 стр. in-18. Слб. 60 к. [3983]

- Коммерческій дневникъ, справочно-настойный календарь** (съ пропускной бумагой) для конторъ, разныхъ учреждений и для каждаго частнаго лица на высокосный 1880-ый годъ. Годъ четвертый (изданіе Е. Тиле). 54 бѣлыхъ стр.—54 красныхъ стр. grand in-4. Спб. 1 р. [4296]
- Макарова (Анна).**—Русская поваренная книга, заключающая въ себѣ болѣе 700 правилъ приготовленія различныхъ блюдъ, скоромныхъ и постныхъ, простыхъ и праздничныхъ печеній, запасовъ въ прокъ, напитковъ и прочее. Двѣ части въ 28-хъ отдѣлахъ. 320 стр. in-8. Москва. 1880. 1 р. 50 к. [4131]
- Общій составъ Министерства Финансовъ.** Книга 2-ая. 384 стр. in-8. Спб. Завсѣ 2 р. [4321]
- Правила для поступления въ юнкерскія училища, съ приложеніемъ программъ.** 68 стр. in-8. Спб. 15 к. [4329]
- Практическая письменная подложка на каждую недѣлю высокоснаго 1880-го года.** Годъ третій (изданіе Е. Тиле). 54 стр. grand in-4. Спб. 75 к. [4330]
- Программы учебныхъ предметовъ въ объемѣ курса военныхъ гимназій.** 72 стр. in-8. Спб. 20 к. [4018]
- Указатель мѣстъ доставленія телеграммъ въ сторону отъ телеграфныхъ станцій.** 776 стр. in-8. Спб. 50 к. [4170]

НА ПОЛЬСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

- Grabowski (Bronislaw).**—Kalendarz obrazkowy na rok przestępny 1880 „Pamiętka z Częstochowy“. Rok siódmy (nakładem Kohna i Oderfelda). 112 стр. in-8 съ 3 рис. въ текстѣ. Ченстоховъ. 15 к. [4193]
- Jaworski (Jan).**—Kalendarz rodzinny na rok przestępny 1880. Rok dwadziesty (nakładem A. Wizbek). 168 стр. in-8 съ 24 рис. въ текстѣ. Варшава 25 к. [4200]
- Kalendarz na rok przestępny 1880, kołęda dla gospodyń, przez Lucynę C.** Rok piąty (nakładem autorki). 278 стр. in-8. Варшава 50 к. [4204]
- Kalendarz obrazkowy.**—См. Grabowski (Bronislaw).
- Kalendarz rodzinny.**—См. Jaworski (Jan).
- Kalendarz scianny, na 1880-ty rok (święta na kolorowanym papiere). Rok pierwszy** (nakładem A. Szustra). 732 стр. in-16. Варшава 50 к. [4205]
- Kołęda dla gospodyń.**—См. Kalendarz.

НА ФРАНЦУЗКОМЪ ЯЗЫКѢ.

- Catalogue des nouvelles acquisitions de la Bibliothèque Impériale Publique** (Каталогъ иностранныхъ книгъ, приобретенныхъ Императорскою Публичною Библиотекою). Livr. 16-me. 352 стр. grand in-8. Спб. 1 р. [4357]

II. НОВЫЯ КНИГИ ИЗДАНЫЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

(Сообщено книжнымъ магазиномъ А. Ф. Цинзерлинга въ Спб.).

1. RELIGION. — PHILOSOPHIE

EN LANGUE FRANÇAISE.

- Bonriot.**—Les malheurs de la philosophie. In-12 1 р. 60 к.
- Ducros (A.).**—Voir Martensen (dr.).
- Ferrière (Emile)**— Les Apôtres, essai d'histoire religieuse d'après la méthode des sciences naturelles. In-12 2 р.
- Gasparin, A. (comte de).**—La Bible. Deux volumes. In-12 1 р. 15 к.
- Janet (Paul).**—La philosophie française contemporaine. In-12 1 р. 60 к.
- Jundt (Auguste).**—Les amis de Dieu au quatorzième siècle. Grand in-8. 5 р. 40 к.
- Martensen (dr.).**—Dogmatique chrétienne, traduite par A. Ducros. In-8. 4 р.
- Mollin (G.).**—Les dessins du positivisme; lettres à Mr. le dr. Robinet. In-12 1 р. 15 к.
- Ribet (J.).**—La mystique divine distinguée des contrefaçons diaboliques et des analogies humaines. Les phénomènes mystiques. Deux volumes. In-8 6 р. 30 к.
- Sabatier (A.).**—Mémoire sur la notion hébraïque de l'esprit. In-4 1 р. 80 к.
- Salières (A.).**—La guerre, ses causes, ses résultats, le bien et le mal qu'on en dit, ses lois, son histoire, etc. In-12. 1 р. 60 к.
- Vidien.**—Famille et divorce. In-12 1 р. 35 к.

EN LANGUE ALLEMANDE.

- Duboc, Julius (Dr. Phil.).**—Die Psychologie der Liebe. 2-te erg. und verm. Auflage. 1880. 256 p. in-8 et 1 planche 2 р.

- Lichtschein (Dr.).—Die Ehe nach mosaich-talmudischer Auffassung und das moderne mosaich-talmudische Eherecht. Grand in-8 1 p. 50 к.
 Müller (Max).—Der Ursprung und die Entwicklung der Religionen. In-8 3 p.
 Roscher, W. (Prof., Dr.).—Voir rubrique IV.
 Reichmüller (G.).—Ueber das Wesen der Liebe. In-8 2 p. 40 к.
 Völkels (J.).—Immanuel Kants Erkenntnisstheorie nach ihren Grundprincipien analysirt. Grand in-8 5 p.
 Warneck (G.).—Die gegenseitigen Beziehungen zwischen der modernen Mission und Cultur. In-8 2 p. 25 к.
 Wünsche, August (Dr.).—Die Haggadischen Bestandtheile des Jerusalemischen Talmud. Grand in-8 2 p. 50 к.

2. DROIT. — ÉCONOMIE POLITIQUE.

EN LANGUE ALLEMANDE.

- Bar, L. (von).—System-Darstellung des deutschen Civilprozesses 1 p. 50 к.
 Geist (R.).—Der Rechtsstaat und die Verwaltungsgerichte in Deutschland. 2-te Auflage. In-8 3 p.
 Gretner (Dr.).—Begünstigung und Heblerei in historisch-dogmatischer Darstellung. In-8. 3 p.
 Holtzendorff (Dr., Prof.).—Wesen und Werth der öffentlichen Meinung. In-8 . 1 p. 50 к.
 Hoppe, J. J. (Dr.).—Sociale Uebelstände zweier Confessionen. In-8 1 p. 50 к.
 Jnama-Starnegg, K. (von).—Deutsche Wirthschaftsgeschichte. 1-er Band. Grand in-8. 6 p.
 Lexis (W.).—Die französischen Syndikalkammern, der Arbeitgeber, die Arbeitnehmer. Grand in-8 3 p. 25 к.
 Poschinger, H. von (Dr.).—Bankwesen und Bankpolitik in Preussen, nach amtlichen Quellen bearbeitet. 3-er (Schluss-) Band: Die Jahre 1858 bis 1870. 278 p. in-8 3 p.
 Reich, Eduard (Dr.).—Der Staat der Zukunft, Gedanken über die natürlichen Grundlagen des gesellschaftlichen Lebens. In-8 1 p.
 Schelling, P. (Prof., Dr.).—Lehrbuch des deutschen Civilprozesses. 1-te Lief. Grand in-8 1 p. 40 к.
 Schmölder (R.).—Das Inseraten-Wesen als Staatsinstituts. Grand in-8 60 к.
 Strousberg (Dr.).—Fragen der Zeit, Essays. 1-te Lief.: Ueber Parlamentarismus. Grand in-8 1 p. 50 к.
 Wehle (J. H.).—Die Reclame, ihre Theorie und Praxis. In-8 1 p. 35 к.
 Zietelmann, E. (Prof., Dr.).—Irrthum und Rechtsgeschäft. Grand in-8 6 p. 50 к.

3. SCIENCES MILITAIRES. — MARINE.

EN LANGUE FRANÇAISE.

- Brialmont (le général).—Manuel de fortification de campagne, avec figures et planches. In-8 1 p. 35 к.
 Du Sein (A.).—Histoire de la marine de tous les pays depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Deux volumes. In-8 7 p. 20 к.
 Herbin (L.).—Etudes hippiques, avec figures. In-4 5 p. 40 к.
 Lacouture.—Voir Loyette.
 Le Marchand (G.).—Campagne des Anglais dans l'Afghanistan 1878—1879, récit des opérations militaires. In-12 2 p. 25 к.
 Lessar (P.).—De la construction des chemins de fer en temps de guerre, lignes construites par l'armée russe pendant la campagne de 1877—78. In-8 2 p. 90 к.
 Loyette et Lacouture.—Arts militaires à l'Exposition Universelle de 1878. In-8. 6 p. 75 к.
 Musang (F.).—Le dressage méthodique et pratique du cheval de selle. Grand in-8. 3 p. 15 к.
 Salières (A.).—Voir rubrique I.

4. HISTOIRE. — ARCHÉOLOGIE. — BIOGRAPHIES. — MÉMOIRES.

EN LANGUE FRANÇAISE.

- Bretschneider, E. (dr.).—Recherches archéologiques et historiques sur Pekin et ses environs. Traduit de l'allemand par V. Colin de Plancy. Grand in-8 4 p. 50 к.
 Colin de Plancy (V.).—Voir Bretschneider (E.).
 Dareste (C.).—Histoire de la Restauration. Deux volumes. In-8 6 p. 75 к.
 Deléage (Paul).—Trois mois chez les Zoulous et les derniers jours du Prince impérial. In-12 1 p. 80 к.
 Dupuis (J.).—L'ouverture du fleuve Rouge au commerce et les événements du Tong-King. 1872—73. In-4 6 p. 75 к.
 Du Sein (A.).—Voir rubrique III.

- Falloux (le comte de).—Madame Swetchine, sa vie et ses oeuvres. 14-ème édition. Tome 1-er: Vie de m-me Swetchine. Tome 2-me: Oeuvres et meditations. 504+442 p. in-12 avec 1 portrait 2 p. 70 r.
 Goncourt (Edmond).—Voir rubrique XII.
 Le Marchand (G.).—Voir rubrique III.
 Lenormant, François (prof.).—Études accadiennes. Tome 3-ème, livr. 1-ère. 214 p. in-4. 5 p.
 Riza-Quouly-Khan.—Relation de l'ambassade au Kharezme de Riza-Quouly-Khan, traduit du persan par C. Schefer. Grand in-8. 6 p. 75 r.
 Salières (A.).—Voir rubrique I.
 Schefer (Charles).—Voir Riza-Quouly-Khan.
 Weil (Alexandre).—Agathina, ma femme. Les grandes juives de l'histoire. In-12. 2 p. 25 r.

EN LANGUE ALLEMANDE.

- Bernstein (S.).—Voir rubrique VI.
 Duhring (E.).—Voir rubrique V.
 Dux (A.).—Aus Ungarn, literatur- und culturgeschichtliche Studien. Grand in-8 . . . 3 p.
 Heyden, A. (von).—Voir rubrique V.
 Holzendorf, Franz (von).—Voir Sadelleti (G.).
 Honegger (J. J.).—Literatur und Cultur des 19. Jahrhunderts. 2-te Auflage. Grand in-8. 3 p.
 Lecky.—Geschichte Englands im achtzehnten Jahrhundert, uebersetzt aus dem englischen von F. Löwe. In-8. 4 p.
 Löwe (Ferdinand).—Voir Lecky.
 Müller, Wilhelm (Prof. in Tübingen).—Politische Geschichte der Gegenwart. 12-er Band: Das Jahr 1878. 336 p. in-8. 2 p. 50 r.
 Nöldecke (Theodor).—Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. In-8. 6 p.
 Rogge (W.).—Oesterreich seit der Katastrophe Hohenwart-Beust. Zwei Bände. In-8. 7 p. 50 r.
 Roth (F. W. E.).—Geschichte des römischen Königs Adolf I von Nassau, nach urkundlicher Quellenvorschungen bearbeitet. 392 p. grand in-8. 4 p.
 Roscher, W. (Prof., Dr.).—Die Gorgonen und Verwandtes. Grand in-8. 2 p.
 Sadelleti, G. (Prof.).—Lehrbuch der römischen Rechtsgeschichte, übersetzt aus dem italienischen von F. von-Holtzendorf. Grand in-8 6 p.
 Schaefer, Dietrich (Prof., Dr.).—Die Hansestädte und König Waldemar von Dänemark, Hansische Geschichte bis das Jahr 1376. 624 p. grand in-8. 6 p.
 Schöking, Adrian (Dr.).—Türkische Erlebnisse und russische Schicksale. In-8. . . . 2 p.
 Semmler (H.).—Geschichte des Socialismus und Communismus in Nordamerika. In-8. 3 p. 50 r.
 Stromer (Theodor).—Voir rubrique XII.
 Zimmer (Heinrich).—Altindisches Leben, die Cultur der vedischen Arier nach dem „Samhita“ darstellt. 475 p. grand in-8 5 p.

5. GÉOGRAPHIE. — ÉTHNOGRAPHIE. — VOYAGES. — STATISTIQUE.

EN LANGUE FRANÇAISE.

- Cortambert (Richard).—Mœurs et caractères des peuples. (Asie—Amérique—Océanie). Grand in-8 2 p. 25 r.
 Deléage (Paul).—Voir rubrique IV.
 Gaffarel (Paul).—Les colonies françaises. In-8 2 p. 25 r.
 Korcsak-Branicki (Xavier).—Les nationalités slaves. 2-me édition. In-8 1 p. 60 r.
 Riza-Quouly-Khan.—Voir rubrique IV.
 Vivien de Saint-Martin.—Nouveau dictionnaire de géographie universelle. Tome 1-er: A—C. In-4 12 p. 40 r.

EN LANGUE ALLEMANDE.

- Dühning (E.).—Robert Mager, der Galiläi des 19-en Jahrhunderts. In-8. 2 p.
 Flinsch, O. (Dr.).—Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876 unternommen mit Dr. A. E. Brehm und Graf von Waldburg-Zeil. Mit 56 Illustrationen und Karten. Zwei Bände. Grand in-8 10 p.
 Heyden, A. (von).—Blätter für Kostümkunde, historische und Volkstrachten. 7-es Heft. 56 p. grand in-8 avec 53 fig. dans le texte et 11 planches 2 p. 25 r.
 8-es Heft. 36 p. grand in-8 avec 4 fig. dans le texte et 11 planches. 2 p. 25 r.
 Klein und Thomé.—Die Erde und ihr organisches Leben. Illustration in 50 Lieferungen à 25 r. Ensemble 12 p. 50 r.
 Krämmel (O.).—Voir Peschel (O.).
 Peschel (Oscar).—Europäische Staatenkunde, bearbeitet von O. Krämmel. 1-er Band, 1-te Abtheilung. In-8. 3 p. 60 r.
 Schlagintweit (E.).—Indien in Wort und Bild. In circa 35 Lief. à 75 r. In-8. 26 p. 25 r.
 Thielmann, M. (Freiherr von).—Vier Wege durch Amerika. In-8. 15 p.
 Thomé.—Voir Klein.

6. MATHÉMATIQUES. — SCIENCES NATURELLES.

EN LANGUE FRANÇAISE.

- Arloing (S.).—Recherches expérimentales comparatives sur l'action du chloral, du chloroforme et de l'éther. Grand in-8 2 p. 25 к.
 Berthelot.—Essai de mécanique chimique fondée sur la thermo-chimie. Deux volumes. In-8 20 p. 25 к.
 Brodie (B. C.).—Le calcul des opérations chimiques, traduit per Naquet. In-4: 8 p. 40 к.
 Fabre (J. H.).—Souvenirs entomologiques, étude sur l'instinct et les moeurs des insectes. In-12. 1 p. 60 к.
 Joly, N. (prof. à Toulouse).—L'homme avant les métaux. 368 p. in-8 avec 150 fig. . 2 p.
 Rambert (Eugène).—Les oiseaux dans la nature, description pittoresque des oiseaux utiles. 1-ère livr. Grand in-4 2 p. 25 к.

EN LANGUE ALLEMANDE.

- Asterias.—Die Physionomie des Mondes, Versuch einer neuer Deutung im Anschluss an die Arbeiten von Mädler, Nasmyth und Carpenter. 40 p. in-4 et 4 planches 1 p.
 Bernstein (S.).—Natur und Cultur. In-8 2 p. 25 к.
 Büchner, L. (Dr.).—Liebe und Liebesleben in der Thierwelt. In-8 3 p.
 Encyclopädie der Naturwissenschaft von G. Jäger, A. Kenngott, Ladenburg, von-Oppolzer, Schenk, Schlömilch, G. C. von-Wittstein und von-Zech. Erste Abtheilung. 1-te Lief. Handbuch der Botanik. 160 p. grand in-8 1 p. 50 к.
 2-te Lief. Handbuch der Mathematik. 150 p. grand in-8 1 p. 50 к.
 3-te Lief. Handwörterbuch der Zoologie und Anthropologie. 150 p. grand in-8. 1 p. 50 к.
 4-te Lief. Handbuch der Mathematik (Schluss). 144 p. grand in-8 1 p. 50 к.
 Geyer (Philippe).—Der Wald im nationalen Wirtschaftsleben, eine Studie aus deutscher Staats- und Volkswirtschaft. In-8 3 p.
 Hasenolever (R.).—Ueber die Beschädigung der Vegetation durch saure Gase. In-8. 1 p. 50 к.
 Jäger, G. (Prof., Dr.).—Voir Encyclopädie der Naturwissenschaft.
 Kenngott, A. (Prof., Dr.).—Voir Encyclopädie der Naturwissenschaft.
 Ladenburg (Prof., Dr.).—Voir Encyclopädie der Naturwissenschaft.
 Meyer, A. (Prof., Dr.).—Vorlesungen über Wahrscheinlichkeitsrechnung. Grand in-8. 4 p. 50 к.
 Meyer, M. (Dr.).—Kosmographisches Skizzenbuch: die Forscher unserer Zeit über die Einrichtung des Weltgebüdes. Grand in-8 3 p.
 Niesen, F. (Prof., Dr.).—Voir Rayleigh (I. W.).
 Oppolzer, von (Prof., Dr.).—Voir Encyclopädie der Naturwissenschaft.
 Rauber, A. (Prof.).—Ueber den Ursprung der Milch und die Ernährung der Frucht. Mit 2 Tafeln. Grand in-8 1 p. 20 к.
 Rayleigh, I. W. (Baron).—Die Theorie des Schalles, übersetzt aus dem englischen von F. Niesen. I-er Band. Grand in-8. 4 p.
 Reich, Eduard (Dr.).—Die Fortpflanzung und Vermehrung des Menschen aus dems Gesichtspunkte der Physiologie und Bevölkerungslehre. Grand in-8. 6 p.
 Schenk (Prof., Dr.).—Voir Encyclopädie der Naturwissenschaft
 Schlömilch (Prof., Dr.).—Voir Encyclopädie der Naturwissenschaft.
 Schubert, H. (Dr.).—Kalkül der abzählenden Geometrie. Grand in-8 5 p.
 Taschenberg (Prof., Dd.).—Praktische Insektenkunde. Zwei Theile. In-8 5 p.
 Wittstein, G. C., von (Prof., Dr.).—Voir Encyclopädie der Naturwissenschaft.
 Zech, von (Prof., Dr.).—Voir Encyclopädie der Naturwissenschaft.

7. MÉDECINE. — HYGIÈNE.

EN LANGUE FRANÇAISE.

- Arnosan (dr.).—Etude expérimentale sur les actes mécaniques du vomissement. In-8. 1 p. 35 к.
 Angagneur (dr.).—Etude sur la syphilis héréditaire tardive. In-8. 1 p. 15 к.
 Bonniot.—Le miracle et les sciences médicales. Hallucination, apparitions, extase, fausse extase. In-12 1 p. 60 к.
 Buroeret (dr.).—Voir Vulpian (A.).
 Chaignot, Henri (dr.).—Etude sur l'exploration et la sensibilité de l'ovaire. In-8. 1 p. 15 к.
 Charcot, J. M. (dr.).—Voir Ferrier (David).
 Duboué (dr.).—De la physiologie pathologique et du traitement rationnel de la rage. In-8. 2 p. 25 к.
 Du Pré, G. (dr.).—Ea chirurgie et le pansemens antiseptique en Allemagne et en Angleterre. In-8. 2 p. 25 к.

- Ferrier, David** (prof.).—De la localisation des maladies cérébrales, traduit de l'anglais par H. de Varigny. Suivi d'un mémoire de J. M. Charcot et A. Pitres. 344 p. in-8 avec 67 fig. dans le texte. 1880. 2 p.
- Gille (F.)**.—Le traitement des malades à domicile et son histoire. In-8. 2 p. 70 k.
- Jaccoud, S.** (prof. à Paris).—Nouveaux dictionnaire de médecine et de chirurgie pratique 27-me vol.: Pessaire — Pied. 916 p. grand in-8 avec 87 fig. et 2 planches. . . 3 p. 30 k.
- Lapierre, A.** (dr.).—Sur le diabète maigre dans ses rapports avec les altérations du pancréas. In-8. 1 p. 15 k.
- Mahé, J.** (dr.).—Programme de séméiotique et d'étiologie pour l'étude des maladies des pays chauds. In-8. 3 p. 15 k.
- Pitres, A.** (dr.).—Voir Ferrier (David).
- Tholosan (J. D.)**.—Les trois dernières épidémies de peste du Caucase. In-8. 90 k.
- Toussaint, H.** (dr.). — Recherches expérimentales sur la maladie charbonneuse. Grand in-8. 1 p. 80 k.
- Varigny, Henri** (le comte de).—Voir Ferrier (David).
- Vulpian, A.** (acad.).—Maladies du système nerveux, leçons à la faculté de médecine, recueillies et publiées par Bourceret. 1-ère serie: Maladie de la moelle. 548 p. grand in-8. 4 p. 70 k.

EN LANGUES ALLEMANDE.

- Bollinger** (Prof., Dr.).—Ueber animale Vaccination. Grand in-8. 2 p.
- Fetzer, B.** (Dr.).—Ueber den Einfluss des Militairdienstes anf die Körperentwicklung. 2 p.
- Frühau, H.** (Dr.).—Diagnostik der inneren Krankheiten mit der Berücksichtigung der microscopischen und chemischen Analyse der Se- und Excrete. Mit 24 Abbildungen. Grand in-8. 2 p. 50 k.
- Hermann** (Prof., Dr.).—Handbuch der Physiologie. 2-er Band, 1-er Theil. Grand in-8. 3 p. 25 k.
- Hermann** (Prof., Dr.).—Der Einfluss der Descendenzlehre auf die Physiologie. Grand in-8. 80 k.
- Horoh** (H.).—Das Verbrechen der Abtreibung. Grand in-8. 1 p.
- Koelliker** (A.).—Embryologische Mittheilungen, mit 2 Tafeln. Grand in-4. 90 k.
- Krafft-Ebing** (Dir., Prof., Dr.).—Lehrbuch der Psychiatrie. Zwei Bände. Grand in-8. 5 p. 50k.
- Krieger** (Dr.).—Aetiologische Studien ueber die Disposition zu Catarrh, Croup und Diphtheritis der Luftwege. In-8. 5 p.
- Marty, A.** (Prof., Dr.).—Die Frage nach der geschichtlichen Entwicklung des Farbensinnes. Grand in-8. 1 p. 80 k.
- Nothnagel, H.** (Prof., Dr.).—Topische Diagnostik der Gehirnkrankheiten. Grand in-8. 7 p.
- Pansch, A.** (Prof.).—Beiträge zur Morphologie des Grosshirns der Säugethiere, mit 2 Tafeln. Grand in-8. 1 p. 50 k.
- Toldt, C.** (Prof.).—Bau- und Wachsthumveränderungen der Gekröse des menschlichen Darmkanales, mit 2 Tafeln. Grand in-4. 2 p.
- Virohow** (Rudolf).—Gesammelte Abhandlungen aus dem Gebiete der öffentlichen Medicin und der Seuchenlehre. Zwei Bände. 632+658 p. grand in-8 mit 4 Tafeln. 15 p.

8. AGRICULTURE. — TECHNOLOGIE. — INDUSTRIE.

EN LANGUE FRANÇAISE.

- Davanne** (A.).—La photographie, ses origines et ses applications. In-8. 60 k.
- Depierre** (Joseph).—La chimie industrielle à l'Exposition Universelle de 1878. In-8. 5 p. 65 k.
- Duseigneur-Kleber**.—Le cocon de soie, avec 36 planches. Grand in-8. 18 p.
- Gros de Perrodil**. — Mécanique appliquées. Resistances des voutes et arcs métalliques employés dans la construction des ponts. In-8. 3 p. 40 k.
- Nettler, A.** (dr.).—De l'intuition dans les découvertes et inventions. Grand in-8. 1 p. 30 k.
- Nölting**.—Voir Reverdin.
- Reverdin et Nölting**.—Les progrès de l'industrie chimique à l'Exposition Universelle de Paris en 1878. In-8. 90 k.
- Vidal** (Léon).—Annales de la photographie. Traité pratique de phototypie ou impression à l'encre grasse sur une couche de gelatine. In-12. 3 p. 60 k.

EN LANGUE ALLEMANDE.

- Diek, A.** (Baurath).—Die naturwidrige Wasserwirtschaft der Neuzeit, ihre Gefahren und Nachteile, ein Mahnruf. 598 p. grand in-8 et 1 planches. 5 p.
- Fischer, P. G.** (Dr.).—Post und Telegraphie im Weltverkehr, eine Skizze. 166 p. grand in-8. 1 p.
- Fritz** (H.).—Handbuch der landwirthschaftlichen Maschinen. In-8. 7 p. 50 k.
- Kerl** (B.).—Probirbuch, Anleitung zur docimast. Untersuchung von Erzen, Hutten und anderen Kunstprodukten auf trockenem und nassem Wege. In-8. 2 p. 50 k.
- Kerpely** (A.).—Eisen und Stahl auf der Weltausstellung in Paris im Jahre 1878. In-4. 8 p.

- Ledebur (A.).—Das Roheisen mit besonderer Berücksichtigung seiner Verwendung für die Eisengiesserei. 2-te Auflage. In-8. 2 p.
 Rauber. A. (Prof.).—Voir rubrique VI.
 Schubert, F. C. (Dr.).—Landwirtschaftlicher Wasserbau, mit 164 Holzschnitten. Grand in-8. 3 p.
 Steinmann (F.).—Bericht über die neuesten Fortschritte auf dem Gebiete der Gasfeuerungen. In-8. 1 p. 50 κ.
 Thiem (A.).—Das Wasserwerk der Stadt Nürnberg. Grand in-4 12 p.

9. LINGUISTIQUE.

EN LANGUE ALLEMANDE.

- Bechtel (Fritz).—Ueber die Bezeichnungen der sinnlichen Wahrnehmungen in den indogermanischen Sprachen. 188 p. in-8. 2 p. 50 κ.
 Budenz (Joseph).—Ueber die Verzweigung der ugrischen Sprachen. 68 p. grand in-8. 1 p.
 Dux (A.).—Voir rubrique IV.
 Hommel (Fritz).—Die Namen der Säugethiere bei den süd-semitischen Völkern. 498 p. in-8. 20 p.
 Honegger (J. J.).—Voir rubrique IV.
 Prel, Carl, du (Dr.).—Psychologie der Lyrik, Beiträge zur Analyse der dichterischen Phantasie. 172 p. in-8. 1880 2 p.
 Roscher, W. (Prof., Dr.).—Voir rubrique IV.
 Wollner (W.).—Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen. Grand in-8. . 2 p.

II. ROMANS. — POESIES. — THÉÂTRE.

EN LANGUE FRANÇAISE.

- Aimard (Gustave).—Les coupeurs de route. Deux volumes. In-12 2 p. 70 κ.
 Belot (Adolphe).—La Venus noire, voyage dans l'Afrique centrale. Edition illustrée. 1-ère partie. In-4 1 p. 80 κ.
 Bentson (Theodor).—Récits de tous les pays 1-ère serie. In-12 1 p. 60 κ.
 Billaudel (Ernest).—La maison Malingre. In-12 1 p. 35 κ.
 Daudet (Ernest).—Les aventures de Jeanne In-12 1 p. 35 κ.
 Daudet (Alphonse).—Les rois en exil, roman parisien. In-12 1 p. 35 κ.
 Develay (Victor).—Voir Pétrarque.
 Du Boisgobey (E.).—Le crime de l'Opera. Deux volumes. In-12 3 p. 15 κ.
 Falloux (le comte de).—Voir rubrique IV.
 Gautier, Judith (m-me).—Les cruautés de l'amour. In-12 1 p. 95 κ.
 Gérard, Louise (m-me).—Antoine Forrestier. In-12 1 p. 60 κ.
 Henry (Théodore).—La duchesse Hélène. In-12 1 p. 35 κ.
 Houssaye (Arsène).—La comédie française. 1-er livr., „Sarah Bernhard“ Grand in-8. 1 p. 15 κ.
 (Sera publiée au 82 livraisons 36 p. 80 κ.).
 Hugo (Victor).—Les chansons des rues et des bois. In-12 1 p. 60 κ.
 Huysmans (J. K.).—Marthe, histoire d'une fille. In-12 1 p. 35 κ.
 Julien (Félix).—Papes et sultans. In-12 1 p. 60 κ.
 Karr (Alphonse).—Le livre de bord. Deux volumes. In-12 3 p. 15 κ.
 Le Verdier (Henri).—Voir Sirven (A.).
 Mérrouvel (Charles).—Le péché de la générale, moeurs contemporaines. In-12 . 1 p. 35 κ.
 Molière (J. B. P.).—Les femmes savantes. Edition originale, réimpression textuelle par les soins de Louis Lacour. In-18 3 p. 40 κ.
 Montépin, Xavier (de).—Le châles de lilas, histoire d'amour. Deux volumes. In-12 . 2 p. 70 κ.
 Montépin, Xavier (de).—Le parc aux biches. Deux volumes. In-12 2 p. 70 κ.
 Paschal (César).—La fiancée du proscrit, roman historique. Deux volumes. In-12. 3 p. 15 κ.
 Pétrarque.—Mon secret ou du couflit de mes passions. Traduit de l'italien pour la première fois par V. Develay. Trois volumes. In-32 4 p.
 Ponson du Terrail.—Le serment des hommes rouges, aventures d'un enfant de Paris. Deux volumes. In 12 1 p. 15 κ.
 Rychard (O'Monroy).—Les femmes des autres. In-12 1 p. 60 κ.
 Roux (Marius).—La poche des autres. In-12 1 p. 35 κ.
 Rude (Maxime).—Une victime du couvent. In-12 1 p. 60 κ.
 Saunière (Paul).—Le Roi misère. Deux volumes. In-16 90 κ.
 Sirven (Alfred) et Le-Verdi r (H.).—Le jesuite rouge, roman contemporain. In. 12. 1 p. 60 κ.
 Théry (Edmond).—Sous l'uniforme. In-12 1 p. 60 κ.
 Verne (Jules).—Les cinq cents millions de la Bégum, suivi de „Les Révoltés de la Bounty“ In-12 1 p. 35 κ.
 Veron (Pierre).—Ohé! Vitrier! In-12 1 p. 35 κ.
 Vincent (Jacques).—Le retour de la princesse. In-12 1 p. 60 κ.

EN LANGUE ALLEMANDE.

- Brachvogel (A.).—Eldorado, roman. Zwei Bände. In-8 4 p. 50 к.
 Galen (Philipp).—Die Perle von der Oie, Roman. Vier Bände. In-8 10 p.
 Haackländer (F. W.).—Das Soldatenleben im Frieden. Illustrationen von Rumpf. In-8. 1 p. 50 к.
 Helwigk.—Im Nihilistenstaate Neu-Sodom oder Historia von der schönen Dinah, eine überaus tendenziöse Humoreske an Tag gegeben in Paris anno 3000 p. Chr. n. 56 p. in-12. 50 к.
 Heysse (Paul).—Verse aus Italien. In-8 3 p.
 Raabe (W.).—Deutscher Adel, eine Erzählung. In-8 1 p. 80 к.
 Sturm (Julius).—Immergrün, neue Lieder mit Illustrationen, von P. Thumann. In-8. 5 p.
 Winterfeld (A.).—Zwei Erbfeinde, komischer Roman. Vier Bände. In-8 8 p.

12. BEAUX-ARTS.

EN LANGUES FRANÇAISE.

- Art (l') contemporain: Peintres et Sculpteurs. Livr. 1 à 10. In folio à 75 к. 7 p. 50 к.
 Froehner (W.).—La Verrerie antique. Description de la collection Charvet, avec 36 planches. In folio 100 p.
 Goncourt (Edmond) et Goncourt (Jules).—Gavarni, l'homme et l'oeuvre. In-12. 1 p. 60 к.
 Parets (Marquis de).—Italie monumentale, collection des édifices les plus remarquables de Rome ancienne et de Milan. Tome 1-er. In folio 78 p. 75 к.
 Violet-le-Duc (E. E.).—De la décoration appliquée aux édifices. Grand in-4. 3 p. 60 к.

EN LANGUE ALLEMANDE.

- Chammissso, A. (von).—Frauenliebe und Leben. Illustrationen von P. Thuman. In-4. 10 p.
 Furtwaengler und Loeschke.—Mykenische Tongefässe Festschrift. In folio 20 p.
 Hettner (H.).—Italienische Studien, zur Geschichte der Renaissance, mit 17 Tafeln. Grand in-8 4 p. 50 к.
 Höppner (J.).—Von heimathlicher Flur, ein Blumenstrauss in Aquarellen, Ein Prachtband. In-4 20 p.
 Loeschke.—Voir Furtwaengler.
 Stromer (Theodor).—Murillo's Leben und Werke. In-12 1 p. 15 к.

1880

ЕЖЕГОДНИКЪ

1880

ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНІЙ РОССІИ.

ПОЛНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

журналовъ и газетъ выходящихъ въ Россійской Имперіи
НА ВСѢХЪ ЯЗЫКАХЪ.

Названіе полнаго заглавія изданій,
форматъ, число нумеровъ, годъ существованія,
имена редакторовъ и издателей, адреса редакцій,
цѣны отдѣльныхъ нумеровъ, цѣны подписки
безъ доставки, съ доставкою,
съ пересылкою въ Россіи
и за границей
на всѣ сроки,
цѣны объя-
вленій.

Болѣе 500 періодическихъ изданій Россіи

съ приложеніемъ полнаго Систематическаго Указателя.

Grand in-8 (форматъ „Рос. Библ.“). Цѣна 40 к., съ перес. 50 к.

Редакторъ-Издатель: ЭМИЛЬ ГАРТЬЕ.

Дозв. цензуроп. Сиб. 9 ноября 1879.

Типографія А. Траншеля, Стрем., № 12.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О ВЪ ИЗДАНІИ

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ

ВЪ 1880 ГОДУ.

«Педагогическій Музей», въ предѣлахъ своей прежней программы, преслѣдуя задачи независимой педагогической критики, съ 1879 года озаботился развитіемъ отдѣловъ: журнала на нижеоцѣдующихъ основаніяхъ:

Въ отдѣлѣ руководящихъ статей редація, исходя изъ указаній практики нашего образованія, старается своевременно отзываться на всѣ вопросы, выдвигаемые жизнью нашей школы; по мѣрѣ возможности, обобщать жизненные явленія нашего воспитанія и, заявляя о требованіяхъ учебно-воспитательнаго дѣла въ Россіи, указывать на средства къ ихъ удовлетворенію.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ «Педагогическомъ Музей» 1879 года, къ этому отдѣлу относятся: *М. Ф. Владимірскаго-Буданова, Народное образованіе въ Кіевскомъ учебномъ округѣ.*—*А. И. Анастасева, О средствахъ акклиматизаціи у насъ «новой» школы.*—*И. М. Цыткова, Обученіе писанью въ «новой» школѣ.*—*Утомленіе дѣтей умственной работою.*—*Извнаниѣ мнѣнны изъ учительскихъ семинарій.*—*М. И. Семейскаго, Памяти Федора Федоровича Эвальда.*—*Насущные вопросы нашей школы.*—

Необходимое дополненіе того же отдѣла составляетъ критика наиболѣе крупныхъ явленій русской и иностранной педагогической литературы, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ практическимъ нуждамъ отечественнаго образованія. Такимъ образомъ редація намѣрена соединить литературную разработку школьныхъ вопросовъ съ требованіями нашей учебной практики, совершенно оставляя въ сторонѣ абстрактныя начала, какой бы широтой и законченностью ни отличались они.

Въ этому отдѣлу относятся слѣдующія статьи: Основы нашей образовательной школы.—Гдѣ же истинный храмъ чистоты? (Физическій трудъ, какъ элементъ образования).—В. П. Кожовскаго, Современная школа во Франціи.—Его же, О кантональныхъ музеяхъ во Франціи.—Его же, Педагогическій отдѣлъ Японіи на парижской выставкѣ.—О. Н. Шмидтъ, Къ вопросу о профессиональномъ образованіи женщинъ.—Нравственныя домашняго воспитанія.—О компетентности врачей-инженеровъ въ учебномъ дѣлѣ.—Экспуриация книгъ для чтенія.

Выдвигая же на первый планъ факты, касающіеся нуждъ школы и ея дѣятелей, редакция, глубоко убѣжденная, что только въ этихъ фактахъ можно искать указаній на тѣ реальныя идеалы, которые предписываются дѣйствительною жизнью, а не навязываются школѣ извнѣ, расширила отдѣлъ хроники и потому, независимо отъ привлеченныхъ уже къ этому отдѣлу постоянныхъ силъ, она обращается ко всѣмъ сочувствующимъ Педагогическому Музею, ко всѣмъ близко стоящимъ въ дѣлу образованія въ различныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, съ просьбой доставлять заявленія о нуждахъ мѣстной школы, въ какихъ бы скромныхъ размѣрахъ ни представлялись послѣднія.

Изъ корреспонденцій въ составъ этого отдѣла вошли: изъ *Бавани*, Обучение чтенію въ Провансѣ.—Изъ *Одессы*, Программы для экзаменующихся на званіе учителя въ Одесскомъ округѣ.—Изъ *Кіева*, Народное образованіе въ Кіевѣ.—Изъ *Портьчъ*, Портьчкая учительская семинарія.

Педагогическая хроника: Помѣщены между прочимъ замѣтки по вопросамъ: Объ улучшеніи народно-учительскаго персонала.—Помощь народнымъ школамъ.—Народная аудитория.—Курсы для взрослыхъ.—Воскресно-ремесленные училища.—Статистика самоубійствъ въ дѣтствѣ и юности.—Официальная статистика уволенныхъ и исключенныхъ.—Исправительный и ремесленный пріюты для дѣтей.—Высшіе женскіе курсы въ Одессѣ.—Железнодорожныя училища.—Люблинскія школы.—Педагогическія розы и умственное изнеможеніе учащихся.—Правила для учащихся.—Дѣятельность петербургскаго университета.—Данная о физическомъ воспитаніи населенія.—Объ одобренныхъ учебникахъ.—О помощи воспитанникамъ духовно-учебныхъ заведеній.—Правила о поведеніи учениковъ гимназій.—Отъ насъ, но не нами.—Измѣненіе программы классическаго образованія во Франціи.—Подписаніе высшихъ женскихъ курсовъ министерству нар. просвѣщенія.—Высшее строительно-техническое образованіе въ Россіи.—Преподаваніе географіи въ Цюрихѣ.—Политарповщина (въ исторіи духовной иезуизма на Руси).—Высшіе женскіе курсы въ Кіевѣ въ 1878—1879 учебномъ году.—Два циркуляра.—Кондиціанты.—Елисаветградское реальное училище.—Женская учительская школа въ Твери.—Затрудненія въ дѣлѣ образованія юношества.—Устраненіе родителей отъ школы и пр.

Въ составъ отдѣла «Свѣдѣнія о народномъ образованіи» вошли: О народномъ образованіи въ возсоединенной части Бессарабіи, въ освобожденной части Болгаріи, въ Петербургской, Харьковской, Тверской, Херсонской, Новородской, Тамбовской, Псковской, Орловской, Костромской и Тульской губерніяхъ; въ Петровскомъ, Одоевскомъ, Шуйскомъ, Павловскомъ, Усманскомъ, Лукояновскомъ, Полновскомъ, Очерскомъ и Мариупольскомъ уѣздахъ и въ Енисейскомъ округѣ.— Народныя школы и школьное воспитательнаго дома, въ Приицезинскомъ краѣ, въ Босніи.— Учебное дѣло въ Кавказскомъ и Закавказскомъ краѣ.— Попытки дѣлу народнаго образованія.— Попытка регламентаціи его.— Дѣятельность Полтавскаго и Херсонскаго земства по народному образованію.— Грамотность въ Курской губерніи.— Школы Оренбургскаго казачья войска.— Народное образованіе въ Северо-Американскихъ Соединенныхъ штатахъ, въ Англій и во Франціи и пр.

Въ Библиографическомъ отдѣлѣ «Педагогическій Музей» слѣдитъ непрерывно изъ мѣсяца въ мѣсяцъ за всѣми явленіями нашей и иностранной педагогической литературы. Для обезпеченія же своевременности отчетовъ объ иностранныхъ сочиненіяхъ, получаемыхъ въ Россіи, редація вошла въ соглашеніе съ извѣстнѣйшими въ Петербургѣ книгопродавческими фирмами. Такимъ образомъ читателямъ Педагогическаго Музея дана возможность постоянно быть au courant вѣсѣхъ новостей по вопросамъ образованія, которымъ въ истекшемъ году было посвящено до сто сорока рецензій.

Въ Обзоръ периодическихъ изданій вошли: Изданія Общества Любителей древней письменности.— Педагогическій Листокъ.— Природа и Люди.— Сельская беседа.— Pädagogisches Jahrbuch.— Въ защиту славянской азбуки.— Родина. Мнѣнія и отзывы: По поводу отчетовъ и. Сентъ-Иллера и кн. Кантакузина о педагогическомъ отдѣлѣ Парижской выставки.— Отчеты и. Суворову и Сентъ-Иллера.— О передвижныхъ школахъ.— Объ обязательномъ обученіи.— Образчики педагогическаго перевода.— Неблагоустроенные училища.—

Вниманію завискихъ устр.: Мичурова, Объ устройствѣ народныхъ училищъ.— Программа свѣдѣній, необходимыхъ для постройки народныхъ школъ.— Проектъ улучшенія сельскихъ школъ.—

Сверхъ того, въ каждомъ выпускѣ «Педагогическаго Музея» помѣщаются «Разныя извѣстія», въ составъ которыхъ входятъ необобщимые, отдѣльные факты, разнаго рода заявленія и официальные распоряженія, касающіяся школы, характеристики, биографіи и крупныя явленія въ мірѣ науки и искусствъ, болѣе или менѣе представляющія интересъ для дѣятелей школы. Въ этомъ отдѣлѣ редація не оставляетъ безъ вниманія дѣятельность разнаго рода обществъ, не исключая и ученыхъ, насколько, по крайней мѣрѣ, свѣдѣнія о нихъ даютъ возмож-

ность судить объ уровнѣ научнаго развитія предметовъ обученія.

Въ связи съ этимъ послѣднимъ и библиографическимъ отдѣломъ, который предназначается служить для справокъ по преимуществу, постепенно получаютъ развитие и Приложенія, въ составъ которыхъ входятъ законченные обзоры учебниковъ за извѣстный періодъ времени, исторія разнаго рода школьныхъ вопросовъ въ связи съ ихъ литературою, систематическіе каталоги по педагогикѣ и учебнымъ предметамъ, каталоги дѣтскихъ книгъ и т. п.

КЪ ЧИСЛУ ПРИЛОЖЕНІЙ ЗА 1879 ГОДЪ ОТНОСЯТСЯ:

А. С. Грибоѣдовъ (*биографическій очеркъ*).—И. Я. Герда, *Приемы быстрого перемноженія чиселъ*.—Обзоръ русскихъ стенографическихъ системъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ безъ доставки и пересылки.	5 р. 50 к.
» полгода » » »	3 » 50 »
» годъ съ доставкой и пересылкой.	6 » — »
» полгода » » »	4 » — »

Допускается разсрочка для годовыхъ подписчиковъ на слѣдующихъ условіяхъ: 2 р. при подпискѣ, 2 р. въ концѣ марта и 2 р. 1-го іюля. Народные учителя и народныя школы пользуются уступкой на оба означенные срока въ размѣрѣ 1 рубля.

Подписка принимается для иногородныхъ исключительно: въ С.-Петербургѣ въ редакціи журнала «Педагогическій Музей» — Пантелеймоновская, д. Тупикова, кв. 44.

Городскіе подписчики обращаются въ контору редакціи при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» (Невскій, д. 60).

Желающіе приобрести полныя экземпляры Педагогическаго Музея за прежніе годы обращаются исключительно въ редакцію (С.-Петербургъ, Пантелеймоновская, д. 21—14). Пониженная цѣна за 1876 годъ 2 р. безъ пересылки; за 1877 и 1878 г. по 5 р. каждый; за 1879 годъ—6 р. Для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній всѣ четыре года 15 руб. съ пересылкой и доставкой.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1880 ГОДУ

ГАЗЕТЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГИЕНЫ:

„ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ“.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

„Врачебныя Вѣдомости“ будутъ выходить въ 1880 году безъ предварительной ценауры.

Сообщеніе новостей изъ области медицины и гигиены, извѣстій о событіяхъ въ медицинскомъ мірѣ, о ходѣ санитарнаго, земско-врачебнаго дѣла, разсмотрѣніе и обсужденіе профессиональныхъ и общественныхъ вопросовъ— вотъ, въ главныхъ чертахъ, задачи «Врачебныхъ Вѣдомостей». Прошло уже четыре года, какъ начали выходить «Врачебныя Вѣдомости», восполняя дѣйствительный пробѣлъ спеціальной прессы—отсутствіе такого періодическаго органа, который-бы имѣлъ своими задачами бытовые, корпоративные и общественные вопросы, и неуклонныя стремленія газеты дать мѣсто самостоятельнымъ независимымъ мнѣніямъ, заботы о точности выходовъ газеты и объ удовлетвореніи существенныхъ потребностей врачей, разъединенныхъ на огромномъ пространствѣ, не остались безслѣдны. Наши попытки образовать наконецъ органъ русскихъ врачей встрѣчены сочувственно и внимательно товарищами по наукѣ и профессіи. Это выразилось значительно увеличивающимся количествомъ самостоятельныхъ, научныхъ и бытовыхъ сообщений, большимъ участіемъ врачебныхъ силъ въ разсмотрѣніи многихъ вопросовъ жизни и быта, многими указаніями, направленными къ газетѣ, чѣмъ она пользовалась съ благодарностью въ видахъ дѣла, интереса и пользы читателей. «Врачебныя Вѣдомости» не щадили усилій, чтобы дать читателямъ, въ возможно сжатой формѣ, безъ лишнихъ размазываній, какъ выводы современныхъ научныхъ изслѣдованій, такъ и заключенія, вытекающія изъ явленій жизни, руководясь главнымъ образомъ практичностью первыхъ и полезностью послѣднихъ. На сколько газета успѣла выполнять свои задачи, конечно, судить могутъ сами читатели; но тѣмъ не менѣе она въ правѣ указать, что всегда и во всемъ преслѣдовала принципы свободы профессіи, улучшеніе ея положенія въ смыслѣ улучшенія положенія ея членовъ, ратовала за свободу личности и труда, находитъ для того основы въ наукѣ и точныхъ ея указаніяхъ. Желанія ея и въ этомъ направленіи расширить свои отдѣлы получили наконецъ удовлетвореніе. «Врачебныя Вѣдомости» ввели справочный отдѣлъ о свободныхъ врачебныхъ вакансіяхъ въ земствахъ и пр., сдѣлавшійся вполнѣдствіи источникомъ для помѣщенія объявленій въ другихъ медицинскихъ изданіяхъ. Земскія и др. учрежденія отнеслись къ этому сочувственно и «Врачебныя Вѣдомости» имѣли возможность сообщать своевременно о многихъ мѣстахъ для врачей. Въ виду удобства читателей газета на будущій годъ приняла мѣры къ болѣшему расширенію и этого отдѣла.— Въ 1880 г. «Врачебныя Вѣдомости» будутъ выходить по той же программѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На полгода.	На 3 мѣсяца.
Безъ пересылки	6 р.	4 р.	2 р.
Съ пересылкой и доставкой	8 „	5 „	3 „

Подписка принимается въ Петербургѣ—въ конторѣ редакціи «Врачебныхъ Вѣдомостей», Владимирская, 7, и въ книжныхъ магазинахъ. Гг. вногородные адресуютъ подписку и иные требованія исключительно въ контору редакціи «Врачебныхъ Вѣдомостей».

При конторѣ Редакціи открыты: книжный складъ медицинскихъ изданій, который исполняетъ немедленно всѣ требованія Гг. заказчиковъ, и бюро для подписки на журналы и газеты, какъ русскіе, такъ и иностранные.

Съ 1-го января 1880 года начнетъ выходить безъ предварительной цензуры новая еженедельная газета

«ВРАЧЪ»

подъ редакціей профессора В. А. Манассеина.

Предлагая товарищамъ новое периодическое издание, назначенное специально для врачей, редакція «ВРАЧА» твердо убѣждена, что трудъ ея будетъ нелишній, такъ какъ она посвятитъ всѣ свои силы разрѣшенію слѣдующихъ задачъ: 1) служить вѣрнымъ зеркаломъ *всему*, что составляетъ дѣйствительный прогрессъ въ клинической медицинѣ и гигиенѣ; 2) привлечь къ совѣстной научной работѣ возможно большее число врачей, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, и 3) постоянно подвергать критическому, независимому и непристрастному разбору всѣ явленія, касающіяся образованія, быта и дѣятельности врачей.

Сообразно съ этими цѣлями, программа «ВРАЧА» обнимаетъ собою слѣдующіе отдѣлы:

1) Оригинальныя и переводныя статьи и предварительныя сообщенія по всѣмъ отраслямъ *клинической медицины*. 2) Самостоятельныя и переводныя статьи и предварительныя сообщенія по отдѣламъ *общественной и частной гигиены*. Редакція съ особенною охотою откроетъ свои страницы всѣмъ вопросамъ *по земской, городской, военной, школьной и больничной гигиенѣ*. 3) Статьи, посвященныя *образованію, быту, и общественной дѣятельности врачей*. Безпристрастная, независимая и трезвая критика, избѣгающая всякихъ личностей, но и неупускающая ни на шагъ заботиться о *своихъ интересахъ*—вотъ чѣмъ будетъ руководствоваться Редакція «Врача» въ обсужденіи всѣхъ условий русскаго врачебнаго быта. Но, отнюдь не считая себя непогрѣшимой, Редакція никогда не откажется дать мѣсто всякому добросовѣстному противнику своихъ мнѣній,—конечно, сохраняя за собой полную свободу критики. 4) Статьи *по исторіи медицины*, въ особенности русскою, *биографіи и некрологи* врачей. 5) Критическія и библиографическія замѣтки о главнѣйшихъ иностранныхъ и всѣхъ русскіхъ книгахъ, касающихся программы «Врача». 6) Рефераты о главнѣйшихъ иностранныхъ и по возможности всѣхъ русскіхъ работахъ, касающихся программы «Врача». 7) Критическіе отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ, могущихъ интересовать врачей, а также и о диспутахъ. 8) Слухи, мелкія извѣстія и выборы изъ политическихъ газетъ и правительственныя распоряженія, почему-либо могущія интересовать врачей. 9) Всякаго рода сообщенія, за исключеніемъ объявленій о тайныхъ средствахъ и рекламѣ, исторія не будутъ принимаемы ни въ какомъ случаѣ и ни въ какой формѣ.

Редакція заручилась уже объявленіемъ содѣйствія со стороны слѣдующихъ лицъ: С. Н. Боткина, И. И. Бурцева, А. А. Гена, А. Е. Голубева, М. И. Горюхи, Ю. Ю. Губнера, Н. П. Ивановскаго, М. Я. Капустина, В. М. Кершана, Д. И. Кошлакова, Ф. П. Ландверта, Ф. А. Леша, Э. Ф. Моритца, А. Г. Полотбнова, М. И. Рейха, Н. В. Склифасовскаго, А. И. Тарновскаго, В. М. Тарновскаго, И. Р. Тарханова, М. А. Хомяко, А. Я. Щербакова и Э. Э. Эйхвальда. Сверхъ того, Редакція имѣетъ основаніе рассчитывать на согласіе участвовать во «Врачѣ» еще и многіе другіе лица.

«Врачъ» будетъ выходить каждый четвергь, отъ 1 до 1½ листовъ въ недѣлю (75 листовъ въ годъ). Цѣна за годовое изданіе съ пересылкою 9 рублей, а для петербургскихъ подписчиковъ 8 рублей; за полгода 5 рублей съ пересылкою и 4 р. 50 коп. для петербургскихъ подписчиковъ. Подписка принимается у издателя книгопродавца К. Ф. Риккера (въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Морскихъ, д. № 14).

Статьи (всего лучше въ страховыхъ письмахъ) и вообще все касающееся собственно Редакціи просятъ адресовать на имя редактора по слѣдующему адресу: Вячеславу Алексѣевичу Манассеину въ Петербургѣ, на Выборгской Сторонѣ, по Сибирской улицѣ, д. 57, кв. № 4.

Относительно же подписки, помѣщенія объявленій и вообще всѣхъ хозяйственныхъ вопросовъ просятъ адресоваться на имя издателя Карла Фёдоровича Риккера (по вышеуказанному адресу).

Примѣчаніе: О каждой присланной на имя Редакціи книгѣ будетъ сдѣлано два бесплатныхъ объявленія въ 2-хъ ближайшихъ №№ газеты.

1-го НОЯБРЯ ВЫШЛА XI (НОЯБРЬСВАЯ) КНИЖКА ЖУРНАЛА

„НАРОДНАЯ ШКОЛА“

[ГОДЪ XI].

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Объявленіе «Народной Школы» въ 1880 году. 2) Законодательство. 3) Условія и пріемы объяснительнаго чтенія. Гл. V. В. Зминицкаго. 4) Очеркъ современнаго состоянія заграничной народной школы. Я. Михайловскаго. 5) Школа десятниковъ Императорскаго русскаго техническаго общества. А. Муравлева. 6) Библиографія. 7) Письма къ народнымъ учителямъ о вредныхъ полевыхъ насѣкомыхъ. П. В. Иверсема. 8) Протоколы сб. педагогическаго общества. 9) Педагогическая хроника (О преподаваніи закона Божіа мірянами въ народныхъ школахъ. Некрологи Ф. Ф. Эвальда и С. М. Соловьева, и проч.). А. Пятковскаго. 10) Политическія извѣстія (Образованіе Волгарскаго княжества).

Подписка на текущій и 1880 годъ принимается въ главной конторѣ: Спб., Васильевск. остр., 6-я лин., № 25. Годовая цѣна журнала четыре рубля пятдесятъ копѣекъ съ пересылкою и доставкою. По той же цѣнѣ можно выписывать оставшіеся полные экземпляры за 1878 годъ (новой редакціи).

Редакторы-издатели: В. А. Евтушевскій. А. П. Пятковскій.

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1880 ГОДУ

будеть издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ предыдущія шесть лѣтъ своего существованія, т. е. будетъ заключать въ себѣ отдѣлы церковный, общественный, политическій и библиографическій, и выходитъ три раза въ недѣлю, безъ предвѣстительной цензуры.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, годовымъ подписчикамъ будетъ разослано безплатное приложеніе подъ названіемъ «Календарь для духовенства» на 1880 годъ. Въ составъ его, между прочими необходимыми для духовенства свѣдѣніями, войдутъ: 1, Полный текстъ устава духовныхъ консисторій, со всѣми дополненіями и измѣненіями, какія узаконены въ немъ правительственною властію (въ такомъ видѣ уставъ этотъ появится въ печати въ первый разъ); 2, полный сводъ постановленій о церковномъ причтѣ, составленный покойнымъ Филаретомъ, архіепископомъ черниговскимъ; 3, полный сводъ постановленій Св. Синода, касающихся сѣздовъ духовенства; 4, подробное изложеніе свѣдѣственной части въ духовномъ вѣдомствѣ, съ присоединеніемъ относящихся къ дѣлопроизводству по сему предмету формъ отношеній, повѣстокъ и т. д.; 5, постановленія о благотворительской присягѣ и отчетности, и многія другія.

Въ числѣ статей, которыя дѣются въ виду напечатать въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ» 1880 года, редакціею приобретено обширное изслѣдованіе покойнаго Д. П. Ростиславова «Объ ученномъ монашествѣ». Оно предназначено къ помѣщенію въ газетѣ еще въ текущемъ 1879 году, но, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, отложено до будущаго года. Печатаніе его начнется съ перваго же № № «Церковно-Общественнаго Вѣстника» на 1880-й годъ.

Условія подписки на будущій годъ, съ доставкою и пересылкою, слѣдующія: въ Россіи—на годъ 7 рублей, на полгода 4 рубля; за границей—на годъ 10 рублей.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ, въ Редакціи «Церковно-Общественнаго Вѣстника», на Пескахъ, по Конно-Гвардейской улицѣ, № 59.

Редакторъ-издатель А. Поповицкій.

ВЪ 1880 ГОДУ

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“

(ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ),

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДОМАШНЯГО И ОБЩЕСТВЕННАГО ВОСПИТАНІЯ,

будеть издаваться по той-же программѣ, въ тѣ-же сроки и въ такомъ-же объемѣ, какъ и въ 1879 году.

Полное годовое изданіе журнала состоитъ изъ двадцати двухъ книгъ и сорока номеровъ «Педагогической хроники». Подписная цѣна на полный журналъ съ пересылкой 12 р.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка:

I. Семейное чтеніе (*отдѣлъ для дѣтскаго чтенія*) выходитъ ежемѣсячно, т. е. 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. 10 р.

II. Воспитаніе и обученіе (*отдѣлъ для родителей и воспитателей*) выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ «Педагогической хроники», выходящей въ количествѣ 40 номеровъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. 5 р.

Семейное чтеніе даетъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, рассказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, руководія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Воспитаніе и обученіе съ «Педагогической хроникой» содержатъ въ себѣ: общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библиографію; биографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогическимъ; отдѣлы математическій (самостоятельныя изслѣдованія въ области элементарной математики; разработка тѣхъ или другихъ частей курса учебныхъ заведеній на научно-педагогическихъ основаніяхъ и т. п.). «Педагогическая хроника» даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и за границею и полную библиографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 15-я линія, д. № 8, кв. № 20; или адресуется просто: Въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Семья и Школа» (адресъ Почтамту извѣстенъ),—съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Редакторъ-издатель Е. Краевичъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ, КРИТИЧЕСКІЕ И ПОЛЕМИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ

Николая Барсова, в.-о. профессора Спб. духовной академіи.

(С.-Петербургъ, 1879 г., стр. 539).

Книга содержитъ въ себѣ монографіи и статьи частію историческія (русскіе проповѣдники XVIII в.; Арсеній Маіевичъ, м-тъ ростовскій, и его доношенія; мистицизмъ въ Россіи въ XIX ст.; догматика, мораль, обряды и исторія секты хлыстовъ; въ исторіи церк. законодательства въ Россіи въ ц. Екатерины II; проекты улучшенія быта духовенства и церковныхъ реформъ, четырехъ преосвященныхъ, членовъ Св. Синода; личность Теофана Прокоповича; въ біографіи А. П. Волынскаго), составленныя главнымъ образомъ по неизданнымъ матеріаламъ, частію—духовно-публицистическія, посвященныя выясненію принциповъ православія въ сравненіи съ католичествомъ и протестантствомъ (новый методъ въ богословіи—по поводу богосл. сочиненій Хомякова) и защитѣ интересовъ прав. Церкви и духовенства въ ихъ соотношеніи съ современными стремленіями общества (по вопросу о вѣротерпимости въ Россіи и русскомъ клерикализмѣ; насколько возможно возникновеніе въ Россіи церковно-политическаго вопроса; религиозное состояніе р. общества; по поводу Редстока; типы духовенства въ беллетристикѣ; по поводу разсужденій «От. Зау.» о духовенствѣ; о духовной администраціи и о выходѣ изъ духовнаго званія; современный русскій юдаизмъ; о внѣ-церковныхъ обязанностяхъ духовенства; о преподаваніи закона Божія въ нар. школахъ; за что русскіе любятъ славявъ); частію собственно критическія (пресов. Іоаннъ, какъ проповѣдникъ; наши проповѣдники-публицисты; Бѣлинскій, какъ религиозный мыслитель; книга для народа; о соборѣ-довательномъ богословіи; объ исторіи р. проповѣдничества, и пр.) и педагогическія (о преподаваніи словесности и рус. языка; о подвижныхъ школахъ и учителяхъ изъ солдатъ и пр.).

Въ предисловіи авторъ говоритъ: «Просмотрѣвъ настоящее изданіе, читатель найдетъ, что авторъ въ своихъ статьяхъ, хотя онѣ писались совершенно независимо отъ его занятій по профессіи, хочетъ быть поборникомъ—на сколько компетентнымъ, о томъ пусть судятъ читатели—принциповъ православно-религиознаго міровоззрѣнія, въ его свѣдомъ, конфессіонально-научномъ пониманіи; истолкователемъ—на сколько въ правѣ быть таковымъ частное лицо, каждый вѣрующій—интересовъ и стремленій православной русской Церкви, въ ея охранительно-зидательномъ призваніи, а равно правъ и обязанностей русскаго духовенства въ отношеніи къ русскому обществу и народу,—что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, авторъ думаетъ стоять на дѣйствительномъ уровнѣ современныхъ интеллектуальныхъ потребностей русскаго общества и русскаго народа».

Книга одобрена для бібліотекъ гимназій М.-ва Нар. Просвѣщенія и духовныхъ семинарій. Для выписывающихъ отъ автора (СПБ. Знаменск. ул., д. 39) цѣна 2 р. и съ пересылкой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ
„НОВОСТИ“

НА 1880 ГОДЪ

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ ПОДЪ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЮ).

Подписная цѣна:

	на 1 г.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Съ доставкою въ												
С.-Петербургъ:	8	7 50	7 —	6 50	6 —	5 50	5 4 50	3 80	3	2	1	
Съ пересылкою:	9	8 25	7 50	7 —	6 50	5 75	5 4 50	4 —	3	2	1	

Подписывающіеся съ разу на весь послѣдніе мѣсяцы 1879 г. и на весь 1880 г. платятъ за время: съ 1-го сентября 1879 г. по 1-е января 1881 г., т. е. за 16 мѣсяцевъ, 12 руб.; съ 1-го октября 1879 г. по 1-е января 1881 г., т. е. за 15 мѣсяцевъ — 11 руб. 50 коп.; съ 1-го ноября—всего 10 р. 50 к., и съ 1-го декабря 9 р. 50 к.

Подписывающіеся на весь 1879 г. получаютъ весь нумера съ 1-го января.

Письма и деньги адресуются: въ С.-Петербургъ, въ редакцію газеты «НОВОСТИ» (Гороховая, № 32).

Газета «НОВОСТИ» выходитъ, безъ предварительной цензуры, ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, полными нумерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней.

Редакція строго соблюдаетъ принятое ею съ самаго начала изданія правило—не оставлять ни одного болѣе или менѣе выдающагося явленія или событія безъ своевременной всесторонней оцѣнки и освѣщенія (отдѣлъ «Дневникъ»), не сообщать читателямъ ни одного извѣстія позже другихъ газетъ и не помѣщать въ газетѣ никакихъ статей, не представляющихъ общественно-политическаго интереса для большинства ея читателей. Изъ многочисленныхъ же извѣстій административнаго характера газета отдаетъ предпочтеніе тѣмъ, въ которыхъ заключаются рѣшенія какихъ нибудь крупныхъ общественно-политическихъ вопросовъ или отвѣты на различныя ходатайства мѣстныхъ обществъ, вынужденныхъ часто, для полученія подобныхъ свѣдѣній, прибѣгать къ командировкѣ въ Петербургъ спеціальныхъ уполномоченныхъ или, по меньшей мѣрѣ, къ продолжительной канцелярской процедурѣ переписки. Наконецъ, прочитавшіи внимательно даже одинъ или два нумера газеты можетъ убѣдиться въ томъ, что газета совершенно чужда рутинѣ, господствующей въ старыхъ изданіяхъ; что общій характеръ газеты носитъ на себѣ печать оригинальности, заключающейся именно въ томъ, что ни одинъ, болѣе или менѣе выдающійся изъ ряда обыкновенныхъ, фактъ не оставляетъ безъ освѣщенія; что, при огромномъ числѣ самыхъ разнообразныхъ извѣстій, получаемыхъ редакціей ежедневно отъ своихъ постоянныхъ репортеровъ и корреспондентовъ (рубрики: «Административныя Новости», «Русская Лѣтопись», «Внутренняя Почта» и т. д.), она имѣетъ возможность заимствованія изъ другихъ изданій поднимать самому строгому критическому выбору и приурочивать къ текущимъ, наиболѣе популярнымъ вопросамъ. Такъ, напримѣръ, подъ рубрикою «Русская Печать», редакція не только знакомитъ своихъ читателей со взглядами и сужденіями текущей періодической печати, но старается вырвать освѣщать эти взгляды и сужденія съ научной и общественной точки зрѣнія. Также точно и подъ рубрикою «Свѣтъ и Тѣнь» наиболѣе выдающіяся явленія обще-государственной и мѣстной жизни приводятся не какъ простые факты, а какъ живой практической матеріалъ, почерпнутый изъ всесторонняго житейскаго опыта, регулирующаго нравственный и матеріальный уровень общественныхъ и гражданскихъ отношеній. Наконецъ, справочный отдѣлъ газеты приуроченъ ко всевозможнымъ общественнымъ потребностямъ различныхъ классовъ («Справочный отдѣлъ»).

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ, ОТЪ 2-хъ ДО 4-хъ ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ
ВЪ НОМЕРѢ)

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(ДВУХМѢСЯЧНОЕ—ОТЪ 18 ДО 24-хъ ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ ВЪ КАЖДОЙ
КНИЖКѢ)

будутъ издаваться при С.-Петербургской духовной академіи въ 1880 году на прежнихъ основаніяхъ. Въ обоихъ журналахъ въ теченіе года напечатается болѣе 260 листовъ уборнаго прифта. При «Христианскомъ Чтеніи» въ слѣдующемъ году будетъ продолжаться начатое въ настоящемъ печатаніе

ТОЛКОВАНІЙ НА ВѢТХІЙ ЗАВѢТЪ,

съ особымъ счетомъ страницъ, такъ что къ концу 1880 года составитъ второй выпускъ «Толкованій»—объемомъ болѣе 25 печатныхъ листовъ (во второмъ выпускѣ будетъ окончено «Толкованіе на книгу пророка Іереміа»).

Годовая цѣна за оба журнала и съ «Толкованіями на ВѢТХІЙ ЗАВѢТЪ»—семь руб. съ пересылкою; отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ»—пять руб. за «Христианское чтеніе» съ «Толкованіями»—пять руб. Номера «Церковнаго Вѣстника» по 15 коп.

Въ «Церковномъ Вѣстникѣ» печатаются стороннія объявленія: авторовъ и книготорговцевъ о вновь выходящихъ книгахъ, банновъ о ихъ операціяхъ, магазиновъ и т. д., по опредѣленной и съ будущаго года пониженной таксѣ, именно по 15 коп. (вмѣсто прежнихъ 20 коп.) за строчку петита (въ 5¹/₂ квадратныхъ), если объявленіе печатается въ одномъ номерѣ, и по 10 коп. (вмѣсто прежнихъ 15 коп.), если повторяется въ двухъ и болѣе номерахъ. При «Церковномъ Вѣстникѣ» размѣщаются отдѣльныя объявленія и прейсъ-курранты—по ПЯТИ руб. съ каждой тысячи.

Иногородные надписываютъ свои требованія прямо: въ Редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христианскаго Чтенія» въ С.-Петербургѣ.

Адресъ редакціи, гдѣ принимаются статьи и объявленія для напечатанія: Невскій проспектъ, домъ № 125, кварт. № 2. Редакторъ для личныхъ объясненій съ нимъ принимаетъ по повѣдѣльникамъ отъ 6 до 9 час. вечера и по субботамъ отъ 9 до 12 час. утра.

Адресъ конторы, гдѣ принимается подписка на журналы отъ петербургскихъ подписчиковъ и можно получать отдѣльныя изданія редакціи: Невскій проспектъ, домъ № 190, кв. № 9-й (подлѣ духовной консисторіи).

Кромѣ того можно подписываться въ отдѣленіяхъ конторы: въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ И. Л. Тузова (бывшемъ Кораблева); въ Москвѣ—при книжномъ магазинѣ А. Н. Феранютова.

„ЦЕРКОВН. ВѢСТН.“ И „ХРИСТІАН. ЧТЕНІЕ“

ЗА 1875, 1876, 1877, 1878, И 1879 ГГ.

по пяти рублей за оба журнала за годъ (вмѣсто семи) и по три рубля за годовой экземпляръ каждаго журнала отдѣльно.

Тамъ же можно получать: СОВРАЩЕНІЯ ДРЕВНИХЪ ЛИТУРГІЙ ВЪ ПЕРЕВОДѢ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ—въ пяти выпускахъ; двѣ всѣхъ пяти выпусковъ вмѣстѣ (болѣе 50 печатныхъ листовъ) при рублѣ и съ пересылкою, каждаго отдѣльно—одинъ рубль съ пересылкою.

1-го ноября вышелъ первый выпускъ

„ТОЛКОВАНІЙ НА ВѢТХІЙ ЗАВѢТЪ“

(20 печатныхъ листовъ). Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкою.

XI г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1880 г.

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И
СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

„НИВА“

выходящій еженедѣльно, т. е. 52 номера въ годъ съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ «ПАРИЖСКИЯ МОДЫ» и другими преміями: на 1880 г. двѣ больш. акварели М. ЗИЧИ. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ конторѣ редак. по Больш. Морской № 9.

Подписка цѣна за годовое изданіе «Нивы» съ правомъ на полученіе всѣхъ
бесплатныхъ премій въ теченіи 1880 г.

Всѣ доставки въ С.-Петербургѣ . . .	4 р.		Если доставки въ Москвѣ черезъ Н. Г. Соловьева, А. Ланга и П. Н. Шалошниковъ	5 р.
Съ доставкой въ С.-Петербургѣ . . .	5 р.		Съ доставкой въ Москвѣ и другихъ городахъ и мѣстечкахъ Имперіи . . .	6 р.

Для Гг. служащихъ, какъ въ частныхъ, такъ и въ наземныхъ учрежденіяхъ, допускается расрочка за ручательствомъ Гг. казначеевъ и управляющихъ.

Сочувствіе и довѣріе, которымъ «Нива» пользуется, выразилось въ небываломъ до сего въ русской журналистикѣ количествѣ подписчиковъ. «Нива» имѣла въ 1879 г. 45,000 подписчиковъ. Это совершенно попятно, если припомнить весьма низкую цѣну, массу разнообразнѣйшаго чтенія и богатія преміи; программа расширяется и преміи ежегодно улучшаются въ такой степени, въ какой это возможно только при такомъ состояніи дѣла. Болѣе 2000 гравюръ, рисунковъ и чертежей и при этомъ 2000 столбцовъ текста представляютъ годовой матеріалъ журнала, т. е. болѣе 15 томовъ обыкновеннаго формата книгъ для чтенія цѣною не менѣе 20 рублей.

«Нива» даетъ чтеніе: историческія повѣсти, преимущественно изъ русской исторіи, рассказы, романы, біографіи при портретахъ замѣчательныхъ лицъ, статьи по естествознанію (особенно зоологіи), гигиенѣ (ученія о здоровьѣ) и пр. и пр.

Для будущаго въ «Нивѣ» въ будущемъ 1880 году мы имѣемъ, кромѣ массы художественно исполненныхъ гравюръ, уже цѣлый рядъ капитальныхъ литературныхъ произведеній, какъ-то: Большой романъ изъ современной жизни въ 2 частяхъ «Иуплентое счастье» Н. Морскаго (автора романа «Аристократія Гостиннаго двора»).—«Иванъ да Марья» большая повѣсть извѣстнаго А. А. Потѣхина.—«Атенинъ» большая повѣсть въ 2 ч. В. Маркевича.—«Нара-джигитъ», рассказъ Н. Н. Каразина съ большими рисунками самого автора.—«Королевичъ Владиславъ» и «Зарница», двѣ истор. повѣсти В. Политковскаго,—«Ночь», рассказъ Н. Морскаго,—Четыре рассказа Н. Боева: «Большая волна», «Блуждѣ желѣзной дороги», «Три тысячи», «На крайнемъ Востокѣ».—Какъ премія на будущій 1880 г. мы дадимъ (кромѣ большаго стѣннаго календаря 1880 г.) двѣ превосходныя, исключительно для «Нивы» исполненныя, большія акварели знаменитаго М. Зичи, придворнаго художника Е. И. Веллчества. Содержаніе картинъ взято изъ того же чуднаго фантастическаго «Демона» Лермонтова, къ которому уже не разъ обращалась мысль художника. Наши картины изображаютъ два момента поэмы: 1) Шляска Тамары и 2) Умершая Тамара въ цвѣтахъ, окруженная родными. Достоинства блестящаго таланта М. ЗИЧИ слишкомъ извѣстны. Прелесть лицъ, блескъ красокъ живописныхъ восточныхъ костюмовъ, переданы художникомъ съ его обычнымъ мастерствомъ. Такимъ образомъ «Нива» и въ будущемъ 1880 г. будетъ стараться дать своимъ подписчикамъ оригинальныя произведенія самыхъ талантливыхъ писателей и художниковъ.

Главная контора редакціи журнала «Нива» помѣщается въ Петербургѣ: Большая Морская ул., д. № 9.

Издатель «Нивы» А. Ф. Марковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ:

БУДИЛЬНИКЪ.

Въ 1880 году «Будильникъ» будетъ выходить, на премаихъ основаніяхъ, еженедельно (50 номеровъ въ годъ), тетрадами въ 4-ю долю листа большаго формата (до двухъ и болѣе листовъ въ каждой).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: Обзорніе политической жизни иностранныхъ государствъ въ юмористическихъ очеркахъ, фельетонахъ, разсказахъ, стихотвореніяхъ и карикатурахъ.—Юмористическая летопись современныхъ событий вообще.—Столичная жизнь, провинціальная хроника. Правописательныя корреспонденція изъ провинціи.—Литературная летопись. Журнальные и газетные курьезы. Статьи полемическія.—Театръ и музыка «Домашній театръ Будильника» (пародіи и шаржи).—Повѣсти, разсказы, драматическія сцены, бытовые очерки, стихотворенія.—Новости, слухи, анекдоты, памфлеты, нагайбуры, пародіи, шутки и т. п. Карикатуры.—Рекламы и объявленія. Въ «Будильникѣ» принимаютъ участіе: В. А. Александровъ (Крыловъ), В. П. Буренинъ, П. В. Быковъ, И. А. Башковъ, А. М. Герсонъ, Л. Г. Граве, М. А. Козыревъ, А. В. Кругловъ, Н. А. Лейкинъ, Д. Д. Минаевъ, В. О. Михневичъ, А. Н. Молчановъ, Вл. И. Некировичъ-Данченко, Ф. Д. Неедковъ, Г. А. Нивилевскій, Л. И. Пальминъ, Ф. Н. Плевако, Ф. Ф. Попудогло, А. С. Размадзе, Д. И. Садовниковъ, Н. С. Острумкинъ, И. З. Суриковъ, Л. Н. Тресоловъ, В. А. Черин и друг.

Подписная цѣна:

На годъ:

Съ пересылкою въ города и „Альманахотъ“	8 р. — к.
„ „ „ безъ „Альманаха“	7 „ 50 „
Въ Москвѣ, съ доставкою и „Альманахотъ“	7 „ 50 „
„ „ „ безъ „Альманаха“	7 „ — „
„ „ „ безъ доставки	6 „ — „

На полгода:

Съ пересылкою въ города и „Альманахотъ“	5 р. — к.
„ „ „ безъ „Альманаха“	4 „ 50 „
Въ Москвѣ, съ доставкою и „Альманахотъ“	4 „ 50 „
„ „ „ безъ „Альманаха“	4 „ — „
„ „ „ безъ доставки	3 „ 50 „

«Альманахъ» высылается гг. подписчикамъ вмѣстѣ съ 1-мъ номеромъ журнала. Подписчики 1880-го года получатъ альбомъ, состоящій изъ 12-ти, большаго формата, рисунковъ, исполненныхъ—каждый—въ извѣстномъ красокъ. Рисунки эти будутъ разсылаться подписчикамъ ЕЖЕМѢСЯЧНО, по одному черезъ каждые три номера. Въ концѣ года будетъ разосланъ художественно исполненный, заглавный листъ для альбома независимо отъ обертки журнала.

Альманахъ „Будильника“ на 1880 г.

Содержаніе: I. Обзоръ 1879 года. Предсказанія и прѣдвѣты. II. Календари: 1) астрономическій и метеорологическій, 2) политическій, 3) военный, 4) биржевой, 5) железнодорожный и желѣзнодорожный, 6) думскій, 7) адвокатскій, 8) литературный, журнальный и газетный, 9) театральный (оперный, балетный и драматическій), 10) художественный, 11) медицинскій, 12) подрядческій и 13) политическій. III. Девятнадцать каррикатурныхъ портретовъ русскихъ выдающихся деятелей—изъ календарей 1—12. Приложенія: 1) Три галона на право помѣщенія въ «Будильникѣ», въ 1880 году, трехъ объявленій БЕЗПЛАТНО. 2) Стѣнной календарь на 1880 годъ. 3) Календарь-портмоне на 1880 годъ.

Цѣна «Альманаха» въ отдѣльной продажѣ одинъ рубль, съ пересылкою 1 руб. 20 коп.

Въ «Альманахѣ» будетъ помѣщенъ РЕВУСЪ, за разгадку котораго до 1 марта 1880 года Редакція платитъ 300 рублей.

Редакція «Будильника»: Москва, Тверская, Леонтьевскій переулокъ.

„ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ“

ВЫШШІЙ
„ДѢТСКІЙ САДЪ“

Редакція будетъ продолжать свое изданіе въ 1880 г. въ направленіи, принятомъ ею съ 1876 г. Правильное практическое воспитаніе возможно лишь тогда, когда выяснена теорія. Редакція поставила себѣ задачей, въ отдѣлахъ о развитіи умственнаго и нравственнаго строя ребенка и о предметахъ преподаванія выработать теорію, на которой должно быть основано воспитаніе. Обращая особенное вниманіе на разъясненіе дѣлей воспитанія, редакція даетъ рядъ замѣтокъ изъ воспитательной практики. Подъ практикой редакція понимаетъ не слѣпое подражаніе нѣмецкой педагогикѣ, пустившее такіе глубокіе корни въ нашей школѣ и педагогической литературѣ, но стройное развитіе нравственнаго чувства и умственныхъ способностей.

Въ 1879 г. были помѣщены слѣдующія статьи. Въ педагогическомъ отдѣлѣ: Идеальная сторона воспитанія. Курсъ умственнаго приращенія. Дѣнь. Воспитаніе малыхъ дѣтей. Поучительная христоматія. Необходимое воспитаніе. Неспособныя дѣти. Воспитаніе, какъ наука Бона. Идея дѣтскихъ садовъ Фребеля. Элементарное преподаваніе географіи. Въ дѣтскомъ отдѣлѣ: На городскихъ окраинахъ, стихотвореніе А. Михайлова. Оказаніе про трехъ мужиковъ и бабу-вѣдунью М. Цебриковой. Точило, рассказъ. Бура и жажда въ пустынѣ. Роса. Маршакъ, рассказъ. Ласточка, стихотвореніе И. Сурикова. Жизнь рабочаго люда, изъ Зола. Величаны растительнаго царства и непроходимыя дѣса.

Въ отдѣлѣ критики и библиографіи были даны отзывы о вновь выходящихъ дѣтскихъ и педагогическихъ наукахъ и журналахъ.

Журналъ «Воспитаніе и Обученіе» выходитъ ежемѣсячно, съ приложеніями для дѣтскаго чтенія, въ объемѣ отъ 5—6 листовъ. Къ дѣтскому чтенію прилагаются рисунки. Въ концѣ 1880 года гг. подписчики получаютъ премію книгу для дѣтскаго чтенія «Историческіе рассказы». Цѣна журнала 4 р. 50 к. Съ пересылкой и доставкой 5 р. За пересылку преміи прилагается 25 к.

Подписка принимается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ и въ редакціи: уголъ Греческаго проспекта и 5 ул. д. 21—3, кв. 10, въ С.-Петербургѣ. Редакція ручается за исправность доставки только подписавшимся въ редакціи.

Издатель А. Поповъ. Редакторъ Н. Бѣлозерская.

Въ редакціи продаются:

Дѣтскій садъ за 1876 г. Цѣна 4 р. въ переплетѣ 4 р. 40 к. Воспитаніе и Обученіе за 1877, 1878 и 1879 гг., цѣна 4 р. 50 к.

Сборникъ журнала Дѣтскій Садъ. Т. I для дѣтей старшаго возраста. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 40 к., въ изданіи въ переплетѣ 1 р. 75 к. Томъ II для дѣтей младшаго возраста съ рисунками. Ц. 1 р. 20 к., въ папкѣ 1 р. 35 к., въ переплетѣ 1 р. 70 к.

Оберникъ журнала Воспитаніе и Обученіе. Т. I для старшаго возраста. Ц. 1 р. 35 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 1 р. 85 к. Т. II для дѣтей младшаго возраста съ рисунками. Ц. 1 р. 30 к., въ папкѣ 1 р. 45 к., въ переплетѣ 1 р. 80 к.

Изданія въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ, М. Цебриковой:

Эмиль XIX вѣка, А. Эскираса. 2-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к.

Депутатъ города Парижа, романъ изъ временъ второй французской имперіи. Ц. 2 р.

Медицина и медики, Литтре. Ц. 2 р.

Новая жизнь, романъ Ауэрбаха. Ц. 2 р. 20 к.

Рассказы о полюбившихъ дѣтяхъ, Н. Р. Выпускъ 1-й. Маменьки. Ц. 60 к. Выпускъ 2-й. Самодуры. Ц. 50 к.

Гг. подписчики пользуются или 20% уступки съ цѣны изданія, или, уплачивая сполна цѣну, не платятъ ничего за пересылку. За пересылку 1-го фунта съ упаковкой 25 к. слѣдующіе, смотря по почтовой таксѣ. За пересылку журнала предлагается за 3 ф. Земскія управы и учебныя заведенія, выписывающія значительное количество экземпляровъ, пользуются болѣею уступкой по соглашенію.

О ПОДПИСКѢ НА (II-ой) 1880 ГОДЪ НА
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ РУССКОЙ ПЕЧАТИ
„РОССИЙСКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ“

УКАЗАТЕЛЬ НОВЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНИИ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ, УЧЕНЫХЪ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ,

издаваемыхъ книгопродавцемъ ЭМИЛЕМЪ ГАРТЬЕ, въ С.-Петербургѣ.

«Россійская Библиографія» будетъ выходить въ 1880 году два раза въ мѣсяцъ по прежней программѣ, которая, какъ показалъ опытъ 1879 года, вполне соотвѣтствуетъ цѣли журнала. Нумера «Россійской Библиографіи» будутъ содержать въ себѣ:

а) Указатель новыхъ изданій (разъ въ мѣсяцъ); б) Списки книгъ, вышедшихъ въ Россіи на всѣхъ языкахъ, музыкальныхъ сочиненій, географическихъ картъ, эстамповъ, фотографій, учебныхъ пособій, съ показаніемъ формата, объема, мѣста изданія, имени издателя и цѣны. в) Списки важнѣйшихъ иностранныхъ книгъ, на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. г) Списки книгъ, вышедшихъ изъ разсмотрѣнія ученыхъ комитетовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. д) Списокъ театральныхъ пьесъ, вышедшихъ изъ разсмотрѣнія драматической цензуры.

Указатель періодической печати (разъ въ мѣсяцъ).

Хроника (два раза въ мѣсяцъ). Статьи, посвященные вопросамъ русскаго книжнаго дѣла.—Новости по книжному дѣлу.—Правительственныя распоряженія и сообщенія по дѣламъ печати.—Конкурсы на сочиненія.—Отчеты о свиданіяхъ ученыхъ обществъ.—Биографіи и некрологи.—Корреспонденціи.—Библиографическія листки, съ указаніемъ содержанія важнѣйшихъ новыхъ сочиненій.

Коммерческій отдѣлъ (два раза въ мѣсяцъ). Объявленія Гг. издателей, авторовъ и др. о новыхъ изданіяхъ. ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ: Случайныя продажи и требованія рѣдкихъ или подержанныхъ книгъ, и т. п. Предложенія и требованія личныхъ услугъ.

Годовой каталогъ (безплатное приложеніе).

Въ концѣ года Гг. подписчикамъ будетъ высланъ особый «Алфавитный и предметный ключъ», дающій возможность легко и скоро найти всѣ свидѣнія о требуемыхъ книгахъ и даже выбрать за весь годъ все, что было писано о какомъ нибудь предметѣ, въ отдѣльныхъ книгахъ, въ журналахъ и газетахъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА (II-ой) 1880 ГОДЪ.

На годъ съ доставкою 4 р., съ пересылкою 5 р.—(съ годовымъ каталогомъ).

На 6 м. 2 р., 2 р. 50 к. (безъ годов. каталога).

На 3 м. 1 р., 1 р. 25 к. (безъ годов. каталога).

Цѣна отдѣльныхъ номеровъ 25 к.; съ пересылкою 30 к.

Книжный складъ «РОССИЙСКОЙ БИБЛИОГРАФИИ» (Эмиль Гартъе)

27, Невскій пр. 27 (у Казанскаго моста), въ С.-Петербургѣ.

- 1) Принимаетъ подписку на всѣ журналы и газеты русскіе и иностранныя, по цѣнамъ «Ежегодника періодическихъ изданій въ Россіи», т. е. по цѣнамъ редакцій.
- 2) Высылаетъ по требованію всякія книги, музыкальныя ноты, геогр. карты, учебныя пособія и пр., какъ русскія, такъ и заграничныя изданія.
- 3) Принимаетъ на складъ провинціальныя изданія и пр.

Постоянные покупатели получаютъ безплатно «Ежегодные каталоги» новыхъ русскіхъ и иностранныхъ книгъ Книжнаго Склада «Россійской Библиографіи» (Для другихъ лицъ подписная цѣна за годъ 1 р. с.)

Подписчикамъ „Русской Старины“ предлагается приобрести, по значительно пониженнымъ цѣнамъ, слѣдующія изданія

Ю. Б. ИВЕРСЕНА:

I. Собраніе 165 портретовъ княжескаго семейства Радзивиловъ, съ биографическими очерками; гравюры на мѣди Лейбовича, изданы въ 1758 году въ маломъ количествѣ экземпляровъ, только для членовъ этого семейства, — вновь отпечатаны съ древнихъ мѣдныхъ досокъ Ю. Б. Иверсеномъ, съ принадлежащими къ нимъ предисловіемъ и реестрами, in folio, 1875 г.

Цѣна въ отдѣльной продажѣ сорокъ рублей; для подписчиковъ «Русской Старины» — 30 рублей экземпляръ.

II. Медали на дѣянія императора Петра Великаго, изданы Ю. Б. Иверсеномъ. Спб. 1872 г. съ изображ. 103 петровскихъ медалей, въ 4-ю д.

Цѣна въ отдѣльной продажѣ 5 рублей; для подписчиковъ «Русской Старины» — три рубля экземпляръ.

III. Незамыслима и рѣдкія русскія медали, издан. Ю. Б. Иверсеномъ съ изображеніемъ сорока двухъ медалей и съ текстомъ на 36 страницахъ. Спб. 1874 г.

Цѣна въ отдѣльной продажѣ два рубля; для подписчиковъ «Русской Старины» — 1 рубль.

IV. Словарь медальеровъ и другихъ лицъ, имена которыхъ встрѣчаются на медаляхъ. Составилъ Ю. Иверсенъ. Спб. 1874, 36 страницъ.

Цѣна въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 50 коп.; для подписчиковъ «Русской Старины» — 1 рубль.

Съ требованіями на всѣ эти изданія — имѣющіяся каждое въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, а именно въ 100, либо 50, либо даже 30, — обращаться въ редакцію „Русской Старины“ (Большая Подъяческая, д. № 7), которая передаетъ ихъ, для удовлетворенія, требованія, Ю. Б. Иверсену.

Продается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ книга:

Вл. Михневичъ. **ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ РУССКОЙ ЖИЗНИ.**
Очеркъ исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи. С.-Петербургъ. 1879 г. Цѣна 2 р. 25 к.

церковной печати, принадлежащих той же библиотеке (30 стр.), составляет отдельный отделъ изъ VIII т. лѣтопис. вѣстий Археогр. ком. и сообщаетъ описание книгъ съ 1517—1321 г., снабженное краткими примѣчаніями. Но въ историческомъ отношеніи болѣе важны «Указатель дѣламъ и рукописямъ», относящимся до Сибири и принадлежащимъ Моск. Гл. арх. мнн. ин. дѣлѣ, состав. М. П. Пуцилло (123 стр., ц. 75 к.). Это изданіе предпринято было въ виду предстоящаго 300-лѣтняго юбилея перехода за Уралъ Ермака и начала завоеванія Сибири. Москов. Главный архивъ мнн. ин. дѣлѣ обладаетъ по исторіи Сибири массою матеріаловъ, которые, не смотря на многое напечатанное изъ этой коллекціи, далеко еще не исчерпаны, и въ числѣ ихъ находятся также портреты Миллера и матеріалы, пожертвованные Вантышомъ-Каменскимъ, Малиновскимъ и другими. Опись обнимаетъ матеріалы съ 1517 г. до позднѣйшаго времени, а въ концѣ ея помѣщенъ реестръ картъ и плановъ, относящихся къ Сибири. Можно пожелать, чтобы и другіе архивы и библиотеки, обладающіе матеріалами о Сибири, последовали примѣру М. Гл. арх. ин. дѣлѣ, а этотъ послѣдній постепенно издалъ бы описи и другія своихъ отдѣловъ.

Архивъ Государственнаго Совѣта. С.-Пб. 1878 г. Т. III. Ч. I, 884 стр., и ч. II—1276 стр. Ц. 3 р.

Въ числѣ архивныхъ описей, выпедшихъ въ послѣднее время, описаніе архива Государственнаго Совѣта, по своей полнотѣ и обстоятельности, принадлежитъ къ лучшимъ изданіямъ этого рода. Съ выходомъ настоящаго тома, мы имѣемъ шесть полновѣсныхъ книгъ, посвященныхъ исторіи Государственнаго Совѣта со времени Екатерины II (въ прежнемъ его видѣ) до смерти Александра I, съ небольшимъ пока промежуткомъ за 1796—1801 гг. Вышедшія книги обнимаютъ періодъ 1801—1810 гг., представляя подробное описаніе дѣлъ, разсмотрѣнныхъ въ Совѣтѣ по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, а также заключающихъ въ себѣ матеріалы по исторіи государственныхъ учреждений

и законодательства. Въ концѣ 2-й части помѣщены необходимые указатели.

Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами. Сост. Ф. Мартенсъ. IV, ч. 2. Трактаты съ Австріей 1849—1878 гг. С.-Пб. 1878 г. 603—1178 стр. Ц. 3 р.

Этимъ томомъ заканчивается собраніе трактатовъ, заключенныхъ между Россіей и Австріей. Большая часть актовъ, помѣщенныхъ въ немъ, касается торговыхъ сношеній, телеграфныхъ, желѣзно дорожныхъ и почтовыхъ сообщеній; изъ другихъ актовъ здѣсь помѣщены: декларация 1868 года о запрещеніи употребленія разрывныхъ пуль; конвенція о выдачѣ преступниковъ (1874 г.); документы о раздѣлѣ недвижимыхъ имуществъ и капиталовъ бывшей краковской епархіи (1874 и 1877 гг.).

Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen. Herausgeg. von Wilhelm Oncken. Berlin. 5 u. 7 Abtheil. 1879.

Съ 1878 г., подъ означеннымъ общимъ заглавіемъ, стало выходить въ Берлинѣ собраніе историческихъ сочиненій, посвященныхъ исторіи отдельныхъ странъ и написанныхъ учеными специалистами. Пятый и седьмой выпуски настоящаго изданія заняты исторіей времени Петра Великаго (Peter der Grosse), профессора русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ А. Г. Брикнера; но въ нихъ разсказъ доведенъ только до первыхъ лѣтъ XVIII стол. Будучи близко знакомъ съ русскими матеріалами, которые являются здѣсь на первомъ планѣ, и давно занимаемая русскою исторіей, авторъ представляетъ добросовѣстный сводъ имѣющихся въ нашей литературѣ исследованийъ и матеріаловъ, а потому для имѣющихъ читателей, не всегда черпающихъ свѣдѣнія по русской исторіи изъ прямыхъ источниковъ, настоящая книга будетъ полезна и незаменима. При этомъ, изданіе снабжено прекрасными портретами: Петра В., Барла XII, Леопорта, Гордона, царицы Софій, Екатерины I, царевича Алексея Петровича и его жены, Шарлотты. В. И.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

С 1880 г.

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ гравированнымъ, при каждой книгѣ, портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, **ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старинѣ“, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, при книжномъ магазинѣ Николая Ив. Мамонтова, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—IV. Очерки и монографіи изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—V. Библиографическія замѣтки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы, преданія и анекдоты.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовья и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовныя и сектанскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ и повѣріяхъ русскаго народа.—VIII. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить въ конторѣхъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.

Издат.-редакторъ М. И. Семеновскій.